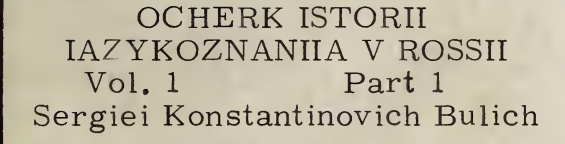
3 1761 06835647 6



OCHERK ISTORII
IAZYKOZNANIIA V ROSSII
Vol. 1 Part 1
Sergiei Konstantinovich Bulich

Published on demand by
UNIVERSITY MICROFILMS
University Microfilms Limited, High Wycomb, England
A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

* * *

С. К. Буличъ.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ ЯЗЫКОЗНАНІЯ
въ
РОССІИ.

Т. I.

(XIII в.—1825 г.).

Съ приложеніемъ, вмѣсто вступленія,

„ВВЕДЕНІЯ ВЪ ИЗУЧЕНІЕ ЯЗЫКА“

Б. Дельбрюка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.
1904.

С. К. Буличъ.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ ЯЗЫКОЗНАНІЯ
въ
РОССІИ.

Т. I.

(XIII в.—1825 г.).

Съ приложеніемъ, вмѣсто вступленія,

„ВВЕДЕНІЯ ВЪ ИЗУЧЕНІЕ ЯЗЫКА“

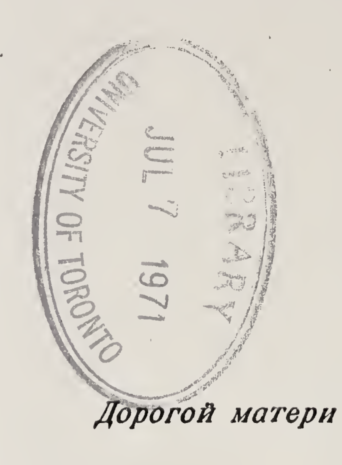
Б. Дельбрюка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.
1904.

Печатается по определенію Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, 26 мая 1904 года.

Деканъ *С. Платоновъ*.

Отд. оттискъ изъ Записокъ Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.



Дорогой матери

и первой своей учительницѣ

авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга имѣетъ свою довольно длинную исторію, обусловившую нѣкоторыя ея особенности. Еще въ 1897 г. нѣсколько студентовъ филологовъ старшихъ семестровъ Петербургскаго университета, большею частью постоянные слушатели пишущаго эти строки, желая прійти на помощь открывшейся около этого времени студенческой столовой общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ спб. университета, задумали перевести и издать прекрасную книгу знаменитаго германскаго языковѣда, проф. Б. Дельбрюка: „Einleitung in das Sprachstudium“. Чистая выручка отъ изданія предназначалась переводчиками въ пользу вышеупомянутаго молодого и нуждавшагося въ поддержкѣ учрежденія.

Съ просьбой редактировать переводъ, инициаторы его обратились къ нижеподписавшемуся, на котораго возложена была также обязанность осуществить изданіе. Достоинства книги, до сихъ поръ еще не переведенной цѣликомъ на русскій языкъ [1]), и симпатичная цѣль предпріятія, разумѣется, могли встрѣтить лишь полное сочувствіе со стороны

---

[1]) Неконченный переводъ второго изданія книги (1884), довольно сильно отличающагося отъ 3-го (1893 г.), съ котораго сдѣланъ настоящій переводъ, печатался въ „Воронежскихъ Филологич. Запискахъ“ 1884 (№ 1 и 3), 1885 (№ 2), 1887 (№ 6) и 1888 (№ 1 и 5) гг.

избраннаго переводчиками редактора, который тогда же заручился согласіемъ, какъ самого автора, такъ и собственниковъ оригинальнаго изданія, гг. Брейткопфа и Гертеля въ Лейпцигѣ.

Самое дѣло перевода, однако, затянулось, и отдѣльныя части его, распредѣленныя между иниціаторами предпріятія, поступали къ редактору очень туго, такъ что и черезъ два года переводъ не былъ еще законченъ. Въ концѣ концовъ, послѣ того, какъ редакторомъ были привлечены къ участію въ переводѣ новые участники изъ числа его слушателей, а одинъ изъ первыхъ инiціаторовъ взялъ на свою долю еще одинъ кусокъ перевода, всетаки двѣ изъ долей, на которыя былъ раздѣленъ оригинальный текстъ изданія, оставались непереведенными. Чтобы довести дѣло до конца, редакторъ взялъ на себя перевести и эти два куска. Такимъ образомъ, въ 1900 году, наконецъ, переводъ былъ приведенъ къ желанному окончанію.

Самый трудъ перевода распредѣляется между участниками его такъ: первый отдѣлъ I главы (стр. 1—16 оригинала и перевода) былъ переведенъ Э. О. Бирманомъ (нынѣ уже покойнымъ) и Г. А. Ильинскимъ; второй отдѣлъ той же главы (стр. 16—26 оригинала и перевода)—Я. И. Эрлихомъ (также уже покойнымъ); глава II (стр. 27—41 оригинала=27—42 перевода)—Э. фонъ-Бергомъ; глава III (стр. 41—56 оригинала=43—58 перевода)—К. Ѳ. Тiандеромъ; IV глава (стр. 57—73 оригинала=58—77 перевода)—опять Г. А. Ильинскимъ; часть V главы до I ея отдѣла „Корни" (стр. 73—85 оригинала=78—90 перевода) — редакторомъ; отдѣлы I и II той же главы (стр. 85—102 оригинала=90—107 перевода)—В. Ѳ. Шишмаревымъ [1]); конецъ этой главы и начало VI (стр. 103—116 и часть 117 оригинала=108—122 перевода до словъ „отказываясь" и т. д., строчка 10 сверху)—Э. Э. Лямбекомъ; дальше до конца главы (стр. 117—130 оригинала=

[1]) При участіи А. М. Шишмаревой, также бывшей слушательницы редактора по С.-Петербургскимъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ.

122—136)—опять редакторомъ, и послѣдняя VII глава—В. А. Бѣлявскимъ. Оглавленіе и указатель (дополненный противъ оригинала) были изготовлены снова редакторомъ.

Такъ какъ со времени появленія 3-го оригинальнаго изданія книги Дельбрюка, легшаго въ основаніе предлагаемаго перевода, до 1900 г. прошло цѣлыхъ семь лѣтъ (1893—1900), то явилась необходимость освѣжить нѣкоторыя библіографическія данныя подлинника, а также сдѣлать нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній, предназначенныхъ для русскихъ читателей. Всѣ подобныя подстрочныя примѣчанія редактора отмѣчены словами *прим. ред.*, а вставки въ текстѣ (очень немногочисленныя) заключены въ угловатыя скобки [ ].

Имѣя въ виду, что книга Дельбрюка представляетъ собой родъ историческаго очерка развитія новѣйшаго европейскаго языкознанія (со временъ Боппа), въ которомъ, разумѣется, исторія русской науки была совершенно обойдена, редакторъ полагалъ не безполезнымъ для русскихъ читателей приложить къ переводу въ видѣ дополненія очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что незадолго передъ этимъ имъ былъ написанъ подобный очеркъ для „Энциклопедическаго Словаря“ Брокгауза и Ефрона, напечатанный (съ большими сокращеніями) въ 55-мъ полутомѣ названнаго изданія (въ 1899 г.). Разумѣется, этотъ очеркъ слѣдовало расширить и дополнить въ извѣстныхъ отношеніяхъ, причемъ, приступивъ къ этой работѣ, авторъ разсчитывалъ окончить ее скоро, совсѣмъ не предполагая, что она впослѣдствіи такъ затянется и приметъ столь обширные размѣры.

Чтобы осуществить затѣянное изданіе, редакторъ обратился къ помощи извѣстнаго издателя и литератора Л. Ѳ. Пантелѣева, зная его дѣятельное сочувствіе, какъ задачамъ общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ спб. университета, такъ и учрежденной названнымъ обществомъ студенческой столовой. Л. Ѳ. съ большой готовностью согласился оплатить издержки предполагавшагося изданія (задуманнаго первоначально въ размѣрѣ 15 печатныхъ листовъ),

чистая выручка съ котораго имѣла поступить на вышеуказанную цѣль. Въ концѣ 1900 г. рукопись была сдана въ печать, и въ теченіе 1901 г. напечатанъ не только самый переводъ, но и семь листовъ приложеннаго къ нему „Очерка исторіи языкознанія въ Россіи". Авторъ этого послѣдняго, продолжая расширять свой первоначальный набросокъ и печатая его по мѣрѣ изготовленія, не могъ, конечно, съ самаго начала совершенно точно представить себѣ тѣ размѣры, которые впослѣдствіи приняла его работа, особенно же послѣдняя ея глава, посвященная исторіи изученія русскаго и славянскихъ языковъ въ теченіе первой четверти XIX вѣка и занимающая около половины всей книги. Разумѣется, если бы книга была вполнѣ готова въ рукописи еще до начала печатанья, авторъ не преминулъ бы разби ее на нѣсколько томовъ, закончивъ, напримѣръ, первый изъ нихъ концомъ XVIII в., а второй—первой четвертью XIX и т. д., но при наличныхъ условіяхъ работы ему волей-неволей пришлось предложить читателямъ нѣкоторымъ образомъ книгу-левіаѳана, возможную еще на нѣмецкомъ книжномъ рынкѣ, но совсѣмъ необычную у насъ... Размѣры, принятые предлагаемымъ первымъ томомъ, заставили также автора пожертвовать до извѣстной степени цѣльностью представленія и отнести къ имѣющему выйти второму тому двѣ дальнѣйшихъ главы, принадлежащихъ въ сущности къ первому (объ изученіи европейскихъ и восточныхъ языковъ въ теченіи первой четверти XIX в.).

Обширные размѣры предлагаемаго труда объясняются не только обиліемъ и сложностью матеріала, но также и тѣмъ, что авторъ считалъ необходимымъ излагать содержаніе тѣхъ или другихъ книгъ, брошюръ и статей, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, приводя изъ нихъ нерѣдко и болѣе характерныя выдержки. Пріемъ этотъ, быть можетъ, встрѣтитъ осужденіе „строгихъ" критиковъ, но авторъ тѣмъ не менѣе считаетъ и будетъ считать его необходимымъ, имѣя въ виду жалкое состояніе нашихъ провинціальныхъ книгохранилищъ, въ томъ числѣ и университетскихъ. Даже луч-

шія столичныя библіотеки наши не всегда имѣютъ полные комплекты тѣхъ или другихъ старыхъ журналовъ и прочихъ періодическихъ изданій, не говоря уже о разныхъ старыхъ учебникахъ, книгахъ и брошюрахъ. Голыя ссылки на страницы, вмѣсто цитатъ, конечно, очень бы уменьшили объемъ книги, но ничего бы не дали нестоличнымъ читателямъ.

Какъ бы то ни было, въ силу вышеизложенныхъ причинъ, центръ тяжести въ задуманномъ смѣшанномъ трудѣ перемѣстился въ сторону приложенія, во много разъ превзошедшаго своимъ объемомъ книжку Дельбрюка, дополненіемъ которой оно имѣло служить. Эта неожиданная метаморфоза принудила редактора опредѣлить отношеніе его собственной работы къ труду знаменитаго германскаго языковѣда обратно тому, какъ это первично предполагалось, т. е сдѣлать его „Введеніе въ изученіе языка“ также и введеніемъ въ исторію русскаго языкознанія.

Нижеподписавшемуся ничего не остается болѣе, какъ извиниться въ этомъ передъ глубокоуважаемымъ ученымъ, занятія и личныя отношенія съ которымъ въ обвѣянной поэтическими воспоминаніями Іенѣ принадлежатъ къ лучшимъ мѣсяцамъ его Lehr- und Wanderjahre. Достоинства труда знаменитаго языковѣда отъ этой перемѣны заглавія, конечно, нисколько не страдаютъ, а пишущій эти строки можетъ только радоваться тому, что его посильная работа въ области исторіи русской науки, по благопріятному стеченію обстоятельствъ, получила такое превосходное введеніе. Онъ счелъ бы себя также весьма счастливымъ, если-бы этотъ своего рода симбіозъ двухъ книгъ подъ одной обложкой снискалъ прекрасному труду проф. Дельбрюка новыхъ друзей среди тѣхъ русскихъ читателей, которые почему-либо еще не были съ нимъ знакомы.

Выше описанное увеличеніе объема книги (вмѣсто предположенныхъ 15 листовъ—78) повлекло за собой участіе въ издержкахъ изданія самого виновника этого расширенія, т. е. нижеподписавшагося, причемъ доля участія Л. Ѳ. Панте-

лѣева осталась въ прежнемъ видѣ (имъ оплачены первые 15 листовъ). На помощь изданію пришелъ и Историко-Филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, принявшій 200 экземпляровъ его (изъ 600) въ свои „Записки" и тѣмъ оказавшій предпріятію весьма существенную матеріальную поддержку.

Вполнѣ естественно, что продолжительность времени, въ теченіе котораго книга писалась и печаталась (три года: 1901—1904), должна была въ извѣстной мѣрѣ отразиться на ея содержаніи. За это время успѣли появиться кое-какіе научные труды, которые могли быть упомянуты въ библіографическихъ примѣчаніяхъ редактора къ „Введенію" Дельбрюка. Кое-что, имѣющее прямое отношеніе къ исторіи русскаго языкознанія, тоже не могло быть использовано авторомъ по той причинѣ, что явилось въ свѣтъ послѣ того, какъ соотвѣтственные отдѣлы его работы уже были отпечатаны (напр., находки проф. В. Н. Перетца: труды магистра Паузе, карельско-русскій словарь начала XVIII в. и т. д.). Найдутся, конечно, и разные другіе недосмотры, пропуски и т. п., частью отмѣченные уже авторомъ (см. стр. 451, прим.). Всѣ подобныя addenda будутъ помѣщены въ дополненіяхъ ко II тому предлагаемаго труда, къ которому будетъ приложенъ и общій указатель для обоихъ томовъ. Отсутствіе такого указателя въ первомъ томѣ авторъ думалъ возмѣстить подробнымъ оглавленіемъ, которое даетъ также и болѣе дробное раздѣленіе содержанія на отдѣльныя рубрики, не проведенное въ самой книгѣ, отчасти по вышеизложеннымъ уже условіямъ работы.

Самое отношеніе автора къ его темѣ успѣло измѣниться за столь продолжительное время. Первоначально онъ намѣревался дать лишь сжатый рефератъ того, что было уже изслѣдовано и установлено другими работниками въ этой области. Такой, именно, характеръ и носятъ первыя главы его труда. Но очень скоро автору пришлось убѣдиться въ необходимости расширить первоначальныя довольно узкія рамки, поставленныя самому себѣ, и ввести въ нихъ много

новаго, никѣмъ еще нетронутаго матеріала, частью печатнаго, частью рукописнаго.

Потерпѣла нѣкоторое видоизмѣненіе за это время и благотворительная цѣль изданія, вслѣдствіе закрытія студенческой столовой и перехода ея имущества въ собственность казны. Инициаторы предпріятія, въ виду этого обстоятельства, согласились между собою обратить чистую выручку отъ книги на усиленіе капитала имени покойнаго О. Ѳ. Миллера, легшаго въ свое время въ основаніе средствъ столовой (носившей поэтому названное, незабвенное въ лѣтописи С.-Петербургскаго университета имя).

Въ заключеніе нижеподписавшійся вмѣняетъ себѣ въ пріятную обязанность высказать свою живѣйшую благодарность товарищамъ ученымъ и библіотекарямъ: И. А. Бычкову, акад. К. Г. Залеману, акад. П. К. Коковцову, В. Н. Ламбину, проф. Н. Я. Марру, Л. З. Мсеріанцу, акад. б. В. Р. Розену, П. К. Симони, В. И. Срезневскому и акад. А. А. Шахматову, облегчавшимъ его работу своими дружескими совѣтами, компетентными указаніями и любезнымъ содѣйствіемъ каждаго въ своей сферѣ дѣятельности.

С. Буличъ.

Спб., 25 мая 1904.

Б. Дельбрюкъ.

ВВЕДЕНІЕ
ВЪ
ИЗУЧЕНІЕ ЯЗЫКА
(EINLEITUNG IN DAS SPRACHSTUDIUM).

Изъ исторіи и методологіи сравнительнаго языкознанія.

Переводъ студентовъ С.-Петербургскаго университета
съ третьяго исправл. изданія 1893 г.
подъ редакціей и при участіи
С. Булича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.
1904.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Францъ Боппъ.

Когда основатель сравнительнаго языкознанія Францъ Боппъ [1]) (род. въ 1791 г.) приступилъ къ занятіямъ санскритомъ, мнѣніе о близкомъ родствѣ языка брахмановъ съ языками Европы, въ особенности съ греческимъ и латинскимъ, было уже неоднократно высказано и подтверждено рядомъ доказательствъ. Именно, Уилльямъ Джонсъ, первый предсѣдатель общества, основаннаго въ Калькуттѣ для изслѣдованія Азіи, уже въ 1786 г. высказался по этому вопросу такимъ образомъ: „Санскритскій языкъ обладаетъ удивительнымъ строеніемъ; онъ совершеннѣе греческаго, богаче латинскаго, выработанъ тоньше обоихъ. Какъ въ отношеніи глагольныхъ корней, такъ и въ отношеніи грамматическихъ формъ, онъ стоитъ въ родственной связи съ обоими древними языками,— связи столь близкой, что она не можетъ быть дѣломъ случая, и столь опредѣленной, что всякій филологъ, изучающій эти три языка, долженъ притти къ убѣжденію, что они произошли изъ одного и того-же источника, который, быть можетъ, болѣе уже не существуетъ. Такія-же доказательства, хотя и не столь убѣдительныя, говорятъ въ пользу того предположенія, что готскій и кельтскій языки, хотя и смѣшанные съ неродственными языками, имѣютъ также одинаковое происхожденіе съ санскритомъ“ (ср. Benfey, Geschichte der Sprachwissenschaft, стр. 348). Въ главныхъ чертахъ съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ согласуются тѣ положенія, въ одномъ отношеніи, впрочемъ, менѣе точныя, которыми Фридрихъ Шлегель начинаетъ свою знаменитую книгу „О языкѣ и муд-

---

[1]) Ср. S. Lefmann, «Franz Bopp, sein Leben und seine Wissenschaft» Berl. ч. I. 1891 (первая половина).

Прим. редакт. Вторая половина этой книги вышла въ 1895 г., а въ 1897 г. явился «Nachtrag», заключающій въ себѣ переписку Боппа съ В. ф. Гумбольдтомъ (Berlin. Reimer 1897. XLII + 129).

рости индусовъ" (Гейдельбергъ, 1808): „Древне-индійскій санскритъ, т. е. „развитой" или „совершенный", называемый также гронтхонъ (Gronthon) [1]), т. е. „литературный" или „книжный" языкъ, находится въ ближайшемъ родствѣ съ латинскимъ и греческимъ, а также съ германскимъ и персидскимъ языками. Сходство заключается не только въ большомъ числѣ общихъ корней,— но оно простирается и на самое внутреннее строеніе и грамматику. Совпаденіе это слѣдовательно не случайное, которое можно было-бы объяснить смѣшеніемъ данныхъ языковъ, но существенное и указывающее на общее ихъ происхожденіе. Далѣе, сравненіе показываетъ, что индійскій языкъ — древнѣйшій, прочіе-же языки моложе и произошли изъ перваго". Такимъ образомъ, нельзя сказать, что Боппъ открылъ родство индогерманскихъ [2]) языковъ; но ему конечно принадлежитъ та заслуга, что онъ разъ навсегда, путемъ систематическаго сравненія, исходящаго изъ формъ глагола и отсюда распространяющагося на весь языкъ, доказалъ то, что Джонсъ, Шлегель и др. высказывали въ видѣ догадокъ и голословныхъ утвержденій.

Безъ сомнѣнія, потомство увидитъ въ этомъ доказательствѣ проявленіе генія Боппа, составившее эпоху, но точно также несомнѣнно, что самъ Боппъ первоначально задавался не сравненіемъ, но объясненіемъ формъ, и что сравненіе служило ему только средствомъ къ достиженію этой главной цѣли. Онъ, такимъ образомъ, не удовлетворялся (пояснимъ это на примѣрѣ)

---

[1]) Искаженное санскр. grantha (м. р.) = соединеніе словъ, текстъ.
Прим. ред.

[2]) Я употребляю терминъ «индогерманскій», ибо, насколько я могъ замѣтить, онъ наиболѣе употребителенъ въ Германіи. Впервые употребленъ былъ этотъ терминъ, поскольку мы можемъ доказать документально, Гезеніусомъ въ 1831 г., послѣ того, какъ Фр. Шмитхеннеръ придумалъ слово «индотевтонскій» (indisch-deutsch). Ср. Штейнталь, «Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern.» 2 Aufl. Berlin. 1890, XI.
Прим. автора.

Прим. ред. Въ прежнихъ изданіяхъ этой книги Дельбрюкъ правильно указывалъ на Ю. Клапрота, какъ изобрѣтателя термина «индогерманскіе языки», употребленнаго имъ гораздо раньше Шмитхеннера и Гезеніуса. Въ третьемъ изданіи, въ силу какого-то «затменія», онъ измѣнилъ (неудачно) свое мнѣніе, но долженъ былъ отказаться отъ него («Indogermanische Forschungen» т. III. 1894. Anzeiger für indogerm. Sprach- und Altertumskunde» стр, 267—8) и присоединился къ Густаву Майеру, доказавшему («Indogermanische Forschungen», т. III. стр. 125—130: «Von wem stammt die Bezeichnung «Indogermanen»), что первымъ ученымъ, употреблявшимъ данный терминъ, дѣйствительно былъ Ю. Клапротъ, въ своемъ трудѣ «Asia Poliglotta» (Парижъ, 1823 г.). Впрочемъ, ни откуда не видно, что Клапротъ былъ и изобрѣтателемъ даннаго термина.

положеніемъ, столь чреватымъ слѣдствіями для фонетики всѣхъ отдѣльныхъ (индоевроп.) языковъ,—что ásmi, εἰμί, sum, im, *есмь* въ сущности представляютъ одну и ту же форму, но ему важно было прежде всего открыть, изъ какихъ элементовъ эта форма образовалась. Главною цѣлью его работы было не сравненіе готовыхъ формъ языка, а анализъ возникновенія флексіи.

Что дѣло обстоитъ именно такъ, было достаточно доказано старыми и новыми критиками Боппа. Здѣсь достаточно указать на извѣстное мнѣніе учителя Боппа, Виндишмана, по которому цѣлью Боппа съ самаго начала было: „путемъ изслѣдованія языковъ вникнуть въ тайну человѣческаго духа и раскрыть нѣкоторую часть его природы и законовъ“, и затѣмъ привести слѣдующее выраженіе Т. Бенфея: „Я, поэтому, склоненъ считать настоящей задачей этого грандіознаго сочиненія (т. е. Сравнительной Грамматики Боппа) изслѣдованіе о происхожденіи грамматическихъ формъ индогерманскихъ языковъ; сравненіе формъ — собственно только средствомъ къ достиженію этой цѣли, опредѣленіемъ ихъ основнаго вида; наконецъ, изслѣдованіе звуковыхъ законовъ—главнымъ средствомъ сравненія, единственно надежной основой для доказательства родства, въ особенности-же родства основныхъ формъ“ („Gesch. der Sprachw.“ 476 [1]).

Въ виду этихъ обстоятельствъ, я считаю правильнымъ сначала изложить взглядъ Боппа на происхожденіе флексіи и затѣмъ лишь перейти къ характеристикѣ его сравнительнаго метода.

I. Взгляды Боппа на происхожденіе флексіи.

Теоріи Боппа о генезисѣ индогерманскихъ формъ языка не представляютъ собою (какъ можно было-бы предположить) чистый результатъ его грамматическаго анализа, но восходятъ, въ очень существенныхъ своихъ частяхъ, къ прежнимъ воззрѣніямъ и предразсудкамъ. Между ними важную роль играетъ та теорія Фридриха Шлегеля, которая излагается въ упомянутомъ уже сочиненіи „О языкѣ и мудрости индусовъ“. Поэтому представляется умѣстнымъ познакомить читателя прежде всего именно съ ней.

[1]) Извѣстная книга геттингенскаго санскритиста: «Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland seit dem Anfange des 19. Jahrhunderts mit einem Rückblick auf die früheren Zeiten. Von Theodor Benfey. München. 1869. 8°. X + 836 + II. Издано въ серіи «Geschichte der Wissenschaften in Deutschland», выходившей съ субсидіей баварскаго правительства при Мюнхенской академіи наукъ. *Прим. ред.*

По Фридриху Шлегелю существуютъ двѣ главныхъ категоріи языковъ, во-первыхъ, такіе языки, которые выражаютъ побочныя опредѣленія значенія посредствомъ внутренняго измѣненія звуковъ корня, и во-вторыхъ, такіе, которые прибавляютъ для этой цѣли особенныя слова, выражающія уже сами собой понятія множественности, прошедшаго времени, долженствованія въ будущемъ или другихъ отношеній этого рода. Первая главная категорія заключаетъ въ себѣ языки, обладающіе флексіей. Слѣдовательно, подъ флексіей Шлегель понимаетъ внутреннее измѣненіе звуковъ корня. Онъ оспариваетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ воззрѣніе, будто формы флексіи образовались посредствомъ присоединенія нѣкогда самостоятельныхъ словъ [1]). „Въ греческомъ еще можно найти, по крайней мѣрѣ, тѣнь вѣроятности того, что флективные слоги возникли изъ частицъ и вспомогательныхъ словъ, слившихся со словомъ,—хотя такую гипотезу и нельзя было-бы провести послѣдовательно, не прибѣгая къ тѣмъ этимологическимъ уловкамъ и ухищреніямъ, съ которыми прежде всего слѣдуетъ окончательно разстаться, если разсматривать языкъ научно, т. е. совершенно исторически; да и тогда еще врядъ-ли удалось-бы провести эту гипотезу. Въ индійскомъ-же языкѣ исчезаетъ и послѣдній призракъ такой возможности, и необходимо признать, что строеніе языка образовалось чисто органически, развѣтвилось во всѣхъ своихъ значеніяхъ путемъ флексій или внутреннихъ измѣненій и преобразованій звуковъ корня, а не составилось чисто механически помощью прицѣпленныхъ словъ и частицъ, причемъ самъ корень собственно остался неизмѣненнымъ и непроизводительнымъ“ (41). Въ этомъ органическомъ свойствѣ онъ видитъ существенное преимущество языковъ флективныхъ. „Отсюда, во-первыхъ, — богатство, затѣмъ постоянство и устойчивость этихъ языковъ, о которыхъ можно сказать съ полною увѣренностью, что они возникли органически и представляютъ органическую ткань; такъ что даже въ языкахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга обширными странами, спустя тысячелѣтія, нерѣдко можно легко распознать ту нить, которая проходитъ черезъ широко развернувшееся богатство цѣлой семьи словъ и приводитъ насъ къ простому началу первичнаго корня. Напротивъ, въ языкахъ, имѣющихъ вмѣсто флексіи только приставки, корни въ сущности не имѣютъ значенія таковыхъ, являясь не плодо-

---

[1]) Вѣроятно, въ этой полемикѣ онъ имѣлъ въ виду школу Леннепа и Шейда (см. ниже), но врядъ-ли—Горнъ Тука (Horne Tooke), о которомъ ср. Макса Мюллера, «Наука о языкѣ» (серія первая, гл. VII, начало).

носнымъ сѣменемъ, но лишь какъ-бы скопленіемъ атомовъ, которые по прихоти случая легко могутъ то разъединяться, то соединяться. Собственно говоря, связь между ними не можетъ быть иной, какъ только чисто механической, обусловленной внѣшнимъ присоединеніемъ. Этимъ языкамъ, при самомъ ихъ возникновеніи, не хватаетъ зачатка живого развитія и т. д". (стр. 51).

Если мы спросимъ, какимъ образомъ такой даровитый человѣкъ могъ додуматься до объясненія флексіи, какъ внутренняго измѣненія корня, — объясненія, которое кажется намъ до такой степени неяснымъ и туманнымъ,—то намъ по крайней мѣрѣ сразу станетъ ясно, что оно взято не изъ непосредственнаго наблюденія (ибо гдѣ можно было бы наблюдать такое органическое развитіе?)—а, напротивъ, можно съ вѣроятностью доказать, что оно является прежде всего реакціей противъ той теоріи, бороться съ которой Шлегель считалъ своимъ долгомъ. Очевидно, подъ впечатлѣніемъ нелѣпостей Леннепа, Шейда и имъ подобныхъ, расчленявшихъ языкъ самымъ безсмысленнымъ образомъ и насильственно сводившихъ его къ фантастическимъ пра-корнямъ, Шлегель проникся убѣжденіемъ, что путемъ разложенія словъ на составныя части нельзя вообще дойти до тайны возникновенія формъ языка, и потому въ противоположность теоріи, представлявшей себѣ языкъ возникшимъ помощью сложенія, указалъ на болѣе вѣроятное развитіе его путемъ органическаго роста, не будучи, впрочемъ, въ состояніи составить себѣ ясное представленіе о способѣ и основаніяхъ этого роста. Въ этомъ воззрѣніи его могло укрѣпить еще другое наблюденіе. То соотношеніе, которое существуетъ между латинскими и романскими языками (и которое его братъ пытался позднѣе опредѣлить терминами „синтетическій" и „аналитическій"), представлялось ему тѣмъ замѣчательнѣе, что въ санскритѣ онъ находилъ какъ бы еще „болѣе латинское состояніе", чѣмъ въ самомъ латинскомъ (стр. 40). Если (такъ думалъ онъ вѣроятно) языкъ тѣмъ меньше обнаруживаетъ способности къ сложенію, чѣмъ онъ древнѣе, то можно-ли допустить, чтобы формы языка въ древнѣйшее время возникли исключительно благодаря сложенію?

Что Шлегель только такой внутренній ростъ называлъ „органическимъ", и въ то же время, въ противоположность сочетанію, понималъ его какъ высшій и болѣе благородный процессъ, было вполнѣ въ духѣ философа романтической школы, съ ходомъ мысли и способомъ выраженія которой онъ сроднился.

Къ этой изложенной здѣсь вкратцѣ теоріи Шлегеля вполнѣ примкнулъ Боппъ въ своемъ первомъ сочиненіи („Conjugationssystem der Sanskritsprache" 1816), не называя, впрочемъ, именн

Шлегеля. Только онъ сейчасъ же расширилъ ее въ одномъ направленіи, добавивъ къ признаку внутренняго преобразованія корня еще способность поглощать въ себя verbum substantivum [1]) „Среди всѣхъ извѣстныхъ намъ языковъ—говорится на 7 стр.— священный языкъ индусовъ оказывается наиболѣе способнымъ къ выраженію истинно-органическимъ образомъ самыхъ разнообразныхъ соотношеній и связей посредствомъ внутренняго измѣненія и преобразованія коренного слога. Не смотря на эту достойную удивленія гибкость, онъ иногда вводитъ въ составъ корня verbum abstractum, при чемъ коренной слогъ и присоединенное verbum abstractum раздѣляютъ между собою грамматическія функціи глагола. Это раздѣленіе задачъ можно наблюдать, напр., въ аористѣ слѣдующимъ образомъ. Въ санскр. *açraušham* (я слышалъ) *a* обозначаетъ понятіе прошедшаго времени, въ подъемѣ *u* въ *au* въ корнѣ *çru* указывается своеобразный оттѣнокъ понятія прошедшаго времени, свойственный аористу, и къ образованному такимъ образомъ прошедшему времени (praeteritum) присоединяется verbum substantivum, „такъ что, послѣ выраженія временныхъ отношеній на чисто-органическій ладъ путемъ внутренняго преобразованія корня, лицо и число опредѣлялись посредствомъ спряженія приставленнаго вспомогательнаго глагола“ (стр. 18). Присоединеніе verbi substantivi Боппъ находитъ въ будущемъ времени и аористѣ въ санскритѣ и греч. яз., въ прекативѣ санскрита, въ извѣстныхъ образованіяхъ перфекта и имперфекта латинскаго яз. и (отъ чего онъ впослѣдствіи отказался) въ окончаніяхъ страдательнаго залога того же языка. Другихъ сочетаній, кромѣ какъ съ корнемъ *as* (быть), Боппъ въ системѣ спряженія не признаетъ. Правда, онъ говоритъ о присоединеніи „личныхъ примѣтъ“ M, S, T, но не видитъ въ этихъ примѣтахъ остатковъ нѣкогда самостоятельныхъ словъ, напротивъ, по другому поводу, замѣчаетъ категорически: „Несогласно съ духомъ индійскаго языка выражать какое-нибудь отношеніе посредствомъ присоединенія нѣсколькихъ буквъ, которыя могли бы быть разсматриваемы въ качествѣ особаго слова“ (стр. 30). Происхожденіе этихъ личныхъ примѣтъ онъ оставляетъ въ „Системѣ спряженія“ „столь же темнымъ, какъ и происхожденіе „вставного“ ī, являющагося признакомъ potentialis.

Было бы любопытно установить, путемъ какихъ размышленій

---

[1]) Только этотъ способъ объясненія могъ подразумѣвать Боппъ, утверждая на 12 стр. „Conjug.“, что онъ въ своихъ изысканіяхъ нигдѣ не могъ опираться на чужой авторитетъ.

Бонпъ пришелъ къ измѣненію Шлегелевскаго опредѣленія понятія о флексіи. По счастью, сочиненія Боппа предлагаютъ для этого достаточный матеріалъ. Но что бы сдѣлать понятными относящіяся сюда мѣста, я сперва скажу нѣсколько словъ о принятой въ началѣ нашего столѣтія классификаціи частей рѣчи. Въ то время почти всѣ находились подъ впечатлѣніемъ воззрѣнія, что предложеніе есть какъ бы отраженіе логическаго сужденія, и держались, поэтому, того взгляда, что въ предложеніи не можетъ быть ни больше, ни меньше трехъ частей, подобно тому, какъ въ сужденіи есть три части: субъектъ, предикатъ и связка. Естественно, было не легко подвести традиціонныя части рѣчи подъ три группы, и это подведеніе достигалось не безъ софистики. Такъ, напр., А. Ф. Бернгарди не съумѣлъ лучше примирить противорѣчіе между своимъ философскимъ воззрѣніемъ и своимъ добытымъ изъ опыта знаніемъ, какъ посредствомъ слѣдующаго табличнаго изображенія:

I. Части рѣчи:

a. Объ именахъ существительныхъ.
b. Объ именахъ аттрибутивныхъ.
  aa. Объ именахъ прилагательныхъ.
  bb. О причастіяхъ.
  cc. О нарѣчіяхъ.
c. О глаголѣ *быть*.

II. Частички рѣчи:

a. О предлогахъ.
b. О союзахъ.
c. О первоначальныхъ нарѣчіяхъ.

III. Части рѣчи и частички рѣчи:

О мѣстоименіяхъ.

Такъ-же какъ и Бернгарди, въ возможности существованія только трехъ частей рѣчи былъ убѣжденъ и Готфридъ Германъ;—то-же предвзятое убѣжденіе мы находимъ и у Боппа, какъ это яснѣе всего видно изъ одной фразы въ англійской переработкѣ его перваго сочиненія Analytical comparison и т. д. (которую я цитирую по нѣмецкому переводу Зебоде „Neues

Archiv für Philologie und Pädagogik", 2 Jahrgang), гдѣ на 63 стр. 8-го выпуска читаемъ: „Potest соединяетъ въ себѣ три главныхъ части рѣчи, причемъ t есть подлежащее, es — связка и pot — признакъ (предикатъ)". При этомъ, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на то обстоятельство, что третьей частью рѣчи считается не глаголъ вообще, а только глаголъ „быть". „Est enim—говоритъ Готфридъ Германъ, („De emendanda ratione graecae grammaticae", Lipsiae 1801, стр. 173)—haec verbi vis, ut praedicatum subjecto tribuat atque adjungat. Hinc facile colligitur proprie unum tantummodo esse verbum idque est verbum esse. Caetera enim quaecunque praeter hoc verbum verba reperiuntur, hanc naturam habent, ut praeterquam quod illud esse contineant quo fit ut verba sint, adjunctam habeant etiam praedicati alicujus notationem. Sic „ire", „stare", ut aliqua certe exempla afferamus significat „euntem, stantem esse" [1]). Это мнѣніе раздѣляетъ также Боппъ, какъ это достаточно ясно видно изъ первыхъ словъ его „Системы спряженія": „Подъ глаголомъ въ самомъ узкомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать ту часть рѣчи, которая выражаетъ соединеніе извѣстнаго предмета съ извѣстнымъ свойствомъ и ихъ отношеніе другъ къ другу. Глаголъ, по этому опредѣленію, самъ по себѣ не имѣетъ никакого реальнаго значенія, но представляетъ только грамматическую связь между подлежащимъ и сказуемымъ, посредствомъ внутренняго измѣненія и преобразованія которой опредѣляются эти взаимныя отношенія. Подъ это понятіе подходитъ только одинъ глаголъ, именно абстрактный глаголъ (verbum abstractum), быть, esse" и т. т. Такъ какъ, по воззрѣнію Боппа, рѣчь могла возникнуть не иначе, какъ при содѣйствіи глагола esse, и такъ какъ поэтому послѣдній, взятый въ своемъ понятіи, подразумѣвается самъ собой въ каждомъ т. н. „глаголѣ", то Боппъ, послѣдовательно разсуждая, долженъ былъ-бы найти естественнымъ, если-бы глаголъ *as* оказался въ каждой глагольной формѣ, въ конкретномъ и реальномъ видѣ. Боппъ это заключеніе дѣйствительно и вывелъ въ одномъ въ высшей степени замѣчательномъ

---

[1]) Ибо глаголъ имѣетъ ту силу, что онъ придаетъ подлежащему (субъекту) признакъ (предикатъ) и присоединяетъ его къ нему. Отсюда легко вытекаетъ, что, собственно говоря, есть только одинъ глаголъ, и этотъ глаголъ есть глаголъ быть. Ибо прочіе глаголы, какіе только, кромѣ него имѣются, обладаютъ тѣмъ свойствомъ, что, содержа въ себѣ это быть, дѣлающее ихъ глаголами, имѣютъ еще присоединенное къ нимъ обозначеніе нѣкотораго признака. Такъ „идти", „стоять"—приведемъ по крайней мѣрѣ нѣсколько примѣровъ—обозначаетъ „быть идущимъ, стоящимъ".

Перев. ред.

положеніи на 7 стр. цитированнаго трактата: „Послѣ этихъ замѣчаній, читатель не удивится, если въ языкахъ, которые мы теперь сравниваемъ, встрѣтитъ и другіе глаголы, которые образованы также, какъ potest, или, если онъ откроетъ, что нѣкоторыя времена содержатъ verbum substantivum, въ то время какъ другія отбросили его, или, быть можетъ, никогда и не имѣли. Напротивъ, онъ скорѣе почувствуетъ себя склоннымъ спросить, почему не всѣ времена всѣхъ глаголовъ имѣютъ это сложное строеніе? И отсутствіе verbum substantivum онъ, можетъ быть, будетъ разсматривать, какъ видъ эллипсы" (ibid. стр. 63). Кто хорошенько обдумаетъ эту странную тираду, гдѣ ловкимъ оборотомъ подсовывается читателю рѣшеніе труднаго вопроса, котораго послѣдній естественно долженъ былъ-бы ожидать отъ автора, тотъ, конечно, согласится съ моимъ мнѣніемъ, что главнымъ образомъ неправильный взглядъ Боппа на три части рѣчи привелъ его къ тому, чтобы искать verbum substantivum въ S, случайно попадающемся въ индогерманскихъ формахъ.

Итакъ, первоначальное воззрѣніе Боппа на флексію, по-скольку оно высказалось въ „Системѣ спряженія", мы можемъ охарактеризовать, какъ комбинацію замѣчанія Шлегеля съ традиціонной теоріей трехъ частей рѣчи.

Очень важный шагъ впередъ, сравнительно съ данной гипотезой, изложенной въ „Системѣ спряженія" (1816), представляетъ упомянутая уже англійская переработка этого сочиненія, которую я буду цитировать подъ названіемъ „Аналитическаго сравненія". Этотъ шагъ впередъ въ короткихъ словахъ можетъ быть резюмированъ такимъ образомъ, что принципъ сложенія, который до сихъ поръ имѣлъ значеніе только при корнѣ *as*, теперь признается вообще господствующимъ. Какимъ образомъ Боппъ пришелъ къ этому преобразованію своего мнѣнія, лучше всего можно прослѣдить по его выясненію понятія о корнѣ и его гипотезѣ о происхожденіи личныхъ окончаній глагола.

Что касается прежде всего понятія о корнѣ, то Боппъ могъ заимствовать высказанную въ этомъ сочиненіи и позднѣе всегда поддерживавшуюся имъ идею, что всѣ слова восходятъ къ односложнымъ элементамъ, изъ грамматической традиціи, имѣвшей силу въ его время. Въ самомъ дѣлѣ уже Аделунгъ училъ, что всѣ слова въ нѣмецкомъ языкѣ возникли изъ односложныхъ первичныхъ составныхъ частей, которыя носятъ названіе корня (ср. Adelung, „Ueber den Ursprung der Sprache und den Bau der Wörter,

besonders des Deutschen", Leipzig. 1781, стр. 16 и сл.) [1]). Подтвержденіе этого взгляда Боппъ нашелъ также при провѣркѣ перечней санскритскихъ корней, которые ему были извѣстны въ изданіи Карея и Уилькинса (ср. A. W. Schlegel, „Indische Bibliothek", I, 316 и 223). Онъ формулировалъ свой взглядъ на этотъ предметъ въ „Аналитическомъ сравненіи" слѣдующимъ образомъ: „Характеръ санскритскихъ корней нельзя опредѣлять по числу буквъ, но только по числу слоговъ, которыхъ они содержатъ лишь по одному; они всѣ односложны, за исключеніемъ немногихъ, относительно которыхъ можно основательно предполагать, что они непервичнаго происхожденія" (ср. также A. W. v. Schlegel, цитир. соч. 336). Что̀ имѣло силу для санскритскихъ корней, то Боппъ допустилъ и для корней родственныхъ языковъ, провозгласивъ тезисъ: „корни въ санскритѣ и родственныхъ ему языкахъ односложны".

Рядомъ съ такимъ пониманіемъ корня, понятіе Шлегеля о флексіи, конечно, должно было показаться очень сомнительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, до какого предѣла, наконецъ, возможно для односложнаго корня (въ особенности, если, какъ доказываетъ очевидность, согласные остаются неизмѣненными) внутреннее преобразованіе и видоизмѣненіе? Представленіе объ односложности корня необходимо должно было подкрѣпить идею сложенія во флексіи, и поэтому не надо удивляться, что полемика Боппа противъ Шлегеля исходила именно изъ этого пункта. Выраженіе этой полемики мы находимъ въ слѣдующемъ сужденіи. „Если мы, говоритъ Боппъ— ibid. 59—можемъ извлечь какое-нибудь заключеніе изъ того факта, что корни односложны въ санскритѣ и родственныхъ съ нимъ языкахъ, то, конечно, то̀, что эти языки не особенно легко могутъ выражать грамматическія модификаціи посредствомъ измѣненія ихъ первоначальнаго матерьяла безъ помощи постороннихъ прибавокъ. Мы должны-бы ожидать, что въ этомъ семействѣ языковъ принципъ сложенія распространится на первыя основы языка, каковы: лица, времена глагола и падежи именъ и т. д. Что это дѣйствительно такъ, я надѣюсь доказать въ этомъ сочиненіи, въ противоположность мнѣнію знаменитаго нѣмецкаго писателя, пола-

[1]) Не лишено интереса сравнить, что проповѣдуетъ о нахожденіи корней предшественникъ Аделунга, Фульда («Sammlung und Abstammung germanischer Wurzelwörter», Halle 1776): «Отнимите у отдѣльнаго слова его грамматическія функціи, префиксы и суффиксы глагольные, именные, родовые, числа, падежа, лица, времени. Если спереди и сзади стоятъ рядомъ по два гласныхъ, отбросьте самый передній и самый задній: корень, ничего не теряя въ своемъ главномъ значеніи, явится въ видѣ отдѣльнаго слога» (ibid., стр. 59).

гающаго, что грамматическія формы санскрита и родственныхъ съ нимъ языковъ состоятъ лишь въ измѣненіяхъ и внутреннихъ преобразованіяхъ словъ".

Еще важнѣе второй пунктъ, именно выставленная въ „Аналитическомъ сравненіи" гипотеза о происхожденіи личныхъ суффиксовъ изъ личныхъ мѣстоименій. Мѣсто, въ которомъ эта гипотеза была впервые высказана, такъ интересно, что я приведу его цѣликомъ. Оно гласитъ: „Фр. Шлегель считаетъ возможнымъ выводить обозначеніе лицъ глагола въ санскритѣ и языкахъ того-же происхожденія изъ измѣненія корня, но Шейдій (Scheidius) очень удовлетворительно, по крайней мѣрѣ относительно множественнаго числа, показываетъ, что даже греческіе глаголы для обозначенія различныхъ лицъ употребляютъ мѣстоименія, сложенныя съ корнемъ. Что касается единственнаго числа, то онъ достигъ-бы гораздо лучшаго результата, если-бы не ограничился искаженной формой на ω, третье лицо которой оканчивается въ настоящемъ на ει,—формой, гдѣ я не могу найти приставки мѣстоименія;—но обратилъ-бы свое вниманіе на форму на μι, третье лицо которой оканчивается въ дорическомъ діалектѣ на τι. Шейдій дѣлаетъ еще другую ошибку, именно ту, что, говоря о мѣстоименіяхъ, онъ продолжаетъ основываться на именительномъ падежѣ, тогда какъ первоначальная форма именъ лучше можетъ быть получена изъ косвенныхъ падежей. Такимъ путемъ легко открыть что το есть коренная форма греческаго члена, который первоначально есть не что иное, какъ мѣстоименіе третьяго лица, и, какъ таковое, употребляется у Гомера. Это το, лишенное конечно гласнаго, дѣлается главной составной частью глаголовъ въ ихъ третьемъ лицѣ единственнаго, двойственнаго и множественнаго чиселъ, какъ δίδοτι (такъ) δίδοτον δίδοντι. Я не сомнѣваюсь въ возможности доказать, по крайней мѣрѣ съ такой-же вѣроятностью, какъ и для арабскихъ глаголовъ, что и санскритскіе глаголы образуютъ свои лица посредствомъ сложенія корня съ мѣстоименіемъ. Объ этомъ предметѣ я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній въ надлежащемъ мѣстѣ" (цит. соч., стр. 60). Но въ дальнѣйшемъ теченіи этихъ разсужденій, Боппу не представилось больше случая изложить эти имѣвшіяся у него въ виду замѣчанія; онъ только говоритъ еще слѣдующее: „Въ настоящемъ времени мѣстоименныя согласныя М, S и Т единственнаго и третьяго лица множественнаго числа произносятся съ короткимъ *i*" (стр. 64), изъ чего слѣдуетъ, что утверждавшееся имъ впослѣдствіи происхожденіе *mi* изъ *ma* и т. д. въ то время не было еще для него яснымъ.

Въ этомъ разсужденіи прежде всего заслуживаетъ нашего

вниманія ссылка на Шейдія, который уже „очень удовлетворительно“ установилъ принципъ сложенія. Здѣсь имѣется въ виду обширное изслѣдованіе въ „L. C. Valckenarii observationes acad. et Jo. Dan. a Lennep praelectiones academicae rec. Everardus Scheidius (Trajecti ad Rhenum 1790)“ стр. 275 и слл. Предоставляя самому читателю насладиться этимологическими фокусами въ подробностяхъ, я приведу только тѣ слова Шейдія, которыя интересны съ принципіальной стороны: „Memini equidem, quum ante hos octodecim, et quod excurrit, annos, contubernio fruerer viri summi, quem honoris causa nomino, Joannis Jacobi Schultensii, inter familiares sermones, quibus de linguarum indole agebatur, narrare Schultensium, virum suavissimum et harum rerum elegantissimum arbitrum, Lennepio placuisse, ut, quemadmodum in verbis orientalium, adformantes, quae dicuntur, temporis praeteriti proprie essent syllabae literaeve, a pronominibus antiquis quasi resectae; ita et in Graecorum verborum temporibus personisque eadem fuisset sermonis ratio“. [1]).

Изъ этого мѣста мы видимъ, что Бопповское пониманіе личныхъ окончаній въ концѣ концовъ было навѣяно семитической грамматикой.

Если принципъ сложенія рекомендуется такимъ образомъ, то нисколько не удивительно, что онъ получаетъ значеніе и въ другихъ формахъ, кромѣ временъ, сложенныхъ съ *as*, и личныхъ окончаній, а именно, въ желательномъ наклоненіи, котораго *ī* впервые въ „Аналитическомъ сравненіи“ на стр. 71 толкуется, какъ глаголъ „желать“, „домогаться“. Изъ дѣйствительныхъ измѣненій въ Шлегелевскомъ смыслѣ Боппъ признаетъ въ „Аналит. сравненіи“ только еще нѣкоторыя измѣненія гласныхъ, напр. *ai* средняго залога, которое онъ еще не объяснялъ, какъ впослѣдствіи, изъ сложенія, и редупликацію (цит. соч. стр. 60).

Къ этимъ двумъ формулировкамъ воззрѣнія Боппа, какъ онѣ представлены въ „Системѣ спряженія“ и „Аналитическомъ сравненіи“, присоединилась, наконецъ, третья и окончательная редак-

---

[1]) «Я лично помню, какъ 18 или болѣе лѣтъ тому назадъ, я былъ близко знакомъ съ великимъ мужемъ Іоганномъ Якобомъ Шульце, имя котораго упоминаю съ почтеніемъ. Въ дружескихъ бесѣдахъ, въ которыхъ рѣчь шла о природѣ языковъ, Шульце, пріятнѣйшій человѣкъ и тонкій знатокъ предмета, разсказывалъ, что, по мнѣнію Леннепа, такъ называемые образовательные суффиксы прошедшаго времени, подобно тому, какъ въ глаголахъ восточныхъ языковъ, въ сущности представляютъ собой слоги или буквы, какъ-бы отрѣзанные отъ древнихъ мѣстоименій; тотъ же внутренній принципъ рѣчи былъ по его мнѣнію и въ временахъ и лицахъ греческаго глагола».

Перев. ред.

ція, которая впервые была изложена въ рядѣ академическихъ разсужденій, и, наконецъ, въ „Сравнительной грамматикѣ“ и которая отличается отъ второй редакціи, главнымъ образомъ, лишь тѣмъ, что принципъ сложенія пріобрѣтаетъ въ ней все болѣе и болѣе исключительную силу и послѣдовательно проводится и въ тѣхъ отдѣлахъ грамматики, которые еще не трактовались въ „Системѣ спряженія“ и „Аналитическомъ сравненіи“.

Теперь уже это воззрѣніе понятно безъ дальнѣйшей подготовки и гласитъ въ краткомъ извлеченіи такъ:

Слова индогерманскихъ языковъ должны быть выводимы изъ корней, которые всегда односложны. Есть два класса корней, именно глагольные, отъ которыхъ происходятъ глаголы и имена, и мѣстоименные, отъ которыхъ происходятъ мѣстоименія, первоначальные предлоги, союзы и частицы (ср., кромѣ Сравн. Грамм. § 107, также Труды [Abhandl.] Берл. Акад. 1841, стр. 13 и слл.).

Надежныя окончанія, по своему происхожденію, представляютъ, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ [1]) мѣстоименія. Такъ *s* им. п. происходитъ отъ мѣстоименія *sa*, *m* винит. п. напоминаетъ индійскую мѣстоименную основу *i-ma*, конечное *t* отложительнаго падежа (аблатива) происходитъ отъ той же мѣстоим. основы *ta*, которой обязано своимъ происхожденіемъ окончаніе средн. рода *d* въ *id* и т. д. (ср., между прочимъ, Abhandl. Берл. Акад. 1826, стр. 98).

Личныя окончанія глагола происходятъ отъ мѣстоименій перваго, второго и третьяго лица: *mi* есть ослабленіе слога *ma*, „который въ санскритѣ и зондѣ лежитъ въ качествѣ темы въ основаніи косвенныхъ падежей простого мѣстоименія“. Изъ *mi* затѣмъ возникло *m*. Въ окончаніи множественнаго числа *mas* скрывается или именная примѣта множественнаго числа *as*, или мѣстоименный элементъ *sma*. Примѣта *v* двойственнаго числа есть только выродившееся *m* множественнаго числа. Окончанія второго лица подобнымъ же образомъ восходятъ къ *tva*, окончанія третьяго лица— къ *ta* (*nti* см. ниже, стр. 14). Не вполнѣ увѣренно разсуждаетъ Боппъ объ окончаніяхъ средняго залога. Впрочемъ, онъ считаетъ вѣроятнымъ, что они основаны на удвоеніи соотвѣтствующаго окончанія дѣйствительнаго залога.

Что касается до примѣтъ основы настоящаго времени, какъ νυ въ ζεύγνυμι, то всего вѣроятнѣе, что большая часть изъ нихъ суть мѣстоименія.

---

[1]) «Въ большинствѣ случаевъ», потому что нѣкоторыя окончанія (* os* и *ват*) не разсматриваются, какъ истолкованныя, и при случаѣ (см. ниже стр. 14) дѣлается даже попытка символическаго объясненія.

Аугментъ (приращеніе), о которомъ заходитъ рѣчь по поводу имперфекта, **Боппъ** считаетъ въ Ср. Гр. § 537 и также уже въ „Аналитич. Сравненіи" стр. 74, тождественнымъ съ *α* privativum, и разсматриваетъ его, такимъ образомъ, какъ выраженіе отрицанія понятія настоящаго времени. Но онъ считаетъ также возможнымъ ставить его въ непосредственную связь съ системой мѣстоименія *a* „тотъ", съ которымъ де, впрочемъ, съ своей стороны также родственна отрицательная частица *a*.

Въ **сигматическомъ аористѣ** *s* принадлежитъ къ verbum substantivum, и сложеніе здѣсь можно именно понимать такъ, что имперфектъ отъ *as* (но безъ аугмента) образуетъ его окончаніе. „Я признаю—говорится въ § 542—въ этомъ *s* verbum substantivum, съ имперфектомъ котораго первое образованіе (аориста) совершенно согласно, и только потерялось *ā* отъ *ā́sam*" и т. д. Суффиксъ *sja* **сигматическаго будущаго** какъ *dāsyáti* „**Боппъ** считаетъ за исчезнувшее въ самостоятельномъ употребленіи будущее отъ *as*. Впрочемъ, по его мнѣнію вѣроятно, что нѣкогда всѣ глаголы образовывали будущее посредствомъ *ja*. Самое же *ja* происходитъ де, такъ же, какъ и примѣта желательнаго наклоненія, отъ корня *ī* „желать".

Въ *aja* винословныхъ глаголовъ (Causativa) скрывается глаголъ *i* „идти" (какъ *jā* „итти" въ *ya* санскритскаго страдательнаго залога), а въ *s* дезидеративныхъ глаголовъ—verbum substantivum.

Такое же сложеніе имѣется въ нѣкоторыхъ **образованіяхъ отдѣльныхъ языковъ**, напр. *ama-vī*, гдѣ можно узнать корень *bhū*, *ama-rem*, гдѣ скрывается корень *as* и т. д. [1]) (ср. Vergl. Gr., § 521).

Наконецъ, **тематическіе суффиксы** отчасти имѣютъ мѣстоименное происхожденіе, отчасти—глагольное (напр. *dātar* „даватель" означаетъ собственно „тотъ, который проходитъ актъ даванія" отъ *dā* давать и *tar* проходить).

Рядомъ съ этимъ объясненіемъ помощью сложенія, употребляется при случаѣ другое, **символическое**. Такъ, о двойственномъ числѣ говорится: „Такъ какъ въ основаніи двойственнаго числа лежитъ болѣе ясное воззрѣніе, чѣмъ воззрѣніе неопредѣленнаго множества, то для болѣе сильнаго впечатлѣнія и болѣе живого олицетворенія (Personificirung) оно любитъ употреблять

---

[1]) Напротивъ, **Боппъ** не допускаетъ, чтобы въ отдѣльномъ языкѣ могли возникать новыя коренныя слова (ср. „Предисловіе" къ третьему отдѣлу. Сравн. Грамм. Изд. 1, стр. XIV).

самыя долгія окончанія" (Ср. Гр. § 206). То же говорится и о женскомъ родѣ, „который въ санскритѣ, какъ въ основѣ, такъ и въ падежныхъ окончаніяхъ, любитъ пышное богатство формы". (§ 113). Символическое значеніе имѣетъ также *n* въ третьемъ лицѣ множеств. ч.-*nti*, которое будто бы произошло изъ *ti* посредствомъ вставки носового звука. Эта вставка совсѣмъ не представляетъ какой-нибудь чуждой примѣси, и ближе всего подходитъ къ простому удлиненію уже существовавшаго гласнаго (§ 236, ср. также § 226).

Если сравнить теперь эту послѣднюю окончательную формулировку взглядовъ Боппа съ предшествовавшей ей, то окажется, что, за исключеніемъ небольшаго остатка, вліяніе Шлегеля у него исчезло. Именно дифтонгъ *ai* окончаній средняго залога, въ которомъ Боппъ прежде видѣлъ еще внутреннее преобразованіе корня, объясняется имъ уже охотнѣе какъ результатъ „сложенія", и такимъ образомъ только редупликація еще остается у него чѣмъ-то въ родѣ „внутренняго видоизмѣненія" корня. Да и относительно послѣдней, которая первично можетъ быть и возникла изъ еще разъ присоединеннаго корня, можно сказать только очень условно, что она представляетъ „внутреннее" его измѣненіе.

Естественно поэтому, что Боппъ, въ рѣзкой, по существу, полемикѣ формально отрекается въ „Сравнительной грамматикѣ" отъ Фр. Шлегеля. Относящееся сюда мѣсто гласитъ: „Подъ флексіей Фридрихъ фонъ-Шлегель понимаетъ внутреннее измѣненіе коренного звука, или внутреннюю модификацію корня, противопоставляемыя имъ присоединенію снаружи. (Anfügung von aussen). Но, если греческіе δίδωμι δώσω δωθησόμεθα происходятъ отъ δο или δω, то чѣмъ другимъ могутъ быть формы μι, σω, θησόμεθα, какъ не очевидными внѣшними приставками къ корню, внутри совсѣмъ неизмѣненному, или измѣненному только въ количествѣ гласнаго? Если, такимъ образомъ, подъ флексіей должно понимать внутреннюю модификацію корня, то въ санскритскомъ, греческомъ и др. языкахъ едва-ли можно указать какую-нибудь флексію, за исключеніемъ редупликаціи, которая сама почерпается изъ матерьяла корня. Но если θησόμεθα есть внутренняя модификація корня δο лишь потому, что оно связано съ нимъ, граничитъ съ нимъ, составляетъ съ нимъ одно цѣлое, то съ одинаковымъ правомъ можно было бы также и сущность моря и суши представить, какъ внутреннюю модификацію моря или наоборотъ".

Если оставить въ сторонѣ незначительную примѣсь символизма,

то теорію Боппа, изложенную въ этомъ отрывкѣ, можно охарактеризовать какъ теорію сложенія или агглютинаціи [1]).

Подробную критику теоріи агглютинаціи мы попытаемся сдѣлать въ 5-й главѣ. Напротивъ, здѣсь я хочу еще разъ обратить вниманіе читателя на то, что теоріи Боппа не представляются само собой естественными результатами сравненія, какъ обыкновенно полагали, но что онѣ выросли изъ различныхъ и независимыхъ другъ отъ друга воззрѣній и наблюденій. При этомъ къ побужденіямъ, вытекавшимъ изъ подробностей самого изслѣдованія, у Боппа присоединились и остатки прежней традиціонной учености, такъ, напримѣръ, предразсудокъ о тройственности частей рѣчи, который, повидимому, далъ первый толчокъ къ тому, чтобы находить въ различныхъ *s* глагольныхъ формъ verbum substantivum, далѣе — унаслѣдованное изъ прошлаго воззрѣніе, что корни должны представляться односложными, и, наконецъ, перенесенное изъ семитической грамматики преданіе, что въ личныхъ суффиксахъ глагола надо признать приставленныя къ нему мѣстоименія.

II. Пріемы Боппа при сравненіи данныхъ языковъ.

Давши въ первомъ отдѣлѣ отчетъ о Бопповской теоріи флексіи, я долженъ теперь сказать о его способѣ сравненія данныхъ отдѣльныхъ языковъ. Само собою разумѣется, я не намѣренъ отмѣчать результаты, добытые Боппомъ при сравненіи индогерманскихъ языковъ, но только попытаюсь описать методъ, которому онъ слѣдуетъ.

Но, ни въ этомъ, ни еще въ другомъ отношеніи не слѣдуетъ ожидать отъ Боппа полнаго, охватывающаго всѣ частные случаи и систематическаго отвѣта. Изложеніе Боппа представляетъ полную противоположность изложенію Гумбольдта. Тогда какъ Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ только и занятъ, что выясненіемъ общаго, и вездѣ стремится подчинить подробности идеямъ, Боппъ, напротивъ, главнымъ образомъ вращается среди данныхъ въ языкѣ отдѣльныхъ фактовъ и лишь очень рѣдко вставляетъ общія разсужденія, которыя можно было бы назвать философскими. Какъ невозможно извлечь граматтическія парадигмы (образцы склон. и спряженій) изъ Гумбольдтовскаго „Введенія въ языкъ Кави“ [2]), также мало возможно изъ „Сравнительной грамматики“

[1]) Такъ назвалъ ее впервые **Лассенъ** съ цѣлью осудить ее этимъ (ср. **Поттъ**, Etym. Forsch. (erste Aufl.), 1,179).

[2]) Знаменитый трудъ нѣмецкаго ученаго „Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Jawa, nebst Einleitung über die Verschiedenheit der menschlichen Sprach-

Бонпа извлечь теорію или систематику языкознанія. Въ подобныхъ условіяхъ къ изслѣдованію теоретическихъ воззрѣній Бонпа на силы, дѣйствующія въ языкѣ, должно приступать съ осторожностью, именно: не слѣдуетъ съ нетерпимостью систематика требовать точнаго опредѣленія объема и содержанія понятій, обозначаемыхъ у Бонпа извѣстными терминами, которые онъ употребляетъ довольно непринужденно. Поэтому, думается мнѣ, я поступлю правильнѣе всего, если поставлю вопросъ такъ: „каковы тѣ общіе представленія и взгляды, исходя изъ которыхъ Бонпъ обыкновенно судилъ о явленіяхъ языка?“ и отвѣчу на него слѣдующимъ образомъ: Его общія научныя воззрѣнія носили естественно-научный оттѣнокъ, но все же старинный филологическій основной фонъ подъ нимъ еще не стерся. Склонность къ естественно-научнымъ способамъ выраженія обнаруживается сейчасъ же, какъ только онъ пытается опредѣлить отличительныя особенности своего лингвистическаго метода, въ сравненіи съ прежнимъ. Онъ ставитъ цѣлью — дать сравнительное „расчлененіе“ языковъ, систематическое сравненіе языковъ для него—„анатомія языка“, или (пуская въ ходъ другой образъ) „физика“ или „физіологія“ языка. Очень опредѣленно выступаетъ естественнонаучная окраска уже въ первой фразѣ предисловія къ „Сравнительной грамматикѣ“: „Я намѣреваюсь дать въ этой книгѣ сравнительное, обнимающее всѣ родственные случаи описаніе организма поименованныхъ въ заглавіи языковъ, дать изслѣдованіе ихъ физическихъ и механическихъ законовъ и происхожденія формъ, выражающихъ грамматическія отношенія“. На вопросъ о томъ, что́ понимать въ этой тирадѣ подъ физическими и механическими законами, далъ отвѣтъ самъ авторъ, какъ сообщаетъ Бреаль во французскомъ переводѣ „Сравнительной грамматики“ Бопна. Согласно съ нимъ, подъ физическими законами слѣдуетъ разумѣть то, что мы теперь называемъ звуковыми законами (Lautgesetze), а подъ механическими то, что ему, казалось, удалось открыть относительно взаимнаго количественнаго отношенія (Gewichtsverhältniss) гласныхъ и слоговъ, о чемъ рѣчь будетъ

baues, und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts». Три тома, Берлинъ 1836—40. Русскій переводъ введенія къ этому труду, сдѣланный академикомъ П. С. Билярскимъ, былъ напечатанъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1858 и 1859 г. и отдѣльно п. з. «О различіи организмовъ человѣческаго языка и о вліяніи этого различія на умственное развитіе человѣческаго рода». Посмертное сочиненіе Вильгельма фонъ Гумбольдта. Введеніе во всеобщее языкознаніе. Переводъ П. Билярскаго. Учебное пособіе по теоріи языка и словесности въ Военно-Учебныхъ заведеніяхъ». Спб. 1859. Тип. имп. акад. наукъ. 8° VI + 366 стр. *Прим. ред.*

ниже. Что слѣдуетъ понимать подъ словами „организмъ" и „органическій", показываютъ нѣкоторыя мѣста „Сравнительной грамматики". „Флексіи, такъ гласитъ предисловіе къ второму выпуску „Сравн. гр." (изд. I. стр. VII) образуютъ истинный организмъ языка", и, въ противоположность этому, онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о „языкахъ съ односложными корнями, безъ способности къ сложенію и, потому, безъ организма, безъ грамматики" (§ 108). Итакъ, организмъ—это не что иное, какъ основанный на агглютинаціи грамматическій „строй" языка („Einrichtung": предисловіе къ первому тому Сравн. гр., стр. IV), и „органическое"—это все то, что соотвѣтствуетъ этому строю, „неорганическое" же—то, что ему не отвѣчаетъ. Поэтому, вмѣсто „органическій", можно также сказать „исконный, первичный" („ursprünglich"), вмѣсто „неорганическій" — „вторичный" („unursprünglich"). Такъ напр, о ν въ окончаніи μην говорится, что оно „органично, т. е. является не позднѣйшимъ, ничего не значущимъ придаткомъ, но необходимымъ и преднамѣреннымъ элементомъ, наслѣдіемъ первичнаго періода въ исторіи нашей семьи языковъ"; напротивъ μι въ τύπτοιμι оказывается неорганическимъ, потому что желательное накл. во всѣхъ языкахъ, гдѣ оно сохранилось въ видѣ самостоятельной формы, имѣетъ краткія окончанія даже въ первомъ лицѣ, за исключеніемъ одного греческаго. Неорганическимъ является такимъ образомъ все то, что не можетъ быть выведено изъ кореннаго строя индогерманскихъ языковъ (какимъ его себѣ представляетъ нашъ авторъ).

Не трудно видѣть, что опредѣленія „механическій", „физическій", „органическій" употреблены здѣсь не въ ихъ строгомъ естественно-научномъ значеніи; но все же изъ ихъ употребленія у Боппа можно заключить, что онъ представляетъ себѣ языкъ, какъ своего рода „тѣло природы" (Naturkörper). Это самое слово онъ даже прямо употребляетъ (Vocalismus, стр. 1): „Языки должны быть разсматриваемы, какъ органическія тѣла природы (organische Naturkörper), которыя образуются по опредѣленнымъ законамъ, развиваются въ силу заключающагося въ нихъ внутренняго жизненнаго принципа и затѣмъ мало по малу мертвѣютъ (absterben), причемъ, переставъ понимать самихъ себя, отбрасываютъ свои члены или формы, первоначально имѣвшія значеніе, но затѣмъ постепенно превратившіяся скорѣе во внѣшнюю массу, или искажаютъ ихъ, или злоупотребляютъ ими, т. е. примѣняютъ въ цѣляхъ, къ которымъ они не были предназначены по своему происхожденію".

Эта тирада важна для насъ въ двухъ отношеніяхъ. Прежде

всего я желалъ-бы обратить вниманіе читателя на то замѣчаніе, что языкъ съ теченіемъ времени перестаетъ понимать себя. Этимъ самымъ языку приписывается духовная дѣятельность, и о немъ говорится, какъ о мыслящемъ существѣ. Этотъ способъ выражаться у Бoппа не рѣдокъ. Въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ о духѣ или „геніи“ языка и находитъ въ его способѣ дѣйствій извѣстныя тенденціи и намѣренія. Иногда не только языкъ въ своемъ цѣломъ, но и отдѣльныя формы разсматриваются, какъ мыслящія существа. Такъ въ Сравн. гр. (изд. I, стр 516) говорится, что славянская основа *sjo* „не сознаетъ болѣе своей сложности, унаслѣдованной ею изъ періода праязыка“. Эти обороты суть образы и даже очень естественные, и Боппъ, вѣроятно, согласился-бы (если-бы на это было обращено его вниманіе), что въ дѣйствительности эта душевная дѣятельность происходитъ не въ языкѣ, а въ душѣ отдѣльнаго говорящаго человѣка; но тутъ важно обратить вниманіе на зачатки того общаго воззрѣнія, которое у Шлейхера дошло до сознательнаго гипостазированія [1]) понятія „языкъ“. Далѣе въ вышеприведенной фразѣ заслуживаетъ вниманія выраженіе „мертвѣютъ“. По взгляду Боппа, всѣ внѣшнія измѣненія, наблюдаемыя нами въ индогерманскихъ языкахъ, свидѣтельствуютъ не о развитіи языка, а о его болѣзни, искаженіи, паденіи. Мы знакомимся съ языками не въ ихъ прогрессирующемъ развитіи, но въ состояніи, въ которомъ они уже совершенно оставили за собою предопредѣленную имъ цѣль. Мы застаемъ ихъ именно въ такомъ положеніи, „когда они синтактически, правда, еще могутъ совершенствоваться, но въ грамматическомъ отношеніи уже потеряли больше или меньше изъ того, что дѣлало законченнымъ, совершеннымъ ихъ строй, въ которомъ отдѣльныя ихъ части („Glieder“) находились въ точномъ соотношеніи другъ съ другомъ, и все производное еще было связано со своимъ источникомъ видимою ясною связью (Vocalismus, стр. 2)“. Пока значеніе сложнаго состава (Zusammensetzung) еще чувствуется въ грамматической формѣ, она еще оказываетъ сопротивленіе измѣненію. Но чѣмъ болѣе языки удаляются отъ своего первоначальнаго источника, тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать стремленіе къ благозвучію. („Abhandlungen“ Берлинской Акад. 1824, стр. 119). Этотъ взглядъ также нашелъ болѣе усиленное и систематичное выраженіе у Шлейхера.

---

[1]) „Гипостазировать“ понятіе—значитъ приписывать ему бытіе самостоятельное, помимо существованія его въ представленіи.

Прим. перев.

Послѣ этихъ замѣчаній относительно основныхъ воззрѣній Боппа, я перехожу къ болѣе подробному описанію того, какъ онъ представлялъ себѣ измѣненія въ языкѣ, а для порядка изложенія воспользуюсь установленными самимъ Боппомъ категоріями: механическіе и физическіе законы.

То, что Боппъ называетъ механическими законами, обнаруживаетъ свое дѣйствіе прежде всего въ измѣненіяхъ, которыя вызываются въ основѣ слова „вѣсомъ“ (das Gewicht) личныхъ окончаній. За сильной („schwer“) формой корня слѣдуетъ слабое („leicht“) окончаніе, напр. *é-mi* „я иду“ отъ *i* „идти“ [1]), и наоборотъ передъ сильнымъ окончаніемъ терпима лишь слабая форма корня, напр. *imás* „мы идемъ“. На томъ-же законѣ основано нѣмецкое чередованіе гласныхъ („Ablaut“), которое сохранилось вплоть до настоящаго времени, напримѣръ, въ формахъ ich *weiss*, wir *wissen*. Такимъ образомъ Боппъ, судя по этому, очевидно принимаетъ, что формы, составляющія въ своей совокупности звенья одной парадигмы, по возможности должны быть приблизительно равнаго вѣса, и вслѣдствіе этого корень будетъ имѣть слабую форму тамъ, гдѣ окончаніе сильно, и наоборотъ. Въ настоящее время мы исходимъ (оставаясь при вышеприведенномъ примѣрѣ) изъ сильной формы корня *ei*, какъ первоначальной, и принимаемъ, что *ei* подъ вліяніемъ слѣдующаго за нимъ высокаго (и сильнаго) слогового звука превратилось въ *i*.

Кромѣ вліянія вѣса личныхъ окончаній, Боппъ замѣчаетъ еще другое дѣйствіе закона „тяготѣнія“ (Gravitätsgesegetz), которое можно пояснить наглядно на слѣдующихъ примѣрахъ. Коренные слоги имѣютъ своей задачей поддерживать словообразовательные или суффиксальные слоги, и можетъ случиться, что коренной слогъ для того не достаточно силенъ. Такой случай имѣется въ санскритскомъ повелит. накл. *cinu* (чит. чину) „собирай“ отъ *ci*, при чемъ замѣчается, что признакъ *nu* лишь въ томъ случаѣ можетъ поддерживать окончаніе *hi*, если гласный *u* находитъ опору въ двухъ предыдущихъ согласныхъ, какъ это имѣется напр. въ *āpnuhi*. „Тамъ же, гдѣ согласному *n* предшествуетъ только одинъ простой согласный, тамъ оно уже потеряло способность поддерживать окончаніе [2]) *hi*, откуда *cinu* собирай, отъ *ci*“ (§ 451). По-

---

[1]) Боппъ считаетъ за основную форму корня его „слабый“ видъ (въ данномъ случаѣ *i*), рядомъ съ которомъ находится сильная или полная форма *ei* (санскр. é-, греч. ει- въ εἶ-μι «иду»), считаемая современной сравнит. грамматикой за основную. *Прим. ред.*

[2]) Окончаніе 2 л. повелит. наклоненія, соотвѣтствующее греческому—θι: κλῦθι | санскр. çrnuhi и çrudhi. *Прим. ред.*

добнымъ же образомъ объясняетъ себѣ Бопнъ то обстоятельство, что окончанія прошедшаго совершеннаго (перфекта), сравнительно съ окончаніями настоящ. времени, являются сильно искаженными. Такъ какъ въ прошедшемъ совершенномъ корень долженъ поддерживать также и слогъ, образуемый удвоеніемъ, то ему приходится какъ бы справляться съ грузомъ уже не съ одной, а съ обѣихъ сторонъ, и онъ болѣе не въ состояніи поддерживать тяжелое [1]) окончаніе. Ясно, что этотъ второй законъ тяготѣнія; дѣйствіе котораго Бопнъ видитъ еще въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, находится въ прямой противоположности съ первымъ закономъ, и въ настоящее время вѣроятно всѣ согласятся, что мысль, высказанная въ этомъ законѣ, страдаетъ [неумѣстной] образностью и неясностью.

Отъ механическихъ законовъ, которые мы (какъ уже замѣчено) теперь не можемъ болѣе представлять себѣ и признавать въ томъ видѣ, какъ это дѣлалъ Бопнъ, я перехожу къ *физическимъ законамъ*, которые мы нынѣ называемъ обыкновенно звуковыми законами (Lautgesetze). Чтобы оцѣнить по достоинству основную точку зрѣнія Бопна на этотъ предметъ, важно уяснить себѣ, какимъ путемъ вообще можно было бы притти къ установленію опредѣленныхъ звуковыхъ законовъ. Всякій, кто только сравнивалъ санскритъ съ другимъ индогерманскимъ языкомъ, хотя бы съ греческимъ, долженъ былъ вынести впечатлѣніе, что въ обоихъ языкахъ существуютъ слова и образованія, сполна покрывающія другъ друга. Никакъ нельзя было проглядѣть, что напр. санскр. *mâtár* и греч. μήτηρ, санскр. *dáma* и греч. δόμος, санскр. *pitár* и греч. πατήρ—одни и тѣ-же слова, и что флективныя окончанія глагола въ существенныхъ чертахъ совпадаютъ въ обоихъ языкахъ. Убѣжденіе въ этомъ совпаденіи основывалось на непосредственной очевидности и не нуждалось въ дальнѣйшихъ доказательствахъ. Изъ сравненія можно было вывести правило, что извѣстнымъ звукамъ санскрита отвѣчаютъ извѣстные звуки греческаго языка: санскритскому *m*—греч. μ, санскр. *t*—греч. τ. и т. д. Въ то же время, даже при сопоставленіи совсѣмъ небольшого числа словъ, оказалось, что не всегда извѣстный звукъ санскрита отвѣчалъ одному и тому же звуку греческаго языка. Такъ напр. въ *dáma*—δόμος, *dádāmi*—δίδωμι индійскому *d* соотвѣтствуетъ греческое δ, между тѣмъ какъ въ такой парѣ, какъ *duhitár*—θυγάτηρ, разъединить которую не представлялось возможнымъ, тому же индійскому *d* отвѣчало греческое θ. На основаніи такихъ наблюденій поневолѣ

[1]) Или сильное. *Прим. ред.*

должны были притти къ убѣжденію, что всякое правило допускаетъ исключенія и, слѣдовательно, выразиться такимъ образомъ: обыкновенно индійскому *d* отвѣчаетъ греческое δ, но иногда также и греческое ϑ. А къ подобному правилу мыслимо двоякое отношеніе. Либо можно, исходя изъ теоретическаго убѣжденія, что законъ не терпитъ исключеній, чувствовать себя вынужденнымъ искать причинъ, порождающихъ такъ называемыя исключенія, либо можно успокоиться на формулировкѣ правила съ помощью словечекъ „обыкновенно" и „иногда". Послѣдняя точка зрѣнія и есть, вообще говоря, Боппо вская. „Не слѣдуетъ искать—таково было его мнѣніе—въ языкахъ законовъ, которые могли бы оказать болѣе стойкое сопротивленіе, чѣмъ берега рѣкъ и морей". (Vocalismus стр. 15). Въ другихъ мѣстахъ онъ, по крайней мѣрѣ относительно извѣстной части наблюдаемыхъ звуковыхъ явленій, придерживается этого удобнаго способа пониманія, полагая, что въ языкахъ существуютъ двоякаго рода эвфоническія измѣненія: „одни, поднявшіяся до значенія общаго закона, проявляются въ одинаковомъ видѣ при каждомъ одинаковомъ поводѣ, тогда какъ другія, не успѣвшія стать закономъ, обнаруживаются лишь случайно (Ср. Гр. Изд. 1. § 236, прим.). Можно скоро замѣтить, что явленія этого послѣдняго рода занимаютъ, по мнѣнію Боппа, болѣе обширное мѣсто, чѣмъ явленія перваго рода. Онъ часто приписываетъ языку право „съ извѣстной свободой" отклоняться отъ существующаго закона. Что гласные безъ причины удлиняются, что безъ достаточнаго повода происходятъ сильныя искаженія (такъ, напр., ἐτύπην есть якобы искаженное ἐτύφθην), что одно и то же сочетаніе звуковъ въ одномъ и томъ же періодѣ жизни языка подвергается весьма различнымъ преобразованіямъ, все это не удивляетъ его. Такъ, напр., мѣстоименная основа *sma* въ готскомъ появляется будто бы въ шести видахъ: *nsa*, *sva*, *nka*, *nkva*, *mma* и *s* (§ 167). Если для кажущагося ему вѣроятнымъ перехода онъ не могъ указать аналогіи въ томъ же языкѣ, то онъ обращался къ другому языку; напр., для того, чтобы подтвердить свое положеніе, что *l* славянскихъ причастій произошло изъ *t*, онъ ссылается на бенгальскій. Звукъ κ въ δέδωκα онъ производитъ изъ *s*, межъ тѣмъ какъ то же κ въ τέτοφα „совершенно въ духѣ германскаго закона передвиженія согласныхъ" дало якобы *h*, а послѣднее, въ соединеніи съ предыдущимъ глухимъ или звонкимъ согласнымъ, превратилось въ аспирату или звукъ придыхательный (§ 569). Онъ не останавливается даже передъ признаніемъ совершенно единичныхъ случаевъ перехода. Непреложность и отсутствіе исключеній Боппъ признаетъ за звуковыми законами лишь

въ рѣдкихъ случаяхъ. Интересный примѣръ этого рода находится въ его разсужденіи объ указательномъ мѣстоименіи и происхожденіи падежныхъ суффиксовъ (Зап. [Abh.] Берлин. Акад. 1826). Здѣсь ему очень важно доказать, что членъ *sa*—*ὁ* не могъ никогда имѣть окончанія именительнаго падежа -*s*, и, поэтому, онъ, отклоняя предположеніе, что это *s* могло отпасть въ санскритѣ и греческомъ, пользуется, какъ оружіемъ, непреложностью звуковыхъ законовъ, въ слѣдующихъ характерныхъ выраженіяхъ: „Не слѣдуетъ однако упускать изъ вида, что такія отпаденія обыкновенно, если не всегда, имѣютъ мѣсто скорѣе въ массѣ и закономѣрно, чѣмъ въ единичныхъ случаяхъ и произвольно, и что, если духъ языка въ извѣстный періодъ его исторіи почему либо не взлюбитъ той или другой буквы, какъ крайней колонны въ словѣ, то онъ вытѣсняетъ ее отовсюду, гдѣ только ее находитъ, такъ что не остается даже и одной, которая позволяла бы догадываться, что тутъ существовали еще другія ей подобныя. Такимъ именно образомъ свирѣпствовалъ въ греческомъ языкѣ звуковой законъ противъ τ и искоренилъ его повсюду, гдѣ оно стояло въ качествѣ конечной буквы, какъ бы важна и широка ни была до этого его грамматическая роль, о которой достаточно ясно можно заключить изъ сравненія съ родственными языками. Между тѣмъ Σ, напротивъ, такъ и осталась пріятною для греческаго уха конечной буквой, и, насколько охотно она давала себя вытѣснить въ серединѣ словъ между двумя гласными, настолько-же стойкою показала себя въ концѣ словъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сравнительное языкознаніе даетъ право ожидать ее“.

Изъ этихъ цитатъ, число которыхъ можно было бы увеличить до безконечности, видно, что хотя Боппъ, правда въ отдѣльномъ случаѣ, гдѣ факты, казалось, ему это внушали, но отнюдь не вообще, признавалъ звуковой законъ не имѣющимъ исключеній, тѣмъ не менѣе допускалъ у языка свободу при случаѣ уклоняться отъ существующихъ законовъ. Всѣми (даже тѣми изслѣдователями, которые не придерживаются принципа, что звуковой законъ не имѣетъ исключеній) признается единодушно, что въ области фонетики Боппъ больше всего оставилъ работы своимъ преемникамъ. Для него (намекъ на это уже сдѣланъ былъ выше) всегда рѣшающимъ было общее впечатлѣніе, что подвергнутыя сравненію слова тожественны, и къ этому общему впечатлѣнію звуки должны были прилаживаться; провѣрку извѣстнаго положенія сопоставленіемъ разныхъ судебъ того же самаго звука, засвидѣтельствованныхъ другими случаями, онъ допускалъ не въ достаточномъ объемѣ.

Заполненіе этого пробѣла — вотъ великая заслуга **Августа Фридриха Потта**.

Только что описанный методическій недостатокъ изслѣдованій Боппа не ощущался такъ сильно въ области индогерманскихъ языковъ потому, что она дѣйствительно изобилуетъ такими формами и словами, гдѣ одинаковый звукъ является на одномъ и томъ же мѣстѣ, и еще потому, что Боппомъ при раскрытіи неприметныхъ сходствъ съ поразительною правильностью руководила его геніальная проницательность. Но недостатокъ этотъ рѣзко сказался, когда Боппъ вздумалъ привлечь къ сравненію языки, принадлежность которыхъ къ нашей семьѣ языковъ не была установлена, я разумѣю именно языки малайско-полинезійскіе. Въ настоящее время, насколько я знаю, рѣшительно всѣми знатоками признано, что языки эти не имѣютъ ничего общаго съ санскритскими [1]). Боппъ однако вынесъ впечатлѣніе, будто они являются сыновьями санскрита, и въ своей Сравн. Гр. старался подтвердить это родство такимъ же точно образомъ, какъ родство индогерманскихъ языковъ, насколько это допускаетъ характеръ выше названныхъ языковъ, „испытавшихъ полное распаденіе своего первоначальнаго строя“. Такимъ образомъ, онъ и здѣсь не попытался устанавливать таблицы звуковыхъ соотвѣтствій, но только сравнивалъ между собою слова, казавшіяся ему тожественными (напр. числительныя), и старался разобраться въ звуковыхъ переходахъ въ отдѣльныхъ данныхъ случаяхъ. Разумѣется, его образъ дѣйствія здѣсь, гдѣ ему приходилось имѣть дѣло съ совершенно неподдававшимся его усиліямъ матеріаломъ, оказался болѣе насильственнымъ, чѣмъ въ области индогерманскихъ языковъ. Я поясню эту насильственность примѣромъ. Это—разборъ слова *po*, означающаго „ночь“. О немъ Боппъ говоритъ („О родствѣ малайско-полинезійскихъ языковъ съ индоевропейскими“. Зап. [Abh.] Берл. Акад. 1840. стр. 172) слѣдующее: „Обычное названіе ночи звучитъ въ южно-океанскихъ языкахъ, именно въ новозеландскомъ, таитскомъ и гавайскомъ, *po*, которое, подобно эху, повторяетъ только послѣдній слогъ санскритскаго *kshapas, kshapo*“. Но вотъ кромѣ того существуетъ слово *bo* день, которое, какъ значится на стр. 228, могло бы происходить отъ скр. *divas, divo*. „А если бы оказалось — продолжаетъ Боппъ — что тонгское *bo* имѣетъ связь съ упомянутымъ ранѣе *po*, означающимъ въ южно-океанійскихъ языкахъ

---

[1]) Авторъ употребляетъ здѣсь опредѣленіе «санскритскіе» языки въ устарѣломъ его значеніи: «индоевропейскіе» или «арійскіе».

Прим. ред.

ночь, то пришлось-бы оставить сопоставленіе этого *po* съ санскритскимъ *kshapas*, и принять, что у этого *po* отпалъ эпитетъ, который въ тонгскомъ преображаетъ день въ ночь и обозначаетъ эту послѣднюю, какъ черный или темный день".

Послѣ того, что я сказалъ выше объ отношеніи Боппа къ фонетикѣ, нѣтъ необходимости дольше останавливаться на подобныхъ экстравагантностяхъ; изъ сказаннаго и безъ того уже ясно, что въ неудачѣ этой экскурсіи его въ малайско-полинезійскую область обнаружился не какой либо прирожденный (constitutioneller) недостатокъ языкознанія вообще, но лишь восполненный вслѣдствіи недочетъ Бопповскаго метода, въ этомъ пунктѣ еще несовершеннаго.

То, что Боппъ еще не могъ выбраться изъ довольно свободнаго представленія о звуковыхъ процессахъ и звуковыхъ законахъ, слѣдуетъ признать весьма естественнымъ. Боппъ былъ вовсе не естествоиспытателемъ, но филологомъ, проведшимъ всю свою жизнь среди грамматикъ. Конечно мысль, что законъ по желанію допускаетъ исключенія, кажется естествоиспытателю смѣшной или возмутительной, межъ тѣмъ какъ это воззрѣніе въ филологической теоріи и практикѣ было вполнѣ ходячимъ. Во всѣхъ грамматикахъ масса „неправильностей" по меньшей мѣрѣ равнялась массѣ „правильнаго, законнаго", и правило безъ исключеній прямо таки возбуждало къ себѣ недовѣріе. А такого рода унаслѣдованныя убѣжденія исчезаютъ лишь въ цѣломъ рядѣ смѣняющихся поколѣній.

Заслуга Боппа состоитъ, какъ выше уже замѣчено, въ томъ, что онъ построилъ самостоятельную теорію происхожденія флексіи и затѣмъ въ томъ, что онъ научнымъ путемъ доказалъ исконную, основную взаимную связь индогерманскихъ языковъ.

Теперь, когда мы представили читателю отчетъ о работахъ Боппа въ той и другой области, мы можемъ резюмировать въ немногихъ словахъ, въ чемъ собственно заключается его духовная своеобразность, особенно обнаруживнаяся въ произведеніяхъ этого великаго ученаго.

Когда слышишь, что одинъ человѣкъ представилъ сравнительный обзоръ санскрита, древнеперсидскаго, зендскаго, армянскаго, греческаго, италійскаго, кельтскаго, славянскаго и германскаго языковъ и, пройдя всю эту громадную область, добрался и до языковъ южнаго океана, поневолѣ будешь склоненъ приписывать этому человѣку необыкновенную, прямо выходящую за всякіе

предѣлы ученость. Но при ближайшемъ наблюденіи легко замѣтить, что ученость не есть собственно характерное для Боппа качество. Разумѣется, въ своей трудолюбивой жизни онъ многое изучилъ, но онъ не былъ однимъ изъ тѣхъ людей, ученость которыхъ прямо пугаетъ въ родѣ того, какъ это было у А. В. фонъ Шлегеля. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, въ дѣлѣ разъясненія которыхъ его заслуги незабвенны, какъ напр. въ славянскихъ и кельтскихъ, онъ обладалъ (говоря языкомъ филологовъ) лишь скудными познаніями, а по отношенію къ извѣстнымъ деталямъ традиціи, напр. къ правиламъ латыни, онъ былъ иногда равнодушнѣе, чѣмъ это желательно. Такъ, онъ не постѣснялся дать своему санскритскому словарю такое заглавіе: *glossarium sanscritum a Francisco Bopp*, и предпочиталъ сочетать *postquam* съ Plusquamperfectum. Что не казалось полезнымъ для разъясненія формъ и уясненія естественнаго строя языка, къ тому онъ оставался въ извѣстной степени равнодушнымъ. Не вполнѣ вѣрно и то, будто Боппъ, какъ часто увѣряютъ, открылъ сравнительный методъ въ языкознаніи: Боппъ обладалъ несравненнымъ умѣніемъ въ разрозненномъ угадывать прежнее единство, но особаго искусства, метода, который у него можно было бы перенять, онъ не создалъ. Скорѣе именно методическая сторона, какъ показано выше, составляетъ его слабое мѣсто.

Величіе Боппа совсѣмъ въ другомъ, независимомъ отъ учености и метода, именно въ томъ, что мы зовемъ геніальностью. Его „Сравнительная грамматика“ основана на рядѣ геніальныхъ открытій, которыя стали возможны, благодаря природному дару, не поддающемуся нашему дальнѣйшему анализу, а не труду и эрудиціи. Этимъ я, разумѣется, не хочу сказать, чтобы Боппъ не былъ многимъ обязанъ своей учености и своему логически разсуждающему разуму, а говорю только въ томъ смыслѣ, что счастливый взглядъ играетъ у него гораздо важнѣйшую роль, чѣмъ у другихъ отличныхъ языковѣдовъ, напр. у Августа Шлейхера.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Современники и преемники Боппа до Августа Шлейхера.

Боппъ былъ самостоятеленъ, но не одинокъ. Одновременно съ нимъ работали въ смежныхъ областяхъ знанія Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, Августъ Вильгельмъ фонъ-Шлегель, Яковъ Гриммъ. Попытаюсь опредѣлить степень вліянія, оказаннаго этими дѣятелями на основанную Боппомъ науку.

О Вильгельмѣ ф. Гумбольдтѣ [1]) Боппъ никогда не говоритъ иначе, какъ съ выраженіемъ глубокаго почитанія. Достаточно привести слова, которыми онъ заключаетъ предисловіе ко второму отдѣлу „Сравнительной грамматики“: „Относительно этого наблюденія, затронутаго уже въ другомъ мѣстѣ (рѣчь идетъ о склоненіи именъ прилагательныхъ), я имѣлъ счастіе узнать еще въ высшей степени для меня цѣнное одобрительное мнѣніе моего покойнаго покровителя В. ф. Гумбольдта, въ лицѣ котораго языкознаніе лишилось недавно своего лучшаго украшенія. Еще вполнѣ охваченный скорбью по поводу этой тяжкой потери, я не могу упустить случая воздать здѣсь славной памяти этого великаго человѣка дань искреннѣйшаго почтенія и выразить удивленіе, которымъ меня преисполнили какъ его остроумныя сочиненія, относящіяся къ области философскаго и историческаго языкознанія, такъ и его поучительное и полное любви личное и письменное обращеніе со мною“.

Я не нахожу, однако, что В. ф. Гумбольдтъ оказалъ значительное вліяніе на Боппа. Безконечно многосторонняя, соединявшая и примирявшая въ себѣ самыя разнообразныя знанія и стремленія духовная природа Гумбольдта не годилась для того, чтобы придать другое направленіе уму такой большой и простой силы, какъ у Боппа. Вообще нѣтъ ничего труднѣе, какъ опредѣлить въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ, въ чемъ заклю-

---

[1]) См. о немъ Р. Гайма, «Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ, описаніе его жизни и характеристика». Перев. съ нѣм. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1899.
Прим. ред.

чается вліяніе Гумбольдта именно на индогерманское языкознаніе. Трудно указать въ данной наукѣ область, въ которой онъ первый проложилъ бы дорогу, назвать опредѣленно теорію, которую бы онъ построилъ, или обозначить точку зрѣнія, которая восходила бы исключительно къ нему, и все же не только Боппъ, но и другіе представители этой спеціальности, какъ Поттъ, Шлейхеръ, Курціусъ, признаютъ себя благодарными учениками Гумбольдта. На вопросъ, чѣмъ же повліялъ Гумбольдтъ на этихъ дѣятелей, по моему мнѣнію, должно отвѣчать такъ: главнымъ образомъ всѣми сторонами своей духовной личности. Его высокая и безкорыстная любовь къ истинѣ, его взглядъ, направленный всегда къ высшимъ идеальнымъ цѣлямъ, его стремленіе не упускать изъ за подробностей цѣлое и изъ за цѣлаго отдѣльные факты, чтобы предохранить себя, какъ отъ опасностей спеціализаціи, такъ и отъ крайностей прежней, „всеобщей грамматики", осторожно взвѣшивающая справедливость его сужденій, его всесторонне образованный умъ и благородная гуманность—всѣ эти свойства дѣйствуютъ укрѣпляюще и просвѣтляюще на каждую другую научную личность, приходящую въ соприкосновеніе съ Вильгельмомъ фонъ Гумбольдтомъ, и такое вліяніе Гумбольдтъ, по моему мнѣнію, сохранитъ еще надолго и будетъ продолжать производить даже на тѣхъ, кто останавливается безпомощно передъ его теоріями.

Менѣе дружелюбно, чѣмъ къ Вильгельму фонъ Гумбольдту, потомство отнеслось къ Августу Вильгельму фонъ Шлегелю. Внѣ круга спеціалистовъ, мнѣ кажется, недостаточно извѣстно, что переводчикъ Шекспира [1]) является въ то же время и основателемъ санскритской филологіи. А. В. фонъ Шлегелю шелъ уже сорокъ восьмой годъ, когда онъ началъ заниматься санскритомъ, но его удивительное прилежаніе и способность оріентироваться, усиленная многостороннимъ упражненіемъ, въ короткое время дала ему побѣду надъ тѣми громадными трудностями, которыя въ то время препятствовали изученію индійской литературы. Съ удивленіемъ читаемъ мы, какъ вѣрно онъ въ самомъ началѣ опредѣлилъ тѣ задачи, которыя слѣдовало разрѣшить: „Для успѣшнаго изученія индійской литературы — таковы его слова въ „Индійской библіотекѣ" I. 22,—должны быть примѣняемы (и со всей научной строгостью) правила классической фи-

---

[1]) А. В. ф. Шлегель, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Фридр. ф. Шлегелемъ, дали классическій стихотворный переводъ Шекспира на нѣмецкій языкъ.

Прим. ред.

логіи. Не слѣдуетъ возражать, что ученые брахманы владѣютъ пониманіемъ своихъ старыхъ книгъ, благодаря непрерывной традиціи; что для нихъ санскритъ до сихъ поръ еще живой языкъ, и что слѣдовательно мы должны учиться только у нихъ. Съ греками до разрушенія Константинополя дѣло обстояло такъ же: знанія такихъ людей, какъ Ласкарисъ, Дмитрій Халкондилъ, въ области древней литературы ихъ народа были во всякомъ случаѣ цѣнны; и тѣмъ не менѣе западные ученые поступили очень хорошо, что не удовольствовались ими. Къ пониманію грековъ въ Европѣ были довольно хорошо подготовлены, благодаря никогда вполнѣ не прекращавшемуся знакомству съ латинской литературой. Здѣсь же, напротивъ, мы вступаемъ въ совершенно новый кругъ идей. Мы должны учиться понимать письменные памятники Индіи въ одно и то же время, какъ брахманы и ихъ европейскіе критики. Современный гомеровскій вопросъ былъ такъ же чуждъ вышеупомянутымъ греческимъ ученымъ, какъ были бы чужды мудрецамъ Индіи изслѣдованія о началѣ индійской религіи и законодательства, о постепенномъ развитіи миѳологіи, ея внутренней связи и противорѣчіяхъ, о ея космогоническомъ, физическомъ или историческомъ истолкованіи и, наконецъ, о примѣсяхъ позднѣйшаго вымысла. Издателю индійскихъ текстовъ представляются тѣже задачи, какъ и филологу-классику: установленіе подлинности или подложности цѣлыхъ текстовъ и отдѣльныхъ мѣстъ, сравненіе рукописей, выборъ разночтеній, а иногда и критическое исправленіе его помощью конъектуръ, [1]) наконецъ, примѣненіе всѣхъ искусныхъ пріемовъ проницательнѣйшей герменевтики" [2]). За этой программой у А. В. ф. **Шлегеля** сейчасъ же послѣдовало и выполненіе ея на дѣлѣ. Его изданія, по отзыву знатоковъ дѣла, даютъ все, что вообще можно было дать тогда, и полагаютъ собой настоящее начало индійской филологіи. Къ **Боппу** А. В. ф. **Шлегель** относился сначала дружелюбно. Онъ первый (въ „Heidelberger Jahrbücher" 1815, сент. № 56) возвѣ-

[1]) **Конъектура** — догадка, возстановленіе испорченнаго или уничтоженнаго мѣста въ рукописномъ, рѣже печатномъ текстѣ какого-нибудь автора. Возстановленіе это совершается на основаніи смысла уцѣлѣвшаго сосѣдняго текста, на основаніи грамматическихъ соображеній, историческихъ данныхъ и т. п. Особое развитіе этотъ пріемъ получилъ въ классической филологіи.
Прим. ред.

[2]) **Герменевтика** — ученіе о способахъ толкованія рѣчей или сочиненій, по возможности ближе къ ихъ истинному смыслу. Также — искусство правильнаго и точнаго толкованія текстовъ при ихъ передачѣ на чужой языкъ.
Прим. ред.

стилъ публикѣ, чего ей слѣдовало ожидать отъ Боппа; онъ же благосклонно и внимательно рецензировалъ „Наля“ Боппа [1]) и еще въ 1827 году увѣрялъ въ первомъ письмѣ къ Герену („Индійская библіотека“ 2,385), что „Боппъ и онъ съ самаго начала ихъ взаимнаго знакомства въ Парижѣ въ 1812 г. всегда работали для одной и той же цѣли въ дружественномъ соревнованіи и согласіи“. Впослѣдствіи отношенія ихъ измѣнились, и дружественное соревнованіе смѣнилось однимъ изъ тѣхъ литературныхъ враждебныхъ отношеній, которыя составляли для А. В. ф. Шлегеля жизненную потребность.

До серьезной полемики между Шлегелемъ и Боппомъ дѣло не дошло, если не считать нѣкоторыхъ язвительныхъ эпиграммъ со стороны А. В. фонъ-Шлегеля, на которыя Боппъ отвѣтилъ. Разногласіе касалось двухъ областей: санскритской филологіи и языкознанія. Рядомъ со своими большими работами по сравнительному языкознанію, Боппъ нашелъ еще время, чтобы создать необходимыя пособія къ изученію санскритскаго языка: изданіе „Наля“, словарь, и главное — грамматику санскритскаго языка, изданную въ нѣсколькихъ редакціяхъ различнаго способа изложенія. При составленіи именно этой грамматики онъ сдѣлалъ упущеніе, котораго ему не простилъ А. В. фонъ-Шлегель. Боппъ никогда не изучалъ спеціально индійскихъ туземныхъ грамматиковъ; то, что ему изъ этой области казалось годнымъ для его цѣлей, онъ бралъ изъ вторыхъ рукъ, а именно—изъ грамматикъ своихъ англійскихъ предшественниковъ; самъ онъ довольствовался тѣмъ, что проникалъ въ сущность священнаго языка Индіи путемъ непосредственнаго наблюденія и сравнительнаго расчлененія. Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что въ теоріи Шлегель былъ совершенно правъ, требуя, чтобы туземныхъ знатоковъ индійской грамматики не оставляли безъ вниманія, но справедливо также и то, что Боппъ руководствовался вѣрнымъ чутьемъ. Обработка индійскихъ грамматиковъ при тогдашнихъ пособіяхъ потребовала бы цѣлые годы, и Бенфей (въ „Исторіи языкознанія“ 389) справедливо сомнѣвается, подходила ли именно Боппу эта преимущественно филологическая задача.

Въ другой области, именно въ области сравнительнаго языко-

[1]) Изданіе эпизода о Налѣ и Дамаянти изъ индійской эпической поэмы Магабхарата, сдѣланное съ лат. переводомъ и комментаріями Боппомъ п. з. Nalus, carmen sanscritum e Mahâbhârato: edidit, latine vertit et adnotationibus illustravit Franciscus Bopp. London 1819. 8° XIII. 216. Оно явилось первымъ удобнымъ и практическимъ пособіемъ для первоначальнаго изученія санскрита, какого не доставало наукѣ. *Прим. ред.*

знанія, А. В. фонъ-Шлегель считалъ себя обязаннымъ защищать, такъ сказать, семейную честь. Тѣмъ, что Боппъ все болѣе и болѣе уклонялся отъ теоріи Фридриха Шлегеля, братъ послѣдняго былъ весьма недоволенъ. Онъ считалъ себя естественнымъ защитникомъ „органической" точки зрѣнія, у которой теорія агглютинаціи Боппа начинала такъ успѣшно отвоевывать поле дѣйствій. Къ сожалѣнію А. В. фонъ-Шлегель не пошелъ дальше сообщенія о предстоящемъ появленіи въ свѣтъ большаго лингвистическаго труда, долженствовавшаго носить заглавіе: „Etymologicum novum sive synopsis linguarum, qua exponitur parallelismus linguae Brachmanum sacrae cum lingua Graeca et Latina; cum reliquiis linguae Etruscae, Oscae ceterarumque indigenarum veteris Italiae dialectorum, denique cum diversis populorum Teutonicorum linguis, Gothica, Saxonica, Francica, Alemannica, Scandica, Belgica". [1]) Сохранилась, однако, объемистая и подробная рецензія его близкаго ученика Христіана Лассена, посвященная грамматическимъ работамъ Боппа, изъ которой видно, какъ приблизительно судили о Боппѣ въ Шлегелевскомъ кружкѣ. Тонъ, въ которомъ Лассенъ пишетъ, — тонъ холоднаго, но справедливаго судьи. Достойное одобренія отмѣчается имъ по заслугамъ, ошибочное—подвергается серьезному порицанію, и раздраженіе прорывается только при упоминаніи о теоріи агглютинаціи. Мѣсто это гласитъ такъ (Индійская библ. 3,78): „Я имѣлъ намѣреніе выступить противъ встрѣчающейся здѣсь снова теоріи агглютинаціи; но такъ какъ мнѣ извѣстно, что объ этомъ будетъ говорить господинъ фонъ-Шлегель, то я добровольно умолчу о данномъ вопросѣ, который, конечно, заслуживаетъ того, чтобы быть разработаннымъ его болѣе искусной рукой. Итакъ, я только упомяну, что по мнѣнію господина Боппа характерныя буквы личныхъ окончаній суть собственно не что иное, какъ приставленныя мѣстоименія, и что источникъ многихъ временныхъ формъ глагола слѣдуетъ искать, по его мнѣнію, въ глаголѣ существительномъ (*as*), входящемъ въ ихъ составъ. Это слово въ книгѣ, подлежащей разсмотрѣнію, играетъ вообще роль извѣстнаго „вездѣ и нигдѣ" и превращается, какъ Протей, въ самыя разнообразныя формы. Хотя приправы, подъ которыми господинъ Боппъ угощаетъ словечкомъ

---

[1]) «Новый этимологиконъ или обозрѣніе языковъ, въ которомъ изображается параллелизмъ священнаго языка брахмановъ (т. е. санскрита) съ греческимъ и латинскимъ; съ остатками языковъ этрусскаго, осскаго и прочихъ туземныхъ діалектовъ древней Италіи; и, наконецъ, съ различными языками тевтонскихъ (т. е. германскихъ) народовъ, готскимъ, саксонскимъ, франкскимъ, алеманскимъ, скандинавскимъ, бельгійскимъ. *Прим. ред.*

as, мнѣ рѣдко приходятся особенно по вкусу, но я все-же, изъ чувства признательности къ его прочимъ полезнымъ стремленіямъ, укажу на неизвѣстную ему форму этого глагола, съ которой я самъ, правда, немного съумѣлъ бы сдѣлать, не отрицая однако же поэтому, что другіе, быть можетъ, воспользуются ею для самыхъ неожиданныхъ объясненій производныхъ формъ. Форма эта — *âs* (вмѣсто *âst*), 3 лицо единственнаго числа — imperfecti act. (Панини VII, 3,97). Краткость формы дѣлаетъ ее весьма удобной для объясненія ею производныхъ формъ; такъ какъ вообще для построенія этимологіи не можетъ быть болѣе пригодныхъ словъ, чѣмъ коротенькія китайскія, ибо стоитъ только въ нихъ упустить изъ виду одинъ гласный, перемѣнить одинъ согласный въ другой, чтобы получить изъ нихъ по желанію финскія, коптскія и ирокезскія слова. Но вѣнецъ теоріи агглютинаціи мы находимъ въ производствѣ обыкновеннаго приращенія (Augments) отъ *a privativum*. Изъ всѣхъ странныхъ свойствъ, которыми, будто-бы, были одарены первобытные люди, самое примѣчательное — та логика, по которой они, вмѣсто „я видѣлъ",—говорили „я не вижу". Въ примѣненіи къ педагогикѣ такой образъ дѣйствій слѣдовало бы изложить такъ: Если ты возьмешься за воспитаніе своихъ дѣтей, то прежде всего отруби имъ головы. Сперва отнимаютъ у глагола его значеніе, чтобы затѣмъ получить возможность образовать изъ него новую форму".

Эта рецензія Лассена вызвала въ кругу друзей Боппа сильное негодованіе, но не оставила послѣ себя прочнаго вліянія, потому что не давала никакихъ положительныхъ построеній, которыя могли бы замѣнить теорію агглютинаціи Боппа. И впослѣдствіи этотъ пробѣлъ не былъ заполненъ ни А. В. фонъ-Шлегелемъ, ни кѣмъ либо изъ его сторонниковъ. Такимъ образомъ оппозиція со стороны Шлегеля и его приверженцевъ мало-помалу пришла въ забвеніе, въ то время какъ теоріи Боппа безпрепятственно одерживали верхъ. Взгляды Шлегеля впослѣдствіи ожили вторично до нѣкоторой степени лишь въ грамматическихъ трудахъ Вестфаля, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Итакъ, вліяніе Шлегеля на сравнительное языкознаніе въ прямомъ отношеніи не было особенно благотворнымъ. Косвенно-же оно было для него не маловажно. Такъ какъ Шлегель далъ могучій толчекъ изученію санскрита, то ему принадлежитъ по праву часть благодарности, которою сравнительное языкознаніе обязано санскритской филологіи.

Зато вліяніе Якова Гримма было велико и непосредственно. Онъ занимаетъ вполнѣ самостоятельное положеніе ря-

домъ съ Боппомъ. Когда въ 1819 году вышелъ первый томъ его нѣмецкой грамматики, научная дѣятельность Боппа ограничивалась пока только выпускомъ въ свѣтъ „Системы спряженія“ и рецензіей на санскритскую грамматику Форстера въ Гейдельбергскихъ Jahrbücher. Гриммъ использовалъ и цитировалъ оба эти труда Боппа, но все сооруженіе его грамматики ведетъ свое начало изъ до-Бопповскаго періода. Въ чемъ заключается составившій эпоху подвигъ Гримма, мы узнаемъ отъ него самого: „Мною сильно завладѣла мысль предпринять составленіе исторической грамматики нѣмецкаго языка,—такъ говоритъ онъ въ предисловіи къ первому изданію своей грамматики,—даже если бы ей, какъ первой попыткѣ, было суждено черезъ непродолжительное время оказаться превзойденной послѣдующими работами. При внимательномъ чтеніи древне-нѣмецкихъ источниковъ я ежедневно открывалъ такія формы и совершенства языка, изъ-за которыхъ мы обыкновенно завидуемъ грекамъ и римлянамъ, когда оцѣниваемъ свойства нашего теперешняго языка; слѣды, которые въ современномъ языкѣ еще сохранились въ обломкахъ и какъ бы въ окаменѣломъ видѣ, стали мнѣ мало-по-малу ясными, и рѣзкіе переходы сгладились, когда явилось возможнымъ связать новое со среднимъ и среднее съ древнимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружились самыя поразительныя сходныя черты между всѣми родственными нарѣчіями, равно какъ и незамѣченныя до сихъ поръ отношенія ихъ отличій. Мнѣ казалось весьма важнымъ прослѣдить до мелочей и изобразить эту непрерывную, все распространяющуюся связь; осуществленіе плана я представилъ себѣ настолько совершенно, что сдѣланное пока мною остается далеко позади его“. Уже давно судъ знатоковъ, согласно съ этими словами, формулировалъ заслуги Гримма въ положеніи: „Гриммъ является творцомъ исторической грамматики“. Нѣмецкая грамматика [1]) сильно повліяла на современниковъ. Прежде всего внушало имъ уваженіе богатство матеріала, въ сравненіи съ которымъ ученическія правила греческой и латинской грамматикъ казались совсѣмъ мизерными. Впервые изъ грамматики Гримма мы узнали, что для вывода извѣстнаго закона необходима полная индукція. Кромѣ того его изложеніе увеличило уваженіе къ тому, что можно назвать первобытнымъ состояніемъ языка; оно, напримѣръ, обезпечило такъ-называемымъ діалектамъ ихъ надлежащее положеніе, рядомъ съ книжнымъ языкомъ, не только въ области

[1]) J. Grimm. „Deutsche Grammatik“, Göttingen, т. I, 1819, (фонетика: 2 изд. 1822), т. II. 1826, т. III—1831 (словообразованіе), т. IV—1837 (синтаксисъ). *Прим. ред.*

нѣмецкаго, но и другихъ языковъ, — какъ можно заключить изъ словъ Аренса, который въ посвященіи своего труда о греческихъ діалектахъ упоминаетъ съ благодарностью о мужѣ, qui conspicuo grammaticae Diutiscae exemplo docuit, dialectorum secundum aetates vel stirpes diversarum diligenti et sagaci comparatione quam possit in secreta linguarum penetrari [1]). На языковѣдовъ имѣлъ особенно сильное вліяніе такъ называемый законъ передвиженія согласныхъ, въ общихъ чертахъ высказанный уже Раскомъ, но извѣстный подъ именемъ „Гриммова". Въ то время какъ изысканія Боппа направлялись главнымъ образомъ на сравненіе и объясненіе формъ, такъ что въ его изложеніи необходимость наблюденій надъ звуками пока еще стояла на заднемъ планѣ, — Раскъ и Гриммъ закономъ передвиженія звуковъ установили прочно фактъ, что переходы звуковъ, или, какъ тогда говорили, буквъ, другъ въ друга происходятъ по извѣстнымъ законамъ; особенно-же между звуками нѣмецкаго языка съ одной стороны и классическихъ языковъ съ другой, наблюдается прочное историческое соотношеніе. Какъ богато было вліяніемъ открытіе закона передвиженія звуковъ, объ этомъ пусть скажетъ намъ А. Ф. Поттъ, творецъ фонетики индогерманскихъ языковъ: „Среди высокихъ заслугъ Я. Гримма въ области общаго и спеціальнаго языкознанія, одна изъ главнѣйшихъ заключается въ томъ, что онъ возвратилъ буквамъ ихъ законныя права, до тѣхъ поръ подвергавшіяся стѣсненію въ наукѣ языкознанія, и поднялъ ихъ на то равноправное положеніе, которое онѣ занимаютъ въ самомъ языкѣ. Историческое изложеніе звуковыхъ переходовъ въ германскихъ языкахъ, данное Гриммомъ, одно уже болѣе цѣнно, чѣмъ иное философское ученіе о языкѣ, полное одностороннихъ или ничтожныхъ отвлеченностей: изъ этого изложенія достаточно явствуетъ, что буква, какъ осязательный элементъ языка, хотя, впрочемъ, и не постоянный, но все-таки движущійся болѣе покойнымъ путемъ, представляетъ собою въ общемъ болѣе вѣрную нить въ темномъ лабиринтѣ этимологіи, чѣмъ значеніе слова, дѣлающее часто смѣлые и разнообразные скачки; изъ этого изложенія явствуетъ, что языкознаніе, въ особенности сравнительное, безъ точнаго историческаго знанія буквъ лишено твердой основы; оно-же наконецъ, доказываетъ съ удивительною ясностью, что даже въ области простыхъ буквъ, да и вообще гдѣ-либо въ языкѣ, господствуетъ не беззаконіе дерзкаго произвола, какъ это можетъ ка-

[1]) «который яркимъ примѣромъ своей «Нѣмецкой грамматики», насколько могъ, научилъ проникать въ тайны языковъ помощью точнаго и проницательнаго сравненія діалектовъ, различающихся другъ отъ друга по времени или по происхожденію». *Перев. ред.*

заться развѣ только спокойному невѣжеству, а разумная свобода, т. е. ограниченіе, производимое своими собственными законами, основанными на природѣ звуковъ" (Этимол. изслѣд. I, XII).

Не безъ основанія, можетъ быть, полагаютъ, что, кромѣ Бопна, никто не имѣлъ такого вліянія на сравнительное языкознаніе, какъ Яковъ Гриммъ (хотя онъ никогда не былъ сравнительнымъ языковѣдомъ въ Бопповскомъ смыслѣ и не всегда извлекалъ изъ трудовъ Боппа тѣ знанія, которыя они могли бы ему дать); во всякомъ случаѣ можно утверждать, что на неоцѣнимые дары, принесенные Боппомъ германской грамматикѣ, Гриммъ отвѣтилъ въ высшей степени цѣнными и почтенными обратными дарами.

Громадная важность начатыхъ Боппомъ и Гриммомъ изслѣдованій не могла укрыться отъ современниковъ, ибо въ самомъ дѣлѣ—какъ выразился однажды впослѣдствіи Корсенъ— столь же можно игнорировать солнечный свѣтъ,сколько и главные результаты сравнительнаго языкознанія. Но логическіе выводы изъ нихъ, особенно по скольку шла рѣчь о преобразованіи въ изученіи классическихъ языковъ, дѣлалисьпока лишь медленно. Выдающіеся ученые, какъ напр. Бутманъ, продолжали разрабатывать свои отдѣлы, не справляясь съ тѣмъ, что дѣлаютъ ихъ товарищи, которые только что изобрѣли новый и лучшій методъ для изслѣдованія своей области; и педагоги, чувствовавшіе себя призванными блюстителями существующаго порядка, вопіяли противъ тѣхъ молодыхъ людей, которые задумали преобразовать все считавшееся до сихъ поръ истиной, но изъ трудовъ которыхъ въ концѣ концовъ для греческой и латинской грамматики не вытекало ничего другого, кромѣ „вѣчнаго Locativus" (Allgemeine Schulzeitung", іюль 1833). Всѣ эти отставшіе изъ лѣности или предубѣжденія находились въ затруднительномъ положеніи въ виду бурныхъ нападеній на нихъ человѣка, который былъ прославленъ по единодушному мнѣнію всѣхъ, какъ самый выдающійся изъ преемниковъ Боппа. Это — Августъ Фридрихъ Поттъ (1802 — 1887 г.), капитальнымъ трудомъ котораго „Этимологическія изслѣдованія въ области индогерманскихъ языковъ, съ особеннымъ отношеніемъ къ переходу звуковъ въ санскритскомъ, греческомъ, латинскомъ, литовскомъ и готскомъ языкахъ" Лемго 1833 —1836 [1])— была основана научная фонетика.

[1]) «Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen mit besonderem Bezug auf die Lautumwandlung im Sanskrit, Grie-

Поттъ пришелъ къ убѣжденію, что отнынѣ, послѣ трудовъ Боппа и Гримма, надежный ключъ къ этимологіи долженъ быть найденъ въ фонетикѣ (См. интересное мѣсто въ Этимолог. изслѣд. 2, 349), и дѣйствительно компететные судьи рѣшили, что Поттъ былъ въ высшей степени способенъ къ рѣшенію этой задачи (на сколько можетъ быть рѣчь о рѣшеніи задачъ, которыя по самой природѣ вещей безконечны). Поттъ, по выраженію Ренана, былъ un esprit à la fois sévère et hardi, столь же богато надѣленный комбинаціонной фантазіей, сколько критическимъ сужденіемъ. Ему мы обязаны не только очень большимъ числомъ этимологій, считаемыхъ безошибочными, но и первыми таблицами звуковыхъ соотвѣтствій, охватывающими сравнивавшіеся языки во всемъ ихъ объемѣ. Будущность, по моему мнѣнію, придетъ къ заключенію, что Поттъ, увлекаемый своей фантазіей, иногда позволялъ себѣ насильственныя предположенія (такъ напр. прежде всего относительно разложенія корней, вопросъ, въ которомъ его побѣдоносно опровергалъ Курціусъ), но что въ общемъ онъ все-же болѣе кого-либо другого способствовалъ установленію точныхъ законовъ о переходѣ звуковъ,—и причислитъ поэтому этимологическія изслѣдованія Потта къ основнымъ трудамъ въ области сравнительной грамматики, которымъ по праву принадлежитъ ближайшее мѣсто рядомъ съ трудами Боппа и Гримма.

Что касается вопроса о возникновеніи флективныхъ формъ, то Поттъ примыкаетъ къ Боппу, утверждая, что послѣдній объяснилъ флексію такъ ясно и прозрачно, что сущность и природа ея въ этимологическомъ отношеніи достаточно понятны и доступны, если не считать нѣкоторыхъ второстепенныхъ трудностей, пока еще не разрѣшенныхъ (II,364). Итакъ, Поттъ, подобно Боппу, находитъ главнымъ дѣйствующимъ принципомъ во флексіи сложеніе, но при этомъ онъ не отказывается вполнѣ отъ символическихъ объясненій. „Способъ обозначенія въ языкѣ—говоря его словами—или символическій или кириологическій. [1]) Въ склоненіи измѣненіе и обозначеніе рода часто имѣютъ символическій характеръ, обозначеніе же падежей и чиселъ напротивъ большею частью —кириологическій“ (II,261). Флективныя окончанія глагола онъ объясняетъ себѣ въ общемъ такъ же, какъ и Боппъ, но слѣдуетъ

chischen, Lateinischen, Litauischen und Gotischen“, Lemgo 1833—36 (2 тома). Второе изданіе, вполнѣ переработанное, вышло въ 6 частяхъ и 11 томахъ въ Детмольдѣ въ 1859—1876 гг. *Прим. ред.*

[1]) Терминъ *кириологическій*, употребленный здѣсь Боппомъ и вообще очень рѣдкій, происходитъ отъ греческаго глагола κυριολογεῖν = «употреблять слово въ его собственномъ, не метафорическомъ, значеніи». *Прим. ред.*

замѣтить, что букву *n* въ третьемъ лицѣ множественнаго числа, оканчивающемся на *anti*, онъ не объясняетъ, какъ Боппъ, символически, но видитъ въ немъ мѣстоименную основу (такого-же мнѣнія былъ впослѣдствіи и Шлейхеръ), а первое лицо множ. числа, оканчивающееся на *masi*, онъ представляетъ образовавшимся изъ мѣстоим. личн. „я" и „ты" (1,710). Слѣдовательно, онъ наравнѣ съ Боппомъ является рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи агглютинаціи, хотя, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, и склоненъ отвергать выводы изъ теоріи Боппа, касающіеся исторіи языка.

Наряду съ Поттомъ и послѣ него долженъ быть названъ прежде всѣхъ Теодоръ Бенфей, который, будучи въ общемъ приверженцемъ Боппа, уже въ первые годы своего появленія на научномъ поприщѣ обнаружилъ самостоятельную и разностороннюю дѣятельность. Его словарь греческихъ корней (Берлинъ, 1839), предтеча задуманной въ весьма обширномъ стилѣ, но не доведенной до конца греческой грамматики, обнаружилъ, наряду съ достойнымъ удивленія богатствомъ содержанія, богатѣйшій даръ комбинаціи, но въ отношеніи пониманія звуковыхъ измѣненій не можетъ быть названъ шагомъ впередъ, въ сравненіи съ точкой зрѣнія Боппа. Его теоріи о первичныхъ глаголахъ, которыми онъ желалъ бы замѣнить такъ называемые корни, и о происхожденіи суффиксовъ, образующихъ основы, будутъ занимать насъ ниже. Напротивъ здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить важныя заслуги Бенфея въ области индійской филологіи, достигнутыя особенно его изданіемъ Самаведы (Лейпцигъ 1848 г.). Его словарь къ Самаведѣ впервые далъ языковѣдамъ надежный и удобный для пользованія матеріалъ изъ ведійскаго языка и оказалъ самое благотворное вліяніе на этимологическія изслѣдованія [1]).

Замѣчаніе о книгѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1848 году, относится собственно уже къ слѣдующему періоду, обнимающему собой весьма разнообразныя направленія и стремленія, о которыхъ я прежде всего постараюсь дать понятіе, назвавъ главнѣйшихъ ихъ представителей. Затѣмъ уже долженъ получить болѣе обстоятельную характеристику тотъ ученый, который въ нѣкоторомъ смыслѣ заканчиваетъ этотъ періодъ и подводитъ ему итоги, именно Августъ Шлейхеръ.

---

[1]) Тепло написанной оцѣнкой дѣятельности Бенфея († 26 іюня 1881) мы обязаны Бецценбергеру (Журналъ „Bezzenberger's Beiträge z. Kunde der idg Sprachen", т. VIII, 234 сл.).

Въ промежутокъ времени, между появленіемъ этимологическихъ изслѣдованій Потта и выходомъ въ свѣтъ „Компендія“ Шлейхера, произошло весьма значительное расширеніе нашихъ знаній, на что прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе. Быть можетъ ни одно расширеніе знаній не было столь богато послѣдствіями для языкознанія, какъ то, которое совершилось въ области индійской филологіи. Ознакомленіе съ индійской литературой шло такимъ путемъ, что сперва намъ открылись индійскіе средніе вѣка, а уже затѣмъ гораздо позже, приблизительно съ 1840 г., когда началось изученіе ведъ, передъ нами выступила и индійская древность. Благодаря трудамъ Розена, Рота, Бенфея, Вестергорда, Мюллера, Куна, Ауфрехта и др., въ сравнительно короткое время этимологамъ, которые до того располагали лишь довольно скудными индійскими лексикографическими пособіями, была доставлена масса новаго и достовѣрнаго матеріала. Словарь Вильсона (о которомъ, кромѣ статьи Шлегеля въ „Индійской библіотекѣ“ 1,295 сл.л., можно прочесть въ предисловіи Бетлинга и Рота къ первому тому ихъ словаря) представлялъ собой все что угодно, только не исторически расположенный словарь, а индійскіе перечни корней являются такимъ пособіемъ, которое скрываетъ въ себѣ своеобразныя опасности. Даже если допустить, что перечни, составленные индійскими грамматиками, были изготовлены совершенно правильно и дошли до насъ въ неизмѣненномъ видѣ, то и въ такомъ случаѣ пользоваться ими для этимологическихъ сопоставленій можно было бы лишь осторожно, ибо способъ, по которому эти индійскіе ученые обозначаютъ значеніе, рѣзко отличается отъ употребляющагося у насъ. Прибавляя къ корню мѣстный надежъ существительнаго для опредѣленія его значенія, они этимъ самымъ не всегда хотятъ обозначить индивидуальное употребленіе въ данномъ смыслѣ, но часто только общую категорію значенія, подъ которую подходитъ тотъ или другой глаголъ. Поэтому Вестергордъ, критическій издатель этихъ перечней, предостерегалъ отъ слишкомъ довѣрчиваго пользованія ими (Radices linguae sanscritae Bonn 1841). «Ceterum puto cavendum esse, ne illa grammaticorum de potestate radicum decreta nimis urgeantur, nam illis nihil vagius, nihil magis dubium et ambiguum esse potest; sic, ut unum modo exemplum afferam, vocula quae „gatau“ est, unumquemque motum ut eundi, currendi, volandi etc. indicat, quin etiam exprimit mutationem, quam subit lac coagulando, et nescio quam multas alias“ [1]). Къ этой трудности слѣдуетъ

---

[1]) «Впрочемъ, думаю, должно остерегаться, чтобы декретамъ грамматиковъ

прибавить еще, что, разумѣется, не всѣ корни въ нихъ построены вѣрно. Поэтому, если мы хотимъ быть осторожными, мы должны довѣрять такому корню только при томъ условіи, что онъ засвидѣтельствованъ текстами (а очень многіе въ нихъ не встрѣчаются), кромѣ тѣхъ случаевъ, когда можетъ быть обнаружена причина, по которой корень въ литературномъ языкѣ отсутствуетъ естественно, что́ напр. имѣетъ мѣсто относительно „*pard*" = πέρδομαι. Кромѣ того перечни эти не дошли до насъ въ нетронутомъ видѣ, но подвергались всѣмъ тѣмъ искаженіямъ, которыя обыкновенно производитъ время въ литературныхъ произведеніяхъ. И эта порча коснулась не только самыхъ корней (такъ напр. Вестергордъ на стр. IX перечисляетъ не менѣе 130 корней, которые ошибочно приводились его предшественниками и отчасти употреблялись для этимологическихъ сравненій), но и обозначенія ихъ смысла. Изъ этого видно, сколько было поводовъ къ заблужденію; и въ самомъ дѣлѣ, благодаря употребленію недоказанныхъ корней при этимологизаціи и невѣрному пониманію значеній, было надѣлано много ошибокъ. Тѣмъ, что этотъ источникъ заблужденій въ настоящее время устраненъ, мы обязаны трудамъ выше названныхъ ученыхъ, прежде всего санскритскому словарю Бетлинга и Рота, этому несравненному образцовому труду, который въ языкознаніи составилъ почти такую же эпоху, какъ и въ санскритской филологіи.

На ряду съ санскритомъ, научную обработку получили преимущественно языки славянскій и кельтскій. Въ области славянской филологіи слѣдуетъ назвать Вука Стефановича Караджича, Добровскаго и Копитара [1]), и впереди всѣхъ другихъ Франца Миклошича, котораго неутомимая энергія въ работѣ сдѣлала широкую область славянскихъ языковъ доступной и для изслѣдователей неславянскаго происхожденія. Въ области изученія кельтскаго языка, о которомъ Поттъ въ „Этим. изслѣд." 2,478, еще думалъ, что онъ не принадлежитъ къ индогерманскому

относительно значенія корней не придавалась слишкомъ большая важность, ибо нѣтъ ничего болѣе неяснаго, болѣе сомнительнаго и двусмысленнаго, чѣмъ ихъ показанія. Такъ, если ограничиться однимъ только примѣромъ, словечко gatan обозначаетъ одно и тоже движеніе, будетъ ли это ходьба, бѣгъ, полетъ, и даже выражаетъ измѣненіе, претерпѣваемое молокомъ при свертываніи, и я не знаю сколько еще разныхъ другихъ значеній».

Перев. ред.

[1]) Этотъ перечень именъ слѣдовало бы дополнить именемъ Востокова, которое очевидно потому не пришло въ голову почтенному автору этой книги, что труды Востокова писаны на русскомъ языкѣ и потому мало извѣстны в Германіи. *Прим. ред.*

корню и только смѣшался съ нимъ въ доисторическое время,— долженъ быть названъ одинъ изъ величайшихъ ученыхъ всѣхъ временъ, Іоганнъ Каспаръ Цейсъ, „Grammatica celtica“ котораго (впервые появилась въ 1853 году), по смерти автора, послѣдовавшей въ 1856 году, достойнымъ образомъ была обработана Германомъ Эбелемъ (Берлинъ 1871 г.). Однако, какъ бы высока ни была цѣнность этихъ трудовъ, можно утверждать, что въ періодъ времени, занимающій здѣсь насъ, руководящее, такъ сказать, положеніе постоянно занимали санскритъ, классическіе и германскіе языки.

Кромѣ расширенія знаній, характеристично для этого періода отношеніе къ звуковымъ законамъ. Что́ именно я разумѣю, хорошо разъясняетъ одно мѣсто изъ замѣчаній Курціуса, относительно силы звуковыхъ законовъ (Отчеты фил.-истор. отдѣленія Саксонскаго королевскаго научнаго общества 1870 г.), гласящее такъ: „Послѣ первыхъ смѣлыхъ попытокъ основателей нашей науки, новое, болѣе молодое поколѣніе съ сороковыхъ годовъ признало своимъ лозунгомъ строжайшее соблюденіе звуковыхъ законовъ. Злоупотребленія, которыя совершались даже заслуженными изслѣдователями, прибѣгавшими къ разнымъ ослабленіямъ, вырожденіямъ, отпаденіямъ и т. д., вызвали вполнѣ основательное недовѣріе, долженствовавшее привести къ большей строгости и сдержанности въ этомъ отношеніи. Послѣдствія болѣе строгаго въ этомъ смыслѣ направленія оказались, конечно, можно сказать, благодѣтельными. Достигнуты были: болѣе строгое наблюденіе звуковыхъ переходовъ и ихъ причинъ, болѣе старательное разграниченіе отдѣльныхъ языковъ, періодовъ и разновидностей языка другъ отъ друга, болѣе опредѣленное представленіе о возникновеніи многихъ звуковъ и сочетаній звуковъ. Въ этомъ отношеніи мы смотримъ гораздо дальше и шире, чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и это яснѣе всего доказывается тѣмъ, что многія раньше высказывавшіяся, ни на чемъ не основанныя мнѣнія признаются невозможными даже тѣми, кто впервые пустилъ ихъ въ ходъ“.

Какъ особенно важное, должно быть, наконецъ отмѣчено стремленіе строже разграничить отдѣльные языки другъ отъ друга. Боппъ не стѣснялся обосновывать какое-либо звуковое измѣненіе, предполагаемое въ латинскомъ языкѣ, указаніемъ на армянскій языкъ. Подобная вольность отнынѣ не должна была допускаться. Каждый отдѣльный языкъ долженъ былъ изучаться въ присущихъ ему особенностяхъ. Въ этомъ направленіи, рядомъ съ Шлейхеромъ, особенно работалъ Георгъ Курціусъ (1820—1885). Воспитанный какъ филологъ-классикъ, Курціусъ еще въ мо-

лодости живо увлекался Гумбольдтомъ и Боппомъ и уже рано выяснилъ себѣ задачу своей жизни, именно: употребить сравнительное языкознаніе на пользу классическихъ языковъ и въ особенности, греческаго. Эту цѣль имѣли уже въ виду нѣкоторыя мелкія его работы болѣе ранняго періода, съ наибольшимъ же успѣхомъ преслѣдовалъ ее его главный трудъ „Основныя черты греческой этимологіи“, появившійся въ пяти изданіяхъ [1]). Задачею этого труда было—отмѣтить дѣйствительную пользу, принесенную греческой этимологіи сравнительнымъ языкознаніемъ, и эта задача была выполнена—по словамъ Асколи—съ тѣмъ мастерствомъ положительной творческой критики, которое особенно отличало автора. Курціусъ, правда, не былъ этимологомъ, но онъ оказалъ важныя услуги этимологіи тѣмъ, что собралъ и привелъ въ порядокъ установленное другими, искусно отдѣлилъ достовѣрное отъ сомнительнаго и, наконецъ, старался отыскать твердыя нормы для перехода звуковъ и сохранить значенію его права, а такъ какъ онъ всегда стремился подвести частныя явленія подъ общія точки зрѣнія, то этимъ самымъ онъ также значительно подвинулъ впередъ теорію сравнительнаго языкознанія [2]). Второй по объему трудъ—это „Глаголъ въ греческомъ языкѣ“ (1873—1876), въ которомъ, однако, какъ мнѣ кажется, чувствуется ослабленіе творческой силы. Но трудовая дѣятельность Курціуса не исчерпывалась однимъ писаніемъ книжекъ. Вліяніе Курціуса, какъ академическаго учителя, было равносильно его вліянію, какъ писателя. Тысячи его слушателей вынесли одушевленіе и любовь къ занятіямъ языкознаніемъ въ свою собственную педагогическую дѣятельность; не мало изъ нихъ получило импульсъ къ самостоятельнымъ сравнительно-грамматическимъ изслѣдованіямъ. Школьный міръ также былъ захваченъ его вліяніемъ. Хотя его школьная греческая грамматика и не удержалась въ нѣмецкой гимназіи, она все-таки много способствовала уменьшенію разстоянія между школьными ученіями и научными. Въ характеристикѣ, написанной Виндишемъ съ точки зрѣнія друга и единомышленника—(„Георгъ Курціусъ, харак-

---

[1]) „Grundzüge der griechischen Etymologie“, Лейпцигъ. 5 изд. 1879. Съ этого изданія сдѣланъ русскій переводъ (одна книга первая, введеніе) съ критическими обширными и интересными примѣчаніями К. Я. Люгебилемъ: „Начала и главные вопросы греч. этимологіи“ Спб. 1882. 8°, 316.

Прим. ред.

[2]) Объ этой сторонѣ дѣятельности *Курціуса* будетъ говориться въ гл. о звуковыхъ законахъ. О его отношеніи къ глоттогоническимъ проблемамъ, см. гл. 5.

теристика Э. Виндиша“, Берлинъ у Кальвари, 1887), высказывается слѣдующее, на мой взглядъ справедливое, общее сужденіе о значеніи Курціуса въ наукѣ: „Сила Курціуса не заключалась, собственно говоря, въ смѣло, но одиноко стремящемся впередъ спеціальномъ изслѣдованіи, направленномъ къ новымъ открытіямъ..., онъ предпочиталъ, не вдаваясь въ частности, охватывать и представлять картину цѣлаго, стоять въ центрѣ движенія, отмѣчать то, что онъ по тщательномъ изслѣдованіи считалъ достовѣрными выводами науки, способствовать ихъ упроченію и распространенію, и раздѣлять со многими одинаковыя убѣжденія“ (Стр. 16). Этимъ объясняется его судьба въ послѣдніе годы. Спеціалистъ можетъ остаться почти незатронутымъ великими измѣненіями въ научныхъ направленіяхъ, которыя можно сравнить съ волненіями моря политической жизни, между тѣмъ какъ положеніе Курціуса было въ своемъ основаніи потрясено тѣмъ движеніемъ, о которомъ будетъ рѣчь въ четвертой главѣ. Бросая теперь взглядъ назадъ, мы удивляемся тому, что Курціусъ не замѣтилъ предвѣстниковъ наступающей бури нѣсколько лѣтъ раньше. Кажется, что онъ былъ застигнутъ совершенно врасплохъ наступившимъ переворотомъ. Онъ былъ въ высшей степени пораженъ и отстаивалъ свои мнѣнія въ пространномъ сочиненіи, озаглавленномъ „Матеріалы для критики новѣйшаго языкознанія. Лейпцигъ 1885 г.“. Я не думаю, что онъ остался правъ. Рядомъ съ Курціусомъ обыкновенно ставили впродолженіи ряда лѣтъ Вильгельма Корссена (1820—1875 г.), будто бы сдѣлавшаго для латинскаго языка столько-же, сколько Курціусъ для греческаго. Дѣйствительно, онъ стяжалъ большія заслуги своимъ трудомъ о произношеніи, вокализмѣ и удареніи въ латинскомъ языкѣ, но дальнѣйшее теченіе учено-писательской дѣятельности Корссена выяснило, что его знанія въ области прочихъ индогерманскихъ языковъ были даже слишкомъ незначительны, и что его направленіе въ самомъ дѣлѣ было обособленнымъ (на что съ порицаніемъ указалъ Бонфей въ „Orient und Occident“, 1, 230 слѣд.). Мѣткое сужденіе объ ученой дѣятельности Корссена можно найти у Асколи въ его „Критическихъ этюдахъ“ [1]), стр. IX.

Третьему и самому выдающемуся среди трехъ неоднократно упоминавшихся вмѣстѣ ученыхъ, Августу Шлейхеру, должна быть посвящена особая глава.

---

[1]) „Studj critici“ (Миланъ 1861); нѣм. переводъ: „Ascoli, Kritische Studien zur Sprachwissenschaft. Uebersetzt von R. Merzdorf und B. Mangold.“ Веймаръ, 1878. *Прим. ред.*

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Августъ Шлейхеръ.

Уже при первомъ знакомствѣ съ работами Августа Шлейхера (род. въ 1821 г. и ум. въ 1868 г.) [1]), бросается въ глаза то обстоятельство, что ученый этотъ находился подъ признаннымъ имъ самимъ вліяніемъ двухъ отраслей знанія, ничего общаго не имѣющихъ съ наукою о языкѣ, а именно, философіи Гегеля, послѣдователемъ которой онъ былъ въ молодые годы, и новаго естествознанія, къ которому онъ, особенно въ послѣдній періодъ своей жизни, обнаружилъ горячее и даже страстное влеченіе [2]). Прежде чѣмъ прослѣдить пріемы научныхъ изслѣдованій Шлейхера въ ихъ деталяхъ, попробуемъ опредѣлить вообще характеръ и степень этихъ вліяній на него.

Уже во введеніи къ первому своему обширному труду «Sprachvergleichende Untersuchungen» (Bonn, 1848 г.), Шлейхеръ является послѣдователемъ Гегеля, какъ это вытекаетъ изъ обзора высказанныхъ тамъ мыслей. Языкъ, говорится тамъ—раскрывается въ значеніи и отношеніи. Первое содержится въ кориѣ, отношеніе же выражается въ образовательныхъ (суффиксальныхъ) слогахъ. Поэтому можно различать только три класса языковъ. Либо обозначается одно только значеніе, какъ въ изолирующихъ языкахъ. Либо звуки, выражающіе отношеніе, приставляются къ звукамъ, выражающимъ значеніе, какъ-то бываетъ въ агглютинирующихъ языкахъ. Либо, наконецъ, тѣ и другіе образуютъ тѣсно спаянную нераздѣльную единицу — въ языкахъ флектирующихъ. Четвертый случай немыслимъ, ибо звуки, обозначающіе отношеніе,

---

[1]) Ср. S. Lefmann. „August Schleicher.—Skizze von Dr. Salomon Lefmann etc.“ Leipzig, Teubner 1870. 8° VIII + 104.

Прим. ред.

[2]) Наклонность къ нему впрочемъ, сказывается уже рано. Ср. „Formenlehre der kirchensl. Sprache“. Предисловіе стр. VI, прим.

не могутъ существовать отдѣльно. Тремъ здѣсь характеризованнымъ видамъ системы соотвѣтствуютъ и три періода развитія. Итакъ, мы должны притти къ предположенію, что изолирующіе языки представляютъ собою древнѣйшую форму, что изъ нихъ возникли агглютинирующіе, а изъ послѣднихъ уже флектирующіе, такъ что послѣдняя ступень содержитъ въ себѣ двѣ предыдущихъ въ отжившемъ уже состояніи. Но этому теоретическому построенію,— разсуждаетъ далѣе Шлейхеръ,—не соотвѣтствуетъ нашъ опытъ, ибо мы знаемъ языки, вступающіе въ кругъ нашихъ наблюденій, не въ стадіи развитія, но напротивъ—разложенія; на нашихъ глазахъ не возникаютъ высшія формы, но напротивъ разлагаются существующія. Но такъ какъ философское построеніе съ одной стороны и результатъ нашего наблюденія съ другой должны сохранять свои права, то отсюда вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, что оба явленія, о которыхъ здѣсь говорится, должны быть отнесены къ различнымъ эпохамъ. Въ доисторическое время языки образовались, въ историческое они разлагаются. Образованіе языка и развитіе исторіи суть проявленія человѣческаго духа, исключающія другъ друга.

Таково въ сжатомъ изложеніи разсужденіе Шлейхера, которое цѣликомъ или лишь отчасти повторяется и въ болѣе позднихъ его работахъ, и не было даже вполнѣ уничтожено естественно-научнымъ направленіемъ, возобладавшимъ въ немъ въ послѣднее время его жизни.

Здѣсь не мѣсто входить въ критическій разборъ этихъ взглядовъ, слабыя стороны которыхъ очевидны теперь сразу всякому, но, конечно, интересно получить отвѣтъ на вопросъ, насколько здѣсь Шлейхеръ зависитъ отъ Гегеля. In materialibus (въ конкретномъ отношеніи) зависимость эта очевидно незначительна. Прежде всего раздѣленіе языковъ на вышеназванныя три группы ведетъ свое начало не отъ Гегеля, но изъ опыта. Шлейхеръ выработалъ его, опираясь на Фридриха Шлегеля и Вильгельма фонъ-Гумбольдта (Ср. журналъ «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung» Куна и Шлейхера, т. I, стр. 3, прим.). Далѣе, мнѣніе, что флексія развилась путемъ сложенія, явилось логическимъ выводомъ изъ морфологическаго анализа Боппа, къ которому примкнулъ въ главныхъ чертахъ и Шлейхеръ и, наконецъ, теорія, по которой мы можемъ наблюдать языки (по крайней мѣрѣ индогерманскіе), лишь въ состояніи упадка, также восходитъ къ Боппу. Такимъ образомъ, фактическое вліяніе Гегеля можетъ быть найдено развѣ только въ принятіи того мнѣнія, что въ развитіи человѣчества слѣдуетъ отли-

чать періодъ доисторическій, въ которомъ духъ былъ еще связанъ неясными грезами, и историческій, обозначенный его пробужденіемъ къ свободѣ. Раздѣленіе эволюціи человѣчества на періодъ доисторическій и историческій (причемъ къ доисторическому періоду относится эпоха развитія языка) удержалось у Шлейхера во всю его жизнь, и не невѣроятно, что взглядъ этотъ внушенъ ему Гегелемъ.

Если такимъ образомъ запасъ идей, которыя могли-бы быть приписаны Гегелю, у Шлейхера не великъ, зато въ упомянутомъ юношескомъ трудѣ сильно сказывается манера Гегеля въ формулировкѣ мыслей и въ построеніи доказательствъ. Манеру эту Шлейхеръ оставляетъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, но она чувствуется еще и въ позднѣйшихъ трудахъ, и въ особенности можетъ быть указана кое-гдѣ въ терминологіи.

Въ общемъ вліяніе философіи Гегеля на Шлейхера оказывается лишь умѣреннымъ, и довольно внѣшняго свойства.

Естествоиспытатели, знавшіе его, разсказываютъ, что онъ славился какъ своими удачными препаратами для микроскопа, такъ и нѣкоторыми продуктами своего садовничества. Эти любительскія занятія оказывали съ годами все большее вліяніе на его взгляды въ области языкознанія. Когда, гуляя по своему любимому саду, онъ анализировалъ формы языковъ, у него, вѣроятно, часто мелькала мысль, что тотъ, кто разлагаетъ формы языка и разсѣкаетъ растенія, въ сущности дѣлаетъ одно и то же дѣло; когда же онъ взвѣшивалъ закономѣрность развитія языковъ, ясно представить которую было его самымъ серьезнымъ стремленіемъ, то ему казалась весьма естественной мысль, что языкъ есть не что иное, какъ органическое существо. Эти впечатлѣнія и мысли складывались въ его систематизирующемъ умѣ въ серьезное ученіе, главныя положенія котораго слѣдующія: языкъ есть природный организмъ, онъ живетъ какъ и другіе организмы, хотя и не поступаетъ, какъ человѣкъ.

Наука объ этомъ организмѣ принадлежитъ къ наукамъ естественнымъ, и методъ, посредствомъ котораго она должна быть разрабатываема, есть методъ естественныхъ наукъ. Шлейхеръ придавалъ большое значеніе этимъ положеніямъ, и я готовъ даже утверждать, что если бы его спросили въ послѣдніе годы его жизни—въ чемъ главнымъ образомъ заключается, по его собственному мнѣнію, его научная заслуга, онъ бы отвѣтилъ, что она состоитъ въ примѣненіи естественно-научнаго метода къ языкознанію. Мнѣніе большинства современниковъ было другое, и теперь почти всѣ согласны въ томъ, что эти три Шлейхеровскія положе-

нія не могутъ быть приняты. Терминъ „организмъ“ примѣнялъ къ языку уже Боппъ, но онъ не хотѣлъ сказать этимъ ничего другого, какъ только то, что языкъ не есть произвольное издѣліе. Такое образное выраженіе можетъ быть допущено, но когда его принимаютъ въ серьезъ, сейчасъ же обнаруживается противорѣчіе. Языкъ конечно не существо, а лишь проявленіе существа; онъ есть, слѣдовательно, если выражаться языкомъ естествознанія,—не организмъ, а его функція. И зачисленіе языкознанія въ рядъ наукъ естественныхъ едва ли можетъ быть осуществлено на дѣлѣ [1]). Такъ какъ языкъ есть нѣчто возникшее въ человѣческомъ обществѣ, то наука о языкѣ не можетъ принадлежать къ числу естественныхъ наукъ, въ особенности же если мы захотимъ и дальше примѣнять этотъ терминъ въ обычномъ техническомъ смыслѣ.

Наконецъ, относительно метода, по моему несомнѣнно, что не существуетъ одного опредѣленнаго метода, имѣющаго силу для всѣхъ естественныхъ наукъ. Для одного отдѣла естественныхъ наукъ необходимо примѣненіе математики, для другого—опытъ и, наконецъ, для третьяго, къ которому, напримѣръ, принадлежитъ біологія,—такъ называемый генетическій методъ. Несомнѣнно методъ языкознанія имѣетъ сходство съ этимъ послѣднимъ постольку, поскольку объекты обѣихъ наукъ суть такіе объекты, историческое образованіе которыхъ стремятся уяснить себѣ изслѣдователи.

Однако я не намѣреваюсь входить въ болѣе подробную критику этихъ взглядовъ, ибо моя теперешняя задача заключается не въ томъ, чтобы опредѣлить вѣрность, или невѣрность взглядовъ Шлейхера, а, наоборотъ, показать, какъ они въ немъ возникли и дѣйствовали. Кромѣ того изъ вышесказаннаго уже можно составить правильное понятіе о положеніи вещей. Мнѣ кажется, можно не сомнѣваться въ томъ, что естественныя науки, правда, оказали на Шлейхера болѣе продолжительное вліяніе, чѣмъ философія Гегеля, но что онѣ не могли дать направленіе и методъ его изслѣдованію. Вліяніе взглядовъ Дарвина на языкъ не замѣтно у Шлейхера; оно скорѣе выступаетъ въ теоріи приспособленія (адаптаціи) его противника Альфреда Людвига. Вѣрность этого мнѣнія станетъ еще яснѣе при критическомъ

---

[1]) Къ сожалѣнію этотъ аргументъ не весьма убѣдителенъ: пищевареніе, дыханіе, кровообращеніе и т. п. процессы—также не организмы, а функціи организма, но тѣмъ не менѣе являются предметомъ естественной науки—физіологіи. Т. о. и языкъ, какъ функція организма, могъ бы быть предметомъ науки естественно-исторической. *Прим. ред.*

обозрѣніи трудовъ Шлейхера по языкознанію, къ которому я теперь и перехожу.

Въ первыхъ работахъ Шлейхера еще ясно чувствуется философская атмосфера, изъ которой онѣ вышли, въ томъ смыслѣ, что онѣ имѣютъ цѣлью не столько детальныя изслѣдованія, сколько систематическое обозрѣніе обширной области. Ибо его, „Sprachvergleichende Untersuchungen» [1]) въ своей первой части имѣютъ задачей прослѣдить извѣстное вліяніе звука *j* (такъ называемый зетацизмъ) въ наибольшемъ количествѣ языковъ, а во второй части («Sprachen Europas») даютъ очеркъ системы лингвистики. Вполнѣ схожій характеръ носитъ и его гораздо болѣе поздняя работа («Die Unterscheidung von Nomen und Verbum in der lautlichen Form» (Abhandl. d. Sächs. Gesellsch. der Wissensch. Leipzig. 1865). Между тѣмъ еще раньше Шлейхеръ началъ наравнѣ съ этими общими изслѣдованіями отвоевывать себѣ спеціальную область, а именно литвославянскіе языки, и на этомъ поприщѣ достигъ такихъ заслугъ, которыхъ не могутъ поколебать никакія перемѣны во времени и во взглядахъ. Шлейхеръ стоитъ рядомъ съ Миклошичемъ, приблизительно такъ, какъ въ области германской филологіи Боппъ рядомъ съ Гриммомъ. Онъ больше, чѣмъ кто бы то ни было, способствовалъ освѣщенію славянскихъ языковъ свѣтомъ сравнительно-грамматическаго метода. Совершенно новый матеріалъ доставилъ онъ наукѣ своими занятіями въ области литовскаго языка, собирая его формы на мѣстѣ, какъ ботаникъ, и сохранивъ ихъ въ гербаріи своей грамматики [2]) на вѣчныя времена. Благодаря своимъ обязанностямъ профессора (въ Боннѣ, Прагѣ и Іенѣ), онъ принужденъ былъ обращать постоянное вниманіе и на остальные индогерманскіе языки и такимъ образомъ съ возможной всесторонностью подготовлялся къ главному труду своей жизни, „Компендію сравнительной грамматики индогерманскихъ языковъ“ (Веймаръ 1861 г., [3]), который, въ силу его ранней кончины,

---

[1]) „Sprachvergleichende Untersuchungen“. 2 т. (I. Zur vergleichenden Sprachgeschichte. II. Die Sprachen Europa's in systematischer Uebersicht). Боннъ, 1848—50. *Прим. ред.*

[2]) «Handbuch der litauischen Sprache von August Schleicher I. Grammatik. Prag 1856 etc. II. Lesebuch und Glossar. Prag. 1857 etc. *Прим. ред.*

[3]) August Schleicher, „Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzer Abriss einer Laut- und Formenlere der indogermanischen Ursprache, des Altindischen, Alteranischen, Altgriechischen, Altitalischen, Altkeltischen, Altslawischen, Litauischen und Altdeutschen“. 4-ое послѣднее изд. съ незначит. исправленіями и добавленіями было выпущено послѣ смерти Шлейхера его учениками I. Шмидтомъ и А. Лескиномъ (1876). *Прим. ред.*

помѣшавшей ему выполнить другіе его обширные планы, является для насъ въ то же время вѣнцомъ всей его дѣятельности.

Компендій Шлейхера завершаетъ собой цѣлый періодъ въ исторіи языкознанія, въ противоположность работамъ Боппа, открывавшимъ его. Поэтому-то такъ различно общее впечатлѣніе, производимое „Сравнительной грамматикой“ съ одной стороны и „Компендіемъ“ съ другой. Боппъ долженъ былъ доказывать основное тожество индогерманскихъ языковъ, тогда какъ Шлейхеръ считалъ его уже доказаннымъ; Боппъ завоевываетъ, Шлейхеръ организуетъ. Боппъ главнымъ образомъ обращалъ свое вниманіе на то, что принадлежитъ всѣмъ индогерманскимъ языкамъ, Шлейхеръ же взялъ на себя задачу оттѣнить ярче отдѣльные индогерманскіе языки на общемъ фонѣ. Поэтому-то „Сравнительная грамматика“ является цѣльнымъ связнымъ изображеніемъ, тогда какъ „Компендій“ можетъ быть разложенъ безъ особаго труда на рядъ отдѣльныхъ грамматикъ. Составитель „Грамматики“ придаетъ описанію частностей главнымъ образомъ форму изслѣдованія, примѣняя ее съ большой природной граціей, „Компендій“ же, напротивъ, почти сплошь изложенъ въ сжатомъ и однообразномъ тонѣ догматическаго утвержденія. Болѣе раній трудъ можетъ быть сравниваемъ съ описаніемъ интереснаго процесса, а позднѣйшій съ параграфами свода законовъ.

Менѣе ярко обрисовывается разница при сравненіи взглядовъ, изложенныхъ въ обѣихъ книгахъ. Прежде всего, что касается теоріи Боппа о происхожденіи флексіи, то Шлейхеръ въ существенныхъ чертахъ ее принялъ, хотя и формулировалъ иначе. Какъ и первый, онъ разсматриваетъ корни, непреложный законъ которыхъ есть односложность, какъ главные составные элементы индогерманскихъ языковъ. Такъ-же, какъ и первый, онъ различаетъ два класса корней (но въ отличіе отъ Боппа считаетъ вѣроятнымъ, что такъ называемые мѣстоименные корни образовались изъ другихъ). Подобно Боппу, онъ видитъ въ тематическихъ и словообразовательныхъ суффиксахъ приставленныя мѣстоименія. Онъ отклоняется отъ него лишь въ частностяхъ, такъ, напримѣръ, въ объясненіи окончаній средняго залога, относительно которыхъ Боппъ колебался, Шлейхеръ съ рѣшительностью высказался въ пользу теоріи сложенія, которую и развилъ въ подробностяхъ. Въ объясненіи окончаній множественнаго числа дѣйствительнаго залога онъ примкнулъ къ Потту; характерный элементъ желательнаго наклоненія онъ видитъ не въ корнѣ *ī* или *i*, но въ мѣстоименномъ корнѣ *ja* (не высказываясь, однако, какъ

при такомъ предположеніи объясняется значеніе желательнаго наклоненія); въ сослагательномъ же наклоненіи, которое Боппъ еще не считалъ съ увѣренностью за отдѣльное наклоненіе, онъ видѣлъ мѣстоименный корень *a*.

Значительная разница видна, впрочемъ, въ опредѣленіи понятія флексіи, которую Шлейхеръ такъ опредѣляетъ во второмъ параграфѣ Компендія: „сущность флексіи основана на вокализмѣ“. Эти съ перваго взгляда очень странно звучащія слова должны быть понимаемы такъ: Шлейхеръ признаетъ два класса языковъ, въ которыхъ формы создаются посредствомъ сложенія: агглютинирующіе и флектирующіе. Особенность послѣднихъ онъ находитъ въ томъ, что они могутъ измѣнять коренной гласный для выраженія отношеній, такъ, напримѣръ, εἶμι составлено изъ ι и μι, причемъ ι измѣняется въ ει для выраженія отношенія. Флектирующіе языки такимъ образомъ имѣютъ своимъ принципомъ сложеніе и, кромѣ того, способность измѣнять коренной гласный по указанному способу. Въ окончательную-же формулировку Шлейхеръ внесъ только это послѣднее отличительное качество. Легко убѣдиться въ томъ, что въ этой редакціи опредѣленія скрывается остатокъ Шлегелевскаго пониманія флексіи, къ которому Шлейхеръ въ прежнее время стоялъ ближе; но этотъ остатокъ такъ незамѣтенъ по своему значенію, что, несмотря на это, Шлейхеръ по праву можетъ быть признанъ приверженцемъ теоріи агглютинаціи Боппа.

Шлейхеръ сходится съ Боппомъ также и въ томъ, что не ограничиваетъ однимъ первобытнымъ періодомъ способность образовать новыя сочетанія посредствомъ агглютинаціи, но допускаетъ и въ отдѣльныхъ языкахъ сложенія, образованныя по тому-же принципу, какъ въ праязыкѣ (напр. въ латинскомъ перфектѣ).

Больше всего различій въ фонетикѣ. Какой внушительной является передъ нами фонетика Шлейхера, занимающая половину всего Компендія, въ сравненіи съ довольно тощей и неравномѣрно разработанной главой у Боппа, носящей названіе „Система письма и звуковъ“ (Schrift-und Lautsystem)! Задачей Шлейхера было критически разобрать и использовать всю массу частныхъ изслѣдованій, предпринятыхъ послѣ Боппа Поттомъ, Бенфеемъ, Куномъ, Курціусомъ, имъ самимъ и другими. Въ обработкѣ матеріала видны уже отмѣченные выше успѣхи. Приняты во вниманіе особенности отдѣльныхъ языковъ, всѣ родственные случаи тщательно сопоставлены, и по полученнымъ результатамъ измѣряется правдоподобность отдѣльнаго случая. Такимъ образомъ Шлейхеръ установилъ длинный рядъ тщательно взвѣ-

шенныхъ и хорошо обоснованныхъ фонетическихъ законовъ, которые были предназначены служить путеводной нитью каждому языковѣду, и безспорно, этимъ дѣломъ упорядоченія и критическаго разбора стяжалъ себѣ выходящія изъ ряда вонъ заслуги.

Эти заслуги не уменьшаются даже тѣмъ соображеніемъ, что всѣ такіе законы могутъ имѣть лишь временную цѣну. Такъ какъ очевидныя этимологіи служатъ матеріаломъ, изъ котораго выводятся фонетическіе законы, а матеріалъ этотъ можетъ постоянно увеличиваться и измѣняться, то всегда могутъ быть открываемы и новые фонетическіе законы или измѣняемы старые. Самъ Шлейхеръ, правда, не достаточно оцѣнилъ эту мысль, справедливость которой уже довольно доказана намъ опытомъ (сколько новаго было открыто и не только однимъ Фикомъ!). Это зависѣло, кажется, отъ того, что онъ самъ въ своемъ систематизирующемъ умѣ не ощущалъ той комбинаторной фантазіи, которая необходима для открытія новыхъ этимологій, и потому вообще слишкомъ низко цѣнилъ значеніе этимологизаціи.

Въ новѣйшее время неоднократно обсуждался вопросъ, какъ относился Шлейхеръ въ принципѣ къ фонетическимъ законамъ. Допускалъ-ли онъ въ нихъ исключенія, подобно своимъ предшественникамъ, или же приписывалъ имъ непреложное дѣйствіе? (Сравн. I. Шмидтъ въ Kuhn's Zeitschrift für vergl. Sprachforsch., т. XXVIII, стр. 303 и сл. и XXXII, 419). По его общему воззрѣнію на сущность языка слѣдовало ожидать, что онъ стоитъ за вторую часть альтернативы. Ибо тотъ, кто считаетъ языкъ естественнымъ произведеніемъ природы, долженъ признавать закономѣрность и у его измѣненій. Между тѣмъ у него встрѣчаются нѣкоторыя мѣста, изъ которыхъ повидимому вытекаетъ, что онъ думалъ иначе. Такъ въ Компендіи § 703 (1866), защищая воззрѣніе Боппа, что *r* медіопассива произошло изъ *s*, онъ говоритъ: „это явленіе (именно переходъ *s* въ *r*) встрѣчается также и въ другихъ языкахъ, которымъ чуждъ звуковой переходъ *s* въ *r*"; здѣсь сознательно для извѣстнаго образованія принимается особый звуковой переходъ, который противорѣчитъ законамъ, имѣющимъ силу въ данныхъ языкахъ. Въ противоположность этому мы читаемъ слѣдующее, высказанное въ 1860 г. заявленіе, на которое впервые обратилъ вниманіе А. Іогансонъ. „По отсутствію фонетическихъ законовъ, дѣйствующихъ безъ исключенія, вполнѣ ясно замѣтно, что нашъ письменный языкъ не есть нарѣчіе, живущее въ устахъ народа, или спокойное безпрепятственное дальнѣйшее развитіе болѣе древней формы языка. Наши народные говоры обыкновенно представляются научному наблюденію, какъ выше стоящіе

по развитію языка, болѣе закономѣрные организмы, чѣмъ письменный языкъ". („Deutsche Sprache" 170) [1]). Изъ этого мѣста несомнѣнно слѣдуетъ, что Шлейхеръ требовалъ фонетическихъ законовъ, дѣйствующихъ безъ исключенія, но этимъ не говорится, что онъ не признавалъ никакихъ другихъ законовъ, кромѣ дѣйствующихъ безъ исключенія. Это мѣсто дѣлаетъ возможнымъ мнѣніе, что Шлейхеръ вмѣстѣ съ Боппомъ (ср. выше стр. 22) стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что въ языкахъ есть „два рода евфоническихъ измѣненій, изъ которыхъ одни, поднявшіяся до значенія общаго закона, проявляются въ одинаковомъ видѣ при каждомъ одинаковомъ поводѣ, тогда какъ другія, не успѣвшія стать закономъ, обнаруживаются лишь случайно". Я не могу поэтому составить себѣ яснаго представленія изъ трудовъ Шлейхера, какъ далеко онъ выводилъ въ этомъ направленіи логическія слѣдствія изъ своей системы. Такимъ образомъ, для рѣшенія этого вопроса, приходится обратиться къ указаніямъ тѣхъ, которые имѣли счастіе лично слушать лекціи Шлейхера. Къ нимъ принадлежитъ І. Шмидтъ, который выражается такъ: „Шлейхеръ впервые училъ, что всѣ измѣненія, которыя претерпѣвали индогерманскія слова отъ первобытныхъ временъ до нашихъ дней, причинены вліяніемъ двухъ факторовъ: фонетическихъ законовъ, дѣйствующихъ безъ исключенія, и перекрещивающихся съ ними неправильныхъ аналогій, которыя давали себя чувствовать уже и въ болѣе древніе періоды развитія языка". Если это такъ, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ установить, что Шлейхеръ не вносилъ положенія о непреложности фонетическихъ законовъ въ великое научное движеніе послѣдняго времени. Болѣе позднему времени предоставлено было сознать его снова и провозгласить его путеводной звѣздой для научной работы.

Остается однако незатронутымъ еще одинъ пунктъ, который во всякомъ случаѣ лучше всего обнаруживаетъ оригинальность Шлейхера,—я разумѣю построенный имъ индогерманскій праязыкъ, о которомъ теперь должна итти рѣчь. Самый ранній отзывъ о праязыкѣ я нахожу въ предисловіи къ „Ученію о формахъ церковнославянскаго языка", гдѣ говорится: „при сравненіи формъ двухъ родственныхъ языковъ, я стараюсь прежде всего привести сравниваемыя формы къ ихъ предполагаемой основной формѣ, т. е. къ тому виду, который онѣ должны были бы имѣть, внѣ дѣйствія позднѣйшихъ

[1]) Извѣстная книга А. Шлейхера, представляющая собой родъ популярнаго изложенія общаго языкознанія на основѣ характеристики нѣмецкаго языка: „Die Deutsche Sprache", Штутгартъ, 1860.

Прим. ред.

звуковыхъ законовъ, или вообще поставить ихъ на одинаковую ступень звуковыхъ отношенiй. Такъ какъ даже самые древнiе языки нашего корня, въ томъ числѣ и самъ санскритъ, лежатъ передъ нами не въ своей древнѣйшей звуковой формѣ, такъ какъ далѣе различные языки извѣстны намъ въ очень разнообразныхъ возрастахъ своего развитiя, то, прежде чѣмъ приступать къ сравненiю, нужно по возможности устранить эту разницу въ возрастѣ; данныя величины должны быть сперва приведены къ одному общему выраженiю, прежде чѣмъ ихъ можно будетъ сопоставить въ одномъ уравненiи, будетъ ли это общее выраженiе—искомымъ древнѣйшимъ выраженiемъ обоихъ сравниваемыхъ языковъ, или звуковой формой одного изъ нихъ". Итакъ поэтому, при сравненiи двухъ языковъ, или форма одного языка должна быть сведена къ формѣ другого (напримѣръ слав. пєкѫшта къ санскр. *pacantyasya*. См. цитир. сочин.), или обѣ формы могутъ быть сведены къ одной общей праформѣ. Первый методъ, насколько я вижу, былъ мало примѣняемъ Шлейхеромъ на практикѣ; наоборотъ, второй содержитъ въ себѣ наставленiе для образованiя индогерманскихъ основныхъ формъ, если мы, вмѣсто словъ „сравненiе двухъ языковъ", поставимъ слова—„сравненiе всѣхъ индогерманскихъ языковъ". Нужно отнять у формы, встрѣчающейся во всѣхъ языкахъ, то, что принадлежитъ спецiальному развитiю отдѣльнаго языка, и то, что тогда останется, и есть основная, первоначальная форма (праформа). Примѣръ пояснитъ это наставленiе. Въ санскритѣ поле называется *ájras*, въ греческомъ ἀγρός, въ латинскомъ *ager*, въ готскомъ *akrs*. Между тѣмъ извѣстно, что въ готскомъ языкѣ *k* образовалось изъ *g*, а передъ *s* исчезло *a*, такимъ образомъ изъ готскаго языка получается основная форма *agras*; далѣе извѣстно, что греческое *o* должно быть выводимо изъ *a*, и такимъ образомъ опять приходятъ къ формѣ *agras*, и такъ въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ. Такимъ образомъ *agras* можетъ считаться основной формой; при помощи такихъ же прiемовъ устанавливаются основныя формы: вин. п.—*agram*, род. п.—*agrasya*, отложительнаго—*agrāt*, имен. множ.—*agrāsas* и т. д., затѣмъ большое число мѣстоименiй, предлоговъ и т. д. Всѣ эти формы, вмѣстѣ взятыя, образуютъ индогерманскiй праязыкъ или же, выражаясь исторически, праязыкъ есть тотъ языкъ, на которомъ говорили непосредственно передъ первымъ раздѣленiемъ индогерманскаго народа-предка.

Впрочемъ, Шлейхеръ не всегда довольствовался этимъ простымъ и яснымъ опредѣленiемъ праязыка, ибо онъ часто приписываетъ ему качество, которое нельзя вывести изъ даннаго до

сихъ поръ опредѣленія его понятія,—качество полнѣйшей первичности и нетронутости. Лучше всего то, что мы здѣсь разумѣемъ, поясняется примѣромъ. Им. над. отъ слова „мать“ звучитъ въ санскритскомъ *mátá*, въ греческомъ μήτηρ, въ литовскомъ *motě*, въ древнеславянскомъ—*мати*, въ древневерхненѣмецкомъ *muoter*. Нигдѣ нѣтъ въ им. над. *s* [1]). Такимъ образомъ посредствомъ сравненія отдѣльныхъ формъ можно придти только къ формѣ *matar* или *mata* (послѣднее возможно, только если принять, что *r*, напр. въ μήτηρ, было перенесено въ именит. надежъ въ отдѣльныхъ языкахъ изъ косвенныхъ надежей), но не къ *mâtars*, какъ дѣлаетъ Шлейхеръ. Онъ, однако, принялъ эту форму, потому—что *matar* есть основа, а *s* суффиксъ им. над., и былъ твердо убѣжденъ, что въ праязыкѣ не было еще такъ называ. звуковыхъ законовъ, вліянія звуковъ другъ на друга и т. под. Это предположеніе, однако, совершенно произвольно, такъ какъ, если праязыкъ былъ такимъ языкомъ, на которомъ говорили люди, то онъ, какъ и всѣ другіе языки, долженъ былъ испытать и ихъ судьбу, а именно: измѣненіе своего звукового и формальнаго состава. Слѣдовательно, ничто не мѣшаетъ предполагать въ праязыкѣ такія формы, какъ *mâtar* или *mata*. Конечно въ болѣе древнемъ періодѣ данная форма могла имѣть видъ *matars*, какъ предполагаетъ Шлейхеръ, но тогда нужно такъ разграничивать отдѣльные періоды праязыка, чтобы болѣе древнія и позднѣйшія формы не ставились на одну доску, какъ это повидимому бываетъ у Шлейхера. Это недостаточное раздѣленіе—нельзя этого отрицать, вызвало въ понятіи Шлейхера о праязыкѣ нѣкоторую неясность. Я думаю, что въ дальнѣйшемъ изложеніи можно оставить въ сторонѣ эту трудность, и такимъ образомъ понимаю „праязыкъ“ всегда только въ вышеозначенномъ смыслѣ, т. е. въ томъ смыслѣ, который отвѣчаетъ и первичнымъ намѣреніямъ Шлейхера.

Слѣдуетъ-ли теперь, по мнѣнію Шлейхера, приписывать историческую реальность формамъ праязыка въ этомъ смыслѣ? Я думаю, что послѣ чтенія Компендія является наклонность отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, и до нѣкоторой степени поражаешься, наталкиваясь на слѣдующее замѣчаніе въ дополненіяхъ къ нему (Chrestomatie [2]) 342): „построеніемъ этихъ основ-

[1]) Окончаніе им. над. ед., частое у основъ на гласный: санскр. *v̥rka-s*, греч. λύκο-ς, лат. lupu-s, готск. vulf-s, лат. hosti-s, гр. πόσι-ς, санскр. *pati-s* и т. д. *Прим. ред.*

[2]) Indogermanische chrestomathie. Schriftproben und lesestücke mit erklärenden glossaren zu August Schleichers compendium der vergleichenden grammatik der indogermanischen sprachen. Bearbeitet von H. Ebel, A. Leskien,

ныхъ формъ не утверждается, что онѣ дѣйствительно нѣкогда существовали". Чтобы объяснить это кажущееся противорѣчіе, я избираю форму самостоятельнаго изложенія, которую, думается, лучше всего вести такъ, что я формулирую возраженія, могущія быть выставленными противъ Шлейхеровскаго праязыка въ вышеописанномъ смыслѣ, и постараюсь показать ихъ дѣйствительную цѣну.

Первое затрудненіе заключается очевидно въ требованіи, что для построенія извѣстной формы необходимо принимать во вниманіе всѣ отдѣльные языки. Это требованіе можетъ быть выполнено только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ слова и формы, которыя мы можемъ прослѣдить во всѣхъ языкахъ, очень немногочисленны. Но, однако, на практикѣ это возраженіе не имѣетъ такого большого значенія. Ибо во-первыхъ, надо взвѣсить то обстоятельство, что мы въ самомъ дѣлѣ можемъ показать во всѣхъ языкахъ, хотя-бы только и въ видѣ слѣдовъ, изрядное количество флективныхъ суффиксовъ; далѣе — относительно извѣстнаго количества словесныхъ основъ мы можемъ сказать, какъ онѣ должны были звучать въ извѣстномъ отдѣльномъ языкѣ, такъ какъ намъ извѣстны фонетическіе законы, которые при этомъ пришлось-бы принимать во вниманіе. Болѣе серьезнымъ является другое возраженіе. Можно-ли дѣйствительно опредѣлить, гдѣ начинается развитіе отдѣльнаго языка. Можно-ли прочно установить, принадлежитъ-ли извѣстная звуковая модификація или видъ формы уже праязыку, или только отдѣльному языку? Шлейхеръ въ этомъ отношеніи имѣлъ твердо установившіеся взгляды. Онъ, напримѣръ, считалъ возможнымъ утверждать, что праязыкъ имѣлъ слѣдующіе звуки:

Согласные						*Гласные*		
k	g	gh	j	s	v	a	i	u
t	d	dh	n	m	r	aa	ai	au
p	b	bh				$\bar{a}$a	$\bar{a}$i	$\bar{a}$u

Какъ онъ пришелъ къ этому убѣжденію? Въ отдѣльныхъ вопросахъ почва была подготовлена для него его предшественниками; такъ въ вопросѣ о группѣ гласныхъ типа *a* [1]), индо-иран-

---

Iohannes Schmidt und August Schleicher. Nebst zusätzen und berichtigungen zur zweiten auflage des compendiums heraussgegeben von August Schleicher. Веймаръ, 1859. *Прим. ред.*

[1]) До установленія современной теоріи индоевропейскаго вокализма (въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ) индоевр. праязыку приписывались только три основныхъ гласныхъ *a*, *i*, *u*, причемъ первый „разщеплялся" въ отдѣль-

ская группа индогерманскихъ языковъ не имѣетъ, какъ извѣстно, *ĕ* и *ŏ*, и гласнымъ *ĕ ŏ* другихъ языковъ противоставляетъ одинъ гласный *ă*. Боппъ сначала держался взгляда, что *e* и *o* имѣлись первоначально и въ санскритѣ и затѣмъ были утрачены; но впослѣдствіи примкнулъ къ мнѣнію Гримма („Deutsche Grammatik“, 2 изд. I, 594), который, ссылаясь на готскій языкъ, отрицалъ первичность *ĕ* и *ŏ*, такъ что для индогерманскаго праязыка получалось три простыхъ основныхъ гласныхъ: *a i u*. Это предположеніе въ то же время казалось заманчивымъ въ силу того почитанія, которымъ обыкновенно пользуется число три, и въ самомъ дѣлѣ Поттъ начинаетъ отдѣлъ о гласныхъ въ „Et. Forsch.“ такимъ заявленіемъ: „изъ историческихъ и физико-философскихъ основаній, повидимому съ большой вѣроятностью, вытекаетъ, что языкъ обладаетъ всего тремя простыми основными гласными звуками, именно: *ă, ĭ, ŭ*“. Такимъ образомъ эта гипотеза Гримма, казалось, подтверждалась со всѣхъ сторонъ и была принята также и Шлейхеромъ. Онъ такимъ образомъ предполагалъ, что праязыкъ простотою своего вокализма приближался къ санскриту, тогда какъ болѣе пестрый въ звуковомъ отношеніи греческій языкъ обнаруживаетъ уже болѣе развитое или вырождающееся состояніе. Относительно-же согласныхъ пришлось притти къ совершенно противоположному взгляду. Первичность церебральныхъ [1]) согласныхъ санскрита была заподозрѣна уже давно, (причемъ предполагалось, что индусы заимствовали эти своеобразные звуки у варварскихъ первичныхъ обитателей Индіи), а также и небные согласные во многихъ случаяхъ оказывались болѣе поздними въ сравненіи съ заднеязычными, напр., въ удвоеніи (*cakara* [2]) отъ корня *kar*). Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи греческій языкъ оказался первичнымъ, а санскритъ—искаженнымъ, и, какъ главный результатъ, отсюда вытекало, что пестрый и богатый звуковой матеріалъ, который находится или нѣкогда находился въ отдѣльныхъ языкахъ, возникъ изъ скуднаго и простого звукового матеріала праязыка путемъ развѣтвленія и умноженія на разные лады. По аналогіи этого результата Шлейхеръ заключилъ далѣе, что

ныхъ индоевр. языкахъ на разныя „*a*“, отражавшіяся, то въ видѣ *a*, то въ видѣ *o* или *e*. *Прим. ред.*

[1]) Особый видъ согласныхъ переднеязычныхъ, произносимыхъ кончикомъ языка, загнутымъ кверху и прикасающимся къ твердому небу за альвеолами верхнихъ зубовъ: ṭ ḍ ṭh ḍh ṇ ḷ и т. д. *Прим. ред.*

[2]) 3-е лицо ед. числа прошедшаго совершеннаго дѣйствительнаго залога (perfecti activi): *онъ сдѣлалъ*. *Прим. ред.*

звуковой составъ праязыка въ еще болѣе древнее время былъ еще проще: „въ болѣе древній періодъ жизни индогерманскаго праязыка, вѣроятно, не было трехъ аспиратъ и двугласныхъ съ *ā* (*āa*, *āi*, *āu*); въ самомъ-же первичномъ, еще не флектирующемъ языковомъ періодѣ не было никакихъ двугласныхъ. Первоначально такимъ образомъ индогерманскій праязыкъ, вѣроятно, обладалъ шестью мгновенными согласными, а именно, тремя глухими и тремя звонкими; шестью длительными согласными звуками, а именно, тремя спирантами и тремя такъ называемыми плавными, т. е. двумя носовыми *n*, *m* и *r* (*l* есть вторичная разновидность *r*), и шестью гласными. Въ болѣе поздній періодъ развитія языка, незадолго до перваго раздѣленія, имѣлось девять мгновенныхъ звуковъ и девять гласныхъ звуковъ. Не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія симметрію числовыхъ отношеній въ числѣ звуковъ". („Compendium" § 1, прим. 1). Это разсужденіе открываетъ критикѣ широкое поле для нападокъ. Прежде всего необходимо устранить общія соображенія, какъ неубѣдительныя. Такъ, мнѣнію, что въ древнѣйшія времена звуковой составъ языка долженъ былъ отличаться особой простотой, можно съ одинаковымъ правомъ противопоставить противоположное мнѣніе. Мы-же видимъ, что отдѣльные языки часто теряютъ богатство звуковъ. Отчего-же не предположить, что праязыкъ былъ богаче, чѣмъ кто-либо изъ его сыновей? Подчеркнутая-же Шлейхеромъ симметрія числовыхъ отношеній имѣла бы извѣстное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было доказать, что она обусловлена природой человѣческихъ органовъ рѣчи, чего, однако, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Такимъ образомъ только спеціальныя условія могутъ быть рѣшающими въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. А эти условія говорятъ (какъ будетъ показано въ слѣдующей главѣ) противъ направленія предположеній Шлейхера. Мы теперь придерживаемся скорѣе того мнѣнія, что звуковой составъ праязыка былъ разнообразнѣе, чѣмъ таковой-же составъ какого нибудь отдѣльнаго языка, такъ что согласно этому взгляду, слова праязыка, построенныя Шлейхеромъ, должны были-бы получить сильно измѣненный видъ. Шлейхеръ однажды позволилъ себѣ шутку, сочинивъ на индогерманскомъ праязыкѣ басню, которую онъ озаглавилъ: *avis akvasas ka* (овца и лошади). Это заглавіе, согласно новымъ научнымъ воззрѣніямъ, звучало бы такъ: *ovis ęçvōs qe* (причемъ подъ ç долженъ былъ бы подразумѣваться глухой согласный спирантнаго ряда *k*, а подъ q глухой веларнаго ряда), „онъ увидалъ" было бы уже не *dadarka*, а *dedorçe*, вин. пад. причастія „несущій" не ***bhárantam***, а ***bheronț̥m*** и т. д.

Очень вѣроятно, что черезъ десять лѣтъ транскрипція можетъ быть приметъ снова другую окраску, и такимъ образомъ отсюда слѣдуетъ выводъ, что построенный типъ праязыка есть не что иное, какъ формула, служащая для выраженія измѣняющихся мнѣній ученыхъ о размѣрахъ и свойствахъ языкового матерьяла, который вынесли для себя отдѣльные языки изъ своего общаго праязыка. Такимъ опредѣленіемъ праязыка рѣшается одновременно и вопросъ объ исторической цѣнности его теоретически построенныхъ формъ. Что праязыкъ обладалъ большимъ запасомъ словъ, способныхъ къ грамматическимъ измѣненіямъ (флексіи) и, кромѣ того цѣлымъ рядомъ неизмѣняющихся (нефлектирующихъ) словъ, несомнѣнно и не можетъ быть оспариваемо. Но что они имѣли какъ разъ тотъ самый видъ, который приписываетъ имъ современное изслѣдованіе, состояніе коего отражается въ этихъ построеніяхъ, разумѣется, не можетъ быть установлено.

Теперь является возможность опредѣлить также значеніе и пользу этихъ формъ. Онѣ не доставляютъ нашему познанію новаго матерьяла, а стараются сдѣлать нагляднымъ уже признанное. Такимъ образомъ онѣ имѣютъ то же значеніе для языкознанія, какое имѣютъ кривыя линіи или подобныя средства нагляднаго изображенія для статистики: онѣ поэтому являются очень полезнымъ средствомъ изображенія, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать. Кромѣ того нужно принять во вниманіе, что необходимость строить основныя формы должна заставлять изслѣдователя всегда задавать себѣ вопросъ, является ли разсматриваемая форма первичнымъ образованіемъ, или новымъ, и вообще не успокаиваться раньше полнаго преодолѣнія всѣхъ фонетическихъ и прочихъ трудностей.

Эти разсужденія доставляютъ теперь намъ матеріалъ для сжатой оцѣнки характерныхъ особенностей Шлейхера и его значенія. Шлейхеръ не былъ авторомъ геніальныхъ открытій, какъ Боппъ, но обладалъ прежде всего умомъ упорядочивающимъ, систематизирующимъ. Отсюда являются у него недостатки и достоинства, свойственные обыкновенно систематикамъ. О недостаткахъ было уже достаточно говорено выше. Значеніе же его главнымъ образомъ заключается въ томъ, что онъ привелъ въ правильный порядокъ имѣвшійся уже матеріалъ и указалъ на пробѣлы въ выполненіи плана. Этимъ самымъ, напримѣръ, было указано надлежащее мѣсто санскриту, которому до Шлейхера слишкомъ легко

отводилось черезчуръ господствующее положеніе, а современники получили поощреніе къ изученію и упорядоченію пока еще мало обработанныхъ языковъ. Далѣе,—и это, конечно, главнѣйшій трудъ Шлейхера,—его природныя дарованія дѣлали его въ выдающейся степени способнымъ къ открытію звуковыхъ законовъ. Острая проницательность, обнаруженная имъ въ этой дѣятельности, честная рѣшительность, съ которой онъ критиковалъ себя и другихъ, повліяли воспитательно на позднѣйшихъ языковѣдовъ, и такимъ образомъ эта часть его работы оказала благотворное вліяніе даже въ той области, въ которой мы теперь болѣе уже не можемъ слѣдовать за нимъ.

Если, наконецъ, принять еще во вниманіе, что Шлейхеръ доставилъ также и новый матерьялъ для изслѣдованій, то мы найдемъ вполнѣ справедливымъ мнѣніе, что хотя Шлейхеръ и не можетъ быть поставленъ рядомъ съ великими учеными, какъ **Боппъ и Гриммъ**, тѣмъ не менѣе не былъ превзойденъ никѣмъ изъ своихъ сверстниковъ.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Третій періодъ.

Первый періодъ исторіи сравнительнаго языкознанія имѣлъ своимъ центральнымъ трудомъ „Сравнительную Грамматику“ Боппа, второй въ довольно значительной части своихъ стремленій былъ резюмированъ Компендіемъ Шлейхера, третій характеризуется оконченнымъ нынѣ „Очеркомъ сравнительной грамматики индогерманскихъ языковъ“ Карла Бругмана (Страсбургъ, 1886 г. и сл.) [1].

Чтобы сдѣлать понятнымъ этотъ третій періодъ, я намѣренъ прежде всего показать, какіе новые зародыши получили развитіе послѣ Компендія Шлейхера.

Новыя движенія имѣли своей исходной точкой весьма различные центры и личности. Я назову Асколи, главу итальянскихъ лингвистовъ, который, пріученный къ самому точному наблюденію своими занятіями въ области живыхъ романскихъ языковъ, подвергъ историко-критическому изслѣдованію важныя фонетическія явленія болѣе древнихъ періодовъ языка; Шерера [2],

---

[1]) Ср. о немъ Іог. Шмидта. Рѣчь въ память В. Шерера, Берл. 1887 г. („Abh. der Akad. der Wiss.“).

[2]) K. Brugmann, „Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzgefasste Darstellung der Geschichte des Altindischen, Altiranischen (Avestischen und Altpersischen), Altarmenischen, Altgriechischen, Lateinischen, Umbrisch-Samnitischen, Altirischen, Gotischen, Althochdeutschen, Litauischen und Altkirchenslawischen“. Т. I. Введеніе и ученіе о звукахъ. Страсбургъ, 1886. 8°. XVIII + 568; т. II. Словообразованіе (ученіе объ образованіи основъ и ученіе о флексіи). Первая часть: вводныя замѣчанія. Сложныя имена, Именныя образованія съ удвоеніемъ. Имена съ тематическими суффиксами. Имена коренныя. 1889. XIV + 462; Вторая часть: Образованіе именъ числительныхъ. Образованіе падежей у именъ. Мѣстоименія. Образованіе основъ и флексіи у глагола (спряженіе). Страсбургъ 1892. XII + 975 стр. Ко всему изданію вышелъ «Указатель» (словъ, предметовъ и авторовъ): Страсбургъ, 1893. VIII + 236. Съ 1897 г. начинаетъ выходить второе изданіе, кромѣ

съ его преслѣдующей высокую цѣль, но въ частностяхъ во многомъ неудовлетворительной книгой „Къ исторіи нѣм. языка“ (Берл. 1868), которая произвела плодотворное и разнообразное вліяніе, указавъ особенно на важность физіологіи звука и сильно подчеркнувъ значеніе принципа аналогіи; Вернера, который въ статьѣ „Исключеніе изъ закона о первомъ передвиженіи звуковъ“ (KZ, XXIII, 97 и сл.) представилъ рѣдкій образецъ ученаго произведенія самой убѣдительной доказательности, на которое мы охотно ссылаемся всякій разъ, когда желаемъ показать естествоиспытателямъ, что и у насъ можетъ итти рѣчь о строгихъ доводахъ. Тѣсную группу образуютъ между собою тѣ ученые, которые вышли изъ школы Бенфея, именно, неистощимый этимологъ Фикъ, Коллицъ, Беценбергеръ. Далѣе—ученые, примыкающіе къ школѣ Шлейхера, какъ Шмидтъ и его ученикъ Маловъ, Лескинъ и ближайшіе ученики и друзья послѣдняго — Остгофъ, Бругманъ, Пауль. Вліяніе лейпцигской школы оказалось благотворнымъ также для де-Соссюра, котораго „Mémoire sur le système primitif des voyelles“ (Лейпцигъ 1879 г.) принадлежитъ къ самымъ глубокимъ трудамъ этой эпохи. Я не имѣю намѣренія показать, какъ изъ взаимодѣйствія всѣхъ этихъ силъ постепенно развилось новое, теперь одержавшее верхъ направленіе. Я хочу отмѣтить лишь наиболѣе дѣятельныя направленія и теченія [1]).

стараго заглавія, имѣющее новое: „Vergleichende Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre der indogermanischen Sprachen von Karl Brugmann. Zweite Bearbeitung“. Вышелъ пока Т. I. Введеніе и ученіе о звукахъ. Первая половина (§ 1—694). Страсбургъ 1897. 8⁰ XLVIII + 622. Вторая половина (§ 695—1084). X + 876. Кромѣ того, Бругманъ готовитъ сокращенное изданіе своего труда п. з. „Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen“, имѣющее выйти въ свѣтъ у того-же издателя (Трюбнеръ въ Страсбургѣ). Къ сравн. грамматикѣ Бругмана достойно примыкаетъ, носящій съ нимъ общее заглавіе „Grundriss etc.“ трудъ Б. Дельбрюка, автора этой книги: „Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen“ т. I. Страсбургъ. 1893. 8⁰. XXIV + 796; т. II. 1897. XVIII + 560; т. III. 1900. XX + 608. Трудъ этотъ, составляющій эпоху въ данной области, является *первымъ* опытомъ сравнит. синтаксиса индоевроп. языковъ: (за исключеніемъ армянскаго, албанскаго и кельтскаго), имѣющимъ въ данной области основное капитальное значеніе по богатству матеріала, новизнѣ и самостоятельности взглядовъ автора—лучшаго знатока синтактической стороны индоевропейскихъ языковъ. *Прим. ред.*

[1]) Я могу тѣмъ скорѣе отказаться отъ такой попытки, что имѣю возможность сослаться на сочиненіе Бехтеля, „Die Hauptprobleme der indogermanischen Sprachen seit Schleicher“ (Геттингенъ, 1892). Въ этой усидчивой работѣ развитіе нашей науки, поскольку оно можетъ быть прослѣжено по сочиненіямъ,—изображено съ такою объективностью, какой только позволительно

Начнемъ съ монографіи Вернера. Хотя языковѣды всегда гордились закономъ передвиженія согласныхъ, тѣмъ не менѣе, при возрастающихъ требованіяхъ науки, не могло остаться незамѣченнымъ существованіе массы досадныхъ исключеній изъ него, присутствіе которыхъ, въ сущности, не позволяло говорить о законѣ. Мало-по-малу удалось ограничить число этихъ исключеній. Именно, Грасманъ [1]) удачно доказалъ, что при разсмотрѣніи словъ, подобныхъ гот. *dauhtar*, греч. θυγάτηρ, др.-инд. *duhitár*, которыхъ нельзя отдѣлять другъ отъ друга, хотя согласные ихъ и не имѣютъ полнаго соотвѣтствія между собой [2]), можно легко выйти изъ всякаго затрудненія, если предположить, что въ первобытную эпоху коренной слогъ начинался и оканчивался звонкимъ аспиратомъ (придыхательнымъ). Но дальнѣйшій, гораздо важнѣйшій шагъ сдѣлалъ Вернеръ. Онъ указалъ на нѣкоторыя затрудненія, замѣчаемыя въ самихъ германскихъ языкахъ, и притомъ не въ единичныхъ случаяхъ, но въ цѣлой массѣ таковыхъ. Слѣдующій случай можетъ служить примѣромъ. Никто, конечно, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что нѣмецкія слова *Vater*, *Mutter*, *Bruder* тождественны съ соотвѣтствующими древнеиндійскими, греческими и т. д., т. е. съ др.-инд. *pitár*, гр. πατήρ, др.-инд. *mātár*, греч. μήτηρ, др.-инд. *bhrātar*, лат. *frater*, не смотря на то, что одному и тому же звуку *t* негерманскихъ словъ соотвѣтствуютъ въ германскихъ языкахъ двоякіе звуки: въ гот. *fadar*, др.-сакс. *mōdar* (въ гот. текстахъ не встрѣчается), гот. *broþar*. Такая же странная двойственность звуковаго соотвѣтствія встрѣчается часто и въ параллельныхъ формахъ, принадлежащихъ одной и той же основѣ или одному и тому же корню, напр., въ гот. *taihun*, соврем. нѣм. zehn, рядомъ съ *tigus*, равняющимся современному нѣмецкому—*zig* [3]); затѣмъ, оно очень

ожидать отъ того, кто самъ принимаетъ участіе въ борьбѣ мнѣній. Чего естественно здѣсь не хватаетъ — это оцѣнки вліянія живыхъ лицъ. Если бы она оказалась возможной для автора, то свѣтъ и тѣни мѣстами распредѣлились бы нѣсколько иначе; такъ напр., вліяніе Лескина выступило бы гораздо ярче. Къ сочиненію Бехтеля можно отослать читателя и для библіографическихъ справокъ.

[1]) Объ этомъ превосходномъ и, среди нѣмецкихъ языковѣдовъ, въ извѣстномъ отношеніи единственномъ ученомъ, см. мою статью въ Augsburger Allg. Ztg. 1877, № 291 (Приложеніе).

[2]) Готское *d* не можетъ отвѣчать санскр. *d* (мы бы ожидали въ готскомъ *t*, ср. г. *taíhun*, гр. δέκα, санскр. *dáça*), а греческое θ заставляло бы ожидать въ санскритѣ *dh*, которому отвѣчаетъ готское *d*. Равнымъ образомъ греческому γ въ готскомъ должно бы отвѣчать *k*, а санскритскому *h* греческое χ. *Прим. ред.*

[3]) Въ числительныхъ въ родѣ vier-zig=*четыре-десять*. *Прим. ред.*

часто въ глагольныхъ формахъ, изъ которыхъ однѣ въ старину постоянно имѣли спирантъ, а другія звонкій взрывной, напр., др. в. н. *slahan*, *sluoh*, *sluogum*, *slagan*; *ziohan*, *zôh*, *zugum*, *zogan*; англо-сакс. *veordan*, *veard*, *vurdon*, *vorden* и мн. др. Вернеръ нашелъ средство исправить всѣ эти недостатки закона, указавъ, что въ различіи оттѣнковъ согласныхъ виновато германское удареніе, унаслѣдованное изъ индогерм. первобытной эпохи. Онъ именно указалъ, что въ древнегерманскомъ языкѣ спирантъ стоитъ тогда, когда слогъ, заканчивающійся имъ, стоитъ подъ удареніемъ, въ противномъ случаѣ стоятъ звонкіе взрывные. Такъ, напр., слово *братъ* въ первобытную эпоху, по свидѣтельству древнеиндійскаго языка, имѣло удареніе на основномъ слогѣ (санскр. *bhrátar*), и поэтому въ готскомъ мы видимъ *broþar*, слово же, соотвѣтствующее нѣм. *Vater* (отецъ), имѣло удареніе на суффиксальномъ слогѣ (санскр. *pitár*) и поэтому въ готскомъ звучитъ *fadar*. Того, кто сталъ бы еще сомнѣваться, долженъ окончательно убѣдить примѣръ глаголовъ. Въ древнеиндійскомъ, отъ корня *diç* „указывать“ мы имѣемъ прошедш. соверш. (perfectum) ед. ч. *didéça*, множ. *didiçimá*. Если же этимъ древнеиндійскимъ формамъ соотвѣтствуютъ въ древневерхненѣмецкомъ ед. *zeh* (*didéça*), но *zigum* (*didiçimá*), то вліяніе ударенія становится сейчасъ же очевиднымъ. Это открытіе имѣло большое вліяніе, а именно, поскольку оно касалось сравнительнаго языкознанія, въ трехъ направленіяхъ. Прежде всего должно было укрѣпиться то убѣжденіе, которое Вернеръ формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Конечно сравнительное языкознаніе не можетъ отрицать совершенно значеніе случая въ жизни языка, но оно не можетъ и не имѣетъ права признавать случайности en masse, какъ здѣсь, гдѣ случаи неправильнаго передвиженія звуковъ внутри слова почти столь-же часты, какъ и случаи правильнаго. Слѣдовательно, здѣсь должно существовать, такъ сказать, правило для неправильности; нужно только его открыть“. Затѣмъ оказалось необходимымъ допустить въ широкихъ размѣрахъ замѣну однихъ звуковъ другими. Въ готскомъ, именно, глаголъ не обнаруживаетъ того различія въ согласныхъ звукахъ, которое имѣется въ остальныхъ германскихъ языкахъ. Въ то время какъ въ древневерхненѣм. видимъ *slaha*, *sluoh*, *sluogum*, *slagan*, по-готски будетъ *slaha*, *slôh*, *slohum* *slahans* и соотвѣтственно этому во всѣхъ случаяхъ. Если бы, какъ это дѣлалось прежде, принимался во вниманіе одинъ лишь готскій языкъ, то легко можно было бы придти къ предположенію, что готскій языкъ сохранилъ древнѣйшее перво-

бытное состояніе, тогда какъ остальные діалекты утратили его. Послѣ Вернера такое предположеніе болѣе невозможно. Прагерманскій языкъ, очевидно, долженъ былъ представлять такое-же состояніе, какъ и остальные діалекты, слѣдовательно въ готскомъ различія были сглажены. Эта замѣна звуковъ другими есть результатъ аналогіи, дѣйствовавшей въ ряду формъ, связанныхъ между собой внутренней связью, и такимъ образомъ, благодаря закону Вернера, должно было возрасти уваженіе къ могуществу аналогіи. Наконецъ, должно было вызывать на размышленіе то обстоятельство, что типъ ударенія (Accentprincip), который мы видимъ дѣйствующимъ въ древнеиндійскомъ языкѣ, еще столь явственно даетъ себя замѣтить въ своихъ результатахъ въ германскомъ, хотя тамъ онъ уже давно исчезъ, какъ живой типъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ самъ Вернеръ: „Быть можетъ, результаты, къ которымъ меня привело мое изслѣдованіе, будутъ найдены въ высокой степени поразительными. Конечно, можетъ показаться страннымъ, что принципъ ударенія (Betonungsprincip), потерявшій силу еще въ сѣдой древности, можетъ быть прослѣженъ въ своихъ результатахъ еще до нашихъ дней въ нѣмецкихъ глагольныхъ формахъ: *ziehen gezogen*, *sieden gesotten*, *schneiden geschnitten*. Дѣйствительно, должно казаться поразительнымъ, что именно германскій консонантизмъ даетъ намъ ключъ къ акцентуаціи праязыка, который до сихъ поръ напрасно старались найти въ германскомъ вокализмѣ". А такъ какъ противъ выводовъ изслѣдованія ничего нельзя было возразить, то изъ него и другихъ изслѣдованій убѣдились, что сравненіе индогерманскихъ языковъ заслуживаетъ того, чтобы быть проведеннымъ до мельчайшихъ деталей. Шлейхеръ несомнѣнно оказалъ въ свое время большую услугу, воздавая должное каждому отдѣльному языку, но теперь наступило время, когда надлежало вновь предпринять работу Боппа съ лучшими вспомогательными средствами и съ болѣе изощренными методами.

Такое же вліяніе, какъ законъ Вернера, имѣли многія самостоятельно возникшія, но образующія одно цѣлое, открытія въ области вокализма, именно изслѣдованія о древности *e* или *o*, о слогообразующихъ плавныхъ и носовыхъ и о первичности „гуны" [1]).

Прежде всего, относительно *e* и *o*, старое воззрѣніе гласило, что въ основномъ индогерманскомъ языкѣ существовало

---

[1]) Ср. относительно этихъ трехъ пунктовъ, кромѣ Бехтеля, превосходно оріентирующую статью Bloomfield'a: «The Greek Ablaut» въ «American Journal of Philology» I, 281 и сл.

три первичныхъ короткихъ гласныхъ *a*, *i*, *u*, откуда въ отдѣльныхъ языкахъ образовались, вслѣдствіе развѣтвленія звука *a*, извѣстныя намъ еще со школьной скамьи пять звуковъ: *a*, *e*, *o*, *i*, *u*. Въ пользу такого предположенія говорило не только воззрѣніе, что санскритъ вообще сохранилъ болѣе древнее состояніе языка, но также и унаслѣдованное изъ болѣе ранней эпохи представленіе о простотѣ первичнаго состоянія человѣческаго рода, а слѣдовательно и праязыка, и мнѣніе, что *a*, „самый чистый и благородный“ изъ всѣхъ гласныхъ, необходимо долженъ былъ послужить исходной точкой всего развивающагося ряда (ср. стр. 55). Я вспоминаю еще очень живо, какъ навертывался на мои уста вопросъ Никодима, когда впервые мнѣ стало извѣстно сербское *дан* (день), гдѣ *a* очевидно произошло изъ *i* [1]). Ученіе о разщепленіи (Spaltung) звука *a*, такимъ образомъ, крѣпко внѣдрилось въ воззрѣнія эпохи и уступило лишь неоднократнымъ нападеніямъ. Первое измѣненіе въ унаслѣдованномъ воззрѣніи сдѣлалъ Курціусъ. До 1864 г. (въ которомъ появилась статья Курціуса „О „разщепленіи“ звука А въ греческомъ, латинскомъ“ и др. (ср. Бехтель, 18), предполагали, что развѣтвленіе въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ, имъ обладающемъ, произошло независимо отъ другихъ языковъ, такъ что изъ европейскихъ языковъ готскій сохранилъ древнее состояніе, тогда какъ греческій и латинскій испытали измѣненіе. И вотъ Курціусъ обратилъ вниманіе на то, что готскій языкъ нерѣдко имѣетъ *i* тамъ, гдѣ другіе европейскіе языки имѣютъ *e*, напримѣръ, древнеиндійск. *ahám*, греч. ἐγώ, лат. *ego*, готское *ik*. Это *i*, конечно, не могло быть первичнымъ *i* и скорѣе является позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ *e*. Вмѣстѣ съ этимъ, обнаружилось, что готскій языкъ въ своемъ *i* соединилъ два древнихъ гласныхъ, именно чистое *i*, напр. въ *vitum* „мы знаемъ“, и *i*, происшедшее изъ *e*, и такимъ образомъ само собой явилось предположеніе, что *e* древнѣе возникновенія отдѣльныхъ языковъ, или, какъ выражался Курціусъ, принадлежитъ къ европейскому праязыку. Объ *o* Курціусъ не могъ судить такъ рѣшительно, но ясно, что по крайней мѣрѣ, извѣстное *o*, именно то, которое находится въ нѣкоторомъ правильномъ взаимномъ соотношеніи съ *e* (напр. δέρκομαι-δέδορκα), не могло быть моложе, чѣмъ *e*. Благодаря этой работѣ Курціуса, дѣло упрощалось постольку, поскольку, вмѣсто многихъ исходныхъ точекъ, принималась одна (европейскій праязыкъ), но принципіальная трудность оставалась.

---

[1]) Черезъ промежуточную ступень *ь*, возникшую въ праславянскую эпоху изъ *i* (ср. стсл. *дьнь*). *Прим. ред.*

Оставалось, какъ и прежде, страннымъ то обстоятельство, что праязычное *a*, напр., въ ἄγω, л. *ago*, удержалось, тогда какъ въ φέρω *fero* перешло въ *e*, въ ὀκτώ *octo* — въ *o*, причемъ для такого перехода нельзя было найти сколько-нибудь вѣроятное основаніе. При этихъ условіяхъ необходимо должны были притти къ вопросу, не представляетъ-ли, быть можетъ, пестрота вокализма, свойственная, напр., греческому языку, древнѣйшаго состоянія, изъ котораго уже путемъ совпаденія нѣкогда различныхъ гласныхъ звуковъ возникло арійское однообразіе, приблизительно такъ, какъ гот. *i* представляетъ въ своемъ лицѣ совпавшія древнія *i* и *e*. Въ этомъ направленіи трудились тщетно въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Такъ, я, напр., вѣрилъ въ возможность различить въ индійскомъ *e* два элемента, дифтонгъ и долгое *e*, которое, путемъ замѣнительнаго удлиненія произошло изъ краткаго *e*, и такимъ образомъ думалъ сдѣлать вѣроятнымъ существованіе въ санскритѣ краткаго *e*. Слѣдъ этихъ стараній внимательный читатель могъ найти еще въ моемъ сочиненіи „О древне-индійскомъ глаголѣ", появившемся въ 1874 г. [1]), гдѣ на стр. 118 говорится слѣд. объ *e* такихъ формъ, какъ *sedimá*: „Какое изъ этихъ воззрѣній правильное, быть можетъ откроетъ только общее изслѣдованіе всего индогерманскаго вокализма". Счастливѣе были Амелунгъ и Бругманъ. Послѣдній отправлялся отъ начатыхъ тогда (1876 г.) изслѣдованій о градаціи основъ (*Stammabstufung*) именъ существительныхъ [2]) и, принявъ въ соображеніе, что индійскому *pitáram* соотвѣтствуетъ греч. πατέρα, а индійск. *dātáram* — греч. δώτορα, пришелъ къ предположенію, что въ индогерманскомъ праязыкѣ существовалъ звукъ a_1, который въ санскритѣ продолжалъ существовать въ видѣ *a*, а въ греч. въ видѣ *e*, и звукъ a_2, который въ обоихъ языкахъ являлся въ видѣ *a*, respective *o*. Справедливость этого послѣдняго сопоставленія оспаривалась и будетъ оспариваться, но утвержденіе, что уже въ праязыкѣ существовало *e*, подтвердилось и сдѣлалось весьма вѣроятнымъ, благодаря открытію закона о смягченіи (палатализаціи) заднеязычныхъ согласныхъ (такъ наз. Palatalgezetz), къ которому пришли въ одно и то-же

---

[1]) «Das altindische Verbum aus den Hymnen des Rigveda seinem Baue nach dargestellt von B. Delbrück» (Halle, 1874). *Прим. ред.*

[2]) Подъ этимъ терминомъ разумѣется отношеніе между «сильными» и «слабыми» формами основъ именъ существительныхъ въ разныхъ падежахъ, которое наблюдается, напр., въ греч. формахъ: им. ед. πατήρ, винит. πατέρα, зват. πάτερ, именит. множ. πατέρες, винит. мн. πατέρας и т. д. съ одной стороны и род. ед. πατρός, дат. множ. πατράσι съ другой.

Прим. ред.

время многіе ученые (ср. Бехтель 62). Я укажу особенно на статью Коллица въ „Матерьялахъ“ Беценбергера (Bezzenberger's „Beiträge zur Kunde d. idg. Sprachen“ III, 177 и слѣд.). Въ индоиранскихъ (арійскихъ) языкахъ палатализація согласнаго *k* совершается путемъ вліянія послѣдующаго *i*. Такъ, напр., въ зендѣ имѣемъ *cipi* (то же, что греч. τίσις), между тѣмъ какъ въ *kaena* (=греч. ποινή) звукъ *k* сохранился: такъ въ др.-инд. *citrá* „блестящій“, рядомъ съ *ketú* „блескъ“, въ зендскомъ *cis* (=лат. *quis*) въ то время, какъ первоначальное *k* вопросит. мѣстоименія выступаетъ въ др.-инд. *ká* (откуда звукъ *k* былъ перенесенъ и въ др.-инд. *kím* „что“) и т. д. Подобное явленіе наблюдается часто передъ *a*, напр. въ др.-инд. *ca*=τε, лат. *que*, въ др.-инд. *catváras*=τέσσαρες, лат. *quatuor*, въ др.-инд. *cakrá* „колесо“=κύκλος, въ др.-инд. *jathára* „брюхо“ = гот. *qiþus*; въ удвоеніи корней, которые начинаются звукомъ *k*, какъ, напр., въ санскр. прош. сов. (perfectum) *cakára* отъ *kar* „дѣлать“. Какъ показываетъ одинъ взглядъ, брошенный на приведенные примѣры, и какъ можетъ быть доказано точнѣе, это *a*, передъ которымъ происходитъ палатализація, есть то *a*, которому соотвѣтствуетъ въ родственныхъ языкахъ *e*. Такимъ образомъ, нельзя избѣжать заключенія, что превращеніе звука *k* должно быть поставлено на счетъ именно этого *e*. Если такимъ образомъ для болѣе древняго періода санскрита можно предположить *e*, и такимъ образомъ санскритъ въ этомъ отношеніи будетъ согласоваться съ европейскими языками, то придется признать, что *e* существовало уже въ первобытномъ языкѣ. Изъ этихъ начатковъ затѣмъ постепенно развилась гипотеза (дальнѣйшаго роста которой я здѣсь не буду касаться), что уже въ праязыкѣ существовали долгіе и краткіе *a e o i u*, а затѣмъ, конечно, и дифтонги *ai ei oi au eu ou*, рядомъ съ *āi ēi* и т. д. Таковъ господствующій теперь взглядъ. Такимъ образомъ, мы теперь уже больше не предполагаемъ, что *a* праязыка, при неизвѣстныхъ условіяхъ, развѣтвилось на *a*, *e* и *o*, но, что въ нѣкоторой части нашихъ языковъ, именно въ языкахъ арійскомъ, литовскомъ, германскомъ, албанскомъ, *o* превратилось въ *a*; и тою же самою дорогою пошло въ арійскомъ языкѣ *e*. Отсылая въ отношеніи частностей къ „Очерку“ Бругмана (Grundriss etc.), я позволю собѣ указать еще на нѣсколько замѣчаній относительно вѣроятности совпаденія первоначально различныхъ звуковъ, которыя я противопоставилъ возраженіямъ Курціуса въ моей брошюрѣ „О новѣйшемъ языкознаніи“ стр. 30 и сл. [1]).

---

[1]) «Die neueste Sprachforschung. Betrachtungen über Georg Curtius Schrift

Съ обработкою вопроса объ *e* и *o* непосредственно связано открытіе плавныхъ и носовыхъ сонантовъ (liquida и nasalis sonans)—непосредственно въ томъ отношеніи, что оно также проистекало изъ удивленія передъ неправильностями въ вокализмѣ, а именно прежде всего передъ неправильностями, свойственными греческому α. Съ давнихъ поръ ученые удивлялись, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ греческомъ языкѣ въ сочетаніи съ ρ является α тамъ, гдѣ съ прежней точки зрѣнія слѣдовало бы ожидать *e* или *o*. Случай перваго рода мы видимъ, напр., въ словѣ πατράσι при πατέρες и т. д., случай второго—напр., въ словѣ καρδία при лат. *cor*. До тѣхъ поръ пока исходили изъ основнаго праязычнаго *a*, этотъ фактъ не могли объяснить себѣ иначе, какъ предположеніемъ, что въ словахъ πατράσι и καρδία сохранилось архаическое α, которое собственно должно было, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ *a*, перейти въ *e* и *o*. Эти трудности разрѣшилъ Остгофъ слѣдующими словами статьи, помѣщенной въ „Матерьялахъ“ Пауля и Брауне III, 52 [1]): „Это же (именно то гласная, то согласная природа *r*) является причиной, почему въ санск. *pitṛ́-bhyas*, *pitṛ́-shu* изъ **pitṛ-bhyás*, **pitṛ-shú* тематическій слогъ является гласнымъ, съ *r* sonans, въ противоположность согласному *r* въ дат. ед.. *pitr-é*, творит. *pitr-á*. Греческое ρα въ πατρά-σι, надъ которымъ такъ много и такъ долго ломали безуспѣшно голову, я приравниваю непосредственно санскр. *ṛ* въ словѣ *pitṛ-shu*. Другими словами: я понимаю это ρα, какъ родъ греческаго *r* sonans, какъ извѣстное *r*, изъ котораго долженъ былъ развиться въ слогѣ, хотя и ослабленномъ, но необходимо удержавшемъ свой гласный элементъ, голосовой тонъ (Stimmton) плавнаго согласнаго, развившійся, однако, въ видѣ *a*, благодаря тембру гласнаго *a* (a-Farbe), свойственному греческому ρ. Эта точка зрѣнія оправдалась. Дальнѣйшее изслѣдованіе показало, что слогообразующему *r* первобытной эпохи въ греч. языкѣ соотвѣтствуетъ ρα, αρ, въ италійскомъ *or*, въ германскомъ *ru ur*, въ литовскомъ *ir* и т. д. и, благодаря этому, многія допущенныя прежде неправильности были устранены. Къ слогообразующему плавному сейчасъ же присоединился

zur Kritik der neuesten Sprachforschung von B. Delbrück.» Leipzig. 1885. 8⁰. 49 стр. *Прим. ред.*

[1]) Извѣстный журналъ, посвященный изученію нѣмецкаго языка и литературы: «Beiträge zur geschichte der deutschen sprache und literatur herausgegeben von Hermann Paul und Wilhelm Braune». Halle an der Saale. Lippert'sche Buchhandlung (Max Niemeyer). Выходитъ съ 1874 года.

Прим. ред.

носовой слогообразующій, установленіемъ котораго мы обязаны Бругману. Должно казаться страннымъ, что конечный слогъ, который въ древнеиндійскомъ звучитъ *am*, въ греческомъ и латинскомъ языкахъ передается различнымъ образомъ, именно то черезъ ον, *om*, напр., *ábharam* ἔφερον, *áçvam*, ἵππον *equom*, то черезъ α, *em*, напр., *áyam* ἦα, *pádam* πόδα *pedem*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ древнеиндійскомъ языкѣ находимъ тоже *a*, напр., *náma* ὄνομα *nomen*. Постоянно это наблюдается внутри слова передъ согласными, напр., въ *çatám* ἑκατόν *centum*, къ которымъ присоединяются гот. *hund* и лит. *szìmtas*. Всѣ эти разногласицы объясняются, если предположить, что соотвѣтствующій слогъ первобытной эпохи (Urzeit) имѣлъ, главнымъ образомъ, носовой составъ, изъ котораго впослѣдствіи развились въ отдѣльныхъ языкахъ различные гласные, которые отчасти вытѣснили первичный носовой, отчасти стали сопровождать его. Различіе въ конечномъ слогѣ древнеиндійскихъ формъ могло быть основано на дѣйствіи аналогіи. Кто желаетъ убѣдиться, въ какой высокой мѣрѣ ученіе о слогообразующихъ плавномъ и носовомъ (здѣсь не мѣсто вдаваться въ детали этого ученія) укрѣпило убѣжденіе о закономѣрности въ измѣненіяхъ звуковъ, тотъ пусть припомнитъ, сколько гласныхъ α въ греческомъ языкѣ, считавшихся прежде необъяснимыми, теперь признаются вполнѣ законными и правильными.

Ученіе о сонантахъ приводитъ къ новой теоріи „подъема гласныхъ“ (vocalsteigerung). Очевидно, что сонанты часто соотвѣтствуютъ простымъ гласнымъ, изъ которыхъ, по заимствованному отъ индійскихъ грамматиковъ воззрѣнію, произошли дифтонги подъема (Steigerungsdiphtonge). Такъ, очевидно, др.-инд. *bibhṛmás* „мы несемъ“ относится къ *bibhármi* „я несу“ или πίμπλαμεν къ πίμπλημι совершенно также, какъ *imás* ἴμεν къ *émi* εἶμι; аористъ *ádṛçam* ἔδρακον относится къ δέρκομαι *dadárça* δέδορκα также, какъ *áricam* ἔλιπον къ λείπω *riréca* λέλοιπα; далѣе γέγαμεν къ γέγονα относится также, какъ ἐπέπιθμεν къ πέποιθα и т. д., или, сводя къ одной формулѣ, *en*, *on* относится къ *n̥* и *er*, *or* — къ *r̥*, какъ *ei*, *oi* къ *i* и *eu ou* къ *u*. Спрашивается теперь, гдѣ первоначальный звукъ—въ слабой или сильной формѣ? Чтобы получить точку опоры при рѣшеніи этого вопроса, привлекаютъ къ сравненію третье, очевидно параллельное, соотношеніе формъ. Не возможно вѣдь сомнѣваться, что древне-инд. *ásmi* и *smás* (*sumus*) также относятся другъ къ другу, какъ *émi* къ *imás*, и πέτομαι относится къ ἐπτόμην такъ, какъ δέρκομαι къ ἔδρακον. Но, конечно, нельзя исходить изъ формы корня, какъ *s* или *pt*, и помощью подъема

выводить изъ нея *es* и *pet*. Такимъ же образомъ въ основу долженъ быть положенъ не гласный *i*, а *ei*, и сообразно съ этимъ должно поступать и въ другихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, пришли къ тому, что, перевернувъ индійское ученіе о подъемѣ, стали принимать *ei*, *bheudh* и т. д. за коренныя формы, изъ которыхъ (повидимому, подъ вліяніемъ слѣдующаго ударенія) произошло *i*, *bhudh* и т. д. Какъ видно, эта третья гипотеза нѣсколько иного рода, чѣмъ двѣ первыя. Въ то время какъ эти утверждаютъ только, что *e*, *o*, nasalis sonans и т. д. существовали въ готовомъ праязыкѣ, новая гипотеза ослабленія (Schwächungshypothese) говоритъ нѣчто и о тѣхъ процессахъ, которые должны были происходить во времена перваго образованія индогерманскаго праязыка. Я думаю, что ученые хорошо поступаютъ, относясь сдержанно къ такому построенію, и это можно дѣлать тѣмъ скорѣе, что главную суть въ новой точкѣ зрѣнія составляетъ не гипотеза о происхожденіи отношеній, но ихъ констатированіе. А то, что ею констатировано, я въ заключеніе резюмирую словами Г. Мейера (Греч. грамм. ²10 и сл. [1]): „Тѣ корни, которые показываютъ чередованіе гласныхъ *e o*, уже въ индогерманскую эпоху, въ нѣкоторыхъ формахъ флѐксій и тематическихъ образованіяхъ, въ которыхъ удареніе стояло не на коренномъ слогѣ, выработали третью разновидность, въ которой коренной гласный *e*, вслѣдствіе отсутствія на немъ ударенія, исчезаетъ, и которую называютъ слабою формою корня.

1) Корни, не содержащіе въ себѣ послѣ *e* никакого сонантическаго элемента (sonantisches Element) [2], въ слабой формѣ, вслѣдствіе выпаденія *e* остаются совершенно безъ гласнаго:

Сильная форма	*pet*	падать.	*Слабая*	*pt*
	es	быть		*s*

2) Если корень состоитъ изъ *e* (съ предшествующими согласными или безъ нихъ) и изъ одного примыкающаго къ нему со-

[1]) Извѣстный трудъ нынѣ покойнаго профессора Грацскаго университета: «Griechische Grammatik von Gustav Meyer», составляющій третій томъ серіи «Indogermanische Grammatiken», издаваемыхъ Лейпцигской фирмой Брейткопфа и Гертеля. Первое изданіе вышло въ 1880 г. (8⁰. XXX+464). Съ тѣхъ поръ явилось уже третье увеличенное изданіе (тамъ же 1896 г.).

Прим. ред.

[2]) Т. е. звука, способнаго при случаѣ образовать слогъ самостоятельно, безъ помощи гласнаго. Такими «сонантами» или слогообразующими звуками могутъ быть, не говоря о гласныхъ, и согласные звуки. Въ индоевропейскомъ праязыкѣ въ роли сонантовъ являлись носовые *m n* и «плавные» *r*, *l*.

Прим. ред.

нанта (*i u r l n m*), то послѣдній въ слабой формѣ корня функціонируетъ какъ согласный, если словообразовательные (суффиксальные) элементы начинаются съ гласнаго звука, и какъ гласный, если они начинаются согласнымъ:

Сильная форма.	*Слабая форма.*
ei идти	*i*
kei лежать	*ki*
sreu течь	*sru*
bher нести	*bhr*
men упоминать	*mn*

3) Если корень состоитъ изъ *e* (съ предшествующимъ согласнымъ или безъ него), изъ одного примыкающаго къ нему сонанта и замыкающаго согласнаго, то, вслѣдствіе выпаденія *e*, сонантъ дѣлается слогообразующимъ.

Сильная форма.	*Слабая форма.*
deik показывать	*dik*
bheugh гнуть	*bhugh*
derk видѣть	*drk*
bhendh вязать	*bhndh*.»

Если изъ результатовъ, вытекавшихъ изъ нѣсколькихъ гипотезъ касательно вокализма (Vocal-Hypothesen), могъ получиться такой стройный рядъ, какъ приведенный здѣсь рядъ *e-o-*, то этотъ результатъ, разумѣется, является желаннымъ подтвержденіемъ отдѣльныхъ опирающихся другъ на друга гипотезъ. Далѣе легко себѣ представить, что рядъ *e-o-* принуждаетъ къ построенію другихъ подобныхъ рядовъ и, слѣдовательно, къ систематическому представленію индогерманскаго вокализма. Мы не можемъ, однако, вдаваться въ разсмотрѣніе попытокъ, предпринятыхъ въ этомъ направленіи.

Рядомъ съ названными завоеваніями науки въ области вокализма становятся подобныя же открытія въ области согласныхъ. Я напомню ученіе о двухъ (и позже трехъ) рядахъ заднеязычныхъ согласныхъ, котораго я уже коснулся на стр. 65, гдѣ рѣчь шла о законѣ палатализаціи (смягченія). Ясно изложенное резюмѐ воззрѣній Шлейхера на индогерманскіе звуки типа K можно найти у Бехтеля (стр. 291) въ слѣдующихъ словахъ: „Въ Компендіи Шлейхера праязыку приписывается только одинъ рядъ заднеязычныхъ согласныхъ, состоящій изъ звуковъ **k, g, gh**. Ни одинъ историческій языкъ не можетъ сравняться съ праязыкомъ въ этой простотѣ. Мы находимъ, напротивъ, что въ

нихъ чистые заднеязычные *k*, *g*, *gh* чередуются съ палатальными или лабіализованными, или переднеязычными зубными смычными звуками или съ заднеязычными, за которыми слѣдуетъ губной призвукъ; въ нѣкоторыхъ языкахъ наблюдается даже такой случай, что въ извѣстномъ числѣ словъ заднеязычный смычный звукъ уступаетъ мѣсто палатальному, переднеязычному или зубному спиранту. Всѣ эти различныя артикуляціи возникли лишь послѣ распаденія праязыка, вслѣдствіе причинъ, которыя еще неизвѣстны. Въ санскритѣ, напр., рядомъ съ *k* стоитъ небный смычный звукъ [1]) *c* и палатальный спирантъ *ç*. Такимъ образомъ, произошло развѣтвленіе унаслѣдованнаго *k*: „законъ, по которому заднеязычные частью переходятъ въ палатальные, частью остаются, въ подробностяхъ еще не разслѣдованъ". Разсмотрѣніе соотвѣтствующихъ звуковъ прочихъ языковъ совершается въ томъ же направленіи: постояннымъ предположеніемъ является одинаковая артикуляція всѣхъ заднеязычныхъ согласныхъ праязыка, а постояннымъ методомъ — стремленіе выводить множественность явленій, свойственныхъ отдѣльнымъ языкамъ, изъ предполагаемаго развѣтвленія первичнаго единства". Напротивъ того, современный взглядъ, явившійся результатомъ трудовъ Асколи, Фика, Коллица, I. Шмидта, Беценбергера и др., можетъ быть резюмированъ слѣдующимъ образомъ. Въ первобытную эпоху было три ряда заднеязычныхъ (такъ называемыхъ гортанныхъ) согласныхъ, именно рядъ спирантовъ, рядъ *k* и рядъ *q* [2]). Рядъ спирантовъ удержался только въ арійскомъ, армянскомъ, литвославянскомъ, албанскомъ языкахъ, а въ остальныхъ совпалъ съ рядомъ *k*. Глухимъ согласнымъ этого ряда является звукъ, который въ индійскомъ представленъ пала-

---

[1]) Фонетическая терминологія Бехтеля нѣсколько не выдержана: санскр. *c* (=русск. *ч*) есть въ сущности не смычный, а сложный согласный, состоящій изъ смычнаго *т* и спиранта *ш*, иначе такъ назыв. аффриката.

Прим. ред.

[2]) Здѣсь вкралась нѣкоторая неточность, объясняемая частью условіями времени (3 изд. книжки Дельбрюка вышло въ 1893 г.), частью можетъ быть тѣмъ, что центръ тяжести работъ почтеннаго автора лежитъ внѣ области фонетики. Спирантный характеръ такъ называемаго перваго ряда заднеязычныхъ согласныхъ непр. праязыка, принимаемый нѣкоторыми учеными, главнымъ образомъ Беценбергеромъ и его учениками, является мало вѣроятнымъ съ точки зрѣнія современной физіологической фонетики и обусловленнаго ею представленія о звуковыхъ измѣненіяхъ. Весьма сомнительно, чтобы первоначальные спиранты, сохранившіеся де только въ восточныхъ представителяхъ индоевропейской семьи языковъ (арійскихъ, литвославянскихъ, албанскомъ и армянскомъ языкахъ), могли въ западныхъ индоевр. языкахъ (греч., италійскихъ,

тальнымъ *s* (которое я изображаю *ç*), напр., др.-инд. *dáça*, зенд. *dasa*, арм. *tasn*, лит. *dĕšimtis*, церк.-сл. десѧть, напротивъ того *k* въ δέκα, *decem*, др. ирл. *deich*, гот. *taihun*. Въ прежнее время это *ç* считали единственнымъ заднеязычнымъ [1]) спирантомъ древнеиндійскаго языка, но Асколи доказалъ, что соответствующіе ему звуки некогда должны были иметься и въ звонкомъ, и придыхательномъ видахъ, указавъ, что древнеиндійское *j* и *h* представляютъ собою каждый два более древнихъ звука. Примѣромъ первоначальнаго звонкаго спиранта служитъ др.-инд. *yájati* „онъ приноситъ въ жертву“ съ прич. прош. вр. стр. з. *ishṭá*, зенд. *yazaite yašta*, др. инд. *ṛjú* прямой, зенд. *erezu* (id.) лит. *rážaus* „вытягиваюсь“ (съ этими случаями ср. звонкіе смычные въ др.-инд. *yunájmi* „запрягаю“, *yuktá*, зенд. *yujyeiti yukhta*, лит. *jùngiu*, ц.-сл. *иго* „ярмо“). Примѣръ первоначальнаго спирантнаго придыхательнаго: др.-инд. *váhati* „везетъ“, *voḍhár* „вьючное животное“, зенд. *vazaiti vaštar*, лит. *vežù*, ц.-сл. везѫ (съ которыми ср. неспирантные придыхательные въ др.-инд. *dahati* „онъ пылаетъ“, прич. *dagdhá*, лит. *degù*). Таковой видъ представляетъ рядъ спирантовъ. Рядъ *k* и рядъ *q*, съ своей стороны, остались раздѣленными въ греческомъ, италійскомъ, кельтскомъ и германскомъ языкахъ, и, напротивъ, совпали въ тѣхъ языкахъ, которые сохранили спирантный рядъ, т. е. — въ арійскомъ, армянскомъ, литво-славянскомъ, албанскомъ. Примѣромъ для глухого согласнаго ряда *k* является греч. κρέας, лат. *cruor*, др.-ирл. *crú*, корн. *crou*, др. сканд. *hrár*; для ряда *q* греч. πέντε и πεμπώβολον, лат. *quinque*, др.-ирл. *cóic*, кимр. *pimp*, гот. *fimf*. Относительно звонкихъ, придыхательныхъ и прочихъ подробностей, я отсылаю къ изложенію Бехтеля.

Послѣ этихъ замѣчаній, мы можемъ сказать вкратцѣ, что мы оставили гипотезы Шлейхеровскихъ временъ о „развѣтвленіи“

кельтскихъ, германскихъ) опять превратиться въ заднеязычные смычные. Гораздо правдоподобнѣе предположеніе, раздѣляемое Бругманомъ и многими другими современными учеными, что первый рядъ заднеязычныхъ смычныхъ согласныхъ въ праязыкѣ имѣлъ легкій небный (палатальный) оттѣнокъ, исчезнувшій въ западныхъ индоевроп. языкахъ, но продолжавшій усиливаться въ восточныхъ и приведшій въ нихъ къ превращенію смычныхъ въ спиранты.

Прим. ред.

[1]) Терминъ «заднеязычный» (или гортанный, нѣм. guttural) здѣсь очевидно слѣдуетъ понимать въ историческомъ смыслѣ: *ç* происходитъ изъ заднеязычнаго («гортаннаго») согласнаго, но произносится совсѣмъ не задней частью языка (какъ заднеязычные или такъ назыв. «гортанные» согласные), а передней, такъ назыв. Zungenblatt нѣмецкихъ фонетиковъ, при дорсальной артикуляціи языка. *Прим. ред.*

(Spaltungshypothesen), какъ въ области гласныхъ, такъ и въ области согласныхъ, и на ихъ мѣсто поставили гипотезу о существовавшемъ въ праязыкѣ разнообразіи, которое въ отдѣльныхъ языкахъ частью сохранилось, частью умножилось вслѣдствіе совпаденія звуковъ. Я полагаю (какъ это ясно уже изъ моего изложенія), что мы въ этомъ случаѣ поступили правильно. Въ пользу новаго воззрѣнія говоритъ, во-первыхъ, то размышленіе, что мы не имѣемъ никакого основанія представлять праязыкъ проще и бѣднѣе звуками, чѣмъ какой-либо отдѣльный языкъ, и затѣмъ то еще болѣе вѣское соображеніе, что неудобно сводить къ исторической случайности тѣ многочисленныя совпаденія, которыя проявляются въ звуковыхъ соотвѣтствіяхъ отдѣльныхъ языковъ. Убѣжденіе въ правильности приложенныхъ методовъ укрѣпляется, въ особенности, тѣмъ наблюденіемъ, что каждый вновь открытый для науки языкъ даетъ подтвержденіе результатовъ, добытыхъ въ изслѣдованныхъ до сихъ поръ языкахъ. Это особенно относится къ армянскому языку, разработкою котораго стяжалъ себѣ заслуги Гюбшманъ (ср. Hübschmann, „Armenische Studien“, Leipzig, 1883 г.), и къ албанскому, которому было указано его мѣсто въ ряду индоевропейскихъ языковъ блестящими работами Г. Мейера (изъ нихъ я придаю особенное значеніе „Этимологическому словарю албанскаго языка“, Страсбургъ 1891 г. и „Албанскимъ этюдамъ“ III въ Sitzungsberichte Вѣнской Академіи Наукъ. Томъ CXXV, Вѣна 1892 г.). Довольствуясь вообще ссылкою на эти изслѣдованія, я не могу, однако, не привести по крайней мѣрѣ одного факта, который можетъ подтвердить сказанное до сихъ поръ. Уже въ 1867 г. Георгъ Шульце утверждалъ въ своей появившейся въ Гёттингенѣ диссертаціи, что праязыкъ долженъ былъ имѣть два согласныхъ, одинъ съ болѣе вокальнымъ характеромъ, который въ греческомъ языкѣ превратился въ Spiritus asper (напр., *yaj* ἅγιος, *yuyám* ὑμεῖς) и другой съ болѣе консонантической природой, который въ греческомъ представленъ звукомъ ζ, напр. *yugám* ζυγόν. Курціусъ высказался рѣшительно противъ этой гипотезы (Stud. 2,180) и твердо держался своего прежняго воззрѣнія, по которому ζ „развилось“ въ греческомъ языкѣ. Въ новѣйшее время, когда гипотезы, основанныя на „разщепленіи“ простыхъ звуковъ праязыка (Spaltungs hypothesen), потеряли свой престижъ, ученые, напротивъ, стали на сторону Шульце. Такъ, Бругманъ (Grundriss первое изданіе I, 453, второе изданіе: I. § 280. Прим. стр. 262 и § 922, стр. 793), принимаетъ для первобытнаго языка спирантное *j*, о которомъ выражается приблизительно такъ: „Только греческій

языкъ различаетъ *j* и *i̯* другъ отъ друга въ началѣ слова. Въ другихъ языкахъ оба звука совпадаютъ въ *i̯* [1]). Однако и здѣсь первоначальная разница можетъ быть замѣчена по стольку, по скольку у корней, начинающихся звукомъ *j*, не имѣется унаслѣдованной изъ древности формы со слабой ступенью вокализма (Tiefstufenform), представляющей гласные *i* или *i̯*, напр., др.-инд. *yasta*, отъ *yas* „кипѣть, бить ключемъ“, но *iṣṭa* отъ *yaj* „чтить“. Къ этимъ слѣдамъ въ греческомъ прибавилось теперь рѣшительное свидѣтельство албанскаго яз. (Meyer, Sitzungsber. 39), гдѣ зенд. *yāsta*, греч. ζωστός, лит. *júostas* соотвѣтствуетъ алб. *ngješ* „опоясываю“ (*n*=*in*), но греч. ὑμεῖς и т. д. — *ju*. Этимъ доказана первичность *j* и *i̯*, такъ какъ нельзя допустить, чтобы въ однихъ и тѣхъ же словахъ, въ греческомъ и албанскомъ языкахъ, первоначально единое *j* „развилось“ въ ζ respective *ǵ*.

Какой переворотъ въ воззрѣніяхъ современниковъ должны были теперь произвести всѣ эти и имъ подобныя откровенія, мы указывали уже неоднократно. Послѣ того какъ наука начала съ допущенія многочисленныхъ и произвольныхъ исключеній, послѣ того какъ послѣднія, благодаря все возраставшимъ успѣхамъ изслѣдованія, ограничивались болѣе и болѣе, долженъ былъ, конечно, явиться взглядъ, что звуковые законы не терпятъ вообще никакихъ исключеній. Хотя, какъ мы видѣли выше на стр. 51, это научное мнѣніе высказывалось уже Шлейхеромъ (тѣмъ болѣе, что оно является и логическимъ слѣдствіемъ его естественно-научнаго міросозерцанія), но въ то время оно произвело такъ мало впечатлѣнія, что соотвѣтствующую фразу Шлейхера совершенно недавно пришлось, такъ сказать, снова выкапывать на свѣтъ Божій. Положеніе, что звуковые законы не имѣютъ исключеній, вошло въ жизнь только въ томъ періодѣ, который насъ теперь занимаетъ, а именно, — насколько я замѣтилъ, — Лескинъ былъ тѣмъ ученымъ, который больше другихъ способствовалъ его признанію. Нераздѣльно съ этимъ положеніемъ было связано другое, дополняющее его, относительно многочисленности случаевъ, въ которыхъ проявляется дѣйствіе аналогіи. Теоретическое обоснованіе этихъ обоихъ важныхъ положеній я дамъ въ главѣ о звуковыхъ законахъ. Здѣсь-же мнѣ остается сказать еще [illegible] словъ о третьемъ, также уже затронутомъ, пунктѣ, именно объ измѣненіи воззрѣній на отношеніе отдѣльныхъ языковъ къ основному языку и о самомъ основномъ языкѣ, которое явилось результатомъ разсмотрѣнныхъ въ этой главѣ работъ.

---

[1]) Неслоговое *i̯*, т. е. гласный *i* съ функціей согласнаго, какъ, напримѣръ, въ концѣ нѣмецкихъ дифтонговъ *ei*, *ai*. *Прим. ред.*

Бонпъ, объясняя формы индогерманскихъ языковъ изъ сложенія самостоятельныхъ прежде элементовъ, не совсѣмъ ясно выражался въ то-же время, къ какому періоду слѣдуетъ отнести процессъ этого сложенія. Для нѣкоторыхъ формъ, напр., для падежей, онъ очевидно допускалъ возникновеніе въ первобытную эпоху, образованіе другихъ онъ относилъ къ періоду отдѣльныхъ языковъ, напр., латинское прошедшее несовершенное (imperfectum) на *bam*. У Шлейхера мы встрѣчаемъ еще это воззрѣніе, когда онъ, напр., понимаетъ латинское *lexi*, какъ образованіе изъ корня *leg* и прошедшаго совершеннаго (perfectum) *esi* [1]). При возраставшихъ успѣхахъ науки, эта точка зрѣнія не могла, однако, удержаться. Чѣмъ глубже шло сравненіе индогерманскихъ языковъ, тѣмъ очевиднѣе становилось положеніе: образованіе флексіи завершилось уже въ праязыкѣ; въ отдѣльные языки были унаслѣдованы лишь готовыя слова. Если-же это справедливо (а кто можетъ еще въ этомъ сомнѣваться?), то тотчасъ возникаетъ вопросъ: какъ-же тогда возможны въ отдѣльныхъ языкахъ новообразованія? Заслугу постановки этого вопроса стяжалъ себѣ Мергэ (Merguet: „Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik", CIX, 145 и сл.; „Entwickelung der lateinischen Formenbildung", Berl. 1870), а заслугу отвѣта на него—тѣ ученые, которые снова сильно подчеркнули значеніе аналогическихъ образованій, именно Уитней, Шереръ, Лескинъ (ср. статью Мистели, „Звуковой законъ и аналогія" [Lautgesetz und Analogie] въ журналѣ Штейнталя XI, 365 [2]) и сл.). Такъ какъ новообразованія не могли-бы больше возникнуть въ уже готовомъ языкѣ путемъ сочетанія (Zusammenfügung) составляющихъ слово элементовъ, если только эти элементы сами не суть готовыя слова, то всѣ прочія новообразованія могутъ возникать только путемъ аналогическаго образованія. Новообразованія суть подражанія (Nachbildungen) уже имѣющимся типамъ образованій. При этомъ пониманіи, естественно, принципъ аналогіи выступалъ, при объясненіи формъ, на первый планъ, и многія отдѣльныя формы, какъ, напр., латинскія прошедшее несовершенное, будущее (imperfectum, futurum) и т. д., теперь уже понимаются иначе, чѣмъ прежде.

Но не только измѣнилось отношеніе отдѣльныхъ языковъ къ основному языку, но и этотъ послѣдній самъ получилъ другой

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моемъ сочиненіи «Новѣйшее языкознаніе». Стр. 45 и сл. (см. подробное заглавіе этой брошюры на стр. 66, прим.).

Прим. ред.

[2]) Извѣстный журналъ, издававшійся Штейнталемъ и Лацарусомъ въ Берлинѣ съ 1860 г. «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Herausgegeben von Dr. M. Lazarus etc. und Dr. H. Steinthal etc.».

Прим. ред.

видъ. Шлейхеровскій основной языкъ, или праязыкъ, состоялъ, какъ читатель помнитъ, изъ двухъ частей. Прежде всего, изображеніе его помощью извѣстныхъ формулъ представляетъ какъ-бы извлеченіе изъ изслѣдованія звукового и формальнаго міра индогерманскихъ языковъ. Что въ этой части онъ долженъ былъ измѣниться, что вмѣсто *a* пришлось, напротивъ, поставить *a e o*, а вмѣсто одного ряда заднеязычныхъ—три,—это ясно, хотя въ принципіальномъ отношеніи неважно. Естественно, что взглядъ на праязыкъ измѣняется, соотвѣтственно измѣненію взглядовъ на отдѣльные языки. Видъ изображенія въ зеркалѣ измѣняется сообразно съ движеніями тѣла. Вторая часть праязыка Шлейхера оказалась построенной не на основаніи непосредственнаго сравненія отдѣльныхъ языковъ, но выведенной изъ теоріи агглютинаціи. Если Шлейхеръ, напр., предполагаетъ, что окончаніе средняго залога *sai* возникло изъ *tra-tri*, то это основывается не на наблюденіи процессовъ отдѣльныхъ языковъ, но на допущеніи, что въ основѣ окончанія второго лица глагола лежитъ мѣстоименная основа *tva*, и что личныя окончанія средняго залога возникли изъ окончаній дѣйствительнаго путемъ удвоенія. Новѣйшее направленіе вооружается противъ такихъ построеній. „Этотъ методъ, — такъ говоритъ Бругманъ (Morph. Unt.“ I, 133 [1]) у многихъ изслѣдователей потерялъ кредитъ. И вполнѣ заслуженно“. Строгое проведеніе звуковыхъ законовъ должно быть основою всего языкознанія. Формы, при постройкѣ которыхъ звуковые законы были-бы оставлены безъ вниманія, не должны имѣть никакой цѣны. Такія построенія будутъ также и неисторическими (unhistorisch). „Глагольныя окончанія, въ то время, когда индогерманскіе народы разошлись въ разныя стороны, безъ сомнѣнія, имѣли уже за собой длинную исторію, а при такихъ обстоятельствахъ, кто можетъ сказать или позволить себѣ сказать, какъ и откуда они всѣ явились“ [2]). Такъ возникло то отвращеніе къ глоттогоническимъ гипотезамъ вообще, то настроеніе, которое я могъ-бы еще иллюстрировать словами I. Шмидта. Этотъ послѣдній ученый въ изслѣдованіи о первоначальной флексіи желательнаго наклоненія и объ основахъ настоящаго вр., оканчивающихся на *a*, указавъ на сомнительность обычнаго объясненія желательнаго наклоненія (изъ соединенія съ корнемъ *i* или *ja*), выражается такъ („Zeitschr“. Куна, т. 24, 320): „Я не чувствую себя призваннымъ предложить

[1]) Сборникъ статей, выпущенный Бругманомъ и Остгофомъ въ пяти частяхъ: «Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen». Leipzig, Hirzel 8°. Ч. I, 1878. XX+290, ч. II. 1879. VI+262, ч. III. 1880. IV+160, ч. IV. 1881. XX+418, ч. V. 1890. *Прим. ред.*

[2]) См. цитиров. статью Бругмана, стр. 136. *Прим. ред.*

новое объясненіе. Задача индогерманскаго языкознанія состоитъ въ томъ, чтобы показать, каковы были формы праязыка, и какимъ путемъ изъ нихъ возникли формы отдѣльныхъ языковъ. Объяснить семасіологическое значеніе словообразовательныхъ элементовъ, присоединенныхъ къ такъ называемымъ корнямъ, мы въ большинствѣ случаевъ такъ же не въ состояніи и по тѣмъ же основаніямъ, какъ односторонняя греческая грамматика не была въ состояніи объяснить элементы греческихъ словъ. Въ этой области признаніе невозможности знать (des Nichtwissens), какъ и подобаетъ трезвой наукѣ, дѣлаетъ съ каждымъ годомъ успѣхи". Это, по моему мнѣнію, очень справедливое и разумное настроеніе, впрочемъ, долго не удержалось, такъ какъ въ новѣйшемъ развитіи нашей науки склонность къ глоттогоническимъ гипотезамъ опять разрослась сильнѣе.

Это приводитъ меня къ темнымъ сторонамъ новѣйшаго направленія. Мы видѣли, что затрудненія, представлявшіяся изслѣдованію въ отдѣльныхъ языкахъ, были успѣшно устранены тѣмъ, что праязыку было приписано такое многообразіе явленій, котораго прежде у него не хотѣли признавать. Въ этомъ пріемѣ, естественно, есть нѣчто соблазнительное, и когда его примѣняютъ безъ необходимой осторожности, можно притти къ тому, что праязыкъ дѣлается складочнымъ мѣстомъ всевозможныхъ загадокъ и трудностей, являющихся при изученіи отдѣльныхъ языковъ. Другая опасность угрожаетъ при объясненіи отдѣльныхъ формъ, въ особенности въ этимологіи. Поколѣніе, которое радуется открытію непреложныхъ звуковыхъ законовъ, легко можетъ допустить, что извѣстное объясненіе уже обосновано, разъ только оно не противорѣчитъ звуковымъ законамъ. Этимъ, однако, достигается, конечно, соблюденіе лишь одного условія. Другое состоитъ въ томъ, чтобы объясненіе было очевиднымъ или по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ, причемъ, конечно, судьею дѣлается субъективное впечатлѣніе. Но такой субъективный элементъ содержится въ большей части всѣхъ сужденій въ области историческихъ знаній.

Если, такимъ образомъ, невозможно оспаривать то, что нѣкоторые изслѣдователи впали въ указанныя ошибки, то спрашивается, какимъ-же образомъ можно бороться съ такими промахами? Я думаю, что предохранительное средство существуетъ, а именно упорное и идущее въ глубь занятіе какимъ нибудь отдѣльнымъ языкомъ. Только такимъ путемъ можно воспитать въ себѣ уваженіе къ преданію и чутье возможнаго и вѣроятнаго, недающееся еще (какъ это очень справедливо было замѣчено) никакой ученостью.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Теорія агглютинаціи.

Въ предшествующемъ изложеніи было показано, какъ возникла у Боппа такъ называемая теорія агглютинаціи, и по крайней мѣрѣ было намѣчено, какую роль играла эта гипотеза въ теченіе дальнѣйшаго развитія языкознанія. Моя задача теперь—изслѣдовать, какую степень вѣроятности можно признать за ней.

Всякій анализъ индогерманскихъ флективныхъ формъ долженъ исходить изъ того факта, что нѣкоторыя флективныя окончанія глагола обнаруживаютъ большое сходство съ нѣкоторыми мѣстоименными основами. Окончаніе перваго лица *-mi* сразу напоминаетъ о *me*, *mi-hi* и связанныхъ съ ними формахъ, равнымъ образомъ *-ti* третьяго лица—о мѣстоименной основѣ *ta* [1]), являющейся въ греческомъ τό и т. п. Окончанія второго лица также обнаруживаютъ отношеніе къ соотвѣтствующимъ мѣстоименіямъ, хотя это отношеніе и не такъ бросается въ глаза, какъ у двухъ другихъ лицъ. Это сходство Боппъ объяснялъ предположеніемъ, что мѣстоименія примкнули къ глаголу, который слѣдовательно до этого присоединенія еще не имѣлъ никакихъ окончаній, и выраженная въ этой гипотезѣ мысль о спайкѣ или агглютинаціи сдѣлалась господствующей во всемъ его объясненіи флексіи. Однако, очевидно, что, рядомъ съ предположеніемъ Боппа, возможны и другія предположенія, исходящія изъ того же факта. До сихъ поръ въ языкознаніи выдѣлились двѣ такія гипотезы: одна, принимающая, что окончанія явились раньше, и мѣстоименія возникли изъ нихъ путемъ выдѣленія—теорія эволюціи или развитія, другая, по которой мѣстоименія и окончанія возникли независимо

---

[1]) Въ индоевропейскомъ праязыкѣ эта основа, согласно современной теоріи вокализма, должна была имѣть видъ **to*. Дельбрюкъ, вѣроятно по привычкѣ къ старой манерѣ представлять себѣ индоевропейскій праязыкъ, пишетъ *ta*, какъ она звучитъ въ санскритѣ. *Прим. ред.*

другъ отъ друга и позже были приспособлены другъ къ другу,— теорія адаптаціи или приспособленія.

Сначала я разберу эти обѣ гипотезы.

Теорія эволюціи, имѣющая своимъ первымъ представителемъ Фридриха фонъ Шлегеля, древнѣе теоріи агглютинаціи, но достовѣрнаго изложенія ея не имѣется, такъ какъ ни Августъ Вильгельмъ фонъ-Шлегель, ни Лассенъ, ни какой-либо другой ученый этой школы, не выставили противъ доказательствъ Боппа ничего, кромѣ отрицаній. При такихъ обстоятельствахъ мы должны руководиться работами трехъ людей, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ считаться признаннымъ истолкователемъ ученій Шлегеля, я разумѣю Карла Фердинанда Беккера, Морица Раппа, Рудольфа Вестфаля. То, что К. Ф. Беккеръ, нѣкогда знаменитый авторъ „Организма" [1]), имѣетъ сказать въ пользу первичности личныхъ суффиксовъ, сводится въ существенныхъ чертахъ къ слѣдующему разсужденію: „такъ какъ слово первоначально есть членъ предложенія, то вмѣстѣ съ понятіемъ слова дается первоначально и грамматическое отношеніе, а вмѣстѣ со словомъ и его флексія. Слово, какъ выраженіе понятія, и флексія, какъ выраженіе отношенія, одинаково древни и первичны". Между тѣмъ это разсужденіе было-бы вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если бы принять, что все, что мыслится, находитъ себѣ и выраженіе въ языкѣ. Однако это, какъ извѣстно, совсѣмъ не такъ, и поэтому ничто не мѣшаетъ допустить, что идея отношенія уже имѣлась давно, прежде чѣмъ была выражена въ языкѣ. Такимъ образомъ изъ этого, якобы логическаго, способа разсужденія (logisierende Betrachtungsart) нельзя получить никакого заключенія относительно древности выраженія отношеній. Что касается втораго изъ названныхъ ученыхъ, тюбингенскаго профессора Морица Раппа, то я отсылаю читателя къ рецензіи Штейнталя на его сравнительную грамматику (K. Z. II, 276 сл.), гдѣ подробно разсматривается какъ разъ относящееся сюда. Болѣе подробнаго разсмотрѣнія, напротивъ, требуютъ взгляды Рудольфа Вестфаля, изложенные имъ именно въ его философско-исторической грамматикѣ нѣмецкаго языка (Iена 1869) и методической грамматикѣ греческаго языка (Iена 1870) [2]).

Система Вестфаля, изложенная вкратцѣ, — слѣдующая. Въ

---

[1]) «Organismus der Sprache» 2 изд. Франкфуртъ на Майнѣ. 1841.
Прим. ред.

[2]) «Philosophisch-historische Grammatik der deutschen Sprache». Iena. 1869. Gr. 8⁰; «Methodische Grammatik der griechischen Sprache.» Thl. I und II. Abth. 1, in 3 Bänden. Iena, 1870—72. Gr. 8⁰. *Прим. ред.*

развитіи языка послѣ образованія корней можно различать три періода. Въ первомъ вещи опредѣляются сами по себѣ (an und für sich), во второмъ въ отношеніи къ человѣческому мышленію, въ третьемъ въ отношеніи другъ къ другу (Фил.-Истор. Грам. стр. 98). Въ первомъ періодѣ возникли именныя основы, во второмъ глагольная флексія, въ третьемъ именная флексія. Посредствомъ корня бытіе получило выраженіе въ языкѣ, какъ нѣчто, у чего проявляется извѣстное опредѣленное движеніе или дѣятельность. Этотъ корень, правда, иногда употребляется и тамъ, гдѣ надо обозначить бытіе, независимое въ его спокойствіи, но обыкновенно онъ всетаки измѣняется для этой цѣли и въ звуковомъ отношеніи. А именно онъ расширяется при помощи *a*, *i*, *u*. О значеніи этого расширенія Вестфаль высказывается такъ: „въ противоположность односложному глагольному корню, этимъ путемъ для конкретнаго имени получается двухсложная форма слова, конечный гласный которой прежде всего не долженъ обозначать ничего другого, какъ только то, что корень, заключенный въ этой формѣ слова, не долженъ болѣе означать каждую вещь, у которой проявляется соотвѣтствующая дѣятельность или движеніе, но только одну опредѣленную вещь или по крайней мѣрѣ одинъ опредѣленный классъ, или видъ вещей, существеннымъ признакомъ которыхъ принимается это движеніе или дѣятельность. Обогащеніе корня звуками *a i u* свидѣтельствуетъ только о движеніи впередъ отъ большей отвлеченности къ болѣе конкретной опредѣленности, къ спеціализаціи“. Въ теченіе дальнѣйшаго развитія, значенія именъ спеціализируются все больше и больше, и „ближе всего лежащіе“ гласные *a i u* становятся уже недостаточными; такимъ образомъ въ той же функціи примѣняются также и другія сочетанія звуковъ. „Сперва именно передъ гласнымъ *a i u* является носовой или зубной согласный“, и такъ происходятъ суффиксы *na ni nu*, *ta ti tu*; затѣмъ также и плавные, причемъ возникаютъ *ra ri ru*, *la li lu* (цит. соч. стр. 84). Чтобы образовать производныя именныя основы, прибавляется опять новый элементъ. Ибо каждое „расширеніе понятія какимъ нибудь признакомъ, какой либо опредѣленностью, требуетъ обогащенія уже имѣющейся на лицо словесной формы новымъ звуковымъ элементомъ (стр. 85)“. Всего искуснѣе эта игра понятіями и звуками у глагола. У глагола выражаются слѣдующія опредѣленности: 1) пространственное тожество между мыслящимъ и мыслимымъ, выраженное первымъ лицомъ; 2) тожество во времени, выраженное настоящимъ временемъ; 3) причинное тожество между мыслимой дѣятельностью и ея осуществленіемъ („Gedachtwerden“?),

выраженное повелительнымъ наклоненіемъ. Къ этимъ тремъ опредѣленностямъ прибавляются еще ихъ противоположности, именно: 1) пространственное нетождество, т. е. третье и второе лицо, вмѣстѣ взятыя; 2) нетожество во времени, т. е. прошлое (будущность не обозначается какъ либо особо); 3) причинное нетожество, т. е. изъявительное наклоненіе. Первой изъ этихъ опредѣленностей отвѣчаетъ звукъ, лежащій ближе всего, а именно таковымъ въ данномъ случаѣ является носовой „все равно, зубной или губной", и такимъ образомъ первымъ образованіемъ было образованіе съ *m*, напр., отъ корня *sta* оно звучало *stam*, а противоположность къ этой опредѣленности выражается помощью присоединенія дальше лежащаго звука *t*, слѣдовательно *stat*. Но теперь еще должно быть отмѣчено особеннымъ образомъ второе лицо, для чего были предназначены имѣвшіеся на лицо ближе всего лежащіе гласные *a i u*. Вѣроятно, что нѣкогда *stata stati statu* могло употребляться для второго лица, но форма *statu* стала самой любимой. Изъ нея возникло *stas*, и такимъ образомъ мы имѣемъ *stam stas stat*. Подобнымъ же образомъ, правда не безъ всевозможныхъ предположеній, которыя, даже съ точки зрѣнія системы, должны быть названы грубыми и неправдоподобными, составляется все строеніе глагольной флексіи изъ одниxъ „ближе и дальше лежащихъ" звуковъ. Изъ готовыхъ флективныхъ формъ глагола затѣмъ произошли мѣстоименныя основы, и именно только изъ формъ средняго залога. Возникли формы средняго залога *tudama* и *tudatva*, и изъ нихъ выдѣлились *ma* и *tva*. „Чтобы выразить понятіе „ты бьешь меня" или „онъ билъ меня", брали форму дѣйствит. залога *tudas* или *tudat* и обозначали связанное съ ними „меня" тѣмъ же самымъ звуковымъ элементомъ, которымъ было выражено возвратное „меня" въ формѣ средняго залога, именно слогомъ *ma*" (цит. сочин. стр. 127). Подобно флективнымъ формамъ глагола, возникли и флективныя формы имени, такъ что мнѣ нѣтъ надобности ближе разсматривать эту сторону системы.

Эта система требуетъ критики во многихъ отношеніяхъ, прежде всего относительно ея философской основы. Я полагаю, едва-ли можно сомнѣваться, что она можетъ подкупать только извѣстной внушительностью терминологіи. Трезвая филологическая публика столь же мало убѣдится въ томъ, что эти глубокомысленныя и темныя „опредѣленности" выступали въ качествѣ образующихъ языкъ силъ въ умахъ нашихъ предковъ, и притомъ въ діалектически точно опредѣленномъ порядкѣ, сколь мало повѣритъ автору, что тѣ-же первичныя силы (Urkräfte) „лежатъ въ основѣ сидерп-

ческаго, растительнаго и животнаго бытія". Дальнѣйшее возраженіе должно быть почерпнуто изъ названной теоріи о „ближе и дальше лежащихъ" звукахъ. Не говоря о томъ, что Вестфаль при случаѣ противорѣчитъ себѣ въ оцѣнкѣ разстоянія звуковъ, позволительно спросить, что̀ собственно означаетъ близкое разстояніе одного звука и далекое другого? Изъ согласныхъ носовые и зубные по Вестфалю лежатъ ближе всего: нужно ли понимать это, что они возникли прежде всѣхъ, и, напр., губные уже болѣе поздняго происхожденія? И другія фонетическія предположенія его въ высшей степени сомнительны. Какъ, напримѣръ, слѣдуетъ объяснять, что въ середину слова передъ суффиксами *a i u* вставляются согласные *t n r l*? Гдѣ можно найти что либо подобное въ области индогерманскихъ языковъ?

Но главное для моей теперешней цѣли — теорія о выдѣленіи личныхъ суффиксовъ. Правдоподобна-ли эта теорія? Противъ нея можно возразить, что она дѣлаетъ необходимымъ предположеніе, будто индогерманскіе языки въ теченіе извѣстнаго времени обходились безъ личныхъ мѣстоименій. Но это предположеніе (такъ думаетъ Курціусъ: „Verbum" I², 22) въ высшей степени затруднительно. Ибо гдѣ же—спрашиваетъ онъ—можно найти языки безъ личныхъ мѣстоименій? Но затѣмъ должно сказать, что все представленіе, будто окончанія, „какъ спѣлыя груши упали съ дерева" (Поттъ, „Etymol. Forschungen" II. 360), или „выступили отъ жара, какъ смола, и отдѣлились каплями" (какъ выражается Шереръ) вполнѣ странно и не имѣетъ себѣ никакой аналогіи. По крайней мѣрѣ, насколько я знаю, изъ другихъ языковъ нельзя привести ничего соотвѣтствующаго, тогда какъ въ пользу гипотезы Боппа во всякомъ случаѣ (какъ будетъ показано ниже) свидѣтельствуетъ примѣръ агглютинирующихъ языковъ.

Я полагаю поэтому, что теорія эволюціи въ томъ видѣ, въ какомъ она до сихъ поръ представлялась, не можетъ никакъ разсчитывать на одобреніе языковѣдовъ, и именно тѣмъ менѣе, что для теоріи агглютинаціи, хотя и не во всѣхъ ея подробностяхъ, но въ общихъ и главныхъ чертахъ, все-таки должна быть установлена извѣстная вѣроятность, какъ это должно обнаружиться въ дальнѣйшемъ моемъ изложеніи.

Мы переходимъ къ теоріи адаптаціи или взглядамъ, которые Альфредъ Лудвигъ изложилъ въ своемъ разсужденіи о возникновеніи склоненія на *a*- (Sitzungsberichte Вѣнской акад. наукъ 1867) и двухъ отдѣльно появившихся трудахъ „Der Infinitiv im Veda nebst einer Systematik des litauischen und slavischen Verb" (Прага, 1871: „Неопр. наклоненіе въ ведахъ и система-

тика литовскаго и славянскаго глагола") и „Agglutination oder Adaptation? eine sprachwissenschafteliche Streitfrage" (Прага, 1873: „Агглютинація или приспособленіе? Лингвистическій спорный вопросъ").

А. Лудвигъ, прекрасный знатокъ ведъ, держится мнѣнія, что до сихъ поръ языкознаніе слишкомъ односторонне копировало съ греческаго языка свои представленія о природѣ индогерманскаго языка. Веды должны-бы быть использованы въ гораздо большей мѣрѣ, и только изъ ведійскаго языка могли бы быть почерпнуты указанія для правильнаго пониманія и флективныхъ окончаній, и притомъ, какъ глагольныхъ, такъ и именныхъ суффиксовъ. Прежде всего, что касается глагола, то это фактъ, что въ ведахъ третье лицо единственнаго числа средняго залога иногда обнаруживаетъ въ настоящемъ времени то же окончаніе, какъ и въ перфектѣ, т. е. *-e* (не *-te*), и такимъ образомъ совпадаетъ съ первымъ лицомъ единственнаго числа, такъ что *çṛṇvé* можетъ означать одинаково „его слушаютъ" и „меня слушаютъ". Нѣчто подобное Лудвигъ думаетъ найти также и во второмъ лицѣ средняго залога, причемъ предполагаетъ, что суффиксъ *-se* употребляется одинаково въ значеніи перваго и второго лица. Дѣлая заключеніе отъ *-e* и *-se* относительно *-te*, а отсюда еще дальше о *-mi -si -ti* (у которыхъ уже не такъ явно выступаетъ подобная же многозначительность, какъ у *-se* и *-te*), онъ приходитъ къ мнѣнію, что первоначально такъ называемые личные суффиксы не имѣли ничего общаго съ обозначеніемъ лицъ. Согласно этому мнѣнію, не было никакихъ первичныхъ личныхъ суффиксовъ, скорѣе лишь единственный родъ суффиксовъ, а именно тѣ, которые мы называемъ тематическими. Формы спрягаемаго глагола (verbi finiti) по своему происхожденію не что иное, какъ основы. То же самое оказывается и относительно именной флексіи. Для надежей Лудвигъ также пытается доказать, основываясь на ведахъ, что первоначально они совсѣмъ не имѣли опредѣленно разграниченныхъ сферъ значенія. Въ той области, которую мы называемъ именной, первоначально были также только основы, значенія которыхъ постепенно дифференцировались и специализировались.

Но съ другой стороны Лудвигъ, однако, крѣпко держится за тотъ фактъ, что въ позднѣйшихъ періодахъ развитія языка, напр., въ классическомъ санскритѣ, дѣйствительно каждое изъ различныхъ окончаній указываетъ на особый способъ употребленія слова. Такимъ образомъ, подымается все-таки вопросъ: какъ пришли суффиксы къ этому значенію, котораго они нѣкогда не имѣли? Отвѣтъ гласитъ: оно было имъ придано говорящими. Пробуждающаяся

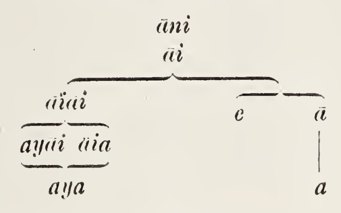
духовная потребность требовала выраженія извѣстныхъ категорій, и суффиксы, которые первоначально имѣли исключительно указательное (демонстративное) значеніе, приспособились къ этой потребности. Позже всѣхъ возникли спрягающіяся формы глагола („verbi finiti"), послѣдняя предварительная стадія которыхъ образуется при помощи тѣхъ основъ, которыя мы теперь называемъ неопредѣленными наклоненіями. Чтобы привести читателя къ лучшему пониманію намѣченныхъ здѣсь измѣненій, я предоставлю говорить самому автору. Высказавши положеніе, что дательный и мѣстный падежи, коль скоро мы сохранимъ историческую точку зрѣнія на нихъ, утрачиваютъ свой характеръ флектирующихся формъ и „отступаютъ въ область словообразованія", онъ продолжаетъ: „этотъ процессъ словообразованія постепенно пришелъ въ нѣкоторый застой, и рядомъ съ нимъ къ формамъ словообразованія, потерявшимъ свою прежнюю цѣнность, стали примѣнять другое направленіе. Если сначала пренебрегали спеціальнымъ обозначеніемъ *agens actio actum* (дѣйствующаго лица, дѣйствія, того что сдѣлано) и ограничивались лишь простымъ указаніемъ, примѣнявшимся тогда очевидно въ широкихъ размѣрахъ, то языкъ постепенно шелъ (коль скоро располагалъ звуковымъ матеріаломъ) къ тому, чтобы положить начало этому различенію, необыкновенно способствующему понятности рѣчи, причемъ онъ, однако, принимался за дѣло совсѣмъ не послѣдовательно. Когда онъ съ этой дифференціаціей дошелъ до извѣстной степени, нужно было, конечно, обозначить число и надежное отношеніе, но для этого воспользовались только наличными средствами языка; о созданіи же грамматики нечего и думать". („Infinitiv im Veda", § 19). Въ другомъ мѣстѣ говорится: „Что нужно было для того чтобы явилось хотя-бы и смутное чувство флексіи? Ничего, кромѣ забвенія. Пока въ соотвѣтствующихъ образованіяхъ не забывали фактической связи, до тѣхъ поръ существовали только основы, но отнюдь не флектирующіяся основы. Коль скоро память объ этой связи исчезла, явилась потребность мыслить нѣчто при различіяхъ, или собственно понимать эти различія, о настоящей природѣ и происхожденіи которыхъ уже ничего больше не знали, и при которыхъ даже и не сознавали, что было что̀ знать. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что люди были увѣрены, будто понимаютъ тѣ значенія, которыя они придавали формамъ" (цит. соч. § 29). Нѣсколькими страницами дальше: „съ постепеннымъ образованіемъ формъ, естественнымъ образомъ возникли два явленія, ставшія краеугольными пунктами синтаксиса, о которомъ слѣдуетъ сказать, что раньше онъ совсѣмъ не существовалъ, кромѣ какъ въ фразеологіи: это — обозначеніе

грамматической зависимости и грамматическаго согласія, или грамматическое подчиненіе и сочиненіе. Было естественно, что тамъ, гдѣ между выраженіями существовало отношеніе, являлось стремленіе выразить это отношеніе, чтобы этимъ могло быть обозначено различіе или тожество нѣсколькихъ значеній, сравнительно съ другимъ, однимъ только значеніемъ. Это затѣмъ имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что выработалась извѣстная потребность въ такъ-называемыхъ грамматическихъ окончаніяхъ; голое же окончаніе основъ постепенно или стало совсѣмъ избѣгаться, или, ограниченное спеціальной областью значенія, получило кажущуюся внѣшность флектирующейся формы. Нѣкоторыя окончанія повидимому сдѣлались даже предметомъ слишкомъ большого спроса: âm въ мѣстномъ падежѣ ед. ч., род. множ., имен. винит. дв., и какъ мы убѣждены, также и творит. ед. (â), ср. старослав. аѧ [1]); точно также и bhi. Этимъ путемъ очевидно, какъ казалось, слова впервые получили закругленный и законченный видъ. По мѣрѣ того какъ возрасталъ спросъ на окончанія, съ другой стороны ограничивалось число возможныхъ окончаній слова" (цитир. соч. § 31). Сопоставьте съ этимъ одно мѣсто изъ полемической брошюры Лудвига: „ихъ (личныхъ суффиксовъ) первоначальнымъ значеніемъ я устанавливаю указательное значеніе, которое затѣмъ освободило мѣсто для функцій словообразованія; затѣмъ они приняли общее глагольное значеніе (какъ оно является въ неопредѣленномъ наклоненіи) и, наконецъ, когда число этихъ элементовъ возрасло, ихъ по случайнымъ аналогіямъ, а часто и совсѣмъ безъ этихъ послѣднихъ, привели въ связь и отношеніе съ выработавшимися за то время у личныхъ мѣстоименій категоріями грамматическихъ лицъ. Итакъ, я принимаю первичное значеніе и кромѣ того прохожденіе черезъ три метаморфозы" („Agglutination oder Adaptation", стр. 62).

Хотя читатель получилъ теперь изъ этого изложенія приблизительное представленіе объ общихъ воззрѣніяхъ Лудвига, тѣмъ не менѣе мнѣ остается еще важная задача, именно показать, какъ Лудвигъ добылъ эти результаты изъ фактическаго состава индогерманскихъ звуковъ и формъ. Конечно, невозможно слѣдовать съ этой цѣлью за авторомъ во всѣхъ подробностяхъ; поэтому я замѣчу только, вообще, что Лудвигъ думаетъ, будто нашелъ нѣкоторое число звуковыхъ законовъ, значительно уклоняющихся отъ того, что другіе ученые признаютъ за твердо установленное. Такъ, напримѣръ, онъ считаетъ себя вправѣ принимать, что въ индогерман-

[1]) Слѣдовало бы—*ојq*, или, въ транскрипціи Лудвига,—*оуq*. *Прим. ред.*

скомъ праязыкѣ каждый суффиксъ оканчивался на гласный, что *t* переходило въ *s*, *s* въ *ŕ*, *t* измѣнялось въ *n*, *n* выпадало между гласными и т. д. Чтобы сдѣлать нагляднымъ пріемъ Л-а на примѣрѣ, я приведу какъ образчикъ, что у него принимается существованіе подобной неопредѣленному наклоненію основы на *-āni*, которая измѣняется слѣдующимъ образомъ:



То, что обозначено здѣсь посредствомъ *e*, есть то, что мы называемъ первымъ или третьимъ лицомъ на *e* (напр. санскр. *çṛṇvé*, см. выше, стр. 83), подъ *ā* разумѣются формы на *ā*, какъ *stáva* и т. д., которыя извѣстны знатокамъ ведъ, подъ *a* — основа глаголовъ спряженія на *o*-. Подобныя формы, по мнѣнію Лудвига, въ теченіе извѣстнаго времени употреблялись въ значеніи глагола безъ дальнѣйшихъ окончаній (называемыхъ у насъ личными окончаніями); потомъ формы, въ родѣ *bhara* и *bhara* получили суффиксы *mi*, *si*, *ti*, путемъ перенесенія отъ глаголовъ въ родѣ *dvish*, къ которымъ окончанія основъ *mi* и т. д. приспособились въ качествѣ извѣстнаго рода личныхъ суффиксовъ.

Чтобы оцѣнить правдоподобность этихъ гипотезъ, нужно прежде всего занять извѣстное положеніе относительно пониманія Лудвигомъ ведійскаго языка, такъ какъ ясно, что теорія приспособленія или адаптаціи получила бы могущественное подкрѣпленіе, если бы удалось доказать утверждаемую Лудвигомъ многозначительность ведійскихъ формъ. Я уже высказалъ раньше мнѣніе, что это доказательство не приведено и не можетъ быть приведено (K. Z. XX, 212 сл.), и продолжаю настаивать на этомъ взглядѣ тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ послѣдніе годы дѣлающая постоянные успѣхи интерпретація ведъ (въ которой и самъ Лудвигъ принималъ далеко немалое участіе) показывала все яснѣе и яснѣе, что она можетъ обходиться безъ предположеній Лудвига. Если теперь отнять эти опоры у теоріи приспособленія, то доказательствомъ въ ея пользу останется только ея собственная внутренняя вѣроятность (ибо звуковые законы Лудвига сами не имѣютъ другого фундамента, какъ вѣроятность теоріи). Какъ же дѣло обстоитъ съ этой внутренней вѣроятностью? Какъ мнѣ кажется,

было бы рискованно, если бы кто-нибудь захотѣлъ отклонить по всей линіи грамматики мысль о томъ, что флективные суффиксы произошли изъ тематическихъ суффиксовъ (мы встрѣтимся еще съ нею позже, при разсмотрѣніи имени), но примѣненіе ея Лудвигомъ къ глаголу представляется мнѣ не имѣющимъ оправданія. Даже если бы захотѣли признать возможнымъ, что личныя формы (Personen) глагола развились изъ основъ, что̀ мнѣ кажется весьма невѣроятнымъ, то и тогда все еще предстояло бы рѣшить вопросъ, откуда происходитъ сходство такъ называемыхъ личныхъ суффиксовъ съ мѣстоименіями, сходство, которое не должно быть отрицаемо. То̀, что Лудвигъ даетъ какъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, очень смахиваетъ на признаніе въ своей некомпетентности. Именно я желалъ бы обратить вниманіе читателя на одинъ изъ вышеприведенныхъ отрывковъ, гласящій такъ: „когда число этихъ элементовъ возрасло, ихъ по случайнымъ аналогіямъ, а часто и совсѣмъ безъ этихъ послѣднихъ, привели въ связь и отношеніе съ выработавшимися за то время у личныхъ мѣстоименій категоріями грамматическихъ лицъ“. Если я не ошибаюсь, то авторъ въ этомъ предложеніи самъ отказывается отъ всякаго объясненія по одному изъ важнѣйшихъ пунктовъ своей системы, допуская возникновеніе отношенія между суффиксами и мѣстоименіями часто безъ всякихъ аналогій. Этимъ онъ самъ формулировалъ одно изъ наиболѣе вѣскихъ возраженій противъ своей гипотезы. Теорія адаптаціи, принимающая независимое возникновеніе личныхъ суффиксовъ и мѣстоименій, прежде всего должна доказать или по крайней мѣрѣ сдѣлать вѣроятнымъ какое нибудь объясненіе поразительнаго, не смотря на независимое происхожденіе, сходства вышеназванныхъ элементовъ. Этого доказательства Лудвигъ не далъ. Такимъ образомъ, я могу признать столько же вѣроятія за теоріей адаптаціи, сколько и за теоріей эволюціи [1]).

---

[1]) Въ существенномъ согласенъ съ Лудвигомъ многосторонній англійскій языковѣдъ А. Сэсъ (A. H. Sayce, ср. его «Principles of comparative philology», 2 изд. Лонд. 1873, «Introduction to the science of language», 2 тома, 2 изд. Лондонъ 1885). Сэсъ раньше въ объясненіи глагольныхъ формъ поддерживалъ еще извѣстныя точки соприкосновенія съ Боппомъ, объявляя еще въ 1882 г. («Introduction etc.» I. 392): «весьма вѣроятно, что личныя окончанія арійскаго глагола *as-mi a(s)-si as-ti* или ἐσ-μι ἐσ-σι ἐσ-τι суть просто личныя мѣстоименія, тѣсно связанныя съ глагольной основой». Въ предисловіи, однако (стр. VII), онъ исправляетъ этотъ взглядъ и признаетъ *m* перваго лица тожественнымъ съ *m* именительнаго и винительнаго надежей ср. р. Гласный *i* введенъ въ эти окончанія формой третьяго лица, которое съ своей стороны представляетъ собой или именную основу въ родѣ γενεσι-ς, или мѣстный падежъ (см. также статью Сэса въ «Academy» № 541, 16 сент. 1882 г. стр. 207). Первое изданіе

Посмотримъ теперь, что́ можно вывести изъ отклоненія обѣихъ только что упомянутыхъ гипотезъ. Фактъ сходства между нѣкоторыми личными суффиксами и мѣстоименіями, исключающаго всякое объясненіе случайностью, сходства, отъ котораго, какъ мы видѣли, должна отправляться всякая гипотеза относительно происхожденія флексіи, можетъ быть, насколько я понимаю, объясненъ трояким образомъ. Или надо принять, что окончанія возникли изъ мѣстоименій, или что мѣстоименія произошли изъ окончаній, или, что окончанія и мѣстоименія возникли независимо другъ отъ друга и только позже уподобились другъ другу. Второе и третье предположенія представляются мнѣ, какъ я только что объяснилъ, неправдоподобными. Итакъ, если не желаютъ отказаться отъ всякой попытки объясненія (точка зрѣнія, которая должна подвергнуться оцѣнкѣ въ концѣ этого отдѣла), то остается только одна гипотеза — гипотеза Боппа.

Эта гипотеза получаетъ свидѣтельство въ свою пользу также и съ другой стороны, а именно за нее говоритъ аналогія такъ называемыхъ агглютинирующихъ языковъ.

Въ этой области я не могу судить на основаніи собственныхъ наблюденій и основываюсь поэтому единственно на выводахъ знатока этихъ языковъ, именно Бётлинга во введеніи къ его „Якутской грамматикѣ". Я не желаю искажать его сжатое изложеніе, передавая его въ извлеченіи, но отсылаю читателя къ изученію этого поучительнаго труда, которымъ въ послѣднее время не достаточно пользуются [1]). Но чтобы дать нѣкоторое представленіе о томъ, что я имѣю въ виду, указывая на Бётлинга, я сообщу въ подлинникѣ одно мѣсто (стр. XXIV): „если мы приведемъ въ общую связь всѣ явленія, то должны будемъ сознаться, что въ индогерманскихъ языкахъ вообще матерія и форма связаны другъ съ другомъ гораздо интимнѣе, чѣмъ въ такъ называемыхъ агглютинирующихъ языкахъ, но что въ нѣкоторыхъ членахъ урало-алтайской семьи языковъ, именно въ финскомъ и якутскомъ, матерія и форма прилѣплены другъ къ другу совсѣмъ не такимъ внѣшнимъ образомъ, какъ склонны принимать Поттъ и другіе языковѣды. Я долженъ также сознаться откровенно, что способъ,

---

«Введенія» Сэса встрѣтило благосклонную оцѣнку со стороны Фика, развившаго при этомъ и нѣкоторыя собственныя воззрѣнія, а именно теорію инфиксовъ или вставокъ, въ «Göttinger Gelehrt. Anzeiger», 6 апр. 1881 г.

[1]) O. Böhtlingk. «Über die Sprache der Jakuten». 2 части въ 3 вып. 4° С.-Петербургъ, 1851 (изд. Акад. Наукъ). (Томъ I. Якутскіе тексты съ нѣм. переводомъ, томъ II. Введеніе. Якутская грамматика, томъ III. Якутско-нѣмецкій словарь). *Прим. ред.*

по которому матерія и форма связываются другъ съ другомъ въ разныхъ языкахъ, я вообще считаю за слишкомъ внѣшній признакъ, для того чтобы я могъ основать на немъ одномъ дѣленіе языковъ. Болѣе слабое или болѣе тѣсное соединеніе матеріи съ формой стоитъ въ точномъ соотношеніи съ способностью извѣстнаго народа къ артикуляціи, но также и съ древностью и частымъ употребленіемъ формъ. Въ индогерманскихъ языкахъ, занимающихъ въ отношеніи этого соединенія болѣе высокую ступень, чѣмъ, напримѣръ, урало-алтайскіе языки, образованіе формъ, по моему самому искреннему убѣжденію, началось значительно раньше, чѣмъ въ послѣднихъ изъ названныхъ языковъ. Между этими языками финскій въ свою очередь приступилъ къ образованію формъ раньше, чѣмъ тюрко-татарскій, а этотъ опять раньше, чѣмъ монгольскій. Въ древнѣйшихъ памятникахъ языка индогерманскихъ народовъ мы наблюдаемъ грамматическія формы уже на такой высотѣ, дальше которой не совершилось никакого дальнѣйшаго поступательнаго движенія; то, что сформировалось снова на обломкахъ этихъ формъ, мы должны разсматривать въ исторіи этихъ языковъ, какъ новый процессъ созданія формъ. Урало-алтайскіе языки, можетъ быть за исключеніемъ финскаго, еще не достигли высшей точки перваго образованія формъ: если мы здѣсь наталкиваемся на слова, лишенныя флексіи, то это—остатки изъ болѣе древняго періода въ исторіи языка, гдѣ флексія не была еще развита; напротивъ слова новыхъ индогерманскихъ языковъ, не имѣющія флексіи, обыкновенно суть вывѣтрившіяся флективныя формы. Сравненіе монгольскаго и калмыцкаго народнаго языка съ письменнымъ показываетъ намъ вполнѣ ясно, какъ образовались формы въ самомъ недавнемъ прошломъ. Монгольскій письменный языкъ еще не знаетъ совсѣмъ мѣстоименныхъ приставокъ, ни притяжательныхъ, ни опредѣлительныхъ; въ языкѣ теперешнихъ бурятъ развились оба рода приставокъ-мѣстоименій, но не въ такихъ формахъ, которыя различались бы постоянно: такимъ образомъ при глаголѣ наблюдается измѣненіе по лицамъ. Это же явленіе имѣемъ мы у калмыковъ: *üsädshi bainu tschi* = „в и д и ш ь л и т ы“ народный языкъ стягиваетъ въ *üsädshānütsch*, *ögüngädshi bainai bi* = „я скоро пойду, я собираюсь пойти“—въ *ögüngädshānäb*. Такъ „послѣлогъ“ *ätsä* также соединяется со своимъ именемъ въ неразрывную единицу и дѣлается просто надежнымъ окончаніемъ: *chagâsa* „о т к у д а“, въ письменномъ языкѣ *chamigha ätsä*. Отсюда видно, какъ преждевременно и поспѣшно было дѣлать заключеніе по судьбѣ индоевропейскихъ языковъ, что исторія языка, по скольку она является исторіей развитія

образованія языковъ, принадлежитъ періоду, предшествовавшему міровой исторіи". Именно заключеніе этихъ разсужденій имѣетъ большой интересъ для разсмотрѣннаго здѣсь вопроса. Ибо замѣчаніе, что и въ историческія времена путемъ сложенія возникаютъ языковыя формы, должно получить особый вѣсъ въ пользу подобнаго же предположенія относительно такъ называемой доисторической эпохи.

Впрочемъ все, что было здѣсь приведено въ пользу воззрѣнія Боппа, можетъ служить только къ тому, чтобы рекомендовать этотъ принципъ вообще. Насколько же онъ оправдывается въ подробностяхъ, объ этомъ можно судить только изъ спеціальнаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ случаевъ, къ которому я и перехожу. При этомъ я устанавливаю три главныхъ подраздѣленія: корни, имя, глаголъ.

I. Корни.

а) Понятіе корня.

То положеніе, что вся совокупность словъ извѣстнаго языка восходитъ къ корнямъ, Боппъ, какъ указано было выше, заимствовалъ изъ грамматической традиціи своего времени и отъ индійскихъ грамматиковъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, Боппъ, который вообще не любитъ разсужденій болѣе или менѣе общаго характера, не высказался о томъ, нужно ли разсматривать эти такъ называемые корни, какъ реальныя образованія языка или же какъ абстракціи грамматиковъ. Напротивъ, вопросъ этотъ обстоятельно разсмотрѣнъ Поттомъ въ первомъ изданіи его „Этимологическихъ разысканій" во многихъ мѣстахъ, а во второмъ изданіи въ объемистомъ томѣ, имѣющемъ болѣе тысячи страницъ. (II ч., 1-ый отдѣлъ, 2-ое изд., Lemgo und Detmold 1861). Мнѣніе его (выражаюсь по возможности его собственными словами) заключается въ слѣдующемъ: „Корни — это старѣйшины извѣстной семьи словъ, соединеніе, вершина пирамиды, въ которой сходятся всѣ члены, составляющіе вмѣстѣ такое семейство. Только сложныя слова, какъ слова-супруги, могутъ принадлежать двумъ разнымъ семьямъ. Корни далѣе есть нѣчто воображаемое, абстракція; фактически корней въ языкѣ не можетъ быть, а то, что въ немъ и могло бы съ внѣшней стороны представляться чистымъ корнемъ, есть не что иное, какъ слово или же форма слова, отнюдь не корень; ибо послѣдній есть абстракція всѣхъ классовъ словъ и ихъ подраздѣленій, это такъ сказать ихъ фокусъ, получившійся безъ

преломленія лучей" (I изд. 148). Похожее мѣсто находимъ и во второмъ изданіи: „Корень есть не только звуковая единица, подобно буквѣ или слогу, но и единица идейная, лежащая въ основѣ генетически вмѣстѣ связанныхъ словъ и формъ, которая, какъ прототипъ, носилась въ сознаніи творца языка при созданіи этого послѣдняго и болѣе или менѣе ясно (кромѣ случаевъ полнаго своего затемненія) ощущается каждымъ говорящимъ въ томъ языкѣ, которымъ онъ пользуется (большею частью въ родномъ языкѣ)". Съ этимъ сопоставьте стр. 194: „Корни суть всегда лишь идеальныя абстракціи, необходимыя грамматику для его работы, которыя онъ, однако, долженъ извлекать изъ языка, подъ условіемъ ихъ строгаго соотвѣтствія данной дѣйствительности". Итакъ Поттъ отрицаетъ существованіе корней до возникновенія флективныхъ формъ: „Если теперь должно утверждать, что склоненіе въ санскритскихъ языкахъ [1]) образуется путемъ присоединенія флективныхъ суффиксовъ къ основнымъ формамъ имени, а спряженіе путемъ присоединенія другихъ суффиксовъ къ корню или основѣ, то это не слѣдуетъ понимать въ томъ невѣрномъ смыслѣ, что основная форма и корень представляютъ собой нѣчто самостоятельное, существующее въ языкѣ (безъ всякой взаимной связи) или какъ бы существовавшее въ немъ до образованія флексіи; это только мысль, что основная форма во всѣхъ падежахъ, а корень во всѣхъ глагольныхъ формахъ содержатся, какъ нѣчто еще не различенное, имъ всѣмъ общее, которое только грамматическій анализъ стремится освободить для научныхъ цѣлей отъ всѣхъ связанныхъ съ ними въ дѣйствительности различій и возстановить въ ихъ простотѣ" (1-е изд. I стр. 155). Сходно съ этимъ говорится и во второмъ изданіи стр. 196 (срав. также 1-ое изд. I ч., стр. 179). Это опредѣленіе Потта вѣрно, поскольку оно указываетъ, какое мѣсто занимаетъ корень внутри готоваго флективнаго языка, но оно одностороние, поскольку не опредѣляетъ, какимъ образомъ корень пришелъ къ этой функціи. На этотъ вопросъ, съ точки зрѣнія гипотезы Боппа, возможенъ только одинъ отвѣтъ. Если дѣйствительно прототипы существующихъ теперь флективныхъ формъ произошли путемъ сложенія, особенно же прототипы формъ verbi finiti (спрягаемыя глагольныя формы)—путемъ соединенія корня глагольнаго съ мѣстоименнымъ, то корень долженъ былъ существовать до возникновенія слова. Потому корни и входятъ въ составъ словъ, что они существовали до нихъ и вошли въ нихъ. Они—

[1]) Старый терминъ, вмѣсто «индоевропейскіе языки». *Прим. ред.*

слова до-флективнаго періода, которыя исчезаютъ вмѣстѣ съ образованіемъ флексіи. И поэтому то, что нѣкогда было реальнымъ словомъ, является, съ точки зрѣнія выработаннаго флектирующаго языка, только идеальнымъ центромъ значенія. Это, во всякомъ случаѣ, ясное и логичное понятіе о корнѣ въ настоящее время принято вѣроятно всѣми, кто придерживается точки зрѣнія Бопиа. Объ этомъ срв., кромѣ Курціуса Chronologie [1]), изд. 2, стр. 23, еще Benfey, Gött. Gel. Anz. 1852 стр., 1782 и Steinthal, „Zeitschr. f. Völkerpsychologie" т. 2, 453—486.

Кажется, что и Поттъ, въ концѣ концовъ, могъ бы примириться съ подобнымъ воззрѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ мы и у него встрѣчаемъ мысли въ родѣ слѣдующихъ: „Можно допустить, что санскритскимъ языкамъ, въ той формѣ, въ какой мы ихъ унаслѣдовали, предшествовало состояніе наибольшей простоты и отсутствія флексій, подобное которому представляетъ еще до сихъ поръ китайскій и другіе такъ назыв. односложные языки" (Et. F. изд. 1, 2, 360). Если, несмотря на это, Поттъ относится отрицательно къ высказанному здѣсь историческому пониманію корня, то это очевидно происходитъ отъ его критическаго нерасположенія ко всѣмъ вообще построеніямъ праязыка. Но это нерасположеніе заходитъ уже слишкомъ далеко, отвергая не только построеніе корней въ частности, но и вообще понятіе о корнѣ, какъ о словѣ праязыка. Ибо это понятіе о корнѣ необходимое слѣдствіе Бопповской теоріи сложенія (агглютинаціи), которой держится и самъ Поттъ.

Изъ только что установленнаго понятія о корнѣ сейчасъ же вытекаетъ важное практическое слѣдствіе. Если корни не существовали уже болѣе ни въ отдѣльныхъ языкахъ, ни въ индогерманскомъ флективномъ языкѣ, а только въ эпоху, предшествовавшую этимъ послѣднимъ, то можно говорить лишь о корняхъ индогерманскихъ, а не санскритскихъ, греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, славянскихъ и т. д. Если тѣмъ не менѣе строятся корни отдѣльныхъ языковъ, то такіе корни не имѣютъ никакой научной цѣны, но играютъ роль исключительно практическихъ вспомогательныхъ построеній. При этомъ древность отдѣльныхъ языковъ не имѣетъ никакого значенія. Санскритскіе корни имѣютъ не болѣе правъ на существованіе, чѣмъ нововерхненѣмецкіе или румынскіе, такъ какъ то обстоятельство, что въ древнихъ языкахъ первоначальные корни легче подмѣтить, для теоретическаго

---

[1]) „Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung von Georg Curtius, Mitglied der Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften (т. V. Abhandl. историко-филолог. отдѣленія корол. Сакс. научнаго Общества. Отд. Лейпцигъ, 1867. 4°. 77). *Прим. ред.*

сужденія не принимается въ расчетъ. Вѣдь всюду мы наблюдаемъ одни и тѣ же историческія отношенія: въ безконечной глубинѣ вѣковъ, за предѣлами всякаго преданія лежитъ то время, въ которое индогерманская флексія еще не существовала и въ которое напр. употребляли *dō*, чтобы выразить: „давать, даватель" и т. п. Когда же возникло *domi*—я даю, *dotor*—даватель, то корень *dō*, какъ таковой, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ изъ языка. Съ этихъ поръ (послѣ завершенія развитія флексіи) стали существовать не корни, а одни только слова. Когда же, наконецъ, можетъ быть, по прошествіи тысячелѣтій, изъ пранарода выдѣлились отдѣльные народы, какъ-то индусы, эллины и т. д., то эти послѣдніе изъ своей прародины принесли одни только готовыя слова. Въ нѣкоторыхъ словахъ то, что нѣкогда было корнемъ, сохранилось еще явственно, напр. въ греческомъ δίδωμι, δοτήρ и т. д., и конечно эти слова образовали въ умѣ говорящаго связную группу, но корень δο или δω въ языкѣ грековъ болѣе уже не существовалъ. Напротивъ, въ другихъ случаяхъ даже въ такомъ древнемъ яз., каковъ греческій, родственныя слова уже не связываются звуковымъ сходствомъ. Вѣроятно для индуса еще существовала связь между *açús* (ὠκύς) и *áçvas* (ἵππος), но грекъ навѣрно не чувствовалъ ни малѣйшей связи между ὠκύς и ἵππος. Новые языки какъ разъ тѣмъ и отличаются отъ санскр., греч. и т. п., что отношеніе, которое мы замѣчаемъ въ греческомъ между ὠκύς и ἵππος, сдѣлалось въ нихъ гораздо чаще.

Если изо всего сказаннаго очевидно, что не научно говорить о корняхъ отдѣльныхъ языковъ, то съ другой стороны всетаки вѣроятно, что они, въ виду ихъ удобства, не исчезнутъ изъ практики языкознанія. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя ничего возразить противъ употребленія вспомогательныхъ терминовъ, пока ихъ не смѣшиваютъ съ реальными величинами. При построеніи такихъ корней форма ихъ, разумѣется, не имѣетъ значенія: говорить ли φερ, φορ, φαρ или, наконецъ, φρ—дѣло чисто условное.

b) Классы корней.

Относительно классовъ корней Боппъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „Въ санскритѣ и въ языкахъ ему родственныхъ существуетъ два класса корней: изъ одного, гораздо болѣе многочисленнаго, развились глаголы и имена (существит. и прилагат.), которыя связаны съ первыми не генетическою зависимостью, а, такъ сказать, кровнымъ братскимъ родствомъ, т. е. имена не порождены глаголами, но и тѣ, и другіе произошли изъ одного и

того же источника. Мы, однако, отчасти для отличія, отчасти въ силу господствующей привычки называемъ ихъ глагольными корнями. Изъ второго класса корней происходятъ мѣстоименія, всѣ первичные предлоги, союзы и частицы: эти корни мы называемъ „мѣстоименными", такъ какъ всѣ они выражаютъ извѣстное мѣстоименное понятіе, которое болѣе или менѣе скрыто въ предлогахъ, союзахъ и частицахъ". Эта классификація корней была принята цѣлымъ рядомъ ученыхъ (срв. G. Curtius, „Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung" [Abh. der phil.-hist. Classe der sächsischen Ges. der Wiss.] Zweite Aufl. Leipzig 1873, S. 23, и Whitney, „Sprachwissenschaft übersetzt von Jolly", Мюнхенъ 1874, S. 389), хотя нѣкоторые изъ нихъ и предпочитаютъ другія названія для обоихъ классовъ; изъ нихъ болѣе удачными мнѣ кажутся термины, предложенные Максомъ Мюллеромъ; именно: корни предикативные и демонстративные.

Съ другой стороны противъ взгляда Боппа были высказаны возраженія, формулировать которыя можно слѣдующимъ образомъ:

Прежде всего было высказано сомнѣніе въ возможности принять первоначальную двойственность классовъ; казалось, не правильнѣе ли будетъ выводить демонстративный классъ изъ предикативнаго. Этого взгляда держатся такіе ученые, какъ Яковъ Гриммъ, Шлейхеръ (срв. Curtius „Chronologie", 2 изд., 24), Веберъ („Indische Studien" т. II, 406). Они, напр., производятъ мѣстоименную основу *ta*[1]) отъ *tan* „тянуть" и мѣстоименіе перваго лица *ma* отъ *ma*—„мѣрять" (причемъ Шлейхеръ предполагаетъ слѣдующее развитіе значенія: *мѣрять, думать, человѣкъ, я*).

Отчасти примыкаетъ къ нимъ и Шереръ, высказывающій въ „Zur Geschichte der deutschen Sprache" (изд. 2. 451), ту мысль, что кое-что изъ утвержденій Вебера по этой части не лишено основанія, но онъ въ тоже время расходится съ названными учеными въ томъ отношеніи, что принимаетъ также происхожденіе предикативныхъ корней изъ пространственныхъ представленій.

Что касается меня, то ни одна изъ приведенныхъ выше гипотезъ о происхожденіи того или другого класса корней не представляется мнѣ вѣроятной, и я поэтому хотѣлъ бы только установить, что генетическое единство, противопоставлявшееся Бопповской двойственности, не было еще сдѣлано сколько нибудь правдоподобнымъ.

---

[1]) Праформы приводятся мною здѣсь и въ другихъ мѣстахъ этой главы въ томъ видѣ и, особенно, съ той вокализаціей, какую придавали въ свое время цитируемые изслѣдователи.

Своеобразный взглядъ, который отчасти совпадаетъ съ только что упомянутыми, высказалъ Бенфей. Онъ также соглашается, что предикативные корни составляютъ собой основу всѣхъ корней, но опредѣляетъ ихъ въ болѣе узкомъ смыслѣ, нежели Боппъ и остальные языковѣды. Боппъ производилъ имя и глаголъ, какъ близнецовъ, отъ предикативныхъ корней. Бенфей, напротивъ, считаетъ одни только глаголы первичнымъ образованіемъ и, соотвѣтственно этому, называетъ односложные основные элементы, которыхъ и онъ не отрицаетъ, уже не корнями, а первичными глаголами. Такимъ образомъ онъ выводитъ всю массу индогерманскихъ словъ изъ первоначальныхъ глаголовъ. Теорія эта основывается главнымъ образомъ на суффиксальной теоріи Бенфея: а такъ какъ я (см. ниже) не могу согласиться съ ней, то тѣмъ самымъ не принимаю и ея слѣдствія — односложныхъ первичныхъ глаголовъ.

Во всѣхъ приведенныхъ выше взглядахъ наблюдается та общая черта, что они, вмѣсто принятаго Боппомъ принципа двойственности корней, выдвигаютъ, съ большей или меньшей опредѣленностью, принципъ ихъ единства. Но можетъ быть выставлено и противоположное возраженіе. Достаточно ли двухъ классовъ Боппа? Можно ли вывести изъ нихъ безъ остатка всѣ дошедшія до насъ части рѣчи? При попыткѣ подобной операціи (оставляя въ сторонѣ числительныя, происхожденіе которыхъ неизвѣстно) мы наталкиваемся на большія затрудненія, представляемыя предлогами и частицами. Поттъ не соглашается отнести предлоги ни къ одному изъ двухъ классовъ и напротивъ полагаетъ, что они вполнѣ своеобразны и столь же первичны, какъ и мѣстоименія. Я не думаю, чтобы удалось когда нибудь съ нѣкоторой достовѣрностью анализировать индогерманскіе первичные предлоги (попытка Грасмана въ Kuhn's Zeitschrift т. XXII, 559 и сл. меня не удовлетворяетъ), но тѣмъ не менѣе ясно, что они стоятъ въ тѣсной логической связи съ мѣстоименіями, и поэтому позволительно соединять тѣ и другіе въ одинъ классъ. Гораздо большее сомнѣніе возбуждаютъ нѣкоторыя частицы, какъ напр. частицы, выражающія отклоненіе и поощреніе — *má* и *nú*. Трудно сказать, какъ могутъ быть включены въ одинъ изъ имѣющихся уже отдѣловъ корней эти слова, которыя не обозначаютъ ни явленій, ни данныхъ отношеній говорящаго къ окружающей его средѣ. Можетъ быть слѣдовало бы прибавить еще одинъ, третій классъ, именно для такихъ корней, которые являются сопровождающими общія ощущенія и принадлежатъ къ одной категоріи съ междометіями, но поддающимися совершенному исключенію изъ языка.

Впрочемъ, средствами индуктивнаго языкознанія трудно достигнуть въ этой области какихъ нибудь положительныхъ результатовъ, даже и въ томъ случаѣ, если мы, серьезнѣе взявшись за ученіе о частяхъ рѣчи, подвинемся впередъ нѣсколько далѣе, чѣмъ теперь. Всегда придется давать мѣсто и взвѣшиванію психологическаго вѣроятія и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергать весь вопросъ нѣсколько иному и болѣе широкому обсужденію, чѣмъ то, которое я могу здѣсь предпринять.

c) Форма корней.

О формѣ корней Боппъ говоритъ, что, кромѣ закона односложности, она не подчинена никакимъ дальнѣйшимъ ограниченіямъ. Того же мнѣнія Бенфей, Курціусъ и др.; Шлейхеръ прибавляетъ къ этому еще то условіе, что корень всегда долженъ содержать основной гласный (*i u*) и не представлять никогда ступени подъема (Steigerungslaut) [1]).

Въ пользу сплошной односложности корней приводятъ, прежде всего, такъ сказать, философское основаніе, выраженное Аделунгомъ слѣдующимъ образомъ: „Каждое коренное слово (Wurzelwort) было первоначально односложнымъ, потому что грубый, первобытный человѣкъ все свое представленіе выражалъ однимъ открытіемъ рта“. Нѣсколько тоньше выражается Вильгельмъ ф. Гумбольтъ: „Разсматривая вопросъ только со стороны идей, вѣроятно заходятъ не слишкомъ далеко, когда высказываютъ общее предположеніе, что первоначально всякое понятіе обозначалось только однимъ слогомъ. Понятіе въ языкознаніи есть то впечатлѣніе, которое производитъ на человѣка объектъ внѣшняго или внутренняго міра, а звукъ, вызванный изъ его груди живостью этого впечатлѣнія, есть слово. Въ подобныхъ условіяхъ едва ли одному впечатлѣнію могутъ соотвѣтствовать два звука“. (Цитировано у Потта, „Wurzeln“, стр. 216). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Курціусъ. („Chronologie“, 23): „Я согласенъ со взглядами большинства языковѣдовъ и въ томъ отношеніи, что приписываю корнямъ односложность. Цѣлостное единое представленіе, какъ было сказано, подобно молніи, прорывается въ видѣ комплекса звуковъ, который долженъ быть воспринятъ въ теченіе одного мгновенія“. Очевидно, что такое разсужденіе, какъ оно ни заманчиво, не можетъ имѣть никакой убѣдительной

[1]) На стр. 68—69 выяснено, что относительно этого послѣдняго пункта теперь думаютъ иначе.

силы, и все зависитъ отъ того, можно ли привести въ пользу предполагаемой односложности корней эмпирическое доказательство. Корень находятъ, отбрасывая отъ слова всѣ образовательные (суффиксальные) слоги. Если оставшееся послѣ такой операціи зерно слова будетъ всякій разъ односложнымъ, то, повидимому, доказательство найдено. Но это доказательство вращается въ заколдованномъ кругу. Въ самомъ дѣлѣ: корень это то, что не есть образовательный слогъ, а образовательный слогъ это то, что не есть корень; рѣшить же, гдѣ слѣдуетъ провести границу между тѣмъ и другимъ, это дѣло нашихъ грамматическихъ разсужденій. Спрашивается теперь, какъ же быть, если бы мы ошиблись въ этихъ построеніяхъ, если бы мы, напр., *gamati* = „онъ идетъ" должны были бы разложить не на *gam-a-ti*, а на *gama-ti*, т. е. признали бы для этого слова двусложный корень.

Насколько приведенное только что гипотетическое соображеніе можетъ считаться правильнымъ, этому, быть можетъ, насъ научатъ изслѣдованія, предпринятыя въ области исторіи и развитія корней. Поэтому я сообщаю изъ этихъ изслѣдованій то, что необходимо.

Нельзя сомнѣваться, что корни, которые мы (въ существенныхъ чертахъ по примѣру индійскихъ грамматиковъ) имѣемъ обыкновеніе принимать за индогерманскіе, не всѣ стоятъ на одномъ и томъ же историческомъ уровнѣ, но что скорѣе среди нихъ нужно различать болѣе древнія и болѣе позднія образованія. Пытаясь провести это различеніе, Поттъ шелъ такимъ путемъ, который теперь по справедливости оставленъ: именно, онъ полагаетъ, что въ начальныхъ звукахъ корня часто скрываются предлоги или другіе префиксы, какъ напр., „*svad*" „находить наслажденіе, удовольствіе" можно объяснить изъ „*su ā ad*"=„хорошо-къ-ѣсть", (ср. по этому поводу полемику Курціуса въ „Grundzüge der griechisch. Etymologie", 5 изд., 32 сл.). Курціусъ прибѣгаетъ къ противоположному методу, отдѣляя часто конечные согласные, такъ называемые коренные опредѣлители (Wurzeldeterminative), какъ позднѣйшія приставки; такъ напр., *yudh* — „сражаться" и *yug*—„связывать" онъ производитъ изъ общаго первичнаго корня *yu*, не высказываясь, впрочемъ, опредѣленно относительно природы и происхожденія этихъ „опредѣлителей" (Determinative). По слѣдамъ Курціуса, пошелъ Фикъ, предпринявъ въ томъ отдѣлѣ своего „Словаря корней", который носитъ названіе „Корни и коренные опредѣлители" („Wurzeln und Wurzeldeterminative"), очень пространную попытку разложенія корней.

При этомъ онъ достигъ слѣдующихъ общихъ результатовъ: „первичный корень можетъ состоять: 1) изъ одного только глас-

наго (*a i u*), 2) гласнаго *a* + согласный (*ad, ap, as*), 3) согласнаго или двойного согласнаго + гласный *a* (*da, pa, sa; sta, spa, sna*). Всѣ иначе или полнѣе образованные корни или произошли изъ первичныхъ корней путемъ звуковаго ослабленія (напр., *ki* изъ *ka, gi* изъ *ga, tu* изъ *ta*), или получили дальнѣйшее развитіе, при помощи прибавленныхъ къ нимъ коренныхъ опредѣлителей (Determinative)". Доказательство этого положенія онъ пытается вести эмпирически, указывая, что всѣ или же почти всѣ корни, форма которыхъ не соотвѣтствуетъ тремъ вышеуказаннымъ категоріямъ, легко можно свести, по формѣ и значенію, къ корнямъ, которые этимъ тремъ видамъ соотвѣтствуютъ.

Чтобы показать, какъ происходитъ это сведеніе корней, я привожу примѣръ:

ka звучать.

ka, ka-n санскр звучать, звенѣть.

ka-k смѣяться.

ka-t шумѣть, болтать.

ka-r звать, называть.

kar-k, kra-k звучать, смѣяться, каркать = *kru-k* то же.

kar-d, kra-d шумѣть, звучать.

kra-p шумѣть, рыдать, быть жалкимъ, ср. санскр. *karuna* жалкій.

kru слышать, ср. арійск. *kra-tu* предусмотрительность.

(*kru-k* кричать, каркать, кряхтѣть, вѣроятно произошло уже изъ *krak*).

kru-s слышать.

ka-s показывать, славить, хвалить

kas кашлять.

ku кричать, выть.

ku-k кричать, выть.

ku-g визжать, чирикать.

ku-d шумѣть, бранить.

Позже Фикъ („Bezzenberger's Beiträge" I, 1 сл.) значительно видоизмѣнилъ эту теорію, объясняя теперь всѣ принятые имъ „опредѣлители" или детерминативы, какъ остатки слоговъ. „Если такія формы, какъ *mak, star, dam*, произошли путемъ сложенія первичныхъ корней *ma, sta, da* съ какимъ-то другимъ членомъ, то продукты этого сложенія первоначально должны были внѣ всякаго сомнѣнія звучать *ma-ka, sta-ra, da-ma*, ибо такихъ образовательныхъ элементовъ, какъ *k r m*, т. е. простые согласные, въ индогерманскомъ совсѣмъ нѣтъ, а потому и оперировать ими нельзя". Судя по этому, Фикъ стоитъ здѣсь на той точкѣ зрѣнія, что—возьмемъ нашъ старый примѣръ—*gamati* нужно разложить

на *gama-ti* и *gama* разсматривать, какъ двусложный вторичный корень, возникшій изъ первичнаго корня *ga*, помощью присоединенія къ нему *ma*.

Уже до Фика Асколи [1]) (въ своихъ „Studj ariosemitici“ 1865) высказалъ приблизительно тотъ же взглядъ и вернулся къ нему вновь въ своемъ вступительномъ письмѣ о палеонтологическихъ реконструкціяхъ языка, составляющемъ введеніе къ его „Kritische Studien“ (Веймаръ 1878). Онъ высказывается здѣсь между прочимъ слѣдующимъ образомъ: „Въ то же самое время обнаруживается, что очень многіе имѣющіе видъ корней звуковые комплексы индоевропейскаго лексикона, вмѣсто того, чтобы оставаться вѣрными своему древнему значенію истинныхъ первичныхъ элементовъ, настоящихъ корней, первичныхъ односложныхъ образованій, допускаютъ точный анализъ, послѣ коего оказываются соединеніями первичныхъ дѣйствительно односложныхъ элементовъ съ однимъ или нѣсколькими придаточными элементами (производнаго, опредѣлительнаго или дополнительнаго, можно назвать какъ угодно, значенія), такъ что эти кажущіеся корни на самомъ дѣлѣ суть ослабленія двухъ- или трехъ-сложныхъ аггрегатовъ, которые въ дѣйствительности не имѣли никогда самостоятельнаго существованія, но получились просто путемъ соединенія старыхъ аггрегатовъ съ новыми добавочными элементами, имѣющими другое, словопроизводное или флективное значеніе. Такъ, напримѣръ, въ языкѣ арійцевъ, до ихъ распаденія, существовалъ звуковой комплексъ SKID съ *i* (рѣзать, раскалывать, лат. *scid-*, зендское *çkid-* и т. д.), но рядомъ съ нимъ существовали и потомки равнозначущихъ комплексовъ SKAD (зендск. *çkeñda* и т. д.) и SKA (SAK-A; санскр. *khā*, лат. *sec-*); и въ самомъ дѣлѣ отъ *skid* мы тоже стали-бы восходить къ *ska-da*. Для обозначенія понятія „бѣгать“ у арійцевъ, до ихъ раздѣленія, имѣлся звуковой комплексъ DRAM (санскр. dram, греч. δρεμ-), который, собственно говоря, имѣетъ видъ DRAMA; DRA мы находимъ въ равнозначущемъ индійскомъ *dra* и греческомъ (ἔ-δρα-ν); въ третьемъ синонимѣ, индійскомъ *dru* (*drava-ti*) *u*, очевидно, не можетъ быть разсматриваемо, какъ первоначальное. Добавочный элементъ, наблюдаемый въ DRAM, появляется и въ TRAM (TRA-MA; лат. *trem* и т. д.), настоящее коренное основаніе котораго сквозитъ въ равнозначущемъ соединеніи TRAS (TRA-SA, санскр. *tras*, греч. τρεσ- τρέω), а также и въ TRAP (TRA-PA; напр., въ лат. *trepidus*). Подобнымъ образомъ

---

[1]) Я счелъ нужнымъ привести читателю сначала соображенія Фика только въ виду подробности его изложенія.

санскр. *krt*, „рѣзать“ (ср. κείρω) можно было бы возводить къ KAR-TA (рядомъ съ KARA) или отъ зенд. *çtakh-ra* „то, что оказываетъ сопротивленіе, стоитъ крѣпко“, къ STA-KA и т. д. въ безчисленномъ рядѣ случаевъ“.

Недавно, съ другой точки зрѣнія, а именно, основываясь на различныхъ ступеняхъ вокализма, пришелъ къ построенію двусложныхъ корней Соссюръ (ср. по поводу этого Бругманъ, „Grundriss“ т. II, 19). Я не вдаюсь здѣсь въ болѣе подробное изложеніе и критику его теоріи [1]).

Какъ самую важную точку зрѣнія, читатель долженъ запомнить слѣдующее: намъ даны одни только слова. Мы извлекаемъ изъ нихъ корни путемъ грамматическихъ операцій. Но при этомъ мы можемъ заблуждаться, и мнѣнія о томъ, что правильно и что неправильно, могутъ съ теченіемъ времени мѣняться. Словомъ съ формой корней происходитъ то же, что и съ формой словъ въ праязыкѣ Шлейхера. Если вообще анализъ Боппа состоятеленъ, то, несомнѣнно, что до образованія флексіи такъ называемые корни были словами праязыка: но въ рѣшеніи вопроса о формѣ отдѣльныхъ корней отражаются только различныя мнѣнія ученыхъ о томъ, какъ слѣдуетъ разлагать дошедшія до насъ слова индогерманскихъ языковъ.

II. Имя.

а) Тематическіе суффиксы.

Въ индогерманскихъ языкахъ, какъ извѣстно, имѣются именныя формы, образующіяся путемъ присоединенія падежнаго знака непосредственно къ корню, какъ напр., лат. *dux* = *duc-s*, тогда какъ большинство подобныхъ формъ представляетъ между корнемъ и

[1]) Въ настоящее время существованіе въ индоевропейскомъ праязыкѣ двусложныхъ и даже трехсложныхъ корней или «базъ» (basis), какъ ихъ большею частью называютъ, принимается все большимъ и большимъ числомъ ученыхъ, и недалеко, повидимому, то время, когда эти построенія получатъ полныя права гражданства въ индоевропейскомъ сравнительномъ языкознаніи. Изъ важнѣйшихъ работъ, занимающихся опредѣленіемъ свойствъ и состава индоевроп. корней, укажемъ трудъ П. Перссона, „Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung und Wurzelvariation“. Upsala Universitets Årsskrift. 1891 г. б. 8°, 194 стр. M. Bloomfield, „On the so called root determinatives in the Indo-European languages“ въ „Indogermanische Forschungen“, т IV. 1894. 66—78; Fr. A. Wood, „Indo-European Root-Formation“, въ „Journal of the German Philology“, 1897 (т. I. 280—308, 442—470) и N. Flensburg, „Studien auf dem Gebiete der indogermanischen Wurzelbildung“ I. Lund. 1897.

Прим. ред.

падежнымъ знакомъ особые элементы, называемые тематическими суффиксами. Послѣдніе состоятъ либо изъ простого гласнаго, либо изъ сочетанія согласнаго съ гласнымъ, какъ *ta*, *na*, *ra*, или наоборотъ гласнаго съ согласнымъ, какъ *as*, либо, наконецъ, имѣютъ болѣе богатую звуками форму, какъ *tar*, *tama*, *mant* и т. д. О суффиксахъ, состоящихъ изъ простыхъ гласныхъ *a*, *i* или *u*, Боппъ сперва высказывался еще нерѣшительно, съ отголосками взглядовъ Шлегеля: такъ въ одномъ своемъ академическомъ разсужденіи (28 іюля 1831, стр. 15) онъ говорилъ слѣдующее: „Субтильное тѣло ихъ даетъ возможность легче всего замѣтить исконное древнее сложеніе въ глагольныхъ корняхъ, которые, благодаря имъ, превращаются въ слова, вводятся въ жизнь и облекаются извѣстной личностью. Можно, пожалуй, лучше разсматривать эти звуки какъ ноги, которыя, такъ сказать, приданы корню или приросли къ нему для того, чтобы онъ могъ двигаться на нихъ въ склоненіи; можно разсматривать ихъ и какъ духовныя эманаціи корня, которыя вышли изъ лона корней (какимъ образомъ, нѣтъ надобности опредѣлять) и обладаютъ только видимостью индивидуальности, но сами въ себѣ составляютъ съ корнемъ одно цѣлое или являются лишь его цвѣтомъ или плодомъ, развившимся органически. Мнѣ кажется, однако, что заслуживаетъ предпочтеніе объясненіе самое простое и подтвержденное, притомъ, генезисомъ другихъ языковъ [1]); а такъ какъ вполнѣ естественно, что въ общемъ словообразованіе, какъ и грамматика вообще, основаны на принципѣ соединенія имѣющаго значеніе съ имѣющимъ значеніе, то мнѣ кажется едва ли подлежащимъ сомнѣнію, что *a*, напр., въ *dam-a* „укрощающій, укротитель“, стоитъ несомнѣнно для обозначенія лица, которое или носитъ въ себѣ, или является виновникомъ того, что обозначаетъ корень *dam*: такимъ образомъ *dam-a* есть какъ бы третье лицо глагола въ именномъ субстантивномъ или адъективномъ значеніи, независимо отъ опредѣленій времени“. Съ гораздо большей увѣренностью, какъ уже было указано, излагается эта теорія въ сравнительной грамматикѣ, и тамъ же большинство тематическихъ суффиксовъ производится отъ мѣстоименій, причемъ для одной части ихъ (напримѣръ *-tar*) дѣлается попытка сведенія къ предикативнымъ корнямъ. Ко взгляду Боппа, въ существенныхъ пунктахъ, примыкаетъ Поттъ („Etym. Forschungen“, I изд., II, стр. 454 сл.). Шлейхеръ и Курціусъ уклоняются отъ него въ томъ смыслѣ, что отказываются отъ объясненія тематическихъ суффиксовъ изъ

[1]) Выше (стр. 14) были привлечены къ сравненію семитическіе языки.

предикативныхъ корней и хотѣли бы объяснять напр. *tar* изъ двухъ мѣстоименныхъ корней *ta* и *ra* (ср. Kuhn въ его „Zeitschrift“ 14, 229). Шереръ, наоборотъ, снова вернулся къ предикативнымъ корнямъ и готовъ былъ даже признавать за этимъ родомъ образованія гораздо большее поле дѣйствія, чѣмъ то дѣлалъ Боппъ; такъ, онъ, напримѣръ, считалъ возможнымъ сопоставлять суффиксъ *ra* съ корнемъ *ar*, „насыщаться, наполнять“.

Само собой разумѣется, что послѣдователи агглютинативной теоріи Боппа при попыткѣ объяснить тематическіе суффиксы обращались къ обоимъ или же къ одному изъ Бопповыхъ классовъ корней. Я долженъ, однако, сознаться (вмѣстѣ съ Шереромъ), что могу вполнѣ ясно представить себѣ только происхожденіе суффиксовъ изъ предикативныхъ корней, такъ какъ для подобнаго производства мы располагаемъ прекрасной аналогіей въ нѣмецкихъ суффиксахъ *-bar*, *-heit*, *-thum* [1]). Въ пользу предположенія, что во многихъ суффиксахъ скрыты мѣстоименія, говоритъ, конечно, и формальное тожество или сходство суффиксовъ съ мѣстоименными корнями, но трудно найти между ними психологическую связь. Можно сказать, что мѣстоименія обозначаютъ лицо или вещь вообще, которая ближе опредѣляется присоединеннымъ предикативнымъ корнемъ (Виндишъ въ Curtius' „Studien“ II, 402 [2]), или что мѣстоименіе, подобно члену, указываетъ на готовое уже слово (Курціусъ, „Chronologie“), но всегда придется удивляться тому, что существуетъ масса параллельныхъ суффиксовъ съ одинаковымъ приблизительно значеніемъ, и что нѣтъ никакой возможности отыскать въ суффиксахъ черты специфическаго значенія мѣстоименій.

---

[1]) Указанные суффиксы, встрѣчаемые у именъ прилагательныхъ (*-bar*) и существительныхъ (*-heit*, *-thum*), восходятъ сами къ самостоятельнымъ отдѣльнымъ словамъ. Первый возникъ изъ древневерхненѣмецкаго прилагательнаго *-bâri* «несущій» (fruchtbar = плодоносящій, плодородный), родственнаго нашему *беру*, *-боръ*, санскр. *bharâmi*, гр. φέρω, лат. *fero*, готск. *baira* = несу; второй происходитъ изъ самостоятельнаго имени существительнаго, употреблявшагося еще въ средневерхненѣмецкомъ: *heit* «свойство, способъ», древневерхненѣм. *heit* «особа, полъ, чинъ, состояніе», готск. baidus «способъ», въ связи съ которымъ находится санскр. *ketús* «свѣтъ, лучъ, пламя», нѣм. *heiter* = веселый, свѣтлый и т. д.; третій есть нечто иное, какъ самостоятельное отвлеченное имя существ. средневерхненѣм. и древневерхнѣм. *tuom* «состояніе, достоинство, отношеніе», родствен. глаголу *thun*, дѣлать, санскр. *dhâ-* класть, слав. *дѣ-ти*, *дѣ-ло*, руск. *дѣ-ть* и т. д. *Прим. ред.*

[2]) «Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik. Herausgegeben von Georg Curtius». Leipzig. Hirzel. Изд. съ 1868 г. 10 томовъ. Здѣсь появились первыя работы Бругмана, въ томъ числѣ его знаменитое изслѣдованіе «Nasalis sonans». *Прим. ред.*

Нѣтъ ничего удивительнаго при этихъ условіяхъ, что Бенфеемъ и, въ предѣлахъ только нѣкоторыхъ типовъ суффиксовъ, Шереромъ и Фикомъ были сдѣланы попытки другого объясненія тематическихъ суффиксовъ.

Бенфей развиваетъ свою теорію въ цѣломъ рядѣ трудовъ: въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Kieler Monatsschrift" 1854 г., въ своей „Краткой санскритской грамматикѣ", въ различныхъ частяхъ журнала „Orient und Occident", но короче и яснѣе всего въ статьѣ, озаглавленной „Ein Abschnitt aus meiner Vorlesung über vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen" въ IX томѣ „Zeitschrift" Куна. Какъ эта теорія можетъ быть примѣнена на практикѣ, удобнѣе всего можно видѣть изъ сравнительной грамматики греческаго и латинскаго языковъ Лео Мейера (II т., Берлинъ 1865 г.).

Эта теорія Бенфея (въ которой впрочемъ принимали нѣкоторое участіе также Эбель и А. Кунъ) можетъ быть вкратцѣ представлена слѣд. образомъ. Суффиксы, столь разнообразные въ сохранившихся языкахъ, не были таковыми въ древнѣйшую пору; скорѣе можно сдѣлать очень правдоподобное предположеніе, что всѣ они, или почти всѣ, могутъ быть произведены отъ одной основной формы *ant*, появляющейся въ прич. наст. вр. дѣйств. зал. Само же *ant* развилось изъ формы 3 лица мн. ч. на *-anti*. Слѣдовательно изъ *bharanti* = „они несятъ", возникло *bharant-* „несящій", откуда уже *bhara-* „носитель" и т. д. Ибо первоначальное *-ant* испытало длинный рядъ звуковыхъ измѣненій, причемъ *ant* ослабилось въ *at*, въ *an*, и сократилось затѣмъ въ *a*; *at* превратилось въ *as*, *an* въ *ar*, *a* измѣнилось въ *i*, и такимъ образомъ произошли основы на *it*, *in*, *is*; далѣе въ результатѣ присоединенія „мѣстоименной темы *a*" получились *anta*, *ata*, *ana*, *ara*, *asa*, *isa* и т. д. и т. д. Туда же, можетъ, быть относятся по своему происхожденію и суффиксы, имѣющіе въ началѣ *v* или *m*, какъ *vant* и *mant*, такъ какъ *vant* произошло, вѣроятно, изъ формы 3 лица мн. ч. *vanti*, принадлежащей къ формѣ перфекта съ *v*. Въ свою очередь этотъ перфектъ съ *v* произошелъ путемъ сложенія съ формой глагола *bhu* „быть", и *v* есть послѣдній остатокъ *babhuva* [1]). (Суффиксъ *mant* съ своей стороны возникъ изъ *tmant*, а *tmant* изъ *tvant*; само же *tvant* можетъ быть есть причастіе отъ *tu* „быть сильнымъ" (ср. Бенфей „Kurze Sanskritgrammatik" § 366, примѣч. стр. 212). Это *tvant* съ теченіемъ времени дифференци-

[1]) Санскр. перфектъ отъ корня *bhū* «быть». *Прим. ред.*

ровалось въ различныхъ направленіяхъ, такъ что съ одной стороны изъ него развилось *tva*, съ другой—*mana*.

Если бы всѣ эти утвержденія были доказуемы, и слѣдовательно всѣ или почти всѣ суффиксы были бы сведены къ *ant*, получившемуся, въ свою очередь, изъ 3 л. мн. ч. *anti*, то тѣмъ самымъ было бы доказано, что всѣ имена развились изъ глаголовъ и, такимъ образомъ, упомянутая выше (на стр. 95) гипотеза „первичныхъ глаголовъ“ была бы оправдана.

Противъ изложенной здѣсь вкратцѣ теоріи, однако, говоритъ цѣлый рядъ слѣдующихъ вѣскихъ доводовъ:

Во-первыхъ: нельзя никакъ уяснить, какимъ образомъ причастіе должно было произойти изъ 3 л. мн. ч. Скорѣе во всякомъ случаѣ можно было бы понять обратное (см. объ этомъ ниже стр. 113).

Во-вторыхъ: При измѣненіяхъ суффиксовъ допускаются звуковыя явленія, которыя въ другихъ случаяхъ не могутъ быть доказаны. Особенно сомнительно предположеніе, что одна и та же форма въ одинаковыхъ условіяхъ могла развиваться въ совершенно различныя образованія, какъ напр., *tvant* въ *tva* съ одной стороны и въ *mana* съ другой.

Въ-третьихъ: если, наконецъ, всѣ имена представляютъ собою образованія на *ant*, то слѣдуетъ допустить, что часто встрѣчающіяся въ древнѣйшей индійской литературѣ имена безъ суффиксовъ, какъ *drish ud* и т. д., имѣли нѣкогда суффиксы, но потомъ (конечно еще въ пору глубокой древности) утеряли ихъ. Бенфей дѣлаетъ и это предположеніе, но на сколько я могу замѣтить, оно не можетъ опираться на чемъ-либо другомъ, кромѣ потребности въ извѣстной системѣ. Въ заключеніе слѣдуетъ указать еще и на то, что въ концѣ концовъ невозможно выводить всѣ суффиксы изъ *ant*, и Бенфей самъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, долженъ былъ прибѣгать къ мѣстоименіямъ, какъ одному изъ источниковъ суффиксовъ [1]). Въ силу этихъ основаній я не могу согласиться со взглядомъ Бенфея; но само собой разумѣется, что отклоненіе гипотезы въ ея цѣломъ не равносильно еще отрицанію всякой возможности выводить одинъ суффиксъ изъ другого. Допустимо ли подобное производство,—должно быть взвѣшено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особенно.

Шереръ, общій взглядъ котораго на суффиксы былъ уже упомянутъ, предположилъ для извѣстнаго числа суффиксовъ, что

---

[1]) Обстоятельную критику воззрѣнія Бенфея, съ которой вполнѣ согласуются вышеприведенные доводы, можно найти у Zimmer'a, «Die Nominalsuffixe *a* und *ā*» (Страсбургъ, 1876 г.).

они, собственно говоря, представляютъ собой знаки мѣстнаго пад., т. е. что образованныя съ ихъ помощью основы суть формы мѣстн. пад. Такъ о суффиксѣ *a* онъ говоритъ слѣд.: „когда говорятъ, что *a* придаетъ корню субстантивное значеніе, будетъ ли то общее значеніе вещи или лица, тогда подымаются въ недосягаемыя сферы абстракціи, въ которыя я не рѣшаюсь послѣдовать. Это идетъ наперекоръ всѣмъ моимъ представленіямъ объ языкѣ. Я считаю тематическое *a* тожественнымъ съ словообразующимъ *a*, т. е. съ *a* склоненія. Мы знаемъ его локативное значеніе и употребленіе въ качествѣ предлога, исходящее изъ значенія связи, соединенія съ чѣмъ-нибудь. Какъ же проще и конкретнѣе всего обозначить лицо, надѣленное извѣстнымъ качествомъ или являющееся носителемъ извѣстнаго состоянія или дѣйствія? Конечно только путемъ указанія на то, что лицо это находится *въ* этомъ качествѣ, *въ* этомъ состояніи, или дѣйствіи, что оно съ нимъ связано“. („Zur Geschichte der deutschen Sprache von Wilhelm Scherer“ Berlin. 1868. XVI+492: стр. 331).

Противъ этого я желалъ бы возразить, что, при такомъ толкованіи, носитель дѣйствія, обладатель или исполнитель извѣстнаго качества собственно даже и не обозначается (ибо *bhar-a* согласно этому значило бы:—„въ ношеніи“, но не—„н ѣ к т о, находящійся въ ношеніи“); прежде же всего, что я, вмѣстѣ съ К у н о м ъ (Zeitschrift, XVIII, 365 сл.), убѣжденъ въ невозможности доказать существованіе суффикса мѣстнаго падежа *a*, предполагаемаго Ш е р е р о м ъ, тѣмъ болѣе, что я вообще не нахожу, будто Ш е р е р ъ показалъ вѣроятность большей древности склоненія въ сравненіи съ образованіемъ основъ, и такимъ образомъ не могу принять его объясненіе тематическаго суффикса изъ мѣстнаго пад.

Наконецъ Ф и к ъ (о которомъ необходимо здѣсь упомянуть послѣ Б е н ф е я и Ш е р е р а) въ статьѣ, помѣщенной въ „Bezzenbergers Beiträge“ (I, 1 сл.), оспаривалъ вообще существованіе суффикса *a*. Онъ исходитъ изъ положенія, что тѣ основы, которымъ прежде приписывали суффиксъ *a*, тождественны въ своей основѣ съ нѣкоторыми основами наст. вр.: такъ, напр,, δόμο-ς тождественно съ основой наст. вр. δεμο-въ δέμομεν. Эти основы наст. вр. Ф и к ъ, согласно со своей выше разсмотрѣнной теоріей корней, разлагаетъ иначе, чѣмъ это дѣлалось обыкновенно до него; именно δεμο = не на δεμ-ο, а на δε-μο = индогерманскому *da-ma*. Продолжая далѣе вездѣ такое разложеніе формъ, Ф и к ъ приходитъ къ убѣжденію, что тематическій суффиксъ *a* никогда не существовалъ. Между тѣмъ подобный выводъ наталкивается на величайшія затрудненія. Особенно необходимо взвѣсить слѣдующее: нужно

ли дѣйствительно корни *av*—подкрѣплять, живить, *as*—быть, *an*—дышать, *am*—стѣснять и цѣлый рядъ другихъ, одинаково образованныхъ, разлагать на *a-va* и т. д. и принимать за основу ихъ или простѣйшій корень—звукъ *a*? При такомъ предположеніи, языкъ въ древнѣйшей своей формѣ едва ли уже могъ бы назваться понятнымъ. Если бы методъ Фика былъ математически точнымъ, то, конечно, нельзя было бы не согласиться съ этимъ страннымъ результатомъ, какъ дѣлаетъ Бецценбергеръ („Gött. Gel. Anz.“ 1879, вып. 18, стр. 558); но въ данномъ случаѣ, скорѣе, ввиду невѣроятности вывода, слѣдуетъ усумниться въ правильности самаго метода. Итакъ я не могу никакъ рѣшиться отнять у элемента *a* (*o*) имя суффикса; замѣчу только, какъ это будетъ показано ниже, что недостаточно еще участія *a* въ образованіи временъ для того, чтобы оспаривать у него значеніе именного суффикса.

Итакъ я долженъ сознаться, что ни одна изъ разсмотрѣнныхъ теорій не нравится мнѣ больше Бопповской. Впрочемъ, приходится сильно сомнѣваться, чтобы когда-нибудь удалось достигнуть въ этой области результатовъ, имѣющихъ сколько-нибудь значительную вѣроятность.

Въ заключеніе я не могу не отмѣтить особенно тотъ фактъ, что съ вопросомъ о реальности основъ въ отдѣльныхъ языкахъ дѣло обстоитъ совершенно такъ же, какъ съ вопросомъ о реальности корней. Основы могли существовать только въ общемъ праязыкѣ до развитія падежей. Если мы, несмотря на это, строимъ греческія, латинскія и др. именныя основы, то это дѣлается исключительно изъ практическихъ соображеній.

б) Образованіе падежей.

Если при разсмотрѣніи индогерманскихъ падежей воспользоваться аналогіей склоненій въ финско-татарскихъ языкахъ, то легко можно притти къ двумъ предположеніямъ, которыя напрашиваются сами собой и безъ того, благодаря своей естественности, именно предположеніямъ, что нѣкогда и въ индогерманскомъ праязыкѣ каждый падежъ также имѣлъ только одинъ и тотъ же признакъ во всѣхъ числахъ и что, кромѣ того, имѣлся общій признакъ для множественнаго числа. Между тѣмъ, на основаніи имѣющихся на лицо въ индогерманскихъ языкахъ падежныхъ суффиксовъ, до сихъ поръ не удается подтвердить справедливость этихъ обоихъ предположеній (которыми, сознательно или безсознательно, увлекались многіе ученые, при своихъ попыткахъ объ-

яснить падежные суффиксы). Мы не только находимъ самые разнообразные знаки для обозначенія одинаковаго падежа въ различныхъ числахъ (напр. въ род. п. ед. ч. *os* и *sjo*, а во мн. ч. *om*), но и для обозначенія одного падежа въ однихъ и тѣхъ же числахъ имѣются на лицо различные знаки (напр. въ мѣстн. пад. ед. ч.), и Шлейхеръ, несмотря на всѣ свои усилія, никакъ не могъ констатировать существованія нѣкогда *s* во всѣхъ падежахъ множ. ч. Съ другой стороны нельзя не сознаться, что кое-что говоритъ въ пользу обоихъ названныхъ выше предположеній, и такимъ образомъ можно догадываться, что первоначальная форма индогерманскаго склоненія измѣнилась до неузнаваемости. Основанія для такихъ измѣненій могли бы легко представиться. Именно возможно, что первоначально индогерманскій праязыкъ имѣлъ значительно больше падежей, чѣмъ сколько ихъ теперь въ санскритскомъ именномъ склоненіи и что, слѣдовательно, тамъ, гдѣ теперь мы находимъ нѣсколько окончаній для обозначенія одного падежа, первоначально дѣйствительно могло быть нѣсколько падежей, и что исчезли такія окончанія, которыя могли бы служить недостающими параллелями къ сохранившимся.

При такомъ безнадежномъ положеніи вещей я не считаю правильнымъ входить въ подробное разсмотрѣніе предложенныхъ теорій и удовольствуюсь только краткимъ указаніемъ на два главныхъ направленія, которыхъ можно было бы держаться при объясненіи фактовъ. Или можно предположить, что падежные суффиксы уже съ самаго начала развитія присоединялись съ цѣлью обозначить нѣчто вродѣ нынѣшнихъ падежей (при этомъ въ нихъ видятъ мѣстоименные или же мѣстоименные и предложные элементы), или же можно допустить, что падежные суффиксы развились изъ тематическихъ, такъ что, напр., род. п. на *-sjo* есть ничто иное, какъ основа въ роли прилагательнаго. Это послѣднее мнѣніе въ отношеніи нѣкоторыхъ падежей высказываетъ Курціусъ, въ отношеніи большинства падежей — Бергэнъ (Bergaigne, „Mém. de la soc. linguistique“ 2,358 сл.) и въ отношеніи всѣхъ, наконецъ, — Лудвигъ.

Я не усматриваю, какія принципіальныя возраженія можно было бы выставить противъ признанія извѣстной доли значенія за обоими взглядами (какъ это дѣлаетъ Курціусъ); но все въ этомъ вопросѣ такъ сомнительно и неясно, что я, неоднократно обдумывая его въ полномъ объемѣ (работы по синтаксису постоянно наталкивали меня на него), не могъ притти ни къ чему другому, какъ только къ постоянно само собой навязывающемуся non liquet.

III. Глаголъ.

Въ разсмотрѣніи предмета, предстоящемъ намъ теперь, дѣло идетъ, разумѣется, не о попыткѣ дать исторію происхожденія глагольной системы (почему многое изъ разсмотрѣннаго въ „Chronologie“ Курціуса и подобныхъ сочиненіяхъ, касающихся происхожденія языка, должно здѣсь остаться незатронутымъ), но только о вопросѣ, въ какой мѣрѣ можно провести по отношенію къ глаголу теорію агглютинаціи. Поэтому я буду говорить только а) объ основахъ временъ, б) объ основахъ наклоненій, в) о личныхъ окончаніяхъ.

а) Основы временъ.

Среди временныхъ основъ прежде всего заслуживаютъ разсмотрѣнія разнообразныя формы основы настоящаго времени.

Относительно слоговъ, характерныхъ для основъ настоящаго времени, Боппъ въ „Системѣ спряженія“, стр. 61, высказался такимъ образомъ: „Въ греческомъ языкѣ, какъ и въ санскритѣ, прибавляются къ корнямъ извѣстныя, случайныя буквы, которыя, какъ и въ индійскомъ, удерживаются только въ нѣкоторыхъ временахъ, а въ прочихъ снова исчезаютъ. Можно было бы, сообразуясь съ ними, раздѣлить глаголы, какъ и въ санскритѣ, на разныя спряженія, которыя при этомъ въ большинствѣ случаевъ совпадали бы съ индійскими въ своихъ признакахъ“. Въ сравненіи съ этими словами то, что Боппъ говоритъ въ Vgl. Gr. § 495, свидѣтельствуетъ о большомъ шагѣ впередъ. Соотвѣтствующее мѣсто гласитъ тамъ слѣдующимъ образомъ: „Едва ли возможно сказать что-нибудь достовѣрное о происхожденіи этихъ слоговъ. Вѣроятнѣе всего мнѣ кажется, что большинство изъ нихъ—мѣстоименія, благодаря чему дѣйствіе или свойство (Eigenschaft), выраженное въ корнѣ in abstracto, становится чѣмъ-то конкретнымъ, такъ, напримѣръ, выраженіе понятія любить становится выраженіемъ лица, которое любитъ. А это лицо ближе опредѣляется личнымъ окончаніемъ, будетъ ли оно *я*, *ты* или *онъ*“. Этимъ уже намѣчено то, что впослѣдствіи Бенфей и Кунъ высказали относительно основы настоящаго времени съ суффиксомъ *nu*, именно, что она въ сущности есть именная основа, такъ что, напр., основа настоящаго времени *dhrishnu* въ *dhrishnumás* „мы осмѣливаемся“ есть не что иное, какъ прилагательное *dhrishnús* „смѣлый“. Это объясненіе потомъ было распространено и на другія основы наст.

времени, въ особенности на тѣ, которыя оканчиваются на *o/e*. Согласно этому ученію, въ *o/ε* формъ λέγο-μεν, λέγε-τε, φεύγο-μεν, φεύγε-τε видятъ не соединительный гласный, который вставленъ по фонетическимъ причинамъ, или (какъ полагалъ Поттъ) представляетъ связку, но именной суффиксъ *a*, о которомъ рѣчь была выше. Но насчетъ того, обязательно ли такое пониманіе для всѣхъ основъ настоящаго времени, существуетъ разногласіе. Такъ, напримѣръ, Курціусъ въ примѣтѣ наст. вр. *ja* (*jo*) видитъ глаголъ *ja* „итти", а другіе—именной суффиксъ *ia* (*io*) [ср. Brugmann „Zur Geschichte der präsensstammbildenden Suffixe" въ „Sprachwissensch. Abhandl." Leipzig 1874]. Во всякомъ случаѣ по этой теоріи большинство основъ наст. вр. въ сущности являются именными основами, къ которымъ личныя окончанія присоединены, какъ къ корнямъ, такъ что, напр., въ ἄγο-μεν скрывается тотъ же самый элементъ, какъ въ ἀγός „погонщикъ" и первоначальное *ageti* такимъ образомъ собственно обозначало: „онъ есть погонщикъ".

Противъ этого мнѣнія возсталъ Фикъ въ двухъ статьяхъ въ первомъ томѣ „Beiträge" Беценбергера, изъ которыхъ одна была уже упомянута выше. Онъ прежде всего констатируетъ, что именныя и временныя основы сходятся между собою во многихъ отношеніяхъ (при чемъ, впрочемъ, онъ упускалъ тогда еще изъ виду разницу гласныхъ, которая, напр., имѣется въ формахъ δόμο-ς и δέμο-μεν и навѣрно восходитъ къ праязыку), и заключаетъ отсюда, что въ такихъ случаяхъ не позволительно говорить объ особыхъ именныхъ суффиксахъ. Правда, изъ одного факта сходства именныхъ и временныхъ основъ еще нельзя выводить это заключеніе, ибо данное сходство могло возникнуть и такимъ путемъ, что самостоятельно образованная именная основа впослѣдствіи была привлечена въ систему временъ, хотя это сходство для Фика является не единственнымъ поводомъ къ оспариванію извѣстныхъ именныхъ тематическихъ суффиксовъ. Кромѣ того, у него повидимому скорѣе преобладаетъ то представленіе, что временныя основы всегда являются раньше именныхъ. Я говорю „повидимому", такъ какъ онъ, насколько я могъ замѣтить, не высказался ясно относительно этого пункта, но мы находимъ у него рядъ клонящихся къ этому мнѣнію намековъ, напр.: „ἔρος μάχη βοσκός суть не что иное, какъ глагольныя формы, употребленныя въ качествѣ именъ", или: „доказательство, что такъ называемыя именныя основы на *a*-тожественны съ глагольными основами на *a*-", при чемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что только именныя основы, о которыхъ Фикъ вообще говоритъ съ извѣстной ироніей, получаютъ

у него эпитетъ „такъ называемыя“. Далѣе онъ говоритъ объ именной „перекраскѣ“ *e* въ *o* (стр. 14), слѣдовательно находитъ въ гласномъ, присущемъ глаголу, первоначальный элементъ и т. д. Если, такимъ образомъ, глагольныя основы являются болѣе ранними („prius“), то естественно возникаетъ вопросъ, откуда же происходятъ у глагола эти элементы, которые не должны болѣе называться суффиксами. Для суффикса *a* (*o*) Фикъ сдѣлалъ разобранную нами выше (стр. 105—106) попытку объясненія, но для суффикса *ia* (*io*) [который разсматривается во второй статьѣ] таковая не была сдѣлана.

Судя по современному положенію изслѣдованія, мнѣ кажется, дѣло обстоитъ такимъ образомъ: очевидно, что прототипы извѣстныхъ временныхъ основъ и извѣстныхъ именныхъ одни и тѣ же. Слѣдуетъ ли теперь принять, что эти прототипы не имѣли ни глагольнаго, ни именного характера, а слѣдовательно имѣли такое значеніе, какое мы приписываемъ корнямъ (какъ думалъ Шлейхеръ) или первоначально были именами, которыя вошли въ составъ глагольной системы, или глагольными основами, которыя употреблялись въ качествѣ именъ, — этотъ вопросъ каждый рѣшитъ, согласно тому представленію, которое онъ себѣ составилъ о развитіи индогерманской флексіи.

Я перехожу къ аористу и будущему.

Какъ выше было показано, Бопнъ былъ приведенъ главнымъ образомъ схоластическимъ заблужденіемъ относительно трехъ частей рѣчи къ гипотезѣ, что въ аористѣ съ примѣтой *s* и въ будущемъ врем. скрывается корень *es*. Такимъ образомъ происхожденіе этой гипотезы не можетъ говорить въ пользу ея правильности. Попробуемъ теперь поискать, нельзя ли привести еще другіе доводы въ ея пользу.

Бопнъ находитъ такой доводъ въ томъ обстоятельствѣ, что въ одной формѣ санскритскаго аориста это *s* является также удвоеннымъ, напр., въ *áyasisham* отъ *ya* „итти“, чтó во всякомъ случаѣ привело бы къ предположенію о принадлежности *s* глаголу. Противъ этого мнѣнія Бругманъ (Curtius „Studien“ т. IX, 312) возражаетъ, 1) что не понятно, для чего здѣсь должна служить редупликація, и 2) что, исходя изъ формъ санскрита, можно было бы дать болѣе легкое и естественное объясненіе. Въ санскритѣ существуютъ аористы *áyasam áyāsīs áyasīt* и *ávedisham ávedīs ávedīt*. Развѣ не представляется весьма естественнымъ, что, по аналогіи формы *ávedisham*, къ *áyāsīs* была образована форма перваго лица *áyāsisham*? Это предположеніе уже потому особенно

вѣроятно, что данный аористъ констатированъ только въ санскритѣ. Если это мнѣніе Бругмана вѣрно (Бецценбергеръ оспариваетъ его въ своихъ „Beiträge“ т. III, 159, примѣчаніе,—сравните противоположное мнѣніе Бругмана въ „Morphologische Untersuchungen“, III, 83, примѣчаніе), то изъ этого слѣдуетъ, что форма *áyasisham* ничего не доказываетъ въ пользу гипотезы о глагольномъ происхожденіи *s*, принадлежащаго аористу.

Напротивъ, нельзя отрицать, что гипотеза Боппа имѣетъ за собой нѣкоторое внутреннее правдоподобіе. Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ не далеко предположеніе, что рядомъ съ непосредственной флексіей глагола могла употребляться и посредственная, созданная путемъ прибавленія формъ вспомогательнаго глагола *es* (при этомъ относительно значенія и способа сложенія этой флексіи могутъ существовать еще различныя мнѣнія, ср. Curtius „Chronologie“ 55 и 64).

Во всякомъ случаѣ предположеніе это не можетъ быть доказано, и потому не слѣдуетъ удивляться, что ему было противопоставлено и другое; именно проф. Асколи (ср. Curtius, цитир. соч. и Kuhn's „Zeitschrift“ т. XVI, 148), который полагаетъ, что основа аориста можетъ быть именного происхожденія, совершенно такъ же, какъ и выше (стр. 108) разсмотрѣнныя основы настоящаго времени. Но у основы аориста совсѣмъ нѣтъ столь правдоподобныхъ точекъ соприкосновенія, какъ у основъ наст. времени, и потому послѣднее предположеніе мнѣ кажется менѣе вѣроятнымъ. Съ основой буд. врем. дѣло обстоитъ mutatis mutandis точно такъ же, какъ и съ основой аориста.

б) Основы наклоненій.

Іоганнъ Шмидтъ доказалъ въ Kuhn's „Zeitschrift“ (XXIV, 303 сл.), что примѣта желат. накл. въ индогерманскомъ была *ia* (*ie*) и *ī*, и притомъ *ia* (*ie*) повсюду, гдѣ этотъ слогъ имѣлъ на себѣ удареніе (Hochton), а *ī*, гдѣ этого ударенія не было. Сообразно съ этимъ придется принять, что *ia* (*ie*) представляетъ собой первоначальную форму элемента этого наклоненія, а *ī* — форму, стяженную изъ первой. Можно ли отожествить это *ia* (*ie*) съ индійскимъ глаголомъ *ya* „итти“? Сомнѣнія семасіологическаго характера, выставлявшіяся противъ этого, можетъ-быть, и удалось бы устранить. Но вся эта комбинація совсѣмъ потеряла правдоподобіе съ тѣхъ поръ, какъ было признано, что гласный примѣты желат. накл. былъ не *a*, а *e*. А такъ какъ, насколько я вижу, нельзя съ увѣренностью установить, имѣло ли *yā* „итти“ гласный

ā или *ē*, то приходится отказаться отъ этого сопоставленія и заявить, что относительно примѣты желат. накл. ничего нельзя сказать [1]).

Что касается сослаг. наклон., то, вѣроятно, Курціусъ (въ своей „Chronologie“) высказалъ впервые тотъ взглядъ, что оно въ сущности есть изъявит. накл., такъ что сослаг. накл. *hanati* есть такое же образованіе, какъ изъявит. накл. *bharati*. Значеніе подобныхъ формъ изъявит. накл. Курціусъ представляетъ первично длительнымъ и старается отсюда вывести понятіе сослагательнаго наклон., въ чемъ я съ нимъ согласился въ „Syntaktische Forschungen“. I. Но теперь я допускаю, что подобный промежуточный оттѣнокъ значенія не имѣетъ вовсе убѣдительной силы, и потому я не желалъ бы основывать на немъ производство сослагательнаго наклон. отъ изъявительнаго, хотя внѣшнее сходство формъ въ родѣ *hanati* и *bharati*, какъ мнѣ кажется, и теперь еще весьма рѣшительно говоритъ въ пользу принятія для нихъ первоначальнаго тожества. Сослаг. накл. съ *a* (*e*, *o*) я хотѣлъ бы вмѣстѣ съ Курціусомъ разсматривать, какъ одинъ изъ видовъ образованія путемъ аналогіи.

в) Личныя окончанія.

Мнѣніе, что въ личныхъ окончаніяхъ глагола скрываются мѣстоименія, я уже назвалъ выше (стр. 78 и слѣд.) вѣроятнымъ, и здѣсь теперь не касаюсь еще разъ вопроса, имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ агглютинаціей или нѣтъ, но только выдвигаю то, что въ теоріи агглютинаціи является заслуживающимъ поясненія.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что не всѣ тѣ ученые, которые въ общемъ считаютъ присоединеніе аффиксовъ, или приставокъ (аффигацію) вѣроятнымъ, допускаютъ это присоединеніе для всѣхъ лицъ. Въ особенности замѣтно разногласіе относительно объясненія третьяго лица множественнаго числа въ дѣйствительномъ залогѣ. Сходство между прич. наст. врем. дѣйств. зал. и этимъ 3-мъ лицомъ въ такой степени бросается въ глаза, что само собою

---

[1]) Санскритскій корень *yā* *итти*, *ѣхать* родственъ русск. *ѣду*, *ѣхать*, лит. *jóti ѣхать верхомъ* и такимъ образомъ можетъ имѣть долгое *ē* (дающее въ санскритѣ *ā*, какъ и индоевр. *ō*, *ā*). Родственныя, повидимому, формы корня *ei-* въ гр εἶμι, лат. *eo*, *īre*, слав. *итти* указываютъ на двусложный корень *ei̯-ā-*, и м. б. *ei̯-ō-* (ср. лат. *ja-nua*, зенд. *yarə годъ*, русск. *яръ* = весна, др. в. нѣм. *jar* = нѣм. *jahr* годъ, гр. ὦρος годъ). *Прим. ред.*

напрашивается желаніе изслѣдовать, нельзя ли поставить обѣ формы въ генетическую связь между собой. Эту попытку сдѣлалъ Бенфей, производя *ant* изъ *anti*. Выше (стр. 99) я высказался противъ его мнѣнія. Какъ разъ обратный путь выбрали Асколи и Бругманъ. Послѣдній говоритъ: „Кто знаетъ, не представляетъ ли изъ себя *bhárunti* основу прич. (*bhárant*), которую наши индогерманскіе предки употребляли въ качествѣ 3 лица мн. числа, и къ которой они впослѣдствіи, но еще въ эпоху праязыка, по аналогіи съ *bharati*, прибавили *i*?". („Morphologische Untersuchungen" I, 137). Трудно рѣшить вопросъ, является ли болѣе вѣроятнымъ это мнѣніе или мнѣніе Потта, по которому въ окончаніи *nti* содержатся двѣ мѣстоименныя основы *na* и *ta* (мы совершенно умалчиваемъ о мнѣніи Бопна, согласно коему *n* символически должно обозначать множ. число). Дальше названныхъ ученыхъ идетъ Шереръ, который разсматриваетъ и 3 л. ед. ч., какъ именное образованіе, а именно, какъ мѣстн. пад. причастія. Но такого причастія, которое стояло бы въ столь же близкомъ отношеніи къ третьему лицу ед. ч., въ какомъ наст. вр. дѣйств. зал. стоитъ къ третьему лицу множеств. числа, не имѣется, и потому обычное пониманіе, по которому въ суффиксѣ *ti* скрыта основа *ta to* (примыкавшая по своей формѣ, а также по отсутствію средствъ для обозначенія рода, къ *mi* и *si*), мнѣ кажется самымъ естественнымъ (ср. также мнѣніе Куна въ „Zeitschrift" т. XVIII, стр. 402 и слѣд).

Такимъ образомъ, мнѣ кажется вѣроятнымъ, что всѣ три окончанія единств. числа и два первыя мн. ч. (двойств. ч. мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія) слѣдуетъ объяснять, исходя изъ мѣстоименныхъ корней (которые вступаютъ въ связь съ глаголами въ болѣе общемъ значеніи, чѣмъ то, которое можетъ быть выражено посредствомъ какого-либо изъ позднѣйшихъ падежей), между тѣмъ какъ по отношенію къ 3-му лицу множ. ч. приходится признавать возможнымъ, что оно первоначально (какъ и латинское *amamini*) имѣло именное происхожденіе, а затѣмъ было присоединено къ системѣ окончаній и ассимилировано съ прочими формами [1]).

Весьма большому сомнѣнію подлежатъ всѣ предположенія относительно сложеній, превращеній и искаженій, которыя должны были (по мнѣнію изслѣдователей) претерпѣть личныя оконча-

---

[1]) То же самое принимаютъ и для суффикса повелит. наклоненія *tōd*, который былъ объясненъ, сперва Шереромъ, а потомъ и Бругманомъ, какъ отложительный падежъ (Ablativus). Ср. интересную статью Турнейзена: «Der indogermanische Imperativ». K. Z. т. XXVII. 179.

нія въ праязыкѣ. Если — приведемъ лишь одинъ примѣръ — принимаютъ, что *si* произошло изъ *tva*, то, правда, нельзя доказать, что этого не могло быть, но такъ же мало можно подкрѣпить это предположеніе ссылкой на аналогичный процессъ въ праязыкѣ; оно основано единственно на внутренней вѣроятности той догадки, что суффиксы 2-го лица всѣ принадлежатъ одной основѣ. Но эта вѣроятность вовсе не такъ громадна, чтобы исключать всякое сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, отчего же (такъ спрашиваетъ Бругманъ, „Morph. Unters“. I, 135) нельзя было бы принять для мѣстоименія 2-го лица двѣ основы съ тѣмъ же правомъ, какъ и для мѣстоименія 1-го лица, гдѣ, конечно, никто не станетъ сводить формы, какъ *nas* и *vayâm* къ одной и той же основной формѣ?

Подобнымъ образомъ дѣло обстоитъ съ объясненіемъ окончаній средняго залога изъ дважды прибавленныхъ мѣстоименій. Правда, связь ихъ съ окончаніями дѣйствительнаго залога не подлежитъ сомнѣнію, но врядъ ли удастся опредѣлить путь, по которому слѣдовало развитіе отдѣльныхъ формъ средняго залога. Въ особенности необходимо взвѣсить еще слѣдующій сомнительный пунктъ. Шлейхеръ и Курціусъ объясняютъ отдѣльныя формы, каждую саму по себѣ, слѣдовательно принимаютъ, что въ каждой формѣ совершился процессъ сложенія и искаженія. Но развѣ не такъ же, можетъ-быть, естественно принять, что сходство окончаній частью основано на приспособленіи ихъ другъ къ другу? И другая теорія, по которой въ окончаніи средняго залога *ai* имѣется подъемъ гласнаго, не является безусловно убѣдительной, такъ что я долженъ остаться при своемъ мнѣніи, высказанномъ въ „Synt. Forsch“. V. 69, согласно которому ни одно изъ приведенныхъ объясненій не является столь достовѣрнымъ, чтобы на немъ можно было возводить синтактическія или другія построенія.

Не иначе дѣло обстоитъ и съ прочими вопросами, которые должны быть приняты здѣсь во вниманіе. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, мнѣ кажется, обнаруживается недостаточность нашего матеріала для того, чтобы сдѣлать вѣрный выборъ изъ различныхъ возможностей развитія, представляющихся намъ. Мы не должны также забывать, что формы, которыя мы выводимъ путемъ сравненія отдѣльныхъ индогерманскихъ языковъ, прошли уже длинный процессъ развитія, быть-можетъ, такъ измѣнившій соотвѣтственныя формы, что сдѣлалось невозможно узнать ихъ первоначальный видъ.

Уже при опредѣленіи понятія корня выяснилось, что мы должны различать въ исторіи индогерманскихъ языковъ два

періода, именно, періодъ дофлективный, или корневой, и флективный. Правда Боппъ не высказалъ прямо этой мысли, а Поттъ даже отрицалъ ее (хотя и не послѣдовательно, какъ мы видѣли), но все-таки, какъ было показано на 86 стр., она является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ изъ анализовъ Боппа. Но и флексія не могла образоваться сразу, напротивъ, должна была возникнуть путемъ различныхъ актовъ, такъ что флективный періодъ въ свою очередь долженъ распасться на подраздѣленія. Особенную заслугу Курціуса именно и составляетъ то, что онъ сильнѣе другихъ ученыхъ подчеркнулъ въ своемъ сочиненіи: „Zur Chronologie и т. д.“ ту мысль, что въ развитіи языка, какъ и въ расположеніи каменныхъ породъ, слѣдуетъ различать слои.

Другой вопросъ однако, удалось ли ему (или кому-нибудь другому, хотя бы Шереру) установить съ вѣроятностью тѣ періоды, которые дѣйствительно прошла въ своемъ образованіи индогерманская флексія. Согласно тому, что было развито въ этой главѣ, я чувствую себя не въ состояніи рѣшить этотъ вопросъ. Всякое гипотетическое построеніе предполагаетъ наличность извѣстнаго числа отдѣльныхъ гипотезъ, которыя сами по себѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ достовѣрныя, и на которыя затѣмъ уже могутъ опереться менѣе достовѣрныя гипотезы. Занявъ, однако, болѣе или менѣе скептическое положеніе относительно всѣхъ отдѣльныхъ анализовъ формы, я долженъ теперь сдѣлать отсюда логическое заключеніе, что изъ *этого* матеріала нельзя возвести никакого зданія. Такимъ образомъ, я долженъ ограничиться утвержденіемъ, что флексія несомнѣнно развилась не вдругъ, а постепенно, но я сомнѣваюсь въ томъ, достаточенъ ли нашъ матеріалъ для того, чтобъ точно установить періоды развитія.

Дѣло обстояло бы, впрочемъ, иначе, если бы мы были въ состояніи привлечь еще новый матеріалъ. И эту попытку сдѣлалъ Асколи. Этотъ превосходный языковѣдъ, который въ одно и то же время владѣетъ и индогерманской, и семитической областью, предполагаетъ, что индогерманскій и семитическій праязыки произошли изъ одного общаго источника, и даже что они имѣютъ извѣстныя именныя основы и зачатки склоненія, общія имъ обоимъ. Если бы это предположеніе оказалось вѣрнымъ, то этимъ было бы доказано, что развитіе флексіи въ индогерманскомъ началось съ образованія именныхъ основъ. Я не могу судить о способѣ доказательства Асколи, такъ какъ у меня не можетъ быть собственнаго мнѣнія въ семитической области, и потому я, къ своему сожалѣнію, долженъ удовольствоваться отсылкой читателей къ изложенію самого Асколи (удобнѣе всего въ его „Kritische Studien“ 21).

По окончаніи этого спеціальнаго разсмотрѣнія, мы обращаемся теперь опять къ началу этой главы и спрашиваемъ: „Оправдалась ли теорія агглютинаціи въ частностяхъ?“ Мнѣ мало вѣрится, что терпѣливый читатель, слѣдовавшій за мною чрезъ все предшествующее изложеніе, отвѣтитъ увѣреннымъ „да“. Въ самомъ дѣлѣ, въ лучшемъ случаѣ результатомъ отдѣльныхъ анализовъ была у насъ извѣстная вѣроятность, нерѣдко—голое non liquet. Такимъ образомъ, въ концѣ продолжительнаго и труднаго странствія мы не подошли ближе къ его цѣли. И теперь еще мы ничего не можемъ утверждать, кромѣ того, что утверждали выше, а именно, что принципъ агглютинаціи—единственный, дающій намъ удобопонятное объясненіе формъ.

Другого принципа, кромѣ этого, мы не встрѣтили, въ особенности же не встрѣчали такъ называемаго символическаго объясненія, къ которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгаетъ Боппъ, и которому Поттъ отдаетъ дань въ еще бо́льшемъ размѣрѣ. Я не считаю себя призваннымъ останавливаться подробнѣе на этомъ способѣ объясненія. Ибо, насколько я вижу, онъ такъ субъективенъ, что разсмотрѣніе доводовъ за и противъ него не можетъ быть предпринято.

При такихъ обстоятельствахъ, когда изъ всего разсужденія можно спасти только принципъ агглютинаціи, навязывается вопросъ, не лучше ли будетъ совсѣмъ оставить метафизику въ области языкознанія и ограничиться лишь тѣмъ, что можно знать, т.-е. опредѣлить задачу индогерманскаго языкознанія такимъ образомъ, что оно выводитъ основныя формы (въ Шлейхеровскомъ смыслѣ) и изъ нихъ объясняетъ формы отдѣльныхъ языковъ. Теперь я склоненъ становиться на эту точку зрѣнія, въ противоположность моему прежнему, болѣе оптимистическому настроенію. Будетъ ли достигнутъ когда-нибудь болѣе удовлетворительный результатъ, чѣмъ теперь, рѣшать это—не дѣло настоящаго времени. Если эта попытка когда-нибудь удастся лучше, то во всякомъ случаѣ только при условіи привлеченія неизмѣримо большаго количества матеріала, чѣмъ обыкновенно дѣлается теперь, т.-е. при болѣе широкомъ пользованіи неиндогерманскими языками.

ШЕСТАЯ ГЛАВА [1]).

Звуковые законы.

Въ первой части этого сочиненія было показано, какъ первоначально допущеніе исключеній казалось чѣмъ-то естественнымъ, и какъ мало-по-малу приходили все къ болѣе и болѣе строгому пониманію закономѣрности въ области звуковъ, пока наконецъ не возникла мысль, что звуковые законы вообще не терпятъ исключеній. Теперь же дѣло идетъ объ выясненіи этого вопроса со стороны самого понятія.

Основатели нашей науки не много занимались теоріями, зато

---

[1]) Къ подробному и поучительному трактату Мистели о звуковомъ законѣ и аналогіи въ „Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft" Лацаруса и Штейнталя (XI, 365 слѣд.), которымъ я часто пользовался при составленіи предыдущаго изданія. теперь, среди нѣсколькихъ другихъ сочиненій, прибавилось H. Paul, «Principien der Sprachgeschichte», 2-ое изданіе, 1886 г. (и 3-е 1898 г. *Прим. ред.*), на которое я и указываю вообще, стоя въ существенныхъ вопросахъ на той же почвѣ, какъ и Пауль, а затѣмъ и H. Schuchardt «Ueber die Lautgesetze», Берлинъ, 1885, который возстаетъ противъ теоріи объ отсутствіи исключеній изъ звуковыхъ законовъ.
Прим. авт.

Къ этой литературѣ слѣдуетъ прибавить русскія работы, оставшіяся неизвѣстными Дельбрюку: Н. В. Крушевскій „Ueber die Lautabwechslung" (Казань, 1881), его же «Очеркъ науки о языкѣ» (Казань, 1883), И. А. Бодуэнъ де Куртенэ, «Нѣкоторые отдѣлы сравнит. грамматики слав. языковъ» („Русск. Филол. Вѣстникъ" т. V. 1881 г. и его же „Próba teorji alternacyi fonetycznych. Część I. Ogólna" (Краковъ, 1894. Нѣм. переводъ: „Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen". Страсбургъ, 1895), а также статьи и книги, вышедшія послѣ появленія въ свѣтъ третьяго изданія книги Дельбрюка, какъ то: Meillet, „Les lois du language. I. Les lois phonétiques" („Revue internationale de Sociologie". Paris. 1893): A. Ludwig, «Ueber den Begriff «Lautgesetz». («Sitzungsberichte der Kgl. Bömischen Gesellsch. d. Wissenschaften». 1894); A. Wallensköld, «Zur Klärung der Lautgesetze». («Festschrift für A. Tobler»); M. Bréal, «Des lois phoniques». («Mémoires de la Société de Linguistique» т. X. 1897); Wechssler, «Giebt es Lautgesetze» (Halle, 1900) и др. менѣе значительныя по объему и содержанію.
Прим. ред.

организаторы ея, въ томъ числѣ Курціусъ и Шлейхеръ, пускались въ подобнаго рода объясненія. Я разсмотрю сначала взгляды Курціуса, и отвожу имъ нѣсколько болѣе широкое мѣсто, уже потому, что интересно видѣть, съ какимъ чрезвычайнымъ успѣхомъ онъ подготовилъ своей работой формулировку, сдѣланную послѣдующимъ поколѣніемъ. Стремленія Курціуса были направлены преимущественно къ тому, чтобы доказать существованіе болѣе строгаго порядка въ области звуковъ, чѣмъ это удалось сдѣлать его предшественникамъ, и такимъ образомъ положить основаніе болѣе прочнаго метода для этимологіи. Если бы въ исторіи звуковъ — говоритъ онъ („Grundz.", стр. 80) — дѣйствительно являлись бы столь значительныя спорадическія уклоненія съ истиннаго пути и вполнѣ болѣзненныя непредвидѣнныя искаженія звуковъ, какъ это съ большою увѣренностью принимаютъ нѣкоторые ученые, то мы на дѣлѣ должны были бы отказаться отъ всякаго этимологизированія. Вѣдь изслѣдованію доступно только законосообразное и находящееся во внутренней связи, произвольное же можно въ лучшемъ случаѣ только угадать, никогда — вывести на основаніи умозаключенія. „Но дѣло не стоитъ такъ плохо, полагаю я", напротивъ, скорѣе „именно въ жизни звуковъ всего вѣрнѣе можно установить прочные законы, обнаруживающіеся почти съ послѣдовательностью силъ природы" (стр. 81). Поэтому Курціусъ и отличаетъ отъ правильной замѣны звуковъ неправильную или спорадическую, но все-таки этимъ онъ не хочетъ сказать, что часть звуковыхъ измѣненій стоитъ внѣ всякихъ законовъ и такимъ образомъ предоставлена случаю и произволу. „Само собою разумѣется", заключаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 90), „что мы ни того, ни другого измѣненія звуковъ не признаемъ случайнымъ, но исходимъ изъ того взгляда, что законы проникаютъ собой какъ весь языкъ, такъ и эту звуковую сторону". Законосообразность прежде всего обнаруживается въ томъ, что измѣненіе звуковъ преслѣдуетъ извѣстную тенденцію или извѣстное направленіе, и при этомъ его основное направленіе—нисходящее, убывающее или, какъ Курціусъ охотнѣе всего выражается, направленіе „вывѣтриванія" („Verwitterung": стр. 409). „Ибо, въ самомъ дѣлѣ, само собою навязывается сравненіе съ каменными породами, постепенно убывающими и исчезающими подъ вліяніемъ атмосферныхъ вліяній, но тѣмъ не менѣе такъ упорно сохраняющими свою сердцевину". Разумѣется, по отношенію къ звукамъ, причина убыванія коренится не во вліяніи внѣшнихъ силъ, но въ наклонности людей къ удобству, которая старается сдѣлать произношеніе все болѣе и болѣе легкимъ. „Наклонность къ удобству разъ навсегда остается главнымъ по-

водомъ къ звуковымъ измѣненіямъ при всѣхъ обстоятельствахъ" (стр. 23). А наклонность къ удобству главнымъ образомъ сказывается въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, охотно замѣняютъ менѣе удобное мѣсто артикуляціи болѣе удобнымъ; и на этомъ основаніи, такъ какъ мѣсто, расположенное дальше назадъ, менѣе удобно, можно точно установить, какъ общее направленіе звуковыхъ измѣненій, -направленіе сзади напередъ. Такимъ образомъ, дѣйствительно, возникаетъ *p* изъ *k*, но не *k* изъ *p*. Во-вторыхъ, замѣняютъ звукъ, по своему роду болѣе трудный для произношенія, звукомъ болѣе легкимъ для произношенія; поэтому, напр., такъ называемые взрывные переходятъ въ такъ называемые фрикативы [1]), межъ тѣмъ какъ обратный переходъ не наблюдается. Такъ *t* обращается въ s, но никогда *s* въ *t*. Этимъ главнымъ нормамъ, дѣйствительность которыхъ Курціусъ старается доказать подробно, подчинено всякое измѣненіе звуковъ, а также и спорадическое. И по отношенію къ спорадической замѣнѣ звуковъ для насъ руководящей нитью должно служить то основное положеніе, что слѣдуетъ ожидать только перехода болѣе сильнаго звука въ болѣе слабый, а не наоборотъ (стр. 437).

Если такимъ образомъ звуковое измѣненіе связано извѣстнымъ направленіемъ, то все-таки въ предѣлахъ этого направленія оно пользуется извѣстной свободой движенія. Сюда относятся, напр., такіе случаи, когда въ европейскихъ языкахъ древнее *a* замѣняется гласными: то *a*, то *e*, то *o*; когда древнее *k* въ греч. является въ видѣ κ, τ, π. Подобныя неправильности въ меньшемъ кругѣ фактовъ опять-таки обнаруживаютъ извѣстную правильность, но бываютъ и отдѣльныя исключенія, неправильности, „возмущенія" (Trübungen), уродливости. Подобной неправильностью является, напр., сохраненіе σ въ σῦς рядомъ съ ὗς, хотя обыкновенно въ греч. яз. начальное индогерманское *s* отпадаетъ. Эти исключенія можно по крайней мѣрѣ отчасти объяснить, если вспомнить тѣ два стремленія, которыя господствуютъ въ языкѣ: стремленіе сохранить звуки и слоги, выражающіе значеніе, и аналогію. Насчетъ перваго пункта Курціусъ прежде всего высказалъ свое мнѣніе въ своихъ замѣчаніяхъ о сферѣ дѣйствія звуковыхъ законовъ, въ особенности въ греч. и лат. «Ueber die Tragweite der Lautgesetze insbesondere im Griechischen und Lateinischen»: «Ber. der phil.-hist. Classe der Königl. Sächs. Ges. der Wissenschaften» 1870). Въ этомъ разсужденіи онъ доказываетъ, что звуки и слоги, которые

---

[1]) То же, что спиранты или „придувные" по терминологіи нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ. *Прим. ред.*

чувствуются носящими значеніе, дольше сопротивляются разрушенію, чѣмъ остальные, и что, слѣдовательно, при разсмотрѣніи звуковыхъ измѣненій нельзя пренебрегать степенью важности звука. Примѣромъ можетъ служить то, что замѣчается относительно „*ι*“ желательнаго наклоненія: „Въ общемъ греки имѣли сильно развитую склонность отнимать передъ гласными у дифтонговъ на ι этотъ второй звукъ, оттого мы находимъ αω, εω, οω, вмѣсто болѣе древняго *ajāmi*, ποέω часто вмѣсто ποιέω и т. д. Той же склонности они слѣдовали въ род. ед., гдѣ уже издавна οιο низошло до οο и далѣе до ου, въ дор. и эол. нарѣчіяхъ—ω. Напротивъ οι въ формахъ жел. накл. въ родѣ δοίην, λέγοιεν, γενοίατο, ποιοίην осталось неприкосновеннымъ. Только въ качествѣ эолійской формы дошло до насъ λαχόην = λάχοιμι (Ahr. стр. 133). Очевидно, примѣта наклоненія нуждалась въ болѣе бережливомъ обращеніи съ нею, чѣмъ „ι“ въ род. пад. Этотъ послѣдній падежъ и безъ ι, даже послѣ совершившагося стяженія гласныхъ, все еще оставался легко распознаваемымъ, а формы жел. накл. стали безъ этого ι почти неузнаваемыми, во всякомъ случаѣ уже весьма непохожими на прочія формы того же наклоненія“ и т. д. Теперь этотъ взглядъ оставленъ. Если въ δοίην ι не исчезаетъ, то мы приписываемъ это скорѣе тому обстоятельству, что δοίην ассоціировалось съ формами въ родѣ δοῖμεν и т. п., въ которыхъ οι по необходимости должно было сохраниться. Напротивъ, относительно силы вліянія аналогіи мы согласны съ Курціусомъ. Отъ него нисколько не ускользнуло важное значеніе принципа аналогіи, хотя онъ на практикѣ и рѣже пользуется имъ, чѣмъ мы это считаемъ правильнымъ. Въ этомъ отношеніи интересно одно мѣсто въ вышеупомянутомъ трактатѣ (1870 г.), стр. 2, гласящее такъ: „Для изслѣдованія языковъ чрезвычайно важны два основныхъ понятія, одно—понятіе аналогіи, другое—звукового закона. Я думаю, что не ошибаюсь, когда утверждаю, что большая часть разногласій во мнѣніяхъ, замѣчаемыхъ по отношенію къ отдѣльныхъ вопросамъ, основана на степени распространенія, которую, по мнѣнію ученыхъ, необходимо дать каждому изъ этихъ обоихъ понятій въ жизни языка“. О положеніи, которое занимаетъ Шлейхеръ по отношенію къ звуковымъ законамъ, было сказано выше (стр. 50—51), и тамъ было показано, что въ одномъ сужденіи его, высказанномъ въ 1860, находится признаніе отсутствія исключеній у всякаго происходящаго въ языкѣ звукового измѣненія. Вполнѣ категориченъ, по моему мнѣнію, только отзывъ Шерера въ 1875 г. („Preussische Jahrbücher“ 35, 107, приведенъ у І. Шмидта K. Z. XXVIII, 308), который гласитъ такъ: „Измѣненіе звуковъ,

которое мы можемъ наблюдать въ достовѣрной исторіи языка, совершается по твердымъ законамъ, не испытывающимъ никакихъ другихъ нарушеній, кромѣ опять-таки вполнѣ закономѣрныхъ“. Нѣсколько позже появилось печатное разъясненіе Лескина, который въ своихъ лекціяхъ успѣшнѣе всѣхъ пропагандировалъ эту мысль („Склоненіе въ славяно-литовскомъ и германскомъ“, напечатано въ „Preisschriften der Jablonowski'schen Gesellschaft in Leipzig“. Leipzig 1876, стр. XXVIII и 1). Онъ говоритъ: „Въ своемъ изслѣдованіи я исходилъ изъ того принципа, что дошедшая до насъ форма падежа никогда не основывается на исключеніи изъ звуковыхъ законовъ, соблюдаемыхъ въ прочихъ случаяхъ. Для того, чтобъ меня не поняли неправильно, я хотѣлъ бы еще добавить: если подъ исключеніями разумѣютъ такіе случаи, гдѣ ожидаемое измѣненіе звука не наступило по опредѣленнымъ, легко узнаваемымъ причинамъ, напр., отсутствіе передвиженія въ нѣмецкомъ въ группахъ согласныхъ, въ родѣ *st* и т. п., гдѣ слѣдовательно въ извѣстной мѣрѣ одинъ законъ перекрещивается съ другимъ, то, разумѣется, ничего нельзя возразить противъ положенія, что звуковые законы не лишены исключеній. Законъ этимъ какъ разъ не уничтожается и дѣйствуетъ такимъ способомъ, какого и слѣдовало ожидать, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ тѣхъ или другихъ помѣхъ, вліяній другихъ законовъ. Но если допускаютъ произвольныя, случайныя, не стоящія межъ собой ни въ какой связи уклоненія, то, въ сущности говоря, этимъ объявляютъ, что предметъ изслѣдованія, языкъ, не доступенъ научному познанію“. Сюда примыкаетъ то, что высказываютъ Остгофъ и Бругманъ „Morph. Unters.“ ч. I стр. XIII: „Всякое звуковое измѣненіе, поскольку оно происходитъ механически, совершается по законамъ, не допускающимъ исключеній, т.-е. направленіе движенія звуковъ у всѣхъ членовъ одной группы языковъ, за исключеніемъ того случая, когда происходитъ развѣтвленіе на діалекты, постоянно остается одно и то же, и всѣ слова, въ которыхъ, при одинаковыхъ условіяхъ, является звукъ, подчиненный звуковому измѣненію, безъ исключенія захватываются этимъ измѣненіемъ“. Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ встрѣчается также часто безусловная формулировка: „всѣ звуковые законы дѣйствуютъ слѣпо, со слѣпой необходимостью, наблюдаемой въ природѣ“ или въ этомъ родѣ.

Какъ же слѣдуетъ относиться къ этому ученію? Прежде всего вполнѣ ясно, что между принципіальной вѣрностью извѣстнаго правила и возможностью провести его на практикѣ должна существовать разница. Кто признаетъ ученіе о невозможности исключеній въ дѣйствіи звуковыхъ законовъ, тотъ тѣмъ самымъ еще не

утверждает, что обладает средствомъ, съ помощью котораго можетъ объяснить всѣ исключенія. Само собой разумѣется, что у каждаго изслѣдователя остается масса трудностей, для него неразрѣшимыхъ, и даже можно сказать, что тотъ, кто вездѣ доискивается твердыхъ законовъ, встрѣчаетъ препятствія тамъ, гдѣ ихъ раньше не находили. Всѣ причастные этому ученію сходятся на томъ, что невозможность исключеній въ дѣйствіи звуковыхъ законовъ не можетъ быть доказана индуктивнымъ путемъ. Въ такомъ случаѣ должно попробовать, какъ далеко можно проникнуть съ помощью дедукціи. Отказываясь покуда отъ опредѣленія понятія о звуковыхъ измѣненіяхъ и законѣ, я желалъ бы установить общее единство мнѣнія относительно того пункта, что судьбы языковыхъ группъ оказываютъ величайшее вліяніе на внѣшній звуковой обликъ языковъ. У народца, съ незапамятныхъ временъ живущаго на уединенномъ островѣ, совсѣмъ не посѣщаемомъ чужеземцами, само собою разумѣется, совершается болѣе безпрепятственное теченіе развитія языка, чѣмъ въ занимающей центральное положеніе странѣ, куда стекаются всякаго рода народныя передвиженія и культурныя теченія. Каждый народъ, не совсѣмъ удаленный отъ сношеній съ другими, принимаетъ въ свой языкъ въ большемъ или меньшемъ числѣ заимствованныя слова. Ими кишатъ наши литературные языки, и часто ихъ трудно распознать. Кто изъ насъ, кромѣ, конечно, ученыхъ языковѣдовъ, могъ бы, напримѣръ, повѣрить, что слово *echt* есть чужое слово, перенесенное въ литературный ново-верхне-нѣмецкій языкъ изъ нижне-нѣмецкаго, а между тѣмъ этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію. *Echt*, какъ выражается Гриммъ, есть слово, неизвѣстное древнему [нѣмецкому] языку во всѣхъ его верхнихъ нарѣчіяхъ; даже въ настоящее время народъ совсѣмъ не знаетъ его въ Швейцаріи, Баваріи и Швабіи, и оно заносится къ народу только путемъ книжнаго языка. Въ древнихъ литературныхъ языкахъ дѣло обстоитъ естественно точно такъ же или подобно тому, какъ и въ ново-верхне-нѣмецкомъ, съ тою только разницею, что мы рѣже, чѣмъ здѣсь, въ состояніи доказать подобныя заимствованія и должны ограничиваться догадками. Такъ, напримѣръ, аттическое γενναῖος совершенно такъ же противорѣчитъ своимъ двойнымъ ν аттическому звуковому строю, какъ *echt* своимъ *cht* ново-верхне-нѣмецкому; не слѣдуетъ ли, однако, считать себя въ правѣ предположить, что часто употребляемое γενναῖος заимствовано изъ какого-нибудь эолическаго діалекта совершенно такъ же, какъ часто употребляемое *echt* взято изъ нижне-нѣмецкаго, хотя историческое доказательство тому и не можетъ быть

приведено. Чѣмъ больше въ извѣстномъ языкѣ словъ, относительно которыхъ можно подозрѣвать, что они откуда нибудь заимствованы, тѣмъ труднѣе установить первоначальный звуковой составъ для такого языка. Между тѣмъ извѣстно, что именно въ греческихъ поэтическихъ языкахъ играетъ большую роль заимствованіе словъ и оборотовъ; такимъ образомъ именно здѣсь легко принять чужое за свое и этимъ самымъ предполагать исключенія изъ правила тамъ, гдѣ напротивъ имѣются явленія, стоящія внѣ всякой связи съ правиломъ. Я хотѣлъ бы особенно подчеркнуть эту послѣднюю мысль, что явленія въ области заимствованныхъ словъ не имѣютъ никакого отношенія къ мѣстнымъ законамъ, потому что я нахожу пренебреженіе ею у Курціуса, выражающагося при случаѣ такъ: „другой поводъ къ нарушеніямъ фонетическихъ правилъ заключается во вліяніи говоровъ другъ на друга. Подобныя нарушенія признаются всѣми и не могутъ быть совершенно отрицаемы и самыми рьяными защитниками закономѣрности въ этой области. Конечно заимствованія изъ одного діалекта въ другой не подлежатъ отрицанію, но я не могу согласиться, что они производятъ нарушеніе мѣстныхъ законовъ даннаго языка. Если этнографъ найдетъ нѣсколько семействъ бѣлыхъ поселенцевъ въ странѣ, обитаемой темнокожими людьми, онъ конечно не назоветъ исключеніемъ изъ господствующаго въ этой странѣ типа уклоняющійся отъ него бѣлый типъ, но придетъ къ заключенію, что, при описаніи первичныхъ обитателей страны, бѣлые совсѣмъ не должны приниматься въ разсчетъ. Совершенно такъ же, какъ этнографъ къ этимъ поселенцамъ, долженъ относиться—полагаю я—языковѣдъ къ чужимъ словамъ, будутъ ли они внесены въ данный языкъ издалека или изъ ближайшаго сосѣдства.

Такимъ образомъ навѣрное всѣ согласны въ томъ, что заимствованныя слова не должны приниматься въ разсчетъ, при обсужденіи звуковаго состава извѣстнаго языка.

Второй пунктъ, относительно котораго всѣ согласны, тотъ, что звуковые законы не могутъ претендовать на постоянное и всеобщее значеніе, какимъ обладаютъ физическіе законы. Они имѣютъ силу только внутри извѣстныхъ пространственныхъ и хронологическихъ границъ, т. е. только для одного языка и только для одного ограниченнаго во времени періода. Что касается прежде всего ограниченности въ пространствѣ, то Шухардтъ (стр. 10) противопоставляетъ формулѣ: „звуковые законы дѣйствуютъ безъ

исключеній въ предѣлахъ одного и того же діалекта" [1]) слѣдующую критику: „Въ выраженіи „одинъ и тотъ же діалектъ" скрывается неясность; мы не знаемъ, должны ли мы его понимать a priori или a posteriori (должны ли мы сказать: „въ неаполитанскомъ, римскомъ, флорентинскомъ и т. п. діалектахъ лат. *k* превратилось въ *č* передъ *e* и *i*", или „*č* = *k e*, *i* господствуетъ въ языкѣ всей южной и средней Италіи"). Послѣднее пониманіе рекомендуется связаннымъ съ нимъ выраженіемъ „одинъ и тотъ же періодъ", которое можетъ быть понято только въ такомъ смыслѣ; первое же—принципіальнымъ соображеніемъ, и въ самомъ дѣлѣ обыкновенно подъ словомъ діалектъ здѣсь разумѣютъ совершенно цѣльную единую общность языка. Но существуетъ ли таковая? Самъ Дельбрюкъ, чтобы найти дѣйствительное единство, внутри котораго могла бы имѣть силу непреложность звуковыхъ законовъ, нисходитъ къ индивидуальному языку и притомъ въ его мгновенномъ разрѣзѣ". Какъ видно, въ этомъ разсужденіи идетъ рѣчь о томъ, существуютъ ли общества съ совершенно одинаковымъ языкомъ, и какъ къ нимъ относятся звуковые законы. Если принять понятіе „одинаковый" въ строжайшемъ значеніи слова, то конечно существуютъ только индивидуальные языки, да и индивидуумы будутъ говорить нѣсколько различно въ разныя эпохи своей жизни. Поэтому слово „одинаковый" надо понимать въ томъ смыслѣ, чтобы подъ нимъ разумѣлось единство внутри одной языковой массы, сравнительно съ состояніемъ другой языковой массы. Подобное единство, такъ какъ дѣло идетъ о человѣческихъ индивидуумахъ, лишь относительное. Полное тожество проявленій языка было бы достижимо только у машинъ. Какъ обширна можетъ быть такая группа одинаково говорящихъ (Sprachgenossenschaft), нельзя опредѣлить a priori. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. въ якутскомъ, относительное единообразіе охватываетъ собой огромное пространство, у другихъ народовъ, въ силу характера ихъ мѣстности и направленія исторіи, образуются малые районы. Гдѣ имѣются преграждающія общеніе границы, тамъ единообразіе можетъ простираться на всю округу извѣстнаго языкового сообщества, образующаго одно цѣлое, но гдѣ языковыя сообщества мирно граничатъ другъ съ другомъ, и сношенія, какъ волны, переливаются то на ту, то на другую сторону, тамъ возникаетъ такое состояніе, которое І. Шмидтъ называетъ непрерывной промежу-

---

[1]) **Разница между языкомъ и діалектомъ не лингвистическая, но историко-политическая. Я могу поэтому употреблять здѣсь оба слова безразлично (promiscue).**

точной связью (continuirliche Vermittelung) между двумя сосѣдними діалектами, и пограничные пояса такимъ образомъ будутъ кое въ чемъ отличаться отъ центральной языковой массы. Какъ видно, здѣсь идетъ дѣло о вопросѣ раздѣленія языковъ, о трудности коего должна дать представленіе наша послѣдняя глава. Для теперешней моей цѣли мнѣ достаточно еще прибавить, что извѣстный звуковой процессъ не всегда останавливается на границѣ діалекта, но можетъ охватить и другую звуковую массу, которую отдѣляютъ отъ первой въ силу разныхъ другихъ основаній. Такимъ образомъ придется сказать, что звуковой законъ имѣетъ свое опредѣленное пространственное ограниченіе, часто совпадающее съ границей діалекта, но можетъ также при извѣстныхъ условіяхъ и перешагнуть черезъ эту границу.

При обсужденіи продолжительности дѣйствія звуковыхъ законовъ, споръ главнымъ образомъ вращается около понятія „переходныхъ ступеней“. Я уже сказалъ во второмъ изданіи этой книги (стр. 123): „насколько я замѣчаю, всѣми признается (или по крайней мѣрѣ должно бы признаваться), что при переходѣ отъ одного произношенія извѣстнаго звука къ другому можетъ возникать состояніе колебанія, въ которомъ одинъ и тотъ же индивидуумъ произноситъ одинъ и тотъ же звукъ разъ такъ, другой иначе. Сиверсъ, напр. („Lautphysiologie“, стр. 127), выражается по этому вопросу слѣдующимъ образомъ [1]: „спонтанеическое образованіе новыхъ звуковыхъ формъ исходитъ, само собою разумѣется, отъ отдѣльнаго индивидуума или ряда индивидуумовъ, и только путемъ подражанія эти новшества постепенно переносятся на все языковое сообщество (Sprachgenossenschaft), къ которому принадлежатъ эти индивидуумы. Окончательное установленіе равновѣсія между старыми и новыми формами, приходящими въ коллизію другъ съ другомъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ потребовать долгаго времени. Въ теченіе извѣстнаго времени обѣ формы употребляются promiscue, а также примѣняются различнымъ образомъ, смотря по положенію звука, пока, наконецъ, новая форма звука не вытѣснитъ совсѣмъ старую“. При этомъ Сиверсъ приводитъ нѣсколько примѣровъ такого колебанія изъ практики наблюденія, говоря: „примѣры колебанія между двумя формами представляютъ, напримѣръ,

---

[1]) Дельбрюкъ очевидно имѣетъ здѣсь въ виду первое изданіе извѣстной книги Сиверса: „Grundzüge der Lautphysiologie“ (Лейпц. 1876), получившей во второмъ изданіи уже другое заглавіе: «Grundzüge der Phonetik etc.» (Лейпц. 1881). Въ этомъ послѣднемъ изданіи цитируемое мѣсто находится въ примѣчаніи 1 на стр. 198, въ 3-мъ изд. на стр. 226, а въ 4-мъ (1893 г.) отсутствуетъ совсѣмъ. *Прим. ред.*

многіе сѣверно-нѣмецкіе говоры, употребляющіе безъ различія звонкіе и глухіе Media, а также и армянскій въ различныхъ діалектахъ. Средне- и южно-нѣмецкіе говоры, напротивъ, уже давно вступили въ періодъ исключительнаго господства глухихъ Media". Бругманъ въ K. Z. XXIV. 6 разсуждаетъ совершенно подобнымъ же образомъ, обнаруживая только желаніе признавать за такими переходными эпохами малую длительность, а не большую, сообразно съ обстоятельствами, какъ дѣлалъ это Сиверсъ. Само собою понятно, что споръ о такихъ растяжимыхъ опредѣленіяхъ, какъ „малый" и „большой", можетъ считаться излишнимъ. Скорѣе слѣдуетъ собирать дальнѣйшія наблюденія изъ живыхъ языковъ, по которымъ можно было бы затѣмъ дѣлать заключенія о древнихъ языкахъ. Сравните съ этимъ то, что Шухардтъ говоритъ на стр. 18: „здѣсь только одно слово о переходныхъ ступеняхъ вообще. Доказательство этихъ ступеней, относится ли оно къ тому или другому случаю, стараются отклонить тѣмъ, что прекращаютъ на время переходныхъ стадій дѣйствіе закона объ отсутствіи исключеній изъ звуковыхъ законовъ. Это совершенно недопустимо. Каждая стадія языка есть переходная стадія, каждая столь же нормальна, какъ любая другая; что́ имѣетъ силу для цѣлаго, то имѣетъ силу и для отдѣльныхъ случаевъ. Я не могу представлять себѣ языкъ, какъ рядъ готовыхъ и еще неготовыхъ звуковыхъ законовъ: это было бы равносильно внесенію телеологическихъ представленій въ естественное разсмотрѣніе. Хотя и я говорю о переходныхъ стадіяхъ, но только въ относительномъ смыслѣ, только въ примѣненіи къ позднѣйшимъ уже твердо установленнымъ фактамъ; называть какое нибудь современное отношеніе переходной стадіей мы не имѣемъ никакого права". Я полагаю, что слѣдуетъ различать между „переходной стадіей" и „состояніемъ колебанія". Правда, слой B образуетъ въ извѣстномъ языкѣ переходъ отъ A къ C, а C—переходъ отъ B къ D, и если бы захотѣли прекратить дѣйствіе звуковыхъ законовъ для всѣхъ этихъ переходныхъ ступеней, то лишили бы эти законы силы для всей области языка. Но это совсѣмъ не имѣлось въ виду. Разумѣлось только то, что мы иногда можемъ наблюдать въ одномъ діалектѣ колебаніе въ произношеніи одного звука. Если мы ограничимъ разсмотрѣніе этимъ состояніемъ, не оглядываясь назадъ или на родственные діалекты, то мы можемъ только установить, что въ этомъ отношеніи не имѣется никакого единообразія. Если же мы призовемъ къ себѣ на помощь наблюденія въ области родственныхъ діалектовъ, какъ это сдѣлано Сиверсомъ, то придемъ ко взгляду, что колебаніе должно быть поставлено на счетъ

перехода къ новому состоянію, въ чемъ я не могу видѣть непозволительной телеологіи.

Итакъ изъ предыдущаго разсужденія оказывается прежде всего, что надо исключить заимствованныя слова, затѣмъ, что должно изъять извѣстныя пограничныя и переходныя области, въ которыхъ отношенія слишкомъ сложны, для того, чтобы ихъ можно было бы привести къ какой нибудь простой формулѣ. По отношенію къ прочему языковому матеріалу и только по отношенію къ нему должно имѣть силу утвержденіе, что звуковой составъ языка объясняется дѣятельностью звуковыхъ законовъ, дѣйствующихъ безъ исключенія съ одной стороны, и дѣятельностью аналогіи съ другой. Переходя теперь къ истолкованію этого утвержденія, я буду говорить сначала объ **аналогіи** [1]).

Неизбѣжность дѣйствія аналогіи въ языкѣ становится очевидной, если уяснить себѣ, что слова въ душѣ говорящаго являются въ значительно большей части своей не обособленно, но въ тѣсной связи (ассоціированныя) съ другими. „Ассоціируются между собой различные надежи одного и того же имени, различныя времена, наклоненія, лица одного и того же глагола, различныя производныя формы отъ одного и того же корня, въ силу родства звукового и по значенію; затѣмъ всѣ слова одной и той же функціи, напр. всѣ существительныя, всѣ прилагательныя, всѣ глаголы; затѣмъ всѣ производныя формы, образованныя отъ разныхъ корней при помощи одинаковыхъ суффиксовъ: далѣе одинаковыя по своей функціи формы различныхъ словъ, слѣдовательно, напр., всѣ формы множ. числа, всѣ родит. надежи, всѣ страдат. залоги, всѣ прошедшія совершенныя, всѣ сослагательныя, всѣ первыя лица; затѣмъ слова съ одинаковымъ родомъ флексіи, напр. въ новонѣмецкомъ всѣ „слабые“ глаголы въ противоположность „сильнымъ“,

---

[1]) Ср., кромѣ вышеприведенныхъ работъ B. J. **Wheeler**, „Analogy and the scope ot its applications in language“ въ «Studies of classical philology», Cornell University Ithaca 1887. *Прим. авт.*

Изъ русскихъ работъ укажемъ: Н. В. **Крушевскій**, „Объ аналогіи и народномъ словопроизводствѣ“ („Русск. Филол. Вѣстникъ“ 1880): его же «Лингвистич. замѣтки» III. «О морфологич. абсорпціи» (тамъ же); В. А. **Богородицкій**, «О морфологической абсорпціи» (тамъ же, 1881); его же «Объ основныхъ факторахъ морфологическаго развитія языка» (тамъ же, 1895). Изъ болѣе новой иностранной литературы: A. **Meillet**, «Les lois du langauge. II. L'analogie». («Revue international de Sociologie». Paris, 1894); G. E. **Karsten**, «The psychological Basis of Phonetic Law and Analogy» („Publications of the Modern Language Association of America“, IX. I); O. **Bender** «Die Analogie. Ihr Wesen und Wirken in der deutschen Flexion». (Programm. Moersburg. 1893). *Прим. ред.*

всѣ имена существительныя муж. рода, образующія множ. число съ перемѣной гласнаго звука (Umlaut) въ противоположность неизмѣняющимъ гласныхъ; также могутъ смыкаться въ группы слова, представляющія лишь частичное тожество способа флексіи, въ противоположность словамъ съ болѣе рѣзкими уклоненіями", (Paul, „Principien der Sprachgeschichte", 2 изд. Halle, 1886, стр. 24). Многія изъ соединенныхъ въ такія группы формъ обнаруживаютъ или существенное сходство внѣшняго вида, или основное различіе, или, наконецъ, незначительныя различія при большомъ сходствѣ. Противъ этихъ различій работаетъ постоянно стремленіе придать возможно большее внѣшнее сходство тому, что связано между собой внутренней связью, и не рѣдко удается устранить болѣе незначительныя различія путемъ подравненія (Ausgleichung). Такъ, напримѣръ, несомнѣнно, что такое слово, какъ лат. *homo* первоначально звучало съ образованіемъ надежей разной силы (съ градаціей основъ — stammabstufende Bildung): *homo hominis homini homonem homones hominum* и т. д., откуда затѣмъ путемъ подравненія получилось: *hominis homini hominem homines*. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что въ аркадійскомъ діалектѣ, какъ и въ прочихъ діалектахъ, жен. родъ χώρα звучалъ въ род. χώρας, но муж. родъ ἐργάτας—ἐργάταο (изъ ἐργάταο), тогда какъ позже χώρας превратилось въ угоду мужск. роду въ χώραο. Почему и при какихъ условіяхъ такія преобразованія возникли въ извѣстную эпоху, и почему только въ извѣстныхъ діалектахъ, въ другихъ же нѣтъ,—мы можемъ установить съ нѣкоторой вѣрностью только въ рѣдчайшихъ случаяхъ. Напротивъ, мы должны большею частью удовольствоваться наблюденіемъ, что изъ обоихъ другъ съ другомъ борющихся стремленій—сохранить отдѣльный случай въ его традиціонной формѣ и съ другой стороны — уподобить его родственнымъ формамъ—побѣдило послѣднее стремленіе. Если такимъ образомъ мы должны быть скромными въ этомъ отношеніи, съ другой стороны мы все-таки можемъ сказать съ нѣкоторой увѣренностью, чтó собственно произошло при такомъ подравненіи, и чѣмъ отличается этотъ процессъ отъ того, который мы называемъ звуковымъ измѣненіемъ. Чтобы пояснить это, я возьму примѣромъ законъ Вернера, описанный мною на стр. 58 и сл. Вернеръ, какъ было сказано въ названномъ мѣстѣ, показалъ, что глаголъ, въ родѣ гот. *leiþan*, долженъ былъ образовать въ прагерманскомъ [1]) формы *leiþan laiþ lidum lidans*, откуда въ готскомъ

[1]) Здѣсь не имѣетъ значенія, звучали ли индогерманскія формы въ концѣ слова такъ или иначе.

возникли путемъ подравненія формы *leiþan laiþ liþum liþans*, тогда какъ, напр. въ древневерхненѣмецкомъ первоначальное различіе сохранилось въ формахъ съ передвиженіемъ согласныхъ *lîdan leid litum litan.* Можно было бы склониться къ формулировкѣ того, что произошло въ готскомъ, въ такихъ выраженіяхъ: въ формахъ *liþum liþans* первичное *d* перешло въ *þ*. Но невѣрность такой формулировки обнаруживается сейчасъ же, какъ только привлекаются къ сравненію соотвѣтствующія явленія въ другихъ языкахъ. Въ греческомъ перфектѣ отъ πείθω навѣрное звучалъ нѣкогда πέποιθα, πέποιθε, πέπιθμεν (еще древнѣе πεπιθμέν). Изъ послѣдней формы сдѣлалось πεποίθαμεν. Произошло ли это такимъ образомъ, что ι было измѣнено путемъ „подъема" въ οι и вставлено α? Конечно нѣтъ. Я оставлю здѣсь совсѣмъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, возможно ли вообще предполагать на старый ладъ существованіе подъема; относительно этого пункта во всякомъ случаѣ теперь всѣ ученые согласны, что подобнаго явленія не происходило ни въ одномъ отдѣльномъ (индоевропейскомъ *Ред.*) языкѣ. Всѣ такъ называемые дифтонги подъема въ отдѣльныхъ языкахъ, слѣдовательно и въ греческомъ, ведутъ свое начало изъ первобытной эпохи. О вставкѣ α также нельзя думать. Правда, мы можемъ говорить о вставкѣ гласнаго, или лучше о развитіи гласнаго изъ голосового тона сосѣдняго согласнаго въ случаяхъ, какъ *poculum* изъ *poclum*, *nominis* изъ *nomnis*, но подобнаго случая въ πεποίθαμεν мы не имѣемъ. Такимъ образомъ вышеприведенная формулировка не подходитъ къ формѣ πεποίθαμεν. Здѣсь произошло не звуковое измѣненіе, но замѣна одной формы другою. Такъ какъ πέπιθμεν въ томъ ряду, къ которому оно принадлежало, являлось членомъ, нарушавшимъ гармонію, то оно было замѣнено посредствомъ πεποίθαμεν. Такимъ образомъ и въ готскомъ нельзя говорить о звуковомъ процессѣ, но должно принять замѣну формы. Выражаясь точно, слѣдовало бы сказать такъ: Въ германскомъ звуки *þ*, стоявшіе передъ удареннымъ слогомъ между гласными, превратились въ *d*. Это измѣненіе наступило вездѣ, гдѣ имѣлось подобное сочетаніе звуковъ, слѣдовательно **faþár* такъ же превратилось въ **fadar*, какъ **liþúm* въ *lidum*. Въ готскомъ *fadar* осталось неизмѣненнымъ, такъ какъ оно не входило въ составъ группы, достаточно сильной для того, чтобы передѣлать его. Напротивъ *lidum* съ родичами, которые вездѣ были связаны съ формами единств. числа, содержавшими въ себѣ *þ*, и которые еще болѣе приблизились къ послѣднимъ формамъ, благодаря совершившемуся передвиженію ударенія назадъ, были замѣнены новообразованными формами *liþum* и т. д. Такимъ образомъ отношеніе между звуковымъ измѣненіемъ

и аналогіей можетъ быть выражено вкратцѣ такъ: звуковое измѣненіе основано на перемѣнѣ въ произведеніи звука и проявляется вездѣ при одинаковомъ стеченіи звуковъ; аналогія же, напротивъ, влечетъ за собой замѣну старой формы новообразованною. Поскольку же новая форма можетъ представлять такой звуковой составъ, котораго не было въ вытѣсненной формѣ, постольку вліяніемъ аналогіи можетъ быть нанесенъ ущербъ области равномѣрныхъ одинаковыхъ измѣненій [1]).

Согласно сказанному, мы, по устраненіи всѣхъ предварительныхъ вопросовъ, дошли наконецъ до главнаго вопроса: насколько можно утверждать, что измѣненіе звуковъ само по себѣ зависитъ отъ звуковыхъ законовъ, дѣйствующихъ безъ исключенія. Чтобы понять вопросъ какъ слѣдуетъ, припомнимъ, какимъ путемъ пришли къ утвержденію, что въ языкѣ существуютъ законы, дѣйствующіе безъ исключенія. Боппъ и его современники, какъ мы видѣли, допускали отдѣльныя исключенія внутри массы, въ прочихъ отношеніяхъ одинаковой; такъ, напримѣръ, онъ предполагалъ, что въ ἔδωκα, ἔθηκα, ἧκα *s* перешло въ *k*, тогда какъ во всѣхъ прочихъ аористахъ сохранилось въ видѣ *s*. Это допущеніе съ теченіемъ времени стало казаться невозможнымъ. Такимъ образомъ, въ противность Боппу, стали подчеркивать однообразіе звукового состава, причемъ понятію закона не придавали никакой особой цѣны, а именно не желали утверждать, что для однообразія также должно быть найдено объясненіе, выведеніе его изъ высшаго принципа.

---

[1]) Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что дѣло въ огромномъ большинствѣ случаевъ происходило такъ, какъ это изложено въ текстѣ. Но былъ возбужденъ вопросъ, нѣтъ ли, быть можетъ, случаевъ, въ которыхъ согласная съ звуковыми законами форма совсѣмъ и не была сперва образована, но ея появленіе было сдѣлано невозможнымъ, благодаря дѣйствію аналогіи. Подобный вопросъ возникаетъ относительно греческаго аориста. Такъ какъ индогерманское *s* должно выпадать въ греческомъ между двумя гласными, то слѣдовало бы ожидать не ἔλυσα, а ἔλυα. Всѣ согласны въ томъ, что ἔτυψα и подобныя формы подѣйствовали на появленіе σ въ ἔλυσα, но спорятъ о томъ, существовала ли въ самомъ дѣлѣ нѣкогда, хотя бы въ теченіи короткаго времени, такая форма, какъ ἔλυα, и затѣмъ была вытѣснена формой ἔλυσα, или дѣло совсѣмъ и не доходило до появленія формы ἔλυα, потому что ἔτυψα и ей подобныя формы оказали побѣдоносное противное давленіе своимъ σ. Я не съумѣю сказать, какъ можно было бы отвѣтить съ вѣроятностью на этотъ психологическій спорный вопросъ.—При этомъ одновременно я долженъ замѣтить, что въ этомъ изданіи оставлено въ сторонѣ кое-что, излагавшееся мною прежде, а именно—опытъ классификаціи аналогическихъ образованій. Мнѣ кажется теперь правильнымъ повременить, покуда мы не будемъ обладать гораздо болѣе точными наблюденіями, произведенными надъ живыми языками, чѣмъ находящіяся до сихъ поръ въ нашемъ распоряженіи.

Затѣмъ нужно обратить вниманіе на то, что терминомъ „звуковое измѣненіе“ (Lautwandel) не выражено еще все, что собственно имѣется при этомъ въ виду, такъ какъ подъ нимъ разумѣется и то, что сохраняется въ языкѣ неизмѣненнымъ въ теченіи времени. Итакъ подъ этимъ выраженіемъ разумѣютъ въ сущности слѣдующее: звуковой составъ извѣстнаго языка одинаковъ внутри извѣстныхъ пространственныхъ и хронологическихъ границъ. Одинаковость эта, впрочемъ, дѣлается замѣтной лишь тогда, когда не обращаютъ вниманія на пограничныя состоянія, исключаютъ чужія слова и представляютъ дѣйствіе аналогіи прекратившимся. Можно было бы, слѣдовательно, сказать вкратцѣ: звуковой строй самъ по себѣ одинаковъ. Вѣрно ли это утвержденіе? Что можно сказать за и противъ него? Всего лучше, пожалуй, можно будетъ подойти къ трудному вопросу, если постараться уяснить себѣ, какъ происходитъ измѣненіе звуковъ языка. Отвѣтъ можетъ быть только такой: это зависитъ отъ общественной природы языка. Каждый новый человѣкъ, вступающій съ достиженіемъ извѣстнаго возраста въ языковое сообщество, имѣетъ стремленіе точно воспроизводить языкъ старшаго поколѣнія, какъ онъ его слышитъ. Онъ имѣетъ естественно лишь желаніе понять и быть понятымъ; поэтому какъ же вздумалось бы ему пожелать какихъ нибудь измѣненій въ средствѣ взаимнаго пониманія? Въ самомъ дѣлѣ слѣдующее поколѣніе продолжаетъ также сохранять извѣстную часть звукового строя, переданнаго ему отъ предыдущаго поколѣнія, но въ другой части этого строя возникаютъ измѣненія. Никто не будетъ удивляться тому, что измѣненія являются у каждаго индивидуума, такъ какъ, конечно, естественно, что намѣренное воспроизведеніе и дальнѣйшая передача унаслѣдованнаго удается не въ полной мѣрѣ. Но замѣчательно то, что измѣненіе совершается у всѣхъ особей въ одномъ и томъ же направленіи. Можно сказать, что эта одинаковость достигается подравненіемъ индивидуальныхъ уклоненій. Въ этомъ, конечно, есть нѣчто вѣрное, но, однако, несомнѣнно, что безчисленная масса индивидуальныхъ различій не можетъ сложиться въ гармонію, если опредѣленное направленіе измѣненія не является ближайшимъ и естественнымъ для опредѣленнаго поколѣнія. Мы должны, слѣдовательно, попытаться отвѣтить на вопросъ, можетъ ли быть замѣчена извѣстная тенденція или направленіе въ измѣненіи звуковъ. На этотъ вопросъ, какъ мы видѣли на стр. 118, Курціусъ отвѣтилъ указаніемъ на стремленіе людей къ удобству, и мы видимъ, что такъ же разсуждаютъ и другіе выдающіеся ученые, напримѣръ Уитней, взглядъ котораго можетъ быть выраженъ вкратцѣ такъ: каждое поколѣніе

учится языку отъ предшествующаго, не задумываясь какъ либо надъ этимъ, слѣдовательно учится безъ намѣренія говорить сколько нибудь иначе, чѣмъ говорилось до сихъ поръ. Измѣненія, которыя находитъ посторонній наблюдатель, сравнивая языкъ одного поколѣнія съ языкомъ предшествующаго, происходятъ такимъ образомъ вполнѣ внѣ сознанія людей, принимающихъ въ нихъ участіе. Гдѣ же лежитъ побужденіе къ этимъ измѣненіямъ? Разумѣется, не въ самихъ звукахъ (это была бы миѳологическая точка зрѣнія), но въ людяхъ, имѣющихъ естественное стремленіе избѣгать неудобнаго для нихъ и предпочитать болѣе удобное. Итакъ стремленіе къ удобству, или экономія въ силѣ—законъ, которымъ безсознательно управляются въ языкѣ всѣ измѣненія. (См. именно статью Уитнея. „The principle of economy as a phonetic force" въ „Transactions of the American philological association". 1877). Какъ ни заманчива эта формулировка, однако нельзя скрыть нѣкоторыхъ сомнѣній, возбуждаемыхъ ею. Прежде всего спрашивается, въ самомъ ли дѣлѣ стремленіе къ удобству является единственной побудительной причиной измѣненія, или рядомъ съ нимъ должны быть признаны еще и другія силы. Уитней не отвергаетъ вполнѣ подобной мысли, но напротивъ готовъ предоставить право и другимъ силамъ, коль скоро присутствіе ихъ будетъ ясно указано. Что это трудно, отрицать нельзя. Но мнѣ и теперь еще кажется убѣдительнымъ то, что я уже сказалъ раньше, ссылаясь на Бенфея („Göttinger Nachrichten", 1877, № 21, стр. 550), а именно, что въ языкѣ очевидно есть стремленіе не только къ тому, что удобно, но и къ тому, что нравится. Для поясненія я привелъ наблюденіе достовѣрнаго свидѣтеля, которое можетъ быть приведено и здѣсь. Изобрѣтатель говорящей машины Кемпеленъ говоритъ въ своемъ „Механизмѣ человѣческой рѣчи" („Mechanismus der menschlichen Sprache und Beschreibung seiner sprechenden Maschine", Вѣна, 1791): „Въ Парижѣ мнѣ казалось, будто четвертая по крайней мѣрѣ часть жителей картавила, не потому, что они не могли произнести настоящее *r*, но потому, что въ этомъ находили удовольствіе, и это уже сдѣлалось модой; но эта мода не можетъ прекратиться, какъ прочія моды, ибо цѣлыя семейства уже давно разучились говорить язычное *r*, и картавость у нихъ будетъ передаваться къ дѣтямъ ихъ дѣтей" (ср. Trautmann въ журналѣ „Anglia", т. III, 216 и сл.).

Другое соображеніе, которое можетъ быть присоединено къ вышеназванной формулѣ, слѣдующее: допустивъ, что люди въ своей рѣчи стремятся все къ большему и большему удобству, всетаки очень хотѣлось бы знать, почему извѣстные звуки, напримѣръ, извѣстные оттѣнки гласныхъ для насъ удобнѣе, чѣмъ для

нашихъ отцовъ. Испытали что ли измѣненіе наши органы рѣчи? Дѣйствуетъ ли видоизмѣняющимъ образомъ на наши органы рѣчи окружающій насъ міръ, пища, климатъ, и не находятся ли отъ этого въ зависимости измѣненія звуковъ? Этимъ ставится на обсужденіе мысль, часто высказывавшаяся въ прежнія времена. Какъ часто воображаемая грубость дорическаго діалекта увѣренно ставилась въ связь съ дикой горной природой лаконской страны, а воображаемая мягкость іонійскаго діалекта съ мягкимъ воздухомъ малоазіатской береговой полосы! Въ новѣйшее время, послѣ того какъ Уитней (Whitney-Jolly, „Die Sprachwissenschaft. Vorlesungen über die Principien der vergleichenden Sprachforschung“ etc. Мюнхенъ, 1874, 230) очень рѣшительно высказался противъ этого устарѣлаго предположенія, опять взялся за него Остгофъ, который говоритъ: „Какъ форма всѣхъ физическихъ органовъ человѣка, такъ и форма его органовъ рѣчи зависитъ преимущественно отъ климатическихъ и культурныхъ условій, среди которыхъ онъ живетъ. Хотя въ общемъ извѣстно, что, напр., различный климатъ горъ и равнинъ иначе выработываетъ легкія, грудь и гортань горныхъ обитателей и иначе тѣ же органы у обитателей низменностей, тѣмъ не менѣе еще слишкомъ мало оцѣненъ въ языкознаніи тотъ фактъ, что обыкновенно, при одинаковыхъ или похожихъ климатическихъ и культурныхъ условіяхъ, вездѣ обнаруживаются одинаковыя или похожія фонетическія наклонности языка или говора. Къ сожалѣнію, я не могу пуститься здѣсь въ подробную мотивировку этого положенія помощью примѣровъ. Поэтому я напоминаю только о томъ, что, напр., на Кавказѣ даже не родственныя искони сосѣднія народности, индогерманцы-армяне и иранцы и неиндогерманцы-грузины и пр. въ главныхъ чертахъ обладаютъ почти тождественной системой гласныхъ и согласныхъ. Внутри одного и того же языка, какъ особенно убѣдительно показали изысканія послѣднихъ лѣтъ въ разныхъ областяхъ, господствуетъ или господствовалъ прежде почти сплошь непрерывный переходъ между отдѣльными діалектами, образующими общій языкъ; напр., въ германскомъ—отъ алеманнскаго въ Альпахъ до нижнесаксонскаго на берегахъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей. Мнѣ кажется едва допустимымъ, чтобы непрерывность климатическихъ переходовъ въ той же части пространства не имѣла никакой общей причинной связи съ подобной діалектической непрерывностью“ [„Das physiologische und psychologische Moment in der sprachlichen Formenbildung“ („Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge, herausgegeb. von Rud. Virchow und Fr. von Holtzendorff“. Вып. 327), стр. 19].

Я полагаю, что о вліяніи климата нельзя сказать что либо опредѣленное. Правда въ общихъ чертахъ, конечно, всѣ согласятся, что климатъ не можетъ не производить вліянія, какъ на все тѣло, такъ и на органы рѣчи; но, съ другой стороны, слѣдуетъ также признать, что физіологи еще не наблюдали такого различія въ органахъ, изъ котораго объяснялось бы различіе въ произношеніи отдѣльныхъ звуковъ. Сходства между близъ лежащими языками, которыя приводитъ Остгофъ, быть можетъ, могутъ быть объяснены также историческимъ воздѣйствіемъ одной народности на другую (какъ, напр., выговоръ нѣмцевъ, живущихъ въ Курляндіи, кое что заимствовалъ изъ выговора латышей), и прежде всего здѣсь получаютъ особый вѣсъ, какъ противоположная сторона, тѣ многочисленныя перемѣны мѣста жительства, которыя продѣлывали народы каждой эпохи.

Въ такомъ положеніи находится вопросъ объ измѣненіяхъ въ звуковомъ составѣ языковъ. Какъ видно, о точномъ знаніи въ этой области не можетъ быть серьезной рѣчи. Тѣмъ не менѣе можно сказать: мы питаемъ основательное предположеніе, что измѣненія въ значительно бо́льшей своей части зависятъ отъ извѣстныхъ производящихъ общее дѣйствіе причинъ, надъ которыми отдѣльный человѣкъ не имѣетъ никакой власти. Правда, нельзя отрицать также и возможности вліянія со стороны отдѣльнаго индивидуума, вліянія, простирающагося съ его стороны на нѣсколькихъ, людей, а отъ этихъ на многихъ, но такъ какъ при этомъ противное давленіе со стороны общества все-таки всегда велико, то едва ли можно предполагать, что отдѣльному индивидууму удастся провести такія измѣненія, которыя противорѣчатъ направленію развитія, замѣчаемому у остальныхъ звуковыхъ измѣненій. Навѣрное можно считать несомнѣннымъ то, что всѣ (или почти всѣ) эти акты совершаются безсознательно. Въ какой мѣрѣ оправдывается это утвержденіе на нашемъ теперешнемъ языкѣ, въ этомъ можно легко убѣдиться путемъ опыта. Большая часть людей не знаетъ, ка́къ они говорятъ, и часто только съ величайшимъ трудомъ удается доказать имъ, что они дѣйствительно обладаютъ нѣкоторыми тонкостями произношенія, которыя замѣчаетъ у нихъ опытный наблюдатель.

Согласно сказанному, на занимающій насъ вопросъ о закономѣрности звукового измѣненія можно теперь дать общій сжатый отвѣтъ.

Слѣдуетъ признать, что полная закономѣрность звукового измѣненія не наблюдается нигдѣ въ мірѣ данныхъ фактовъ, но имѣются на лицо достаточныя основанія, ведущія къ допущенію, что зву-

ковое измѣненіе, протекающее закономѣрно, есть одинъ изъ факторовъ, изъ совмѣстнаго дѣйствія которыхъ вытекаетъ эмпирическій обликъ языка. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, правда, всегда будетъ имѣться лишь приблизительная возможность представить этотъ факторъ въ его чистотѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ вышеприведеннаго изложенія слѣдуетъ, можно ли вообще и насколько можно говорить о законахъ или даже о законахъ природы въ области фонетики или ученія о звукахъ.

Звуковые законы, устанавливаемые нами, суть, какъ это оказалось, не что иное, какъ единообразія, возникающія въ извѣстномъ языкѣ и въ извѣстное время, и имѣющія силу только для этого языка и времени. Примѣнимо ли вообще къ нимъ выраженіе „законъ", остается сомнительнымъ. Между тѣмъ я избѣгаю входить въ разсмотрѣніе понятія о законѣ, примѣняемаго въ естественныхъ наукахъ и статистикѣ, такъ какъ я нахожу, что въ языковомъ употребленіи понятіе „звуковой законъ" настолько утвердилось, что уже не можетъ быть искоренено, и кромѣ того я не могу предложить вмѣсто него лучшаго термина. Терминъ этотъ, кромѣ того, безвреденъ, если помнить твердо, что онъ не можетъ имѣть никакого другого смысла, кромѣ здѣсь означеннаго.

Но я не могу помириться съ опредѣленіемъ звуковыхъ законовъ, какъ законовъ природы. Съ химическими или физическими законами эти историческія единообразія очевидно не имѣютъ никакого сходства. Языкъ слагается изъ человѣческихъ поступковъ и дѣйствій (Handlungen), и поэтому звуковые законы относятся не къ ученію о закономѣрности въ явленіяхъ природы, а къ ученію о закономѣрности человѣческихъ поступковъ, повидимому произвольныхъ.

Въ заключеніе остается сдѣлать еще одно ограниченіе, которое подразумѣвается само собою потому, что непосредственно вытекаетъ изъ понятія о законѣ, какъ его можно опредѣлить въ спеціальномъ значеніи. Объ этомъ я высказался въ своей брошюрѣ „Die neueste Sprachforschung" (Лейпцигъ, 1885, стр. 18) слѣдующимъ образомъ: „гдѣ же отсутствуетъ и этотъ послѣдній критерій понятія о законѣ, а именно большое число одинаковыхъ отдѣльныхъ явленій, тамъ уже нельзя болѣе говорить о „законѣ". Вполнѣ уединенныя явленія не подходятъ подъ понятіе закона. Поэтому, когда Курціусъ спрашиваетъ: „какимъ звуковымъ закономъ или какимъ аналогичнымъ образованіемъ можно объяснить дошедшія до насъ въ хорошихъ аттическихъ надписяхъ формы ἡμέδιμνον вмѣсто ἡμιμέδιμνον, ἀμφορεύς вмѣсто ἀμφιφορεύς?" то я

отвѣчаю: никакимъ закономъ, потому что это единичный случай, и никакимъ аналогичнымъ образованіемъ, по той же причинѣ. Въ этомъ случаѣ мы можемъ только сказать, что въ переходѣ ἀμφιφορεύς въ ἀμφορεύς мы можемъ признать общее стремленіе къ экономіи работы; это стремленіе побудило отдѣльнаго индивидуума къ образованію формы ἀμφορεύς, и оно же съ успѣхомъ содѣйствовало распространенію этой формы. Но если мы констатируемъ, что есть случаи, гдѣ, вслѣдствіе изолированности явленія, не можетъ быть установленъ спеціальный законъ, то этимъ, разумѣется, не признается право допускать исключенія въ такихъ случаяхъ, гдѣ законъ можетъ быть установленъ. На другія изолированныя слова, имѣющія особую судьбу, именно привѣтственныя формулы и титулы, указалъ Шухардтъ, стр. 26. Они, конечно, заслуживали отдѣльнаго разсмотрѣнія.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Раздѣленіе народовъ [1]).

Какъ упомянуто выше на стр. 1, Вильямъ Джонсъ уже въ 1786 г. высказывался въ томъ смыслѣ, что всякій филологъ, который сравнитъ другъ съ другомъ языки санскритскій, греческій и латинскій, долженъ будетъ притти къ убѣжденію, что эти три языка слѣдуетъ выводить изъ одного общаго источника, теперь, можетъ быть, уже болѣе не существующаго. Не столь убѣдительны были доводы, говорившіе за принятіе такого же отношенія для языковъ готскаго и кельтскаго. У Фридриха Шлегеля мы нашли шагъ назадъ сравнительно съ Джонсомъ, поскольку онъ утверждаетъ, будто бы изъ упомянутаго сравненія слѣдуетъ, что индійскій языкъ болѣе древній, а другіе моложе и произошли изъ него. Не всегда правильно высказывается въ началѣ своей литературной дѣятельности и Боппъ. Такъ въ своей „Системѣ спряженія“ (стр. 9) онъ говоритъ о языкахъ, „происходящихъ отъ санскрита или отъ общаго съ нимъ отца“, но позднѣе онъ всегда правильно говоритъ лишь о братскомъ отношеніи между ними. Точно также онъ остерегается преувеличивать первоначальность и древность санскрита. Такъ мы встрѣчаемъ у него одно примѣчаніе къ § 605 перваго изданія Сравн. Гр., опущенное въ позднѣйшихъ изданіяхъ; въ немъ говорится: „уже въ своей „Системѣ спряженія“ и „Лѣтописяхъ Вост. Литературы“ („Annals of Oriental Literature“, Лондонъ 1820) я обратилъ вниманіе на то, что скр. *tutupa* во второмъ лицѣ мн. числа есть искаженная форма, и въ предыдущихъ отдѣлахъ этой книги очень часто указывалось, что санскритъ въ отдѣльныхъ случаяхъ стоитъ

---

[1]) Въ дополненіе къ этой главѣ ср. Бругманъ „Zur Frage nach den verwandtschaftsverhältnissen der indogermanischen Sprachen“ въ „Internationale Zeitschr. f. allgemeine Sprachw.“ Техмера (Лейпцигъ 1883, I, 226 сл.).

позади своихъ европейскихъ братьевъ-языковъ. Поэтому мнѣ показалось страннымъ, что проф. Höfer, въ своихъ „Beiträge" и пр. стр. 40, такъ голословно и въ такихъ общихъ выраженіяхъ утверждаетъ, будто новымъ изслѣдователямъ не удалось вполнѣ „освободиться отъ несчастнаго предубѣжденія относительно мнимой чистоты и первобытной вѣрности и совершенства санскрита". Я, съ своей стороны, никогда не вѣрилъ въ такую первобытную вѣрность санскрита, и мнѣ всегда было пріятно обращать вниманіе на тѣ случаи, въ которыхъ его европейскіе братья-языки стоятъ выше его" и т. д.

Но постояннаго опредѣленнаго названія для того родоначальника-языка, изъ котораго происходятъ отдѣльные языки, Боппъ не имѣетъ. Онъ говоритъ о „единомъ" основномъ языкѣ, о періодѣ языкового единства, о первобытной эпохѣ языка, о первичной и древнѣйшей эпохѣ его образованія и т. д. Несуществующій болѣе основной языкъ Боппъ представляетъ себѣ въ существенныхъ чертахъ подобнымъ одному изъ языковъ-братьевъ. Особенно слѣдуетъ отмѣтить то, что онъ, повидимому, не требовалъ отъ этого языка неизмѣняемости. Напротивъ, онъ допускаетъ, что „въ эпоху единства нынѣ уже раздѣленныхъ языковъ въ организмѣ этого единаго основнаго языка уже произошли нѣкоторыя разрушенія" (§ 673). Такъ, напр., онъ принимаетъ, что въ древнѣйшую эпоху имена женск. рода на *a* имѣли въ именит. падежѣ *s*, но утратили его уже въ періодѣ языкового единства. О мѣстопребываніи народа, который говорилъ этимъ основнымъ языкомъ, я не нахожу у Боппа ни одного предположенія, тѣмъ болѣе, что онъ вообще далекъ отъ культурно-исторической точки зрѣнія [1]).

Изъ этой „прародины" путемъ „обособленія" выдѣлились от-

---

[1]) Вопросъ о мѣстѣ жительства пранарода часто обсуждался въ послѣднее время. Изложеніе и оцѣнку различныхъ взглядовъ можно найти у О. Шрадера „Sprachvergleichung und Urgeschichte", 2 изд. Iena 1890. Достовѣрное рѣшеніе его, однако, по моему мнѣнію, не было дано ни Шрадеромъ, ни I. Шмидтомъ, „Die Urheimath der Indogermanen" (Abhandlungen Королевск. Прусской Академіи Наукъ, Берлинъ 1890). *Прим. автора.*

Сочиненіе Шрадера имѣется въ русскомъ переводѣ п. з. «Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная культура» Спб. 1886, сдѣланномъ къ сожалѣнію не со втораго, значительно дополненнаго и исправленнаго изданія нѣмецкаго подлинника, а съ перваго, страдавшаго рядомъ недостатковъ. Изъ новѣйшей литературы заслуживаютъ упоминанія статьи проф. Г. Гирта: „Die Urheimat der Indogermanen" и „Der Ackerbau der Indogermanen" въ журналѣ „Indogermanische Forschungen", т. I. 1892 г. и V, 1895, его же «Die Urheimat und die Wanderungen der Indogermanen» и „Die vorgeschichtliche Kultur Europa's

дѣльные языки. Встрѣчается у Боппа и выраженіе „раздѣленіе языковъ“ (§ 493). О болѣе или менѣе близкомъ родствѣ ихъ, т. е. послѣдовательности, въ какой они отдѣлялись другъ отъ друга, Боппъ имѣлъ слѣдующее мнѣніе: близко относятся другъ къ другу въ Азіи языки индійскій и мидо-персидскій, въ Европѣ греческій и латинскій. Относительно положенія славянскаго языка, мнѣніе Боппа съ теченіемъ времени измѣнилось. Сперва (I изд. Срав. Гр., стр. 760) онъ разсматривалъ славянскій, литовскій и германскій языки какъ своего рода „тройни“; позднѣе („О языкѣ древнихъ пруссовъ“, Abh. der Berl. Akad. 1853, с. 80) онъ такъ формулировалъ свой взглядъ: „отдѣленіе летто-славянской вѣтви отъ азіатскаго брата-языка, называть ли послѣдній санскритомъ или оставлять вовсе безъ названія, наступило позднѣе, чѣмъ отдѣленіе классическихъ, германскихъ и кельтскихъ языковъ, но все же еще до распаденія азіатской части нашей языковой области на вѣтвь мидо-персидскую и индійскую“. Особо близкаго родства языковъ кельтовъ и римлянъ онъ не предполагалъ.

Первымъ, кто построилъ уже настоящую систему развѣтвленія индогерманскихъ языковъ (въ видѣ родословнаго древа), былъ Шлейхеръ. Онъ сходился съ Боппомъ въ принятіи ближайшаго родства языковыхъ вѣтвей индійской, иранской и италійской съ греческой, но отступилъ отъ него во взглядѣ на положеніе литво-славянской отрасли: именно, онъ полагалъ, что сходства въ исторіи звуковъ, какія безъ сомнѣнія существуютъ между языками азіатскими и литво-славянскимъ, ведутъ свое начало не изъ первобытной эпохи, а возникли въ каждой группѣ независимо. Такъ, напр., онъ принимаетъ, что числительное для

---

und der Indogermanen“ («Hettner's Geographische Zeitschrift», т. I, 1895 г. и III. 1898), дающія рядъ вѣскихъ дополненій, соображеній и поправокъ къ теоріи прародины О. Шрадера; вопросомъ о происхожденіи индоевропейцевъ занимался И. Тэйлоръ („The origins of the Aryans“ Л. 1890. Русскій переводъ, не вездѣ вѣрный, вышелъ въ Москвѣ въ 1897 п. з. „Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ“). Въ концѣ 1900 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ новаго труда О. Шрадера: «Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Grundzüge einer Kultur und Völkergeschichte Alteuropas» (Страсбургъ, Трюбнеръ, 1900). Общій обзоръ этой новой литературы, кромѣ послѣдняго изъ названныхъ сочиненій, можно найти по-русски въ статьяхъ А. Л. Погодина: „Жреческая организація индогерманцевъ (обзоръ новѣйшихъ трудовъ по культурѣ индогерманцевъ)“, въ „Живой Старинѣ“ (1900 г., кн. 1—2) и «Новыя изслѣдованія о языкѣ и культурѣ индогерманцевъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1899 г., № 2). *Прим. ред.*

обозначенія сотни звучало въ основномъ языкѣ *kantam*, и отсюда уже, по раздѣленіи первобытнаго народа на два, развилось въ азіатской части *çatam* и совершенно независимо отъ нея въ славянскомъ *съто*, такъ что слѣдовательно сходствомъ *ç* и *s* въ этомъ словѣ, въ которомъ греческій и латинскій сохранили древнее *k*, нельзя воспользоваться для заключенія генеалогическаго свойства (срв. „Beiträge“ 1, 107). Такимъ образомъ онъ совершенно отдѣляетъ литво-славянскую группу отъ азіатской и, вмѣстѣ съ Яковомъ Гриммомъ, сближаетъ ее съ германской. Главное доказательство близкаго родства этихъ языковъ представляетъ ихъ согласіе въ дат. и. мн. числа, въ которомъ они представляютъ *m*, между тѣмъ какъ другіе языки имѣютъ *bh* (напр. слав. *влъкомъ* и гот. *vulfam*, но санскр. *vṛkébhyas*). Такъ какъ далѣе Шлейхеръ ставитъ въ ближайшее отношеніе яз. кельтскій съ италійскимъ („Beitr. zur vergleich. Sprachforschung etc. herausgeg. von A. Kuhn u. A. Schleicher“, I, 437), то у него получаются слѣдующія три группы: 1) азіатская, 2) славяно-германская, 3) греко-итало-кельтская. Историческое ихъ отношеніе онъ опредѣлялъ степенью вѣрности, съ какой каждая изъ этихъ трехъ группъ (на его взглядъ) сохранила типъ праязыка. Въ наименьшей степени обладала такою вѣрностью, казалось ему, группа славяно-германская, и потому онъ принималъ, что эта часть прежде другихъ выдѣлилась изъ пранарода, а за ней греко-итало-кельты, такъ что въ остаткѣ оказываются азіатскіе представители нашей семьи.

Между тѣмъ это хронологическое распредѣленіе, очевидно, основано на весьма спорномъ умозаключеніи. Сравнительно далеко идущее вырожденіе славяно-германской вѣтви (если можно его разсматривать, какъ доказанное), можетъ вѣдь основываться просто на томъ, что она развивалась быстрѣе своихъ родичей. Мотивировка Шлейхера, стало быть, недостаточна для того, чтобы отдѣлять славяно-германскую группу отъ той большой европейской массы, къ которой она принадлежитъ географически. Что она принадлежитъ сюда и въ лингвистическомъ отношеніи, подробно доказалъ Лотнеръ въ „Zeitschrift“ Куна, т. VII, 18 слл. Онъ устанавливаетъ двѣ большія группы, азіатскую и европейскую, изъ которыхъ послѣдняя отличается отъ первой главнымъ образомъ общимъ употребленіемъ *l* вмѣсто азіатскаго *r* (напр., πολύ, гот. *filu* наряду съ санскр. *purú*). Дальнѣйшій отличительный признакъ указалъ Г. Курціусъ, а именно правильно встрѣчающееся во многихъ мѣстахъ *e*, отвѣчающее азіатскому *a* (напр. φέρω, лат. *ferō*, гот. *baira*, т. е. *bëra* наряду съ *bhárāmi*). Поэтому очень вѣроятнымъ казалось предположеніе, что индогерманцы, говорив-

шіе въ періодъ совмѣстной жизни на какомъ-то единомъ языкѣ, разбились сперва на европейцевъ съ одной и азіатовъ съ другой стороны, и что затѣмъ, по раздѣленіи, въ обѣихъ группахъ развились извѣстныя особенности (какъ напр. *e* въ Европѣ), усвоенныя затѣмъ всѣми подраздѣленіями этой главной группы. Такихъ подраздѣленій въ Европѣ было первоначально, повидимому, два— сѣверное и южное, изъ которыхъ первое разбилось затѣмъ въ свою очередь на вѣтви славянскую и германскую, а южное — на греческую, италійскую и кельтскую.

Труднѣе всего было подвести подъ эту теорію греческій языкъ. Нѣкоторые ученые принимали, что изъ южноевропейской массы прежде другихъ выдѣлилась кельтская группа, послѣ чего языки греческій и италійскій еще сохраняли свое единство, другіе (какъ Шлейхеръ) высказывались за болѣе тѣсное родство языковъ италійскаго и кельтскаго, наконецъ, третьи вовсе отдѣляли греческую группу отъ Европы, перенося ее въ Азію. Таково мнѣнія Грасмана („Zeitschrift“ Куна, т. XII, 119), говорящаго съ большой увѣренностью о многихъ формахъ проявленія, „въ которыхъ обнаруживается далеко простирающаяся гармонія между греческимъ и арійскимъ (добрахманскимъ) міромъ въ языкѣ, поэзіи, миѳѣ и жизни,—гармонія, свидѣтельствующая о томъ могучемъ духовномъ развитіи греко-арійскаго основного племени, которое оно пережило послѣ отдѣленія другихъ племенъ“. Того же мнѣнія и Зонне въ теперь, повидимому, забытой программѣ „Zur ethnologischen Stellung der Griechen“. (Wismar 1869) [1]).

Противникомъ всѣхъ этихъ гипотезъ, поскольку онѣ имѣютъ дѣло съ идеей раздѣленія народовъ или языковъ, выступилъ Іоганнъ Шмидтъ въ сочиненіи „О родственныхъ отношеніяхъ между индогерманскими языками“. Веймаръ 1872. І. Шмидтъ исходитъ изъ того же пункта, изъ котораго вышла оппозиція Шлейхера Боппу, именно изъ мысли объ отношеніи литвославянскаго языка къ азіатской группѣ, но въ главномъ и существенномъ сходится съ Боппомъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, въ высшей степени удивительно, что изъ *k* слова *kantam* въ обѣихъ группахъ получается шипящій (или во всякомъ случаѣ нѣчто ему

---

[1]) Пользуясь случаемъ, я приведу изъ этой программы слѣдующее положеніе: «если въ санскритѣ глаголъ главнаго предложенія, лишаясь ударенія, подчиняется каждому предшествующему объективному опредѣленію, то мы, думается, можетъ признать въ этомъ явленіи, столь противорѣчащемъ нашимъ европейскимъ понятіямъ, остатокъ первобытнаго (proethnischer) ударенія»— (стр. 3).

подобное), между тѣмъ какъ напр. *k* въ *ka* „кто“ сохраняется въ обѣихъ группахъ. Неужели это удивительное сходство не слѣдуетъ объяснять совмѣстнымъ развитіемъ, и неужели позволительно думать здѣсь объ исторической случайности, какъ это дѣлаетъ Шлейхеръ? Но коль скоро мнѣніе Боппа вѣрно, то между Азіей и Европой нѣтъ никакого промежутка, а напротивъ лишь „непрерывная промежуточная связь“. Такое же точно состояніе находитъ Шмидтъ и въ Европѣ. Онъ признаетъ взаимную близость греческаго, италійскаго и кельтскаго языковъ, но они не образуютъ исторически обособленной группы, ибо подобно тому какъ италійская группа служитъ промежуточнымъ звеномъ между греческой и кельтской, такъ съ другой стороны кельтская является промежуточной между италійской и германской, затѣмъ германская — между кельтской и славянской и т. д. Итакъ, мы можемъ представлять себѣ индогерманскіе языки въ видѣ большой цѣпи изъ различныхъ звеньевъ, цѣпи, замкнутой въ себѣ и потому не имѣющей ни начала, ни конца. Если мы произвольно сдѣлаемъ началомъ индо-иранскій языкъ, то ближайшимъ звеномъ явится литво-славянскій, потомъ германскій, кельтскій, италійскій, пока, наконецъ, не дойдемъ до греческаго, въ свою очередь примыкающаго къ индоиранскому. Армянскій и албанскій, о которомъ Шмидтъ въ то время еще не могъ говорить, могли бы быть вставлены между индо-иранскимъ и литво-славянскимъ языками.

Какъ видно, эта теорія „переходовъ“ или „волнообразная теорія“, какъ ее называетъ ея авторъ (непрерывное поступательное движеніе, замѣчаемое въ языкѣ, можетъ быть сравниваемо съ движеніемъ волнъ), совпадаетъ съ теоріей развѣтвленія въ томъ, что она, подобно послѣдней, считаетъ вообще доказательными черты сходства, наблюдаемыя между отдѣльными индогерманскими языками (нѣкоторыя изъ нихъ уже были приведены), но отличается отъ нея допущеніемъ безпрерывнаго перехода, заступающаго мѣсто теоріи развѣтвленія. Итакъ мы должны прежде всего анализировать это предположеніе. Прежде всего, конечно, ясно, что теорію переходовъ нельзя понимать въ томъ смыслѣ, будто бы между всѣми индогерманскими языками, какъ они переданы намъ исторіей, существовала непрерывная промежуточная связь. Противъ даннаго взгляда говоритъ тотъ фактъ, что отдѣльные языки образуютъ замкнутыя, отдѣленныя отъ другихъ единицы. Мы можемъ, конечно, сомнѣваться относительно отдѣльныхъ діалектовъ, напр. въ германской группѣ, къ какой группѣ діалектовъ ихъ отнести, но иначе обстоитъ дѣло съ отдѣльными главными языками, напр. съ германскимъ по отношенію его къ славянскому. Не существуетъ

ни одной языковой массы, относительно которой можно было бы сомнѣваться, славянская ли она или германская,—скорѣе мы имѣемъ твердыя границы между германскимъ и славянскимъ, равно какъ и между другими основными языками. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ предположенію, что германскій языкъ нѣкогда, когда на немъ говорило еще не такъ много людей, образовалъ собою связную область взаимныхъ сношеній, внутри которой лишь съ теченіемъ времени развились отдѣльные германскіе діалекты. Такъ же дѣло обстоитъ и съ другими языками. Такимъ образомъ гипотезу переходовъ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что хотя языки въ первобытную эпоху и представляли, согласно описанію Шмидта, связное цѣлое, но затѣмъ между ними образовались строгоопредѣленныя границы. Возникновеніе такихъ границъ І. Шмидтъ представляетъ себѣ слѣдующимъ образомъ: „Какое нибудь племя или народъ, говорившій, примѣрно, на языковой разновидности F, пріобрѣлъ, въ силу политическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ или другихъ условій, извѣстный перевѣсъ надъ ближайшими своими сосѣдями. Вслѣдствіе этого, ближайшія къ нему лингвистическія разновидности G H I K съ одной, и E D C, съ другой стороны, были подавлены и замѣнены разновидностью F. Когда это случилось, F стало примыкать съ одной стороны, непосредственно къ B, съ другой непосредственно къ L, которыя вмѣстѣ съ обѣими посредствующими разновидностями, съ одной стороны были подняты на одинъ уровень съ F, съ другой—подчинены. Такимъ образомъ, между F и B съ одной, и между F и L съ другой стороны, была проведена рѣзкая языковая граница“ (цитир. сочин. стр. 28). Примѣромъ тому могутъ служить языки аттическій, римскій городской и т. подобные, мало по малу одержавшіе верхъ надъ мѣстными діалектами. Если далѣе принять, что во всякомъ случаѣ уже въ давнее время образовались предѣлы сношеній, вслѣдствіе выселенія большихъ частей народа или оттого, что въ пранародъ, какъ клинья, втирались чужіе народы, и что такимъ путемъ, во всякомъ случаѣ, уже рано возникли продолжительныя пространственныя разъединенія сосѣдей (пунктъ, на который указалъ Лескинъ въ своемъ интересномъ разборѣ гипотезы Шмидта во введеніи къ своему сочиненію „О склоненіи въ славяно-литовскомъ и германскомъ язз.“ Лейпцигъ. 1876), то теорію „родословнаго древа“ и „волнообразную“ теорію можно согласить, допустивши, что первоначально имѣлась непрерывная промежуточная связь (continuirliche Vermittelung), какъ ее представляетъ себѣ Шмидтъ, а потомъ возникли развѣтвленія, и такимъ образомъ явились раз-

лученныя одна отъ другой массы, обнаруживающія, однако, въ себѣ опять тѣ же самыя отношенія, какія были въ праязыкѣ [1]).

Теперь, однако, къ сожалѣнію, съ точки зрѣнія новѣйшихъ изслѣдованій приходится формулировать возраженіе, направленное какъ противъ гипотезы развѣтвленія, такъ и противъ гипотезы переходовъ. Именно, изслѣдованіями послѣднихъ годовъ выяснено, что моменты, на основаніи которыхъ заключали о ближайшемъ родствѣ извѣстныхъ языковъ, не имѣютъ такой доказательной силы, какъ думали до сихъ поръ.

Вообще говоря, ясно, что не всякое сходство между двумя языками можетъ быть разсматриваемо, какъ аргументъ въ пользу первичной ихъ общности. Если, напр., нѣкоторые языки потеряли аугментъ или приращеніе, сохранившееся еще въ другихъ, то изъ этого, естественно, не слѣдуетъ, чтобы эта потеря должна была происходить въ періодъ общей жизни. Точно такъ же всѣ согласятся, что сходство въ словарѣ (если оно не проявляется въ подавляющихъ размѣрахъ) не можетъ быть приводимо въ доказательство первоначальной общности языковъ, такъ какъ всегда остается возможнымъ, что извѣстное слово, находимое нами лишь въ нѣкоторыхъ языкахъ, имѣлось и въ другихъ, но было отнято у насъ „безпощаднымъ временемъ“. Эти соображенія очень уменьшаютъ матеріалъ, и имѣющими доказательную силу остаются, строго говоря, лишь выработанныя сообща новообразованія. Таками считали, еще недавно, единообразное распаденіе единаго индогерманскаго *k* на *k* и *s* (*sz*) въ азіатской и литво-славянской, гласный *e* въ европейской, *r* медіопассива (среднестрадательнаго залога) въ италійской и кельтской группахъ, *m* въ литво-славянскомъ и германскомъ дат. п. мн. ч. Но въ четвертой главѣ было показано, что теперь мы иначе смотримъ на эти отношенія. Мы принимаемъ, что большинство *k* и *e* восходитъ къ праязыку, а также и *r* въ страдательномъ, поскольку мы ставимъ его въ связь съ *r*, *re*, *rate* и т. д. въ санскритѣ. Наконецъ въ *m* литво-славянскаго и германскаго дат. п. мн. ч. мы видимъ остатокъ первобытнаго суффикса, который не произошелъ изъ суффикса съ *bh*, но употреблялся параллельно съ нимъ.

---

[1]) Подтвержденіе «волнообразной теоріи» I. Шмидта въ отношеніяхъ латинскихъ діалектовъ между собою находитъ R. Meringer. „Schmidt's Wellentheorie und die neuen Dialektforschungen“ („Verhandlungen der 42. Versammlung deutscher Philologen“. Leipzig. Teubner. 1894). Вопросъ о родственныхъ отношеніяхъ между діалектами вообще разсматриваетъ H. Oertel, „On the Character of the Inferred Parent Languages“ („American Journal of Philology“, т. XVIII, 1897. 416—38). *Прим. ред.*

Если этотъ взглядъ въ его цѣломъ имѣетъ основаніе (что я предполагаю), то изъ такихъ восходящихъ къ основному языку различій естественно нельзя дѣлать никакихъ достовѣрныхъ выводовъ о послѣдовательномъ развѣтвленіи индогерманскихъ языковъ, и ко всѣмъ предпринятымъ до сихъ поръ группировкамъ (за единственнымъ исключеніемъ азіатской группы, объединяемой въ одно цѣлое рядомъ сходствъ, напр. общимъ превращеніемъ древняго *e* въ *a*) должно относиться скептически.

Я дѣйствительно считаю эту точку зрѣнія, при нынѣшнемъ состояніи изслѣдованія, правильною и полагаю, что по всему вопросу о взаимоотношеніи отдѣльныхъ индогерманскихъ языковъ другъ къ другу могу высказать лишь слѣдующее.

Весьма вѣроятно, что этотъ основной языкъ не былъ, какъ склонны были предполагать раньше, совершенно единообразенъ. Ибо если мы имѣемъ право предполагать, что онъ прошелъ тысячелѣтія въ своемъ развитіи, то въ эпоху окончательной выработки флексіи пранародъ долженъ былъ быть многочисленъ, стало быть въ немъ, конечно, начали вырабатываться различія въ рѣчи. Эти различія являются зародышами нѣкоторыхъ особенностей, замѣчаемыхъ нами въ индогерманскихъ языкахъ; другія прибавились уже послѣ того, какъ основной языкъ распался на различные отдѣльные языки. Возможно, что предки позднѣйшихъ грековъ, италійцевъ, кельтовъ и др. были нѣкогда такъ расположены относительно другъ друга, какъ мы догадываемся на основаніи ихъ нынѣшняго географическаго положенія, но возможно и то, что произошли большія передвиженія народовъ, затемняющія ихъ прежнее разселеніе. Итакъ, мы удовольствуемся пока признаніемъ основной первоначальной общности индогерманскихъ языковъ, воздерживаясь, однако, отъ раздѣленія ихъ на группы (за исключеніемъ индо-иранской).

Это самое имѣетъ силу и относительно столь часто предполагаемаго грекоиталійскаго единства. Нельзя навѣрное утверждать, что его никогда не было, но столь же мало вѣроятно, что оно можетъ быть доказано. Изъ доводовъ [1], приведенныхъ въ его пользу Шмидтомъ (с. 19), при нынѣшнемъ положеніи науки можетъ быть принятъ во вниманіе лишь тотъ фактъ, что только въ

[1]) Сопоставленія словъ, сдѣланныя Момзеномъ, Шмидтъ даже не приводитъ и съ полнымъ правомъ, потому что они ничего не доказываютъ. Ибо одна часть относящихся сюда словъ находится также и въ другихъ языкахъ (что признаетъ и самъ Момзенъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ своей римской исторіи), а другая часть (напр. *milium*, *rapa*, *vinum*) представляетъ собой возможныя или вѣроятныя заимствованія изъ одного языка въ другой.

греческомъ и латинскомъ языкахъ существуютъ имена женскаго рода по второму склоненію, и согласіе въ удареніи. Между тѣмъ, если правильно то, что я старался доказать въ „Synt. Forsch.“ IV, 6 сл., а именно, что имена муж. р. на-τα перваго склоненія перешли изъ женск. въ муж. родъ только въ періодъ обособленной жизни греческаго языка, то аналогичный процессъ можетъ быть предполагаемъ и для указанныхъ выше словъ, а что касается законовъ ударенія, то, конечно, ясно, что въ италійскихъ языкахъ можно установить остатки древнѣйшаго способа акцентуаціи, откуда вытекаетъ, что законъ трехъ слоговъ не могъ получить господства въ доиталійское время. Во всякомъ случаѣ, на спорномъ предположеніи нельзя строить гипотезу такого значенія, какъ гипотеза первичнаго грекоиталійскаго единства.

Остается подождать, не удастся ли будущему достичь болѣе опредѣленныхъ результатовъ. А пока историки хорошо сдѣлаютъ, если будутъ воздерживаться отъ пользованія въ наукѣ такими группами языковъ и народовъ, какъ грекоиталійская, славяно-германская и т. п. [1]).

Заключеніе.

Придя къ концу нашего разсужденія, возвратимся на мигъ къ его началу, чтобы въ немногихъ словахъ сжато показать, какъ разрослись начатки, принадлежащіе Бопну. Какъ мы видѣли, Бопнъ поставилъ себѣ двѣ задачи: онъ хотѣлъ раскрыть возникновеніе флексіи и доказать въ подробностяхъ родство индогерманскихъ языковъ. Въ то же время мы видѣли, что Бопнъ, въ качествѣ сына философскаго вѣка, придавалъ главное значеніе

[1]) Въ новѣйшее время все болѣе и болѣе вѣроятнымъ дѣлается предположеніе, что индоевропейскій праязыкъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ распадался на два діалекта: восточный (откуда возникли языки индо-иранцевъ или арійцевъ, литво-славянъ, албанцевъ, армянъ, ѳракійцевъ и т. д.) и западный (предокъ германскаго, итало-кельтскаго, греческаго языковъ). Новѣйшія работы, посвященныя взаимнымъ родственнымъ отношеніямъ индоевропейскихъ языковъ: H. Hirt, «Die Verwandtschaftsverhältnisse der Indogermanen» (журналъ «Indogermanische Forschungen» т. IV. 1894, стр. 36—45); P. Kretshmer, «Einleitung in die Geschichte der Griechischen Sprache» (Геттингенъ. 1896. 8°. IV+428). *Прим. ред.*

разрѣшенію первой задачи. Его современники и непосредственные послѣдователи большею частью приняли, какъ было показано, его объясненіе флективныхъ формъ, такъ что можно было думать, будто бы оно представляетъ собой прочное завоеваніе науки. Только мало-по-малу явились сомнѣнія и проникли въ болѣе широкіе круги. Стали сознавать, сначала медленно, что дѣло идетъ о задачѣ, для разрѣшенія которой нужна смѣлость спекулятивнаго философа, задачѣ, не допускающей достовѣрнаго рѣшенія по самому своему характеру. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь идетъ объ умозрѣніяхъ, выходящихъ далеко за предѣлы тѣхъ временъ, изъ которыхъ до насъ доходятъ хоть какія-нибудь преданія. Поэтому понятно, что интересъ нынѣшнихъ изслѣдователей-реалистовъ отвратился отъ этой области языкознанія. Противникъ Бопповской теоріи агглютинаціи А. Г. Сэсъ (A. H. Sayce) выражаетъ это обстоятельство словами: „старую теорію агглютинаціи Боппа нужно считать мертвой" („the old Aglutinationstheory of Bopp must be considered as dead"). Я думаю, такой же приговоръ можно постановить и относительно теоріи адаптаціи. Время, когда интересовались этими послѣдними вопросами языкознанія, въ настоящую минуту миновало. Что оно когда-нибудь вернется опять, и что всѣ эти проблемы снова и много разъ будутъ разобраны съ высокаго уровня болѣе зрѣлаго общаго языкознанія, въ этомъ я не сомнѣваюсь [1]).

Въ извѣстной степени таковъ же ходъ изслѣдованій о родственныхъ отношеніяхъ индогерманскихъ языковъ. На основаніи скудныхъ чертъ сходства и различія, молодая наука установила родословное древо индогерманцевъ, которое историки при случаѣ принимали за чистую монету. Теперь, когда мы научились лучше цѣнить доказательную силу отдѣльныхъ моментовъ, мы довольствуемся установленіемъ нѣкоторыхъ немногихъ группъ, признавая, впрочемъ, глубокое сходство всѣхъ родственныхъ языковъ. Но важно отмѣтить, что это отступленіе не имѣетъ значенія для самой научной работы: масса сходныхъ чертъ въ области

---

[1]) Попытку подобнаго пересмотра представляетъ статья E. W. Fay, «Agglutination or Adaptation» въ «American Journal of Philology» (I. въ т. XV. 1894, стр 409—42, II. въ т. XVI, 1895 г. стр. 409—443), встрѣтившая критику V. Henry («Revue Critique» 23 дек. 1895). Отвѣтъ Fay—въ Amer. Journ. of Philol. т. XVII. 1896. Fay держится мнѣнія, что, въ виду односложности большинства индоевропейскихъ корней, необходимо притти къ заключенію о происхожденіи *многосложныхъ* индоевропейскихъ формъ путемъ агглютинаціи односложныхъ корней съ суффиксами мѣстоименнаго происхожденія. *Прим. ред.*

фонетики, морфологіи, синтаксиса, исторіи нравовъ и культуры еще далеко не исчерпана; еще будетъ время возвратиться къ вопросамъ о раздѣленіи народовъ, когда въ названныхъ областяхъ уйдутъ значительно дальше, чѣмъ мы теперь.

Совсѣмъ иную картину представляютъ намъ вторая изъ проблемъ Б о п п а. Шагъ за шагомъ мы прослѣдили, какъ послѣ робкихъ попытокъ наудачу былъ завоеванъ болѣе надежный методъ, и какъ удалось успѣшно затронуть одну задачу фонетики и морфологіи за другой, одинъ языкъ за другимъ. Сравненіе отдѣльныхъ данныхъ языковъ между собою, открытіе общихъ всѣмъ имъ черть, установленіе связи каждаго изъ нихъ съ этой общей основой, однимъ словомъ, историческое изслѣдованіе индогерманской семьи языковъ—вотъ задача сравнительнаго языкознанія, къ рѣшенію которой со времени Б о п п а оно дѣлается способнымъ, въ правильно возрастающей мѣрѣ. Удивительно, какихъ результатовъ въ этомъ отношеніи достигло остроуміе и прилежаніе ученыхъ, хотя въ то же время мы видимъ, что цѣлый рядъ почетныхъ задачъ остается и для будущаго времени.

Что этотъ ходъ развитія науки вполнѣ естественъ, не станетъ отрицать никто, кому хоть разъ сталъ ясенъ послѣдовательный ходъ научной работы въ любой отрасли знанія. Все, что я сказалъ въ этомъ заключеніи, можно было бы выразить также словами: **языкознаніе вступило изъ философскаго періода въ историческій.**

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ЯЗЫКОЗНАНІЯ

ВЪ

РОССІИ.

С. Булича.

Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи.

I. Рукописная грамматическая литература XIII—XVI вв.

Языкознаніе въ древней Руси, какъ и слѣдовало ожидать, носило вполнѣ опредѣленный подражательный характеръ. Работы грамматическаго содержанія, обращавшіяся у насъ и имѣвшія своимъ предметомъ, главнымъ образомъ, церковнославянскій языкъ, представляли собой почти исключительно рабскія подражанія византійскимъ образцамъ, шедшія къ намъ первично изъ южнославянскихъ земель—Сербіи и Болгаріи, а потомъ возникавшія и на русской почвѣ.

Первыя свѣдѣнія о церковнославянскомъ языкѣ и изобрѣтеніи славянской азбуки находимъ въ такъ называемыхъ „паннонскихъ легендахъ“ о жизни славянскихъ первоучителей св. Кирилла и Меѳодія, изъ которыхъ они были заимствованы и Несторомъ въ его „Повѣсть временныхъ лѣтъ“.

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ даетъ извѣстное сказаніе черноризца Храбра „О писменехъ“, относящееся къ X вѣку и извѣстное въ болгарскихъ редакціяхъ XIII—XIV в. и русскихъ спискахъ XV—XVII вв., прототипомъ котораго послужило аналогичное разсужденіе византійскаго грамматика Псевдо-Ѳеодосія.

Въ спискахъ XII в., и особенно часто XVI—XVII в., встрѣчается разсужденіе Іоанна, экзарха болгарскаго, о славянскомъ языкѣ, входившее въ составъ его предисловія къ переводу богословія св. Іоанна Дамаскина и трактующее о нѣкоторыхъ различіяхъ славянскаго языка отъ греческаго. Это разсужденіе является самымъ раннимъ источникомъ грамматическихъ трактатовъ, обращавшихся въ древней Россіи, и встрѣчается въ многочисленныхъ спискахъ. Большимъ распространеніемъ у насъ пользовалось также разсужденіе „о восьми частяхъ слова“, считавшееся многими (съ легкой руки Калайдовича) за переводъ грамматики Іоанна Дамас-

кина, сдѣланный Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ, въ X вѣкѣ. Горскій и Невоструевъ [1]), а затѣмъ и Ягичъ [2]), однако, доказали позднѣйшее происхожденіе этого разсужденія, приписаннаго Іоанну Дамаскину и Іоанну экзарху только потому, что въ старинныхъ сборникахъ оно обыкновенно помѣщалось рядомъ со статьями обоихъ названныхъ авторовъ. Разсужденіе это, по мнѣнію Ягича, составлено въ началѣ или первой половинѣ XIV в. въ Сербіи по очень позднимъ греческимъ образцамъ, точно покуда не опредѣлимымъ (разсужденія „о восьми частяхъ слова“ у грековъ не были рѣдкостью), затѣмъ перешло съ обыкновенною передѣлкою къ болгарамъ, отъ которыхъ, черезъ молдаво-валахскіе списки попало и къ намъ (русскія рукописи XVI—XVII в.). Въ 1586 г. въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей, статья о „восьми частяхъ слова“ была даже напечатана подъ заглавіемъ: „Кграматыка словеньска языка з газооплакіи славнаго града Острога власне отчизны яснѣ вельможнаго княжати и пана Константина Константиновича на Острогу“ (около 14 листовъ, большая рѣдкость). Статья „о восьми частяхъ слова“ весьма интересна, какъ первый образчикъ чисто грамматическаго разсужденія на славянскомъ языкѣ, гдѣ находимъ впервые славянскую грамматическую терминологію. Здѣсь встрѣчаются впервые термины: *имя* (*общее* и *собное*, т. е. собственное), *рѣчь* (т. е. глаголъ), *причастіе*, *различіе* (членъ), *мѣстоименіе*, *предлогъ*, *нарѣчіе*, *союзъ*; *имя* можетъ быть *мужское*, *женское* и *среднее*, имѣетъ *паденія* или *падежи*: *правый* (именит.), *родный* (родит.), *виновный* (винит.), *дательный*, *звательный*, которые различно „*скančавають ся*“, т. е. оканчиваются; есть и *числа*: *едино*, *двойно*, *множно*; глаголъ имѣетъ разныя *супружества* (спряженія), *времена* (въ томъ числѣ *настоящее*, *будущее*, *мимошедшее*, *протяженное*, *непредѣльное* и т. д.), *лица*, *залоги* (*дѣйствительный* и *страдательный*) и т. д.

Гораздо меньшимъ распространеніемъ у насъ пользовалось извлеченіе изъ обширнаго грамматическаго трактата знаменитаго Константина Философа или Грамматика, жившаго въ концѣ XIV вѣка при дворѣ сербскаго деспота Стефана Лазаревича и занимавшагося преимущественно вопросами графики, правописанія, обученія грамотѣ и т. п. Извлеченіе это, озаглавленное „Словеса вкратцѣ избрана отъ книги Константина“ и составленное (вѣ-

---

[1]) Въ «Описаніи слав. рукописей синод. библіотеки», т. II, 2. 311.

[2]) «Разсужденія южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ» въ «Изслѣдованіяхъ по русскому языку». Изд. отдѣленія русск. языка и словесн. Имп. Ак. Наукъ, т. I, 1895. (стр. 289—1070): стр. 325—328.

роятно однимъ изъ учениковъ Константина) очень плохо и безтолково (въ Сербіи), подверглось вторичной передѣлкѣ и у насъ, и въ этомъ видѣ, хотя и очень рѣдко, встрѣчается въ нашихъ рукописныхъ сборникахъ XVI—XVII в.

Въ XVI в. къ перечисленнымъ грамматическимъ трактатамъ прибавляются работы Максима Грека, какъ извѣстно, византійскаго ученаго, переселившагося въ Россію (род. около 1480 г. въ Артѣ, въ Албаніи, ум. въ 1556 г. въ Троицкой лаврѣ). Филологическимъ образованіемъ и чутьемъ Максимъ Грекъ безусловно превосходилъ вышеупомянутаго Константина Грамматика съ его рабской преданностью буквѣ и педантичнымъ уваженіемъ къ внѣшнимъ особенностямъ графики. Призванный для исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ (въ 1515 г.), Максимъ Грекъ въ своихъ статьяхъ, указывавшихъ разныя погрѣшности славянскаго перевода и предлагавшихъ исправленныя чтенія, очень часто прибѣгалъ къ грамматическимъ доводамъ и объясненіямъ, обнаруживавшимъ въ немъ знатока тогдашней грамматической науки, съ которой онъ, конечно, познакомился еще у себя дома въ примѣненіи къ родному языку, дополнивъ и расширивъ затѣмъ свое филологическое образованіе въ Италіи. Такимъ образомъ, въ его статьяхъ появились у насъ первые образчики филологической критики текста, стоявшіе вполнѣ на уровнѣ тогдашней европейской науки. Грамматическія экскурсіи являлись для него только средствомъ къ правильному возстановленію и истолкованію текста Св. Писанія. Тѣмъ не менѣе, благодаря имъ, онъ пріобрѣлъ репутацію лучшаго у насъ знатока грамматики, хотя и не оставилъ настоящихъ грамматическихъ работъ. Рядъ статей, принадлежавшихъ и приписывавшихся ему, неоднократно вносился въ разные наши грамматическіе рукописные сборники; нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи даже печатались, напр., въ московскомъ изданіи грамматики М. Смотрицкаго 1648 года, гдѣ въ качествѣ предисловія помѣщено его разсужденіе о пользѣ грамматики, а въ концѣ разныя другія статьи, приписываемыя ему. Статьи Максима Грека или имѣли характеръ общихъ разсужденій о греческомъ и славянскомъ языкахъ, ихъ красотахъ, достоинствахъ и трудностяхъ, или толковали значеніе разныхъ словъ, иногда же и затрагивали синтактическіе вопросы (употребленіе предлоговъ, союзовъ и т. д.). Занимали его и вопросы стихосложенія (разные виды акростиха) и т. д. Всѣ подобныя толкованія для громаднаго большинства тогдашнихъ русскихъ грамотныхъ людей являлись совершенной новостью, дотолѣ неслыханною на Руси, и снискали Максиму Греку славу перваго знатока и авторитета въ области грамматики. Отсюда распростране-

ніе его статей у насъ и приписываніе ему цѣлаго ряда грамматическихъ разсужденій, обращавшихся въ нашей рукописной литературѣ. Нѣкоторыя изъ такихъ апокрифическихъ статей, однако, могли принадлежать и самому Максиму Греку. Такъ въ одной рукописи XVI в. находится статейка, представляющая краткій очеркъ грамматики и ея содержанія, повидимому, несомнѣнно принадлежащая Максиму Греку и обнаруживающая знакомство его съ вышеупомянутымъ трактатомъ „о восьми частяхъ слова". Статейка эта находится въ связи съ весьма распространенной въ сборникахъ XVI—XVII вв. статьей «*Книга глаголемая буквы иже в началѣ от грамматикія о просодіяхъ*», трактующей о десяти просодическихъ названіяхъ и знакахъ, о правописаніи словъ, сокращаемыхъ подъ титлами, о формахъ глагола, о славянской грамотѣ вообще, потомъ опять о просодіяхъ, титлѣ и, наконецъ, о восьми частяхъ слова (въ двухъ редакціяхъ: пространной и сокращенной). Содержаніе названной статьи, какъ видно, пестрое, и сводка матеріала въ ней лишена всякой системы. Составлена она была, по мнѣнію Ягича (см. его статью, цитир. выше) въ сѣверо-вост. Россіи, частью изъ источниковъ очень древняго происхожденія (статьи о восьми частяхъ слова). Нѣкоторыя мѣста въ ней безусловно совпадаютъ съ аналогичными положеніями въ вышеупомянутой статейкѣ Максима Грека, что̀ свидѣтельствуетъ, по мнѣнію Ягича, о знакомствѣ Максима Грека съ нею.

Кромѣ того въ русскихъ граматическихъ сборникахъ XVI — XVII вв. имѣется большое количество анонимныхъ статеекъ грамматическаго содержанія, нѣкоторыя изъ коихъ также могли принадлежать Максиму Греку, тѣмъ болѣе что и встрѣчаются онѣ здѣсь рядомъ съ прочими статьями, дѣйствительно принадлежащими нашему грамматику. Терминологія грамматическая, встрѣчающаяся въ нихъ, интересна въ историческомъ отношеніи. Нѣкоторые термины болѣе близки къ современнымъ, чѣмъ обычно употребительные въ то время. Такъ вмѣсто обычныхъ русскихъ названій XVI в. „*звательныя*" и „*полузвательныя*" (повидимому переведенныхъ съ лат. vocales и semivocales) находимъ термины: „*гласовныя*" (=гласныя) и „*полугласовныя*" (полугласныя), „*согласовныя*" и даже „*согласныя*". Напротивъ общеупотребительный въ то время и удержавшійся до сихъ поръ терминъ *слогъ* замѣняется здѣсь словомъ „*складъ*", уцѣлѣвшимъ теперь лишь въ болѣе узкомъ значеніи и во множ. ч.: *склады, читать по складамъ*. Встрѣчаются и термины: *дифтонгъ* (им. множ. *дифтогги*), *долгій складъ* (т. е. долгій слогъ) и т. д. Нѣкоторыя статьи приписываются прямо Максиму Греку, какъ напр. статья въ одномъ

сборникѣ XVII в., озаглавленная: „О грамотикѝ Інока Максѝма грéка святогорца обявлено на топкословіе“ и встрѣчающаяся также и въ сборникахъ конца XVI в., гдѣ находимъ терминологію, подобную вышеприведенной: *письмена гласовная (дóлга, крáтка, двоѐвремéнна)*, *съгласовная* (*полугласовна*, *безгласна* [послѣднія дѣлятся на *тонка* = tenues, *часта* и *средня* = mediae]), *части* слова (8): *имя*, *рѣчь*, *причястіе*, *члѣнъ*, *вмѣстоимя*, *предлогъ*, *прирѣчіе*, *съюзъ*; изъ нихъ пять *клонятся* (склоняются), три же не *клонятся* (*предлогъ*, *прирѣчіе*, *союзъ*), имя имѣетъ *паденія* (падежи). Рядомъ, однако, находимъ и рядъ греческихъ терминовъ (названіе ударенiй; *оксіа*, *варіа*, *перісномени*, надстрочныхъ значковъ или просодій: *макра*, *врахіа*, *апострофóс* и т. д.). Статья эта повторяется во множествѣ рукописей и очевидно принадлежала къ весьма популярнымъ. Первоначально она имѣла въ виду особенности греческаго языка и письма, но въ нѣкоторыхъ рукописяхъ она передѣлана и приспособлена къ славянскому языку, причемъ эта передѣлка всегда помѣщалась передъ оригиналомъ. Грамматическая основа ея не представляетъ ничего оригинальнаго, чтó могло бы принадлежать именно Максиму Греку. Источникомъ ея служили весьма распространенныя въ Византіи коротенькія грамматическія статейки въ видѣ *Эротиматъ* (нѣкот. напечатаны Эгенольфомъ въ программѣ Мангеймской гимназіи за 1880 г.: „Erotemata grammatica ex arte Dionysiana oriunda etc“), восходившія въ концѣ концовъ къ грамматикѣ Діонисія Ѳракійскаго. Авторитетъ Максима Грека ставился очень высоко еще въ началѣ XVII в., и ему приписывали разные грамматическіе трактаты, очевидно ему не принадлежавшіе. Таковы и двѣ статьи, вставленныя анонимнымъ московскимъ издателемъ и передѣлывателемъ грамматики М. Смотрицкаго въ началѣ и концѣ его изданія. Вторая статья изложена въ видѣ разговора между Максимомъ и безъимяннымъ собесѣдникомъ, „вопросившимъ“ его о пользѣ „*граматикіи*, *риторикіи* и *философіи*“.

Начиная съ XVI в., въ нашихъ сборникахъ статьи грамматическаго содержанія (встрѣчавшіяся и въ XV в.) попадаются все чаще и чаще. По составу сборники эти весьма разнообразны, и составныя ихъ статьи встрѣчаются въ нихъ въ самыхъ различныхъ комбинаціяхъ. Единственнымъ общимъ признакомъ ихъ является безымянность. Только въ позднѣйшихъ рукописяхъ упоминаются имена нѣкоторыхъ авторовъ: извѣстныхъ грамматиковъ Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго, какого-то Евдокима, автора грамматики, Герасима Ворбозовскаго, или Палки, автора сочиненія о буквахъ и др. Въ вышеупомянутомъ трудѣ акад.

Ягича изданы слѣдующія статьи этого рода: „Начало грамоты греческой и русской“, „Пределовіе о буковницѣ, рекше о азбуцѣ“, „Написаніе языкомъ словенскимъ о буквѣ и о ея писменехъ, рекше о азбуцѣ и о ея словехъ разсужденіе и свѣдѣтельство“, „Имена знаменію книжнаго писанія и о ея силѣ, сведено вкратцѣ“, „Написаніе языкомъ словенскимъ о грамотѣ и о ея строеніи, в неиже о буквѣ и о ея писменехъ, вопрошанія учителская, яко в лице ученическо и отвѣщанія ученическа, яко в лице учителско“, „Бесѣда о ученіи грамотѣ: что есть грамота и что ея строеніе, и чесо ради составися таковое ученіе и что от нея приобрѣтеніе и что прежде всего учитися подобаетъ“, „Сказаніе грамотичнымъ степенемъ, до колика степенеи азбучнои слогъ всходитъ“, „Написаніе буковницы, рекше азбуки, четыредесяти пяти буквъ, на утвержение хотящимъ в началѣ навыкнути божественая писанія“, „О верхней силѣ еллиньскои“ (о надстрочныхъ значкахъ), „Указаніе книжныя силы в кратцѣ иже пишется в книгахъ над буквы в срокахъ (т. е. строкахъ) для исправленія звателнаго разума к которой же пословицы“, „Сила существу книжнаго писма“, „О множествѣ и о единствѣ“ (объ употребленіи разныхъ по начертанію, но имѣющихъ одинаковое звуковое значеніе буквъ славянской азбуки, напр. о и ѡ, ѕ и з и т. д.), „Сила существу книжнаго писанія“, „Книга глаголемая буквы иже в началѣ отъ грамматикія о просодіяхъ о еже како во святыхъ книгахъ кійждо пословица писати и глаголати“, „О еже како просодія достоитъ писати и глаголати“, разныя редакціи сказанія „о осми частехъ слова“, приписываемаго Іоанну Дамаскину, „Сказаніе триемъ частемъ слова оставшимъ отъ осми частей слова“, „Написаніе о надеже̃хъ с тонкословіемъ, извитіе словесъ отъ осмичастнаго разумѣнія“, „Азбука сотворена по алое, еже есть по скоростихіи, како которая буква глаголется и на колько дѣлится рѣчь и пословица и в колико съчетается“, „Анонма архимандрита святыя голгофы о силе книжней яже надъ коегождо рѣчію пишется отъ просодія“, „Наказаніе ко учителемъ како имъ учити дѣтей грамотѣ и дѣтемъ учитися божественному писанію и разумѣнію“ и нѣкот. др. менѣе крупныя по объему или лишенныя заглавія.

Содержаніе этихъ статей сводится къ слѣдующимъ главнымъ вопросамъ: 1) о просодіяхъ, т. е. надстрочныхъ значкахъ и о разныхъ знакахъ препинанія, попутно также нѣсколько замѣчаній о почеркахъ письма; 2) объ ороографіи и ороэпіи, т. е. о правильномъ (съ точки зрѣнія древней теоріи) употребленіи различныхъ буквъ, о сокращеніи извѣстныхъ словъ подъ титлами и правильномъ чтеніи

такихъ сокращеній; 3) о классификаціи гласныхъ и согласныхъ по ихъ положенію въ словѣ или физіологическимъ свойствамъ; 4) о грамматическомъ анализѣ словъ на основаніи теоріи о восьми частяхъ слова. Грамматическій матеріалъ этихъ статей основанъ почти исключительно на греческой грамматической теоріи, источники которой, однако, не всегда могутъ быть прослѣжены, и только изрѣдка въ нѣкоторыхъ терминахъ обнаруживается вліяніе латинской грамматики (буквы „звательныя" и „полузвательныя" ближе напоминаютъ латинскіе термины „vocales" и „semivocales", чѣмъ греческія φωνήεντα и ἡμίφωνα). Источникомъ, откуда могло попадать къ намъ это вліяніе, могла быть русская передѣлка латинской грамматики Доната или „Донатуса", извѣстная у насъ въ нѣсколькихъ спискахъ.

Особаго интереса заслуживаютъ тѣ части этихъ грамматическихъ разсужденій, въ которыхъ мы находимъ первые зачатки фонетики и физіологіи звука. Разумѣется, эти начатки очень наивны и нерѣдко носятъ характеръ совершенно произвольныхъ, ни на чемъ реальномъ не основанныхъ, мудрованій, но иногда мы встрѣчаемся или съ попытками тонкаго различенія звуковъ рѣчи по акустическому впечатлѣнію, производимому ими, или съ неожиданными проблесками безсознательнаго чутья, схватывающаго извѣстныя различія, но не умѣющаго еще правильно ихъ формулировать и выразить въ точной терминологіи. Гласныя дѣлятся на *долгія* и *краткія* или *тонкія* (заимствовано изъ греческой теоріи). По звуку или по „гласу" гласныя характеризуются такъ: а = гласъ „простъ", є = гласъ „скуденъ", и = „узокъ", о = „остръ", ꙋ = „пространенъ", ъ = „толстъ и кратокъ", α = „назнаменателенъ", є = „доволенъ", і = „плоскъ", ѡ = „гладокъ и логоватъ", оу = „доволенъ", ж = „гугнивъ и произволенъ", ь = „тонокъ и кратокъ", ѧ = „внятеленъ", ѣ = „гибокъ", ы = „широкъ", ѿ = „затиничивъ", ю = „крѣпокъ", ѵ = „неуставенъ", и ӥ = „сокращенъ и опровержонъ". Эти странныя характеристики, имѣющія претензію быть тонкими, частью быть можетъ восходятъ къ греческому источнику, но рядомъ очевидно имѣются и доморощенныя опредѣленія, какъ напримѣръ для извѣстныхъ звуковъ, или сочетаній, греческому языку чуждыхъ: ъ, ь, ж, ѧ, ѣ, ы, ю и т. д. Другіе термины лишены повидимому всякаго реальнаго основанія. Таково, напримѣръ, различеніе „назнаменательныхъ" а, є, и, о, у, или „начальнѣйшихъ" а, є, і, ѡ, у, „внятельныхъ" (ѧ, ѣ, ы, ѡ, ю) или „тѣмъ способныхъ" (а, є, и, о, у). Насчитывается

также пять „полныхъ“ (а, і, є, ѿ, у) и восемь „самоособныхъ“ (ѿ, ы, ѣ, ю, ѡ, ꙁ, ь, й). Гласные ж ѵ въ одномъ разсужденіи называются „подданными“, въ другомъ „произвольными“. „Полузвательные“, или согласные, раздѣляются, согласно греческой классификаціи, на: „полугласные“ (ж, з, ѯ, ѱ, л, м, н, ρ, с, ш, щ) и „несогласные“ (всѣ остальные). Среди нихъ различаются также: „сугубыя“ (ж, з, ѯ, ѱ), „непремѣнныя“ или „мокрыя“ (ср. лат. liquidae): л, м, н, ρ, „тонкія“ (лат. tenues): к, ц, ч, п, т, „частыя“ (ѳ, ѱ, χ) и „среднія“ (mediae): б, в, г, д. Кромѣ того рядомъ идетъ классификація по акустическому впечатлѣнію, нѣкоторые пережитки которой до сихъ поръ еще держатся въ нашей школьно-грамматической терминологіи: „грубыя“ (б, в, г, д или б, п), „шепетливыя“ (ср. теперешній терминъ „шипящія“): ж, ч, ш, или только ж, ш; „сипавыя“ (теперь „свистящія“): ѕ з ц с или ѕ з с ѯ ѱ; „свиблывыя“ (в, ф, ѳ), „громныя“ (к п ρ т или только д т) иначе также „простыя“ и „легкія“; „нѣмыя“ (л, м, н), „натужныя“ (ф, χ, ѳ или только г χ, которыя называются также „гугнивыми“), „гласныя“ (ѿ щ ѯ ѱ), „ясныя“ щ ѯ ѱ или ц ч ш), „кортавыя“ (к, ρ) [1]). Какъ видно, одни и тѣ же звуки согласные могли фигурировать въ разныхъ рубрикахъ этой классификаціи, въ значительной степени произвольной. Рядомъ, однако, находимъ и мѣткія наблюденія. Замѣченъ, напримѣръ, параллелизмъ глухихъ и звонкихъ согласныхъ, означенный терминомъ „сходительныя“. Такъ „сходительны“ другъ съ другомъ б и п, в и ф, г и χ (очевидно г произносилось, какъ спирантъ = малорусск. *г* или нашему *г* въ *Бога, благо*), д и т, ж и ш, з или ѕ и с, ц и ч. При этомъ звонкіе звуки (б в г д ж, ѕ—з) получаютъ названіе „чистыхъ“ (очевидно по своей музыкальности, зависящей отъ участія въ ихъ образованіи голосоваго тона), а глухіе п, ф — ѳ, χ, т, с, ш, ч называются „тусклыми“—термины, немногимъ худшіе нашихъ современныхъ тоже описательныхъ терминовъ „глухіе“ и „звонкіе“

Рядомъ съ этими грамматическими статьями, распространенными въ довольно многочисленныхъ рукописныхъ сборникахъ

---

[1]) Ср. терминологію въ грамматическомъ отдѣлѣ «азбуковника» XVII в., описаннаго Д. Л. Мордовцевымъ въ его статьѣ «О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.»: «Чтенія Имп. Общ. Ист. и древн. росс.». М. 1861, кн. 4 и отд. М. 1862.

XV—XVII вв. въ средней (московской), вост. и сѣв. Россіи, шедшими изъ Византіи и можетъ быть только въ нѣкоторыхъ частностяхъ представлявшими плодъ доморощенной грамматической мудрости, съ XVI в. появляется новый источникъ грамматическаго знанія, имѣющій западно-европейское происхожденіе и занесенный, очевидно, благодаря сношеніямъ Москвы съ Европой, возникшимъ въ XVI в. Это — упомянутая уже выше латинская грамматика Доната, передѣланная у насъ на Руси. На западѣ она пользовалась большимъ распространеніемъ, и потому имя ея автора Доната, извѣстнаго римскаго грамматика IV в. по Р. Хр., сдѣлалось нарицательнымъ именемъ всякой латинской элементарной грамматики вообще. Учебниковъ, носившихъ такое названіе, было очень много и разнились они другъ отъ друга не столько содержаніемъ, сколько формой изложенія. Всѣмъ позднѣйшимъ передѣлкамъ Доната, въ отличіе отъ подлинника, свойственна діалогическая форма, встрѣчающаяся, впрочемъ, уже въ приписываемой самому Донату „Ars minor“. Подобная передѣлка попала какъ-то къ извѣстному толмачу Дмитрію Герасимову, ѣздившему съ посольствами вел. кн. Василья IV въ Швецію, Данію, Пруссію, Вѣну и Римъ и знавшему не только нѣмецкій языкъ, но и латинскій. Дмитрій толмачъ перевелъ Доната, но его переводъ сохранился только въ позднѣйшихъ спискахъ, относящихся ко второй половинѣ XVI в. и имѣющихся въ библіотекахъ казанскаго университета (полнѣйшій) и императорской публичной. Рядомъ имѣлись и другія передѣлки Доната (немногочисленныя). Казанскій списокъ замѣчателенъ тѣмъ, что писанъ, по словамъ переписчика, „единымъ русскимъ языкомъ, без латиньскаго, да бы прочитающимъ ю и учащимся въ неи болѣе разумно было“, и только въ концѣ приложены въ качествѣ образца латинскія молитвы (русскими буквами). Такимъ образомъ всѣ примѣры латинскихъ склоненій, спряженій и оборотовъ приводятся, за рѣдкими исключеніями, въ переводѣ. Обстоятельство это позволяетъ думать, что для неизвѣстнаго передѣлывателя Дмитріевъ переводъ Доната являлся не столько руководствомъ къ изученію латинскаго языка, сколько источникомъ грамматической мудрости вообще и научной грамматикой русскаго языка, втиснутаго (вполнѣ механически) въ рамки латинской грамматики. Наиболѣе полный списокъ Доната, принадлежащій казанской университетской библіотекѣ, снабженъ предисловіемъ, въ которомъ повидимому самъ переводчикъ сообщаетъ о времени составленія своего труда, предпринятаго еще въ то время, когда онъ учился въ училищѣ латинскому и нѣмецкому языкамъ. Занятый потомъ „суетами жизни“, онъ не имѣлъ

времени переработать и исправить свою работу, которая, впрочемъ, ни для кого и не могла быть интересной по его словамъ („а здѣ се того и не пытаютъ"). Кромѣ предисловія, казанскій списокъ содержитъ въ себѣ еще небольшое „сказаніе о буквахъ", напоминающее нѣсколько главу de littera изъ сочиненія Доната „Ars grammatica" (такъ-наз. „Ars major"). И предисловіе, и это сказаніе отсутствуютъ въ петербургскомъ спискѣ Доната. Въ основу же главнаго ядра названной передѣлки Доната легла его такъ-наз. „Ars minor", какъ это видно изъ заглавія настоящаго „Донатуса", находимаго въ казанскомъ спискѣ: „Книга, глаголемая Донатусъ меншей, в ней же беседует о осми частех вѣщания, спрѣч о имени, о проимени, о словѣ, о предлозѣ слова, о причастиі слова и имени, о соузѣ, о представлении, і о различиі, еяже учатъ ученицы новоначалниі послѣ азбуки и т. д." (въ петербургскомъ спискѣ пропущено только слово „меншей"). Какъ источникъ для исторіи нашей грамматической терминологіи, эта передѣлка Доната представляетъ безспорно большую цѣнность. Такъ здѣсь находимъ уже имя „собственное" (примѣры: *Римъ, Тиверъ,* т.-е. р. Тибръ) или „сущее" (лат. proprium) и „общее" *(градъ, рѣка)* или „нарицательное". Различаются три „степени прилаганія" (gradus comparationis): „положителная" (напр. *ученъ),* „прилагателная" (т.-е. сравнительная, какъ напр. *„ученѣе")* и „надприлагателная" или „превышняя", т.-е. превосходная *(преученнѣише).* „Кои имена прилагаются" (т.-е. прилагательныя)— выражаютъ „качество" (напр. *благъ, добръ)* или „количество„ *(великъ, малъ),.* Родовъ различается четыре: мужескій, женскій, „посредній" (примѣръ: *сие сѣдалище)* и общій (примѣръ: *сей и сиа человѣкъ).* Послѣдній называется также „смѣшенымъ" или „смѣсным" (примѣры: *сей и сиа орелъ, лисица, коршунъ).* Чиселъ только два (въ лат. не было двойственнаго). Различаются простыя или *„по русски единорядныя"* формы („образы"), какъ напр. *мощенъ, вѣренъ* и „сложныя" *(велемощенъ, достовѣренъ, немощенъ* и т. д.). „Паденій"—шесть: „имянователное" или „правое по гречески", „родственное", „дателное", „виновное", „звателное" и „отрицателное" (ablativus) [1]). Парадигмы склоненія („уклоненія" или „укланянія") называются „образцами" или „подобниками" и даютъ понятіе, какъ „уклоняется" то или другое имя. При этомъ иногда приводятся подлинныя латинскія формы склоненія, боль-

---

[1]) Такова же терминологія надежей въ «Азбуковникѣ» XVII в., описанномъ Д. Л. Мордовцевымъ (см. цитир. выше его статью). Спряженія здѣсь называются «супружествами» (conjugatio).

шею же частію въ русскомъ переводѣ. Мѣстоименіе здѣсь называется „проименіемъ“ (лат. pronomen), и различаются слѣдующіе его виды: „укончалное“ (pronomen finitum), „члѣновное или малочастное, предложное или указателное“ (pronomen articulare praepositivum vel demonstrativum), „подложное“ или „преносное“ (subjunctivum vel relativum), „наслѣдователная“ (possessiva). Глаголъ называется „словомъ“ (verbum), имѣетъ „качество, согласие, родъ, число, образъ (forma), время, лице, чины и залоги (modi)“; различается „указателный чинъ“ (indicativus), т.-е. изъявительное наклоненіе, „повелителный“ (imperativus), „сложный“ (conjunctivus), „желателныи“ (optativus), „некончалныи“ (infinitivus), „безличныи“; глагольные „образы“ (виды): „совершеныи“ или „съвръшителныи“ (perfecta), „любомудрственыи“ или „поучателныи“ (meditativa), „прилежныи“ или „поглумятелныи“, „учащаемыи“ (frequentativa), „начинателныи“ (inchoativa), залоги („слова“ или „роды“), „дѣлный“ (activum), „посредственыи“ (medium), „терпѣлныи“ или „страдалныи“ (passivum), общій и „отложный“ (deponens); времена: „настоящие“, „минувшее“ („несовершеное“, „совершеное“ и „пресовершеное“ = imperfectum, perfectum и plusquamperfectum) и „грядущее“. Въ приложеніи къ собственно „Донату“ находятся статьи: 2) „И по семъ ино ученіе предлагаеть учитель и показуеть в кое время и от какова ученика чести се имѣют“ (родъ практическихъ наставленій и указаній учащему, какъ вести преподаваніе), 3) „Правила или уставы граматичныо меншие“ (рядъ простѣйшихъ синтактическихъ правилъ о согласованіи и конструкціи. Латинскій оригиналъ находится въ приложеніи къ грамматикѣ Александра и Доната, изд. 1520 г. и носитъ здѣсь заглавіе: Regule congruitatum. Constructiones и т. д.), 4) „Послѣдуется о устроениіхъ или уряжениіхъ. коньструкено: урядъ“ (также синтактическія правила).

Были и другія передѣлки Доната, напр. „Книга глаголемая Грамматикіа меньшая“, (рки. 972 Румянцовскаго музея), представляющая рядъ передѣлокъ и дополненій, сравнительно съ казанской редакціей, сдѣланныхъ подъ вліяніемъ статьи о восьми частяхъ слова. Какъ образчикъ передачи латинскихъ текстовъ славянскими буквами, приведемъ одну изъ молитвъ, находящихся въ концѣ казанскаго списка Доната:

(Г)рациасъ агиму^с тіби домине езѹ крте про ѹниве^рси^с донисъ акъ бенефиціисъ туисъ, кви вивисъ ет регнасъ и^н секулѧ секѹлорѹ^м, аменъ (рядомъ съ каждымъ такимъ текстомъ стоитъ и славянскій переводъ).

Въ связи съ разсмотрѣнной передѣлкой Доната находится и „Книга глаголемая простословія, некнижное ученіе грамотѣ, избрана нѣкоторою безнадежною сиротою, скитающеюся безпокоя, Евдокимищемъ препростымъ“ и т. д., относящаяся къ концу XVI в. Сочиненіе это компилятивнаго характера и въ своей фонетико-ороографической части основано на многочисленныхъ, перечисленныхъ выше грамматическихъ статейкахъ, которыя неизвѣстный Евдокимъ пытался свести въ одно цѣлое, а въ морфологической на извѣстной уже намъ русской передѣлкѣ Доната. Въ другомъ спискѣ (второй половины XVII в.), нѣсколько отличающемся отъ списка XVI в., авторомъ трактата названъ столь же неизвѣстный Боголѣпъ, который, вѣроятно, воспользовался компилятивнымъ трудомъ Евдокима, если только оба они не одно лицо, носившее два имени (монашеское и свѣтское). Кромѣ этихъ рукописныхъ текстовъ грамматическаго содержанія, восходящихъ къ рукописнымъ же источникамъ, въ XVII в. у насъ обращалось много другихъ рукописныхъ разсужденій, черпавшихъ свою ученость уже изъ печатныхъ грамматикъ Лаврентія Зизанія, Адельфотиса и т. д., о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Подробное изслѣдованіе и характеристику только что перечисленныхъ образчиковъ нашей рукописной грамматической литературы, вмѣстѣ съ изданіемъ самихъ текстовъ, можно найти въ цитированномъ выше обширномъ трудѣ акад. Ягича, на которомъ и основывается наше изложеніе. Вторая часть изслѣдованія, обѣщанная Ягичемъ, но еще не вышедшая, должна содержать въ себѣ обзоръ старопечатныхъ славянскихъ грамматикъ и рукописной литературы, на нихъ основанной.

II. Древне-русскіе глоссаріи-азбуковники.

Рядомъ съ разсмотрѣнными выше образцами грамматической учености, большимъ распространеніемъ у насъ пользовались такъ называемые *азбуковники* или *алфавиты иностранныхъ рѣчей*, соединявшіе въ себѣ обыкновенные словари чужихъ или вообще непонятныхъ словъ съ своего рода энциклопедіею, куда вносились въ азбучномъ порядкѣ (и безъ него) разныя интересныя свѣдѣнія. Въ болѣе позднее время (уже въ XVII в.) „азбуковниками“ назывались даже просто разные школьные учебники или руководства, въ которыхъ въ большей или меньшей степени соблюдался алфавитный порядокъ изложенія [1]). Алфавитами иногда назывались и грамматическія

---

[1]) Ср., напр., азбуковники, описанные Д. Л. Мордовцевымъ въ его статьѣ

руководства. Таковъ, напримѣръ, алфавитъ начала XVII в., изданный Калайдовичемъ („Іоаннъ, Ексархъ болгарскій". Москва, 1824) и носящій заглавіе: „Алфавитъ, како которая рѣчь говорити или писати", гдѣ мы находимъ родъ руководства по ороографіи и грамматикѣ, изложеннаго въ алфавитномъ порядкѣ. Другіе алфавиты, напротивъ, представляли собой уже настоящіе глоссаріи, какъ, напримѣръ, алфавитъ XVI—XVII в., цитированный у Срезневскаго въ его „Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка" подъ этимъ словомъ: „алфавитъ си есть толкованіе иностранныхъ рѣчіи". Названіе „азбуковникъ", какъ думаетъ Срезневскій („Матеріалы" s. v.), стало примѣняться для обозначенія словаря въ тѣсномъ значеніи слова не раньше XVI в., хотя въ смыслѣ сборника, вообще расположеннаго въ азбучномъ порядкѣ, встрѣчалось и раньше (въ XV в). Впослѣдствіи является и терминъ „лексиконъ", напр., въ азбуковникѣ Московской Синод. Библіотеки 1654 г. (№ 353; выдержки напечатаны въ „Историч. Хрестоматіи" Буслаева), гдѣ находимъ „*предисловіе лексикона, сирѣчь собраннымъ рѣчемъ по азбуцѣ*", за коимъ слѣдуетъ „*предисловіе алфавита толковаго*". Обычное названіе такихъ словарей — *алфавитъ иностранныхъ рѣчей*—встрѣчается очень часто въ XVII в., къ которому относится большая часть азбуковниковъ, и въ XVIII в.

Древнѣйшіе представители этого типа литературы имѣютъ болѣе узкій, опредѣленный характеръ настоящихъ глоссаріевъ; энциклопедическое же направленіе приняли азбуковники уже позже (съ половины XVI в.)[1]). Еще въ „Изборникѣ Святослава" 1073 г. мы встрѣчаемъ нѣкоторыя главы, напоминающія будущіе азбуковники. Тамъ находимъ въ немъ главы о 12 „*камыку*" или камняхъ, гдѣ объясняются понятія, выражаемыя иностранными словами *змарагдъ*, *анфраксъ* (имена камней) и т. д. Въ оглавленіи второй части „Изборника" находимъ главу 25-ю «имена великыхъ рѣкъ», отсутствующую въ текстѣ, но очевидно аналогичную подобнымъ позднѣйшимъ перечнямъ разныхъ замѣчатель-

---

«О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.», въ «Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и древн. Росс.». М. 1861, кн. 4 и отд. М. 1862.

[1]) Объ азбуковникахъ см. Буслаевъ, «Дополненія и прибавленія ко 2-му тому «Сказаній Сахарова» въ 1 кн. «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній Калачева» за 1850 г.; статью «Объ источникахъ свѣдѣній по различнымъ наукамъ, въ древнія времена Россіи», въ «Правосл. Собесѣдникѣ» 1860 г., кн. 1; Ширскаго «Очеркъ древнихъ славянорусскихъ словарей» въ «Филолог. Запискахъ» 1869 г., кн. 1—2; Баталина, «Древнерусскіе азбуковники», тамъ же, 1873, вып. 3—5; наиболѣе полный обзоръ у Карпова, «Азбуковники или алфавиты иностр. рѣчей по спискамъ соловецкой библіотеки» въ приложеніи къ «Правосл. Собесѣднику» 1877 г.

ныхъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ азбуковникахъ. Такой же характеръ имѣютъ главы „о естьствѣ", „о собьствѣ", „о лици", „о различии", „о сълучаиии", „о количьствѣ" („количьство оубо есть сама та мѣра мѣрянштия и чьтуштия колико еже подъ чисменьмь и мѣрою подьложить рекъше мѣримая и чтомая" и т. д.), „о качьствѣ" («качьство есть въсущьная сила» и т. д.), или глава 165-я: „Георьгия Хуровоска о образѣхъ": творьчистии образи соуть 27: инословие, прѣводъ, непотрѣбие, приятие, прѣходьное, возвратъ, съприятие, сънятие, именотворие, вънменомѣстьство, отъимение, вснятословие, округословие, нестатъкъ, лихорѣчие, притъча, прикладъ, отъдание, лицетворие, сълогъ, поругание, видъ, послѣдословие". Вездѣ здѣсь выясняется значеніе словъ, или выражающихъ общія, отвлеченныя понятія (качество, количество и т. п.), или имѣющихъ опредѣленное техническое употребленіе, какъ перечисленные риторическіе термины, переведенные съ греческаго, но все таки неудобопонятные. Примѣромъ объясненій, встрѣчающихся здѣсь, можетъ служить слѣдующее: „инословие убо есть ино нѣчто гл҃юшти а инъ разумъ указаюшти и т. д." Съ подобными объясненіями имѣетъ извѣстную связь первая попытка составить словарь непонятныхъ именъ (преимущественно еврейскихъ) и словъ, дошедшая до насъ въ Новгородской Кормчей 1282 г. подъ заглавіемъ: «Рѣчь жидовскаго языка преложена на рускую, неразумно на разумъ, и въ Еван҃глихъ, и въ Ап҃лхъ, и въ Псалтыри, и въ Пармиѣ и въ прочихъ книгахъ" [1]). Большую часть встрѣчаемыхъ здѣсь словъ составляютъ собственныя имена, частью объясняемыя уже въ самой Библіи, въ родѣ Акелдама, Гедеонъ, Петръ, Павелъ, Лука, Агарь, Авессаломъ, Марія, Роовь, Филипъ, Голгофа, Іерихонъ и т. д. Но кромѣ того сюда вошли и нѣкоторыя греческія имена и слова (Андрей, адъ, хризма, олтарь) и даже славянскія или русскія, которыхъ составитель не отличалъ отъ еврейскихъ (черепа=куща, ковъ=лесть, бритва=стриголникъ, неключно=ненадобѣ, тина=грязь, зѣло=велми, рогъ=сила, степень=лѣствица и т. д.). Въ число непонятныхъ словъ попали и разныя слова, употребленныя метафорически: псалтирь=умъ, гусли=языкъ, тумпанъ=гласъ, ликъ=мысль, кюмвалъ=образъ человѣчь и т. д. Всѣхъ словъ, объяснявшихся такимъ образомъ, было 174. Расположены они были не въ азбучномъ порядкѣ, а какъ придется. Впослѣдствіи число ихъ было доведено переписчиками до 344.

---

[1]) Изд. Калайдовичемъ въ его изслѣдованіи «Іоаннъ, Ексархъ Болгарскій» Москва, 1824, стр. 193—195.

Къ 1431 году относится второй новгородскій словарь (при книгѣ „Іоаннъ Лѣствичникъ“, писанной въ Новгородѣ „на горѣ Лисичьей“), болѣе обширный и озаглавленный: „Тлъкованіе неудобь познаваемомъ въ писаныхъ речемъ, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ началныихъ преводникъ ово Словенскы, и ино Сръбскы, и другаа Блъгарскы и Гръчьскы, ихже неудоволишася преложити на Рускый» [1]). Въ оригинальномъ видѣ словарь этотъ заключалъ всего 61 слово, но въ позднѣйшихъ спискахъ число ихъ возросло до 200. Частью встрѣчаемъ здѣсь объясненіе тѣхъ же отвлеченныхъ выраженій, которыя объясняются въ Изборникѣ Святослава (качьство, количьство, свойство) или подобныхъ имъ (*обавленіе*=явленіе; *художьство*=хытрость; *доблесть*= крѣпость, мужьство, лукавъство; *самолюбіе*=еже къ тѣлу страсть и угодное тому и т. д.), частью непонятныхъ устарѣлыхъ или инославянскихъ выраженій (*свѣне*=кромѣ, и наоборотъ *кромство*= освѣнство, *бъхма* = весьма, *пъваніе* = дрьзновеніе, *тезъ* = едино, *презь*=чрезь, *анюнь*=туне, рекше даромъ, *цѣща*=ради, *узрокъ*= вина, *жупища*=гробища, *хухнаніе*=роптаніе хулное и т. д.). Иностранныхъ словъ немного: *Ипостась*=съставъ, *нафоа*=смѣшеніе лои и смола, *ваіа*=прутіе финиково, *милотарь*=кожа овчаа. Алфавитнаго порядка и въ немъ не находимъ.

Словарь этотъ послужилъ источникомъ для позднѣйшихъ нашихъ словарныхъ работъ. Однимъ изъ лексикографовъ, пользовавшихся имъ, былъ Вассіанъ Возмицкій, жившій въ XVI в., составитель Сборника, принадлежащаго Моск. Румянцевскому музею (Рки. № 1257, пис. полууставомъ на 433 лл. На первомъ листѣ заглавіе „Сборникъ старца Васьяна Кошки“. Въ послѣсловіи: „Соборникъ письмо інщаго Васіяншики, ученика старца Фатея Касіянова, ученика Босово, и т. д.“). Здѣсь среди другихъ статей помѣщенъ краткій словарь съ тѣмъ же заглавіемъ, какъ у Новгородскаго словаря 1431 г., но распадающійся на двѣ части. Первую составляетъ словарь 1431, а за нимъ слѣдуетъ статья, озаглавленная: „а се имена Господня, еже обрѣтаемы въ святыхъ книгахъ отъ греческаго языка и отъ еврейскаго и отъ сирскаго и отъ словенскаго“, и почерпнутая изъ другихъ источниковъ. Здѣсь объясняются имена: *Іисусъ, Адонаи, Еммануилъ, Маріамъ*, слова: *одигитріе, лампада*, названія разныхъ церковныхъ сановъ: *патріархъ, митрополитъ* и т. д., литературные термины: *патерикъ, алфавитъ* и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ перечень именъ: „а се

---

[1]) Изд. также Калайдовичемъ («Іоаннъ, екзархъ болгарскій». Москва, 1824. стр. 196—197).

имена Богу... тріемъ царемъ... другомъ Іевовымъ... разбойникомъ... прободыйи Господа копьемъ... раба дверница, ея же ради отвержеся Петръ... Семіоновы дѣти Богопріимца... а дѣлалъ крестъ Господень" и т. д. Дальше слѣдуетъ „приточникъ": „сіе же приточникъ речеся", заимствованный частью изъ новгородскаго словаря XIII в. Здѣсь находимъ толкованіе разныхъ метафорическихъ и аллегорическихъ выраженій; *псалтырь*—умъ, *гусли*—языкъ, *тимпанъ*—гласъ, *струны*—персты, *труба*—горло и т. д. Затѣмъ опять слѣдуютъ имена волхвовъ, „иныя рѣчи" (слова *хризма*, *катапетазма*, *краніево мѣсто*, *пасха*, *сканда*), имена городовъ (*Капернаумъ*, *Іерихонъ*, *Виолеемъ* и т. д.). Заключается азбуковникъ Вассіана объясненіемъ нѣсколькихъ еврейскихъ словъ, заимствованныхъ изъ словаря Новгор. кормчей 1282 г., которымъ онъ, однако, воспользовался лишь отчасти. Въ свою очередь его трудъ послужилъ источникомъ для позднѣйшихъ пространныхъ азбуковниковъ, гдѣ опять повторяются статьи въ родѣ: „а се имена Богу, тремъ разбойникамъ, волхвамъ" и т. д.

На сборникъ Вассіана весьма похожи азбуковники Московск. Синод. Библіотеки XVI в. (рки. № 717 и № 421). Въ первой азбуковникъ озаглавленъ: „Сказаніе невѣдомымъ рѣчемъ, еже обрѣтаемъ въ святыхъ книгахъ отъ греческаго языка, и отъ еврейскаго, отъ сирскаго и отъ словенскаго". ($9^1/_2$ лист. in. 4°). Сначала здѣсь идутъ греческія и еврейскія собственныя имена, затѣмъ иностранныя слова, встрѣчающіяся въ Св. Писаніи (*Еммануилъ*, *осанна*, *лампада*, *аминь*, *пасха* и др.), далѣе слѣдуетъ статья „сіе же приточне речеся", одинаковая съ „приточникомъ" Вассіана (изъ Новг. словаря XIII в.) и толкованіе разныхъ собственныхъ именъ (рѣкъ, городовъ, главнымъ образомъ библейскихъ). Въ концѣ находятся статьи: „а се имена Богу, волхвомъ перситскимъ, разбойникомъ" и т. д., имѣющіяся и у Вассіана. Второй азбуковникъ (№ 421) нѣсколько бѣднѣе перваго, но источники у обоихъ одинаковые. Отъ Вассіанова сборника они отличаются тѣмъ, что воспользовались вполнѣ и словаремъ 1282 г. (новгор. Кормчей), который у Вассіана вошелъ только частью.

Къ концу XVI в. относится первый печатный словарь: „Лексисъ, сирѣчь реченія, въ кратцѣ събранны и изсловенскаго языка на просты Русскій діялектъ истолкованы", приложенный къ славянской грамматикѣ священника Лаврентія Зизанія Тустановскаго (изд. 1596) [1]). Словарь этотъ содержитъ 1061 слово, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ и почти исключительно

[1]) Перепечатанъ (плохо) Сахаровымъ: «Сказанія русскаго народа», т. II.

славянскія. Источники его неизвѣстны; хотя въ немъ и встрѣчается нѣсколько словъ изъ новгородскаго словаря 1431 г., но отсюда нельзя сдѣлать заключенія, что Зизаній въ числѣ прочихъ источниковъ пользовался и этимъ словаремъ. Вѣроятно Зизаній составлялъ свой словарь самостоятельно, почерпая матеріалъ изъ книгъ Св. писанія, богослужебныхъ и сочиненій отцовъ церкви, напр. Кирилла Іерусалимскаго. Въ его словарѣ находимъ уже немало краткихъ объясненій энциклопедическаго характера, что́ дѣлаетъ его какъ бы переходнымъ звеномъ отъ простыхъ глоссаріевъ къ позднѣйшимъ энциклопедическимъ азбуковникамъ. Въ свою очередь „Лексисъ“ Зизанія послужилъ источникомъ для рукописныхъ азбуковниковъ или алфавитовъ иностранныхъ рѣчей XVII и XVIII вв., а также для печатнаго словаря Памвы Берынды: „Лексиконъ славеноросскій, именъ толкованіе, всечестнымъ отцемъ киръ Памвою Берындою, Протосинкгеломъ Орону Іерусалимского, згромаженый и т. д.“, изд. въ Кіевѣ въ 1627 и вторымъ изданіемъ въ Кутеинскомъ монастырѣ въ 1653 г. [1]). Въ словарь Берынды вошелъ почти цѣликомъ „Лексисъ“ Зизанія, хотя и съ измѣненіями, а также и почти всѣ слова обоихъ новгородскихъ словарей. Составитель вѣроятно пользовался и другими словарями, хотя самъ указываетъ только на словарь Зизанія. Кромѣ того онъ ссылается на библейскія и церковныя книги и на разныхъ церковныхъ писателей, у которыхъ заимствовалъ тѣ или другія объясненія, имѣющія часто и у него энциклопедическій характеръ. Къ источникамъ своимъ Берында относился довольно самостоятельно, исправляя и дополняя ихъ правописаніе и объясненія. Многое устарѣлое или мѣстное онъ и вовсе опускалъ. Въ его словарѣ уже нерѣдко удачно разграничивается церковно-славянскій элементъ отъ народнаго, русскаго, точнѣе малорусскаго, хотя разумѣется, послѣдовательности и выдержанности въ этомъ отношеніи нельзя и требовать отъ книжника XVII в. [2]). Находимъ здѣсь и примѣры изъ разныхъ славянскихъ языковъ, очевидно въ извѣстной степени знакомыхъ составителю, какъ это видно изъ слѣдующихъ его объясненій: *кобль* или *кобелъ*. корецъ, мѣра з словацка; *лукъ*, далматски: чеснокъ лѣсный, польск. цебуля, чешски: лукъ червленый; *пѣтель*.

[1]) Переиздавъ также (плохо) Сахаровымъ «Сказанія» и т. д., т. II. См. о немъ Житецкаго, «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв.», Кіевъ. 1889, стр. 37—51.

[2]) Объ этой сторонѣ словаря Берынды см. цитир. выше статью Буслаева въ «Архивѣ» Калачова, 1850, кн. 1, отд. 4, стр. 28 сл. и С. Буличъ «Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литер. и нар. русск. языкѣ», ч. I. Спб. 1893, стр. 58—59:

чески когутъ, волынски пѣвень, литовски пѣтухъ; *разлой*, долина, чески удолъ, далматски лука и т. д. „Славенскимъ" формамъ: *бразда, брію браду, бремя, влекуся, врагъ, врата, возгласъ, глава, гласъ, древянъ, загражденіе, злато, крастѣль, мракъ* и т. д. онъ правильно противополагаетъ „росскія" формы: *борозна, голю бороду, беремя, волокуся, ворогъ, ворота, оголошеніе, голова, голосъ, деревяный, загороженье, золото, коростѣль, морокъ* и т. д., хотя рядомъ помѣщаетъ въ „славенскомъ" отдѣлѣ и слова *голошу, колоколъ, дзвонокъ* (полонизмъ: п. dzwonek), *жажель* = хоть, *приблужаю,* и т. д. Наоборотъ въ „росскомъ" отдѣлѣ фигурируютъ формы *грядущій,* полонизмы *немоцный, владза, моцъ, звърхность* (п. zwierzność) и т. д.

Всѣ эти словари впослѣдствіи часто переписывались цѣликомъ или входили въ составъ новыхъ, рукописныхъ азбуковниковъ и настоящихъ словарей въ родѣ напечатаннаго Житецкимъ [1]) рукописнаго глоссарія XVII в.: „Синонима славенороссская", составитель котораго несомнѣнно пользовался словаремъ Берынды. Почти необходимой частью каждаго азбуковника является „алфавитъ иностранныхъ рѣчей", представляющій родъ словаря, расположеннаго въ азбучномъ порядкѣ, нѣсколько отличномъ отъ принятаго въ нашихъ словаряхъ и не всегда послѣдовательно проведенномъ.

Первоначальная побудительная причина составленія такихъ словарей имѣла практическій характеръ: книжники наши нуждались въ объясненіи непонятныхъ словъ, вошедшихъ въ письменный языкъ изъ чужихъ языковъ. Составитель азбуковника Моск. Синод. Библ. (ркп. № 353, выдержки напечат. въ „Историч. Христоматіи" Буслаева) говоритъ объ этомъ такъ: „проходя святыя писанія Ветх. и Нов. Завѣта, обрѣтохъ въ нихъ многи рѣчи иностранными глаголаніи положены и того ради намъ славяномъ неудобь разумѣваемы, ины же отъ нихъ и конечнѣ намъ не вѣдомы, ихъ же древніи преводницы ли неудоволишася на русскій преложити языкъ. или и могуще, оставиша ихъ въ нѣкихъ мѣстехъ тако быти: понеже ова суть отъ нихъ Сирска, ова же Еврейска, ина же Римска и ина же Египетска и иныхъ многихъ языкъ. Сія же азъ грубый обрѣтая въ писаніяхъ, помыслихъ въ себѣ, еже како что не навыкъ Сирску или Еврейску или Еллинску языку возможетъ тѣхъ языкъ рѣчи разумѣвати непогрѣшнѣ, якоже се: еже что есть *аласторъ,* или что *веліаръ,* что же ли *Гаввафа* или что *кидарь,* и *каѳоликія* и прочая таковая. Тоя ради

---

[1]) Очеркъ литер. исторіи малор. нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ. 1889. Приложеніе.

вины понудихся отъ многихъ разныхъ книгъ согласныхъ же во святыхъ писаніихъ, сія едину во единый нѣкако изобрѣсти на русскій языкъ преложены, и елика тѣхъ съ Божіею помощію изобрѣтохъ, умыслихъ тыя по буквамъ здѣ писати“ (л. 14). Особенную важность объясненіе иностранныхъ словъ имѣло для правильнаго разумѣнія священныхъ книгъ. Такъ въ предисловіи къ этому же азбуковнику составитель говоритъ: „Во святыхъ книгахъ словенскаго языка многи рѣчи неудобь разумѣваемы обрѣтаются, якоже се есть въ канонѣ Покрову Пр. Богородицы: свѣтящееся, Владычице, омофоръ твой *паче електра,* а невѣдущіи силы слова рѣчь ту пишутъ сице: *паче алектора,* и не хотятъ разумѣти, яко ино есть илектръ, и ино алекторъ: алекторъ бо есть пѣтелъ (на полѣ приписка: *куръ*), и кая суть похвала Богородицѣ, еже прилагати и уподобляти свѣтлость омофора ея ко блистанію пѣтуха. Но достоитъ писати сице: свѣтящееся, омофоръ твой, Владычице, *паче илектрона:* илектронъ бо есть камень зѣло честенъ, единъ изъ драгихъ каменій, тако именуемъ, златовиденъ: златовиднымъ блистаніемъ прообразуетъ божество Христово, а сребровиднымъ человѣчество“ и т. д. „И паки въ Лѣствицѣ въ 25 главѣ сице глаголемыхъ китръ вѣія писати достоитъ, а отъ неискусныхъ въ словесномъ ученіи писцевъ въ преводѣхъ пишется вмѣсто *китръ—кедръ,* не разумѣютъ бо, яко ино есть древо *кедръ* и ино суть древо *китръ*“ и т. д.

Преслѣдуя прежде всего эти практическія цѣли, составители заносили въ свои собранія и всякія другія попадавшіяся имъ слова, почему-либо останавливавшія на себѣ ихъ вниманіе. Такимъ путемъ возникла обильная рукописная литература алфавитовъ иностранныхъ рѣчей, богато представленная въ нашихъ книгохранилищахъ. Многіе изъ такихъ словарей весьма схожи другъ съ другомъ, свидѣтельствуя этимъ объ общемъ своемъ пропроисхожденіи изъ одного источника. Больше всего объясняется въ алфавитахъ греческихъ словъ, затѣмъ слѣдуютъ еврейскія, латинскія и, наконецъ, слова разныхъ европейскихъ языковъ; рѣже всего представлены восточные языки. Передъ объясненіемъ словъ обыкновенно перечисляются языки и нарѣчія, изъ которыхъ взяты слова. Въ этихъ перечняхъ встрѣчаемъ слѣдующія названія языковъ: арапскій, арменскій, болгарскій, греческій, еврейскій, египетскій, жидовскій, еллинскій, евфіопскій, евхантскій, иверскій, латинскій, литовскій, лятскій, македонскій, мидонскій, пермскій, перскій, польскій, римскій, сербскій, сирскій [1]), скиоскій, татар-

[1]) «Сирскими» словами составители назвали слова, взятыя изъ слав. перевода сочиненій Ефрема Сирина, которыя были дѣйствительно первоначально

скій, турскій, чешскій. Въ самихъ толкованіяхъ словъ приводятся еще слова изъ языковъ: арабскаго, турецкаго, гишпанскаго, нѣмецкаго, критскаго, кипрскаго, индійскаго, хорватскаго, халдейскаго, фряжскаго (?), фивейскаго, финикійскаго, персидскаго и т. д. Многія опредѣленія вѣрны, но попадаются и совершенно ошибочныя. Такъ какъ составитель часто самъ не зналъ языковъ, а только собиралъ глоссы изъ разныхъ источниковъ, то ему часто приходилось недоумѣвать, къ какому языку относится слово, если происхожденіе его не было показано въ источникѣ. Такъ въ одномъ азбуковникѣ (принадлежавшимъ проф. Тихонравову) составитель пишетъ, что никакъ не могъ „изобрѣсти", откуда происходитъ слово *хабува* (пѣвческій терминъ, обыкновенно объясняемый изъ болг. *хубав*—красивый), и что оно значитъ по-русски. Другой составитель (Азбук. Пискарева № $^{197}/_{632}$) указываетъ, что въ его сборникѣ „есть нѣкія рѣчи безъ надписанія", т. е. безъ указанія на языкъ [1]): „якоже се: *равви* толкуется *учителю*. а еже по коему языку глаголется сіе, не вездѣ обрѣтается: и паки *алекторъ* толкуется пятелъ, а которымъ языкомъ, сего не обрѣтохъ. Тѣмже какъ кую рѣчь толковану обрѣтохъ. такъ ея здѣ и написахъ. аще съ надписаніемъ, съ надписаніемъ и писахъ, аще ли безъ надписанія, безъ надписанія и писахъ: нѣсть бо мое толкованіе, но древнихъ любомудрецъ". Поэтому неудивительно, если въ обозначеніи происхожденія словъ встрѣчаются разнообразныя ошибки. Такъ напр., составители нерѣдко принимаютъ разныя названія одного языка за два разныхъ языка, напр., греческій и еллинскій, латинскій и римскій, перскій и персидскій, польскій и лятскій, еврейскій и жидовскій и т. д. Иногда, впрочемъ, повидимому подъ *еллинскимъ* языкомъ разумѣлся древнегреческій, а подъ *греческимъ*—просто новогреческій, какъ это можно думать въ виду глоссы: „*земля* по-еллински нарицается *хаіа* (γαῖα), а греческн *гипа*, а по-еврейски *адамъ*; того ради созданнаго отъ нея Адамомъ нарицаютъ" (Азб. Моск. Синод. Библ.). Въ силу рабскаго отношенія къ авторитету источниковъ и происходитъ то, что ошибка перваго новгородскаго словаря, гдѣ слово *зѣло* показано *жидовскимъ* и переведено *велми*, повторяется во всѣхъ азбуковникахъ XVII в., т. е. черезъ 400 почти лѣтъ. Неудивительно, если и принадлежность слова тому или другому языку часто показана

писаны на сирійскомъ языкѣ. Къ намъ они дошли черезъ посредство болгарскаго перевода, сдѣланнаго съ греческаго, который въ свою очередь былъ сдѣланъ съ сирійскаго. (Сахаровъ, «Сказанія р. народа", II, стр. XI).

[1]) Обозначеніе языка надписывалось сокращенно надъ объясвявшимся словомъ.

совсѣмъ ошибочно. Такъ греч. слова *базисъ*, *апехфиа*, *дисмениа* (βάσις, ἀπέχθεια, δυσμένεια) показаны латинскими, гр. *динатонъ* (δυνατόν=сильно) показано „римскимъ", лат. слова mons, insula показаны нѣмецкими, а venter, dividitur, flos—еллинскими и греческими, тогда какъ нѣмецкія *бротъ* и *фишъ* (Brod, Fisch) названы латинскими. Представленія составителей въ этомъ отношеніи отличались иногда большою сбивчивостью. Такъ въ азбуковникѣ коллекціи Ундольскаго (рки. № 975, л. 192) слово *французскій* объясняется: *галатійскій*, рекше *нѣмецкій*. Другія опредѣленія, напротивъ, отличаются неожиданной, едва-ли не случайной, тонкостью. Такъ форма *блясфемія* (Азб. М. Синод. Библ. № 353, л. 34) показана латинской (blasphemia), а *влясфемія* (тамъ же, л. 37)—греческой. Многія слова, особенно восточныя, имѣютъ довольно невѣроятный видъ. Нерѣдко встрѣчаются цѣлыя греческія формы и выраженія съ переводомъ: *мидень ергасисъ*—не дѣлаешь, *екинонъ*—тѣхъ, *діакрине*—разсуди, *пеплека*—плетяхъ, *пиросъ*—огня, *мафене ергонъ*—учися дѣлу, *мидень ергасу*—не дѣлай, *икуса еси мананъ*—слышалъ: звонили и т. д. Многія греческія слова переведены ошибочно: *василіосъ* (βασιλεῖος=*царскій*) переведено *царь* (βασιλεύς), *астенія* (ἀσθένεια = слабость, болѣзнь) переведено *болитъ*, *василеусъ* (βασιλέως=царя)—*воцарюся* и т. д. Произношеніе иностранныхъ словъ обозначено часто невѣрно: напр. «французские *поивре*»=перецъ (фр. poivre, которое составитель просто переписалъ славянскими буквами) и т. д. Образчикомъ толкованія слова въ азбуковникахъ можетъ служить, напр., такая глосса: «Божественное нареченіе: еврейски *илъ*, гречески *о феосъ*, араньски *алла*, арменски *арьства*, пермьски *ень*, татарски *тенгри*, по руски Богъ» (Алфав. Солов. библ. № 19, л. 34) или «Перецъ греческимъ языкомъ *пеперъ* (гр. πέπερι), латинскимъ языкомъ *пиперъ* (л. piper), арапскимъ *фулфелъ* или *фулфулъ* (фильфиль), нѣмцы *пеоелъ* (? вм. pfeffer), гишпанские *пимнеста* (вм. pimiénta), француженские *поивре*» и т. д. Какъ въ старыхъ словаряхъ XIII и XV вв., въ азбуковникахъ объясняются и славянскія слова: качество, молитва, безсловесно, величество, моленіе, лицемѣріе, чарованіе и т. п. Славянскія формы, какъ у Памвы Берынды, толкуются русскими и даже народными формами: *аще*—если, *аки*—якобы, *абіе*—уже, заразъ, скоро, *велій*—высокій, великій, *егда*—когда и т. д.

Въ составъ азбуковниковъ, кромѣ многочисленныхъ грамматическихъ статей, въ родѣ охарактеризованныхъ выше, входятъ также образцы разныхъ азбукъ: польской, греческой, русской, еврейской, нѣмецкой, латинской, пермской, сирской, «литоренской»

или «риторской» тайнописи и т. д., разсказъ о раздѣленіи языковъ по столпотвореніи вавилонскомъ, свѣдѣнія по метрикѣ, отрывки польскихъ молитвъ, греческія молитвы (русскими буквами), не говоря о всевозможныхъ другихъ статьяхъ, не имѣющихъ отношенія къ языкознанію.

III. Старопечатныя грамматики и другія грамматическія сочиненія XVI—XVII вв., принадлежащія опредѣленнымъ отдѣльнымъ авторамъ.

Одновременно съ первыми печатными словарями (въ концѣ XVI в.), начинаютъ являться у насъ и первыя печатныя грамматики. Мѣстомъ ихъ появленія служила западная и юго-западная Россія, гдѣ больше было стимуловъ научнымъ интересамъ, и гдѣ сильнѣе дѣйствовалъ примѣръ западной образованности и науки. Во главѣ этихъ грамматикъ должна быть поставлена упомянутая уже выше „Кграматыка славеньска языка з газофилакіи славнаго града Острога и т. д.“ (Вильно, 1586); за нею вскорѣ явилась (во Львовѣ въ 1591 г.) изданная Львовскимъ братствомъ „АΔΕΛΦΟΤΗΣ. Грамматика доброглаголиваго Еллинословенскаго языка, совершеннаго искуства осми частей слова, по наказанію многоименитому Россійскому роду, во Львовѣ, въ друкарни братской, року 1591; сложенна отъ различныхъ Грамматикъ спудеймі (т. е. студентами), иже въ Львовской школѣ» подъ руководствомъ митрополита елласонскаго Арсенія, учителя этой школы. Первая грамматика, очень небольшая по объему, являлась плодомъ наблюденій надъ тогдашнимъ церковнославянскимъ языкомъ (напр. Острожской библіи), къ которому примѣнена была теорія восьми частей слова. Вторая имѣла въ виду главнымъ образомъ греческій языкъ, но въ то же время получала значеніе и для грамматической теоріи славянскаго языка. Страннымъ пониманіемъ отношеній между греческимъ и славянскимъ языками, приведшимъ къ представленію того и другаго въ рамкахъ одной «еллинославенской» грамматики [1]), она напоминаетъ въ извѣстномъ смыслѣ ту русскую рукописную передѣлку «Донатуса», о которой была рѣчь выше (казанскій списокъ).

Особенное значеніе имѣетъ „Адельфотисъ“ своей грамматической терминологіей, во многомъ уже тожественной съ нынѣ употребительной. Грамматика уже такъ и называется *грамматіка*,

---

[1]) Въ этомъ отношеніи характерны нѣкоторыя замѣчанія, напр., въ главѣ о союзахъ, относительно неупотребительности нѣкоторыхъ ихъ видовъ *«въ нашемъ языцѣ»*.

не *грамматикія*, какъ раньше. Звуки, точнѣе *писмена* (γράμματα) дѣлятся на *гласныя* (φωνήεντα) и *согласныя* (σύμφωνα). Первыя раздѣляются на *долгія* (μακρά), *краткія* (βραχέα) и *двосременныя* (δίχρονα: α, ι, υ), т. е. такія, которыя могутъ быть и долгими, и краткими. Кромѣ того отличаются и *двогласныя* (δίφθογγοι). Согласныя распадаются на *полъгласныя* (ἡμίφωνα) и *безгласныя* (ἄφωνα). Подраздѣленіе первыхъ не имѣетъ значенія для нашей грамматической терминологіи (*сугубыя*=διπλᾶ, *неотмѣнныя*=ἀμετάβολα, *незнаменателныя*=ἄσημοι), дѣленіе же вторыхъ оставило въ ней свой слѣдъ: *тонкія* (ψιλά=л. tenues), *сиплнвыя* (δασέα), *среднія* (μέσα=л. mediae). Изъ письменъ составляются *слоги* (не *склады*—терминъ, удержавшійся только въ примѣненіи къ обученію грамотѣ: „читать по складамъ". Частей „слова"—восемь: *различіе* (ἄρθρον), т. е. членъ, *имя́* (ὄνομα), *мѣстоимя́* (ἀντωνυμία), *глаголъ* (ῥῆμα), *причастіе* (μετοχή), *предлогъ* (πρόθεσις), *нарѣчіе* (ἐπίρρημα), *съюзъ* (σύνδεσμος). Первыя пять изъ нихъ суть *склоняемыя* (κλιτά), а послѣднія три *несклоняемыя* (ἄκλιτα). Родовъ пять: *мужеск҃ій*, *женьскій*, *средній*, *общій* (напр. *человѣкъ*) и *преобщій* (ἐπίκοινον), какъ *орелъ*; чиселъ также три: *единствéнное*, *двойственное* (и *двойственное*), *множественное*; *падежей* (не *паденій*) пять: *именовный*, *родный*, *дателный*, *виновный*, *звателный*. Имена и мѣстоименія имѣютъ *склоненія*. У именъ различаются *виды* (εἴδη): *первообразный* (πρωτότυπον), напр. *небо* и *производный*, (παράγωγον), нпр. *небесный*, а также *начертанія*: *простое*, *сложное*, *пресложное* (ἁπλοῦν, σύνθετον, παρασύνθετον). Различаются также имена *иносклоняемыя* (ἑτερόκλιτα). Всѣ пять греческихъ склоненій, какъ и всѣ парадигмы вообще, представлены въ греческомъ оригиналѣ и въ славянскомъ переводѣ. Именамъ *числителнымъ* (ἀριθμητικά) отведено особое мѣсто. Имена прилагательныя здѣсь называются *налагаемыми* (ἐπίθετα) и имѣютъ *начертанія* (σχηματισμοί): *разсудителное* (συγκριτικός) и *превосходное* (ὑπερθετικός), т. е. сравнит. и превосходную степени. У именъ имѣется также и *начертаніе умалителное* (нпр. *кораблик҃ъ*)=гр. ὑποκοριστικόν. Мѣстоименія имѣютъ пять видовъ: *первообразный* (нпр. *азъ*, *ты*, *онъ*), *зиждителный* (=притяжательныя, гр. κτητικόν) [1]), *показателный* или *указателный* (δεικτικόν), *наносный* (ἀναφορικόν, нпр. αὐτός, переведенное слав. *той*) и *сложный*. Глаголъ имѣетъ пять *изложеній*=(ἔγκλισις), т. е. наклоненій: *изявител*-

[1]) Неправильный переводъ греческаго κτητικόν, ошибочно поставленнаго въ связь съ глаголомъ κτίζω = строю, созидаю, вмѣсто κτάομαι, κέκτημαι = пріобрѣтаю, стяжаю.

ное (ὁριστική), *повелителное* (προστακτική), *молитвеное* (εὐκτική: *да бію*), *подчинное* (ὑποτακτική: *аще бію*), *необавное* (ἀπαρέμφατος), т. е. неопредѣленное; пять *родовъ* (γένος) или *залоговъ* (διάθεσις): *дѣйственный* (ἐνεργητικόν), *страдателный* (παθητικόν), *среднiй* (οὐδέτερον), *общiй* или *посредственный* (κοινόν, μέσον) и *отложный* (ἀποθετικόν), тринадцать *супружествъ* (συζυγίαι) или спряженiй, шесть временъ: *настоящее*, *мимошедшее* (παρατατικός, нпр. ἔτυπτον=*оубихъ*), *протяжённое* (παρακείμενος, нпр. τέτυφα=*біяхъ*), *пресъвершённое* (ὑπερσυντελικός, нпр. ἐτετύφειν=*біяахъ*), *непредѣлное* (ἀόριστος: ἔτυψα=*бихъ*) и *будущее* (μέλλων), нпр. τύψω=*оубію*. Среди многочисленныхъ подраздѣленiй нарѣчiй укажемъ на *отрицателныя* (ἀπαγορευτικά), *вопросителныя* (ἐρωτηματικά), *раздѣлителныя* (διαιρετικά) и др. нынѣ не употребительныя. Союзы также дѣлятся на *силъчателные*, *съпряжённые*, *совокупителные* (συναπτικοί), *пресовокупителные*, *винословные* (αἰτιολογικοί) *отглаголные*, *съмыслёные*, *преисполнителные*, *противные* (ἐναντιωματικοί), т. е. противительные. Какъ можно было замѣтить, многiе изъ этихъ терминовъ употребляются донынѣ, указывая тѣмъ на сильное западнорусское и южнорусское влiянiе въ данномъ отношенiи. Для послѣдующихъ грамматиковъ (Зизанiя, Смотрицкаго), терминологiя Адельфотиса, очевидно, являлась образцомъ научной терминологiи, которому они и слѣдовали въ своихъ трудахъ съ нѣкоторыми уклоненiями, большею частью незначительными.

Въ 1596 г. выходитъ извѣстная „Грамматика Словенска, съвершенаго искуства осьми частей слова и иныхъ нуждныхъ, ново съставлена Л. Z. (Лаврентiемъ Зизанiемъ) Въ Вильнѣ, въ друкарни братской, року Божого 1596 и т. д.“, изложенная въ формѣ катехизиса и снабженная разсмотрѣннымъ уже выше словаремъ („Лексисъ сирѣчъ реченія, въкратъцѣ събранны“ и т. д.). Она еще носитъ слѣды влiянiя извѣстной византiйской теорiи о восьми частяхъ слова, доходившей до насъ въ указанныхъ выше южнославянскихъ передѣлкахъ, но въ то же время представляетъ попытку систематическаго изложенiя славянской грамматики въ тѣхъ схемахъ, которыя уже сложились въ то время въ западной грамматической литературѣ. Въ своей грамматической терминологiи и извѣстныхъ ученiяхъ она тѣсно примыкаетъ къ „Адельфотису“ и только изрѣдка уклоняется отъ него. Цѣль грамматики также чисто практическая: „*же бы мы добре мовили* и *писали*“. Здѣсь находимъ дѣленiе грамматики на *орѳографiю*, *просодiю*, *этимологiю* и *синтаксисъ*, имѣющееся и въ „Адельфотисѣ“. Части эти получаютъ и славянскiя названiя: *правописанiе*, *припѣло* (Въ „Адельфотисѣ“ — припѣванiе), *исти-*

нословіе (Въ „Адельфотисѣ“—правословіе) и *съчиненіе*. Раздѣленіе *писменъ* совершенно такое же, какъ въ „Адельфотисѣ“, только съ прибавкой нѣкоторыхъ объясненій: *гласная писмена. которіи голосъ зсебе выдаютъ, съгласная... з себе голосу выдати и без гласныхъ нѣчого справовати не могутъ... ниже слогъ съставити могутъ о себѣ, но токмо съ гласными. гласная же... и гласъ подати могутъ сами о себѣ и слогъ съставити*. Различеніе долгихъ, краткихъ и двовременныхъ гласныхъ является здѣсь, конечно, лишь механическимъ подражаніемъ греческой теоріи: долгія и ѣ ѡ ѫ, краткія є о у, двовременныя а і ѫ ѵ. Интересно замѣчаніе о послѣднихъ, что онѣ бываютъ и долгими, и краткими „*произволеніемъ Творца*“. Дѣленіе согласныхъ также сопровождается объясненіями терминовъ: *сугубыя*, потому что составляются „*отъ иныхъ писменъ*“; къ дифтонгамъ отнесены ȣ, ы, ю, ꙗ, очевидно за неимѣніемъ настоящихъ и въ подражаніе греческимъ дифтонгамъ. Ученіе о просодіяхъ, или *притългъ*, цѣликомъ скопировано съ греческой теоріи и механическимъ образомъ припаровлено къ славянскому. Сравнительно съ „Адельфотисомъ“, новыми являются главы о титлѣ и точкахъ, которыя однако соприкасаются съ аналогичными главами въ разныхъ рукописныхъ грамматическихъ трактатахъ, характеризованныхъ выше (см. гл. I). Названія частей рѣчи тѣ же, что въ „Адельфотисѣ“, причемъ удержано и различіе, т. е. членъ (*иже, яже, еже*). Названіе *падежей* почти одинаковы: *виновный* замѣненъ *винительнымъ*, но число ихъ увеличено *творительнымъ*. Имена различаются *собственныя* и *нарицаемыя*, чего въ „Адельфотисѣ“ нѣтъ. „Нарицаемыя“ раздѣляются на *осущественныя* (*человѣкъ, конь, поле, ему же не можетъ приложитися мужъ, жена, животное*“) и *прилагаемыя* (т. е. „прилагательныя“; въ „Адельфотисѣ“—*налагаемыя*). Число свойствъ именъ увеличено еще однимъ: *разсужденіе* (въ „Адельфотисѣ“ только шесть: *родъ, начертаніе, падежъ, видъ, число, склоненіе*, которыя находимъ и у Зизанія). „Разсужденіе“ имѣетъ три степени: *положенный, разсудный* и *превышшій* (степени сравненія; въ „Адельфотисѣ“ иначе). Число родовъ меньше на одинъ (*преобщій*), „виды“ имени тѣ же. Нѣсколько иначе, сравнительно съ Адельфотисомъ, представлено различеніе *образовъ* (тамъ *начертанія*): *отеческихъ, властныхъ* (въ А. *зиждительныхъ*), *языческихъ, умалительныхъ, отъименныхъ, глаголныхъ* (эти есть и въ А.). Склоненій у Зизанія 10: 1-е: *богъ, человѣкъ, снѣгъ*; 2-е: *нощь, кость*; 3-е: *небо, отроча*; 4-е: *Лука, дѣва*; 5-е: *пьяница, судія*; 6-е: *сѣверъ,-я, конь, море, спасеніе*; 7-е: *святый, благій, святъ, благъ*; 8-е: *мати, святая, дщерь*; 9-е: *уста*,

устна; 10-е: *Ной*, *іерей*, *единъ*, *два*. Иначе различаются свойства мѣстоименій: вмѣсто шести въ Адельфотисѣ, у Зизанія семь: къ *роду*, *виду*, *числу*, *лицу* и *падежу* прибавлены: *начертаніе* (простое и сложное) и *значеніе* (*изъявителное: азъ*, *ты*, *онъ; зиждителное: мой*, *твой* и т. д. и *указателное: той*, *оный*). *Склоненіе*, приводимое въ „Адельфотисѣ", въ качествѣ шестого свойства мѣстоименія, у Зизанія не упоминается. „Значенія" *зиждителное* и *указателное* въ Адельфотисѣ отнесены къ *видамъ* мѣстоименія, но термины эти уже встрѣчаются и здѣсь. Представленіе свойствъ глагола отличается немногимъ: свойствъ этихъ у Зизанія девять, вмѣсто восьми Адельфотиса, но это увеличеніе произошло очевидно вслѣдствіе недосмотра позднѣйшаго грамматика, не замѣтившаго въ Адельфотисѣ частицы *или*, стоящей между словами: *родъ* или *залогъ*, и насчитавшаго поэтому девять свойствъ глагола, причемъ о девятомъ изъ нихъ *родѣ* ничего не говорится. Порядокъ ихъ нѣсколько иной: *залогъ* (*дѣлателный*, *страдателный*, *среднiй*, *посредственный* и *общiй*). *образъ* (въ Адельфотисѣ—*изложеніе*), представляющій четыре вида съ новыми названіями (*изъявителный* или *указателный*, *повелителный*, *желателный* или *молитвенный*, *непредѣлный* или *необавный*: новы здѣсь термины: второй, четвертый и шестой), *видъ*, *начертаніе* (два: *простое* и *сложное*. Въ Адельфотисѣ есть еще третье—*преложное*), *число*, *лице*, *время* (названія тѣ же, что въ Адельфотисѣ), *супружество* (два: первое и второе) и *родъ*. Свойства причастія тѣ же, что и въ Адельфотисѣ. Глава о сочиненіи предлоговъ обнаруживает также вліяніе Адельфотиса. Въ началѣ, какъ и тамъ, приводится предлогъ *въ*, сочиняющійся будто бы съ дательнымъ падежомъ (такъ въ греческомъ), напр. *въ церкви*, и винительнымъ: *въ церковь*. Дальше слѣдуютъ, какъ и въ Адельфотисѣ, главы о нарѣчіи и союзѣ, мѣстами также напоминающія болѣе раннюю грамматику.

Въ 1619 г. (въ Евю близъ Вильны) вышла третья печатная славянская грамматика: „*Грамматики Славенския правилное Сѵнтагма, потщаніемъ многогрѣшнаго мниха Мелетія Смотрискаго* [1]) *въ Киновіи братства церковнаго Виленскаго при храмѣ Сошествіа пресвятаго и животворящаго Духаназданномъ, стран-*

[1]) М. Смотрицкій род. въ 1577 г. въ Подоліи; отецъ его, Герасимъ Смотрицкій, учитель и ректоръ острожскаго училища, былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Константина Острожскаго въ его просвѣтительной дѣятельности. Первоначальнымъ образованіемъ М. Смотрицкій обязанъ своему отцу и ректору острожскаго училища Кириллу Лукарю, одному изъ образованнѣйшихъ людей въ Острогѣ въ то время. Около 1601 г. М. Смотрицкій былъ отправленъ княземъ Конст. Острожскимъ въ виленскую іезуитскую академію, кончивъ

ствующаго, снисканное и прожитое лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1619" и т. д., надолго сдѣлавшаяся основнымъ грамматическимъ руководствомъ и выдержавшая нѣсколько передѣлокъ и изданій (2-е: 1629, Вильно). На ея основаніи уже составлялись практическія школьныя грамматики, въ родѣ виленской „*Грамматики албо сложенія письмени хотящимъ ся учити словенъскаго языка. младолѣтнымъ отрочатомъ*" (Вильно, 1621), или подобнаго же руководства, приписываемаго Аѳанасію Пузинѣ, епископу луцкому (*Граммативи или писменница языка Словенскаго тщателемъ въ кратъцѣ издана въ Кремянци. Року 1638*) и являющагося сокращеніемъ грамматики Смотрицкаго. У насъ въ Москвѣ грамматика Смотрицкаго была передѣлана, расширена вставкой грамматическихъ разсужденій, приписываемыхъ Максиму Греку, и въ такомъ видѣ издана въ третій разъ уже безъ имени автора (1648 г.). Передѣлка коснулась не столько системы, въ которой излагается матеріалъ у Смотрицкаго, сколько самихъ парадигмъ. Московскіе издатели не оставили безъ измѣненія почти ни одной формы или акцентуаціи, которыя показались имъ странными или непривычными. Въ склоненіяхъ, на мѣсто древнихъ славянскихъ формъ или близкихъ къ нимъ, поставлены новѣйшія, чисто великорусскія формы. Напр. вмѣсто дат. *снось*, поставлено *снохѣ*, вмѣсто род. ед. *мрежя—мрежи*. вм. им. вин. и зв. множ. *мрежя* им. зв. *мрежи* и винит. *мрежы*; вмѣсто родит. ед. *ладіѧ—лодій*, во множ. числѣ вм. им. винит. *ладія—лоди*, а вм. родит. *ладій—лодей*; вм. мѣсти. ед. *отцй, чванци—отцѣ. чванцѣ* и т. д. Въ спряженіяхъ измѣненій меньше (напр., сохранены всѣ образованныя на польскій ладъ глагольныя формы), но если они сдѣланы, то всегда въ пользу болѣе позднихъ образованій. Такъ, вмѣсто окончаній двойств. ч. *-ва-вѣ*, находимъ болѣе позднія *-ма.-мѣ*; вм. формъ повелит. *чтѣва, чтѣта, чтѣмъ, чтѣте* и т. д. *чтема. чтета, чтемъ, чтете*; вм. формъ будущ. *прочтѣва, прочтѣта. прочтѣмъ, прочтѣте—прочтема. прочтета. прочтемъ, прочтете* и т. д. Коренной передѣлкѣ подверглась акцентуація, приближенная въ московскомъ изданіи къ великорусской. Такъ, вмѣсто *снохамъ. снохами, снохахъ* стоитъ *снохамъ,-ами,-ахъ*, вмѣсто *юродъ. юрода—юродъ. юрода*. вм. им. мн. *древа. сердца—*

которую, около 1610 г. уѣхалъ за границу домашнимъ наставникомъ при дѣтяхъ одного литовскаго магната. Эта поѣздка дала ему возможность побывать въ лейпцигскомъ, нюренбергскомъ и виттенбергскомъ университетахъ. Вернувшись домой, онъ сталъ учительствовать (въ ивской школѣ, а. м. б. и въ кіевской). Около 1616 г. вступилъ въ виленскій монастырь, для школъ котораго, вѣроятно, и составилъ свою грамматику. Умеръ въ 1633 г.

древá, сердцá, вмѣсто *имя́—и́мя*, вмѣсто *римлянинъ—ри́млянинъ*, вм. мѣстн. п. *до́му*, род. мн. *до́мовъ—дому́, домо́въ*, вм. *ходота́й—хода́тай*, вм. *ходатайству́ю—хода́тайствую*, вм. *тво́рищи, тво́ритъ, тво́римъ, тво́рите, тво́рятъ — твори́ши, - и́тъ, -и́мъ, -и́те, -я́тъ* и т. д. Цѣль Смотрицкаго была также чисто практическая—дать кодексъ правилъ, при помощи которыхъ можно было бы „читать по словенску и чтомое выразумѣвати", а также „писати раздѣлне" чистымъ славянскимъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе чистаго „славянскаго" языка и въ оригинальной редакціи грамматики Смотрицкаго (не говоря уже о позднѣйшихъ ея передѣлкахъ) не было такъ же, какъ и у Зизанія: рядомъ съ формами древними, находимъ у него формы позднѣйшія, вызванныя вліяніемъ живыхъ новославянскихъ языковъ (русскаго, польскаго), а также и самодѣльныя, искуственныя. Новымъ у Смотрицкаго было введеніе понятія о видахъ глагола („начинательномъ" и „учащательномъ"), хотя и не совсѣмъ въ современномъ его значеніи. Историческаго метода нѣтъ и слѣда. Все изложеніе носитъ характеръ догматическій и чисто-описательный. Внѣшнія схемы, въ которыхъ расположенъ матеріалъ (гораздо болѣе обильный, чѣмъ у Зизанія), скопированы съ греческой грамматики (Ласкариса, изд. въ Миланѣ въ 1476 г.), нерѣдко вопреки всякой логикѣ и природѣ славянскаго языка.

Терминологія Смотрицкаго уже очень близка къ современной традиціонной школьнограмматической, представляя въ то же время сходство и съ терминологіей Зизанія и Адельфотиса. Частей грамматики отличается также четыре, причемъ подъ просодіей уже разумѣется ученіе о стихосложеніи, а не акцентологія, какъ у Зизанія. Частей рѣчи восемь: *имя, мѣстоименіе* (не *мѣстоимя*, какъ у Зизанія), *глаголъ, причастіе, предлогъ, союзъ, нарѣчіе*, и являющееся впервые *междометіе*. О послѣднемъ сказано немного. Въ московской передѣлкѣ число частей рѣчи то же, но междометіе (=лат. interjectio) выкинуто, зато возстановлено ненужное *различіе*, имѣвшееся у Зизанія и въ Адельфотисѣ. Имена дѣлятся на *собственныя* и *нарицательныя* (у Зизанія еще *нарицаемыя*), а послѣднія на *существительныя* (Зизаній: *осуществе́нныя*), *собирательныя* и *прилагательныя* (Зизаній: *прилагаемыя*). Дѣленіе именъ прилагательныхъ: *совершенное* (у З. нѣтъ), *отъименное, числительное, чинительное* (т.-е. числит. порядковое; у З. нѣтъ), *вопросительное* (мѣстоименія: *каковъ, коликъ, єликъ*; у З. нѣтъ), *отвѣщательное* (у З. нѣтъ: мѣстоим. *таковъ, толикъ*), *притяжательное* (у З. *властное* = польск. własny), *отечественное* (у З. *отеческое*), *языческое*. Степени *уравненія* (у З. *разсужденія*): *положительный* (у З.

положённый), разсудительный (у З. *разсудный)* и *превосходительный* (у З. *превышшій)*. Къ четыремъ родамъ Зизанія прибавлено еще три: *всякій (*нпр. *той, тая, тое исполнь), недоумѣнный (! той* или *тая неясыть)* и возстановленный изъ Адельфотиса *преобщій (той орелъ, тая ластовица;* въ Адельфотисѣ примѣры тѣ же). Имена дѣлятся у Смотрицкаго, какъ у Зизанія, на *простыя* и *производныя,* а послѣднія на: *отчеимённыя (Павловъ, Петровна:* греч. πατρονυμικά) или *притяжательныя, отёчественныя (москвитинъ, пермитинъ), властелинныя* (*царевичъ, царевна) языческія (грекъ, грекиня) глагольныя (чтецъ, слышаніе), отъимённыя (солнечный, златый), умалительныя (словце, тѣльце), уничижительныя (вретище, женище, дѣтище). Начертанія,* какъ у Зизанія: *простое, сложное* и *пресложное*. Число надежей больше, чѣмъ у Зизанія, на одинъ *(сказательный,* т.-е. мѣстный или предложный), и названія ихъ тожественны съ современными: *именительный* (не *именовный,* какъ у З.), *родительный* (вм. *рóдный), дательный* (такъ и у З.), *винительный, звательный, творительный* (такъ и у З.) и *сказательный. Склоненій* только пять, вмѣсто десяти Зизаніевыхъ: 1-е: *Іона, дѣва, воевода, Захарія, ладья, святыня* и т. д.; 2-е: *клевретъ, древо, сердце, отроча* и т. д.; 3-е: *жизнь, заповѣдь, мати* или *матерь;* 4-е: *пастырь, дрекóль, ходатай, іерей, знаменіе:* 5-е: имена прилагательныя: *святъ, святый, нищъ, нищій.* Мѣстоименія, вмѣсто семи отличій Зизанія, имѣють восемь: *видъ* (есть и у З.), *качество* или *знаменованіе* (у З. *значеніе); родъ* (есть и у З.), *число* (тоже), *начертаніе* (тоже), *лицо* (тоже), *падежъ* (тоже) и *склоненіе* (у З. опущено въ наречіе, но различается въ дальнѣйшемъ изложеніи). Названія *качествъ* у мѣстоименій: *указателное* (есть и у З.), *возносителное (сей, овъ, онъ,* У З. нѣтъ), *возвратителное (себе,* у З. нѣтъ), *вопросителное* (у З. нѣтъ) и *притяжателное* (у З. *зиждителное)* [1]). Глаголъ различается: *личный, безличный, стропотный* (взято изъ Адельфотиса, гдѣ *строптивыми* называются неправильные глаголы: ἀνώμαλα ῥήματα) и *лишаемый* (т.-е. недостаточные глаголы). У Зизанія этого дѣленія еще нѣтъ. Затѣмъ у глагола отличается девять признаковъ: *залогъ* (есть и у З.), *начертаніе* (тоже), *видъ* (у З. въ другомъ смыслѣ), *число* (у З. есть), *лицо* (тоже), *наклоненіе* (у З. *образъ),* время (есть и у З.), *родъ* (у З. есть только въ наречіи, гдѣ является синонимомъ *залога,* см. выше) и *спряженіе* (у З. *супружество).* Названія залоговъ у Смотрицкаго уже современныя: *дѣй-*

---

[1]) Плохой переводъ греч. κτητικός, ошибочно произведеннаго не отъ κτάομαι = пріобрѣтаю, а отъ κτίζω = строить, созидать.

ствительный (у З. еще *дѣлательный*), *страдательный* (такъ и у З.), *среднiй* (у З., кромѣ того, есть и *посредственный*, который у Смотрицкаго отсутствуетъ), *отложительный* (у З. нѣтъ, въ Адельфотисѣ—*отложный*) и *общiй* (такъ и у З.). *Виды* являются у Смотрицкаго совсѣмъ въ новомъ значенiи, приближающемся до нѣкоторой степени къ современному, и различаются: *первообразный* или *совершенный* (*чту, стою*) и *производный*, распадающiйся на *начинательный* (*каменѣю, трезвѣю*) и *учащательный* (*бѣгаю, читаю*). Здѣсь уже сказался нѣкоторый проблескъ самостоятельной работы мысли надъ особенностями славянскаго глагола, который, однако, надолго еще остался безъ развитiя. Названiя *наклоненiй* почти одинаковы съ современными: *изъявительное* (такъ и у Зизанiя), *повелительное* (тоже), *молительное* (у З. *желательное* или *молитвенное*), какъ напр. *услыши, вонми, призри*; *сослагательное*=лат. conjunctivus (впервые: у Зизанiя нѣтъ): *аще бы хотѣлъ, далъ бы*; *подчинительное* (у З. нѣтъ, примѣръ: *мнѣ повелѣвости, да бiю*) и *неопредѣленное* (у З. *непредѣльное* или *необавное*). Названiя временъ почти тѣ же, что у Зизанiя, съ тою разницею, что, вмѣсто терминовъ *протяженное* и *пресовершенное*, находимъ у Смотрицкаго *преходящее* и *прешедшее*. Самыя понятiя временъ, однако, у него такъ же сбивчивы, какъ у Зизанiя, и у обоихъ не всегда совпадаютъ. Такъ у Зизанiя *явихъ* будетъ *мимошедшее*, а у Смотрицкаго *творихъ*—*преходящее* и наоборотъ: *являхъ* у Зизанiя—*протяженное*, а у Смотрицкаго—*мимошедшее* и т. д. Среди формъ—много построенныхъ по образцу польскаго глагола, а также и самодѣльныхъ (напр. въ причастiяхъ, въ сослагат. наклоненiи и т. д.). Впервые вводится понятiе *дѣепричастiя*, удержавшееся и въ нашей школьной грамматикѣ. Среди разныхъ „знаменованiй" союзовъ встрѣчаемъ: *противительное* (*но, обаче*), *раздѣлительное* (*или, ли, либо*), *винословное* (*бо, ибо*). Синтаксису впервые отводится особая и довольно обширная часть грамматики. Влiянiе греческихъ образцовъ здѣсь очевидно [1]).

Московская передѣлка грамматики Смотрицкаго легла въ основанiе позднѣйшихъ передѣлокъ (очень незначительно отличающихся отъ нея): 1) Ѳеодора Поликарпова, справщика, а послѣ директора Московской духовной типографiи: „*Грамматiка въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ: въ лѣто отъ сотворенiя мiра 7229, отъ рождества же по плоти Бога слова 1721 г.*". Вмѣсто предисловiя о пользѣ грамматики и послѣсловiя, приписываемыхъ Максиму

[1]) О дѣятельности Смотрицкаго вообще см. Засадкевичъ, «Мелетiй Смотрицкiй, какъ филологъ», Одесса. 1883, 8°, 204

Греку, находимъ здѣсь новое предисловіе, указывающее на разныя причины, вызвавшія новое изданіе книги; 2) Ѳеодора Максимова, иподіакона Софійскаго Новгородскаго Собора, ученика братьевъ Лихудовъ въ Новгородской Славяно-Греко-Латинской школѣ и впослѣдствіи учителя тамъ же: *„Грамматíка Славенская въ кратцѣ собрáнная въ Греко-славенской школѣ яже въ великомъ Новѣградѣ при домѣ архіерейскомъ. Повелѣніемъ Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго Государя нашего Петра Великаго, отца отечества, Императора и самодержца Всероссійскаго благословеніемъ же Свят. Прав. Всероссійск. Сѵнода напечатася при Санктъпитербурхѣ въ Троицкомъ Александровскомъ монастырѣ лѣта Рож. Христ. 1723“*. Формы здѣсь подновлены и приближены мѣстами еще болѣе къ великорусскимъ. Въ предисловіи составитель объясняетъ побудительныя причины переизданія и мотивируетъ сдѣланныя имъ измѣненія. Съ изданія 1721 г. имѣется еще перепечатка грамматики Смотрицкаго подъ заглавіемъ: *„Грамматíка въ пользу и употребленіе отроковъ Сербски желающихъ основательнаго наученія Славенскаго діалекта напечатася въ Епископіи Рымническоі. Лѣта Господня. 1755“*. Къ грамматикамъ Зизанія и Смотрицкаго сводится также рядъ рукописныхъ статей XVII и XVIII вв., которыя, вѣроятно, вмѣстѣ съ ихъ печатными источниками, войдутъ въ продолженіе выше приведеннаго труда академика Ягича.

Особнякомъ стоитъ „Граматично исказанје об руском језику“ (написанное въ Тобольскѣ, 1666 г.), принадлежащее извѣстному Крижаничу и изданное Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ Общества Ист. и Др. Росс.“ (1848, Кн. I. и 1859, Кн. VI). Это—грамматика не русскаго и не славянскаго языковъ, а созданнаго самимъ Крижаничемъ общеславянскаго языка, который онъ называетъ „стародавнимъ и коренным, русскимъ именемъ“. Какъ первый опытъ этого рода, заключающій въ себѣ не мало остроумныхъ, вѣрныхъ и поразительныхъ для своего времени замѣчаній о славянскомъ языкѣ и славянскихъ нарѣчіяхъ, „Граматично изказанје“ Крижанича является весьма замѣчательнымъ памятникомъ, но историческаго значенія и вліянія на развитіе русской науки не имѣло и не могло имѣть, частью по непонятности языка, на которомъ было написано (именно на изобрѣтенномъ Крижаничемъ общеславянскомъ языкѣ), частью по неблагопріятнымъ условіямъ личной судьбы автора, непонятаго въ Москвѣ, въ чемъ-то заподозрѣннаго и сосланнаго въ Сибирь, частью, наконецъ, вслѣдствіе полной неподготовленности тогдашняго русскаго общества къ оцѣнкѣ подобнаго рода трудовъ. Въ высшей степени характерно уже то об-

стоятельство, что авторомъ „Изказанья“ былъ не русскій, а западный славянинъ, вкусившій отъ плодовъ европейской науки и свой научный талантъ, свои знанія и идеи принесшій далекому родственному народу, который, думалось ему, долженъ былъ оцѣнить и осуществить мечты скитальца-панслависта. Но русская дѣйствительность обманула его ожиданія и встрѣтила чужеземца-мечтателя, подошедшаго къ ней съ представленіями, выработанными внѣ ея условій, такъ, какъ она долго еще спустя встрѣчала да и нынѣ встрѣчаетъ своихъ и чужихъ мечтателей. Для воспріятія научныхъ трудовъ и широкихъ мечтаній на научной основѣ тогдашняя Русь совсѣмъ не была готова, и трудъ Крижанича можетъ имѣть для насъ значеніе лишь извѣстнаго симптома эпохи, одного изъ все болѣе и болѣе частыхъ случаевъ столкновенія европейскихъ идей, европейской науки съ условіями русской жизни, которая не хотѣла да и не могла отозваться на нихъ благопріятно. Но все же только эти идеи, только европейская наука, хотя бы и не прямо, а черезъ посредство юго-западной образованности, немного шевелила сонную московскую Русь и вносила въ ея умственную жизнь свѣжую струю. Поэтому вполнѣ естественно, что появленіе юго-западныхъ ученыхъ въ Москвѣ во второй половинѣ XVI в. отозвалось оживленіемъ и нашей грамматической литературы.

Однимъ изъ такихъ ученыхъ, Епифаніемъ Славинецкимъ [1]), умершимъ въ 1676 г., составлено было три рукописныхъ словаря, вызванныхъ настоятельной потребностью въ подобнаго рода пособіяхъ для перевода съ латинскаго и греческаго языковъ и вообще ихъ изученія. Потребность эта все сильнѣе и сильнѣе давала себя знать, благодаря учащенію сношеній съ западомъ и возраставшему европейскому вліянію. Не удивительно поэтому, что Епифаній Славинецкій еще въ бытность свою въ Кіевѣ, въ 1642 г., сдѣлалъ попытку передѣлать многоязычный словарь Амбросія Калепина [2]) въ латино-славянскій: „*Лексиконъ латинскій зкале-*

---

[1]) См. о немъ: Митроп. Евгеній, «Словарь историч. о писателяхъ духовн. чина», т. I; Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ В.», Спб. 1862, т. I, 189—190; Пѣвницкій, «Епиф. Славинецкій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей русской духовной литературы въ XVII в.». (Труды Кіевск. Дух. Акад. 1861 г. № 8 и 10, т. II и III, стр. 405—438, 135—182); Ив. Ротаръ, «Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в.» («Кіевская Старина» 1900 г., № 10, стр. 1—38, № 11, стр. 189—217, № 12, стр. 347—400). Спеціально лексикографическимъ трудамъ Славинецкаго посвящена обстоятельная статья С. Брайловскаго: «Филологическіе труды Епиф. Славинецкаго» («Русскій Филолог. Вѣстникъ» 1890 г., № 2, стр. 236—250).

[2]) Амвросій Калепинъ, ученый монахъ, род. въ 1435 г. въ Калепіо, близъ

пина преложенный на славенски лѣта от созданія мира 7150" = 1642 отъ Р. Х. (рукоп. за № $^{241}/_{111}$ библіотеки Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ). При второй передѣлкѣ Калепина, относящейся къ 1650 г., Славинецкій имѣлъ помощникомъ Арсенія Корецкаго-Сатановскаго, какъ это видно изъ заглавія на одномъ изъ списковъ этой передѣлки, принадлежащемъ Парижской корол. библіотекѣ: „Dictionarium Latinosclauonicum operi Ambrosii Calepini seruata Verborum integra seria conformatum studio atque reuerendorum in Christo patrum Epiphanii Slauienickij. Arsenij Koreckij Satanouiensis Ordinis S. Basiliy magni. Moschovia. Anno Reparatae salutis 1650". Существуютъ и другія рукописныя передѣлки этой обработки Калепина, носящія даты уже позднѣйшія, чѣмъ годъ смерти Славинецкаго. Одна изъ нихъ, напр., означена 1685 г. Нѣкоторыя изъ нихъ попадали и въ Европу, какъ напр. рукописный славяно-латино-нѣмецкій словарь, составленный библіотекаремъ берлинской корол. библіотеки Матюриномъ де ла Крозомъ и хранящійся въ названной библіотекѣ [1]).

Уже въ Москвѣ, по просьбѣ просвѣщеннаго боярина Ртищева, Славинецкій приступилъ къ составленію другого лексикографическаго труда, сохраняющагося въ рукописи Патріаршей библіотеки (№ 383) и озаглавленнаго: „Книга лѣксиконъ греко-славено-латинскій". Какъ и первый словарь Славинецкаго, такъ и этотъ былъ простой передѣлкой уже готоваго словаря западно-европейскаго происхожденія. По изслѣдованію Брайловскаго, оригиналомъ этой передѣлки послужилъ греко-латинскій словарь Іоанна Скопулы, имѣющійся въ библіотекѣ Моск. Синод. Типографіи въ двухъ изданіяхъ 1552 г. (въ Амстердамѣ) и 1663 г. („Ioannis Scopulae Lexicon graeco-latinum. Lugduni MDCLXIII"). Какъ показало сличеніе лексикона Славинецкаго съ словаремъ Скопулы, московскій составитель почти дословно мѣстами переводилъ свой оригиналъ на славянскій. Время составленія этой передѣлки во всякомъ случаѣ раньше 1680 г., какъ видно изъ имѣющихся извѣстій объ устройствѣ

Бергамо и ум. въ 1511 г., издалъ свой латинскій словарь въ Реджіо въ 1502 г. (industria Dionysii Bertochii in fol.). Впослѣдствіи словарь этотъ много разъ переиздавался (одни Альды выпустили съ 1542 до 1592 г. восемнадцать изданій), причемъ позднѣйшіе издатели постоянно передѣлывали и дополняли его. Въ 1578 г. число языковъ, на которыхъ въ немъ давались значенія лат. словъ, дошло уже до семи. Въ такомъ видѣ словарь этотъ носилъ заглавіе «Lexicon latinum variarum linguarum interpretatione adjecta». Passerat превратилъ его въ «Dictionarium octolingue» (греч., евр., итал., нѣм., исп., франц., англ.). Въ другихъ изданіяхъ прибавлены были еще венгерскій и славянскій (польскій) языки, такъ что въ концѣ-концовъ число языковъ въ немъ дошло до 11. Одно изъ полнѣйшихъ изданій — Базельское, 1590 г.

[1]) Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ В.», т. I, 189—90.

въ этомъ году въ книгохранительной палатѣ особыхъ ящиковъ для храненія данной рукописи, весьма цѣнившейся современниками. Если передѣлка была сдѣлана съ изданія Скопулы 1663 г., то такимъ образомъ время ея составленія опредѣляется приблизительно между 1664 и 1676 г. (годомъ смерти Славинецкаго). Другимъ источникомъ для Славинецкаго могъ служить принадлежащій также библіотекѣ Синодальной Типографіи (№ $^{11}/_{2570}$) „Dictionarium graecum cum interpretatione latina, omnium quae hactenus impressa sunt, copiosissimum“, изд. въ Венеціи въ 1524 г. Отсюда Славинецкій могъ черпать тѣ слова, которыхъ въ словарѣ Скопулы нѣтъ, но которыя тѣмъ не менѣе имѣются въ его передѣлкѣ. Словарь Славинецкаго, заключавшій въ себѣ около 7000 словъ, необыкновенно цѣнился современниками и ближайшимъ потомствомъ, какъ совершенно исключительное явленіе въ тогдашнемъ умственномъ обиходѣ московской Руси. Рукопись его сохранялась въ особыхъ золоченыхъ и расписныхъ ящикахъ и выдавалась нуждавшимся въ ея помощи не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія уже и при Петрѣ Великомъ (примѣры см. въ цитир. статьѣ Брайловскаго). Какъ думаетъ Пекарскій [1]), лексиконъ Епиф. Славинецкаго послужилъ въ свою очередь источникомъ того славянскаго рукописнаго словаря въ трехъ томахъ in folio, который былъ привезенъ въ концѣ XVII в. изъ Россіи знаменитымъ шведскимъ лингвистомъ Спарвенфельдомъ и хранится нынѣ въ библіотекѣ Упсальскаго университета. Кромѣ того, Славинецкому принадлежитъ еще третій рукописный словарь, такъ-назыв. „Филологическій лексиконъ“, въ которомъ объяснялись разныя непонятныя слова Св. Писанія изъ ихъ употребленія въ твореніяхъ святыхъ отцовъ.

Для противовѣса юго-западнымъ ученымъ, заподозрѣвавшимся у насъ въ латинствѣ и еретичествѣ, выписывались и ученые греки, въ родѣ братьевъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ (первый род. въ 1633 г. и ум. въ 1717, второй род. въ 1652, ум. въ 1730 г.) [2]), получившихъ образованіе въ Греціи, а потомъ въ Венеціи и Падуѣ (въ Коттоніанской академіи, гдѣ послѣ 9 лѣтняго ученія удостоены докторскихъ дипломовъ). Съ 1685 г. они преподавали грамматику и другія науки въ Заиконоспасской школѣ, иначе „Еллино-славенскомъ училищѣ“, для котораго составили особые учебники (рукописные), хранящіеся въ библіотекѣ Моск.

---

[1]) О перепискѣ Лейбница», «Записки Императ. Акад. Наукъ», 1863 г., т. IV, стр. 4, примѣч.

[2]) См. о нихъ: Смеíцовскій, «Братья Лихуды» и т. д. Спб., 1899.

Дух. Академіи. Среди этихъ учебниковъ находится краткая греческая грамматика, составленная въ 1687 г. и озаглавленная: „Περὶ γραμματικῆς μετόδου, συντεθεῖσης τε καὶ διαρεθεῖσης ἐς τρεῖς βίβλους κατ᾽ ἐρώτησιν καὶ ἀπόκρισιν“. Она изложена въ разговорной формѣ и представляла собой сокращеніе грамматики Константина Ласкариса, изданной въ Миланѣ въ 1476 г. [1]) и неоднократно переиздававшейся потомъ (между прочимъ въ Венеціи въ 1683 г.). Даже предисловіе къ грамматикѣ заимствовано у Ласкариса [2]). Кромѣ того, ими была составлена латинская грамматика, которую первоначально авторы предполагали написать на четырехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ, славянскомъ и грузинскомъ. Въ рукописи, однако, имѣется текстъ только на двухъ первыхъ языкахъ, а для другихъ двухъ оставлено мѣсто. Работа эта, повидимому, не была доведена до конца, можетъ быть, потому, что оказалась ненужной въ виду того подозрѣнія, съ которымъ у насъ тогда относились къ лат. языку. Во всякомъ случаѣ, сохранился только одинъ томъ, заключающій въ себѣ всю первую часть грамматики и нѣсколько главъ второй части. Составленіемъ грамматики Лихуды, однако, занялись по порученію своего начальства, какъ это видно изъ предисловія къ первой части. Пособіями при составленіи служили имъ всѣ извѣстные тогда грамматическіе учебники, выходившіе въ Греціи или Италіи, изъ которыхъ ни одинъ, однако, не удовлетворилъ ихъ въ отношеніи полноты и ясности.

О другихъ научныхъ пособіяхъ, обращавшихся тогда у насъ, можно судить по описи Спасской библіотеки, сдѣланной въ сентябрѣ 1689. Среди 603 названій рукописныхъ и печатныхъ книгъ на латинскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ значатся слѣдующія лингвистическія: „книга лексиконъ латинской Цицерона (т.-е. вѣроятно къ Цицерону, быть можетъ „H. Stephanus: Ciceronianum lexicon“. Парижъ, 1557), книга Калепинъ великій на одинпадцати языкахъ (многоязычный словарь Калепина, служившій источникомъ для латино-слав. словаря Епиф. Славинецкаго), лексиконъ словено-латинской, лексиконъ латино-словенскій (Славинецкаго?), книга лапонская (вѣроятно лапландскій словарь: „Manuale lapponicum“, 8°, Стокгольмъ, 1648 г.), лексиконъ полскаго, словен-

[1]) Полное ея заглавіе: Compendium octo orationis partium et aliorum quorundam necessariorum in fine quaedam ex Tryphone Grammatico de Passionibus dictionum; Graece ex Recensione Demetrii Cretensis, qui Epistolam Graecam cum versione Latina promisit Mediolani impressum per Magistrum Dionysium Paravisinum. 30 янв. 1476 г.

[2]) См. Смирновъ, «Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи». Москва, 1855 г., стр. 44—46.

скаго языковъ, 10 книгъ синонимовъ, 18 книгъ греко-славянскихъ грамматикъ (вѣроятно „Адельфотисъ“ или вышеупомянутая греч. грамматика Лихудовъ, писанная на греч. и слав. языкахъ), 23 книги Алваровъ (очевидно латинской грамматики Эмануэля Альвареца: „De institutione grammatica lib. III. Dillingae, 1574“, извѣстной подъ именемъ „Alvari principia“), книги лексиконъ шестероязычный [1]) и проч.

Въ народъ элементарныя школьно-грамматическія знанія проникали путемъ букварей въ родѣ „Науки ку читаню и розумѣню писма словенскаго“ (самый первый — Вильно, 1596), или „Азбуки“ Бурцева-Протопопова: „Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ разумѣти божественнаго писанія“, напеч. (1634) „списаніемъ и труды многогрѣшнаго Василія Өедорова сына Бурцова“. Изъ др. „букварей“ выдавался Каріона Истомина „Букварь славено-россійскихъ письменъ“ (1694) [2]).

IV. Знакомство съ языками въ древней и московской Руси и преподаваніе ихъ.

Практическое языкознаніе въ древней Руси, конечно, не могло быть сильно развито. Тѣмъ не менѣе необходимость сношеній съ сосѣдними странами и иноземными послами, пріѣзжавшими въ Р., должна была вызывать знакомство съ иностранными языками. Уже въ Поученіи Владиміра Мономаха мы находимъ указаніе относительно отца автора — вел. кн. Всеволода Юрьевича, который „дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ“; внукъ Владиміра Мономаха, вел. кн. Михаилъ Юрьевичъ (XII в.) по преданію, впрочемъ, недостовѣрному, „съ греки и латины говорилъ ихъ языкомъ, яко русскимъ“. О переводахъ съ греческаго находимъ лѣтописныя извѣстія изъ XI в. (о князѣ Ярославѣ, которому многіе писцы „прекладаша отъ Грѣкъ на Словѣньское письмо“). Митрополиты Алексѣй (1293—1377) и Кипріанъ (1376—1406) занимались сами переводами съ греческаго. Іоаннъ Грозный предполагалъ открыть въ Москвѣ школы для преподаванія латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Современникъ и бывшій сподвижникъ его, кн. Курбскій, зналъ языки греческій, латинскій и польскій.

---

[1]) См. Смирновъ, «Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи», стр. 42—43, а также «Временникъ Импер. Общ. истор. и древн.» 1853 г., кн. 16, смѣсь и «Вѣстн. Евр.», 1827 г., № 16, стр. 255.

[2]) О букваряхъ этого времени см. Пекарскій «Наука и лит. при Петрѣ Вел.», Т. I. стр. 167 и сл.

Кромѣ частныхъ лицъ, изучавшихъ чужіе языки изъ любознательности, имѣлись у насъ и профессіоналисты-толмачи. У Максима Грека, не знавшаго по славянски, помощниками были толмачи Власій и Митя, которымъ онъ переводилъ съ греческаго на латинскій, а тѣ уже съ латинскаго на славянскій. Въ посольствѣ къ императору Максимиліану (1518) состоялъ толмачъ Истома малый, съ которымъ, равно какъ и съ посломъ Владиміромъ Племянниковымъ, императоръ говорилъ по латыни. О толмачѣ Дмитріи Щербатовѣ, знавшемъ нѣмецкій и латинскій языки, уже упоминалось выше (стр. 157). Борисъ Годуновъ въ 1602 г. отправилъ въ Англію и Германію молодыхъ людей для изученія англійскаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ [1]). Въ посольствѣ въ Венецію (1656) участвовалъ переводчикъ Тимофей Топоровскій, знавшій по-итальянски. Котошихинъ (XVII в.) говоритъ о большомъ количествѣ переводчиковъ (около 50) и толмачей (до 70 чел.) при посольскомъ приказѣ въ Москвѣ, для переводовъ съ латинскаго, польскаго, шведскаго, нѣмецкаго, греческаго, польскаго, татарскаго и „иныхъ языковъ". По его словамъ, „бываетъ тѣмъ переводчикамъ на Москвѣ работа по вся дни... также старые письма и книги для испытанія велятъ имъ переводити". Переводчики эти, впрочемъ, большею частію были иноземнаго происхожденія, какъ свидѣтельствуютъ ихъ имена, встрѣчающіяся въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ иностранными послами и державами: Касперъ Ивановъ, Юшка Вичентовъ, Луканъ, сынъ Магнусовъ, Анца Андреевъ, Вестерманъ, иноземецъ Романъ Болдвинъ, Романъ Бекманъ, Иванъ Гельмъ. Въ сношеніяхъ съ турками употреблялись переводчики, носившіе имена въ родѣ: Келметъ Алешовъ, Шебанъ Шенчюринъ и т. д. Природные же русскіе рѣдко знали иностранные языки, такъ что де-ла-Нёвиль, бывшій въ Россіи въ концѣ XVII в., когда наше общество начинало уже немножко просыпаться, изъ своихъ московскихъ знакомыхъ насчиталъ только четверыхъ, знавшихъ по латыни (Пекарскій, „Наука и литература при Петрѣ Вел., т. I, 186—87). Изъ не индо-европейскихъ языковъ наши предки знакомились съ урало-алтайскими и финскими. О знакомствѣ съ первыми свидѣтельствуетъ переводъ ханскихъ ярлыковъ. Финскіе языки изучались въ цѣляхъ миссіонерства. Въ XIV в. знаменитый св. Стефанъ Пермскій изобрѣлъ пермскія или зырянскія письмена

[1]) (См. объ этомъ: „Записки Имп. Акад. Наукъ" т. XI, кн. I, стр. 91, а также: Арсеньевъ, «Исторія посылки первыхъ русскихъ студентовъ заграницу при Борисѣ Годуновѣ». Москва, 1887).

и перевелъ на зырянскій св. книги. Въ XVI в. архимандритъ Ѳеодоритъ, обращая въ христіанство лопарей (до р. Туломы) тоже изобрѣлъ для нихъ письмена и перевелъ Евангеліе [1]).

Къ концу XVII в. возникаетъ правильное преподаваніе языковъ (сначала древнихъ и славянскаго) въ учебныхъ заведеніяхъ. Сначала устраивается небольшая школа въ Спасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, въ 1665 г. Здѣсь учились у Сим. Полоцкаго „по латынямъ" порученные ему „для грамматическаго ученія" молодые подъячіе приказа тайныхъ дѣлъ. Греческій языкъ, повидимому, здѣсь не преподавался. Школа существовала недолго и закрылась если не въ 1668 г., то не позже 1671 г., когда Полоцкій былъ сдѣланъ наставникомъ царевича Ѳедора [2]). Въ Спасской школѣ, конечно, господствовало латино-польское направленіе книжной учености, представителемъ котораго былъ Симеонъ Полоцкій. Несмотря на противодѣйствіе сторонниковъ греко-византійскаго направленія, во главѣ которыхъ стоялъ Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, пользуясь своимъ придворнымъ вліяніемъ, успѣлъ все-таки провести проектъ Академіи, уставъ которой былъ составленъ имъ въ 1680 г. по образцу западно-европейскихъ учрежденій этого рода и Кіевской коллегіи. Въ академіи предполагалось преподавать „различные діалекты, наипаче-же славенскій, еллиногреческій, польскій и латинскій". Въ числѣ обязанностей академіи былъ, однако, также надзоръ за обращеніемъ различныхъ книгъ и сожженіе изъ нихъ вредныхъ „польскихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, лютеранскихъ и кальвинскихъ" [3]). Открытіе академіи, однако, долго заставляло себя ждать. Его повидимому тормозили сторонники греко-византійской учености, и хлопотавшій о немъ ученикъ Симеона Полоцкаго, Сильвестръ Медвѣдевъ, принужденъ былъ удовольствоваться лишь преподаваніемъ „славенскаго языка". Для этого, въ 1682 г. въ Спасскомъ монастырѣ выстроены были двѣ кельи для ученія. Въ этой школѣ и преподавалъ С. Медвѣдевъ Какъ долго существовала эта школа, точно неизвѣстно. Повидимому въ 1686 г. она еще дѣйствовала. Кромѣ „словенскаго ученія", Медвѣдевъ ввелъ въ нее и латинскій языкъ [4]). Въ противовѣсъ этому латинскому ученію, патріархъ Іоакимъ открылъ въ 1681 г. школу „греческаго языка и писанія" при Московской Духовной Типографіи. Въ 1684 г. въ ней было уже 191 ученикъ:

---

[1]) О языкознаніи въ древней Руси см. статью акад. Сухомлинова въ «Ученыхъ Запискахъ 2-го отд. Имп. Ак. Наукъ», кн. I, 1854.

[2]) Смепцовскій, „Братья Лихуды", Спб., 1899, стр. 21—22.

[3]) Тамъ-же, стр. 26—29.

[4]) Тамъ-же, стр. 36—38.

23 „греческаго діалекта“ и 168 славянскаго языка, въ 1685 г.—200 и въ 1686—233. Старшій классъ былъ посвященъ „греческому языку и писанію“, а младшій „славенскому“ языку. Наконецъ въ 1685 г. выписаны были братья Лихуды, открывшіе вскорѣ свою школу, въ которую поступило 6 человѣкъ изъ типографской школы. Зданіе для новой школы было скоро готово, и въ декабрѣ 1685 въ ней было уже 28 учениковъ, а въ январѣ 1686—33. Наконецъ осенью 1687 г. было готово новое каменное зданіе Славяно-Греко-Латинской академіи, въ которую перешли ученики Типографской школы. Съ этого времени начинается дѣятельность новой академіи, число учащихся въ которой, впрочемъ, не было особенно велико: къ Рождеству 1687 года—76 учениковъ, а весною 1688 и 1689—64. Курсъ начинался здѣсь русской грамотой. Въ низшихъ классахъ преподавались начатки греческаго языка или „греческое книжное писаніе“, въ среднихъ—грамматика (на греч. языкѣ) [1]).

Кромѣ грамматики, по-гречески преподавалась еще піитика; логика, риторика и физика—по-гречески и по-латыни. Учениковъ заставляли говорить на этихъ языкахъ, что̀ и достигалось уже черезъ 3 года послѣ открытія академіи. Воспитанники ея занимались и переводами.

Особенно распространено было изученіе латинскаго языка въ кіевской академіи (съ 1631 г.). На немъ преподавали здѣсь всѣ предметы, кромѣ катехизиса и славянской грамматики. Воспитанники должны были говорить по-латыни не только въ классахъ и стѣнахъ заведенія, но и внѣ его, на улицахъ, даже у себя дома. За ошибку въ латинскомъ или за русское слово, сказанное вмѣсто латинскаго, виновный подвергался строжайшему взысканію. Впрочемъ славяно-греко-латинская академія въ Москвѣ процвѣтала не очень долго. Съ 1694 г., послѣ ухода изъ нея братьевъ Лихудовъ, она быстро стала падать, и въ 1701 г. митрополитъ Стефанъ Яворскій, назначенный блюстителемъ академіи, нашелъ ее въ крайнемъ упадкѣ. 150 учениковъ академіи терпѣли страшную нужду въ самомъ необходимомъ; самое зданіе пришло въ запущеніе: потолки и печи въ немъ обвалились, и въ зимнее время ученье стало невозможно [2])

Выйдя изъ академіи, Лихуды давали желающимъ частные уроки итальянскаго языка. Въ 1697 г. вышелъ и царскій указъ, чтобы у Лихудовъ учились итальянскому языку дѣти бояръ и другихъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 30 и слѣд.
[2]) Смепцовскій «Братья Лихуды», стр. 295—297.

чиновъ. Всѣхъ такихъ учениковъ Лихудамъ было дано 55 человѣкъ. Такой неожиданный спросъ на итальянскій языкъ объяснялся желаніемъ Петра заключить союзъ съ Венеціей противъ Турціи, съ которою мы въ это время завели неудачную войну, и ему нужны были люди, знающіе по-итальянски [1]). Сношенія съ западомъ въ это время также становятся все чаще и оживленнѣе. Благодаря всему этому, знаніе иностранныхъ языковъ, особенно латинскаго, въ концѣ XVII в. стало встрѣчаться у насъ все чаще и чаще. Знаніе это, однако, носило исключительно практическій характеръ. О сколько-нибудь отчетливомъ теоретическомъ пониманіи языка, какое уже въ это время встрѣчалось на западѣ, у насъ нечего было и думать. Для характеристики представленій о взаимныхъ отношеніяхъ языковъ греческаго, латинскаго и славянскаго другъ къ другу, которыя обращались у насъ въ послѣдней четверти XVII в., могутъ служить нѣкоторыя мѣста изъ разсужденія: „Учитися ли намъ полезнѣе грамматики, риторики... и котораго языка ученію учитися намъ словенамъ, потребнѣе и полезнѣе: латинскаго или греческаго“ (Рукоп. Спб. Духовной Акад. № 423. Напечатана въ приложеніи къ цитир. книгѣ Сменцовскаго, „Братья Лихуды“. Спб. 1899). Неизвѣстный авторъ этого разсужденія, порожденнаго, очевидно, распрей между сторонниками латинской учености съ одной стороны и византійской съ другой, находитъ, что греческій и славянскій языки болѣе схожи между собою, чѣмъ славянскій и латинскій. Сходство это онъ, между прочимъ, видитъ въ присутствіи члена или «арѳра» въ греческомъ и славянскомъ, тогда какъ въ латинскомъ его нѣтъ. Такимъ образомъ вполнѣ искусственное измышленіе грамматиковъ, рабски копировавшихъ схемы греческой грамматики, нѣкоторыми (М. Смотрицкій и его послѣдователи) уже оставленное, было принято у насъ за дѣйствительное свойство славянскаго языка [2]) Ярко характеризуютъ тогдашнія общія представленія о языкѣ и другія доказательства „тѣсноты и убожества“ латинскаго языка: такія слова, какъ *митрополитъ* и *архіепископъ*, звучатъ де по-латыни *метрополитъ* и *арцибискупъ*, вмѣсто *Іисусъ* говорится Iesus, вмѣсто *Михаилъ, Даніилъ, Измаилъ* будетъ *Михель, Даніель, Измаель*. Особенно же автора сокрушаетъ то, что имя „святаго многострадальнаго Іова“ звучитъ по-латыни уже совсѣмъ „срамно“...

---

[1]) Тамъ же, стр. 299—300.

[2]) Въ связи съ этимъ быть можетъ находится возстановленіе въ Московскомъ изданіи грамматики Смотрицкаго «различія», т. е. «члена», котораго въ оригинальномъ изданіи не находимъ. Не было ли принято отсутствіе этого «арѳра» въ подлинномъ изданіи грамматики Смотрицкаго за латинскую ересь?

Таково было состояніе нашихъ грамматическихъ знаній и практическаго знакомства съ чужими языками къ началу XVIII в. Между тѣмъ на западѣ языкознаніе уже въ XVI вѣкѣ выдвинуло рядъ замѣчательныхъ для своего времени работъ, въ родѣ „De causis linguae latinae libri XIII“ Скалигера (1540) и „Minerva seu de causis linguae latinae“ Санкція (1587), грандіознаго „Thesaurus linguae graecae“ Генрика Стефана (1572), „Thesaurus linguae latinae“ Роберта Стефана (1531) и др. Первая печатная грамматика, авторомъ которой былъ одинъ изъ греческихъ выходцевъ въ западную Европу—Константинъ Ласкарисъ, явилась уже въ концѣ XV в. (Миланъ, 1476 г.). До Россіи она дошла только черезъ сто слишкомъ лѣтъ и послужила образцомъ для нашихъ западныхъ грамматиковъ, въ родѣ М. Смотрицкаго и другихъ. Въ концѣ XVII в. ею пользовались для цѣлей преподаванія, какъ мы видѣли выше, братья Лихуды. Кромѣ нея, въ Европѣ были въ ходу греческія грамматики Рейхлина († 1522), Меланхтона († 1560), Зильбурга († 1596) и др. Къ началу XVII в. является замѣчательный большой Thesaurus латинскихъ надписей Грутера и Скалигера. Печатная грамматика и словарь испанскаго языка (авторъ—Aelius Antonius Nebrissensis) является уже въ 1492 г., голландско-латинскій словарь Шюрена еще въ 1475 г., а въ 1574 г. выходитъ *сравнительный* словарь фламандскаго и родственныхъ діалектовъ Киліана. Въ теченіе XVI в. выходитъ рядъ печатныхъ грамматикъ и словарей французскаго, бретонскаго, валлійскаго, нѣмецкаго, чешскаго, польскаго, даже басскаго языковъ. Въ это же время въ испанскихъ владѣніяхъ въ Америкѣ является рядъ грамматикъ и словарей разныхъ американскихъ языковъ. Возникаютъ уже и попытки сравненія разныхъ языковъ, какъ напр., трудъ Guilielmi Postelli „De affinitate linguarum et hebraicae excellentia“ (1538), гдѣ ближайшими родичами еврейскаго признаются языки халдейскій, самаритянскій, финикійскій, арабскій и эѳіопскій. Въ этомъ же родѣ работа Бухманна „De communi ratione omnium literarum et linguarum“ 1548. Выше въ извѣстныхъ отношеніяхъ трудъ Скалигера «Diatriba de Europaeorum linguis» (1599). Въ теченіе XVII вѣка грамматическія и лексикографическія работы являются на западѣ все чаще и чаще. Становятся возможны такіе труды, какъ «Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis» (Парижъ, 1678) Дюканжа, первыя попытки физіологіи звука, какъ «Tractatus grammatico-physicus de loquela sive sonorum formatione» Джона Уэльза (1653) и его же англійская грамматика. Выходятъ работы по албанскому, готскому, англо-саксонскому, древне-сѣверному, шведскому, датскому, норвежскому, португальскому, дал-

матскому-сербскому, литовскому, латышскому, ирландскому, финскому, эстонскому, турецкому, лапландскому язз. и даже первая русская грамматика (Лудольфа, въ Оксфордѣ 1696 г) [1]).

Все это широкое научное движенie докатилось слабымъ всплескомъ только до нашей западной Руси, болѣе зараженной вѣянiями „тлетворнаго" запада и тамъ отразилось въ видѣ работъ невѣдомыхъ „спудеевъ", сложившихъ „отъ разныхъ грамматикъ" свой Адельфотисъ, грамматикъ Зизанiя, Смотрицкаго, словаря Памвы Берынды и др. Въ московской Руси оно осталось безъ отклика, и наши грамотѣи въ это время довольствовались своими азбуковниками и передѣлками византiйскихъ грамматическихъ трактатовъ, да дивились срамности и бѣдности латинскаго языка. Единственная до извѣстной степени самостоятельная работа ихъ состояла только въ передѣлкѣ грамматики Смотрицкаго, въ которой они оставили систему нетронутой, замѣнивъ лишь славянскiя и западнорусскiя формы и акцентуацiи болѣе привычными и близкими къ великорусскимъ. Въ началѣ XVIII в. такое положенiе дѣла, понятно, не могло быстро измѣниться.

V. XVIII вѣкъ. Состоянiе языкознанiя при Петрѣ Великомъ.

Просвѣтительная дѣятельность Петра Великаго, открывшая XVIII столѣтiе, слабо отозвалась на нашемъ языкознанiи. Петру нужны были прежде всего точныя и прикладныя, техническiя знанiя. Поэтому среди членовъ учрежденной имъ академiи наукъ совсѣмъ не было языковѣдовъ. Даже влiянiе Лейбница, съ которымъ Петръ вступилъ въ сношенiя и который составлялъ ему проекты развитiя наукъ и просвѣщенiя въ Россiи, осталось безрезультатнымъ. По крайней мѣрѣ изъ разныхъ мѣръ, предлагавшихся Лейбницемъ, всѣ, имѣвшiя значенiе для языкознанiя, остались неосуществленными. Лейбницъ, еще до свиданiя съ Петромъ (въ 1711 г.) интересовавшiйся образцами нарѣчiй и языковъ [2]), употребляемыхъ

---

[1]) См. Benfey «Geschichte der Sprachwissenschaft etc.». (Мюнхенъ 1869).

[2]) Такъ въ письмѣ къ графу Пальмiери, назначенному состоять въ свитѣ бранденбургской курфирстины, ѣхавшей на свиданiе съ Петромъ Великимъ въ г. Кенигсбрюгге, Лейбницъ проситъ его способствовать полученiю «образчиковъ тѣхъ нарѣчiй въ Россiи, которыя совершенно различны съ русскимъ языкомъ, напр., нарѣчiй черкесскихъ, сибирскихъ, языка Черемисовъ, Калмыковъ» и т. п. (В. Герье, «Отношенiя Лейбница къ Россiи и Петру Великому, по неизданнымъ бумагамъ Лейбница въ Гановерской библiотекѣ». Спб. 1871, стр. 12).

Въ письмѣ къ Лефорту (тамъ же, стр. 13) Лейбницъ опять проситъ «образчиковъ всѣхъ языковъ, которые употребляются народами, подвластными царю

разными народами Россіи, указывалъ черезъ Брюса на необходимость перевода на инородческіе языки главныхъ молитвъ (въ видахъ распространенія христіанства) и составленія хотя бы небольшихъ словарей по каждому изъ этихъ языковъ; просилъ также и о доставленіи ему образцовъ языковъ Россіи и сосѣднихъ царствъ, русскаго лексикона или вокабулъ, славянской грамматики, свѣдѣній о рукописяхъ греческихъ и русскихъ, хранящихся въ монастыряхъ и прочихъ мѣстахъ, разныхъ русскихъ богослужебныхъ и историческихъ книгъ и т. д. Кое-что, можетъ быть, изъ этихъ пожеланій и могло бы быть исполнено (по части посылки книгъ), но ни инородческихъ словарей, ни образцовъ инородческихъ языковъ, ни русскаго словаря, ни свѣдѣній о рукописяхъ и т. п. Петръ, конечно, не могъ послать Лейбницу и, повидимому, даже не пробовалъ сдѣлать что-нибудь для полученія требуемыхъ имъ данныхъ.

и ведущими торговлю съ его государствомъ и до предѣловъ Персіи, Индіи и Китая», и именно такихъ языковъ, «которые совершенно не сходны съ русскимъ, а для этихъ образчиковъ... было бы лучше перевести «Отче нашъ» и составить списокъ самыхъ обыкновенныхъ словъ на каждомъ изъ этихъ языковъ». Хотя Лефортъ и обѣщалъ доставить Лейбницу желаемое имъ, но впослѣдствіи Лейбницу пришлось опять напоминать ему о своей просьбѣ (тамъ же, стр. 19). Въ концѣ концовъ отвѣтъ былъ данъ Лефортомъ, но весьма мало, вѣроятно, удовлетворилъ Лейбница. Лефортъ писалъ Лейбницу, что желаніе его не могло быть исполнено сейчасъ же, потому что при русскомъ посольствѣ (въ Голландіи) не было людей, знавшихъ инородческіе языки. Поэтому онъ написалъ въ Москву, прося выслать списокъ разныхъ словъ на этихъ языкахъ. Достать на нихъ «Отче нашъ» не возможно, потому что инородцы не знаютъ этой молитвы. По границѣ съ Китаемъ живутъ все татары, около Сѣв. моря и Архангельска Самоѣды, а по Волгѣ множество разныхъ народовъ, изъ названій которыхъ Лефортъ запомнилъ только чувашъ. По ту сторону Волги опять обитаютъ татары. Корень русскаго языка—славянскій, и съ нимъ схожи польскій и чешскій языки (тамъ же, стр. 20—21).

Съ просьбой объ образчикахъ инородческихъ языковъ Лейбницъ обращался къ Лудольфу, жившему въ Голландіи, черезъ котораго онъ, очевидно, думалъ завязать сношенія съ русскимъ посольствомъ въ Голландіи. Отъ него онъ наконецъ, получилъ переводы «Отче нашъ» на монгольскомъ и тунгузскомъ язз., вѣроятно, переданные Лудольфу Витзеномъ (тамъ же, стр. 28). Отъ послѣдняго Лейбницъ получилъ, лѣтомъ 1698 г., и самоѣдскій переводъ «Отче нашъ» (тамъ же, стр. 31). Витзенъ сообщалъ также, что его другъ Виніусъ, вѣдавшій Сибирскимъ приказомъ, сдѣлалъ надлежащія распоряженія, чтобы Лейбницу выслали переводы «Отче нашъ» и на другіе сибирскіе языки (тамъ же).

Наконецъ въ 1711 г. Лейбницу удается добиться аудіенціи у самого Петра въ Торгау и изложить ему свои проекты и предложенія, а въ томъ числѣ и свои лингвистическія pia desideria. Изъ писемъ философа къ Брюсу и Гюйссену видно, что Петръ съ интересомъ слушалъ не только прочія предложенія Лейбница, но и о собираніи лингвистическихъ матеріаловъ, и обѣщалъ доставить желаемыя свѣдѣнія черезъ посредство царской канцеляріи (тамъ же, стр. 126).

По крайней мѣрѣ съ тѣми-же просьбами, какъ къ Брюсу, Лейбницъ обращался къ блюстителю патріаршаго престола Стефану Яворскому, спрашивая его объ изданныхъ имъ рукописныхъ памятникахъ древнѣйшей русской исторіи, Патерикѣ, рукописяхъ, прося прислать образчики языковъ и т. д. (Герье, „Отношенія Лейбница къ Россіи", стр. 162). Всѣ эти письма, однако, оставались, повидимому, безрезультатными. По крайней мѣрѣ въ январѣ 1715 г. Лейбницъ жаловался, что не получаетъ ни отвѣтовъ на свои письма, ни жалованья, хотя уже болѣе двухъ лѣтъ состоитъ на русской службѣ (тамъ-же, стр. 176). Во всякомъ случаѣ никакого сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на развитіе у насъ языкознанія старанія Лейбница не возъимѣли. (См. кромѣ цитир. сочиненія В. Герье, изданный имъ-же „Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру Вел.", Спб., 1873).

Изученіе иностранныхъ языковъ при Петрѣ Великомъ продолжало носить практическій характеръ. По прежнему при посольскомъ приказѣ состояли толмачи, въ родѣ Николая Спаөарія, голландца Андрея Виніуса и др. Кромѣ толмачей, переводами занимались духовныя лица, воспитанники кіевской и московской академіи, въ родѣ кіевскихъ ученыхъ Симона Кохановскаго и Өеофила Кролика, знавшаго не только латинскій, но и нѣмецкій языкъ. Въ Москвѣ переводами занимались братья Лихуды, знавшіе, кромѣ древнихъ языковъ, еще итальянскій, а также ихъ ученики Өедоръ Поликарповъ и Алексѣй Барсовъ. Природныхъ русскихъ, знавшихъ иностранные языки, по прежнему было мало. Неплюевъ, изучившій морское дѣло, былъ сдѣланъ посломъ въ Константинополѣ, потому что былъ единственнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ (1721 г.), знавшимъ итальянскій языкъ. Въ 1706 г. въ Москвѣ, кромѣ переводчика латинскаго языка и двухъ молодыхъ подъячихъ, знавшихъ иностранные языки, не было никого [1]).

Изъ восточныхъ языковъ въ царствованіе Петра I особое вниманіе было обращено на изученіе японскаго. Покореніе Камчатки поставило Россію лицомъ къ лицу съ Японіей, и дальновидный императоръ, имѣя въ виду возможность торговыхъ и другихъ сношеній съ нашей новой сосѣдкой, положилъ начало правильному преподаванію у насъ японскаго языка. Первымъ учителемъ этого языка сталъ японецъ Денбей, выброшенный бурей на берегъ Камчатки въ самомъ началѣ XVIII в. и отправленный въ Анадырскій острогъ. Узнавъ объ этомъ событіи, Петръ указомъ отъ 16 апрѣля 1702 г. повелѣлъ прислать Денбея изъ Сибирскаго при-

---

[1]) Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ I», т. I, стр. 187.

каза въ Артиллерійскій для обученія русскому языку и грамотѣ, послѣ чего повелѣвалось „ему Денбею учить своему японскому языку и грамотѣ робятъ человѣкъ четырехъ или пяти“. Сдѣлавъ это распоряженіе, Петръ не забылъ его и, указомъ отъ 16 окт. 1705 г., запросилъ генералъ-фельдцейхмейстера царевича Александра Арчиловича и генералъ-маіора Брюса, научился ли Денбей по русски, научилъ ли самъ кого японскому языку и продолжаетъ ли учить.

Въ результатѣ этого запроса въ томъ же году возникла въ Петербургѣ особая „Школа для изученія японскаго языка“. Надзоръ за нею былъ порученъ Сенату. Комплектъ учениковъ и дѣйствительное число учащихся въ ней остались неизвѣстными, но, судя по дѣйствительной потребности въ знающихъ японскій языкъ и по цифрѣ, назначенной самимъ Петромъ въ его первомъ указѣ, надо думать, что ихъ было не много. Откуда были взяты первые ученики,—также неизвѣстно, и только позже имѣются свѣдѣнія, что ихъ набирали изъ солдатскихъ дѣтей. Положеніе этихъ учениковъ было подневольное: учениками они числились всю жизнь, и все время должны были изучать японскій языкъ. Когда была нужда въ переводчикахъ японскаго языка, ихъ брали изъ учениковъ названной школы; проходила эта нужда—переводчики опять превращались въ пожизненныхъ учениковъ.

Въ помощь Денбею, Сенатъ заботился пріискать другого японца, который, въ случаѣ смерти Денбея, могъ бы и замѣстить его. Поэтому Сибирскій приказъ неоднократно получалъ изъ Петербурга предписанія выслать туда еще одного японца. Для исполненія этихъ предписаній Якутская канцелярія оповѣстила камчатскихъ сборщиковъ ясака, чтобы они, въ случаѣ новаго крушенія какого нибудь судна, доставили въ Якутскъ еще одного японца. Случаи скоро представился, и въ 1711 году въ Петербургъ былъ отправленъ новый спасшійся при кораблекрушеніи японецъ Санима [1]), назначенный помощникомъ Денбея. Учрежденная такимъ образомъ японская школа продолжала дѣйствовать и при преемникахъ Петра I. Ученіе въ ней, конечно, имѣло примитивно-практическій характеръ и обходилось безъ какихъ либо пособій и руководствъ, которыя явились у насъ лишь много лѣтъ спустя, да и то въ очень скудномъ числѣ [2]).

Петръ Великій заботился и объ изученіи китайскаго языка,

---

[1]) Отецъ академическаго переводчика японскаго языка Андрея Богданова († 1768), автора рукописной японской грамматики.

[2]) См. П. Ивановъ «Распоряженіе Петра Великаго объ обученіи въ Россіи японскому языку» («Вѣстникъ Имп. Русск. Географ. Общ.» 1856 г., № 7) и

преслѣдуя при этомъ, конечно, цѣли чисто утилитарныя. Еще въ 1700 г., указомъ отъ 18 іюня, Петръ повелѣлъ назначить на свободную каѳедру Сибирской митрополіи „пастыря не только добраго и благого непорочнаго житія, но и ученаго, который бы при томъ, въ помощь себѣ, взялъ въ Сибирь нѣсколько образованныхъ, способныхъ изучить языки, китайскій и сибирскихъ инородцевъ“. Особое значеніе этимъ заботамъ придавалъ носившійся въ то время слухъ, что тогдашній китайскій богдыханъ Канси не прочь принять христіанскую вѣру. Желаніе Петра, однако, долго оставалось безъ исполненія, и только въ 1714 г., когда отправилась въ Китай наша первая духовная миссія (подъ начальствомъ архимандрита Иларіона Лежайскаго), къ ней прикомандировано было семь человѣкъ студентовъ и причетниковъ. Миссія эта достигла цѣли назначенія въ 1716 г., а въ 1719 возвратилась назадъ въ Россію. Въѣздъ студентамъ въ Китай тогда еще не былъ разрѣшенъ китайскимъ правительствомъ, такъ что истинная цѣль ихъ посылки — изученіе туземнаго языка на мѣстѣ, вѣроятно, скрывалась миссіей. Разрѣшеніе привозить учениковъ „для узнанія китайскаго языка“ получено было только послѣ смерти Петра, въ 1728 г. [1]).

Первая попытка къ изученію монгольскаго языка была сдѣлана новымъ митрополитомъ Сибирскимъ Филоѳеемъ Лещинскимъ (съ 1702 г.), отправившимъ въ 1707 г. въ Калху миссію изъ проповѣдника Иларіона Лежайскаго, іеродіакона Филиппа Хавова, одного боярскаго сына и двухъ учениковъ. Цѣлью миссіи было ознакомиться съ ученіемъ буддистовъ, а ученики, состоявшіе при ней, должны были изучить на мѣстѣ монгольскій языкъ. Миссія исполнила возложенное на нее порученіе, но ученики ея, встрѣтивъ разныя препятствія, вскорѣ вернулись въ Тобольскъ [2]). Въ 1724 г. настоятель Иркутскаго Вознесенскаго монастыря, архимандритъ Антоній Платковскій, быть можетъ дѣйствовавшій подъ вліяніемъ плановъ своего покровителя, митрополита Филоѳея Лещинскаго, вошелъ въ Синодъ съ представленіемъ о необходимости учрежденія при вышеназванномъ монастырѣ школы монгольскаго языка, въ видахъ „распространенія православной вѣры въ Сибири и для сношенія съ сосѣдями“. Разрѣшеніе было дано уже въ

А. Сгибневъ «Объ обученіи въ Россіи японскому языку» (на основаніи дѣлъ иркутскаго и якутскаго архивовъ) въ «Морск. Сборникѣ» 1868 г. декабрь.

[1]) См. Н. Веселовскій, «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи вост. языковъ въ Россіи». Спб. 1879, стр. 71—72.

[2]) Словцовъ, «Историч. Обозрѣніе Сибири» (Москва, 1838, кн. I. стр. 358—59) и «Иркутск. Епарх. Вѣдомости» 1875 г. № 52, стр. 698.

слѣдующемъ 1725 году; тогда же выстроенъ домъ для школы и приступлено къ набору учениковъ изъ дѣтей священно-и церковнослужительскихъ (комплектъ 25 ч.). Попадали въ школу, впрочемъ, не только крестьянскія дѣти, но и монголы-мальчики [1]). Предполагалось, по желанію Синода, преподавать въ этой школѣ и китайскій языкъ, но предположеніе это не осуществилось. Черезъ 15 лѣтъ школа закрылась.

Калмыцкимъ языкомъ занимался Никодимъ Линкевичъ, родомъ полякъ, постригшійся въ 1715 г. въ монахи Кіевопечерской лавры, гдѣ онъ и учился этому языку у крещеныхъ калмыковъ. Въ 1725 г. Линкевичъ былъ посланъ къ калмыкамъ миссіонеромъ съ тремя учениками [2]).

Для изученія турецкаго, персидскаго и татарскаго языковъ Петръ въ 1716 году наказывалъ отправить 5 учениковъ московскихъ латинскихъ школъ въ Персію съ посланникомъ Волынскимъ. Въ результатѣ этой мѣры у насъ впослѣдствіи явились свои переводчики персидскаго языка (Колушкинъ, послѣ резидентъ при персидскомъ дворѣ и др. [3]).

Школьное преподаваніе славянскаго и древнихъ языковъ шло въ томъ-же духѣ и направленіи, какъ въ московской славяно-греко-латинской академіи, объ упадкѣ которой, по уходѣ братьевъ Лихудовъ, уже шла выше (стр. 187) рѣчь. Съ 1706 г. была учреждена Новгородская греко-славянская школа при Софійскомъ Соборѣ, куда были призваны преподавателями тѣ же Лихуды. Преподаваніе въ ней не отличалось существенно отъ преподаванія въ московской академіи, но число учениковъ было не велико (за все время учительства здѣсь Лихудовъ—только 163 ч.). Школа дѣлилась на два класса, гдѣ преподаваніе шло на „еллинскомъ діалектѣ“ и на „словенскомъ общемъ діалектѣ“. Въ славянскомъ классѣ преподавалъ переводчикъ Θедоръ Герасимовъ (по учебнику Мелетія Смотрицкаго), а въ греческомъ—Лихуды, по руководству, составленному Софроніемъ Лихудомъ. По крайней мѣрѣ, въ спискѣ книгъ Новгородской школы значится „грамматика Софроніева, творенія Лихудіева греческая“ (Смендовскій, „Братья Лихуды“, Спб., 1899, стр. 342). Была ли это та же передѣлка

---

[1]) «Иркутскія Епарх. Вѣдом.» 1863 г. № 17, 28. 38 и 1875 г.; Газета «Амуръ» 1862 г. № 19.; Пекарскій «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» Спб. 1862 г., т. I. 121.

[2]) См. статью Шестакова въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г. ч. 145 и Смирнова «Истор. Моск. Духовной Академіи», I, 243.

[3]) «Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи» № 2978 и цитир. трудъ Н. Н Веселовскаго «Свѣдѣнія объ офф. препод. и т. д.» стр. 147.

грамматики Ласкариса, о которой упоминалось выше, неясно. Для надобностей этой-же школы однимъ изъ ея учителей, Өедоромъ Максимовымъ, сокращена грамматика Смотрицкаго. Латинскій языкъ введенъ былъ въ Новгородскую школу только при епископѣ Новгородскомъ Өеодосіи Яновскомъ въ 1721 г., но преподаваніе его шло плохо, и въ 1726 при Өеофанѣ Прокоповичѣ латинскіе классы были закрыты (тамъ-же, стр. 344). Да и преподаваніе греческаго языка встрѣчало огромныя трудности. Большая часть учащихся (56 ч.) не пошла далѣе букваря; этимологію до синтаксиса прошло уже только 32 ч., этимологію и часть синтаксиса одолѣло 17 ч., а всю грамматику только 9. Покончившіе грамматику проходили піитику (такихъ было 8) и, наконецъ, достигали риторики (таковыхъ набралось всего 4). Софроній Лихудъ оставался здѣсь недолго и въ 1707 г. былъ вызванъ въ Москву, гдѣ и былъ удержанъ митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ, для устройства школы „еллинскаго языка". Іоанникій же остался въ Новгородѣ до 1716 г., когда переѣхалъ въ Москву, гдѣ и умеръ въ 1717. Преемникомъ его сталъ иподіаконъ Өедоръ Максимовъ, издатель упомянутой выше (стр. 179) передѣлки грамматики Смотрицкаго. При немъ новгородская греко-славянская школа сдѣлалась разсадникомъ просвѣщенія не только для Новгородской области, но и для другихъ епархій, посылавшихъ сюда лучшихъ учениковъ своихъ школъ, какъ въ своего рода образцовую педагогическую семинарію. Въ 1721 г. по образцу ея открыта въ Петербургѣ при Александро-Невскомъ монастырѣ „славенская" школа, а въ 1723 г. въ ней началось обученіе и греческому языку. Кромѣ того, по мысли Өеодосія Яновскаго, новгор. епископа, съ 1721 г. были открыты школы въ разныхъ городахъ и монастыряхъ: Юрьевская, Тихвинская, Каргопольская, Валдайская, Бѣжецкая, Городецкая и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ назывались партикулярными, другія епархіальными. Въ послѣднихъ преподавался и греческій языкъ. Всего въ епархіальныхъ школахъ со времени ихъ открытія до 1726 г., когда онѣ были закрыты, обучалось 723 ученика (Смирцовскій, „Братья Лихуды", гл. V). Хуже шла греческая школа, устроенная въ 1707 г. въ Москвѣ Софроніемъ Лихудомъ, особенно упавшая, когда послѣдній былъ назначенъ въ коммиссію по исправленію славянскаго перевода библіи. На помощь ему пріѣхалъ изъ Новгорода престарѣлый Іоанникій, но не могъ ничего сдѣлать. Школа продолжала пребывать въ состояніи крайняго упадка, и большинство учениковъ ея (40 ч.) находилось въ бѣгахъ. Въ 1721 г. школа, вмѣстѣ съ типографіею, перешла въ вѣдѣніе только что учрежденнаго Св. Синода, а въ 1725 г. переведена въ зданіе

Славяно-латинской академіи, войдя въ нее, какъ одно изъ трехъ отдѣленій Славяно-греко-латинской академіи, но сохраняя при этомъ извѣстную самостоятельность, которую утратила только въ 1743 году, слившись окончательно съ академіей. Преподаваніе въ ней шло особенно хорошо при Алексѣѣ Барсовѣ (съ 1725 по 1731 г), но послѣ его ухода, вслѣдствіе арестованія его преемника Ивана Яковлева (1732) и не нахожденія ему хорошаго замѣстителя, обученіе греческому языку въ ней прекратилось и началось снова только въ 1743 г., когда въ нее былъ вызванъ изъ Кіева учителемъ греч. языка іеромонахъ Іаковъ Блонницкій (Смепцовскій, „Братья Лихуды“, гл. VI). Духовныя училища, въ которыхъ преподавался латинскій и греческій языки, существовали въ концѣ царствованія Петра Великаго и года два- три послѣ его смерти еще въ Коломенской, Казанской, Рязанской и Нижегородской епархіяхъ. не говоря уже о южно-русскихъ—Кіевской, Черниговской, Бѣлоградской. (См. о нихъ Пекарскій, „Наука и литература и т. д.“, т. I, стр. 107—121). Родъ гимназіи, гдѣ преподавались франц., нѣм. и лат. языки, открылъ въ Москвѣ, въ 1703 году, извѣстный плѣнный пасторъ Глюкъ, вскорѣ однако умершій (въ 1705), послѣ чего училищемъ этимъ нѣкоторое время завѣдывалъ магистръ философіи Іенскаго университета, впослѣдствіи первый переводчикъ въ петерб. академіи наукъ, Іоганнъ Вернеръ Паузе. Въ программѣ гимназіи упоминались, въ случаѣ, „когда угодные ученики будутъ“, и семитическіе языки--еврейскій, сирійскій и халдейскій, „въ пользу всѣмъ охотникамъ ѳеологскихъ сладостей“. О преподаваніи ихъ, равно какъ о дальнѣйшей судьбѣ этой школы ничего не извѣстно (см. тамъ-же, стр. 131).

Развивавшееся такимъ образомъ понемногу и съ большими остановками школьное преподаваніе языковъ требовало пособій и руководствъ. Не удивительно, впрочемъ, что при новизнѣ дѣла лингвистическая литература петровской эпохи ограничивалась немногими учебниками, въ родѣ Копіевича „Руковеденія въ грамматику славенороссійскую“ (1706), представлявшаго извлеченіе изъ грамматики Смотрицкаго, его-же русско-латинско-нѣмецкихъ вокабулъ („Nomenclator in lingua latina, germanica et russica“, 1700), латинской грамматики („Latina Grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis Sclavonico-Rosseanae adornata, studio atque opera Elia Kopiiewitz seu de Hasta Hastenii“, Амстердамъ, 1700), упомянутыхъ уже выше славяно-русскихъ грамматикъ Поликарпова (М., 1721) и Максимова (Спб., 1723), основанныхъ на грамматикѣ Смотрицкаго (первая цѣликомъ, вторая съ нѣкоторыми незначительными самостоятельными добавленіями), голландско-русскихъ разговоровъ

Дезидерія Эразма („Разговоры дружескіе Дезідеріа Ерасма, съ приложенными общими нѣкіими разговоровъ образцами и часто употребляемыми пословицами, отъ различныхъ авторовъ избранными, во употребленіе хотящимъ языка Галанскаго учитися юношамъ. 2 части на Россійскомъ и Галанскомъ языкахъ. Спб. 1716. 8°. См. Смирдинъ „Роспись россійскимъ книгамъ", № 5876. У Сопикова въ „Опытѣ росс. библіографіи", № 9443, заглавіе приводится съ нѣкоторыми отличіями, впрочемъ незначительными), переводной грамматики голл. яз. Вилима Сѣвела „Искусство нидерландскаго языка" (1716—17) (см. Пекарскій, т. II, 395—97) и немногихъ букварей, въ родѣ „Букваря славенскими, греческими и римскими письмены" Ѳедора Поликарпова (М., 1701). Въ этомъ букварѣ впервые встрѣчаемъ латинскія и греческія слова, напечатанныя подлиннымъ латинскимъ и греческимъ шрифтомъ. Заключающіяся въ немъ вокабулы заимствованы изъ вокабулъ Копіевича (Пекарскій, т. I, стр. 176). Такойже практическій характеръ имѣли: „Лексиконъ треязычный; сирѣчь рѣченій славенскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ сокровище изъ различныхъ древнихъ и новыхъ книгъ собранное и по славенскому алфавиту въ чинъ расположенное" Ѳ. Поликарпова (М., 1704), въ составленіи котораго принимали участіе и братья Лихуды, разсмотрѣвшіе его вмѣстѣ съ Стефаномъ Яворскимъ и Рафаиломъ Краснопольскимъ (учителемъ Славяно-латинской академіи) и дополнившіе его [1]), и „Книга лексіконъ или собраніе рѣчей по алфавіту съ россійскаго на голанской яз.". (Спб., 1717). Въ „лексиконѣ треязычномъ" Поликарпова интересно предисловіе, въ которомъ авторъ старается уничтожить предубѣжденіе противъ изученія иностранныхъ языковъ и предлагаетъ читателю, вопрошающему „что пользуютъ намъ языцы иностраніи, не доволенъ-ли единъ нашъ славенскій ко глаголанію", внять его доводамъ въ пользу этого изученія и „развѣять негодованія облакъ". Далѣе приводятся аргументы въ пользу выбора трехъ языковъ: „еврейскій языкъ есть языкъ святъ, греческій языкъ есть языкъ премудрости, латинскій языкъ есть языкъ единоначальствія"; кромѣ того на этихъ языкахъ было написано „титло Христа распятаго". Составитель, однако, позволилъ себѣ замѣнить еврейскій языкъ славянскимъ „яко поистинѣ отцемъ многихъ языковъ благоплоднѣйшимъ, понеже отъ него аки отъ источника неизчерпаема прочіимъ многимъ произыти языкомъ: сирѣчь поль-

[1]) См. Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ I, т. I, стр. 190, т. II, стр. 93.

скому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому [1]), малороссійскому и инымъ множайшымъ всѣмъ есть явно. Не малую же и отсюду нашъ языкъ славенскій имѣетъ почесть, яко начало воспріятъ отъ самыя славы, ибо еже грекомъ есть δόξα, латиномъ gloria. Сіе намъ есть слава. Отнюдуже чрезъ имени производство отъ сла́вы славенскій и родъ и языкъ преславное свое начало воспріяша". Помимо указанія на подозрительное отношеніе къ занятіямъ иностранными языками, вполнѣ естественное въ невѣжественномъ обществѣ, очень мало еще отошедшемъ отъ взглядовъ московской старины, здѣсь находимъ представленіе о старослав. языкѣ, какъ объ отцѣ всѣхъ славянскихъ языковъ, а также и признаніе взаимнаго родства этихъ послѣднихъ между собою.

Рядомъ съ этими печатными руководствами, продолжаютъ появляться и рукописныя, что̀ было вполнѣ естественно, въ виду слабаго спроса на подобныя книги. Такъ въ 1705 году Лихуды, сосланные въ то время на житье въ Костромской Ипатьевскій монастырь, составили пространную греческую грамматику, сохраняющуюся въ рукописи, въ библіотекѣ Моск. Дух. Акад. (№ 332) и озаглавленную „Ἰοαννικίου καὶ Σωφρονίου τῶν Λειχουδῶν περὶ Γραμματικῆς μεθόδου ἔκδοσις τὸ δεύτερον, πρὸς τὴν τῆς Ῥητορικῆς σχολὴν ἀποβλέπουσα". Это руководство изложено уже не въ катехетической формѣ (какъ ихъ первая грамматика), но также основано на грамматикѣ Ласкариса, хотя примѣчанія и объясненія къ правиламъ принадлежатъ самимъ Лихудамъ. Первая часть (437 стр.) заключаетъ въ себѣ ученіе объ осьми частяхъ рѣчи, вторая же трактуетъ περὶ συντάξεως τῶν ὀκτὼ μερῶν τοῦ λόγου и заключается синтаксисомъ σχηματική, гдѣ говорится о барбаризмахъ, солекизмахъ, эллипсисѣ, синекдохѣ и т. д. Примѣры грамматическихъ формъ склоненія и спряженія представляютъ всегда сравненія съ діалектическими разновидностями и почерпнуты изъ классическихъ писателей, мѣстами же изъ Новаго Завѣта [2]).

Въ концѣ царствованія Петра Великаго нѣкій Іоаннъ Максимовичъ (по правдоподобному предположенію Пекарскаго, малороссъ, канцеляристъ, бѣжавшій за границу съ Мазепою, но потомъ вернувшійся съ повинной головой въ 1715 г. и опредѣленный переводчикомъ въ московскую типографію, какъ человѣкъ, знакомый съ иностранными языками) составилъ рукописный латино-русскій словарь, хранящійся нынѣ въ Имп. Пу-

---

[1]) Т.-е. западно-русскому.

[2]) См. описаніе этой грамматики у С. К. Смирнова: „Исторія Славяно-греко-лат. Академіи". Москва, 1855, стр. 46—47.

бличной Библіотекѣ (рукоп. Q., XVI, № 21). Оконченъ онъ былъ послѣ шестилѣтняго труда въ 1724 году, какъ это видно изъ разныхъ указаній обширнаго предисловія (на 21 л.), писаннаго по латыни и по русски. Самый словарь занимаетъ 1425 стр., и въ концѣ къ нему приложены (на 74 стр.) „Vocabula et phrases quae non minori diligentia, opera ac curiositate auctoris hujus onomastici, tam ex S. Scriptura, quam ex variis libris et lexicis excerpta et suis locis secundum ordinem verborum inserta, non propter jactantiam operis, sed evidentiam sedulitatis hic sunt adnotata". Словарь былъ посвященъ императрицѣ Екатеринѣ I, о предстоящей коронаціи которой говорится въ очень пространномъ предисловіи, дающемъ нѣкоторыя указанія, цѣнныя для исторіи языкознанія у насъ. Въ посвященіи авторъ старается связать коронацію императрицы со своимъ словаремъ, чтобы каждый изучающій лат. языкъ по его труду вспоминалъ бы это событіе. Въ предисловіи указываются мотивы составленія словаря: отсутствіе лексиконовъ (и грамматикъ) не только въ Великой Россіи, гдѣ до сихъ поръ „власть духовная, ея же честь ученія разширяти долгъ не рушимый... о размноженіи наукъ на языкахъ политическихъ не прилагала попеченія", но даже и въ Малой Россіи, гдѣ латинскія училища, основанныя Петромъ Могилою, въ теченіи болѣе 80 лѣтъ своего существованія „отъ полоно-латинскихъ и латино-польскихъ лексиконовъ въ ученіяхъ своихъ пользовашася и сего ради въ свойственномъ себѣ словенскомъ оскудѣваху языцѣ". Здѣсь-же перечисляются разныя западныя пособія для изученія иностранныхъ языковъ на западѣ, и указывается источникъ самого словаря Максимовича, именно латино-польскій „Thesaurus polono-latino-graecus, seu Promptuarium linguae latinae et graecae polonorum usui accomodatum" іезуита Григорія Кнапія, изд. въ Краковѣ въ 1621 г. и потомъ неоднократно переиздававшійся въ теченіе XVII ст. [1]). Такимъ образомъ даже въ концѣ царствованія Петра Великаго европейская наука все еще попадала къ намъ черезъ посредство Польши и Малороссіи.

При Петрѣ начинаются и первыя у насъ попытки собиранія лингвистическаго матеріала. Такія работы производили иностранцы: Готлобъ Шоберъ, посланный на Кавказъ (1717), Даніилъ Готлибъ Мессершмидтъ, натуралистъ и оріенталистъ, отправленный въ 1721 г. въ Сибирь, Шарль Фредерикъ де Патронъ Боданъ, ѣздившій съ Петромъ въ персидскій походъ, въ Казань и Астрахань

---

[1]) Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», Спб. 1862, т. I, 191—197.

(1722). Работы ихъ остались, однако, въ рукописи (см. Пекарскій „Наука и литер. при Петрѣ I“, т. I, стр.350—51).

Къ этимъ ученымъ надо прибавить еще голландца Николая Витзена (р. 1641 † 1717), пребываніе котораго въ Россіи, правда, относится къ болѣе раннему времени (1666—1677). Первое изданіе его сочиненія „Noord en Oost-Tartarye ofte bondig Ontwerp van eenige dier Landen en Volken etc.“ вышло еще въ 1672, въ Амстердамѣ (2 т. in folio), но второе, значительно дополненное и совершенно передѣланное, въ 1705 [1]). Дополненія второго изданія были основаны на матеріалѣ, доставлявшемся изъ Россіи, съ вѣдома и при содѣйствіи Петра Великаго, которому и была посвящена книга Витзена еще въ первомъ изданіи. Въ этомъ трудѣ находимъ образчики (глоссаріи и тексты) слѣдующихъ языковъ: корейскаго, даурскаго (т. е. бурятскаго), монгольскаго, татарскаго (въ томъ числѣ и крымскихъ татаръ), калмыцкаго, грузинскаго, черемисскаго, мордовскаго, остяцкаго, тунгузскаго, якутскаго, ламутскаго, юкагирскаго, вогульскаго, пермяцкаго и самоѣдскаго [2]).

Въ этомъ же родѣ были и рукописныя работы выше названныхъ трехъ ученыхъ. Готлобъ Шоберъ, поступившій въ 1712 г. въ русскую службу лейбъ-медикомъ, оставилъ рукописное сочиненіе „Memorabilia Russico-Asiatica“, въ которомъ, по разсказамъ современниковъ, было очень много образчиковъ разныхъ языковъ. Рукопись эта была отправлена наслѣдниками Шобера въ Голландію для изданія, но и въ 1760 г. все еще оставалась ненапечатанной, принадлежа одному частному лицу въ Гагѣ [3]). Мессершмидтъ (р. 1685 † 1735), семь лѣтъ странствовавшій по Сибири, занимался также собираніемъ образчиковъ разныхъ языковъ. Аделунгъ, въ цитированномъ уже сочиненіи своемъ о заслугахъ Екатерины II въ области сравнительнаго языкознанія, приводитъ заглавіе одного рукописнаго труда Мессершмидта, доставшагося ему, вмѣстѣ съ бумагами такого же позднѣйшаго собирателя, Бакмейстера: „Specimen der Zahlen einiger Orientalischen und Sibirischen Völker, woraus unter andern Merkmalen auch zu ersehen seyn mögte, wie etwa solche vor Zeiten sowohl unter sich, als mit andern westlichen Völkern combinirt gewesen“. Здѣсь приводятся формы изъ языковъ: венгерскаго, финскаго, мордовскаго, вотяцкаго, пермяцкаго, вогульскаго или югорскаго, черемисскаго, остяцкаго, якутскаго, сибирскихъ татаръ, тунгузскаго, манчжурскаго, верхне-

[1]) Оба изданія имѣются въ библіотекѣ Имп. Акад. Наукъ.

[2]) См. Adelung, „Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Spachenkunde“. Спб. 1815, стр. 3—6.

[3]) Аделунгъ, цит. сочин. стр. 9 и Мюллера „Samml. Russ. Gesch.“ IV. 280.

тунгузскаго или ламутскаго, калмыцкаго или монгольскаго, бухарско-персидскаго (таджикскаго ?), или монгольско-индійскаго (?), тангутскаго (т. е. тибетскаго), китайскаго, камчадальскаго, мангазейскаго [1]). Помощникомъ его и такимъ же любителемъ-собирателемъ лингвистическаго матеріала былъ Іоганнъ фонъ Штраленбергъ, прежде носившій фамилію Табборта [2]), шведскій капитанъ, взятый въ плѣнъ въ 1709 г. при Полтавѣ и отправленный, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, въ Сибирь, гдѣ онъ пробылъ 13 лѣтъ. Плодомъ его наблюденій было извѣстное его сочиненіе о Россіи: „Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tartarey in sich begreifet... etc.“ (Стокгольмъ, 1730 г.). Здѣсь напечатаны слѣдующіе лингвистическіе матеріалы, собранные Штраленбергомъ: „Vocabularium Calmuco-Mungalicum“, „Tabula Polyglotta“, носящая заглавіе: „Gentium Boreo-Orientalium vulgo Tatarorum Harmonia Linguarum oder Specimen einiger Zahlen und Wörter derer in dem Nord-Ostlichen Theil von Europa und Asia wohnenden Tatar-und Hunno-Scythischen Abstämmlings-Völker“ и т. д. Таблица эта дѣлитъ сравниваемые языки на шесть классовъ; въ первомъ находимъ сравненіе языковъ вогульскаго, мордовскаго, черемисскаго, пермяцкаго, вотяцкаго и остяцкаго съ венгерскимъ и финскимъ; во второмъ сравнивается языкъ тобольскихъ, тюменскихъ и туринскихъ татаръ съ якутскимъ и чувашскимъ; въ третьемъ разсматриваются шесть самоѣдскихъ діалектовъ (архангельскихъ и енисейскихъ самоѣдовъ, остяковъ на Оби и Чулимѣ и др.); четвертый классъ составляютъ языки калмыцкій, манчжурскій и тангутскій (т. е. тибетскій); въ пятомъ сближаются языки камачинцовъ, аринцовъ, нерчинскихъ и ангарскихъ тунгузовъ, ламутовъ, коряковъ и курильцевъ, а въ шестомъ языки аваровъ, кумыковъ, кубинцевъ, черкесовъ и куринцевъ, живущихъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями.

По свидѣтельству Мюллера (Sammlung Russ. Geschichte, XI, 86—87), Штраленбергъ былъ страстнымъ любителемъ этимологизаціи („ein ungemeiner Liebhaber der Wortforschung“), примѣнявшейся имъ въ его историческихъ изысканіяхъ, но къ сожалѣнію не зналъ границъ своей фантазіи, увлекавшей его нерѣдко къ самымъ рискованнымъ заключеніямъ („die abenteuerlichsten Sätze“) [3]).

Особенно плодовитымъ лингвистомъ-дилеттантомъ Петровской эпохи является Шарль Фредерикъ де-Патронъ Боданъ (Baudan), оста-

---

[1]) Аделунгъ, стр. 8—9.

[2]) Тамъ же, стр. 6—8.

[3]) Тамъ же.

вившій послѣ себя множество рукописныхъ трактатовъ. Рукописи его, прежде находившіяся въ библіотекѣ Эрмитажа, хранятся теперь въ Имп. публичной библіотекѣ и посвящены преимущественно вопросу о происхожденіи письма и сравнительному языкознанію. Аделунгъ, ознакомившійся съ ними, приводитъ ихъ заглавія. Языкознанію посвящены слѣдующія: „Remarques sur l'analyse des dialectes Scythes tant Slaviens que Germains“ (9 лист.), „Essai de l'analyse de la langue Russe-Slavienne“, „Amazones“, трактатъ „Sur les diverses branches Scythes Sarmates, tant Slaviennes que Germaines, auxquelles le métier de la guerre et sa profession étaient dans les premiers siècles universels etc.“ (79 листовъ). Здѣсь между прочимъ доказывается, что сирійскій языкъ тожественъ съ русскимъ, „la même langue que le Russe moderne“, такъ какъ „le terme de Sour, Sourien ou Syrien a été transposé par les Grecs et Latins, et pris du terme de Rouss ou Roussien, de même que celui de Souriac ou Syriaque est le terme renversé de Rossak et Roussiak, qui est le même que Rouss et Rouski“. Въ связи съ этимъ трактатомъ находится его „Le grand Dictionnaire du Chevalier Gentilhomme ou Dictionnaire Amasonien“ или „Le grand Dictionnaire Amasonien Etymologique, Géo-Hydrographique, Héraldique, Historique, Chronologique et Critique. Par le secours du quel il est prouvé, que toutes les langues usitées des peuples Chrétiens de l'Europe, y compris la Latine et la Grecque ou Hellénienne, ne sont rédévables de tous les termes anciens fameux et remarquables qu'elles comprennent qu'aux Dialectes antiques *Slaviens* et *Germains*, en tant que dérivés l'un et l'autre de la plus antique langue Scythe Septentrionale, Mère commune des dialectes fameux *Slaviens* et *Germains*“. Этотъ громадный рукописный трактатъ представляетъ типичный образчикъ безграничной свободы въ сравненіи формъ разныхъ языковъ, основанномъ исключительно на созвучіи. Такъ Боданъ сравниваетъ *хорошъ* съ лат. *carus*, *богатый* съ лат. *beatus*, *обитаетъ* съ лат. *habitat*, *покой* съ лат. *pax*, *убыль* съ нѣм. *Uebel*, *кафтанъ* съ *heft an!* *годится* съ *gut ist es*, *принеси* съ *bringen Sie* и т. д. Рядомъ, однако, имѣются болѣе удачныя сопоставленія: *овецъ* || *ovis*, *видитъ* || *videt*, *агнецъ* || *agnus*, *беретъ* || *fert*, *игомъ* || *jugum*, *домъ* || *domus*, *сидитъ* || *sedet*, или *яе*, *яйцо* съ нѣм. Ei, *яблоко* съ *Apfel*, *купа* съ *Haufe*, *купить* съ *Kaufen*, *ута* съ *Ente* (сопоставленіе, кажущееся Аделунгу слишкомъ смѣлымъ, но теперь общепринятое). Сходство славянскаго съ санкритомъ (или „langue Indienne Bramine“) объясняется существованіемъ Индо-скиоскаго языка и господствомъ скиѳовъ или Сарматовъ надъ всей Азіей (см. Аделунгъ, „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleich. Sprachenkunde“, стр. 10—20).

VI. Языкознаніе при преемникахъ Петра Великаго. Тредьяковскій, Сумароковъ, Ломоносовъ.

При преемникахъ Петра условія научнаго развитія въ Россіи не могли существенно измѣниться, и настоящихъ языковѣдовъ у насъ пока все еще не являлось да и не могло явиться. Грамматическими вопросами занимались преимущественно писатели, и въ томъ числѣ Тредьковскій (1703—1769), Сумароковъ (1718—1777), и особенно Ломоносовъ (1712—1765). Первому принадлежитъ „Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ орѳографіи старинной и новой“ (1748), составленный по образцу разговора Эразма Роттердамскаго о произношеніи въ греческомъ и латинскомъ языкахъ. Въ немъ авторъ проводилъ смѣлую по тогдашнему мысль о необходимости фонетическаго правописанія „по звонамъ“ (по выговору). Сообразно съ этимъ принципомъ, Тредьяковскій изгонялъ изъ русской азбуки нѣкоторые лишніе знаки, въ родѣ *щ*, которое замѣнялъ сочетаніемъ *шч*, а также *з*, *и*, *э*, *о*, *ѵ*. Вмѣсто *з* онъ предлагалъ знакъ S (зѣло), а вмѣсто *и*—*і*. При этомъ, однако, самъ онъ являлся непослѣдовательнымъ, продолжая писать многое по укоренившемуся обычаю.

Вопросовъ метрики и версификаціи онъ касался въ своемъ извѣстномъ „способѣ къ сложенію россійскихъ стиховъ“ (1735) и въ разсужденіи „о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ“ (1755), гдѣ впервые устанавливалъ тоническую теорію русскаго стихосложенія.

Объ употребленіи языковъ церковно-славянскаго и русскаго, въ зависимости отъ содержанія и характера сочиненія, онъ говоритъ въ предисловіи къ переводному сочиненію „Ѣзда на островъ любви“, затрогивая здѣсь вопросы, поднятые также и Ломоносовымъ въ его извѣстномъ ученіи о трехъ штиляхъ. Между прочимъ онъ сообщаетъ читателямъ своего перевода, что старался писать „почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собой говоримъ“. Причинами такого выбора „простого русскаго языка“, вмѣсто „славянскаго“, онъ выставляетъ: 1) свѣтскій характеръ своей книги: „языкъ словенской, у насъ есть языкъ церковной, а сія книга мірская“; 2) непонятность „славенскаго“, который „въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь теменъ, и многія его наши читая неразумѣютъ“, между тѣмъ какъ данное сочиненіе, трактующее о „сладкой любви“, должно быть вразумительно всѣмъ; 3) жесткость славянскаго: „языкъ славенскій нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я

имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми". Тѣмъ не менѣе „самый простой русскій языкъ" этого перевода кишитъ славянизмами, въ родѣ: *бремя, гласъ, брегъ, зракъ, драгая, велегласно, древеса, благосердна, премѣнь, престать, престаютъ, немогуще, привлещи, нощь, вящшей, тысящи, зажещи, хощу, возмощи, провождать, такожде, любве, сице, понеже, выну, паки, зѣло* и т. д. Рядомъ дѣйствительно находимъ и чисто русскія формы: *отъ берегу, оборотившися, перестань*, р. ед. *города, холодность, хочешь, свѣчи, тысячу, нахожу, таковъ* и т. д. Такая путаница въ употребленіи „славенскихъ" и „простыхъ русскихъ формъ" вытекала изъ совершенно неяснаго представленія объ отличіи русскаго языка отъ старославянскаго. Въ упомянутомъ уже „Разговорѣ о правописаніи" Тредьяковскій говоритъ, что „вся разность" между русскимъ и славянскимъ „касается токмо, такъ сказать, до поверхности языка, а не до внутренности" и состоитъ лишь въ заимствованіяхъ, „нововводныхъ словахъ, воспріятыхъ отъ чужихъ языковъ", въ весьма немногихъ „отмѣнныхъ словахъ" (нпр. слав. *аще*, вм. р. *ежели)* и „въ простѣйшемъ выговорѣ отъ народа введенномъ" (вм. *глава—голова*, вм. *пити—пить* и т. д,). Разницы эти, однако, „нимало" не мѣшаютъ „быть нашему языку однимъ и тѣмъ же съ славенскимъ". Это отожествленіе русскаго языка съ старославянскимъ повторяется и впослѣдствіи, не только въ грамматическихъ работахъ первой четверти XIX в., но даже и въ недавнее время (нпр. въ передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей" 1885 г., № 93, въ которой, по поводу юбилея славянскихъ Первоучителей, очевидно, не безъ вѣдома редактора-филолога, если и не имъ самимъ, доказывалось, что „славянскій языкъ есть также русскій только въ его древнѣйшемъ состояніи... славянскій языкъ есть славянорусскій" и т. д.).

Весьма интересны для характеристики филологическихъ пріомовъ Тредьяковскаго его „Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ: I. о первенствѣ словенскаго языка предъ тевтоническимъ: II. о первоначаліи Россовъ, III. о варягахъ-руссахъ славенскаго званія, рода и языка" (1773). Свое положеніе о первенствѣ слав. языка [1]) Тредьяковскій доказываетъ рядомъ курьезныхъ этимологій, основанныхъ на грубомъ созву-

[1]) . . . „древнѣйшій всего Запада и Сѣвера Европѣйскаго языкъ былъ одинъ Словенскій, отецъ по прямой чертѣ Славенскому, Славенороссійскому, Польскому, Чешскому, Далматскому, Сербскому, Болгарскому, Хорватскому, Расціанскому и многимъ прочимъ; а вотчимъ, или лучше отецъ же, но только съ косвенныя стороны, всѣмъ Тивтоническимъ и Цімбрическимъ". (Тредьяк. «Три разс.» 1773 г., стр. 61—62).

чін и дающихъ яркое понятіе о его филологическомъ методѣ, въ которомъ онъ, однако, являлся только ученикомъ современныхъ западно-европейскихъ филологовъ и историковъ [1]). Такъ скиѳы у него = *скиты* (отъ *скитанія*); Британія = *Пристанія* (гдѣ *пристали* кельты, названные такъ за *желтый* цвѣтъ своихъ волосъ); иберы = *уперы*, такъ какъ море со всѣхъ сторонъ *упи-*

[1]) Изъ лингвистическихъ европейскихъ работъ Тредьяковскій неоднократно ссылается на: „Синопсисъ всеобщей Филологіи" Генселія (Henselius Godofr. Synopsis universae *Philosophiae* [такъ у Grässe, „Trésor des livres rares"], in qua mira unitas et harmonia linguarum totius orbis terrarum occulta, literarum, syllabarum, vocumque natura et recessibus eruitur; cum grammatica linguarum orientalium harmonica synoptice tractata, necnon descriptione orbis terrarum quoad linguarum situm et propagationem, mappisque geographicis polyglottis." Norimb. 1741 и 1754. Мал. 8°. Grässe замѣчаетъ: Cet ouvrage bizarre ne mérite notre attention...), „Параллел. XII. языкъ Скиѳо-Целто-Европейскихъ" Кирхмайера (Георгъ Каспаръ Кирхмайеръ, р. 1635 † 1700, проф. элоквенціи Виттенбергскаго университета, весьма плодовитый авторъ массы разсужденій на разныя темы, въ томъ числѣ „Parallelismus XII. linguarum ex matrice Scytho Celtica Europae a Japheti posteris vindicatarum". Виттенб. 1693, и „De origine, jure ac utilitate linguae Slavoniae". Виттенб. 1697), „Анти-клувер." шведа „Стіернгелмія" (Georg Stjernhjelm, р. 1598 † 1672, первый директоръ коллегіи древностей въ Упсалѣ, авторъ нѣсколькихъ ученыхъ трудовъ, между прочимъ цитуемаго Тредьяковскимъ полемическаго сочиненія, направленнаго противъ „Germania antiqua" географа Клювера: „Anticluverius sive de originibus sueo-gothicis" Стокгольмъ, 1685.), „Разсужден. о вѣк. Тевтоническ. языка" другого Кирхмайера (Теодора, р. 1645 † 1715, адъюнкта философ. факультета въ Виттенбергѣ, автора нѣсколькихъ трактатовъ, среди которыхъ находится и „De linguae teutonicae aetatibus", по показанію Jöcher, „Allgem. Gelehrten-Lexikon" т., II. 1750 г., стлб. 2099—2100), Пезрона „Древности Целтич. язык." (аббатъ Paul Pezron, филологъ и хронологистъ, р. 1639 † 1706. Книга его: „Antiquités de la nation et de la langue des Celtes autrement appelez Gaulois". Парижъ 1703), акты Королевскаго научнаго Упсальскаго общества, въ частности на посланіе епископа Готебурскаго Георгія Валлина, напечатанное въ этихъ актахъ за 1743 г., Празія „Разсужденіе о германическ. начал. Латинск. языка" (Praschius, „De origine Germanica linguae Latinae. Ratisbonae 1686"), на "Фалегъ" Бошарта (знаменитый въ свое время ученый Samuel Bochart, р. 1599 † 1667, гугенотскій пасторъ, авторъ „Geographia Sacra", изд. подъ заглавіемъ „Phaleg et Canaan", 1646 г.), на „Амазоническія писанія" Горопія Бекана (фламандецъ Van Gorp или Goropius Becanus р. 1518 † 1572, медикъ и оріенталистъ, авторъ различныхъ трактатовъ, въ томъ числѣ „Origines gentium". Сочиненія его „Opera Joannis Goropii Beccani" изд. въ Антверпенѣ въ 1570 г. Въ нихъ онъ доказывалъ между прочимъ, что голландскій языкъ—древнѣйшій изъ языковъ міра, и что рай былъ въ Голландіи): на историковъ: Байера, т. I. „О началѣ и первѣйшихъ Скиѳскихъ мѣстахъ", Кромера (Mart. Cromer, 1512—1539, епископъ, авторъ „De origine et rebus gestis Polonorum") и Стрыйковскаго, на „Полоно-латино-Греч. Словарь іезуита Кнапія (Григ. Cnapius, полякъ, 1574—1638, авторъ „Thesaurum polono-latino-graecum") и франц. словарь „Ришлета" (Pierre Richelet, † 1698, авторъ „Dictionnaire françois", Женева, 1680, Кельнъ 1694, Амстердамъ 1709) и т. д.

растся въ Пиренейскій полуо-въ; Италія = *Удалія* (*удаленная* отъ сѣвера); Норвегія=*Наверхія* (лежитъ *на верху* карты къ сѣверу) и т. д. Скиоскія имена получаютъ здѣсь такое объясненіе: Агатѵрсъ есть *Окодыржъ*, т. е. *Окодержъ* отъ надсмотра или надзора, паралаты=*перелеты* или *бурелеты*, тиссагеты=*дюжечеты*, т. е. сильные люди, мессагеты=*мѣсточеты*, т. е. преходящіе по мѣстамъ, аргипеи или арджипеи=*о-рчи-баи*, т. е. о рѣчи баятели, или сказатели дѣльнаго и справедливаго, аримаспы=*яры машбы* отъ ярагo маханія на бою; сарматы или *царметы*, т. е. отлично умѣющіе метать изъ лука (какъ царь-колоколъ, царь-дѣвица), или *за-ра-мати*, т. е. имѣющія своихъ матерей за Волгою (Ра). Имена амазонокъ также славянскія: Антіопа=Энтавопа, т. е. та вопящая, Гипполита=Губалюта или велерѣчивая. Самое имя амазоны=*омужоны*, т. е. мужественныя жены. Этруски или Гетруски=отъ хитрости *хитрушки*, „ибо сіи люди въ наукахъ по тогдашнему упражнялись“ и т. д. и т. д.

Замѣчательно, что при составленіи такихъ этимологій Тредьяковскій самъ высказывался противъ сближеній, основанныхъ на одномъ созвучіи: „знаю, что произведеніе именъ есть такой доводъ, которой опасно и благоразумно приводить должно: ибо оно сходственнымъ звономъ, въ самомъ чуждомъ языкѣ изобрѣтаемымъ, способно и прельстить и обольстить можетъ. Но ежели такое произведеніе законамъ своимъ правильно слѣдуетъ; то едваль сего доказательства, въ семъ случаѣ, возможетъ быть другое вѣроятнѣе. (Тредьяк. „Три разс.“ 1773 г. стр. 25—26).

Рядомъ съ приведенными образчиками фантастическаго произвола въ этимологизаціи, число которыхъ можно было бы увеличить во много разъ, мы находимъ и болѣе удачныя сопоставленія, восходящія, однако, въ европейскимъ источникамъ [1]) и далеко не столь многочисленныя: „тевтоническое ауге и оге (нѣм. Auge), око; цвей и твей (нѣм. zwei), два; дрітте (нѣм. dritte), третій; Эзель (нѣм. Esel), Оселъ; Эссігъ (н. Essig), Оцетъ; Гкансъ (нѣм. Gans), Гусь; Гкастъ (н. Gast), гость; Лейнъ (н. Lein), Ленъ; Маусъ (н. Maus), Мышь; Меерь (н. Meer), Море; Вассеръ (нѣм. Wasser) и Ваттеръ, Вода: Меетъ (н. Meth), Медъ; Мюллеръ (н. Müller), Млинарь, нынѣ Мѣльникъ; Муттеръ (н. Mutter) и Мадеръ, Матерь: Пфейнігъ (н. Pfennig), Пѣнязь; Зонъ (н. Sohn) и Сунъ, Сынъ; Юнгкъ (н. jung), юнъ; Кірхе (н. Kirche), Церковь; Заамепъ

[1]) Тредьяковскій ссылается здѣсь на Кирхмайера: „Parallelismus XII. linguarum ex matrice Scytho Celtica Europae a Iapheti posteris vindicatarum“ 1697 г.

(н. Saame), Сѣмя; Заалцъ (н. Salz), соль; Сицъ (н. Sitz), сидѣніе; Шілдъ (нѣм. Schild), щитъ; Веінъ (н. Wein), Вино; Виттве (нѣм. Wittwe), Вдова; Абрісъ (н. Abriss), Образъ" [1]). За исключеніемъ двухъ-трехъ (Schild и щитъ, Abriss и образъ), всѣ эти этимологіи признаны и современной наукой. Не лишено интереса примѣчаніе на стр. 25: „самое Тевтоническое слово МЕНШЪ, есть Словенское жъ мужъ, по примѣру Словенопольскаго Вензелъ за Словенскій узолъ; Венсъ за усъ; Венгры за угры". Здѣсь правильно и впервые, задолго до Востокова, подмѣчено сотвѣтствіе русскаго *у* польскимъ носовымъ гласнымъ, хотя еще въ видѣ неопредѣленнаго сопоставленія. Вѣрно же указано и отношеніе нѣм. Mensch къ слав. (точнѣе русскому) *мужъ*, хотя, конечно, Тредьяковскій навѣрное считалъ эти слова тожественными (приравнивая нѣм. *sch* славянскому *ж*), а не родственными только. Но подобныя удачныя этимологіи топутъ въ массѣ совершенно нелѣпыхъ и чудовищныхъ сближеній, дикихъ даже и для того времени.

На дѣйствительное сходство между различными индоевропейскими языками (и мнимое ихъ сходство съ другими, не индоевропейскими) Тредьяковскій смотритъ такимъ образомъ: „Да соглашаютъ, когда угодно, нѣкоторыи изъ ученыхъ... Греческій языкъ съ Словенскимъ, по многимъ сходнымъ словамъ, также и по свойству склоняемыхъ именъ разными окончаніями, да и по приложенію частей ихъ естественнаго порядка, во всякое произвольное сочиненія мѣсто: я вѣдаю токмо сіе, отъ свидѣтельства Страбонова (Кн. VIII, стр. 222), что греки изъ Азіи перешли въ Европу. Да находятъ сходство по томужъ и у Латинскаго съ Словенскимъ: мнѣ только сіе извѣстно, что Латинскій языкъ, есть растлѣнный, по большой части, Греческій; чему свидѣтельствомъ суть оставшіися знаки древнѣйшаго Латинскаго діалекта; а надпись, такъ называемаго столпа ростратнаго, или носоваго, до нынѣ въ Римѣ сохраненнаго въ нѣкоторыхъ знаменитыхъ Авторахъ находящаяся, есть довольнымъ и яснымъ тому доказательствомъ. Извѣстно и сіе, что нынѣшній Італіанскій, Французскій и Гишпанскій языки, суть родныя дѣти Латинскому. Да изобрѣтается сходство наконецъ между Словенскимъ, и между Турецкимъ, Татарскимъ, Партоянскимъ, и Мидскимъ: о семъ я не искусь по многу, вѣдая, что Турецкій языкъ, самое крайнее сходство имѣетъ съ пресловущимъ восточнымъ языкомъ Арапскимъ, а сей съ Еврейскимъ". Между тѣмъ, по мнѣнію Гербинія, „Словенскій" имѣетъ „нѣкоторое свойство... съ симъ Еврейскимъ". А такъ какъ „Целтическій и Еврейскій

[1]) «Три разсужд.» 1773 г., стр. 67—68.

языкъ, суть токмо два діалекта одного и того-жъ языка", прародителя въ то же время языковъ нѣмецкаго, латинскаго, греческаго и „арапскаго", къ которымъ Пезронъ прибавляетъ еще и персидскій, то отсюда слѣдуетъ, „что народы, говорившіе сими языками, были или поколѣнія, или разселенцы отъ Гамерітовъ, коихъ они говорили языкомъ, пока не разлучились съ своими братами и не смѣшались съ другими народами", чѣмъ и „повредили свой древній языкъ". Тредьяковскій поэтому полагаетъ, въ виду „многихъ свидѣтельствъ", что „Целтическій языкъ, бывъ одинъ и тотъ же съ Скитоскимъ, самъ по томъ (?) произшелъ отъ него и слѣдовательно, по моему, отъ Словенскаго первѣйшаго". Тредьяковскій предоставляетъ всякому любопытному судить о сходствѣ этихъ языковъ, „какъ покажется вѣроятнѣе", но заявляетъ при этомъ, что ему самому болѣе по сердцу „токмо первенство Скитоскаго и единство съ самаго начала Словенскаго съ Целтическимъ" [1]).

Изъ филологическихъ работъ Тредьяковскаго неизданнымъ осталось еще разсужденіе „объ окончаніяхъ собственныхъ и прилагательныхъ именъ" (см. „Словарь митрополита Евгенія", II, 210—225). Возможно, впрочемъ, что оно тожественно съ латинскимъ разсужденіемъ Тредьяковскаго „De plurali nominum adjectivorum integrorum Russica lingua scribendorum terminatione", извѣстнымъ и въ русской редакціи: „О множественномъ прилагательныхъ целыхъ іменъ окончаніі" (Напечатано въ IV т. академ. изд. соч. Ломоносова. Спб. 1898. Приложенія) [2]).

Подобно Тредьяковскому, Сумароковъ тоже написалъ разсужденіе „О правописаніи". Нѣкоторыя замѣчанія его, высказанныя здѣсь, свидѣтельствуютъ объ извѣстной вдумчивости автора. Такъ, полемизируя съ г. Б..., утверждавшимъ, что русскій языкъ имѣетъ тринадцать литеръ „гласныхъ", Сумароковъ резонно называетъ это утвержденіе „худымъ наставленіемъ учащимся; ибо можетъ ли то быти въ нашемъ языкѣ, чево нѣтъ во естествѣ. И и I есть литера одна. Э литеры нѣтъ: а когда оно сліянно (съ согласнымъ j), когда не сліянно, то уже сказано... Я и Ю литеры сліянныя (т. е. представляютъ собой слоги изъ j+а, у)" и т. д. Хотя ниже Сумароковъ возражаетъ также и противъ принятія ы за самостоятельный гласный, тѣмъ не менѣе замѣчанія его въ указанномъ мѣстѣ названнаго разсужденія обнаруживаютъ желаніе разобраться въ обычномъ для того времени смѣшеніи буквъ со звуками. Нѣкоторыя

[1]) «Три разсужденія», стр. 26—28.

[2]) О Тредьяковскомъ см. Пекарскій, „Исторія Имп. Акад. Наукъ" т. II. Спб. 1873, стр. 1—232.

изъ замѣчаній относительно произношенія нѣкоторыхъ звуковъ, употребленія извѣстныхъ словъ или формъ, имѣютъ и до сихъ поръ цѣну, какъ историческій матеріалъ. Интересно, напр., замѣчаніе о малорусскомъ вліяніи на произношеніе духовныхъ лицъ, вызванномъ тѣмъ обстоятельствомъ, что „знатнѣйшія наши духовныя были ко стыду нашему только одни Малороссіянцы..., отчего и всѣ духовныя, слѣпо слѣдуя ихъ неправильному и провинціальному наречію, вмѣсто *во вѣки* и протч. говорили *во вики* и такъ далѣе“... Въ связи съ этимъ разсужденіемъ находятся посвященныя тому же предмету: „примѣчаніе о правописаніи“ и „наставленіе ученикамъ“. Вопросы правописанія задѣваются снова и въ разсужденіи „о стопосложеніи“, гдѣ Сумароковъ полемизируетъ съ Тредьяковскимъ и Ломоносовымъ. Замѣчанія грамматическаго характера разсѣяны и въ другихъ полемическихъ сочиненіяхъ Сумарокова, напр., въ его „Отвѣтѣ на критику“ (его стихотвореній).

Этимологіи во вкусѣ Тредьяковскаго находимъ въ разсужденіи „О происхожденіи Россійскаго Народа“. Въ началѣ его Сумароковъ сообщаетъ баснословныя извѣстія о первичныхъ обитателяхъ Россіи, идущія отъ античныхъ географовъ и историковъ (объ одногласныхъ „иперборейцахъ“, жестокихъ „сарматахъ“ и т. д.), называя ихъ „невкусными и неестественными сказками“. Далѣе слѣдуютъ доказательства того положенія, что славяне, какъ „почти всѣ Европейцы, суть Цельты: а языкъ Цельтской есть языкъ Славенской, который отъ древняго, почти единою долготою времени отмѣненъ; а смѣшеніе въ сей отмѣнѣ мало участвовало. *Долгота времени и разстояніе мѣстъ, безо всякой другой причины премѣняетъ языки*, что мы во своихъ провинціяхъ и въ близкихъ отъ насъ временахъ видимъ. *Сколько различествуетъ языкъ писемъ времени царя Ивана Васильевича, съ языкомъ времени царя Ѳеодора Алексѣевича!*“ Эти проблески здраваго чутья затемняются, однако, дальнѣйшими доказательствами того, что пращурами славянъ и другихъ европейцевъ являются „Цельты“, „древнѣйшій народъ современный Контамъ и Скиѳамъ (!!)“. „Сами Греки суть отродія Цельтовъ“, смѣшавшіяся съ египтянами и финикіянами, „что ихъ языкъ показываетъ“. „Гальскія и славенскія Цельты“ прославились больше другихъ; первые названы были *галлами* отъ цельтскаго слова „Гуляю“, т. е. гуляками или странниками; напротивъ *вандалы* „отъ того, что вышли *вонъ далѣ*, нарѣклися *Вондалями*“, откуда и нѣмецкое Wanderer странникъ; въ свою очередь отъ wandern происходитъ имя Вендовъ, тоже „странниковъ“. Въ этой кельтоманіи Сумарокова, конечно, отразилась кельтоманія западныхъ историковъ, которую мы видѣли уже у Тредьяковскаго

и которая долго еще давала себя знать у разныхъ дилеттантовъ кельтологовъ, особенно французскихъ и британскихъ, даже и въ XIX столѣтіи. Доказательство общаго происхожденія латинскаго, нѣмецкаго и русскаго языковъ Сумароковъ видитъ въ „великомъ сходствѣ“ разныхъ словъ названныхъ языковъ, которыхъ онъ могъ бы „цѣлый небольшой словарь при семъ приобщить“. Образчиками такихъ словъ являются:

лат.	окулусъ	(oculus)	нѣмец.	оуге	(Auge)	русск.	око
„	насусъ	(nasus)	„	насе	(Nase)	„	носъ
„	фратеръ	(frater)	„	брудеръ	(Bruder)	„	братъ
„	соль	(sol)	„	Сонне	(Sonne)	„	солнце
„	унусъ	(unus)	„	ейнъ	(ein)	„	единъ
„	дуо	(duo)	„	цвей	(zwei)	„	два
„	тресъ	(tres)	„	дрей	(drei)	„	три

Конечно Сумароковъ руководился въ своемъ сопоставленіи (едва ли не заимствованномъ изъ того же источника, какъ и аналогичныя сближенія у Тредьяковскаго, приведенныя выше) простымъ созвучіемъ и совпаденіемъ значенія, что̀ и привело его къ невѣрнымъ сближеніямъ *единъ* съ лат. *unus* (можно было бы сравнивать только *инъ* съ unus) или *око* съ нѣм. *auge* (данное сопоставленіе сомнительно въ виду германскаго дифтонга au, который здѣсь фонетически необъяснимъ, хотя слѣдуетъ сказать, что подобное сопоставленіе встрѣчается и у многихъ современныхъ лингвистовъ). Изъ этого сравненія Сумароковъ приходитъ къ ложному заключенію, что русскій языкъ ближе къ своему источнику, чѣмъ другіе языки, ибо „коренныя слова всѣ единосложкыя“, а русскія именно короче нѣмецкихъ или латинскихъ. Такимъ образомъ отсюда строится гипотеза, что нашъ языкъ „единоутробенъ съ латинскимъ и нѣмецкимъ и что онъ ихъ обѣихъ старяе“. При дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса Сумароковъ приходитъ къ выводу, что „цельтороссійскій“ или „славяноссійскій“ языкъ и европейскіе языки имѣютъ также сходство со многими азіатскими и африканскими языками, такъ какъ „Копты, Сиряня (сирійцы), Скиѳы и Цельты произвели свои языки отъ единаго“. Доказывается это сходствомъ слова *папа*, „которое во всѣхъ европейскихъ языкахъ дается отцу“, съ евр. *абхъ*, сирск. *абохъ*, халд. *абба*, араб. *аба*, еѳіоп. *аби*, самар. *абъ*, и другими подобными этимологіями. Родство коптскаго со славянскимъ доказывается слѣдующимъ образомъ: „Орна у Коптовъ небо: а у Славянъ Горняя. Изи у Коптовъ земля: и отъ того богиня Изисъ, по нашему нарѣчію Изида, богиня земли: а Словенское слово отъ того Низъ; и такъ отъ Орна верьхъ, а

отъ Изи низъ". Разсужденіе оканчивается интереснымъ въ историческомъ отношеніи сопоставленіемъ Молитвы Господней на разныхъ славянскихъ языкахъ „для показанія близкаго сходства сихъ языковъ", а также, „колико мало мы отъ Цельтскаго языка отшиблися". Это сопоставленіе также имѣло уже себѣ прототипъ на западѣ въ подобныхъ же сопоставленіяхъ Молитвы Господней на разныхъ языкахъ. У насъ оно является первой попыткой сравненія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ между собою. Молитва приводится въ транскрипціи русскими буквами „по Карніійски, по Лузатически, по Чешски, по Славенски, по Кроатски, по Далматски, по Болгарски, по Сербски, по Вандальски".

Въ статейкѣ „О происхожденіи слова Царь" Сумароковъ отвергаетъ обычную этимологію отъ Цесарь на томъ основаніи, что *царь* „не знаменуетъ ни Цесаря, ни Короля, но Монарха"—отца своихъ подданныхъ, и потому очевидно возникло изъ *отцарь*. Интересный историческій матеріалъ изъ области заимствованныхъ словъ даетъ статья „О истребленіи чужихъ словъ изъ Русскаго языка", не лишенная значенія и теперь въ качествѣ источника для опредѣленія даты заимствованія довольно большого числа иностранныхъ словъ. Въ разсужденіи „о коренныхъ словахъ Русскаго языка" (см. о немъ также ниже въ гл. XI) находимъ фантастическія этимологіи, подтверждающія происхожденіе русскаго языка изъ скиѳскаго, согласно съ довольно частымъ на Западѣ въ первой половинѣ XVIII в. (и позднѣе) произведеніемъ всѣхъ языковъ изъ скиѳскаго (напр. у Хр. Теод. Вальтера въ его „Doctrina temporum Indica ex libris Indicis et Brahmanum institutione a. Ch. 1733"). Такъ: „ребенокъ на нѣкоторыхъ скиѳскихъ языкахъ называется Бала: отъ сего происходитъ слово Балавать, то-есть робячиться", нѣм. See происходитъ отъ „скиѳскаго" (татарскаго) *су* (вода). „Отъ *Ока* еще по естественному изображенію круглости (буква *о* круглая и глазъ круглый): Около, Околица, Колесо, а отъ того Колесница, Коляска... Укъ: Слово скиѳское по руски стрѣла. Отъ того съ приставкою литеры Л: выходитъ слово Лукъ... Ночь и нощь, по сопряженіи слова Очи съ литерою Н, приятою отрицаніемъ: знаменуетъ Нѣтъ Очей, въ разсужденіи Тьмы".

Это дилеттантское языкознаніе, простительное еще въ XVIII вѣкѣ, держалось у насъ довольно долго, почти до самаго недавняго времени. Ему отдали дань, хотя и въ нѣсколько смягченной формѣ и дилеттанты-языковѣды XIX в.: Шишковъ, Вельтманъ, Хомяковъ, въ значительной степени Конст. Аксаковъ и даже Гильфердингъ, не говоря уже объ одномъ изъ послѣднихъ могиканъ этого направленія, покойномъ проф. Безсоновѣ. У послѣднихъ четырехъ

оно еще соединялось съ презрительнымъ отношеніемъ къ ограниченной европейской наукѣ, запутавшейся де въ своихъ собственныхъ измышленіяхъ, стѣсняющихъ только по напрасну свободу духа изслѣдователя и не позволяющихъ открыть самую истину.

Первую русскую, не „славянороссійскую" грамматику XVIII в. (на нѣм. языкѣ) находимъ въ нѣмецко-латино-русскомъ словарѣ Вейсмана, изд. акд. наукъ въ 1731 г.: „Teutsh-Lateinisch-und Russisches Lexicon Samt Denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache", СПб.). Грамматика эта, приписываемая студенту Ададурову, по отзыву Ломоносова, „весьма несовершенная и во многихъ мѣстахъ неисправная", представляетъ собой передѣлку и сокращеніе грамматики Смотрицкаго, примѣненной къ русскому языку, и имѣетъ характеръ обычной описательной школьной грамматики, далекой отъ какого-бы то ни было научнаго отношенія къ фактамъ языка. Только ученіе Смотрицкаго о глаголѣ очевидно не понравилось Ададурову, который, однако, не умѣя замѣнить его чѣмъ либо лучшимъ, изложилъ эту часть грамматики очень кратко и неполно.

Между тѣмъ необходимость порядочной русской грамматики ощущалась уже давно. Еще Крижаничъ („Русское государство въ половинѣ XVII в.", ч. II, 2) жаловался на отсутствіе „доброй грамматики и лексикона". Посошковъ въ началѣ XVIII в. („Сочиненія", т. I, 11), говоря о мѣрахъ къ образованію духовенства, указывалъ, что „Его императорскому величеству надлежитъ постаратися о грамматикѣ". Въ 1735 г. учреждено было при нашей академіи наукъ такъ назыв. „Россійское Собраніе" любителей русскаго слова, долженствовавшее „радѣть о возможномъ дополненіи россійскаго языка, о его чистотѣ, красотѣ и желаемомъ потомъ совершенствѣ". Въ числѣ задачъ новаго учрежденія, открытаго рѣчью Тредьяковскаго „О чистотѣ россійскаго слова", было, по выраженію самого оратора, составленіе „грамматики доброй и исправной" и „дикціонарія полнаго и довольнаго".

Осуществить эту задачу задумалъ Ломоносовъ, начавшій еще съ конца сороковыхъ годовъ XVIII вѣка собирать матеріалъ для своей „Россійской грамматики" (1755—1757), которая и явилась первой полной грамматикой русскаго литературнаго языка. Хотя Ломоносовъ во многомъ пользовался грамматикой Смотрицкаго и ея передѣлкой Ададурова, но тѣмъ не менѣе его геніальность сказалась и въ выборѣ грамматическаго матеріала, и въ его обработкѣ и систематизаціи. Грамматика стоила Ломоносову долгаго и упорнаго труда. Въ его черновыхъ бумагахъ остались указанія на время ея составленія. Такъ въ отчетахъ о своихъ научныхъ работахъ Ломоносовъ отмѣчаетъ подъ 1751 г., что началъ приводить въ

порядокъ собранные прежде матеріалы, а въ 1755, что привелъ къ концу большую часть грамматики. Черновые наброски Ломоносова свидѣтельствуютъ о въ высшей степени добросовѣстной подготовительной работѣ, въ которой сказался индуктивный пріемъ натуралиста. Цѣлые листы у него исписаны примѣрами, общій выводъ изъ которыхъ выраженъ въ видѣ того или другого грамматическаго правила. Всѣ лексическіе матеріалы, какіе могли быть тогда въ распоряженіи Ломоносова, были имъ использованы. Натуралистъ виденъ и въ отношеніи къ фактамъ языка, за норму котораго Ломоносовъ принимаетъ „разсудительное его употребленіе". Шульмейстерскаго педантизма, стремящагося исправлять живой языкъ, даже сочинять небывалыя формы (какъ это дѣлалъ Смотрицкій), у Ломоносова нѣтъ и въ поминѣ. Въ то время, какъ Смотрицкій рабски держится своего греческаго прототипа (грамматики Ласкариса) и не смѣетъ выкинуть изъ славянской азбуки греческихъ буквъ ѯ, ѱ ѧ, ѿ „составленныхъ отъ древнихъ", хотя и сознаетъ ихъ ненужность, Ломоносовъ смѣло заявляетъ, что большинство „надстрочныхъ знаковъ принято отъ грековъ безъ нужды", и выкидываетъ изъ азбуки десять лишнихъ буквъ. Въ вопросѣ орѳографіи онъ, съ вѣрнымъ пониманіемъ практическихъ задачъ правописанія, указываетъ, что здѣсь „одному употребленію повиноноваться должно" и, дѣлая извѣстныя разумныя уступки фонетическому принципу правописанія, въ то же время признаетъ необходимость и этимологическаго принципа, несоблюденіе котораго было бы „весьма странно и противно способности легкаго чтенія". Хорошій знатокъ живого русскаго языка не только своемъ родномъ сѣверномъ его нарѣчіи, но и въ московскомъ говорѣ и „украинскомъ діалектѣ", съ которымъ онъ познакомился въ Кіевѣ, Ломоносовъ удачно выдѣлилъ въ литературномъ языкѣ два его составныхъ элемента: „просторѣчіе", т. е. матеріалъ, вошедшій въ него изъ живыхъ областныхъ говоровъ, и церковнославянскій осадокъ, внесенный многовѣковой совмѣстной жизнью живого народнаго языка съ книжнымъ славянскимъ языкомъ. Отдѣленіе „славянизмовъ" отъ „руссизмовъ" въ общемъ составѣ русскаго языка придало его грамматикѣ характеръ сравнительный. Иногда Ломоносовъ вводилъ и историческіе доводы, ссылаясь напримѣръ на „уложенія, указныя книги, печатныя и письменныя права и указы" [1]), въ которыхъ имѣются извѣстныя написанія. Хотя его и упрекали въ вульгаризаціи языка, внесеніи въ него мно-

[1]) „Примѣчанія на предложеніе о множественномъ окончаніи прилагательныхъ именъ" въ академ. изданіи Сочин. Ломоносова, т. VI. Спб. 1898, стр. 2.

гочисленныхъ провинціализмовъ, подмѣнѣ русскаго языка „холмогорскимъ нарѣчіемъ“ [1]), Ломоносовъ все же правильно изъ всѣхъ живыхъ говоровъ отдавалъ предпочтеніе московскому, не только „для важности столичнаго города, но и для его отмѣнной красоты“ [2]). Рядъ замѣчаній о произношеніи извѣстныхъ звуковъ или словъ, употребительности тѣхъ или другихъ формъ и т. д., дѣлаютъ „Грамматику“ Ломоносова до сихъ поръ важнымъ историческимъ памятникомъ, изъ котораго историкъ языка можетъ извлечь много цѣнныхъ фактовъ. Недостаткомъ грамматики является искусственность и насильственность схемъ, въ которыхъ изложена въ ней морфологія, особенно ученіе о глаголѣ. Здѣсь Ломоносовъ является въ зависимости отъ своего времени, выше котораго онъ стать не съумѣлъ. Кое въ чемъ онъ даже сдѣлалъ шагъ назадъ, сравнительно съ М. Смотрицкимъ. Такъ понятіе о „видѣ“, встрѣчаемое въ зародышѣ уже у Смотрицкаго, не было оцѣнено и развито Ломоносовымъ и осталось ему совершенно чуждо. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ построить систему цѣлыхъ десяти временъ, чтобы какънибудь втиснуть въ нихъ своеобразныя формы русскаго глагола.

Грамматическая терминологія Ломоносова близко примыкаетъ къ терминологіи М. Смотрицкаго. Такъ же онъ называетъ 8 частей рѣчи, выкидывая „различіе“ московскаго изданія грамматики Смотрицкаго, такъ же дѣлитъ имена (собственныя, нарицательныя, собирательныя, умалительныя, уничижительныя, прилагательныя). Родовъ различаетъ только три; сохраняетъ тѣ же имена залоговъ (только три, безъ „общаго“), наклоненій (изъ которыхъ удержаны только *изъявительное*, *сослагательное* и *неопредѣленное* или *неокончательное*), степеней „уравненія“ (*положительный*, *разсудительный* и *превосходный*). Въ названіяхъ падежей, вмѣсто *сказательнаго* М. Смотрицкаго, встрѣчаемъ новый терминъ *предложный* падежъ, пріобрѣтшій съ тѣхъ поръ права гражданства. Названія своихъ десяти временъ Л., повидимому, переводилъ съ латинскихъ (прошедшее неопредѣленное, давнопрошедшее, прошедшее и будущее совершенное). Термины эти вошли съ тѣхъ поръ во всеобщее употребленіе, хотя и не всегда въ смыслѣ, приданномъ имъ Ломоносовымъ. Такъ термины „прошедшее и будущее *однократныя*“ дали впослѣдствіи начало названію „однократнаго вида“. Нѣкоторые же термины не привились, напр., неудачное различеніе четырехъ видовъ наклоненія неокончательнаго:

[1]) Сумароковъ, „Примѣчаніе о правописаніи“; см. «Полн. Собр. всѣхъ его сочиненій“, изд. Н. Новикова, Москва 1787, ч. X, стр. 33.

[2]) „Росс. Грам.“ § 115.

учащательнаго, неопредѣленнаго, однократнаго и *сомнѣнпаго*. Названія мѣстоименій тѣ же, что у Смотрицкаго (въ томъ числѣ удержаны: *возносительныя* и *возвратительныя*), но различеніе пяти родовъ у мѣстоименій скорѣе напоминаетъ Адельфотисъ, съ его пятью родами.

Большее вниманіе, чѣмъ доселѣ и долго послѣ, Ломоносовъ обращаетъ на описаніе звуковъ рѣчи и способа произведенія ихъ. Несмотря на странность и неясность нѣкоторыхъ терминовъ и опредѣленій, въ этой части „Россійской грамматики" чувствуется натуралистъ, какимъ былъ Л., замѣтна тонкая наблюдательность и вдумчивость. Замѣчателенъ, напр., § 23, гдѣ находимъ современное дѣленіе согласныхъ звуковъ на *взрывные*, *спиранты* и *дрожащіе*, выраженное правда въ довольно неясныхъ и неудачныхъ опредѣленіяхъ (*ударсніе*=взрывъ, *расположеніе*, напоминающее современный нѣмецкій терминъ Stellungslaute, и *трясеніе*=вибрація). Замѣчательна классификація согласныхъ, стоящая выше современной школьной грамматической, такъ какъ эта послѣдняя представляетъ собою неудачное и необдуманное упрощеніе классификаціи Ломоносова, правильно выдѣлившаго взрывные *к* и *г* въ классъ „поднебныхъ" (ср. „заднепебныя" нѣкоторыхъ современныхъ фонетиковъ) и отдѣлившаго ихъ отъ «гортанныхъ», къ которому отнесены только *х* и спирантное *г* (въ *благо, Бога*): ошибка во всякомъ случаѣ не очень грубая и объясняющаяся вѣроятно отожествленіемъ русскаго *х* и *г* съ нѣмецкимъ *h*. Замѣчательны и нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія, напр. о произношеніи втораго *ж* въ *вожжи*, какъ итальянскаго *g* передъ *e*, *i* и т. д.

„Россійская Грамматика" выдержала нѣсколько изданій (около четырнадцати, изъ нихъ шесть въ теченіе XVIII в.) и служила надолго источникомъ, изъ котораго щедро черпали позднѣйшіе составители грамматическихъ руководствъ [1]).

Рядомъ съ грамматикой, Ломоносовъ задумалъ цѣлый рядъ «филологическихъ изслѣдованій, къ дополненію грамматики подлежащихъ». Нѣкоторыя изъ нихъ были осуществлены, какъ, напр., утраченное письмо „о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ", другія

---

[1]) Отзывы о ней: Сумароковъ: (Собр. Сочин. изд. Новикова, М. 1787, ч. X, стр. 6—7, 10—11, 13—14, 16, 22, 25—26 и слѣд.; Митроп. Евгеній, «Словарь русск. свѣтск. писателей», 1845, т. II, 22—23; Ѳ. И. Буслаевъ, «Ломоносовъ какъ грамматикъ» („Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова". 1865. 71—74); Я. К. Гротъ «Филолог. Разысканія» 1885, т. II, стр. 46—48. Лучшее изданіе съ цѣнными примѣчаніями въ академическомъ изданіи Сочин. Ломоносова, т. IV. Спб. 1898.

сохранились только въ наброскахъ или заглавіяхъ. Одинъ перечень названій этихъ работъ дастъ представленіе о широтѣ и серьезности плановъ Ломоносова. Такъ онъ думалъ писать „о сродныхъ языкахъ россійскому и о нынѣшнихъ діалектахъ, о преимуществахъ россійскаго языка, о его красотѣ, чистотѣ, о славенскомъ церковномъ языкѣ, о чтеніи книгъ старинныхъ и о реченіяхъ Несторовскихъ, новгородскихъ и протч. лексиконамъ незнакомыхъ, о простонародныхъ словахъ, о новыхъ россійскихъ реченіяхъ, о синонимахъ, о лексиконѣ, о переводахъ". Нѣкоторыя мысли, сохранившіяся въ черновикахъ этихъ задуманныхъ работъ, весьма замѣчательны [1]). Ломоносовъ, задолго еще до возникновенія сравнительной грамматики, различаетъ языки *сродственные*, какъ русскій, греческій, латинскій и нѣмецкій, и *несродственные*, какъ финскій, мексиканскій, готтентотскій и китайскій. Мысль его проникала въ доисторическую эпоху выдѣленія родственныхъ языковъ изъ общаго источника: „польскій и россійскій языкъ коль давно раздѣлились! Подумай же, когда курляндскій! (вѣроятно латышскій и литовскій). Подумай же, когда латинскій, греческій, нѣмецкій, россійскій! О, глубокая древность!" Не смотря на происхожденіе этихъ языковъ отъ одного корня, они „разнятся свойствами не меньше, какъ словами. Только не вдругъ перемѣняются языки"... а въ „значительную долготу времени... ибо предъ Богомъ тысячи лѣтъ, яко день одинъ".

Понятіе развитія языка было не чуждо Ломоносову: „какъ всѣ вещи отъ начала въ маломъ количествѣ начинаются и потомъ присовокупленіями возрастаютъ, такъ и слово человѣческое, по мѣрѣ извѣстныхъ человѣку понятій, въ началѣ было тѣсно ограничено и одними простыми рѣченіями довольствовалось. Но съ приращеніемъ понятій и само по мало умножилось, чтò происходило произвожденіемъ и сложеніемъ" (Росс. Гр. § 51).

Принявшись сравнивать родственные языки, онъ началъ прямо съ числительныхъ именъ, угадавъ своимъ геніальнымъ чутьемъ надежность этихъ примѣровъ. Въ своихъ сравнительныхъ поискахъ Ломоносовъ прошелъ половину греческаго словаря (до буквы N), отмѣчая схожія съ русскими слова, нѣкоторыя совершенно вѣрно (въ родѣ βδέω—бжу, γέρανος—журавль, δαήρ—деверь, δίδωμι—даю, δολιχός—долгій, δῶρον—даръ, ἔλαφος—олень, γιγνώσκω—знаю, γυνή—жона, νύξ—ночь). Другія сближенія, однако, основаны на случайномъ созвучіи: βοῦς—быкъ, βουλή—воля, βῶλος—поле, γράσος—грязь,

[1]) Напечатаны въ Собр. сочин. Ломоносова, акад. изд. т. IV. Спб. 1898. Примѣчанія: 248—258.

γράσσος—гласъ, λίσσος—лысый, ἀθρέω—зрю, καλός—хорошъ, ἴσχνος исхлой, тасег и т. д.

Еще до Шлецера онъ устанавливалъ семью славянскихъ языковъ: „языки отъ славянскаго произошли: 1) россійскій, 2) польскій, 3) болгарскій, 4) сербскій, 5) чешскій, 6) словацкій, 7) вендскій“—и предугадывалъ позднѣйшее дѣленіе ихъ на юго-восточную и сѣверо-западную группы, отмѣчая большее сходство русскаго языка съ южнославянскими (задунайскими) языками, чѣмъ съ польскимъ. Онъ же различалъ древнерусскій языкъ отъ старославянскаго, указывая на договоры князей съ греками, „Русскую Правду“ и “прочія историческія книги“ (вѣроятно лѣтописи), какъ на памятники *русскіе*, а не *славянскіе*. Въ его черновикахъ находятся попытки собиранія синонимовъ, переводовъ заимствованныхъ иностранныхъ терминовъ, записи типичныхъ народныхъ реченій и оборотовъ и т. д.

Знаменитое его „Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“, повидимому, какъ бы входило въ намѣченную серію „филологическихъ изслѣдованій“. Здѣсь онъ пытался найти извѣстныя незыблемыя основы для русской стилистики, разграничивая и опредѣляя употребленіе въ разныхъ родахъ сочиненія славянизмовъ и природныхъ русскихъ словъ. Разграниченіе это, впрочемъ, далеко не точно. Ломоносовъ основываетъ его не на историческихъ данныхъ языка, а на чисто случайныхъ условіяхъ—употребленіи или неупотребленіи данныхъ словъ въ церковныхъ книгахъ. Поэтому ему пришлось считать за первично-русскія, церковно-славянскому чуждыя, такія слова, какъ *говорю*, *который*, отнесенныя вмѣстѣ съ *ручей*, *пока*, *лишь* къ одному и тому же классу словъ, въ церковныхъ книгахъ отсутствующихъ. Между тѣмъ, *говорю*, *который* одинаково свойственны и русскому, и старославянскому языку. Цѣль, которую Ломоносовъ при этомъ преслѣдовалъ, была чисто практическая—способствовать установленію русской стилистики. Отсюда и случайность основаній классификаціи, для этой цѣли вполнѣ достаточныхъ.

Въ „Письмахъ о правилахъ россійскаго стихотворства“ (1739) Ломоносовъ, хотя и является единомышленникомъ Тредьяковскаго, признавая тоническую систему стихосложенія единственно пригодной для русскаго языка, но тѣмъ не менѣе не соглашается съ нимъ относительно многихъ подробностей и даетъ рядъ поправокъ и дополненій къ его теоріи.

Въ своихъ историческихъ работахъ Ломоносовъ, какъ и Тредьяковскій и Сумароковъ, прибѣгалъ къ филологическимъ доказательствамъ, хотя и значительно сдержаннѣе. Въ этой области, однако, онъ не сдѣлалъ особеннаго шага впередъ, сравнительно съ Тредьяков-

скимъ, этимологіи котораго приведены выше, и Шлёцеромъ, производившимъ, напр., *князь* отъ нѣм. Knecht, а *бояринъ* отъ *баранъ* и т. п. Осмѣивая Шлёцера за его наивныя словопроизводства, Ломоносовъ, однако, самъ считалъ „варяго-руссовъ", вмѣстѣ съ „пруссами", славянскимъ народомъ, говорившимъ на славянскомъ языкѣ, только отдѣлившемся отъ своего корня. Въ доказательство своей гипотезы Ломоносовъ указывалъ, что самое слово Пруссія — славянское и составлено изъ предлога *по-* и имени *Русь* (Порусь, Поруссія=пограничная съ Русью страна [1]).

VII. Дѣятельность нашей Академіи Наукъ и «Сравнительный Словарь» Екатерины II.

Тѣмъ временемъ и другіе члены академіи наукъ, хотя и не языковѣды по профессіи, собирали лингвистическіе матеріалы и занимались разными другими работами лингвистическаго характера. Знаменитый историкъ-оріенталистъ Теофилъ Зигфридъ Байеръ (род. 1694, академикъ съ 1726 г., † 1738) занимался изученіемъ китайскаго, монгольскаго, калмыцкаго, манчжурскаго, тангутскаго (тибетскаго) языковъ. Одинъ изъ первыхъ, если не самый первый у насъ, началъ онъ заниматься съ пріѣзжимъ въ Петербургъ индусомъ изученіемъ „браминскаго" языка, т. е. санскрита[2]). Плодомъ этихъ занятій были напечатанныя въ изданіяхъ академіи работы по литературѣ и грамматикѣ перечисленныхъ выше языковъ: „Elementa litteraturae brahmanicae, tangutanae, mungalicae" („Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae", т. III. 1732, стр. 389—422); „Elementa brahmanica, tangutana, mungalica" (ibid. т. IV. 1735, стр. 289—301) и т. д. Въ первомъ трудѣ находимъ впервые у насъ образчики санскритской азбуки, рисованные, оче-

---

[1]) См. о Ломоносовѣ К. Аксаковъ, «Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка» (М., 1846); А. А. Котляревскій, «Нѣсколько словъ о Ломоносовѣ, по поводу исполнившагося столѣтія его грамматики» («Московскія Вѣдомости» 1855, № 152 и «Сочиненія А. А. Котляревскаго», т. I, Спб. 1889, стр. 1—8); Билярскій, «Матеріалы для біографіи Ломоносова» (Спб. 1865); Будиловичъ, «Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ» (Спб., 1869); Пекарскій, «Исторія Импер. Акад. Наукъ» т. II. Спб. 1873, стр. 259—963; Гротъ, «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ» (Спб., 1876, стр. 48 и 49)—наиболѣе полныя и обстоятельныя оцѣнки грамматическихъ трудовъ Ломоносова, а также краткія статьи Буслаева, «Ломоносовъ, какъ грамматикъ» и Лавровскаго, «О трудахъ Ломоносова по грамматикѣ русскаго языка и русской исторіи» въ сборникахъ московскаго и харьковскаго университетовъ, изданныхъ по случаю Ломоносовскаго юбилея (1865).

[2]) Пекарскій, «Ист. И. Акад. Наукъ», т. I, стр. 189.

видно, самимъ Байеромъ и отпечатанные вѣроятно съ деревянныхъ рѣзныхъ клише. Во второмъ, между прочимъ, говорится о названіяхъ санскрита, письмѣ дравидическихъ языковъ тамуль и телугу (со ссылками на Ziegenbalg'a „Gramatica damulica" 1716), о новоиндійскихъ языкахъ маратхи, гузерати и т. д. и особыхъ видахъ индійской азбуки, употребляемыхъ для ихъ письменной передачи. Объ индійскомъ алфавитѣ находимъ слѣдующее свѣдѣніе: „Devanágaram tamquam mater omnis sacrae scripturae editur, qua legem a deo in Cashia promulgatam praedicant" и т. д. Байеръ, какъ и другіе лингвисты XVIII в., уже зналъ о сходствѣ индійскихъ, персидскихъ и греческихъ числительныхъ, но ошибочно считалъ это и другія подобныя сходства результатомъ греческаго пребыванія и господства въ Бактріи [1]).

Іоганнъ Эбергардъ Фишеръ (р. 1697 г., акад. съ 1730 г., † 1771 г.) во время своего восьмилѣтняго путешествія по Сибири (1739—1747) собиралъ лексическіе матеріалы по инородческимъ языкамъ, оставшіеся, однако, не напечатанными. Рукописный его словарь, носившій заглавіе: „Vocabularium continens trecenta vocabula triginta quatuor gentium maxima ex parte Sibericarum", собранный впрочемъ, кажется, не имъ самимъ, служилъ пособіемъ Шлецеру при составленіи имъ классификаціи „aller russischen Nationen", извѣстной изъ его „Probe Russischen Annalen" и „Allgemeine Nordische Geschichte". По просьбѣ Шлецера, Фишеръ подарилъ свою рукопись (въ 1767 г.) историческому институту въ Геттингенѣ, гдѣ она должна находиться и нынѣ [2]).

І. К. Таубертъ (род. въ 1717 г., на службѣ въ Академіи съ 1732 г., † 1771), принимавшій участіе въ занятіяхъ „Россійскаго Собранія", учрежденнаго при Академіи наукъ въ 1735 г., сочинялъ «изъ собственной своей охоты, а не по указу», «Россійскій лексиконъ» съ лат., франц. и нѣм. переводами русскихъ словъ, оставшійся, впрочемъ, въ рукописи и едва ли оконченный. Ему помогали въ этомъ дѣлѣ академическіе переводчики: Лебедевъ, В. Тепловъ и Фрейгангъ [3]).

Знаменитый исторіографъ Герградъ Фридрихъ Мюллеръ (р. 1705, въ Россіи съ 1725, † 1783), подобно Фишеру, собиралъ лингвисти-

---

[1]) См. о немъ Пекарскій, «Исторія Имп. Академіи Наукъ въ Петербургѣ» т. I. Спб. 1870, стр. 180—196, гдѣ указана и прочая литература о немъ.

[2]) См. Пекарскій, «Исторія Имп. Ак. Наукъ» т. I. Спб. 1870, стр. 617—636 и Adelung, «Catharinens der Grossen Verdienste um die vergl. Sprachenkunde». Спб. 1815, стр. 21—22.

[3]) Пекарскій, „Исторія Императ. Академіи Наукъ въ Петербургѣ", т. I. 1870, стр. 650—651, 643.

ческій матеріалъ по тюркскимъ и финскимъ языкамъ. Плодомъ его занятій былъ „Vocabularium Harmonicum“, напечатанный имъ въ его „Sammlung Russischer Geschichte“ (т. III, 382—408) и содержащій 275 словъ и 38 числительныхъ изъ языковъ: татарскаго, чувашскаго, черемисскаго, вотяцкаго, мордовскаго, пермяцкаго и зырянскаго. Кромѣ того, въ „Sammlung Russ. Gesch.“ (т. III) напечатаны черемисскій и чувашскій тексты „Отче нашъ“ (стр. 410—411) и замѣтка „Von der Sprache der Tscheremissen, Tschuvaschen und Wotjaken“ (стр. 324). Онъ же редактировалъ первый русско-нѣмецкій словарь, расположенный въ этимологическомъ порядкѣ по отдѣльнымъ гнѣздамъ: „Россійской Целларіусъ, или этимологической россійской лексиконъ, купно съ прибавленіемъ иностранныхъ въ россійскомъ языкѣ во употребленіе принятыхъ словъ такожъ съ сокращенною россійскою этимологіею“, изд. въ Москвѣ Францискомъ Гельтергофомъ, лекторомъ нѣм. языка моск. унив. (1771). Этимологическій принципъ здѣсь, конечно, проведенъ въ очень скромныхъ размѣрахъ и совсѣмъ не напоминаетъ современныхъ этимологическихъ словарей, съ ихъ неизбѣжнымъ сравнительно-лингвистическимъ аппаратомъ. Размѣщеніе словъ по гнѣздамъ основано только на самыхъ очевидныхъ родственныхъ отношеніяхъ, въ родѣ, напр., такой семьи:

Баба: бабенка, по бабьи, бабка, бабушка повивальная, бабушкинъ, бабища, прабаба, бабикъ, бабки, бабочка...

или:

гожу, годишь, годить: гожуся, негожуся, годный, негодный, годность, не-; негодую, выгода, выгодность, выгодный, пригодно, пригодный, пригождаю, -ся, пригоже, пригожій, пригоженькій, пригожство, угождаю, угожденіе, угодно, -ый, угодіе, человѣкоугодіе, благоугодно, -ость, -ый, богоугодный и т. д.

Болѣе отдаленные родичи обыкновенно не сопоставляются. Такъ *горю* и *жаръ*, *трясти* и *трусъ*, *кислый* и *квасъ*, *бодрый* и *бдѣть*, *липкій* и *лѣпить* и т. д. разнесены по разнымъ самостоятельнымъ гнѣздамъ. Иногда, впрочемъ, встрѣчаются и болѣе сложныя сопоставленія, въ родѣ *кора*, *корица*, *корь* (болѣзнь), *скорнякъ* (сюда же отнесено и *коржавѣю*). Интересно, что слово *дышло*, отнесенное Далемъ въ первомъ изданіи его словаря къ глаголу *дышать*, стоитъ здѣсь правильно въ спискѣ иностранныхъ словъ. Изъ другихъ словъ, отнесенныхъ къ иностраннымъ, слѣдуетъ отмѣтить *арбузъ*, *бутылка*, *вензель*, *дюжина*, *каменка*, *палата*, *пеня* (пена), *петрушка* (растеніе), *попугай*, *противень*, *рюмка*, *тарелка*, *тузъ*, *цыганъ*, *шандалъ*, *шинокъ*, *шурупъ*, правильное

опредѣленіе которыхъ требовало извѣстныхъ знаній и этимологическаго чутья. Ошибки въ этомъ направленіи, впрочемъ, не чужды „Целларіусу“. Такъ *квакать* и *пазъ* отнесены къ иностраннымъ словамъ, а *агнецъ, Адамъ, адъ, алкоранъ, алтынъ, алмазъ, амвонъ, ангелъ, апостолъ, базаръ, банка, башмакъ, бляха, Венера, винтъ, вохра, гридировать, декабрь, діаволъ, діаконъ, евангеліе, игуменъ, идолъ, извлечь, изюмъ, икона, іерей, Іисусъ, іюль, іюнь, канунъ, карета, кафтанъ, кедръ, лампада, лядунка, монастырь, ноябрь* и мн. др. помѣщены только въ томъ отдѣлѣ словаря, который содержитъ природныя русскія слова. Лишь немногія слова фигурируютъ и въ томъ, и другомъ отдѣлѣ, напр., *лютня, арбузъ*. Не лишенъ историческаго интереса и списокъ подписчиковъ, приложенный къ Целларіусу, въ которомъ на 136 лицъ и учрежденій 100 слишкомъ (107) носятъ иностранныя имена (главнымъ образомъ нѣмецкія). Очевидно, что подобное изданіе не могло еще интересовать русскую публику въ такой мѣрѣ, какъ иноземную [1]).

Даніилъ Дюмарескъ (почетный членъ академіи съ 1762 † 1805) составилъ, по приглашенію Екатерины II, сравнительный словарь азіатскихъ языковъ: „Comparative Vocabulary of the Eastern Languages“, изданный въ Англіи и сдѣлавшійся большой библіографической рѣдкостью [2]).

Особеннымъ трудолюбіемъ и энергіей въ этомъ направленіи отличался Гартвигъ Людвигъ Христіанъ Бакмейстеръ († 1806), инспекторъ академической гимназіи, собравшій огромный матеріалъ для сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ земного шара, которымъ неоднократно пользовались разные современные ему ученые, въ томъ числѣ и Палласъ, редакторъ знаменитаго сравнительнаго словаря Екатерины II (по смерти Бакмейстера, его собраніе перешло въ собственность Фр. Аделунга). Въ 1773 г. Бакмейстеръ обратился къ ученымъ всѣхъ странъ съ воззваніемъ на латинскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ („Idea et desideria de colligendis linguarum speciminibus“, Спб., 1773), прося ихъ доставить ему образцы всевозможныхъ языковъ. Для нашихъ академиковъ Лепехина, Палласа, Гюльденштедта и др., отправлявшихся въ путешествія по Р., онъ составилъ особую подробную программу и наставленіе къ собранію лингвистическихъ мате-

---

[1]) О дѣятельности Г. Ф. Мюллера, см. Пекарскій, „Исторія Имп. Акад. Наукъ“ т. I, 1870, стр. 308—430 и Adelung, „Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleich. Sprachenkunde“, Спб. 1815, стр. 22.

[2]) См. о немъ: Пекарскій „Исторія Имп. Акад. Наукъ“, т. I. 1870, стр. 388—89, прим. и „Adelung. „Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleich. Sprachenkunde“. Спб. 1815, стр. 22—23.

ріаловъ. Благодаря этому, онъ получилъ массу текстовъ (переводъ одного отрывка изъ Библіи, образчикъ котораго на нѣсколькихъ наиболѣе извѣстныхъ языкахъ [1]) былъ имъ приложенъ къ его воззванію), глоссаріевъ и разныхъ замѣчаній о языкѣ. Въ 1784 г. Бакмейстеръ повторилъ свое воззваніе (съ другими уже образцами). Корреспондентами Бакмейстера были: иркутскій губернаторъ Кличка (алеутскіе, бурятскіе, якутскіе, японскіе, юкагирскіе, камчадальскіе, ламутскіе, монгольскіе тексты и глоссаріи), Рюдигеръ (еврейско-нѣмецкій жаргонъ, лангедокское нарѣчіе, иллирскіе, тамульскіе, малайскіе, лужицкіе тексты и глоссаріи), акад. Гюльденштедтъ (афганскій, армянскій, грузинскій, калмыцкій, осетинскій; персидскій, венгерскій, валахскій и кавказскіе языки), епископъ Дамаскинъ (мордовскій, волжско-татарскій, чувашскій), Бюшингъ, Іерингъ (ногайскій, тангутскій или тибетскій), Щепотьевъ (арабскій, греческій), Квандтъ (аравакскій), капуцинъ P. Agrippinus изъ Астрахани (армянскій), чешскій священникъ Эйснеръ (чешскій), Тунманъ (тоже, венгерскій), Мюнтеръ (китайскій, датскій, гренландскій, т. е. эскимосскій, исландскій), пасторъ Хупель (эстонскій, шведскій), пасторъ Крогіусъ (финскій), Петерсенъ (фризскій), раввинъ Барухъ (еврейскій), Баузе (еврейско-нѣмецкій жаргонъ), пасторъ Куммеръ (кашубскій), Омскій пасторъ Люттеръ (киргизскій), Родіоновъ (тоже), Лаксманъ (корякскій, тангутскій, т. е. тибетскій), Hacquet въ Лайбахѣ (краинскій, т. е. словинскій), пасторъ Хунъ въ Митавѣ (кривскій), Орлингъ (лапландскій), пасторъ Стендеръ (латышскій), пасторы Людевигъ и Бурхардтъ (ливскій), пасторъ Циппель (литовскій), де ла Ру (люттихскій діалектъ), Форстеръ (отаитскій), Маевскій и пасторъ Гервигъ (польскій), Фоминъ (самоѣдскій архангельскій), Лексель и Линдеманъ (шведскій), Марсденъ (малайскій), свящ. Симеонъ Черкасовъ (вогульскій словарь), академики: Палласъ (китайскій, якутскій, ирландскій, калмыцкій, монгольскій, мультанскій, остяцкій, березовскихъ самоѣдовъ, шотландскій, чукотскій, тунгузскій, вогульскій, индустани), Георги (башкирскій) и мн. др.

Собраніемъ лингвистическаго матеріала для Бакмейстера занимались и наши академическіе путешественники второй половины XVIII в., академики: Гмелинъ (слова и образцы сибирско-татарскаго, бурятскаго, качинскаго, тагайскаго, турецкаго, персидскаго и гилани),励Фалькъ (черемисскія, вотяцкія, остяцкія, татарскія, киргизскія, бухарскія, калмыцкія слова), Лепехинъ (зы-

[1]) Латинскомъ, арабскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ, шведскомъ и финскомъ.

рянскія и пермскія слова, переводъ литургіи на зырянскій). Особенно много матеріала собралъ Гюльденштедтъ по языкамъ Кавказа и смежныхъ странъ: грузинскому (говоры картвельскій, мингрельскій, суанскій), чеченскому, ингушскому, тушинскому, лезгинскому и его діалектамъ, казикумыкскому, андскому, акушинскому, кабардинскому и абхазскому, афганскому, осетинскому, персидскому, курдскому, татарскому и т. д.

Матеріалы Бакмейстера легли въ основаніе знаменитаго сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ земного шара, составленнаго и изданнаго Екатериной II. Еще великой княгиней Екатерина носилась съ идеей подобнаго словаря [1]), но только въ 1784 году, подъ вліяніемъ одного трактата Куръ де Жебелена („Monde primitif analysé et comparé avec le monde moderne“. Paris. 1773—1781, 8 томовъ), доказывавшаго, что всѣ языки могутъ быть выведены изъ одного основнаго, приступила къ ея осуществленію и сама въ теченіе девяти мѣсяцевъ работала надъ своей затѣей. Императрица, какъ писала сама къ доктору Циммерману 9 мая 1785 г., „составила реестръ отъ двухъ до трехъ сотъ коренныхъ русскихъ словъ, которыя велѣла перевести на столько языковъ и нарѣчій, сколько могла ихъ найти: ихъ уже болѣе двухъ сотъ. Каждый день писала я по одному изъ своихъ словъ на всѣхъ мною собранныхъ языкахъ. Сіе удостовѣрило меня въ томъ, что кельтскій языкъ сходствуетъ съ языкомъ остяковъ (!)“ и т. д. Не довольствуясь собственнымъ трудомъ, императрица обращалась за содѣйствіемъ своему плану и къ другимъ лицамъ (маркизу Лафайету, аббату Галіани, Гримму). По ея порученію гр. Кир. Гр. Разумовскій долженъ былъ въ своихъ копорскихъ деревняхъ собрать по присланному ему реестру словъ образчики языка „тѣхъ мужиковъ, кои себя Варягами называютъ“ или даже привезти въ столицу „человѣка-другого посмышленнѣе изъ этихъ „варяговъ“ [2]).

Подобный же реестръ изъ 286 русскихъ словъ былъ по ея приказанію отправленъ въ концѣ 1784 г. графомъ Безбородко нашему константинопольскому послу, который, черезъ посредство патріарховъ Антіохійскаго и Іерусалимскаго, или другимъ какимъ-нибудь путемъ, долженъ былъ достать переводъ ихъ на абиссинскій и эѳіопскій языки и на разные ихъ діалекты, причемъ требовалось, чтобы слова „эти были написаны не только оригинальными письменами, но и русскими или латинскими буквами для показа-

[1]) По ея инициативѣ составилъ свой сравнительный словарь Дюмарескъ, о кот. см. выше, стр. 222.

[2]) Записка къ Безбородкѣ, „Русск. Архивъ“ 1863. изд. 1, стр. 942.

нія ихъ произношенія“ [1]). Наконецъ, занятіе это наскучило ей, и весь собранный матеріалъ [2]) переданъ былъ Палласу съ цѣлью изданія „для употребленія тѣхъ, которые пожелаютъ воспользоваться скукою другихъ“.

Кромѣ Палласа, помощникомъ Екатерины въ этомъ трудѣ былъ также берлинскій ученый и книгопродавецъ Фридрихъ Николаи, составившій для нея (1785 г.) общее обозрѣніе всѣхъ языковъ міра: „Tableau général de toutes les langues du monde avec un catalogue préliminaire des principaux dictionnaires dans toutes les langues et des principaux livres qui traitent de l'origine de toutes les langues, de leur étymologie et de leur affinité, fait par ordre de S. M. l'Impératrice de toutes les Russies“, (346 стр. in folio) (хранившееся въ рукописи въ библіотекѣ Эрмитажа, а потомъ переданное въ Имп. Публ. Библіотеку). Предисловіе къ этому обозрѣнію, въ которомъ Николаи излагаетъ основныя положенія, легшія въ основу его труда, напечатано у Аделунга, въ его сочиненіи: „Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleich. Spachenkunde“ (Спб. 1815, стр. 43—47 [3]). Въ этомъ предисловіи также идетъ рѣчь о будущей Императорской библіотекѣ по языкознанію, естественное систематическое расположеніе которой авторъ, между прочимъ, желалъ установить своимъ „обозрѣніемъ“. Повидимому Екатерина II имѣла намѣреніе учредить такую библіотеку. Хотя оно и не было осуществлено во всемъ его объемѣ, тѣмъ не менѣе Николаи посылалъ Императрицѣ довольно много книгъ по языкознанію, такъ что отдѣлъ Эрмитажной библіотеки по этой наукѣ, какъ свидѣтельствуетъ Аделунгъ, былъ очень богатъ.

Получивъ матеріалы, собранные Екатериною, вмѣстѣ съ обозрѣніемъ Николаи, Паллась въ 1785 г. возвѣстилъ въ особомъ „Avis au public“ (напечат. у Аделунга, стр. 48—51 и въ “Русск.

---

[1]) „Русск. Арх.“ 1864 г. изд. 1, стлб. 293.

[2]) Черновыя бумаги Екатерины, содержащія въ себѣ подготовительныя работы по словарю, хранятся въ Императорской Публичной библіотекѣ, куда онѣ поступили изъ Эрмитажной (см. о нихъ и другихъ рукописныхъ филологическихъ замѣткахъ императрицы въ статьѣ Я. Грота «Филологическія занятія Екатерины II»: «Русскій Архивъ» 1877 г. кн. I. стр. 426—29). Другія этимологическія замѣтки ея, во вкусѣ этимологій Тредьяковскаго, Сумарокова, отчасти Ломоносова, Шлецера и др. нашихъ этимологизаторовъ XVIII в., напечатаны въ XV т. «Сборника Историч. Общества» (образчики въ назв. статьѣ Грота, стр. 413). Подлинники же ихъ находятся въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ.

[3]) Существуетъ и краткое извлеченіе изъ этого сочиненія уже на русскомъ языкѣ: «Заслуги Екатерины Великой въ сравнительномъ языкознаніи», вышедшее въ журналѣ «Соревнователь» 1818 г., ч. I. и отдѣльно (s. l. et a.).

Архивѣ" 1871 г. стр. 432—434) о скоромъ выходѣ въ свѣтъ словаря и разослалъ въ Россіи и за границей (нашимъ посланникамъ и разнымъ ученымъ) новую программу для собиранія матеріала („Modèle du vocabulaire, qui doit servir à la comparaison de toutes les langues" Спб., 1786), содержавшую выбранныя императрицей пробныя слова на русскомъ языкѣ, съ переводомъ ихъ на латинскій, нѣмецкій и французскій языки. Наши губернаторы должны были доставить свѣдѣнія о языкахъ и нарѣчіяхъ ихъ областей; наши посланники такія же свѣдѣнія о странахъ, въ которыхъ находились. Программа отправлена была кромѣ того въ Китай, Бразилію и Сѣверную Америку, гдѣ знаменитый Вашингтонъ пригласилъ губернаторовъ Соединенныхъ Штатовъ собирать матеріалъ для научнаго предпріятія русской императрицы. Путешественники, отправлявшіеся въ правительственныя экспедиціи по Россіи, также должны были обращать вниманіе и на собираніе лингвистическихъ образцовъ. Инструкція въ этомъ духѣ была, напримѣръ, дана спутнику Биллингса въ его путешествіи по сѣверовосточной Сибири (1785—1794), естествоиспытателю Мерку. Такимъ путемъ получена была масса научнаго матеріала. Отъ губернаторовъ присланы были списки словъ, составленные официальными переводчиками и скрѣпленные подписями секретарей губернскихъ канцелярій и даже самихъ губернаторовъ и намѣстниковъ. Заграничные ученые также откликнулись на воззваніе, присылая свои книги, совѣты, матеріалы и т. д.

Вскорѣ въ 1787 г. явилась возможность издать первую часть словаря (на русскомъ и латинскомъ языкахъ), содержавшую 285 словъ (напечатанныхъ русскими буквами) изъ 51 европейскаго и 149 азіатскихъ языковъ и нарѣчій и озаглавленную: „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ Европейскіе и Азіатскіе языки" (СПб.). Заключавшіяся здѣсь слова должны были отвѣчать главнѣйшимъ понятіямъ. Во главѣ стояло слово *Богъ.* За нимъ слѣдовали: небо, отецъ, мать, сынъ, дочь, братъ, сестра, мужъ, жена, дѣвушка, мальчикъ, дитя, человѣкъ, люди, названія частей тѣла, пяти чувствъ, разныхъ звуковъ, состояній, явленій природы (солнце, луна, звѣзда, лучъ, вѣтеръ, вихорь, буря, дождь, градъ, молнія, снѣгъ, ледъ, день, ночь и т. д.), временъ года, топографическіе термины (море, рѣка, гора, берегъ и т. д.), названія растеній, животныхъ, утвари, главныхъ предметовъ житейскаго обихода, названія цвѣтовъ, главнѣйшихъ свойствъ предметовъ, главнѣйшихъ дѣйствій человѣка (ѣсть, пить, пѣть, бить, спать, лежать, брать, любить, нести, ѣхать, рѣзать, сѣять, пахать

и т. д.), мѣстоименія, главныя нарѣчія и, наконецъ, имена числительныя. Всѣ эти слова были переведены на 200 азіатскихъ и европейскихъ языковъ (перечень ихъ см. у Аделунга, цит. сочин., стр. 76 и слѣд.). Изданіе второй части, содержавшей слова африканскихъ и американскихъ языковъ, было отложено на нѣкоторое время.

Между тѣмъ къ издателямъ словаря поступило довольно много новаго матеріала и для первой части, что̀ позволило сдѣлать новое изданіе всего словаря, подъ редакціей Ѳ. И. Янковича де Миріево: „Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій по азбучному порядку расположенный“, (4 ч., СПб., 1790—91). Это переработанное изданіе (на одномъ русскомъ языкѣ) было дополнено 4 европейскими и 22 азіатскими, а также 30 африканскими и 23 американскими языками. (Подробное описаніе изданія Янковича де Миріево, см. у Аделунга, цит. соч., стр. 95 и сл.). Порядокъ, въ которомъ здѣсь расположены были слова сравниваемыхъ языковъ, алфавитный, что̀ въ высшей степени затрудняетъ пользованіе словаремъ. Образчикомъ можетъ служить слѣдующій отрывокъ (стр. 314, т. II):

канна	глазъ	малабарскій
канна	курица	эстонскій
каннакъ	собака	карасинскій
канпамене	плечо	самоѣдскій-мангазейскій
каннарине	глотка	неаполитанскій
каннаукъ	легкій	вогульскій
каннекъ	ротъ	гренландскій эскимосскій
каннемсъ	нести	мордовскій
каннетъ	варить	енисейскихъ татаръ
каннба	Богъ	мандингскій (въ Африкѣ)
		и т. д.

Только черезъ нѣсколько словъ дальше слѣдуетъ родственное первому изъ этихъ словъ канарезское *канну,* такъ что сравненіе формъ родственныхъ языковъ при помощи этого „Сравнительнаго словаря“ сопряжено съ величайшими неудобствами, въ виду отсутствія какихъ-бы то ни было указателей для ихъ нахожденія.

Словарь Екатерины, вышедшій при такихъ исключительныхъ для научнаго изданія условіяхъ и заинтересовавшій многихъ ученыхъ въ разныхъ концахъ цивилизованнаго міра, сдѣлался предметомъ живого обсужденія въ научной литературѣ. Рецензіи

на него написали Бакмейстеръ [1]), Краусъ [2]), Бютнеръ [3]), Рюдигеръ [4]), Хагеръ [5]), Вольней [6]), Добровскій [7]), Альтеръ [8]), Фра Бартоломео [9]). Большая часть рецензентовъ восхищалась новымъ, широко задуманнымъ и небывалымъ по полнотѣ научнымъ трудомъ.

Наиболѣе основательной и безпристрастной оказалась рецензія Крауса (профессора исторіи и политической экономіи кенигсбергскаго университета), получившаго за нее бриллiантовый перстень, несмотря на указаніе многихъ недостатковъ словаря. Исходя изъ основного требованія науки, чтобы факты передавались точно и правильно, Краусъ подвергъ словарь разсмотрѣнію съ трехъ точекъ зрѣнія: въ отношеніи точности матеріала языковъ (Stoff), ихъ формы (т.-е. грамматики) и ихъ распространенія. Относительно перваго условія, онъ справедливо сомнѣвался въ точности передачи не только звуковой стороны сообщенныхъ словъ (принадлежащихъ

---

[1]) Въ «Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland, herausgeg. von H. L. Chr. Bacmeister». Спб., Рига и Лейпцигъ. 1781 г., т. XI, стр. 1—24.

[2]) «Allgemeine Literatur Zeitung» 1787, № 235 — 37 и почти цѣликомъ въ цитир. книгѣ Аделунга, стр. 112—131.

[3]) Рецензія извѣстнаго Іенскаго языковѣда и коллекціонера-лингвиста повидимому была послана императрицѣ въ рукописи и въ печати не появлялась. Рецензентъ получилъ бриллiантовый перстень. (См. Аделунгъ, цит. соч. 131—132).

[4]) См. періодическое изданіе Рюдигера «Neuester Zuwachs der teutschen, fremden und allgemeinen Sprachkunde in eigenen Aufsätzen, Bücheranzeigen und Nachrichten». St. V. стр. 233.

[5]) Отдѣльно подъ загл.: «Schreiben aus Wien an Herrn Pallas in St. Petersburg». Вѣна 1789, б. 8°.

[6]) «Mémoires de l'Académie Celtique», годъ XIV и «Moniteur» того же года № 31, 32. Почти цѣликомъ перепечатано въ цит. книгѣ Аделунга, стр. 142—174.

[7]) «Vergleichung der Russischen und Böhmischen Sprache. Nach dem Wörterverzeichnisse des Petersburger Vergleichungs-Wörterbuchs» въ приложеніи къ «Litterarische Nachrichten von einer auf Veranlassung der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften im Jahre 1792 unternommenen Reise nach Schweden und Russland». Прага 1796. 8°, стр. 121 — 272. Другія поправки Добровскаго «Neue Beiträge zu den Petersburger Vocabulariis comparativis» явились въ его «Slovanka. Zur Kenntniss der alten und neuen slawischen Literatur, der Sprachkunde nach allen Mundarten, der Geschichte und Alterthümer». Прага. 1814.

[8]) Поправка къ грузинской и санскритской части словаря въ двухъ работахъ Альтера: «Ueber Georgianische Litteratur, von Fr. K. Alter, Professor der Griech. Sprache etc.». Вѣна. 1798 (стр. 131—164) и «Ueber die Samskrdamische Sprache, vulgo Samskrit von F. K. Alter etc.». Вѣна. 1799. Въ послѣдней книгѣ напечатаны и поправки Фра Бартоломео. Поправки къ полабскимъ словамъ—у Альтера «Philologisch-Kritische Miscellaneen». Вѣна. 1799.

часто совершенно дикимъ, лишеннымъ письменности народамъ), но и ихъ формы, предполагая возможность различныхъ ошибокъ, въ родѣ принятія цѣлаго предложенія или ряда словъ за одно слово, ошибокъ, вполнѣ понятныхъ при полной научной неподготовленности весьма многихъ оффиціальныхъ собирателей матеріала для словаря. Если ближайшіе, сосѣдніе языки, въ родѣ латышскаго, были представлены въ словарѣ съ большими ошибками, въ чемъ Краусъ убѣдился, то тѣмъ болѣе подозрѣнія внушала ему передача формъ разныхъ дикихъ и безписьменныхъ языковъ. Замѣчанія Крауса, высказанныя имъ по этому поводу, о трудности записыванія незнакомаго языка изъ устъ грубыхъ дикарей, сохраняютъ свое значеніе и до сихъ поръ. Самый выборъ нѣкоторыхъ понятій, въ родѣ *длина, ростъ, могущество, любовь*, долженъ былъ вести ко всевозможнымъ ошибкамъ при передачѣ ихъ на языки некультурныхъ племенъ, чуждыхъ всякимъ отвлеченностямъ и выражающихъ ихъ обыкновенно разными сложными, описательными оборотами и т. д. При этомъ Краусъ указывалъ на невозможность правильнаго представленія матеріальной стороны языка безъ изученія его грамматическаго строя, изслѣдованіе котораго гораздо легче, проще и скорѣе ведетъ къ рѣшенію вопроса о взаимномъ родствѣ языковъ (вопроса, кстати сказать, вызвавшаго появленіе словаря Екатерины), чѣмъ сопоставленіе одного ихъ лексическаго матеріала. Между тѣмъ эту сторону дѣла словарь совсѣмъ игнорировалъ. Со стороны распространенія языковъ, или ихъ принадлежности большему или меньшему кругу говорящихъ, Краусъ также отмѣчалъ рядъ ошибокъ, въ родѣ установленія небывалыхъ языковъ, какъ напр. *кривинго-ливонскаго* (кривы — латыши, ливы — финны), принятія языка французскихъ басковъ за другой языкъ, чѣмъ испанск. Vascuença, или неправильнаго выбора одного какого-нибудь нарѣчія въ качествѣ представителя цѣлой большой языковой группы, какъ это было съ китайскимъ, представленнымъ однимъ мандаринскимъ нарѣчіемъ. Краусъ указывалъ также на недостаточность голыхъ названій языковъ для ихъ опредѣленія и обращалъ вниманіе на желательность болѣе подробныхъ показаній о ихъ географическомъ распространеніи. Рецензія Крауса вообще свидѣтельствовала о ясности и трезвости научныхъ взглядовъ ея автора, глубинѣ и серьезности его знаній, и многія ея замѣчанія до сихъ поръ сохраняютъ свое методологическое значеніе. Несмотря на серьезныя критическія возраженія противъ основной мысли словаря и ея выполненія, Краусъ все-таки отдавалъ должную дань удивленія столь

важному и безпримѣрному научному предпріятію, какимъ тогда являлся словарь руской императрицы и ея сотрудниковъ.

Весьма рѣзкій характеръ носила рецензія Хагера (Hager), замѣчанія котораго, однако, также нельзя не признать вполнѣ справедливыми. Хагеръ, придравшись къ выраженію Палласа „reliquas *omnes* ipse curavi“, указывалъ на невозможность сравнительнаго словаря *всѣхъ* азіатскихъ языковъ, говоря что это задача, совершенно непосильная для одного человѣка, и съ которой могло бы справиться только цѣлое общество ученыхъ. Далѣе онъ обращалъ вниманіе на присутствіе въ татарскихъ и турецкомъ языкахъ большого количества арабскихъ и персидскихъ заимствованныхъ словъ, которыя въ „сравнительномъ“ словарѣ слѣдовало-бы точно отграничить отъ природнаго матеріала этихъ языковъ, или и совсѣмъ выкинуть. Относительно арабскаго, рецензентъ отмѣчалъ смѣшеніе въ словарѣ древняго арабскаго съ новымъ и полное невниманіе къ многочисленнымъ его діалектамъ. Цѣлый рядъ языковъ представленъ былъ въ словарѣ, по мнѣнію Хагера, съ большими ошибками и некритично. Много ошибокъ онъ нашелъ въ еврейскихъ, сирійскихъ, армянскихъ, японскихъ словахъ. Говоря объ индійскихъ языкахъ, Хагеръ справедливо удивляется тому, что на первый планъ поставленъ цыганскій языкъ, а не санскритъ, относительно котораго въ свою очередь словарь не опредѣляетъ точно, разумѣется ли подъ этимъ терминомъ чистый древній языкъ, или одинъ изъ позднѣйшихъ діалектовъ, смѣшанныхъ съ тамульскими и бенгальскими (?) словами. Какъ и Краусъ, Хагеръ ставитъ въ упрекъ составителямъ словаря, что они не приняли во вниманіе ни географическаго положенія языковъ, ни ихъ происхожденія. Ссылкѣ составителей на недостатокъ пособій онъ противопоставляетъ замѣчаніе, что въ Парижѣ, Римѣ и другихъ мѣстахъ можно было бы найти еще много неиспользованныхъ источниковъ. Наконецъ, многіе языки въ словарѣ представлены въ очень искаженномъ видѣ, дающемъ неправильное представленіе о ихъ звуковой сторонѣ, какъ это рецензентъ доказывалъ на примѣрѣ татарскихъ діалектовъ, персидскаго, арабскаго, нѣкоторыхъ индійскихъ и китайскаго языковъ.

Характерно полное отсутствіе русскихъ рецензентовъ, если не считать Бакмейстера,—*нѣмецкаго* ученаго на *русской* службѣ. Отчасти оно, можетъ быть, объясняется высокимъ положеніемъ инціаторши и покровительницы словаря, но съ другой стороны (и гораздо больше) совершенно тепличнымъ характеромъ новаго плода науки, выросшаго среди русскихъ снѣговъ и пустынь подъ присмотромъ и охраной высокопоставленной садовницы, которая, какъ и ея ближай-

шіе помощники въ этомъ дѣлѣ, Николаи, Палласъ, Бакмейстеръ [1]), Арндтъ, Янковичъ де Миріево, не могла считаться природной русской. Читателей и судей для подобнаго ученаго труда у насъ тогда не могло быть (Ломоносова уже давно не было въ живыхъ), да и въ публику русскую онъ почти не проникалъ: императрица сама разсылала его иноземнымъ дворамъ и ученымъ, въ Петербургѣ же поступило въ продажу только 40 экземпляровъ, подаренныхъ для этого Екатериною книгопродавцу Вейтбрехту. Изданіе Янковича де Миріево, недоступное европейской публикѣ (какъ напечатанное по русски), у насъ также почему то [2]) долго не поступало въ продажу (до 1813 г.) и хранилось въ кабинетѣ императорскаго двора. Такимъ образомъ сами издатели словаря какъ какъ будто не считали возможнымъ заинтересовать имъ русское общество и едва ли ошибались въ своемъ недовѣріи. Впрочемъ общее научное значеніе его было не велико.

Оставляя въ сторонѣ ошибочность основной идеи подобнаго „всеобщаго" сравнительнаго словаря, которая могла явиться только въ XVIII в. до возникновенія научнаго сравнительнаго языкознанія, нельзя не замѣтить, что и выполненіе задуманнаго плана, даже принимая во вниманіе тогдашнія условія научной работы, носило характеръ скороспѣлости и необдуманности. Систематизація матеріала, достовѣрность и полнота его, точность обозначенія произношенія, оставляли и по тогдашнему желать многаго, какъ это и было указано современной критикой. Планъ словаря, выборъ словъ также страдали многими недостатками и ошибками. Грамматическій строй разсматриваемыхъ языковъ совсѣмъ не принимался во вниманіе. Цѣлый рядъ языковъ и діалектовъ, извѣстныхъ и вполнѣ доступныхъ и въ то время (эѳіопскій, алеутскій, башкирскій, хорватскій, куманскій, лезгинскій, норвежскій, тибетскій, телугу и т. д.) отсутствуетъ въ словарѣ. Приводятся и никогда не существовавшіе языки, въ родѣ „тевтонскаго". Лица, доставившія образчики языка, какъ сами собиратели ихъ, такъ и опрошенные ими, названы лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; не указаны также въ большинствѣ случаевъ и мѣстности, въ которыхъ собирался матеріалъ. Самыя слова представлены то сообразно своему выговору,

---

[1]) И. Д. Бакмейстеръ, родственникъ вышеупомянутаго Хр. Бакмейстера, младшій библіотекарь Академіи Наукъ, былъ приглашенъ Палласомъ въ помощники по редактированію словаря. (См. Я. Гротъ, «Филолог. занятія Екатерины II», «Русскій Архивъ», 1877 г., кн. I стр. 440).

[2]) Чуть ли не потому, что императрица справедливо была недовольна неудачной редакціей этого изданія.

то сообразно правописанію, принятому въ соотвѣтствующихъ письменностяхъ и т. д.

Тѣмъ не менѣе словарь Екатерины II оживилъ научную жизнь того времени. Идея его никого не могла поражать своей ошибочностью; она вытекала изъ господствовавшаго тогда представленія о всеобщемъ происхожденіи языковъ земного шара изъ одного источника, и современная критика могла судить не самую идею, а только ея выполненіе. Уже появленіе ряда рецензій и поправокъ къ словарю Екатерины было пріобрѣтеніемъ для науки. Положительную сторону словаря безусловно составляло обиліе новаго матеріала, хотя бы часто и ненадежнаго. Свѣдѣнія о многихъ языкахъ Россіи, Сибири и Азіи вообще проникали съ трудомъ въ Европу того времени, и многое въ словарѣ было безспорно новинкой для европейскихъ ученыхъ.

На развитіе русской науки, однако, онъ едва ли имѣлъ какое-нибудь вліяніе (хотя бы въ силу крайне малой распространенности), если не считать такихъ позднѣйшихъ отголосковъ его всесравнительнаго направленія, какъ этимологизаторская дѣятельность адмирала Шишкова и др. Зато въ европейской наукѣ, не смотря на свою сравнительную рѣдкость и въ Европѣ, словарь Екатерины вызвалъ рядъ замѣчательныхъ для своего времени работъ, изъ которыхъ особенно выдаются „Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde" и т. д. (4 т., 1806—17), І. Хр. Аделунга и „Catalogo de las lenguas de las naziones" (6 т., 1800—1805) испанца Герваса. Къ произведеніямъ европейской научной литературы слѣдуетъ отнести и сочиненіе бывшаго переводчика кабинета Императрицы и помощника Палласа по изданію „Сравн. Словаря", Іоанна Готлиба Арндта (р. 1743, † 1829) „Über den Ursprung und die verschiedenartige Verwandtschaft der europäischen Sprachen", изданное во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1818 г., но существовавшее уже въ 80-хъ гг. XVIII в., какъ это видно изъ записки Екатерины II къ Храповицкому, хранящейся въ библіотекѣ Императ. Академіи Наукъ (см. Я. Гротъ, „Филологическія занятія Екарины II", Русскій Архивъ, 1877, кн. I, стр. 440—442).

VIII. Грамматическіе труды А. Барсова, В. Свѣтова и др. Словари О. Алексѣева, Евгенія, Россійской Академіи.

Гораздо важнѣе для русскаго языкознанія была дѣятельность Ломоносова и Тредьяковскаго, подготовившихъ и первыхъ преподавателей словесности въ московскомъ университетѣ, Н. Н. Поповскаго (1730—1760) и А. А. Барсова (1730—1791), изъ коихъ послѣд-

ній является послѣдователемъ Ломоносова и въ своихъ грамматическихъ трудахъ: „Краткія правила россійской грамматики, собранныя изъ разныхъ россійскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ гимназіяхъ Московскаго Университета", (Москва, 1771), перепечатывавшіяся восемь разъ, и „Обстоятельная россійская грамматика", составленная по порученію коммиссіи о народныхъ училищахъ въ 1784—88 гг., но оставшаяся въ рукописи и впослѣдствіи затерявшаяся. Сохранились только списки съ нея, изъ которыхъ нѣкоторые были исправлены и дополнены самимъ Барсовымъ. Одинъ изъ такихъ списковъ, заключающій въ себѣ большой отдѣлъ „о словопроизвожденіи", писанный на многихъ страницахъ рукою самого Барсова и снабженный его же замѣтками и приписками, находится въ Имп. публичной библіотекѣ. Другіе два списка имѣются въ библіотекѣ Московскаго университета, и одинъ изъ нихъ, также съ поправками и дополненіями Барсова, заключаетъ въ себѣ всѣ пять частей его грамматики (правоизглашеніе=ороэпія, словоудареніе=просодія, правописаніе=орографія, словопроизвожденіе=этимологія, словосочиненіе=синтаксисъ), хотя и не въ полномъ видѣ. Другой московскій списокъ полнѣе всѣхъ, но зато изложенъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращеннѣе и съ нѣсколько иной редакціей текста. Барсовскихъ дополненій онъ не имѣетъ. Но и этотъ списокъ не можетъ назваться полнымъ, такъ что въ настоящемъ своемъ видѣ больная грамматика Барсова до насъ не дошла. Оставаясь въ рукописи, она не могла имѣть особаго вліянія на развитіе нашего языкознанія, хотя существованіе нѣсколькихъ списковъ ея указываетъ до нѣкоторой степени, что ею всетаки пользовались. Но какъ показатель извѣстнаго успѣха, достигнутаго русской школой языкознанія со времени грамматики Ломоносова, трудъ Барсова все же имѣетъ историческое значеніе, тѣмъ болѣе, что авторъ его, какъ профессоръ словесности Московскаго университета (съ 1761 г.). вводившій иногда въ свои курсы и русскую грамматику, имѣлъ возможность, по крайней мѣрѣ въ устномъ преподаваніи, распространять свои взгляды. Карамзинъ, искренній почитатель Барсова, говорилъ, что если *умѣетъ задумываться надъ словомъ*, то этимъ обязанъ Барсову. Русская грамматика была любимымъ предметомъ занятій Барсова. По его словамъ, „человѣкъ всего болѣе отличается отъ животнаго словомъ или языкомъ, слѣдовательно наука о языкѣ есть важнѣйшая и истинно-человѣческая" [1]). Составленіе грамматики предпринято было имъ по порученію коммиссіи объ

---

[1]) Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», т. IV. 1878, стр. 241.

учрежденіи народныхъ училищъ, председателемъ которой былъ Ѳ. И. Янковичъ де Миріево (1741—1814). Коммиссія нуждалась въ „исправной, достаточной и лучшимъ порядкомъ расположенной россійской грамматикѣ“ для „употребленія въ новозаводимыхъ по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію народныхъ училищахъ“ (письмо члена коммиссіи Завадовскаго къ Барсову, нап. у Сухомлинова, „Исторія россійской академіи“ вып. IV, Спб. 1878, стр. 250). Отвлекаемый многообразными занятіями и обязанностями отъ обременительнаго и сложнаго по отсутствію надлежащихъ подготовительныхъ работъ труда, Барсовъ проработалъ четыре слишкомъ года надъ своей грамматикой. Но обширный объемъ ея (шестдесятъ тетрадей рукописи, по сообщенію самого Барсова), сдѣлавшій ее „пространнѣйшею всѣхъ понынѣ имѣющихся въ своемъ родѣ“, послужилъ причиною того, что коммиссія не могла воспользоваться ею для намѣченнаго употребленія ея, въ качествѣ учебника, и рѣшила напечатать ее въ сокращенномъ видѣ. Для этого сокращенія рукопись была передана нѣкоему Пахомову, при чемъ вѣроятно и затерялась.

По словамъ самого Барсова, его грамматика представляла „не только многія нужныя наставленія“, имъ „вновь выработанныя, которыя другими грамматиками совсѣмъ опущены были, но и порядокъ систематическій, котораго въ нихъ не находится“. Составленіе ея стоило большаго труда, „по причинѣ безчисленныхъ справокъ съ разными, не только россійскими, но и другихъ языковъ грамматиками, словарями и другими многими книгами, замѣчаній въ нихъ, выписокъ; многочисленныхъ, какъ въ самое время сочиненія, перемѣнъ и переправокъ, такъ и потомъ многократныхъ переписокъ, исправленій и дополненій“. Тѣмъ прискорбнѣе постигшая этотъ трудъ печальная участь, къ сожалѣнію не безпримѣрная въ исторіи русской духовной культуры.

Впрочемъ, благодаря уцѣлѣвшимъ спискамъ, хотя и неполнымъ, сужденіе о большой грамматикѣ Барсова всетаки возможно. По словамъ Буслаева, Барсовъ является въ ней „достойнымъ послѣдователемъ Ломоносова; для исторіи русскаго языка въ XVIII в. предлагаетъ она весьма много любопытныхъ данныхъ“. Составитель ея стремился воспользоваться всѣми лучшими тогдашними источниками и пособіями. Во главѣ ихъ стоитъ, конечно, грамматика Ломоносова, но иногда Барсовъ слѣдуетъ и Тредьяковскому, лекціи котораго въ свое время слушалъ въ академическомъ университетѣ. Кое-что заимствовано имъ изъ грамматическихъ таблицъ Свѣтова, придерживаться которыхъ рекомендовала ему школьная коммиссія. Кромѣ того онъ пользовался и „примѣчаніями

вольнаго россійскаго собранія", одною изъ задачъ котораго было собираніе и разработка памятниковъ языка, составленіе словаря и грамматики и т. д. Изъ иностранныхъ пособій Барсовъ ссылается на обще-философскіе грамматическіе трактаты Куръ де Жебелена и Аделунга („Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache"), подъ вліяніемъ которыхъ онъ вводитъ въ грамматику логическій элементъ, выводя извѣстныя явленія языка, особенно въ области синтаксиса, изъ общихъ логическихъ понятій. Ученіе о частяхъ предложенія, о подлежащемъ и сказуемомъ и т. д. изложено Барсовымъ, согласно взглядамъ Аделунга. Внѣшнія рамки изложенія, порядокъ частей, извѣстныя правила и опредѣленія заимствованы были изъ нѣмецкой грамматики, принятой въ австрійскихъ школахъ („Verbesserte Anleitung zur deutschen Sprachlehre. Zum Gebrauche der deutshen Schulen in den Kaiserlichen Königlichen Staaten". Вѣна. 1779). Этотъ послѣдній образецъ, которому слѣдовалъ Барсовъ нерѣдко дословно [1]), былъ указанъ ему школьной коммиссіей, такъ какъ для нея австрійское школьное устройство являлось идеаломъ, къ которому слѣдовало стремиться во всѣхъ отношеніяхъ. Грамматическая терминологія Барсова почти та же, что у Ломоносова, съ уклоненіями въ сторону большей близости къ современной. Уклоненія эти, впрочемъ, нерѣдко восходятъ къ старинной терминологіи, знакомой уже намъ изъ грамматикъ XVI—XVII вв. Такъ слогъ у Барсова называется и *складъ* (какъ у Ломоносова), и *слогъ* (такъ уже въ грамматич. статьяхъ XVI—XVII в. и грамматикахъ: „Адельфотисѣ" и Лаврентія Зизанія, см. выше, стр. 171 и 173 [1]), слово—*реченіе* (какъ у Ломоносова) и просто *слово*, сравнительная степень—*уравнительная* или *разсудительная степень*, тогда какъ у Ломоносова еще—*разсудительный степень* (такъ и у Смотрицкаго, см. выше, стр. 177), предложеніе—*рѣчь* (какъ у Ломоносова) и *предложеніе* [2]), части рѣчи—не *части слова* (какъ у Ломоносова), а *части рѣчи* и т. д. Въ ороографіи Барсовъ являлся сторонникомъ Тредьяковскаго и, подобно ему, хотѣлъ основать ее „на звонахъ", т. е. на фонетическомъ принципѣ. Такъ недостаткомъ нашей азбуки онъ считалъ отсутствіе различія на письмѣ двухъ разныхъ звуковъ, соотвѣтствующихъ лат. g и h. Слѣдуя первому изданію грамматики Смотрицкаго, Барсовъ предлагалъ ввести въ русскую азбуку особый знакъ для обозначенія спиранта *h*. Такимъ же недостаткомъ онъ считаетъ обозна-

---

[1]) См. примѣры у Сухомлинова, «Исторія Россійской Академіи» 1878. вып. IV. 274—276.

[2]) Переводъ лат. термина propositio.

ченіе звука о въ *медъ, ледъ, Веревкинъ* и множествѣ другихъ случаевъ посредствомъ обыкновеннаго *е*, вмѣсто котораго предлагаетъ знакъ *іо*. Изъ двухъ буквъ *и* и *і* первая является для него излишней. Излишни также, по его мнѣнію, ъ въ концѣ словъ и буквы *ѳ* и *ѵ*. Фонетическія представленія Барсова представляютъ, однако, шагъ назадъ, сравнительно съ грамматикой Ломоносова. Такъ гласные звуки онъ дѣлитъ по способу ихъ произношенія на *отверстые* (а, у и др.) и *полуотверстые* (я, ю и др.), что мало вразумительно, особенно въ виду рекомендуемаго имъ способа убѣдиться въ различіи „отверстыхъ" отъ „полуотверстыхъ", произнося ихъ передъ зеркаломъ [1]. Такъ же мало понятно различіе *чистыхъ* гласныхъ отъ *растворенныхъ*. По опредѣленію Барсова, тѣ гласные *чисты*, которые слѣдуютъ за гласными же, гласные же, стоящіе послѣ согласныхъ,—*растворенные*. Напр. въ *сiяю і*—растворенный гласный. а *я* и *ю*—чистые.

Гораздо цѣннѣе многочисленныя фактическія наблюденія надъ литературнымъ и народнымъ языкомъ, щедро разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ грамматики. Барсовъ часто отмѣчаетъ различія между литературнымъ и народнымъ языкомъ, приводя примѣры изъ послѣдняго гораздо чаще, чѣмъ это дѣлалъ Ломоносовъ. Такъ онъ указываетъ на переходъ неудареннаго *е* въ *о*, какъ на принадлежность деревенскаго выговора, въ формахъ, въ родѣ *віола, ніосла, пишотъ*, обращаетъ вниманіе на переходъ неудареннаго *о* въ *а*, какъ черту московскаго говора, и объясняетъ ею появленіе „ложныхъ окончаній" въ случаяхъ, въ родѣ *проса, пуза,* вмѣсто *просо, пузо,* отмѣчаетъ разныя діалектическія формы члена *тъ, та, то*, свойственныя сѣверному нарѣчію и т. д. Какъ и Ломоносовъ, Барсовъ ссылается иногда и на древнія рукописи, указывая на существованіе въ нихъ, напр., такихъ написаній, какъ *Кыевъ* и т. д. Временъ глагольныхъ онъ признавалъ только шесть, вмѣсто десяти Ломоносовскихъ, и вообще въ вопросѣ о глагольныхъ видахъ склонялся больше ко взглядамъ Смотрицкаго, въ которыхъ заключалось нѣкоторымъ образомъ предчувствіе современной теоріи видовъ. Такъ онъ отличалъ учащательные глаголы отъ начинательныхъ. Но и пространная грамматика Барсова, и его краткій учебникъ, выдержавшій столько изданій и употреблявшійся еще и въ началѣ XIX вѣка, продолжали сохранять характеръ обычной школьной грамматики, преслѣдующей практическія цѣли и долженствующей научить, по словамъ самого Барсова, „исправно читать, говорить и писать на

[1]) Растворъ рта при *а* и *я*, *у* и *ю* будетъ одинаковъ!

россійскомъ языкѣ по лучшему и разсудительному его употребленію".

Такой же характеръ имѣли и другія грамматики, бывшія у насъ въ ходу въ послѣдней четверти XVIII в.; безпорядочная „Россійская универсальная грамматика или всеобщее письмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку, съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезнозабавныхъ вещей", Соч. Николая Курганова, Спб. 1769 (послѣдующія изданія 1790, 1796, 1802, 1831); „Краткая россійская грамматика, изданная для народныхъ училищъ", Спб. 1787 (изданіе школьной коммиссіи, представляющее собой извлеченіе изъ грамматики Ломоносова, сдѣланное Сырейщиковымъ. Послѣдующія изданія: 1793, 1796, 1805 г.); „Начальныя основанія россійской грамматики въ пользу учащагося въ гимназіи при Императорской Академіи Наукъ юношества, составленная Петромъ Соколовымъ", Спб. 1788 (послѣдующія изданія: 1792, 1797, 1806, 1808); „Краткія правила ко изученію языка россійскаго, съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ россійской поэзіи или науки писать стихи, собранныя изъ новѣйшихъ писаній въ пользу обучающагося юношества Васильемъ Свѣтовымъ" [1]). Москва. 1790 (2-е изд. Спб. 1795, 8°, VIII+190): его же „Опытъ новаго россійскаго правописанія" 1773 г. (2-е изд. 1787 г.), „Таблицы о познаніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и правописаніи" (1783 г.) и нѣкоторые другіе краткіе учебники грамматики.

Въ такомъ состояніи къ концу XVIII в. находилась наша литература по отдѣлу грамматики русскаго языка. Дальше обыкновенныхъ школьныхъ рамокъ наши грамматики этого рода не шли. Нѣкоторое исключеніе составляли лишь грамматики Ломоносова и Барсова (пространная), но и эти составители преслѣдовали также только педагогическія цѣли, и если ихъ работы впослѣдствіи получили научное значеніе, то во всякомъ случаѣ независимо отъ намѣренія авторовъ. Еще менѣе было сдѣлано для словаря русскаго языка. Если не считать нѣсколькихъ словарей съ русскаго на разные иностранные языки, въ родѣ упоминавшагося выше „Россійскаго Целларіуса" Гельтергофа или шести-язычнаго словаря Григорія Полѣтики [2]), то, до появленія въ свѣтъ „Словаря Ака-

---

[1]) Оцѣнку грамматическихъ трудовъ Свѣтова см. у Сухомлинова, «Исторія россійской академіи», вып. IV., стр. 321—327.

[2]) Словарь на 6 языкахъ: на Россійскомъ, Греческомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англинскомъ, изд. Григорьемъ Полѣтикою. Спб. 1763. (Сопиковъ № 10453). Словарь этотъ въ сущности представляетъ собой просто

демiи Россiйской", уже въ послѣднихъ годахъ XVIII в., наша научная литература не могла представить ни одного труда этого рода.

Пробѣлъ этотъ до нѣкоторой степени восполнилъ протоiерей московскаго архангельскаго собора П. А. Алексѣевъ (1727—1801), составившiй „Церковный словарь, или истолкованiе реченiй славенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Св. Писанiи и др. церковныхъ книгахъ и т. д."—первый опытъ церковно-слав. словаря, построенный совсѣмъ по образцу древнихъ азбуковниковъ и дававшiй нерѣдко обширныя предметныя объясненiя энциклопедическаго характера. Словарь Алексѣева былъ разсмотрѣнъ и одобренъ къ напечатанiю „Вольнымъ россiйскимъ собранiемъ" при Московскомъ университетѣ, которое посвятило свое изданiе Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ предисловiи указывались поводы къ составленiю и изданiю этой „книжки, въ своемъ родѣ новой", и высказывались надежды, что, благодаря этому пособiю, „любезное отечество въ скоромъ времени увидитъ на своемъ коренномъ языкѣ достойныхъ Витiевъ, Стихотворецъ и Исторiй писателей, кои оставя иноязычные для насъ незнакомые выговоры, собственную красоту Россiйскаго слога искажающiе, и при частой перемѣнѣ къ осязательному упадку его наклоняющiе, Россiйскимъ чистымъ слогомъ прославятъ громкiя дѣла нынѣшняго знаменитаго вѣка". Составитель находилъ, что „изобилующiй сложными реченiями языкъ Еллиногреческiй придаетъ Славенскому способность ко изъясненiю краткими словами великихъ мыслей, чего на другихъ Европейскихъ языкахъ безъ пространнаго описанiя выразить не можно". Поэтому онъ питалъ „небезосновательную надежду, что по нынѣшнему обще воспрiятому отъ ученыхъ людей старанiю о чистотѣ Россiйскаго слога, и почтенной древности изъ подспуда на свѣтъ произведенiю, не преминутъ съ надлежащимъ приготовленiемъ охотно читать священную Библiю, и прямый опыя разумъ постигать на природномъ языкѣ и тѣ люди, кои доселѣ отъ того удалялися за встрѣчающимися тамъ темнопереведенными Славенскими, или безъ перевода оставленными реченiями". Т. о. самъ составитель и издатели ожидали отъ своего изданiя пользы прежде всего для русскаго языка, отожествлявшагося вообще въ XVIII в. и началѣ XIX съ славянскимъ. Для нихъ ихъ словарь былъ, такъ сказать, суррогатомъ русскаго словаря, хотя и содержалъ только малопо-

---

собранiе вокабулъ на перечисленныхъ въ заглавiи языкахъ и совсѣмъ не заслуживаетъ своего громкаго имени.

нятныя церковно-славянскія слова и различныя иностранныя (главнымъ образомъ еврейскія и греческія) слова и названія, встрѣчающіяся въ свящ. писаніи. Для образца приведемъ первыя слова на букву л: лабекъ, ладонъ, лакоть, лаконскія, лазарома, лампада, лань, ланита, ласица, ласкосердство, ластовица, латынь, лаятель, лавра, лаусаикъ, лвичищъ, левіафанъ и т. д. Въ 1776 г. вышло „Дополненіе къ церковному словарю... съ пріобщеніемъ къ оному нѣкоторыхъ церковныхъ ірмосовъ вновь преложенныхъ и приведенныхъ въ стихи", имѣвшее тотъ же характеръ, что и самъ словарь. Въ него вошли, впрочемъ, и нѣкоторые иностранные термины, имѣющіе только косвенное отношеніе къ языку церкви, въ родѣ музыкальныхъ: басъ, гесольутъ, еоа, полтакта и т. д. Наконецъ черезъ три года, въ 1779 г. вышло еще „Продолженіе Церковнаго словаря" и т. д. (Москва, въ типогр. Имп. Моск. университета). Словарь Алексѣева пользовался большимъ распространеніемъ и выдержалъ 4 изданія (1773—76 первое, и 1817—19—четвертое).

Въ томъ же родѣ былъ и „Краткой Словарь Славенской съ прибавленіемъ Слав. склоненій, спряженій и нѣкоторыхъ нужнѣйшихъ грамматическихъ правилъ. Собранный бывшимъ при Импер. Сухопутн. Шляхетномъ Кадетск. Корпусѣ Іеродіакономъ, что нынѣ Игуменомъ Евгеніемъ. Печатанъ въ Типографіи онаго корпуса 1784 г. (8°. 127+прибавленіе 42 стр.). Словарь этотъ богаче словаря Памвы Берынды, но, подобно последнему, изобилуетъ словами, совсѣмъ не принадлежащими старославянскому языку. Такъ въ немъ находимъ не мало новообразованій (подчасъ искусственнаго происхожденія), русскихъ, болгарскихъ, польскихъ или западно-русскихъ и т. п. словъ, въ родѣ: *басемной окладъ, бичильно, бережу, блудяга, бохма, ботю* (откармливаю), *брозда* (удила), *брудю* (мараю, черню), *ватага* (семья), *володтю, волотъ, грабля, дмый* (мѣхъ кузнечій), *дозаратай* (надзиратель), *дремый* (раздираемый), *друкую* (печатаю), *жребствую* (въ жребій принимаю), *збруесволожница* (оружейная палата) и т. д.

Еще болѣе опредѣленный энциклопедическій характеръ имѣлъ словарь Іоанна Алексѣева: „Пространное поле, обработанное и плодоносное или всеобщій историческій оригинальный Словарь", остановившійся повидимому на самомъ началѣ (въ экземплярѣ Библіотеки Имп. Акад. Наукъ, т. I. и въ ч. 1 тома II [Москва. 1792—94. 8°] имѣется только буква А). О его характерѣ могутъ дать понятіе первыя статьи на букву А: Аангичъ (птица), Ааронова вѣтвь (металлургич.), Аароновъ жезлъ, Абабы (турецкіе полки), Абазинцы (народъ), Абасіа или Абисс-

нія, Абасъ — вѣсъ и монета, Аббатство — чинъ, Абда — эпоха, Абицы — народъ, Абиссинія — государство, Абракадабра — идолъ, Абрикозовое дерево и абрикозы, Абстиненты — еретики, Абхазы — народъ, Абызъ — жрецъ, Ава — королевство и т. д.

Но главнымъ словарнымъ трудомъ этого времени, имѣвшимъ важное значеніе для изученія русскаго языка, является „Словарь Академіи Россійской" (Спб., 6 частей, 1789—94, 2 изд., дополненное десятью тысячами словъ, 1806—22), удовлетворявшій давнишней потребности въ подобномъ пособіи. Словарь начали составлять вскорѣ послѣ открытія „Россійской Академіи" (1783). При составленіи его, источниками служили всѣ вышедшіе до него печатные словари (Зизанія, Памвы Берынды, „Россійскій Целларіусъ" Гельтергофа, „Церковный словарь" Алексѣева), а также и различныя рукописныя собранія словъ въ родѣ собраній Тауберта и Кондратовича, переводчика Ботвинкина, протоіерея Левшина и т. д. Собраніе матеріала было распредѣлено между академиками, по буквамъ. Слова черпались не только изъ печатныхъ и рукописныхъ словарей, но и изъ церковныхъ книгъ и произведеній русской литературы древней и новой. Весь собранный матеріалъ былъ напечатанъ въ азбучномъ порядкѣ, въ формѣ таблицъ (такъ наз. „Аналогическія таблицы"), въ пяти томахъ, которые и были розданы членамъ академіи для провѣрки и исправленій. Въ таблицы эти, кромѣ общераспространенныхъ словъ, вносились древнія, старыя и областныя слова, техническіе термины и т. д. Такимъ образомъ скопился весьма обильный матеріалъ, въ количествѣ дотолѣ неслыханномъ. Въ обработкѣ его приняли участіе члены Россійской Академіи, раздѣлившіеся на 3 отдѣла: *грамматикальный* (для грамматическихъ объясненій и систематизаціи матеріала), *объяснитель ный* (для опредѣленія значенія словъ) и *издательный* или *распорядительный* (для веденія самаго печатанія). Составленъ былъ планъ, въ обсужденіи котораго приняли участіе разныя лица, въ томъ числѣ Болтинъ, доказывавшій необходимость алфавитнаго, не аналогическаго или предметнаго порядка (его замѣчанія напечатаны Гротомъ въ V томѣ академич. изданія соч. Державина), и Фонвизинъ, написавшій въ 1784 г. О. П. Козодавлеву „Письмо о планѣ росс. словаря", гдѣ онъ говоритъ о собственныхъ и уменьшительныхъ именахъ, географическихъ названіяхъ, техническихъ терминахъ и синонимахъ [1]). Въ немъ Фонвизинъ доказывалъ, что въ проектируемый словарь не надо вводить собственныя имена, прилагатель-

---

[1]) Письмо это было напечатано впервые лишь въ 1803 г. въ „Вѣстникѣ Европы" (№ 19) съ примѣчаніями редакціи.

ныя, образованныя отъ собственныхъ именъ, и отечества, географическія имена и имена народовъ. Въ послѣднемъ случаѣ Фонвизинъ, однако, не былъ послѣдователенъ, допуская для словаря имя *жидъ*, имѣющее, по его мнѣнію болѣе общее, нарицательное значеніе, чѣмъ слово *іудеянинъ*, которое имъ изгонялось (см. подробную исторію этого „Словаря“ у Сухомлинова „Ист. Росс. Академіи“, вып. VIII, 1887). Изъ 60 членовъ академіи въ составленіи словаря участвовало 47. Особенно дѣятельное участіе проявили Болтинъ, Фонвизинъ, Лепехинъ и другіе современные писатели и ученые. Выборкой словъ изъ разныхъ источниковъ и вообще собираніемъ матеріала занимались: Державинъ, Фонвизинъ, Княжнинъ, Богдановичъ, митрополитъ Гавріилъ, Лепехинъ, Козодавлевъ, княгиня Дашкова, графъ Строгоновъ, И. И. Шуваловъ и др. Научные термины объясняли академики Румовскій и Иноходцевъ (математическіе и астрономическіе), Лепехинъ (естественно-историческіе), Озерецковскій (названія болѣзней) и т. д. Особенную дѣятельность проявилъ въ этомъ дѣлѣ Лепехинъ, непремѣнный секретарь россійской академіи, одинъ изъ главныхъ поставщиковъ матеріала и членъ каждаго изъ трехъ отдѣловъ, образованныхъ въ средѣ академиковъ для составленія и изданія словаря. Вмѣстѣ съ нимъ членами „издательнаго комитета“ были академики Румовскій, Озерецковскій, Иноходцевъ. Весьма полезно и толково было и участіе въ этомъ дѣлѣ кн. Дашковой, дававшей нѣкоторыя дѣльныя указанія и употреблявшей всѣ усилія къ скорѣйшему окончанію словаря, которымъ очень интересовалась императрица Екатерина II.

Составленіе словаря вообще пробудило интересъ къ изученію русскаго языка и безспорно оставило свой слѣдъ въ исторіи нашего языкознанія. Какъ первый опытъ *русскаго* словаря, академическій словарь, не имѣвшій почти никакихъ предшественниковъ (словари Зизанія, Памвы Берынды, Алексѣева, Гельтергофа, Поликарпова и др. не могутъ серьезно итти въ счетъ), долженъ быть признанъ довольно полнымъ (43257 словъ), особенно если принять во вниманіе непродолжительность срока, въ теченіе котораго онъ составлялся (11 лѣтъ). Составители сдѣлали все возможное въ то время для достиженія наибольшей полноты, и нельзя не сказать, что для перваго опыта въ этомъ родѣ едва ли и можно было бы требовать большаго отъ лицъ, въ сущности совсѣмъ не подготовлявшихся къ подобнаго рода задачѣ. Съ совершенно вѣрнымъ чутьемъ рѣшено было въ началѣ, по настоянію Болтина, ввести въ словарь всѣ областныя слова „безъ изъятія“, какія только можно будетъ добыть, и которыхъ „въ столицахъ не нахо-

дится". Впослѣдствіи, однако, академія отступила отъ этого намѣренія и рѣшила принимать въ словарь только тѣ областныя слова, которыми „изображаются вещи, орудія и проч. въ столицахъ неизвѣстныя", или тѣ, «которыя могутъ послужить къ обогащенію и обилію языка", благодаря „своей ясности, силѣ и краткости". Тѣмъ не менѣе въ словарь всетаки вошло порядочное количество областныхъ словъ (малорусскихъ, сибирскихъ, камчатскихъ, уральскихъ, архангельскихъ, поморскихъ, волжскихъ и т. д.); введены были и разныя техническія слова, въ основѣ которыхъ нерѣдко также лежатъ областныя и народныя названія разныхъ растеній и животныхъ, а также и вообще „простонародныя" или „народныя" слова. Кромѣ того, въ него вошли и многія „старинныя" слова, способствующія пониманію древняго быта или заключающія въ себѣ корни словъ, употребляющихся и теперь, а также и многія славянскія. Словъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, вносено было немного, такъ что общее ихъ количество не составляетъ и 1/50 всего количества словъ. Иностранныя слова, введенныя въ употребленіе безъ особенной надобности или совершенно равносильныя русскимъ или славянскимъ, были совсѣмъ исключены изъ словаря. Допущены были лишь греческія и еврейскія слова, встрѣчаемыя въ священныхъ книгахъ, названія чиновъ и должностей, принятыя нашимъ законодательствомъ, названія чужеземныхъ произведеній, какъ естественныхъ, такъ и художественныхъ. Слова, хотя и не всегда, доказывались цитатами изъ разныхъ источниковъ, священныхъ и церковныхъ книгъ, актовъ и лѣтописей (изъ лѣтописи Нестора, Новгородской и Архангельской лѣтописей, Никоновскаго Сборника, Русской правды, Судебника, Уложенія, Синопсиса, Ратнаго устава, Царственной книги, Сказанія объ осадѣ Троицко-Сергіевой лавры, Бесѣдъ и Литургіи Іоанна Златоуста, книгъ Григорія Назіанзина, Шестоднева Василія Великаго, Минеи праздничной, Тріоди постной и цвѣтной, Ирмолога и Октоиха, Пролога, Кормчей, Номоканона, Требника и т. д.), извѣстныхъ въ то время древнихъ и новыхъ писателей (Ломоносова, Сумарокова, Петрова, Хераскова, Кострова, Екатерины II, Ѳеофана Прокоповича, Кн. Дашковой, Н. Поповскаго, М. Попова, И. И. Шувалова и т. д.), народныхъ пѣсенъ, пословицъ и поговорокъ и т. д. Современное употребленіе словъ также находило себѣ здѣсь мѣсто въ примѣрахъ, составлявшихся, очевидно, академиками именно для его демонстраціи.

Въ виду всѣхъ этихъ положительныхъ сторонъ, словарь Россійской академіи долженъ быть признанъ явленіемъ для своего времени замѣчательнымъ, какъ богатое собраніе лексическаго ма-

теріала, часто совсѣмъ новаго и впервые регистрированнаго и нерѣдко имѣющаго историческую важность и для нашего времени. Неудивительно, если современники приходили въ восторгъ отъ этого перваго опыта и причисляли его „къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ“ (Карамзинъ, рѣчь въ торжественномъ собраніи россійской академіи 5 дек. 1818 г.). Какъ первый опытъ, словарь, конечно, имѣлъ много недостатковъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. И тѣ и другіе частью объясняются условіями времени, частью отсутствіемъ настоящей научно-филологической подготовки у огромнаго большинства членовъ академіи.

Къ недостаткамъ перваго рода слѣдуетъ отнести недостаточное различеніе церковно - славянскихъ лексическихъ элементовъ отъ природныхъ русскихъ, находившееся въ связи съ обычнымъ въ то время (и много послѣ) убѣжденіемъ, что языки славянскій и русскій представляютъ собою скорѣе разные способы выраженія, присущіе одному и тому же языку, чѣмъ два различныхъ языка [1]). Полнота словаря пострадала отъ недопущенія въ него областныхъ словъ, кромѣ нѣкоторыхъ ихъ категорій, указанныхъ выше; допущеніе „простонародныхъ“ словъ и рядомъ исключеніе многихъ „областныхъ“ плохо вязались другъ съ другомъ и придавали составу словаря оттѣнокъ извѣстной случайности и произвольности. Наряду со строгостью въ отношеніи къ извѣстнымъ категоріямъ областныхъ словъ, находимъ введеніе обветшалыхъ и даже вновь составленныхъ словъ въ замѣну иностранныхъ, которое находилось въ связи съ замѣтнымъ стремленіемъ исправлять и регламентировать живое употребленіе языка. Это стремленіе вытекало изъ основного назначенія „Россійской Академіи“, учрежденной для „вычищенія и обогащенія языка, установленія и употребленія словъ, витійства и стихотворства“. Наивно-механическій взглядъ на звуковую сторону языка, этимологіи, основанныя на грубомъ созвучіи (въ родѣ *воробей* отъ *воръ* и *бей*), отсутствіе правильнаго историческаго пониманія языка, сказавшееся, напримѣръ, въ признаніи извѣстныхъ славянскихъ и русскихъ словъ, схожихъ со словами другихъ родственныхъ языковъ, за заимствованія изъ этихъ послѣднихъ, (благодаря чему къ иностраннымъ словамъ относились такія исконныя славянскія и русскія слова, какъ *гомола, воръ, быкъ, братъ, гость, село, щи* и т. д.)—вытекали уже изъ условій самаго времени возникновенія

[1]) См. С. Буличъ, „Церковнославянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ“. Ч. I. Спб 1893 г., стр. 78—82.

словаря. Попадали въ словарь и просто фантастическія, никогда не бывалыя слова, въ родѣ якобы старишаго междометія *гизъ* (у скороходовъ, разгонявшихъ толпу передъ поѣздомъ вельможи)— восходящаго, очевидно, къ сокращенному *берегись (гись!)* Впрочемъ, такихъ ошибокъ въ словарѣ было немного. Къ недостаткамъ формы надо отнести словопроизводный или этимологическій распорядокъ словаря, благодаря которому, при отсутствіи общаго алфавитнаго реестра, приходилось перебирать всѣ шесть томовъ словаря, чтобы найти иное слово. Глаголы приводились не въ неопредѣленномъ наклоненіи, а только въ формѣ перваго лица настоящаго времени, что также затрудняло пользованіе словаремъ. Во второмъ изданіи словаря, вышедшемъ уже въ началѣ XIX в., эти внѣшніе недостатки были устранены.

Несмотря на указанные недостатки, словарь россійской академіи составилъ въ извѣстномъ смыслѣ эпоху въ данной области нашей научной литературы и сейчасъ же оказалъ извѣстное вліяніе, вызвавъ появленіе практическихъ словарей, основанныхъ на немъ. Таковы были: „Новый россійско-французско-нѣмецкій словарь, сочиненный по словарю россійской академіи Иваномъ Геймомъ и т. д. Nouveau Dictionnaire Russe-françois et allemand composé d'après le dictionnaire de l'académie russe par Jean Heym etc. Москва, въ универс. типографіи, у Христофора Клаудія. 4°. 3 ч. 1799—1802“ и „Полный россійско-нѣмецкій словарь, по большому словарю россійской академіи сочиненный Иваномъ Геймомъ“ (2-я часть его вышла въ Ригѣ и въ Лейпцигѣ, въ 1800 г.).

Въ научной литературѣ того времени онъ, однако, не обратилъ на себя особаго вниманія, если не считать хвалебнаго отзыва, напечатаннаго (безъ подписи) въ „Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ (ч. 86, 1792 г., стр. 4—14): „Письмо объ издаваемомъ Императорской Россійской Академіей Словарѣ Россійскомъ“. Авторъ этой рецензіи поздравляетъ читающую публику съ отпечатаніемъ IV части Россійскаго Словаря, ставитъ этотъ послѣдній выше словаря Французской Академіи и указываетъ на великое значеніе подобныхъ трудовъ для духовнаго развитія народа: „сколь необходимо для благоустроеннаго государства рачить о пользѣ отечественнаго языка, ибо языкъ, ежели можно такъ сказать, есть печать или свидѣтельство силы, просвѣщенія и богатства народнаго, какъ то въ древности ясно намъ доказываютъ Египтяне, Греки и Римляне, а въ новѣйшія времена французы и др.“. Значеніе разбираемаго труда тѣмъ болѣе, что составленіе его, по мнѣнію автора статьи, было гораздо труднѣе, чѣмъ составленіе французскаго академическаго словаря: „Судя по бѣдности французскаго языка, по

недостатку первообразныхъ реченій и почти по неимѣнію сложенныхъ глаголовъ, трудъ Франц. Словаря гораздо легче, нежели Россійскаго". Изданіе, конечно, не лишено недостатковъ, но авторъ надѣется, что Россійская Академія, „прилѣжа толь неутомимо о существенномъ дѣлѣ своего подвига, и не занимаяся произношеніемъ тщетныхъ привѣтствій во время принятія своихъ членовъ, наполненныхъ взаимными и часто пристрастными, чтобы не сказать нелѣпыми похвалами, избѣгнетъ сея укоризны при 2-мъ или 3-мъ изданіи своего Словаря". О степени компетенціи критика словаря свидѣтельствуютъ слѣдующія его разсужденія о русскомъ и старославянскомъ языкахъ: „извѣстно, что Россійскій языкъ—отрасль Славянскаго, которой можно нѣкоторымъ образомъ назвать языкомъ мертвымъ по тому, что онъ существуетъ въ книгахъ Св. Писанія, и много словъ, которыя на нашемъ нынѣ употребляемомъ языкѣ, которой я осмѣлюсь назвать языкомъ Славянороссійскимъ, преданы забвенію, и неграмотнымъ и непросвѣщеннымъ людямъ со всемъ невразумительны; предки же наши говорили по недостатку, или по неимѣнію хорошихъ писателей, простонароднымъ языкомъ, въ которой вкралося множество чужеземныхъ (татарскихъ и польскихъ) словъ; слѣдственно надлежало, ... очистя сію древнюю громаду отъ несвойственныхъ ей безобразій, представить въ новомъ величественномъ видѣ. Сіе было дѣло Россійской Академіи.... сдѣлать хранилище всѣхъ сокровищъ Россійскаго языка.... Сіе хранилище есть Словарь Россійской Академіи; сіе есть подвигъ сколько трудный, столько же полезный и славный для Россіи". Въ заключеніе критикъ обращается къ составителямъ Словаря со словами ободренія: „есть можетъ быть по всеобщей судьбѣ человѣчества негодователи и порицатели трудовъ вашихъ; есть вамъ завистники. Накажите ихъ, ступя послѣдній шагъ теченія вашего. Россія вамъ обязана за Словарь свой. Недостатки его исправитъ время; ибо трудъ вашъ такова роду, что чрезъ новыя изданія онаго исправиться и достигнуть возможнаго совершенства только удобенъ. Но и теперь сіе хранилище сокровищъ Россійскаго языка, сей Словарь вашъ, есть истинный руководитель какъ природнымъ Россіянамъ, такъ и иностраннымъ желающимъ научиться языку нашему".

За исключеніемъ этого, въ общемъ совершенно голословнаго отзыва, наша молодая наука и журналистика XVIII в. не откликнулась на появленіе такого важнаго для своего времени научнаго труда ни однимъ критическимъ разборомъ его достоинствъ и недостатковъ. У насъ не было еще компетентныхъ судей для его оцѣнки, а на западѣ мало кто могъ имъ заинтере-

соваться въ то время. Только Шлецеръ, уже лѣтъ через 7 по выходѣ послѣдняго тома, напечаталъ весьма сочувственную рецензію академическаго труда („Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen". 147 stück. 1801 г., 12 сент.), а Добровскій уже гораздо позже, говоря о второмъ изданіи словаря, охарактеризовалъ и первое его изданіе („Jahrbücher der Litteratur". Wien. 1825. т. XXIX), указавъ его хорошія и слабыя стороны. Академическимъ словаромъ, сравнительнымъ словаремъ Екатерины II и грамматикой Ломоносова исчерпывается такимъ образомъ все важнѣйшее въ области языкознанія, явившееся у насъ въ XVIII в. Прочая лингвистическая литература во второй половинѣ XVIII в. была у насъ довольно скудна и состояла главнымъ образомъ изъ переводныхъ, рѣдко оригинальныхъ разсужденій на разныя, преимущественно общія, темы.

IX. Переводныя и оригинальныя сочиненія общаго характера по языкознанію во второй половинѣ XVIII в.

Къ переводнымъ сочиненіямъ этого рода принадлежитъ „Книга языкъ; переведена съ французскаго Сергѣемъ Волчковымъ. Спб. При Имп. Акад. Наукъ" (1761), представляющая рядъ самыхъ общихъ разсужденій о разныхъ способахъ выраженія, въ зависимости отъ того или другого настроенія, чувства, общественнаго положенія говорящаго или собесѣдника и т. д., лишенныхъ какого бы то ни было научнаго характера, даже если прилагать тогдашнюю научную мѣрку. Выше, быть можетъ, стояло „Разсужденіе о началѣ и происхожденіи языковъ. Перев. съ французскаго". (Спб. 1777 г. 8°), упоминаемое Сопиковымъ въ его „Опытѣ россійской библіографіи" подъ № 9598, но которое мнѣ не удалось видѣть [1]).

Совсѣмъ недурно для своего времени аналогичное разсужденіе „О началѣ и постепенномъ приращеніи языка и изображеніи письма. Москва. Въ Губернской типографіи у А. Рѣшетникова. 1799, 8°. Посвящается Его Пр—ву Д. С. С. Императорскаго Московскаго Университета Директору и Кавалеру Ивану Петровичу Тургеневу, милостивому государю". Появленіе этой книги связано уже съ народившейся у насъ университетской наукой, такъ какъ переводъ ея сдѣланъ былъ (очень недурнымъ и легкимъ языкомъ) воспитанниками Московскаго университетскаго Благороднаго Пансіона, княземъ Григорьемъ Гагаринымъ и Петромъ Лихачевымъ. Переводчики снабдили свой трудъ посвященіемъ и предисловіемъ,

---

[1]) Въ библіотекахъ Академіи Наукъ и Публичной этой книги не оказалось.

а также и нѣсколькими примѣчаніями, свидѣтельствующими объ извѣстной вдумчивости и самостоятельномъ отношеніи къ нѣкоторымъ взглядамъ автора книги. Изъ предисловія узнаемъ, что „это небольшое, но прекрасное разсужденіе о началѣ языка и письма“ принадлежитъ „извѣстному въ ученомъ свѣтѣ“ англичанину Блеру. „На нашемъ языкѣ—говорится въ концѣ предисловія — нѣтъ еще, кажется, ничего подобнаго [1]). Счастливы будемъ, есть ли мы, дѣти, умножимъ хотя однимъ зерномъ познанія любезныхъ своихъ соотечественниковъ“. Въ примѣчаніяхъ автора (стр. 7—8) указывался рядъ аналогичныхъ сочиненій на франц. языкѣ, а въ примѣчаніяхъ переводчиковъ—поправки ко взглядамъ автора, основанныя на фактахъ русскаго языка, но не всегда удачныя. Взглядъ Блера на происхожденіе языка можетъ быть признанъ вполнѣ научнымъ съ точки зрѣнія тогдашняго уровня знаній. Онъ выводитъ языкъ изъ междометій и звукоподражаній, но находитъ, что въ современномъ состояніи языка слова являются лишь вполнѣ условными знаками понятій, потерявшими уже всякую „сходственность или сродство звуковъ съ вещами, посредствомъ ихъ изображаемыми“. Древнее состояніе языка представляло большее богатство интонаціи, метафоръ и другихъ фигуральныхъ способовъ выраженія. Въ синтаксисѣ также наблюдается постепенное развитіе извѣстныхъ оборотовъ и пріемовъ (порядокъ словъ и т. д.), въ зависимости отъ измѣненія характера людей, въ силу ихъ воспитанія. Въ заключеніи находимъ сжатый очеркъ исторіи письма, въ которомъ идетъ рѣчь о живописномъ письмѣ мексиканцевъ, египетскихъ іероглифахъ, шнуркахъ перуанцевъ, китайскомъ письмѣ, изобрѣтеніи финикійскаго алфавита, о связи съ нимъ греческой азбуки Кадма, о различныхъ способахъ письма (справа налѣво, бустрофедонъ, слѣва направо), разныхъ письменныхъ матеріалахъ (камень, пергаментъ, бумага, вощаныя дощечки) и пріемахъ письма [2]). Какъ видно изъ этого сжатаго обзора содержанія данной книги, она давала въ легкой и доступной формѣ рядъ такихъ свѣдѣній, какія до той поры можно было найти лишь въ иностранной научной литературѣ, и представляла собой первое или одно изъ первыхъ у насъ сочиненій, хотя бы и переводныхъ, по общему языкознанію.

---

[1]) Переводчики ошибались, такъ какъ еще въ 1777 г. вышла указанная выше книга «Разсужденіе о началѣ и происхожденіи языковъ».

[2]) Большинство данныхъ свѣдѣній по исторіи письма являлось впервые въ нашей литературѣ. Объ исторіи письма, до появленія книги Блера, у насъ была только одна статья А. Д. Б. «О изобрѣтеніи буквъ и т. д.», напечатанная въ «Зеркалѣ свѣта» за 1787 г., о которой см. ниже, гл. XI.

Свѣдѣнія о различныхъ языкахъ можно было почерпать также изъ переводныхъ сочиненій, выборъ которыхъ, конечно, носилъ случайный характеръ. Самое выполненіе переводовъ тоже подчасъ оставляло желать весьма многаго.

Первыя на русскомъ языкѣ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о санскритѣ, индійской литературѣ, религіи и философіи можно было найти въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Краткое и общее объясненіе и разсужденіе о нравахъ, обыкновеніяхъ, языкѣ, вѣрѣ и философіи Индѣйцовъ. Переведено съ франц." (Спб. 1759. На иждивеніи І. К. Шнора. 8°. 164 стр.). Книга эта представляетъ переводъ двухъ главъ изъ исторіи Индостана, „изданной предъ симъ въ Англіи Александромъ Довомъ въ двухъ томахъ in 4° и переведенной по большей части съ персидскаго подлинника Магомета Казима Фериста изъ Дели". Нѣсколько переводовъ (съ персидскаго на англійскій, съ англійскаго на французскій и съ французскаго на русскій), которые испытала эта книга, и очевидное незнакомство русскаго (анонимнаго) переводчика съ санскритскимъ и персидскимъ языками, а также съ настоящимъ звуковымъ значеніемъ англійской транскрипціи индійскихъ именъ, которую онъ читалъ то на французскій ладъ, то придавая буквальное значеніе каждой буквѣ,—привели къ такимъ искаженіямъ, что иногда совершенно нельзя догадаться, какое санскритское слово лежитъ въ основѣ того или другого совершенно невѣроятнаго скопленія звуковъ, выдаваемаго за индійское имя или слово. Санскритъ здѣсь послѣдовательно называется Ганскритъ, веды—Беды, ихъ миѳическій авторъ Вьяса—Беасъ Муни, міровая эпоха Калаюга—Калжугъ, царь Юдхиштхира—Жудистеръ, его столица Гастинапура—Истанапоръ, Ригведа—Руг-Беда, что будто бы значитъ „познаніе Божества", Самаведа названа Шегамъ (?), Яджурведа—Жудгеръ-Беда, Атхарваведа—Обатаръ-Беда, Шива—Шибагъ, Готама—Гутамъ, гуна—Гоонъ, Агни—Агюнни, ракшасы—ракиссы, индійскія четыре касты—брамины, ситтри (Киттри или Коаттри), беизъ или бизъ и суддеръ и т. д. Такъ же искажены и названія современныхъ племенъ, географическія имена и т. д.: сикхи являются *шейками*, джаты—*ятами* и т. д. Санскриту дается такая характеристика (стр. 74—75): „Ганскритъ сколь бы ни удивительнымъ казался словъ соединеніемъ, но его основанія всѣ собраны въ грамматикѣ и словарѣ довольно малой величины (?), коренные же и первообразные слова въ одномъ разсужденіи, состоящемъ изъ многихъ страницъ. Въ произведеніяхъ и наклоненіяхъ словъ его образованіе есть единообразно; отъ чего происходитъ, что всякое око съ величайшею

удобностью можетъ съ перваго раза усмотрѣть произведеніе каждаго слова. Вся трудность состоитъ въ произношеніи. Оно скоропостижно, усильно, такъ что самой тотъ возрастъ, въ которомъ органы весьма гибки, долженъ продолжительной и немалой употребить трудъ для достиженія правильнаго произношенія. Но когда хотя разъ въ семъ удастся, то слухъ удивительнымъ пораженіемъ и согласіемъ до чрезмѣрности услаждается. Алфабетъ Санскрита состоитъ изъ 50 буквъ (приблизительно!); но въ выговорѣ чрезъ соединеніе ихъ бываетъ почти только половина, такъ что подлинное ихъ начертаніе не превосходитъ число письменъ нашихъ". О лигатурахъ, въ которыхъ нерѣдко составные элементы узнаются лишь съ трудомъ, а иногда и совсѣмъ не узнаваемы, авторъ не говоритъ ничего.

О лапландскомъ языкѣ можно было почерпнуть свѣдѣнія изъ книги: „Новыя и достовѣрныя извѣстія о лапландцахъ въ Финмархіи, о ихъ языкѣ, обрядахъ, правахъ и о прежде бывшемъ языческомъ ихъ законѣ. Переводъ съ Датскаго Профессоромъ Лапландскаго языка Кнудъ-Лемсомъ на Нѣмецкой, а съ онаго на Россійской Сржитм. Андрм. Врдвм. Любопытное и полезное чтеніе. Съ указнаго дозволенія. Москва. Въ типографіи Исаака И. Зедербана. 1792". (мал. 8°, 136 стр.). „Отдѣленіе II" (стр. 5—7), озаглавленное „О Лапландскомъ языкѣ", содержитъ слѣдующую характеристику этого языка: „Языкъ Лапландцевъ кажется совсѣмъ особливымъ и отъ всѣхъ прочихъ въ сходственности отступающимъ. Онъ имѣетъ съ однимъ финляндскимъ нѣкоторое сходство; но всѣ сіи языки меньше между собой сходны, нежели Датской съ Нѣмецкимъ. Еще похожъ нѣсколько Лапландской на Еврейской языкъ (!), однакожъ изъ того не слѣдуетъ, чтобъ первой отъ послѣдняго происходилъ. Для примѣру найти можно нѣсколько словъ, которыя отъ Латинскаго и Греческаго происходятъ, не заключая изъ того, чтобы одинъ происходилъ отъ другого; ибо часто случается, что нѣкоторыя слова въ обоихъ языкахъ между собой соотвѣтственны. Правда, что многія слова Лапландскаго языка съ Финляндскимъ, Датскимъ или такъ называемымъ Норвегскимъ сходствуютъ: но всѣ еще правила ихъ *разговора* такъ отличны, что естьли они заговорятъ своимъ языкомъ, то одинъ другого разумѣть не можетъ. Языку Лапландцевъ и самые близкіе сосѣди Норвегцы не учились, хотя онъ какъ и другія языки заслуживаетъ быть утвержденъ на правилахъ: онъ имѣетъ въ своемъ изъясненіи нѣчто особое: не многими словами заключаетъ полный и ясный смыслъ періода, или однимъ словомъ весьма много даетъ разумѣть... Сей языкъ имѣетъ также нѣсколько

этимологическихъ фигуръ, Prothesin, Aphaeresin, Sincopen, Paragogen, Apocopen, и такъ далѣе. Въ немъ находятся, такъ какъ и въ прочихъ языкахъ, разныя нарѣчія и всѣ части рѣчи какъ, *имя, мѣстоимѣніе, глаголъ, причастіе, нарѣчие, предлогъ, союзъ и междомѣтіе*" и т. д. Дальше приводится нѣсколько идіотизмовъ Лапландскаго языка: разные виды обращенія къ мужчинѣ и къ женщинѣ, сравненіе съ кладеными оленями лицъ, которымъ хотятъ оказать уваженіе; выраженіе сожалѣнія о комъ нибудь словами: „о бѣдная! (бестія)": „У насъ означаетъ хотя сіе слово грубость: но у нихъ познается чрезъ то доброе сердце и сожалѣніе".

Свѣдѣнія о различныхъ языкахъ индоевропейскаго и другихъ языковыхъ семействъ содержитъ въ себѣ также: „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта, по ихъ произхожденію и распространенію языка: перевелъ съ нѣм. Никифоръ Черепановъ. Съ картою. Москва. 1798 г. Иждивеніемъ Христофора Клаудія. Въ универ. типографіи у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія" (8°, 127 стр.). Книга эта носитъ посвященіе „Его Пр-ву, г. Тайн. Сов. и ордена святаго Владиміра 2 степени кавалеру, Московскаго Императорскаго Университета Куратору Михаилу Матвѣевичу Хераскову". Изъ предисловія переводчика узнаемъ, что „многіе изъ обучающагося при Имп. Моск. Университетѣ юношества изъявили желаніе имѣть сію книгу". Самъ переводчикъ [1]) также принадлежалъ къ преподавателямъ университетской гимназіи и университета. Такимъ образомъ мы снова имѣемъ здѣсь дѣло съ научнымъ трудомъ, вызваннымъ потребностями новой университетской науки и во всякомъ случаѣ до нѣкоторой степени отвѣчавшимъ имъ. Порядокъ, въ которомъ перечисляются здѣсь разные народы свѣта,— географическій, по частямъ свѣта, причемъ каждому народу отводится особая глава съ отдѣльнымъ заглавіемъ; болѣе мелкія этнографическія подраздѣленія упоминаются уже въ текстѣ такихъ отдѣльныхъ главъ. Во главѣ перечня поставлена Азія съ народами: аравляне, евреи или іудеи, персы, грузины, армяне, черкесы, индѣйцы (къ которымъ отнесены не только арійцы-индусы, но и дравидическія племена южной Индіи), негритосы, малайцы, сіамцы, аннамиты и т. д., китайцы, тибетанцы, японцы, турки или татары, моголъцы, тунгузы, самоѣды, коряки; за нею слѣдуетъ Европа, которую представляютъ: греки, римляне, гер-

---

[1]) Никифоръ Евтропіевичъ Черепановъ, преподаватель исторіи и географіи въ академической гимназіи при Московскомъ университетѣ, съ 1799 г. адъюнктъ философскаго факультета по тому же предмету, 1804 г. экстра-ординарный профессоръ, а съ 1810 ординарный († 1823).

манцы, славяне, латыши, финны, [дѣленіе ихъ: ижорцы, эстіи, т. е. эсты, ливы, кури, т. е. куры, зыряне, пермяки, вотяки, черемисы, башкиры (!), вогуличи, остяки, булгары, волохи (!), авары (!)], бискайцы (т. е. баски), галлы, кимры; дальше идетъ рѣчь объ Африкѣ (копты, кабилы или берберы, моры или мавры, негры, абиссинцы, кафры), сѣв. Америкѣ (эскимы, суузы или надовесіи, алгонкины или чиппевеи, гуроны, наси—натти, шерокезы, апалахи, мексиканцы, калифорнцы, караибы) и южной Америкѣ (напхіи, галибы, перуаны, бразильцы, парагвайскіе и магеллапскіе народы). Рядомъ съ опредѣленіемъ родственныхъ отношеній между перечисляемыми народами и указаніемъ мѣста ихъ жительства (въ общихъ чертахъ), сообщаются и краткія свѣдѣнія объ ихъ языкахъ. Каковы были эти свѣдѣнія, можно судить по нижеслѣдующимъ образчикамъ. Персы являются здѣсь потомками азіатскихъ скиоовъ; современные парсы, по словамъ автора, одни изъ персидскихъ народовъ сохранили древнее нарѣчіе персидскаго языка (!) *пелагви* (т. е. *пехльви*), на которомъ писалъ Зороастръ (!). Нынѣшній персидскій языкъ—смѣсь этого „пелагви" съ греческимъ, арабскимъ и татарскимъ, но въ немъ также „много нѣмецкихъ и славянскихъ словъ, которыя подали поводъ думать, что Нѣмцы и Персы, такъ какъ и языкъ ихъ, одного происхожденія". Армянскій языкъ—„одинъ и тотъ же съ древнимъ Фригійскимъ и одного происхожденія съ вискайскимъ, гальскимъ, финскимъ и кимврскимъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ и съ древнимъ Египетскимъ". О санскритѣ сообщаются такія свѣдѣнія: „древнѣйшій языкъ въ Индостанѣ былъ Санскритъ или Грандомъ [1]), который теперь только ученый языкъ, и на которомъ писаны священныя книги браминовъ. Нѣкоторые остатки его находятся еще только между Браминами на берегахъ Ориксы (такъ!). На берегахъ Коромандельскихъ онъ уже теперь совсѣмъ истребился, и по нуждѣ употребляются только еще нѣкоторыя буквы сего языка (!!). Отъ него ведутъ начало: 1) Малабарскій или Тамульскій [2]), сходный съ Малайскимъ (!), который есть нарѣчіе тамульскаго [3]), 2) Индостанской или Гузуратской и т. д." Албанскій языкъ называется потомкомъ древняго пеласгійскаго или ѳракійскаго. „Ны-

---

[1]) Санскр. grantha-s=узелъ, словосочетаніе, текстъ, глава.

[2]) На самомъ дѣлѣ тамульскій языкъ принадлежитъ къ самостоятельному семейству дравидическихъ языковъ, не имѣющему никакого родства съ санскритомъ.

[3]) Очевидное недоразумѣніе автора или переводчика, отождествившихъ одинъ изъ дравидійскихъ языковъ—«малаялимъ» съ малайскимъ, принадлежащимъ къ самостоятельной семьѣ малайско-полинезійскихъ языковъ.

нѣшній греческой или романійской языкъ“ опредѣляется, какъ смѣсь древняго греческаго, латинскаго и итальянскаго. Какъ слѣдовало ожидать отъ нѣмецкаго автора (переводчикомъ онъ не названъ), подробнѣе всего излагается классификація германскихъ языковъ, разумѣется отличающаяся отъ современной. Отсутствіе самостоятельнаго знанія и взгляда у русскаго переводчика сказывается въ тѣхъ мѣстахъ, которыя относятся къ славянамъ. Наивныя ошибки, естественныя у нѣмца-автора, остались и въ русскомъ переводѣ. Такъ мы узнаемъ, что „къ Славянамъ надлежатъ также и козаки (донскіе и малороссiйскіе)“, а „Латышей также должно по языку причислять къ Славянамъ“. Классификація славянскихъ языковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: „Нынѣшній языкъ Славенскихъ народовъ раздѣляется на Россійской, Польской, Венгерской, Булгарской (потому что Венгры и Булгары, хотя и финны, приняли Славенскій языкъ), на Иллирійской и Вендской“. Такъ же неточны и свѣдѣнія, даваемыя о балтійской группѣ языковъ: „Латышскимъ или (!) Литовскимъ языкомъ говорятъ особенными нарѣчіями Латыши собственные, Куря или Курляндцы, Семгаллы и Литовцы. Древній Прусской языкъ былъ сего же языка нарѣчіе, а въ XVIII в. онъ и вовсе истребился. Латышской языкъ содержитъ много латинскихъ, греческихъ, нѣмецкихъ и славянскихъ словъ. По мнѣнію Стендерна („Welt Historie“ 31. p. 317), языкъ Бѣлгородскихъ татаръ между Бугомъ и Березанью весьма сходенъ съ Латышскимъ“.

Таково было состояніе нашей переводной научной литературы по общему языкознанію къ концу XVIII в. Составъ ея немного увеличивается еще тѣми немногочисленными переводными статьями, которыя изрѣдка встрѣчались въ нашихъ общихъ журналахъ XVIII в. Мы говоримъ о нихъ ниже (глава XI).

Оригинальная наша литература второй половины XVIII в., разрабатывающая общія темы, еще бѣднѣе. Образчикомъ ея можетъ служить во-первыхъ статья В. С. (В. И. Свѣтова: 1744—1783): „Нѣкоторыя общія примѣчанія о языкѣ Россійскомъ“ („Академическія извѣстія“. Спб. 1779, ч. III, сентябрь, стр. 77—92). Авторъ утверждаетъ, что человѣкъ съ начала довольствовался лишь главнѣйшими понятіями, „кои съ лѣтами его возрастая, умножали мало по малу и человѣческое слово“. Совершенно „такъ же и языкъ цѣлаго народа восходилъ и обогащался по степенямъ его просвѣщенія и искусства“, такъ что „всѣ нынѣшніе языки въ началѣ своемъ весьма въ тѣсныхъ предѣлахъ заключались“ и достигли „нынѣшняго своего богатства и силы“ уже по распространеніи „словесныхъ наукъ и другихъ

полезныхъ въ общежитіи знаній“. Переходя къ русскому языку, авторъ утверждаетъ, что онъ „не изъ числа древнихъ, но отрасль Славенскаго языка, какъ и Польской, Чешской, Вендской, Моравской и другіе, и состоитъ изъ примѣсу многихъ другихъ реченій, а именно Татарскихъ, Чудскихъ, Нѣмецкихъ, Греческихъ и Латинскихъ“. Татарскія заимствованія объясняются татарскимъ игомъ и сношеніями съ татарами. Равнымъ образомъ „древнее Россійскихъ Славянъ соединеніе съ Чудью, и послѣ съ Варягами Россами, единородцами Шведовъ“, ввело въ русскій языкъ „многія странности“. Во времена Петра Великаго приняты „премногія нѣмецкія, голландскія и французскія реченія... по неимѣнію ихъ“. „Слѣды нѣмецкаго языка“ (не считая заимствованій) замѣчаются въ русскомъ и „въ отдаленнѣйшей древности“. Такими слѣдами являются сходныя слова: Leute—*люди*, Schnee—*снѣгъ*, Wasser—*вода*, Kaufen—*купить*, Thurm—*тюрьма*, Bedrücken—*удручать*, überklügeln—*переклюкать* (!), treffen—*утрапить*, begränzen—*ограничить*, Schilling—*шелехъ*, Pfenning—*пенязь*, o weh!—*увы* (!), Bude—*будка*, wahrsagen—*ворожить* (!) и проч., относительно которыхъ сомнительно, заимствовали ли ихъ русскіе отъ нѣмцевъ или нѣмцы отъ русскихъ, или оба эти народа отъ какого-нибудь третьяго. Греческія слова внесены „по обращеніи Россовъ въ Христіанской законъ“; латинскія же слова „чрезъ какое-нибудь древнее еще сообщеніе Славянъ съ Римлянами“ стали „у нихъ искони общими“, какъ ignis—*огонь*, flamma—*пламя* (!), domus—*домъ*, grando—*градъ* (!), oculus—*око*, videre—*видѣть*, dies—*день*, nox—*ночь*, plenus—*полный*, scrineum—*скрынка* (?), poena—*пеня*, sol—*солнце*, extorquere—*исторгнуть*, mare—*море*, post—*послѣ* (!), caedere—*сѣчь* (!) и т. д. Какъ видно, нѣкоторыя сопоставленія Свѣтова были вполнѣ удачны, когда сходство словъ совпадало съ дѣйствительнымъ ихъ родствомъ, но рядомъ имѣются и совсѣмъ неудачныя сближенія, основанныя на грубомъ созвучіи. Древній „Славенскій“ языкъ, которымъ говорили на Дунаѣ, „въ разныхъ своихъ діалектахъ или нарѣчіяхъ нынѣ весьма измѣнился“ и потому можетъ быть „по достоинству“ названъ языкомъ мертвымъ. Поэтому авторъ вполнѣ правильно различаетъ языки „Славенской, Славенороссской и Новороссійской“, которые „не во всемъ имѣютъ между собою сходство“ и должны быть „тщательно раздѣлены“. Опредѣленіе понятій, связанныхъ съ этими терминами, однако не вполнѣ совпадаетъ съ современнымъ: мертвый „Славенской“ языкъ, по Свѣтову, употреблялся только „въ разговорахъ до изобрѣтенія письменъ“. Очевидно авторъ разумѣетъ подъ этимъ терминомъ что-то въ родѣ общеславянскаго или праславянскаго языка. На „славенороссійскомъ“—ии-

сано Св. писаніе „по пренесеніи буквъ, также лѣтописи и другіе рукописные документы“. Въ этомъ понятіи такимъ образомъ у автора смѣшиваются и старославянскій, и древнерусскій, и позднѣйшій церковнославянскій русскаго оттѣнка. Новороссійскимъ же „почитается тотъ, коимъ нынѣ говорятъ и пишутъ грамотные Россіяне. Началъ онъ свое существованіе отъ временъ Обновителя Россійскаго слова“, т. е. Петра Великаго. Слѣдуя Ломоносову, авторъ признаетъ необходимость славянизмовъ въ „высокомъ родѣ сочиненія въ прозѣ и стихахъ“, наприм. *восходящу солнцу на высоту небесную*, вмѣсто „простого“: *когда солнце восходило*, или: *когда разсвѣтало*: *гнѣвъ Божій проліется*, вм. *Богъ прогнѣвается*, *вижу восходящую брани тучу*, вм. *се война подымается* и т. д. Отличія „Славенскаго нарѣчія отъ Новороссійскаго“ авторъ видитъ: 1) „въ особливыхъ старинныхъ словахъ въ родѣ *азъ*, *абіе*, *повѣдати*, *аще*, *стража*, *стопа*, *увы*; 2) „въ особливомъ выговорѣ многихъ словъ“, въ родѣ *хощу*, *нощію*, *ліется*, *елень*, *единъ*, *того* (вм. *тово*); 3) „въ опущеніи буквы *о*:“ *брада*, *страна*, *здравъ*, *хладъ*, *огнь*, *пламя* (вмѣсто *борода*, *сторона* и т. д.); 4) „въ прибавленіи въ глаголахъ буквы *и*:“ *глаголати*, *воздымлятися*, *вѣщаеши*. Далѣе Свѣтовъ указываетъ на лексическое богатство соединенныхъ „Славенскаго и Россійскаго діалектовъ, съ пріобщеніемъ... словъ“, употреблявшихся у русскихъ „въ среднемъ вѣкѣ“ и хранящихся „въ старинныхъ лѣтописцахъ и граматахъ“. Всѣ подобныя слова могли бы современемъ составить „огромный словарь“. Зато техническихъ терминовъ или „искусствомъ изобрѣтенныхъ словъ“ у насъ немного, что впрочемъ не удивительно, такъ какъ и французы съ нѣмцами, обладающіе болѣе древней культурой, чѣмъ наша, „удержали во своемъ языкѣ Греческія и Латинскія реченія, коихъ не могли перевести“. Богатство и силу русскаго языка доказалъ М. В. Ломоносовъ, отчасти составившій, отчасти отыскавшій въ древнихъ книгахъ (?) физическіе, химическіе и минералогическіе термины и тѣмъ не мало способствовавшій „къ распространенію языка Россійскаго“. При Екатеринѣ же II „словесныя знанія толикое получили приращеніе“, что явилась возможность довольствоваться своими словами „почти безъ занятія иностранныхъ словъ“, а также обогащать языкъ новыми реченіями, примѣръ чему показала сама императрица, „употребивъ многія новыя реченія“ въ Наказѣ и Учрежденіи губерній. Тѣмъ не менѣе многіе писатели грѣшатъ противъ чистоты языка, вводя неудачные или неправильные неологизмы, напр., вм. *отечество*—отчизна, вм. *земледѣліе*—землетвореніе, вм. *ремесло*—рукомесло; вм. *жатва*—жнитва, вм. *придворный*—царедворецъ, „что даже и въ сти-

хахъ не простительно“. Для руководства при „дѣланіи новыхъ реченій“ авторъ даетъ рядъ правилъ: 1) новое реченіе не должно быть двусмысленно по значенію (напр. *амфибія* нельзя передать словомъ *двужизненное*, но только *земноводное* животное); zweideutige Frage надо передавать выраженіемъ: *двусмысленный вопросъ*, или *вопросъ двоякаго разумѣнія*, но не *обоюдный вопросъ*; 2) новое слово должно точно изображать „свойство представляемой въ умѣ вещи“, чтобы ее сразу можно было отличить отъ другихъ, напр. *фонтанъ* — водометъ, *апелляція* — правоискъ (!), *лектура*—чтеніе (!), *парапетъ*—грудокровъ (!), *авангардія* — предстражіе или *сторожевы полки*; 3) чтобы слово не было сложено изъ реченій разныхъ языковъ (hybrida), напр. *виршеписецъ, дориносимый, пограничный* (!); 4) чтобы оно имѣло „пристойное Россійское окончаніе“, напр. не *богословія*, а *богословіе*, какъ *условіе*, *празднословіе* и т. д. Какъ видно, исторія языка оказалась довольно безжалостной къ pia desideria автора и сохранила нѣкоторыя неправильныя, по его мнѣнію, слова, въ то же самое время не давая укорениться неологизмамъ, вполнѣ его удовлетворявшимъ. Точно такъ же исторія языка оказалась снисходительной къ германизмамъ: *на голову разбить непріятеля* (Den Feind auf's Haupt schlagen) или *придти въ себя* (wieder zu sich kommen), вмѣсто которыхъ Свѣтовъ предлагалъ: *разбить въ прахъ* или *положить лоскомъ*, *опомниться*, или *образумиться*. Въ заключеніе слѣдуетъ нѣсколько основательныхъ замѣчаній на грамматику Ломоносова, не „примѣтившаго“ нѣкоторыхъ „изъятій, т. е. словъ отъ общихъ правилъ отходящихъ“. Какъ грамматикъ-практикъ, много занимавшійся вопросами правописанія, Свѣтовъ указываетъ у Ломоносова еще нѣсколько непослѣдовательностей „въ опредѣленіи числа Россійскихъ буквъ и раздѣленіи ихъ“. Ломоносовъ выключилъ изъ алфавита *і*, *щ*, *ѳ*, „кои однакожъ самъ вездѣ употреблялъ“. Напримѣръ, буква *щ* выключена, какъ „сложенная изъ двухъ письменъ *шч* или *сч*“. тогда какъ *ц*=*тс* или *дс* (?) и *ч*=*тш* оставлены. Статья оканчивается споромъ между буквами *и* и *і*, который рѣшаютъ *ѳ* и *о*, причемъ *ѳита* говоритъ, что *і* и *и* одинаково хороши, ибо „оба въ одно время въ Русь пріѣхали изъ Греціи“.

Гораздо слабѣе другой образчикъ такихъ общихъ разсужденій о русскомъ языкѣ, а именно „Разсужденіе о вычищеніи, удобреніи и обогащеніи Россійскаго языка“, читанное „Философіи студентомъ Васильемъ Протопоповымъ [1]) въ Московской Сла-

[1]) Впослѣдствіи преподаватель моск. дух. академіи и коломенской дух. семинаріи († 1810).

вено-Греко-Латинской Академіи въ публичномъ собраніи іюля 12 дня 1786 г.“ (Москва. Въ типографіи Компаніи Типографической, съ Указнаго дозволенія, 1786 г. 12°, 30 стр.). Мы находимъ здѣсь слѣдующія общія мысли о языкѣ: Богъ „для того единственно далъ человѣку *Разумъ*, чтобы въ ту же минуту дать ему способность *слова*. Ибо что есть *Разумъ* безъ *Слова*?... Мы безошибочно познаемъ изъ богатства *Слова* богатство *Разума*, и изъ богатства *Разума* богатство *Слова*. Кто изобиленъ въ словахъ, тотъ изобиленъ и въ мысляхъ“... (и обратно). Россія можетъ служить доказательствомъ вѣрности этой мысли: до Петра Великаго она „бѣдна была въ мысляхъ, бѣдна и въ языкѣ. Но послѣ онаго щастливаго преображенія черезъ вводимое просвѣщеніе начали возрождаться новыя мысли, потекли и новыя слова“. Петръ „довольно возродилъ въ своемъ народѣ новыхъ мыслей и понятій, но не успѣлъ онъ столько же родить и выраженій“..., почему книги его времени „обезображены обветшалыми, грубыми и чужестранными словами, по недостатку чистыхъ Россійскихъ“. Авторъ надѣется, что русскій языкъ достигнетъ „златаго своего состоянія“ при Екатеринѣ II, продолжательницѣ Петра. „Открытыя по многимъ градамъ народныя училища, по нѣкоторымъ Университеты, воскрешеніе и ободреніе въ духовныхъ Академіяхъ и Семинаріяхъ Греческаго языка, столь обильнаго источника къ обогащенію Россійскаго слова“, особенно же „Россійская Академія“ подкрѣпляютъ его надежду. Послѣ этого общаго вступленія авторъ приступаетъ къ разсмотрѣнію самого предмета своего разсужденія. По его мнѣнію, существуетъ двѣ грамматики: „одна слова, самою природою произведенныя и производимыя, подводитъ подъ правила, на благоразумномъ обыкновеніи основанныя (*Грамматика Опредѣлительная*). Другая—*Критическая*, которая съ благоразумною свободою слова иныя перемѣняетъ, иныя изобрѣтаетъ, иныя уничтожаетъ“. „Должность“ первой грамматики—„запрещать нововведенія въ *склоненіяхъ именъ*, напр, вмѣсто *на улицѣ*—*на улицы*, вмѣсто *доброй человѣкъ*—*добрай челавѣкъ* и пр. Также въ спряженіяхъ глаголовъ, напр. *увидѣмши*, вм. *увидѣвши*; *ѣздію* вм. *ѣзжу*. Таковыя всѣ грамматики учебныя“... Такихъ грамматикъ существуетъ только двѣ: Ломоносова и изданная при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. „Но Грамматика Критическая гораздо далѣе простираетъ свою власть и должности, и можно сказать, что она-то едина очищаетъ, удобряетъ и обогащаетъ каждый языкъ“. По словамъ автора, „всему свѣту извѣстно, что нашъ Россійской языкъ“, равно „какъ и Польской, Сербской, Кроацкой, и пр., есть діалектъ Славенскаго кореннаго, нынѣ у насъ

въ Церковныхъ книгахъ употребляемаго". Поэтому, „для точнаго познанія какого-либо слова, Россійское-ли оно, или отвнѣ пришедшее, должно искать его начало" въ славянскомъ или одномъ изъ его діалектовъ или нарѣчій. Для этого „весьма полезно собрать какъ изъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ книгъ всѣ обветшалыя слова... и найти ихъ прямой смыслъ и начало... Напр. *совокупляю* и *скупаю, купецъ* и *скупой* вѣроятно" ведутъ свое начало отъ обветшавшаго слова *купа, купы* (куча). Если искомаго слова нѣтъ въ славянскомъ, „тогда должно прибѣгнуть къ другимъ сего языка діалектамъ или еще и діалектамъ самого Россійскаго языка, по разнымъ провинціямъ раздѣлившагося". Если и здѣсь не окажется искомаго слова, то его надо искать въ татарскомъ, откуда ведутъ свое начало *туманъ, кушакъ, базаръ, кафтанъ* и т. д. „Отъ другихъ народовъ: евхаристія, каѳедра, фельдмаршалъ, генералъ, бухгалтеръ, такса и т. д." Всѣ такія слова, по мнѣнію автора, „должно стараться перемѣнять на Россійскія", напр., вмѣсто *литургія*, употреблять *служба*, вмѣсто *каѳедра—проповѣдалище*, вмѣсто *флотъ—морская сила*, вмѣсто *генералъ—верховный начальникъ*, вмѣсто *шпага—мечъ*, вм. *полиція—благочиніе, благоучрежденіе*, вм. *ордеръ—приказъ, повелѣніе* и пр. „Очиствъ языкъ отъ словъ иностранныхъ, надлежитъ помышлять о дальнѣйшемъ его обогащеніи", невозможномъ безъ обогащенія мыслями, для появленія которыхъ „потребно дѣлать метафизическія сочиненія, переводы хорошихъ писателей" и т. д. Такъ, „кто бы отъ себя изобрѣсти могъ мысль и слово *собезначальный, матеродѣвственный, златоустый, воскресеніе,, троица* и пр., ежели бы не сдѣланъ былъ переводъ съ греческаго церковныхъ книгъ". Авторъ, однако, недоволенъ выходящими сочиненіями и переводами и находитъ въ нихъ много „выраженій странныхъ и словъ совсѣмъ не то значащихъ; напр. „Армія стоявши подъ городомъ 10 дней, городъ здался". Много и въ словахъ нелѣпостей, какъ то: *подобострастный* вм. *подчиненный; на такой ногѣ*, вмѣсто *въ такомъ состояніи* или *степени*, и другія безчисленныя". Для обогащенія и очищенія русскаго языка авторъ считаетъ необходимыми „ученыя собранія", критическія грамматики и толковые словари. Какъ видно изъ приведеннаго, взгляды автора на языкъ еще очень элементарны. Языкъ является у него сразу, вмѣстѣ съ разумомъ, „въ ту же минуту"; развитіе языка представляется въ исключительной зависимости отъ развитія мысли и литературы, историческій элементъ въ воззрѣніяхъ автора совсѣмъ отсутствуетъ, и грамматика, вмѣстѣ съ этимологіей, имѣютъ исключительно утилитарную цѣль. Въ послѣднемъ отношеніи не замѣчается никакой существенной разницы между

его „опредѣлительной“ грамматикой и „критической“, такъ какъ обѣ онѣ служатъ одной цѣли—поддержанію чистоты языка, и различіе между ними состоитъ лишь въ степени могущества надъ матеріаломъ языка. Въ виду этого заявленіе автора о большой пользѣ этимологическихъ разысканій и о необходимости собирать для нихъ рѣдкія и устарѣлыя слова представляется въ очень слабой связи съ его общимъ взглядомъ на назначеніе грамматики. Зачѣмъ изучать то, что должно быть выброшено изъ языка?

Нѣкоторыя общія замѣчанія о русскомъ языкѣ, его графикѣ, началѣ образованія на Руси и т. д., заключаютъ еще „Remarques sur la Langue Russienne et sur son Alphabet, avec des pièces relatives à la connoissance de cette langue Publiées et augmentées par Phéodore Karjawine, ancien Interprête pour le Roi à la Martinique“ (Сопиковъ, № 9026: „Примѣчанія о Росс. языкѣ и его азбукѣ, съ присовокупленіемъ разныхъ статей, относящихся къ познанію сего языка. Remarques sur la langue Russiénne. Соч. Ѳ. Каржавина на Фр. и Росс. языкахъ“. (Спб. 1791 г. 8⁰). Это руководство для французовъ и вообще иностранцевъ было составлено въ 1755 г. въ Парижѣ нѣкіимъ Ерофеемъ Каржавинымъ, по просьбѣ извѣстныхъ географовъ Бюаша и Делиля и историка Барро, и издано племянникомъ его Ѳедоромъ Вас. Каржавинымъ (1745—1812), преподавателемъ французскаго языка въ Троицкой лаврской семинаріи, впослѣдствіи переводчикомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Бѣдность отечественной литературы трудами по языкознанію общаго содержанія заставила даже нѣкоего А. Сыромятникова переиздать вновь „Предисловіе къ Грамматикѣ Славенской (сочин. М. Смотрискимъ), напечатанной въ Москвѣ при патріархѣ Іосифѣ, въ которомъ содержится о пользѣ Грамматики, о нуждѣ чтенія Св. Писанія и проч.“ (Москва. 1782 г. 8⁰. Сопиковъ № 8889).

Запоздалымъ отголоскомъ разсужденій конца XVII в. о пользѣ и важности греческаго языка является „Разсужденіе о надобности греческаго языка для богословіи, и объ особенной пользѣ его для россійскаго языка. Изданіе второе пересмотрѣнное. Читано въ Публичномъ Собраніи 1793 г. Іюля 13 дня въ Воронежской семинаріи. Воронежъ. Въ типографіи Губернскаго Правленія, 1800 г., 4⁰, 17 стр.“ [1]). Разсужденіе это принадлежало преподавателю воронежской

---

[1]) Сопиковъ («Опытъ росс. библіографіи», № 3656) цитируетъ первое изданіе этого сочиненія (Москва, 1793 г. 4⁰) съ нѣсколько инымъ заглавіемъ: «Разсужденіе о пользѣ Греч. языка для Богословскаго ученія, и особенно для Россійскаго языка», упоминая и о второмъ изданіи его. Кромѣ того, подъ

семинаріи Евѳимію Болховитинову, впослѣдствіи знаменитому митрополиту кіевскому Евгенію. Идея его не была уже новостью у насъ на Руси. Но аргументы, которыми пользуется авторъ, и вообще научный аппаратъ его разсужденія, уже отражаютъ на себѣ успѣхи, достигнутые нами въ данной области знанія. Авторъ цитируетъ древнихъ и европейскихъ писателей и филологовъ (Цицерона, Лукреція, Виргилія, Сенеку, Ювенала, Плинія, Квинтиліана, Эрнеста, Трюблета, Вольтера); нѣкоторыя мѣста его работы свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ зналъ разсмотрѣнное выше разсужденіе Протопопова; въ другихъ онъ ссылается неоднократно на Ломоносова и т. д. Доводы его слѣдующіе: Новый Завѣтъ писанъ на греческомъ языкѣ, избранномъ Провидѣніемъ въ виду: 1) достоинства самого языка и 2) его „повсемственнаго" употребленія; на этомъ же языкѣ Евангеліе „распространено, объяснено, опредѣлено и защищено противъ Еретиковъ первыми Отцами Церкви"; греки— самый просвѣщенный и образованный народъ древняго міра, а потому и языкъ ихъ обладаетъ „обиліемъ, выразительностью и красотами всѣхъ языковъ", и является „источникомъ обогащенія и усовершенія другихъ"; Римъ, арабы, Франція, Германія, Англія, черпали свое просвѣщеніе изъ греческихъ книгъ; славянскій языкъ, „языкъ полудикаго и скитающагося народа", имѣющій „такое множество словъ, такую гибкость и удобосклонность реченій, такое изобиліе прилагательныхъ и перемѣнъ ихъ, какихъ ни въ одномъ языкѣ мы не примѣчаемъ", получилъ всѣ эти достоинства отъ греческаго языка. „Всѣ языки почерпнули изъ Греческаго большую часть (?) своего изобилія и красотъ, но ни одинъ... въ такой выразительности и близкой къ подлиннику точности, какъ Славенской". Авторъ находитъ далѣе, что ни на одинъ языкъ, кромѣ славянскаго, нельзя было перевести „такъ точно и выразительно" слова: *присносущный, собезначальный, матеродѣвственный, неискусобрачный, человѣкообразный, равносущный* и т. п., представляющія, согласно съ теперешними взглядами, буквальныя и не соотвѣтствующія „духу" слав. языка переложенія греческихъ словъ на славянскій. Всѣ прочіе языки, „желая заимствовать выразительныя слова изъ греческаго", принуждены были брать ихъ цѣликомъ. Одинъ славянскій „нашелъ и находитъ въ себѣ силы совершенно подражать греческому... не только въ словахъ и выра-

№ 9599 находимъ у него аналогичное «Разсужденіе», читанное нѣкіимъ Ив. Ставровымъ въ воронежской же семинаріи и носящее заглавіе, совершенно тожественное съ цитированнымъ у насъ въ текстѣ сочиненіемъ, о которомъ идетъ рѣчь. Повидимому, это одно и то-же сочиненіе, если судить по совпаденію заглавій.

женіяхъ, но и въ самой вольности положенія и порядка рѣчей, что совсѣмъ, кажется, невозможно для другихъ языковъ". Такимъ образомъ, даже пересадка греческихъ синтактическихъ конструкцій, столь частая въ плохихъ переводахъ съ греческаго на славянскій, казалась автору разсужденія доказательствомъ особой силы и гибкости славянскаго языка, служащей къ его украшенію. Пріобрѣтеніями же славянскаго языка „можетъ пользоваться и пользуется" русскій языкъ, который, „сверхъ новыхъ введенныхъ словъ и выраженій", обладаетъ „всѣми прочими качествами Славонскаго языка", вслѣдствіе чего „не только не уступаетъ ни одному изъ Европейскихъ (языковъ), но отчасти и превосходитъ ихъ въ выразительности". Наконецъ, какъ „важнѣйшее свидѣтельство" въ пользу изученія греческаго языка, приводится цитата изъ указа императрицы Екатерины II, изданнаго для епархіальныхъ семинарій въ 1784 г.: „изъ числа языковъ Греческій предпочтительнѣе другимъ въ оныхъ преподаваемъ быть долженствуетъ, какъ въ разсужденіи, что книги Священныя и Учителей православной нашей Грекороссійской Церкви на немъ писаны, такъ и потому, что знаніе сего языка многимъ другимъ наукамъ пособствуетъ". Кромѣ того цитируется другое мѣсто этого указа, опредѣляющее „преимущественныя отличія" за успѣхи въ греч. языкѣ, а именно назначеніе Синодомъ „на убылыя мѣста" преимущественно тѣхъ семинаристовъ, „кои въ Греческомъ языкѣ совершенное пріобрѣли знаніе".

Совершенно внѣ круга господствовавшихъ въ то время у насъ взглядовъ и представленій о языкѣ стояла работа профессора копенгагенскаго университета и члена нашей Академіи Наукъ, Х. Т. Краценштейна: „Tentamen resolvendi problema ab Academia scientiarum Imperiali Petropolitana ad annum 1780 publice propositum. 1) Qualis sit natura et character sonorum litterarum vocalium a, e, i, o, u, tam insigniter inter se diversorum. 2) Annon construi queant instrumenta ordini tuborum organicorum, sub termino vocis humanae noto, similia, quae litterarum vocalium a, e, i, o, u, sonos exprimant. In Publico Conventu die 19 Septembris 1780 praemio coronatum" (Petropoli, 1781). Разсужденіе это представляло попытку рѣшить опытнымъ путемъ предложенную нашей академіей наукъ задачу: изслѣдовать природу гласныхъ звуковъ человѣческой рѣчи, задачу, выполненную лишь около восьмидесяти лѣтъ спустя знаменитымъ Гельмгольцемъ. Къ русской наукѣ это изслѣдованіе имѣло, впрочемъ, лишь отдаленное касательство. Дѣятельность автора протекала внѣ Россіи, а латинскій языкъ, на которомъ его работа была написана, дѣлалъ ее малодоступной русскимъ читате-

лямъ. Не удивительно поэтому, если она не оставила въ нашей литературѣ ни малѣйшаго слѣда по себѣ, хотя и представляла въ данной области довольно замѣчательное явленіе. Въ началѣ авторъ даетъ сжатое, но болѣе или менѣе точное описаніе органовъ рѣчи и переходитъ затѣмъ къ описанію произношенія гласныхъ звуковъ, опираясь между прочимъ на трактаты І. К. Аммана [1]) и Галлера [2]). Описанія послѣднихъ ученыхъ для того времени въ общемъ могутъ считаться точными, хотя для современнаго физіолога звука они не достаточно подробны и имѣютъ слишкомъ общій характеръ. Тѣмъ не менѣе главные физіологическіе моменты произношенія указаны ими вѣрно. Ихъ наблюденія Краценштейнъ дополняетъ своими, отличающимися гораздо большей точностью и подробностью. Таблица, въ которой онъ изображаетъ произношеніе главныхъ гласныхъ звуковъ—отмѣтимъ хотя бы стремленіе къ точному опредѣленію разстоянія языка отъ неба, отъ переднихъ зубовъ, разстоянія между обоими рядами зубовъ, между губами и т. д. — представляетъ несомнѣнный интересъ и для современнаго фонетика. Далѣе идетъ рѣчь объ образованіи голоса, со ссылками на работы Dodart'а, Галлера и Ferrein'а [3]). Не соглашаясь съ этими учеными, болѣе правильно считавшими источникомъ голосоваго тона вибраціи голосовыхъ связокъ, Краценштейнъ ошибочно видитъ этотъ источникъ въ вибраціяхъ надгортанника (epiglottis), дѣлая такимъ образомъ шагъ назадъ, сравнительно со своими предшественниками. На основаніи своихъ наблюденій и теорій, Краценштейнъ построилъ рядъ трубокъ различной формы и устройства, которыя болѣе или менѣе удачно воспроизводили гласные звуки. Акустическимъ анализомъ гласныхъ Краценштейнъ не занимался, и такимъ образомъ задача, поставленная нашей Академіей, въ чемъ заключается природа гласныхъ звуковъ, осталась имъ неразрѣшенной.

---

1) Краценштейнъ не цитируетъ подробно заглавій и называетъ сочиненіе Аммана «utilissimum de loquela opusculum». Очевидно онъ имѣлъ здѣсь въ виду его «Dissertatio de loquela», вышедшую въ Амстердамѣ въ 1700 г., какъ второе изданіе болѣе ранняго труда Аммана «Surdus loquens» (Амст. 1692). Въ третьемъ изданіи она была напечатана въ 1727 г. въ Лейденѣ, вмѣстѣ съ разсужденіемъ І. Wallis'а «De loquela sive sonorum formatione».

2) Вѣроятно его «Elementa physiologiae corporis humani» (Лозанна и Бернъ, 1757—66. 8 том. in 4°), вып. 2-мъ изданіемъ п. з. «Partium corporis humani fabrica» (Бернъ 1777—88, 8 т. in 8°). Есть и нѣмецкій переводъ Halle и Tribolet (Берлинъ, 1759—76, 8 т. in 8°.

3) Dodart «Voix de l'homme» (Мемуары Парижск. Академіи Наукъ 1700 и 1706 г.), Ferrein, «Formation de la voix de l'homme» (тамъ же, 1741 г.).

X. Этимологическіе домыслы нашихъ историковъ: Татищева, Щербатова, Болтина.

Рядомъ съ болѣе или менѣе теоретическими трудами по языкознанію, разсмотрѣнными выше, для характеристики состоянія языкознанія у насъ во второй половинѣ XVIII в. извѣстное значеніе имѣютъ филологическія соображенія нашихъ историковъ В. Н. Татищева (1686—1750); кн. М. М. Щербатова (1733—1790) и И. Н. Болтина (1735—1792), не обнаруживающихъ въ своихъ этимологіяхъ особеннаго шага впередъ, сравнительно съ Тредьяковскимъ, Ломоносовымъ и Сумароковымъ. Татищевъ въ своей „Исторіи Россійской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ“ пускается въ филологическіе экскурсы и домыслы особенно часто въ первой и второй части I-го тома (Москва, 1768 и 1769). Такъ въ первой части онъ посвящаетъ цѣлую первую главу вопросу „О древности письма Славяновъ“, въ которой доказываетъ, что „Славяно задолго до Христа и Славянороссы собственно до Владиміра письмо имѣли, въ чемъ намъ многіе древніе писатели свидѣтельствуютъ“ (стр. 2); въ слѣдующей главѣ о идолослуженіи славянъ имя народа, встрѣчаемое у римскихъ писателей,—триглифи (триглавы) производится отъ имени славянскаго бога Триглава (стр. 14); имя галльскаго бога Абеліо сближается съ *Белы* или *Велій* (стр. 15), откуда слѣдуетъ, что галлы были славяне. На стр. 16-й находимъ толкованія именъ разныхъ божествъ: „*Едуса* и *Едука*, можетъ *Едуніа*, или *Едуша*, которая дѣтей ѣдѣ обучила; *Енилъ* богъ Вендовъ, имя что значитъ, дознаться не можно, но паче мню, отъ *ѣды* или *ѣжи* или *единъ*“. На стр. 24 имя города *Азагоріумъ*, встрѣчающееся у Птолемея, объясняется, какъ русское *Загорье*. Глава десятая трактуетъ о „причинахъ разности званій народовъ“, которыя авторъ видитъ въ ошибкахъ записавшихъ имена, въ произволѣ дававшихъ такія названія, которыхъ нѣтъ совсѣмъ у данныхъ народовъ, въ фонетическомъ различіи языковъ и т. д. Въ XI главѣ объясняется имя народа скиѳовъ. Изложивъ взгляды разныхъ ученыхъ, Татищевъ находитъ самымъ вѣроятнымъ мнѣніе Бержерона, по которому „Скиѳы и Скениды отъ Еврейскаго или Халдейскаго *Скиносъ* названы, зане въ степяхъ преходно въ палаткахъ или шалашахъ обитали“ (стр. 81). Въ XVI главѣ толкуются славянскія имена днѣпровскихъ пороговъ: Ессупы=не спи, Островуни Прагъ = островный прагъ; вулни прагъ=вольный; напрези=напряги или напрящи, натянуть парусы и т. д. На стр. 215 разсматривается имя рѣки Донъ

(„имя древняго языка“), но безъ положительныхъ результатовъ. На стр. 228 вѣрно отмѣчается родство прусскаго (древнепрусскаго) языка съ „Литовскимъ, Курландскимъ и Летскимъ“, а на 234 указывается принадлежность „эстландскаго“ языка къ финскимъ. Въ XX главѣ даются фантастическія этимологіи для именъ скиѳскихъ и сарматскихъ народовъ, перечисляемыхъ Птолемеемъ: „Агориты, и Пагориты отъ горъ, отъ которыхъ Угоры или Угры произошли, Амазоны, какъ ниже показано, въ Славянахъ беки, можетъ *Боси*, ибо ихъ Славяне именованы (такъ!) Госи можетъ *гости*, какъ въ Вандаліи симъ нѣкоторые именовались, а паче которые по-морю разбивали; Закаты можетъ отъ *закаченія* или *запада*, Зенхи можетъ *женихи*, Конопleни отъ *конопель*, которыхъ по Геродоту много въ сей странѣ родилось, Костобоки самое Славенское въ Пафлагоніи, Славяне были *толстобоги* или *толстобоки*, Толистосаги или Толистосады, Матери *матерые* или отъ *матерей* именованы, Парни или *юноши*, Плесіи или *плешивые*, Сабосіи или Сабочи (собачьи), Санаріи можетъ *женари* или *женолюбы*, Оброни или *бронные*, *оружные* и *оборонители*, Сапорени или Опатрени, *осмотрительны*, Савори можетъ *заворы*, Ставани *стоятели* или *стоящіе*, Свардени *свародѣи*, или *смутники*“ и т. д. . многіе близки къ Славенскимъ, что я заподлинно хотя не утверждаю, но искуснѣйшему въ древностяхъ и языка Славенскаго добрѣ свѣдущему къ разсмотрѣнію предаю“. На стр. 307 сближаются имена Мурома, Муромъ и Мурманъ, Мурмани, Мауремани (?!) и толкуются, какъ *поморіе*, или *приморская* земля; на стр. 322 имя „готскаго“ короля Сирмуса производится „отъ штурмованія“ а другое „готское“ имя Дурнанъ объясняется, какъ „дурный панъ“. На стр. 340, говоря о Кимбрахъ и признавая ихъ кельтами, Татищевъ прибавляетъ: „сіе еще нарѣчіе языкъ Целтійскій имѣетъ т. е. Исландскій, Норвежскій, Шведскій, Датскій, Германскій“, т. е. относитъ къ кельтамъ и германскіе народы. Приведенные примѣры достаточно иллюстрируютъ произвольность и ненаучность филологическихъ пріемовъ Татищева, а также и недостаточность его познаній въ данной научной области даже для того времени.

Спеціально славянскому языку посвящены двѣ главы: 41-я „языкъ славенской и разность нарѣчій“ и 42-я „о умноженіи и умаленіи славянъ и языка“. Въ первой Татищевъ указываетъ, что древняго славянскаго языка „почитай нигдѣ уже точнаго не употребляютъ, какъ свидѣтельствуютъ наши отъ 863. Меѳодіемъ и Кирилломъ переведенныя книги“, въ которыхъ „простой народъ нигдѣ всѣхъ словъ точно не разумѣетъ, развѣ тѣ, которые о

томъ довольно прилежать, и отъ читанія обыкнуть, но и тѣ книги видимо, что послѣ онаго перевода нѣколико для лучшаго выразумѣнія въ нарѣчіе настоящее переправливаны". Опираясь на Стрыйковскаго (книга I гл. 2), Татищевъ находитъ, что въ Россіи еще цѣлъ древній „славенскій" языкъ: „сущій языкъ Славенскій древній является быть Рускій Московскій, зане они, какъ по пришествіи изъ Азіи мало по чужимъ странамъ скитались, такъ языкъ и обычаи древніе сохранили", между тѣмъ какъ „поляки свой языкъ приложеніемъ нѣкоторыхъ согласныхъ или извержeніемъ гласныхъ много перемѣнили; къ тому многіе изъ Латинскаго, Германскаго и Французскаго имена и глаголы внесши такъ исказили, что ни съ которымъ кромѣ боемскаго (т. е. чешскаго) и то не весьма согласуетъ. Противно же тому нашъ Русской прибавкою на многихъ мѣстахъ гласныхъ буквъ перемѣненъ, яко вмѣсто градъ, гладъ, говорятъ городъ, голодъ, слано солоно, область власть. Много же издревле отъ Сарматскаго языка въ Славенской внесено, какъ то древнія гражданскія и историческія наши книги свидѣтельствуютъ (?!), а по крещеніи Греческихъ, и съ половины 13. ста Татарскихъ словъ въ нашъ языкъ внесли, и оныхъ такъ намножили и производили, что собственныя свои слова въ забвеніе привели (?), наипаче же несмысленные самохвалы вредъ въ языкѣ наносятъ, мня стройными реченіи ихъ разговоры и письма украсить, что токмо въ голову придетъ, и тѣмъ слышателей въ недоумѣніе или странное мнѣніе и заблужденіе приводятъ. Въ примѣръ сему переводчикъ въ посланіи ко Евреемъ гл. 12 ст. 15 вмѣсто корень въ верьхъ возрастающій, написалъ: горести корень выспрь прозябаяй (такъ!): сіе слово *выспрь* такимъ же невѣждамъ, пустосвятамъ возмнилось быть именемъ того корене, и толкуютъ, яко бы Апостолъ сіе о табакѣ говоритъ"...

Татищевъ признаетъ, впрочемъ, неизбѣжность заимствованія чужихъ словъ: „ни единъ языкъ, а паче въ Европѣ, гдѣ науки болѣе другихъ частей міра распространились, отрещися не можетъ; достаточно бо видимъ Евреи, Греки, Латины одинъ отъ другаго слово въ дополненіе своего заимствовали, и за собственныя причли: однакожъ давно мудрые люди оное охуждали и отъ того мѣшанія увѣщевали, и перво видится Франція осмотрясь, многія иноязычныя слова повыметали, испорченныя исправили, и достаточными лексиконы для знанія всѣмъ пользу не малую изъявляли; чему любомудрые въ Германіи послѣдовали, преизрядныя книги философскія и богословскія на своемъ языкѣ безъ примѣса иноязычныхъ словъ издаютъ. Славяне же, мню, въ глубокой древности,

живучи по разнымъ и весьма отдаленнымъ мѣстамъ, и съ разными языки сообществуя, въ языкѣ уже разность не малую имѣли, какъ древнѣйшія письма всѣхъ оныхъ могутъ доказательствомъ быть. Мы хотя можемъ похвалиться, что нашъ языкъ многихъ полнѣе и плодовитѣе, и мню, что въ Философіи, Маѳематикѣ и прочихъ наукахъ не хуже Французскаго и Германскаго, но еще кратче изъяснить можемъ, что нѣкоторые Члены Руской Академіи изданіемъ презрядныхъ книгъ засвидѣтельствовали, особливо господина Профессора Ломоносова изрядная Реторика и другое, яко же Тредіаковскаго и господина Сумарокова стихотворныя хвалы достойны; однакожъ много такихъ видимъ, которые никакого языка не знаютъ, ниже своего достаточно учились, а чужихъ словъ въ реченіи и письмахъ съ избыткомъ употребляютъ; а какъ они силы ихъ не знаютъ, такъ часто неправильно оныя кладутъ, и не въ той силѣ ихъ разумѣютъ, на что господинъ Сумароковъ изрядную сатиру издалъ".

На основаніи Стрыйковскаго Татищевъ такъ изображаетъ „прочія смѣшанія Славенскихъ языковъ", или ихъ „разнь": понеже другіе Славяне по разнымъ странамъ ходя отъ оныхъ языкъ древній испортили, ясно Сербы, Карваты (такъ!), Рацы и Булгары со Греческимъ, Венгерскимъ и Турецкимъ; Далматы, Карніоли, Стиріане, Истри, Иллирики съ Италіанскимъ, бѣлая Русь, Москва съ Татары; Подгоряне, Мазуры, Подляшане, Русь Чермная, Волынь и часть Литвы съ Поляки, а Поляки со всѣми народы обычаи, убранства, а отчасти и языкъ помѣшали". Кромѣ такого „генеральнаго поврежденія" языковъ, „во всѣхъ пространныхъ государствахъ есть и партикулярныя по разстоянію дальности предѣловъ, не токмо въ произглашеніи или удареніи гласа, но и въ именахъ и глаголахъ такое различіе, что сошедшіеся единъ другаго не вскорѣ выразумѣютъ, яко у насъ Сибиряки, Великороссіане, Малороссіане, Низовые и Поморскіе, единъ съ другимъ весьма различаются, на примѣръ: ковшъ и корецъ, квашня и дижа и пр. Много же отъ древности по разсуднымъ употребленіемъ одно за другое, и отдѣльное за общее принято, а сущее оставлено, или въ иномъ разумѣніи, нежели издревле значило, употребляется: яко вмѣсто жито нива и сочиво именуютъ хлѣбъ, въ которомъ та разница, что жито разумѣется всякія сѣмена, яко пшеница, рожь, ячмень, овесъ и пр. Отъ чего хранилище житница именована, сочиво у Славянъ именно горохъ, бобы, чечевица и пр. нива насѣянное на поляхъ, въ библіи Русской часто переважено съ Греческаго класы, хлѣбъ же не болѣе значитъ, какъ печеный и кислый, а неквашеный опреснокъ".

Въ слѣдующей 42-й главѣ Татищевъ говоритъ о расширеніи

и съуженіи языковой славянской области. Умноженіе и распространеніе языковъ и народовъ, по мнѣнію нашего историка, происходитъ, какъ „всѣмъ сіе извѣстно... мудростію и тщаніемъ высочайшихъ правительствъ." Такъ, Александръ Македонскій „языкъ Греческій во всей Азіи до Египта внесши во употребленіе такое ввелъ, что по немъ многіе народы свои оставя, Греческій употребляли", какъ это доказываетъ-де употребленіе греческаго языка Іисусомъ Христомъ и его учениками (?) „а сіе для того, что Греческій языкъ тогда большею частію всѣ тѣхъ странъ народы разумѣли." Точно также владычество Рима распространило латинскій языкъ такъ, „что отъ самаго западнаго Океана до Германіи, т. е. Португалія, Испанія, Франція, Италія, не иной какъ Латинской языкъ употребляли. А хотя по раздѣленіи областей и особныхъ въ нихъ высокихъ правительствъ, чрезъ долгое время и отъ смѣшанія съ другими, ово ихъ древними, ово иноязычными далеко разнились, однакожъ языка не мало и къ западу распространилось, какъ намъ Волохи, яко населенные Римляне свидѣтельствуютъ." Другой причиной его распространенія была „папежская великая власть и коварный вымыслъ къ содержанію народа въ темнотѣ невѣденія и суевѣрствахъ, употребленіемъ въ богослуженіи единственно Латинскаго языка"... Никто, однако, не изъявилъ „столько тщанія о чести своего отечества и языка, какъ мню Французскій, для котораго такъ много и Академіи устроены, и особливо Академія Французская именуемая для исправленія токмо языка учреждена, стараніемъ которой превсходные разныхъ качествъ лексиконы сочинили, книги древнія перевели и изъяснили. При Дворѣ не позволено никому кромѣ Французскаго языка употреблять, чрезъ что многіе Германскіе Дворы Французской, яко ихъ собственной во употребленіе ввели, а для возрастшихъ наукъ и множества нужныхъ и полезныхъ во всѣхъ наукахъ книгъ всѣ прилежатъ онаго обучаться; въ министерствѣ же почти за общей всея Европы языкъ почитается и т. д. Славяне храбростію и мудростію Государевой едва меньше ли оныхъ свои области и языкъ въ древности распространили... Въ Греціи (Византіи?) Славенской языкъ былъ въ такомъ употребленіи, какъ нынѣ въ Германіи Французскій; ибо не токмо Министры и придворные знатные, но сами Императоры онымъ говорить не гнушались... Изъ всѣхъ Славенскихъ областей Рускіе Государи наиболѣе всѣхъ распространеніемъ и умноженіемъ языка Славенскаго славу свою показали... но пришествіемъ Рюрика съ Варяги родъ и языкъ Славенской былъ уничиженъ; блаженная же Олга будучи сама отъ рода Князей Славенскихъ, . . . народъ Славенской возвысила и языкъ во употреб-

леніе общее привела (?)." Она же, „пріятіемъ крещенія чрезъ болгаръ и книги Славенскія церковныя наиболѣе утвердила, отъ чего чрезъ много лѣтъ великимъ тщаніемъ Государей завоеванные Сарматскіе и Татарскіе предѣлы языкъ Славенорусскій приняли, а свой прежній забыли, и почитаются за Славянъ"... Но если славянскій языкъ такъ умножился и распространился на сѣверѣ и востокѣ, то на югѣ и западѣ онъ настолько же „умалился": „государства болгарское и сербское и другія (?) подъ власть Турецкую пришедъ весьма умалились и умаляются, но не столько отъ Магомета, сколько отъ Папы утѣсняемы... Въ Венгріи по нашествіи Готовъ, Аваровъ и Маджаровъ, Сарматы языкъ Славенскій почти совсѣмъ уже угасили, а употребляютъ Сарматскій съ Латинскимъ и Германскимъ, а частію и Турецкимъ, смѣшанный... На западѣ... королевства Вандальское (Вендское?) и боемское совсѣмъ подъ власть Германскую пришедъ, языкъ, а при томъ и имя Славенъ, купно со славою древнею погубили, и въ Германе превратились, такъ что едва слѣды оной древности языка остаются."

Щербатовъ прибѣгаетъ къ этимологизаціи въ своей „Исторіи россійской отъ древнѣйшихъ времянъ" (Спб. при Имп. Акад. наукъ, 1770—1791, 7 т. in 4°), главнымъ образомъ въ первомъ ея томѣ, хотя и заявляетъ въ предисловіи, что „не тщился обрѣтающіися промѣжки догадками наполнять, и по знаменованію именъ изыскивать, какія были языки тѣхъ (старобытныхъ) народовъ". Правильно указывая, что „по малому числу оставшихся намъ именъ, поврежденныхъ временемъ и неправильнымъ выговоромъ чужестранныхъ, которые намъ ихъ преложили,... весьма трудно" заключать о родствѣ тѣхъ или другихъ народовъ между собою, кн. Щербатовъ тѣмъ не менѣе пускается при случаѣ въ самыя рискованныя сближенія именъ и географическихъ названій. Такъ, напримѣръ, имя народа скиѳовъ можетъ происходить, по словамъ Щербатова, отъ „глагола *Тевтоническаго Сетенъ* или *Шутенъ*[1]), стрѣлять, въ чемъ", по свидѣтельству Геродота и др. историковъ, скиѳы „весьма искусны были". Болѣе вѣроятно, впрочемъ, для него родство имени скиѳовъ съ именемъ народа *Чудь*, которое „черезъ повреждение" дало начало имени *Скиоскому* или *Сцитскому*. Имя народа Сарматовъ происходитъ отъ греческихъ словъ: „*Савросъ* (σαῦρος = ящерица) и *омма* (ὄμμα = лицо, видъ, око), *эхидной око* (такъ!)", каковое имя было дано имъ „чаятельно... ради звѣрства ихъ нравовъ". Имя *Московія* происходитъ не отъ *Москвы*,

---

[1]) Форма вполнѣ фантастическая, основой для которой вѣроятно послужили англ. *shoot*, сканд. *skjóta*, др. сакс. *skeotan*.

но отъ древнихъ именъ „Россіанъ, а именно *Мольи*, *Моски*, *Месехи* или отъ *Мосоха* ихъ Праотца“ [1]). Имена братьевъ Кія и Хорева кн. Щербатовъ выводитъ изъ „древняго Персицкаго“ языка, въ которомъ будто-бы *Кій* (новоперс. Кіуā = царь, герой) или *Кеа* значитъ *державецъ*, *владѣтель*, *господарь*, а *Хурехъ* (?)— *участіе* или *соучастникъ*, *совладѣтель*. Изъ формы *Хурехъ* уже „по поврежденію“ получилось *Хоревъ*. Впрочемъ это послѣднее имя, по его мнѣнію, еще лучше производить изъ „арапскаго“ языка, гдѣ *Херифъ* [2]) означаетъ *соперника* (братья Кій и Хоревъ *соперничали* въ постройкѣ городовъ: одинъ выстроилъ Кіевъ, а другой, будто-бы, Хоревицу). Имя *Щекъ* или *Шекъ* также ведетъ свое начало отъ арабскаго *Шейхъ* или *Шихъ*—старѣйшина, начальникъ [3]). Нужно замѣтить при этомъ, что кн. Щербатовъ не зналъ самъ ни того, ни другого языка, а основывался на помощи „единаго весьма искуснаго въ сихъ языкахъ... пріятеля“ (В. Ѳ. Братищева, долго жившаго въ Персіи и изучившаго данные языки). Изъ персидскаго языка Щербатовъ толкуетъ и имя сестры Лыбеди или „*Лебѣды*“, сравнивая его съ перс. *Лебадъ* „верхнее одѣяніе, епанча“ (перс. labād = верхнее платье. С. Б.). Собственныя имена: Вятко, Дулепа и т. д. у него тоже персидскаго происхожденія [4]), а Радимъ (откуда Радимчане) — арабскаго [5]). Этимологіи (*Бояринъ* отъ *бой* и *ярый*, т. е. *ярый въ бою)* находимъ также въ „Письмѣ князя Щербатова, сочинителя россійской исторіи, къ одному его пріятелю и т. д.“. (Москва, 1789, 16°, 149 стр.). Полемика съ Болтинымъ, отвѣчавшимъ на это письмо [6]), заставила кн. Щербатова формулировать свои взгляды на этимологію, какъ вспомогательное орудіе историка, и изложить основанія того метода, котораго онъ держался въ своихъ этимологическихъ сближеніяхъ. Онъ сдѣлалъ это очень подробно въ своихъ „При-

---

[1]) Т. I. Введеніе, стр. 3—4.

[2]) Арабскаго слова съ такимъ значеніемъ нѣтъ. Имѣющіяся подобныя слова значитъ *осень*, *товарищъ*. Повидимому здѣсь произошла ошибка со стороны Щербатова или его источника—В. Ѳ. Братищева.

[3]) Т. 1. Кн. 1, стр. 119.

[4]) «*Вятко* или *Вѣтекъ* на древнемъ *Персицкомъ* языкѣ *Перепелъ*, *Дулепа* или лучше *Дулабъ* на *Персицкомъ* языкѣ *Коло* или *казенное мѣсто*». Тамъ-же стр. 120. (Очевидно здѣсь имѣлись въ виду *новоперс.* формы watak = перепелъ и dolab или dūlāb = колесо для подъема воды, подъемная машина, амбаръ, хитрость, козни. С. Б.).

[5]) «По поврежденію» изъ *Регимъ* (правильнѣе было-бы *рехимъ*) = «милосердый». Тамъ-же, стр. 120.

[6]) И. Болтинъ, «Отвѣтъ на письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи». Спб. 1789. 8°. 181.

мѣчаніяхъ на отвѣтъ господина генералъ-маіора Болтина, на письмо князя Щербатова, сочинителя россійской исторіи и т. д." (Москва, 1792 г. 4°, 624 стр.), посвятивъ этимъ вопросамъ около ¹/₆ всей своей книги. По словамъ Щербатова, онъ счелъ нужнымъ: „1) утвердить правила этимологіи; 2) приложить ихъ къ Славено-россійскому языку; 3) показать трудности сего изыеканія; 4) изъяснить знаемъ-ли Сарматской языкъ; 5) разсмотрѣть приводимыя этимологіи; 6) учинить замѣчанія на самыя реченія Его Превосходительства, какъ о словахъ, такъ и о народахъ; 7) какимъ языкомъ говорилъ Рюрикъ и пришедшіе съ нимъ Руси и 8) изъ сего сдѣлать свои заключенія". Этимологія опредѣляется имъ, какъ „искусство на догадкахъ основанное", а потому и раздѣляющееся „на двѣ части": „искусство дѣлать догадки или положенія, и искусство ихъ повѣрять; или другими словами..., искусство выдумывать, и искусство критиковать". Попутно онъ дастъ основанія „критическаго искусства", указывая на неизбѣжность „перемѣнъ" въ выговорѣ языковъ, проистекавшихъ отъ „распространенія понятій" у народовъ, въ силу большаго ихъ просвѣщенія. Этотъ ростъ понятій показалъ „неудобность многихъ, прежде учиненныхъ реченій" и вызвалъ ихъ перемѣну. Другія реченія измѣнились, „переходя изъ устъ въ уста." Измѣненія эти, однако, коснулись только первообразныхъ словъ; „но какъ отъ первыхъ словъ были еще тогда же произведены другія, то тогда какъ начальныя перемѣнились, или во всемъ выговорѣ, или въ поврежденіи, произведенныя осталися", вслѣдствіе чего затмилась ихъ этимологическая связь съ первообразными словами, „исчезла память ихъ произведенія". Чтобы еще болѣе закрѣпить это предположеніе полной непослѣдовательности языковыхъ измѣненій, кн. Щербатовъ прибавляетъ: „Ибо не должно думать, чтобы въ перемѣненіи языковъ какія предположенныя правила наблюдались". Если къ этимъ перемѣнамъ прибавить еще разныя другія „бываемыя перемѣны въ народахъ", вызванныя завоеваніями, переселеніями, сношеніями съ другими народами и т. д., то отсюда для этимологизатора вытекаетъ необходимость входить „во все обстоятельство исторіи того народа, котораго языка хотятъ дѣлать произведенія", а также „воззрѣть еще на состояніе ихъ языковъ, во время употребленія бывшихъ у нихъ словъ, на время сысканныхъ искусствъ, или произведеній вновь заведенныхъ". Необходимость сказаннаго кн. Щербатовъ подкрѣпляетъ удачной иллюстраціей: „ибо есть ли мы отъ Шведскаго языка будемъ производить *Апелсинъ*, гдѣ они конечно не находятся, и куда конечно послѣ нежели въ Голандію пришли, то конечно впадемъ въ заблужденіе". Нельзя не признать спра-

ведливости послѣднихъ методологическихъ соображеній кн. Щербатова, польза которыхъ, однако, совершенно парализовалась выше отмѣченнымъ положеніемъ его объ отсутствіи какой бы то ни было законности въ измѣненіяхъ языка, положеніемъ, оправдывавшимъ полнѣйшій произволъ въ этимологическихъ сближеніяхъ и сводившихъ ихъ, по словамъ самого Щербатова, къ „искусству выдумывать.“ Въ этомъ отношеніи, однако, онъ всецѣло зависѣлъ отъ современныхъ ему взглядовъ, какъ это и видно изъ приводимой имъ большой цитаты изъ французской энциклопедіи, въ которой опредѣляется понятіе слова „этимологія“. По словамъ энциклопедической статьи, служившей источникомъ его метода, изобрѣтеніе при этимологическихъ сближеніяхъ „не имѣетъ весьма опредѣленныхъ правилъ“. Здѣсь приходится „отгадывать“, т. е. „въ неизмѣримыхъ поляхъ возможныхъ положеній по нечаянности хватать единое, потомъ второе, и многія еще одно послѣ другого“. Не удивительно послѣ этого, если этимологіи кн. Щербатова основаны были прежде всего лишь на внѣшнемъ звуковомъ сходствѣ и близости значенія, которая не была случайной только тогда, когда сближавшіяся слова были дѣйствительно родственны между собою. Кромѣ статьи энциклопедіи, Щербатовъ приводитъ и другія лингвистическія сочиненія, изъ которыхъ почерпалъ свои свѣдѣнія: разсужденіе „Сусмилха“ (Süssmilch): „О сходствіи языка Келтическаго и особливо Тевтоническаго съ языками восточными“ и пр. („Исторія [Мемуары?] Королевской Академіи наукъ Берлинской“, 1745 г., стр. 188), „Куртъ Гибелина“ (Куръ де Жебеленъ) „Dictionnaire etymologique de la langue Françoise“, разсужденіе Лейбница „De l'origine des François“ и сравнительный словарь Екатерины II. Лингвистическій матеріалъ находилъ онъ между прочимъ и въ путешествіи Олеарія. Какъ можно видѣть, выборъ пособій у Щербатова имѣетъ случайный характеръ, и число ихъ очень скудно. Поэтому насъ не должны особенно удивлять частыя ошибки и заблужденія кн. Щербатова, вызывающія въ современномъ читателѣ снисходительную улыбку. Напротивъ, надо отдать ему справедливость, что въ извѣстныхъ своихъ мнѣніяхъ и возраженіяхъ Болтину онъ нерѣдко былъ вполнѣ правъ или во всякомъ случаѣ стоялъ на одномъ съ нимъ уровнѣ. Такъ онъ откровенно сознается (стр. 228), что не знаетъ этимологіи слова *царь* (стсл. *цьсарь*, лат. caesar), тогда какъ Болтинъ искалъ его начала въ сирійскомъ языкѣ, въ концѣ такихъ именъ, какъ Навуходоносоръ, Балтасаръ и т. д., представлявшихъ будто бы собственныя имена *Навоходона*, *Балта* съ присоединеннымъ къ нимъ приложеніемъ *саръ*, т. е. *царь*.

Правъ Щербатовъ и въ своемъ отрицаніи тожества сарматовъ съ финнами, утверждавшагося Болтинымъ вслѣдъ за Миллеромъ, Татищевымъ и другими. Основательны и нѣкоторыя замѣчанія его на финскія этимологіи Болтина, возводившаго, напримѣръ, областное названіе индѣйки—„калкунъ“ къ „сарматскому“ источнику, въ виду финскаго *kalkun* (у Болтина *calcuna*), но забывшаго при этомъ, что „сарматы“ никоимъ образомъ не могли знать индѣйскаго пѣтуха, вывезеннаго изъ Америки въ XVI в. Правъ Щербатовъ и въ своемъ отрицаніи финскаго происхожденія первыхъ русскихъ князей Рюрика и его братьевъ, которыхъ онъ, во всякомъ случаѣ ближе къ истинѣ, считаетъ германцами „готфами“. Совершенно резонно онъ отдаетъ преимущество болѣе правильнымъ (хотя и не всегда удачнымъ) толкованіямъ названій днѣпровскихъ пороговъ изъ германскихъ „сѣверныхъ“ языковъ (почерпнутымъ имъ изъ „Dissertation sur les anciens Russes par F. H. S. D. P.“ (Спб. 1785), передъ этимологіями Болтина, выводившаго эти названія изъ венгерскаго языка [1]). Но коренной недостатокъ его метода—произвольность сопоставленій, основанныхъ лишь на случайномъ сходствѣ сравнивавшихся словъ, не позволялъ ему итти далѣе отдѣльныхъ, случайно счастливыхъ сближеній и одержать верхъ надъ своимъ противникомъ, который стоялъ на одномъ съ нимъ уровнѣ научнаго знанія въ данной области и страдалъ тѣмъ же основнымъ недостаткомъ метода.

Болтинъ, прибѣгавшій часто въ своихъ историко-критическихъ трудахъ къ этимологическимъ сближеніямъ, такъ же, какъ и кн. Щербатовъ, въ теоріи былъ противъ сопоставленій, основанныхъ на одномъ созвучіи. Въ своихъ „Примѣчаніяхъ на исторію древнія и нынѣшнія Россіи Леклерка“ (Спб. 1788, 2 т. 4°) онъ вооружается противъ подобныхъ этимологій и въ качествѣ примѣровъ приводитъ сходство русскаго *мою* съ арабскимъ *май* или *мойе=вода* [2]), франц. *lecher* (лизать) съ халдейскимъ *лишну* (вѣроятно вм. nomen actionis leshno = лизаніе или leshana = языкъ С. Б.). и русск. *лижу*, франц. ami (*другъ*) съ тунгуз. *ами=отецъ* [3]). Внѣшнее и семасіологическое сходство этихъ формъ, по его словамъ, не даетъ еще права „заключить, что языкъ русскій происходитъ отъ

---

[1]) «Критическія примѣчанія Генералъ-Маіора Болтина на первый томъ исторіи Князя Щербатова». Спб. 1793, 4°, 352; стр. 8 и слѣд.

[2]) Форма *май* очевидно есть передѣлка древне-арабскаго *ма*, сдѣланная подъ вліяніемъ ново-арабской формы, приведенной въ видѣ *мойе*. На самомъ дѣлѣ арабскаго слова *май* не существуетъ.

[3]) «Примѣчанія на Леклерка», т. I; стр. 283.

арабскаго, а французскій отъ тунгузскаго". Но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ основательнымъ замѣчаніемъ, онъ, въ противность Леклерку, считавшему русск. *баба* татарскимъ словомъ (*бамбиза=мамка*), доказываетъ, что *баба* обнаруживаетъ „несравненно ближайшее сходство и въ выговорѣ и въ смыслѣ" съ „цымбрскимъ" *баибъ*, „пампангскимъ" *бабай* и „талаганскимъ" *бабае* (тамъ же, стр. 282—283) [1]). Этимологіи Леклерка, производившаго (вслѣдъ за Поповымъ) имя божества *Хорса* отъ *корчить*, а названіе города *Рязань* отъ франц. *raisin=виноградъ*, онъ справедливо считаетъ странными и произвольными [2]). По его мнѣнію, созвучіе словъ можетъ служить признакомъ ихъ родства только въ томъ случаѣ, если это родство является вѣроятнымъ еще въ виду сосѣдства или сношеній тѣхъ народовъ, языкамъ которыхъ принадлежатъ эти слова, если между данными словами имѣется и семасіологическое родство, если сходныя слова обозначаютъ понятія самыя обыкновенныя для первобытнаго народа и т. д. Но всѣ эти благія соображенія безсильны и у Болтина направить этимологію по вѣрному пути: *бояринъ* онъ, вмѣстѣ съ Татищевымъ, производитъ отъ „сарматскихъ" словъ *по=голова* и *ярикъ=умный* [3]); славянское имя мадьяръ *угры*—изъ *угоры*, потому что они жили у *горъ* кавказскихъ [4]),—этимологія вполнѣ достойная словопроизводствъ Тредьяковскаго: Норвегія = *Наверхія*, Британія = *Пристанія*. Точно также онъ находитъ вѣроятнымъ, что имя бога любви *Лель* можетъ происходить отъ арабск. *леиль* = ассирійск. (?) *лели*, халдейскаго *лелье*, сирійскаго *лильё* (ночь), ибо тайны любви совершаются „по большей части, подъ покровомъ нощи" [5]). По его мнѣнію выраженіе „*зги* не видать" значитъ „облаковъ не видать", и слово *зга* родственно шведскому *sky* облака [6]). Сходство нѣкоторыхъ латинскихъ словъ со славянскими онъ объясняетъ тѣмъ, что въ глубокой древности часть славянскаго народа переселилась въ Италію и смѣшалась съ тамошними народами. Отсюда въ латинскомъ языкѣ осталось „премножество словъ славянскихъ". „Въ греческомъ языкѣ также множество есть словъ славянскихъ или греческихъ въ славянскомъ", откуда ясно, что народы греческій

---

[1]) Источникомъ, откуда черпались эти иноземныя формы, служилъ обыкновенно Сравнит. Словарь Екатерины II (см. выше).

[2]) «Примѣчанія на Леклерка», т. I, стр. 98—99 и т. II, стр. 115.

[3]) «Отвѣтъ Болтина на письмо кн. Щербатова» (Спб. 1789), стр. 76, или «Примѣчанія на Леклерка», т. II, стр. 442—43.

[4]) «Примѣчанія на Леклерка», т. I, стр. 47.

[5]) Тамъ же, стр. 111.

[6]) «Отвѣтъ на письма кн. Щербатова», стр. 83—84.

и славянскій долго сожительствовали другъ съ другомъ [1]). Болтинъ основательно смѣялся надъ Леклеркомъ, утверждавшимъ, что много русскихъ словъ имѣется въ индійскомъ, персидскомъ, тевтонскомъ и даже *китайскомъ*, и возражалъ ему, что, дѣйствительно, нѣсколько славянскихъ словъ находится въ персидскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но ему еще не приводилось слышать, чтобы они встрѣчались и въ китайскомъ [2]). Но въ то же время Болтинъ считалъ вполнѣ вѣроятнымъ, что русскій языкъ — отрасль сарматской вѣтви языковъ, къ которой принадлежали и языки вымершихъ „сарматскихъ" народовъ, какъ чудь, кривичи, меря, мурома, весь, а также теперь принадлежатъ живые языки венгерскій и шведскій (!), и уцѣлѣвшіе языки мордвы, чувашей (!), черемисовъ, кореловъ, финновъ и т. д. [3]). Положеніе это доказывается сопоставленіями, въ родѣ финск. *raadi* (судья) съ русск. *рядить*, финск. *nena* (носъ) съ русск. *разбить, разквасить нюни* (лицо, носъ) [4]), финск. *kissa*=кошка съ русск. *киска, кисъ-кисъ*, венгерск. *titkos*= тайный, сокровенный, *titok*=тайна съ русск. *титьки*, „понеже всегда ихъ содержали покровенными" и т. д. [5]). Эти примѣры достаточно ясно свидѣтельствуютъ, что въ отношеніи метода Болтинъ стоялъ нисколько не выше своего соперника, кн. Щербатова, и что единственнымъ мотивомъ ихъ этимологическихъ споровъ служило просто несогласіе ихъ индивидуальныхъ вкусовъ, а не большее или меньшее совершенство научнаго метода. Тѣмъ не менѣе Болтину принадлежитъ заслуга перваго сопоставленія нѣкоторыхъ русскихъ словъ съ финскими. Если отбросить неудачное примѣненіе термина „сарматскіе" языки въ значеніи финскихъ языковъ и отнесеніе къ нимъ русскаго, чувашскаго и аварскаго, то въ остаткѣ получится, хотя и смутно чувствовавшаяся и неправильно формулированная, но въ основѣ своей вѣрная мысль о необходимости сравненія русскаго языка съ финскими, въ виду многовѣковаго сосѣдства русскихъ и финновъ. Нѣкоторыя изъ сближеній Болтина вполнѣ удачны (р. *пасмо* съ ф. pasma; р. *пахтать* съ ф. pahtaa, р. *тина*, съ ф. tina, р. *товаръ* съ ф. tawara, р. *кутенокъ, кутята* съ венг. kutya и т. д.) и встрѣчаются и у современныхъ ученыхъ, сравнивавшихъ данные языки. Впрочемъ, серьезнаго вниманія къ изслѣдованіямъ этого рода Болтинъ, по-

[1]) «Примѣчан. на Леклерка», I. 55—56.

[2]) Тамъ же, II. 42.

[3]) «Отвѣтъ на письмо кн. Щербатова», стр. 77—78.

[4]) Въ дѣйствительности такого выраженія нѣтъ, а есть *распустить нюни*, т. е. *разревѣться, расплакаться*.

[5]) «Отвѣтъ на письмо кн. Щербатова», стр. 79—86.

добно другимъ тогдашнимъ и позднѣйшимъ историкамъ-этимологизаторамъ, не проявлялъ, какъ это видно изъ откровеннаго его признанія, что „краткость времени и *скучность* таковаго упражненія" дозволила ему пріискать лишь нѣсколько случайно подвернувшихся лексическихъ параллелей въ русскомъ и прочихъ „сарматскихъ" языкахъ [1]).

XI. Статьи лингвистическаго содержанія въ журналахъ XVIII в.

О пробужденіи интереса къ языку вообще и къ родному въ частности свидѣтельствуютъ довольно многочисленныя статьи въ нашихъ журналахъ XVIII вѣка (главнымъ образомъ второй его половины). Статьи эти не всѣ одинаковаго достоинства, но всѣ онѣ интересны съ исторической точки зрѣнія, свидѣтельствуя объ общемъ уровнѣ знаній въ данной научной области или предвѣщая собою появленіе въ будущемъ болѣе серьезныхъ научныхъ работъ по тѣмъ или другимъ частнымъ вопросамъ. Ихъ можно раздѣлить на два отдѣла: а) оригинальныя и б) переводныя.

Первыя обыкновенно трактуютъ о вопросахъ русской и славянской грамматики и стилистики, вторыя же, или разрабатываютъ общелингвистическія темы, или имѣютъ въ виду тѣ или другіе иностранные языки (нѣмецкій, англійскій), касаясь при этомъ такихъ общихъ вопросовъ, которые могли интересовать и русскихъ читателей. Появленіе у насъ переводныхъ статей послѣдняго рода вызывалось, конечно, отсутствіемъ русскихъ оригинальныхъ авторовъ, которые могли бы удовлетворить извѣстнымъ запросамъ русской читающей публики. Журналамъ нашимъ приходилось поэтому брать изъ иностранной печати то, что могло косвеннымъ образомъ служить отвѣтомъ на наши мѣстныя потребности.

а) *Статьи оригинальныя.*

Рядъ оригинальныхъ нашихъ журнальныхъ филологическихъ статей открывается статьею А. С(умарокова): „О коренныхъ словахъ русскаго языка", напечат. въ „Трудолюбивой Пчелѣ" за февр. 1759 (2 изд. 1780 г., стр. 91—101), о которой шла уже рѣчь выше (стр. 212). Общіе взгляды автора на языкъ достаточно могутъ быть охарактеризованы слѣдующими вступительными его словами: „Что Русской языкъ близокъ отъ своего происхожденія, то отъ множества коренныхъ словъ ясно видно. Сіе языкамъ остав-

---

[1]) «Отвѣтъ на письмо кн. Щербатова», стр. 79.

ляетъ естественную красоту и великолѣпіе; ибо народы составляющіе себѣ языкъ являютъ словами начертаніе естества, и съ мыслію и чувствіемъ сходство произношенія. Гордая вещь получаетъ гордое имя. Нѣжная, нѣжное имя и пр. Напротивъ того въ языкахъ отдаленныхъ отъ своево происхожденія или отъ разныхъ языковъ составленныхъ сего преимущества нѣтъ"... Далѣе Сумароковъ усматриваетъ взаимоотношеніе между формой слова (или буквъ, которыми слово изображается на письмѣ) и обозначаемыми имъ понятіями: „око, изображаетъ круглость. Дождь, точный шумъ раздробленно ліющихся изъ воздуха водъ. Журчаніе, потоки мѣлкихъ струй. Шумъ, великое движеніе воздуха" и т. д.

Въ другой статейкѣ „Объ истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка" („Трудолюбивая Пчела". Генварь. 1759. Вторымъ тисненіемъ. Спб. при Имп. Акад. Наукъ. 1780 г. стр. 58—62), также упоминавшейся уже выше (стр. 212), Сумароковъ разсматриваетъ живой въ то время вопросъ о заимствованіи иностранныхъ словъ, возставая вообще противъ него: „Воспріятіе чужихъ словъ, а особливо безъ необходимости, есть не обогащеніе, а порча языка. Тако долго временно портился притяженіемъ Латинскихъ словъ Нѣмецкой, испортился Польской... и какъ портится Нѣмецкими и Французскими словами Русской. Честолюбіе возвратитъ насъ когда нибудь съ сего пути несумнѣннаго заблужденія; но языкъ нашъ толико сею зараженъ язвою, что и теперь уже вычищать ево трудно; а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣсколько лѣтъ продлится, такъ совершеннаго очищенія не можно будетъ больше надѣяться. Какая нужда говорить вмѣсто Плоды, Фрукты? вмѣсто столовый приборъ, столовый сервизъ? вмѣсто передняя комната, антишамбера? вмѣсто комната, камера? [1]) вмѣсто опахало, Вѣеръ? вмѣсто епанечка, Мантилья? [2]) вмѣсто переписка, корреспонденція, и еще чудняе, Каришпанденція... Странны чужія слова въ разговорахъ, въ письмѣ еще страннѣе, а въ печати и того страннѣе. Что скажетъ потомство!.." Далѣе на примѣрѣ слова *лошадь*, заимствованнаго изъ татарскаго языка, доказывается, что такія заимствованія всегда пребудутъ «низкими" словами, „какъ кафтанъ и всѣ новыя не къ стати введенныя въ нашъ языкъ дикія слова. Отъ Нѣмецкихъ и Французскихъ словъ Русскому языку сея же судьбины ожидать надобно". Исключеніе дѣлаетъ Сумароковъ для

---

[1]) Сумароковъ, очевидно, не подозрѣвалъ, что *комната* такое же чужое слово, какъ *камера* и родственное ему болѣе употребительное *каморка*.

[2]) Иностранное происхожденіе слова *епанча*, повидимому, также осталось Сумарокову неизвѣстнымъ.

греческихъ словъ, которыя „введены въ нашъ языкъ по необходимости и дѣлаютъ ему украшеніе, а Нѣмецкія и Французскія намъ ненадобны, кромѣ названія такихъ животныхъ, плодовъ и протчаго, какихъ Россія не имѣетъ, напр. Рыба Карпъ. По сей необходимости и стерлядь наша на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ Стерлядью, а Соболь Соболемъ называется. Сарделли, Каперсы, Оливки, Цитронъ, Апельсинъ, Померанецъ, ипр.: А Куликъ Бекасомъ и протчее тому подобное, чужими именами напрасно называются. Греческія слова, какъ напримѣръ: Порфира, Скипетръ, Діадима, имена наукъ, болѣзней и протчія надобныя слова для изъясненія точности потребны нашему языку. Они жъ въ Латинской и во всѣ Европейскіе языки войти право имѣли; ибо стараніе Грековъ въ нужныхъ именованіяхъ на верьхъ совершенства взошло, и получило почтеніе воспріято быть Римлянами, а потомъ и всею Европою для избѣжанія великія трудности въ пріисканіи новыхъ нужныхъ именованій, а нѣкоторыя ихъ слова съ необходимыми и безъ нужды въ чужія вошли языки, и съ необходимыми ради единыя красоты ихъ утвердилися, какъ на нашемъ языкѣ Тронъ; ибо и Престолъ то же знаменуетъ; а при томъ и великолѣпно слышится. Таковымъ образомъ вошло слово Корона [1]) въ Русской языкъ, и знаменуетъ то же, что и Вѣнецъ. Ради необходимости многія Греческія слова стали быть словами всѣмъ языкамъ общими. И тако воспріятыя Греческія слова присвоены нашему языку достохвально, а Нѣмецкія и Французскія языкъ нашъ обезображиваютъ“.

Приведенныя выдержки ясно говорятъ о недостаточности познаній, съ которыми Сумароковъ взялся за рѣшеніе выбраннаго имъ вопроса, а также и объ отсутствіи логической послѣдовательности, съ которымъ рѣшеніе его было осуществлено. Такъ, оправдывая заимствованіе нѣкоторыхъ ненужныхъ греческихъ словъ эстетическими соображеніями (слово *тронъ* „великолѣпно“ слышится“), Сумароковъ совсѣмъ не допускаетъ никакихъ оправданій для заимствованія словъ изъ европейскихъ языковъ: французскаго и нѣмецкаго.

Фантастическія этимологіи встрѣчаются между прочимъ въ сатирическомъ журналѣ Василія Тузова „Поденьщина“ (1769 г. Переиздано А. Афонасьевымъ. Москва. 1858. 12°. 136 стр.). Здѣсь (стр. 127 и сл.) находимъ сравненіе словъ арабскихъ, персидскихъ, турецкихъ и татарскихъ съ русскими, съ объясненіями въ родѣ слѣдующихъ: Арабскіе 1) *эль харемъ*—храмъ въ

---

[1]) Повидимому Сумароковъ считалъ это слово греческимъ.

Меккѣ—*храмъ, храмина, хоромы*, можетъ быть и *хранить*; 2) *Беитъ* —домъ, но можно сказать и *битъ*, съ чѣмъ надо сравнить *витати*: „не мудрено къ тому прибавить *о* и сдѣлается *обитати*, жить, *одомовиться*". Ср. лат. habitatio, „и то же значитъ domicilium, жилище, хозяйство, а отъ сего (!) кажется domus и домъ по Руски". 3) *Базаръ*—рынокъ, базаръ, „сказываютъ, что и въ евр. языкѣ *база*; 4) *Исмь* имя, легко временемъ выронится могло *с* и сдѣлаться *имь*, а потомъ *имя*"; 5) *Хаджи*, „отъ чего, кажется, произошло слово *ханжа*, обманьщикъ. У Французовъ такой путникъ назывался pelerine (такъ!), а въ другомъ смыслѣ слово сіе значитъ то же, что и ханжа". Удачнѣе сопоставленія съ персидскими формами, въ которыхъ авторъ, конечно, руководился также созвучіемъ, но, при общемъ индоевропейскомъ происхожденіи персидскаго и русскаго языковъ, имѣлъ больше шансовъ угадать вѣрно. Мы находимъ здѣсь слѣдующія сближенія [1]): 6) „*Педеръ* (pèdèr) отецъ, сходно съ лат. pater; 7) *Мадеръ* (madèr) — mater, Mutter, 8) *Брадеръ* (bradèr)—Bruder, frater, fratello, 9) *Земистанъ* (zèmèstan)—зима, 10) *Шемьданъ* (chèm'dan)—шандалъ, подсвѣчникъ отъ *шамъ* (chèm') свѣча, 11) *ду* (du)—два, 12) *чегаръ* (tchèhar)—четыре, 13) *пенжь* (pèndj)—пять, 14) *шишъ* (chèch)—шесть, 15) *нэ* (nè)—не, 16) *нистъ* (nist)—нѣтъ, 17) *эстъ* (èst) и 18) *гестъ*—есть; токмо *эстъ* одно не употребляется, а при многихъ глаголахъ бываетъ помогающимъ, подобно Франц. il est venu=*амеде эстъ*. (âmèdè èst) 19) *земинъ* (zemîn)—земля". Сближаются и личныя мѣстоименія: 20) *ма* (ma) — мы, 21) *инъ* или *анъ* (în или ân = указат. мѣстоименіе) — онъ, 22) *ту* (tu)—ты, лат. tu, нѣм. du. „Слѣдующія сопоставленія—турецкихъ словъ съ русскими—опять большею частью неудачны: „23, 24) *диваръ, дуваръ*—стѣна, отъ того кажется произошло дворъ (!); 25) *Кесекъ* отрѣзокъ, отъ *кесмекъ* рѣзать, также кусокъ, и отъ того кусать (!); 26) *капамакъ* — закрыть, накрыть, покрыть, конечно было прежде какое нибудь покрывало, которое отъ слова сего называлось *капокъ*". Отсюда авторъ ведетъ названіе простонароднаго головнаго убора *подкапокъ*: „и отъ того кажется шапка" (!). „Или отъ лат. caput, capello, chaupeau (такъ!), шляпа и шапка; 27) *кисе*—киса, мѣшокъ (вѣрно!), а отъ тяжелины мѣшка или неподвижности собою, кажется произошло *мѣшкать*. *неповоротливу быть*; 28) *Серай* съ Персидскаго: палаты, домъ, *караванъ се-*

[1]) Мы приводимъ рядомъ для сравненія персидскія слова въ транскрипціи, употребленной Nicolas въ его «Dictionnaire françis-persan» (Парижъ, 2 т. 1885—87).

рай — постоялый домъ; а у насъ отъ того *сарай* (вѣрно!); 29) *Сандыкъ*—сундукъ [1]); 30) *кузы* — овца, барашекъ, отъ того кажется козелъ и коза (!)"; 31) *аршинъ*—аршинъ; 32) *калпакъ*—шапка, колпакъ; 33) *устюре*, бритва, „отъ сего кажется—острота и острее" (!); 34) *хорасъ* и 35) тат. *корасъ* пѣтухъ, „можно думать, что отъ сего въ Россійскомъ языкѣ названа курица" (!). Такой же характеръ имѣютъ и сопоставленія съ татарскими словами. Такъ тат. *азбаръ*—дворъ, огорода сближается съ русск. *заборъ* (!), *туваръ*—рогатый скотъ съ р. *тварь* (!); р. *щи* производится отъ тат. и тур. *ашчи*—поваръ, и попутно дѣлается экскурсія для объясненія русск. *счастіе*: „Да уже не отъ сего полно произошло и счастіе, отъ *щи* и *ясть*: *щіястіе*, можетъ быть въ старые времена, бѣдные люди говаривали о достаточныхъ: такъ разбогатѣлъ, до такого состоянія дошелъ, что каждой день щи ѣсть можетъ" (!). Рядомъ, однако, находимъ и вѣрныя сопоставленія: 39) „*Бирю* волкъ, и *бирюкомъ* во многихъ городахъ волка называютъ; 40) *Алаша*—мѣринъ и 41) *атъ* конь, а отъ сихъ двухъ (?) словъ происходитъ Россійское названіе лошадь; 42) *Кушакъ*—поясъ, кушакъ; 44) *Камышъ*—тростникъ, камышъ; 45) *Кафтанъ* — верхнее платье, кафтанъ; 51) Тат. и тур. *алъ* — алой цвѣтъ".

Еще болѣе наивный характеръ имѣетъ письмо нѣкоего г. Люборуссова (очевидный псевдонимъ) „О произведеніи нѣкоторыхъ русскихъ словъ", напечатанное въ „Трудолюбивомъ Муравьѣ", еженедѣльномъ изданіи, выходившемъ въ Петербургѣ со второй половины 1771 г. (стр. 169—172 и 201—203). Образчиками этимологизаторскихъ пріемовъ неизвѣстнаго автора могутъ служить нижеслѣдующія выдержки изъ его труда. На стр. 171 такъ говорится о происхожденіи слова *побѣда*: „кажется мнѣ, что отъ слова *бѣдность*, выводится *бѣда*, *бѣдствіе*, глаголъ *бѣдствовать* и прилагательное имя *бѣдный*, а *побѣда* значитъ *по бѣдѣ*»..., т. е. „мы благополучны послѣ *бѣды*, которая намъ грозила на сраженіи". На стр. 202 находимъ такія соображенія: „*поставецъ* отъ *стоять*—*остановиться*, *ставить*, *поставить* и *приставить*, а отъ того *стояніе*, *станъ* гдѣ лошади стоятъ, *станъ* лагерь и *станъ человѣческой*, *ставень* у окна, *ставленикъ*, *ставецъ*, *приставъ* или приставленный человѣкъ, также и поставецъ или мѣсто гдѣ поставляются всякія вещи и *стаканъ* (!) или *стоящей*. Но какъ отъ сего же глагола выводится *заставить*, или загородить, то отъ того происходитъ *застава*; отъ глагола же *подставить*, *под-*

---

[1]) Вѣрнѣе было бы изъ персидскаго sandūc.

ставка: подстава гдѣ *подставляются лошади*, а кажется мнѣ, что и *стойка* на кабакѣ происходитъ отъ глагола же стоять; ибо всѣ приходящіе для питья люди предъ нею стоятъ съ благоговѣніемъ, также *стойка* въ строеніи и *стоило*, гдѣ стоятъ лошади, а можетъ быть и *столбъ*, также и *столъ*"... Сюда же авторъ правильно относитъ и слово *настоятель*, давая, однако, невѣрное толкованіе его значенія: „отъ глагола *стоять* происходитъ *настоять*, т. е. *докучать*, а отъ сего *настоятель*, о пользѣ подчиненныхъ ему нищихъ, и для собиранія на потребности ихъ денегъ докучающій людямъ."

Редакція журнала снабдила это письмо слѣдующимъ сжатымъ отвѣтомъ, не лишеннымъ нѣкоторой ироніи: „Г. Люборуссовъ великую способность имѣетъ къ сочиненію словаря производныхъ Русскихъ словъ; почему и совѣтую ему въ томъ упражняться, тѣмъ паче, что такого словаря еще въ Россіи не было".

Смѣсью наивнаго раціонализма съ проблесками здраваго смысла и отсутствіемъ предубѣжденій примѣчательна статья, напечатанная въ „Собраніи Новостей" за 1775 г. (октябрь, стр. 58—79): „Опытъ о языкѣ вообще, и о Россійскомъ языкѣ". По словамъ редакціи, статья эта доставлена „изъ Ярославля, отъ неизвѣстнаго сочинителя". Неизвѣстный ярославецъ уже въ самомъ началѣ своей статьи свидѣтельствуетъ о высокомъ строѣ своей мысли: „начиная говорить о языкѣ, я долженъ перенести себя въ состояніе гражданина цѣлаго Свѣта, и восприять свойство друга вообщѣ всего человѣчества. Любовь къ Отечеству не воспрепятствуетъ мнѣ отдавать справедливость успѣхамъ чужеземцевъ въ ихъ языкахъ, и брать у нихъ примѣръ словеснаго знанія". Не лишено интереса и его мнѣніе о происхожденіи языка, слѣдующее затѣмъ: „Первоначальныя слова... были... знаки простыхъ неученыхъ людей, коихъ естественная нужда заставила вымыслить нѣкоторые различные зыки (такъ!), дабы они могли сообщать другъ другу свои желанія, чувствіи или мысли. Всѣ языки въ началѣ были грубы и безъ правилъ; но общество людей и время [1]) содѣлало изъ простыхъ вымышленныхъ для нужды зыковъ самую благородную часть нашего познанія. И какъ не свойственно единому человѣку узнать, изслѣдовать, раздробить, понять и назвать всѣ вѣщи, то не обходимо надлежало чтобъ люди въ наукахъ и художествахъ упражняющіяся заимствовали слова другъ отъ друга, и напослѣдокъ составили корпусъ готовыхъ словъ, съ договоромъ

---

[1]) **Стало быть, не вмѣшательство божественной силы, какъ обыкновенно думали въ XVIII в.**

понимать ихъ такъ какъ они взаимно другъ другу предписали. Греки... составили свой языкъ... многими вѣками и трудами многихъ обществъ. Латинскій языкъ, нарицающійся отцемъ всѣхъ (!) Европѣйскихъ, занялъ лучшую (?) часть словъ у Грековъ: всѣ его дѣти не возгордились ему послѣдовать, и принимали къ себѣ какъ Греческія такъ и Латинскія слова, для ихъ краткости, внятности или приятности въ произношеніи. Напослѣдокъ казалось, что нѣкоторая часть людей разсѣянная по всему земному шару, любящая человѣчество и полезныя оному науки, имѣла единый общій языкъ, которымъ прямо ученые люди, отдѣлясь отъ простаго людства, ставили себѣ въ особую честь безтрудно соглашать свои о вѣщахъ понятіи. Нѣкоторые только народы восхищенные худоразумѣваемою любовью къ своему Отечеству, желали въ собственномъ своемъ древнемъ языкѣ найти названія тѣхъ вѣщей, кои въ малыхъ ихъ округахъ прежде не существовали. Отъ того произошли долгіе, непонятные и грубые слова, которыхъ въ закоренеломъ обычаѣ ни какое просвѣщеніе вдругъ истребить не можетъ".

Далѣе слѣдуетъ обзоръ главнѣйшихъ формальныхъ особенностей русскаго языка съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, какъ ее понимаетъ нашъ авторъ. „О первобытныхъ именахъ существительныхъ въ русскомъ языкѣ" онъ говоритъ такъ: „большею частью первобытные русскіе имена существительные суть кратки, многіе односложны и вообщѣ довольно приятны въ ихъ произношеніи: *Богъ*, *Царь*, *Миръ*, *свѣтъ*, *день*, *ночь*, *тѣнь*, и проч.: кажутся толь означительны и сходственны съ натурою вѣщей (!), что трудно было бы выдумать другіе болѣ приличные". Къ сожалѣнію, такъ какъ „первые ихъ изобрѣтатели были безъ наукъ простые люди, то они и немыслили о томъ чтобъ раздѣлять всегда слова муж. и женск. рода нѣкоторыми особыми окончаніями". Отсюда происходитъ то, что слова въ родѣ *день*, *ночь*, *тѣнь*, *пень* не имѣютъ „характернаго между собою различія". Но „можно думать, что въ прежнихъ временахъ *день*, *пень* или назывались *денъ*, *пенъ*, или были женск. рода". Теперь, по мнѣнію автора, все это уже трудно поправить, „но желательно, чтобъ Господа Сочинители Росс. Словарей сдѣлали опытъ назвать свое сочиненіе *Словаръ* вм. *Словарь*". Купидона, по мнѣнію автора, тоже слѣдовало бы называть *любовъ*, а не *любовь* (чувство). Что касается именъ прилагательныхъ, то авторъ недоволенъ „грубостью и безполѣзностью" окончаній, въ родѣ *долгій—долгой*, *быстрый—быстрой*, *краткая*, *средняя*, *тонкіи*, и предлагаетъ писать и произносить въ ж. и ср. родахъ: *кратка*, *пріятно*, *тонки*. Такъ же слѣдуетъ укоротить сте-

пени сравненія и говорить: *слабѣйша, -ше, -ши*: рекомендуются еще формы: *слабовата* вмѣсто *-ая, слабенька, слабешинька*. Вмѣсто *толстаго* человѣка, совѣтуется говорить *толста*, вм. *средняго роста—средня роста* и т. д. Аналогичныя поправки предлагаются и для мѣстоименій: вмѣсто *сія, сіе, сіи* лучше *ся, се, си*, „какъ въ древнихъ книгахъ"; вм. *оная, оное, оные, которая, -ое, -ые* лучше *она, оно, оны, котора, -о, -ы* и т. д. У предлоговъ авторъ также предпочитаетъ болѣе краткія формы: лучше *въ поле, съ нимъ*, чѣмъ *во поле, со нимъ*. Авторъ дѣлаетъ, однако, исключеніе для случаевъ, въ родѣ *во храмѣ, со братіею, ко Творцу*.

Въ системѣ глагольныхъ формъ нашъ авторъ очень доволенъ тѣмъ, что въ неопредѣленномъ наклоненіи говорятъ *молить*, а не *молити*, и высказываетъ надежду, что „мы возымѣемъ смѣлость и впредь отдаляться ото всего, что введено было въ языкъ не разсмотрительнымъ установленіемъ и несчастною привычкою". Нѣкоторые глаголы, однако, по его предположенію „сдѣланы уже въ позныхъ временахъ (*влюбляться*, вм. *любить, чувствовать*, вм. *ощущать, обожать, танцовать, фехтовать, рисовать, гравировать, вояжировать, естимовать* и пр.) всѣ сіи слова вошли въ языкъ по мѣрѣ новыхъ успѣховъ во нравахъ и въ наукахъ и по мѣрѣ новыхъ понятій... Чаятельно что мы привыкнемъ такъ же употреблять глаголы *философовать, педантовать*, когда станемъ болѣе узнавать философію и педантерію". Въ противность Сумарокову, нашъ ярославецъ полагаетъ, что „таковые слова не могутъ испортить языкъ, но паче обогатятъ оной новыми и прямыми названіями вещей намъ неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ", предпочитая, впрочемъ, сокращенныя формы *философъ, комедь, трагедь, историь, пруденца, полица*, вм. *пруденція, полиція* и т. д. Такія же измѣненія онъ предлагаетъ для формъ, въ родѣ *желаніе, рожденіе, изобиліе, веселіе*, которымъ онъ предпочитаетъ: *желань, рождень, изобиль, весель*. Вообще онъ врагъ длинныхъ словъ и постоянно предлагаетъ разныя сокращенія; лучше *дателька, любителька, родителька*, чѣмъ *любительница, родительница* и т. д. Автору не нравятся также вообще параллельныя различныя формы для одинаковыхъ грамматическихъ категорій. Такъ напр., вмѣсто формъ отглагольныхъ существительныхъ, въ родѣ *шитье, житье, чутье*, онъ предлагаетъ формы *житень, шитень, чутень*, очевидно, по образцу указанныхъ выше *желань, рождень*. По причинѣ того же стремленія къ упрощенію языка, онъ недоволенъ формами множ. ч. *окна* вм. *окны*, *точила* вм. *точилы*, *пламена* вм. *плами*, *поля* вм. *поли*, *города* вм. *городы*, *леса* вм.

лесы. Вмѣстѣ съ упрощеніемъ формальной стороны языка, ярославскій реформаторъ языка желалъ бы упростить и звуковую сторону рѣчи, рекомендуя говорить *дружесво, родсво,* вм. *дружество* и т. д. Вмѣсто „грубой по своему естественному произношенію буквы *щ,*" лучше употреблять *ч*: *даючь, даюча, -че, -чи.* Не совсѣмъ понятно слѣдующее предложеніе: „въ прочихъ словахъ вм. грубаго *щ,* можно употреблять *шч* или *сч*: *шчи, счетка, счеты, счастіе*", такъ какъ самъ же онъ считаетъ естественнымъ произношеніемъ *щ—шч.* У нарѣчій онъ также предпочитаетъ болѣе короткія формы: *слепѣй, лысѣй,* вм. формъ на *ѣе*; *болѣ, менѣ* заслуживаютъ предпочтенія передъ *болѣе. менѣе* и т. п. Восклицанія или междометія, по его словамъ „суть толь природны и общи всѣмъ народамъ, что онѣ, изображая сильныя сердечныя движенія, почти на всѣхъ языкахъ одинаковы". При этомъ удобномъ случаѣ замѣчается, что „*уфъ,* чаятельно отъ сего восклицанія въ русскомъ испорченномъ языкѣ сдѣлалось *увы*". Не безъинтересны замѣчанія: „О нѣкоторыхъ буквахъ и правописаніи". О буквѣ *е* говорится, что она „въ русскомъ языкѣ имѣетъ двоякое произношеніе, которое мы различаемъ на письмѣ нѣкоторою новою литерою *э,* какъ напр. *ель, эхо*". Лучше, однако, было бы „ставить наверьху точку, для разности въ произношеніи. Е часто произносится какъ *о,* иные же обыкли и писать *о* вм. *е*; *желательно чтобъ и въ другихъ случаяхъ правописаніе всегда согласно было съ произношеніемъ* (курсивъ нашъ). Буква *і* можетъ служить везде вм. *и,* которое ни къ чему другому не надобно, какъ только для означенія краткаго *й,* въ словахъ, *долгой. высокой* и пр. т. п. Буква *о* часто произносится какъ *а*; желательно было бы, чтобъ она въ семъ случаѣ означаема была наверьху точкою, какъ напр., въ словахъ *попадья, хороша, тово* и пр. Буква *щ,* есть сложная изъ *шч*; слѣдственно, равно такъ какъ ξ и ψ, безполезна. Буква *ѣ,* произносится равно такъ какъ *е,* слѣдственно не надобна, но языкъ нашъ имѣетъ нужду въ буквѣ Іо, которую надлежитъ употреблять на письмѣ согласно съ произношеніемъ словъ, т. е. согласно съ правильнымъ и приятнымъ произношеніемъ. Буква греч. θ, не надобна, потому что у насъ есть *ф.* Буква *ѵ* ставится въ нѣкоторыхъ Греческихъ словахъ вмѣсто *і,* какъ будто буква должна намъ сказывать, что слово взято у Грековъ; желательно, чтобы мы о томъ знали, но безъ буквы *ѵ*"...

Интересны также замѣчанія „о чужестранныхъ словахъ, принятыхъ въ руской языкъ. и о такихъ въ коихъ мы имѣемъ надобность". Здѣсь неизвѣстный авторъ обнаруживаетъ рѣдкую въ

то время и много спустя широту и свободу взглядовъ. Когда Петръ Великій, по его словамъ, „предпринялъ завесть въ Россіи добрый во всемъ порядокъ, то надлежало принять въ языкъ слова, дающія нѣкоторое особое понятіе о порядкѣ. Мы узнали тогда *ордеръ*, военную *дисциплину*, военные *артикулы*, *экзерцицію*. *Сенатъ*, *Коллегіи*, *Юстицію*, *Полицію*, добрую *политику*, и прочія такія вещи кои до тѣхъ временъ не существовали въ Россіи, слѣдственно не могли быть въ языкѣ нашемъ. По мѣрѣ-же новыхъ познаній, которыя мы заимствовали часъ отъ часа болѣ у чужеземныхъ просвѣщенныхъ Народовъ, языкъ нашъ нечувствительно обогащался, иногда, правду сказать, безполезными и грубыми словами, но большою частью нужными, и такими кои приводимыя къ совершенству науки и художествы сдѣлали всему Свѣту общими. Должно признаться что мы и еще имѣемъ великой недостатокъ въ словахъ, кои особо до наукъ и художествъ касаются; но безполезенъ будетъ трудъ, есть-ли мы захотимъ въ собственномъ своемъ языкѣ искать названій *Математики*, *Географіи*, *Физики*, *Исторіи*, и ихъ частнымъ терминамъ, кои мы уже издавна заблагоразсудили взять у Грековъ, Латинянъ, Французовъ и Немцовъ, такъ какъ они сами у другихъ брали. Желательно чтобъ принимая ихъ, мы выбирали тѣ кои короче (опять!), означительнѣе, внятнѣе, и чтобъ оные вносились въ русскіе Словари съ ихъ точными понятіями. Чѣмъ болѣ ихъ имѣть мы будемъ, тѣмъ выборъ нашъ будетъ напослѣдокъ совершеннѣе. Желательно при томъ, чтобъ сіи вводимыя новыя слова оканчиваемы были по правиламъ чистаго и *краткаго* (NB) Русскаго языка". Въ связи съ этимъ пожеланіемъ авторъ предлагаетъ обрусить собственныя имена и, вм. Боало, Русо, Севинье, ввести формы Боаловъ, Русовъ, Госпожа Севиньина (!): „Всево вдругъ перемѣнить неудобно, однако мало-по малу успѣть можно". Заключается статья также интересными соображеніями „о злоупотребленіяхъ въ русскомъ языкѣ", средствомъ противъ коихъ онъ считаетъ составленіе Словаря. Указавъ, что „самыя достохвальныя принципіи имѣютъ часто вредныя послѣдствія, естьли они не управляемы общественною пользою", нашъ авторъ говоритъ, что „въ языкѣ сіе наиболѣе ощутительно.

Любить прямую честь Россіянамъ природно,
Но должно каждому любить ее свободно.

Въ древнемъ нашемъ языкѣ многія слова, какъ напр. *славолюбіе*, *властолюбіе*, *честолюбіе*, *страсти*, и другія заключали въ себѣ нѣкоторыя противобожныя понятіи; но когда познаніи на-

чали приближаться къ человѣческимъ должностямъ, то всѣ сіи слова, доселѣ грѣхами почитаемыя, обратились, въ сердцахъ честныхъ людей, въ источникъ самыхъ похвальныхъ дѣлъ человѣческихъ. Итакъ одинакія слова, въ разныхъ мѣстахъ и въ разныхъ временахъ, могутъ заключать въ себѣ весьма разныя понятіи. А дабы при сихъ словахъ, согласить людей мыслить одинакимъ образомъ, то желательно, чтобъ въ Россіи, по примѣру другихъ просвѣщенныхъ Народовъ, составленъ былъ Словарь, съ опредѣленіемъ точныхъ понятій на каждое слово".

„Исправленіе и совершеніе" русскаго языка и сочиненіе „правильнаго Россійскаго Словаря по азбукѣ" являются также цѣлью, которую поставило себѣ „Вольное Россійское Собраніе при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ", какъ это видно изъ „Предувѣдомленія о началѣ, распоряженіяхъ и нынѣшнемъ состояніи Вольнаго Росс. Собранія при Имп. Моск. Унив.", напечатаннаго въ ч. I „Опыта Трудовъ" названнаго собранія (1774 г.). Объ этихъ задачахъ говорилъ въ своей рѣчи, открывшей первое засѣданіе Собранія, 2 авг. 1771 г. инициаторъ и предсѣдатель Собранія, Кураторъ Моск. университета И. И. Мелиссино.

Извѣстное отношеніе къ языку имѣетъ мало, впрочемъ, замѣчательная анонимная статья „О письменахъ славянороссійскихъ и тисненіи оныхъ въ Россіи", напечатанная въ ежемѣсячномъ изданіи „Утренній Свѣтъ" (ч. I, мѣсяцъ сентябрь, стр. 55—61. Спб. 1777). Авторъ утверждаетъ, что „древность письменъ Славянороссійскихъ" окутана мракомъ. Были-ли какіе письменные знаки до Владиміра, онъ не можетъ сказать, но сравнительно процвѣтавшая тогда культура древней Руси, заставляетъ думать, „что ежели не совершенныя буквы, то какіе ни есть знаки, или изображенія" были еще во времена Кія и до учрежденія Новгородской республики. Время, однако, изгладило ихъ слѣды. Далѣе приводится извѣстіе Синопсиса о присылкѣ славянамъ славянскихъ буквъ греческимъ царемъ Михаиломъ при заключеніи мира „еще до Рурикова княженья, т. е. въ 855 г.", объ изображеніи Кирилломъ и Меѳодіемъ письменъ и переводѣ Св. Писанія, „но подлинно-ли существовали оныя книги и Россіяне имѣли-ли свѣденіе о нихъ, или въ отдаленной только Иллирикѣ, и другимъ Славенскимъ народамъ они извѣстны были, все сіе мрачная древность отъ нашего любопытства и отъ нашей догадки сокрыла... Нѣкоторые лѣтописцы вѣроятно утверждаютъ, что вся наша азбука принята съ Греческія азбуки; но недостатокъ подлинника по Славенскому нарѣчію въ послѣдующія времена дополненъ былъ". По

словамъ неизвѣстнаго автора [1]), „Св. Писаніе Россійскими юношами, Еллинскому языку обученными, и многими Греческими мудрецами преложено на языкъ Славенороссійскій". Но идолопоклонство и невѣжество составляли великое препятствіе дальнѣйшему развитію: „Россіянамъ нужно было изобрѣсти слова и цѣлыя составить рѣчи" для новыхъ и важныхъ понятій. „Отъ того можетъ быть вкрались въ древнія наши книги странныя, непонятныя и несвойственныя рѣченія: но стѣзи проложены, остается благоразумію уравнять ихъ, разширить и совершить" и т. д. Далѣе говорится о началѣ книгопечатанія при Іоаннѣ Грозномъ и введеніи гражданской печати при Петрѣ Великомъ.

Въ связи съ разными насущными вопросами о литературномъ русскомъ языкѣ, заимствованіи въ него иностранныхъ словъ, сравнительномъ его достоинствѣ и пригодности къ литературному употребленію, вопросами весьма понятными въ обществѣ, начинающемъ пробуждаться для сознательной культурной жизни, находится анонимная статья „Начертаніе о россійскихъ сочиненіяхъ и россійскомъ языкѣ", напечатанная въ „Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова, содержащемъ разныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ нѣкоторыхъ Россійскихъ писателей" (Спб. Иждивеніемъ Имп. Акад. Наукъ. 1783 г., ч. VII. 143—161). Авторъ начинаетъ съ заявленія, что эпоха процвѣтанія наукъ и художествъ, наступившая въ правленіе императрицы Екатерины II, побуждаетъ его привести въ порядокъ свои мысли и „сообщить оныя всѣмъ остроумнымъ словесныхъ наукъ Любителямъ". Отъ литературнаго произведенія онъ требуетъ: 1) „чтобы всѣ періоды основаны были на грамматическихъ правилахъ для яснаго вразумленія какъ расположенія сочинителевыхъ мыслей, такъ и его дарованій въ выраженіяхъ оныхъ; 2) чтобы не потерять достоинствъ описуемаго предмета; 3) чтобы не нарушать свойствъ языка нашего". Въ дальнѣйшемъ изложеніи выясняются эти свойства: русскій языкъ „изобиліемъ, простотою и важностью превосходитъ всѣ языки", и жалобы на его скудность не основательны. Напротивъ, онъ даже „многіе превосходитъ, подобляясь и равняясь съ древними изящными Греческимъ и Латинскимъ". Русскому языку досталось богатое наслѣдство съ двухъ сторонъ: „съ одной отъ общаго отца многихъ языковъ, т. е. отъ древняго Славенскаго, съ другой отъ Греческаго". Древностью своей „превосходитъ онъ всѣ нынѣшніе Европейскіе языки, сверхъ того по многимъ признакамъ равенъ временемъ Латинскому, ежели еще и не старѣе: ибо хотя

---

[1]) Онъ называетъ себя бывшимъ директоромъ Синодальной Типографіи.

весьма неоспоримо, что въ немъ письмены начались предъ Латинскимъ гораздо позже; однако сіе древности языка отпюдь умалить не можетъ, при весьма вѣроятныхъ оныя доказательствахъ состоящихъ въ сношеніи Славенскаго языка съ Латинскимъ".

Въ подтвержденіе своего мнѣнія авторъ приводитъ рядъ словъ, сходныхъ въ латинскомъ и славянскомъ, излагая при этомъ слѣдующіе методологическіе принципы, которые надо имѣть въ виду при сужденіи объ относительной древности языковъ, родственныхъ между собою: 1) „Ежели оба (языка) не малое число оныхъ и тѣхъ же коренныхъ словъ имѣютъ; сіе показываетъ, что они оба произошли изъ одного источника; но долготою времени и многими народовъ перемѣнами различились: слѣдовательно оба почти одной древности; 2) Ежели сходствующія коренныя слова въ одномъ языкѣ имѣютъ нѣкоторое знаменованіе, съ натурою вещей знаменуемыхъ сходное, чего въ другомъ не находится; и ежели при томъ отъ перваго есть больше сложенныхъ и производныхъ: по сему будутъ онѣ въ первомъ прямо коренныя, а въ другомъ ближе къ производнымъ; 3) Ежели въ одномъ языкѣ слова почитаемыя за коренныя имѣютъ по окончаніямъ и по многимъ слогамъ подобіе производныхъ, и корень въ другомъ сыщется; то весьма вѣроятно, что оныя отъ сего происходятъ. 4) Когда въ одномъ языкѣ за коренное почитаемое слово можно раздѣлить на два, которыя суть въ другомъ языкѣ, и сложеніе ихъ будетъ съ натурою вещи сходно; то не льзя сомнѣваться, что сіи суть простыя, а оныя сложныя рѣченія. Сіи послѣднія положенія суть признакомъ, показующимъ разность древности двухъ языковъ; и когда онѣ согласно показываютъ, то сіе должно почитать неоспоримымъ доводомъ".

Приведенныя положенія несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ извѣстной вдумчивости ихъ автора и въ болѣе строгой формулировкѣ могутъ быть приняты и современнымъ языкознаніемъ. Что касается латино-славянскихъ сближеній автора [1]), то боль-

---

[1]) Здѣсь можно подозрѣвать вліяніе этюда „Sur les rapports de la Langue des Slaves avec celles des anciens Habitants du Latium", напечатаннаго въ видѣ вступленія (вмѣстѣ съ другимъ этюдомъ о религіи славянъ), въ первомъ томѣ „Histoire de Russie" Левека (Levesque: Парижъ. 1782. Стр. 9—44). Въ этомъ этюдѣ, вышедшемъ въ свѣтъ всего за годъ до появленія нашей статьи, находимъ также рядъ сопоставленій латинскихъ словъ со славянскими (русскими), хотя и не всегда тожественныхъ съ параллелями русскаго автора. Левекъ сближаетъ числительныя: dva || duo; tri || tres; chest || sex; sem || septem; deciat || decem; мѣстоименія: menia, mia, méné, mne или mi, ny или my, nas || gen. mei, acc. me, N. A. pl. nos; ty || tu; tebe, ti || tibi; tebia, tia || te; vy, vas || vos; on, ona, oni || ollus, olla, olli; sebia, sebè, sia || sui,

шинство ихъ (всего болѣе 100 словъ) удачно, хотя онъ руководствовался въ нихъ одним созвучіемъ при близости значеній, иногда чисто случайной. Мы находимъ, напримѣръ такія вполнѣ

---

sibi, se; moi, maia, moï || meus. mea, mei; svoi, svaia, svoï || suus, sua, sui; koi, p. n. kogo или koho || genit. cujus и т. д. Изъ отдѣльныхъ словъ сближаются: voda || vadum; more || mare; terou (тру) || terra; polé || palor, palans; polani || palam; kolami, klami (?!) || clam, т. е. въ хижинахъ, которыя были построены изъ *кольевъ*, покрытыхъ корой, шкурами, вѣтвями (!); korami || coram, т. е. въ хижинахъ, покрытыхъ корой (!); den || dies; nostch (нощь) || nox; sneg || nix; grad || grando; vetr || ventus; teploi || tepidus; sol-ntsé || sol; ogon или ogun || ignis; plamia || flamma; glyba || gleba; loutch || lux: svon || sonus (итальянцы, по словамъ Левека, возстановили древнее славянское слово и говорятъ suon); sol || sal; oko || oculus; nos || nasus; spina || spina; cost (кость) || costa; semia || semen; мн. ч. semena || semina; kholm (холмъ) || colmen, culmen; verkh (верхъ) || vertex; skala || scala; gost, gosti || hostis; palata, palatka || palatium; levy || laevus; nov, novoi || novus; vetkhy (ветхій) || vetus; iouny || juvenis; div, divny || divus, divinus; mal, malo, maloi || malus; mnog || magnus; esi, est, este, sont (еси, есть, есте, суть) || es, est, estis, sunt; iam, iasi, iast, iami, iaste, iadat (ѣдять) или em, echi, est, edim, edite, ediat || edo, es, est, edimus, editis, edunt, griadi-ti (ошибочная форма отъ гряду) || gradire; i-ti || ire; sid-iti (сидѣть) || sed-ere: sta-ti || stare: vid-eti || vid-ere; da-ti, dai || da-re, da; vol-ion (ошибочно, вм. велю) || volo; volia || voluntas; stro-iti || stru-ere; secou (сѣку) || seco; ventchati || vincire; vion (вью) || vi-eo; kloniti, klaniti || in-clinare, de-clinare; past-oukhi, pastyry || pastores; pasti || pascere; ovets (ошибка, вм. овца) || ov-is. Большинство этихъ сопоставленій, основанныхъ, конечно, лишь на созвучіи, удачно. Встрѣчаются ошибки въ написаніи русскихъ или „славянскихъ“ словъ, и ошибочныя этимологіи, но онѣ сравнительно немногочисленны. Какъ образчикъ счастливой догадливости автора, которому созвучіе уже не могло служить путеводной нитью, можно указать на совершенно правильное сближеніе *звѣрь* съ лат. fera. Нѣкоторыя изъ сближеній Левека имѣются и въ разсматриваемой русской статьѣ, хотя не всѣ они вошли въ нее; съ другой стороны у русскаго автора есть рядъ этимологій, отсутствующихъ у Левека. Т. о., если русскій авторъ и зналъ этюдъ Левека, то все же заимствовалъ у послѣдняго лишь самую идею и нѣкоторыя этимологіи, въ большинствѣ же случаевъ самостоятельно сравнивалъ латинскій съ русскимъ. Сходство латинскаго и славянскаго языковъ толкуется Левекомъ, какъ доказательство глубочайшей древности славянскаго языка, отъ котораго уже произошелъ латинскій. Древніе обитатели Лаціума, по его мнѣнію, были славяне. Что родство между этими языками исконно, Левекъ заключаетъ изъ того обстоятельства, что сходныя слова обозначаютъ древнѣйшія культурныя и общественныя понятія, которыя являются у народовъ, стоящихъ еще на самыхъ первыхъ ступеняхъ культурнаго развитія. Отъ нихъ онъ отдѣляетъ новѣйшія заимствованія изъ латинскаго и романскихъ языковъ въ русскій, которыя объясняются новѣйшимъ культурнымъ вліяніемъ. Свой этюдъ онъ заканчиваетъ общимъ указаніемъ (уже безъ примѣровъ) на сходныя черты, имѣющіяся у славянскаго языка съ греческимъ и нѣмецкимъ, откуда заключаетъ, что *нѣкогда почти всѣ народы Европы образовали одинъ народъ*. Тутъ же онъ обращаетъ вниманіе на сходство персидскихъ словъ mader, brader съ соотвѣтствующими латинскимъ mater, слав. mat, brat, „тевтонскимъ“ mader, brader и т. д. Но рядомъ нахо-

правильныя сопоставленія: acer—остръ. agnus—агнецъ [1]), aro—орю, avena—овесъ, axis—ось, barba—борода, clavis—ключъ, cruor—кровь, dexter—десный, dies—день, discus—доска, do—даю, domus—домъ, frater—братъ, glaber—гладокъ, hiems—зима, juvenis—юноша, laevus—лѣвый, lingo—лижу, linum—ленъ, malleus—молотъ, mater—мать, mensis—мѣсяцъ и т. д. Рядомъ, однако, встрѣчаются такія сопоставленія, которыя подрываютъ значеніе удачныхъ сближеній, показывая, что ихъ правильность совершенно случайна. Такъ авторъ сближаетъ между прочимъ: *frutex* и *прутъ*, *hortus* и *огородъ*, *serenus* и *свирѣль*, *sono* и *звеню*, *uterus* и *утроба* и т. д. Приведя рядъ подобныхъ правильныхъ и невѣрныхъ сближеній, авторъ замѣчаетъ: „здѣсь ни по какой причинѣ сказать не льзя, чтобы Славенскія слова были моложе Латинскихъ. Ибо поздное чужестранныхъ введеніе бываетъ по большей части съ вещьми новыми: какъ то у насъ при введеніи Греческаго православія вошли въ языкъ рѣченія Греческія, а съ учрежденіемъ флота, Голландскія, Аглинскія, Нѣмецкія, Французскія и пр. Но выше показанныя слова должны были начаться купно съ началомъ Славянскаго и Латинскаго народа; для того что онѣ значатъ вещи необходимо нужныя въ человѣческой жизни, и относящіяся къ нравственному и физическому употребленію.

И такъ по первому положенію слѣдуетъ, что Славянскій и Латинскій языки почти одной древности и что они оба коренные языки, ибо ученымъ этимологистамъ довольно извѣстно, что въ составѣ оныхъ совсѣмъ сродственныя правила. Латинскія рѣченія corbis, коробъ, costa кость, ребро, gibbus, ostium, meta имѣютъ въ Славянскомъ съ натурою сходное знаменованіе, чего нѣтъ въ Латинскомъ, и больше Славянскія производныхъ, нежели Латинскія имѣютъ. Corbis коробъ, что сдѣланъ изъ коры (!), costa отъ общаго кость; gibbus отъ слова гибь или гнуто (!); ostium отъ узкости (!); meta отъ глагола *мѣчу* (sic!), который у насъ весьма богатъ производными, какъ то предмѣтъ, примѣта, примѣчаю, примѣтливъ, отмѣта, отмѣчаю, намѣчаю и прочая, коихъ больше начесть можно, нежели въ Латинскомъ. Сіи по второму положенію показываютъ нѣсколько большую древность Славенскаго языка, нежели Латинскаго.

димъ и сближеніе китайскаго king съ слав. kniga. Мы остановились нѣсколько подробнѣе на этюдѣ Левека, потому что его исторія была довольно распространена въ Россіи, какъ можно видѣть изъ списка подписчиковъ на нее, помѣщеннаго въ началѣ книги, въ которомъ находимъ много русскихъ фамилій.

[1]) Къ неточностямъ, въ родѣ приравненія заимствованій, какъ *agnus-агнецъ*, къ случаямъ кореннаго исконнаго родства, конечно, нельзя уже быть слишкомъ строгимъ.

Donec, донелѣ же; solidus твердый; spolium, добыча въ полѣ; suadeo, совѣтую; temetum, старинный напитокъ былъ у Римлянъ. Сіи всѣ кажутся быть сложены изъ рѣченій Славенскихъ: donec изъ *до* и *нелѣ* (!); solidus изъ *со* и *литый*, какъ бы *слитой* (!); spolium изъ *съ* и *поль* (!); suadeo изъ *со* и *вѣтъ* (!), откуду произошло вѣщаю; temetum, какъ бы *той медъ* (!). Сіи слова сверьхъ того, что по видимому изъ другихъ сложены, имѣютъ больше складовъ, нежели коренному прилично; и по третьему положенію уступаютъ большую древность Славенскимъ.

Fistula, трубочка; graculus, ворона; nebula, туманъ; oculus, глазъ, въ Латинскомъ суть производныя умалительныя; однако въ своемъ языкѣ коренныхъ не имѣютъ. Но въ Славенскомъ явно ихъ видимъ, и почти сомнѣваться не можемъ, что происходитъ fistula отъ свиста (!), graculus отъ грача, nebula отъ неба, oculus отъ ока; слѣдовательно по четвертому положенію заключаемъ, что Славенскаго языка древность не токмо равна древности Латинскаго, но для показанныхъ явныхъ признаковъ едва ли оную не превышаетъ. Въ разсужденіи сего начало Славенскаго языка далѣе двухъ тысячь лѣтъ простирается. Такова есть древность Славенскаго языка“!

Какъ ни ошибочны подъ часъ отдѣльныя сужденія автора о фактахъ латинскаго и славянскаго языковъ и выводы, дѣлаемые имъ изъ нихъ, но въ нихъ всетаки есть зерно истины, не всегда правильно понятое нашимъ этимологомъ или превратно формулированное. Но удивительно, продолжаетъ онъ, что распространеніе Славянскаго языка очень велико: „Россіяне, Поляки, Болгары, Сербы, Моравы, Кроаты, Чехи, Славяне (?), Литва, Вейды и многіе другіе какъ бы потомки отъ него произшедшіе“ показываютъ, какъ „силенъ и великъ былъ народъ Славенскій, толикія произведшій поколѣнія“, и сколько понадобилось времени на это распространеніе. „Сіе все разсуждая, имъ возможно спорить противъ извѣстія нашихъ лѣтописцевъ, за долгое время до Рожд. Христова полагающихъ обитаніе Славянъ отъ Чернаго моря до Ильменя и до Бѣла озера. По симъ обстоятельствамъ Россійскій языкъ красотою изобиліемъ, важностію и разнообразными родами мѣръ въ стихотворствѣ, какихъ нѣтъ въ другихъ, превосходитъ многіе Европейскіе языки, а потому и сожалѣтельно, что Россіяне“, пренебрегая имъ, „ревностно домогаются говорить или писать не совершенно языкомъ весьма низкимъ для твердости нашего духа и обильныхъ чувствованій сердца. Въ столичныхъ городахъ дамы стыдятся въ большихъ собраніяхъ говорить по Россійски, а писать рѣдкія умѣютъ. Сія зараза распространяется

и во всѣ провинціи. О образованіи разума, о чтеніи полезной Россійской книги, о писаніи на собственномъ языкѣ думают очень мало... До какого бы цвѣтущаго состоянія довели Россіяне свою литературу, если бы познали цѣну языка своего и старались бы на ономъ изображать свои мысли!“ Въ заключеніе авторъ выражаетъ надежду, что въ “щастливый вѣкъ премудрой Екатерины II“ это осуществится.

Патріотизмъ автора и его нерасположеніе къ иноземному вліянію привлекли ему впослѣдствіи сочувствіе одного изъ единомышленниковъ А. С. Шишкова, Е. Станевича, автора „Разсужденія о русскомъ языкѣ“ (Спб. 1808), о которомъ см. ниже.

Фантастическія этимологіи подчасъ самаго неожиданнаго свойства въ обычномъ всесравнительномъ направленіи находимъ въ статьѣ К. А. Ивана Коха „О нѣкоторыхъ древнихъ названіяхъ Словенскаго народа“, напечатанной въ ежемѣсячномъ изданіи „Растущій Виноградъ“ (издаваемомъ отъ Главнаго народнаго училища города Св. Петра) за 1785 г. (іюль, стр. 75—92, августъ 59—69).

Отсюда мы узнаемъ, что славяне были извѣстны еще финикіянамъ, аравійскому народу Палистымъ (Филистымъ). Поэтому не удивительно, если русск. *скитъ* есть въ сущности евр. *сикутъ*=шалашъ, юртъ, шатеръ. Напротивъ одно изъ именъ славянъ—*Анты*=готск. *андс* (нѣм. Ende), т. е. конецъ, край, „и значитъ Крайнева, или Украинца, изъ чего латинскіе писатели сдѣлали Грейтунги (Greuthungi)“. Древляне были извѣстны Персамъ подъ именемъ *Хербетъ*, „что значитъ человѣкъ дикій, живущій въ лѣсахъ, лѣсный, отсюда греки называли ихъ испорченнымъ персидскимъ словомъ *Карпы*, *Карпиды*, а горы ихъ *Карпатскими*, т. е. Деревлянскими“. Кохъ не соглашается съ „нѣкоторымъ Чохскимъ или Богемскимъ писателемъ“, который „сталъ недавно производить названія славянъ отъ *слово* и отъ *слыть*, выводя притомъ оттудажъ *соловей*, *славей* (птица); но онъ не вникнулъ, что всѣ Европейскіе языки содержатъ не малое число Финикійскихъ, Еврейскихъ и Аравійскихъ словъ (доказываютъ сіе уже разные глоссаріи), что разныя названія народовъ, городовъ, горъ и пр. въ Европѣ, въ древней и нынѣшней Географіи Финикійскаго суть произхожденія, такъ что и *соловей* можетъ быть этого-же произхожденія, ибо по еврейски *шелавъ* или *селавъ* значитъ перепелку и саранчу“. Самъ Кохъ производитъ имя Славяне отъ евр. *селфа* и *селафи*—земля твердая, каменистая, откуда:

Слав-янинъ
Слав-акъ

Слов-янинъ
Слов-акъ
Slav-i

Между тѣмъ оказывается (стр. 85), что „Словаки и Поляки называютъ опоку и камень также *скала*, а въ уменьшительномъ *скалка*, что и въ Росс. нарѣчіи употребительно". Отсюда дѣлается переходъ къ лат. и греч. названіямъ *Склавы*, *Склавины*, т. е. горные жители, или *Горваты*. На стр. 86 доказывается, что имя *Языги* происходитъ отъ персидскаго и турецкаго слова *язъ*=*поле*, *ровное мѣсто* и равносильно имени *Поляне*; напротивъ *ляхъ*, *лѣхъ*, *Олахъ* значитъ „живущій въ *оолахъ*, въ горахъ (отъ калмыцкаго *оола* гора). Имя *калмыкъ*=аравійск. *калъ*, множ. *калымъ*, откуда *кальмакъ*, *калмыкъ*, т. е. *оставшіеся*, *остатки*, *поселяне* или по латыни и нынѣшнему обыкновенному *колонисты*, отсюда-же и *галлы*" и т. д. Во второй статьѣ рядъ не менѣе смѣлыхъ этимологій: Италія=*И-тале*, *И-туле*, *И-тилъ*, т. е. долгій островъ; *Рома* отъ *ромъ*, *румъ*, *рома*=высокое мѣсто, холмъ, возвышенность. *Реа Сильвія*=*рехемъ*, *рагамъ* (дѣвка)+*зулъ*=подлая или *шуалъ*=лисица. *Ромулусъ*=*ромъ алалъ*, т. е. „здалъ городъ Римъ". *Лукреція*=*луа* (горло)+*каратъ* (отрѣзала) и т. д.

По эрудиціи, сказывающейся въ ссылкахъ на современную европейскую научную литературу, и нѣкоторымъ общимъ мыслямъ, новымъ для того времени, интересно разсужденіе „О древности и превосходствѣ Славенскаго языка и способѣ возвысить оный до первоначальнаго его величія", подписанное иниціалами А. Б. [1]) и напечатанное въ ежемѣсячномъ изданіи Петра Богдановича „Новый С.-Петербургскій Вѣстникъ" (1786, кн. 2, стр. 131--144). Авторъ очень высокаго мнѣнія о славянскомъ языкѣ: „Изъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ нѣтъ не единаго, коего бы языкъ былъ столь общиренъ и толико твердъ въ основаніи, какъ Славенской. Начиная отъ Полудня съ Адріатич. моря... употребляется оный во всей Далмаціи, Кроаціи, Босніи и такъ называемой Славоніи между рѣками Дравомъ и Савой лежащей, въ разныхъ мѣстахъ Венгріи и по обѣимъ сторонамъ Дуная, а оттуда распространяется до самаго Балтійскаго и Ледовитаго моря. Россіяне, Поляки, Литва, Богемцы, Кроаты, Венды, Моравы, Волохи (!), Булгары, Карніолы (Словинцы?), Корнноы (?), Либурны (?) и иные народы говорятъ онымъ съ столь малымъ отличіемъ, что безъ труда взаимно себя

[1]) П. М. Петровскій (Журн. Мин. Нар. Просв. 1898 г., янв., стр. 98) дѣлаетъ не невѣроятное предположеніе, что подъ этими буквами скрывается извѣстный профессоръ Московскаго Университета А. А. Барсовъ.

разумѣть могутъ“. Въ Африкѣ... находятся доселѣ остатки Славянъ, сохраняющіе „Славенскіе нравы, обычаи и языкъ“ (!). „Въ Турецкой землѣ Янычары говорятъ почти всѣ симъ языкомъ... По всѣмъ изслѣдованіямъ ученыхъ и въ знаніи древностей искусныхъ мужей“... онъ „есть одинъ изъ первоначальныхъ и коренныхъ языковъ, и если не древнѣйшій Еврейскаго, имѣющаго много Халдейскихъ и Сирскихъ рѣченій, то по крайней мѣрѣ оному современный. Знаменитый дѣеписатель Штиргельмъ“ [1]) доказываетъ (въ предисловіи къ изданію „гоѳическаго“ перевода Нов. Завѣта), что „Іафетъ съ 15 родоначальниками его племени (отъ которыхъ произошли Европейскіе народы) неучаствовали въ Вавилонскомъ столпотвореніи“, и заключаетъ отсюда, что „языкъ Іафетовыхъ потомковъ происходитъ непосредственно отъ Ноя, но разными случаями, частыми переселеніями и долготою времени раздѣлился на многія вѣтви. *Экардъ* [2]) же объявляетъ въ сочиненіи своемъ о первоначаліи и происхожденіи Нѣмецкаго народа, что всѣ Европейскіе жители не отъ Ноя происходятъ, но отъ какого-то другого колѣна, перешедшаго далеко къ Сѣверу еще прежде потопа, куда оный по мнѣнію его не простирался и обитателей его неистребилъ. Симъ утверждаетъ онъ, что Целтскій и Скиѳскій языкъ отъ Еврейскаго непроисходитъ, но отъ нѣкоего древнѣйшаго. Сходство языковъ Коптическаго, Сирскаго, Скиѳскаго, Цельтскаго и ихъ отраслей показываетъ, что всѣ сіи народы заимствовали свой языкъ отъ единаго и не суть первоначальные, но токмо первоплеменные по извѣстной намъ древности; почему праотцы наши произошли отъ корня погруженнаго въ самой глубокой древности“. Поэтому многіе „славные дѣеписатели древнихъ и новыхъ временъ признавали потомками ихъ и самыхъ Финикіанъ, Троянъ, Грековъ и Римлянъ, утверждая... что почти всѣ западные народы отъ нихъ произошли и заимствовали свой языкъ, измѣненный въ поздныя времена чрезъ различныя преселенія, смѣненіе нарѣчій, частое раздѣленіе и разные иные случаи столь много, что нынѣ каждая отрасль его отличается отъ древа своего такъ, какъ будтобы совсѣмъ отъ него не происходила... Эдвардъ Чернардъ [3]) по-

---

[1]) Шведскій ученый въ Унсалѣ Georg Stjernhjelm (р. 1598, † 1672), издавшій въ 1671 г. готское евангеліе Ульфилы со словаремъ и лингвистическими прибавленіями весьма фантастическаго характера.

[2]) Извѣстный германистъ Joh. Georg. Eckhard (1674—1730), или Eccard, помощникъ Лейбница въ его историческихъ работахъ и наслѣдникъ его въ должности ганноверскаго исторіографа. Сочиненіе его, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь,носитъ заглавіе «De origine Germanorum eorumque coloniis ac rebus gestis. L.L. II. ex schedis mss. edidit Ch. L. Scheid. Gott. 1750. 4°.

[3]) Очевидная опечатка: Эдвардъ Бернардъ (1638—1697), филологъ-оріен-

казалъ" въ своемъ *„Аглинскомъ словопроизводствѣ*, что Великобританскій языкъ имѣетъ основаніемъ своимъ Славянскій, коего соединеніе съ Персидскимъ, Армянскимъ и инымъ составило странную оную смѣсь, отличающую языкъ сей отъ прочихъ. Сіе доказываетъ и Рудольфъ Іонасъ [1]) въ книгѣ своей „Рожденіе сѣвернаго языка" (1688 г. Оксфордъ)... Бревудъ [2]) въ изслѣдованіи своемъ закона духовнаго и Долчи [3]) Рагузецъ въ разсужденіи о древности и пространствѣ Иллирическаго или Славенскаго языка. Фришій [4]) утверждаетъ то же самое и о Нѣмецкомъ языкѣ въ своемъ словопроизводственномъ словарѣ: изъ чего слѣдуетъ, что и другіе Европейскіе языки, произшедшіе отъ Латинскаго или Нѣмецкаго, обязаны началомъ своимъ Славянскому. Славный италійскій писатель Мураторн [5]) по весьма тщательномъ изысканіи первыхъ причинъ въ постепенномъ образованіи и утвержденіи отечественнаго его языка, доказалъ, что оной менѣе обиленъ Арабійскими, Греческими и Нѣмецкими словами и рѣченіями нежели Славенскій. Изъ сихъ свидѣтельствъ довольно видна древность и превосходство Славенскаго языка. Нынѣ слѣдуетъ показать, какимъ образомъ можно его возвысить до первоначальнаго величія и употребивъ оной для изъясненія о всѣхъ предмѣтахъ, какіе только встрѣчаются въ пространномъ полѣ словесныхъ и свободныхъ наукъ, многоразличныхъ художествъ и ремеслъ, приложить и къ исторіи Славенской, которой еще нигдѣ въ надлежащей своей точности не существуетъ, (такъ какъ начало ея обезобра-

---

талистъ, математикъ, магистръ Оксфордскаго университета и одно время прокураторъ Академіи, докторъ богословія. Его «Etymologicum Britannicum» напечатанъ въ приложеніи къ книгѣ G. Hickes. «Institutiones grammaticae anglo-saxonicae et Moeso-Gothicae» вмѣстѣ съ исландск. грамматикой Рунольфа Іонаса и каталогомъ скандинавскихъ книгъ. Оксфордъ. 1689. 4°.

[1]) Скандинавскій ученый XVII в. Runolfus Jonas (Runolf Jónsson), издавшій въ 1651 г. въ Копенгагенѣ «Grammaticae Islandicae Rudimenta», долгое время служившіи руководствомъ и по древнеисландскому языку. Надо думать, что авторъ статьи, о которой идетъ рѣчь, имѣетъ въ виду изданіе этой грамматики въ упомянутомъ выше трудѣ Hickes. «Institutiones grammaticae anglo-saxonicae et moeso-gothicae» (Оксфордъ, 1689 г. 4°), озаглавленное «Recentissima antiquissimae linguae Septentrionalis incunabula» etc.

[2]) Свѣдѣній объ этомъ ученомъ мнѣ не посчастливилось найти.

[3]) Здѣсь очевидно имѣется въ виду Францисканецъ Себастіанъ Дольчи, р. въ Рагузѣ въ 1699, ум. около 1770. Книга его носитъ заглавіе «De Illyricae linguae vetustate et amplitudine dissertatio» (Венеція, 1754).

[4]) Іоганнъ Леонардъ Фришъ, ректоръ Берлинской гимназіи «Zum grauen Kloster» († 1743). Книга, о которой здѣсь идетъ рѣчь,—очевидно его «Teutsch-Lateinische Wörter-Buchs (1741), содержавшій обильный лексическій матеріалъ и довольно осторожныя этимологическія объясненія.

[5]) Знаменитый италіанскій историкъ Луи Антонъ Мураторн (1672—1750).

жено „баснословіемъ")... Въ семъ случаѣ, если-бы употреблены были надлежащія мѣры къ приведенію многоразличныхъ нарѣчій сего языка къ его началу такъ, чтобы собравъ всѣ оныя показать особенное свойство и существенное различіе каждаго, то можно-бы приступить къ самому надежнѣйшему изслѣдованію первоначалія, мѣстоположенія, происхожденія, жительства... и важнѣйшихъ приключеній Славенскаго народа и его племени"[1]. Многіе славяне чувствовали важность этого дѣла и трудились въ этомъ направленіи, но „неизвѣстность о таковомъ ихъ рѣченіи есть причиною, что разные иностранные писатели доселѣ о славенскихъ племенахъ худо отзываются, и упоминая о ихъ языкѣ смѣшиваютъ оной почти всегда съ Венгерскимъ, Финскимъ, Епирскимъ или Албанскимъ, Татарскимъ и Калмыцкимъ. Поелику-же важность въ основательномъ знаніи Славенскаго языка столь велика, что и Россійская исторія безъ онаго обойтись не можетъ, то и нужно стараться изслѣдовать прилѣжно коренное его нарѣчіе, сохраненное менѣе въ церковныхъ книгахъ воспріявшихъ въ поздніи уже времена свое бытіе, нежели во многочисленныхъ его отродіяхъ, которыя если приведены будутъ воедино и изъяснены во всеобщемъ Славенскомъ словарѣ, то откроется чрезъ то великой свѣтъ въ древней нашей исторіи и обогатится весьма языкъ[2].

Изъ вышесказаннаго авторъ заключаетъ, „что къ исправленію и распространенію Россійскаго языка ближайшіе и лучшіе способы, о показаніи коихъ предложены были въ 1777 г. вольнымъ Россійскимъ Собраніемъ задачи[3], почитать надлежитъ разнородныя сочиненія древнихъ и новыхъ Славянъ въ разныя времена и въ различныхъ мѣстахъ писанныя... Французской языкъ столь бѣдный во основаніи своемъ сдѣлался пріятнымъ, общеупотребительнымъ и достаточнымъ для наукъ и художествъ... помощію соединоутробныхъ языковъ Ишпанскаго, Италіанскаго и Португальскаго. Аглинскій, Голландскій, Датскій и Шведскій служили къ обогащенію Нѣмецкаго... Изъ внимательнаго разсматриванія древнихъ и новыхъ сочиненій обрѣтающихся на всѣхъ нарѣчіяхъ языка предковъ нашихъ окажется, какимъ образомъ оный возра-

---

[1]) Въ этихъ словахъ высказывается замѣчательная для того времени мысль о значеніи сравнительнаго изученія славянскихъ языковъ для возстановленія исторіи культуры славянъ.

[2]) Замѣчательная для своего времени мысль о необходимости сравнительнаго изученія славянскихъ языковъ для возстановленія «кореннаго ихъ нарѣчія», т. е. праславянскаго языка, какъ выражается современная наука.

[3]) Въ «Опытѣ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Имп. Московскомъ Университетѣ» (4 т. 1774—78) объ этихъ задачахъ свѣдѣній нѣтъ.

сталъ, упадалъ, или отъ источника своего удалялся". А такъ какъ у Славянъ, „смѣжныхъ съ Италіею", весьма давно уже есть разныя училища, „гдѣ науки и художества на одномъ токмо Славенскомъ языкѣ преподаются, то и сіе немало пособствовать можетъ къ обогащенію нашего языка и очищенію его отъ плевелъ чуждыхъ". Непосредственно къ этой статьѣ примыкаютъ рядомъ напечатанные: „Перечень [1]) письма г. Говеля и грамота Александра Великаго, данная Славянамъ".

Объ интересѣ къ вопросамъ языка, обнаруживавшемся не присяжными учеными, а обыкновенными смертными, людьми изъ тогдашняго русскаго общества, говоритъ рядъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ „Новыя Ежемѣсячныя сочиненія". Онъ открывается „Письмомъ къ издателямъ Ежемѣс. Сочиненій (о злоупотребленіяхъ Россійскаго языка)", появившимся въ ч. IV этого журнала (октябрь 1786 г., стр. 64—74). Само письмо не имѣетъ строго грамматическаго характера, касаясь скорѣе самымъ общимъ образомъ вопросовъ слога и стилистики. Неизвѣстный авторъ предлагаетъ на усмотрѣніе издателей „злоупотребленіе, каковое *сравненіями* и *переноснаго смысла словами* дѣлается" и говоритъ о затрудненіяхъ, испытываемыхъ „страждущими въ недоумѣніи пріѣзжающими сюды изъ отдаленныхъ Губерніи дворянами, которые не знавъ всѣ ломанныя и перековерканныя переноснымъ смысломъ, обыкновеніемъ введенныя слова, не привыкнувъ невѣроподобныя дѣлать сравненія, часто изъ разговоровъ въ здѣшнихъ беседахъ употребляемыхъ ничего въ толкъ взять не могутъ". Пишущій относитъ и себя самого къ числу „сихъ многострадальцевъ" и проситъ: „или наставьте насъ незнающихъ, напечатавъ въ вашей книгѣ родъ словаря, который бы изъяснилъ модою введенной принятой новой смыслъ словамъ, или склоните къ жалости вашихъ сограждань, чтобъ они говоря съ Россіанами, настоящимъ Россійскимъ языкомъ говорили". Авторъ письма приводитъ далѣе образчики выраженій, которыя онъ находитъ неправильными, указывая на обороты въ родѣ *ужасно хороша, страшно какъ прекрасна*, или неподходящія сравненія, какъ, напр.: „генералъ... съ младою супругою своею какъ вѣрные и нѣжные *голубята* милуются, цѣлуются..." По его мнѣнію приличнѣе сравнивать генерала съ ястребомъ, орломъ, львомъ и т. д...

Если даже и считать самую форму этого письма извѣстнымъ литературнымъ пріемомъ редакціи журнала, имѣвшимъ цѣлью оправдать появленіе въ немъ статьи, интересной не для большой

[1]) Странъ и мѣстностей, въ которыхъ говорятъ на славянскихъ языкахъ.

публики, а для самихъ писателей, которымъ постоянно приходилось сталкиваться съ вопросами стилистики, то и въ такомъ случаѣ данное письмо не теряетъ своего значенія, въ качествѣ извѣстнаго историческаго памятника. Упомянуть о немъ необходимо и потому, что оно вызвало интересное письмо Ѳомина [1]) „Къ любителямъ Россійскаго языка“ („Новыя Ежем. Сочиненія“ ч. XI, 1787 г., стр, 74—82) и примыкающую къ нему „Роспись словъ и реченій, изъ остатковъ древняго Россійскаго языка въ Двинской странѣ собранныхъ и по нынѣшнему образованію изъясненныхъ“ тѣмъ же Ѳоминымъ (тамъ же стр. 83—88).

По словамъ автора, онъ издавна размышлялъ „о пріисканіи коренныхъ или первообразныхъ словъ породившихъ многочисленныя нынѣшняго Россійскаго языка реченія: но стремленіе любопытства моего оставлялось всегда на межѣ непроницаемой мрачности, въ коей стези къ дальнѣйшему теченію познанія вовсе изчезали. Вы, государи мои! удобно понимаете сего пріисканія надобность... Вы согласитесь... что чемъ болѣе сихъ коренныхъ словъ приисканіе умножено, и чемъ глубочае въ изслѣдованіе объ нихъ вниманіе устремлено будетъ; тѣмъ большій приобрящется успѣхъ въ познаніи употребляемаго нами языка, и тѣмъ пространнѣе разверзется дверь къ разширенію его изъ началъ ему свойственныхъ“ [2]). Такое расширеніе „проистекало бы не изъ насильственныхъ прихотей, но изъ естества самаго языка“ со всѣми свойственными ему красотами. „Изъ сихъ приисканныхъ нами началъ... какъ любители Россійскаго языка легко могли бы производить въ немъ новыя имена; глаголы и другія части слова“. Авторъ полагаетъ, что еслибы русскій народъ имѣлъ „общее познаніе и употребленіе буквъ“ еще во времена Владиміра, мы бы „имѣли многіе, какого бы то ни было рода, письменные разноплеменные остатки“, что̀ дало бы „нарочитую удобность къ познанію исторіи о происхожденіи и смѣшеніи нашего языка“. За отсутствіемъ ихъ, мы едва можемъ „познавать вообще, что корень и основаніе нашего Россійскаго языка есть языкъ Славенскій“, который, „смѣшавшись съ Руссо-Варяжскимъ, принималъ въ свое примѣшеніе въ разныя времена и въ разныхъ областяхъ разнодіалектный

---

[1]) А. И. Ѳоминъ, «купецъ Архангелогородскій», какъ онъ подписывается самъ подъ этимъ письмомъ (р. 1713 † 1802 г.).

[2]) «Не можно уже теперь, кажется», исключить изъ него усвоенныхъ за древностью «иноязычныхъ словъ», въ родѣ тат. кушакъ, кафтанъ, халатъ, тынъ (Ѳоминъ считаетъ татарскимъ это слово, въ дѣйствительности заимствованное изъ германскаго: др. в. нѣм. zûn, совр. нѣм. zaun, др. сакс. tûn, сканд. tûn), базаръ и пр.

Чюдскій языкъ, составъ его исказившій". Потомъ и татары „внесеніемъ повелительнаго своего разговора свойство его обезобразили". Наконецъ, „завоеванные многіе разноязычные народы, привели его въ дивное смѣшеніе". Тѣмъ не менѣе, „превосходящее количество господствующаго Славенскаго языка произвело языкъ Россійскій, придавъ ему изъ многихъ въ смѣшеніе сшедшихся величественную обширность и могущественную силу ко умножительному его распространенію. Въ таковомъ примѣшеніи, продолжавшемся черезъ многіе вѣки, не могли ль родиться производныя слова, коихъ корень съ тѣмъ или другимъ языкомъ изчезъ, оставя ихъ намъ за коренныя?"

По мнѣнію автора, древніе эти языки съ ихъ діалектами начали больше исчезать со времени освобожденія отъ татарскаго ига. Исчезновенію содѣйствовало „благополучно утвержденное въ Россіи единоначаліе". Обыватели областей, бывая въ Москвѣ, „приняли вкусъ приноравливаться къ тамошнимъ словамъ и нарѣчію", а возвратясь домой, „возбуждали въ своихъ соотчичахъ ревнованіе подражать выговору царственнаго города". Авторъ не сомнѣвается, что подражаніе это „до того разпростерлось, что каждый городской житель" уже стыдился „непринаровленія къ сему новому, яко общему уже языку", и всѣ получили „какъ будто нѣкоторое право оговаривать и стыдить" тѣхъ, кто о томъ покажетъ нерадѣніе, или сдѣлаетъ въ выговорѣ ошибку. Поселяне, „живущіе въ отдаленіи отъ городовъ и большихъ дорогъ" могли бы еще сохранять старину, но, судя по Двинской области, на это мало надежды, такъ какъ изъ нея „издавна уже многочисленными толпами ежегодно переходятъ крестьяне въ С.-Петербургъ" на работы и, „возвратясь оттуда, приносятъ съ собою вычищенный языкъ, коимъ старинный разговоръ, а съ нимъ древнія сельскія слова истребили".

Нарисовавъ эту замѣчательную для своего времени по ясности и правильному пониманію отношеній картину образованія русскаго языка [1]), авторъ забвеніемъ старыхъ формъ и словъ въ мѣстныхъ говорахъ объясняетъ „ту непроницаемость, представляющую безчисленное множество словъ Россійскихъ въ невѣдѣніи, коренныя ли они, или производныя; изъ Славенскаго ли они произтекаютъ языка, или изъ другаго къ оному примѣсившагося

---

[1]) Отмѣтимъ особенно совершенно новыя для того времени указанія на финское вліяніе (еще до Болтинскихъ сближеній русскихъ словъ съ финскими, вытекавшихъ вдобавокъ изъ невѣрнаго предположенія о родствѣ славянскихъ языковъ съ «сарматскими») и на сглаживаніе мѣстныхъ діалектическихъ отличій подъ давленіемъ рѣчи городскихъ классовъ и отхожихъ промысловъ.

(книга, бумага, сундукъ, ящикъ, шляпа и др. многія)". „По щастію",—продолжаетъ онъ далѣе,—„за нѣсколько лѣтъ, началъ я записывать для шуточнаго употребленія приходящія на память слова, во время моей молодости въ простонародіи употреблявшіяся, нынѣ-жъ въ презрѣніи оставленныя, не обходя притомъ и ребяческихъ игрушечныхъ реченій, которыя теперь кажутся техническими словами". Такимъ образомъ, авторъ нашелъ въ „дѣтскомъ игрушечномъ имени одинъ корень производныхъ нѣсколькихъ Славенскихъ и Россійскихъ словъ, казавшихся мнѣ прежде коренными, каковы суть, изкони, законъ, конецъ, съ ихъ отродками". Совѣтуя послѣдовать его примѣру и собирать подобныя рѣдкія слова, авторъ излагаетъ свои взгляды на разные классы областныхъ словъ и научное значеніе ихъ: каждая область имѣетъ „собственныя свои простонародныя слова, въ другихъ областяхъ неупотребляемыя и незнакомыя. Хлѣбопашество, скотоводство, домоводство, ремесла и рукодѣлія, съ ихъ обстоятельствами, много принимаютъ таковыхъ реченій, кои людямъ въ другихъ упражненіяхъ обращающимся, а тѣмъ болѣе въ другихъ странахъ живущимъ, вовсе неизвѣстны. Когда таковыя слова собраны будутъ и обнародованы съ объясненіемъ прямаго ихъ знаменованія, то... подадутъ они легкій способъ къ возрожденію, оживленію и разширенію нашего языка, въ естественныхъ ему изображеніяхъ".

Далѣе слѣдуетъ сама „роспись", изъ сорока областныхъ словъ и реченій, являющаяся въ нашей литературѣ первымъ печатнымъ опытомъ собиранія областного лексическаго матеріала и предвозвѣщающая въ будущемъ аналогичные труды Московскаго Общества любителей Россійской Словесности и В. И. Даля. Среди собранныхъ словъ и реченій можно отмѣтить, какъ болѣе рѣдкія или впервые записанныя: *пóконъ* вирный (у Даля только покóнъ), зват. п. ед. ч. *спожè, (госпоже), крóшни, миляшъ, порáто, патрáть, прилýкъ, шáлга* и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что письмо Ѳомина и его „Роспись" находились въ связи съ тѣмъ интересомъ къ русской старинѣ, русской пѣснѣ и народной музыкѣ, который породилъ въ XVIII в. сборники Чулкова, Кирши Данилова, Прача, Трутовскаго и др.

Для полноты обзора упомянемъ и о посмертномъ отрывкѣ, найденномъ среди бумагъ М. В. Ломоносова: „Судъ россійскихъ письменъ предъ разумомъ и обычаемъ отъ грамматики представленныхъ" („Лекарство отъ скуки и заботъ". Еженедѣльное изданіе Федора Туманскаго. Спб. ч. II. 1787, стр. 153--58). Это шуточное произведеніе трактовало въ юмористической формѣ о разныхъ вопросахъ правописанія и примыкаетъ къ ряду другихъ

подобныхъ quasi-грамматическихъ статей въ нашихъ журналахъ XVIII в., въ которыхъ иногда попадаются и замѣчанія грамматическаго свойства или лексическій матеріалъ [1]).

Въ томъ же году явилась статья, подписанная инициалами А. Б. Д. и напечатанная въ журналѣ „Зеркало свѣта", издававшемся Өедоромъ Туманскимъ „во градѣ Св. Петра" (1787 г., ч. IV, стр. 70—78). Она озаглавлена: „О изобрѣтеніи буквъ и о разности писанія у древнихъ" и трактуетъ о значеніи письма, письменныхъ знакахъ-буквахъ, письмѣ звуковомъ и идеографическомъ, о первомъ изобрѣтателѣ буквъ, о библейскихъ преданіяхъ относительно его, о семитическомъ алфавитѣ и изобрѣтателяхъ его—финикіянахъ, о *стенгографіи* или *критографіи* (sic!) у древнихъ и ея изобрѣтателяхъ и т. д.

---

[1]) Таковы, напримѣръ, «Статьи изъ рускаго Словари» въ «Трутнѣ» Н. И. Новикова (листъ V. маія 26 дни 1769 г. стр. 36—40), гдѣ, послѣ чисто сатирическихъ разсужденій о выраженіяхъ *украсить голову по французски* и *украсить разумъ науками*, авторъ направляетъ стрѣлы своего остроумія на «новопроишнившееся слово» *какъ ли и*", «котораго ни во всемъ священномъ писаніи ни во всѣхъ свѣтскихъ сочиненіяхъ славныхъ нашихъ авторовъ нѣтъ. Изъ чего слѣдуетъ, что пишущей нынѣ *какъ ли не*, вмѣсто *какъ ни*, гораздо разумнѣе тѣхъ писателей, которые до сего времени по Руски писали; несмотря на то, что остроумныя сочиненіи съ *какъ ни* устроеваютъ наше сердце, и питаютъ разумъ; а изданіи съ *какъ ли не* смѣяться заставляютъ". Слѣдуетъ рядъ насмѣшекъ надъ изобрѣтателемъ *какъ ли не*, который не достоинъ почтенія, какъ изобрѣтатели пороха, печати и ариѳметики; *какъ ли не* можетъ обогатить употребляющихъ его, потому что если его начане употреблять, книга будетъ вдвое толще и продаваться вдвое дороже и т. д. Лингвистическій матеріалъ (иностранныя слова и т. д.) есть и въ извѣстномъ «Опытѣ моднаго Словаря щегольскаго нарѣчія» въ «Живописцѣ» Новикова же (1772—73 г. См. 7-е изданіе И. Ефремова. Спб. 1864. 8°. XX+356: Стр. 59—66).

Совсѣмъ не имѣютъ отношенія къ языкознанію: А. С(умарокова). «Истолкованіе личныхъ мѣстоменій: я, ты, онъ, мы, вы, они», напечат. въ «Трудолюбивой пчелѣ» (апрѣль 1759, 2-е изд. 1780, стр. 225—229), гдѣ находимъ остроты въ родѣ: «Я для изъясненія чего нибудь худова ни когда не полагается, но всегда для изъясненія доброва, и по большей части несправедливо. Напр.: Я человѣкъ разумный, ученый, честный» и пр. Въ томъ же родѣ: «Опытъ нѣмецкаго словари, расположеннаго по рускому Алфавиту. Переведено изъ Сатирическихъ сочиненій Готлиба Вильгельма Рабенера. Съ нѣм. переводилъ А. Н. (тамъ же, апр. 1759 г. стр. 194 — 211)». «Опытъ вещественнаго Россійскаго Словари» въ «Чтеніи для вкуса разума и чувствованій» (Москв. ч. II. 1791 г. 275—292), гдѣ, напр., такъ объясняется слово *акциденціи* (взятки): «слово оригинально не Руское, но отъ долгаго употребленія совершенно обрусѣвшее, такъ что никакой искусной Грамматикъ изъ языка нашего не можетъ онаго выгнать»; «Опытъ ученаго и моднаго Словаря, или ключъ ко всѣмъ дверямъ, ларцамъ, сундукамъ, шкапамъ и ящикамъ учености», въ журналѣ «Что нибудь отъ бездѣлья на досугѣ» (еженедѣльное изданіе Николая Петров. Осипова, р. 1751, у. 1799. Спб. 1798).

По содержанію своему статья эта являлась предшественницей описанной выше (стр. 246—47) книги Блера „О началѣ и постепенномъ приращеніи языка и изображеніи языка“ (М. 1799), которой она уступала въ полнотѣ и научности. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что и она не оригинальнаго происхожденія и представляетъ собой или переводъ какой-нибудь иностранной журнальной статьи, или компиляцію по иностраннымъ источникамъ.

Даже въ далекой Сибири, въ Тобольскомъ журналѣ: „Библіотека ученая, економическая, нравоучительная, историческая и увеселительная, въ пользу и удовольствіе всякаго званія читателей“ (печат. съ указнаго дозволенія въ Тобольскѣ, въ Типогр. у В. Корнильева, ч. V, 1793 г. стр. 130), находимъ анонимную статейку „О языкахъ“, не имѣющую, впрочемъ, интереса. О ея содержаніи и духѣ можетъ дать понятіе такая выдержка: „тотъ, кто обучается рачительно иностраннымъ языкамъ, а о своемъ собственномъ не рачитъ, подобенъ такому человѣку, который пашетъ чужое поле, а свое оставляетъ необработаннымъ...“

Вопросу о всеобщемъ языкѣ посвящена небольшая анонимная статья (переводная?): „О далекописаніи, всеобщемъ языкѣ и посредствѣ учреждать переписку съ другими народами безъ познанія о языкѣ оныхъ“. (Магазинъ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній съ присовокупленіемъ моднаго журнала, раскраш. рисунковъ и музык. нотъ“. Ч. 1, мартъ. (Спб. 1795. Приложеніе).

Какъ относились у насъ въ XVIII в. къ лат. языку и какія свѣдѣнія имѣли о романскихъ языкахъ, свидѣтельствуетъ статья „Латинскій языкъ“ (безъ подписи), напечат. въ журналѣ „Что нибудь отъ бездѣлья“ за 1798 г. (стр. 129—133). Изъ нея мы узнаемъ, что латинскій языкъ „произвелъ на свѣтъ отъ себя трехъ сыновей, которыя въ нынѣшнія времена взяли верхъ надъ всѣми прочими языками. Старшей изъ нихъ важной и степенной, ходитъ надмѣнными шагами и показываетъ въ себѣ величественное свойство. Сынъ сей есть языкъ Гишпанской.

Другой сынъ великой волокита, поетъ, пляшетъ, старается восхищать сердце и уши, и ни о чемъ больше не говоритъ, какъ о любви и о нѣжности. Вотъ вамъ языкъ Италіанскій.

Младшей сынъ вертопрахъ, гусарь, шутливой разскащикъ, болтаетъ изъ Лафонтена забавныя сказочки, съ Вольтеромъ всему свѣту смѣется; на театрѣ иногда съ Моліеромъ играетъ комедіи, а иногда съ Расиномъ плачетъ и вздыхаетъ. Онъ есть языкъ Французской.

Есть еще у латинскаго языка четвертой побочной сынъ, кото-

рой всегда боленъ горломъ и всѣ свои слова выпускаетъ изъ горла принужденно. Не годится онъ ни для пѣнія, ни для театра, а только безпрестанно философствуетъ. Въ семъ состоитъ свойство языка Англинскаго..." [1]). Къ „посѣдѣлому старику", латинскому языку, „дѣти его и прочія языки сохраняютъ... очень мало уваженія... Они говорятъ, что бормотанья беззубаго старика почти никто разумѣть не можетъ. Я тому очень вѣрю. Какимъ образомъ его разумѣть, когда его теперь почти никто учить не хочетъ..." Между тѣмъ, „Латинскій языкъ образилъ (такъ!), возвысилъ, украсилъ и поставилъ Европу на ту высочайшую степень, на которой она теперь существуетъ. Онъ былъ первой духовной языкъ западной церкви... Посредствомъ всеобщаго сего языка могли всѣ народы разумѣть другъ друга, могли имѣть другъ съ другомъ сношеніе и чрезъ то содѣлалися друзьями... Латинскій языкъ подалъ образецъ грамматики для всѣхъ прочихъ языковъ, исключая Нѣмецкаго... былъ языкъ ученыхъ. Но теперь уже совсѣмъ не то". Всѣ ученые стали писать на своихъ родныхъ языкахъ, вслѣдствіе чего приходится учиться многимъ языкамъ. „Латинскій языкъ усовершенствовалъ въ насъ наши душевныя силы, дабы мы въ состояніи были удивляться твореніямъ Римскихъ мудрецовъ и онымъ подражать и уподобляться. Мы подражаемъ имъ уже болѣе 1000 лѣтъ; но могли ли ихъ въ чемъ нибудь превзойти, въ томъ ни одинъ нашъ докторъ и профессоръ похвалиться не можетъ. Латинской языкъ употребляемъ былъ во всей Европѣ болѣе 1000 лѣтъ для нашего просвѣщенія и усовершенствованія". Въ благодарность за это „никто не хочетъ ему учиться... почти всѣ имъ гнушаются и молодыхъ людей воспитываютъ безъ латинского языка", пріучая ихъ въ то же время болтать всякій вздоръ по французски. „По счастію сохраняется онъ еще между духовными въ семинаріяхъ, и нѣсколько въ академіяхъ и университетахъ".

Мы видѣли уже выше (стр. 237—38), что наша нарождавшаяся въ XVIII в. филологическая наука и литература, вмѣстѣ съ образованными людьми изъ общества, живо ощущали потребность въ словарѣ русскаго языка, каковаго у насъ не было до выхода въ свѣтъ перваго академическаго словаря (въ 1789—94 г.). Поэтому не удивительно, если наши журналы XVIII в. отзывались и на эту потребность общества, ставшую особенно замѣтной въ царствованіе Екатерины II, когда „науки и художества" начали было процвѣтать подъ ея покровительствомъ. Такъ въ журналѣ

[1]) Авторъ, очевидно, относитъ его къ романскимъ языкамъ.

„Собраніе Новостей“ (ежемѣсячное сочиненіе. Спб. 1775, сент. 115—121) напечатана была статья о „Планѣ русскаго словаря“ съ такимъ примѣчаніемъ редакціи: „Мы сообщаемъ съ удовольствіемъ нашимъ Читателямъ слѣдующій присланный къ намъ планъ Россійскаго словаря. Знаемъ мы трудности такого предпріятія, такъ какъ и сочинитель онаго даетъ видѣть свое въ томъ предусмотрѣніе; но простая и легкая метода, которую онъ избираетъ для начала, представляетъ намъ по малой мѣрѣ возможность добраго успѣха современемъ“... Авторъ статьи о словарѣ исходитъ изъ слѣдующихъ соображеній: „Изъ главнѣйшихъ резоновъ препятствующихъ успѣхамъ словесныхъ наукъ въ нашемъ отечествѣ, есть безъ сумнѣнія недостатокъ добраго словаря Россійскаго съ другими языками и другихъ языковъ съ Россійскимъ. Всѣ любители литературы усердно желаютъ таковыхъ Словарей, и многіе изъ нихъ предпринимали составлять оные; но необъятныя трудности... и многія другія неудобности скоро пресѣкали ихъ усердіе“. Трудности заключались въ слѣдующемъ: многія русскія слова „не имѣютъ еще точнаго ихъ означенія, и никто не осмѣлился выдавать себя классическимъ Сочинителемъ... Частыя перемѣны и распространенія новыхъ словъ въ каковыхъ мы имѣемъ нужду, и каковыя ежедневно умножаются“, еще болѣе затрудняютъ составленіе словаря. Поэтому надо отказаться отъ мысли дать словарь, „совершенно исправный и свободный отъ всякой критики... Но всѣ сіи резоны всегда существовать будутъ, и потому надлежало бы отрѣщись на всегда отъ сего предпріятія“. Тѣмъ не менѣе, примѣръ другихъ народовъ, преодолѣвшихъ эти трудности, „довольно ободряетъ“ автора статьи, который надѣется, что „публика съ удовольствіемъ приметъ посильныя труды нѣкоторыхъ партикулярныхъ людей, любителей наукъ словесныхъ, употребляющихъ всевозможное прилежаніе для сочиненія помянутаго Словаря“. Поэтому они „уповаютъ съ раченіемъ и временемъ сочинить разные Словари, кои будутъ служить какъ Россіянамъ для удобнѣйшаго изученія главныхъ языковъ въ Европѣ, такъ и чужестраннымъ, для изученія Россійскаго языка“. Одинъ изъ этихъ „охотниковъ давно уже сочинилъ нѣкоторое собраніе Россійскихъ словъ для своего собственнаго употребленія, и сіе будетъ началомъ трудовъ ихъ въ ожиданіи лучшаго“. Затѣмъ дается обѣщаніе пополнить это собраніе, „съ прибавкою къ нимъ Французскихъ и Нѣмецкихъ словъ“, и начать печатать его въ концѣ 1775 г., чтобы въ теченіи 1776 г. могли выйти всѣ три тома, около 70 листовъ каждый: I. Россійско-Французско-Нѣмецкій; II. Французско-Россійско-Нѣмецкій и III. Нѣмецко-Россійско-

Французскій. „Сей начальный опытъ выданъ будетъ такъ какъ простое только собраніе рѣченій, которое не вмѣщаетъ въ себѣ ни произхожденія словъ, ни ихъ приличнаго употребленія: по чѣму сіе первое тисненіе будетъ не многочисленно, такъ чтобъ оно могло быть раскуплено въ два года". Во второмъ изданіи уже должно было прибавиться „произхожденіе разныхъ словъ, приличное оныхъ употребленіе, ихъ точное означеніе и правильный слогъ въ языкѣ". Кромѣ того, „свѣдущіе люди" должны были въ этомъ второмъ изданіи „изъяснить и точно означить... термины относительные къ разнымъ наукамъ, художествамъ, мастерствамъ и другимъ вѣщамъ требующимъ своихъ наименованій". Сочинители приглашали всѣхъ охотниковъ сообщать имъ свои примѣчанія и свѣдѣнія и разсчитывали выпустить второе исправленное и умноженное изданіе въ январѣ 1778 г., а въ 1780 г. и третье, еще болѣе совершенное, обѣщая въ будущемъ выпустить и другіе словари „чужестранные съ Русскимъ, а имянно Аглинской, Італіанской и Латинской". Въ концѣ высказывалось „крѣпкое упованіе" осуществить намѣченное предпріятіе въ пять или шесть лѣтъ.

Но планъ этотъ остался не осуществленнымъ, и едва ли можно привести съ нимъ въ связь какое либо изъ нашихъ лексикографическихъ изданій XVIII в. По крайней мѣрѣ для этого нѣтъ никакихъ данныхъ.

Къ концу XVIII в. возникаетъ потребность и въ словарѣ древне-русскаго языка, вызванная очевидно рядомъ работъ по русской исторіографіи, а въ томъ числѣ и изданіями старыхъ историческихъ памятниковъ Щербатова (приложеніе къ исторіи Россійской) и Новикова („Древняя Россійская Вивліоѳика" и „Повѣствователь древностей Россійскихъ").

Въ связи съ этой потребностью находится статейка Василія Крестинина († 1795 г.): „Толкованіе на древнее въ россійскомъ языкѣ рѣченіе: Гридинъ", напечатанная въ „Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" (ч. XVI. 1787 г. 56—60). Авторъ говоритъ, что вышедшее изъ употребленія въ русскомъ языкѣ слово „гридинъ" (т. е. гридень) „кажется намъ аки чужестранное слово", хотя на самомъ дѣлѣ оно есть „славено-русское реченіе, имѣющее корень свой въ Славенскомъ языкѣ, по примѣру сихъ словъ: *вече, вира, мытъ, лѣшій* и прочая". По его мнѣнію, данное слово есть „существительное имя вида производнаго, отъ имени *градъ*" и означаетъ „*градежея* (?!), или ограждающаго человѣка". Выводится это толкованіе на основаніи того, что у Нестора слово *градъ* употребляется будто бы не только въ смыслѣ „селеніе людей",

но и въ значеніи „огражденіе изъ живыхъ людей составленное“. Основаніемъ для этого мнѣнія автору служитъ мѣсто лѣтописи, повѣствующее, что „Берендееви яша князя за поводъ и недаша имъ ѣхати, рекуще: не ѣздите вы на передъ; вы есте нашъ Городъ“ и пр. Изъ приведенныхъ соображеній вытекаетъ, что гридни суть „ближніе тѣлохранители самодержавнаго Князя“, а *гридница*— „придворная палата Великаго Князя, опредѣленная для собранія сихъ знатныхъ мужей. Авторъ полагаетъ, что гридни были дворяне, потому что Русская Правда ставитъ ихъ на первомъ мѣстѣ „по тогдашнему въ народныхъ чинахъ порядку“, а также по тому, что „въ боярскихъ домахъ главная горница называлась Гридинскою“ [1]). Свою статейку авторъ заключаетъ указаніемъ на то, что, сравнительно съ „первообразнымъ своимъ именемъ *Градъ*“, слово „гридинъ“ показываетъ „не большую перемѣну“; напротивъ слова *вира* и *мытъ* далеко отошли „отъ первообразныхъ своихъ именъ *Веревь* и *Мостъ* (!)“, причемъ „позже *Вира* измѣнилась въ реченіе *Вытъ*“. Какъ ни наивны и ни ошибочны приведенныя соображенія, но они свидѣтельствуютъ о нарожденіи извѣстной потребности въ объясненіи древнерусскихъ непонятныхъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія въ живомъ языкѣ, но попадавшихся въ тѣхъ историческихъ текстахъ и памятникахъ, которые въ это время уже начинали издаваться для всеобщаго пользованія.

Объ этой же потребности свидѣтельствуетъ „Увѣдомленіе къ читателямъ о Словарѣ древнимъ россійскимъ словамъ“, напечатанное въ „Россійскомъ Магазинѣ (ч. II. 1793, стр. 349—350) Ѳ. О. Туманскаго. Въ своемъ увѣдомленіи издатель сообщаетъ, что получилъ такую просьбу: „Видя ваше любопытное и тщательное вниманіе въ древности Россійскія, нахожу припомянуть, ежели потрудиться есть время, не благоволите ли сдѣлать и приложить къ Магазину Словарь древнимъ Россійскимъ словамъ, которыя находятся то въ лѣтописяхъ, то въ граматахъ, то въ письмахъ и въ иныхъ свиткахъ старинныхъ (и давно уже вшедшія въ печатныя книги) и приложить къ нимъ изъясненія. Есть таковыхъ древнихъ словъ много какихъ нынѣ уже не разумѣютъ“. Подъ просьбой стояли инициалы С. Ар. Р. и Ш., очевидно ея авторовъ. Издатель изъявлялъ согласіе исполнить эту просьбу: „Другого предмета не имѣя, какъ служить моимъ соотчичамъ всѣми силами, я предложеніе сего достопочтеннѣйшаго Мужа пріемлю и постараюсь желанію Его, надѣясь, что со онымъ и весьма многіе согласны,

[1]) **Утвержденіе это опирается на «дѣльной крѣпости» 1527 г.**

соотвѣтствовать по возможности". Несмотря на обѣщаніе, такого словаря ни въ „Россійскомъ Магазинѣ", ни отдѣльно, Туманскій не издалъ. Правда въ своемъ же журналѣ (ч. I, II, III) онъ помѣстилъ „Изъясненіе малороссійскихъ Рѣченій въ лѣтописцѣ встрѣтившихся" [1]), но едва ли этотъ, нужно замѣтить, первый по времени болѣе обширный малорусскій глоссарій находился въ связи съ вышеупомянутой просьбой, такъ какъ печататься онъ началъ съ первой части журнала, а письмо С. Ар. Р. и Ш. появилось только во второй части.

Обильное заимствованіе иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ языкъ нашихъ образованныхъ классовъ въ теченіе XVIII в., вызвало также въ журналахъ этого времени появленіе нѣсколькихъ глоссаріевъ, содержавшихъ наиболѣе употребительныя слова явно иностраннаго происхожденія.

Первый по времени подобный глоссарій напечатанъ въ журналѣ „И то и сіо" (1769 г. нед. 26 и 27), содержитъ въ себѣ 279 словъ и снабженъ такимъ предисловіемъ отъ редакціи: „Многіе изъ насъ привыкли употреблять иностранные слова въ разговорахъ, и есть между тѣмъ такіе, которые, не смысля ихъ силы ни знаменія, употребляютъ совсѣмъ не къ статѣ, того для намѣренъ я нѣсколько оныхъ изъяснить, не для той причины, чтобы они осталися въ русскомъ языкѣ, но доказать тѣмъ, что они не наши, и что напрасно стараются оные вводить; ибо нашъ языкъ и безъ оныхъ преизобиленъ, а поставлю я ихъ такъ точно, какъ у насъ оные выговариваются". О характерѣ и содержаніи словаря могутъ дать представленіе слѣдующія первыя слова на букву *а:* абсолютъ, алліанція, акциденція, аммуниція, анатомія, арсеналъ, артиллерія, ассамблея, ассигнація, атака, авантажъ, афронтъ, антикъ, антипатія, атенстъ, аргументъ, аргументально, астрологъ, астрономъ, авторъ, ариометика, амициція, амбиція, акція, аппетитъ, акредитованный, адвокатъ, арестъ, арестантъ, аккордъ, авдіенція, армея (т. е. армія), амуръ, арія, аншитъ, архитектура и т. д. Нѣкоторыя изъ словъ интересны по своей формѣ, отличающейся отъ современной или, наоборотъ, представляющей черты народной переработки: архива, вм. архивъ, валентиръ — вольный человѣкъ, вм. волонтеръ, галдарея, рядомъ съ галерія, залфъ, вм. залпъ, масивъ—чисто, безъ примѣсу, магазейнъ, вм. магазинъ, метаморфозъ, пашпортъ, вм. паспортъ, пекетъ—ночной караулъ,

[1]) См. ч. III, стр. 439 примѣчаніе редактора: «Всего въ первьвой, второй и сей третей части Магазина переведено Малороссійскихъ словъ (кромѣ другихъ Малороссійскихъ знаменованій изъясненія) *триста тридсять три*».

вм. пикетъ, педесталъ, вм. пьедесталъ, резерфъ, вм. резервъ, и т. д. Интересно, что въ число иностранныхъ словъ зачислено не только польск. *сеймъ*, но и слав. и древнерусск. *клевретъ*.

Въ этомъ же родѣ—глоссарій, напечатанный въ журналѣ Матвѣя Комарова „Разныя письменныя матеріи“ (Москва, 1791 г. стр. 123—135) подъ заглавіемъ: „Рѣчи иностранныхъ языковъ, употребляемыя въ разговорахъ и писаніяхъ. Толкъ оныхъ на Россійскомъ языкѣ“ (всего около 120). Слова размѣщены безъ всякаго порядка (напр., философія, система, интрига, идея, матерія, натура, комедія, механика, геометрія, математика, комета, акціонъ, экземпляръ, циркуль, оргиналъ [sic!], астрономія, обсервація и т. д.) и представлены не всегда въ вѣрной формѣ (*акціонъ* вм. аукціонъ, *оргиналъ*, *кризесъ*, слово Греческое—судъ, *заологія*, *острагалъ* и т. д.). Толкованіе нѣкоторыхъ словъ довольно курьезно. Такъ, *овалъ* объясняется, какъ „фигура яичнаго содержанія“. Въ число иностранныхъ словъ попало и нѣсколько словъ „изъ церковнаго словаря“, въ родѣ *распутіе*, *стогны*, *нощный вранъ на нырищи*, греч. *ника* (на просфорахъ) и сокращеніи на образахъ: М. Р. Θ. У., О. О. Н.

Болѣе спеціальную публику имѣетъ въ виду „Музыкальный Словарь, содержащій въ себѣ употребительныя въ музыкѣ слова и реченія“, напечатанный въ „Карманной книгѣ для любителей музыки на 1795 г.“ (Спб. иждивеніемъ книгопродавца У. Д. Герстенберга и тов.). Словарикъ этотъ содержитъ 193 музыкальныхъ термина, среди которыхъ встрѣчаются не только иностранные, но и русскіе.

Извѣстное отношеніе къ языкознанію имѣютъ и первыя попытки описанія письменныхъ памятниковъ языка, начинающія попадаться въ журналахъ конца XVIII в. Такъ членъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ университетѣ, коллежскій ассесоръ при Архивѣ Московской Государственной Юстицъ-Коллегіи Іоганнъ Готгильфъ Штриттеръ напечаталъ въ „Опытѣ Трудовъ“ означеннаго Собранія (ч. VI, Москва 1783 г., стр. 177—194) очень обстоятельное и подробное описаніе библіи Скорины подъ заглавіемъ: „Описаніе перваго изданія въ печать и перевода на Россійскій языкъ священной Библіи въ 1517—1519 гг.“. Авторъ почти не даетъ характеристики языка названнаго перевода, ограничиваясь только замѣчаніемъ (стр. 193), что онъ „нѣсколько подходитъ къ польскому языку“, но зато приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ текста, сопоставляя его съ соотвѣтственными мѣстами Елисаветинской библіи 1756 г.

Въ томъ же изданіи (ч. VI. Москва 1783 г., стр. 195—204)

извѣстный ученый протоіерей П. А. Алексѣевъ напечаталъ подобное же описаніе Апостола Скорины подъ заглавіемъ: „Разсмотреніе Славенской старопечатной книги Апостола, которая справлена Докторомъ Францискомъ Скориною изъ Полоцка, напечатана въ Вилнѣ 1525 году въ четверть листа (in 8-vo)“. О языкѣ памятника, впрочемъ, здѣсь ничего не говорится.

б) *Статьи переводныя.*

За неимѣніемъ оригинальныхъ статей и русскихъ спеціалистовъ по нѣкоторымъ вопросамъ, наши журналы XVIII вѣка удовлетворяли своихъ читателей переводными статьями. Нѣсколько такихъ статей явилось и по языкознанію. Одною изъ первыхъ было „Разсужденіе о китайскомъ языкѣ“, напечатанное въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ (т. V, 1757 г., стр. 161—164) и почерпнутое „изъ писемъ барона Голберга“. Въ концѣ статьи подпись: „переводилъ въ шляхот. кадетск. корпусѣ С. П***“ [1]). Статья эта интересна, какъ первая у насъ печатная характеристика китайскаго языка, дающая довольно вѣрныя о немъ свѣдѣнія. Въ началѣ ея указывается, что нѣкоторые считаютъ китайскій языкъ однимъ изъ древнѣйшихъ въ виду его простоты и несложности (не болѣе 330 односложныхъ, не измѣняющихся словъ, оканчивающихся на гласный, *н* и *нг*). Но небольшое число этихъ словъ разнообразится „удареніемъ, произношеніемъ и преложеніемъ голоса“. Благодаря этому, китайцы „умѣютъ... изъясняться съ немалымъ краснорѣчіемъ“. Мнѣніе многихъ писателей, вызванное этой „безпрестанной перемѣной голоса и выговора“, что „китайскій языкъ кончится съ напѣвомъ“, не основательно, такъ какъ многія слова и въ европейскихъ языкахъ также имѣютъ разное значеніе „премѣненіемъ одного только выговора“. Въ примѣръ очевидно уже самъ русскій переводчикъ приводитъ „русское слово *Да*“, которое, „ежели выговорится скоро, значитъ подтвержденіе, естьли же протяжно, то показываетъ въ какой нибудь вещи сомнительство“. Вслѣдствіе малаго числа словъ въ китайскомъ языкѣ, является необходимость „великаго множества литеръ для придачи малымъ словамъ разнаго знаменованія“. По словамъ статьи, такихъ литеръ до 80,000 (число очень преувеличенное), отчего изученіе китайскаго письменнаго языка въ высшей степени трудно.

[1]) А. Н. Неустроевъ въ своемъ «Историческомъ розысканіи о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г. и т. д.» раскрываетъ эти инициалы и приписываетъ переводъ С. А. Порошину (1741—1769), которому въ то время было всего 16 л.

„Всѣ сіи литеры собраны въ большой книгѣ, называемой *Гайпіенъ*". (Юй-пянь?) Впрочемъ, „должно при семъ примѣчать, что кто до 10,000 литеръ знаетъ, тотъ можетъ на семъ языкѣ нарочито изъясниться и разумѣть разныя книги. Многіе ученые люди не знаютъ болѣе 15, 20 тысячъ литеръ, а такихъ не много, коихъ 40,000 выучили". Далѣе указывается на существованіе трехъ діалектовъ: „подлой народъ употребляетъ одинъ, знатные говорятъ другимъ, а въ книгахъ пишутъ отъ обоихъ сихъ отмѣннымъ. И сей послѣдній въ повсядневномъ обхожденіи не употребляется, но обрѣтается только въ книгахъ, и безъ помянутаго Лексикона не удобо вразумителенъ. Обыкновенно думаютъ, что въ Китайскомъ языкѣ не произошло никакой перемѣны, и что оный и нынѣ таковъ же, каковъ былъ прежде сего за три или за четыре тысячи лѣтъ, чего ни о какомъ другомъ языкѣ сказать не можно. (Мнѣніе это болѣе или менѣе вѣрно только относительно книжнаго языка). Причина же сему, уповаю та, что Китайцы не имѣли никакого сообщенія съ чужестранными народами, и для того какъ языкъ свой, такъ и обычаи непремѣнными сохраняли" (далѣе уже о языкѣ не говорится).

Къ статьямъ, избраннымъ для напечатанія за поучительность ихъ содержанія для русской публики, принадлежитъ также переводная съ англійскаго статья: „Предложеніе о исправленіи, распространеніи и установленіи Англинскаго языка, въ письмѣ къ Лорду Оксфорду, Великобританскому главному Казначею" („Опытъ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Импер. Московск. Университетѣ", ч. III. Москва 1776, стр. 1—34). Къ статьѣ приложены оригинальныя примѣчанія переводчика (подписавшагося: англоманъ), по которымъ можно судить о мотивахъ, руководившихъ имъ при выборѣ данной статьи для русской публики. Неизвѣстный „англоманъ" находитъ, что „Россійскій языкъ также требуетъ многихъ исправленій, и хотя онъ изобиленъ, однако онъ долженъ быть распространенъ; много словъ ему не достаетъ; но всего больше нужно оной установить. Мы еще колеблемся въ разныхъ Грамматическихъ правилахъ, и есть множество словъ въ нашемъ языкѣ, которыя не имѣютъ опредѣленнаго смысла. Мы не имѣемъ метафизическаго языка, безъ котораго о многихъ матеріяхъ писать не возможно. Симъ предметамъ можетъ слѣдовать всякой, кто для Россійскаго языка предпріять захочетъ то, что авторъ сего письма для Аглинскаго предлагалъ. Чтобъ поправить нашъ языкъ надлежитъ утвердить грамматическія правила, кои не утверждены, или отъ коихъ многіе удалились и исключить изъ онаго все то, что ему не свойственно;

чтобъ распространить оной, должно изобрѣсть многія слова, или занять ихъ изъ чужестранныхъ языковъ; чтобъ оной установить, должно имѣть лексиконы, опредѣляющіе смыслъ словъ, и другія сочиненія, гдѣ сила ихъ должна необходимо быть съ точностью означена". Замѣчателенъ взглядъ автора примѣчаній на заимствованныя слова (недаромъ онъ и подписался „англоманъ"!): „Весьма противенъ распространенію, а нѣкоторымъ образомъ и установленію нашего языка обычай, введенный съ нѣкотораго времени, откидывать всѣ чужестранныя слова, кои уже въ общемъ употребленіи, и, есть ли такъ осмѣлюсь сказать, натурализованы были, и изображать оныя Россійскими словами, которыхъ никто не разумѣетъ, или по крайней мѣрѣ не столь ясное понятіе съ ними сопрягаетъ, какъ съ первыми. Мы видимъ, что нѣтъ народа, у коего науки и художества сколько нибудь цвѣтутъ, который бы не заимствовалъ отъ другихъ языковъ. Аглинскій и Французскій языкъ ни малаго сходства съ Греческимъ не имѣютъ: однако въ нихъ нѣсколько 1000 греческихъ словъ, кои въ языкъ ихъ приняты, и коихъ они переводить не стараются. Почти всѣ слова, употребляемыя въ наукахъ и художествахъ, которыя у Грековъ и у Римлянъ начало имѣли, всѣ Греческія или Латинскія, и въ земляхъ гдѣ сіи науки и художества цвѣтутъ, въ общемъ употребленіи. Да и нынѣ народы одинъ отъ другаго заимствуютъ, особливо въ художествахъ. Агличане, хотя изобильный языкъ имѣютъ, однако многіе техническіе термины, кои у другихъ народовъ въ употребленіи, безъ всякой перемѣны принимаютъ. Въ Англіи человѣкъ, говоря о соединеніи свѣта и тѣни въ живописи, скорѣе употребитъ chiar oscuro нежели light and shade, т. е. свѣтъ и тѣни". Подобно тому, какъ въ англійскомъ языкѣ наблюдаются разныя нестроенія, такъ и въ русскомъ, говоритъ далѣе авторъ примѣчаній, „видимъ многія поврежденія и находимъ во многихъ писателяхъ не простительныя погрѣшности противъ Грамматики". Авторъ находитъ достойнымъ „искуснаго пера испытать перемѣны, коимъ нашъ языкъ подверженъ былъ; мнѣ кажется, что онъ никогда не доходилъ до совершенства, до котораго другіе языки достигли, и что лучшій его періодъ тотъ, въ которомъ здѣсь науки введены, и мы стали имѣть сообщеніе съ чужестранными; особливо, когда нѣкоторые изъ нашихъ писателей подражали древнимъ Греческимъ и Латинскимъ писателямъ, и заимствовали красоты оныхъ, къ которымъ нашъ языкъ весьма способенъ". Ниже авторъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что „мало изъ нашихъ стихотворцевъ, которые бы о согласіи (языка) помышляли, и старались обогатить его пріятностями и красотами, происходящими отъ жи-

ваго и сильнаго воображенія“, и въ заключеніе высказываетъ убѣжденіе, „что нельзя хорошо писать, не употребя отмѣнныхъ, надутыхъ и долгихъ словъ, и не возвышая свой штиль, отъ чего онъ часто весьма принужденъ бываетъ“.

Отвѣтомъ на выше названную статью и примѣчанія къ ней послужило „Письмо къ Англоману отъ одного изъ Членовъ Вольнаго Россійскаго Собранія“, напечатанное въ той же книжкѣ „Опыта трудовъ“ (стр. 30—42) и подписанное Х***. Ч****. [1]). Авторъ этого письма, заявляя, что пишетъ по порученію Вольнаго Россійскаго Собранія, одобряетъ „похвальную“ любовь англомана къ „Россійскому слову“ и его починъ, оказывающій честь словеснымъ наукамъ и возбуждающій интересъ къ ихъ вопросамъ. Особенную благодарность высказываетъ авторъ письма за переводъ статьи и болѣе всего за примѣчанія къ ней. По его словамъ, Вольное Россійское Собраніе во многомъ согласно съ предложеніями, сдѣланными англоманомъ въ его примѣчаніяхъ, и уже намѣрено „вскорѣ издать начатокъ Россійскаго Словаря букву А, за которою и другія въ свое время послѣдуютъ“. Въ заключеніе авторъ отвѣтнаго письма проситъ англомана объяснить какое нибудь изъ собственныхъ его предложеній, напр., „*до какого совершенства доведенъ Россійскій языкъ, и какіе періоды онаго поставлять должно?* или другое, какое Вы сами заблагоразсудите“.

Обѣщанный „начатокъ Россійскаго Словаря“, однако, такъ и не явился, и намѣреніе собранія повидимому не вышло изъ области благихъ намѣреній, какъ, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, въ виду трудности предпріятія и недостаточности научныхъ средствъ у самого собранія.

Рядомъ съ указанной статьей, имѣвшей, какъ видно изъ изложеннаго, лишь относительный интересъ для русскихъ читателей, мы находимъ въ журналахъ XVIII в. небольшое число переводныхъ статей по такимъ общимъ вопросамъ языкознанія, для которыхъ у насъ еще не имѣлось спеціалистовъ. Къ числу такихъ статей принадлежитъ, очевидно, переведенная съ нѣмецкаго статья „О языкѣ животныхъ“, напечатанная въ „Московскомъ Ежемѣсячномъ Изданіи“, (Москва, въ унив. типографіи у Н. Новикова, ч. I. 1781; стр. 107—114), какъ часть болѣе обширнаго „Размышленія о дѣлахъ Божіихъ“ [2]). Въ статьѣ этой разбирается раз-

---

[1]) **Не скрывается ли подъ этими инициалами Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ (1746—1815), впослѣдствіи профессоръ Моск. Университета по каѳедрѣ Россійской Словесности?**

[2]) **Что статья переведена съ нѣмецкаго, видно, напримѣръ, изъ слѣдую-**

личіе между языкомъ человѣка и животныхъ, причемъ неизвѣстный авторъ высказывается слѣдующимъ образомъ: „Что не всѣмъ животнымъ употребленіе языка отрицать можно въ нынѣшнія времена почитается неопровергаемою истиною. Но въ чемъ языкъ человѣковъ предъ скотскимъ преимуществуетъ? вопросъ сей гораздо труднѣе для рѣшенія". Слѣдуетъ разборъ доводовъ въ пользу превосходства человѣческаго языка. Обыкновенно говорятъ, что „языкъ человѣческій состоитъ изъ частицъ, а скотскіи оныхъ не имѣетъ", какъ это утверждалъ уже Гомеръ... Но ежедневный опытъ „показываетъ намъ, что животныя многоразличнымъ образомъ свои голоса раздѣляютъ. Итакъ должно здѣсь разумѣть о голосахъ несложныхъ, то-есть, что голоса животныхъ неспособны къ раздѣленію на слоги и буквы, какъ" человѣческія слова. „Но и сіе положеніе можетъ имѣть двоякій смыслъ... 1) что голоса животныхъ... по естеству ихъ не способны къ раздѣленію на слоги и буквы. Но оно также можетъ означать: что люди не знаютъ какъ сдѣлать себѣ вразумительными голоса животныхъ помощію извѣстныхъ имъ слоговъ и буквъ. Когда мы послѣднее означеніе примемъ за справедливое, то изъ того ничто менѣе не слѣдуетъ, какъ преимущество человѣческаго языка передъ языкомъ животныхъ. А слѣдуетъ только то, что люди не разумѣютъ языка животныхъ, что имъ больше приноситъ стыда, нежели животнымъ; а языкъ столько же мало тѣмъ въ разсужденіи человѣческаго языка унижается, какъ наилучше сочиненная Арія бываетъ помрачена отъ простонародныхъ пѣсней, и что она слуху неразумнаго меньше послѣднихъ нравится".

„Итакъ естьли языкъ человѣческой въ томъ долженъ имѣть истинное преимущество предъ языкомъ животныхъ, что тотъ составленъ изъ частицъ, а сей ихъ не имѣетъ, то первое означеніе справедливо; т. е. должно утверждать, что голоса животныхъ по ихъ свойству не способны раздѣляемы быть на буквы и слоги". Такъ, можетъ быть, понималъ это различіе и Гомеръ, но авторъ статьи думаетъ, что онъ „и всѣ его послѣдователи въ томъ ошиблись". Сомнѣнія автора основаны на общеизвѣстномъ наблюденіи, „что часто при пѣніи, котораго содержаніе безызвѣстно, неможно различить слова, умалчивая о буквахъ и слогахъ, до тѣхъ поръ, пока неизвѣстно содержаніе". Когда же содержаніе текста знакомо, „думается намъ, что слова, слоги и буквы учинились внятными". На дѣлѣ это такой же психическій обманъ, какъ суще-

---

щаго ея мѣста: «наши Тирингскіе мужики не тѣмъ ли же самымъ Нѣмецкимъ языкомъ говорятъ, какъ и мы» и т. д.

ствуетъ обманъ зрѣнія, по которому палка въ водѣ кажется кривою: „слухъ продолжаетъ чувствовать одни голоса, а свѣдѣніе присовокупляетъ къ тому и слова, слоги и буквы. Равнымъ образомъ бываетъ сіе при слушаніи неизвѣстныхъ, а особливо съ извѣстнымъ несходныхъ языковъ“. Такъ, если слушать поляка, венгерца, не зная ихъ языка, то „не можно будетъ различить ни слова, ни слога, ниже буквы, развѣ только случайнымъ образомъ, что будетъ что нибудь сходно съ извѣстными намъ словами, слогами или буквами [1]). Да и даже одинъ различной выговоръ и въ извѣстныхъ языкахъ дѣлаетъ всѣ слоги и буквы отчасти совсѣмъ непонятными, а отчасти неясными, когда онъ нѣсколько отходитъ отъ обыкновеннаго выговора, а особливо“ при скорой рѣчи. Такъ, „жидовской выговоръ Еврейскаго... и самымъ знатокамъ Еврейскаго языка“ является непонятнымъ. „Наши Тирингскіе мужики не тѣмъ ли же самымъ Нѣмецкимъ языкомъ говорятъ, какъ и мы? однакожъ несмотря на то невразумителенъ намъ языкъ ихъ, когда къ оному не пріобыкли“. Авторъ полагаетъ, что и „въ языкѣ Тирингскихъ нѣмецкихъ мужиковъ“ найдутся „такіе голоса, въ которыхъ не пріобыкшей слухъ не можетъ распознать ни слоговъ, ниже буквъ. Развѣ сіи люди говорятъ языкомъ животныхъ, т. е. произносятъ одни звоны, нераздѣленныя на частицы? Извѣстно всѣмъ изъ описаній путешествій, что есть такія языки, для выраженія коихъ употребляемыя нами буквы будутъ недостаточны“, такъ что путешественники уподобляютъ подобные языки крикамъ животныхъ. Наконецъ, по мнѣнію автора, „нѣкоторые голоса животныхъ могутъ быть выражены нѣкоторыми музыкальными инструментами“, а, стало быть, и изображены нотами. „Слѣдовательно можно ихъ и писать“, а затѣмъ и читать. „Но языкъ, способный для чтенія и писанія, можетъ ли быть на частицы не раздѣльный?“ Невозможность разложить крики или „голоса“ животныхъ на слова, слоги и буквы „происходитъ не отъ свойства голосовъ животныхъ, но отъ нашего незнанія, или иначе отъ наименованій, которыя бы мы имъ приписать должны или могли“. Въ заключеніе своего разсужденія авторъ задаетъ вопросъ: „не возможно ли и не стоитъ ли сіе труда испытать, чтобы голоса животныхъ, которыхъ мы не можемъ выразить помощію извѣстныхъ намъ буквъ, по крайней мѣрѣ какимъ бы нибудь способомъ можно было читать, слѣдовательно и писать, хотя

[1]) Не надо забывать, что оригинальная статья была писана по нѣмецки, и авторомъ ея, очевидно, былъ нѣмецъ, для котораго польскій или венгерскій языкъ были одинаково непонятны.

помощію намъ уже извѣстныхъ или еще какихъ нибудь къ нимъ изобрѣтенныхъ нотъ. Есть ли бы сіе было возможно, то бы я съ моей стороны никакъ не сомнѣвался, чтобы невозможно было языкъ животныхъ на артикулированные голоса раздѣлить, оные точнѣе опредѣлить и въ несравненно большихъ случаяхъ, какъ до того возможно было научиться, узнавать".

Самая замѣчательная изъ этихъ переводныхъ статей представляетъ собой какъ бы краткій очеркъ общаго языкознанія. Это—тоже анонимная статья „О языкѣ", составляющая одну изъ главъ болѣе обширнаго трактата „Повѣствованіе человѣческаго разума", печатавшагося въ „Опытѣ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Имп. Московскомъ Университетѣ" за 1783 г. (ч. VI, стр. 63—81). Неизвѣстный авторъ ея выводитъ особенности языковъ изъ разницъ въ душевной организаціи: „Языкъ народа есть изображеніе его дарованія. А какъ сіи весьма различнаго суть состоянія, то долженствовали необходимо произойти и разные языки. Но подъ языкомъ народа не только разумѣютъ слова, да и различную связь онаго, и родъ выраженія: сего ради могутъ слова оставаться одинаковы, но языкъ можетъ перемѣняться, когда начнутъ говорить новымъ образомъ, и словамъ придавать другую связь, и чужестранный поворотъ, который прежде не былъ въ употребленіи". Въ доказательство своей мысли авторъ приводитъ съ одной стороны лаконизмъ спартанцевъ, съ другой слова Плутарха, находившаго: „какъ сластолюбивая жизнь людей дѣлаетъ неплодородными, такъ рѣчь бываетъ отъ безмѣрности въ реченіи пуста въ разумѣ и выраженіи". Такъ „азіатскіе народы... изъяснялись со гнусною и единогласною пространностію; но не доставало въ ихъ рѣчи ясности".

2. „Хотя языкъ и выражаетъ впечатлѣніе мыслей націи, и очевидно стези ея духа въ ономъ открыть можетъ; однакожъ имѣетъ онъ паки обратно вліяніе въ мысли человѣческія. Слышать съ нѣжной юности нѣкоторыя слова и учатся сіи или тѣ понятія съ оными соединять; слышать, какою связію изъясняются; привыкаютъ мало по малу къ сему роду размышленія; выраженіе становится намъ собственно, механическо, и якобы соразмѣрно; и тако получаетъ душа мало по малу способность сопрягати нѣкоторыми выраженіями слѣдствія мыслей, которыхъ бы она можетъ быть само собою не переняла, и которыя она либо совсѣмъ, или весьма поздо отложить можетъ... Туда принадлежатъ, между прочимъ, общественныя слова (Termini familiares), которыя черезъ обыкновеніе и ежедневное употребленіе такъ вкореняются, что всегда ихъ употребляютъ по темному изображенію означенія, не

разыскивая, годятся ли они къ дѣлу, или нѣтъ. Говорятъ всегда: это великолѣпно, это естественно. Обыкновенно говорятъ по темнымъ воображеніямъ право; но многіе ли знаютъ собственно, что они сказать хотятъ?"

3. „Когда желаемъ мы нѣчто пріобрѣсти, то съ нами не такъ бываетъ, яко съ Богомъ, который изъ ничего нѣчто творитъ. Никогда не обрѣтемъ мы чего либо изъ ничего. Разумъ нашъ такъ ограниченъ, что онъ всегда нѣчто извѣстное имѣть долженъ, когда ему нѣчто не извѣстное изъ того открыти надлежитъ. Слова, которыя имѣемъ мы въ языкѣ, почитать должно яко извѣстныя основанія на которыхъ дарованіе трудится, и которыя ему служатъ путеводителемъ, чтобъ восходить на неизвѣстныя стези, и открывать новые виды. Общее языка употребленіе кажется быть произвольно; но оно не столько произвольно, какъ думаютъ. Скоро или поздо сыщется человѣкъ съ отмѣннымъ дарованіемъ, который оное оправдаетъ и темное понятіе, сопряженное съ словомъ просвѣтитъ"... Далѣе авторъ выясняетъ значеніе языка для мышленія: пока языкъ естественъ, господствуетъ „златый вѣкъ (есть ли онъ [т. е. языкъ] не возвышаетъ ни мѣлочей чрезъ противное и напыщенное выраженіе, ниже говоритъ великихъ вещей грубо устами подлой женщины)", и онъ является „дарованію помощнымъ средствомъ; но буде сдѣлается не естественъ, тогда онъ размышленію есть важнымъ препятствіемъ". Справедливость этого положенія доказывается примѣромъ Греціи и Рима. Пока здѣсь языкъ былъ естественъ, были и великіе поэты, риторы и философы; „но какъ скоро естественное въ выраженіи исчезло, какъ скоро чрезмѣрными и не пріятными украшеніями языкъ испещряли, или чрезъ варварское небреженіе чистоту выраженія оставляли, тогда", являлись „посредственныя и бѣдныя" сочиненія, не пережившія своихъ авторовъ. Въ средніе вѣка „осталось множество гнусныхъ сочиненій", потому что писали только по латыни. Въ нихъ „духъ сочинителей кажется исчезаетъ подъ бременемъ варварскаго языка, и теряетъ всю силу". Но когда въ XV в. и въ эпоху реформаціи „возсталъ новый свѣтъ", тогда „старались о чистотѣ и красотѣ Латинскаго выраженія, и возстановители учености тщились исправлять варварскій родъ писанія"...

4) „Итакъ кажется дарованіе имѣетъ равный успѣхъ съ языкомъ въ процвѣтаніи и ущербѣ онаго. Французы чистили языкъ свой въ златый вѣкъ Людовика XIV, то же самое было и во времена Филиппа и Августа у Грековъ и Римлянъ. И тогда же происходили величайшіе мужи". И въ Германіи, когда „начали болѣе прилагать прилѣжанія къ исправленію Нѣмецкаго языка",

явились знаменитые писатели, которыхъ „она смѣло противоположить можетъ славнѣйшимъ мужамъ Греческимъ и Римскимъ (Галлеръ, Клопстокъ, Геллертъ и Рабнеръ)“... Прежде думали, что „исправленіе природнаго языка варварству помогаетъ, и Латинской языкъ будто есть лучшее противу сего средство“, но теперь мнѣніе это „по меньшей мѣрѣ въ безпристрастныхъ людяхъ исчезло“, когда замѣтили, что, „при всей чистотѣ латинскаго языка Германцы никогда столь много себя въ свободныхъ наукахъ не прославили, какъ мысля и пиша на своемъ природномъ. Чистота природнаго языка почти у всѣхъ народовъ была началомъ художествъ и наукъ. Мы (т. е. нѣмцы) можемъ во всѣхъ родахъ свободныхъ наукъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ великихъ мужей представить, коихъ уже слава на крыліяхъ своихъ носитъ, и творенія коихъ заслуживаютъ вѣчность. Видно вліяніе языка въ дарованіе лучше въ дикихъ народахъ. Когда они имѣютъ бѣдный языкъ, и научатся Европейскому, то перемѣняется мало по малу и весь ихъ родъ мыслей. Всѣ Индѣйцы, выучившіеся по Гиспански, гораздо остроумнѣе, нежели тѣ, кои только разумѣютъ природный свой языкъ (Ulloa, Reise nach Peru)“.

5) „Языкъ дѣлаетъ между человѣками и звѣрями, въ разсужденіи душевныхъ силъ важное розличіе. Сего ради дикіе люди, между звѣрей безъ человѣческаго обхожденія возростшіе“, по уму „звѣрямъ гораздо подобнѣе, нежели людямъ... Когда сіи дикіе нечаяннымъ щастіемъ наконецъ попадутся между людей, и спознаютъ языкъ, то является новый, неизвѣстный свѣтъ въ душѣ ихъ; но не могутъ совсѣмъ больше помнить о прежнемъ дикомъ своемъ состояніи, такъ какъ ребенокъ не можетъ помнить болѣе о первыхъ своихъ лѣтахъ, когда еще ему употребленія языка не доставало; а помнитъ о тѣхъ, въ которыхъ могъ уже онъ говорить, хотя они и еще гораздо далеко отстоятъ (какъ иллюстрація къ сказанному слѣдуетъ разсказъ о дикомъ десятилѣтнемъ мальчикѣ, выросшемъ будто бы среди медвѣдей)... Изъ сего по меньшей мѣрѣ заключить можно, что языкъ есть изящное помощное средство памяти“...

6. ...„Тотъ языкъ, который понятія изъясняетъ съ легкостію, выраженіемъ и означеніемъ, долженъ быть великимъ помощнымъ средствомъ для разума. Въ древнѣйшія времена, когда однимъ словомъ множество различныхъ вещей означать долженствовало, къ чему часто подавало случай отдаленное подобіе, когда изъ недостатка вмѣшивать должно было не свойственныя слова, весьма препятствовало процвѣтанію разума“, а слѣдовательно и художествъ и наукъ.

7. Одного разума, впрочемъ, не достаточно: „мало находится людей, которые одни бы разуму своему помогли; есть ли бы не были они великіе люди съ дарованіемъ, то сдѣлались бы поистиннѣ тупыми, кои бы даже и посредственнаго, въ разсужденіи недостатка въ знаніи, не достигли. Разумъ долженъ необходимо имѣть нѣкоторыя помощныя средства, которыя ему отъ части сообщаютъ первую матерію къ движенію, и отчасти къ продолженію сего движенія, или дѣйствія. Когда мельницѣ... не достаетъ побуждающаго движенія, то она стоитъ неподвижною; подобно сему и человѣческій разумъ самъ собою не дѣйствуетъ. Сколь поздо возрастали въ первыхъ вѣкахъ послѣ потопа художества и науки, понеже не изобрѣтено еще было письменъ; сколь медлительно долженствовалъ возрастать разумъ, когда еще писали въ картинахъ и іероглифахъ!.. Но тогда художества и науки долженствовали итти исполиновыми шагами, когда изобрѣтены были письмена“...

8. Авторъ выясняетъ значеніе изобрѣтенія книгопечатанія; „помощныя средства стали общественные и менѣе драгоцѣнны, и путь ко ученію былъ отверстъ каждому... котораго естество по опредѣленію своему не назначило къ сохѣ“.

9. „Итакъ когда языкъ почесться можетъ помощнымъ средствомъ разума, и подлинное имѣетъ вліяніе къ дарованію, то должно и дарованію быть различному по различію языка. Богатый языкъ открываетъ оному пространное поле. Оно учитъ множество словъ, и съ ними множество познаетъ понятій, получаетъ обширные виды и пространный путь, въ которомъ оно упражняться можетъ. Сего ради бѣдные языки производятъ худыя головы, которыя не могутъ далѣе предковъ своихъ простираться. Американскіе языки [1]) большею частію въ выраженіяхъ бѣдны, что касается до числъ. Отъ такихъ людей не можно ожидать и посредственнаго проницанія въ Ариометикѣ, и ежели они хотятъ показать великое множество, то берутъ кучу песку, или показываютъ полную горсть волосовъ. Ямеосы въ южной части Америки могутъ только считать до 3-хъ, которое число три предъявляютъ чрезъ протяжное слово Поеттаррарорникоуроакъ (De la Condamine, Relation de la Riviere des Amasones, p. 67). Они могутъ понятіе имѣть и о большихъ числахъ, хотя и не достаетъ имъ названій; и для того обыкновенно употребляютъ Европейскихъ языковъ выраженія“.

---

[1]) Впервые въ русской литературѣ здѣсь упоминаются эти языки, и приводятся изъ нихъ примѣры («Сравнит. словарь» Екатерины II, гдѣ также есть образчики американскихъ языковъ, вышелъ позже—въ 1787 г.).

10. „Такой языкъ, которой имѣетъ избыточество, въ несвойственныхъ словахъ и аллегорическихъ реченіяхъ, свободнымъ наукамъ полезенъ. Такой языкъ, коего слова не долгопротяжны, но опредѣленны и означительны, помогаетъ Философическому дарованію. Нѣмцы много выиграли тѣмъ, что Лейбницъ и Вольфъ множеству словъ положили твердое означеніе и симъ языкъ къ Философіи способнѣе сдѣлали, нежели какъ былъ онъ прежде". Отсюда авторъ объясняетъ успѣхи нѣмецкой философіи: „Наши выраженія нынѣ въ Философіи гораздо означительнѣе, нежели у другихъ народовъ, у коихъ они гораздо протяжнѣе. Нѣмецкой языкъ можетъ быть выигралъ бы еще болѣе и въ другихъ вещахъ, есть ли бы предложеніе, которое Лейбницъ представлялъ первому Королю Прусскому, имѣло свой успѣхъ, чтобы всѣ особливыя слова въ нѣкоторыхъ провинціяхъ велѣть собрать, и потомъ всеобщее сравненіе изъ нихъ сдѣлать".

11. „Чѣмъ опредѣленнѣе выраженія, чѣмъ болѣе составленіе оныхъ къ существеннымъ законамъ близко подходитъ, тѣмъ наче служитъ оно дарованію путеводителемъ въ размышленіи и изобрѣтеніи (въ примѣръ авторъ приводитъ успѣхи математики, оказанные ею послѣ изобрѣтенія алгебраическихъ знаковъ)... Произведеніе словъ содержитъ иногда описаніе вещи, и ведетъ насъ по легкому и естественному пути къ отверзтію понятія, которое бы намъ безъ сего средства много труда причинило".

12. „Сухой языкъ, который имѣетъ множество отдѣленныхъ словъ и мало не свойственныхъ, Философіи полезенъ, хотя онъ можетъ быть вреденъ прекраснымъ наукамъ. Сего ради не могутъ варварскія націи, коимъ не достаетъ отдѣльныхъ словъ, возвыситься въ Философіи. Еѳіопляне не имѣютъ въ языкѣ своемъ такого слова, которое бы персону и естество выражало", почему они и не понимали „ученія объ одной упостаси и двухъ естествахъ во Христѣ. Китайцы всегда неподвижными пребудутъ" въ наукахъ, ибо „всеобщихъ выраженій имъ не достаетъ. Ибо слова ихъ только особливыя понятія выражаютъ... Египетъ былъ всегда суевѣренъ, и языкъ его великое въ ономъ имѣлъ участіе. Де ла Кондаминъ говоритъ: всѣ языки, которые узналъ онъ въ Америкѣ, были бѣдны. Многіе суть выразительны и къ украшенію способны, особливо древній Перуанскій языкъ, но имъ не достаетъ всѣмъ словъ къ выраженію отдѣльныхъ вещей и общихъ понятій (какъ, напр., время, долгое пребываніе, мѣсто, присутствіе, существо, матерія, тѣло, добродѣтель, правосудіе, вольность, признаніе, благодарность и проч.)".

13. „Какъ съ упадкомъ языка могло начаться нѣкоторое вар-

варство, такъ равно можетъ чрезмѣрно великое прилѣжаніе, употребляемое въ языкѣ, быть вредно наукамъ, что печется болѣе о словахъ, нежели о дѣлѣ, и становится рабскимъ подражателемъ древнихъ, не имѣя ихъ духа (какъ примѣръ, авторъ приводитъ механическихъ подражателей римскимъ стихотворцамъ, народившихся въ обиліи въ эпоху возрожденія)“.

14. „Итакъ многія вещи, касающіяся до сего дѣла, могутъ дарованію препятствовать въ справедливомъ размышленіи. Представь языкъ, коего выраженія ложными сопонятіями преисполнены; сіи суть источникъ, изъ котораго различныя проистекаютъ заблужденія (напримѣръ, солнце *восходитъ* и *заходитъ*). Нечистый источникъ можетъ совсѣмъ произвести нечистую рѣку, и неисправное выраженіе можетъ за собою вести множество заблужденій. Превращеніе словъ было плодомъ Риторскихъ цвѣтовъ. У Египтянъ былъ Тифонъ Эмблемою моря, и прямымъ непріятелемъ Озириса“, почему они, по мнѣнію автора, не любили моря и не сдѣлали на немъ никакихъ открытій... Въ подтвержденіе высказаннаго выше мнѣнія авторъ приводитъ еще примѣръ изъ англійской исторіи: при Кромвелѣ слово *царство* стало такъ ненавистно, что даже въ молитвѣ Господней оно было замѣнено словомъ республика: „да пріидетъ республика твоя“ и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что статьи, въ родѣ послѣднихъ двухъ, возбуждали мысль читателя и обращали его вниманіе на цѣлый рядъ вопросовъ общаго языкознанія, которыхъ не затрогивало ни одно изъ нашихъ оригинальныхъ сочиненій по языкознанію, появившихся въ XVIII в.

Къ переводнымъ статьямъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ выраженій, принадлежитъ и маленькая статейка „О нѣмецкомъ языкѣ“. напечатанная въ журналѣ „Лекарство отъ скуки и заботъ“ 1787 (ч. II, стр. 132—136). Избрана она, повидимому, была по тѣмъ-же мотивамъ, какъ и вышеупомянутая статья объ исправленіи англійскаго языка (см. стр. 308): содержаніе ея касалось тѣхъ же вопросовъ о значеніи языка для народнаго самосознанія и развитія, какіе возникали неизбѣжно и у насъ. Въ то же время она свидѣтельствуетъ о томъ, что̀ могъ найти о нѣмецкомъ языкѣ въ нашей литературѣ читатель, который почему либо заинтересовался бы имъ.

Въ началѣ статьи авторъ ея спрашиваетъ, былъ ли когда такой народъ, который, при всѣхъ трудахъ и успѣхахъ, „толь долго въ неизвѣстности и пренебреженіи оставался, какъ Нѣмецкій?... Отечество наше есть самое среднее въ Европѣ госу-

дарство“, мы знамениты и т. д. [1])... „Откуду-же то происходитъ, что мы недовольно знамениты у чужихъ народовъ“, спрашиваетъ авторъ и даетъ сейчасъ-же слѣдующій отвѣтъ на заданный вопросъ: „Нѣмецкій языкъ труденъ, вотъ причина, для чего они не стараются свесть ближшего съ нами знакомства“ и плетутъ разныя о немъ сказки. „Сей-же самый языкъ, который столько имъ отвратителенъ есть, чего никакой знающій человѣкъ оспаривать не можетъ, второй первобытный языкъ въ Европѣ по Греческомъ. Частію изъ отброшенныхъ имъ самимъ, частію изъ находящихся въ Архивахъ Этимологическихъ онаго сокровищь (?), частію также отъ постороннихъ нѣкоторымъ образомъ въ ономъ употребительныхъ словъ произошли множайшіе языки, а особливо Англинскій“. Сообщивъ подобныя свѣдѣнія о нѣмецкомъ языкѣ, очевидно переводныя изъ какой нибудь оригинальной нѣмецкой статьи, переводчикъ уже отъ себя довольно неожиданно спрашиваетъ: „Что-же говорить намъ о Россійскомъ: *мы Россіяне* не хотимъ ни читать, ни писать на Россійскомъ языкѣ. Скажите“... (этимъ статья кончается).

Въ какомъ положеніи находилось у насъ въ концѣ XVIII в. знакомство съ санскритомъ, свидѣтельствуетъ переводъ „Сценъ Саконталы, индѣйской драмы“, принадлежащій Карамзину и напечатанный въ „Московскомъ Журналѣ“ (М. 1792 г. Въ универс. типогр. у В. Окорокова, ч. VI. 125—156, 294—323). Переводъ, конечно, сдѣланъ, судя по транскрипціи санскритскихъ именъ русскими буквами, съ нѣмецкаго языка, а не съ оригинала, который въ то время несомнѣнно былъ недоступенъ по языку комубы то ни было изъ нашихъ образованныхъ людей. Въ предисловіи сообщаются нѣкоторыя данныя объ авторѣ Шакунталы: „Творческой духъ обитаетъ не въ одной Европѣ; онъ есть гражданинъ вселенной. Человѣкъ вездѣ—человѣкъ; вездѣ имѣетъ онъ чувствительное сердце, и въ зеркалѣ воображенія своего вмѣщаетъ небеса и землю и т. д. Я чувствовалъ сіе весьма живо, читая Саконталу, драму, сочиненную на Индѣйскомъ языкѣ, за 1900 лѣтъ передъ симъ, Азіатскимъ Поэтомъ Калидасомъ, и недавно переведенную на Англійской Вилліамомъ Джонсомъ, Бенгальскимъ Судьею (которой и прежде того извѣстенъ былъ въ ученомъ свѣтѣ по своимъ переводамъ съ восточныхъ языковъ), а на Нѣмецкой профессоромъ Георгомъ Форстеромъ (которой путешествовалъ съ Кукомъ въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ нашего міра). Почти на каждой страницѣ... находилъ я высочайшія красоты...

---

[1]) Не надо забывать, что это пишетъ о себѣ нѣмецъ-авторъ.

Калидасъ для меня столь-же великъ, какъ и Гомеръ. Для собственнаго своего удовольствія перевелъ я нѣкоторыя сцены изъ Саконталы... и... рѣшился напечатать ... надѣясь, что сіи благовонные цвѣты Азіатской литературы будутъ пріятны для многихъ читателей, имѣющихъ тонкой вкусъ и любящихъ восточную поэзію". Какъ примѣръ транскрипціи индійскихъ именъ, приведемъ нѣсколько образчиковъ: Душманта, Соматирта (вм. Соматиртха), Ингуди, Гіа (топленое масло), Анузуя (вм. Анасуя), Пріямвада, сверга (вм. сварга) = нижнее небо, жилище духовъ, Дурвазасъ (вм. Дурвасасъ), Сарадуата (вм. Шарадвата = санскр. Çâradvata) и т. д.

XII. Знакомство съ древними и новыми европейскими языками при преемникахъ Петра I.

Большіе успѣхи при преемникахъ Петра I, особенно съ половины XVIII в., сдѣлало у насъ изученіе древнихъ и новыхъ европейскихъ языковъ. Скудость пособій для ихъ изученія въ царствованіе Петра I и ближайшихъ его преемниковъ, отмѣченная нами выше (стр. 197 и слѣд.), мало-по-малу начинаетъ уступать мѣсто сравнительному обилію, особенно по нѣкоторымъ языкамъ, болѣе ходкимъ и важнымъ въ практическомъ отношеніи. Такимъ образомъ къ концу XVIII в. у насъ появляется довольно богатая литература важнѣйшихъ школьныхъ пособій по древнимъ и новымъ языкамъ (грамматикъ, словарей и христоматій). Педагогическія достоинства этихъ учебниковъ, особенно „оригинальныхъ", не переводныхъ, большею частію очень слабы, но плохое качество ихъ до нѣкоторой степени уравновѣшивалось ихъ обиліемъ, дававшимъ возможность, хотя и съ большой затратой лишняго труда, но все-таки научиться тому или другому языку. Важную роль въ развитіи этой литературы играло открытіе разныхъ учебныхъ заведеній (кадетскихъ корпусовъ, гимназій, университетовъ, женскихъ институтовъ), въ программу которыхъ входило изученіе тѣхъ или другихъ языковъ. Мы видѣли уже выше (стр. 196—197), какую роль (въ общемъ очень скромную) играли епархіальныя училища въ распространеніи у насъ знакомства съ классическими языками. Иначе обстояло со школьнымъ преподаваніемъ новыхъ языковъ, которымъ въ духовныхъ школахъ у насъ сначала не учили [1]). Только свѣтскія школы могли начать у насъ

[1]) Даже въ Московской славяно-греко-латинской академіи новые языки, французскій и нѣмецкій, были введены лишь въ 1784 г., по почину митрополита Платона. См. Смирновъ, «Исторія Моск. славяно-греко-лат. академіи» (М. 1855), стр. 260 и 341. О преподаваніи названныхъ языковъ въ Александро-

это дѣло. Но ихъ сперва было очень мало, и потому печатные учебники по новымъ языкамъ появляются у насъ не сразу. Такъ учрежденіе первой у насъ общеобразовательной свѣтской школы, С.-Петербургской академической гимназіи (1726 г.), въ первые годы ея существованія не отозвалось ничѣмъ въ занимающей насъ литературѣ. Только въ 1730 году, когда открытъ былъ и первый шляхетскій корпусъ, явилось первое у насъ печатное руководство для изученія нѣмецкаго языка: „Нѣмецкая грамматика изъ разныхъ авторовъ собрана и россійской юности въ пользу издана отъ учителя нѣмецкаго языка при Санктъ-Петербургской Гимназіи. Напечатана въ типографіи Академіи Наукъ. 1730. Die Teutsche Grammatica Aus unterschiedenen Auctoribus zusammengetragen und der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Peterburgischen Gymnasio. Gedruckt in der Academischen Buchdruckerey. 1730 (8°. 413 стр. Библ. Имп. Акад. Наукъ)". Учебникъ этотъ еще отличается большой неуклюжестью русскаго текста и свидѣтельствуетъ о незнакомствѣ автора съ русской школьной грамматической терминологіей того времени или о его нежеланіи пользоваться ею. По крайней мѣрѣ почти всѣ нѣмецкіе грамматическіе термины (латинскаго происхожденія) сохранены и въ русскомъ текстѣ. Вотъ нѣсколько образчиковъ:

Стр. 4—5. Примѣчаніе (Nota) 1. Wenn eine Sylbe auf einen Vocalem ausgehet, so wird der Vocalis im Sprechen gemeiniglich lang gezogen; sofern aber eine Sylbe sich mit einem Consonante endiget, so wird ihr Vocalis gemeiniglich geschwind und kurz ausgesprochen = „когда сvллаба (слогъ) на вокалисъ кончается, то говорітся вокалисъ почитаи всегда протяжно; но ежели сvллаба на консонансъ (двогласныи) кончается, то ея вокалисъ почитаи всегда скоро и кратко говорітся".

Стр. 8—9: III. Wann zwey unterschiedene Vocales in einem Thon ausgesprochen werden, so wird es ein Dyphtongus geheissen = „Когда два разные вокалиса едіногласно говорятся, то нарицаются оные дифтонгусъ"...

Стр. 10—11: 2. In den Verbis, welche *ei* haben (sonsten würden die Radicales oder Haupt-Buchstaben eines Verbi verstümmelt, wenn man aus *schrieben* oder *geschrieben* etc. das *e* weg thäte, da das Verbum einen seiner wesentlichen Buchstaben verlieret... = „Въ

невской семинаріи имѣются извѣстія, относящіяся къ нѣсколько болѣе раннему времени, а именно къ 1775 г. (См. «Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга», соч. Богдановымъ, доп. и изд. В. Рубаномъ. Спб. 1779, стр. 359—365).

вербахъ (глаголѣхъ) которые *ei* имѣютъ, (ибо главные буквы онаго верба напрасно лишилися бы, когдабъ изъ верба schrieben, писывали, geschrieben, писали, и изъ протчихъ оное *e* оставлено было, и тогда вербумъ одно изъ своихъ собственныхъ літеръ потеряло бъ"...)

На стр. 29 читаемъ слѣдующее правило (нѣмецкаго текста мы уже не приводимъ): „Всѣ номина субстантива (имена существителные), адіектива (прилагателные) которые отъ пропріисъ (собственныхъ) происходятъ, такожде и адіектива, прономина (мѣстоименія) и инѳінитива (неопредѣлителные), когда оные вмѣсто субстантивовъ употребляются"...

На стр. 213: „При всякомъ вербѣ надлежитъ слѣдующіе части примѣтить: Генусъ (залогъ), Модусъ (наклоненіе), персону (лице), нумерусъ (число)" и т. д.

Во второмъ изданіи [1]), отданномъ для исправленія Адодурову (см. Сухомлиновъ, „Матер. для ист. Имп. Акад. Наукъ", т. II, 413), находимъ другую, болѣе понятную и легкую редакцію текста и уже одни русскіе грамматическіе термины: „Когда какой ни будь слогъ кончится на гласное, то оное гласное выговаривается почти всегда протяжно, но ежели онъ кончится на согласное, то его гласное обыкновенно скоро и коротко выговаривается"... „Когда двѣ разныя гласныя единогласно выговариваются, то называются они двогласны"... или послѣдніе два примѣра: „Всѣ имена существительныя, прилагательныя отъ свойственныхъ произходящія, такожде прилагательныя, мѣстоименія, и наклоненія неопредѣленныя, когда они вмѣсто именъ существительныхъ употребляются"... (стр. 21); „При всякомъ глаголѣ надлежитъ примѣчать слѣдующія части: залогъ, наклоненіе, лице, число, видъ, начертаніе, время и спряженіе" (стр. 167). Очевидно способъ изложенія перваго изданія уже тогда былъ признанъ неудовлетворительнымъ, и русскій текстъ во второмъ изданіи былъ передѣланъ кореннымъ образомъ. Впослѣдствіи грамматика эта еще въ теченіи того же XVIII вѣка выдержала нѣсколько изданій [2]), въ исправ-

---

[1]) «Нѣмецкая грамматіка собранная изъ разныхъ авторовъ и въ пользу Санктпетербургской гимназіи вторымъ тисненіемъ изданная. Печатана въ Санктпетербургѣ при Академіи Наукъ. Teutsche Grammatica aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und zum Gebrauch des St. Petersburgischen Gymnasii zum andern mahl herausgegeben. Gedruckt St. Peterburg bey der Academie der Wissenschaften (1734. 8°. 387 стр.)».

[2]) Имѣется 3-е изданіе 1745 г., озаглавленное: «Нѣмецкая грамматика, собранная прежде изъ разныхъ авторовъ, а нынѣ для употребленія Спб. гимназіи вновь пересмотрѣнная и во многихъ мѣстахъ исправленная. «Teutsche Grammatica Aus unterschieden auctoribus ehmals zusammen getragen, nunmehro

вленіи и улучшеніи которыхъ (3-го, напримѣръ) принимали участіе члены академіи, какъ Штелинъ, Эйлеръ, Крафтъ и др. [1]).

Въ томъ же 1730 году вышла и первая у насъ печатная грамматика французскаго языка: „Грамматика Французская и Русская нынѣшняго языка сообщена съ малымъ лексикономъ ради удобности сообщества въ Санктъ Петербургѣ. Grammaire françoise et russe en Langue moderne accompagnée d'un petit dictionnaire pour la Facilité du Commerce. A St. Petersbourg 1730“, мал. 8°, 64 стр. (Сопиковъ, „Опытъ росс. библ.“, № 3006, цитируетъ заглавіе невѣрно).

Очевидно это та самая „французскаго діалекта грамматика“, составленная „шпрахмейстеромъ Декомбелемъ“, которая въ 1729 г. была отдана, по постановленію Академіи Наукъ, переводчику Ивану Горлецкому для перевода на русскій языкъ [2]). Рядомъ употребляли у насъ и ходячіе учебники, изданные въ Европѣ [3]).

Вслѣдъ за первой нѣмецкой грамматикой является и первый печатный нѣмецко-латинско-русскій словарь: „Teutsch-Lateinisch und Russisches Lexicon samt denen Anfangs-gründen der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften Zum Druck befördert. Нѣмецко-латинскій и рускій лексиконъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при Імператорской Академіи Наукъ печатію изданъ. S. Petersburg. Gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschaften Buchdruckerey“. 1731. 4°. 788+48 Словарь снабженъ предисловіемъ, изъ котораго видно, какъ онъ возникъ: „Нынѣ совершенно предлагаемъ Вамъ доброхотный Читателю на Рускій языкъ переведенный Вейсмановъ Нѣмецко-Латинскій лексиконъ. Мы сего Автора того ради избрали, понеже онаго уже совсѣмъ переведена

---

aber von neuem übersehen und viel verbessert. Zum Gebrauch des St.-Petersburgischen Gymnasii herausgegeben etc. Спб. 1745, 8°, 447 стр. Печатана при Имп. Акад. Наукъ». Вѣроятно, именно это изданіе печаталось, въ количествѣ 2400 экз., подъ присмотромъ Ададурова и Штелина, какъ это было рѣшено академіею наукъ въ апрѣлѣ 1742 г. (См. Сухомлиновъ, «Мат. для ист. Имп. Ак. Наукъ» т. V, 122). Одинаковое заглавіе носитъ и 4-е изданіе 1762 г., (также 8°, 447 стр.). Сопиковъ («Опытъ росс. библіогр.» № 2918, 2921) указываетъ только изданія 1730, 1734, 1762 гг. и, кромѣ того, 1787 и 1802 гг.

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ», т. VI. 540—41, и «Протоколы засѣданій конфер. Имп. акад. наукъ» т. I, стр. 627, 629, 665, 672—74.

[2]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. Акад. Наукъ», т. I, 499, 603.

[3]) Такъ въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ была въ ходу французская «Пеплиена грамматика» (авторъ—Peplier), см. Сухомл., Матеріалы и т. д. Т. III, стр. 464—66.

нашли: особливо же сего ради, что мы нынѣ толко о собраніи доволнаго числа Рускихъ словъ и речеи тщалися, къ чему сеи Веисманновъ Лексиконъ, ради имѣющагося въ немъ, какъ извѣстно, Латинскихъ словъ и речеи довольства удобнѣйшіи показался". Далѣе переводчики просятъ извинить ошибки, которыхъ больше въ первыхъ листахъ, чѣмъ въ послѣдующихъ, причемъ ссылаются на примѣръ „Французскаго ученыхъ собранія, которое всѣ къ тому надлежащіе потребности доволно имѣло, и 40 лѣтъ надъ тако-именуемымъ Диксіонеръ де л'Академи Франсезъ трудилося", но все же не избѣжало погрѣшностей. Изъ предисловія узнаемъ также, что переводчики лексикона, „за неимѣніемъ совершеннаго знанія въ Нѣмецкомъ языкѣ толко Латинскому послѣдовали", почему и находятъ, что проистекающія отсюда ошибки имъ „простить можно". Въ заключеніе дается обѣщаніе исправить ошибки въ будущихъ изданіяхъ и выражается просьба о сообщеніи издателямъ поправокъ, „какъ сіе отъ нѣкотораго добраго пріятеля уже учинено".

По свидѣтельству Г. Фр. Мюллера [1]), для перевода словаря Вейсмана на нѣмецкій языкъ былъ приглашенъ недостаточно для того образованный пруссакъ Шваневицъ, а переводившіе слова съ латинскаго на русскій Ильинскій, Горлицкій и Сатаровъ [2]) не знали по нѣмецки (какъ они и говорятъ въ предисловіи); ошибокъ ихъ никто не исправлялъ, и Шумахеръ, единолично распоряжавшійся работой, чрезмѣрно спѣшилъ, руководствуясь своимъ правиломъ: „для начала все хорошо, а ошибки можно исправить при второмъ изданіи". Благодаря этому въ словарь вкралось много грубыхъ ошибокъ. Самый выборъ даннаго словаря былъ неудаченъ, такъ какъ въ немъ было много областныхъ словъ, которыя нужно было бы выкинуть.

При словарѣ, въ качествѣ приложенія, была напечатана также (съ особой нумераціей страницъ, 48) краткая русская грамматика, на нѣмецкомъ языкѣ, составленная по грамматикѣ М. Смотрицкаго и приписываемая В. Е. Адодурову (р. 1709 † 1778 или 1780).

---

[1]) См. его рукопись «Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften», стр. 206, 207, цитир. у Пекарскаго, «Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ», т. I. Спб. 1870, стр. 403—404, а также Сухомлинова, «Матер. для исторіи Имп. Акад. Наукъ» т. VI (стр. 170—171), гдѣ данное сочиненіе Г. Ф. Мюллера напечатано цѣликомъ.

[2]) Сопиковъ («Опытъ росс. библіогр.», № 5911) приписываетъ переводъ даннаго словаря Сергѣю Волчкову, но это совсѣмъ не вѣроятно въ виду того, что названный переводчикъ былъ впервые опредѣленъ къ Академіи Наукъ, по представленію барона Корфа, лишь въ 1735 г., а до того находился въ Берлинѣ (Пекарскій, «Ист. Имп. Акад. Наукъ», т. I. 1870, стр. 524).

Словарь былъ напечатанъ въ количествѣ 2500 экземпляровъ [1]) и около 1755 г. сдѣлался уже большой рѣдкостью, какъ свидѣтельствуетъ Г. Ф. Мюллеръ въ своей исторіи академіи (писанной около 1775 г.), по словамъ котораго словаря Вейсмана нельзя добыть „уже 20 лѣтъ“ [2]). Историческія данныя о составленіи словаря, ходѣ его печатанія и т. д. см. у Сухомлинова, „Матеріалы для исторіи Имп. Акад. Наукъ“ (т. I, стр. 355, 439, 444, 486, 603).

Словарь Вейсмана выдержалъ впослѣдствіи, еще въ теченіи XVIII в., два изданія, а именно второе въ 1782 г.: „Вейсманновъ Нѣмецкій лексиконъ съ Латинскимъ, переложенный на Россійской языкъ, при второмъ семъ изданіи вновь пересмотренный и противъ прежняго въ разсужденіи Латинскаго и Россійскаго языковъ знатно приумноженный. Спб. При Имп. Акад. Наукъ. 1782. (4°. 1 непум.+1017)“ и третье въ 1799: „Vollständiges Deutsch und Russisches Lexicon, neueste vermehrte und verbesserte Auflage von Weissmann. Полный Нѣмецкій и Россійскій Лексиконъ, новое изданіе; при которомъ оный словарь вновь пересмотрѣнъ и противъ прежняго въ разсужденіи Росс. языка знатно приумноженъ Господиномъ Вейсманомъ (Спб. 1799. 4°. 2 ненум. +1017+48 стр.)“. Оба имѣются въ Имп. Публ. Библ.

Къ числу школьныхъ учебниковъ этого времени относится и „Lateinisch-Russisch und Teutsches Vocabularium. Латіно-Россійская и Нѣмецкая словесная книга. Печатана 1732 году (безъ обозначенія мѣста, которымъ былъ, конечно, Петербургъ. Мал. 8°. 104)“, представляющая собой собраніе параллельныхъ вокабулъ на указанныхъ въ заглавіи языкахъ. Слова были расположены здѣсь по особымъ главамъ или отдѣламъ: „I. О бозѣ и дусѣхъ. II. О мирѣ, стихіяхъ и небеси. III. О временахъ и праздникахъ. IV. О водахъ. V. О мѣстѣхъ и земляхъ. VI. О человѣкѣ и его частѣхъ. VII. О болѣзнехъ, немощахъ. VIII. О брашнѣ, ѣствѣ. IX. О питіи. X. О животныхъ четвероногихъ. XI. О птицахъ. XII. О червѣхъ и мухахъ и ѕміяхъ. XIII. О рыбахъ. XVI. О древѣхъ. XV. О овощахъ. XVI. О житахъ и пшеницахъ и ѕеліи огородномъ. XVII. О частѣхъ древесъ, купинъ и плодовъ. XVIII. О ѕеліи и цвѣтахъ. XIX. О ароматахъ или о кореніи и ѕеліи многоцѣнномъ. XX. О деревни(,)полѣ и селѣ. XXI. О сосудѣхъ деревенскихъ. XXII. О градѣ, о городѣ. XXIII. Имена странъ и народовъ. XXIV. О домѣ. XXV. О избѣ и вещахъ къ столу принад-

[1]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. Ак. Наукъ», т. I, стр. 441.
[2]) Тамъ же, т. VI, стр. 171.

лежащихъ. XXVI. О поварнѣ. XXVII. О ложницѣ(,) о спальни. XXVIII. О конюшнѣ. XXIX. О мылнѣ или банѣ. XXX. О школѣ и о книгахъ. XXXI. О церкви и о вещахъ и людяхъ церковныхъ. XXXII. О судовыхъ дѣлѣхъ. XXXIII. О началѣхъ политичныхъ или мирскихъ. XXXIV. О ученыхъ и художникахъ. XXXV. О художникахъ или рукодѣльникахъ. XXXVI. О женитвѣ(,) о брацѣ и о сродствѣ. XXXVII. О сродствѣ. XXXVIII. О прядвѣ. XXXIX. О одѣяніи или платіи. XL. О краскахъ. XLI. О брани воинской. XLII. О кораблѣ. XLIII. О играніи или игралищахъ. XLIV. О рудахъ, о жемчюгахъ и драгоцѣнномъ каменіи. XLV. О денгахъ. XLVI. Имена градовъ". Далѣе слѣдуютъ „Нѣкоторая прилагательная; глаголы 1, 2, 3, 4-го спряженій; предлоги которые винительнымъ управляютъ; предлоги относительнымъ управляющіи. Предлоги обоими падежи управляющіи".

Названная книжка служила руководствомъ при преподаваніи латинскаго и нѣмецкаго языковъ въ кадетскомъ шляхетномъ корпусѣ и не лишена значенія и до сихъ поръ, какъ источникъ для опредѣленія времени заимствованія тѣхъ или другихъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ въ теченіе XVIII в. (Имѣется въ библ. Имп. Акад. Н. и Имп. Публ.).

Первый печатный французско-русскій словарь, заключавшій въ себѣ, впрочемъ, также нѣмецкія и латинскія слова [1]), явился уже гораздо позже, а именно, если вѣрить Сопикову („Опытъ росс. библіографіи" № 5889), въ 1755 — 1768 (въ дѣйствительности 1764) гг. Это былъ: „Новой лексиконъ на францускомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и россійскомъ языкахъ, переводу ассессора Сергѣя Волчкова. Часть первая съ литеры А, по литеру G. Въ Спб. при Императорской Академіи Наукъ (годъ не обозначенъ). 8°. 2+1066 стр." [2]). Словарь этотъ издавался и впослѣдствіи [3]).

---

[1]) Словари-полиглотты, какъ это было естественно при отсутствіи словарныхъ пособій по отдѣльнымъ языкамъ, пользовались у насъ въ XVIII в. довольно большимъ распространеніемъ и появлялись часто. Отчасти это явленіе было слѣдствіемъ обычнаго у насъ въ тѣ времена способа составленія такихъ словарей, заключавшагося въ переводѣ на русскій языкъ уже готовыхъ иностранныхъ словарей (какъ это было, напр., со словаремъ Вейсмана, см. выше), или въ механической компиляціи нѣсколькихъ также уже готовыхъ словарей.

[2]) Вторая часть этого словаря, имѣющаяся въ Имп. Публич. библіотекѣ. озаглавлена иначе: «Новаго вояжирова лексикона на францускомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и россійскомъ языкахъ. Часть вторая съ литеры G, до конца алфавита. Въ Санктпетербургѣ при Имп. Акад. Наукъ. 1764». (8°. 2 + 1282 стр.) Переводился этотъ словарь Волчковымъ въ теченіе 1747—1749 гг. и, повидимому, законченъ былъ къ 1750 г. См. Сухомлиновъ, «Матер. для исторіи Имп. Акад. Наукъ», т. VIII, 521—22, 525—26; IX, 354, 391—92, 419—21, 757, т. X, 364.

[3]) Имѣется 2-е изданіе: «Французской подробной лексиконъ, содержащій

Эти первыя руководства для изученія нѣмецкаго и французскаго языковъ, составленныя по иниціативѣ Академіи Наукъ и при участіи ея членовъ и служащихъ при ней, открываютъ собой довольно длинный рядъ разнаго рода аналогичныхъ пособій, вышедшихъ въ теченіе одного только XVIII вѣка, особенно во второй его половинѣ, послѣ открытія Московскаго университета и двухъ гимназій при немъ (1755 г.). Такъ по нѣмецкому языку вышло однихъ грамматикъ (кромѣ уже указанной выше) не менѣе 11 [1]), не считая повторныхъ изданій; краткихъ руководствъ, въ родѣ азбукъ или букварей, содержавшихъ въ себѣ не только наставленія къ чтенію и склады, но нерѣдко и краткую грамматику, вокабулы, разговоры, статейки для перевода и т. д.,—также не менѣе 11 [2]).

Въ послѣдней четверти XVIII в. явились и нѣмецкія христоматіи: 1) „Introduction à la lecture Des auteurs allemands à l'usage du noble corps Impérial des Cadets de terre; à St. Petersbourg. 1776". (Мал. 8°. 212 стр.). Руководство это очевидно предназначалось для знакомыхъ уже съ французскимъ языкомъ, какъ показываютъ французскія объясненія словъ, приложенныя къ половинѣ статей. За нимъ послѣдовало руководство Ѳедора Сапожникова: „Auserlesene Stellen aus den besten Deutschen Schriftstellern zum Gebrauch bey den Kayserlichen Gymnasien zu Moskau. Избранныя мѣста изъ лучшихъ Нѣмецк. писателей для употребленія при Императ. Моск. Гимназіяхъ. М. въ Унив. Тип. у Н. Новикова. 1780". 8°. (12 ненум.+379 стр.). Черезъ пять лѣтъ

въ себѣ всѣ слова французскаго языка, всѣ ученыя, такъ же и техническія названія, собственныя имена людей, земель, городовъ, морей и рѣкъ съ Нѣмецкимъ и Латинскимъ; преложенный на Россійской языкъ при первомъ изданіи Сергѣемъ Волчковымъ; а при нынѣшнемъ второмъ вновь просмотренной и исправленной. При Императорской Академіи Наукъ». 4°. Ч. I. 1778 г. A—I, 2 ненум. + 863 стр. и Ч. II. 1779 г. I—Z, 2 ненум. + 851 стр. (Имп. Публ. Библ.); 3-е изданіе: «Французскій лексиконъ, содержащій въ себѣ всѣ слова французскаго языка, такожъ всѣ въ наукахъ, художествахъ и ремеслахъ употребительныя названія, собственныя имена людей, земель, городовъ, морей и рѣкъ, съ нѣмецкимъ и латинскимъ преложенные на россійской языкъ при первомъ изданіи Сергеемъ Волчковымъ, а при семъ третіемъ вновь пересмотренный и выправленный, съ прибавленіемъ многихъ словъ и реченій. Спб. Иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ. 4°, Часть I. А—Д. 1785 г. 2 + + 506 стр. Часть II. Д—О. 1786 г. 2 + 523 стр. Часть III. O—Z. 1787 г. 2 + + 586 стр. (Библ. Спб. Ун. и Имп. Публ. Библ.). Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» подъ № 5890 и 5891 цитируетъ эти заглавія съ произвольными дополненіями и измѣненіями и невѣрно обозначаетъ годъ 3-го изданія—1795.

[1]) См. въ концѣ главы приложеніе А.

[2]) См. въ концѣ главы приложеніе Б.

вышла 3-я христоматія, озаглавленная: „Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken. Von C. H. Wölke. S. Petersburg. 1785. Aus der Breitkopfschen Buchdruckerey. Mit Erlaubniss des Policey Amts (8°. 204 стр. Библ. Спб. Унив.)". Въ предисловіи къ ней находимъ списокъ подписчиковъ, до нѣкоторой степени характеризующій своими указаніями состояніе преподаванія нѣмецкаго языка и спроса на него въ то время. Изъ этого списка узнаемъ, что по 100 экземпляровъ книги, очевидно для поддержки изданія, потребовали для себя Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи; сухопутный корпусъ и Московскій воспитательный институтъ по 300 экз., артиллерійскій корпусъ и воспитательный домъ по 100, а архангельская семинарія (единственная въ спискѣ) всего 9 экз. Остальные подписчики (частныя лица и книгопродавцы, огромное большинство которыхъ—иностранцы) заявили требованія лишь на небольшое число экземпляровъ, большею частью очевидно для личнаго употребленія. Требованія на книгу были заявлены изъ Амстердама, Берлина, Бордо, Курляндіи, Данцига, Дессау, Дрездена, Дерпта, Гамбурга, Іевера, Киля, Копенгагена, Кенигсберга, Лемберга, Лейпцига, Лиссабона, Любека, Магдебурга, Нарвы (все нѣмцами), Ремшейда, Риги и Лифляндіи, Ревеля, Стокгольма, Вѣны, Выборга и Цербста. Изъ русскихъ городовъ въ этомъ спискѣ фигурируютъ только: С.-Петербургъ (огромное большинство подписчиковъ—нѣмцы), Архангельскъ (тоже), Ярославль (единственный подписчикъ — проф. Löchner) и Москва (единственный подписчикъ—институтъ). Черезъ три года появляется такое же руководство въ Москвѣ: „Deutsches Lesebuch für junge Anfänger in der deutschen Sprache. Учебная книга для юношества, начинающагося учиться нѣмецкому языку. Въ Типографіи Компаніи Типографической, съ Указнаго дозволенія. Москва. 1788". (8°. 147 стр.). Въ 1792 г. явилась „Нѣмецкая хрестоматія" Матв. Гавр. Гаврилова (Москва), впослѣдствіи проф. росс. и славянск. словесности, изящныхъ наукъ, археологіи и эстетики въ Моск. Унив. Наконецъ, въ самомъ концѣ XVIII в., въ 1800 г., вышло шестое руководство этого рода: „Neues Lesebuch für die Anfänger in der deutschen Sprache von J. C. Müller. Mit. Genehmigung der Censur. St. Petersburg. 1800. Gedruckt in der Breitkopfschen Buchdruckerey (Мал. 8°, 76 стр.)".

Къ 1780 году относится появленіе первой практической стилистики нѣмецкаго языка, едва ли, впрочемъ, заслуживающей это имя [1]).

---

[1]) Начертаніе первыхъ основаній нѣмецкаго слога, для употребленія въ публичныхъ лекціяхъ при Московскомъ Университетѣ. Часть I. Москва, 1780.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ XVIII вѣка вышло также нѣсколько „разговоровъ" для практическаго обученія нѣмецкому языку, часто перепечатывавшихся и впослѣдствіи [1]). Словарей нѣмецко-русскихъ и русско-нѣмецкихъ, кромѣ нѣсколькихъ изданій упоминавшагося выше словаря Вейсмана, вышло сравнительно немного, а именно не менѣе шести [2]). Нужно еще замѣтить, что, кромѣ указанныхъ пособій, имѣвшихъ въ виду, за немногими исключеніями, одинъ нѣмецкій языкъ, въ нашей учебной литературѣ XVIII вѣка было не мало руководствъ, словарей и разговоровъ по нѣсколькимъ языкамъ заразъ (въ томъ числѣ и для нѣмецкаго), которые увеличивали собой число источниковъ для полученія требовавшихся знаній. Нѣкоторыя изъ нихъ явились даже раньше соотвѣтствующихъ пособій для одного нѣмецкаго языка. Таковы были нѣкоторые многоязычные разговоры. Но объ этихъ руководствахъ мы скажемъ ниже.

Что касается французскаго языка, то, какъ это и слѣдовало ожидать, литература пособій для его изученія, вышедшихъ въ XVIII в., еще богаче, чѣмъ для нѣмецкаго языка. Однихъ французскихъ грамматикъ, не считая уже упомянутой выше 1730 г., вышло не менѣе 18 [3]). Разныхъ краткихъ руководствъ (азбукъ, букварей и т. п., содержащихъ въ себѣ нерѣдко и краткія грамматики, глоссаріи, статейки для переводовъ, разговоры и т. д.) явилось не менѣе 20 [4]). Французско-русскихъ „разговоровъ" въ послѣднюю четверть XVIII в. насчитывалось не менѣе четырехъ [5]), а словарей, не считая уже упомянутаго выше, не менѣе пяти [6]), причемъ одинъ изъ послѣднихъ (№ 4) составленъ итальянцемъ и изданъ въ Неаполѣ. Хрестоматій имѣлось очень мало, по крайней мѣрѣ пишущему эти строки извѣстна только одна [7]). Очевидно, большой нужды въ нихъ не было, въ виду довольно большого распространенія произведеній французской литературы, а также частаго приложенія къ

8°. (Смирдинъ, Роспись, № 5825. У Сопикова, № 6784, заглавіе приведено въ болѣе сокращенномъ видѣ, но означена цѣна: 1 р. 20 к.).

[1]) См. въ концѣ главы приложеніе В.

[2]) См. въ концѣ главы приложеніе Г.

[3]) См. въ концѣ главы приложеніе Д.

[4]) См. въ концѣ главы приложеніе Е.

[5]) См. въ концѣ главы приложеніе Ж.

[6]) См. въ концѣ главы приложеніе З.

[7]) Livre de Lecture à l'usage des classes Françoises Etymologiques de la Pension des Nobles, établie à l'Université Impériale de Moscou. Учебная книга въ пользу среднихъ Французскихъ классовъ благороднаго пансіона при Имп. Моск. Унив. изданная И. Г. Moscou à la Typographie de l'Université chez Rüdiger et Claudi. 1794. 8°. 202+2 ненум. (Библ. Имп. Ак. Н.).

учебникамъ статей для перевода. Кромѣ того, вышло нѣсколько пособій по обоимъ языкамъ—французскому и нѣмецкому: не менѣе пяти словарей [1]), христоматій—одна [2]) и разговоровъ не менѣе двухъ [3]).

Довольно много пособій явилось по англійскому языку, знакомство съ которымъ было необходимо для нашихъ моряковъ. Морское вѣдомство еще въ концѣ первой половины XVIII в. принимало мѣры для приготовленія людей, знающихъ англійскій языкъ. Такъ въ концѣ 40-хъ гг. XVIII в. были посланы въ Лондонъ для изученія названнаго языка учитель морской академіи математическихъ и навигацкихъ наукъ Алексѣй Кривовъ и подмастерье той же академіи Михайло Четвериковъ. Въ концѣ 1748 г. они прислали въ государств. адмиралтейскую коллегію нѣсколько своихъ переводовъ съ англ., которые были переданы въ академію наукъ, съ просьбой разсмотрѣть и дать отзывъ о ихъ качествѣ (Сухомлиновъ, „Матер. для ист. Имп. Акад. Наукъ", т. IX, 611).

---

[1]) См. въ концѣ главы приложеніе II.

[2]) Треязычная книга, въ пользу Россійскаго и иностраннаго юношества, обучающагося Россійскому, Нѣмецкому и Французскому языкамъ. Lesebuch in drey Sprachen zum Unterricht der Jugend im Russischen, Deutschen und Französischen. Le livre en trois langues pour faciliter à la Jeunesse l'intelligence des langues russe, allemande et françoise. Напечатано подъ смотреніемъ издателей Вѣстника. Въ Спб., печатано въ вольной Типографіи Вейтбрехта и Шнора. 1779 г. 4⁰. 8 ненум.+136 стр. (Басни, повѣсти, выписки изъ историй Ломоносова и т. д.). Имѣется 2-ое изд.: „Въ Ригѣ, у книгопродавца Іоанна Гарткноха. 1786 г. 4⁰. 8 нен.+130+2 стр.

[3]) 1) Nouveau parlement ou Dialogues François-Allemands & Rus. (sic!) par Mathieu Cramer. Das ist Französisch-Deutsche-und Russische Gespräche des Herrn Matthias Kramern. Новыя французскія, нѣмецкія и россійскія разговоры Матвѣя Крамера. Переведенные на Россійской языкъ въ пользу Россійскаго юношества Іосифомъ Гандини. Въ Москвѣ. 1782. 8⁰. 2 ненум.+212 стр. (Имп. Публ. Библ.).

2) Nouveaux Dialogues, François, Russes et Allemands, à l'usage des commençants. Neue Französische, Russische und Deutsche Gespräche zum Gebrauch der Anfänger. Новые Французскіе, Россійскіе и Нѣмецкіе Разговоры, купно съ собраніемъ употребительнѣйшихъ словъ въ пользу начинателей. Въ Санктпетербургѣ печатано у Шнора. 1784. 8⁰. 173 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.). Сопиковъ (№ 9475) указываетъ второе изданіе, исправленное Ѳ. Каржавинымъ. Спб. 1791 г. Въ библіотекѣ Имп. Ак. Наукъ имѣется изданіе 1799 г. (3-е?), озаглавленное: Dialogues, Français, Russes et Allemands, à l'usage des commençans. Edition augmentée par Th. Karjavine. Французскіе, Россійскіе и Нѣмецкіе разговоры, въ пользу начинателей. Съ прибавленіями изъ сочиненій Краммера и Геллерта: изданные Ѳ. Каржавинымъ, съ позволенія Санктпетербургской цензуры. Französische, Russische und Deutsche Gespräche zum Gebrauch der Anfänger. Въ Санктпетербургѣ, при Имп. Ак. Наукъ, 1799 года, иждивеніемъ купца Герасима Зотова продаются въ книжной лавкѣ подъ № 18 противъ веркальной линіи, цѣна безъ переплета по 50 коп. 8⁰. 175+1 нен.

Первые учебники по англійскому языку явились у насъ, однако, гораздо позже. Первая англійская грамматика на русскомъ языкѣ Михайла Пермскаго (бывшаго воспитанника Александроневской семинаріи, послѣ причетника посольской церкви въ Лондонѣ и преподавателя англійскаго языка въ Морск. корпусѣ, † 1770) вышла на 36 лѣтъ позже первыхъ нѣмецкой и французской грамматикъ (въ 1766 г.) и представляла собой простой переводъ англійскаго грамматическаго учебника [1]). За нею послѣдовало нѣсколько другихъ пособій (грамматикъ и христоматій) и одинъ словарь [2]).

---

[1]) Практическая Англиская Грамматика переведенная съ англискаго языка на россійскій Морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса переводчикомъ Михайломъ Пермскимъ. Въ Спб. При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. 1766 г. 8°. 2 ненум.+192 стр. (Библ. Спб. Унив. и Имп. Публ.).

[2]) 1) *Грамматики:* Англиска (такъ!) грамматика, сочиненная морскаго шляхетнаго Кадетскаго Корпуса учителемъ Прохоромъ Ждановымъ въ пользу учащагося благороднаго юношества. Въ Санктпетербургѣ. При морскомъ шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ. 1772 г. 8°. 16 ненум.+104 стр. Словарь и разговоры: 304 стр.+41 ненум. (Библ. Имп. Ак. Н. и Имп. Публ.). Посвящ. графу И. Г. Чернышеву, вице-президенту адмиралт. коллегіи. 2-ое изд. 1801 г. 8°. VII+499 стр. (тамъ же).

2) New Guide to the English Tongue. Новый предводитель англискаго языка. Печатана въ Типографіи морскаго шляхетнаго кадетскаго Корпуса 1776 года. 12°, 142 стр. (азбука, склады, упражненія для чтенія, таблицы словъ разнаго ударенія и состава, басни, разговоры, глоссарій). (Библ. Имп. Ак. Н. и Имп. Публ.). Второе изданіе съ тѣмъ же заглавіемъ: Спб. 1793. 12°. 1 нен.+142 стр. (Библ. Спб. Унив.). По словамъ Сопикова (№ 1782), неоднократно издавалась послѣ.

3) Руководство къ Англинскому языку, изданное Васильемъ Кряжевымъ. Москва. Въ Унив. Типогр. у В. Окорокова. 1791 г. X+241+8 нен. стр. (Имп. Публ. Библ.). Къ нему II ч., содержащая христоматію (см. ниже № 1).

4) Аглинская Грамматика, заключающая въ себѣ кратко всѣ правила нужныя для изученія сему языку, съ прибавленіемъ употребительнѣйшихъ разговоровъ, изданная въ пользу обучающихся сему языку, и въ особенности въ пользу Благородныхъ Воспитанниковъ въ Пенсіонѣ при Имп. Моск. Университетѣ. Москва. Въ Унив. Типогр., у Ридигера и Клаудія. 1795. 8°, 110 стр. (Имп. Публ. Библ.).

Христоматіи: 1) (Руководство къ Англинскому языку. Ч. II). Избранныя сочиненія изъ лучшихъ англинскихъ писателей прозою и стихами, для упражненія въ чтеніи и переводѣ (изд. В. Кряжевымъ). Москва, въ Унив. Типогр. у В. Окорокова. 1792 г. 8°. 4 нен.+142 стр.+5 нен. (Имп. Публ. Библ.).

2) Молодой Англичанинъ, или собраніе нравоучительныхъ пьесъ, взятыхъ изъ лучшихъ Англинскихъ писателей, въ которомъ показаны правила о выговорѣ и удареніи словъ, съ пріобщеніемъ словаря на всѣ слова въ книгѣ находящіяся, и показаніемъ выраженій, свойственныхъ Англинскому языку. Издано для гимназіи Московскаго университета. Москва. 1795. 8°. Ц. 60 коп. (Сопиковъ, № 6288 и Смирдинъ, № 5033).

3) Ждановъ, Прохоръ. A new dictionary English and Russian. Новый сло-

Первая итальянская грамматика явилась на семь лѣтъ раньше англійской грамматики Пермскаго, т. е. въ 1759 г. [1]), но число прочихъ пособій для изученія итальянскаго языка, вышедшихъ вслѣдъ за нею, уступаетъ числу пособій по англійскому языку [2]). Словаря итальянскаго XVIII в. такъ и не увидѣлъ. Только во второй четверти XIX вѣка появился первый итальянско-русскій словарь П. Криворотовой (М. 2 т. 1834—39). Не лишено интереса то обстоятельство, что всѣ эти пособія явились въ Москвѣ, подъ эгидой молодого Московскаго университета.

варь Англиской и Россійской. Въ Санктпетербургѣ, при Типографіи Морскаго Шляхетн. Кадетск. Корпуса. 1784 г. 8°. 6+408 ненум. Посвященъ „благороднымъ и почтеннымъ юношамъ въ Морск. Шляхетн. Кадетск. Корпусѣ". (Библ. Имп. Ак. Н. и Публ.).

¹) Новая италіанская грамматика, собрана изъ разныхъ Авторовъ и переведена на россійской языкъ Московскаго Императорскаго Университета студентомъ Егоромъ Булатницкимъ. Печатана при Московскомъ Императорскомъ Университетѣ. Москва 1759. 8°. 4 ненум.+232 стр.+1 нен. (Имп. Публ. Библ.) Въ предисловіи переводчикъ объясняетъ появленіе своего труда отсутствіемъ итальянскихъ грамматикъ, вслѣдствіе котораго «многіе... съ великимъ трудомъ доставали... несравненную пользу» отъ знанія итал. языка, «а нѣкоторые и со всѣмъ ея лишались». Поэтому авторъ принялъ на себя трудъ «услужить обществу», въ чемъ ему, «предводителемъ былъ и наставленіе подавалъ бывшій Италіанскаго класса Магистръ господинъ Папафило». Переводчикъ «не сочинялъ» эту грамматику, но «выбиралъ изъ разныхъ грамматикъ, которое ему способнѣе быть казалось». Руководство это заключало въ себѣ этимологію, синтаксисъ, вокабулы, главу (VIII) о происхожденіи словъ съ латинскаго языка и собраніе разныхъ исторій (итальянскіе тексты съ русскимъ переводомъ en regard). Второе изданіе грамматики вышло въ 1774 г. Москва, Унив. Тип. 8°. 160 стр. (Имп. Публ. Библ.). Составитель-переводчикъ этого учебника, студентъ Московскаго Университета, Егоръ Булатницкій, умеръ въ 1767 г. въ Москвѣ. Грамматика его, по выраженію митрополита Евгенія, была «классическою» въ московской университетской гимназіи. См. о немъ Новиковъ, «Опытъ историч. словаря», Спб. 1772 г. стр. 22—23 и митроп. Евгеній, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», изданіе «Москвитянина», т. I. Москва 1845, стр. 64.

²) 1) Alfabetto italiano arrichito d'un vocabulario e di dialoghi famigliari con alcune sentenze morali, all'uso delle scuole Italiane. Stampato à Mosca l'anno 1773. Азбука италіанская съ словаремъ и разговорами, также и съ нѣкоторыми нравоучительными правилами къ употребленію Итальянскихъ школъ. Напечатана въ Москвѣ, при Импер. Московскомъ Университетѣ, иждивеніемъ Христіана Лудвига Вебера 1773 г. 8°. 2 нен.+? стр. (экземпляръ Имп. Публ. Библ. неполонъ). Второе изданіе: Alfabetto Italiano arrichito d'un vocabulario, di dialoghi famigliari con alcune sentenze morali, all'uso delle scuole Italiane. Азбука италіанская со словаремъ и т. д., какъ выше. Въ Москвѣ. Въ Унив. Тип. у Н. Новикова. 1783 г. 12°. 160 стр. Цѣна 50 коп.

2) Dialoghi Italiani divisi in 130 Lezioni ad uso della Gioventù, e di tutti quelli che cominciano ad imparare la detta lingua. Tradotti dal Russo da L. B. Riveduti è corretti da Giuseppe Galli. Разговоры Италіянскіе, раздѣленные

Изъ другихъ новыхъ европейскихъ языковъ въ учебной литературѣ второй половины XVIII в. представлены языки: шведскій [1]), датскій [2])—оба благодаря нашему морскому сосѣдству съ Швеціей и Даніей,—и новогреческій [3]) съ румын-

на 130 уроковъ для употребленія юношеству и всѣмъ начинающимъ учиться сему языку переведенныя съ Россійскаго Л. Б.; пересмотренныя и переправленные Іосифомъ Галли. Въ Москвѣ, печатаны у Г. Вейса. 1790 г. 12°. VIII+244.

3) Abrégé des principes de la grammaire italienne Avec la traduction Françaisc et Russc. Краткія правила Италіанской грамматики. Съ переводомъ на Французской и Россійской языкъ, изданныя Александромъ Никифоровымъ. Москва. Въ Унив. Тип. у В. Окорокова. 1793. 8°. 40. (Имп. Публ. Библ.).

[1]) 1) Ny Anwisning at Lesa Swenska, jæmte En Orda Samling. Новое наставленіе къ Шведскому чтенію, и собраніе словъ. Въ Спб. При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ Корпусѣ 1770 г. 8°. 75 стр. (Имп. Пуб. Библ.). Сопиковъ (№ 1892) цитируетъ вѣроятно эту же книгу подъ заглавіемъ «Азбука Шведская, или новое наставленіе и т. д. Спб. 1770. 8°».

2) Шведская грамматика по нынѣшнему онаго языка произношенію сочиненная, Королевскою Академіею Наукъ аппробованная и по пѣриказанію оной издана, Абрагамомъ Салстетомъ, Секретаремъ Королевскимъ, а съ онаго на Россійской языкъ переведена и приумножена правилами, разговорами и нѣкоторыми краткими исторіями Иваномъ Гекертомъ Въ Санктпетербургѣ. При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ Корпусѣ. 1773 г. 8°. 3 ненум.+202+2 ненум. (Имп. Публ. Библ.). Посвящена Генералу Казначею, члену Государственной Адмиралтейской коллегіи и директору морск. корпуса Ивану Логиновичу Голенищеву-Кутузову. Содержитъ грамматику (151 стр.), разговоры и краткія повѣсти для чтенія.

Словарей шведскихъ у насъ въ XVIII в. не выходило. Они стали появляться у насъ только въ XIX в. Въ библіотекѣ Имп. Акад. Наукъ (I отд., отдѣлъ рукописей, шифръ 16. 16. 24) имѣются, впрочемъ, черновые матеріалы для шведско-русскаго словаря, очень неполные, носящіе странное заглавіе: «A. B. C. D. Дѣйствіе и противодѣйствіе» (Рукопись конца XVIII, начала XIX вѣка; 80 листовъ въ восьмушку писчей бумаги, среди которыхъ есть довольно много бѣлыхъ).

[2]) Nytt forsog at laesa Danske, og i lige maade en Orde bog. Новое наставленіе къ Датскому чтенію, и собраніе словъ. Въ Спб. При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. 1770 г. 8°. 80 стр.

[3]) 1) Λεξικὸν Ῥωμαικὸν ἁπλοῦν Περιέχον Ῥωμαικὰς ἁπλὰς λέξεις μὲ τὸ πόθεν αὐταὶ πάραγονται ἤγουν ἀπὸ ποίαις γλώσσαις и т. д. Лексиконъ простаго Греческаго языка. Содержащій въ себѣ простыя Греческія слова съ присоединеніемъ того, отъ какихъ языковъ оныи происходятъ. Собранъ въ Троицкой Семинаріи. Иждивеніемъ Н. Новикова и Комп. Печатанъ въ Университ. Типографіи у Н. Новикова. (Москва). 1783. 12°. 120 стр.+6 нен. (Имп. Публ. Библ.).

2) Наставленія Греческаго простаго языка, собрано въ Московской Славено-Греко-Латинской Академіи. Москва. Въ типографіи Пономарева. 1789 г. 8°. 2 ненум.+93 стр. (Имп. Публ. Библ.).

3) Πλέον εὔχριστοι Διαλόγοι Εἰς τὴν Ῥωσσικὴν και τὴν ἁπλὴν ἢ τὴν κοινῶς παρὰ τῶν νῦν Ῥωμαίων μεταχειριζομένην διάλεκτον, εἰς ὠφέλειαν τῶν νέων τῆς Ῥωσσίας καὶ τῶν Ῥωμαίων ἐπιθυμούντων и т. д. Употребительнѣйшіе разговоры

скимъ [1]), необходимость знанія которыхъ вызывалась распространеніемъ нашихъ границъ и сношеній на югѣ. Впрочемъ, единственное руководство къ послѣднему изъ названныхъ языковъ столько же принадлежитъ и румынской литературѣ, сколько русской.

Изъ славянскихъ языковъ посчастливилось польскому, по которому въ послѣдней четверти XVIII вѣка явилось небольшое число пособій, а именно одинъ словарь и двѣ грамматики [2]).

Образчики славянскихъ языковъ приводились въ русской транскрипціи еще у Сумарокова въ его разсужденіи „О происхожденіи Россійскаго народа“ (см. выше, стр. 292). Послѣ него тексты польскій, чешскій и сербскій (далматинскій), напечатанные впервые (въ 1794 г.) подлиннымъ латинскимъ алфавитомъ (хотя и не безъ ошибокъ, благодаря типографскимъ условіямъ), находимъ въ начальномъ учебникѣ французскаго языка, составленномъ Ѳедоромъ Каржавинымъ: „Новая и полная азбука и т. д.“. (См. полное заглавіе въ концѣ главы, приложеніе Е, № 11).

на Россійскомъ и простомъ, или общенародно нынѣ Греками употребляемомъ языкѣ, въ пользу Россійскаго юношества и Грековъ, желающихъ обучаться Россійскому языку, изданные Московской Славено-Греко-Латинской Академіи Учителемъ Іеродіакономъ Владиміромъ. Москва. Въ Унив. Типогр. у Ридигера и Клаудія. 1795. 8°. 1 загл. листъ+137 стр. (Имп. Публ. Библ.).

5) Словарь простаго, или общенародно нынѣ Греками употребляемаго языка, содержащій въ себѣ, по показанію произношенія каждой буквы, 1) краткое начертаніе Грамм. правилъ онаго языка, какъ-то: склоненія, спряженія и сочиненія словъ 2) Лексіконъ чистыхъ Еллинскихъ словъ, употребляемыхъ въ простомъ Греческомъ языкѣ, съ Россійскимъ переводомъ, за которымъ наконецъ 3) слѣдуетъ Россійско-просто-Греческій лексіконъ, въ которомъ помѣщены многія употребительнѣйшія рѣченія, съ поставленными надъ каждымъ Россійскимъ словомъ оксіами, или удареніемъ, собранный въ пользу Россійскаго юношества и грековъ, желающихъ обучаться Россійскому языку, Московскія славено-греко-латинскія академіи Р. А. Меѳодіемъ. Москва. Въ Унив. типографіи, у Ридигера и Клаудія. 1795. 8°. 278. (Имп. Публ. Библ.).

[1]) Разговоры (домашніе), Россійскіе и Молдавскіе, съ пріятельскими комплиментами; изд. Протоіереемъ Молдавскимъ и Бессарабскимъ, Михайломъ Стрелбецкимъ, въ собственной своей типографіи. Яссы. 1789 (Сопиковъ, № 9442. Въ библіотекахъ Имп. Ак. Наукъ и Публ. не имѣется).

[2]) 1) Польскій общій Словарь и Библейный съ Польскою, Латинскою, Россійскою новоисправленною библіями смѣчиванъ; и по порядку книгъ, главъ и стиховъ, тройственнымъ штилемъ, высокимъ, среднимъ и простонароднымъ на Россійскій языкъ переведенъ Коллежскимъ ассесоромъ Киріякомъ Кондратовичемъ. Въ Спб. При Имп. Акад. Наукъ. 4°. 6 непум. + 292 стр. (Библ. Спб. Унив. и Имп. Публ.). Въ концѣ (стр. 255—292) находится «Польскій Библейный словарь самыхъ странныхъ именъ Великороссіянамъ неудобноразумѣваемый, смѣчиванъ съ троими печатными библеи, съ Польскою переведенною съ Еврейскаго и съ Греческаго языковъ; съ Латинскою Вульгатною,

Довольно много учебниковъ вышло по классическимъ языкамъ: греческому и латинскому. По первому изъ нихъ насчитывается не менѣе 9 грамматикъ [1]), относящихся по времени своего появленія большею частію къ послѣднимъ 35 годамъ XVIII столѣтія, нѣсколько другихъ краткихъ пособій (азбукъ и христоматій) [2]), но ни одного словаря. Недостатокъ послѣдняго возмѣщался лишь отчасти нѣкоторыми многоязычными словарями, въ которые входилъ и греческій языкъ (см. о нихъ ниже). Первымъ изъ нихъ былъ упомянутый уже выше (стр. 198) „Лексиконъ треязычный“ Ѳ. Поликарпова.

Учебная литература по латинскому языку была богаче и возникла гораздо раньше аналогичной литературы по греческому языку. Такъ первая печатная латинская грамматика Копіевича вышла еще въ 1700 году (см. выше, стр. 197), слѣдующая за нею, предназначенная для преподаванія въ академической гимназіи въ Петербургѣ, явилась въ 1746 г. [3]), латино - нѣмецкіе вокабулы — въ 1732 г. (см. выше, стр. 325), а „домашніе разговоры“ на нѣсколькихъ языкахъ, въ томъ числѣ и на латинскомъ,—въ 1738 и лат. букварь—въ 1739 году. Очевидно, латинскимъ языкомъ больше интересовались, чѣмъ греческимъ. Такъ однихъ латинскихъ грамма-

или Іеронимовою, и съ Россійскою новоисправленною, не по алфавиту, но по порядку книгъ, главъ и стиховъ, отъ начала ветхаго закона, до конца новаго завѣта».

2) Грамматика Польская, для Пользы и Употребленія Россійскаго Юношества, изданная Академіи Кіевской Учителемъ Исторіи Географіи и Польскаго языка Максимомъ Сѣмигиновскимъ въ Кіевѣ. Печатано въ типографіи Академіи Кіевской при Лаврѣ Печерской. 1701 г. 8°. XVI + 159 + 1 стр. опечатокъ (Имп. Публ. Библ.).

3) Краткія правила Польскаго языка, съ присовокупленіемъ къ нимъ употребительнѣйшихъ словъ, разговоровъ и примѣровъ для чтенія въ пользу и удовольствіе желающихъ скоро выучиться оному. Изданная Яковомъ Благодаровымъ. Москва. Въ Унив. Типографіи. 1796 г. 12°. 4 + 80 стр. Ц. 50 к. (Имп. Публ. Библ.).

[1]) См. въ концѣ главы приложеніе І.

[2]) См. въ концѣ главы приложеніе К.

[3]) Сокращеніе грамматики латинской въ пользу учащагося латинскому языку Россійскаго юношества переведено чрезъ Василья Лебедева, переводчика при Академіи Наукъ. Въ Санктпетербургѣ при Императ. академіи наукъ. 1746 г. Мал. 8°. 335 + 4 ненум. стран. (Библ. Имп. Ак. Н.). Второе изданіе: Спб. 1762. 8°. (Библ. И. А. Н.) вышло подъ наблюденіемъ Ломоносова (см. Билярскаго, «Матеріалы для біографіи Ломоносова». Спб. 1865, стр. 624). Сопиковъ (№ 2902) указываетъ 3-е изд. Спб. 1774 г. Имѣется также изданіе 1779 г., озаглавленное: Краткая грамматика латинская въ пользу учащагося лат. языку Россійскаго юношества, прежде сего переведенная, а нынѣ вновь пересмотрѣнная и исправленная Академіи Наукъ переводчикомъ Васильемъ Лебедевымъ Въ Спб. При Имп. Ак. Наукъ 1779 г. 8°. 6 ненум. + 335 стр. + XVI

тикъ съ конца первой половины XVIII в. вышло не менѣе 9 [1]); азбукъ и другихъ подобныхъ руководствъ — не менѣе 12 [2]), словарей—5 [3]) и нѣсколько разныхъ другихъ пособій: христоматій [4]), основаній синтаксиса и стилистики [5]). Многія изъ этихъ пособій выдержали не одно изданіе.

Всю эту довольно богатую учебную литературу по отдѣльнымъ новымъ и древнимъ языкамъ еще болѣе увеличивали разныя многоязычныя пособія [6]), къ которымъ относится и рядъ спеціальныхъ научныхъ и техническихъ словарей [7]).

Настоящаго научнаго характера, конечно, ни одно изъ произведеній этой довольно богатой литературы не имѣло, но извѣстное и притомъ довольно большое историческое и подготовительное значеніе за нею должно быть признано. Нѣкоторыя изъ пособій (особенно словарей) были для своего времени очень обстоятельными и полными. Оригинальныхъ трудовъ среди нихъ было совсѣмъ мало. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это были передѣлки, а то такъ и простые переводы учебниковъ и словарей, вышедшихъ на западѣ и уже получившихъ тамъ большее или меньшее распространеніе. Такимъ образомъ, при добромъ желаніи, русскій человѣкъ XVIII вѣка, особенно во второй его половинѣ и послѣдней четверти, могъ учиться главнѣйшимъ новымъ и древнимъ языкамъ по руководствамъ, написаннымъ на его родномъ языкѣ. Такъ какъ почти всѣ эти руководства представляли собой переводы или легкія передѣлки соотвѣтственныхъ пособій, употреблявшихся на западѣ, то, очевидно, наша учебно-лингвистическая литература XVIII в. по качествамъ не многимъ уступала аналогичной западной, не будучи, однако, въ состояніи равняться съ нею количествомъ. Во всякомъ случаѣ ростъ этой литературы свидѣтельствовалъ о развитіи нашего просвѣщенія и совпадалъ

(прибавленій, переведенныхъ изъ грамматики, называемой Marchica). Седьмое изданіе вышло тамъ же въ 1792 г. (8°. 6 ненум. + 336 стр. + XVI прибавленій). Учебникъ этотъ принадлежалъ къ очень употребительнымъ и продолжалъ издаваться и въ XIX в. Въ библіотекѣ Спб. Университета имѣется 10-е изданіе (Спб. 1808 г. 8°. XV + 336 стр. + 4 ненум.). Грамматика Лебедева содержала въ себѣ этимологію, синтаксисъ, просодію и календарь, не считая прибавленій (стилистическія и синтактическія правила).

[1]) См. въ концѣ главы приложеніе Л.

[2]) См. въ концѣ главы приложеніе М.

[3]) См. въ концѣ главы приложеніе Н.

[4]) См. въ концѣ главы приложеніе О.

[5]) См. въ концѣ главы приложеніе П.

[6]) См. въ концѣ главы приложеніе Р.

[7]) См. въ концѣ главы приложеніе С.

также и съ появленіемъ уже вполнѣ оригинальныхъ печатныхъ грамматическихъ работъ по нѣкоторымъ восточнымъ языкамъ, хотя покуда еще очень немногочисленныхъ (см. ниже гл. XIII).

Немаловажное значеніе имѣетъ разсмотрѣнная литература для исторіи нашей грамматической терминологіи. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ перечисленныхъ выше учебниковъ [1]) явились *раньше* „Россійской грамматики“ Ломоносова (1755 г.) и потому должны быть приняты во вниманіе при рѣшеніи вопроса о времени появленія тѣхъ или другихъ грамматическихъ терминовъ. Терминологія этихъ учебниковъ примыкаетъ, разумѣется, къ терминологіи М. Смотрицкаго, и это объясняетъ намъ, почему нѣкоторыя нововведенія въ этой области, сдѣланныя Ломоносовымъ, не привились. Такъ въ нѣмецкой грамматикѣ 1745 г. находимъ *междометіе* (такъ и во франц. грамматикѣ Теплова 1752 г.), а не *междуметіе*, какъ у Ломоносова, тамъ же, рядомъ съ терминомъ *складъ* (какъ у Ломоносова), находимъ и *слогъ, слоги*; здѣсь же находимъ современные термины: *членъ опредѣленный* и *неопредѣленный, окончаніе* (Endigung), *главное предложеніе* (Hauptsatz), *тоническое удареніе, косвенные* падежи (casus obliqui), стихи *ямбическіе, трохеическіе, дактилическіе* и т. д. Verba auxiliaria передаются еще здѣсь по русски: глаголы *помогающіе* (такъ и во франц. грамматикѣ Теплова 1752 г.), и лишь сорокъ слишкомъ лѣтъ спустя мы находимъ терминъ: глаголы *вспомогательные* (въ нѣмецкой грамматикѣ Шалля, 1786 г.).

Значительную роль въ развитіи вышеразсмотрѣнной учебно-лингвистической литературы играли наши молодыя учебныя заведенія XVIII вѣка: кадетскіе корпуса, академическая гимназія въ Петербургѣ, Московскій университетъ и гимназіи при немъ, а также и духовныя высшія учебныя заведенія, какъ Кіевская и Московская духовныя академіи. Очень многіе грамматическіе учебники и словари были изданы именно для нуждъ преподаванія въ перечисленныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Особыя заслуги по изданію этихъ пособій принадлежатъ Н. И. Новикову, по почину котораго нѣкоторыя изъ нихъ были даже и составлены. Имя его, какъ издателя указанныхъ пособій, столь важныхъ для развитія нашего просвѣщенія, встрѣчается очень часто. За нимъ уже слѣдуютъ позднѣйшіе арендаторы московской университетской типографіи—Ридигеръ и Клаудій и другія лица и учрежденія, занимавшіяся изданіемъ подобныхъ учебниковъ и пособій.

[1]) Нѣмецкія грамматики 1730, 1734, 1745 г., французскія грамматики 1730 и 1752 гг. (въ послѣднемъ году двѣ: Теплова и Делаваля), латинская грамматика 1746 г. и т. д.

Рядомъ съ учебниками, хотя бы и переводными, но изданными въ Россіи, употреблялись у насъ, особенно въ первое время, и руководства заграничнаго изданія. Такъ въ вѣдомости книгамъ, необходимымъ для академической гимназіи въ 1732 г. [1]), значатся: 8) Die Märckische grammatique, 9) Auszug der Märckischen grammatique, 17) Welleri grammatica graeca. Въ январѣ 1735 г., въ реестрѣ, «коликое число надобно книгъ къ ученію на 50 учениковъ» академической же гимназіи, находимъ, что для преподаванія латинской грамматики требовалось 25 экземпляровъ «Алваровъ или грамматикъ латинскихъ», кромѣ 25 экземпляровъ «Элементовъ или азбукъ латино-русскихъ» и 5 экземпляровъ «Лексиконовъ, или дицiонарiевъ славяно-латинскихъ» [2]). Точно такъ же, въ описи книгъ, вещей и т. п., принадлежащихъ академической гимназіи, отъ 23 марта 1748 г., показаны находящимися въ латинскомъ классѣ: Василья Фабра латинскій лексиконъ, печатанный въ Лейпцигѣ въ 1735 г. (2 т. in folio), и Фришевъ французскій и нѣмецкій лексиконъ (8°. Лейпцигъ, 1739) и т. д. [3]).

Знаніе новыхъ европейскихъ языковъ, несмотря на довольно изрядное количество пособій, стояло всетаки на сравнительно низкомъ уровнѣ, особенно въ первую половину XVIII в. Мы видѣли уже выше (стр. 324), что академическіе переводчики Ильинскій, Горлицкій и Сатаровъ, принимавшіе участіе въ переводѣ нѣмецко-латинскаго словаря Вейсмана (Спб. 1731), не знали по нѣмецки и переводили только латинскія значенія. Другой плодовитый переводчикъ XVIII в., одно время учитель лат. языка въ Екатеринбургской «латинской гимназіи», Киріакъ Кондратовичъ, которому академія, еще до принятія его въ свою службу, поручила переводить одинъ лексиконъ, писалъ (15 іюня 1740 г.) академіи: «что-жъ касается до Киршіева лексикона, то я не знаю нѣмецкаго языка, и ради того изъ иныхъ авторовъ толковать принужденъ», а въ іюлѣ 1741 г. вернулъ названный лексиконъ обратно непереведеннымъ [4]).

Довольно яркой иллюстраціей плохого знакомства съ иностранными новыми и древними языками въ это же время могутъ служить курьезныя транскрипціи русскими буквами иностранныхъ заглавій въ спискѣ книгъ, взятыхъ послѣ смерти Брюса въ академію наукъ въ 1742 г. Списокъ этотъ вѣроятно составлялся кѣмъ

---

[1]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. Акад. Наукъ», т. II. 178.

[2]) Тамъ же, стр. 576.

[3]) Тамъ же, т. IX, стр. 120—121.

[4]) Тамъ же, т. IV стр. 421—22.

нибудь изъ состоявшихъ при академіи переводчиковъ и т. п. мелкихъ служащихъ. Транскрипціи эти не представляютъ буквальной подстановки русскихъ буквъ подъ иностранныя, но мѣстами находимъ въ нихъ и поползновенія передать произношеніе. Такъ въ спискѣ значатся: «Филозофикалъ принцыплесъ офъ релижіонъ натураль на аглинскомъ языкѣ, Рекуль (Recueil!) демблемсъ диверсъ медалу (?) на франц. языкѣ, Мусіеумъ (Musaeum!) спицкумъ Теофили Сижефриди Баери на лат. языкѣ, Атреатисъ (A treatise!) офъ теп силентъ онъ вапорсъ (?) на агл. языкѣ, Эрцейгункъ (Erzeugung?) деръ менишнъ на нѣм. языкѣ» и т. д. [1]). Подобныя же курьезныя транскрипціи имѣются въ «Любопытной азбукѣ» 1793 г. (см. въ концѣ главы приложеніе Р. № 1).

Нѣкоторые европейскіе языки совсѣмъ или почти совсѣмъ не изучались у насъ. Такъ, напримѣръ, мы не имѣемъ указаній на знакомство съ испанскимъ языкомъ, если не считать заглавія одной изъ книгъ библіотеки бывшаго князя Дмитрія Голицына, взятой въ 1739 г. въ академію наукъ: «Наставленіе мужа праведнаго. Переведена съ гишпанскаго языка съ придаппымъ авторомъ съ Сектейдіамъ» [2]). Но переводъ этотъ могъ быть сдѣланъ и съ какого нибудь другого европейскаго языка, на который былъ переведенъ «гишпанскій» подлинникъ. Примѣры такихъ переводовъ, какъ извѣстно, нерѣдки и въ наше время.

Преподавателями европейскихъ языковъ были люди большею частью мало образованные и совсѣмъ не знакомые съ русскимъ языкомъ. Такъ преподаватель нѣмецкаго языка въ академической гимназіи, Шваневицъ, по отзыву академика Г. Ф. Мюллера, былъ человѣкомъ недостаточно образованнымъ (см. выше, стр. 324), а въ январѣ 1749 г. канцелярія академіи наукъ, по поводу требованія академическаго регламента, чтобы обученіе иностраннымъ языкамъ происходило на русскомъ языкѣ, свидѣтельствовала о неудачѣ своихъ ревностныхъ стараній «пріискать искусныхъ учителей, которые бы могли помянутымъ образомъ обучать». Въ виду такой неудачи, канцелярія академіи ходатайствовала объ оставленіи преподаванія иностранныхъ языковъ на прежнихъ основаніяхъ [3]). Если таково было положеніе дѣла въ академической гимназіи, поставленной въ особо благопріятныя условія, благодаря компетентности академиковъ, надзиравшихъ за преподаваніемъ въ ней и имѣвшихъ многочисленныя знакомства и связи

---

[1]) Тамъ же, т. V, стр. 172—173—176 и т. д.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 178.
[3]) Тамъ же, т. IX, 650—51.

за границей, то въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ оно, конечно, стояло на еще болѣе низкомъ уровнѣ [1]). Исключенія изъ общаго правила наблюдались, и среди тогдашнихъ преподавателей новыхъ языковъ встрѣчались образованные люди и хорошіе педагоги (графъ Ранцовъ, О. Каржавинъ, Гельтергофъ), но они были рѣдки. Тѣмъ не менѣе знаніе иностранныхъ новыхъ и древнихъ языковъ къ концу XVIII в. распространялось у насъ все шире и шире. Спросъ на учебники росъ и вызывалъ появленіе новыхъ руководствъ. Въ послѣднюю четверть XVIII в. является даже родъ введенія въ филологію, исторію и практическую педагогику, правда переводнаго, но очевидно отвѣчавшаго назрѣвшей потребности въ подобномъ руководствѣ. Книга эта носила заглавіе: «Способъ, которымъ можно учить и обучаться словеснымъ наукамъ. Сочиненъ г. Ролленомъ, а съ франц. языка на россійской переведенъ Иваномъ Крюковымъ. 8 частей. Въ Спб. при Имп. Акад. Наукъ»: Часть I (ц. 50 к. 1774 г. 17 нум. стр.+3 ненум.+378 нум.+ +2 ненумер. [опечатки]), кромѣ общихъ педагогическихъ наставленій (о цѣляхъ обученія дѣтей, въ какихъ лѣтахъ можно начинать обученіе, чему учить и т. д.), заключала въ себѣ главы: о франц. грамматикѣ (стр. 150—157), о знаніи языковъ (стр. 255), о изученіи франц. языка (стр. 256—378); вторая часть (ц. 70 к. 1775 г. 3 ненум. листка [заглавіе и реестръ]+341+2 ненум. [опечатки]) также трактовала во II главѣ «о изученіи Греч. языка. § 1 Польза и надобность сего языка (стр. 1—25). II. Какимъ порядкомъ надлежитъ обучать оному (25—47)», а въ III главѣ говорилось «о изученіи лат. языка (стр. 47—142: о томъ, что надлежитъ дѣлать въ 6 и 5 классахъ, о томъ, что должно наблюдать въ высшихъ классахъ. О обыкновеніи заставлять говорить по Латынѣ въ классахъ)». Въ этихъ двухъ частяхъ заключается цѣлый рядъ грамматическихъ замѣчаній о франц. и латинск. произношеніи, стилистикѣ и т. д. Слѣдующія части трактовали: о реторикѣ (ч. III, 1779), о 3 родахъ краснорѣчія (ч. IV, 1779), о исторіи (ч. V, VI, 1780, и VII, 1783), «о правленіи классовъ», т. е. классной дисциплинѣ, личномъ составѣ и т. д. (ч. VIII, 1783). На книгу былъ очевидный спросъ и повидимому болѣе всего на первыя двѣ части, потому что онѣ вышли новымъ изданіемъ въ 1783 г. (безъ обозначенія, которое изданіе), а всѣ 8 частей вторымъ изданіемъ—въ 1789 г. (всѣ изданія имѣются въ Имп. Публ. Библ.).

[1]) См., напр., характеристику преподавателей новыхъ языковъ въ Казанской первой гимназіи у Владимірова, «Историческая записка о 1-й каз. гимназіи», Ч. I. Казань 1867, стр. 38.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Грамматики нѣмецкаго языка.

1) Нѣмецкая грамматика, сочиненная въ пользу и употребленіе Благороднаго Юношества. При Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ. Печатана въ типографіи онаго жъ корпуса. Спб. 1760. 8°. 394 стр. + 1 ненум. (Имп. Публ. Библ.). Грамматика эта представляетъ передѣлку нѣм. грамматики Готшеда, какъ это видно изъ заключительныхъ словъ учебника, въ которыхъ читатель отсылается къ «сочиненной Г. профессоромъ Годшейдомъ пространной Грамматикѣ, которой и при сочиненіи сей книги по большей части слѣдовано» (стр. 394). (Очевидно 1-е изданіе учебника, приведеннаго ниже подъ № 3).

2) Краткая нѣмецкая грамматика, собранная изъ разныхъ авторовъ въ пользу Россійскаго юношества, переводчикомъ Михайломъ Агентовымъ, обучающимъ въ гимназіи Императ. Московск. Университета Нѣмецкой Синтактической классъ. Печатана въ Университ. типографіи въ 1762 году, чрезъ фактора Гоіера». 8°, 8 ненум. + 196 стр. + 2 ненум. (И. П. Б.). 2-е изд. съ прибавленіемъ синтаксиса. Иждивеніемъ университетскаго книгопродавца Христіана Ридигера. Въ университ. типографіи. Москва. 1779. 8°. V + 264 стр. (Имп. Публ. Библ.). 3-е изд. съ прибавленіемъ синтаксиса. Москва. 1789. Въ унив. тип. 8°. 6 ненум. + 200 стр. (Имп. Публ. Библ.).

3) Готшедова нѣмецкая грамматика, вновь исправленная и для пользы и употребленія россійскаго благороднаго юношества напечатанная, вторымъ тисненіемъ. Спб. При морскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ. 1769. 8°. 421 стр. (Очевидно второе изданіе учебника, приведеннаго выше подъ № 1. Сопиковъ, «Опытъ росс. библіогр.» № 2926 невѣрно считаетъ это изданіе первымъ и указываетъ изданія: 2-е [т. е. 3-е]: Спб. 1789 и 3-е [4-е]: Спб. 1791). Имѣется въ библ. Спб. Унив.

4) Нѣмецкая грамматика, въ которой не токмо всѣ части рѣчи или произведеніе словъ, но и синтаксисъ или сочиненіе словъ, оба надлежащими примѣрами объяснены, въ пользу россійскаго юношества. Издана учителемъ нѣмецкаго языка, въ Московскомъ Императ. Университетѣ [Гельтергофомъ]. Печатана при универс. типографіи, 1770 году. Москва 8°. II ненум. + 274 + + II ненум. Это былъ первый учебникъ нѣм. языка, въ которомъ имѣлся и болѣе подробный синтаксисъ. (2-е изданіе грамматики Агентова, «съ прибавленіемъ синтаксиса» вышло только въ 1779 г. См. выше). Книжка снабжена интереснымъ предисловіемъ автора, въ которомъ онъ сообщаетъ, что его книгу «при совѣтованіи его начальствующихъ отчасти надобность, а отчасти къ обществу любовь произвели на свѣтъ. Намъ... не доставало печатнаго Синтаксиса». Прежде изданныя грамматики авторъ считаетъ неудачными въ отношеніи синтаксиса. Интересно слѣдующее мѣсто, свидѣтельствующее о рѣдкой и въ наше время широтѣ взгляда автора на педагогическіе пріемы: «есть ли бы я причину имѣлъ думать, что юношество по какимъ либо мѣстамъ, какъ то за 50 лѣтъ тому назадъ, было употребительно, подъ угрозою наказанія будетъ принуждаемо, всѣ въ сей Грамматикѣ находящіеся Правила и Примѣчаніи отъ слова до слова на изустъ выучать, то я бъ теперь весьма сожалѣлъ о томъ, что къ сочиненію сей Грамматики приложилъ трудъ свой. Но я увѣренъ, что сего мрачнаго и мучительнаго времени въ наши нынѣ просвѣщенныя времена не многіе уже слѣды остались». Авторъ въ заключеніе полагаетъ, что въ грамматикѣ «обязанъ учитель подчиненныхъ своихъ заста-

влять болѣе дѣйствовать разумомъ». 2-е изданіе этой грамматики вышло, по указанію Сопикова, цитирующаго заглавіе книгв, по обыкновенію, неточно (№ 2930), въ 1775 г.; 3-е изданіе «съ пополненіемъ многихъ полезныхъ примѣровъ, изъ лучшихъ нѣм. авторовъ» вышло въ М. въ 1784, въ 8°, а 4-е въ 1791 (Сопиковъ, № 2932). Руководсгво это часто издавалось и впослѣдствіи, даже въ XIX в. (10-е изданіе, по указанію Сопикова, вышло въ Спб. въ 1829 г.).

5) Kurze Deutsche Grammatik in Fragen und Antworten zum Gebrauch der Kaiserlichen Gymnasien zu Moskau. Краткая нѣмецкая грамм. съ вопросами и отвѣтами для употребленія при Императорскихъ Московскихъ Гимназіяхъ. Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи. Москва. Въ унив. типогр. у Н. Новикова. 1782. 8°. 47 стр. (Сопиковъ, № 2947, откуда то сообщаетъ имя издателя или автора ея, Матвѣя Гаврилова, въ книжкѣ нигдѣ не названнаго).

6) Новой нѣмецкой грамматики отдѣленная и предварительная часть для употребленія Императорскаго Сухопутнаго Шляхетскаго Кадетскаго корпуса. Соч. Шалля. Спб. при Имп. Акад. Наукъ. 1786. 12°. XX + 304 + 3 ненум. стр. (Библ. Спб. Унив.). Въ предисловіи составитель, «инспекторъ и профессоръ корпуса», И. Е. Ф. Шалль говоритъ, что составилъ свой учебникъ по отсутствію хорошихъ грамматикъ: «Нѣтъ ни одной хорошей, по крайней мѣрѣ для Россійскихъ училищъ. Правда, что есть двѣ писанныя на Россійскомъ языкѣ, изъ коихъ одна здѣсь, а другая въ Москвѣ издана (на дѣлѣ было больше); но также сверьхъ того, что наполнены погрѣшностими, не соотвѣтствуютъ намѣренію удобнаго ученія». Отсюда же узнаемъ, что коммисія народныхъ училищъ затребовала 200 экз. этой книжки.

7) Грамматика Нѣмецкая (новая), собранная изъ разныхъ авторовъ, для употребленія въ Сухоп. Шлях. Кад. Корпусѣ. Спб. 1788. (Сопиковъ, № 2934). Повидимому Сопиковъ имѣлъ въ виду книгу: «Новая нѣм. Грамматика въ пользу обучающагося юношества въ Имп. Шляхетномъ Сухопутн. Кад. корпусѣ. Сочиненная проф. Шалломъ. Печатана при ономъ же корпусѣ. 1789. 8°. 21, 263, 68 + 4 ненум. страницы (И. П. Б.).

8) Kurze Deutsche Wortforschung zum Gebrauch der Russischen Jugend. Краткое Нѣмецкое Словопроизведеніе для употребленія Россійскаго юношества. Москва. Въ Университетской Типогр. В. Окорокова. 1789. 8°. 66 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.).

9) Новый легчайшій способъ самому безъ помощи учителя учиться правильно по Нѣмецки. Содержащій въ себѣ изображенія, произношеніе и выговоръ въ цѣлыхъ реченіяхъ всѣхъ Нѣмецкихъ буквъ съ показаніемъ ихъ употребленія, также разные полезные разговоры, пріятныя повѣсти, правоучительныя письма съ пріобщеніемъ довольнаго собранія употребительнѣйшихъ въ общежитіи словъ. Въ пользу Россійскаго юношества. Издается иждивеніемъ сочинителя онаго Содержателемъ Благороднаго въ столичномъ городѣ Москвѣ Пансіона Матвѣемъ Блемеромъ. М. Въ Сенатской типогр., у В. Окорокова. 1795. 8°. XIV. 297 + 4 нев. (Имп. Публ. Библ.).

10) Новая Нѣмецкая Грамматика, или руководство правильно говорить и писать по нѣмецки, основанное на правилахъ лучшихъ нѣмецкаго языка учителей: Аделунга, Гейнаца и Морица, изданное Колл. Секретаремъ Иваномъ Фабіаномъ, обучавшимъ при Имп. Моск. Университетѣ синтактической нѣмецкой классъ. Москва. Въ унив. типогр., у Ридигера и Клаудія. 1790. 8°. 4 ненум. + 218. (Библ. Имп. Ак. Н.).

11) Самоучитель Нѣмецкаго языка или вѣрный и легкій способъ самоучкою научиться по Нѣмецки правильно говорить и разумѣть писателей на ономъ

языкѣ, содержащій: 1. Чтеніе и произношеніе. 2. Удобопонятнымъ образомъ расположенную Грамматику. 3. Разговоры. 4. Словарь употребительнѣйшихъ словъ. Собрано изъ разныхъ лучшихъ учителей Нѣм. языка для употребленія желающихъ самимъ собою научиться по Нѣмецки Иваномъ Виноградовымъ. Цѣна 1 р. безъ переплета. Спб. при Губ. Правленіи. 1800 г. 8°. 168 стр. 2-ое изданіе: 1802. 8°. 230 стр. (Библ. Имп. Ак. Наукъ).

Б. Азбуки и буквари нѣмецкаго языка.

1) Азбука нѣмецкая съ Россійскимъ переводомъ. Спб. 1758. 8°. (Сопиковъ, № 1814).

2) То-же. Москва. 1760. 8°. (Сопиковъ, № 1813).

3) Наставленіе новое къ нѣмецкому чтенію. Спб. 1768. 8°. (Сопиковъ, № 6528).

4) Азбука нѣмецкая, съ россійскимъ переводомъ, вокабулами и разговорами. М. 1768. 8°. Ц. 20 к. (Сопиковъ, № 1804).

5) Азбука нѣмецкая, съ пріобщеніемъ нужнѣйшихъ словъ. М. 1773. 8°. (Сопиковъ, № 1805).

6) Азбука нѣм., для дѣтскаго употребленія. Спб. 1779. 8°. (Сопиковъ. № 1806).

7) Азбука нѣм., съ вокабулами, разговорами и правоучительными правилами. М. 1779. 8°. (Сопиковъ, № 1807, указываетъ, что впослѣдствіи она неоднократно перепечатывалась).

8) Азбука нѣмецкая (новая) съ пріобщеніемъ собранія нужнѣйшихъ словъ, легкихъ стихотвореній и пріятныхъ повѣстей, для употребленія благороднаго россійскаго юношества. М. Тип. типографич. Комп. 1787. 8°. 71 стр. Ц. 30 к. (Сопиковъ, № 1808).

9) Азбука нѣм. (новая), съ россійскимъ переводомъ, сокращенною нѣм. этимологіею, и съ пріобщеніемъ употребительныхъ рѣченій, помощію коихъ можно научиться говорить по нѣмецки чисто и правильно. М. 1787. 8° Ц. 40 к. (Сопиковъ, № 1809). Послѣ неоднократно перепечатывалась.

10) Начальныя правила нѣмецкаго языка для употребленія Россійскаго юношества въ Гимназіяхъ Императорскаго Московскаго университета, собранныя Матвѣемъ Гавриловымъ. М., въ унив. типографіи, у В. Окорокова. 1790. 8°. VI + 1 ненум. + 72 стр. (составлено по грамматикамъ Гельтергофа и Аделунга, «частію жъ изъ собственныхъ опытовъ»). (Библ. Имп. Акад. Наукъ).

11) Азбука нѣм. (новая), съ Росс. переводомъ, или первыя начала нѣм. языка; сочиненная для нижнихъ Нѣмецкихъ классовъ Университетскихъ гимназій и вольнаго благороднаго Университ. пансіона. М. 1793. 8°. (Сопиковъ № 1810).

В. Разговоры для изученія нѣмецкаго языка.

1) Собраніе употребительныхъ рѣчей, (для) желающихъ въ короткое время научиться говорить по нѣмецки, изд. Ф. Вегелиномъ; съ росс. переводомъ. Москва. 1783. 4° (Сопиковъ, № 11038). Много разъ перепечатывались послѣ.

2) Домашніе разговоры. Gespräche von Haussachen. Riga, bey Johann Friedrich Hartknoch. 1789. Мал. 8°. 112 стр. (И. П. Б.).

3) Разговоры нѣмецкіе и россійскіе (новые), раздѣленные на 130 уроковъ, для употребленія юношества, и всѣмъ начинающимъ учиться симъ языкамъ; изд. Іоанномъ Филиппомъ Вегелиномъ. М. 1789. 12°. (Сопиковъ, № 9457). Послѣ неоднократно перепечатывались. Два изъ позднѣйшихъ изданій: Новые нѣм. и росс. разговоры, раздѣленные на 130 уроковъ для употребленія юношеству и всѣмъ начинающимъ учиться симъ языкамъ. Изданные Іоанномъ Филиппомъ Вегелиномъ. Новѣйшее изданіе. Москва, въ типографіи Се-

ливановскаго и товарища. 1792 г. 12°. 2 ненум.+VII + 355 стр. и другое, съ такимъ же заглавіемъ, тамъ же, 1794 г. 12°. IX + 355 стр. Кромѣ русскаго, есть и нѣмецкое заглавіе: Neue Deutsche und Russische Gespräche in 130 Lectionen eingetheilet, zum Gebrauch и т. д. (Имп. Публ. Библ.).

4) Neue Leichte Deutsche Gespräche in 150 Lectione (sic!) eingetheilt, und zum Nutzen der Jugend, die diese Sprache erlernen will, herausgegeben von B. Tretjakow. Новые легчайшіе разговоры, раздѣленные на 150 уроковъ, и въ пользу юношества начинающаго обучаться сему языку, изданные В. Третьяковымъ. Москва. Въ типографіи Селивановскаго и товарища. 1795. 12°. 16 ненум. + 344 стр. (Имп. Публ. Библ.).

Многоязычные разговоры, въ томъ числѣ и на нѣмецкомъ языкѣ, появлялись и раньше (въ 1738 г., въ 1749, въ 1776 г., не считая повторныхъ изданій одного и того же руководства). См. о нихъ ниже.

Г. Словари нѣмецкаго языка.

1) Der Deutsche Cellarius oder vortheilhaftes Wörter-Buch, woraus die nöthigsten Wörter der Deutschen Sprache ohne grosse Mühe und in kurzer Zeit zu erlernen sind. Нѣмецкой Целларіусъ или полезной лексиконъ, изъ котораго безъ великаго труда и наскоряе нужнѣйшихъ нѣмецкаго языка словъ научиться можно. Печатанъ при Имп. Моск. Унив. М. 1765. 8°. 4 ненум. + 368 стр. (Библ. Имп. Ак. Н. и Имп. Публ.).

Реестръ россійскихъ словъ изъ краткаго нѣмецкаго Целляріева лексикона выбранный и по алфавиту расположенный. Печатанъ при Имп. Моск. Унив. 1767 г. 8°. 136 стр. (примыкаетъ къ предыдущему. И. Публ. Библ.).

2) Россійской Целларіусъ, или этимологической россійской лексиконъ, купно съ прибавленіемъ иностранныхъ въ россійскомъ языкѣ въ употребленіе принятыхъ словъ також съ сокращенною россійскою этимологіей. М. 1771. 8°, 16 ненум. + 656. Изданъ Франц. Гельтергофомъ, лекторомъ нѣм. языка московскаго университета. (См. объ этой книгѣ выше, стр. 221—222). Новое измѣненное и дополненное изданіе его вышло въ М. въ 1778 г. п. з.: «Россійской Лексиконъ, по алфавиту съ нѣм. и лат. переводомъ изданный Франц. Гельтергофомъ Проф. Публ. Экстр. въ Имп. Моск. Унив. Russisches alphabetisches Wörterbuch mit deutscher und lateinischer Uebersetzung etc. Печатанъ при Имп. Моск. Унив. Ч. I. 8 ненум. + 338. Ч. II. 339—942 стр. (Имп. Публ. Библ.).

3) Лексиконъ Россійскій съ нѣмецкимъ и Нѣмецкій съ россійскимъ; изд. Яковомъ Родде. Рига. Въ типогр. Гарткноха. 1784. 2 ч. 8° (Сопиковъ, № 5924; Смирдинъ, Роспись. № 5964). Въ Имп. Публ. Библіотекѣ имѣется русско-нѣмецкая часть, озаглавленная: «Россійской лексиконъ по алфавиту изданной, Яковомъ Родде секретаремъ и переводчикомъ при Магистратѣ Россійско-Императорскаго города Риги. Въ Ригѣ. Въ (такъ!) Іогана Фридриха Гарткноха 1784. 8°. 2 ненум. + 418 стр. (въ концѣ книги: «Печатанъ въ Лейпцигѣ въ типографіи Іогана Готлоба Мануила Брейткопфа»).

4) Собраніе нѣмецкихъ и иностранныхъ, въ нѣм. языкѣ принятыхъ первообразныхъ словъ. Спб. Въ тип. Брейткопфа. 1792 г. 8°. 3 ненум. + 84 стр. (Имп. Публ. Библ.).

5) Словарь нѣмецко-россійскій и россійско-нѣмецкій стараніемъ Іоанна Гейма, колл. ассесора и Императорскаго Моск. Унив. профессора и подъбибліотекаря. Ч. I. содержащая нѣмецкое съ росс. переводомъ. Въ Ригѣ, прод. у Іогана Фридриха Гарткноха. Deutsch - Russisches und Russisch - Deutsches Wörterbuch etc. Полный Россійско-Нѣм. словарь по большому словарю Росс. Акад. сочиненный Иваномъ Геймомъ, надворнымъ совѣтникомъ, профессоромъ и суббибліотекаремъ при Имп. Моск. Унив. Ч. 2-я, содержащая россійское съ

нѣм. переводомъ. Рига и Лейпц. Прод. у Іоанна Фридр. Гарткноха. 1798. 8°. 11 ненум. + 2308 стлбц. Имѣется и изданіе этой части 1800 г. 8°. 17 ненум. + + 2308 стлб. (Имп. Публ. Библ.).

6) Полной Нѣмецко-Россійской лексиконъ, изъ большого грамматикально-критическаго словаря г. Аделунга, составленный съ присовокупленіемъ всѣхъ для совершеннаго познанія Нѣмецкаго языка нужныхъ словопзреченій и объясненій: издано обществомъ ученыхъ людей. Спб. 1798. 8°. Ч. I. IX + 1048 стр. Ч. II. 1060 + 4 ненум. стр. Печатано въ Импер. типографіи у Ивана Вейтбрехта. (Имп. Публ. Библ.). Къ этому словарю относится одно мѣсто въ «Извѣстіи о Словарѣ Францускомъ и Русскомъ и т. д.», напечатанномъ въ «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ» за 1778 г., ч. I, стр. 144. Послѣ извѣщенія о томъ, что переводъ французско-русскаго словаря уже конченъ, и приступлено къ его печатанію, сообщается, что другое общество ученыхъ людей трудится надъ лексикономъ нѣмецко-россійскимъ по словарю Аделунга, который начали печатать въ Лейпцигѣ два года назадъ. «Извѣстіе» обѣщало, что печатаніе этого перевода скоро начнется. Какъ видно, книга вышла, однако, только черезъ 20 лѣтъ послѣ предварительнаго сообщенія о ней.

Д. Грамматики французскаго языка.

1) Новая французская грамматика сочиненная вопросами и отвѣтами. Собрана изъ сочиненій господина Ресто и другихъ грамматикъ, а на Россійской языкъ переведена Академіи Наукъ Переводчикомъ Васильемъ Тепловымъ. Спб. при Имп. Акад. Наукъ. 1752. 8°. 454 стр. (съ глоссаріемъ важнѣйшихъ словъ). 2 изд. 1762 г. 8°. 380 + 149 (Имп. Публ. Библ.), 3-е 1777 г. 8°. 2 ненум. + 380. Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ этого изданія см. въ «Санктпетерб. Вѣстникѣ» 1778 г. стр. 243. Сопиковъ указываетъ еще 4-е изданіе 1787 г. (Имп. Публ. Библ. 8°. 2 нен. + 355 стр.) и 5-ое 1809; см. его «Опытъ росс. библіогр.», №№ 3003 и 3004. Переводъ Теплова былъ готовъ уже въ іюнѣ 1750 г. и затѣмъ переданъ на разсмотрѣніе Тредьяковскаго и Сумарокова. Первый писалъ, что переводъ «чистъ и вразумителенъ» и выражалъ надежду, что «грамматика сія великую пользу учинитъ учащемуся нашему юношеству, ежели напечатана будетъ, чего она и достойна». Такой же благопріятный отзывъ далъ и Ломоносовъ, послѣ чего студентъ Тепловъ былъ опредѣленъ переводчикомъ при Академіи, съ жалованьемъ 250 р. въ годъ. Въ виду достоинствъ перевода, другому переводчику, Горлицкому, отказано было въ печатаніи его перевода той же грамматики Ресто, хотя онъ и подалъ его раньше, вмѣстѣ съ переводомъ другой, анонимной грамматики «Начала французскаго языка». Изъ перевода Горлицкаго были взяты только «разговоры», которые рѣшено было приложить къ переводу Теплова. Послѣдній опредѣлено было печатать въ количествѣ 1225 экземпляровъ. «Начала франц. языка» Горлицкаго рѣшено было печатать въ такомъ же количествѣ, но осуществилось ли это постановленіе академіи, трудно сказать. По крайней мѣрѣ, грамматика съ подобнымъ заглавіемъ мнѣ не встрѣчалась *).

2) Explication de la Grammaire françoise avec de nouvelles observations, et des exemples sensibles sur l'usage de toutes ses parties. Dediée à son Altesse le Prince George Troubetskoye Par Mr. De Laval. Son Precepteur. A St.-Petersbourg. De l'imprimerie de l'Academie des Sciences. 1752. Изъясненіе новой французской грамматики съ примѣчаніями и примѣрами на всѣ части слова, приписано его сіятельству Князь Юрью Никитичу Трубецкому отъ

*) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ», т. IX, 491, 687, 690—91, 725, т. X, стр. 430, 448, 482—83, 643—44.

учителя Его г. Да Ла Валла. Печатана въ Спб. при Имп. Акад. Наукъ. 1752. 8°. 26 ненум. (заглавія, посвященіе, предисловіе) + 687 + 10 ненум. стр. (Errata, оглавленіе). Есть и другое изданіе того же года, отличающееся тѣмъ, что оба заглавія (фр. и русское) напечатаны на одной страницѣ (въ первомъ на двухъ) и съ исправленіемъ ошибокъ (напр. фамилія Troubetskoy напечатана вѣрно), посвященіе и предисловіе напечатаны болѣе компактно. Въ остальномъ нѣтъ разницы (8°. 22 ненум. + 687 + 10 ненум. Имп. Публ. Библ.).

3) Французская грамм. съ краткимъ употребленіемъ на всѣ части сочиненная въ сухопутн. шляхетн. кадетскомъ корпусѣ. Подмастерьемъ Васильемъ Бунинымъ. Спб. 1758. 8°. 158. 6 ненум. + 158. Посвящена кн. Н. Б. Юсупову, Вахмистру Л. Гв. коннаго полку, сыну директора шлях. кад. корпуса Б. Б. Юсупова (Библ. Спб. Ун.).

4) Краткія правила французской грамматики сочиненныя въ пользу учащагося въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ юношества. Въ Спб. 1761. 8'. 4 ненум. + 221 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.). Въ предисловіи авторъ такъ опредѣляетъ назначеніе своего учебника: «долговременное искусство подало случай сочинителю узнать большую часть несвойственнаго Французскому языку употребленія, въ которомъ Россіяне послѣдуютъ своему языку слово отъ слова; и такъ почелъ онъ за должность приложить стараніе къ отвращенію Россіянъ отъ сего недостатка подобно Пеплієру, старавшемуся отвратить нѣмцовъ, для которыхъ онъ писалъ, отъ Нѣмецкаго словъ расположенія во Французскомъ языкѣ». Въ заключеніе высказывается надежда, что «сія книга... должна тѣмъ паипаче понравиться такой націи, которой склонность къ Французскому языку ежечасно возрастаетъ», такъ какъ въ ней, «кромѣ общихъ правилъ», есть и спеціальныя для русскихъ, изучающихъ французскій языкъ.

5) Grammaire Françoise et Russe sur les principes des Meilleurs Auteurs, composée à l'usage de la jeunesse. De l'empire de Russie par Louis Comte de Rantzow. Imprimée à Moscau (sic!) chez l'Université Impériale (посвящена: A son altesse Monsieur le prince Michel Scharbatoff gentilhomme de la chambre de Sa Majesté L'imperatrice de toutes les Russies, et deputé de la noblesse de Jaroslaw pour la confection du nouveau code de droit). Грамматика Французская съ росс. переводомъ, основанная на лучшихъ авторахъ, сочинена для употребленія Россійскаго юношества Лудовикомъ Графомъ Ранцовымъ. Печатана при Имп. Моск. Университетѣ. 1769. 8°. 8 ненум. + 272 + 6 ненум. стр. (опечатки). (Имп. Публ. Библ.).

Не лишено интереса обращеніе автора къ князю Щербатову. Авторъ указываетъ, что имѣлъ честь содѣйствовать отчасти воспитанію князя, и проситъ не удивляться, что человѣкъ его происхожденія «s'est amusé à écrire une grammaire», которыхъ и безъ того много. «Mais quand il Vous plaira de Vous souvenir —продолжаетъ онъ—que je vis depuis longtems en Philosophe, qui n'estime aucun titre plus haut que ce lui, d'honnête homme, rien de plus digne de l'homme de qualité que de se rendre utile à la societé, j'ose me persuader que Vous ne trouverés plus si etrange que je me suis déterminé à faire mettre au jour ce petit essai». Переводы примѣровъ на русскій языкъ въ общемъ сносны, хотя изрѣдка попадаются галлицизмы, въ родѣ: «elle se croit authorisée de haïr son mari» = она себя думаетъ властно ненавидѣть мужа своего и т. д. (стр. 149).

6) Грамматика франц. сочиненная Г. Зигисбекомъ. Спб. 1770 (Сопиковъ, № 3008; въ библіот. Академической и Публичной ея нѣтъ).

7) Grammaire françoise abregée, faite Par démandes et reponses, avec la traduction russe. Seconde édition corrigée et augmentée de la syntaxe. Сокра-

щенная франц. грамматика расположенная по вопросамъ и отвѣтамъ, съ россійскимъ переводомъ вновь исправлена съ прибавленіемъ сочиненія частей слова Мартыномъ Соколовскимъ. Печатана при Имп. Моск. Университетѣ. 1770. 8⁰. 278 (Библ. Спб. Унив.). Сопиковъ (№ 12874) относитъ ея первое изданіе къ 1762 г., повидимому смѣшивая данную передѣлку французской грамматики де ла Туша со вторымъ изданіемъ грамматики Ресто, передѣланной Тепловымъ и стоящей у насъ подъ № 1. Во всякомъ случаѣ изъ приведеннаго здѣсь заглавія грамматики М. Соколовскаго видно, что мы имѣемъ дѣло со вторымъ ея изданіемъ. Дата перваго изданія мнѣ точнѣе не извѣстна. Грамматика эта много разъ переиздавалась. Третье изданіе (Н. Н. Б.) вышло въ 1778 (8⁰. 2 + 400 + 6 стр.). Четвертое изданіе ея озаглавлено: Grammaire Française faite par demandes et reponses avec la traduction russe etc. Франц. грамм. съ росс. переводомъ, расположенная по вопросамъ и отвѣтамъ, вновь исправлена четвертымъ изд., съ прибавленіемъ словъ, разговоровъ и писемъ Колл. ассесоромъ Мартыномъ Соколовскимъ. Москва. Въ Унив. типогр. у Н. Новикова. 1781. 8⁰. 400 стр. Одинаково съ нимъ 5-е изд. 1794 г. 8⁰. 408 стр.

8) Methode pour apprendre facilement le François, composée sur les models des meilleurs Auteurs en Quatre Parties. Par J. R. Gautier. Легкой способъ научиться франц. языку, основанный на примѣрахъ лучшихъ авторовъ и расположенной на четыре части Ж. Р. Готье. Спб. При морск. шляхетн. кад. корпусѣ. 1777. 4 вып. 8⁰. 85, 96, 105, 126 стр. (Библ. Спб. Унив.). Сопиковъ (№ 3035) указываетъ 2-е изд. 1787 г.

9) Францускан граматика при которой Исправнѣйшій Словарь, Дружескіе Разговоры, пословицы, Достойныя примѣчанія Исторіи и пристойныя на разные случаи писма. Изданная на немѣцкомъ (такъ!) языкѣ г. Пепліеромъ. А на россійской переведенная Н. С. К. Федоромъ Сокольскимъ. Въ Москвѣ. Въ Унив. Типогр. у Н. Новикова. 1780 г. 8⁰. 2 ненум. + 487 + 2 нен. стр. (опечатки). (Имп. Публ. Библ.). Сопиковъ (№ 3013) и Смирдинъ (№ 5785). указываютъ 2-е изданіе съ тожеств. заглавіемъ 1788 г.

10) Грамматика франц. или самый легчайшій способъ къ обученію франц. языка, сочиненная Ив. Астаховымъ. Спб. 1784 (Сопиковъ, № 3018). Смирдинъ (Роспись, № 5784) приводитъ повидимому эту грамматику (другое изданіе?): Самый легчайшій способъ къ обученію Франц. языку, то есть: говорить, читать и писать; или новая Франц. грамматика, то-есть, стиховникъ, соч. І. А. Спб. 1787. 8⁰. Впрочемъ у Сопикова (№ 11258) упоминается книга съ подходящимъ заглавіемъ: «Самый легчайшій способъ и т. д.» 1787 г. (Въ библіотекахъ Академіи Наукъ и Публичной этой книги нѣтъ).

11) Грамматика французская (новая) съ краткимъ словаремъ употребительныхъ вещей и проч. Изд. Васильемъ Протопоповымъ. Спб. 1789. (Сопиковъ, № 3016). Подлинное заглавіе ея, кажется, должно быть: «Способъ къ познанію франц. языка или новая франц. грамматика» (См. Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXV, стр. 558). (Въ библіотекахъ Академіи Наукъ и Публичной нѣтъ).

12) Новая франц. грамматика съ прибавленіемъ краткаго словаря употребительнѣйшихъ вещей; съ изъясненіемъ нужнѣйшихъ и простѣйшихъ разговоровъ; и съ модными привѣтствіями какія нынѣ употребляются въ большимъ свѣтѣ: Собранная изъ лучшихъ иностранныхъ писателей. Спб. 1790. Печатано въ Имп. Типографіи, иждивеніемъ Г. Н. Цѣна въ переп. 1 р. 8⁰. 128 стр. (Библ. Спб. Ун.).

13) Граммат. франц. (новая), содержащая въ себѣ краткія правила франц.

языка, сочиненная Ив. Соцомъ. М. 1790. (Сопиковъ, № 3017.) (Въ библіотекахъ Академіи Наукъ и Публ. нѣтъ).

14) Introduction a l'étude de la Grammaire Françoise à l'usage de la Jeunesse Russe par Jean Philippe Weguelin. Введеніе къ обученію грамматики Французской въ пользу росс. юношества. Перевелъ Имп. Моск. Унив. Бакалавръ Михайло Цвѣтковъ. Съ указнаго дозволенія. Москва, въ вольной типогр. при театрѣ у Хр. Клаудія. 8⁰. XX + 224 + 2 табл. (Библ. Имп. Акад. Наукъ).

15) Principes generaux de la grammaire Françoise tirés des meilleurs Auteurs nationaux, pour l'usage des nobles eleves de la pension de l'Université Impériale de Moscou. à Moscou. Imprimé dans la Typographie de l'Université Impériale chez Rüdiger et Claudi. 1794. 8⁰. 80 стр. (Библ. Спб. Унив.).

16) Abrégé des principes de la Grammaire Françoise. Par M. Restant. Reimprimé à l'usage du Corps Impérial des Nobles Cadets. Troasième édition. A St. Petersbourg. 1799. 8⁰. 143. (Библ. Спб. Унив.). Когда вышло первое изданіе?

17) Этимологія или подробныя наставленія о измѣненіи словъ Французской рѣчи, изданныя для употребленія въ Этимологич. Классахъ, въ Гимназіяхъ при Имп. Моск. Университетѣ, Французскаго Синтактическаго и Аглинскаго нижняго классовъ Учителемъ Тимоѳеемъ Переловымъ. Москва. Въ унив. типогр. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудіи. 1797. 8⁰. 66 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.).

18) Практическая фр. грамматика, изданная для среднихъ Французскихъ классовъ Благороднаго Университетскаго Пансіона, учителемъ означеннаго Пансіона Филиппомъ Гормичемъ. Москва. 1800. Въ Унив. типогр. у Ридигера и Клаудія. 8⁰. 194 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.).

Е. Азбуки и букварь французскаго языка.

1) Букварь французскій, съ росс. переводомъ. Спб. 1765. 8⁰. (Сопиковъ, № 2344).

2) Азбука франц. съ россійскимъ словаремъ и разговорами. Москва. 1767. 8⁰. (Сопиковъ. № 1875). Новое изданіе: Спб. 1784. 8⁰. (Сопиковъ, № 1876).

3) Наставленіе, какъ по французски исправно читать и произносить, съ собраніемъ словъ. Спб. 1767. 8⁰. Ц. 50 к. (Сопиковъ, № 6492).

Второе изданіе этого учебника, имѣющееся въ библіотекѣ Имп. Ак. Наукъ, озаглавлено: Наставленіе какъ по французски исправно читать и произносить. Въ Санктпетербургѣ. Печатано вторымъ тисненіемъ при морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. 1774 г. 8⁰. 154 стр. Содержаніе: азбука, упражненія въ чтеніи; басни, глоссарій, разговоры, примѣры склоненій и спряженій.

4) Французскій букварь, вновь расположенный, исправленный и дополненный противъ прежнихъ многими рѣченіями и нѣсколькими разговорами. Alphabet François nouvellement arrangé, corrigé et augmenté и т. д. Иждивеніемъ книгопродавца К. И. Миллера. Спб. Печат. въ вольной типографіи Вейтбрехта и Шнора. 1778. 8⁰. 128 стр. (Библ. Спб. Унив.).

5) Азбука французская, съ пріобщеніемъ вокабуловъ, разговоровъ, нравоучит. правилъ и молитвъ. Москва. 1783. 8⁰. (Сопиковъ, № 1874. Послѣ неоднократно перепечатывалась).

6) Азбука франц. (новая) и полная, заключающая въ себѣ, кромѣ обыкновенныхъ началъ, наставленія для самоучащихся въ правильномъ произношеніи буквъ и словъ французскихъ, краткій словарь, часто употребительные разговоры, полезныя нравоученія, басни и проч. Спб. 1785. 8⁰. Ц. 50 к. (Сопик. № 1877)

7) Азб. франц. (новая) или легчайшій способъ учиться читать, предлагающій начальныя правила о словахъ французскихъ, приведенныхъ въ удобнѣйшій порядокъ для употребленія благородному Россійскому юношеству. Москва. 1788. 8°. Ц. 50 к. (Сопиковъ, № 1878).

8) Азбука франц. (новая), съ пріобщеніемъ краткаго начертанія этимологіи, такъ же съ присовокупленіемъ служащихъ для упражненія въ оной выраженій и разговоровъ. Спб. 1790. 8°. (Сопиковъ, № 1882; подъ № 1883 указано новое второе изданіе: Москва, 1794. 8°. Издавалось и послѣ. 9-е изданіе вышло уже въ 1833 г.).

9) Азбука или новый способъ объяснять дѣтямъ начальныя правила Франц. языка, съ присовокупленіемъ словаря и разговоровъ на Франц. и Россійск. языкахъ. М. 1791. 8°. (Сопиковъ, № 1890). Не тожественна ли со слѣдующимъ № ?

10) Syllabaire méthodique, ou nouvelle méthode pour apprendre à bien lire, á l'usage des Commençans, suivi d'un vocabulaire François Russe. Par Jean Philippe Wegnelin. Новый методическій способъ учиться хорошо читать для употребленія обучающимся Франц. языку, съ присовокупленіемъ словаря на Франц. и Россійскомъ языкахъ, изданный Іоаномъ Вегелиномъ. Москва. Въ Типографіи Компаніи Типографической. 1791. 8°. 118 стр. (Имп. Публ. Библ.).

11) Новая и полная французская азбука, по которой можно самому выучиться, по правиламъ или безъ правилъ, аки бы съ помощью нѣкоего путеводителя или Вожака, выговаривать чисто и писать порядочно слова не только нынѣшняго, но и древняго французскаго языка. Собранная трудами публичнаго разныхъ языковъ учителя и переводчика Θеодора Каржанина. Во градѣ Святаго Петра, съ дозволенія Указнаго печатано у І. К. Шнора, 1794. 8°. 6 ненум. + 286 + 2 ненум. (И. П. Б.). Второе заглавіе гласитъ: Вожакъ, показывающій путь къ лучшему выговору буквъ и реченій французскихъ. Le Guide Français, par Theodore Karshavine. Le véritable honneur est d'être utile aux hommes. Во градѣ Святаго Петра, съ дозволенія Указнаго печатано у І. К. Шнора, 1794 г.

Эта довольно интересная книжка открывается посвященіемъ ея «Aux tres-honorables membres de la conference de l'univesité imperiale de Moscva». Авторъ (бывшій слушатель Парижск. университета) находитъ, что книги, назначенныя совершенствовать слово, должны появляться подъ покровительствомъ ученыхъ, представляющихъ собой прирожденныхъ знатоковъ и цѣнителей всѣхъ литературныхъ явленій: «l'âme s'élève et le genie s'échauffe, quand on approche des hommes que le flambeau de la science éclaire, et qui passent leurs jours à élargir par leurs travaux le cercle universel des connoissances humaines: leur coup d'oeil est un aiguillon, et leur suffrage une récompense». Далѣе слѣдуетъ описаніе латинской (французской) азбуки съ указаніемъ на ея разновидности (напр. косое письмо, готическое) у разныхъ народовъ, въ томъ числѣ и у славянъ (поляковъ, чеховъ, далматинцевъ; примѣры съ переводомъ на русскій языкъ приводятся въ концѣ книги, стр. 273—282); подробное наставленіе къ произношенію франц. словъ (съ русской ихъ транскрипціей), различныя стилистическія замѣчанія и т. д. Интересны образчики старо-французскаго языка (стр. 213 сл.) XIV—XVI вв., а также простонароднаго «рыночнаго» (стр. 244), и первые примѣры славянскихъ текстовъ, переданныхъ (не совсѣмъ вѣрно, вслѣдствіе отсутствія въ типографіи нѣкоторыхъ знаковъ) ихъ подлиннымъ правописаніемъ (славянскіе тексты приводились уже раньше Сумароковымъ въ его разсужденіи «О происхожденіи русскаго народа», но въ транскрипціи русской азбукой).

12) Alphabet français, ou nouvelle méthode d'enseigner aux enfans les premiers élémens de la Langue Française. Франц. азбука или новый способъ объяснять дѣтямъ начальныя правила Франц. языка; съ прибавленіемъ разныхъ нарѣчeній, употребительныхъ въ разговорахъ, также и правоучит. басенъ. Въ Москвѣ, въ типогр. Селивановскаго и товарища. 1794. 8°. 106 стр. Сопиковъ (№ 1879) говоритъ о неоднократныхъ изданіяхъ ея.

13) Начальныя основанія Франц. языка для Росс. юношества, а особливо для нижнихъ классовъ благороднаго пансіона при Моск. Университетѣ. Москва. 1794. 8°. (Сопиковъ, № 6728). Судя по заглавію, тожественно съ слѣдующимъ учебникомъ:

14) Азбука или начальныя основанія Франц. языка для Росс. юношества, а особливо для нижнихъ классовъ вольнаго благороднаго пансіона при Имп. Моск. Университетѣ. Москва. 1795. 8°. (Сопиковъ, № 1889).

15) Букварь французскій (новый), для обученія юношества, съ пріобщеніемъ словаря. Москва. 1796. 8°. (Сопиковъ, № 2347).

16) Азбука новая французская. Изд. второе, вновь пересмотрѣнное, исправленное и дополненное. Въ университетской типографіи у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. Москва. 1797. 8°. 148 стр. (Венгеровъ, «Русскія Книги», № 869). Когда вышло первое изданіе?

17) Букварь французскій (новый), съ пріобщеніемъ словаря франц. нарѣчeній и разговоровъ. Николаевъ. 1797. 8°. (Сопиковъ, № 2348).

18) Букварь (новый) французскій. Николаевъ. 1798. 8°. (Сопиковъ, № 12846). Второе изданіе предыдущаго учебника?

19) Новая французская азбука съ пріобщеніемъ краткаго начертанія этимологіи, также съ присовокупленіемъ служащихъ для упражненія въ оной выраженій и разговоровъ. Nouvel alphabet Français enrichi d'un abregé des principes de l'etymologie etc. Moscou. 1798. 8°. 124 стр. (Библ. Спб. Унив. У Сопикова нѣтъ).

20) Abc instructif, pour apprendre aux enfans Les élémens de la langue françoise. Поучительная Азбука, преподающая дѣтямъ начальныя правила Франц. языка. Съ дозволенія Моск. Цензуры. Москва. 1799. Въ Унив. типографіи у Ридигера и Клаудія. 8°. 74 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.).

Ж. Французскіе разговоры.

1) Рахмановы, Дмитрій и Павелъ: Comedies et dialogues françois et russes avec les explications des mots à l'usage des enfans qui commencent l'étude de la langue françoise. Разговоры и комедіи на франц. и росс. языкахъ съ объясненіемъ словъ для употребленія юношества, начинающаго учиться французскому языку. Печатаны въ типогр. Имп. Моск. Университета, на иждивеніе книгосодержателя Христіана Ридигера. М. 1778. 8°. 120 стр. (И. П. Б.).

2) Сопиковъ (№ 11038), приводя «Собраніе употребительныхъ рѣчей Ф. Вегелина для наученія нѣмецкаго языка», прибавляетъ: «то же, на Франц. и Россійскомъ языкахъ. Москва. 1783. 12°» съ указаніемъ, что руководство много разъ издавалось впослѣдствіи.

3) Разговоры (новые) Французскіе и Россійскіе, раздѣленные на 130 уроковъ, для употребленія юношества и всѣмъ желающимъ учиться симъ языкамъ; изд. Іоанномъ Филиппомъ Вегелиномъ. Москва. 1788 г. 12° (Сопиковъ, № 9478). По словамъ Сопикова, послѣ много разъ перепечатывались. Очевидно одно изъ этихъ позднѣйшихъ изданій принадлежитъ Имп. Публ. Библіотекѣ: Nouveaux Dialogues François et Russes, divisés en 130 leçons, à l'usage de la Jeunesse & de tous ceux qui commencent à apprendre ces langues, par Jean Philippe Weguelin. Новые разговоры французскіе и россійскіе, раздѣленные

на 130 уроковъ, для употребленія юношества и всѣхъ начинающихъ учиться симъ языкамъ, изданные Іоанномъ Филиппомъ Вегелиномъ. Москва. Въ Губ. Типографіи, у А. Рѣшетникова. 1803, мал. 8°. 251 стр.

4) Nouveaux dialogues français et russes Divisés en 99 thèmes sur les neuf parties du discours, ou Maniere très facile pour apprendre les principes de la grammaire françoise par Jean Fréderic Fabian. Новые Франц. разговоры съ россійскимъ переводомъ, раздѣленные на 99 задачь, показывающихъ свойство каждой части рѣчи, или легчайшій способъ узнать правила французской грамматики, изданный Иваномъ Фабіаномъ. Москва. Въ губернской типографіи у А. Рѣшетникова. 1799 г. 8°. 131 + III (оглавленіе) [Имп. Публ. Библ.].

3. Словари французскаго языка.

1) Лексиконъ россійской и французской въ которомъ находятся почти всѣ Россійскія слова по порядку Россійскаго алфавита. Ч. I. А.—Н. Въ Спб. 1762 г. 8°. 4 нен. + 376 нум. стр. (Имп. Публ. Библ.). Сопиковъ (№ 5928) и Смирдинъ (Роспись, № 5955) указываютъ на существованіе двухъ частей. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что предлагаетъ первую часть русско-франц. словари, какого у насъ еще не было и указываетъ на трудность составленія, по отсутствію пособій этого рода. Въ словарѣ въ алфавитномъ порядкѣ приводятся не только слова, но и разныя фразы и реченія. Такъ при словѣ берегъ стоятъ реченія: «изъ береговъ выступаетъ», «рѣка изъ береговъ выступила» и т. д.

2) Le Cellarius françois ou méthode trés facile pour apprendre sans peine et en peu de temps les mots les plus necessaires de la langue française avec un registre alphabetique des mots russes. Французскій Целларіусъ, или полезной лексиконъ, изъ котораго безъ великаго труда и наскоряе нужнѣйшимъ франц. языка словамъ научиться можно. Печатанъ при Имп. Моск. Университетѣ. 1769 г. 8°. 2 ненум. стр. + 668 стлб. и реестръ (Имп. Публ. Библ.). Сопиковъ (№ 5929) приписываетъ его составленіе лектору нѣм. языка, впослѣдствіи профессору Московскаго унив., Гельтергофу, но въ перечнѣ трудовъ названнаго ученаго, напечатанномъ въ его біографіи въ «Біографич. Словарѣ профессоровъ и преподавателей Имп. Моск. Университета» (Москва, 1855), словарь этотъ не упомянутъ. Второе изданіе, озаглавленное такъ же, но «съ приложеніемъ реестра по алфавиту Россійскихъ словъ» (avec un Registre Alphabetique de Mots Russes) вышло въ Москвѣ, въ Унив. типогр. у Н. Новикова. 1782 г. 6 ненум. + 668 стлб. и 168 ненум. стр. (Библ. Имп. Ак. Н. и Публ.).

3) Словарь Французскою Академіею сочиненный и четвертымъ тисненіемъ изданный въ Парижѣ 1762 года, а въ Санктпетербургѣ напечатанный съ прибавленіемъ Россійскаго языка въ 1773 году. Цѣна 1 р. 25 к. Буква А. In folio. XII+227 стр. (Имп. Публ. Библ.). Болѣе не выходило.

4) Recueil de mots russes, Disposés par ordre alphabétique, avec leur explication en François, Par Mr. le D. de S. N. (Дюкъ ди Санъ Никола). Pour son propre usage, en attendant un Dictionnaire de la même Langue. A Naples 1778, больш. 8°. 2 нен.+94 нум. стр. См. о немъ Н. П. Лихачевъ, «Русско-Французскій словарь, напечатанный въ Неаполѣ въ 1778 г. Библіографическая замѣтка». Спб. 1897.

5) Полной Французской и Россійской Лексиконъ, съ послѣдняго Лексикона Французской Академіи на Россійской языкъ переведенный собраніемъ ученыхъ людей. Въ Санктпетербургѣ. Печатано въ Импер. Типографіи. 1786. 2 ч. 4°. Ч. I, отъ А до К=7 нен.+684 стр.; Ч. II, отъ L до Z=2 ненум.+693+1 нен. (Имп. Публ. Библ.). Къ этому изданію очевидно относится «Извѣстіе о Сло-

варѣ Французскомъ съ Рускимъ, печатающемся нынѣ въ Санктпетербургѣ иждивеніемъ книгопродавца Вейтбрехта», появившееся въ «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ» 1778 г., ч. I, стр. 142—144. Здѣсь сообщается, что надъ переводомъ трудилось «общество ученыхъ людей», что онъ скопченъ, но нельзя еще предвидѣть, когда будетъ напечатанъ. Въ качествѣ образчика внѣшняго вида будущаго изданія, при журналѣ (издававшемся у того же Вейтбрехта) былъ приложенъ отрывокъ изъ 4-го листа словаря. Какъ видно, печатаніе тянулось цѣлыхъ 8 лѣтъ. Черезъ 12 лѣтъ по выходѣ перваго изданія потребовалось второе, «рачительнѣйше сличенное съ Французскимъ оригиналомъ, исправленное и дополненное Статск. Совѣтникомъ И. Татищевымъ. Спб. 1798. Печатано въ Имнер. Типографіи, у Ивана Вейтбрехта. 8°. I ч. A—K: 3 неп.+VIII +957 стр. II ч. L—Z: 3 неп. + 839. Сопиковъ (№ 5932) замѣчаетъ: «сей переводъ противу Французскаго подлинника весьма не полонъ».

II. Словари французскаго, русскаго и нѣмецкаго языковъ.

1) Собраніе словъ Французскихъ, Россійскихъ и Нѣмецкихъ. Спб. 1773. 8°. (Сопиковъ, № 11033). Новое изданіе: Спб. Въ Типогр. Сухопутн. Кадетск. Корпуса. 1786. 12° (Сопиковъ, № 11034). По указанію Сопикова, много разъ перепечатывалось впослѣдствіи. Въ Имп. Публ. Библ. имѣется подобная книга, очевидно XVIII в., но безъ заглавнаго листа. Второе заглавіе гласитъ: «Recueil de mots françois, Russes et Allemands. Собраніе словъ Французскихъ, Россійскихъ и Нѣмецкихъ. Französisch-Russisch-und Deutsches Wörterbuch. 8°. 149 стр. Повидимому, это собраніе тождественно съ совершенно такъ же озаглавленнымъ собраніемъ франц., русскихъ и нѣмецкихъ словъ, приложеннымъ ко второму изданію французской грамматики Ресто-Теплова (см. выше стр. 345) и имѣющимъ одинаковое число страницъ (149).

2) Россійскій съ Нѣмецкимъ и Французскимъ переводами словарь; сочин. Надворнымъ Совѣтникомъ Иваномъ Нордстетомъ. Спб. Иждивеніемъ типографщика и книгопродавца I. К. Шнора, 4°. Ч. I. A—Н, 1780 г., и Ч. II. 1782 г. буква O—V. 2 неп.+886+2 неп. стр. (Имп. Публ. Библ.).

3) Ручной Россійской Словарь съ Нѣмецкимъ и Французскимъ переводами (изданный Лангеромъ). Москва, въ вольной типогр. при театрѣ, у Хр. Клаудіи. 1792 г. 8°. 4 ненум.+454 стр. (Имп. Публ. Библ.). См. о немъ замѣтку (Карамзина) въ «Московскомъ журналѣ» 1792 г., ч. VIII, стр. 158—159.

4) Neues vollständiges Wörterbuch. Erste Abtheilung, welche das Deutsch-Russisch-Französische Wörterbuch enthält, erster Theil von A—K herausgegeben von Johann Heym, Russisch Kaiserlichem Collegien - Assessor, Professor und Unterbibliothecarius bey der Kaiserl. Moscowischen Universität. Новый и полный Словарь, Первое отдѣленіе, содержащее нѣмецко-россійско-французскій словарь. Часть первая. Отъ A до K изданный Иваномъ Геймомъ. Коллежскимъ Ассессоромъ, Профессоромъ и Суббибліотекаремъ при Имп. Моск. Университетѣ. Москва. Въ Унив. Типогр., иждивеніемъ Хр. Ридигера и Хр. Клаудія 1796 г. 4°. 12 ненум.+663 стр., Ч. II. L—Z. Москва. 1797. 2 ненум. +626 стр. Посвященъ И. И. Шувалову и М. М. Хераскову, кураторамъ Моск. Университета. Изъ предисловія видно, что авторъ пользовался цѣлымъ рядомъ словарей, въ томъ числѣ словарями Аделунга и Швана. Имѣется въ Импер. Публ. Библ.

5) Новый Россійско-Французско-Нѣмецкій словарь, сочиненный по словарю Россійской Академіи Иваномъ Геймомъ Надворнымъ Совѣтникомъ, Профес. и Суббибліотекаремъ Имп. Моск. Унив. и Проф. Исторіи и Географіи при Коммерческомъ Училищѣ. 3 т. 4°. Т. I. A—K. Иждивеніемъ Хр. Клаудія. Москва. 1799. Въ Унив. Типогр. у Ридигера и Клаудія. 12 ненум.+502 стр.; т. II. К—Р.

Москва, 1801 г. Въ Унив. Типогр. у Христофора Клаудія. 2 ненум.+652 стр. т. III. Р—V. Москва. 1802 г. Въ Унив. Тип. у Люби, Гарія и Попова. 2 нем. +398 стр. (Имп. Публ. Библ.).

I. Грамматики греческаго языка.

1) Institutionum linguae graecae liber, utilissimis regulis, cum aliis ad solidiorem hujus sacri idiomatis cognitionem observationibus, non solum ad rectam vocum σύνθεσιν, sed etiam ad conficiendum metrum graecum pernecessariis, ex variis auctoribus collectis indicibusque graeco et latino instructus et exhibitus in Academia Kijowomohylozaborowsciana nunc primis typis evulgatus. Wratislaviae apud Iohannem Iacobum Korn MDCCXLVI. Мал. 8⁰. 20 ненум. + 462 стр. + 54 ненум. (указатель). Предисловіе подписано: Hieromonachus Barlaam (Варлаамъ Лащевскій, сначала профессоръ греч. и еврейск. языковъ и префектъ въ Кіевской Академіи, впослѣдствіи—архимандритъ Московскаго Донскаго Монастыря и членъ св. Синода). По свидѣтельству студента Василія Петрова, переведшаго ее на русскій языкъ въ 1788 г. (см. ниже № 7), по ней начали обучать греческому языку въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и продолжали пользоваться ею съ этой цѣлью почти во всѣхъ названныхъ учрежденіяхъ еще въ концѣ 80-хъ гг. XVIII в. Въ предисловіи іеромонахъ Варлаамъ говоритъ, что греческая литература введена была въ Кіевской Академіи уже за 6 лѣтъ слишкомъ до изданія его книги, и обращается къ русскому юношеству съ увѣщаніемъ учиться по гречески: «Cui ergo convenit magis, quam tibi o *Iuventus Roxolana*, primas partes sacrae linguae Graecae tribuere, in ea exerceri, ea unice oblectari? Mihi crede, tantum tibi emolumenti hujus linguae cognitio ad omnia feret, quantam ejus ignorantia ignominiam pariet vel eo nomine, quod cum Graeci ritûs et sis et dicaris: tamen Spiritum S. Graeca lingua loquentem non intelliges, non intelliges SS. Patres sua lingua docentes и т. д. (См. объ этой книгѣ замѣтку Ст. Рож. «Къ исторіи классическаго образованія въ Россіи» въ журналѣ «Гимназія» за 1888 г. кн. III., стр. XCVIII, гдѣ, однако, заглавіе книги напечатано съ ошибками). Впослѣдствіи издавалась много разъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ въ Лейпцигѣ (въ 1779, 1785, 1791) и въ Москвѣ.

2) Грамматика греческая съ россійскимъ переводомъ 1765 г. (Сопиковъ, № 2886). Въ библ. Спб. Унив., Имп. Ак. Наукъ, Публичной и Спб. Дух. Акад. —нѣтъ.

3) Facilis et perspicua Grammatica Graeca cum appendice auctorum. Mosquae 1767. Упоминается Прозоровымъ въ его «Систематич. указателѣ книгъ и статей по греч. филологіи, напечатанныхъ въ Россіи съ XVII столѣтія по 1892 г.» (Спб. 1898). Вѣроятно это та грамматика, которую, по словамъ студента Василія Петрова, переводчика вышеупомянутой греч. грамматики Варлаама Лащевскаго, «собралъ при Имп. Моск. Университетѣ» въ 1767 г. на латинскомъ языкѣ, «по образцу Гальской», нѣкій Урбанскій (см. предисловіе Петрова къ его переводу грамматики Лащевскаго, приведенному у насъ ниже подъ № 7).

4) Греческая грамматика, собранная въ Московской Греко-Латинской Академіи изъ разныхъ грамматикъ, съ россійскимъ переводомъ. Москва. 1787. 8⁰. (Сопиковъ, № 2887).

5) Краткая грамматика древняго греческаго языка. Спб. 1787. 8⁰. (Сопиковъ, № 2888). Послѣ неоднократно издавалась. Четвертое изданіе (Спб. 1820 г. 8⁰) приводитъ Смирдинъ (Роспись, № 5748).

6) Греческая грамматика, или наставленія греческаго языка, собранныя изъ лучшихъ грамматикъ въ пользу обучающихся греческому языку въ Мос-

ковской Славено-греко-латинской академіи. Москва. Въ типографіи Пономарева, 1788 г. 8°. 8 ненум. + 378 стр. + 1 стр. погрѣшностей (Имп. Публ. Библ.). На оборотѣ заглавнаго листка: «оная грамматика продается въ Москвѣ... въ Академической Книжной Лавкѣ у купца Тимоѳея Полежаева. Тамъ же можно получать... и новую латинскую азбуку съ словаремъ». Учебникъ этотъ содержитъ этимологію, краткій синтаксисъ, просодію, краткія свѣдѣнія о разныхъ діалектическихъ формахъ, о числахъ и календарѣ. Посвящена Митрополиту Московскому Платону. Предисловіе-посвященіе подписано: греческаго языка учитель Семенъ Протасовъ. Въ началѣ его говорится, что Россія еще «не видала Греческой Грамматики на своемъ природномъ языкѣ (ошибочное мнѣніе, см. выше № 2, 4, 5), хотя и довольно имѣетъ любителей онаго». Имѣющіеся руководства на латинскомъ языкѣ отвращаютъ многихъ отъ изученія греческаго, и этимъ лишаютъ «тѣхъ безчисленныхъ выгодъ, какія проистекаютъ отъ сего полезнаго знанія» и производятъ «неблагополучное вліяніе и въ цѣлое общество, а наипаче въ Духовное званіе». Составлена грамматика Протасовымъ была по порученію Московской Академіи. Въ Имп. Публ. Библіотекѣ имѣется и другое изданіе этого руководства того же года, но болѣе мелкимъ шрифтомъ, безъ посвященія и предисловія: Наставленія греческаго языка сочиненныя въ московской славяно-греко-латинской академіи въ пользу обучающихся греческому языку въ оной же академіи и во всѣхъ семинаріяхъ, съ присовокупленіемъ словъ, находящихся въ новомъ завѣтѣ. Академіи Учителемъ Семеномъ Протасовымъ. Москва. Въ типогр. Пономарева, 1788. 8°. Загл. листъ + 378 стр.

7) Греческая грамматика, въ которой синтаксисъ, такъ же различные Греческіе діалекты и просодія изъ разныхъ древнихъ Писателей выбранными правилами и примѣрами объяснены. Переведена съ Латинскаго языка Студентомъ Васильемъ Петровымъ. Изданіе первое. Въ Санктпетербургѣ при Имп. Акад. Наукъ 1788 г. 8°. 16 ненум. + 488 стр. + 12 ненум. (указатели, опечатки) [Имп. Публ. Библ.]. Книга посвящена Вел. Князю Константину Павловичу и представляетъ собой переводъ вышеупомянутой грамматики Варлаама Лащевскаго, исправленной Георгіемъ Щербацкимъ. Въ предисловіи переводчикъ говоритъ о предшествующихъ аналогичныхъ учебникахъ и проситъ снисхожденія къ собственной грамматической терминологіи (переводной съ латинскаго и греческаго), которую ему приходилось до нѣкоторой степени создавать заново: «можетъ быть иныя Грамматическія наименованія по своей новости не покажутся нѣкоторымъ, но со временемъ слухъ къ онымъ привыкнетъ». Въ числѣ такихъ неологизмовъ находимъ у Петрова членъ *предположительный* (praepositivus) и *постположительный* (postpositivus), *отложительные* глаголы (deponentia), *причастодѣтіе* (супинъ), согласныя *тпемыя* (liquida: λ, μ, ν, ρ). *придуваемыя* (aspiratae), ударенія *послѣднее*, *предпослѣднее* и *запредпослѣднее* облеченное, острое и тяжкое (gravis), знаки *различительные* (diacritica), дыханія *тонкое* и *густое*, имена *разносклоняемыя*, родъ *пробщій*, имена числительныя — *основательныя* и *порядочныя* (количественныя и порядковыя) и т. д.

8) Краткая грамматика древняго греческаго языка, изданная по высочайшему повелѣнію царствующія Екатерины Вторыя. Цѣна безъ переплету 20 к. Спб. Печатано въ Имп. Типографіи. 1789 г. 8°. 4 ненум. + 91 стр. (Библ. Спб. Унив.). Учебникъ этотъ былъ изданъ Коммиссіей объ училищахъ.

9) Антоновичъ Павелъ (учитель греч. и лат. яз. въ гимназіяхъ Моск. Университета, † 1830 г.). Греческаго языка начальное познаніе. Часть I. Азбука, собранная изъ разныхъ лучшихъ Греческихъ азбукъ, содержащая въ себѣ простое наставленіе о произношеніи, нѣкоторыя употребительнѣйшія

молитвы, десятословіе, Ирмосы изъ Канона Святыя Пасхи, и другія мѣста изъ Свящ. Писанія; Гражданское и Нравственное ученіе съ Россійскимъ переводомъ. связно и сокращенно употребляемыя слова, и для чистаго письма прописи. Съ присовокупленіемъ къ оной Россійской, Церковной и Гражданской Азбуки, сокращенныхъ подъ титлами въ Россійскихъ церковной печати книгахъ употребляемыхъ словъ, и переведенной съ Греческаго для Россійскаго чистописанія прописи. Москва 1797 г. Печатана церковными и гражданскими буквами въ Моск. Синодальн. Типографіи 1796 г. 4°. 8 нен. + V + 1 нен. + + VIII + 5 + 39 стр. Часть II-я. Словопроизводство или этимологія, содержащая въ себѣ главнѣйшія осьми частей рѣчи правила, выполняя по возможности и Россійскія. Москва. Въ Унив. Тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. 1797. 4°. 95 стр. и грав. прописи. Часть III, см. ниже (христоматіи).

К. Азбуки, букварн и христоматіи греческаго языка.

1) Азбука греческая въ пользу россійскаго юношества. Печатана при Императ. Моск. Университетѣ. 1768 г. 8°. 56 (Библ. Спб. Ун.). Сопиковъ (№ 1783) указываетъ на неоднократныя перепечатки впослѣдствіи. Одно изъ этихъ изданій (второе?) носитъ также греческое заглавіе: Ἀλφάβητον Ἑλληνικόν εἰς τὴν χρῆσιν Ρουσσικῆς νεανότητος. Москва. Типогр. Унив. у Н. Новикова 1783 г. 12°. 60 стр. (Имп. Публ. Библ.). Смирдинъ (Роспись, № 5608) указываетъ третье изданіе: Москва. Въ унив. типогр. 1788. 12°.

2) Азбука Россійская, съ прибавленіемъ греческой азбуки (начиная съ 15-й стр. греческое заглавіе: Ἀλφάβητον Ἑλληνικόν πρὸς χρῆσιν καὶ σπουδὴν τῶν παίδων ἐξ ἐπιταγῆς ἐκτυπωθέν. Πετρουπόλει. Ἔτει 1782. Ἐν τῇ Αὐτοκρατορικῇ Ἀκαδημίᾳ τῶν Ἐπιστημῶν. 10 стр. 8°. Изданіе Академіи Наукъ).

3) Антоновичъ Павелъ. Греческаго языка начальное познаніе. Ч. I. Азбука, собранная изъ лучшихъ Греч. азбукъ и т. д. См. выше грамматики греч. языка, № 9.

Христоматіи 1) Разговоръ и разсказы. Διάλογος καὶ διηγήσεις. Πετρουπόλει. Ἐν τῇ Αὐτοκρατορικῇ Ἀκαδημίᾳ τῶν ἐπιστημῶν. Ἔτει. 1782. 4°. 231 стр. (И. П. Библ.). Смирдинъ (Роспись, № 5866) указываетъ второе изданіе «на одномъ россійскомъ языкѣ».

2) Ἐκλογαὶ ἐν τῶν Ἑλληνίδι φωνῇ γραψάντων συλλεχθεῖσαι μὲν ὑπὸ Χριστιανοῦ Φρηδερήχου τοῦ Ματθάιι и т. д. Избранныя мѣста изъ Греческихъ писателей, собранныя Христіаномъ Фридерикомъ Маттеемъ, а переведенныя съ Греческаго на Россійской языкъ для обучающихся въ Смоленской Семинаріи, той же Семинаріи Піитическаго, Историко-Географическаго и Греческаго классовъ Учителемъ Борисомъ Филоновымъ. Печатаны въ Унив. Типогр., у Н. Новикова. 1785. 12°. 155 стр. (Имп. Публ. Библ.).

3) Антоновичъ Павелъ. Греческаго языка начальное познаніе. Часть III. Нѣкоторыя мѣста, взятыя изъ Греческихъ древнихъ писателей, съ Россійскимъ переводомъ, состоящія изъ отборнѣйшихъ Езоповыхъ и Гавріевыхъ басенъ, писемъ, Лукіановыхъ разговоровъ, удивительныхъ изъ Аристотеля повествованій, его же описанія животныхъ и Лукіанова сновидѣнія. Москва. Въ Унив. Тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. 1797. 4°. 101 + 4 карт. (Имп. Публ. Библ.).

Л. Грамматики латинскаго языка.

1) Краткая латинская грамматика, сочиненная Господиномъ Целларіемъ, исправленная и умноженная Господиномъ Геснеромъ; съ нѣмецкаго на Россійской языкъ переведена при Имп. Моск. Университетѣ Элоквенціи профессоромъ Антономъ Барсовымъ. Печатано въ Унив. Типогр. чрезъ фактора Гоіера. Москва. 1762. 8°. 28 ненум. + 220 (И. П. Б.). Сопиковъ (№ 2907 и 2908) указываетъ 2-е и 3-е изданія (Москва. 8°. 1771 и 1789 г.).

2) Первыя основанія латынскаго языка Sive Rudimenta linguae latinae recens concinnata in usum gymnasii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Petropoli, Typis Academiae Scientiarum anno CIƆIƆCCLXV (1765). 8°. 3 ненум. листа + 307 стр. (Библ. Спб. Унив.): грамматика, нѣкоторые домашніе разговоры, молитвы, римскій календарь, глоссарій первообразныхъ словъ и т. д.

3) Грамматика латинская, для употребленія Россійскаго юношества, обучающагося въ Кіевской Академіи. Кіевъ. 1765. (Сопиковъ, № 2904).

4) Грамматика латинская, изданная при сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ. Спб. 1765 г. (Сопиковъ, № 2913).

5) Grammatica Latina, usibus Juventutis Rossicae summa cura Facilique Methodo Adornata nec non regularum ac exemplorum intepretatione rossica illustrata. Латинская грамматика, въ пользу Россійскаго Юношества тщательно и ясно съ россійскимъ переводомъ расположенная Николаемъ Бантышемъ-Каменскимъ. Въ Москвѣ. Въ унив. типографіи у Н. Новикова. 1779. Послѣ выдержала 11 изданій, по свидѣтельству Сопикова (№ 2910). Второе изданіе вышло въ 1781 («Русскія книги», Венгерова, т. II, стр. 57), третье: Grammatica Latina и т. д. Латинская грамм., въ пользу росс. юношества тщательно и ясно съ росс. переводомъ расположенная и при третичномъ изданіи исправленная и умноженная Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ. Цѣна восемьдесятъ коп. Въ Москвѣ. Въ Унив. Тип. у Н. Новикова. 1 сент. 1783 г. 8°. VIII + 392. Шестое изданіе: Gram. Latina и т. д. Съ одобренія Моск. Цензуры. Москва 1798. Въ Унив. Тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. 8°. VIII + 392 стр. (И. П. Библ.). Седьмое изд. уже вышло въ 1801 г.: Москва. Въ Унив. Тип. у Хр. Клаудія. 1801 г. 8°. VIII + 392 стр. (Библ. Спб. Унив.).

6) Grammatica Latina in usum juventutis rossicae. Грамматика латинская для употребленія россійскаго юношества, съ пріобщеніемъ краткой Хрестоматіи для нижнихъ классовъ. Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи. Въ Москвѣ. Въ Унив. Типографіи, у Н. Новикова, 1782 г. 8°. 8 ненум. + 323 стр. (И. П. Б.). Посвящена Платону, архіепископу Московскому и Калужскому. (Есть другое изданіе болѣе мелкимъ шрифтомъ и безъ посвященія, предназначенное очевидно для употребленія въ классахъ). Содержаніе: этимологія, loca selecta in usum tironum, colloquia selecta, loca selecta ex Cicerone. Инціатива изданія повидимому исходила отъ Общества любителей Россійской словесности, какъ можно судить по посвященію, подписанному: deuotissima Societas Litteraria amicorum. Въ составленіи книги принимали участіе Николай Евфимовичъ Поповъ, учитель лат. языка въ университетской гимназіи и Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ, впослѣдствіи профессоръ Моск. Университета (р. 1746 † 1815). Ее повидимому цитируетъ Сопиковъ (№ 2909), приписывающій ея изданіе проф. Маттеи.

7) Имман. Іоа. Герарда Шеллера. Сокращенное Латинское Языко-ученіе или Грамматика новѣйшая и изъ всѣхъ донынѣ изданныхъ Грамматикъ по всей Германіи самою лучшею и къ обученію юношества удобнѣйшею признаваемая. Съ нѣм. перевелъ М. А. Б. Москва. 1787. Въ Унив. Типогр. у Н. Новикова. 8°. 16 ненум. + 364 стр. (Библ. Спб. Унив.). Смирдинъ (Роспись № 5756) приписываетъ этотъ переводъ Антону Барсову, Геннади же—Андрею Брянцеву. Обѣ догадки вѣроятны только въ томъ случаѣ, если первая начальная буква М. означаетъ собой сокращенное «магистръ», что, однако, не очень правдоподобно.

8) Lectiones latinae in usum classium etymologicarum in Gymnasio Universitatis Caesareae Mosquensis. Curavit I. G. L. Mellmann, Rector. Mosquae. Typis Universitatis Caesareae Mosquensis apud A. Svetuschkin. 1789. 8°. 155 +

1 ненум. стр. (Библ. Спб. Унив.). Родъ хрестоматіи съ синтакт. правилами, латино-русскимъ глоссаріемъ и граммат. парадигмами.

9) Lectiones latinae in usum classis syntacticae in Gymnasio Universitatis Caesareae Mosquensis. Curavit I. G. L. Mellmann, Rector. Mosquae. Typis Universitatis, per B. Okorokow, 1791. 8º. 4 ненум. + 216 стр. (Библ. Спб. Унив.). Хрестоматія и практич. синтаксисъ.

М. Азбуки и буквари латинскаго языка.

1) Elementa puerilis institutionis in lingua latina: Mandato suae imperatoriae Majestatis & facultate SS. Synodi, Impressa in Typographia Mosquensi. Anno Domini 1739, Mense Novembri. Нача́ло пи́семенъ дѣтемъ къ наставле́нію на Латі́нскомъ язы́кѣ: повелѣ́ніемъ ея́ Імпера́торскаго Вели́чества и позволе́ніемъ святѣйшаго Сѵно́да Напечатася въ Моско́вской Тѵпографіи, лѣта Господня 1739, мѣсяца ноемврія. 16º. 31 листъ (Азбука, склады, молитвы, латинскія и церковнославянскія, десять заповѣдей, семь таинствъ, семь даровъ Духа Св., плоды Духа Св., три добродѣтели богословныя, три добродѣтели благочестія, три совѣта евангельстіи и т. д.). [Библ. И. А. Н.].

2) Азбука Латинская, съ Россійскимъ переводомъ, съ вокабулами и разговорами, содержащая притомъ 24 исторіи. Москва. 1761. 8º. (Сопиковъ, № 1797).

3) Азбука Латинская, съ Россійскимъ переводомъ, съ вокабулами, разговорами, молитвами, баснями, правоучительными правилами и употребительнѣйшими словами. Москва. 1762. 8º. (Сопиковъ, № 1789).

4) Азбука Латинская, показывающая красоту Латинскаго письма. Москва. 1779. 4º. (Сопиковъ, № 1800). Не тожественна ли эта азбука съ латинскимъ букваремъ Н. Бантышъ-Каменскаго, вышедшимъ также въ 1779 г. въ Москвѣ? Слѣдующія изданія этого послѣдняго букваря въ Москвѣ: 1780, 1783, 1784, 1786 и въ Лейпцигѣ, также въ 1786 г. Третье изданіе букваря Бантышъ-Каменскаго озаглавлено: Alphabetum latinum. Латинскій букварь. Въ пользу обучающагося въ Россійскихъ училищахъ юношества. Третично изданный Н. Б. К. Цѣна въ переплетѣ 84 коп., печатанъ въ Унив. Типогр., у Н. Новикова. 1784 г. Сентября 1. 8º. 48 стр. (Имп. Публ. Библ.).

5) Азбука новая Латинская, съ краткимъ и удобнѣйшимъ словаремъ. Москва. 1782 г. 8º. (Сопиковъ, № 1790; у Венгерова, «Русскія Книги», т. I. № 625,—другая дата: 1780 г.).

6) Азбука лат., съ приложеніемъ къ оной словаря по алфавиту, въ пользу учащагося юношества. Москва. 1782 г. 12º. (Сопиковъ, № 1791).

7) Азбука Латинская, съ Россійскимъ переводомъ. Москва. 1783 г. 8º. (Сопиковъ, № 1802. Не тожественна ли эта азбука съ однимъ изъ изданій лат. букваря Бантышъ-Каменскаго? См. выше № 4).

8) Азбука латинская новая содержащая кромѣ обыкновенныхъ начатковъ Латинскаго языка, обстоятельное показаніе произношенія и правописанія какъ древняго, такъ и новаго; также краткій Словарь, расположенный по алфавиту, заключающій въ себѣ первоначальныя Латинскія реченія и образъ ихъ Грамматическихъ перемѣнъ, съ прибавленіемъ Греческихъ словъ, употребительнѣйшихъ въ Лат. языкѣ; потомъ краткіе учтивые разговоры и выраженія могущія быть употребляемы въ письмахъ; наконецъ подробный и ясный Римскій календарь. Въ пользу Россійскаго юношества изданная. Иждивеніемъ М. Петрова. Москва. Въ Типогр. Пономарева. 1788 г. 4º. 2 ненум. + XVI + 64 стр. (Имп. Публ. Библ.).

9) Азбука новая латинская или легчайшій методъ читать по—латыни и въ то же время учиться началамъ латинскаго языка. Изданіе М. Петрова.

Москва. № 1788 г. 8°. Ц. 35 к. (Сопиковъ, № 1793). 2-е изданіе (Библ. Имп. Ак. Н.): Methodus facilior latine legendi ac simul principia lingvae latinae discendi, Locis et Auctoribus Latinis, ad exercitationem puerorum in legendo, selectis, brevi explicatione partium orationis, et quibusdam regulis Grammaticis necessariis, atque tabulis declinationum et conjugationum, et tandem vocabulis usitatioribus, in usum infimarum classium, instructa A. D. T. Новая латинская азбука, или легчайшій методъ читать по латинѣ и въ тоже самое время учиться началамъ латинскаго языка, мѣстами изъ Латинскихъ Писателей, для упражненія дѣтей въ чтеніи, избранными, краткимъ изъясненіемъ частей слова, нѣкоторыми Грамматическими нужными правилами, таблицами склоненій и спряженій, и наконецъ Словаремъ, для употребленія въ нижнихъ классахъ снабдѣнный. Изданіе второе, вновь пересмотрѣнное исправленное и дополненное. Москва. Въ Унив. Типогр. у Ридигера и Клаудія. 1799. 8°. 2 ненум.+XII (таблицы спряженій, неправильныхъ, недостаточныхъ и безличныхъ глаголовъ)+111 стр. (азбука, молитвы и статьи для перевода, краткая грамматика). Изд. 3-е: Москва, тип. Пономарева. 1804. 8° (Смирдинъ, Роспись, № 5611). Четвертое изданіе: «...противъ втораго и третьяго вновь пересмотрѣно, исправлено и пополнено». Москва. Въ Унив. Типогр. 1806 г. 8°. 2 ненум. + XII + 106 стр. (тожественно съ предыдущимъ).

10) Азбука Латинская, съ правилами правописанія и разговорами. Москва, 1788. 8°. Сочиненіе Преосвященнаго Евгенія, Епископа Калужскаго и Боровскаго (Сопиковъ, № 3647).

11) Начальныя правила Лат. языка, для начинающихъ обучаться Лат. языку. Москва. 1791. 8°. (Сопиковъ, № 6737).

12) Prima latini sermonis rudimenta in usum tironum. Новая лат. азбука. Съ пріобщеніемъ краткаго начертанія этимологіи, также служащихъ для упражненія въ ономъ языкѣ выраженій и разговоровъ. Съ указнаго дозволенія. Москва. Печатана въ вольной типографіи при театрѣ у Хр. Клаудія. 1792 г. 8°. 68 стр. Цѣна 30 коп. (Библ. Спб. Унив.).

II. Словари латинскаго языка.

1) Христофора Целларія краткой Латинской лексиконъ съ Россійскимъ и Нѣмецкимъ переводомъ, для употребленія Спб. Гимназіи. Въ Санктпетербургѣ. При Имп. Акад. Наукъ. 1746. 8°. 404+154 стр. (Библ. Имп. Акад. Наукъ). Изданіе это печаталось въ количествѣ 2439 экземпляровъ, продававшихся по 1 р. Въ 1747 г. къ нему напечатанъ былъ реестръ. (См. Сухомлиновъ, «Матер. для ист. Имп. Ак. Наукъ» т. VIII, стр. 714—15). Второе изданіе, озаглавленное такъ-же (Спб. При Имп. Акад. Наукъ. 1768 г. 8°. 496+155), имѣется въ Имп. Публ. Библіотекѣ; тамъ же есть и третье изданіе, съ тѣмъ же заглавіемъ и числомъ страницъ, 1781 г.; 4-е изданіе съ тѣмъ же заглавіемъ (1795 г. 8°. 1 загл. листъ, 496 + 154 нумер. стр.) имѣется въ библіотекѣ Спб. Дух. Академіи. Въ немъ сначала идетъ самъ «лексиконъ съ росс. и нѣм. переводомъ» (480 стр.), затѣмъ слѣдуетъ «Прибавленіе греческихъ рѣчей, употребляемыхъ въ лат. языкѣ»; къ нему уже примыкаетъ «реэстръ россійскихъ словъ изъ краткаго Целларіева лексикона выбранный и по алфавиту расположенный (стр. 1—148)» и «прибавленіе греч. рѣчей»...

2) Лексиконъ Латинской съ Геснерова этимологическаго лексикона на Россійской языкъ переведенной въ Императ. Московскомъ Университетѣ. Печатанъ въ 1767 г. 8°. 4 ненум. + 954 стлб. + 2 ненум. (Имп. Публ. Библ.). Второе изданіе: Москва. Въ Унив. Типографіи. 1780. 8°. 954 стлб. + 3 ненум. (И. П. Б.). Третье, переработанное изданіе носитъ уже иное заглавіе (см. ниже № 4). Реэстры русскихъ словъ изъ этого словаря имѣются и въ видѣ

отдѣльныхъ книгъ. Въ Имп. Публ. Библ. имѣются два изданія, озаглавленныя одинаково: 1) Реэстръ Россійскихъ словъ изъ Латинскаго Геснерова лексикона выбранный и по алфавиту расположенный. Печатанъ при Имп. Моск. Универс. 1768 г. 8°. 302 стр.; 2) Реестръ и т. д. Москва. Въ Унив. типогр. у Н. Новикова. 1780 г. 8°. 300 стр,

3) Первоначальныя латинскія слова съ россійскимъ переводомъ. Въ Спб. Печатаны въ Типографіи Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцевъ. 1795. 16°. 126 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.: Азбука, склады [стр. 1—6], глоссаріи [стр. 7—121], краткое правоученіе [на русскомъ языкѣ, стр. 122—125], число римское, таблица умноженія).

4) Полной Латинской Геснеровъ лексиконъ, съ Россійскимъ переводомъ, съ прибавленіемъ къ нему Греческихъ словъ и Россійскаго Реэстра, вновь исправленной и умноженной Императорскаго Московскаго Университета Публичнымъ Ординарнымъ Профессоромъ Философіи, Кол. Ассес. Дмитріемъ Синьковскимъ. Москва. Въ Унив. типогр., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія. 1796—98 гг. Три ч. 8°. Ч. I. 1796 г. A—P. XVIII + 1294 стлб.; Ч. II. 1796 г. Q—U. 1295—3878 стлб.; ч. III. Полный латинской Геснеровъ лексиконъ и т. д. Содержащій въ себѣ Греческія слова съ Россійскимъ переводомъ и расположенный по алфавиту россійскій реэстръ къ обѣимъ предъидущимъ Частямъ, докончанный Народнаго Училища Учителемъ Андреемъ Синьковскимъ. Москва. Въ Унив. Тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клавудія. 1798. 2 ненум. л. + 448 стлб. + 500 стр. (русскаго реэстра). (И. П. Б.).

5) Лексиконъ Латинской, съ Россійскимъ переводомъ, изъ лучшихъ латинскихъ писателей собранный Ѳомою Розановымъ. Москва. 1797. Сопиковъ (№ 5904) замѣчаетъ о немъ: «точный переводъ латино-французскаго лексикона Будотова» и (№ 5905) указываетъ 2-е изданіе 1805 г. Это послѣднее (И. П. Библ.) озаглавлено: Латинскій лексиконъ съ россійскимъ переводомъ и полнымъ объясненіемъ всѣхъ граммат. перемѣнъ и свойствъ каждаго Латинскаго слова, также начала или происхожденія и разныхъ онаго знаменованій. Въ пользу юношества, обучающагося Латинскому языку. Трудами Надв. Совѣтника Ѳомы Розанова. Москва. Въ Типогр. С. Селивановскаго. 1805. 8°. X. стр. + 2076 стлб. (Авторъ, «Московской Синодальной Типографіи Директорскій Товарищъ», посвятилъ свой пятнадцатилѣтній трудъ Императору Александру I.).

Ѳ. Христоматіи для изученія латинскаго языка.

1) Мнѣнія Цицероновы, изъ разныхъ его сочиненій,, собралъ Аббатъ Оливетъ; перев. съ франц. Иванъ Шишкинъ. Спб. Въ Типогр. Академіи Наукъ. 1752 г. 8°.—То жъ изданіе 2-е на Россійскомъ и Латинскомъ языкахъ, Спб. Въ Тип. Акад. Наукъ. 1767 г. 8°. (Смирдинъ, Роспись, № 5920). Въ библіотекахъ Имп. Публ. и Ак. Наукъ нѣтъ.

2) Flos latinitatis ex auctorum Latinae linguae principum monumentis, in usum juventutis Rossicae Latinam linguam addiscentis, excerptus. Цвѣтъ чистаго Лат. языка изъ лучшихъ латинскихъ писателей выбранный, для пользы и употребленія Россійскаго юношества, обучающагося латинскому языку. Москва. Въ Унив. Тип., у Новикова. 1789. 8°. VII + 367 + 2 ненум. стр. (Имп. Публ. Библ.). Переводъ этого руководства, составленнаго «славнымъ лексикографомъ Г. Помеемъ» и посвященнаго Моск. митрополиту Платону, принадлежитъ іеромонаху Серафиму.

3) Flosculi Ciceroniani. Цвѣтки Цицероновы, выбранные какъ изъ сего, такъ и изъ другихъ Лат. писателей, въ пользу обучающагося Лат. языку юношества У. М. Н. I. Печатаны въ типогр. Христофора Клаудія. 1793 г. 12°.

4 ненум. + 207 стр. (И. П. Б.). Родъ словаря разныхъ «фразесовъ» изъ сочиненій Цицерона и др. писателей, расположеннаго въ алфавитномъ порядкѣ (русск. азбуки).

П. Учебники латинскаго синтаксиса и стилистики.

1) Syntaxis latina in usum iuventutis rossicae ad normam grammaticae marchicae maioris conformata. Editionem curavit Christianus Fridericus Matthaei. Синтаксисъ латинской, изданной для употребленія Россійскаго юношества, по правиламъ большой Мархической грамматики стараніемъ Христіана Фридерика Маттея. Печатанъ въ Унив. типогр. у Н. Новикова. 1780 года. Мал. 8°. 20 ненум. + 348 + 3 ненум. (оглавленіе и указатель сокращеній). Книга посвящена Куратору Моск. Унив. М. М. Хераскову. Въ предисловіи къ читателямъ издатель указываетъ, что приступилъ къ изданію по почину Н. Новикова, обратившагося къ нему по совѣту орд. проф. философіи Іоанна Георгія фонъ Шварца. Между причинами, замедлившими его работу, Маттеи приводитъ опасеніе, «дабы не подвергнуть себя злословію нѣкоторыхъ людей, которые, сами провождая жизнь праздную, на дѣла другихъ съ ненавистью взираютъ». Тѣмъ не менѣе Маттеи взялся за это дѣло, особенно, когда по особому приказанію Куратора Хераскова, ему былъ данъ «прилежный и знающій помощникъ, студентъ Николай Поповъ (въ качествѣ переводчика)..., человѣкъ съ дарованіями, трудолюбивый, скромный и притомъ членъ въ Семинаріи Педагоговъ», учрежденной Прок. Ак. Демидовымъ и порученной «вѣрности и ученію славнаго профессора Шварца», подъ руководствомъ котораго она «день отъ дня начинаетъ славиться и процвѣтать». Выборъ палъ на лат. синтаксисъ потому, что въ существовавшихъ до того учебникахъ эта часть грамматики была или совсѣмъ опущена, или представлена очень недостаточно.

2) Начальныя правила сочиненія латинскаго, для начинающихъ обучаться латинскому языку. Москва. Въ Унив. тип. у В. Окорокова. 1791 г. 8°. 24 стр. Имѣются и позднѣйшія изданія: Нач. правила соч. латинскаго, для начинающихъ обучаться Лат. языку въ Кіевской академіи. Изд. второе 1794. 8°. 16 (безъ обознач. мѣста изданія); Нач. прав. сочиненіи Латинскаго, для начинающихъ обучатьси Лат. языку изданіе третіе. Въ Спб. 1798 г. Въ привиллегированной типогрвфіи у Вильковскаго. 8°. 16 стр. Авторъ книги — «Академіи Кіевской Учитель Исторіи, Географіи, Поэзіи и Польскаго языка Максимъ Семигиновскій», какъ значится подъ предисловіемъ втораго изданія (И. Публ. Библ.).

3) Краткое начертаніе латинскаго слога; сочиненное на Нѣм. языкѣ Г. Филлеборномъ Профессоромъ Бреславскимъ на Россійскомъ изданное Павломъ Сохацкимъ. Москва. Въ Универс. Типографіи у Ридигера и Клаудія 1795 г. 8°. 2 нен. + 135 стр. (И. П. Б.).

Р. Многоязычныя азбуки, христоматіи и тому под. руководства, словари и разговоры.

1) *Азбуки:* 1) Любопытная азбука на латинскомъ, рускомъ и французскомъ языкахъ, нужная для тѣхъ, кои хотятъ безъ учителя обучатся симъ четыремъ языкамъ, съ присовокупленіемъ къ оной краткаго понятія о философіи, астрономіи, геометріи, ариѳметики и поэзій (такъ!). Каждая изъ сихъ наукъ изложена здѣсь такимъ образомъ, что дѣти безъ труда и излишнихъ напряженій духа оную въ мысли свои вмѣстить могутъ. Съ Указнаго дозволеніи. Москва. Въ типогр. Исаака И. Зедербана. 1793. 16°. 2 табл. съ рисунк. + 30 ненум. + 56 + 3 ненум. стр. (И. П. Б. и Библ. И. А. Н.). Кромѣ азбукъ по указаннымъ въ заглавіи языкамъ, здѣсь приводятся еще азбуки еврейская и греческая, нотныя азбуки «скрипичная и клавикортная», наставленія къ произно-

шенію, разговоры и т. д., Слова иностранныхъ языковъ представлены въ транскрипціи русскими буквами, со многими ошибками и опечатками. Такъ нѣм. слова dreissig, vierzig, siebenzig изображены такимъ образомъ: *дрейзигъ, віерцигъ, зіебенцигъ*; франц. vingtdeux и quatrevingtdix — *венхтдьо, катрвенхдисъ*. Также читаемъ: *Бонъ журъ монсіеръ* (monsieur), *бонъ соаръ мессіеръ* (messieurs), *команъ ва летать де вотръ я* (?) *санте?* Отвѣтъ гласитъ: *фдортъ* (такъ!) *біенъ* и т. д.

2) Новоизобрѣтенной забавной способъ выучиться шутя многимъ словамъ на разныхъ языкахъ безъ Азбуки, Грамматики и Лексикона, или собраніе многихъ иностранныхъ словъ имѣющихъ съ Россійскими одинакой выговоръ, но означающихъ (такъ!) совсѣмъ различныя вещи и предмѣты. Въ Спб. Печатано въ Имп. Тип. 1791 г. 8°. 28 стр. (И. П. Б.). Приводимъ нѣсколько первыхъ словъ: «Адъ на лат. языкѣ близъ, при, у. Азъ на франц. и нѣмц: Тузъ. Ай! (больно) на англин: Я. на грубомъ нѣмѣц: (т. е. платтдейчѣ) яйцо. Алтынъ на татарскомъ: Золото. Аль? (не ужели) на нѣмѣцкомъ: Угорь. Анна на финск: и корел: Дай. Бабъ на англ. Винной парикъ. Баре (бояре) на дат: Только, единожды. Баръ (бояръ) на нѣмѣц: Наличной» и т. д. Дальше находимъ между прочимъ: Густъ на датск.: Вѣтерокъ. Грѣлъ на франц. Градъ и т. п.

Христоматіи и тому подобныя руководства: 1) Іоанна Амоса Коменія видимый свѣтъ на Лат., Росс., Нѣм., Италіянскомъ и Франц. языкахъ представленъ или краткое введеніе, которымъ изъясняется, что обучающемуся юношеству лехкимъ способомъ не только языку, разумнымъ упражненіемъ, но также и вещи достойныя знанія самонужнѣйшія должны быть вперены, изо ста пятидесяти одной главы состоящее, изъ которыхъ каждая вмѣсто надписи и содержанія изъ Свящ. Писанія взятымъ свидѣтельствомъ означена, и съ реестромъ самыхъ нужнѣйшихъ Россійскихъ словъ, которой вмѣсто лексикона для употребленія Россійскаго юношества служить имѣетъ, мѣсто на пяти языкахъ дополнить можетъ, изданное. (Такія же подробныя заглавія и на новыхъ языкахъ). Печатанъ при Имп. Моск. Унив. 1768. 8°. 24 нен. + +477 стр. + 28 ненум. (И. П. Б. Спб. Ун.). Въ Имп. П. Библ. имѣется и 2-е изданіе (Москва. Въ Унив. Типогр. у Н. Новикова. 1788. 4°. 554 стр.).

2) Емблемы и символы избранные, на Россійской, Латинской, Французской, Нѣмецкой и Аглицкой языкъ преложенные, прежде въ Амстердамѣ, а нынѣ во градѣ Св. Петра напечатанные и исправленные Несторомъ Максимовичемъ-Амбодикомъ. Emblemata et Symbola selecta Rossica, Latina, Gallica, Germanica et Anglica linguis exposita; olim Amstelodami edita, nunc denique Petropoli typis recusa, aucta et emendata; cura ac sumptibus Consiliarii aulici, Doctoris et Professoris Medicinae Nestoris Maximowitsch-Ambodick, MDCCLXXXVIII. Печатано въ Имп. Тип. 1788 л. 4°. 4 нен. + LXVIII + 280 + 4 нен. (оглавл. и опечатки).

3) Зрѣлище вселенныя на Лат., Росс. и Нѣмецк. языкахъ, изданное для народныхъ училищъ Россійской Имперіи по высочайшему повелѣнію Царствующія Императрицы Екатерины Вторыя. Цѣна, съ естампами, безъ переплета. 80 к. Въ Санктпетербургѣ 1788 года. 8°. 8 нен. + 142 стр. и 80 гравюръ на отдѣльныхъ листкахъ. Въ предисловіи указывается цѣль руководства: сообщить основанія лат. и нѣмецкаго языка ученикамъ перваго разряда главныхъ народныхъ училищъ въ тѣхъ намѣстничествахъ, гдѣ помянутые языки преподаются въ названныхъ училищахъ. Издано коммиссіей объ училищахъ. Имѣется и изданіе 1808 г. (безъ перемѣнъ, кромѣ опущенія гравюръ): «Зрѣлище вселенныя на лат., росс. и нѣм. языкахъ, изданное для на-

родн. училищъ Росс. Имперіи, по высочайшему повелѣнію. Цѣна, съ естампами (?), безъ переплета, 80 к. Въ Спб., при Имп. Ак. Наукъ 1808 г. 8°. VIII + 142 стр. (Библ. Имп. Ак. Н.).

4) Зрѣлище вселенныя на Французскомъ Россійскомъ и Нѣм. языкахъ. Вторымъ тисненіемъ. Цѣна съ естампами безъ переплета, 80 коп. Въ Санктпетербургѣ 1793 года. 8°. 8 ненум. + 142 стр. и 80 гравюръ на отд. листкахъ. Изданіе по содержанію совершенно одинаково съ вышеприведеннымъ изданіемъ на лат., русск. и нѣм. языкахъ (Библ. Имп. Ак. Н.). Имѣется также изданіе 1808 г. (И. А. Н.).

5) Книга на четырехъ языкахъ. Съ дозволенія указнаго. Das Buch in vier Sprachen. Въ Спб. Печатано въ Тип. Ф. Мейера. 1796. Livre en quatre langues. Avec permission de Police. The book of four languages, 8°. 8 ненум. + 355 стр. (И. П. Б.). Христоматія на нѣм., франц. и англ. языкахъ съ русскимъ переводомъ статей.

Словари: 1) Словарь на шести языкахъ: Россійскомъ, Греческомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англійскомъ, изданный въ пользу учащагося россійскаго юношества. Въ Спб. при Имп. Ак. Наукъ, 1763. 8°. 2 нен. листа + 247 стр. (Библ. Спб. Унив., Имп. Ак. Н. и Имп. Публ.). Передѣлка словаря Рея, изданнаго въ Лондонѣ въ 1696 г. на англ., греч. и лат. яз. Въ сущности это родъ вокабулъ, разбитыхъ на XXXII отдѣла (1-й о небѣ, 2-й о стихіяхъ и явленіяхъ воздушныхъ и т. д.). Панъ переводчикъ (по Сопикову, № 10453)—Григорій Полетика. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Сухомлиновымъ («Матер. для ист. Имп. Ак. Наукъ», т. VIII, стр. 148—151, 158—54, 162, 165—66, 178), Полетика былъ сынъ значковаго товарища малороссійскаго лубенскаго полку, учился въ кіевской академіи (1737—45 гг.), гдѣ и обучился латинскому, нѣмецкому и греч. языкамъ. Въ іюлѣ 1746 г. онъ просилъ академію опредѣлить его при ней переводчикомъ съ лат. и нѣм. языковъ, причемъ прилагалъ и свой аттестатъ. По постановленію академіи, онъ былъ подвергнутъ испытанію у Штелина (изъ нѣм. и лат. языковъ), Тредьяковскаго (по русскому и лат. язз.) и Крузіуса (изъ греч.); причемъ всѣ экзаминаторы дали удовлетворительный отзывъ. По полученіи отзывовъ, Полетика былъ опредѣленъ при академіи переводчикомъ лат. и нѣм. язз.

2) Dictionnaire manuel en quatre langues savoir la Françoise, l'Italienne, l'Allemande et la Russe, par Mr. Veneroni. Краткій лексиконъ на четырехъ языкахъ, т. е. на Французскомъ, Италіанск., Нѣм. и Россійскомъ, сочиненъ Г. Венерономъ. Печатанъ при Имп. Моск. Университетѣ 1771 г. 8°. 6 нен. + + 172 стр. Словарь этотъ, по словамъ предисловія къ цитированному ниже многоязычному словарю Гаврилова (№ 5), былъ составленъ инспекторомъ педагогической семинаріи при Московскомъ университетѣ.

3) Сокращенной четыреязычной словарь, а имянно на Нѣм., Лат., Франц. и Росс. языкахъ, съ предисловіемъ о краткомъ, легкомъ и пріятномъ способѣ ученія. Москва. Въ Унив. Тип. 1776 г. 8°. (Сопиковъ, № 10441). Смирдинъ (Роспись, № 5997) указываетъ авторомъ Франциска Гельтергофа, лектора и профессора Моск. Университета. Ср. также біографію Гельтергофа въ «Біографич. Словарѣ Профессоровъ и Преподавателей Имп. Моск. Университета» (М. 1855, т. I. стр. 192).

4) Россійской лексиконъ по алфавиту, съ нѣмецк. и латинск. переводомъ. I. Часть. Изданный Францискомъ Гелтергофомъ Профессоромъ Публичнымъ Экстраординарнымъ въ Имп. Моск. Университетѣ. Russisches alphabetisches Wörterbuch, mit Deutscher und Lateinischer Uebersetzung. I. Theil ans Licht

gestellt von F. Hölterhof etc. Печатанъ при Имп. Моск. Унив. 1778 г. 8°. 8 ненум. + 942 + 1 нен. стр.

5) Neues Deutsch - Französisch - Lateinisch - Italiänisch - Russisches Wörterbuch, herausgegeben von Matthias Gabrielow, Mitglied, des bei der Kayserlichen Universität zu Moskau gestifteten Pädagogischen Seminarii. Новый лексиконъ на Нѣмецк., Франц., Лат., Италіанск., и Россійскомъ языкахъ, изданный Матвѣемъ Гавриловымъ, членомъ Педагогической Семинаріи, учрежденной при Имп. Моск. Унив. Въ Москвѣ. Въ Унив. Тип., у Н. Новикова. 1781 г. 8°. XV + 766 (И. П. Б.). Книга снабжена посвященіемъ И. И. Шувалову и М. М. Хераскову, кураторамъ Моск. университета. Въ предисловіи составитель указываетъ на отсутствіе пособій этого рода, такъ какъ Вояжировъ лексиконъ (см. выше, стр. 326, прим. 2), изданный въ 1764 г. и вторымъ изданіемъ въ 1778 г. (т. е. за три года до словаря Гаврилова), и другіе подобные словари всѣ разошлись. Въ 1789 г. вышло 2-е изданіе словаря (Москва, 8°. 2 ненум. + 729 стр.), имѣющееся также въ И. Публ. Библ.

6) Nouveau dictionnaire françois, italien, allemand, latin et russe. Новый лексиконъ или словарь на Франц., Италіанскомъ, Нѣмецкомъ, Латинскомъ и Россійскомъ языкахъ, содержащій въ себѣ полное собраніе всѣхъ употребительныхъ Французскихъ словъ съ самымъ точнѣйшимъ оныхъ на другіе четыре языка переводомъ и объясненіемъ различныхъ знаменованій и всѣхъ грамматическихъ свойствъ, какія токмо каждому слову приличествуютъ. Сообразно словарю Франц. Академіи изданный трудами Коллежскаго переводчика Ив. Соца. Москва. Въ Унив. Типогр. 1784—87 г. 2 ч. 4°. I. 6 ненум. + 529 стр. II, 2 ненум. + 655 стр. (Библ. Спб. Ун.).

7) Словарь французскихъ реченій первообразныхъ и такихъ, коихъ начала во Франц. языкѣ нѣтъ, или кои отъ своего первообразнаго весьма отдалены, съ Нѣм., Лат. и Росс. переводами и съ показаніемъ Грамматическихъ принадлежностей. Иждивеніемъ и трудами Ильи Яковкина. Съ дозволенія управы благочинія. Во градѣ Св. Петра. 1796. Въ книгопечатнѣ І. К. Шнора. 8°. VIII + 100. (Библ. Спб. Унив.)

Разговоры: 1) Colloquia scholastica. Школьные разговоры. Schulgespräche. Dialogues. Спб. Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissensch. 1738. Мал. 8°. 213. (Имп. П. Б.). (Повидимому о печатаніи этихъ разговоровъ «Француженки Лудовицы Тулліи» состоялось постановленіе Академіи Наукъ въ октябрѣ 1737 г. См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. Акад. Наукъ» III, 506). Сопиковъ (№ 9489) указываетъ второе изданіе: Спб. 1763, но на имѣющемся въ Имп. Публ. Б. совершенно тождественномъ по содержанію изданіи 1763 года значится: «третіе изданіе. Въ Спб. печатаны при Имп. Ак. Н. 1763 году» (8°. 215 стр. + 1 ненум.). Такое же изданіе 1789 г. (по Сопикову, № 9490,— третье) такъ же обозначено: «третьимъ тисненіемъ. Въ Спб., при Имп. Ак. Наукъ 1789 года». (8°. 175 стр.) (И. П. Б. и И. А. Н.).

2) Colloquia scholastica. Школьные разговоры. Συλλαλιαὶ σχολαστικαί. Dialogues. Schul-Gespräche. Печатаны въ Типогр. Имп. Моск. Университета. 1776. 8°. 319 стр. 2-ое изданіе: Въ Москвѣ. Въ Унив. Типогр., у Н. Новикова. 1785 8°. 215 стр. + 1 ненум. 3-е изданіе: «Съ дозволенія Моск. Цензуры. Москва. Въ Губ. Типографіи, у А. Рѣшетникова. 1800. 8°. 215 + 1 ненум. (И. П. Б.).

3) Dialogues domestiques. Gespräche von Haus-Sachen. Домашніе разговоры (Франц., Нѣмец., Росс. и Лат. съ пріятельскими комплиментами). Colloquia domestica. Въ Спб. печатаны при Имп. Акад. Наукъ. 1749. Мал. 8°. 231 стр. (Библ. И. Ак. Н. и И. Публ.). Разговоры эти переводились на русскій

языкъ академическимъ переводчикомъ Васильемъ Лебедевымъ. По распоряженію президента академіи 9 ноября 1747 года, они печатались въ количествѣ 2400 экз. (См. Сухомлиновъ, «Матер. для исторіи Имп. Акад. Наукъ» т. VIII, стр. 594 и X, стр. 61. Второе изданіе вышло въ Ригѣ, въ 1773 г., третье—тамъ же, 1778, четвертое—тамъ же, 1788 и пятое—Москва. Синод. Типогр. 1804 (Сопиковъ, № 9438—9441).

С. Спеціальные научные и техническіе словари.

1) Дикціонеръ, или речеиіаръ, по алфавиту россійскихъ словъ, о разныхъ произращеніяхъ, то есть древахъ, травахъ, цвѣтахъ, сѣменахъ огородныхъ и полевыхъ, кореньяхъ и о прочихъ быліяхъ и минералахъ, Собранный и сочиненный Имп. Академіи Наукъ Коллежскимъ Ассесоромъ К(иріакомъ) Кондратовичемъ. Въ Спб. Въ Типогр. морскаго шляхетнаго кад. корпуса. 1780. 8°. 4 ненум. + 168 стр. и 1 таблица опечатокъ. Авторъ, бывшій переводчикъ и учитель латинской школы въ Екатеринбургѣ, посвятившій свой трудъ Прок. Ак. Демидову, составилъ «полный лексиконъ въ 10 стопъ писчей бумаги»; изданный имъ «Дикціонеръ или речеиіаръ» является только $^1/_{200}$ долей этого громаднаго труда. Самъ словарь (на русск. и лат. языкахъ) кончается на 149 стр., а со 151-й начинается приложеніе: «Травы, отличающіяся отъ предположенныхъ одними прилагательными именами». (Н. П. Б.). Сопиковъ (№ 5923) указываетъ какъ будто второе изданіе этой книги: Лексиконъ по алфавиту Росс. словъ о разныхъ произрастѣніяхъ, т. е. о древахъ, травахъ, цвѣтахъ, сѣменахъ, огородныхъ и полевыхъ кореньяхъ; перев. съ лат. К. Кондратовичъ. Спб. 1781. 8°.

2) Ботанической подробный словарь, или Травникъ; Содержащій въ себѣ по Алфавиту описаніе большой части по сіе время извѣстныхъ, какъ иностранныхъ, такъ и здѣшнихъ деревъ, кустовъ, травъ, цвѣтовъ, корней, мховъ, грибовъ и сѣмянъ, и ихъ на Росс., Лат., Французскомъ, Италіанскомъ, Аглинскомъ и Греч. языкахъ названія, съ показаніемъ на какихъ мѣстахъ растутъ, въ какое время цвѣтутъ, какъ и въ какихъ болѣзняхъ употребляются, что изъ нихъ въ Аптекахъ дѣлается, въ какой классъ Господами Линнеемъ и Турнефортомъ полагаются, съ приложеніемъ Росс. перевода съ Латинскаго изъ системы Господина Линнея, всѣхъ родовыхъ латинскихъ и до Ботаники касающихся учебныхъ названій, слѣдуя лучшимъ авторамъ, сочиненный Артиллеріи Офицеромъ и Вольнаго Росс. Собранія при Имп. Моск. Унив. Членомъ Андреемъ Мейеромъ. Въ Москвѣ. Въ Унив. Тип. у Н. Новикова. 2 ч. 4°. 1781—83 г. Ч. I (1781 г.): 8 ненум. + 650 стлб. + 2 ненум. стр. Ч. II. (1783). 8 ненум. + 16 стр. + 608 стлб. (Н. П. Б.). Этотъ широко задуманный трудъ, посвященный императрицѣ Екатеринѣ II, остановился послѣ выхода первыхъ двухъ частей, обнимавшихъ буквы А. В. С.

3) Анатомико-Физіологическій Словарь, въ коемъ Всѣ наименованія частей человѣческаго тѣла, до Анатоміи и Физіологіи принадлежащія, изъ разныхъ врачебныхъ сочиненій собранныя, на Россійскомъ, Лат. и Французскомъ языкахъ ясно и кратко предлагаются, съ краткимъ описаніемъ сихъ наукъ, для пользы росс. юношества въ первое напечатанный трудами и иждивеніемъ Нестора Максимовича Амбодика врачебной науки Доктора и Профессора повивальнаго искусства. Въ Типографіи Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. Во Градѣ Святаго Петра. 1783 года. 8°. 2 ненум. + LXVIII + 160 + 1 ненум. стр. (опечатки). Часть II носитъ лат. заглавіе: Anatomico-physiologicum Vocabularium sive onomatologia partium corporis humani, ubi omnes voces in Anatomia et Physiologia explicandae, Latino, Rossico et Gallico Idiomate succincte ac dilucide proponuntur. Ad usus iuventutis Rossicae prima

vice in lucem editum cura ac sumptibus Nestoris Maximowitsch-Ambodick Medicinae Doctoris et artis Embryulciae Professoris publici. Petropoli in Typographia classis maritimae. Anno MDCCLXXXIII. 2 непум. + 136 стр. (Библ. Спб. Унив.). 1-я часть — русско-латино-французская; II-я — латино-русско-французская (слова послѣдняго языка приводятся далеко не всегда).

4) Словарь минералогическій, Стараніемъ вольнаго экономическаго общества изданный 1790 года. Въ Спб., при Имп. Ак. Наукъ. 4°. 4 непум. + 98 стр. (Библ. Спб. Унив.). Въ «Извѣстіи» къ словарю указывается побудительная причина изданія: «чужестранныя... сочиненія, заключающія иногда именованія произведеній земныхъ нѣдръ, затруднили переводчиковъ преложеніемъ оныхъ на Россійской языкъ, а читателей неупражняющихся въ Рудословіи, незнаніемъ словъ». Трудъ былъ выполненъ «нѣкоторыми членами» вольнаго экономич. собранія. Термины приводятся сначала на нѣмецкомъ языкѣ съ русскимъ и латинскимъ значеніями.

5) Треязычный морской словарь на Англинскомъ, Францускомъ и Россійскомъ языкахъ въ трехъ частяхъ. Собралъ и объяснилъ Флота Капитанъ Александръ Шишковъ. Печатано въ Типогр. Морскаго Шляхетнаго Кад. Корпуса 1795 г. три части 4°. I. 6 непум. + VIII + 34 стр.; II. 169 стр; III. 41 стр. (И. П. Б.). Имѣется второе изданіе: Морской Словарь, содержащій объясненіе всѣхъ названій, употребляемыхъ въ морскомъ искусствѣ. Сочинилъ Адмиралъ А. С. Шишковъ. Дополненъ и изданъ Ученымъ Комитетомъ Морскаго Министерства. Спб. Въ Тип. Имп. Росс. Акад. 1832—40. 3 части. 8°. Ч. I. Словарь по кораблестроенію. XVI + 180 стр. Ч. II. Словарь по артиллеріи: 6 непум. + 281 стр. Ч. III. Словарь по наукамъ до мореплаванія относящимся: IV + 462 стр. + 1 непум. (И. П. Б.).

6) Botanisches Wörterbuch veranstaltet und herausgegeben von Der freyen ökonomischen Gesellschaft in Jahr 1895. St. Petersburg gedruckt beym kaiserlichen adelichen Landkadettenkorps. Словарь ботаническій, Содержащій наименованія растѣній и ихъ частей. Тщаніемъ и иждивеніемъ вольнаго экономическаго общества изданный 1795 года. Во градѣ Св. Петра при Имп. Шлях. Кад. Корпусѣ. 4°. 4 непум. + 157 стр. (И. Публ. Б.): нѣмецко-латинско-русскій словарь названій растеній.

XIII. Изученіе восточныхъ языковъ въ XVIII в. при преемникахъ Петра I-го.

Изученіе восточныхъ языковъ при преемникахъ Петра I продолжало носить чисто практическій характеръ. На первомъ планѣ стояло обученіе тѣмъ изъ нихъ, которые были важны въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Научныя задачи оставались въ тѣни, и попытки выдвинуть ихъ впередъ не имѣли никакого успѣха. Такая попытка была сдѣлана Георгіемъ Якобомъ Керомъ (Kehr, р. 1692 † 1740), однимъ изъ немногихъ нашихъ ученыхъ оріенталистовъ первой половины XVIII в. [1]). Питомецъ универ-

[1]) См. о немъ довольно скудную данными статью М. Шувалова въ «Сборникѣ моск. главнаго архива министерства иностр. дѣлъ», вып. 5. Москва 1893, стр. 91—110.

ситета въ Галле, Керъ былъ вызванъ въ Петербургъ въ 1732 г. вице-канцлеромъ гр. Остерманомъ для разбора восточныхъ монетъ и получилъ мѣсто переводчика арабскаго, персидскаго и турецкаго языковъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ обязательствомъ обучать этимъ языкамъ русскихъ учениковъ, выписанныхъ для него изъ Московской славяно-греко-латинской школы. Ему было назначено 400 р. жалованья, и обѣщана награда по 100 руб. за каждаго обученнаго студента. Этой награды, однако, ему такъ и не привелось получить ни разу, вѣроятно по отсутствію „обученныхъ“ студентовъ.

Труды Кера остались въ рукописяхъ [1]). Въ числѣ ихъ между прочимъ находится сборникъ 137 различныхъ азбукъ съ молитвой Господней на разныхъ языкахъ [2]) и проектъ учрежденія восточной академіи въ С.-Петербургѣ [3]): Academiae vel Societatis scientiarum atque linguarum Orientalium in Imperii Ruthenici emolumentum et gloriam instaurandae simul et ab autore hujus consilii, hisce in studiis XXV. annorum exercitatione experto, dirigendae [4]). Необходимость восточной академіи Керъ мотивировалъ постоянными политическими сношеніями на турецко-татарскомъ и персидскомъ языкахъ съ различными восточными государями, въ томъ числѣ даже съ Великимъ Моголомъ, отъ которыхъ нерѣдко являются въ Россію посольства; для такихъ сношеній, по его мнѣнію, нужны знающіе толмачи и переводчики, которые умѣли бы и вести переписку на восточныхъ языкахъ. Рядомъ Керъ указывалъ и на научное значеніе подобной академіи: многія „исторіи“ татарскія, турецкія, персидскія и арабскія содержатъ документы, важные для Россійскаго государства, которое нуждается не только въ умѣлыхъ переводчикахъ и

---

[1]) Хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. См. о нихъ С. Бѣлокурова «О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи» (Москва. 1899), стр. 91—93.

[2]) Изданъ въ 1876 на средства туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. фонъ Кауфмана, въ количествѣ 45 экземпляровъ.

[3]) См. статью П. Савельева: «Предположенія объ учрежденіи восточной академіи въ С. Петербургѣ, 1733 и 1810 гг.». («Журн. Мин. Н. Просв.» 1855 г., ч. 89, отд. III, стр. 27—36).

[4]) Былъ отысканъ въ 1821 г. академикомъ оріенталистомъ Френомъ въ архивѣ Академіи Наукъ. Переводъ, повидимому, довольно свободный, напечатанъ въ вышеупомянутой статьѣ Савельева въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1855 г., а оригиналъ на особой таблицѣ въ приложеніи къ книгѣ Френа: «Das Muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Vorläufiger Bericht vom Director des Asiat. Museums C. M. Frähn». Спб. 1821.

толмачахъ, но и въ восточныхъ библіотекаряхъ, архиваріусахъ, дипломатахъ, нумизматахъ, полиглоттахъ, полигисторахъ, собирателяхъ и истолкователяхъ восточныхъ древностей, живыхъ инвентаряхъ знаній Востока. Восточная академія могла бы создать, по мнѣнію Кера, историковъ, антикваріевъ, филологовъ и критиковъ, которые извлекали бы изъ восточныхъ текстовъ разныя свѣдѣнія, полезныя для Россіи; она же могла бы выпускать восточныхъ полигисторовъ, политиковъ и юрисконсультовъ, которые были бы совѣтниками при посольствахъ и умѣли бы извлекать „изъ восточныхъ и другихъ сочиненій наблюденія и правила, клонящіяся къ привлеченію восточныхъ народовъ къ Россіи". Изъ нея выходили бы „профессоры знающіе и опытные въ преподаваніи", а также и миссіонеры.

Въ проектѣ Керъ характеризовалъ и тогдашнее состояніе научныхъ пособій по изученію восточныхъ языковъ. Отмѣтивъ краткость и ошибочность имѣвшихся въ то время турецкихъ, персидскихъ и арабскихъ грамматикъ, рѣдкость и неудовлетворительность такихъ же словарей, отсутствіе лексикона и грамматики по татарскому языку (дѣло первой потребности) и собраній разговоровъ и изреченій арабскихъ, персидскихъ и турецко-татарскихъ, Керъ сообщалъ, что самъ собралъ и продолжаетъ собирать необходимыя пособія для изученія восточныхъ языковъ: объясненія грамматико-критическія, словари, съ примѣрами номенклатуръ и фразеологіи, собранія образцовъ слога и каллиграфіи, писемъ и разговоровъ, а также и свѣдѣнія о древностяхъ, исторіи, хронологіи и т. п. арабско-мавританскихъ, персидско-бухарскихъ и турецко-татарскихъ [1]).

Въ заключеніе своего проекта Керъ перечислялъ наличныя ученыя силы Петербурга, на которыя можно было бы разсчитывать при учрежденіи восточной академіи. Это были: „весьма знающій докторъ Мессершмидтъ", о которомъ уже шла рѣчь выше (стр. 201—202), и „при Императорской коллегіи знающіе азіатскіе языки секретари, переводчики и толмачи": а) для турецкаго и татарскаго языковъ: секретарь Суда, „весьма знающій турецкій языкъ"; переводчикъ Синевичъ, „отлично говорящій по-ту-

[1]) Въ бумагахъ Кера, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, рукописныхъ пособій для изученія восточныхъ языковъ, однако, не много. Въ цитированной выше книгѣ С. Бѣлокурова „О библіотекѣ Московскихъ Государей въ XVI вѣкѣ" (стр. 92) приводится перечень восточныхъ рукописей Кера, среди которыхъ такихъ пособій только 2: № 7, „пословицы персицкіе (и начало по обученію того языка)" и № 10, «вакабулы на арабскомъ и персицкомъ языкахъ».

рецки"; Мустафа-Ахмедъ, „знающій письменно и устно турецко-татарскій языкъ", и Муртаза Тевкелевъ; b) для персидскаго и турецкаго языка: Бикри Христофоръ, для котораго названные языки были природными; c) для арабскаго, персидскаго, турецкаго, сиро-халдейско-самаританско-пуническаго, эѳіопско-абиссинскаго, греческаго и латинскаго: самъ Георгій Яковъ Керъ, „императорскій профессоръ восточныхъ языковъ"; d) для языковъ и письменъ калмыцко-монголо-манджурскихъ и китайскихъ: академикъ Теофилъ-Зигфридъ Байеръ, профессоръ древностей при академіи (см. о его дѣятельности выше, стр. 219—220), Бухартъ, „молодой человѣкъ, недавно возвратившійся въ С.-Петербургъ" изъ Пекина [1]), секретарь посольства Бакунинъ и переводчикъ калмыцкаго языка Петръ Смирновъ.

Проектъ Кера не вышелъ, однако, изъ области предположеній. Время для осуществленія подобной широкой программы еще не наступило, и дѣятельность ея автора ограничивалась пока преподаваніемъ восточныхъ языковъ при Иностранной Коллегіи. Такъ въ 1732 г. къ нему было прислано пять учениковъ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи, умѣвшихъ говорить по латыни, которые должны были обучаться у Кера языкамъ арабскому, турецкому и персидскому. Въ 1738 г. къ нему поступило еще два ученика для занятій маньчжурскимъ языкомъ. Учениковъ брали преимущественно изъ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи, такъ что въ 1735 году ректоръ ея, Софроній, жаловался Синоду на недостатокъ слушателей въ старшемъ богословскомъ классѣ, въ силу того, что однихъ берутъ изъ академіи въ Петербургъ „для обученія оріентальныхъ діалектовъ и для камчадальской экспедиціи", а другихъ—въ Астрахань „для наставленія калмыковъ и ихъ языка познанія", третьихъ же посылаютъ „въ Сибирскую губернію съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Василіемъ Татищевымъ" и т. д. [2]).

Тѣмъ не менѣе, если широкіе проекты, въ родѣ предложенія Кера, не находили отзыва у нашего правительства въ XVIII в., все-таки оно съ своей стороны не переставало заботиться о развитіи у насъ знанія тѣхъ или другихъ восточныхъ языковъ, частью поддерживая и продолжая разныя начинанія, предпринятыя въ этомъ направленіи еще Петромъ Великимъ, частью вы-

---

[1]) Повидимому—одно лицо со студентомъ одной изъ первыхъ нашихъ миссій въ Китай, Иваномъ Пухартомъ, о которомъ см. ниже. Надежды Кера, называвшаго Пухарта, «juvenis ornatissimus», не оправдались, какъ мы увидимъ.

[2]) См. С. К. Смирновъ, «Исторія славяно-греко-латинской академіи» (Москва, 1857), стр. 242—43.

зывая къ жизни новыя учрежденія и изыскивая новыя мѣры въ томъ же духѣ. Конечно, начинанія эти большею частью имѣли случайный и разрозненный характеръ, но тѣмъ не менѣе кое-что при этомъ достигалось. Главное вниманіе въ этихъ заботахъ, разумѣется, доставалось на долю тѣхъ языковъ, знаніе которыхъ было важно въ государственномъ отношеніи, для цѣлей торговыхъ, дипломатическихъ или административныхъ. Научныя цѣли продолжали оставаться въ тѣни и предоставлялись частной иниціативѣ. Исключеніе составляетъ только сравнительный словарь Екатерины II, обязанный своимъ происхожденіемъ мимолетной прихоти скучавшей сѣверной Семирамиды, но вызвавшій нѣкоторое, хотя и чисто искусственное, пробужденіе лингвистическаго интереса къ восточнымъ языкамъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, не очень, впрочемъ, многочисленныхъ. (См. о немъ выше, гл. VII).

Наиболѣе систематическій и постоянный характеръ имѣли у насъ въ XVIII в. заботы о практическомъ изученіи языковъ дальняго востока—китайскаго съ маньчжурскимъ и японскаго. Первымъ ученымъ, занимавшимся у насъ китайскимъ и маньчжурскимъ языками, былъ академикъ Байеръ (см. выше, стр. 219—20).

Первое основаніе своему знакомству съ китайскимъ языкомъ Байеръ положилъ еще до пріѣзда въ Россію, во время своего пребыванія въ Берлинѣ [1]). Въ Россіи онъ разсчитывалъ найти много новыхъ для себя матеріаловъ и пособій для изученія Китая, но ожиданія его были обмануты. Напротивъ, здѣсь онъ встрѣтилъ полное отсутствіе какихъ бы то ни было пособій по этой части и рѣшился самъ издать родъ руководства по китайской грамматикѣ, вмѣстѣ съ введеніемъ въ китайскую литературу и словаремъ [2]). Руководство это было готово уже къ февралю 1729 г., такъ что 7 февраля состоялось опредѣленіе конференціи академіи наукъ о печатаніи „хинейскія грамматики господина профессора Беэра на французской александрийской бумагѣ", въ количествѣ 1000 экземпляровъ „въ осмушку большія руки" [3]); 8 февраля начался и самый наборъ перваго листа, а въ 1730 г. весь трудъ Байера вышелъ въ свѣтъ, въ двухъ томахъ in 8°, носившихъ общее заглавіе: „Museum Sinicum, in quo sinicae linguae et litteraturae ratio explicatur". Каждый томъ имѣлъ и особое заглавіе: первый (XX+190 стр.).—„Praefationem historicam de progressu litteraturae sinicae in Europa, grammaticae sinicae duos libros, grammaticam lin-

---

[1]) Пекарскій, «Исторія Имп. акад. наукъ», т. I. Спб. 1870, стр. 185—186.
[2]) Тамъ же, стр. 188—189.
[3]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. акад. н.», т. I. 450—51.

guae Chinches, Missionariorum a Tranquebare epistolam Andrea Mulleri propositionem clauis sinicae et epistolam ad Jo. Hevelium comprehendit“, а второй (372 стр.)—„Lexicon 'sinicum et diatribas sinicas comprehendit“. Китайскія слова напечатаны были здѣсь латинскими буквами и безъ ударенія, что́ вызвало строгую критику Фурмана въ „Journal des Savants“ (См. Пекарскій, „Ист. Имп. Ак. наукъ“, т. I. Спб. 1870, стр. 192).

Но главнымъ плодомъ занятій Байера китайскимъ языкомъ является его многотомный рукописный китайско-латинскій словарь: „Lexicon Sinicum ex vetustis lexicis Sinicis et aliis libris congestum“, хранящійся нынѣ въ библіотекѣ Азіатскаго Музея при академіи наукъ, (отд. III, № 57). Словарь этотъ въ ноябрѣ 1734 года уже подвинулся на столько, что въ конференціи академіи заходила рѣчь о его печатаніи. Вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Но такъ какъ для осуществленія этого предположенія пришлось бы вырѣзать на деревѣ болѣе 10,000 китайскихъ буквъ, то отъ него должны были отказаться, и рукопись словаря, послѣ смерти Байера, поступила въ академическую библіотеку [1]).

Всѣхъ томовъ (формата in folio) первоначально было 26, но изъ нихъ уцѣлѣло только 23 (не хватаетъ томовъ IX, X и XII). Уже въ 1770-хъ гг., во времена Бакмейстера, въ академической библіотекѣ было на лицо только 24 тома [2]). Пособіями при составленіи этого словаря служили Байеру печатные китайскіе лексиконы Çu gvéy и Hai pien, сообщенные ему вице-канцлеромъ гр. Остерманомъ изъ собственной библіотеки, а также очень полный китайско-латинскій рукописный лексиконъ отца Паренина. Много матеріала доставили Байеру и пекинскіе іезуиты, съ которыми онъ завязалъ переписку, благодаря содѣйствію того же Остермана [3]). Изъ печатныхъ трудовъ Байера маньчжурскому языку и письму посвящено отчасти разсужденіе „De litteratura mangiurica“ („Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae“, т. VI. 1738, стр. 325—338). Здѣсь впервые у насъ находимъ образчики маньчжурскихъ письменъ, оттиснутые, очевидно, съ рѣзанныхъ на мѣди или деревѣ клише. Такіе же образчики китайскихъ письменъ (довольно многочисленные) приводятся въ дру-

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Импер. академіи наукъ», т. VI, стр. 337 (Исторія академіи Г. Ф. Миллера).

[2]) См. Бакмейстеръ, «Опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей и исторіи натуральной С.-Петербургской Императорской Академіи наукъ», перев Васильемъ Костыговымъ. Спб. 1779, стр. 58.

[3]) См. Пекарскій «Ист. Имп. акад. наукъ», т. I. стр. 188—189.

гой статьѣ Байера: „De lexico sinico çù gvéy“ (тамъ же, стр. 339—364). Въ связи съ первой изъ только что названныхъ статей находится разсужденіе „Dissertatio de orthographia Mantsurensi“, рукопись котораго, вмѣстѣ съ рукописнымъ же предисловіемъ Байера; „Praefamen ad dissertationem de Lexico Sinico“, хранится въ Азіатскомъ музеѣ Имп. акад. наукъ (отд. III, № 59 и 58).

Въ одно время съ Байеромъ надъ составленіемъ китайскаго словаря трудился и какой-то русскій студентъ въ Китаѣ, личность котораго опредѣлить трудно. Свидѣтельство объ этомъ находимъ въ одной изъ бумагъ академическаго архива, относящейся къ январю 1734 года (см. Сухомлиновъ, „Матеріалы для исторіи Имп. ак. наукъ“, т. II. 433), гдѣ говорится, что въ виду посылки курьера въ Китай, было бы хорошо отправить съ нимъ „Музеумъ синикумъ“ господина проф. Байера „къ россійскому студенту, который въ сочиненіи китайскаго лексикона въ китайской землѣ трудится“. Вѣроятно здѣсь имѣется въ виду кто-нибудь изъ студентовъ, посылавшихся съ нашими духовными миссіями въ Китай для изученія китайскаго языка. Судя по времени, этимъ студентомъ могъ быть только одинъ изъ членовъ миссіи Антонія Платковскаго (второй по счету), отправленной въ Пекинъ въ 1729 г., быть можетъ Разсохинъ или Пухартъ, о которыхъ рѣчь идетъ ниже. Нѣкоторые лингвистическіе матеріалы по маньчжурскому и китайскому языкамъ собиралъ также академикъ Миллеръ во время своего путешествія по Сибири въ 30-хъ годахъ XVIII в. Такъ въ 1735 году онъ послалъ изъ Иркутска въ академію „числа на манджурскомъ и китайскомъ языкахъ“ [1]).

Болѣе всего рукописныхъ пособій для изученія китайскаго и маньчжурскаго языковъ дали участники нашихъ духовныхъ миссій въ Китай и ихъ ученики. Послѣ первой такой миссіи Иларіона Лежайскаго (см. выше, стр. 194), снаряженной еще при Петрѣ I, съ посольствомъ графа Рагузинскаго отправлена была вторая, подъ начальствомъ только что упомянутаго архимандрита Антонія Платковскаго, прибывшая въ Китай въ 1729 г. Въ составъ студентовъ ея (всего 6 числомъ) входили между прочимъ: Иванъ Пухартъ, несомнѣнно тожественный съ тѣмъ Бухартомъ, о которомъ упоминаетъ Керъ въ своемъ проектѣ восточной академіи (см. выше, стр. 368), и ученикъ монгольской школы въ Иркутскѣ (см. о ней ниже), Иларіонъ Разсохинъ, впослѣдствіи переводчикъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ при академіи наукъ. Сту-

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. академіи наукъ», т. VIII, стр. 202.

денты этой миссіи могли уже открыто заниматься изученіемъ китайскаго языка, на основаніи нашего договора съ Китаемъ 14 іюня 1728 г., пятая статья котораго гласила: „для русскихъ въ Пекинѣ выстроить домъ, въ которомъ будутъ жить трое священниковъ и шесть учениковъ для узнанія китайскаго языка“ [1]).

Начальникъ этой миссіи прожилъ въ Китаѣ недолго. Въ 1732 г. онъ просилъ замѣстить его другимъ, и на его мѣсто былъ присланъ въ 1736 г. архимандритъ Иларіонъ Трусовъ, съ ученикомъ Алексѣемъ Владыкинымъ (замѣнившимъ возвращавшагося въ Россію Разсохина), а также еще двумя студентами Московской славяно-греко-латинской академіи [2]). Разсохинъ, пожалованный еще въ 1738 г. чиномъ прапорщика за свои успѣхи въ китайскомъ и маньчжурскомъ языкахъ, прибылъ въ Россію въ 1740 г. [3]) и въ слѣдующемъ 1741 г. изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ былъ направленъ въ академію наукъ, которая 20 марта 1741 г. и приказала ему быть при ней „для переводовъ и обученія китайскаго и манжурскаго языковъ“, опредѣливъ и жалованье по 180 р. въ годъ. 29 апрѣля 1741 г. этотъ окладъ былъ увеличенъ еще 50 р. [4]). Тогда же Разсохинъ просилъ академію опредѣлить къ нему такихъ учениковъ, „которые бы умѣли россійской грамотѣ“, и дать въ помощники копіиста Пухарта [5]) и находившагося въ

[1]) См. Н. И. Веселовскій, «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи». (Спб. 1879), стр. 72.

[2]) См. тамъ-же стр. 72—73, кромѣ того: Словцовъ: «Историческое Обозрѣніе Сибири». Изд. 2-е, кн. I, стр. 205—206 и Смирновъ, «Исторія Славяно-греко-лат. академіи», стр. 231.

[3]) См. собственный рапортъ Разсохина академіи 5 августа 1745 г. у Сухомлинова, «Матеріалы для исторіи Имп. акад. наукъ», т. VII, стр. 496—97. См. о Разсохинѣ также «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія, изд. Погодина (М. 1845), т. II, 149.

[4]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. ак. наукъ», т. IV, 636.

[5]) Копіистъ Пухартъ несомнѣнно тожественъ съ Бухартомъ, упоминаемымъ въ проектѣ восточной академіи Кера, и со студентомъ второй китайской миссіи Иваномъ Пухартомъ (какъ догадывается объ этомъ Веселовскій, «Свѣдѣнія объ оффиціальн. препод. вост. языковъ», стр. 72, прим. 231). Это явствуетъ изъ доношенія «студента Івана Пухарта» въ академію наукъ (апрѣль, 1743), напечатаннаго у Сухомлинова, «Матер. для ист. Имп. Акад. Наукъ» (т. V. 645—47). Здѣсь Пухартъ сообщаетъ, что въ 1727 г. ѣздилъ въ Китай для изученія китайскаго и маньчжурскаго языковъ и пробылъ тамъ по 1732 г. Въ 1734 г. онъ прибылъ въ Петербургъ въ государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію, но «въ оной никакого опредѣленія ему не учинено»; вслѣдствіе этого онъ въ 1735 г. принужденъ былъ поступить на службу копіистомъ въ академію наукъ и находился безъ упражненія въ китайскомъ и маньчжурскомъ языкахъ, такъ что перезабылъ то, чему учился. Въ 1741 г. его опредѣлили въ помощники Разсохину. См. о Пухартѣ также т. III «Матеріаловъ для истор. Имп. акад. наукъ» Сухомлинова (стр. 536—7).

Москвѣ при иностранной конторѣ [1]) крещенаго китайца Ѳедора Петрова. Академія наукъ съ своей стороны ходатайствовала передъ кабинетомъ министровъ объ утвержденіи представленія Разсохина и о вызовѣ для него изъ Москвы помянутаго китайца, чтобы онъ обучалъ учениковъ китайскому и маньчжурскому языкамъ, безпрестанно говорилъ съ ними на этихъ языкахъ, „силу и произношеніе голосомъ рѣчей имъ показывалъ, трудныя слова и литеры толковалъ, а притомъ великатность этихъ двухъ языковъ показывалъ"; со временемъ же упражнялъ бы учениковъ въ переводахъ на русскій языкъ. При этомъ присовокуплялось, что китаецъ Петровъ „на досугѣ и самъ полезныя книги съ маньчжурскаго и китайскаго языковъ на россійскій діалектъ къ немалой прибыли переводить можетъ" [2]). Разсохинъ просилъ также, чтобы ему дали учениковъ изъ семинаристовъ Ѳеофана новгородскаго, или изъ другихъ мѣстъ, и изъ академической гимназіи три-четыре молодыхъ человѣка, которые бы „не только по-русски читать и писать умѣли, но притомъ бы нѣмецкаго и латинскаго языковъ довольно знали" [3]).

Просьбы Разсохина были удовлетворены лишь отчасти. Пухарта онъ получилъ себѣ въ помощники (см. выше, стр. 372, примѣч. 5-е), но китаецъ Ѳедоръ Петровъ, онъ же Джога, такъ и остался въ Москвѣ. Когда государственная коллегія иностранныхъ дѣлъ въ сентябрѣ 1742 г. обратилась въ академію наукъ, съ вопросомъ, нуженъ ли ей китаецъ Ѳедоръ Джога, котораго она желала получить въ помощники Разсохину [4]), то академія, крайне стѣсненная въ то время въ своихъ денежныхъ средствахъ, отвѣтила: „не только въ ономъ Джогѣ академія наукъ нынѣ нужды не имѣетъ, но и прапорщика Россохина, за неподтвержденіемъ своего штата, жалованьемъ содержать не въ состояніи" [5]).

Тѣмъ не менѣе Разсохинъ оставался при академіи. Вмѣсто учениковъ семинаристовъ, или гимназистовъ, съ извѣстной подготовкой, въ августѣ 1741 г. опредѣлены къ нему были четыре ученика изъ солдатскихъ дѣтей, учившихся въ петербургской гарнизонной школѣ, „кои уже россійской грамотѣ и писать обучились и къ наукамъ понятны" [6]). Имъ велѣно было „къ

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. ак. наукъ», т. IV, стр. 723.

[2]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. ак. наукъ», т. IV, стр. 643—44, и Полное Собраніе Законовъ, № 8418.

[3]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. ак. наукъ», IV, 643—644. «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», № 8418.

[4]) Сухомлиновъ, «Матеріалы» т. V, стр. 341.

[5]) Тамъ же, стр. 345.

[6]) См. «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи» № 8418.

ихъ скорому вниманію при немъ весьма неотлучно быть, ибо не только ихъ обучать грамотѣ, но и всегда съ ними, для лутчаго ихъ понятія тѣми языками, разговаривать и показывать все китайское обхожденіе, чтобъ они и китайскую политику современемъ узнать могли". Такъ какъ въ домѣ, гдѣ проживалъ Разсохинъ, стоялъ военный постой, и ученики его не могли поэтому помѣститься съ нимъ вмѣстѣ и находиться при немъ неотлучно, то академія обратилась въ главную полицмейстерскую канцелярію съ промеморіей о снятіи постоя, чтобы ученикамъ можно было жить „въ его, Разсохина, домѣ" [1]).

Назначенный въ помощники Разсохину Пухартъ не долго оставался при немъ. Въ апрѣлѣ 1743 года онъ просилъ уволить его отъ этихъ обязанностей, указывая при этомъ, что вынужденный служить копіистомъ, находился долго безъ упражненія въ китайскомъ и маньчжурскомъ языкахъ. Впрочемъ, онъ, „хотя чрезъ означенныя лѣта нѣчто и забылъ, однако, къ тому тщался, и къ нему, прапорщику Разсохину, гдѣ тѣ ученики обрѣтаются, на Санктпетербургскомъ острову, ѣздилъ". Тѣмъ не менѣе, „за недачею жалованья", Пухартъ являлся вынужденнымъ, „какъ отъ сего, такъ и отъ вышеупомянутаго прежняго къ той наукѣ недопущенія, а наипаче для неимущества и утраченныхъ же лѣтъ, охоту свою уничтожить, и для того болѣе у того не быть", тѣмъ паче, что у него имѣлись и другія обязательныя занятія [2]). Въ связи съ этимъ прошеніемъ академія доложила 24 окт. 1744 г. сенату, что студентъ Пухартъ „ни къ чему при академіи наукъ не способенъ", и уволила его отъ обязанностей помощника Разсохина, оставивъ его попрежнему копіистомъ [3]).

Несмотря на отсутствіе помощниковъ, Разсохинъ продолжалъ обучать своихъ учениковъ не безъ успѣха, заботясь и объ ихъ общемъ образованіи. Такъ едва-ли безъ его вѣдома въ августѣ 1746 г. двое изъ его учениковъ, Яковъ Волковъ и Леонтій Савельевъ, обратились въ канцелярію академіи наукъ съ слѣдующей просьбой: „обучаемся мы... съ 1741 года китайскому языку, котораго уже нынѣ не мало познали, и нѣсколько читая ихъ книги, разумѣть можемъ. А нынѣ еще желаемъ мы обучиться въ гимназіи латинскому или французскому языку, понеже на оныхъ языкахъ многія китайскія переведенныя книги имѣются, которыя къ продолженію нашей науки не безполезны быть могутъ" [4]).

---

[1]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. ак. наукъ», т. IV. 723—724.
[2]) Тамъ же, т. V. 645—47.
[3]) Тамъ же, т. VII. 182.
[4]) Тамъ же, т. VIII, 218—19. 228.

Просьба ихъ, очевидно, была удовлетворена, такъ какъ имена ихъ находимъ въ спискѣ учениковъ французскаго класса академической гимназіи за 1748 г. Обоимъ въ это время уже было по 20 лѣтъ [1]). Вскорѣ число учениковъ Разсохина уменьшилось. Въ февралѣ 1748 г. одинъ изъ нихъ, Степанъ Чекмаревъ, обратился въ канцелярію академіи, прося уволить его отъ ученія, по недостаточности получаемаго имъ жалованья [2]) для содержанія себя съ домашними и отсутствію дальнѣйшей охоты заниматься маньчжурскимъ языкомъ. При этомъ онъ выражалъ желаніе получить мѣсто копіиста при академической канцеляріи. Спрошенный по этому поводу Разсохинъ далъ Чекмареву такую аттестацію: „оный ученикъ, Степанъ Чекмаревъ, въ обученіи манджурскаго языка не понятенъ, и потому дальней надежды въ немъ быть не можетъ“. На основаніи этого заключенія и своей просьбы, Чекмаревъ, 10 авг. 1748 г. былъ уволенъ отъ обученія маньчжурскому языку и опредѣленъ копіистомъ, съ жалованьемъ 30 р. въ годъ [3]). Остальные ученики продолжали заниматься подъ руководствомъ Разсохина. Объ успѣхахъ ихъ сохранилось современное свидѣтельство, заключающееся въ статьѣ, напечатанной въ Прибавленіи къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ 12 іюля 1748 г. и описывавшей посѣщеніе академіи наукъ мальтійскими кавалерами, маркизомъ Сакрамоза и графомъ Гамильтономъ [4]): „показываны были имъ разныя въ Китаѣ печатанныя книги на китайскомъ и манджурскомъ языкахъ [5]). Обрѣтающійся при Академіи переводчикъ Рассохинъ, которой болѣе пятнадцати лѣтъ въ Пекинѣ жилъ [6]), и въ обоихъ языкахъ весьма искусенъ, толковалъ имъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ оныхъ книгъ.., а ученики его отправ-

[1]) Тамъ же, т. IX, 496.

[2]) Ученики Разсохина получали 24 рубля въ годъ, какъ это видно изъ академическихъ штатовъ этого времени. См. Сухомлиновъ, «Матеріалы и т. д.» т. VIII, стр. 722 и т. д.

[3]) Тамъ же, т. IX, стр. 85—86, 360.

[4]) Перепечатана у Пекарскаго, «Исторія Импер. акад. наукъ въ Петербургѣ». Т. II. Спб. 1873, стр. XXXVII.

[5]) Китайскія и маньчжурскія рукописи и книги пріобрѣтались академіей уже раньше. Въ «Матеріалахъ для ист. Имп. акад. наукъ» Сухомлинова (т. IV. 49) находимъ указаніе на полученіе большого кит. словаря (40 книгъ въ 6 томахъ) и разныхъ другихъ книгъ, посланныхъ для Байера отъ южной іезуитской коллегіи въ Пекинѣ. Въ мартѣ 1741 г. пріобрѣтено было у Разсохина разныхъ китайскихъ книгъ на 242 р. 30 к., (тамъ же, стр. 620).

[6]) Цифра 15 лѣтъ находится въ противорѣчіи съ показаніями самого Разсохина (въ его рапортѣ 5 авг. 1745), согласно которымъ онъ былъ посланъ въ Китай въ 1727 г. и вернулся въ Россію уже въ 1740 г. (Сухомлиновъ, «Матер. для ист. Имп. ак. н.» VII. 496—497).

ляли разговоръ на помянутыхъ языкахъ съ особливою способностью".

Въ томъ же 1748 году сенатъ намѣревался опредѣлить при академіи еще одного китаиста, вѣроятно, также изъ студентовъ второй китайской миссіи, прапорщика Ивана Быкова [1]). Быковъ, бывшій ученикъ московской математической академіи, былъ посланъ въ 1731 году въ Китай и оставленъ тамъ для обученія китайскому и маньчжурскому языкамъ. По возвращеніи его въ Россію, коллегія иностранныхъ дѣлъ, за отсутствіемъ у нея какой-либо корреспонденціи на этихъ языкахъ, не знала, что съ нимъ дѣлать, и передала его на усмотрѣніе сената, который указалъ ему быть при академіи наукъ и здѣсь „на тѣхъ языкахъ... разнымъ разговорамъ съ переводомъ на россійской діалектъ надлежащія книги учить и тѣмъ языкамъ нѣсколько... учениковъ обучать" [2]). Академія рѣшила подвергнуть Быкова испытанію у профессора ея и исторіографа Миллера [3]). По испытаніи оказалось, что Быковъ „въ манжурскомъ языкѣ искусенъ и переводить съ манжурскаго на россійскій и съ россійскаго на манжурскій языки умѣетъ и учениковъ обучить можетъ; только въ никанскомъ, т. е. въ китайскомъ языкѣ, онъ, Быковъ, хотя въ просторѣчіи о всякихъ дѣлахъ говорить можетъ, однакожъ, за великимъ множествомъ китайскихъ литеръ, всего вытвердить не могъ, чего ради и въ переводахъ во ономъ языкѣ будетъ недостаточенъ и учениковъ совершенно ему выучить невозможно". А такъ какъ академія имѣетъ уже переводчика Разсохина, присланнаго изъ той же коллегіи иностранныхъ дѣлъ и искуснаго въ обоихъ языкахъ, то „слѣдовательно для тѣхъ наукъ двумъ учителямъ при академіи быть не для чего и нужды академіи въ томъ нимало нѣтъ". Поэтому академія представляла сенату, не благоволитъ ли онъ „помянутаго поручика Быкова опредѣлить къ какой иной службѣ, а при академіи до него нужнаго ничего не касается" [4]). Что сдѣлалось далѣе съ Быковымъ,—неизвѣстно. Очевидно, что на самыхъ первыхъ порахъ насажденія у насъ синологіи намъ пришлось считаться съ перепроизводствомъ ученыхъ спеціалистовъ въ этой области...

Какъ долго преподавалъ Разсохинъ при академіи, изъ печат

[1]) О Быковѣ, какъ членѣ второй кит. миссіи, нѣтъ указаній въ литературѣ (напр. въ цит. книгѣ Веселовскаго), но пребываніе его въ Китаѣ совпадаетъ съ пребываніемъ тамъ названной миссіи Илар. Трусова.

[2]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. ак. н.» IX. 131—134.

[3]) Тамъ же, стр. 163—164.

[4]) Тамъ же, стр. 221—222.

ныхъ источниковъ для ея исторіи не видно („Матеріалы“ Сухомлинова заканчиваются 1750 годомъ). Данныя для этого должны находиться въ академическомъ архивѣ, не вполнѣ доступномъ для постороннихъ изслѣдователей. Несомнѣнно, что въ 1750 году Разсохинъ со своими тремя учениками (Леонтіемъ Савельевымъ, Семеномъ Корелинымъ и Яковомъ Волковымъ) значился еще въ штатахъ академіи [1]). Въ этомъ же году (5 апрѣля) названные ученики Разсохина, состоявшіе при академіи съ 1741 года, указывая на свои труды по изученію китайскаго и маньчжурскаго языковъ (выучили сперва „разные вокабулы и разговоры, а потомъ книгу Сышу въ 4 частяхъ, книгу Саньдзыгинъ“ и т. д.), просили себѣ прибавки жалованья (противъ 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ, получавшихся ими въ то время). Академія постановила спросить Разсохина, каковы ихъ успѣхи, что̀ они знаютъ, и какія надежды можно возлагать на нихъ [2]). Каковъ былъ отвѣтъ Разсохина, изъ матеріаловъ для исторіи академіи Сухомлинова, остановившихся на 1750 г., не видно. Въ 1762 г. Разсохинъ еще состоялъ при академіи, въ качествѣ переводчика [3]). Умеръ онъ около 1770 года.

Очевидно для потребностей преподаванія своимъ академическимъ ученикамъ Разсохинъ составилъ (или, точнѣе, перевелъ) разговоры на русскомъ, китайскомъ и маньчжурскомъ языкахъ, оставшіеся, впрочемъ, въ рукописи. Первое упоминаніе о нихъ находимъ въ біографіи Разсохина, въ Новиковскомъ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ (Спб. 1772, стр. 191). Рукопись ихъ, хранящаяся въ I-мъ отдѣленіи библіотеки Имп. академіи наукъ [4]), содержитъ предисловіе Разсохина (на 5 листахъ, формата въ поллиста писчей бумаги) и самые разговоры (на 81 листѣ такого же формата). Изъ предисловія мы узнаемъ, что Разсохинъ былъ только переводчикомъ и, пожалуй, редакторомъ названныхъ разговоровъ, но не составителемъ ихъ: „слѣдующія школьныя простыя манджурскаго и китайскаго языковъ разговоры сочинены чрезъ моего пріятеля Шеунинъ Сянь Шына на манджурскомъ языкѣ для обученія при немъ находящихся учениковъ, которыя после его же трудами переведены на китайской языкъ. Хотя и не краснословно самыми простыми словами, однакожъ вступающему въ науку подадутъ къ совершенному познанію

---

[1]) Тамъ же, т. X, стр. 288.
[2]) Тамъ же, стр. 373.
[3]) Пекарскій, «Исторія Имп. акад. наукъ», т. II, стр. 960.
[4]) Рукопись 32. 6. 17.

такой способъ, что онъ чрезъ оной такъ можетъ въ наукѣ изрядно преспѣвать“ и т. д. Въ концѣ предисловія указывается время составленія оригинала разговоровъ: „написана во владѣніе мирноправдиваго осмаго году, т. е. 1730-го весною благополучного дня чрезъ Чынъ минъ дана (,) переведена чрезъ прапорщика Илариона Рассохина“. Предисловіе писано на трехъ языкахъ: русскомъ (вверху), китайскомъ (ниже) и маньчжурскомъ (въ самомъ низу страницы). Такъ же писаны и сами разговоры, въ которыхъ китайскій и маньчжурскій тексты изображены оригинальными письменами, а не въ русской транскрипціи, какъ это часто у насъ дѣлалось съ разными восточными текстами въ XVIII в.

Въ академической библіотекѣ (отдѣленіе I), кромѣ того имѣются и другіе рукописные труды Разсохина и его учениковъ, являющіеся, очевидно, плодомъ его занятій съ вышеназванными учениками при академіи наукъ. Таковы, напримѣръ, три рукописныхъ перевода Разсохина, относящихся къ одному времени (1745 г.): 1) „О томъ какъ нѣкоторый мальчикъ переспорилъ великаго китайскаго учителя Кунъ Фудзыя. Съ манджурскаго языка на россійской переводилъ прапорщикъ Ларіонъ Разсохинъ (на русскомъ, китайскомъ и маньчжурскомъ языкахъ, 12 листовъ формата въ поллиста писчей бумаги)“. Въ концѣ рукописи замѣтка: „по китайски писалъ ученикъ Левонтей Савельевъ; по манджурски писалъ ученикъ Семенъ Корѣлинъ. 1745“; 2) „О двадцати четырехъ пунктахъ, касающихся родительскаго почтенія, съ манджурскаго языка на россійской, перевелъ прапорщикъ Ларіонъ Разсохинъ. Спб. 1745 (на русскомъ, китайск. и маньчж. языкахъ; 30 листовъ форматомъ въ поллиста писчей бумаги)“. Въ концѣ этой рукописи тоже надпись: „по китайски писалъ ученикъ Яковъ Волковъ, по маньчжурски писалъ ученикъ Степанъ Чекмаревъ“; 3) „китайскаго графа Сюэ вынь цинъ гуна собственныя разсужденія о себѣ самомъ“ и т. д. (небольшая рукопись на русскомъ, китайск. и маньчж. языкахъ на нѣсколькихъ листахъ писчей бумаги). Въ концѣ надпись: „съ маньчжурскаго языка на русской перевелъ прапорщикъ Ларіонъ Разсохинъ. 1745. По китайски писалъ ученикъ Яковъ Волковъ, по манджурски писалъ ученикъ Степанъ Чекмаревъ [1])“.

Кромѣ этихъ переводовъ, вѣроятно служившихъ для упражне-

---

[1]) О принесеніи этихъ переводовъ Разсохинымъ въ даръ библіотекѣ академіи см. Сухомлинова, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ», т. VIII, стр. 48. Рукописи этихъ переводовъ носятъ шифры: 1) 34.6.20; 2) 34.6.25; 3) 43.5.11.

нія академическихъ учениковъ въ письмѣ и устномъ переводѣ, библіотека академіи наукъ обладаетъ еще нѣсколькими рукописными переводами съ китайскаго и маньчжурскаго, сдѣланными тѣмъ же Разсохинымъ. Число рукописныхъ работъ Разсохина должно было быть еще больше: въ своемъ рапортѣ академіи отъ 5-го авг. 1745 г. Разсохинъ въ числѣ своихъ „переводовъ“ указываетъ еще „манджурскую азбуку“ (№ 7), „школьные разговоры“ (№ 8), очевидно дошедшіе до насъ, прибавляя затѣмъ: „да для обученія учениковъ перевелъ я разные вокабулы, разговоры и часть лексикона [1])“. Послѣдніе труды Разсохина не дошли до насъ; по крайней мѣрѣ о нихъ ничего не извѣстно.

Такимъ образомъ наши первыя миссіи въ Китай уже принесли извѣстные практическіе результаты, и потому наше правительство продолжало снаряжать ихъ.

Послѣ смерти начальника третьей китайской миссіи, Иларіона Трусова († 1741), на его мѣсто отправленъ былъ начальникъ четвертой миссіи въ Китай, архимандритъ Гервасій Линцевскій съ новыми двумя учениками, которымъ дана была инструкція „всемѣрно тщатися къ обученію себе тамошняго китайскаго языка [2])“. Въ числѣ студентовъ этой миссіи находился Алексѣй Леонтьевичъ Леонтьевъ, впослѣдствіи переводчикъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и авторъ многочисленныхъ печатныхъ переводовъ съ китайскаго и маньчжурскаго († въ Спб. въ 1786 г.) [3]).

Въ 1753 г. на смѣну этой миссіи послана была пятая, съ архимандритомъ Амвросіемъ Юматовымъ во главѣ и нѣсколькими студентами Казанской духовной семинаріи и Московской Славяно-греко-латинской академіи. Въ Пекинѣ была ими открыта школа, въ которой они учили китайцевъ по русски, учась въ то же время у нихъ китайскому языку [4]). Научныхъ трудовъ члены этой миссіи повидимому по себѣ не оставили.

Вслѣдъ за миссіей Юматова до конца XVIII в. нашимъ правительствомъ посылались въ Китай еще слѣдующія миссіи: шестая, подъ начальствомъ архимандрита Николая Цвѣта (въ 1767 г., вернулась въ 1780 г.), въ числѣ спутниковъ котораго были уче-

---

[1]) Тамъ же, т. VII. 496—97.

[2]) См. Веселовскій. «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи». Спб. 1879, стр. 73.

[3]) См. о немъ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1837 г., часть XVI, стр. 244. и «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія. (Изданіе Погодина, Москва, 1845), кн. II, 7.

[4]) См. Смирнова, «Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи». (Москва, 1857), стр. 232.

ники Тобольской семинаріи: Алексѣй Семеновичъ Агафоновъ, впослѣдствіи переводчикъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Кяхтѣ († 1794), авторъ нѣсколькихъ печатныхъ переводовъ съ китайскаго, вышедшихъ въ теченіе XVIII в. [1]) и Ѳедоръ Бакшеевъ, составитель перваго, и притомъ очень объемистаго, маньчжурско-русскаго словаря, хранящагося въ Имп. Публ. библіотекѣ въ двухъ спискахъ: черновомъ (вост. рки. № DCLXXXIX) и бѣловомъ (вост. рки. № DCLXXXVII). Первый изъ нихъ обнимаетъ 290 ненумер. листовъ (большого квадратнаго формата въ листъ китайской бумаги) и имѣетъ въ концѣ нѣсколько помѣтокъ, устанавливающихъ принадлежность его Бакшееву: „сей лексиконъ китайскаго (?) и манджурскаго языковъ студента Ѳедора Бакшеева... Сей лексиконъ переведенъ на манджурской языкъ переводчикомъ Ѳедоромъ Бакшеевымъ... Кончилъ подводить по манджурски сей лексиконъ 1776 года мѣсяца декабря 14 дня, въ день среды, пополудни въ 3-мъ часу Ѳедоръ Бакшеевъ“, и другія, уже личнаго характера (о покупкахъ, пусканіи себѣ крови и т. д.). Бѣловой списокъ (на 677 ненумер. листахъ китайской бумаги формата въ поллиста писчей бумаги) писанъ одною рукою съ первымъ, но не имѣетъ никакихъ помѣтокъ. О принадлежности его къ царствованію императрицы Екатерины II свидѣтельствуетъ начало посвященія, которое составитель словаря принялся было писать впереди словаря, но почему то не кончилъ: „Всемилостивѣйшая государыня, приращая вседневно ваше императорское величество вѣрноподданныхъ вашихъ просвѣщеніе“... Вѣроятно составитель словаря намѣревался посвятить свой трудъ императрицѣ, но по какой то причинѣ не осуществилъ этого намѣренія.

Во всякомъ случаѣ словарь Бакшеева свидѣтельствуетъ о его трудолюбіи и, вмѣстѣ съ переводами Агафонова, снимаетъ съ миссіи Цвѣта упрекъ въ бездѣятельности, сдѣланный ея членамъ Словцовымъ [2]), замѣтившимъ, что „они при должностяхъ, для которыхъ готовились, не замѣтили себя публичными переводами изъ восточной любознательности“.

За шестою миссіей послѣдовала седьмая, архимандрита Іоакима Шишковскаго (въ 1780—1794), съ которымъ ѣздилъ, въ числѣ прочихъ студентовъ Московской славяно-греко-латинской академіи Антонъ Григорьевичъ Владыкинъ († 1811 или 1812 г.), воспитанникъ Троицкой семинаріи изъ крещенныхъ калмыковъ, впослѣдствіи переводчикъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ въ

---

[1]) См. ихъ перечень у Венгерова, «Русскія книги», т. I, стр. 40.
[2]) См. его «Историческое Обозрѣніе Сибири». Изд. 2-е, 1886 г., кн. II, стр. 20.

Москвѣ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ и авторъ рукописныхъ грамматики (точнѣе азбуки) и лексикона маньчжурскаго языка, хранящихся въ Имп. публичной библіотекѣ, но относящихся уже къ началу XIX в.[1]).

За миссіею Шишковскаго была отправлена восьмая подъ начальствомъ архимандрита Софронія Грибовскаго (въ 1794 г., вернулась въ 1808 г.), среди спутниковъ котораго находились Степ. Вас. Липовцовъ († 1841 г.) и Пав. Ив. Каменскій (р. 1765, † 1845 г.). Первый сталъ впослѣдствіи переводчикомъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ и членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ по отдѣлу восточныхъ литературъ и древностей. Научная дѣятельность его уже принадлежитъ XIX вѣку. Второй изъ названныхъ спутниковъ Софронія Грибовскаго, П. И. Каменскій, изъ воспитанниковъ Троицкой семинаріи и студентовъ молодого Московскаго университета, впослѣдствіи также переводчикъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ архимандритъ и начальникъ миссіи въ Китаѣ, вѣроятно, еще во время своего пятнадцатилѣтняго пребыванія въ Китаѣ студентомъ миссіи, положилъ начало составленному имъ обширному китайско-маньчжурско-монгольско-русскому словарю (20 томовъ in folio), оставшемуся, однако, въ рукописи[2]). Научная дѣятельность его также относится уже къ XIX в.[3]).

Помимо китайскихъ миссій въ концѣ XVIII в. принимались и нѣкоторыя другія мѣры для обученія китайскому и маньчжурскому языкамъ. Такъ въ Высочайшемъ указѣ „Коммиссіи о учрежденіи народныхъ училищъ“ (27 сент. 1782) предписывалось ввести преподаваніе арабскаго языка въ школахъ нашихъ восточныхъ губерній и прибавлялось: „самое то же предлежитъ къ наблюденію въ Иркутской губерніи и Колыванской области, въ раз-

---

[1]) См. о немъ: С. К. Смирновъ, «Исторія Троицкой Лаврской семинаріи», Москва 1867, стр. 522—23; Энциклопед. лексиконъ Плюшара, т. XI. 93. Митрополитъ Евгеній, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», изданіе Погодина, Москва 1845, кн. I, 85, Снегиревъ, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», Москва 1838, стр. 202.

[2]) См. объ этомъ словарѣ Аделунга «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde». Спб. 1815, стр. 203. Аделунгъ говоритъ о немъ, какъ о совершенно готовомъ къ печати трудѣ, ожидающемъ лишь великодушнаго издателя-мецената.

[3]) См. его некрологъ въ «Нижегород. Губ. Вѣдомостяхъ» 1845 г., часть неоффиціальная, № 21, «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1845 г. ч. 46, отд. VII, стр. 46—48 и статью А. Можаровскаго «Архимандритъ Петръ Каменскій. Начальникъ Россійско-Императорской X миссіи въ Пекинѣ», въ «Нижегор. Епархіальн. Вѣдомостяхъ» 1887 г. № 9—12, 15—17, 19, 22—24.

сужденіи китайскаго языка" [1]). Маньчжурскій языкъ, вмѣстѣ съ другими восточными языками, преподавался также въ Омской азіатской школѣ для приготовленія переводчиковъ по пограничному управленію Сибирской линіи, открытой въ 1789. Для маньчжурскаго языка былъ установленъ комплектъ въ пять учениковъ при одномъ учителѣ. Школа эта существовала до 1836 г.[2]). Кромѣ того сдѣлана была попытка ввести преподаваніе китайскаго и маньчжурскаго языка въ Иркутскомъ гражданскомъ училищѣ, одновременно съ открытіемъ въ немъ монгольскаго класса (см. ниже). Преподаваніе началось 13 окт. 1790 г. и на первыхъ порахъ привлекло порядочное число учениковъ (21 человѣкъ), но черезъ четыре года было прекращено, якобы по трудности и неудобности [3]).

Благодаря китайскимъ миссіямъ, у насъ явились такимъ образомъ свои первые китаисты и маньчжуристы, которые далеко превосходили своихъ европейскихъ товарищей практическимъ знаніемъ Китая и его языковъ и положили прочное основаніе русской школѣ синологіи, насчитывающей въ своихъ рядахъ первоклассныхъ знатоковъ Китая. Участникамъ нашихъ миссій въ Китаѣ принадлежатъ, какъ мы видѣли выше, первые русскіе труды по китайскому языку и первые переводы съ него на русскій. Прочіе памятники нашего знакомства въ XVIII в. съ китайскимъ языкомъ, дошедшіе до насъ, совсѣмъ незначительны. Такъ въ картонахъ Аделунга (Имп. Публ. библіотека), въ ряду другихъ образчиковъ разныхъ языковъ земного шара, имѣются и рукописныя собранія нѣкоторыхъ китайскихъ словъ (именъ числительныхъ и т. д.) и фразъ, поступившія къ Аделунгу отъ Бакмейстера (см. выше, стр. 222). Одно такое собраніе (китайскими и русскими буквами), обнимающее 10 стран. въ поллиста писчей бумаги, носитъ помѣту: Reçû avec la lettre de Mr le Professeur Pallas du 8 octobre 1773 г. Другое, немногимъ болѣе обширное (11 стран. такого же формата), имѣетъ помѣту о полученіи его отъ Палласа 18 іюля того же 1773 г. Въ помянутомъ собраніи Аделунга имѣются и небольшіе китайскіе тексты. Одинъ изъ нихъ

---

[1]) «Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи» № 15,523.

[2]) См. «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1836 г., ч. 12, стр. 607—608 и статью Петра Золотова «Краткій историческій очеркъ бывшей Омской Азіатской школы» въ «Акмолинскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» 1873, № 16—18.

[3]) См. газету «Амуръ» 1862 г. № 19 и статью директора училищъ въ Иркутскѣ, И. Миллера: «Краткое историческое обозрѣніе учебныхъ заведеній въ Иркутской губерніи», напеч. въ «Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», ч. XXVII, 1810 г., стр. 421.

записанъ русскими буквами (почеркъ второй половины XVIII в.) на 6 стран. въ четверку. Все это, конечно, лишено почти всякаго научнаго значенія. Печатныхъ статей на русскомъ языкѣ, посвященныхъ китайскому языку, у насъ въ XVIII в. не являлось, если не считать упоминавшейся уже переводной статьи С. П. (Порошина), „О китайскомъ языкѣ“, напечатанной въ V томѣ „Ежемѣсячныхъ сочиненій“ за 1757 г. (стр. 161—164). См. о ней выше (стр. 307—308).

Появленіе своихъ знатоковъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ дало возможность и нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ, прибѣгавшей на первыхъ порахъ къ услугамъ иностранныхъ переводчиковъ, въ родѣ Кера и др., обходиться отнынѣ своими силами, къ чему она со своей стороны стала прилагать стараніе. Такъ въ 1762 г. коллегія представила Сенату о своемъ намѣреніи завести у себя учениковъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ, чтобы со временемъ приготовить изъ нихъ „исправныхъ переводчиковъ“. Сенатъ утвердилъ это предположеніе коллегіи, и тогда же въ нее поступило, по собственному желанію, два ученика С.-Петербургской духовной семинаріи: Яковъ Коркинъ (уѣхавшій въ 1767 г. съ миссіей Николая Цвѣта въ Пекинъ) и Яковъ Полянскій. Въ 1770 году сдѣланъ былъ новый вызовъ желающихъ, и на него откликнулись опять два воспитанника С.-Петербургской семинаріи: Яковъ Соколовъ и Василій Полянскій [1]). Извѣстности, однако, эти первые ученики коллегіи не пріобрѣли, и о ихъ дальнѣйшей дѣятельности ничего не извѣстно.

Въ 1773 г. Иркутская губернская канцелярія также обратилась въ Сенатъ, прося назначить ей переводчика китайскаго и монгольскаго языковъ. Сенатъ исполнилъ эту просьбу и сверхъ того нашелъ необходимымъ держать при переводчикахъ нѣсколькихъ учениковъ для обученія названнымъ языкамъ и приготовленія къ занятію впослѣдствіи переводческихъ должностей. Тогда же было опредѣлено жалованье: переводчику—150 р. въ годъ, а ученикамъ по 15 [2]).

Менѣе успѣшны были мѣропріятія, направленныя къ приготовленію переводчиковъ японскаго языка, хотя стараніе къ этому прилагалось въ теченіе всего XVIII в. Меньшій успѣхъ этихъ мѣръ, сравнительно съ болѣе плодотворной дѣятельностью китайскихъ миссій, объясняется, конечно, менѣе благопріятными усло-

---

[1]) См. Чистовичъ, «Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи». Спб., 1857, стр. 58. (Дѣло архива Св. Синода, 1762 г., № 245).

[2]) «Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи», № 14000.

віями, въ которыхъ находилось у насъ обученіе японскому языку. Замкнутость Японіи, продолжавшаяся и большую часть XIX в., не позволяла прибѣгать къ отправкѣ въ нее миссій, и поэтому приходилось уже такъ или иначе добывать учителей японскаго языка для преподаванія его въ самой Россіи. Вслѣдствіе вполнѣ естественнаго отсутствія добровольныхъ учителей-японцевъ, оставался только одинъ способъ ихъ вербовки, уже примѣнявшійся въ царствованіе Петра I, а именно—насильственный захватъ въ плѣнъ тѣхъ японцевъ, которыхъ злая судьба заставляла терпѣть кораблекрушеніе у негостепріимныхъ береговъ нашихъ азіатскихъ владѣній. Дѣйствительно такимъ путемъ и получались у насъ учителя японскаго языка въ теченіе всего XVIII в.

Петербургская японская школа, основанная при Петрѣ I, продолжала дѣйствовать и при его ближайшихъ преемникахъ. Преподаваніе въ ней шло, очевидно, на тѣхъ же основаніяхъ и въ томъ же духѣ, какъ и при Петрѣ, а учителя вербовались тѣмъ же вышеуказаннымъ оригинальнымъ способомъ, какъ и первые ея учителя Денбей и Санима. Такъ въ 1735 г., по указу Сената, учителями ея были назначены новые японцы Соза и Гонза (или Сосса и Ганса), также потерпѣвшіе кораблекрушеніе у береговъ Камчатки (въ 1729 г.). Взятые въ плѣнъ, они были отправлены въ 1731 г. въ Петербургъ, куда и прибыли въ 1733 г. [1]). Здѣсь ихъ окрестили, обучивъ сначала русскому языку и началамъ христіанской религіи. При этомъ Соза превратился въ Кузьму Шульца, а Гонза въ Демьяна Поморцева. Первому было тогда 40 лѣтъ, а второму—17 [2]). При сенатѣ, однако, они состояли недолго и въ началѣ ноября 1735 г., въ силу Высочайшаго указа, были отосланы въ академію наукъ. Въ сенатскомъ указѣ, данномъ академіи по этому случаю, предписывалось спросить японцевъ „о состояніи ихъ государства... и обстоятельно записать, и что они покажутъ—донесть о томъ въ сенатѣ". На пропитаніе положено было „давать имъ изъ штатсъ-конторы по десяти копѣекъ на день человѣку [3])". Въ 1736 г., 25 мая, послѣдовалъ новый указъ

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. ак. наукъ», т. III, стр. 76.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 434—35; статья А. Сгибнева, основанная на архивныхъ данныхъ: «Объ обученіи въ Россіи японскому языку» въ «Морскомъ Сборникѣ» 1868 г. декабрь, стр. 56, и «Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащіе» 1758 г., май, 399. О Шульцѣ и Поморцевѣ см. также Сухомлиновъ, «Матер. для исторіи Имп. ак. наукъ», т. VI, 391. (Исторія академіи Г. Ф. Миллера) и болѣе подробно: Миллера Sammlung russischer Geschichte, т. III, 125—27.

[3]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ», т. II, стр. 817, 818—19, 822.

сената, коимъ предписывалось академіи: „вышеписаннымъ новокрещеннымъ быть при академіи наукъ обоимъ вмѣстѣ, чтобъ они природнаго своего языка позабыть не могли, и поручить ихъ въ особливое смотрѣніе изъ россійскихъ людей человѣку искусному, кому та академія заблагоразсудитъ, дабы они завсегда были въ добромъ смотрѣніи и порядкѣ; и для обученія того японскаго языка опредѣлить къ нимъ санктпитербурхской гарнизонной школы изъ солдатскихъ дѣтей двухъ человѣкъ, грамотѣ умѣющихъ, кои поострѣя, а чтобъ они прилежнѣе ихъ тому языку обучали, прибавить имъ жалованья къ прежней дачѣ еще по пяти копѣекъ, а съ прежними—по пятнадцати копѣеекъ на день человѣку, и давать изъ штатсъ-конторы. А между тѣмъ, для лучшаго въ вѣрѣ греческаго исповѣданія утвержденія, велѣть имъ ходить ко обрѣтающемуся въ кадетскомъ корпусѣ іеромонаху, которому ихъ къ познанію закона наставлять и во чтеніи книгъ прилежное смотрѣніе имѣть; также, по объявленію изъ нихъ Поморцева, въ Иркутскъ послать указъ: велѣть немедленно сыскать японское судно, на которомъ они были, и притомъ и книги на ихъ языкѣ кто изъ россійскихъ людей взяли, и тѣ книги у кого нынѣ обрѣтаются. И сколько тѣхъ книгъ или писемъ какихъ на японскомъ языкѣ отыскано будетъ, оныя прислать въ сенатъ немедленно [1])".

Въ началѣ іюня къ Шульцу и Поморцеву были уже опредѣлены и ученики „санктпетербургской гварнизонной школы", солдатскія дѣти: „санктпитербургскаго полку Андрей Ѳеневъ, копорскаго—Петръ Шепапыкинъ" [2]), а въ концѣ того же мѣсяца „главный командиръ" академіи баронъ фонъ Корфъ приказалъ: „оныхъ японцовъ и при нихъ солдатскихъ дѣтей для содержанія отдать Андрею Богданову [3]), которому ихъ содержать при себѣ

[1]) Тамъ же, т. III, стр. 76—77.

[2]) Тамъ же, стр. 86—87.

[3]) См. о немъ: Пекарскій, «Исторія Имп. акад. наукъ», т. II, стр. 198—200, примѣчаніе, и М. Мазаевъ, «Критико-біографическій словарь» Венгерова, т. IV, 115—116. Н. Новиковъ, «Опытъ историч. словаря о россійскихъ писателяхъ» (Спб. 1772. 20—21). Прочіе источники указаны у Венгерова: «Источники словаря русскихъ писателей», Спб. 1900, стр. 284. Словцовъ («Историческое Обозрѣніе Сибири», изд. 2-е. Спб. 1886, кн. I, стр. 206. примѣч.), а за нимъ и Н. И. Веселовскій («Свѣдѣнія объ оффиц. преподаваніи вост. языковъ въ Россіи», стр. 63, примѣч. 200), считаютъ Богданова сыномъ японца, спасшагося отъ бури въ 1710 г., т. е. вышеупомянутаго Санимы. Мнѣніе это, однако, плохо вяжется со словами самого Богданова въ прошеніи, писанномъ имъ незадолго до своей смерти». (См. Пекарскій, «Исторія Имп. акад. наукъ Т. II, 200), откуда видно, что Богдановъ уже въ 1712 г. поступилъ на службу при пороховомъ дѣлѣ, замѣнивъ здѣсь своего отца, который отъ старости не могъ больше работать. Спасшійся же въ 1710 г. Санима былъ отправленъ въ

и обучать японцовъ русской грамотѣ; а показаннымъ солдатскимъ дѣтямъ обучаться японскому языку, чего ему смотрить, дабы оные, какъ японцы русской грамотѣ, такъ и солдатскихъ дѣтей японскому языку они обучали со всякимъ прилежнымъ тщаніемъ. А что имъ надобно къ обученію на русскомъ и другихъ діалектахъ книгъ, о томъ ему въ академическую канцелярію подать

Петербургъ въ 1711 (Веселовскій, «Свѣдѣнія и т. д.», стр. 62, если только это не опечатка) или даже въ 1714 г. (см. «Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащіе». Спб. 1758 г., апрѣль, стр. 297). Сомнительно, чтобы только что очутившійся въ Россіи японецъ могъ быть приставленъ къ пороховому дѣлу, а также чтобы у него въ это время уже былъ такой взрослый сынъ, который могъ бы замѣнить его. Существующія указанія, будто Андрей Богдановъ былъ родомъ японецъ, восходятъ, повидимому, къ «Словарю русскихъ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія, по словамъ котораго (изд. Погодина, Москва, 1845 г., ч. I, 47), Богдановъ родился въ Сибири въ 1707 г., «отъ отца японской націи» и былъ привезенъ въ 1733 г. въ Петербургъ, гдѣ и окрещенъ (въ болѣе раннемъ словарѣ Новикова о японскомъ происхожденіи Богданова нѣтъ и помину). Самъ Богдановъ въ упомянутомъ выше прошеніи ничего не говоритъ о своей національности; выборъ его въ надзиратели японской школы также указываетъ скорѣе, что онъ былъ «изъ россійскихъ людей», какъ этого требовалъ сенатскій указъ. Дата пріѣзда Богданова въ Петербургъ (1733), приводимая митрополитомъ Евгеніемъ, очевидно основана на томъ, что Евгеній смѣшалъ Богданова съ порученными его смотрѣнію японцами, дѣйствительно прибывшими въ Петербургъ въ этомъ году. Самъ Богдановъ въ своемъ прошеніи ни слова не говоритъ о пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ откуда бы то ни было и, напротивъ, вполнѣ опредѣленно указываетъ, что служилъ въ типографіи, (очевидно академической) съ 1719 г. по 1727. Въ штатахъ академіи онъ дѣйствительно значится тередорщикомъ типографіи въ 1727, 1728 и 1730 гг. (См. Сухомлиновъ, «Матер. для исторіи Имп. акад. наукъ», I, 295, 343—44, 651, 687—88). Въ ноябрѣ 1730 г. онъ подаетъ просьбу о принятіи его сторожемъ въ академич. библіотеку (тамъ же, 680), хотя продолжаетъ числиться тередорщикомъ даже въ іюнѣ 1736 г. (тамъ же, III, 97, 250—51). Отсюда вполнѣ очевидна невѣрность показанія митрополита Евгенія о пріѣздѣ Богданова въ Петербургъ въ 1733 г., а эта невѣрность заставляетъ сомнѣваться и въ точности свидѣтельства Евгенія о японскомъ происхожденіи Богданова, которое быть можетъ основано лишь на указанномъ уже смѣшеніи Богданова съ порученными ему японцами. Вообще имѣющіяся въ литературѣ свѣдѣнія о Богдановѣ крайне сомнительны. Такъ, согласно показанію Новикова («Словарь и т. д.», 21), Богдановъ умеръ въ 1768 г., имѣя около 70 лѣтъ роду, по Пекарскому же («Ист. Имп. акад. наукъ», т. II, 199, прим.) онъ скончался въ 1766 г. Показанія Новикова и Пекарскаго плохо вяжутся съ общепринятымъ годомъ рожденія Богданова (1707), приведеннымъ въ Словарѣ Евгенія. Если Богдановъ родился въ 1707 г., то въ 1768 г. или 1766 г. ему не могло быть «около 70 лѣтъ». Дата 1707 г., какъ годъ рожденія Богданова, не правдоподобна и въ виду словъ самаго Богданова въ его прошеніи, согласно которымъ онъ уже въ 1712 г. замѣнилъ своего отца при пороховомъ дѣлѣ. Если вѣрить митрополиту Евгенію, что Богдановъ родился въ 1707 г., то выйдетъ, что Богдановъ началъ служить съ пятилѣтняго возраста, а это, конечно, совсѣмъ невѣроятно.

репортъ. А продерзостей и лишняго гулянья и своевольствъ никакихъ чинить имъ не допускать, а содержать ихъ во всякомъ страхѣ [1])".

Въ сентябрѣ 1736 г. Шульцъ умеръ [2]), и учителемъ остался одинъ Поморцевъ. Учениковъ у него было только двое (вышеупомянутые Ѳеневъ и Шенаныкинъ), но въ 1739 г. число ихъ, согласно сенатскому указу отъ 25 іюля 1739 г. [3]), увеличилось до пяти.

При этомъ Поморцеву, „обрѣтающемуся въ академіи наукъ для обученія", опредѣлено было жалованье 100 р. въ годъ, съ тѣмъ, „чтобъ онъ опредѣленныхъ къ нему въ ученики, для обученія японскаго языка, обучалъ, также и самъ въ академіи обучался со всякимъ прилежаніемъ"; ученикамъ, Шенаныкину и Ѳеневу дано было солдатское жалованье, а новымъ ученикамъ объявлено, „дабы они японскому языку и письму обучались со всякою прилежностью и когда обучатся, то имъ учинено будетъ награжденіе [4])". Новые ученики, тоже солдатскія дѣти, назывались: Тимоѳей Терентьевъ, Матвѣй Непорожней и Василій Красной [5]).

Около 15 декабря 1739 г. умеръ и Поморцевъ [6]), но преподаваніе японскаго языка продолжалось и послѣ его смерти, причемъ академія наукъ представила сенату, чтобы онъ повелѣлъ выдать ученикамъ жалованье. Ученикамъ же Шенаныкину и Ѳеневу было подтверждено, „чтобъ они японскаго языка сами обучались и вновь присланныхъ трехъ учениковъ обучали со всякимъ раченіемъ и прилежностью"; Богдановъ же долженъ былъ смотрѣть за ними [7]). Такимъ образомъ, за отсутствіемъ природныхъ японцевъ, учителями въ академической школѣ японскаго языка стали бывшіе ея ученики, научившіеся немного по японски отъ Шульца и Поморцева.

Богдановъ принималъ повидимому дѣятельное участіе въ преподаваніи во ввѣренной ему школѣ. Плодомъ этого участія явились составленные подъ его наблюденіемъ рукописные учебники японскаго языка, употреблявшіеся очевидно для цѣлей обученія въ японской школѣ. Въ своемъ упоминавшемся уже выше прошеніи Богдановъ говоритъ: „по силѣ даннаго отъ Императорской

---

1) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ» III. 100—101.
2) Тамъ же, стр. 195.
3) Тамъ же, т. IV, стр. 156.
4) Тамъ же, стр. 155. 166.
5) Тамъ же, стр. 190. 196—197.
6) Тамъ же. стр. 271—272.
7) Тамъ же, стр. 319—320.

Академіи наукъ указу японскую школу содержалъ и къ тому ученію пять книгъ грамматическихъ произвелъ для японскаго языка, которыя въ библіотекѣ хранятся [1])".

Этими книгами были упоминаемые также Новиковымъ въ его „Опытѣ историческаго словаря" (стр. 21) „грамматика, вокабулы, дружескіе разговоры, и *орбисъ пиктусъ*, то-есть, свѣтъ въ лицахъ" и др. на русскомъ и японскомъ языкахъ. Всѣ эти руководства остались въ рукописи и хранятся нынѣ въ I-мъ отдѣленіи библіотеки академіи наукъ. Составлены они были въ промежутокъ отъ 1736 по 1739 годъ и свидѣтельствуютъ о недюжинной энергіи Богданова, успѣвшаго, при наличности другихъ обязательныхъ занятій, въ такой короткій срокъ приготовить рядъ довольно объемистыхъ пособій для изученія японскаго языка, при полномъ отсутствіи предшественниковъ въ этой вполнѣ новой у насъ отрасли литературы.

Первое по времени изъ этихъ руководствъ представляетъ собой русско-японскія вокабулы (расположенныя не въ алфавитномъ порядкѣ, а по разнымъ рубрикамъ), къ которымъ примыкаетъ „преддверіе разговоровъ японскаго языка". Вокабулы занимаютъ 104 съ небольшимъ ненумер. страницы (въ четвертку писчей бумаги), а „разговоры" — 70 такихъ же страницъ. На бѣломъ переднемъ листѣ рукописи — надпись рукой Богданова: „списана 1736 году японцомъ [2]) подъ наблюденіемъ сего ученія Андрея Богданова" [3]). Въ академической библіотекѣ находится и черновикъ даннаго руководства (77 ненум. листовъ въ 4°), мало отличающійся отъ только что описаннаго чистаго экземпляра [4]).

Японская грамматика Богданова носитъ заглавіе: „Краткая грамматика" и содержитъ (на 38 съ небольшимъ ненумерованныхъ страницахъ въ четвертку листа писчей бумаги) образцы японскихъ склоненій и спряженій, а также подробный перечень нарѣчій японскаго языка, распредѣленныхъ по многочисленнымъ рубрикамъ. На бѣломъ переднемъ листѣ рукописи рукой Богда-

---

[1]) Пекарскій «Исторія Импер. академія наукъ», т. II, стр 198—200, прим. 4.

[2]) Противоположеніе себя «японцу», дѣлаемое здѣсь Богдановымъ, какъ бы указываетъ, что самъ онъ не былъ японцемъ по происхожденію, или, по крайней мѣрѣ, не считалъ себя таковымъ. Японцемъ, помогавшимъ ему въ составленіи этого руководства, былъ, вѣроятно, Поморцевъ, бывшій Гонза (Шульцъ умеръ въ сентябрѣ 1736 г.). Но Богдановъ долженъ былъ всетаки знать по-японски, чтобы контролировать работу своего помощника. Откуда же онъ научился этому языку?

[3]) Рукопись I-го отдѣленія библіотеки Имп. академіи наукъ, 17, 14, 7.

[4]) Рукопись I-го отдѣленія библіотеки Имп. академіи наукъ, 17, 7, 10.

пова написано: „писана японцомъ подъ надзиранiемъ и ученiемъ русскаго языка чрезъ Андрея Богданова 1738 г.“ [1]).

Богданову же очевидно принадлежитъ и обширный рукописный „Новый лексиконъ славено-японскiй“ (4°, 382 ненум. листа), хранящiйся также въ I-мъ отдѣл. академической библiотеки [2]). Почеркъ, которымъ онъ писанъ, мѣстами, гдѣ писавшiй менѣе старался и впадалъ въ болѣе небрежную скоропись, напоминаетъ почеркъ Богданова. На первомъ бѣломъ листѣ словаря несомнѣнно рукою Богданова написано: „сего языка содержатель школы японскаго языка Андрей Богдановъ“. Въ концѣ рукописи приписка: „начался сентября 29 дня 1736 г., кончился октября 27 дня 1738 г.“

„Дружескiе разговоры“ Богданова, упоминаемые Новиковымъ въ его словарѣ, озаглавлены: „Дружескихъ нѣкоторыхъ разговоровъ образцы“ и представляютъ собой русско-японскiе разговоры. Они имѣются въ I-мъ отдѣленiи академической библiотеки въ двухъ спискахъ: черновомъ (88 листовъ въ четвертку писчей бумаги), писанномъ рукою, напоминающей мѣстами почеркъ Богданова, и бѣловомъ, переписанномъ очень четко (75 л. въ четвертку). Въ послѣднемъ на внутренней бѣлой сторонѣ крышки переплета сдѣлана рукой Богданова надпись: „писана 1739 году“ [3]).

Послѣднее изъ упоминаемыхъ Новиковымъ руководствъ Богданова, названное у Новикова „orbis pictus“, въ оригиналѣ, принадлежащемъ академiи наукъ [4]), не носитъ никакого заглавiя и представляетъ собой обработку извѣстнаго учебника Яна Амоса Коменскаго на русскомъ и японскомъ языкахъ. На начальномъ листѣ помѣчено рукою Богданова: „Переведена 1739 году японцомъ подъ надзиранiемъ сего ученiя Андрея Богданова“. Сначала находимъ предисловiе (2 стр. въ 4°), за которымъ слѣдуетъ „Iндеѯъ главъ по алфавiту“ (на 4 ненум. стр.). Послѣ идетъ самъ orbis pictus въ 151 главѣ съ заключенiемъ (на 302 ненум. стр.), къ которому примыкаетъ „Леѯiкончикъ. Рѣчи которые в'сей книгѣ в'сочиненiи обрѣтаются“, представляющiй собою русско-японскiй словарикъ (на 158 ненум. стр.), болѣе богатый, чѣмъ вокабулы 1736 г., и расположенный въ азбучномъ порядкѣ. Японскiя слова здѣсь, какъ и въ другихъ вышеуказанныхъ руководствахъ, перо-

---

[1]) Рукопись 1-го отд. библiотеки Имп. ак. наукъ, 17. 15, 10. Японецъ, помогавшiй Богданову въ составленiи этого руководства, былъ очевидно Поморцевъ, такъ какъ Шульцъ умеръ уже за два года до этого.

[2]) Рукопись: 17, 5, 7.

[3]) Рукописи: 17. 7, 21 (бѣловой списокъ) и 17, 7, 22 (черновикъ).

[4]) Рукопись 17, 14, 5.

даны русскими буквами; удареніе обозначено вездѣ, за исключеніемъ большого „славено-японскаго“ словаря и „дружескихъ разговоровъ“.

Интересно вступленіе къ „orbis pictus“ Богданова, озаглавленное „Вмѣсто предисловія“: „Не за малую бы то куріозность сія книжица причестся могла быть ежели бы она собственнымъ японскимъ характеромъ писана была.

Но за недостатокъ было сему природному японцу въ томъ [что ихъ характеръ писменъ трудностію подобны хінскимъ] который еще суще въ младыхъ лѣтахъ будучи в'своемъ отечествѣ Японскаго Государства собственного обученія своего писма недостаточенъ былъ. А понеже по указу ея Імператорскаго Величества повелѣно оному японцу будучи при Императорской Академіи Наукъ во обученіи россійскаго языка не токмо чтобъ своего природнаго языка моглъ не позабыть но обучалъ бы при томъ и другихъ природному своему японскому языку котораго ради ученія не токмо что сія книжица на японскій языкъ переведена видится: но притомъ лексіконъ и двѣ другіе малые книжицы вокабуловъ и разговоровъ суть переведены имѣются.

Того ради всякъ куріозный читатель видя сію книжицу переведенную на японскій языкъ чрезъ характеръ россійскихъ литеръ писанную не былъ бы в'томъ подъ какимъ сомнѣніемъ и не подумалъ бы в'семъ якобы не правда.

Однакожъ Імператорская Академіа Наукъ и сіе наблюдая впредь для случая сіи орігіналы въ библіотеку сообщити соблаговолила“.

Всѣ перечисленныя руководства Богданова остались въ рукописи. Очевидно, спроса на такого рода пособія не было, да и не могло быть. Тѣмъ не менѣе петербургская школа японскаго языка приносила практическую пользу.

Такъ, въ 1740 г., двое учениковъ покойнаго Поморцева, упомянутые уже раньше солдатскія дѣти Петръ Шенаныкинъ и Андрей Өеневъ, оставшіяся, какъ мы видѣли выше, безъ руководителя, были, по указу сената (отъ 19-го марта) назначены въ японскую экспедицію капитана Шпанберга. Въ 1742 г. они плавали со Шпанбергомъ къ берегамъ Японіи, въ качествѣ переводчиковъ и, по окончаніи экспедиціи, были отправлены обратно въ Петербургъ [1]). Оказанная ими польза оправдывала заботы правительства объ

---

[1]) См. статью «Дополнительныя свѣдѣнія о распоряженіяхъ Петра Великаго для обученія русскихъ восточнымъ языкамъ» въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1853 г. ч. 80, отд. VII, стр. 28, взятую изъ «Вѣстника Имп. Русск. Геогр. Общ.» 1853, кн. IV.

умноженіи у насъ переводчиковъ японскаго языка, и скоро возникаетъ вторая японская школа, на этотъ разъ уже въ Якутскѣ.

Въ 1745 г. камчадалы опять захватили въ плѣнъ 10 потерпѣвшихъ кораблекрушеніе японцевъ, которые затѣмъ были окрещены. Четырехъ оставили въ Якутскѣ на казенномъ содержаніи (въ 1746 г.) и поручили имъ обучать учениковъ японскому языку, одинъ умеръ, а пятерыхъ, согласно указу Сената, отправили въ Петербургъ, гдѣ ихъ опредѣлили въ школу японскаго языка, состоявшую тогда при Сенатской конторѣ [1]).

Вскорѣ послѣ этого Петербургская японская школа была переведена въ Иркутскъ. Поводомъ къ этому послужило снаряженіе въ Сибирь ученой экспедиціи (въ 1753 г.) для изслѣдованія земель и острововъ на прилегающихъ моряхъ. Въ 1754 г. школа, въ составѣ трехъ учителей (изъ пятерыхъ японцевъ, отправленныхъ въ Петербургъ въ японскую школу, двое уже умерло къ этому времени) и двухъ учениковъ (все тѣхъ же Шенаныкина и Ѳенева), прибыла въ Иркутскъ. Какъ разъ въ этомъ же году здѣсь открылась навигацкая школа, и японская школа была помѣщена съ нею вмѣстѣ. Такимъ образомъ въ Сибири оказались двѣ школы японскаго языка: въ Иркутскѣ и въ Якутскѣ. Въ послѣдней школѣ, гдѣ учили четыре японца, оставленные здѣсь въ 1746 г., былъ всего одинъ ученикъ, казакъ Ляпуновъ. Иркутская канцелярія вытребовала было Якутскую „школу" въ Иркутскъ, но сибирскій губернаторъ Мятлевъ, опасаясь, что ея учителя потребуютъ себѣ такое же большое жалованье, какое получали ихъ петербургскіе товарищи по занятіемъ, присланные въ Иркутскъ (150 р. въ годъ), предписалъ оставить ее на прежнемъ мѣстѣ. Губернаторское предписаніе, однако, пришло уже послѣ отъѣзда школы изъ Якутска, и ее задержали лишь въ Илимскѣ, куда въ 1757 г. и были высланы изъ Якутска четыре казачьихъ мальчика для обученія ихъ японскому языку. Здѣсь школа оставалась до 1761 года [2]).

Японской школой въ Иркутскѣ завѣдывалъ начальникъ навигацкой школы, штурманъ Татариновъ, который въ 1759 г. перевелъ въ нее изъ навигацкой 6 учениковъ, а въ 1760 г. еще двухъ. По его же ходатайству, японцы, жившіе въ Илимскѣ, и ихъ ученики были также переведены въ Иркутскъ. Такимъ образомъ обѣ сибирскихъ японскихъ школы слились въ одну.

Къ этому, очевидно, времени относятся два письменныхъ

---

[1]) См. цитир. уже статью Сгибнева «Объ обученіи въ Россіи японскому языку» въ «Морск. Сборникѣ» 1868 г., декабрь, стр. 56—57.

[2]) «Морской Сборникъ», 1868 г., декабрь, стр. 57.

памятника дѣятельности нашихъ школъ японскаго языка въ Сибири, хранящіеся въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной библіотеки, въ одномъ изъ картоновъ собранія лингвистическихъ матеріаловъ, принадлежавшаго извѣстному Ѳ. П. Аделунгу. Первымъ изъ этихъ памятниковъ является собраніе числительныхъ и нѣкоторыхъ фразъ на русскомъ и японскомъ языкахъ (6 стр. въ поллиста писчей бумаги, скорописью второй половины XVIII в.). Японскія слова изображены здѣсь оригинальнымъ японскимъ письмомъ и русскими буквами (безъ обозначенія ударенія, хотя въ болѣе раннихъ пособіяхъ для изученія японскаго языка, составленныхъ при участіи Андрея Богданова, удареніе обозначалось). Въ концѣ рукописи подписались составители описаннаго собранія: японецъ Петръ Черной (у Сгибнева въ цитир. выше статьѣ — *Черныхъ*), единственный подписавшійся по японски и по русски, поручикъ Василій Пановъ [1]), японецъ Матоѳей Поповъ, японецъ Иванъ Аѳонасьевъ и японецъ Филипъ Трапезниковъ. Вторымъ памятникомъ является собраніе фразъ: «Разговоры японскимъ письмомъ по японски и россійскимъ письмомъ переведены» (7 стр. въ поллиста писчей бумаги, скорописью того же времени, какъ и первая рукопись). Въ концѣ его подписались тѣ же лица и въ томъ же порядкѣ, какъ и на первомъ изъ названныхъ памятниковъ, причемъ опять только одинъ Черной подписался по руски и по японски, остальные же только по русски (подписи послѣднихъ трехъ японцевъ, особенно Попова, свидѣтельствуютъ о маломъ навыкѣ въ письмѣ). Очевидно, одинъ Черной умѣлъ писать по японски, остальные же впервые познакомились съ письмомъ, только попавъ въ руской плѣнъ и потому умѣли писать лишь по руски. На обѣихъ рукописяхъ, на послѣдней чистой страницѣ, помѣчено рукой Бакмейстера, изъ собранія котораго они поступили къ Аделунгу: Reçû par M. le Professeur Pallas. Время составленія этихъ небольшихъ собраній лингвистическаго матеріала (вѣроятно, по инидіативѣ

---

[1]) У Сгибнева («Морск. Сборникъ», 1868, декабрь, стр. 57) Пановъ, подписавшійся въ разсматриваемой рукописи «поручикомъ», безъ эпитета «японецъ», значится и въ числѣ 5 японцевъ, отправленныхъ въ Петербургъ, и въ числѣ четырехъ японцевъ, оставленныхъ въ Якутскѣ; о японцѣ же Поповѣ совсѣмъ не упоминается. Повидимому, тутъ какое-то недоразумѣніе или ошибка, если не опечатка. Не прочелъ ли г. Сгибневъ въ томъ или другомъ случаѣ фамилію «Пановъ», вмѣсто «Поповъ»? То обстоятельство, что всѣ японцы подписались, съ прибавленіемъ къ своимъ именамъ опредѣленія «японецъ», а Пановъ одинъ называетъ себя «поручикомъ», до нѣкоторой степени показываетъ, что Пановъ не былъ японцемъ. Во всякомъ случаѣ о японцѣ Поповѣ у Сгибнева нѣтъ и рѣчи, хотя принадлежность его къ составленію указанныхъ рукописныхъ матеріаловъ не подлежитъ сомнѣнію.

Бакмейстера, см. выше, стр. 222), относится, судя по именамъ ихъ составителей, ко времени послѣ 1761 г., когда, какъ мы видѣли выше, обѣ сибирскихъ школы японскаго языка— Иркутская и Якутская (позже Илимская) соединились въ Иркутскѣ въ одну школу. Въ самомъ дѣлѣ, изъ подписавшихся подъ рукописями лицъ японцы Афонасьевъ, Трапезниковъ и Поповъ (?) принадлежали къ числу четырехъ японцевъ, оставленныхъ въ 1746 году въ Якутскѣ, а послѣ жившихъ въ Илимскѣ, тогда какъ Пановъ и Черной входили въ составъ пятерыхъ, отправленныхъ въ Петербургъ и впослѣдствіи (1753 г.) возвращенныхъ въ Иркутскъ. Подписи тѣхъ и другихъ на этихъ рукописяхъ ясно свидѣтельствуютъ о совмѣстномъ проживаніи писавшихъ, очевидно, въ Иркутскѣ.

Вѣроятно къ этому же приблизительно времени относится единственный болѣе крупный письменный памятникъ дѣятельности нашихъ японскихъ школъ въ Сибири, а именно рукописный русско-японскій словарь (точнѣе глоссарій), озаглавленный: „Лексиконъ и именуется по японски нипонно кодобанъ; азбуки и щетъ съ переводомъ россійскимъ, а оной переводъ наименованъ литерами японскими; о чемъ и можетъ благосклонный читатель заблагоразсудя дотти до сведенія и предузнать въ чемъ состояло положеніе иностраннаго деалекта сея книги“. Рукопись его (формата въ поллиста писчей бумаги), насчитывающая 43 ненум. листа словаря и 4 разговоровъ (+3 л. азбуки и счета), хранится въ библіотекѣ Азіатскаго музея при Императ. академіи наукъ (Отд. III, № 26). Судя по иниціаламъ въ заглавіи словаря (А. Т.) и академическому протоколу отъ 24 окт. 1782 г. [1]), онъ былъ составленъ ученикомъ японской школы въ Якутскѣ, а потомъ въ Илимскѣ, Андреемъ Татариновымъ, по происхожденію японцемъ (изъ четырехъ плѣнныхъ японцевъ, оставленныхъ въ Якутскѣ) и присланъ въ академію наукъ иркутскимъ губернаторомъ Кличкой. Такъ какъ Татариновъ умеръ въ 1765 г. [2]), то, очевидно, словарь этотъ составленъ былъ имъ задолго до того времени, какъ поступилъ въ академію наукъ (1782 г.). Кромѣ русско-японскихъ вокабулъ, онъ заключаетъ въ себѣ также азбуку и „нѣкоторую часть японскаго разговора“. Японскія слова переданы въ немъ не только оригинальнымъ японскимъ письмомъ (впервые у насъ), но и русскими буквами, иногда съ обозначеніемъ ударенія.

[1]) См. «Протоколы засѣданій конференціи Имп. академіи наукъ» т. III, (Спб. 1900).

[2]) См. статью Сгибнева въ «Морск. Сборникѣ» 1868 г. декабрь, стр. 58; прим.

Въ 1760 г. въ Иркутской школѣ было 7 японцевъ и 15 учениковъ. Число ихъ, впрочемъ, скоро послѣ этого начало уменьшаться за смертью нѣкоторыхъ преподавателей и учениковъ. На мѣсто умершихъ учениковъ брали учениковъ навигацкой школы. Такъ, въ августѣ 1764 г. въ японскую школу перевели четырехъ навигацкихъ учениковъ, а въ 1765 г. еще троихъ. Въ 1767 г. въ школѣ оставалось только 8 учениковъ и 5 японцевъ. Содержаніе иркутской школы тѣмъ не менѣе стоило казнѣ довольно дорого: съ основанія школы (въ 1754 г.) по 1-е сентября 1767 г. истрачено было на нее 15,372 рубля. Въ 1772 г. четыре ученика ея были произведены въ „капралы японскаго языка" [1]).

Затѣмъ школа начала постепенно падать. Мало по малу всѣ японцы перемерли, а новыхъ еще не попадалось въ плѣнъ; учениковъ тоже осталось всего 3 человѣка, и на старшаго изъ нихъ, Туголукова, возложены были учительскія обязанности. Правительство и администрація перестали заботиться о школѣ, и ученики, не получая достаточнаго содержанія отъ казны, принуждены были заниматься не своимъ дѣломъ, а добываніемъ себѣ пропитанія. Въ такомъ положеніи школа влачила свое существованіе до 1786 г., когда, по Высочайшему повелѣнію, была отправлена кругосвѣтная экспедиція Муловскаго, которая должна была, между прочимъ, завязать торговыя сношенія съ Японіей.

Какъ разъ въ это время (въ 1787 г.) въ Иркутскъ доставили 9 человѣкъ японцевъ, выкинутыхъ кораблекрушеніемъ на одинъ изъ Алеутскихъ острововъ. Четверыхъ изъ нихъ, по ихъ собственному желанію, отправили было въ Петербургъ, но потомъ снова вернули въ Иркутскъ для отправленія на родину, согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ 13 сентября 1791 г. Двое принявшихъ христіанство японцевъ, Созій и Шинзо, превратившіеся въ Ѳедора Ситникова и Николая Колотыгина, были оставлены въ Иркутскѣ и тѣмъ же указомъ Императрицы Екатерины II, отъ 13-го сентября 1791 г., назначены учителями японскаго языка, который, по словамъ указа, „при установленіи торговыхъ сношеній съ Японіею весьма нуженъ". Школу предписано было помѣстить при иркутскомъ народномъ училищѣ и для обученія въ ней назначить 5—6 семинаристовъ. Но иркутскій губернаторъ не нашелъ такого числа желающихъ и назначилъ въ школу всего трехъ семинаристовъ. Сенатъ, узнавъ объ этомъ, указомъ отъ 7-го апрѣля 1796 г. предписалъ довести число учениковъ до назначеннаго комплекта, что́ и было исполнено. Учитель Ситниковъ

---

[1]) См. статью Сгибнева («Морск. Сборникъ» 1868 г. дек.), стр. 57—58.

вскорѣ послѣ этого умеръ, и, вмѣсто него, въ школу былъ назначенъ помощникомъ учителя крещеный японецъ Киселевъ, вывезенный изъ Охотска. Но Киселевъ, не получая казеннаго содержанія, занимался торговлей, ѣздилъ по ея дѣламъ на продолжительное время въ Москву, а потомъ, уже въ самомъ началѣ XIX вѣка, долго жилъ въ Охотскѣ по дѣламъ посольства Резанова въ Японіи. Въ 1805 г. японская школа была присоединена къ иркутской гимназіи [1]).

Въ научномъ отношеніи дѣятельность нашихъ сибирскихъ школъ японскаго языка прошла, какъ мы видѣли выше, почти безслѣдно. Невольные учителя ихъ, большею частью полуграмотные и невѣжественные японцы, знали свой языкъ лишь практически, не имѣя, конечно, никакого понятія о грамматикѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ можно думать, не знали даже собственнаго письма. Ученики, также подневольные, просиживая въ школѣ чуть не всю жизнь, не только не выучивались языку настолько, чтобы переводить японскія книги, но часто даже не знали японскихъ литеръ. Курьезовъ, въ родѣ одного ученика на четырехъ учителей (казакъ Ляпуновъ въ Якутской школѣ), возложенія учительскихъ обязанностей на старшаго ученика (Туголукова) или посылки одного ученика (Антипина) вслѣдъ за другимъ (Ляпуновымъ) въ Камчатку, чтобы этотъ послѣдній не забылъ безъ практики по японски и т. д., въ исторіи этихъ школъ не мало. Руководства, употреблявшіяся въ нихъ, надо думать, имѣли чисто случайный характеръ, такъ какъ самимъ преподавателямъ нечего было и покушаться на ихъ составленіе, руководства же Богданова и его помощниковъ-японцевъ въ автографныхъ спискахъ своихъ составителей лежали безъ употребленія въ академической библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Печатать какія-либо руководства этого рода ни въ Петербургѣ, ни въ Иркутскѣ также было невозможно, тѣмъ болѣе, что число учениковъ въ японскихъ школахъ было всегда не велико, а иногда падало до совершенно ничтожной цифры.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже выше пособій для изученія японскаго языка, принадлежащихъ Богданову и Татаринову и обязанныхъ своимъ возникновеніемъ нашимъ японскимъ школамъ въ Петербургѣ и Сибири, до насъ дошло крайне мало письменныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о занятіяхъ нашихъ соотечественниковъ названнымъ языкомъ въ XVIII в. По своему объему

---

[1]) См. цитир. уже статью Сгибнева, стр. 58—59, и газету «Амуръ» 1862 г. № 19. («Нѣсколько словъ по поводу разрѣшенія принимать въ Иркутское и Нерчинское духовныя училища, а равно въ Иркутскую духовную семинарію инородческихъ дѣтей изъ бурятъ»).

и содержанію памятники эти много уступають работамъ Богданова и Татаринова, представляя собой небольшія рукописныя собранія японскихъ словъ (числительныхъ и т. д.) и фразъ, записанныхъ самымъ первобытнымъ образомъ, вѣроятно по приглашенію Бакмейстера (см. выше, стр. 222—23). Въ настоящее время они входятъ въ составъ собранія лингвистическихъ матеріаловъ, принадлежавшаго Аделунгу и затѣмъ доставшагося Импер. Публ. библіотекѣ. Памятниками этими являются: 1) русско-японскій глоссарій (2 страницы съ небольшимъ, въ четвертку писчей бумаги: японскія слова изображены только русской транскрипціей), озаглавленный „Переводъ съ россійскаго на японскій" и скрѣпленный подписью охотскаго коменданта, капитана Миницкаго (почеркъ 2-й половины XVIII в.); 2) небольшое собраніе числительныхъ, немногихъ словъ и фразъ на русскомъ и японскомъ языкахъ (японскія слова представлены и оригинальнымъ письмомъ, и русской транскрипціей), снабженное помѣткой (вѣроятно, рукой Бакмейстера) о полученіи его отъ иркутскаго губернатора Клички 15-го марта 1780 г., и 3) такое же собраніе (4 стр. in folio), озаглавленное: „Сочиненіе которое прошу перевесть. Переводъ японскій" (японскія слова писаны японскими буквами и русской транскрипціей) и снабженное помѣтой (Бакмейстера?): „Reçu par le Prof. Pallas".

Немногимъ успѣшнѣе нашихъ японскихъ школъ дѣйствовала монгольская школа при Вознесенскомъ монастырѣ въ Иркутскѣ, открытая еще въ 1725 г. (см. выше, стр. 194 — 195). Въ 1727 году число учениковъ въ ней съ 13 (изъ коихъ пятеро учились монгольскому языку, а восемь—русской грамотѣ) возрасло до 30 (изъ нихъ монгольскимъ, однако, занималось только 8 человѣкъ, а остальные обучались русской грамотѣ). Въ числѣ учениковъ ея въ это время состоялъ упомянутый выше (стр. 372 и сл.) Илларіонъ Разсохинъ, отправленный потомъ въ Китай для изученія китайскаго и маньчжурскаго языковъ и ставшій, по возвращеніи своемъ въ Россію, переводчикомъ названныхъ языковъ при академіи наукъ [1].

За отъѣздомъ учредителя школы, архимандрита Антонія Платковскаго, въ качествѣ начальника духовной миссіи въ Китаѣ (см. выше, стр. 371), школа поступила въ вѣдѣніе епископа Иннокентія I, который заботился объ ея улучшеніи, пріобрѣтая монгольскія книги и расширивъ ее отдѣленіемъ для обученія дѣтей всѣхъ сословій славяно-русской грамотѣ. Съ этихъ поръ школа полу-

[1]) См. Веселовскій, «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи». Спб. 1879, стр. 72.

чила названіе Русско-монгольской школы. Въ 1730 г. въ монгольскомъ отдѣленіи ея училось 25 человѣкъ, а въ русскомъ—10 [1]). Учителями въ школѣ были: бурятскій лама Лапсанъ, впослѣдствіи крестившійся и получившій имя Лаврентія Ивановича Перунова, и товарищъ его Николай Щолкуновъ. Оба не знали по русски, почему къ нимъ пришлось назначить переводчикомъ нѣкоего Ивана Пустынникова, учившагося въ монгольской школѣ, а потомъ отправленнаго въ Селенгинскъ къ тамошнему тайшѣ Лупсану для усовершенствованія въ монгольскомъ языкѣ [2]).

При преемникѣ епископа Иннокентія I Кульчицкаго († 1731), Иннокентіи Неруновичѣ, или Нероновичѣ, школа продолжала численно расти. При немъ число учащихся, для которыхъ монгольскій языкъ былъ обязателенъ безъ изъятія, доходило до 70. Иннокентій II Неруновичъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы дѣти духовныхъ, достигшія извѣстнаго возраста, неукоснительно доставлялись въ школу, и облагалъ большимъ штрафомъ уклонявшихся. Едва ли, однако, ученье въ ней шло особенно успѣшно; повидимому, порядки въ ней были не очень привлекательны: дѣти разбѣгались изъ школы, и для поимки ихъ и водворенія въ школу приходилось снаряжать, на счетъ родителей, особыхъ нарочныхъ [3]).

Свѣтскія власти съ своей стороны почему-то старались всячески вредить школѣ. Иркутскій вице-губернаторъ, Бибиковъ, не позволялъ строить новаго помѣщенія для школы, несмотря на неудобство прежняго. На зло преосвященному, въ 1787 г. привлекли къ какому-то слѣдствію учителя школы Лапсана и отняли его у школы, хотя замѣнить его было не кѣмъ. Въ отвѣтъ на жалобу Иннокентія въ синодъ, послѣдній, указомъ отъ 27 февр. 1739 г., предписалъ, чтобы провинціальная канцелярія нашла достойнаго учителя, и „необходимая для края“ монгольская школа была бы вновь открыта. Почему то, однако, требованіе синода не могло быть исполнено, и Иркутская монгольская школа, просуществовавъ 15 лѣтъ, закрылась. Сохранилось только ея русское отдѣленіе [4]).

---

[1]) «Иркутскія Епарх. Вѣдомости» 1864 г. прибавленія № 34. Веселовскій, цитир. сочиненіе.

[2]) «Иркутскія Епарх. Вѣдомости». 1863, прибавленія, № 38 (стр. 603)

[3]) Газета «Амуръ» 1862 г. № 19; «Иркутск. Епарх. Вѣдомости» 1863 г., прибавленія, № 39, 47, 1870 г. прибавл. № 49, 1864 г. № 34.

[4]) «Иркутскія Епарх. Вѣдом.» 1870 г., № 49. По словамъ Семивскаго («Новѣйшія любопытныя повѣствованія о Восточной Сибири, изъ чего многое донынѣ не было всѣмъ извѣстно». Спб. 1818 стр. 99, прим.), преподаваніе монгольскаго языка продолжалось здѣсь почти до 1746 г. Свидѣтельство это, впрочемъ, мало внушаетъ довѣрія.

Рядомъ съ духовнымъ вѣдомствомъ, насаждавшимъ обученіе монгольскому языку въ просвѣтительныхъ миссіонерскихъ цѣляхъ, заботились объ его изученіи уже для научныхъ цѣлей и наши свѣтскія учрежденія и лица. Такъ въ 30-хъ гг. XVIII в. занимался изученіемъ монгольскаго и калмыцкаго языковъ академикъ Байеръ, напечатавшій въ академическихъ „Комментаріяхъ" нѣсколько статей о монгольскихъ литературѣ и языкѣ (см. выше, стр. 219). Матеріалы ему доставлялъ между прочимъ и графъ Брюсъ. Такъ въ протоколахъ засѣданій конференціи академіи наукъ (т. I. 37) находимъ извѣстіе, что въ засѣданіи 12 февр. 1731 г. Байеръ демонстрировалъ передъ академиками „alphabetum Mongolicum a Comite Bruce missum, in XII capitum divisum".

Одновременно съ Байеромъ занимался собираніемъ лингвистическихъ матеріаловъ по монгольскому языку и академикъ Миллеръ, путешествовавшій въ то время по Сибири. Такъ въ 1734 г. онъ отправляетъ съ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ въ Петербургъ, въ академію два ящика съ найденными имъ монгольскими „печатными и письменными листами [1])". Въ 1735 г. онъ присылаетъ въ сенатъ изъ Иркутска „вокабуларіумъ" разныхъ языковъ Красноярскаго уѣзда и въ томъ числѣ „брацкаго", т. е. бурятскаго [2]); тогда же имъ посылается и вокабуляріумъ „мунгальскаго", тунгузскаго и тангутскаго языковъ и т. д. [3]). Академія и послѣ продолжала содѣйствовать изученію монгольскаго, а также и тибетскаго языковъ, начатому Байеромъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ суббибліотекарь академіи Бакмейстеръ, сообщающій въ своемъ „Опытѣ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей и исторіи натуральной Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ (перев. В. Костыговымъ. Спб. 1779, стр. 87)", что „съ нѣкотораго времени Академія для обученія помянутымъ языкамъ содержитъ между сими народами студента", имя котораго, впрочемъ, пока остается неизвѣстнымъ. Возможно, что Бакмейстеръ называетъ здѣсь „студентомъ" Іерига, вступившаго на службу академіи въ 1773 году (франц. изданіе книжки Бакмейстера вышло въ 1776 г.).

Несмотря на закрытіе Иркутской монастырской школы для обученія монгольскому языку, переводчики, знающіе этотъ языкъ, всетаки находились. Такъ, когда Иркутская губернская канцелярія въ 1773 году обратилась въ сенатъ, прося назначить ей

[1]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. академ. наукъ», т. VIII, стр. 197.

[2]) Тамъ-же стр. 202.

[3]) Тамъ-же.

переводчика для китайскаго и монгольскаго и двухъ толмачей для бурятскаго и тунгузскаго (маньчжурскаго), то Сенатъ исполнилъ эту просьбу, найдя сверхъ того необходимымъ имѣть при переводчикахъ по нѣскольку учениковъ для обученія ихъ названнымъ языкамъ и приготовленія къ занятію впослѣдствіи переводческихъ должностей. Тогда же назначено было и жалованье: переводчику—150 р. въ годъ, толмачамъ—по 30 р., а ученикамъ—по 15 [1]).

Снова возобновилось преподаваніе монгольскаго языка въ Иркутскѣ, лишь 50 слишкомъ лѣтъ спустя послѣ закрытія монастырской монгольской школы, т. е. въ 1790 г. На этотъ разъ монгольскій классъ былъ открытъ при Главномъ народномъ училищѣ въ Иркутскѣ, съ цѣлью приготовленія переводчиковъ. Въ первое время учениковъ въ этомъ классѣ было довольно много, а именно 32 человѣка, но классъ просуществовалъ всего 4 года и въ 1794 былъ закрытъ, за отсутствіемъ свѣдущихъ преподавателей [2]). Въ концѣ XVIII в. монгольскій языкъ преподавался также въ азіатской Омской школѣ для приготовленія переводчиковъ по пограничному управленію Сибирской линіи, открытой въ 1789 г. Комплектъ учениковъ монгольскаго класса былъ установленъ въ пять учениковъ при одномъ учителѣ. Какъ шло здѣсь преподаваніе монгольскаго языка, свѣдѣній не имѣется [3]). Школа эта просуществовала до 1835 или 1836 года.

Какихъ нибудь письменныхъ памятниковъ отъ дѣятельности иркутской школы монгольскаго языка, повидимому, не осталось. Наиболѣе раннимъ, насколько мнѣ извѣстно, рукописнымъ пособіемъ для изученія монгольскаго языка, возникшимъ въ началѣ второй половины XVIII в., является монгольско-русскій глоссарій, озаглавленный: „Разговоръ мунгалской-россійской". Глоссарій этотъ находится въ сборникѣ, писанномъ скорописью разныхъ почерковъ второй половины XVIII в. и первой четверти XIX в. и поступившемъ въ Императорскую Публичную библіотеку въ числѣ прочихъ рукописей Ц. И. Саввантова [4]). Названный глоссарій занимаетъ листы 141—154-й (формата въ длинную, высокую 8° листа писчей бумаги) помянутаго сборника (формата въ 4°) и

[1]) «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», № 14000.

[2]) «Періодическія сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», XXVII. 421, Газета «Амуръ» 1862 г., № 19.

[3]) См. «Журн. Минист. Нар. Просвѣщ.», за 1836 г., ч. 12, стр. 607—608, и статью Н. Золотова «Краткій историческій очеркъ бывшей Омской Азіатской Школы» въ «Акмолинскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» 1873, № 16.

[4]) См. Каталогъ этого собранія, составленный И. А. Бычковымъ. Вып. I. Спб. 1900 г., стр. 172—173.

составленъ какимъ-то Василіемъ Ивановичемъ, котораго просилъ нѣкій Матвѣй Лыткинъ „промежду купечества отъ досужна времени написать“. Письменное обращеніе Лыткина къ составителю глоссарія, Василію Ивановичу, находится на первой страницѣ рукописи глоссарія, содержащаго около 390 словъ, выраженій и фразъ (послѣднія лишь изрѣдка). Въ концѣ глоссарія находится небольшое воззваніе къ снисходительности читателя, писанное силлабическимъ стихомъ. Монгольскія слова переданы здѣсь обыкновеннымъ русскимъ алфавитомъ, безъ обозначенія ударенія. Время составленія этого пособія опредѣляется надписью на оборотѣ 141-го листа сборника: „переведено съ мунгалского языка на словенороссійскій лѣта 1753 году“. Въ это время Иркутская монгольская школа, какъ мы видѣли выше, уже не существовала, и со дня ея закрытія прошло уже около 14 лѣтъ. Впрочемъ, ничто не мѣшаетъ предположенію, что составитель разговоровъ. Василій Ивановичъ, по профессіи купецъ, могъ въ свое время учиться монгольскому языку въ названной школѣ.

Двумя годами позже является и первая печатная статья, касавшаяся монгольскаго языка и разсматривавшая вопросъ „О народѣ и имени Татарскомъ, также о древнихъ Могольцахъ и ихъ языкѣ“ („Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія“, т. I. 1755 г., май, стр. 421—451). Въ концѣ статьи (начиная съ 447 стр.) имѣется нѣсколько примѣровъ монгольскихъ формъ и сопоставленій татарскихъ словъ съ монгольскими. Въ результатѣ сравненія авторъ признаетъ монгольскій языкъ тюркскимъ или, какъ онъ выражается, „турецкимъ“, „которой мы нынѣ называемъ Татарскимъ“,—выводъ, разумѣется, съ точки зрѣнія современной науки ошибочный. Кромѣ того, монгольскій языкъ, по словамъ автора, заимствовалъ отъ сосѣдей, „наипаче отъ Уйрятъ... великое множество иностранныхъ словъ, которыя нынѣ за мунгальскія почитаются“. Авторомъ статьи былъ академикъ І. Э. Фишеръ.

Нѣкоторое количество лингвистическаго матеріала по монгольскому языку было собрано въ послѣднее тридцатилѣтіе XVIII в. по инициативѣ Бакмейстера и Палласа (см. выше, стр. 222—23). Въ собраніи лингвистическихъ матеріаловъ Аделунга, принадлежащемъ нынѣ Имп. публ. библіотекѣ, имѣется нѣсколько рукописныхъ вокабулъ, сборниковъ фразъ, грамматическихъ парадигмъ и т. п., поступившихъ къ Аделунгу отъ Бакмейстера. Таковы напримѣръ:

1) Собраніе парадигмъ бурятскаго глагола, озаглавленное: „Иркуцкой губерніи переводъ брацкаго языка. Подлинной пере-

водилъ иркуцкой дворянинъ Иванъ Чемесовъ, генваря 16 дня 1773» (содержитъ на $4^1/_2$ стр. въ поллиста писчей бумаги примѣры спряженія по временамъ: настоящему, прош. несовершенному, давнопрошедшему и т. д.). Тѣмъ же Чемесовымъ составлены поступившія къ Аделунгу изъ бумагъ Палласа русско-бурятскія вокабулы:

2) „Переводъ разговора брацкихъ иноверцовъ иркуцкаго уезду. Переводилъ дворянинъ и городовой толмачъ Иванъ Чемесовъ“ (4 стр. въ поллиста того же времени, какъ и предыдущая рукопись).

3) Вокабулы (числительныя и т. д.) и фразы на монгольскомъ съ русскимъ переводомъ (монгольскія слова переданы подлиннымъ письмомъ и русской транскрипціей: 7 стр. въ поллиста). Въ концѣ помѣта Бакмейстера: Reçu par M. le Prof. Pallas avec la lettre du 18 Juillet 1773.

4) Вокабулы и фразы на Селенгинскомъ нарѣчіи монгольскаго языка (подлиннымъ письмомъ съ русской транскрипціей и переводомъ) въ двухъ одинаковыхъ экземплярахъ (15 стр. и 16 стр. въ поллиста), съ помѣтой о полученіи 18 августа 1779 г. и 30 марта 1780 отъ иркутскаго губернатора Клички.

Наиболѣе ревностнымъ изслѣдователемъ монгольскаго языка и собирателемъ матеріаловъ для его изученія въ концѣ XVIII в. былъ у насъ Іоганъ Іеригъ (Jährig), гернгутеръ изъ Сарепты, съ которымъ познакомился Палласъ во время своего перваго путешествія въ 1773 г. [1]). Іеригъ обратилъ на себя вниманіе Палласа своимъ отличнымъ знаніемъ калмыцкаго языка и былъ приглашенъ вступить въ службу академіи, которая отправила его въ Сибирь на монгольскую границу для собиранія лингвистическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, назначивъ ему 100 р. годоваго жалованья—цифру, которую онъ самъ желалъ получить [2]). Въ 1779 г. Іеригу было дано званіе переводчика академіи (Translateur de l'Académie), хотя уже раньше имя его встрѣчается въ протоколахъ академической конференціи съ эпитетомъ „Translateur“ [3]). Очутившись въ Сибири, Іеригъ усердно принялся за собираніе всевозможныхъ матеріаловъ для изученія монгольскаго языка, быта, исторіи, литературы и т. д. и писаніе собственныхъ

---

[1]) Аделунгъ, «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleich. Sprachenkunde». Спб. 1815, стр. 34.

[2]) Тамъ же: «Протоколы засѣданій конференціи Имп. акад. наукъ», т. III, 108.

[3]) «Протоколы засѣданій конф. Имп. акад. наукъ», т. III. 434, 185.

изслѣдованій разнаго рода, среди которыхъ есть и лингвистическія [1]). Объ этой дѣятельности Іерига свидѣтельствуютъ его рукописные труды, сохраняющіеся въ библіотекѣ Азіатскаго музея Имп. акад. наукъ: 1) „Om hain Amogolong bottugäi. Mongolischer lexicalischer Wörter-Spiegel. Aufgeschrieben und zum Druck befördert unter Hoher Direction und dessen 56-ten Reichs-Regierungs Jahre des Chinesischen Monarchen Öulä Amogoolongte-Lhau durch hiezu Hochverordnete gelehrte Gesellschaft von 4 Tübäten, 3 Mongolen und 7 Chinesen. Von Wort zu Wort verdeutscht durch Johannes Jaehrig verschiedener Mongolscher Sprachen Translateur der Russisch Kayserlichen Academie der Wissenschaften. In der Mongoley im Jahre 1783.“ 2 тома: I: 68 стр. въ поллиста, въ концѣ помѣта: Ende des ersten Bandes durch Translateur J. Jaehrig. Mongoley a. o. 1783, d. 11-ten Juni; II: 69—104 стр. того же формата съ монгольскимъ заглавіемъ и нѣмецкимъ: «Des Königs aufgeschriebenen Mongolschen Wörter-Spiegels zweiter Band von Wort zu Wort verdeutscht durch Translateur Johannes Jaehrig.» [2]) Въ названной библіотекѣ имѣется и второй экземпляръ этой работы Іерига, озаглавленный почти такъ-же, но въ одномъ томѣ (104 стр. въ поллиста) [3]).

2) «Anfangs-gründe der Mongolschen und Öhletschen Schrift— und Sprach-Lehre. Erster Theil. Erste Abtheilung: Lehr-Sätze und Muster der Schreibarten (стр. 2—10). Zweite Eintheilung. Von allen Haupt-Gattungen und Zwischen-Arten der verdoppelten Selbstlauts-Töne und derselben Schreibart. (стр. 10—15). Dritte Abtheilung. Lehr-Beschreibung vom Buchstabiren und Lesen (стр. 16—48)». Въ концѣ первой части (всего 48 стр. въ поллиста) помѣта: Кяхтъ, d. 12 December 1791 [4]). Вторая часть посвящена уже калмыцкому языку и о ней см. ниже. Въ библіотекѣ Азіатскаго музея имѣется и второй экземпляръ этого труда Іерига, озаглавленный только болѣе кратко, но одинаковый съ нимъ по формату и числу страницъ [5]).

---

[1]) См. рукописный «Katalogus aller unter den Mongolschen Grenzvölkern gesamleten sowohl gedruckter als geschriebener Indianischen, Tübätschen und Mongolschen Manuscripte gesamlet durch Johannes Jaehrig, Translateur Mongolischer und Öhlötscher Sprachen bey der Russisch Kayserlichen Academie der Wissenschaften. Въ концѣ помѣта: Soweit d. 24—ten Februar Irkutsk. 1788. Translateur Joh. Jaehrig. Рукопись библіотеки Азіатскаго музея при Имп. акад. наукъ, отд. III. № 76 (16 лист. въ поллиста писчей бумаги).

[2]) Рукопись Азіатскаго музея, отд. III, № 76.

[3]) Рукопись Азіатскаго музея, отд. III, № 73 (въ одномъ переплетѣ съ № 70, 71, 72).

[4]) Рукопись Азіатскаго музея, отд. III, № 76.

[5]) Тоже, отд. III, № 70.

3) «Mongolische Buchstaben-Forschung enthaltend die Geschichte dieser Schrift-Stiftung, nebst Lehre-Ertheilung wie diese Schrift mit zertheilbaren Buchstaben zur Buchdruckerey einzurichten sey. Durch Johann Jaehrig» [1]). Повидимому—часть другого болѣе обширнаго труда Іерига о тибетскомъ языкѣ и письмѣ, какъ это показываетъ нумерація страницъ (97—116 стр. въ поллиста), а также и соединеніе обѣихъ частей (о тибетскомъ языкѣ и литературѣ съ «Mongolische Buchstaben-Forschung») въ одно цѣлое въ другомъ экземплярѣ этой рукописи, имѣющемся также въ Азіатскомъ музеѣ [2]). Судя по датѣ на этомъ второмъ экземплярѣ, данная работа Іерига относится къ 1793 году.

Перечисленными работами не исчерпывается все сдѣланное Іеригомъ для изученія монгольскаго языка. Такъ мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что Іеригъ постоянно посылалъ въ академію разныя монгольскія рукописныя и печатныя книги [3]), а въ 1783 г. выслалъ нѣм. переводъ монгольскаго словаря «Uhgänn-Tolli», рукопись котораго была получена академіей, но, повидимому, не сохранилась до нашихъ дней [4]). Во всякомъ случаѣ, работы Іерига своей обстоятельностью и количествомъ превосходятъ все, что было у насъ сдѣлано въ XVIII в. для изученія монгольскаго языка. Кромѣ Іерига, собираніемъ монгольскихъ рукописей и книгъ занимались также Фалькъ и Палласъ [5]). По словамъ Бакмейстера („Опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ Рѣдкостей и Исторіи Натуральной Спб. Имп. ак. наукъ", перев. В. Костыгова, Спб. 1779, стр. 87; французскій оригиналъ вышелъ въ 1776 г.), къ половинѣ 70-хъ гг. XVIII в. академическая библіотека была уже „обильно снабдена *Тангутскими* и *Монгольскими* письмами, кои писаны золотомъ, серебромъ и чернилами". Основываясь на этихъ рукописяхъ, Бакмейстеръ давалъ и нѣкоторое общее понятіе о монгольскомъ и калмыцкомъ письмѣ (стр. 92).

Въ концѣ XVIII в. (начиная съ 1788 г.) занимался составленіемъ монгольско-русскаго словаря, такъ и оставшагося въ рукописи, А. В. Игумновъ, отличный знатокъ монгольскаго языка, главная дѣятельность котораго, впрочемъ, принадлежитъ XIX в. (см. ниже).

Больше было сдѣлано у насъ для калмыцкаго или западно-

---

[1]) Тоже, отд. III, № 72.

[2]) Тоже, отд. III, № 76.

[3]) См. «Протоколы засѣданій конференціи Имп. акад. наукъ», т. III, стр. 240, 324, 338, 342, 357, 434, 474 и т. д.

[4]) Тамъ же, стр. 678, 691, 698, 702, 724.

[5]) Тамъ же, стр. 143, 145, 157, 509 и т. д,

монгольскаго языка, о чемъ свидѣтельствуетъ и рядъ правительственныхъ мѣропріятій, и большее количество разнаго рода рукописныхъ трудовъ (преимущественно лексическихъ) по названному языку. Уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVIII в. у насъ были хорошо знающіе калмыцкій языкъ переводчики, что́, конечно, объясняется большей географической близостью калмыковъ, вызывавшей чисто практическую потребность знакомства съ ихъ языкомъ для цѣлей административныхъ и общегосударственныхъ. Въ исторіи академіи наукъ Г. Ф. Миллера [1]) находимъ извѣстіе, что въ 1733 г. съ калмыцкими послами при русскомъ дворѣ объяснялся ein geschickter Kalmükischer Dolmetscher, Петръ Смирновъ, о которомъ упоминаетъ также и Керъ въ своемъ проектѣ восточной академіи въ Россіи (см. выше, стр. 368). Въ 1735 г. академикъ Миллеръ присылаетъ изъ Енисейска въ сенатъ „вокабуляріумъ" калмыцкаго и бухарскаго языковъ [2]). Калмыцкимъ занимался и академикъ Байеръ († 1738), маленькая замѣтка котораго, «Elementa Calmucica», была напечатана уже послѣ его смерти [3]). Рукопись его, носящая такое же заглавіе, хранится донынѣ въ библіотекѣ Азіатскаго музея академіи наукъ (отд. III, № 59).

Правительство наше также довольно рано начало сознавать необходимость знакомства съ калмыцкимъ и другими инородческими языками. Такъ въ 1737 г. кабинетъ министровъ, по поводу просьбы св. синода о разрѣшеніи напечатать богослужебныя книги на грузинскомъ языкѣ, рекомендовалъ ему „стараніе приложить, дабы" состоящіе при немъ свѣдущіе люди „какъ того Грузинскаго, такъ и особливо Калмыцкаго языка обучались и со временемъ потребныя къ душевному наставленію тѣхъ народовъ книги на ихъ природномъ языкѣ напечатаны быть могли" [4]). О какихъ-нибудь прямыхъ послѣдствіяхъ этого указанія, впрочемъ, намъ ничего не извѣстно.

Объ изученіи калмыцкаго языка много заботился также и В. Н. Татищевъ, особенно во время двухлѣтняго своего управленія оренбургскимъ краемъ (1737—39) и послѣ назначенія своего астраханскимъ губернаторомъ (въ 1741 г.). Изъ Оренбурга онъ посылалъ въ академію разные матеріалы по исторіи и этнографіи калмыцкаго народа, среди которыхъ находились и имѣющіе отношеніе

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Императ. академіи наукъ», т. VI, 290.

[2]) Тамъ же, т. VIII, стр. 198.

[3]) «Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», т. VII 1740, стр. 345.

[4]) См. «Полное собраніе законо́въ Росс. имперіи», № 7411.

къ языкознанію. Такъ въ февралѣ 1739 г. онъ посылалъ „уложенье калмыцкое съ переводомъ“ и „характеры, каковы калмыки для разныхъ причинъ при себѣ написанные носятъ [1])“. Въ управленіе свое оренбургскимъ краемъ (1737—39) онъ основалъ въ Самарѣ татарско-калмыцкую школу, при которой, по его указаніямъ, начали переводить книги съ восточныхъ языковъ на русскій и даже составлять татарско-калмыцкій словарь [2]). П. И. Рычковъ, служившій тогда при Татищевѣ, въ февралѣ 1741 года писалъ своему начальнику: „къ начатому въ татарско-калмыцкой нашей школѣ лексикону (съ русскими началы татаро-калмыкской) уже двѣ литеры дѣйствительно сдѣланы и, кажется, съ добрымъ успѣхомъ продолжаются. Не худо-ли, милостивѣйшій государь мой, что я такимъ образомъ русскія слова переводить велѣлъ, чтобъ татарское и калмыкское прежде русскими и калмыкскими, а потомъ уже и тѣми языки писать, ибо разсудилъ, что у насъ въ напечатаніи татарскихъ и калмыцкихъ литеръ произойдетъ великое затрудненіе. А когда будетъ и русскими литерами изображенное, то и умѣющимъ и неумѣющимъ тѣхъ языковъ чтеніемъ будетъ во употребленіе, и въ напечатаніи всего онаго русскими литерами труда будетъ не столько“ [3]). Въ мартѣ 1741 г. смѣнившій Татищева князь Урусовъ увѣдомлялъ своего предшественника, что его заботы о самарской татарско-калмыцкой школѣ не пропали даромъ, и что Рычковъ продолжаетъ работать надъ лексикономъ и переводами: „во всемъ томъ старается у меня г. Рычковъ“. Въ то-же время Рычковъ писалъ Татищеву, что основанная послѣднимъ школа „время отъ времени къ лучшему состоянію приходитъ“. При этомъ Рычковъ извѣщалъ своего бывшаго начальника, что князь Урусовъ уже посылаетъ ему „нѣсколько тетрадей сочиняемаго здѣсь татарско-калмыкскаго лексикона, въ которомъ сочиненіи я, нижайшій, имѣя малое участіе, всепокорнѣйше прошу сіе наше начало милостиво разсмотрѣть, годится-ль въ дѣло?“ Пособіемъ для составленія русской части этого лексикона служилъ „Лексиконъ треязычный“ Поликарпова (см. выше, стр. 198): „что касается въ ономъ до русскаго, то хотя оное набрано изъ лексикона поликарповскаго, однако греческіе мокронизмы (т. е. макаронизмы), необыкновенныя словенскія званія выкидываны, а напротивъ того многое, что припамятовалось, объяснено простыми рѣчами, а въ иномъ и при-

[1]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. ак. наукъ», т. IV, 41.
[2]) Пекарскій «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова». Спб. 1867, стр. 9.
[3]) Тамъ же, стр. 9—10.

бавлено. Только кажется мнѣ теперь, грамматическія изъясненія (которыя отчасти въ сочиняемомъ уже употреблены), предлоговъ и союзовъ нашихъ не нужны. Да и толмачи переводить ихъ не умѣютъ, и для того ихъ оставлю и буду тщиться, чтобъ во всемъ томъ сочиненіи болѣе простотѣ подражать, которая у насъ съ вышеупомянутыми языки довольно согласуетъ, особливо же, что въ татарскомъ усматриваются многія такія званія, кои съ нашими во всемъ сходны“ [1]).

Изъ этого же письма узнаемъ, что при школѣ состоялъ ученый ахунъ (магометанское духовное лицо), умѣвшій говорить по персидски и турецки. Это давало Рычкову надежду „со временемъ и по маленьку оба сіи языки къ предназначеннымъ сообщить“. Имя ахуна Махмутъ А(б)драхмановъ—сохранилось въ заглавіи одного его перевода съ арабскаго на татарскій, сообщаемомъ Пекарскимъ въ цитированномъ его трудѣ [2]).

Эти свѣдѣнія позволяютъ предполагать съ достаточной вѣроятностью, что упоминаемый здѣсь русско-татарско-калмыцкій словарь („съ русскими началы татаро-калмыкской“, какъ говоритъ Рычковъ въ приведенномъ выше письмѣ) тожественъ съ аналогичнымъ рукописнымъ словаремъ, находящимся въ настоящее время въ рукописномъ отдѣлѣ І-го отдѣленія библіотеки Императорской академіи наукъ (шифръ: 58. 1. 5). Анонимный словарь этотъ писанъ повидимому въ первой половинѣ XVIII в. и содержитъ всего три первыхъ буквы АБВ на 98 листахъ (формата въ поллиста писчей бумаги). Всѣхъ словъ въ немъ 1321 (всѣ занумерованы, съ отдѣльнымъ счетомъ для каждой буквы). Задуманъ этотъ словарь былъ очевидно, какъ русско-арабско-татарско-калмыцкій, но для арабскаго языка лишь были оставлены двѣ графы („россійскими литеры и арабскими литеры“), имѣвшія заполниться въ будущемъ (вѣроятно при помощи помянутаго выше ахуна) хотя, однако, такъ и оставшіяся пустыми. Русское значеніе стоитъ впереди и помѣщается со слѣдующими за нимъ арабскими графами на лѣвой сторонѣ рукописи [3]); на правой же находятся четыре графы для татарскаго и калмыцкаго языковъ (по двѣ графы

---

[1]) Тамъ же, стр. 11—12.

[2]) Тамъ же, стр. 12—13. Книжка, переведенная Адрахмановымъ на татарскій языкъ, въ свою очередь была переведена на русскій при «учрежденной въ оренбургской коммиссіи татаро-калмыцкой школѣ» въ февралѣ мѣсяцѣ 1741 г. См. тамъ-же, стр. 13, примѣч.

[3]) Первая такая страница съ 9-ю начальными словами на букву А отсутствуетъ и уцѣлѣла лишь соотвѣтствующая ей правая съ татарскими и калмыцкими значеніями.

на каждый). Татарскія и калмыцкія слова писаны двояко: оригинальнымъ письмомъ (очень четко, повидимому, навыкшей рукой) и русской транскрипціей, что опять согласуется съ намѣреніемъ Рычкова передавать инородческія слова „русскими литерами“ для ясности и легкости печатанія.

Къ тому же времени относится и другой анонимный калмыцко-русскій глоссарій (главнымъ образомъ географическихъ названій и именъ разныхъ урочищъ), хранящійся также въ I-мъ отдѣленіи библіотеки Имп. академіи наукъ въ рукописномъ ея отдѣлѣ (шифръ 19. 1. 5.). Рукопись его писана на 14 листахъ (формата въ поллиста писчей бумаги) въ два столбца, изъ которыхъ лѣвый озаглавленъ „Копія“ и содержитъ калмыцкія слова (въ русской транскрипціи и оригинальнымъ письмомъ), а правый, озаглавленный „переводъ“, — русскія значенія. Всѣхъ словъ въ немъ 536 (всѣ нумерованы), но русскія значенія имѣются далеко не у всѣхъ. Въ виду многочисленныхъ повтореній однихъ и тѣхъ же словъ съ разными только опредѣленіями, вышеприведенная цифра 536 не можетъ считаться настоящей, и въ дѣйствительности словъ въ глоссаріи гораздо меньше. Сходство внѣшняго вида этой рукописи съ предыдущей и рѣдкій пріемъ нумераціи словъ, повторяющійся и въ той и другой рукописи, позволяютъ догадываться, что и этотъ второй калмыцкій глоссарій также связанъ съ дѣятельностью Татищева въ оренбургскомъ или астраханскомъ краѣ.

Въ 1741 году, въ Ставропольской крѣпости была основана еще одна школа для обученія калмыцкихъ дѣтей русскому и калмыцкому языкамъ и грамотѣ. Учителями ея были назначены помощники и ученики упоминавшагося уже выше (стр. 195) Линкевича, Яковъ Бестужевъ и Иванъ Ляховъ. Третій изъ учениковъ Линкевича, Андрей Чубовскій, успѣвшій къ этому времени сдѣлаться протопопомъ, назначенъ былъ руководителемъ школы [1]). Къ тому же времени относится приказаніе переводчику Кондакову въ праздничные дни говорить калмыкамъ поученія на ихъ родномъ языкѣ, чтобы «они могли прійдти въ лучшее познаніе православной христіанской вѣры» [2]).

Тогда же, а можетъ быть и нѣсколько раньше, у насъ уже печатались калмыцкіе тексты (указы) оригинальнымъ калмыцкимъ

[1]) См. статьи П. Д. Шестакова: «Нѣкоторыя свѣдѣнія о распространеніи христіанства у калмыковъ» въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1869 г., ч. 145. Соврем. лѣтопись, стр. 128—29, 135 и К. П. Костенкова: «О распространеніи христіанства у калмыковъ», тамъ же, ч. 144. Соврем. лѣтопись, стр. 135, а также «Полное Собр. законовъ Росс. имп.» № 8394.

[2]) «Полное Собр. законовъ » № 7335.

алфавитомъ, хотя покуда только съ гравированныхъ досокъ. Такъ въ описи «грыдорованнымъ» доскамъ, имѣвшимся въ февралѣ 1743 г. у академическаго гравера, мастера Келлера, значится «калмыцкаго языка указная одна» [1]), вѣроятно, единственная въ то время въ этомъ родѣ, быть можетъ съ однимъ изъ первыхъ указовъ новой императрицы Елизаветы Петровны.

Несмотря на вышеуказанныя мѣры, принимавшiяся въ цѣляхъ преподаванія калмыцкаго языка, для научнаго изученія его въ теченіе первой половины XVIII в. было сдѣлано очень немного, и въ печатной литературѣ этого времени свѣдѣній объ немъ почти не имѣется. Можно указать лишь на небольшое число калмыцкихъ фразъ (всего 45), числительныхъ и названій мѣсяцевъ, записанныхъ шведскимъ офицеромъ Іог. Христ. Шничеромъ, который еще въ 1715 году попалъ въ Саратовъ, вмѣстѣ съ китайскимъ посольствомъ. Его наблюденія были изданы въ 1744, въ Стокгольмѣ подъ заглавіемъ „Berättelse om Ajuckiniska Calmuckier etc". Достояніемъ „русской" литературы, хотя и въ не русской одеждѣ они сдѣлались лишь въ 1760 г., когда явился ихъ нѣмецкій переводъ въ Миллеровскомъ „Sammlung Russischer Geschichte" (Bd. IV. Viertes Stück; С.-Петербургъ, 1760): „Nachricht von den Ajuckischen Calmücken. Aus dem Schwedischen übersetzt". (Указанные лингвистическіе матеріалы находятся здѣсь на стр. 354—360).

Путешествовавшій въ концѣ 30-хъ и въ 40-хъ гг. XVIII в. по Сибири академикъ Фишеръ также записалъ нѣкоторое количество монгольскихъ, бурятскихъ и калмыцкихъ словъ, небольшая часть которыхъ (12 числительныхъ и слово „Богъ") была напечатана имъ во введеніи къ его „Sibirische Geschichte" (ч. I. Спб. 1768, стр. 40), а остальное осталось въ его рукописныхъ матеріалахъ для словаря сибирскихъ инородческихъ языковъ (см. выше, стр. 220).

Небольшое число калмыцкихъ словъ (11) и числительныхъ (10), собранныхъ еще въ первой четверти XVIII в. Шоберомъ (см. выше, стр. 201), было напечатано академикомъ Г. Ф. Миллеромъ въ его „Sammlung Russischer Geschichte" (Bd. VII, erstes und zweites Stück. Спб. 1762: „Anszug aus D. Gottlob Schobers bisher noch ungedrucktem Werke: Memorabilia Russico-Asiatica", стр. 71).

Въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ XVIII столѣтія у насъ было собрано уже довольно много матеріаловъ по калмыцкому языку, хранящихся въ рукописяхъ въ нашихъ книгохранилищахъ. Въ концѣ 60-хъ или началѣ 70-хъ годовъ XVIII в. сдѣлалъ нѣсколько

[1]) Сухомлиновъ, «Матер. для исторіи Имп. акад. наукъ», т. V, 534.

подобныхъ записей академикъ Гюльденштедтъ. Въ собраніи лингвистическихъ матеріаловъ Аделунга, принадлежащемъ Имп. публ. библіотекѣ, находится одна изъ этихъ записей, содержащая калмыцкія числительныя и фразы (подлиннымъ письмомъ и русскими буквами) съ русскимъ переводомъ (15 стр. въ поллиста). На задней страницѣ рукописи помѣта (Бакмейстера?): «reçû par Mr. le Professeur Güldenstaedt le 18 sept. 1773».

Лучшимъ знатокомъ калмыцкаго языка въ это время былъ у насъ упомянутый уже выше Іоганнъ Іеригъ, который своими знаніями именно калмыцкаго и обратилъ на себя вниманіе Палласа, рекомендовавшаго его академіи. Посланный въ Сибирь на монгольскую границу, Іеригъ и тамъ еще продолжалъ заниматься калмыцкимъ языкомъ. Такъ въ апрѣлѣ 1775 г. онъ посылалъ академіи переводъ на нѣмецкій языкъ разныхъ калмыцкихъ сказокъ [1]). Плодомъ этихъ его занятій является рукописная калмыцкая азбука, хранящаяся въ библіотекѣ Азіатскаго музея Имп. академіи наукъ (отд. III, № 75), и довольно большой рукописный трактатъ, уже упоминавшійся выше (стр. 402): «Anfangsgründe der mongolschen und öhletschen Schrift-und Sprach-lehre». Вторая часть его, посвященная калмыцкому языку, озаглавлена: «Anfangsgründe der Mongolschen und Öhletschen Schriftund Sprachlehre, 2-er Theil. Schriftlehre der Öhlötschen Sprache. 1791 (стр. 49—70 въ поллиста). Вторая часть, какъ и первая (посвященная монг. языку), имѣется въ библіотекѣ Азіатскаго музея въ двухъ почти одинаковыхъ спискахъ (отд. III, № 70 и № 76). На первомъ изъ нихъ (№ 70) имѣется помѣта о передачѣ его академіи 27 февр. 1792 г., на второмъ такая же помѣта о полученіи 8 марта 1792 г. и собственноручная надпись Іерига: «So weit gekommen d. 19-ten December 1791 aus Kjachta, von pag. 1—70. Johannes Jährig».

Лексическій матеріалъ по калмыцкому языку собирали также наши академическіе путешественники по Россіи, Гмелинъ и Фалькъ. У перваго находимъ собраніе татарскихъ и калмыцкихъ названій волжскихъ рыбъ [2]), а у втораго—сравнительный глоссарій казанскаго-татарскаго, киргизскаго, «бухарскаго» и калмыцкаго языковъ [3]).

---

[1]) См. «Протоколы засѣданій конференціи Имп. акад. наукъ», т. III, 185.

[2]) Путешествіе по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ природы. Перев. съ нѣм. Часть II. Съ начала августа 1769 г. по 5 іюля 1770 г. Спб. 1783, стр. 341. Нѣм. изданіе вышло раньше, въ четырехъ томахъ. Спб. 1771—1786.

[3]) См. Herrn Johann Peter Falk Professors der Kräuterkunde beym Garten des Russisch-Kayserl. Medizinischen Kollegiums, auch Mitglieds der freyen

Къ послѣдней четверти XVIII в. относится анонимный рукописный «Словарь языка Калмыцкаго», входившій въ составъ Эрмитажной библіотеки и переданный изъ нея въ Имп. публичную, въ которой находится и нынѣ (ркп. Эрмит. № 221). Внѣшнимъ видомъ своимъ (изящнымъ переплетомъ, форматомъ in 4°, четкимъ и красивымъ почеркомъ 2-й половины XVIII в., плотной хорошей бумагой) онъ тожественъ съ нѣсколькими другими такими же словарями нѣкоторыхъ инородческихъ языковъ (черемисскаго, мордовскаго, вотяцкаго), поступившими въ Публичную библіотеку изъ Эрмитажной, и вѣроятно принадлежитъ къ матеріаламъ, собиравшимся для сравнительнаго словаря Екатерины II и, повидимому, переписывавшимся особо для Высочайшаго употребленія. Словарь этотъ—русско-калмыцкій и содержитъ по приблизительному разсчету около 3000 словъ (по 15 словъ на страницу, при 101 листѣ объема). Калмыцкія слова въ немъ переданы русскими буквами (съ обозначеніемъ ударенія) и подлиннымъ письмомъ.

Къ XVIII же вѣку относится анонимный рукописный калмыцко-армянско-персидско-татарскій словарь, хранящійся въ библіотекѣ Азіатскаго музея Имп. акад. наукъ (отд. III, № 36) и представляющій собой скорѣе черновые матеріалы для многоязычнаго словаря, разработанные крайне неравномѣрно и неодинаково. Словарь этотъ мѣстами содержитъ грузинскій и индійскій переводы, а иногда и образчики разговоровъ; мѣстами же находимъ незаполненные пробѣлы, оставленные для внесенія того или другого языка. Повидимому, собиратель былъ иностранецъ, какъ можно это заключить изъ отсутствія русскаго перевода и самого почерка, очень мелкаго и сдержаннаго. Въ одномъ мѣстѣ вписано—вѣроятно позднѣйшимъ владѣтелемъ рукописи—нѣсколько случайныхъ словъ по-русски, должно быть въ видѣ «пробы пера», не имѣющей никакого отношенія къ содержанію словаря и не дающей никакого указанія ни на личность составителя, ни на время составленія.

Монголо-калмыцкая азбука, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими восточными азбуками, имѣется также въ рукописномъ сборникѣ конца XVIII, начала XIX в. (in folio), писанномъ частью академикомъ Іоганномъ Христіаномъ Гаммелемъ, частью его отцомъ, жителемъ Сарепты, и хранящемся въ библіотекѣ Азіатскаго музея (отд. III, № 34).

Oekonomischen Societät in S.-Petersburg Beyträge zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Th. III. Beyträge zur Thierkenntniss und Völkerbeschreibung. Спб. 1786, 4°, стр. 575—582.

Изъ правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ преподаванію калмыцкаго языка, вмѣстѣ съ другими восточными языками, и осуществленныхъ въ теченіе второй половины XVIII в., можно указать на введеніе названныхъ языковъ въ программу нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Такъ въ Астраханской школѣ для солдатскихъ дѣтей и разночинцевъ, учрежденной въ 1764 г., преподавались четыре азіатскихъ языка, въ числѣ которыхъ, по всей вѣроятности былъ и калмыцкій. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что, послѣ преобразованія этой школы въ 1788 г. въ народное училище, содержавшееся на средства мѣстнаго купечества, калмыцкій языкъ преподавался здѣсь въ ряду другихъ восточныхъ языковъ [1]). Важность знакомства съ калмыцкимъ языкомъ для жителей Астраханскаго края позволяетъ думать, что преподаваніе названнаго языка началось уже въ упомянутой выше школѣ для солдатскихъ дѣтей и разночинцевъ. Должности переводчиковъ калмыцкаго языка были учреждены при Оренбургской губернской канцеляріи и при Ставропольской канцеляріи еще до введенія правительственныхъ штатовъ присутственныхъ мѣстъ въ 1763 г. Въ Ставрополѣ, кромѣ переводчика, было еще 2 толмача и 50 учениковъ. Такъ какъ новые штаты не подтверждали названныхъ должностей, то главная мѣстная администрація обратилась въ сенатъ съ представленіемъ о ихъ пользѣ и необходимости, спрашивая, содержать ли названныхъ толмачей и переводчиковъ и впредь. Докладъ сената по этому поводу былъ Высочайше утвержденъ, и должности переводчиковъ калмыцкаго и другихъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ сохранены и на будущее время [2]).

Всѣ три монгольскихъ языка (монгольскій, бурятскій и калмыцкій) представлены и въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II.

Связь монгольскаго буддизма съ тибетскимъ заставляла нашихъ монголовѣдовъ интересоваться и тибетскимъ языкомъ. Начало изученію послѣдняго было положено тѣмъ же Байеромъ, напечатавшимъ въ академическихъ «комментаріяхъ» рядъ работъ, касавшихся и «тангутскихъ», т. е. тибетскихъ, языка и литературы (см. выше, стр. 219—20). Тибетскіе матеріалы собиралъ и Г. Ф. Миллеръ. Въ «Протоколахъ засѣданій конференціи Имп. акад. наукъ» (т. I, стр. 67) находимъ извѣстіе, что въ засѣданіи

---

[1]) См. статью «По поводу мысли Лейбница объ учрежденіи университета въ Астрахани» въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1859 г., ч. 102, отд. VII, стр. 208, и «Москвитянинъ» 1854 г., ч. I, № 3 и 4, февраль, отд. VII, стр. 134 (статья «Астрахань»).

[2]) «Полное Собраніе законовъ Росс. имперіи», № 13,489.

22 мая 1733 г. Миллеръ показывалъ членамъ академіи тибетскую азбуку, полученную отъ одного ламы изъ Тангута [1]). Изъ своего сибирскаго путешествія онъ неоднократно присылалъ въ сенатъ лингвистическіе матеріалы по «тангутскому» языку. Такъ въ 1735 г. изъ Иркутска былъ посланъ «вокабуляріумъ мунгальскаго, тунгускаго и тангуцкаго языковъ», и переводъ тангутскаго листка, переведеннаго невѣрно въ Парижѣ [2]), а за годъ передъ этимъ, въ 1734 г., съ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ отправлены два ящика съ собранными Миллеромъ тангутскими и монгольскими печатными и рукописными листами [3]).

Около этого же времени собиралъ разные лингвистическіе матеріалы и Мессершмидтъ (см. о немъ выше, стр. 201—202), въ рукописномъ собраніи которыхъ, принадлежащемъ Азіатскому музею Имп. акад. наукъ (отд. III, № 68: «Messerschmidtiana ad linguas Populorum Sibiriae pertinentes»), представленъ и тибетскій языкъ (матеріалы для индійско-тибетскаго глоссарія, съ помѣтой: scribebam A. 1733; lectiones orientales seu linguarum aliquot orientalium Indicarum sc. tanguticarum et mongolicarum elementa etc).

По возвращеніи изъ своего сибирскаго путешествія (въ 1743 г.) Миллеръ не оставлялъ занятій тибетскимъ языкомъ. Въ 1747 г., въ X томѣ академическаго изданія «Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae» (стр. 420—68) была напечатана его статья: «De scriptis tanguticis in Sibiria repertis commentatio», читанная передъ этимъ въ одномъ изъ академ. засѣданій [4]).

Въ 1766 году, проѣздомъ черезъ Селенгинскую область, занялся „тангутскимъ" языкомъ пасторъ-натуралистъ, впослѣдствіи академикъ, Эрикъ Лаксманъ, незадолго передъ этимъ пріѣхавшій въ Сибирь (въ 1764 г.). Свои замѣтки о немъ онъ сообщилъ Шлёцеру [5]). Онѣ же вѣроятно впослѣдствіи достались Бакмейстеру, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Аделунгъ [6]). До нашего времени онѣ повидимому не дошли, по крайней мѣрѣ въ лингвистической коллекціи Аделунга, въ составъ которой вошли матеріалы

---

[1]) См. также «Исторію академіи» Г. Ф. Миллера въ «Матеріалахъ для исторіи Имп. акад. наукъ» Сухомлинова, т. VI, стр. 293.

[2]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. акад. наукъ», т. VIII, 202.

[3]) Тамъ же, стр. 197.

[4]) См. «Протоколы засѣданій конференціи Имп. ак. наукъ», т. II, 42, 47, 49—50.

[5]) См. В. Лагусъ. Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. Съ шведскаго перевелъ Э. Паландеръ. Спб. изд. Имп. акад. наукъ 1890, стр. 41.

[6]) Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. S.-Petersburg, 1815, стр. 31.

Бакмейстера, ихъ теперь не имѣется. Нѣкоторыя свѣдѣнія о „тангутскихъ“ рукописяхъ, принадлежавшихъ уже въ XVIII вѣкѣ библіотекѣ академіи наукъ, и „тангутскомъ“ письмѣ находимъ у помощника библіотекаря академіи I. Бакмейстера въ его „Опытѣ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей и исторіи натуральной Спб. Имп. акад. наукъ, изданномъ на Франц. языкѣ (въ 1776 г.), а на Россійской языкъ переведенномъ Васильемъ Костыговымъ“ (Спб. 1779 г. стр. 87—93).

Интересовался тибетскимъ и упомянутый выше (стр. 401) Іеригъ. Въ 1776 году онъ посылаетъ академіи «Alphabet de la langue Anätkäl comparé à ceux des Tangoutes-Schaar et Moungales-Gallic» [1]), а въ 1777 образчики «тангутской» азбуки и маленькую христоматію («Lesebüchlein») [2]).

Ему же принадлежитъ рукописный трудъ «Anfangsgründe der Tübätischen Schrift-und Sprach-Lehre. 1792, in Kjacht an der Chinesisch-Mongolscher Grenze», хранящійся въ Азіатскомъ музеѣ въ двухъ спискахъ (Отд. III, №№ 71 и 76; форматъ въ поллиста писчей бумаги; нумерація идетъ отъ л. 71 по 96, послѣ котораго во второмъ спискѣ начинается уже «Mongolische Buchstaben-Forschung», упомянутая выше, стр. 403).

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II „тангутскій“ былъ также представленъ. По словамъ русскаго предисловія „тангутскія“ слова взяты большею частью „изъ рукописныхъ сочиненій“; въ латинской же редакціи Палласъ говоритъ: Tangutana (vocabula) ipse ex adversariis collegi.

Среди другихъ инородческихъ языковъ сѣверо-восточной Азіи извѣстное вниманіе нашихъ собирателей лингвистическаго матеріала обращалъ на себя и тунгузскій языкъ. Самымъ первымъ изъ такихъ собирателей былъ академикъ Г. Ф. Миллеръ, приславшій въ 1735 г. въ сенатъ изъ Иркутска „вокабуляріумъ мунгальскаго, тунгускаго и тангуцкаго языковъ“ [3]). Сопутствовавшій ему въ теченіе нѣкотораго времени академикъ I. Э. Фишеръ, странствовавшій по Сибири съ 1739 по 1747 г., также собралъ нѣсколько тунгузскихъ словъ, небольшая часть которыхъ (12 числительныхъ и слово „Богъ“, какъ они звучатъ въ трехъ тунгузскихъ діалектахъ), была напечатана имъ, съ маньчжурскими параллелями, во введеніи къ его „Sibirische Geschichte von der entdekkung Sibiriens bis auf die eroberung dieses Lands etc“.

[1]) «Протоколы засѣданій конференціи Имп. акад. наукъ», т. III, стр. 240.
[2]) Тамъ же, стр. 320.
[3]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ», т. III, 202.

(Erster Teil. S.-Petersburg. Gedruckt bei der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. 1768, стр. 116). Большая же часть этого матеріала должна находиться въ его рукописномъ сибирскомъ инородческомъ словарѣ, подаренномъ имъ историческому институту въ Геттингенѣ (см. выше, стр. 220).

Послѣ названныхъ ученыхъ едва ли кто особенно интересовался тунгузскимъ, по крайней мѣрѣ дошедшіе до насъ памятники подобнаго интереса представляютъ большой пробѣлъ со времени Миллера и Фишера до 1772 г., когда одинъ изъ нашихъ академическихъ путешественниковъ, І. Г. Георги, собралъ 265 тунгузскихъ словъ (см. его „Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772, St. Petersburg. 1775, стр. 268 и сл.). Въ слѣдующемъ, 1773 году, по иниціативѣ Бакмейстера (см. выше, стр. 222) началось, на этотъ разъ полу-оффиціальное, собираніе образцовъ разныхъ инородческихъ языковъ, въ томъ числѣ и тунгузскаго. Рядъ рукописныхъ записей этого рода имѣется въ собраніи лингвистическихъ матеріаловъ Аделунга, принадлежащемъ Имп. Публ. библіотекѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ записей доставлены были Бакмейстеру академикомъ Палласомъ, другія поступили прямо отъ разныхъ оффиціальныхъ лицъ. Таковы:

1) „Переводъ числу нумеровъ русскихъ и запроснымъ речамъ на тунгуской разговоръ въ ниже писаномъ адресованіе“ (такъ!): собраніе числительныхъ и фразъ, переведенныхъ съ русскаго на тунгузскій (писано русскими буквами на 6 стр. въ поллиста), составленное нѣкіимъ Павломъ Гантимуровымъ. На рукописи помѣта (Бакмейстера): Reçû avec la lettre de Pallas du 8 octobre 1773.

2) „Переводъ съ россійскаго на тунгуской“ (аналогичное собраніе числительныхъ и фразъ, составленное тѣмъ же Павломъ Гантимуровымъ также въ 1773 г.: 6 стр. въ поллиста).

3) Латинско-тунгузскій глоссарій: „Wörterbuch der Tungusischen Mundart in Daurien, die mit dem Mongolischen vermischt ist“ (6 стр. въ поллиста), подаренный Бакмейстеру въ январѣ 1775 г., вѣроятно, самимъ Палласомъ, которому онъ принадлежалъ, какъ указываетъ помѣта: „Aus Pallas Papieren“. Тунгузскія слова и фразы изображены русскими буквами.

4) Собраніе числительныхъ и фразъ на русскомъ, тунгузскомъ, бурятскомъ, якутскомъ и японскомъ языкахъ (14 стр. въ поллиста). Имѣется помѣта (Бакмейстера) о полученіи 20 іюля 1779 г. отъ Иркутскаго губернатора Клички.

5) Русско-тунгузскій глоссарій: „Разговоры охотскихъ тунгусовъ прозываемыхъ по тамошнему ламутовъ“ (3 стр. въ поллиста): Помѣта: Ce 27 Juin 1780 reçû de Mr. Le Gouverneur de Klitschka.

6) Собраніе числительныхъ и фразъ: „Речи переведенныя якутского ведомства верхнеков(л)ымскаго острога ламутскаго дельянского роду князка Федора Евловскаго и прочихъ того ламутскаго родовъ“ (6 стр. съ небольшимъ въ четвертку). Помѣта: reçû ce 20 Juillet 1781 de Klitschka, Gouverneur d'Irkutzk.

7) Русско-тунгузскій глоссарій: „Переводъ съ россійскаго на тонгуской“ (4 стр. въ четвертку) за подписью: Миницкій, и съ помѣтою: Capitaine Minizkii, Commendant von Ochozk. Безъ обозначенія года и времени полученія. Рукопись—2-й полов. XVIII в.

8) „Vocabularium. 1-mo Tungusice Bargusini, Tungusorum Olennüe dictorum, Buraetice Wercholeni. 2-do Tungusice Werchna Angara, Tungusice Jakutzk, Jukagiri Ust-janskoe. 3-tio Tungusorum Ochotensium“. Латинско-тунгузскій глоссарій (29 стр. въ поллиста), рукопись конца XVIII в.

9) Русско-остяцко-якутско-тунгузско-самоѣдскій глоссарій, озаглавленный: „Нарѣчіе по туруханской округѣ“ (26 стр. въ поллиста). Содержитъ 286 словъ и скрѣпленъ подписью „Совѣтника Ильи Мыльникова“. Вѣроятно изъ тѣхъ образцовъ разныхъ языковъ, которые собирались для Бакмейстера оффиціальными лицами въ половинѣ 70-хъ и въ 80-хъ гг. XVIII вѣка.

Въ 70-хъ гг. XVIII в. собиралъ въ Сибири тунгузскія рукописи упомянутый уже выше нашъ академикъ Эрикъ Лаксманъ, подарившій ихъ библіотекѣ университета въ Або [1]).

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II тунгузскій былъ представленъ въ цѣломъ рядѣ діалектическихъ формъ (въ діалектахъ: Нерчинской области, Енисейской округи, Баргузинскомъ, Верхне-Ангарскомъ, Якутскомъ, Охотскомъ, Ламутскомъ и „Чапогирскомъ“).

Кромѣ перечисленныхъ выше рукописныхъ матеріаловъ, свидѣтельствующихъ объ изученіи у насъ тунгузскаго языка въ XVIII вѣкѣ, небольшое количество лексическаго матеріала по ламутскому (т. е. тунгузскому) языку было собрано докторомъ Робекомъ, находившимся при сибирской экспедиціи капитана Биллингса (въ 1791 г.). По описаніе этого путешествія, вмѣстѣ съ „краткимъ словаремъ двѣнадцати народовъ, обитающихъ въ сѣверовост. части Сибири“, собраннымъ Робекомъ, вышло лишь 20 лѣтъ спустя послѣ того, какъ Биллингсъ былъ въ Сибири, т. е. въ 1811 г., такъ что доступными для общаго пользованія матеріалы Робека сдѣлались уже въ XIX в.

---

[1]) См. В. Лагусъ. Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. Съ шведскаго перевелъ Э. Паландеръ. Спб. 1890, стр. 123.

Другой спутникъ Биллингса, его секретарь Мартинъ Зауеръ впослѣдствіи биржевой маклеръ въ Петербургѣ, собралъ также, хотя и изъ вторыхъ рукъ, нѣкоторое количество лексическаго матеріала по тунгузскому языку. Издалъ онъ его также уже въ началѣ XIX в. [1]).

Довольно обильна литература, главнымъ образомъ рукописная, по угро-финскимъ и тюркскимъ языкамъ, возникшая при преемникахъ Петра Великаго и особенно въ теченіе второй половины XVIII в. Обиліе это вполнѣ естественно, въ виду распространенности названныхъ языковъ, какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Азіатской. Знаніе ихъ было особенно важно для цѣлей миссіонерскихъ и административныхъ, и потому наше правительство принимало рядъ мѣръ для подготовленія духовныхъ лицъ, переводчиковъ и вообще низшихъ служащихъ, знакомыхъ съ данными языками. Такъ въ концѣ 30-хъ гг. XVIII в. В. Н. Татищевъ во время своего управленія оренбургскимъ краемъ основалъ въ Самарѣ татарско-калмыцкую школу, при которой составлялся даже русско-татарско-калмыцкій словарь (см. выше, стр. 405) [2]). Около этого же времени, въ 1740 г. (см. именной указъ изъ кабинета Ея Величества Св. Синоду отъ 18 янв.) предписывалось: „для обученія православію и приведенія въ вѣру Греческаго исповѣданія Мордовскаго, Чувашскаго и Черемисскаго, Лопарскаго и Самоядскаго народовъ, ...выбрать въ Казанской губ. 30, да въ Архангелогородской 15 человѣкъ, изъ живущихъ въ уѣздахъ поповскихъ, дьяконскихъ и церковныхъ

---

[1]) См. составленный имъ «An account of a geographical and astronomical expedition to the Northern Parts of Russia, for ascertaining the degrees of latitude and longitude of the mouth of the river Kovima, of the whole coast of the Tshutski, to East Cape; and of the Islands in the Eastern Ocean, stretching to the American coast. Performed by Command of Her Imp. Maj. Catherine the Second by Commodore Joseph Billings, in the years 1785 etc. to 1794. The whole narrated from the original papers by Martin Sauer, Secretary to the Expedition. London. 1802. 4°. Тогда же вышли: франц. переводъ I. Castéra, (въ Парижѣ, 2 т. 4°) и нѣмецкій (Берлинъ, 8°). Словарь, о которомъ идетъ рѣчь, помѣщенъ въ англійскомъ изданіи въ приложеніи (Appendix, № 1, стр. 1—8) и озаглавленъ: «Vocabulary of the yukagir, yakut, and tungoose (or lamut) languages». Въ концѣ книги примѣчаніе автора: «The Vocabulary of the Tungoose or Lamut Language Iobtained from Mr. Koch the Commandan of Ochotsk, who succeeded Lieutenant Colonel Ugreinin; the rest were all taken by myself on the spot with great care and attention; and having had frequent opportunities to prove them with different natives, I can pronounce them correct».

[2]) Пекарскій, «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова» Спб. 1867, стр. 9—10.

причетниковъ, также изъ купечества, которые ѣздятъ по иновѣрческимъ деревнямъ, и торгу своего имѣютъ, не выше 150 р., изъ убогаго Шляхетства дѣтей, россійской грамотѣ и писать умѣющихъ и знающихъ вышепомянутые иновѣрческіе языки, которые бъ были отъ 15 лѣтъ", сдѣлать имъ на счетъ казны платье (не дороже 10 р. на человѣка) и прислать ихъ въ синодъ. Этотъ послѣдній уже долженъ былъ опредѣлять ихъ въ духовныя школы для приготовленія къ священнослужительству, а послѣ назначать діаконами и священниками „въ тѣ жъ Губерніи, чтобъ они помянутымъ народамъ, на ихъ языкѣ, могли проповѣдь чинить".

Синодъ, впрочемъ, нашелъ, что, „за неимѣніемъ въ Санктъ-Петербургѣ подъ вѣдомствомъ Св. Синода школъ", такихъ миссіонеровъ можно всему научить на мѣстѣ въ Казанской и Архангелогородской епархіяхъ, подъ присмотромъ тамошнихъ епархіальныхъ архіереевъ, людей „ученыхъ", причемъ и стоить это будетъ гораздо дешевле. Кабинетъ министровъ 1-го мая 1740 г. согласился съ мнѣніемъ Св. Синода [1]). О трудахъ и дѣятельности приготовленныхъ такимъ образомъ миссіонеровъ и вообще объ успѣхѣ этой мѣры, мы, впрочемъ, ничего не знаемъ.

Въ царствованіе Екатерины II, когда было обращено особое вниманіе на распространеніе знакомства съ восточными языками, а можетъ быть и нѣсколько раньше, преподаваніе названныхъ языковъ было поручено, между прочимъ, переводчикамъ, которые должны были держать при себѣ извѣстное число учениковъ. Такъ еще до изданія штатовъ присутственныхъ мѣстъ 1763 г., при Оренбургской губернской канцеляріи, у переводчика татарскаго языка состояло 10 человѣкъ учениковъ, и мѣстный губернаторъ, спрашивавшій сенатъ, содержать ли такихъ переводчиковъ и учениковъ на будущее время (въ штатахъ о нихъ ничего не говорилось), указывалъ на пользу, принесенную ими краю, присовокупляя, что нѣкоторые изъ русскихъ учениковъ татарскаго языка поступили въ переводчики, толмачи и подъячіе и продолжали служить и далѣе съ пользою [2]).

Кромѣ того преподаваніе нѣкоторыхъ инородческихъ языковъ, особенно такихъ распространенныхъ, какъ татарскій, вводилось, какъ мы уже имѣли случай видѣть выше, и въ разныя общеобразовательныя или спеціальныя учебныя заведенія. Такъ татарскій языкъ вѣроятно входилъ въ число четырехъ азіатскихъ языковъ, которые преподавались въ Астраханской школѣ для солдатскихъ

[1]) См. «Полное собраніе законовъ Росс. имперіи». № 8004.

[2]) Тамъ же, № 13,489.

дѣтей и разночинцевъ, открытой въ 1764 г. (см. выше, стр. 411). Во всякомъ случаѣ, послѣ преобразованія этой школы въ народное училище (въ 1788 г), татарскій языкъ въ немъ несомнѣнно преподавался [1]).

Преподаваніе татарскаго языка введено также въ Казанской первой гимназіи, основанной еще въ 1758 г. (указомъ Императрицы Елизаветы Петровны отъ 21-го іюля). Мысль о введеніи названнаго языка въ программу гимназіи принадлежала первому ея директору М. М. Веревкину, который въ рапортѣ отъ 18 сент. 1759 г. писалъ: „здѣшній городъ есть главный цѣлаго царства татарскаго національнаго діалекта. Не повелѣно-ли будетъ завести при гимназіяхъ классъ татарскаго языка: со временемъ на ономъ отыскиваемы быть могутъ многіе манускрипты: правдоподобно, что оные подадутъ нѣкоторый можетъ быть не малой свѣтъ въ русской исторіи“ [2]). Но мысль эта не получила надлежащей оцѣнки, и только въ 1769 г. Императрица Екатерина II указомъ отъ 12 мая на имя казанскаго губернатора Квашнина-Самарина, обращая вниманіе на нужду въ хорошихъ переводчикахъ съ татарскаго на русскій, повелѣла: „учредить единожды навсегда при Казанской гимназіи для охотниковъ классъ того языка и опредѣлить учителемъ онаго старой и новой въ Казани татарскихъ слободъ депутата и тамошней адмиралтейской конторы толмача Сагита Хальфина, котораго, пожаловавъ въ переводчики съ чиномъ и жалованьемъ противъ Губернскаго переводчика, какъ его самого, такъ и дѣтей его, исключа изъ податнаго оклада, дабы онъ со своей стороны къ обоимъ ему поручаемымъ должностямъ прилежаніе, и дѣти его къ изученію себя впредь годными къ службѣ надежное одобреніе имѣть могли“.

Занятія татарскимъ языкомъ начались въ гимназіи 5-го октября 1769 г. въ управленіе директора фонъ-Каница. Обучались татарскому всѣ изъявившіе желаніе, которые и должны были оставаться въ татарскомъ классѣ, пока не приготовятся въ переводчики. Отъ изученія названнаго языка освобождались только знавшіе отлично латинскій языкъ, которыхъ отправляли въ Московскій университетъ. При открытіи татарскаго класса учебныхъ пособій для него не имѣлось, почему Московскій университетъ предпи-

---

[1]) См. статью «По поводу мысли Лейбница объ учрежденіи университета въ Астрахани» въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.», 1859 г. Ч. 102, отд. VII, стр. 208 и «Москвитянинъ» 1854 г., Ч. I, № 3 и 4, февраль, отд. VII, стр. 134 (статья «Астрахань»).

[2]) Владиміровъ, «Историч. записка о 1-й Казанской гимназіи». Ч. I. Казань 1867, стр. 39.

салъ директору обратиться за учебниками (вѣроятно рукописными) въ духовныя училища Казани, гдѣ уже раньше обучались крещеные татары [1]).

Должность учителя или информатора татарскаго языка довольно долго была наслѣдственной въ семействѣ Хальфина. Когда Сагитъ Хальфинъ, за старостью лѣтъ, оставилъ свою должность (въ мартѣ 1785 г.), его мѣсто занялъ его сынъ, Исхакъ Хальфинъ, въ свою очередь уступившій каѳедру также своему сыну Ибрагиму Хальфину (въ 1800 г.) [2]).

Преподаваніе Хальфиныхъ, по словамъ проф. О. М. Ковалевскаго, было направлено „къ практическому изученію языка посредствомъ краткихъ грамматическихъ правилъ о механическомъ составѣ языка, переводовъ, какъ съ Татарскаго на Русскій, такъ и обратно съ Русскаго на Татарскій, и, наконецъ, помощью разговора. Изъ ихъ школы вышли многіе знатоки Татарскаго языка, которые на разныхъ ступеняхъ Государственной службы оправдывали ожиданіе Правительства“ [3]).

Въ мартѣ 1785 г., передъ уходомъ на покой Сагита Хальфинова, въ татарскомъ классѣ было всего 16 ч. [4]). Въ 1788 г. преподаваніе татарскаго языка въ Казанской гимназіи временно прекратилось, вслѣдствіе ея закрытія по недостатку средствъ. Со вторичнымъ открытіемъ гимназіи въ 1798 г., возобновилось и обученіе татарскому языку, но число учившихся ему было ограничено шестью-восемью, „дабы излишнее число не занимать безполезнымъ предметомъ и не тратить времени, нужнаго для другихъ наукъ“ [5]).

Для надобностей преподаванія Сагитъ Хальфинъ составилъ нѣсколько пособій, печатныхъ и рукописныхъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ ниже.

По мнѣнію Н. И. Ильминскаго, [6]) Хальфины обучали книжному

---

[1]) Тамъ же, стр. 45—46.

[2]) Тамъ же, стр. 46. О. М. Ковалевскій (Ж. М. Н. Пр. 1843, отд. III, стр. 51) говоритъ, что Сагитъ Хальфинъ оставилъ свою должность въ 1773 г., но это, очевидно, невѣрно, какъ доказываютъ и документальныя данныя, сообщенныя въ цитир. «Истор. Запискѣ» Владимірова.

[3]) См. его статью «Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія восточныхъ языковъ въ Казанск. университетѣ» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1843, ч. 39, отд. III, стр. 51—52.

[4]) См. ихъ списокъ у Владимірова: «Историч. записка о 1-й каз. гимназіи». Ч. I. Казань. 1867. Стр. 48—49.

[5]) Тамъ же, стр. 49—50.

[6]) См. его статью «Вступительное чтеніе въ курсъ турецко-татарскаго языка» въ Запискахъ Каз. Университета, 1861 г. III. 15.

татарскому языку, очень мало похожему на народный языкъ казанскихъ татаръ и сложившемуся искусственнымъ путемъ среди татарскихъ муллъ.

Преподаваніе татарскаго языка входило также въ программу омской азіатской школы, открытой въ 1789 г. (см. о ней выше, стр. 399), причемъ былъ опредѣленъ и комплектъ обучавшихся ему: 20 учениковъ при одномъ учителѣ [1]). Въ концѣ XVIII в. тат. языкъ преподавался и въ главномъ народномъ Тобольскомъ училищѣ, гдѣ учителемъ его былъ священникъ Іосифъ Гигановъ, авторъ первой у насъ печатной татарской грамматики, вышедшей въ Спб. въ 1801 г. [2]).

Татарскій языкъ, въ числѣ другихъ инородческихъ языковъ, вводился въ кругъ предметовъ преподаванія и въ разныхъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Тобольской семинаріи, открытой въ 1744 г., татарскій языкъ былъ введенъ въ 1783 г., т. е. даже раньше греческаго языка, изученіе котораго началось здѣсь лишь въ 1785 г. [3]). Въ Нижегородской духовной семинаріи, съ опредѣленіемъ въ Нижегородскую епархію епископа Дамаскина (въ 1783 г.), носившаго въ міру имя Димитрія Руднева и закончившаго свое образованіе за границей (въ Геттингенскомъ университетѣ), введено было преподаваніе татарскаго, мордовскаго и чувашскаго языковъ [4]). Подъ непосредственнымъ надзоромъ Дамаскина при семинаріи и въ его архіерейскомъ домѣ былъ составленъ сборникъ словъ татарскихъ, мордовскихъ, чувашскихъ и черемисскихъ для издававшагося Екатериной II сравнительнаго словаря (см. выше, стр. 223). Для составленія этого сборника избраны были нѣкоторые ученики семинаріи, а также вызваны изъ своихъ приходовъ и тѣ духовныя лица, которыя знали вышеупомянутые языки. Кромѣ того, къ работѣ были привлечены и нѣкоторые крещеные инородцы. Въ семь мѣсяцевъ словарь былъ готовъ, снабженъ краткимъ историко-этнографическимъ и статистическимъ введеніемъ объ инородческихъ племенахъ, языки ко-

---

[1]) См. «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1836 г. Ч. 12, стр. 607—608.

[2]) См. «Энциклопед. лексиконъ» изд. Плюшара, т. XIV. 202.

[3]) См. статью Н. Абрамова, «Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія Сибири» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1854 г. ч. 81. отд. V, стр. 55.

[4]) См. исторію этой семинаріи въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1849 г. и отдѣльно: «Исторія Нижегородской Семинаріи. Составлена Профессоромъ оной Іеромонахомъ Макаріемъ». Нижній-Новгородъ. 1849, стр. 13—14, а также замѣтку А. Можаровскаго въ «Русской Старинѣ» 1878 г., декабрь, стр. 705—707: «Рукописный пятиязычный словарь въ Нижегородской семинарской библіотекѣ и его происхожденіе».

торыхъ вошли въ это собраніе [1]), и списокъ съ него отправленъ императрицѣ. Этотъ вѣроятно списокъ и находится теперь въ Имп. публ. библіотекѣ, куда поступилъ изъ Эрмитажной (подробнѣе объ этомъ словарѣ см. ниже). Оригинальный-же списокъ его (въ двухъ томахъ, содержавшихъ болѣе 1000 листовъ) былъ отданъ въ библіотеку Нижегородской семинаріи, „для храненія въ вѣчные роды, яко достопамятный монументъ премудрыхъ узаконеній императрицы“ [2]). Для образованія учителей инородческихъ языковъ, Дамаскинъ посылалъ нѣсколькихъ студентовъ семинаріи въ Казань.

Благодаря перечисленнымъ мѣрамъ, знаніе тюркскихъ языковъ, главнымъ образомъ, конечно, татарскаго, и угро-финнскихъ было довольно распространено у насъ въ XVIII в. и отразилось въ рядѣ лингвистическихъ трудовъ (грамматикъ, словарей, разговоровъ), не только рукописныхъ, но даже и печатныхъ.

Въ началѣ 30-хъ гг. XVIII в. собирали матеріалы по татарскому и другимъ тюркскимъ, а также и финнскимъ языкамъ, упоминавшійся уже выше (стр. 200—202) докторъ Даніилъ Готлибъ Мессершмидтъ и академикъ Г. Ф. Миллеръ. Въ разныхъ рукописныхъ замѣткахъ Мессершмидта, хранящихся въ Азіатскомъ музеѣ Имп. акад. наукъ (отд. III, № 68) и относящихся частью къ началу 30-хъ гг. (къ 1733 г.), частью къ болѣе раннему времени („Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes“), имѣются образчики татарскаго языка, напр. въ его „Lectiones orientales seu linguarum aliquot orientalium elementa“ или въ „Nomina animalium Arabico-Persico-Tattarico-latina“ и т. д.

Академикъ Миллеръ въ 1733 г. посылалъ въ Правит. Сенатъ изъ своего путешествія съ Гмелинымъ и де-Лиль де ла Кройеромъ „вокабуляріумъ разныхъ иноземческихъ языковъ“ Казанской губерніи, въ томъ числѣ татарскаго и чувашскаго и переводъ *Отче нашъ* на чувашскій [3]). Въ донесеніи путешественниковъ Академіи, писанномъ въ декабрѣ 1733 г., говорится: „пришли къ намъ четыре толмача татарскаго, черемисскаго, чювашскаго и вотскаго языка, которыхъ помощію проф. Миллеръ, за неимѣніемъ

---

[1]) Введеніе это было написано самимъ Дамаскинымъ и напечатано въ цитир. ниже статьѣ А. Можаровскаго въ «Нижег. Епарх. Вѣд.», за 1886 г., № 1 и 2, стр. 11—24. 10—15.

[2]) См. архимандритъ Макарій, «Исторія нижегородской іерархіи (1672—1850)». Спб. 1857, стр. 171—75 и «Нижегородскія Епархіальныя Вѣдомости», 1886 г. № 1 и 2, статью А. Можаровскаго: «Инородцы-христіане Нижегородской Епархіи сто лѣтъ тому назадъ».

[3]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ». Т. VIII. 195.

случая къ инымъ изслѣдованіямъ, на сихъ 4 языкахъ знатнѣйшія слова написалъ и Отче нашъ на черемисскій и чювашскій языки перевелъ, понеже въ данныхъ отъ академіи инструкціяхъ всѣхъ чюжихъ языковъ пробы собирать велѣно“ [1]). Въ 1734 г. Миллеръ послалъ изъ Тобольска древнія татарскія надгробныя надписи, собранныя въ „старомъ татарскомъ городѣ“ Болгарахъ, съ переводомъ на русскій, и „вокабуляріумъ“ татарскаго и вогульскаго языковъ [2]). Въ 1735 изъ Енисейска былъ отправленъ имъ „вокабуляріумъ“ калмыцкаго и бухарскаго языковъ, другой „вокабуляріумъ“ кузнецкихъ и телеутскихъ татаръ и третій—двухъ томскихъ татарскихъ діалектовъ, остяцкаго и зырянскаго [3]); и въ томъ-же году изъ Иркутска — „вокабуляріумъ татарскаго, аринскаго, котовскаго, камашинскаго и брацкаго (бурятскаго) языковъ“ Красноярскаго уѣзда [4]).

Около этого-же времени для Татищева, вѣроятно въ управленіе его на Уралѣ (1734—1737), собирали также матеріалъ по нѣкоторымъ сибирскимъ инородческимъ языкамъ, согласно Высочайшему указу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одна изъ рукописей Азіатскаго музея Имп. академіи наукъ (отд. III, № 35), озаглавленная въ каталогѣ музея: „Linguae Tatarorum Tobolensium, Ostiacorum Narymensium, Tartarorum Tarensium“, а въ подлинникѣ: „Вѣдомость сочиненная въ Тобольску по именному ея Имп. Величества указу присланному изъ кабинета и по опредѣленіямъ тайнаго совѣтника господина Татищева потребная къ сочиненію исторіи“. Рукопись эта (формата въ поллиста) относится къ первой половинѣ XVIII в. и, кромѣ разныхъ этнографическихъ, статистическихъ и географическихъ данныхъ, содержитъ словари „тобольскаго татарскаго языка“ (л. 21—32), нарымскихъ остяковъ (л. 65—68) и тарскихъ татаръ (л. 94—105). Инородческія слова изображены здѣсь русскими буквами, безъ какихъ бы то ни было стремленій къ болѣе тонкому и точному обозначенію произношенія. Вѣроятно были и другія записи этого рода, но повидимому до нашего времени дошла только эта одна.

Тогда-же собиралъ лексическіе матеріалы по татарскому и чувашскому языкамъ неутомимый, но бездарный лексикографъ и переводчикъ Киріакъ Кондратовичъ, какъ это мы узнаемъ изъ его прошенія въ академію наукъ отъ 30 іюня 1737 г. Здѣсь онъ,

---

1) Тамъ же, т. II, стр. 407.
2) Тамъ же, т. VIII, стр. 196.
3) Тамъ же, стр. 198.
4) Тамъ же, стр. 202.

выставляя передъ академіей свои заслуги, пишетъ, что „собралъ различные лексиконы съ россійскимъ", въ томъ числѣ татарскій и чувашскій [1]). Перечень тѣхъ-же словарей находимъ и въ позднѣйшемъ его подобномъ прошеніи отъ 22-го іюня 1739 г. [2]). Всѣ эти словари Кондратовича, едва-ли, однако, заслуживавшіе это имя, впослѣдствіи были взяты къ себѣ Татищевымъ [3]), и такъ и пропали (см. ниже).

Съ именемъ Татищева, который, повидимому, и самъ зналъ по татарски [4]), связанъ упоминавшійся уже нами выше (стр. 405) русско-татарско-калмыцкій словарь, составленный при Самарской школѣ калмыцкаго и татарскаго языковъ и вѣроятно тожественный съ такимъ же словаремъ, находящимся нынѣ въ отдѣлѣ рукописей 1-го отдѣленія библіотеки академіи наукъ (шифръ 58. 1. 5). Татарскія слова изображены здѣсь подлиннымъ арабско-татарскимъ письмомъ и въ русской транскрипціи. Вѣроятное время возникновенія этого словаря—начало 40-хъ годовъ XVIII в. (см. выше стр. 405—406).

Въ это же время, или немного позже, возникли первые рукописные русско-татарскіе разговоры Матвѣя Сем. Котельникова [5]),

---

[1]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. академ. наукъ», т, III, стр. 418.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 131—32.

[3]) Тамъ же, стр. 385.

[4]) Объ этомъ знаніи свидѣтельствуетъ его отзывъ (въ сент. 1746 г.) о русскомъ переводѣ татарской исторіи Абдулгаси-хана, которая, по словамъ его, «неправильно переведена, многія имена за недостаткомъ буквъ перепорчены, а во многомъ переводчикъ русскій погрѣшалъ». (Сухомлиновъ, «Матер. для ист. Имп. акад. н.» т. VIII, 248).

[5]) Скудныя свѣдѣнія о Котельниковѣ имѣются въ «Матеріалахъ для ист. Имп. ак. н.» Сухомлинова (т. V, стр. 96—97, 292—293). Отсюда мы узнаемъ, что М. С. Котельниковъ былъ сынъ ссыльнаго въ Оренбургскій край Семена Котельникова и обучался «въ оренбургскихъ школахъ наукамъ, потному пѣнію, по татарски читать и писать, которое нарочито понялъ. Въ бытность же его при оренбургскихъ школахъ, онъ, Матвѣй, получалъ Ея Имп. Величества жалованье». Такъ писалъ о немъ въ іюлѣ 1742 г. въ академію наукъ генералъ-лейтенантъ Соймоновъ, высказывая желаніе, чтобы «начатые имъ, Матвѣемъ Котельниковымъ, азіатскія науки привесть обученіемъ во окончаніе въ академіи наукъ». Соймоновъ прибавлялъ, что если Котельникова отпустить въ Петербургъ, гдѣ у его матери былъ домъ, «то можетъ онъ ту науку оставить тупе... не безъ ущербу интересу Ея Имп. Величества», такъ какъ въ оренбургскомъ краѣ «такіе обученые для азіатскихъ народовъ весьма потребны быть имѣютъ». Академія отвѣтила, что, за смертью Кера, въ ней «ни одного азіатскимъ языкамъ искуснаго человѣка не осталось», и потому Котельниковъ не можетъ продолжать при ней свои занятія. Вѣроятно, что русско-татарскіе «разговоры», составленные имъ, были присланы въ академію наукъ около этого же времени вмѣстѣ съ бумагой Соймонова, какъ доказательство знаній Котельникова, хотя указаній на это мы не имѣемъ.

о которыхъ упоминаетъ уже Новиковъ въ своемъ „Опытѣ Историческаго словаря“ (Спб. 1772 г. стр. 109). Рукопись эта носитъ заглавіе: „Русско-татарскіе разговоры. Писалъ сие писмо ученикъ татарского языка Матвей Котелниковъ (64 листа, въ четвертку писчей бумаги)“ и хранится въ рукописномъ отдѣлѣ I-го отдѣленія библіотеки академіи наукъ (шифръ 17. 15. 8). Татарскій текстъ писанъ оригинальнымъ арабско-татарскимъ письмомъ и русскими буквами (безъ обозначенія ударенія).

Къ первой половинѣ или срединѣ XVIII в. повидимому относится и русско-татарскій словарь Имп. Публ. библіотеки (Q. XVI, № 18). Рукопись его (51 л. въ четвертку писчей бумаги) къ сожалѣнію не полна: переплета, заглавнаго и нѣсколькихъ первыхъ и послѣднихъ листовъ не хватаетъ, вслѣдствіе чего опредѣлить мѣсто и время составленія, а также имя автора является невозможнымъ. Повидимому это или черновой списокъ какого нибудь словаря, или только матеріалы для таковаго. Въ началѣ находимъ русско-татарскія вокабулы (названія частей тѣла и т. д.), а дальше идетъ словарь, или точнѣе глоссарій, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ (не хватаетъ буквы *а*, а на *я* уцѣлѣло только два слова). Татарскія слова въ огромномъ большинствѣ случаевъ изображены только русскими буквами (безъ ударенія), для подлинныхъ арабско-татарскихъ написаній оставлена пустая графа, но внесены они очень рѣдко.

Небольшое число словъ (13) и числительныхъ (10) изъ діалекта крымскихъ татаръ, собранныхъ еще Д. Г. Шоберомъ (см. выше, стр. 201), напечатаны были академикомъ Г. Ф. Миллеромъ въ VII т. его „Sammlung russischer Geschichte“ (Erstes und zweites Stück. 1762 г.: „Auszug aus D. Gottlob Schober's bisher noch ungedrucktem Werke: Memorabilia Russico-Asiatica“, стр. 95).

Столь-же незначительное количество татарскихъ словъ (23), сопоставленныхъ съ венгерскими параллелями, съ цѣлью доказать взаимное родство названныхъ языковъ, находимъ во введеніи къ „Sibirische Geschichte“ академика Фишера (т. I. Спб. 1768, стр. 167—68).

Уже къ послѣдней четверти XVIII в. относится собраніе числительныхъ и нѣкоторыхъ другихъ словъ и фразъ изъ коллекціи лингвистическихъ матеріаловъ Аделунга (Имп. публ. библ.), поступившее къ нему отъ Бакмейстера, а къ этому послѣднему отъ академика Гюльденштедта: Dialectus linguae tataricae qua Kumüki utuntur (10 стр. въ полулиста писчей бумаги). Помѣтка: reçû par Mr. le Professeur Güldenschtädt le 18 sept. 1775. Татарскія слова изображены здѣсь подлиннымъ письмомъ и русскими буквами.

Въ той же коллекціи имѣется другое аналогичное собраніе числительныхъ и фразъ: Dialectus linguae Tartaricae qua Kumiki utuntur in loquendo ex traductione Studiosi Krascheninnikow (7 стр. въ поллиста, переписанныхъ въ началѣ XIX в.). Помѣта Аделунга: „Aus Güldenstädtschen Papieren im Archiv der Akademie der Wissenschaften“. Очевидно это болѣе поздній списокъ съ оригинала, современнаго предшествующему собранію изъ бумагъ Гюльденштедта. Татарскія слова изображены здѣсь въ русской и латинской транскрипціи.

Ногайскій діалектъ представленъ въ названной коллекціи небольшимъ собраніемъ числительныхъ и фразъ. Собраніе это (6 стр. въ поллиста) озаглавлено (вѣроятно Бакмейстеромъ): „Tatarisch am Ende von Hr. Jährig unterschrieben. Empfangen am 4 März von dem Hr. Prof. Pallas“. Русскій текстъ (общій для цѣлаго ряда подобныхъ собраній лингвистическихъ матеріаловъ въ XVIII в.) стоитъ здѣсь впереди, за нимъ слѣдуетъ татарскій (писанъ арабскимъ шрифтомъ и латинскими буквами, безъ удареній). Въ концѣ рукописи подпись: Jährig.

Въ 1778 г. является первое у насъ и единственное для XVIII в. печатное руководство по татарскому языку: „Азбука Татарскаго языка съ обстоятельнымъ описаніемъ Буквъ и Складовъ сочиненная Казанскихъ Гимназій учителемъ и Адмиралтейской конторы переводчикомъ Сагитомъ Хальфинымъ и татарскихъ въ Казанѣ слободъ Муллами въ оныхъ гимназіяхъ разсмотренная и одобренная. Москва. 1778 г. 8°. 52 стр. (Библіотека Спб. Университета)“. Сопиковъ (№ 1891) приводитъ, очевидно, эту же книгу: Азбука татарская, съ Россійскимъ переводомъ и съ обстоятельнымъ описаніемъ буквъ и складовъ. М. 1778. 8°.

Татарскія названія волжскихъ рыбъ въ 1769—1770 г. собиралъ нашъ академическій путешественникъ по Россіи, Г. С. Гмелинъ [1]). Онъ же записалъ около полусотни словъ изъ діалекта сибирскихъ татаръ (около Кондомы и Кузнецка) [2]), а также три татарскихъ пѣсни (качинцевъ, тагайцевъ и „чацкую“) [3]).

Къ 1785 г. относится составленный подъ надзоромъ епископа нижегородскаго Дамаскина и упоминавшійся уже выше (стр. 420—21):

---

[1]) См. его «Путешествіе по Россіи для изслѣдованія трёхъ царствъ природы. Перев. съ нѣм. Часть II (съ начала августа 1769 г. по 5 іюля 1770 г.» Спб. 1783 г. стр. 341. (Нѣмецкое изданіе вышло раньше: 4 тома. Спб. 1771—1786).

[2]) См. его «Reise durch Russland zur Untersuchung der drey Natur-Reiche», т. I. Спб. 1770, стр. 291.

[3]) Тамъ-же, т. III, стр. 370, 522 и 525.

„Словарь языковъ разныхъ народовъ въ Нижегородской епархіи обитающихъ, именно Россіянъ, Татаръ, Чювашей, Мордвы и Черемисъ, по высочайшему соизволенію и повелѣнію Ея Императорскаго Величества премудрой Государыни Екатерины Алексѣевны, императрицы и самодержицы Всероссійской, по алфавиту Россійскихъ словъ расположенный и въ Нижегородской семинаріи отъ знающихъ оныя языки священниковъ и семинаристовъ, подъ присмотромъ преосвященнаго Дамаскина, епископа Нижегородскаго и Алаторскаго, сочиненный 1785-го года". (Имп. Публ. библ. изъ Эрмитажной, № 223; 465 листовъ въ поллиста писчей бумаги). Въ предувѣдомленіи сообщается, что въ 1784 г. разослано было всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ Высочайшее повелѣніе, которымъ предписывалось имъ собрать словари народовъ, обитающихъ въ ихъ епархіяхъ, обозначивъ „по россійски каждое слово, какъ оное произносится". Оригинальный списокъ этого словаря, долженствовавшаго служить источникомъ для сравнительнаго словаря Екатерины II, былъ оставленъ въ библіотекѣ Нижегородской семинаріи (см. выше, стр. 421),

Въ связи съ сравнительнымъ словаремъ Екатерины II долженъ находиться и принадлежащій нынѣ Имп. публ. библіотекѣ (изъ Эрмитажной, № 217) „Татарскій словарь, въ пользу обучающагося при Казанскихъ гимназіяхъ юношества Татарскому языку сочиненный при оныхъ же гимназіяхъ 1785 г. (въ четвертку писчей бумаги, 2 части въ трехъ переплетахъ: I часть А—К., 1 ненум. + 662 стр. Ч. II: 998 стр. томъ 1-й: Л—П. 638 стр. и томъ 2-й, Р—Я: 639—998 стр.).

Словарь этотъ—русско-татарскій (тат. слова писаны русскими и арабскими буквами) и является наиболѣе обильнымъ изъ инородческихъ рукописныхъ словарей XVIII в., содержа по приблизительному разсчету (15—17 словъ на страницѣ) около 25000 словъ. Нѣкоторыя русскія слова, проставленныя въ русской графѣ, не переведены на татарскій—составитель очевидно затруднился подыскать соотвѣтствующее татарское значеніе, — но ихъ очень не много. Большею частью это иностранныя слова или названія извѣстныхъ культурныхъ понятій, чуждыхъ татарскому народу и вообще мусульманству. Составителемъ словаря былъ очевидно преподаватель татарскаго языка въ первой казанской гимназіи, упомянутый выше (стр. 418—19) Сагитъ Хальфинъ.

Предположеніе это подтверждается наличностью другого списка этого словаря, принадлежащаго Азіатскому музею Имп. академіи наукъ и носящаго имя Сагита Хальфина (Библ. Аз. музея, отд. III, № 18). Въ этомъ спискѣ словарь имѣетъ двѣ части (in 4°): I ч. А—К.

662 стр. (какъ въ спискѣ Публ. библіотеки);—II-я: Л—Я (899 стр.). На спискѣ имѣется надпись рукою академика Френа: „Vocabularium Russo-Tataricum juventuti in Gymnasio Kasanensi linguae Tataricae studiosae composuit a. 1785 Said filius Havani Chalfin Linguae Tataricae quondam in Gymnasio Kasanensi praeceptor atque in rei navalis curia quae Kasani est praeceptor Ismaïl, ejus filius descripsit. De Sergio Ziwotoff, Protoiereo Petropolitano, pro Museo Asiatico Academiae Imp. Scientiarum XX Rubelorum tessera emi a. 1819. Fraehn“. Объемъ этого словаря одинаковъ съ объемомъ списка Публичной библіотеки и составляетъ, по приблизительному разсчету, также около 25000 словъ (отъ 15 до 18 словъ на страницу, коихъ въ обѣихъ частяхъ—1561).

Лексическіе матеріалы по тюркскимъ языкамъ собиралъ также и одинъ изъ нашихъ академическихъ путешественниковъ XVIII в. I. П. Фалькъ, въ описаніи путешествія котораго [1]) мы находимъ сравнительный глоссарій казанскаго-татарскаго, киргизскаго, „бухарскаго“ и калмыцкаго языковъ (т. III, стр. 575—582).

Лексическіе матеріалы по діалекту закавказскихъ адербейджанскихъ татаръ находимъ во второй части описанія путешествія по Россіи и Кавказу академика Гюльденштедта, изданнаго послѣ его смерти П. С. Палласомъ [2]), гдѣ помѣщенъ сравнительный глоссарій персидскаго, курдскаго и языка „казахскихъ“ (т. е. адербейджанскихъ) татаръ (стр. 545—552). Нѣкоторыя замѣчанія о діалектѣ крымскихъ татаръ встрѣчаются у Палласа въ описаніи его путешествія (1793—94 гг.) по южной Россіи [3]). Между прочимъ онъ отмѣчаетъ итальянскія („генуэзскія“) заимствованія въ языкѣ крымскихъ татаръ, хотя и не всегда удачно. Такъ тат. kaimak онъ ведетъ изъ итал. caimacco (слѣдовало бы наоборотъ).

Лексическій матеріалъ по татарскому и чувашскому языкамъ имѣется также въ Миллеровскомъ „Описаніи живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ и т. д.“ Спб. 1791 г. 8°, издан-

[1]) Herrn Johann Peter Falk Professors der Kräuterkunde beim Garten des Russischen Kayserlichen Medizinischen Kollegiums, auch Mitglieds der freyen Oekonomischen Societät in St. Petersburg Beyträge zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Bd. III. Beiträge zur Thierkenntniss und Völkerbeschreibung. St. Petersburg. Gedruckt bei der Kayserl. Akademie der Wissenschaften. 1786. 4°.

[2]) Güldenstädt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P. S. Pallas. Ч. II. Спб. 1791. 4°.

[3]) Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. 2 т. 4°. Лейпцигъ 1799—1801. См. т. II, стр. 361—363.

номъ академіей наукъ уже послѣ смерти автора, съ рядомъ лингвистическихъ добавленій, которыя были взяты очевидно изъ бумагъ покойнаго ученаго (подробнѣе объ этомъ трудѣ см. ниже). Добавленія эти несомнѣнно основаны на записяхъ, сдѣланныхъ Миллеромъ въ Казанской и другихъ губерніяхъ еще въ 1733 г., во время его путешествія съ Гмелинымъ и Делилемъ де ла Кройеромъ (см. выше, стр. 421).

Цѣлый рядъ лингвистическихъ записей, переводовъ и глоссаріевъ по разнымъ татарскимъ діалектамъ, сдѣланныхъ въ XVIII в., имѣется въ лингвистической коллекціи Аделунга, принадлежащей нынѣ Императ. Публичной библіотекѣ. Лишь немногія изъ этихъ записей имѣютъ дату; большинство же только по внѣшнему виду можетъ быть отнесено ко второй половинѣ и концу XVIII в. Нѣкоторыя изъ нихъ (сравнительно немногія) носятъ на себѣ имя составителей, другія — анонимны. Очевидно изъ нижегородской духовной семинаріи временъ епископа Дамаскина вышли двѣ записи, одна датированная, другая безъ даты, но несомнѣнно относящаяся къ тому же времени. Первая представляетъ переводъ Символа вѣры, озаглавленный „На татарскомъ переводѣ" (3 стр. въ четвертку). Татарскій текстъ писанъ здѣсь русскими буквами (съ означеніемъ ударенія) и со слав. текстомъ молитвы en regard. На рукописи стоятъ и имена переводчиковъ: „переводили богословіи и философіи слушатели Семенъ Березовскій и василей Серлянскій". Время полученія рукописи (Палласомъ или Бакмейстеромъ?) обозначено: „получ. Генв. 16 дня 1791 г." Вѣроятность предноложенія, что переводчики этого текста были учениками Нижегородской семинаріи, подтверждается другимъ собраніемъ числительныхъ и фразъ на русскомъ и татарскомъ языкахъ, озаглавленнымъ: „Рѣчи для переводу татарскаго языка" (3 съ небольшимъ стр. въ четвертку). Переводъ этого собранія съ русскаго на татарскій сдѣлалъ тотъ же „богословіи и философіи слушатель, Сергачской округи, села Березовки, Діякона Егора Осипова сынъ Семенъ Березовскій". Болѣе подробное обозначеніе мѣсторожденія переводчика (нынѣшній Сергачскій уѣздъ Нижегородской губерніи) указываетъ, что семинарія, въ которой онъ учился вмѣстѣ съ Вас. Серлянскимъ, была по всей вѣроятности — Нижегородская. Время происхожденія послѣдней записи, очевидно, то же, что и у предыдущей. Татарскія слова изображены здѣсь только русскими буквами (безъ ударенії).

Прочія записи разныхъ татарскихъ діалектовъ изъ коллекціи Аделунга:

1) „Переводъ Россійскаго Словаря на языки: Качинскія, Кы-

зыльскія, Кайдынскія, Сагайскія и Белтырскія" (15 стр. въ поллиста, скорописью конца XVIII в., тюркскія слова переданы русскими буквами).

2) „Наречіе татарское. Проточенные жъ линіи (?) съ предъидущими линіями татарской діалектъ на россійской переводъ сходственной": русско-татарскій глоссарій (говоръ тобольскихъ и тарскихъ татаръ), заключающій въ себѣ 286 словъ (татарскія изображены арабскими буквами и въ русской транскрипціи) на 14 стр. въ поллиста, почеркомъ конца XVIII в. Въ концѣ подпись: Совѣтникъ Илья Мыльниковъ. Принадлежитъ вѣроятно къ матеріаламъ Бакмейстера или сравнит. словаря Екатерины II.

3) Русско-татарскій глоссарій (тюркскія слова изображены русскими буквами): „По русски, по каигтски, по карагаски или по камасински" (4 стр. въ поллиста, скорописью конца XVIII в.).

4) „Слова взятые изъ уроковъ для переводу Татарскаго языка": русско-татарскія вокабулы, раздѣленныя на 130 уроковъ; татарскій текстъ изображенъ русскими буквами съ обозначеніемъ ударенія. Мѣсто составленія и имя составителя не обозначены, почеркъ второй половины XVIII в. (47 стр. въ четвертку).

5) „Vocabularium der Tartarischen Sprache nach allen ihren Mundarten die in Siberien gebräuchlich sind als 1) Im Werchoturischen und Cathrinburgischen Gebieten..., 2) Um Turinsk und Tiumen aus dem Flusse Tura, 3) Um Tobolsk und Tura am Irtisch. 4) Die Tschazische und Senchtinische Tataren bey Tomsk, 5) Die Tomskische Tataren..., 6) Teleuten и т. д. [7) Кузнецкіе татары, 8) Кузнецкіе степные татары, 9) Каигаты въ Красноярской области, 10) Бухарцы, 11) Якуты]: латинско-тюркскій глоссарій съ 11-ю значеніями на перечисленныхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ (тюркскія слова переданы латинскими буквами), писано во второй половинѣ или концѣ XVIII в. (27 стр. въ большую четвертку).

6) Реестръ Татарскимъ волостямъ Бійскаго и Кузнецкаго уѣздовъ, на діалекты которыхъ переведены нижеписанныя слова, съ показаніемъ гдѣ оныя находятся, такъ же какими буквами въ переводѣ словъ означены (20 стр. въ поллиста, заключающія глоссарій изъ 258 рубрикъ съ большимъ количествомъ матеріала и скрѣпленныя подписью нѣкоего Меккерта, очевидно оффиціальнаго лица, завѣдывавшаго собираніемъ глоссарія). При этой рукописи находится бумага изъ Барнаула (отъ 26 ноября 1785), адресованная на имя не названнаго Сіятельнѣйшаго Графа (Безбородко?), объ исполненіи Высочайшаго повелѣнія, предписывавшаго перевести присланный перечень словъ „на языки разныхъ Колыванскую губ. населяющихъ народовъ". Для этого былъ по-

сланъ „изъ находящихся здѣсь въ штатской службѣ, знающіи языки грамматикально, дабы съ большею точностью діалектъ сихъ народовъ изъяснить было можно“. Въ заключеніе говорится, что къ бумагѣ прилагается описаніе только двухъ уѣздовъ, на которое тѣмъ не менѣе было употреблено все лѣтнее время.

Нѣкоторый лексическій матеріалъ по татарскому языку имѣется также въ упоминавшемся уже выше (стр. 410) многоязычномъ калмыцко-армянско-персидско-татарскомъ рукописномъ словарѣ Азіатскаго музея (отд. III. № 36), писанномъ несомнѣнно въ XVIII в. Турецко-татарская азбука содержится также въ одномъ рукописномъ сборникѣ лингвист. матеріаловъ Азіатскаго музея (отд. III, № 34), писанномъ въ концѣ XVIII и нач. XIX вв. рукою академика Іоганна Христіана Гаммеля или его отца.

По чувашскому языку, кромѣ указанныхъ выше (стр. 421—22), работъ Г. Ф. Миллера, и многоязычнаго словаря, составленнаго въ Нижегородской дух. семинаріи подъ надзоромъ епископа Дамаскина, въ XVIII в. было сдѣлано также довольно много.

Еще въ 30-хъ гг. XVIII в. Киріакъ Кондратовичъ, упоминавшійся выше уже нѣсколько разъ, составилъ „чувашско-россійскій лексиконъ“ [1]).

Въ 1756 г. является въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“, издававшихся академіей наукъ (іюль 33—64, августъ 119—145), „Описаніе трехъ языческихъ народовъ въ казанской губерніи, а именно: черемисовъ, чувашей и вотяковъ“, которое потомъ было перепечатано въ расширенномъ видѣ въ „Sammlung russischer Geschichte“ [2]), а также и отдѣльно по русски въ 1791 г. (см. ниже). Въ названной статьѣ Миллера особое значеніе для насъ имѣетъ глава V „о языкахъ, художествахъ и наукахъ“ названныхъ въ заглавіи народовъ. Авторъ констатируетъ здѣсь родство чувашскаго съ татарскимъ (вѣроятно впервые въ нашей литературѣ), говоритъ о разныхъ діалектахъ чувашъ, живущихъ по Волгѣ выше устья Камы и ниже его, и приводитъ образчики разныхъ чувашскихъ словъ и названій. Въ главѣ XIII-й приводятся главныя собственныя имена чувашъ.

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. акад. наукъ», т. III, стр. 418, т. IV, стр. 131—32.

[2]) Bd. III. Viertes Stück. 1759 Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan, wohnhaften Heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen, und Wotiaken (стр. 305—412). Къ статьѣ приложены были: «Vocabularium» (Deutsch-tatarisch-tscheremiss.-tschuwasch.-wotiakisch-morduan.-permisch-siriänisch, стр. 382—409) и переводъ Молитвы Господней на черемисскій и чувашскій языки (410—12).

Вѣроятно къ 1769 г. относится первая у насъ печатная грамматика чувашскаго языка, вышедшая безъ обозначенія имени автора, мѣста и времени напечатанія, подъ заглавіемъ: „Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ Чувашскаго языка" (4°, 68 стр. Библ. Спб. унив. и Имп. публ.). Сопиковъ (№ 3038) приводитъ очевидно эту же книгу съ измѣненнымъ заглавіемъ: „Грамматика чувашскаго языка (Спб. 1775. 4°)" и относитъ къ 1775 г. Онъ дѣлаетъ это, повидимому, на основаніи ея внутренняго и внѣшняго сходства съ черемисской и вотяцкой грамматиками, вышедшими дѣйствительно въ 1775 г. въ Спб. при академіи наукъ, также безъ имени автора (см. ихъ подробныя заглавія ниже). Несмотря на указанное сходство, болѣе вѣроятна принадлежность ея къ 1769 г., какъ это вытекаетъ изъ объявленія о поступленіи въ продажу „новонапечатанной Грамматики Чувашской съ россійскимъ" (ц. 20 к.), которое мы находимъ въ № 41 (22) мая „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей" за 1769 г. Составленіе ея такъ же, какъ и только что названной вотяцкой грамматики, приписывается въ нашихъ библіографическихъ пособіяхъ [1]) архіепископу Казанскому Веніамину Пуцеку-Григоровичу (р. 1706 † 1782), но въ печатныхъ біографическихъ свѣдѣніяхъ о названномъ іерархѣ на это нѣтъ, однако, никакихъ указаній [2]). Мнѣніе это не лишено вѣроятія въ виду того, что Веніаминъ дѣйствительно изучилъ инородческіе языки Поволжья съ миссіонерскими цѣлями, обративъ въ христіанство много татаръ, мордвы, черемисъ, чувашъ и вотяковъ еще до конца 40-хъ гг. XVIII в. [3]). Что авторъ названныхъ грамматикъ былъ малороссъ родомъ (какъ и самъ Веніаминъ), указываетъ одна черта примѣненной имъ во всѣхъ трехъ грамматикахъ транскрипціи инородческихъ словъ русскими буквами, а именно употребленіе латинской буквы g вмѣсто русскаго г, для обозначенія звонкаго заднеязычнаго взрыв-

---

[1]) Напр. въ «Систематическомъ и алфавитномъ указателѣ статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ Имп. Академіи Наукъ, а также сочиненій, изданныхъ Академіею отдѣльно». Спб. 1875 г. Ч. II стр. 225, или у Межова въ его «Библіографіи Азіи», т. III Спб. 1894, стр. 22 и 117. Источникомъ для Межова служилъ очевидно академич. указатель, въ которомъ черемисская грамматика почему-то пропущена, а двѣ другихъ приписываются Веніамину.

[2]) См. ихъ перечень у Венгерова: «Источники словаря русскихъ писателей», т. I, Спб. 1900. стр. 543.

[3]) См. Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ. Труды студентовъ миссіонерскаго противомусульм. отдѣленія при Казанской Духовной Академіи. Вып. V. Казань. 1874. Сочиненіе А. Хрусталева, «Очеркъ распространенія христіанства между иновѣрцами Казанскаго края», стр. 74.

ного. Выборъ латинской буквы очевидно объясняется тѣмъ, что для автора-малоросса русское г было знакомъ звонкаго заднеязычнаго спиранта, который онъ произносилъ почти вездѣ, вмѣсто великорусскаго взрывного.

Какъ болѣе ранняя изъ трехъ названныхъ грамматикъ, чувашская грамматика Веніамина (?) снабжена предисловіемъ, повидимому издателя—не самого автора—въ которомъ излагаются побудительныя причины, вызвавшія появленіе даннаго труда. Въ историческомъ отношеніи оно не лишено интереса. Вотъ его начало: „Когда многіе для разныхъ причинъ желаютъ знать языки не только ближнихъ, но и отдаленныхъ, не только нынѣшнихъ, но и преждебывшихъ народовъ; то кольми паче надлежитъ намъ стараться довольно узнать языки тѣхъ народовъ, которые между нами внутрь предѣловъ единаго отечества обитаютъ, и составляютъ часть общества нашего. Не одно насъ любопытство, но и польза къ тому поощрять должна, которая очевидна всякому, кто съ ними обращается. Сочинитель книги сея похвалу заслуживаетъ тѣмъ больше, что онъ первый подаетъ примѣръ. Нѣтъ сомнѣнія, что и другіе ему станутъ въ семъ дѣлѣ наслѣдовать. Желающимъ трудъ сей на себя принять предлежитъ пространное поле, такъ сказать, ни кѣмъ отъ вѣка еще неоранное“.

Грамматика эта даетъ очеркъ морфологіи чувашскаго языка (склоненіе именъ существительныхъ и прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій, спряженіе глаголовъ, о нарѣчіи, междометіи и предлогахъ), вмѣстѣ съ довольно большимъ лексическимъ матеріаломъ. Перечни именъ существительныхъ (стр. 13—34) и прилагательныхъ (стр. 35—39), глаголовъ (стр. 52—62) и нарѣчій (стр. 62—67) и другихъ менѣе многочисленныхъ частей рѣчи замѣняли въ своей совокупности небольшой словарь даннаго языка и давали такимъ образомъ заодно и знакомство съ лексическимъ его запасомъ. Чувашскія слова переданы русскими буквами, причемъ удареніе вездѣ обозначено.

По всей вѣроятности къ 1785 г. нужно отнести анонимный рукописный „Словарь языка Чувашскаго“, поступившій въ Имп. публичную библ. изъ Эрмитажной (№ 222). Внѣшнимъ своимъ видомъ онъ одинаковъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ инородческихъ словарей публ. библіотеки, переданныхъ въ нее тоже изъ Эрмитажной, и, повидимому, вмѣстѣ съ ними былъ особо переписанъ для Высочайшаго пользованія при работахъ Императрицы Екатерины II надъ ея сравнительнымъ словаремъ. Это довольно объемистый русско-чувашскій словарь, писанный очень четко и старательно на 68 листахъ въ четвертку писчей бумаги и заклю-

чающій по приблизительному разсчету около 3000 словъ (по 22 слова на страницѣ). Чувашскія слова изображены здѣсь русскими буквами; удареніе вездѣ отмѣчено.

Кромѣ того довольно обильный лексическій матеріалъ по чувашскому языку имѣлся въ упомянутомъ выше (стр. 420 и 426) пятиязычномъ словарѣ инородческихъ языковъ Поволжья, составленномъ въ 1785 подъ руководствомъ епископа Нижегородскаго Дамаскина-Руднева.

Къ концу 80-хъ и началу 90-хъ гг. XVIII в. относится рядъ рукописныхъ переводовъ на чувашскій языкъ и русско-чувашскихъ вокабулъ, возникшихъ при Нижегородской духовной семинаріи и вообще въ Нижегородской епархіи по почину или подъ надзоромъ епископа Дамаскина и поступившихъ затѣмъ къ Бакмейстеру или Палласу, въ качествѣ матеріаловъ для сравнительнаго словаря Екатерины II. Впослѣдствіи они достались Ѳ. И. Аделунгу и въ настоящее время хранятся вмѣстѣ со всей его коллекціей лингвистическихъ матеріаловъ въ Имп. публ. библіотекѣ Таковы:

1) „Краткій катихизисъ переведенный на Чувашскій языкъ съ наблюденіемъ Россійскаго и Чувашскаго просторѣчія, ради удобнѣйшаго онаго познанія воспріявшихъ Святое крещеніе 1788 года (34 стр. въ четвертку писчей бум.). Въ концѣ приписано: Переводилъ Нижегородской епархіи Чувашскаго языка Проповѣдникъ Іерей Ермей Рожанскій, природою изъ чювашъ, учившійся въ Семинаріи Нижегородской“.

2) „Рѣчи для переводу на Чувашской языкъ“ (4 стр. въ четвертку писчей бумаги). Въ концѣ приписано: „переводилъ Нижегородской Эпархіи Чувашскаго языка проповѣдникъ Іерей Ермей Рожанскій“. Помѣта (Бакмейстера?): „Reçû avec la lettre de S. E. l'Evêque Damaskin du 12 Décembre 1789“. Собраніе числительныхъ и фразъ, съ чувашскимъ параллельнымъ переводомъ.

3) „Переводъ по чувашски“ (3 стр. in 4°): переводъ 23 фразъ (безъ соотвѣтствующаго русскаго текста). Въ концѣ приписано: „Переводилъ Нижегородской эпархіи чувашскаго языка проповѣдникъ Іерей Ермей Рожанскій“, и имѣется помѣта (на франц. языкѣ) о полученіи этой рукописи, вмѣстѣ съ письмомъ епископа Дамаскина 12 дек. 1789 г.

4) Переводъ молитвъ „Отъ сна воставъ“, „Отходя ко сну“, „Предъ обѣдомъ“, и „Послѣ обѣда“ на чувашскій языкъ (4 стр. въ четвертку). Въ концѣ—приписка: „переводилъ съ Россійскаго на Чувашскій діалектъ Богословіи и Философіи слушатель Григорій Рожанскій (вѣроятно, родственникъ вышеупомянутаго Ермея

Рожанскаго и родомъ также чувашъ)". На рукописи помѣта о полученіи ея (Бакмейстеромъ?) „генв. 16 дня 1791 г.".

5) Переводъ „Символа вѣры" на чувашскій (3 стр. въ четвертку). Имѣется надпись: „переводилъ богословіи и философіи слушатель Іванъ Русановскій" и помѣта о полученіи 16 янв. 1791 г.

6) Къ этому же времени, очевидно, относятся, судя по именамъ составителей, русско-чувашскія вокабулы: „Слова взятые изъ французскихъ разговоровъ Россійскіе съ Чувашскими расположенные по урокамъ" (81 стр. въ четвертку). Помѣта: „переводили съ Россійскаго на Чувашскій языкъ богословіи и философіи слушатели Григорій Рожанскій и Иванъ Русановскій".

Кромѣ того въ собраніи Аделунга имѣется еще одинъ чувашскій переводъ молитвы „Отче нашъ" (1 стр. въ четвертку), сдѣланный „поэзіи учителемъ Петромъ Тагіевымъ" и относящійся вѣроятно къ самому концу XVIII в.

По киргизскому языку можно указать на рядъ рукописныхъ матеріаловъ, во главѣ которыхъ долженъ быть поставленъ довольно объемистый русско-киргизскій словарь (84 стр. въ поллиста писчей бумаги), входящій въ составъ лингвистической коллекціи Ѳ. П. Аделунга (Имп. публ. библ.) На заглавномъ листѣ подъ картинкой, писанной тушью и изображающей часть киргизскаго становища съ кибитками, скотомъ, утварью и т. п., съ очевиднымъ намѣреніемъ дать возможно полное изображеніе внѣшняго быта киргизовъ, слѣдуетъ заглавіе: „Сей переводъ по алфавиту собранъ стараніемъ генералъ-маіора и кавалера Скалона съ темъ желаніемъ не можно ль иногда изъ оного сочинять россійскими литерами азбуку букварь и другии приличествующии сему народу книжки. Августа 8 числа 1774 году. Сибирской губерни Иртышской линіи въ крепости устькаменогорской". Въ концѣ рукописи находится титулъ императрицы, переведенный на киргизскій, киргизскіе числительныя, фразы и переводъ 10 заповѣдей и молитвы Господней. Составленіе этого словаря, судя по времени его возникновенія, связано съ воззваніемъ Бакмейстера въ 1773 г., приглашавшимъ собирать для него лингвистическіе матеріалы. На рукописи надпись на нѣм. языкѣ, свидѣтельствующая, что она была получена, очевидно, Бакмейстеромъ, вмѣстѣ съ письмомъ пастора Лютера (изъ Омска), 2 ноября 1774 г.

Къ 1778 г. относится небольшое собраніе киргизскихъ именъ числительныхъ, немногихъ другихъ словъ и фразъ (7 стр. въ поллиста), писанныхъ арабскими и русскими буквами съ русскимъ переводомъ. Оно также входитъ въ составъ коллекціи Ѳ. П. Аделунга, къ которому перешло, повидимому, отъ Бакмей-

стера. Въ концѣ рукописи—замѣтка на нѣм. языкѣ, изъ которой видно, что переводъ данныхъ словъ и фразъ на киргизскій языкъ былъ сдѣланъ въ сентябрѣ 1778 г. въ Петербургѣ. Переводчикомъ былъ нѣкто Родіоновъ, пріѣзжавшій тогда въ Петербургъ съ наслѣдникомъ киргизскаго хана Средней орды, природный русскій, попавшій 11-лѣтнимъ мальчикомъ въ Оренбургъ и научившійся тамъ по киргизски.

Кромѣ того въ коллекціи Аделунга имѣется еще аналогичное небольшое собраніе числительныхъ и фразъ (русско-киргизское), полученное, согласно помѣтѣ на немъ (Бакмейстера?), отъ пастора Лютера изъ Омска 20 февр. 1780 г. Оно заключаетъ въ себѣ всего 4 стр. (въ поллиста писч. бумаги). Киргизскія слова изображены въ немъ русскими буквами.

Затѣмъ киргизскія слова находятся также въ собраніи параллельныхъ глоссаріевъ на нѣсколькихъ тюркскихъ діалектахъ, поступившемъ въ коллекцію Аделунга изъ бумагъ Палласа, вѣроятно черезъ посредство того же Бакмейстера. Оно озаглавлено (Бакмейстеромъ?): „Wörter-Sammlung aus der Chiwischen, Bucharischen, Kirgisischen, und Meschtscheräkischen Sprache“ и содержитъ въ себѣ всего 12 стр. съ половиной (въ поллиста). Тюркскія слова изображены русскими буквами (безъ удареній).

Въ лингвистической коллекціи Бакмейстера, доставшейся впослѣдствіи Аделунгу, имѣлся еще большой башкирскій словарь (по словамъ Аделунга [1]): „ein sehr reiches Wörterbuch“), а также списокъ башкирскихъ словъ, доставленный Бакмейстеру Георги. Но эти памятники, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано Аделунгомъ въ только что цитированномъ его трудѣ (стр. 31), не дошли до насъ. По крайней мѣрѣ въ составѣ коллекціи Аделунга (въ Имп. публ. библіотекѣ) ихъ въ настоящее время не имѣется.

Мещеряцкое и сартское („хивинское“) нарѣчія представлены въ коллекціи Аделунга цитированнымъ немного выше собраніемъ параллельныхъ тюркскихъ глоссаріевъ, поступившимъ въ нее изъ бумагъ Палласа.

„Бухарскій“ глоссарій, содержащій въ себѣ болѣе 600 словъ, имѣется также въ приложеніи къ книгѣ: „Россійскаго унтеръ-офицера Ефремова, нынѣ Коллежскаго Ассесора Десятилѣтнее странствованіе и приключеніе въ Бухаріи, Хивѣ, Персіи и Индіи, и возвращеніе оттуда чрезъ Англію въ Россію. Писанное имъ самимъ. Въ С.-Петербургѣ печатано съ дозволенія Указнаго у Гека 1786 г.“ Мал. 8°. 224 стр. (Глоссарій занимаетъ стр. 194—224).

[1]) См. его «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde». Спб. 1815, стр. 31.

Тюркскихъ словъ въ этомъ глоссаріи сравнительно немного. Зато иранскихъ (таджикскихъ и т. д.) гораздо больше, чѣмъ въ обыкновенномъ сартскомъ (напр. Наманганскаго уѣзда); числительныя, нѣкоторыя имена родства (въ родѣ *падаръ*—отецъ и т. д.) здѣсь иранскія. Очевидно Ефремовъ не различалъ разныхъ „бухарскихъ" языковъ другъ отъ друга. Книга Ефремова черезъ нѣсколько лѣтъ вышла 2-мъ, а впослѣдствіи и 3-мъ изданіями [1]). Изъ другихъ тюркскихъ діалектовъ въ XVIII в. обращено было вниманіе и на якутскій. Объ этомъ свидѣтельствуютъ три небольшихъ записи якутскихъ словъ и фразъ, находящихся въ коллекціи Аделунга, въ Имп. Публ. библ.:

1) Собраніе якутскихъ словъ и фразъ (на 9 стр. въ поллиста), составленное для Палласа опекуномъ якутскаго народа дворяниномъ Иваномъ Старостинымъ въ 1773 г.

2) Такое же собраніе (7 стр. въ поллиста), составл. тѣмъ же Старостинымъ.

3) Небольшое собраніе русско-якутскихъ вокабулъ конца XVIII в., озаглавленное „Якутскій переводъ" (6 стр. въ поллиста). Кромѣ того якутскія слова и фразы имѣются еще въ многоязычномъ глоссаріи: „Нарѣчіе по туруханской округѣ" (см. его содержаніе выше, стр. 415, № 9), въ собраніи числит. и фразъ на нѣсколькихъ сибирскихъ инородческихъ языкахъ, присланномъ Бакмейстеру въ 1779 г. отъ Иркутскаго губернатора Клички (см. выше, стр. 414, № 4) и въ латино-тюркскомъ глоссаріи конца XVIII в., цитированномъ выше (стр. 429, № 5). Всѣ три послѣднихъ собранія находятся нынѣ также въ коллекціи лингвистическихъ матеріаловъ Аделунга въ Имп. Публ. библ.

Кромѣ того въ началѣ 90-хъ гг. XVIII в. собираніемъ лексическаго матеріала по разнымъ сибирскимъ языкамъ, въ томъ числѣ и по якутскому, занимался докторъ Робекъ, состоявшій при экспедиціи капитана Биллингса въ Чукотскую землю. Результатомъ этихъ занятій Робека является его „Краткій словарь двѣнадцати

---

[1]) Второе изданіе: «Странствованіе надворнаго совѣтника Ефремова въ Бухаріи, Хивѣ, Персіи и Индіи и возвращеніе оттуда чрезъ Англію въ Россію. Новое исправленное и умноженное изданіе въ Спб. 1794 г. печат. на иждив. И. Б. и прод. по Невск. перспективѣ у Аничкова моста въ домѣ Графа Д. А. Зубова». 8°. 110 стр. (глоссарій занимаетъ стр. 101—110). Третье изданіе: «Странствованіе Филиппа Ефремова въ Киргизской степи, Бухаріи, Хивѣ, Персіи, Тибетѣ и Индіи и возвращеніе его оттуда чрезъ Англію въ Россію. Третіе вновь передѣланное, исправленное и умноженное изданіе. Казань. Въ Унив. Типографіи 1811, 8°. 160 стр. Изд. Магистромъ Истор. наукъ Петромъ Кондыревымъ». Глоссарій расположенъ здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ, и для сравненія прибавлены параллельныя татарскія слова (стр. 149—159).

нарѣчій разныхъ народовъ, обитающихъ въ сѣверовост. части Сибири и на Алеутскихъ островахъ", увидавшій, однако, свѣтъ лишь 20 лѣтъ спустя послѣ путешествія Биллингса, въ описаніи послѣдняго, вышедшемъ въ Спб. въ 1811 году: (см. ниже въ обзорѣ исторіи нашего языкознанія въ XIX в.). Якутскій глоссарій имѣется также въ другомъ описаніи экспедиціи Биллингса, изданномъ на англійскомъ языкѣ секретаремъ Биллингса Мартиномъ Зауеромъ въ началѣ XIX вѣка (см. его подробное заглавіе выше, стр. 416, прим. 1). Словарь этотъ находится въ приложеніи къ книгѣ и собранъ самимъ Зауеромъ (см. выше тамъ же).

Менѣе всего занимались у насъ турецкимъ языкомъ, несмотря на его важность для Россіи въ политическомъ отношеніи. Въ концѣ 30-хъ или въ началѣ 40-хъ гг. XVIII в., при татарско-калмыцкой школѣ, открытой Татищевымъ въ Самарѣ, состоялъ ученый ахунъ, знавшій и по турецки (см. выше, стр. 406). Около этого же времени, въ 30-хъ гг. XVIII в. занимался собираніемъ арабскихъ и турецкихъ рукописей адъюнктъ нашей академіи наукъ, профессоръ политики, морали и элоквенціи, впослѣдствіи почетный членъ академіи, Готтлибъ Фр. Вильгельмъ Юнкеръ. Объ этихъ занятіяхъ его мы узнаемъ изъ протокола засѣданія академической конференціи отъ 19 сент. 1737 г. [1]). Тамъ же [2]) находимъ извѣстіе, сообщенное письмомъ Гюльденштедта къ Миллеру, о томъ, что капуцинскій патеръ въ Моздокѣ, P. Agrippin, къ началу 70-хъ гг. XVIII в. составилъ латино-турецкій словарь, который желалъ предоставить академіи для напечатанія за нѣсколько даровыхъ экземпляровъ. Академія въ засѣданіи 14 ноября 1771 г. постановила сообщить Гюльденштедту, чтобы онъ именемъ академіи взялъ у Агриппина рукопись и прислалъ ее съ вѣрной оказіей. При этомъ Агриппину было обѣщано 20 даровыхъ экземпляровъ печатнаго словаря, если академія найдетъ, что рукопись достойна печати. Въ противномъ же случаѣ, академія давала обѣщаніе немедленно отослать ее обратно. Позднѣйшая судьба названнаго рукописнаго словаря намъ не извѣстна. Въ напечатанныхъ пока протоколахъ засѣданій конференціи дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ нѣтъ.

Въ коллекціи Аделунга почти нѣтъ матеріаловъ по турецкому языку, собранныхъ въ Россіи и русскими собирателями, если не считать небольшого текста, озаглавленнаго: „Traduction turque reçûe par Mr. le Conseiller Müller à Moscou" и содержащаго (на

---

[1]) См. Протоколы засѣданій конференціи Имп. акад. наукъ, т. I. 424.
[2]) См. т. III. 40.

2 стр. въ поллиста) турецкій текстъ подлиннымъ письмомъ и въ русской транскрипціи, но, вопреки заглавію, безъ перевода.

Нѣкоторое оживленіе интереса къ названному языку принесла первая война императрицы Екатерины II съ Турціей (1768—1774): вскорѣ послѣ заключенія мира въ Кучукъ-Кайнарджи у насъ является цѣлыхъ два печатныхъ руководства къ изученію турецкаго языка, или лучше сказать два перевода съ одного и того-же французскаго учебника (Гольдермана). Первый переводъ вышелъ въ Петербургѣ и очевидно имѣлъ цѣлью удовлетворить той потребности въ подобномъ руководствѣ, которая ощущалась въ нашихъ военныхъ кругахъ [1]), второй же появился въ Москвѣ и связанъ съ молодымъ Московскимъ университетомъ [2]), причемъ и самая цѣль его появленія, какъ видно изъ предисловія переводчика, студента Московскаго университета, имѣла болѣе обще-научный и культурный характеръ. Примѣры въ обоихъ изданіяхъ напечатаны арабскимъ шрифтомъ.

Наконецъ, небольшое количество турецкихъ словъ находимъ въ параллельномъ русско-турецко-персидско-гилянскомъ глоссаріи (196 словъ), помѣщенномъ во второй половинѣ третьей части описанія путешествія по Россіи академика I. С. Гмелина („Путешествіе по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ природы. Пере-

---

[1]) Турецкая грамматика или краткій и легчайшій способъ къ изученію Турецкаго языка съ собраніемъ имянъ, глаголовъ, нужнѣйшихъ къ познанію рѣчей, и многихъ дружескихъ разговоровъ. Переведена съ Французскаго въ С.-Петербургѣ 1776 года при Артиллерійскомъ и Инженерномъ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ. При Имп. Академіи наукъ. 1776 г. 8°. 288 стр. + 7 ненум. (оглавленіе) и 1 таблица алфавита.

[2]) Grammaire Turque ou methode courte et facile pour apprendre la langue Turque avec un recueil des noms, des verbes, et des manieres de parler les plus necessaires à savoir, avec plusieurs dialogues familiers. Турецкая грамматика, или краткой и легкой способъ къ обученію турецкаго языка, съ собраніемъ именъ, глаголовъ и нужнѣйшихъ къ свѣденію рѣчей, такожъ нѣкоторыхъ дружескихъ разговоровъ, переведенная съ франц. языка Императорскаго Моск. Университета студентомъ Рейнголдомъ Габлицлемъ. Въ Москвѣ. При Имп. Моск. Университетѣ. 1777. 8°. 585. Напечатана почему-то на франц. и русскомъ языкахъ, texte en regard. Въ предисловіи переводчикъ говоритъ. что Московскій университетъ, «пользуяся случаемъ заключеннаго съ Оттоманскою Портою преславнаго для Россіи мира, стараніе употребилъ пріобрѣсть полезныя Турецкія книги, по которымъ бы юношеству удобно можно было научиться оному языку...и...за первую должность... себѣ почелъ, сію Грамматику турецкую на фр. языкѣ написанную, перевесть на Россійскій», исполненіе чего поручилъ ему, Габлицлю, «яко своему питомцу». Примѣры здѣсь печатаны оригинальнымъ арабскимъ шрифтомъ. Руководство содержитъ въ себѣ: грамматику (этимологію и синтаксисъ), словарь, глаголы, употребительнѣйшія нарѣченія, разговоры.

водъ съ нѣмецкаго. Ч. III, половина 2-я. Спб. 1785, стр. 520—527. Нѣм. изданіе въ 4 томахъ вышло раньше. Спб. 1771—1786). Въ „Сравнительномъ словарѣ“ Екатерины II представлены были слѣдующіе тюркскіе діалекты и языки (приводимъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ въ словарѣ): турецкій, казанскихъ татаръ, мещерякскій, башкирскій, ногайскій, татаръ: казахскихъ (адербейджанскихъ), тобольскихъ, чацкихъ, чулымскихъ, енисейскихъ, кузнецкихъ, барабинскихъ, кангатскій, телеутскій, „бухарскій“, хивинскій, киргизскій, туркменскій („трухменскій“), якутскій и чувашскій (помѣщенный въ перечняхъ словъ раньше перечисленныхъ тюркскихъ діалектовъ и языковъ, вмѣстѣ съ финскими языками, къ которымъ онъ отнесенъ, конечно, неправильно).

Среди лицъ, производившихъ наблюденія надъ тюркскими діалектами, необходимо упомянуть и нашего академика-натуралиста Эрика Лаксмана, который во время своего пребыванія въ Сибири, въ 1788 г. имѣлъ случай наблюдать языкъ такъ назыв. „карагассовъ“ и пришелъ къ иному выводу, чѣмъ Палласъ. Въ то время, какъ послѣдній ученый считалъ его смѣсью самоѣдскаго съ татарскимъ и въ сравнит. словарѣ Екатерины II отвелъ ему мѣсто (подъ именемъ „камашинскаго“), рядомъ съ южно-самоѣдскими языками (койбальскимъ и моторскимъ), Лаксманъ считалъ его чисто тюркскимъ діалектомъ [1]).

Довольно обильна литература, главнымъ образомъ рукописная, по угро-финскимъ языкамъ, возникшая при преемникахъ Петра Великаго. Однимъ изъ самыхъ первыхъ собирателей лингвистическаго матеріала по названнымъ языкамъ былъ у насъ академикъ Г. Ф. Миллеръ, какъ мы отчасти уже имѣли случай видѣть выше. Въ 1733 году онъ отправляетъ изъ своего путешествія въ Правит. Сенатъ „вокабуляріумъ разныхъ иноземческихъ языковъ“ Казанской губ., въ томъ числѣ слѣдующихъ угро-финскихъ: вотяцкаго, черемисскаго и мордовскаго. Къ „вокабуляріуму“ былъ приложенъ и переводъ Молитвы Господней на черемисскомъ (и чувашскомъ) языкахъ [2]). Въ 1734 году Миллеръ отправляетъ по тому же адресу „вокабуляріумъ“ татарскаго и вогульскаго языковъ и переводъ Молитвы Господней на вогульскій же языкъ [3]). Въ 1735 отъ

---

[1]) См. В. Лагусъ, «Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. Съ шведскаго перевелъ Э. Паландеръ. Спб. 1890». Изд. Имп. акад. наукъ, стр. 213.

[2]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имнер. академіи наукъ», т. VIII, 195.

[3]) Тамъ же, стр. 196

него получается новый „вокабуляріумъ“ томскихъ татарскихъ діалектовъ, остяцкаго и зырянскаго языковъ [1]).

Въ 30-хъ же годахъ XVIII в. занимался составленіемъ словарей разныхъ угро-финскихъ языковъ нашъ плодовитый переводчикъ и лексикографъ этого времени Киріакъ Кондратовичъ. Изъ его прошенія въ академію наукъ отъ 30 іюня 1737 г. мы узнаемъ, что въ это время у него уже были „собраны“ слѣдующіе лексиконы финскихъ языковъ: „черемисскій, ватяцкій и вагулицкій“ [2]). Изъ другого его прошенія въ академію, отъ 22-го іюня 1739 г., видно, что, кромѣ названныхъ „вогулицко-русскаго“, черемисско-русскаго и вотяцко-русскаго словарей, у него въ то время былъ уже готовъ и остяцко-русскій словарь [3]). При словаряхъ этихъ были и „краткіе разговоры“ [4]). Какъ уже говорилось выше (стр. 423), словари эти въ числѣ другихъ были взяты къ себѣ Татищевымъ [5]). Въ 1745 г. Синодъ требовалъ отъ Татищева словари Кондратовича, побужденный къ тому прошеніемъ ихъ составителя. Татищевъ отвѣчалъ на это требованіе такъ: „...лексикона такого, какъ переводчикъ Кондратовичь доносилъ, я не имѣю: токмо словъ съ небольшимъ 200 написавъ отъ всѣхъ подвластныхъ Россіи языковъ, требовалъ переводу, а именно: изъ Сарматскаго — Финской, Естляндской, Вотяцкой, Вогулицкой, Остяцкой, Черемисской, Мордовской, Чувашской или Болгарской. Токмо не имѣвъ случая достать Самоѣдской, Лапландской и Ливонской. Изъ Татарскихъ: Калмыцкой, Мунгольской, Якутской, Тунгузской, Чегодайской, Болгарской, которой въ Казани и Астрахани употребляютъ, Кабардинской, Кумыцкой, Персидской, Турецкой. А неполучилъ Аварскаго и Тавлинскаго, но сіи, яко и Чувашскій испорченные и смѣшанные изъ Сарматскаго и Татарскаго. За тѣмъ разныхъ — Индійской, Армянской, Жулфимской (діалектъ Джульфы?) и Порачинской да Грузинской. При нѣкоторыхъ тѣхъ народовъ краткое описаніе и разговоры, но все иное не токмо въ порядкѣ не собрано, но и по разнымъ мѣстамъ лежитъ, котораго до возвращенія моего отсюда собрать и тѣмъ Свят. Правит. Сіноду услужить нынѣ не могу“ [6]).

Изъ этого довольно неяснаго и уклончиваго отвѣта Татищева видно, что словари, или точнѣе глоссаріи финскихъ и другихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 198.
[2]) Тамъ же, т. III, 418.
[3]) Тамъ же, т. IV, 131—132.
[4]) Тамъ же, т. V, стр. 542.
[5]) Тамъ же, т. IV, стр. 385.
[6]) См. Н. Поповъ, «В. Н. Татищевъ и его время». М. 1861, стр. 682—83.

инородческихъ языковъ, составленные Кондратовичемъ, едва-ли могли претендовать на пышное званіе „дикціонеровъ". Дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна. Повидимому они раздѣлили участь прочихъ книгъ и бумагъ Татищева, ставшихъ жертвой пожара. По всей вѣроятности глоссаріи Кондратовича должны были служить Татищеву источниками для задуманнаго имъ многоязычнаго словаря, рукописный набросокъ котораго хранится и теперь въ рукописномъ отдѣлѣ 1-го отдѣленія библіотеки Имп. академіи наукъ и носитъ заглавіе: „Лексиконъ сочиненный для приписыванія иноязычныхъ словъ обрѣтающихся въ Россіи народовъ для котораго выбраны только такія слова, которыя въ простомъ народѣ употребляемы и т. д." Рукопись неполна и заключаетъ въ себѣ только часть предполагавшагося словаря (А—Покой: 22 листа формата въ поллиста писчей бумаги, шифръ академ. библіотеки 32.13.14). „Иноязычныя" слова здѣсь еще не „приписаны". Татищевъ, очевидно, предполагалъ это сдѣлать, но не имѣлъ достаточно досуга для данной работы [1]).

Извѣстное количество лингвистическаго матеріала по разнымъ восточнымъ финскимъ языкамъ имѣется въ статьѣ Г. Ф. Миллера: „Описаніе трехъ языческихъ народовъ въ Казанской губерніи, а именно: черемисовъ, чувашей и вотяковъ", напечатанной въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ" 1756 г. (іюль 33 64, августъ 119—145). Вопросамъ языкознанія посвящена именно V-я глава этой статьи (стр. 53—60): „О языкахъ, художествахъ и наукахъ" названныхъ народовъ. Здѣсь констатируется сходство вотяцкаго съ черемисскимъ и пермскимъ, указываются главные діалекты луговыхъ и горныхъ черемисъ, верхнихъ и нижнихъ вотяковъ, приводятся разныя слова и названія на ихъ языкахъ и т. д. Въ VIII главѣ перечисляются главныя черемисскія и вотскія собственныя имена. Статья эта была перепечатана (съ приложеніемъ сравнительнаго глоссарія на нѣм., тат., черем., чувашск., вотяцк., мордовск., пермяцк. и зырянскомъ языкахъ и переводовъ молитвы Господней на черемисскій и чувашскій языки) въ „Sammlung russischer Geschichte" (см. выше, стр. 430, прим. 2) и потомъ, уже послѣ смерти Миллера, издана академіей съ такими же лингвистическими приложеніями, подъ заглавіемъ: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ; съ приложеніемъ многочисленныхъ словъ на семи языкахъ, какъ-то на Казанско-Татарскомъ. Черемисскомъ,

[1]) См. объ этомъ словарѣ (съ большими выдержками изъ него): Н. Поповъ, «В. Н. Татищевъ и его время». М. 1861, стр. 583—85.

Чувашск., Вотяцк., Мордовск., Пермск. и Зырянскомъ, и приобщеннымъ переводомъ *Отче Нашъ* на Черем. и Чув. яз. (Соч. по возвращеніи его въ 1743 г. изъ Камчатской экспедиціи). Въ Спб. Иждивеніемъ Имп. Акад. Наукъ. 1791". 8°. 4 ненум. листа, 99+2 стр. (8 листовъ съ гравюрами).

Сопоставленіями словъ изъ разныхъ финскихъ языковъ занимается и академикъ Фишеръ во введеніи къ своей „Sibirische Geschichte" (т. I. Спб. 1768), гдѣ находимъ, напр., слово „Богъ" и 12 числительныхъ на венгерскомъ, вогульскомъ, иртышско-остяцкомъ, вотяцкомъ, черемисскомъ и финскомъ языкахъ (стр. 133); ниже (стр. 162—65) приводятся 24 слова на венгерскомъ, вогульскомъ, иртышско-остяцкомъ, пермяцкомъ, вотяцкомъ, мордовскомъ и финскомъ языкахъ. Слова эти составляютъ только небольшую часть лексическаго матеріала, собраннаго имъ въ Сибири по инородческимъ языкамъ и доставшагося Геттингенскому историческому институту (см. выше, стр. 220). На основаніи своихъ сопоставленій Фишеръ утверждалъ (вполнѣ правильно), что венгерскій языкъ долженъ находиться въ родствѣ съ чудскими, т. е. финскими языками: „Ich halte nicht dafür, dass jemand die abstammung der Tschudischen sprachen von einer allgemeinen mutter (съ венгерскимъ) in zweifel ziehen wird (стр. 166)". Послѣ ряда лингвистическихъ сближеній онъ говоритъ (стр. 171): „Hieraus erhellet nun die übereinstimmung der Tschudischen, Tatarischen (!) und Üschtäkischen sprachen mit der Ungrischen". Сходство это „gehet durch die ganze Sprache" и потому не можетъ быть случайно, напротивъ доказываетъ коренное родство названныхъ языковъ между собою. Не лишены интереса и заключительныя слова его введенія, свидѣтельствующія объ рѣдкой для того времени осторожности (стр. 174): Bei dem allen gebe ich gerne zu, dass die etymologie für sich allein nicht zureicht, die verwandtschaft der sprachen auszumachen; wenn sie aber von der geographie und der historie der alten und mitlern zeiten, wie auch von den gemeinschaftlichen sitten und gewohnheiten der völker unterstützt wird, so kann mann, meines erachtens einen gegründeten schluss von einem auf das andere machen".

Въ концѣ 70 и началѣ 80-хъ гг. XVIII в. дѣлалъ наблюденія надъ финскими языками (около Вологды и Галича) академикъ Эрикъ Лаксманъ, путешествовавшій въ 1779 г. по озерному краю. Въ письмѣ своемъ къ архіепископу Меннандеру онъ указываетъ на близкое родство языковъ: вотскаго, чувашскаго (?!), черемисскаго, вогульскаго, остяцкаго и финскаго, отзываясь при этомъ неодобрительно о печатныхъ грамматикахъ вотяцкаго и чуваш-

скаго языковъ, вышедшихъ „незадолго передъ этимъ“ (въ 1775 и 1769 гг.). По его словамъ, онѣ составлены „согласно съ русскимъ языкомъ“, и „финнъ открылъ бы больше внутренняго сходства“ между этими языками, чего совсѣмъ не сдѣлалъ русскій ихъ авторъ [1]).

Наконецъ извѣстное количество лексическаго матеріала находимъ у другого академическаго путешественника XVIII в., I. П. Фалька. Въ III томѣ описанія его путешествія по Россіи („Herrn Johann Peter Falk Professor der Kräuterkunde beym Garten des Russisch-Kayserlich. Medizinischen Kollegiums, auch Mitglieds der freyen Oekonomischen Societät in S.-Petersburg Beyträge zur Topographischen Kenntniss des Russichen Reichs. T. III. Beyträge zur Thierkenntniss und Völkerbeschreibung. Спб. 1786. 4°. Sechste Abtheilung: Beyträge zur Kenntniss der Nazionen Russlands, стр. 453—582) находимъ названія остяцкихъ мѣсяцевъ (стр. 465) и сравнительный глоссарій остяцкаго съ черемисскимъ, финскимъ и вотяцкимъ (стр. 467—471).

Большая часть работъ по угро-финскимъ языкамъ падаетъ на вторую половину XVIII в. и особенно на послѣднюю его четверть. Такъ работы по изученію мордовскаго языка не восходятъ далѣе 1785 г. [2]) Къ этому именно времени вѣроятно относится русско-мордовскій словарь 2-й половины XVIII в., принадлежащій Имп. публ. библіотекѣ (поступилъ изъ Эрмитажной, № 220). По своему внѣшнему виду онъ одинаковъ съ упоминавшимися выше (стр. 410 и 432) калмыцкимъ и чувашскимъ словарями. Онъ довольно обиленъ матеріаломъ (около 20 словъ на страницу, при объемѣ въ 65 листовъ въ четвертку, что составляетъ около $2^1/_2$ тысячъ словъ) и вѣроятно, какъ и названные выше словари, служилъ источникомъ для сравнительнаго словаря Екатерины II. Мордовскія слова изображены въ немъ русскими буквами съ обозначеніемъ удареній. Кромѣ того довольно богатый запасъ лексическаго матеріала по мордовскому языку содержитъ упомянутый уже выше (стр. 420 и 426)

---

[1]) См. В. Лагусъ. Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. Со шведскаго перевелъ Э. Паландеръ. Изд. Имп. акад. наукъ. Спб. 1890, стр. 341—42.

[2]) Сдѣланное до этого времени совсѣмъ незначительно. Такъ въ VII т. «Sammlung Russischer Geschichte» (erstes und zweites Stück. 1762) академикъ Миллеръ напечаталъ «Auszug aus D. Gottlob Schobers bisher noch ungedrucktem Werke: Memorabilia Russico-Asiatica», въ которомъ (стр. 44) приводятся мордовскія числительныя (10).

Въ «Sibirische Geschichte» академика Фишера (ч. I, введеніе, стр. 162—65) также приводится небольшое число мордовскихъ словъ (всего 24), параллельно съ примѣрами изъ другихъ финскихъ языковъ

пятиязычный словарь инородческихъ языковъ Поволжья, составленный въ 1785 г. при Нижегородской семинаріи подъ надзоромъ епископа Дамаскина.

Нѣсколько матеріаловъ по мордовскому языку, восходящихъ къ XVIII в., представляетъ и коллекція лингвистическихъ записей Аделунга, составляющая нынѣ собственность Имп. публ. библіотеки. Здѣсь находимъ рядъ переводовъ на мордовскій и собраній лексическаго матеріала. Всѣ эти рукописные матеріалы возникли при Нижегородской духовной семинаріи, очевидно, благодаря помянутому выше почину епископа Дамаскина. Сюда относятся:

1) „Краткій катихисисъ переведенный на мордовскій языкъ съ наблюденіемъ россійскаго и мордовскаго просторѣчія, ради удобнѣйшаго онаго познанія воспріявшихъ святое крещеніе. 1788-го года (33 стр. 4°)". Русскій текстъ и мордовскій (въ русской транскрипціи, съ обозначеніемъ ударенія) стоятъ здѣсь рядомъ. Въ концѣ надпись: „переводилъ на мордовской языкъ Нижегородской семинаріи богословіи слушатель Иванъ Тиховъ, природой изъ мордвы".

2) Къ этому же времени относится собраніе числительныхъ и фразъ съ переводомъ на мордовскій, озаглавленное: „Рѣчи для переводу на мордовской языкъ" (4 стр. in 4°). Въ концѣ находится приписка: „переводилъ нижегородской семинаріи богословіи и философіи слушатель Іванъ Тиховъ". Рукопись эта очевидно одного времени съ только что приведеннымъ катихизисомъ (№ 1), который былъ переведенъ тѣмъ же Иваномъ Тиховымъ. На послѣдней (чистой) страничкѣ рукописи имѣется помѣта на франц. языкѣ о полученіи ея (Бакмейстеромъ) 12 декабря 1789 г., вмѣстѣ съ письмомъ епископа Дамаскина.

3) „Священная исторія краткими вопросами и отвѣтами сочиненная и переведенная на мордовской языкъ 1790 г., марта 14 дня (85 стр. in 4°)". Въ концѣ надпись: „переводилъ богословіи и философіи слушатель Семенъ Березовскій" [1]).

4) Переводъ „Символа вѣры" на мордовскій: „На мордовскомъ переводѣ" (2 стр. in 4° на церковносл. и мордовскомъ языкахъ). Въ концѣ—надпись: „перевелъ риторики ученикъ григорій нововеровъ". Рукою Бакмейстера (?) сдѣлана помѣта о полученіи рукописи „генваря 16 дня 1791 г." [2]).

---

[1]) Семенъ Березовскій—вѣроятно воспитанникъ Нижегородской семинаріи, какъ это видно изъ надписи на другой его работѣ (см. выше, стр. 428).

[2]) Дата полученія этого текста одинакова съ аналогичной датой нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ лингвистическихъ матеріаловъ, присланныхъ не-

5) Собраніе русско-мордовскихъ вокабулъ, раздѣленное на 130 уроковъ: „Слова взятые изъ разговоровъ для переводу на мордовской языкъ“ (72 стр. in 4°). Въ концѣ—надпись: „переводилъ съ россійскаго на мордовской языкъ богословіи и философіи слушатель григорій симилейскій“.

6) Второй переводъ Символа вѣры, озаглавленный: „Символъ вѣры переведенъ на мордовской языкъ (3 стр. въ четвертку на церковно-славянскомъ и мордовскомъ языкахъ)“. Въ концѣ ея надпись: „Переводилъ богословіи и философіи Слушатель Григорій Симилейскій“. Обѣ послѣднія рукописи конца XVIII в. и вѣроятно ведутъ свое происхожденіе также изъ Нижегородской семинаріи.

По черемисскому языку во второй четверти XVIII в. имѣлись только рукописныя собранія преимущественно лексическаго матеріала Миллера (см. выше, стр. 439) и Кондратовича (см. выше, стр. 440). Въ началѣ второй половины XVIII в. является печатная статья Миллера же „Описаніе трехъ языческихъ народовъ въ Казанской губерніи, а именно черемисовъ, чувашей и вотяковъ“, напечатанная въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ за 1756 г. (іюль, стр. 33—64, августъ, стр. 119—145). Свѣдѣнія о черемисскомъ языкѣ здѣсь, впрочемъ, довольно скудны и заключаются лишь въ главѣ V-й „о языкахъ, художествахъ и наукахъ“ названныхъ народовъ (стр. 53—60). Здѣсь указывается на сходство черемисскаго съ вотяцкимъ и пермскимъ, говорится о двухъ нарѣчіяхъ черемисъ, нагорныхъ и луговыхъ, и приводятся примѣры разныхъ словъ, географическихъ названій и т. п. Въ главѣ VIII перечисляются главныя собственныя имена черемисовъ.

Въ нѣмецкомъ изданіи этой статьи („Sammlung russischer Geschichte, т. III. Viertes Stück. Спб. 1759) находится уже сравнительный словарикъ разныхъ инородческихъ языковъ, въ томъ числѣ и черемисскаго (стр. 382—409), а также переводъ на него молитвы Господней (стр. 410).

Десять черемисскихъ словъ приводятся въ изданномъ Г. Ф. Миллеромъ „Auzug aus D. Gottlob Schobers bisher noch ungedrucktem Werke: Memorabilia Russico-Asiatica“ (см. „Sammlung russischer Geschichte“, т. VII. erstes und zweites Stück. Спб. 1762, стр. 47).

Небольшое количество словъ (12 числительныхъ, слово „Богъ“ и 24 другихъ слова) приводитъ также академикъ Фишеръ

сомнѣнно изъ Нижегородской епархіи (см. напр. стр. 433—4, № 4 и 5), а потому надо думать, что и данный переводъ сдѣланъ въ Нижегородской духовной семинаріи.

(введеніе къ его „Sibirische Geschichte“, т. I. Спб. 1768, стр. 133, 162—65). Лексическій матеріалъ по черемисскому языку долженъ также находиться въ его матеріалахъ для словаря сибирскихъ инородческихъ языковъ, пожертвованныхъ имъ Геттингенскому историческому институту (см. выше, стр. 220).

Къ началу 70-хъ гг. XVIII в. вѣроятно относится рукописное собраніе словъ на черемисскомъ, вотяцкомъ и пермяцкомъ языкахъ, находящееся въ составѣ лингвистической коллекціи Аделунга (нынѣ въ Имп. публ. библ.) и помѣченное: „Aus Pallas Papieren“. Оно озаглавлено по нѣмецки: „Wörter Sammlung der Tscheremissischen und Wotjakischen Sprache aus dem Krasnoufimskischen Gebiet und der Permischen Sprache, aus dem Tscherdenzkischen Kreise (Чердынскій у.?)“. Собраніе это содержитъ въ себѣ 286 русскихъ словъ, переведенныхъ на упомянутые въ заглавіи языки (12 стр. формата въ поллиста писчей бумаги). Инородческія слова изображены русскими буквами.

Въ 1775 г. является первая у насъ печатная грамматика черемисскаго языка, составленная неизвѣстнымъ авторомъ: „Сочиненія, принадлежащія къ Грамматикѣ Черемисскаго языка. Спб. при Имп. Акад. Наукъ“. 4°. 2 ненум. + 136 нум. стр. (Библ. Спб. Унив. и Имп. Публ.). Составленіе этой грамматики такъ же, какъ и одновременно съ нею вышедшей, тоже анонимной вотяцкой грамматики (подробное заглавіе ея см. ниже), приписываемой архіепископу Казанскому Веніамину Пуцеку-Григоровичу (р. 1706 † 1782), должно быть также приписано названному іерарху, чего впрочемъ цитированныя выше (стр. 431, прим. 1) библіографическія пособія не дѣлаютъ.

Вѣроятности этого мнѣнія мы уже касались выше (стр. 431), когда шла рѣчь объ аналогичной грамматикѣ чувашскаго языка. Планъ и общій характеръ данной грамматики почти таковъ же, какъ у болѣе ранней чувашской, и совершенно подобенъ вотяцкой. И здѣсь встрѣчаемъ стремленіе соединить картину формальнаго строя языка съ представленіемъ его лексическаго запаса. Сначала слѣдуетъ отдѣлъ „О имени“ (стр. 1—45), въ которомъ находимъ перечень именъ прилагательныхъ, занимающій 2 страницы; затѣмъ идетъ глава о числительныхъ съ перечнемъ ихъ (стр. 46—48) и отдѣлъ о мѣстоименіяхъ (стр. 48—54). Послѣ грамматика прерывается, и слѣдуютъ черемисско-русскія вокабулы (стр. 54—72), раздѣленныя на 15 главъ (о человѣкѣ, членахъ человѣческихъ, землѣ, земледѣліи, овощахъ, пищѣ, древахъ, ползающихъ, птицахъ, пчелахъ, звѣряхъ, скотѣ, домѣ, водѣ и рыбѣ). За вокабулами опять слѣдуетъ глава о глаголѣ (о родѣ или залогѣ, наклоненіи, вре-

менахъ), образцы спряженія и перечень глаголовъ (стр. 124—131). Въ концѣ книги находимъ главы о предлогѣ и нарѣчіи (перечень послѣднихъ на стр. 131—135), о союзахъ и междометіи. Черемисскія слова изображены русскими буквами, причемъ для взрывнаго г употребленъ знакъ латинск. *g*, какъ въ выше разсмотрѣнной анонимной чувашской грамматикѣ 1769 г. Удареніе также обозначено.

Вѣроятно ко времени около 1785 г. относится рукописный „Словарь языка Черемискаго", принадлежащій Импер. Публ. библіотекѣ, куда онъ поступилъ изъ Эрмитажной (№ 216). Онъ принадлежитъ къ той же серіи одинаковыхъ по внѣшнему виду инородческихъ словарей, нѣкоторые представители которой уже упоминались выше, и вѣроятно, долженъ былъ служить матеріаломъ для сравнит. словаря Екатерины II. Онъ довольно богатъ по своему объему (около 3000 словъ, считая по 21 слову на страницу, при 73 листахъ формата in 4°). Словарь этотъ—русско-черемисскій, и черемисскія слова въ немъ изображаются русскими буквами, причемъ удареніе всегда обозначается.

Къ тому-же времени вѣроятно относится другой подобный-же русско-черемисскій словарь Имп. Публ. библіотеки, поступившій въ нее также изъ Эрмитажной (№ 218). Онъ озаглавленъ „Словарь Черемисскаго языка съ россійскимъ переводомъ" и заключаетъ въ себѣ 246 листовъ, формата въ поллиста писчей бумаги. По своему объему онъ еще богаче только что упомянутаго словаря и содержитъ въ себѣ по приблизительному разсчету (по 13 словъ на страницу—обычное число въ данной рукописи) около 6000 словъ. Черемисскія слова и здѣсь изображены русскими буквами, причемъ удареніе вездѣ обозначено. И этотъ словарь вѣроятно долженъ былъ находиться въ связи съ сравнит. словаремъ Екатерины II.

Кромѣ того довольно большое количество лексическаго матеріала по черемисскому языку имѣется въ упоминавшемся уже выше (стр. 420 и 426) пятиязычномъ словарѣ инородческихъ языковъ Поволжья, составленномъ въ 1785 г. подъ руководствомъ Нижегородскаго епископа Дамаскина-Руднева.

Извѣстное количество черемисскихъ словъ находимъ также въ описаніи путешествія по Россіи Фалька (см. выше, стр. 443) въ его сравнительномъ глоссаріи нѣсколькихъ финскихъ языковъ.

Лингвистическій матеріалъ по черемисскому языку имѣется и въ цитированномъ не разъ выше посмертномъ трудѣ Г. Ф. Миллера: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ" и т. д. (Спб. 1791 г.).

Матеріалы по вотяцкому языку во второй четверти XVIII в. собирали тѣ-же Г. Ф. Миллеръ и Киріакъ Кондратовичъ, упоминавшіеся выше (см. стр. 439—40). Кромѣ рукописныхъ „вокабуляріумовъ" и „дикціонеровъ", собранныхъ названными дѣятелями, лексическіе матеріалы по вотяцкому языку имѣются также въ упомянутыхъ выше печатной статьѣ Миллера въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ" 1756 г. (іюль, августъ) и ея позднѣйшемъ, умноженномъ изданіи 1791 г. (см. выше стр. 441—42).

Въ лингвистической коллекціи Аделунга, принадлежащей Имп. публ. библіотекѣ, работъ по вотяцкому языку почти не встрѣчаемъ если не считать небольшого собранія словъ (числомъ 285) изъ нѣсколькихъ финскихъ языковъ нашего уральскаго края, озаглавленнаго „Wörter-Sammlung der Tscheremissischen und Wotjäkischen Sprache aus dem Krasnoufimskischen Gebiet und der Permischen Sprache, aus dem Tscherdeazkischen Kreise". Рукопись эта (12 стр. въ поллиста) происходитъ изъ бумагъ Палласа и т. о. относится вѣроятно къ началу 70-хъ гг. XVIII в., когда Палласъ собиралъ образцы языковъ для Бакмейстера (см. выше, стр. 223). Вотяцкія слова изображены здѣсь русскими буквами, въ первой графѣ стоитъ русское значеніе, а затѣмъ слѣдуютъ инородческія слова.

Важнѣйшимъ явленіемъ въ области литературы XVIII в., посвященной изученію вотяцкаго языка, слѣдуетъ, конечно, признать первую печатную его грамматику, вышедшую въ 1775 г. подъ заглавіемъ: „Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Спб. При Имп. Академіи наукъ" (4°. 1 неп. листъ + 113 нум. стр. Имп. публ. библ.). Составленіе ея также, какъ и подобной ей первой печатной грамматики чувашскаго языка (см. выше, стр. 431), приписывается Веніамину Пуцеку-Григоровичу, архіепископу казанскому. Расположеніе матеріала въ ней совершенно одинаково съ современной ей черемисской грамматикой 1775 г., разсмотрѣнной выше (стр. 446). Транскрипція вотяцкихъ словъ русскими буквами также вполнѣ тожественна съ транскрипціей, примѣненной въ чувашской грамматикѣ 1769 г. и только что названной черемисской 1775. И здѣсь также, вмѣсто русскаго г, употребляется латинское g, для обозначенія заднеязычнаго звонкаго взрывного, что́ указываетъ на малорусское происхожденіе составителя грамматики. Такъ-же, какъ въ чувашской и черемисской грамматикахъ 1769 и 1775 гг., и здѣсь составитель стремился дать не только изображеніе формальнаго строя избраннаго имъ языка, но и его лексическаго состава. Этимъ объясняется присутствіе въ ней длинныхъ перечней словъ по разнымъ частямъ рѣчи, перечней, которые имѣли цѣлью дать нѣкоторый сур-

рогатъ краткаго словаря наиболѣе употребительныхъ словъ вотяцкаго языка. Въ началѣ грамматики находимъ главу о склоненіи, съ парадигмами его (стр. 1—13). За нею, какъ въ черемисской грамматикѣ (см. выше, стр. 446), слѣдуетъ перечень вотяцкихъ именъ существительныхъ съ русскимъ переводомъ, размѣщенныхъ въ видѣ вокабулъ по отдѣльнымъ главамъ (о человѣкѣ, о членахъ человѣческихъ, о землѣ, земледѣліи, пищѣ, питіи, древахъ, ползающихъ, летающихъ птицахъ, пчелахъ, звѣряхъ, скотѣ, домѣ и вещахъ, водѣ, рыбѣ). Перечень этотъ занимаетъ стр. 13—36. За нимъ слѣдуютъ отдѣлы: объ именахъ прилагательныхъ (съ перечнемъ ихъ на стр. 36—40), объ именахъ числительныхъ (перечень, стр. 40—41), о склоненіи мѣстоименій (стр. 41—46) и спряженіе глаголовъ (стр. 47—97). Дальше находимъ опять перечень глаголовъ (стр. 97—108), за которымъ слѣдуютъ главы: о нарѣчіи (перечень нарѣчій: стр. 108—112), о междометіи и предлогѣ (112—113), также съ небольшими перечнями. Вотяцкія формы вездѣ переданы русскими буквами съ обозначеніемъ ударенія.

Кромѣ только что указанныхъ работъ, мы имѣемъ еще два рукописныхъ, довольно объемистыхъ труда, посвященныхъ вотяцкому языку. Первый изъ нихъ—русско-вотяцкій словарь—находится въ Имп. публ. библіотекѣ, въ которую онъ поступилъ изъ Эрмитажной библіотеки (№ 219). Словарь этотъ тожественъ во внѣшнемъ отношеніи съ упоминавшимися уже выше словарями калмыцкимъ, чувашскимъ и черемисскимъ (№№ 216, 221, 222; см. выше, стр. 410, 432, 447) и писанъ одинаковымъ съ ними почеркомъ и на одинаковой бумагѣ. Подобно имъ, онъ вѣроятно относится къ 1785 г., когда, по Высочайшему повелѣнію, въ разныхъ мѣстахъ Россіи явился рядъ словарей, долженствовавшихъ служить матеріалами для сравнительнаго словаря Екатерины II. Онъ озаглавленъ „Словарь языка Вотскаго“ и содержитъ, по приблизительному разсчету, болѣе 2800 словъ на 78 листахъ in 4° (считая по 19 словъ на страницу). Вотяцкія слова изображены русскими буквами, съ обозначеніемъ ударенія.

Вѣроятно около этого же времени возникла интересная рукописная вотяцкая грамматика, принадлежащая теперь библіотекѣ Имп. академіи наукъ и хранящаяся въ рукописномъ отдѣлѣ I-го отдѣленія названной библіотеки (шифръ: 32. 3. 7.), Она озаглавлена: „Краткой Отяцкія грамматики опытъ“ и писана на 56 л. in 4°. На оборотѣ заглавнаго листа—надпись: „принадлежитъ къ числу книгъ библіотеки семинаріи вятской яко истинный плодъ семинаріи воспитанника вотяцкихъ новокрещенныхъ училищъ села Упану священника Михаила Могилина“. Внизу этой замѣтки, под-

пись игумена Адама Крестовоздвиженскаго, профессора философіи и префекта вятской семинаріи, отъ 21 окт. 1786 г., опредѣляющая время поступленія данной рукописи въ библіотеку вятской семинаріи. Трудъ этотъ посвященъ архіепископу вятскому Лаврентію, и въ немъ упоминается латинская грамматика В. Лебедева, вышедшая въ 1762 г., которой составитель пользовался, какъ пособіемъ для построенія грамматической системы своего труда. Такимъ образомъ, время возникновенія ея нужно помѣстить между 1762 и 1786 гг. и, вѣроятнѣе всего ближе къ послѣднему изъ приведенныхъ годовъ. Возможно, что побудительной причиной составленія разсматриваемой грамматики былъ тотъ Высочайшій указъ провинціальнымъ архіереямъ 1784 г., который вызвалъ словарь Дамаскина (см. выше, стр. 426) и рядъ другихъ инородческихъ словарей. Грамматикѣ предпослано обращеніе къ читателю, характеризующее взгляды самого автора ея, происходившаго, очевидно, изъ вотяковъ, и интересное, как проблескъ научныхъ интересовъ въ дикой глуши далекаго полуязыческаго вотскаго края.

Авторъ сразу указываетъ на чисто научную цѣль своего труда: „причина сего малаго предпріятія не иная какая, какъ толко чтобы извѣстнаго въ свѣтѣ отяцкаго народа неизвѣстный языкъ ученому свѣту былъ извѣстенъ; чтобъ любопытству позднѣйшихъ потомковъ древность осталась соблюденною, чтобъ увидѣлъ свѣтъ, какими пространное Россійское Государство наполнено народами, чтобъ любопытные трудолюбцы видѣли сколь много еще ихъ разуму и любопытству предлежитъ предмѣтовъ“. Далѣе онъ выясняетъ пользу „отъ изданія въ свѣтъ не только просвѣщенныхъ, но и варварскихъ языковъ“: „чрезъ то умножаются науки, исторія и древность все скрывающая не исчезаетъ, политическіе правительствъ дѣла съ лутчимъ производятся успѣхомъ, а между тѣмъ невѣжество и варварство исчезаетъ“. Авторъ спрашиваетъ затѣмъ: „гдѣ жъ тѣхъ безчисленныхъ языковъ множества, которыя возникли при столпотвореніи вавилонскомъ: древность и время все пожирающее въ себѣ сокрыли, а которые языки намъ нынѣ извѣстны, то не почему иному, какъ толко что жившіе въ свое время разумные люди насъ тѣмъ сокровищемъ одаря вѣчно одолжили.... Издаются безчисленные разные сочиненія на разныхъ языкахъ, какъ напр. на французскомъ и со удоволствіемъ принимаются. Здѣсь же не иное что, какъ едны только языка черты и выраженія цѣлаго народа изображаются, и какъ ихъ надлежитъ произносить представляется кратко... Не сумнѣваюсь что отъ разумныхъ людей не былъ благосклонно принятъ въ нѣкоторомъ порядкѣ представляемый языкъ такого народа, которой внутри

общества нашего и государства обитаетъ и издревле Россійской державѣ вѣрноподданный, по христіанству благословенный, по простотѣ своей и трудолюбію благополучный, и здравый, отъ хищничества, отъ лукавства, отъ гордости, отъ честолюбія отдаленный, достойный всякой любви и призрѣнія". Кромѣ научныхъ цѣлей, авторомъ руководилъ и патріотическій долгъ, побуждавшій его сохранить позднѣйшимъ потомствамъ вотяцкаго народа его сѣдую древность, чтобы она впослѣдствіи была имъ понятна, благодаря знанію древнего языка.

Не лишена интереса и дальнѣйшая судьба этой рукописи, живо иллюстрирующая отношеніе окружающей среды къ подобнымъ рѣдкимъ проблескамъ научной мысли, тамъ и сямъ загоравшимся въ безпросвѣтной тьмѣ нашего вѣковаго невѣжества, не разсѣянной и понынѣ. Какъ видно изъ надписи на рукописи, она была куплена въ 1864 г. на толкучемъ рынкѣ въ Казани. вмѣстѣ съ другими рукописями, уже изорванными, извѣстнымъ профессоромъ тамошняго университета В. И. Григоровичемъ, и отъ него уже пріобрѣтена академіей, согласно отзыву академика Видемана. Была-ли эта рукопись похищена изъ библіотеки вятской семинаріи или выкинута, какъ ненужный хламъ, во всякомъ случаѣ характерно для исторіи нашего просвѣщенія, что только счастливая случайность сохранила потомству имя безвѣстнаго священника Михаила Могилина, въ душѣ котораго теплился огонекъ безкорыстнаго научнаго интереса, очевидно, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ окружавшей его общественной среды.

Въ связи съ сравнительнымъ словаремъ Екатерины II находится нѣсколько рукописныхъ вотяцкихъ глоссаріевъ изъ бумагъ Палласа, хранящихся во II отдѣленіи библіотеки академіи наукъ, въ составѣ коллекціи лингвистическихъ матеріаловъ покойнаго академика Шёгрена [1]). Таковъ:

1) вотяцкій „вокабулярій", заключающій въ себѣ 284 разныхъ словъ и числительныхъ (тѣ же, что въ словарѣ Екатерины II) и обнимающій 4 стр. въ поллиста (см. рукописный каталогъ коллекціи Шёгрена, составленный Лерхомъ и принадлежащій библіотекѣ академіи: „Register zu Sjögren's handschriftlichem Nachlass, verfertigt von Lerch", бумаги Палласа, стр. 96 и сл., № 133);

2) аналогичный „Переводъ Учиненной въ вятскомъ намѣстни-

[1]) О существованіи этой цѣнной для исторіи языкознанія въ Россіи коллекціи я узналъ, къ сожалѣнію, уже по отпечатаніи предыдущихъ листовъ своего очерка и могъ воспользоваться имѣющимся въ ней матеріаломъ лишь отчасти.

ческомъ правленіи вотского разговора 286-ти словъ по неимѣнію у нихъ никакихъ буквъ написано россійскими буквами“ (10 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, тамъ же, № 135);

3) „По вотски“ (сличеніе разныхъ лексическихъ варіантовъ въ матеріалахъ, присланныхъ отъ архіепископа Казанскаго и изъ вятскаго намѣстничества; 4 стр. въ поллиста. Каталогъ Лерха, тамъ же, № 135);

4) оригиналъ цитированнаго выше (стр. 448) собранія 286 словъ на черемисскомъ, вотяцкомъ и пермяцкомъ языкахъ изъ Красноуфимскаго и Чердынскаго округовъ, скрѣпленнаго подписью секретаря [1]) Никиты Овчинникова (12 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, тамъ же, № 113);

5) аналогичный черемисско-чувашско-мордовско-вотяцкій „вокабулярій“ (каталогъ Лерха, тамъ же, № 111).

Небольшое количество вотяцкихъ словъ встрѣчаемъ еще въ сравнительномъ глоссаріи нѣкоторыхъ финскихъ языковъ, напечатанномъ въ „Beyträge zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reichs“ проф. Фалька (см. выше, стр. 443).

По зырянскому и пермяцкому языкамъ во второй четверти XVIII в. собиралъ лексическіе матеріалы одинъ Г. Ф. Миллеръ, пославшій въ 1735 г. въ сенатъ изъ города Енисейска „вокабуляріумъ“ двухъ томскихъ татарскихъ діалектовъ, остяцкаго и зырянскаго языковъ [2]). Небольшое количество пермяцкихъ словъ приводитъ также во введеніи къ своей „Sibirische Geschichte“ (ч. I. 1768) путешествовавшій по Сибири въ одно время съ Миллеромъ академикъ Фишеръ (см. выше, стр. 442). Затѣмъ болѣе крупныя работы по названнымъ языкамъ появляются лишь не ранѣе начала 70-хъ годовъ XVIII в. Такъ въ началѣ 70-хъ годовъ XVIII в. собиралъ матеріалы по зырянскому и пермяцкому языкамъ нашъ академикъ И. И. Лепехинъ, путешествовавшій съ научной цѣлью по сѣверо- и юго-восточной Россіи. Въ дневникѣ его путешествія [3]) находимъ 50 пермскихъ словъ (ч. III, стр. 196—197), переводъ обѣдни на зырянскій языкъ (съ русскимъ текстомъ en regard, тамъ-же, стр. 242—49), собраніе зырянскихъ словъ и

---

[1]) Званіе это опредѣляется надписью на другомъ рукописномъ сборникѣ (вогульскихъ словъ, каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 130): «съ подлинными свѣрялъ секретарь Никита Овчинниковъ».

[2]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ», т. VIII стр. 198.

[3]) «Дневные записки путешествія Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Росс. Государства въ 1767—71 гг.», 3 части. Спб. 4°, 1771, 1772 и 1780 гг.

фразъ (тамъ-же, стр. 250—59) и зырянскія числительныя или „щотъ“ (тамъ-же, стр. 260). Матеріалы, собранные Лепехинымъ, являются первыми болѣе крупными печатными памятниками научнаго интереса къ названнымъ языкамъ у насъ въ XVIII в. (указанные выше матеріалы Фишера слишкомъ незначительны).

Кромѣ того, въ лингвистической коллекціи Аделунга, принадлежащей нынѣ Имп. публ. библіотекѣ, находятся два рукописныхъ сборника словъ инородческихъ языковъ, въ томъ числѣ и зырянскаго съ пермяцкимъ, относящіеся очевидно къ половинѣ 80-хъ гг. XVIII в. и принадлежащіе къ матеріаламъ для сравнительнаго словаря Екатерины II:

1) русско-зырянско-самоѣдско-вогульскій глоссарій, попавшій къ Бакмейстеру или Аделунгу изъ бумагъ Палласа, какъ свидѣтельствуетъ надпись на немъ „Aus Pallas Papieren“. Онъ озаглавленъ по нѣмецки кѣмъ-нибудь изъ позднѣйшихъ обладателей его: „Wörter-Sammlung aus der sürjänischen, samojedischen und Manskischen Sprache“ и содержитъ въ себѣ 286 словъ и числительныхъ (на 12 стр. въ поллиста писчей бумаги). Инородческія слова переданы русской транскрипціей.

2) совершенно аналогичное собраніе словъ черемисскихъ, вотяцкихъ и пермяцкихъ, озаглавленное такъ-же по-нѣмецки (Бакмейстеромъ или Аделунгомъ): „Wörter-Sammlung der Tscheremissischen und Wotjäkischen Sprache aus dem Krasnoufimskischen Gebiet und der Permischen Sprache, aus dem Tscherdenzkischen Kreise“ (286 словъ и числительныхъ, на 12 стр. въ поллиста). На рукописи—помѣта: Aus Pallas Papieren. Русское значеніе здѣсь стоитъ впереди, и инородческія слова (изображенныя русскими буквами) слѣдуютъ за нимъ. Другой экземпляръ этого собранія (точнѣе—оригиналъ) находится среди бумагъ Палласа, въ упомянутой выше коллекціи Шёгрена (см. каталогъ коллекціи, составл. Лерхомъ, стр. 96 и сл., № 113).

Въ только что названной коллекціи имѣется еще собраніе 286 словъ и числительныхъ, озаглавленное „Зырянской языкъ“ (9½ стр. въ поллиста, транскрипція русскими буквами; см. каталогъ Лерха, стр. 96 и сл.. № 100).

Къ 1785 г. относится первый болѣе обширный словарь пермяцкаго языка, принадлежащій къ лингвистической коллекціи Аделунга (Имп. публ. библ.). Онъ носитъ слѣдующее заглавіе: „Краткой Пермской Словарь съ Россійскимъ Переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный Города Перми Петро-Павловскаго Собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ 1785 г.“ (31 стр. въ поллиста). Два списка этого словаря имѣются также

въ Шёгреновской коллекціи лингвистическихъ матеріаловъ во II-мъ отдѣленіи библіотеки Имп. академіи наукъ.

Наконецъ, лексическій матеріалъ по зырянскому и пермяцкому языкамъ имѣется въ приложеніяхъ къ цитированному уже выше (стр. 441) посмертному труду Г. Ф. Миллера: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ" (Спб., 1791).

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II оба названные языка (точнѣе діалекта) представлены особой рубрикой: „по зырянски" (№ 59, въ „числахъ"—№ 65) и „по пермякски" (№ 60, въ „числахъ"—№ 66).

Нѣкоторое количество матеріала было собрано и по западнофинскимъ языкамъ. Въ составѣ коллекціи Аделунга (Имп. публ. библ.) до насъ дошло нѣсколько записей по ливскому и эстонскому языкамъ, сдѣланныхъ остзейскими пасторами для Бакмейстера и доставшихся послѣ Аделунгу. По первому имѣются двѣ записи: 1) „Liewische Sprachprobe in Kurland", содержащая (на 4 стр. въ поллиста) ливскія числительныя и фразы съ нѣм. переводомъ. Собиралъ ихъ пасторъ Лудвигъ въ Курляндіи. На рукописи—помѣта Бакмейстера о полученіи ея вмѣстѣ съ письмомъ суперинтендента Штуна (Stuhn) 9 января 1774. 2) „Uebersetzung folgender Sachen aus dem Deutschen ins Liwische bei Salis" (2 стр. въ поллиста: числительныя, фразы, нѣсколько словъ). Собирателемъ былъ пасторъ въ Салисѣ, Іог. Бурхардъ. Рукопись помѣчена 1 авг. 1774 г.

Болѣе объемистый матеріалъ по эстонскому доставилъ Бакмейстеру пасторъ Штупель изъ Ревеля. Его рукопись озаглавлена: „Des zum Uebersetzen bekanntgemachten Aufsatzes Uebersetzung in den revalschen Dialekt der ehstnischen Sprache" и содержитъ (на 43 стр. in 4°) введеніе объ эстахъ и ихъ языкѣ, числительныя, фразы, рядъ замѣчаній по грамматикѣ, парадигмы и т. д.

Нѣсколько собраній лексическаго матеріала по эстонскому представляютъ и бумаги Палласа, входящія въ составъ лингвист. коллекціи Шёгрена (II отдѣл. библіотеки Имп. акад. наукъ) и составлявшія матеріалъ для сравнительнаго словаря Екатерины II. Таковы:

1) „Собраніе россійскихъ словъ съ эстляндскимъ переводомъ" (286 словъ и числительныхъ на 14 съ небольшимъ стр. въ поллиста; рукоп. конца XVIII в.; эстонскія слова изображены латинскими буквами и русской транскрипціей. Каталогъ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96 и слѣд. „Бумаги Палласа", № 38).

2) Списокъ 286 эстонскихъ словъ и числительныхъ (безъ русскаго значенія; 5 съ небольшимъ стр. въ поллиста; транскрипція

русскими буквами съ обозначеніемъ ударенія. Каталогъ Лерха, стр. 96 и сл.: „Бумаги Палласа", № 39).

3) Собраніе 286 словъ и числительныхъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ переводомъ: „по лифляндски" и „по эстляндски". Эстонскія слова переданы нѣмецкой и русской транскрипціей (31 стр. въ поллиста). Къ собранію приложено примѣчаніе объ употребленіи названныхъ языковъ, согласно которому „лифляндскій" употребляется въ уѣздахъ рижскомъ, венденскомъ, вольмарскомъ, и валкскомъ, а „эстляндскій"—въ уѣздахъ деритскомъ, верроскомъ, феллинскомъ, перновскомъ и эзельскомъ; по словамъ собирателя, „бывшій языкъ древнихъ ливонцовъ употребителенъ въ одномъ весьма маломъ округѣ" и то только въ сношеніяхъ жителей другъ съ другомъ, съ прочими же они говорятъ „по эстляндски и лифляндски", т. е. по эстонски. На островѣ-же Руно — „особливый языкъ, котораго никто не разумѣетъ и повидимому составленъ изъ шведскаго, лифляндскаго, эстляндскаго и древняго ливонскаго языковъ (!); съ другими людьми оныя руноскія обитатели сообщаются на шведскомъ, нѣмецкомъ и эстляндскомъ языкахъ" (въ каталогѣ Лерха [бумаги Палласа] эта рукопись носитъ тоже № 39, каковой проставленъ и на ней).

4) Собраніе 286 словъ и числительныхъ на лапландскомъ, литовскомъ, эстонскомъ и старофранцузскомъ (!) языкахъ ($14^1/_3$ стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, „Бумаги Палласа", стр. 96 и слѣд. № 79).

Въ словарѣ Екатерины II эстонскій фигурируетъ только въ одной рубрикѣ: „по эстландски" (въ словахъ стоитъ подъ № 55, а въ числит. подъ № 61). Собственно финскому (суоми) посвящено собраніе 286 словъ и числительныхъ на русскомъ и финскомъ языкахъ, имѣющееся въ той же коллекціи Шёгрена, въ отдѣлѣ бумагъ Палласа (каталогъ Лерха, стр. 96, № 40), и озаглавленное „Фински" (6 стр. въ поллиста; финскія слова переданы нѣмецкими буквами). Рукопись содержитъ еще примѣчаніе (на нѣм. яз.) о произношеніи финскихъ звуковъ и т. п. и подпись составителя ея: Joh. Henr. (sic!) Krogius, Pastor.

Другое такое собраніе (каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 41) озаглавлено: „Собраніе россійскихъ словъ съ чухонскимъ переводомъ (латинскими и русскими буквами) и содержитъ также 286 словъ и числительныхъ (на 11 съ небольшимъ стр. въ поллиста).

Ижорскіе діалекты представлены въ коллекціи Шёгрена тремя сборниками (каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. „Бумаги Палласа", № 116, 117, 118), озаглавленными:

1) „Реестръ словъ, переведенныхъ на Чудской языкъ, коимъ

говорятъ Санктпетербургской губернін въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ близъ Копорья лежащихъ и принадлежащихъ Графу Разумовскому, а между прочимъ въ деревнѣ Ивановской" (286 словъ и числит., русскими буквами, съ обозначеніемъ ударенія, на 11 стр. въ поллиста).

2) „Реестръ словъ, переведенныхъ на Чудской языкъ, коимъ говорятъ въ Ямбургскомъ уѣздѣ въ Котельной мызѣ, принадлежащей полковнику Албрехту, и въ 2 селахъ близъ ея лежащихъ" (286 словъ и числ., русскими буквами, съ обозначеніемъ ударенія, $11^1/_2$ стр. въ поллиста).

3) „Реестръ словъ переведенныхъ на варяжской (!) языкъ, коимъ говорятъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Санктпетербургской губерніи близъ Копорья, принадлежащихъ графу Разумовскому, а между прочимъ въ деревнѣ Керновой" (286 словъ и числит. русск. буквами, $9^1/_2$ стр. въ поллиста).

Въ словарѣ Екатерины II собственно финскому отведена только одна рубрика: „по чюхонски" (№ 54, въ „числахъ"—№ 60), и приведенные здѣсь матеріалы по ижорскимъ діалектамъ остались неиспользованными. Карельскій языкъ также нашелъ себѣ мѣсто въ рукописныхъ матеріалахъ для сравнит. словаря Екатерины II, вошедшихъ въ составъ коллекціи Шёгрена. Ему посвящены слѣдующія собранія (каталогъ Лерха, „Бумаги Палласа", стр. 96 и слѣд., №№ 69, 70, 70 bis и 87):

1) „Корельской языкъ" (286 словъ и числит. на 10 съ небольшимъ стр. въ поллиста, транскрипція русскими буквами).

2) „Слова Россійскіе переведенные на корельской языкъ" (286 словъ и числит. въ русской транскрипціи на 5 стр. въ поллиста. Каталогъ Лерха, № 70). На рукописи приписано: „Сіе по корельски переводилъ Тверской семинаріи ученикъ Феодоръ васильевъ сынъ Груздовъ, оной же семинаріи ученикъ Ефимъ Михаиловъ сынъ Мохнецкій. Но чтоль принадлежитъ до корелскаго рукописанія, то какъ писменнаго такъ и печатнаго не имеется, а употребляется толко въ разговорахъ".

3) „Слова Россійскіе переведенные на корѣлской языкъ" (287 словъ и числит., русскими буквами, на $14^1/_2$ стр. въ поллиста. Въ каталогѣ Лерха, „Бумаги Палласа", стр. 96 и сл., это собраніе, помѣченное тоже № 70, какъ и предыдущее, не имѣетъ своего №).

4) „По олонецки" (286 словъ и числит. на пяти неполныхъ стр. въ поллиста).

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II корельскому отведены двѣ рубрики: „по корельски" и „по олонецки" № 56 и 57; въ „числахъ" № 61 и 62).

По лапландскому языку можно указать лишь на цитированное выше (стр. 455) собраніе 286 словъ и числительныхъ на языкахъ „Лапонскомъ, Литовскомъ, Эстляндскомъ и Старо-Французскомъ“, въ отдѣлѣ „бумаги Палласа“ коллекціи Шёгрена (II отдѣленіе библіотеки Имп. акад. наукъ, см. каталогъ Лерха, „Бумаги Палласа“, № 79) и служившее матеріаломъ для составленія сравнительнаго словаря Екатерины II (1786 г.), а также на цитированную выше (стр. 249 и слѣд.) книгу Кнуда-Лемса „Новыя и достовѣрныя извѣстія о лапландцахъ и т. д.“ (Москва, 1792 г.). Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II онъ фигурируетъ въ рубрикѣ № 58 (въ числительныхъ—№ 64): „по Лопарски“.

Изъ угорскихъ языковъ финской семьи привлекали вниманіе нашихъ ученыхъ XVIII в. языки вогульскій и остяцкій, особенно первый. Во второй четверти XVIII вѣка имъ занимались Г. Ф. Миллеръ и Киріакъ Кондратовичъ. Первый еще въ 1734 г. посылалъ сенату изъ Тобольска „вокабуляріумъ“ татарскаго и вогульскаго языковъ, вмѣстѣ съ переводомъ на вогульскій языкъ „Молитвы господней“ [1]), а второй еще до 1737 г. составилъ лексиконъ „вагулицкій съ россійскимъ“ [2]), едва-ли, впрочемъ, могшій считаться настоящимъ словаремъ (см. выше, стр. 440). Остальныя работы по вогульскому, главнымъ образомъ лексическія, принажатъ къ знакомой уже намъ лингвистической коллекціи Аделунга, хранящейся въ Имп. публ. библіотекѣ, и къ упоминавшемуся уже выше отдѣлу Шёгреновской коллекціи (II-е отдѣл. библіотеки Имп. Акад. наукъ): „Бумаги Палласа“.

Къ первой относятся: 1) небольшое собраніе числительныхъ и фразъ на остяцкомъ, вогульскомъ и самоѣдскомъ языкахъ на 6 стр. съ небольшимъ, формата въ поллиста писчей бумаги. На рукописи помѣта рукой Бакмейстера: reçû avec la lettre de Pallas du 10-e Fevrier 1774.

2) Небольшой латинско-вогульскій глоссарій неизвѣстнаго составителя, „Vocabularium Wogulicum“ (4° obl. 16 стр.), носящій на себѣ помѣту Бакмейстера о полученіи его въ январѣ 1775 г.

3) Небольшой русско-вогульскій глоссарій по діалектамъ: кунгурскому, чердынскому и верхотурскому, съ помѣтою на немъ: Aus Pallas Papieren (13 стр. форматомъ въ поллиста писчей бумаги).

4) Собраніе 286 словъ и числительныхъ (въ транскрипціи русскими буквами) на языкахъ зырянскомъ, самоѣдскомъ и во-

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. н.», т. VIII, стр. 196.
[2]) См. тамъ-же, т. III, 418 и IV, 131—132.

гульскомъ, помѣченное „Aus Pallas Papieren“ и принадлежащее къ матеріаламъ для сравнительнаго словаря Екатерины II: „Wörter-Sammlung aus der sürjänischen, samojedischen und Manskischen Sprache“ (12 стр. въ поллиста).

5) „Краткой вогулической словарь съ Россійскимъ переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный города Соликамска Свято-Троицкаго Собора Протоіереемъ Симеономъ Черкаловымъ 1785 г.“ (18 стр. въ поллиста). Словарь этотъ—вогульско-русскій и возникъ вѣроятно подъ вліяніемъ упоминавшагося уже выше Высочайшаго указа провинціальнымъ архіереямъ о доставленіи словарей разныхъ языковъ, имѣющихся въ предѣлахъ ихъ епархіи.

Ко второй принадлежатъ слѣдующія рукописныя собранія (каталогъ коллекціи Шёгрена, составл. Лерхомъ, „Бумаги Палласа“, стр. 96 и сл. №№ 130, 131, 132): 1) 286 вогульскихъ словъ и числительныхъ (по діалектамъ кунгурскому, чердынскому и верхотурской области), писанныхъ русскими буквами (безъ удареній) на $10^1/_2$ стр. въ поллиста, съ подписью: „съ подлинными свѣрялъ секретарь Никита Овчинниковъ“. Собраніе это тожественно съ такимъ же глоссаріемъ, имѣющимся въ коллекціи Аделунга (Имп. публ. библ.) и только что цитированнымъ выше подъ № 3.

2) Черновой русско-вогульскій „вокабулярій“ (русскими буквами, съ обознач. ударенія, 7 стр. въ поллиста).

3) Собраніе 286 словъ и 22 числительныхъ (русскими буквами, безъ удареній), озаглавленное: „Наречие вагулское которые грамоты неимеютъ, а проточенные в сей ведомости линии переводомъ съ предыдущими линиями сходственные“. Слова собраны изъ діалектовъ: тобольскаго, туринскаго, въ г. Березовѣ и въ Березовской округѣ (19 стр. въ поллиста).

Нѣкоторыя свѣдѣнія о вогульскомъ языкѣ сообщала охарактеризованная уже выше книга „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.“, переведенная съ нѣмецкаго Н. Е. Черепановымъ (Москва, 1798 г. см. выше, стр. 250—52). Краткость ихъ позволяетъ намъ привести ихъ цѣликомъ: „Вогулической языкъ имѣетъ много Венгерскихъ и Финскихъ словъ, а Венгерской содержитъ половину Финскихъ, также много Татарскихъ и древне-Персидскихъ словъ, что показываетъ, что древніе Югры прежде жили ближе къ Персіи“ (цит. сочин. стр. 68).

Въ словарѣ Екатерины II вогульскій представленъ въ четырехъ діалектахъ: „по р. Чюссовой, въ Верхотурской окр., около Чердыма (Чердынь), около Березова“.

Меньше сдѣлано было по изслѣдованію остяцкаго языка. Кромѣ остяцко-русскаго „дикціонера“ Киріака Кондратовича, упоминае-

маго имъ въ его письмѣ въ академію наукъ отъ 22 іюня 1739 г. [1]), незначительнаго количества остяцкихъ числительныхъ и словъ (иртышскихъ и томскихъ остяковъ) во введеніи къ „Sibirische Geschichte“ Фишера (ч. I. Спб. 1768, см. выше, стр. 442) и немного выше (стр. 457) цитированнаго нами анонимнаго небольшого собранія числительныхъ и фразъ на остяцкомъ, вогульскомъ и самоѣдскомъ языкахъ (изъ коллекціи Аделунга, съ помѣтою о полученіи его отъ Палласа въ февр. 1774), мы имѣемъ еще только три анонимныхъ-же рукописныхъ собранія лексическихъ матеріаловъ по остяцкому яз.: 1) рукописный русско-остяцко-якутско-тунгузско-самоѣдскій глоссарій, также изъ коллекціи Аделунга, озаглавленный: „Парѣчіе по туруханской округѣ“. Онъ содержитъ въ себѣ 286 словъ на 26 стр. форматомъ въ поллиста, скрѣпленъ подписью нѣкоего „Совѣтника Ильи Мыльникова“ и, очевидно, принадлежитъ къ числу матеріаловъ для сравнительнаго словаря Екатерины II. 2) Черновой (повидимому) списокъ (блѣдными, выцвѣтшими чернилами), остяцкихъ числительныхъ и словъ, находящійся среди бумагъ Палласа въ лингвистической коллекціи Шёгрена (II отд. библ. Имп. акад. наукъ, каталогъ Лерха, „Бумаги Палласа“, стр. 96 и сл. № 90).

3) Собраніе словъ на тунгузскомъ, остяцкомъ, самоѣдскомъ и бурятскомъ языкахъ (изъ той же коллекціи, каталогъ Лерха, тамъ же, № 91—92), озаглавленное „Vocabularium *trilingue*“ (sic!) и обнимающее 12 стр. въ поллиста. Оба послѣднихъ собранія также принадлежатъ къ матеріаламъ для сравнительнаго словаря Екатерины II, въ которомъ остяцкій представленъ въ шести діалектическихъ формахъ: „около Березова, около Нарыма, по рѣкѣ Юганѣ, Лумпокольскаго поколенія, Васюганскаго роду, по рѣкѣ Тазѣ“.

Остяцкія названія мѣсяцовъ и нѣкоторое количество другихъ остяцкихъ словъ находимъ также въ „Beyträge zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reichs“ Фалька; т. III, 1786 (см. выше, стр. 443), причемъ эти данныя, вмѣстѣ съ цитированными выше болѣе ранними данными Фишера (Sibirische Geschichte 1768) и словаремъ Екатерины II, являются единственными печатными свидѣтельствами о занятіяхъ у насъ въ XVIII в. остяцкимъ языкомъ.

Венгерскій языкъ изъ всѣхъ финскихъ языковъ привлекалъ меньше всего вниманія. Кромѣ небольшаго числа венгерскихъ, словъ, приводимыхъ для сравненія съ формами другихъ урало-

---

[1]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для ист. Имп. акад. наукъ», т. IV ,131—32

алтайскихъ языковъ во введеніи къ „Sibirische Geschichte“ Фишера (т. I Спб. 1768, стр. 133, 162—5, 167—70), можно указать только на сравнительный словарь Екатерины II, гдѣ названному языку (№ 47) отведено мѣсто между „волошскимъ“ (т. е. румынскимъ) и аварскимъ, за которымъ слѣдуютъ кубачинскій и лезгинскій языки. Только уже за этими двумя кавказскими языками находимъ прочіе угро-финскіе языки, въ семью которыхъ попалъ и чувашскій. Очевидно, что составители сравнительнаго словаря скорѣе склонны были роднить венгерскій съ кавказскими, но не съ финскими языками. Въ пользу этого говоритъ и одна изъ рукописей академическаго собранія бумагъ Палласа, служившихъ матеріалами для сравнит. словаря Екатерины II (коллекція Шёгрена, каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 62), а именно: «Comparaison des Dialectes du Kabarda et de l'Abassa avec la langue Hongroise“ ($7^1/_2$ стр. въ поллиста). Здѣсь находимъ параллельное сопоставленіе венгерскихъ формъ съ абхазскими (по двумъ діалектамъ: *алтекесекъ* и *кушъ-хасипъ*) и кабардинскими. Въ этой же коллекціи имѣется и анонимное собраніе 287 словъ и числительныхъ на русскомъ и венгерскомъ языкахъ, очевидно, служившее источникомъ для венгерскаго отдѣла словаря Екатерины (7 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 126).

Нѣсколько больше матеріала было собрано для изученія самоѣдскихъ языковъ. Еще Татищевъ собиралъ подобные матеріалы, какъ это свидѣтельствуетъ упоминавшаяся уже выше (стр. 422) рукопись Азіатскаго музея Имп. академіи наукъ (отд. III, № 35), относящаяся вѣроятно къ концу 30-хъ гг. XVIII ст.: „Вѣдомость сочиненная въ Тобольску по именному Ея Императ. Величества указу присланному изъ кабинета и по опредѣленіямъ тайнаго совѣтника господина Татищева потребная къ сочиненію исторіи“. Кромѣ двухъ татарскихъ словарей, упоминавшихся выше, мы находимъ здѣсь небольшой глоссарій нарымскихъ остяковъ, принадлежащихъ по языку къ самоѣдамъ (листы 65—68).

Послѣ Татищева собиралъ лексическіе матеріалы по разнымъ сибирскимъ языкамъ, въ томъ числѣ и по самоѣдскимъ, академикъ Фишеръ, путешествовавшій по Сибири въ одно время съ Г. Ф. Миллеромъ, (см. выше, стр. 220). Въ небольшой части этихъ матеріаловъ [1]), обнародованной имъ во введеніи къ „Sibirische Geschichte“ (т. I. Спб. 1768), находимъ сличеніе 12 числитель-

---

[1]) «Ich habe ein Wörterbuch von 40 Sprachen, jede von 300 Wörtern gesamlet» («Sibirische Geschichte», т. I. Спб. 1768 г. стр. 161).

ныхъ и слова „Богъ" въ языкѣ: томскихъ остяковъ, камашей и самоѣдовъ мезенскихъ и югорскихъ (стр. 137), эти-же слова въ языкѣ койбаловъ (южно-самоѣдской народности) приводятся на стр. 139, въ сопоставленіи съ параллельными формами языковъ: енисейско-остяцкаго, аринцевъ, коттовъ и ассановъ: на стр. 168—69 Фишеръ сближаетъ 18 разныхъ словъ въ языкахъ: венгерскомъ, томско-остяцкомъ, *камашинскомъ* и *самоѣдскомъ*, а на 170 стр.—12 словъ въ языкахъ: венгерскомъ, енисейскихъ остяковъ, коттовъ и *койбаловъ* и аринцевъ съ ассанами. Взгляды Фишера на родство этихъ языковъ, однако, были еще довольно смутны. Такъ на стр. 168 онъ соединяетъ въ одно семейство томскихъ остяковъ съ камашами и самоѣдами, а въ другое семейство самоѣдовъ-койбаловъ съ загадочными енисейскими остяками, коттами, аринцами и ассанами.

Затѣмъ рядъ рукописныхъ матеріаловъ имѣется въ лингвистической коллекціи Аделунга, въ Имп. публ. библіотекѣ. Такъ самоѣдскія слова имѣются въ упоминавшемся уже выше (стр. 457), собраніи числительныхъ и фразъ на остяцкомъ, вогульскомъ и самоѣдскомъ языкахъ (6 стр. съ небольшимъ, форматомъ въ полъ-листа писчей бумаги), полученномъ Бакмейстеромъ отъ академика Палласа въ февралѣ 1774, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ французская надпись, сдѣланная на рукописи, вѣроятно, Бакмейстеромъ.

Къ 1776 году относятся „Образцы самоядскаго языка, по предписанію г. Бакмейстера собранные" и заключающіе въ себѣ (на 16 стр. въ полъ-листа) имена числительныя, фразы, собственныя имена, грамматическія замѣчанія и т. д. На рукописи—надпись: „собрано архангелогородскимъ первостатейнымъ купцомъ Николаемъ Чирцовымъ". Самоѣдскія формы писаны здѣсь русскими буквами, а фразы снабжены еще латинскимъ и нѣмецкимъ переводами. Имѣется помѣта о полученіи рукописи Бакмейстеромъ въ 1776 году.

Къ болѣе позднему времени относится цитированное уже выше (стр. 458) собраніе словъ на зырянскомъ, самоѣдскомъ и вогульскомъ языкахъ (12 стр. въ полълиста), озаглавленное „Wörter-Sammlung aus der Sürjanischen, Samojedischen und Manskischen Sprache". Оно содержитъ 286 русскихъ словъ и числительныхъ съ переводомъ на названные инородческіе языки, въ томъ числѣ и на самоѣдскій, и происходитъ изъ бумагъ Палласа, какъ это видно изъ помѣты на рукописи. Инородческія слова переданы русскими буквами. Собраніе это очевидно принадлежитъ къ матеріаламъ для сравнительнаго словаря Екатерины II, какъ показы-

ваетъ самое число словъ, и, стало быть, относится къ половинѣ 80-хъ гг. XVIII в.

Образчики самоѣдскаго языка имѣются также въ цитированномъ подробно выше (стр. 415) многоязычномъ глоссаріи, озаглавленномъ: „Нарѣчіе по туруханской округѣ“ и скрѣпленномъ подписью „Совѣтника Ильи Мыльникова“. Глоссарій этотъ, служившій матеріаломъ для сравнительнаго словаря Екатерины II, относится также къ срединѣ 80-хъ гг. XVIII в.

Кромѣ того въ коллекціи Аделунга есть довольно объемистый самоѣдско-латинскій глоссарій по 13 діалектамъ (пустозерскому, обдорскому, юрацкому, мангазейскому, туруханскому, тавгинскому, томскихъ и нарымскихъ остяковъ, кеттскихъ и тимскихъ остяковъ, карасинскому, тайгинскому и камасинскому), писанный латинской транскрипціей на 34 листахъ форматомъ въ поллиста писчей бумаги.

Меньше по объему (12 стр. въ поллиста) другой латинско-русско-самоѣдскій глоссарій коллекціи Аделунга, относящійся также, вѣроятно, къ послѣдней четверти XVIII в. Число самоѣдскихъ діалектовъ, представленныхъ въ этомъ глоссаріи, бѣднѣе, чѣмъ въ предыдущемъ (только три: „гугорскій“, пустозерскій и мезенскій).

Въ бумагахъ Палласа, хранящихся въ составѣ Шёгреновской лингвистической коллекціи во II-мъ отдѣленіи библіотеки Имп. академіи наукъ, находимъ лишь упоминавшійся выше (стр. 459) „Vocabularium trilingue“ (слѣдовало-бы „quadrilingue“), представляющій собраніе словъ на тунгузскомъ, остяцкомъ, *самоѣдскомъ* и бурятскомъ яз. (12 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 91—92). Онъ, очевидно, служилъ матеріаломъ при составленіи сравнит. словаря Екатерины II, въ которомъ самоѣдскій („семоядскій“) представленъ въ 10 діалектическихъ разновидностяхъ: Пустозерскаго и Обдорскаго округовъ, Юрацкаго берега, Мангазейскаго и Туруханскаго округа, Тавгинскаго діалекта, Томскаго и Нарымскаго округовъ, по рѣкѣ Кетѣ и Тимскаго рода (№ 120—129). За ними слѣдуютъ другіе южно-самоѣдскіе діалекты или языки (№ 130—134): карассинскій, тайгинскій, камашинскій, койбальскій и моторскій, которые успѣли уже съ того времени исчезнуть, въ силу быстрой ассимиляціи говорившихъ ими народцевъ къ своимъ сосѣдямъ.

Очень цѣнны свѣдѣнія, сообщаемыя впервые Палласомъ [1]), о

---

[1]) Reise durch verschiedene Prowinzen des Russischen Reichs. III Theile. 4°. St. Petersburg. Gedruckt bey der Kayserlichen Akademie der Wissenschaf-

языкѣ койбаловъ и моторовъ, принадлежавшихъ по языку къ самоѣдскимъ племенамъ и впослѣдствіи частью вымершихъ, частью отатарившихся или омонголившихся: „разговоръ ихъ („койбальцевъ“) весьма походитъ на самоѣдской, и хотя много примѣшено въ немъ и татарскихъ нарѣчій, однако легко еще распознать можно останки Самоѣдскаго, видимаго и въ Койбальской Ордѣ, въ Карагассахъ, Каймашахъ [1] и Моторахъ въ восточной сторонѣ Енисея живущихъ (,) Соіотахъ въ горахъ за Россійскою границею кочующихъ, такъ что весьма вѣроятно, что всѣ сіи отродія суть остатки одного врозь разбитаго и изъ своихъ въ древности здѣсь настоящихъ жилищъ до сѣверныхъ Самоѣдскихъ нынѣ мѣстъ выгнаннаго народа. Въ доказательство сходствія ихъ языковъ довольно будетъ привести сихъ нарѣчій, коихъ взять сличить только однѣ Моторскія, какъ сходственнѣйшія съ незнакомыми мнѣ Соіотскими, что однако сами Моторы и Кайбалы на промыслахъ по границѣ съ Соіотами встрѣчающіеся единогласно подтверждаютъ [2]“. Слѣдующій за этими словами глоссарій (русско-самоѣдско-койбальско-моторско-каратаинскій [карагасскій?]) даетъ 52 слова, въ томъ числѣ 22 числительныхъ, являющихся драгоцѣннымъ и совершенно новымъ научнымъ матеріаломъ, ставшимъ, благодаря Палласу, впервые достояніемъ науки.

Въ концѣ 80-хъ гг. XVIII являются и первые печатные тексты на самоѣдскомъ языкѣ. Такъ въ академическомъ изданіи „Новыя ежемѣсячныя сочиненія“ за 1787 г. (іюнь, стр. 60—69) напечатана самоѣдская сказка (въ русской транскрипціи, безъ обозначенія ударенія) съ русскимъ переводомъ en regard: „Вада Хасово. Самоѣдская сказка. Получено изъ города Архангельскаго“ (быть можетъ черезъ упоминавшагося уже выше [стр. 296] А. И. Ѳомина).

Сравнительно мало вниманія привлекали семитическіе языки, исключая еврейскаго, довольно рано введеннаго въ программы нашихъ духовныхъ семинарій. Арабскимъ языкомъ въ началѣ вто-

---

ten. Ч. I: 1771. Ч. II (въ двухъ книгахъ): 1773. Ч. III (годы 1772—1773): 1776. Указанныя свѣдѣнія заключаются въ послѣдней, III-ей части, стр. 373—378 (глоссарій на стр. 374—76).

[1]) Въ подстрочномъ примѣчаніи Палласъ приводитъ также рядъ словъ изъ языка названныхъ каймашей и кыштымскихъ татаръ или енисейскихъ остяковъ, относимыхъ нѣкоторыми тоже къ самоѣдской группѣ. Матеріалъ этотъ является также цѣннымъ и совершенно новымъ въ наукѣ.

[2]) Цитируемъ по русскому переводу Василія Зуева «Петра Симона Палласа и т. д. путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства». Ч. III. Половина первая (1772—73 гг.). Спб при Имп. Акад. Наукъ. 1788 г., стр. 523—526.

рой четверти XVIII в. занимался Д. Г. Мессершмидтъ (см. выше стр. 201—202). Въ его рукописномъ собраніи разныхъ замѣтокъ и матеріаловъ по языкознанію изъ конца 20-хъ и начала 30-хъ гг. XVIII в., принадлежащемъ Азіатскому музею Импер. академіи наукъ (отд. III, № 68): „Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes", имѣются между прочимъ „nomina animalium Arabico-Persico-Tattarica-latina", образчики арабскихъ письменъ и т. д. Другимъ знатокомъ арабскаго языка былъ упомянутый выше (стр. 365—68) Георгъ Іаковъ Керъ, прибывшій въ Россію въ началѣ 30-хъ гг. Въ концѣ 30-хъ гг. арабскимъ интересовался Готлибъ Фридрихъ Вильгельмъ Юнкеръ, адъюнктъ академіи наукъ, профессоръ политики, морали и элоквенціи, впослѣдствіи почетный членъ академіи (р. 1702 † 1746), собиравшій въ это время арабскія и турецкія рукописи [1]). Тогда же, въ засѣданіи академіи 4-го ноября 1738, разсматривались неизвѣстно кѣмъ составленныя русско-арабскія вокабулы, содержавшія 536 словъ на 7 листахъ [2]). Что съ ними сталось впослѣдствіи, мы пока не имѣемъ извѣстій. Вообще же знатоковъ арабскаго языка въ это время у насъ было очень немного. Такъ въ разсмотрѣнномъ выше (стр. 366—68) проектѣ Кера объ устройствѣ у насъ восточной академіи, названный ученый, перечисляя тогдашнихъ нашихъ знатоковъ восточныхъ языковъ, по арабскому языку могъ указать только на себя самого. Не удивительно поэтому, если въ русско-татарско-калмыцкомъ словарѣ академической библіотеки (1-е отдѣленіе, шифръ 58. 1. 5), въ которомъ выше (стр. 406—7) мы находили возможнымъ видѣть словарь, составлявшійся въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ гг. XVIII в., подъ надзоромъ Рычкова и по почину Татищева, графа, оставленная для вписыванія арабскихъ словъ, такъ и осталась незаполненною. Составители, очевидно, не нашли въ Самарѣ (гдѣ словарь составлялся) человѣка, знающаго по арабски, и отложили заполненіе соотвѣтствующей графы до болѣе благопріятнаго времени. Вскорѣ затѣмъ Татищевъ оставилъ службу въ Оренбургскомъ краѣ, и составленіе затѣяннаго имъ словаря такъ и заглохло.

Во-второй половинѣ XVIII в. дѣлаются попытки ввести преподаваніе арабскаго языка въ нѣкоторыя наши общеобразовательныя школы. Такъ вѣроятно, что въ числѣ четырехъ азіатскихъ языковъ, преподававшихся въ астраханской школѣ для солдатскихъ дѣтей, учрежденной въ 1764 г., былъ и арабскій языкъ, такъ какъ не-

[1]) См. «Протоколы засѣданій конференціи Имп. Акад. наукъ», т. I, стр. 424, протоколъ засѣданія отъ 19 сент. 1737 г.

[2]) См. тамъ же, стр. 514.

сомнѣнно онъ, вмѣстѣ съ другими восточными языками, входилъ въ программу астраханскаго народнаго училища, въ которое названная школа была преобразована въ 1778 г.[1]).

Императрица Екатерина II въ указѣ „Коммиссіи о учрежденіи народныхъ училищъ“ отъ 24 сент. 1782 г. предписывала ввести преподаваніе арабскаго языка (вмѣстѣ съ татарскимъ и персидскимъ) въ народныхъ школахъ тѣхъ губерній, которыя лежатъ „къ сторонѣ татарской, персидской и бухарской“, такъ какъ отъ арабскаго языка „всѣ въ той сторонѣ употребляемые діалекты имѣютъ свое происхожденіе (!) и посредствомъ его можно будетъ завести лучшихъ переводчиковъ во всѣхъ сихъ языкахъ, нежели до сего времени мы ихъ имѣемъ“[2]). Разумѣется, за отсутствіемъ преподавателей, знающихъ арабскій языкъ, предписаніе императрицы осталось чисто бумажной, мертворожденной мѣрой, и никакихъ практическихъ послѣдствій не возымѣло. Не удивительно, если въ теченіе XVIII в. у насъ не явилось ни одной печатной работы по арабскому языку, если не считать нѣкоторыхъ сравненій съ арабскимъ, производившихся такъ сказать, мимоходомъ въ нѣкоторыхъ журнальныхъ статьяхъ или въ трудахъ нашихъ историковъ, когда они пускались въ этимологизацію. Таковы, напр., цитированныя выше (стр. 276—277) фантастическія арабско-русскія этимологіи въ „Подёньщинѣ“ Василія Тузова (1769 г.), таковыя-же этимологіи въ статьѣ И. Коха „О нѣкоторыхъ древнихъ названіяхъ Словенскаго народа“ въ „Растущемъ Виноградѣ“ 1785 г. (см. выше, стр. 290—291), и въ его брошюрахъ: „Tentamen enucleationis Hieroglyphorum quorundam numorum“ (Спб. 1788, 8° съ 6 табл.) и „Tentamen secundum et quidem enucleationis sphingium. Опытъ изъясненія сфинговъ“ (на русск. и нѣм. яз. Спб. 1789. 27 стр. и 1 табл. Образчики этихъ этимологій см. у Аделунга „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde“. Спб. 1815, стр. 196—97), у Щербатова въ его „Исторіи Россійской“ 1770—1791 (см. выше, стр. 267—268), у Болтина въ его „Примѣчаніяхъ на исторію Леклерка“ 1788 г. (см. выше, стр. 271—72) и т. д.

Въ рукописной нашей литературѣ XVIII в. можно указать лишь небольшое число работъ по арабскому языку, входящихъ въ составъ богатой лингвистической коллекціи Аделунга (собствен-

---

[1]) См. статью «По поводу мысли Лейбница объ учрежденіи университета въ Астрахани» въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1859 г. ч. 102, отд. VII, стр. 208, и «Москвитянинъ» 1854 г. ч. I, № 3 и 4, февраль, отд. VII, стр. 134 (статья «Астрахань»).

[2]) См. «Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи», № 15523.

ность Имп. публ. библ.). Всѣ онѣ очень невелики по своему объему и, весьма вѣроятно, представляютъ собой простыя извлеченія изъ какихъ нибудь иностранныхъ печатныхъ пособій. Таковы:

1) „Молитва Господня“ на арабскомъ языкѣ (арабскими буквами и въ русской транскрипціи). Рукопись второй половины XVIII в. (1 стр. in 4°), вѣроятно изъ собранія Бакмейстера, доставшагося Аделунгу.

2) „Слова арабовъ Мадагаскарскихъ“. Небольшое собраніе русскихъ словъ (всего 285) съ параллельными арабскими значеніями (писаны русскими буквами), быть можетъ выписанными изъ какого нибудь печатнаго словаря. Рукопись второй половины XVIII в. (7 стр. въ мал. поллиста писчей бумаги), очевидно изъ матеріаловъ для сравнительнаго словаря Екатерины II.

3) Русско-арабскія вокабулы и фразы, озаглавленныя по нѣмецки и по русски: „Arabische Wörtersammlung in den Dialecten von Jemen und Kagir. Aus Pallas Papieren. Языкъ Аравитянъ (въ Іеменѣ и въ Кагирѣ: 5 стр. въ поллиста писчей бумаги)“. Второй, экземпляръ этого собранія имѣется во II отд. библіотеки академіи наукъ среди бумагъ Палласа, служившихъ матеріалами для сравнительнаго словаря Екатерины II (см. ниже).

Прочія рукописныя работы по арабскому языку, находящіяся въ названномъ собраніи, не имѣютъ ближайшаго отношенія къ русской наукѣ.

Нѣсколько подобныхъ-же собраній арабскихъ словъ, служившихъ матеріаломъ для сравнительнаго словаря Екатерины II, имѣется среди бумагъ Палласа въ лингвистической коллекціи Шёгрена въ библіотекѣ академіи наукъ (II отдѣленіе). Таковы: 1) собраніе 286 арабскихъ словъ и числительныхъ (арабскими и русскими буквами, съ обозначеніемъ ударенія, 18 стр. въ поллиста. Каталогъ Лерха, стр. 96, № 3);

2) Аналогичное собраніе тѣхъ же словъ, озаглавленное: „Произношеніе арабскихъ словъ“ (9 стр. въ малые поллиста. Катал. Лерха, стр. 96, № 4);

3) Подобное-же собраніе, озаглавленное „Собраніе россійскихъ словъ съ арабскимъ переводомъ“ (12 стр. въ поллиста. Катал. Лерха, стр. 96, № 5).

4) Русско-арабскія вокабулы и фразы: „Языкъ Аравитянъ въ Іеменѣ, въ Кагирѣ“ (5 стр. въ поллиста, араб. буквами и русской транскрипціей. Каталогъ Лерха, стр. 96, № 6). Тожественны съ цитированнымъ немного выше собраніемъ изъ коллекціи Аделунга, озаглавленнымъ почти такъ-же.

Кромѣ того, арабскія слова приводятся и въ многоязычномъ

русско-арабско-персидско-мещерядко-киргизско-хивинско-бухарскомъ глоссаріи (26 стр. въ поллиста), составленномъ коллежскимъ асессоромъ Мендіеромъ Бещеринымъ, очевидно, однимъ изъ нашихъ восточныхъ инородцевъ-переводчиковъ, и принадлежащемъ къ тѣмъ-же матеріаламъ Палласа для сравнительнаго словаря Екатерины II, о которыхъ уже неоднократно говорилось выше (въ каталогѣ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96, онъ помѣченъ № 26). Каждому инородческому языку здѣсь отведено по двѣ графы: одна для арабскихъ написаній, другая для русской транскрипціи.

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II арабскій помѣщенъ (подъ № 85), рядомъ съ близко родственнымъ „малтійскимъ" (№ 86),—въ сущности однимъ изъ новоарабскихъ діалектовъ, вслѣдъ за сирійскимъ (№ 84), халдейскимъ (№ 83) и еврейскимъ (№№ 82 и 81) языками.

Какъ видно изъ предыдущаго, для изученія арабскаго языка въ XVIII в. было сдѣлано у насъ очень мало. Только въ началѣ XIX в. у насъ являются первые солидные арабисты, оставившіе рядъ печатныхъ работъ по своей спеціальности.

Изъ семитическихъ языковъ больше всего занимались у насъ въ XVIII в. еврейскимъ. Довольно рано начали его преподавать въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Такъ въ Кіевской духовной академіи преподаваніе еврейскаго языка началось сравнительно очень рано. Первымъ-же извѣстнымъ преподавателемъ его въ ней былъ ея-же питомецъ Симонъ Тодорскій († 1754), усовершенствовавшійся въ своихъ познаніяхъ въ теченіе болѣе чѣмъ десятилѣтняго пребыванія заграницей, (особенно въ Іенѣ у профессора Михаэлиса) и начавшій преподавать еврейскій языкъ съ 1738 г. Его смѣнилъ ученикъ его, іеромонахъ Варлаамъ Лащевскій, отличный знатокъ греческаго языка и авторъ греческой грамматики (см. выше, стр. 353), занимавшій каѳедру еврейскаго языка съ 1743 по 1747 г., когда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для исправленія славянской библіи. За нимъ послѣдовалъ рядъ преподавателей еврейскаго: Павинскій, Крижановскій, Павловичъ, Истолинскій, Злотковскій, Колтовскій, Иванишевъ. За отсутствіемъ учебниковъ, изданныхъ въ Россіи, преподаваніе основывалось на грамматикѣ Михаэлиса, переведенной съ нѣмецкаго языка на латинскій при академіи; для упражненій въ переводахъ служила книга Бытія и другія библейскія книги, а также руководство Христофора Целлярія „Разговоры домашніе и школьные" [1]).

[1]) См. «Исторію Кіевск. Академіи» Макарія Булгакова. Спб. 1843, стр.

Въ Московской славяно-греко-латинской академіи первымъ преподавателемъ еврейскаго былъ іеромонахъ Іаковъ Блонницкій, приглашенный туда въ 1743. Онъ употреблялъ руководство Пфейфера. Затѣмъ преподавали: Никитинъ, Наумовъ, Антонскій, Ивановъ, Гумилевскій, Протасовъ, Платоновъ, Птицынъ. Впослѣдствіи при преподаваніи стали пользоваться еврейской грамматикой Гемпеля (Hempillii elementa linguae Hebraicae una cum doctrina de accentibus. Lipsiae 1776).

При Павлѣ I въ 1798 г. Св. Синодъ, подтверждая указъ 1784 г. объ усиленіи преподаванія греческаго языка въ духовныхъ училищахъ, предписывалъ: „языкамъ Еврейскому, а наипаче Греческому, яко нужнымъ для уразумѣнія Св. Писанія, обучаться всѣмъ, какъ присылаемымъ изъ Семинаріи, такъ и прочимъ Академіи студентамъ" [1]). Отъ учителя еврейскаго языка митрополитъ Платонъ ожидалъ такого преподаванія, чтобы „ученики не токмо надлежащій успѣхъ имѣли, но чтобъ изъ нихъ и учительское мѣсто могли заступать" [2]).

Въ Петербургской духовной академіи, основанной въ 1797 г., первыми преподавателями евр. языка были: иностранецъ Александръ Донатскій (очень недолго) и Петръ Гуриновскій (съ 1800 г.) [3]).

Столь-же рано началось преподаваніе еврейскаго языка и въ духовныхъ семинаріяхъ. Такъ въ Троицко-Лаврской семинаріи оно было введено въ концѣ 1744 г., и первымъ учителемъ его былъ Яковъ Федоровичъ Пасковичъ. За нимъ слѣдовали Постниковъ, Тепеневъ (воспитанникъ той-же семинаріи), Андрей (въ монашествѣ Амвросій) Подобѣдовъ, съ помощникомъ, крещенымъ евреемъ игуменомъ Варлаамомъ, Чижевскій и Замыцкій (воспитанники Троицкой-же семинаріи), Смирновъ, Никольскій (воспитанникъ Троицкой семинаріи) съ помощникомъ, крещенымъ евреемъ Яковомъ Матвѣевымъ и др. [4]).

Преподавался еврейскій вѣроятно и въ другихъ духовныхъ

156—157. Аскоченскій «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею». Кіевъ. 1856 г. Ч. II., стр. 143—144, 160—61, 242, 246, 260, 350, 365, 428, 434, 473—74.

[1]) См. «Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи», т. XXV. № 18726.

[2]) См. «Исторію Моск. Славяно-Греко-Лат. Академіи» С. Смирнова (М. 1855 г.), стр. 114, 310. Веселовскій, «Свѣдѣнія объ официальномъ преподаваніи вост. языковъ въ Россіи» Спб. 1879, стр. 116. сл.

[3]) См. Чистовичъ, «Исторія С.-Петерб. Духовной академіи». Спб. 1857, стр. 134.

[4]) См. Чистовичъ, «Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи». М. 1867, стр. 98, 345—47, 496, 503—504, 507, 513.

семинаріяхъ, но безъ особыхъ успѣховъ. Плохіе результаты этого преподаванія не удивительны, въ виду отсутствія хорошихъ учителей, пособій на русскомъ языкѣ и совершенной оторванности изучаемаго предмета отъ дѣйствительныхъ условій русской жизни. Лишь очень немногимъ, посвящавшимъ себя научнымъ занятіямъ, еврейскій языкъ могъ пригодиться въ ихъ дальнѣйшей жизни. Огромное большинство учащихся, конечно, смотрѣло на него, какъ на совершенно ненужную школьную обузу.

Классъ еврейскаго языка не былъ, впрочемъ, обязателенъ для всѣхъ, и его посѣщали лишь желающіе. Пособіями были: грамматика Васмута (изд. 1692 г.), „Clavis Hebraei codicis“ Лангія и „Philologia sacra“ Гласія.

Каковы были преподаватели еврейскаго языка, можно видѣть на примѣрѣ упомянутыхъ выше двухъ крещеныхъ евреевъ, которые тоже занимались преподаваніемъ. Первому изъ нихъ, игумену Варлааму (поступившему въ 1769), поручено было два или три дня въ недѣлю посвящать переводу изъ Библіи, съ объясненіемъ трудныхъ словъ, корней и собственныхъ значеній, главнымъ образомъ съ наиболѣе успѣшными учениками, ибо „недовольно обучившихся оной игуменъ обучать за незнаніемъ резолюціи по грамматикѣ признается неспособнымъ“. Второй, Яковъ Матвѣевъ (преподавалъ съ 1792 г.), также не зналъ грамматики и потому долженъ былъ учить своихъ учениковъ только чтенію, письму и переводу въ теченіе получаса до прихода учителя [1]).

Въ самомъ концѣ XVIII в. (25 февр. 1800 г.) митрополитъ Платонъ, озабочиваясь прйгототовленіемъ хорошихъ учителей евр. языка, приказалъ: „изъ обучающихся еврейскому языку философовъ понятныхъ и къ еврейскому языку другихъ склоннѣйшихъ отобравъ трехъ, обучать ихъ единственно еврейскому языку, съ тѣмъ, чтобъ они по еврейски никакъ не хуже знали, какъ лучшій, успѣвшій въ греческомъ языкѣ“ [2]).

Въ половинѣ 60-хъ гг. XVIII в. была сдѣлана у насъ попытка обзавестись для духовныхъ учебныхъ заведеній европейски образованными преподавателями восточныхъ языковъ, главнымъ образомъ еврейскаго, сирійскаго и халдейскаго. Попытка эта впослѣдствіи вызвала, въ свою очередь, смѣлый проектъ объ учрежденіи богословскаго факультета при молодомъ Московскомъ университетѣ, осуществленіе котораго несомнѣнно имѣло-бы огромное значеніе для послѣдующей исторіи нашей духовной куль-

---

[1]) С. Смирновъ, «Исторія Троицкой Семинаріи». Москва. 1867, стр. 346—347.
[2]) Тамъ-же, стр. 347.

туры. 6-го мая 1765 г. императрица Екатерина II повелѣла оберъ-прокурору Синода Мелиссино объявить св. Синоду слѣдующую свою волю: „изъ обучающихся въ семинаріяхъ учениковъ, кои дошли уже до реторики и какъ въ понятіи хорошую о себѣ подаютъ надежду, такъ и въ частныхъ поступкахъ предъ прочими взяли преимущество, избрать 10 человѣкъ, для отправленія ихъ въ Англію, дабы въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ въ пользу государства, высшихъ обучатися могли наукъ и восточныхъ языковъ, не выключая и богословія".

Для надзора и попеченія при молодыхъ людяхъ должны были находиться два инспектора.

Въ случаѣ отсутствія способныхъ семинаристовъ, предписывалось набрать для этой посылки молодыхъ людей въ Московскомъ университетѣ. Въ засѣданіи Синода 25-го мая Мелиссино лично объяснилъ, что государыня, ревнуя о пользѣ нашей церкви, 21-го мая вторично приказала объявить св. Синоду, чтобы сказанные семинаристы были отправлены въ Англію для обученія восточнымъ языкамъ и высшимъ наукамъ, не исключая и богословія.

Согласно этой Высочайшей волѣ, въ томъ-же году было отправлено въ Оксфордъ и Кембриджъ четверо семинаристовъ (Левшиновъ, Быковъ, Суворовъ и Матвѣевской), въ сопровожденіи инспектора Василія Никитина. Съ ними, также для изученія восточныхъ языковъ, былъ посланъ еще канцеляристъ Александръ Быховецкій, состоявшій до этого при статсъ-секретарѣ Тепловѣ. Въ 1766 г. выѣхала вторая партія, также изъ четырехъ молодыхъ людей (Клевецкій, Наумовъ, Багрянскій и Антонскій), съ инспекторомъ Миной Исаевымъ,—въ Лейденъ, а за нею третья, опять въ числѣ четырехъ студентовъ (Розановъ, Новиковъ, Смирновъ и Андреевскій) съ инспекторомъ Димитріемъ Семеновымъ-Рудневымъ (впослѣдствіи епископъ Нижегородскій Дамаскинъ)—въ Геттингенъ.

Кромѣ посланныхъ со студентами инспекторовъ, за поведеніемъ и успѣхами молодыхъ людей, отправленныхъ за-границу, должны были слѣдить и наши дипломатическіе агенты, жившіе въ тѣхъ государствахъ, гдѣ они обучались. Эти агенты иногда присылали подлинныя свидѣтельства профессоровъ, у которыхъ учились наши студенты. Общій тонъ всѣхъ свидѣтельствъ былъ очень благопріятный; о нѣкоторыхъ-же (о Семеновѣ-Рудневѣ, Багрянскомъ, Исаевѣ и Никитинѣ) заграничные профессора отзывались со особой похвалой. Нѣкоторые изъ студентовъ занимались, въ числѣ другихъ предметовъ, и еврейскимъ языкомъ. Такъ изъ первой партіи

еврейскимъ занимались Быковъ и Суворовъ, вторая вся занималась восточными языками (въ томъ числѣ, конечно, и еврейскимъ) у проф. Шультенса, который очень хвалилъ успѣхи и прилежаніе своихъ русскихъ учениковъ, а въ третьей также всѣ, кромѣ одного (Андреевскаго), учились еврейскому у профессора Михаэлиса.

Всѣхъ успѣшнѣе оказалась поѣздка третьей, геттингенской партіи.

По возвращеніи ея въ Россію въ 1772 г., членамъ ея устроено было особое испытаніе въ нарочно для сего организованной коммиссіи, состоявшей изъ архіепископовъ петербургскаго, Гавріила, и псковскаго, Иннокентія, тайныхъ совѣтниковъ Григорія Теплова и Петра Чебышева, академиковъ Штелина, Крафта, Лаксмана, инспектора академической гимназіи Бакмейстера и конректора Штриттера. Испытаніе блестяще доказало, что посланные во время своей командировки не теряли даромъ времени. Особенныя-же познанія и успѣхи изъ этой партіи обнаружилъ ея инспекторъ Дмитрій Семеновъ-Рудневъ, впослѣдствіи архіепископъ Нижегородскій, на котораго испытательная коммиссія и обращала особое вниманіе императрицы въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ о произведенномъ ею испытаніи. Въ этомъ-же представленіи подымалась и мысль объ учрежденіи у насъ богословскихъ факультетовъ, оставшаяся, однако, неосуществленною, несмотря на наличность молодыхъ силъ, получившихъ европейское образованіе.

Вернувшіеся молодые люди получили разныя назначенія, часто совсѣмъ не соотвѣтствовавшія степени ихъ образованія и труду, положенному на достиженіе его. Самое почетное назначеніе получилъ Дмитрій Семеновъ-Рудневъ, опредѣленный въ 1774 г. префектомъ и профессоромъ философіи въ Московскую академію. Въ 1775 г. онъ вступилъ уже въ монашество, принявъ имя Дамаскина, былъ ректоромъ академіи, съ 1782 г. епископомъ Сѣвскимъ, а съ 1783—Нижегородскимъ († 1795). О его лингвистическихъ трудахъ говорилось уже выше (стр. 420—21 и 425).

Розановъ былъ утвержденъ въ степени магистра словесныхъ наукъ, но, вмѣсто восточныхъ языковъ, сталъ преподавать въ Александроневской семинаріи франц. и нѣм. языки и математику. Новиковъ умеръ вскорѣ послѣ экзамена, а Смирновъ еще въ Геттингенѣ. Изъ Лейденской и англійской партій, раньше другихъ въ 1772 г. вернулись Левшинъ, Быковъ, Клевецкій и Наумовъ. Первый изъ нихъ сдѣлался священникомъ Московскаго Благовѣщенскаго собора, а Иванъ Наумовъ назначенъ былъ учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ въ Московскую академію (въ 1772 г.), но черезъ четыре года умеръ, уже въ званіи іеродіакона

при Академіи Художествъ. Быковъ сдѣланъ былъ преподавателемъ Троицкой семинаріи, гдѣ и умеръ, а Клевецкій сталъ учителемъ исторіи, географіи и греческаго языка въ Петербургской Александроневской семинаріи.

Инспекторъ Лейденской партіи Исаевъ, подававшій блестящія надежды, скончался, возвращаясь въ Россію, въ Мангеймѣ, инспекторъ англійской группы Никитинъ сталъ профессоромъ, а послѣ и инспекторомъ Морского кадетскаго корпуса. Суворовъ, измѣнившій еще за границей восточнымъ языкамъ для математики (получилъ отъ Оксфордскаго университета дипломъ на званіе магистра), сталъ также преподавателемъ Морского корпуса (математики, миѳологіи, географіи, англ. языка и словесности) и впослѣдствіи профессоромъ математики Московскаго университета. Антонскій и Багрянскій вернулись въ 1775 г. Первый былъ назначенъ въ Московскую академію учителемъ греч. и евр. языковъ на мѣсто своего товарища Наумова, но также скоро умеръ (въ 1777 г.), а Багрянскій въ 1776 г. постригся и былъ сдѣланъ префектомъ и учителемъ философіи Новгородской семинаріи, гдѣ былъ впослѣдствіи и ректоромъ.

Такимъ образомъ большинство студентовъ, посланныхъ за границу для обученія восточнымъ языкамъ, частью умерло преждевременно, частью измѣнило восточной филологіи. Одинъ только Дамаскинъ-Рудневъ, какъ мы уже видѣли выше, вписалъ свое имя на страницы исторіи языкознанія въ Россіи, хотя и не въ области еврейскаго языка, изучить который онъ былъ посланъ. Мѣра, задуманная Екатериной II „на пользу государства“, очевидно потерпѣла неуспѣхъ, отчасти и по винѣ самой императрицы, скоро охладѣвшей къ своей идеѣ [1]).

Еще слабѣе, былъ, конечно, спросъ на еврейскій языкъ въ нашей свѣтской школѣ. Въ этой области мы лишь изрѣдка находимъ указанія на возможность преподаванія его. Такъ въ 1756 г., на должность ректора университетской гимназіи въ Москвѣ, былъ вызванъ докторъ философіи Іоганнъ-Матіасъ Шаденъ, питомецъ Тюбингенскаго университета, гдѣ онъ занимался еврейскимъ языкомъ у проф. Шнуррера. Прибывъ въ Москву, Шаденъ составилъ для гимназіи обозрѣніе преподаванія, въ которомъ выражалъ готовность: „есть ли найдутся которые восточнымъ языкамъ еврей-

---

[1]) См. Чистовичъ, «Исторія С.-Петербургской Духовной академіи» (Спб. 1857), стр. 62—68, 36, 42 и статью неизвѣстнаго автора X.: «Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II. 1773-й годъ» въ «Вѣстникѣ Европы» 1873 г., ноябрь, стр. 300—317.

скому и халдейскому учиться, и оныхъ древности разсмотрѣть пожелаютъ, то онъ (Шаденъ) имъ не только въ филологію руководство тѣхъ восточныхъ языковъ, но и особенное наставленіе въ языкахъ еврейскомъ и халдейскомъ преподастъ“ [1]).

Едва ли, однако, онъ нашелъ такихъ желающихъ. Слишкомъ мало отношенія къ дѣйствительности и ея интересамъ имѣли „еврейскія и халдейскія древности“, привлекающія и въ наше время лишь очень немногихъ. Не удивительно поэтому, если, не смотря на преподаваніе еврейскаго языка въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ, наша учебная и научная литература XVIII в. не представляетъ ни одного пособія для изученія названнаго языка, ни одной статьи, посвященной ему. Даже въ богатой лингвистической коллекціи Аделунга (Имп. публ. библіотека) нѣтъ ничего, что могло-бы быть отмѣчено въ данномъ отдѣлѣ исторіи русской науки. Только въ бумагахъ Палласа, хранящихся въ II отд. библіотеки академіи наукъ въ составѣ лингвистической коллекціи Шёгрена и представляющихъ собраніе матеріаловъ для сравнительнаго словаря Екатерины, дошли до насъ два собранія 286 русскихъ словъ и числительныхъ съ еврейскими значеніями:

1) „Собраніе словъ россійскихъ съ переводомъ Еврейскимъ Андрея Градера“ (14 съ небольшимъ стр. въ поллиста писчей бумаги, еврейскія слова изображены оригинальнымъ письмомъ и русскими буквами съ обозначеніемъ акцентуаціи. См. каталогъ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96 и сл. № 47).

2) Подобное же собраніе безъ заглавія (5½ стр. въ поллиста, еврейскими и русскими буквами, каталогъ Лерха, стр. 96 и слѣд., № 48).

Кромѣ этихъ незначительныхъ памятниковъ изученія еврейскаго языка у насъ въ XVIII в., можно указать еще только на рядъ отдѣльныхъ фантастическихъ этимологій и сравненій съ еврейскими, сирійскими и халдейскими формами, которыя мы находимъ въ нѣкоторыхъ журнальныхъ статьяхъ и у нашихъ этимологизаторовъ историковъ. Такія сравненія съ еврейскимъ, сирійскимъ и халдейскимъ находимъ у Сумарокова (см. выше, стр. 211), у Коха въ статьѣ „О нѣкоторыхъ древнихъ названіяхъ Словенскаго народа“ („Растущій Виноградъ“ 1785 г., см. выше, стр.

[1]) См. Біографич. словарь Имп. Московскаго Университета за истекающее столѣтіе со дня учрежденія января 12-го 1755 года по день столѣтняго юбилея янв. 12-го 1855 г., составленный трудами профессоровъ и преподавателей и т. д. (Москва, 1855 г.). Ч. II. стр. 560.

290—91) и цитированныхъ выше (стр. 465) фантастическихъ экскурсіяхъ въ область египетскихъ іероглифовъ и сфинксовъ; у Болтина въ „Примѣчаніяхъ на исторію Россіи Леклерка“ (см. выше, стр. 271—72) и т. д.

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II еврейскій представленъ двумя рубриками: „по-еврейски“ (№ 81) и „по-жидовски“ (№ 82); за ними слѣдуютъ другіе семитическіе языки: халдейскій (№ 83), сирійскій (№ 84), арабскій (№ 85), мальтійскій (№ 86) и „ассирійскій“ (?! № 87). Подготовительныя работы по халдейскому и „ассирійскому“ сохранились до нашихъ дней въ бумагахъ Палласа, входящихъ въ составъ коллекціи Шёгрена (II отд. библ. Имп. акад. наукъ). Среди нихъ находимъ, напр.: 1) собраніе 285 „ассирійскихъ“ словъ и числительныхъ, озаглавленное: „Произношеніе словъ Ассирійскихъ“ (8 стр. въ поллиста, каталогъ коллекціи Шёгрена, составл. Лерхомъ, стр. 96, № 12);

2) „Произношеніе словъ Халдейскихъ“: такое же собраніе 286 халдейскихъ словъ и числит. (оригин. письмомъ и въ русской транскрипціи) съ русскимъ значеніемъ (7 съ небольшимъ стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, ibid. № 30).

3) Собраніе 286 халдейскихъ словъ и числит. безъ заглавія (12 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, ibidem, № 52).

4) Такое же собраніе безъ заглавія (10 съ небольшимъ стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, ibidem, № 53).

Изъ кавказскихъ языковъ болѣе всего посчастливилось грузинскому. Еще Мессершмидтъ въ началѣ 30-хъ гг. XVIII в. (1733 г.) занимался имъ. Въ собраніи его рукописныхъ замѣтокъ („Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes“, рукопись Азіатскаго музея, отд. III. № 68) находимъ между прочимъ „Alphabetum Grusinensium seu Georgianum“. Въ его-же „Lectiones orientales seu linguarum aliquot orientalium... elementa“ опять встрѣчаются замѣтки, посвященныя грузинскому языку и его азбукѣ. Правительство наше также обращало вниманіе на важность знакомства съ грузинскимъ языкомъ. Такъ, когда въ 1737 г. Св. Синодъ вошелъ въ кабинетъ министровъ съ просьбой о разрѣшеніи напечатать священныя книги „Грузинскими литерами для службы Божіей въ Грузіи“, кабинетъ министровъ, удовлетворяя просьбу, при этомъ случаѣ „наикрѣпчайше рекомендовалъ“ имѣть при синодѣ знающихъ по грузински людей, которые-бы „сами оныя книги на Грузинскомъ языкѣ освидѣтельствовать могли“. Кабинетъ при этомъ совѣтовалъ „стараніе приложить, дабы, какъ того Грузинскаго, такъ и особливо Калмыцкаго языка

обучались и со временемъ потребныя къ душевному наставленію тѣхъ народовъ книги на ихъ природномъ языкѣ напечатаны быть могли“ [1]).

Около этого-же времени при академіи наукъ, по почину „новгородской епархіи архіепископа Грузинскаго монастыря Іоанна, игумена Христофора“, предлагавшаго даже свои услуги въ качествѣ наборщика, печаталась грузинская азбука „на россійскомъ и грузинскомъ діалектахъ“, какъ это было рѣшено въ засѣданіи 17 іюня 1737 г. Для этого изданія (въ количествѣ 500 экземпляровъ) постановлено было въ академической словолитнѣ „отлить вновь литеръ грузинскихъ“ [2]) „по показанію“ помянутаго игумена Христофора. Выраженіе „вновь“ какъ-бы указываетъ, что и раньше подобныя литеры отливались. Но подобное предположеніе опровергается довольно вѣско прошеніемъ типографскаго подмастерья Михаила Яковлева о производствѣ его въ факторы, поданнымъ въ академію наукъ въ іюлѣ 1746 г. Говоря о своихъ заслугахъ, Яковлевъ указываетъ, что онъ исправлялъ „на грузинскомъ языкѣ азбуку, которыхъ при здѣшней типографіи еще никогда не бывало“ [3]).

Такимъ образомъ надо думать, что та азбука, о печатаніи которой шла рѣчь въ академіи въ іюлѣ 1737 г., была первымъ пособіемъ для изученія грузинскаго языка, напечатаннымъ въ Петербургѣ. Азбука эта, впрочемъ, должна представлять собой величайшую библіографическую рѣдкость. По крайней мѣрѣ ея нѣтъ ни въ одномъ изъ главныхъ книгохранилищъ Петербурга, библіотекахъ Имп. Публ., Академической (I отдѣл.), Азіатскаго музея и университетской. Въ библіотекѣ С.-Петербургской духовной академіи, впрочемъ, есть одна подобная азбука, озаглавленная у г. Родосскаго [4]): „Азбука россійская и грузинская. 8°. 32 стр.. 1730 г.“, но отожествить ее съ вышеупомянутой книгой нѣсколько трудно, въ виду отсутствія заглавнаго листа.

Г. Родосскій относитъ появленіе ея ко времени до 1735 г., въ виду присутствія въ ней, въ ряду прочихъ буквъ русской гражданской азбуки, и буквъ S (зѣло) и V (ижица), изгнанныхъ въ этомъ году изъ употребленія по постановленію академіи наукъ. Едва-ли, однако, такой остракизмъ могъ быть особенно строгъ, и потому присут-

---

[1]) См. «Полное собраніе законовъ Росс. имперіи», № 7411.

[2]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Императ. академіи наукъ», т. III, 411—412.

[3]) Тамъ же, т. VIII, стр. 175.

[4]) См. его «Описаніе книгъ гражданской печати XVIII ст., хранящихся въ библіотекѣ Спб. Духовной Академіи». Спб. 1896, стр. 36—37.

ствіе въ нашей книгѣ названныхъ буквъ, вдобавокъ не въ текстѣ, а только въ азбукѣ, врядъ-ли можетъ служить вѣскимъ доказательствомъ ея появленія въ свѣтъ до 1735 г. По шрифту и бумагѣ она несомнѣнно похожа на нѣкоторыя академическія изданія 30-хъ годовъ XVIII в. На первой страницѣ ея — рукописная помѣта „Petropoli", вѣроятно ея прежняго владѣльца, монаха Никодима Селлія, отъ котораго она поступила въ библіотеку Александроневской семинаріи, впослѣдствіи Духовной академіи, въ 1746 г., какъ гласитъ рукописная современная надпись на первыхъ страницахъ книги. Такимъ образомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что академическая азбука грузинскаго языка тожественна съ упоминаемой въ „Матеріалахъ для исторіи Имп. акад. наукъ" подъ 1737 годомъ. Академическій экземпляръ содержитъ русскую и грузинскую (церковную) азбуки, склады, „число аріфметіческое и грузінское", рядъ вокабулъ въ алфавитн. порядкѣ (2 страницы на русск. и груз. языкахъ), нѣсколько молитвъ (слав. и груз. тексты en regard), латинскую транскрипцію груз. азбуки и складовъ съ замѣчаніями на нѣмецкомъ языкѣ о произношеніи нѣкоторыхъ звуковъ (g и h) и параллельные тексты „Отче нашъ" на латинскомъ и грузинскомъ языкахъ. Во всякомъ случаѣ академическая азбука является большой библіографической рѣдкостью и представляетъ одно изъ самыхъ раннихъ пособій для изученія грузинскаго языка, вышедшихъ у насъ въ XVIII в. Грузинскій текстъ вездѣ напечатанъ въ ней церковнымъ шрифтомъ.

Къ 1737 г. относится и появленіе первой краткой рукописной грамматики грузинскаго языка, составленной нѣкіимъ Зурабомъ Шаншоваши въ Москвѣ. Въ составленіи ея принималъ участіе и царевичъ Вахуштъ, сынъ Вахтанга VI. Увидѣла свѣтъ, впрочемъ, эта грамматика лишь 144 года спустя послѣ своего составленія, изданная проф. А. А. Цагарели[1]). Въ 1743 выходитъ грузинская библія, печатавшаяся въ подмосковномъ селѣ Всехсвятскомъ въ грузинской типографіи царевича Бакара, сына Вахтанга VI, переѣхавшаго въ Москву съ семьею въ 1724 г. послѣ раззоренія Тифлиса персіанами[2]), а въ 1747, также въ Москвѣ,—другое изданіе грузинской библіи (имѣются въ библіотекѣ Азіатскаго музэя).

---

[1]) «Краткая грузинская грамматика, составленная Зурабомъ Шаншоваши въ 1737 г., изданная А. Ц[агарели]. Въ память V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ». Спб. 1881 г. 8°. XXIII+75 стр.

[2]) См. Цагарели, «О граммат. литературѣ груз. языка» (Спб. 1873), стр. 102.

За библіей послѣдовалъ псалтырь, напечатанный также въ Москвѣ, въ 1749 г. (Библ. Аз. музея).

Въ серединѣ XVIII в. возникъ и русско-грузинскій рукописный словарь, составленный по приказанію царевича Вахушта, сына Вахтанга VI (см. рукопись Азіат. музея № 98).

Къ 1753 г. относится рукописная грамматика Антонія Католикоса (р. 1714 † 1788), составленная по плану и методѣ армянской грамматики Мхитара севастійскаго (см. ея рукописный экземпляръ въ библіотекѣ Азіатскаго музея, № 88 в.)[1]).

Въ 1758 явилась вторая (?), цитируемая Сопиковымъ (№ 1781) „Азбука Грузинская. М. 1758. 8°". Этого изданія также не имѣется ни въ одномъ изъ вышеперечисленныхъ книгохранилищъ Петербурга, такъ что Сопиковъ служитъ вѣроятно единственнымъ свидѣтелемъ его существованія.

О томъ, что въ началѣ 60-хъ гг. XVIII в. въ академической типографіи имѣлся грузинскій шрифтъ и печатались грузинскіе тексты, свидѣтельствуетъ печатное привѣтствіе на грузинскомъ (оригинальнымъ грузинскимъ шрифтомъ) и русскомъ языкахъ Теймуразу Николаевичу, царю Грузинскому, поднесенное ему типографскими служителями Императ. академіи наукъ, по случаю его прибытія въ Петербургъ въ 1761 г. Экземпляръ его, сохранившійся въ лингвистической коллекціи Аделунга (Имп. Публ. библ.), носитъ дату 21-го іюня 1761 г.

Къ 1767 году относится составленіе второй рукописной грузинской грамматики Антонія Католикоса (рукопись Аз. муз., № 88а), отличающейся особой подробностью и самостоятельностью въ отношеніи какъ формы, такъ и обработаннаго въ ней матеріала, и обнаруживающей уже вліяніе европейскихъ грамматиковъ[2]). Время составленія третьей грамматики Антонія, носящей заглавіе „Симетие", (рукопись Азіат. музея № 91) и представляющей въ сущности приложеніе къ первой части его первой грамматики, въ точности не извѣстно. Самъ Антоній не говоритъ нигдѣ о принадлежности ему этого труда. Она изложена въ формѣ катехизиса и вѣроятно служила школьнымъ руководствомъ[3]). Названные грамматическіе труды Антонія Католикоса имѣли большое вліяніе на послѣдующихъ составителей грузинскихъ грамматикъ,

---

[1]) См. о ней подробнѣе въ только что цитир. книгѣ проф. Цагарели, стр. VII и 1—26.

[2]) См. о ней подробнѣе тамъ же, стр. VII—VIII, 30—35.

[3]) См. о ней подробнѣе тамъ же, стр. 26—30.

которые строго придерживались его терминологіи, опредѣленій и внѣшняго плана [1]).

Въ началѣ и серединѣ 70-хъ гг. XVIII в. собиралъ лексическіе матеріалы по грузинскому языку академикъ Гюльденштедтъ. Въ лингвистической коллекціи Аделунга (имп. публ. библ.) находимъ два рукописныхъ собранія грузинскихъ словъ, фразъ и небольшихъ текстовъ, поступившихъ отъ Гюльденштедта къ прежнему владѣльцу ея Бакмейстеру 18 сент. 1775 г.

Одно изъ этихъ собраній обнимаетъ 14 стр. въ поллиста писчей бумаги и распадается на двѣ части съ отдѣльными заглавіями: „Notae ad linguam qua utitur in Grusia" (о произношеніи русскихъ буквъ съ разными діакритическими значками, примѣненныхъ собирателемъ для изображенія грузинскихъ звуковъ) и „Lingua qua utitur in Georgia". Грузинскія слова приводятся здѣсь въ оригинальныхъ написаніяхъ туземной азбукой, въ русской и латинской транскрипціи. Другое собраніе меньше (11 стр. въ поллиста) и озаглавлено: „Lingua qua utitur in provincia Mingrelia". Здѣсь находимъ также примѣчанія о звуковомъ значеніи примѣненныхъ для транскрипціи русскихъ буквъ.

Кромѣ этихъ рукописныхъ матеріаловъ, собранныхъ Гюльденштедтомъ, довольно обильное собраніе словъ изъ трехъ грузинскихъ діалектовъ (картвельскаго, мингрельскаго и сванетскаго), озаглавленное „Georgianische Mundarten", мы находимъ во второй части его печатнаго путешествія по Россіи (въ 1768—1775 гг.): „Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P. S. Pallas", Спб. 1791. 4°, стр. 496—504. Перечень 105 груз. словъ имѣется также въ I части (стр. 343—4).

Довольно много списковъ грузинскихъ словъ имѣется въ упоминавшихся не разъ выше бумагахъ Палласа, служившихъ матеріалами при составленіи сравнительнаго словаря Екатерины II (1786—89), въ которомъ грузинскій представленъ тремя отдѣльными рубриками: „по Карталински" (№ 108), „по Имиретински" (№ 109) и „по Суанетски" (№ 110). Таковы:

1) Собраніе 286 словъ и числительныхъ (на 11 стр. въ поллиста) на русскомъ языкѣ съ переводомъ на грузинскій, для котораго приготовлены двѣ графы: „переводъ на Грузинской Діалектъ" (оставлена пустой, предназначалась очевидно для подлинныхъ написаній грузинской азбукой) и „Произношеніе", въ которой грузинскія слова переданы русскими буквами (см. рукопис.

[1]) Тамъ же, стр. 35.

каталогъ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, отд. „Бумаги Палласа“, стр. 96 и сл. № 42).

2) Такое же собраніе (на 9 съ небольшимъ стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, тамъ-же, № 43).

3) „Собраніе россійскихъ словъ съ грузинскимъ переводомъ. Г. Канцеляріи совѣтника князя Мауравова“ (286 словъ и числит. грузинскими и русск. буквами, 19 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, тамъ-же, № 44).

4) „Переводъ Грузинскихъ словъ“ (286 словъ и числит. грузинскими и русскими буквами на 8 съ небольшимъ стран. въ поллиста. Каталогъ Лерха, тамъ-же № 45). Въ примѣчаніи разъясняется значеніе нѣкоторыхъ осложненныхъ діакритическими значками знаковъ русской азбуки: Ѓ = лат. g, ќ обозначаетъ „гортанное произношеніе“, ц̇, з̇, ч̇ и ж̇ — особые согласные, свойственные грузинскому и нѣкот. другимъ кавказскимъ языкамъ и т. д.

5) „Dialectes de la langue Georgienne“: 286 словъ и числит., расположенныхъ въ четырехъ графахъ: Russe, Cartuel, Mingrélie, Swanet (10 стр. въ полlistа. Каталогъ Лерха, тамъ-же, № 46).

Въ концѣ 80-хъ годовъ XVIII в. явилась первая печатанная въ Россіи грамматика грузинскаго языка (на грузинскомъ). Она вышла въ Кременчугѣ 2-го октября 1789 г. (143 стр. 8⁰) и содержитъ три части: этимологію, синтаксисъ и орѳографію. Авторомъ ея былъ природный грузинъ, одно время ректоръ грузинской семинаріи, впослѣдствіи архіепископъ, Гаіозъ († въ началѣ XIX в.). Грамматика Гаіоза мало отступаетъ отъ грамматики Антонія, представляя собой удачное ея сокращеніе [1]).

Вѣроятно къ послѣднимъ годамъ XVIII в. (не позже 1798 г.) относится рукописная грамматика царевича Давида [† 1812] (рукопись Азіатскаго музея, № 93, 4⁰), названная „Философической грамматикой“ и изложенная въ формѣ катехизиса. Вліяніе грамматики Антонія замѣтно и здѣсь, но, кромѣ того, авторъ заплатилъ дань и модному въ то время увлеченію „всеобщею“ или „философскою грамматикой“, о чемъ свидѣтельствуетъ не только заглавіе, но и самое содержаніе его труда [2]).

Въ послѣднихъ же годахъ XVIII в. вышла еще одна печатная грузинская азбука (Моздокъ, 1797 г.), экземпляръ которой, составляющій большую библіографическую рѣдкость, имѣется въ библіотекѣ Азіатскаго музея (Georgiana, № 87, f).

---

[1]) Подробнѣе см. о ней въ цит. книгѣ проф. Цагарели, стр. 35—36.

[2]) См. о немъ тамъ же, стр. 36—38.

Другіе кавказскіе языки (не индоевропейскаго происхожденія) также обращали на себя вниманіе нашихъ ученыхъ XVIII в., хотя и не такъ рано, какъ грузинскій. Предметомъ научнаго интереса они сдѣлались лишь въ началѣ 70-хъ годовъ XVIII в., когда на Кавказѣ путешествовалъ академикъ Гюльденштедтъ. Памятникомъ этого интереса служитъ прежде всего рядъ рукописныхъ записей, сдѣланныхъ имъ, или его помощниками, и переданныхъ въ 1775 г. Бакмейстеру, отъ котораго они впослѣдствіи перешли къ Ѳ. П. Аделунгу и въ настоящее время хранятся въ Имп. публ. библіотекѣ, въ составѣ всей лингвистической коллекціи Аделунга. Чеченскій языкъ представленъ здѣсь небольшимъ собраніемъ числительныхъ и фразъ на русскомъ и чеченскомъ языкахъ, озаглавленнымъ „Lingua qua utitur in districtu Tschetschen“ (5 стр. въ поллиста, чеченскія слова изображены латинск. и русскими буквами); аварскій языкъ—такимъ же собраніемъ, носящимъ заглавіе: „Lingua qua utitur in districtu Auar seu Chunsag“ (8 стр. въ поллиста, числит. и фразы на русскомъ и аварскомъ языкахъ, послѣднія въ латинской и русской транскрипціи); даргинскій (по терминологіи Вс. Ѳ. Миллера) и его діалекты послужили матеріаломъ для слѣдующихъ записей: „Lingua districtus Kasi Kumuch“ (также числительныя и фразы, 9 стр. въ поллиста); „Lingua qua utitur in districtu Andi“ (тоже, 7 стр. въ поллиста); „Lingua qua utitur in districtu Akuscha“ (тоже, 5 стр. въ поллиста). Западногорская группа представлена только одной записью: „(Kabardaice) Tscherkesice“ (также числительныя и фразы на русскомъ и черкесскомъ языкахъ, съ двоякой транскрипціей черкесскихъ словъ русскими и латинскими буквами, 9 стр. въ поллиста). Всѣ эти записи носятъ помѣту на франц. языкѣ о полученіи ихъ (Бакмейстеромъ) отъ Гюльденштедта 13 сент. 1775 г.

Записи эти очевидно представляютъ только часть того черноваго матеріала, который легъ въ основаніе глоссаріевъ разныхъ кавказскихъ языковъ, напечатанныхъ во 2-й части описанія путешествія Гюльденштедта по Кавказу, изданнаго уже послѣ его смерти (1781) академикомъ Палласомъ[1]).

Мы находимъ здѣсь глоссаріи слѣдующихъ кавказскихъ не индоевр. языковъ: Мицджегизскіе діалекты (Mizdschegisische Mundarten): чеченскій, ингушскій, тушетскій (стр. 504—511); лезгинскіе діалекты: анцугскій, джарскій, хунсагскій, дидоійскій (стр. 512—519); языки

[1]) Güldenstädt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P. S. Pallas. Ч. II. Спб. 1791. 4°.

казикумыковъ, андійскій и акушинскій (стр. 520—527); языки кабардинскіе и абхазскіе (кабардинскій, кушъ-хасибъ-абхазскій и алтекесекъ-абхазскій, стр. 527—535). Кромѣ того, въ путешествіи Гюльденштедта приводятся и глоссаріи нѣкоторыхъ иранскихъ языковъ Кавказа и смежныхъ или близкихъ странъ. О нихъ мы скажемъ ниже, въ своемъ мѣстѣ. Свѣдѣнія о географическомъ распредѣленіи разныхъ кавказскихъ языковъ даетъ первая часть путешествія Гюльденштедта, содержащая описаніе разныхъ мѣстностей Кавказа.

Первую классификацію кавказскихъ языковъ далъ также Гюльденштедтъ въ письмѣ своемъ къ Бакмейстеру, напечатанномъ въ „Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Büchern und Sachen“ (Берлинъ, 1773 г. 23-es Stück отъ 31-го мая, стр. 173—76), издававшихся Бюшингомъ. Гюльденштедтъ различаетъ здѣсь 6 языковъ: 1) татарскій, съ діалектами: нагайскимъ, кумыкскимъ, „терекеменскимъ“ или трухменскимъ; 2) лезгинскій, съ шестью діалектами; по мнѣнію Гюльденштедта—одного происхожденія съ пермяцкимъ, вотяцкимъ, черемисскимъ и венгерскимъ (!); 3) кистійскій (въ Чечнѣ и т. д.: происхожденіе не извѣстно, но во всякомъ случаѣ не европейское); 4) осетинскій (съ двумя діалектами: дугорскимъ и гирскимъ; сынъ персидскаго языка); 5) черкесскій (съ двумя въ высшей степени различными и едва-ли одного происхожденія діалектами въ Кабардѣ и Абхазіи); 6) грузинскій (съ тремя діалектами: кахетинскимъ и картвельскимъ, мингрельскимъ и сванетскимъ). При этомъ Гюльденштедтъ сообщалъ, что имъ собраны еще матеріалы по венгерскому, калмыцкому, армянскому, ново арабскому, персидскому и курдскому, который онъ называлъ: „ein stark abweichender Dialekt der persischen Sprache“.

Кромѣ Гюльденштедта, лексическіе матеріалы по кавказскимъ языкамъ собиралъ также Палласъ. Надо думать, что глоссаріи въ печатномъ изданіи путешествія Гюльденштедта основываются отчасти и на записяхъ Палласа. Этимъ быть можетъ, объясняется разница между печатными глоссаріями Гюльденштедта и его рукописными собраніями лингвистическихъ матеріаловъ по кавказскимъ языкамъ, пошедшими въ составъ коллекціи Аделунга. Въ печатныхъ глоссаріяхъ находимъ больше языковъ, чѣмъ въ его рукописныхъ матеріалахъ. Очень можетъ быть, что Палласъ, издававшій путешествіе Гюльденштедта, пополнилъ его лексическіе матеріалы и изъ своихъ записей. Одна изъ такихъ записей имѣется въ коллекціи Аделунга. Она носитъ два заглавія — нѣмецкое и французское: „Wörter-Sammlung aus der Kasikumuchi-

schen, Andischen, und Akuschischen Sprache. Aus Pallas Papieren. Comparaison des langues des Kasikumuchs, des Andis et du district Akouscha, dans le Caucase. Not. Les Kouräli parlent la langue de l'Akouscha à quelques mots près". Здѣсь находимъ русско-кумыцко-андійско-акушинскій глоссарій (на 8 стр. въ поллиста). Кромѣ того въ коллекціи Аделунга имѣется еще одно небольшое собраніе черкесскихъ словъ, конца XVIII в., озаглавленное (вѣроятно, Бакмейстеромъ): „Tscherkessische Sprachproben von dem Stamm Хатукайцы". Это—небольшой черкесско-нѣмецкій глоссарій (на 2 стр. въ поллиста), неизвѣстно кѣмъ составленный; черкесскія слова изображены русскими буквами.

Въ упоминавшихся уже не разъ выше бумагахъ Палласа, составляющихъ часть коллекціи Шёгрена (II отд. библіотеки Имп. акад. наукъ) имѣется нѣсколько глоссаріевъ разныхъ кавказскихъ языковъ, служившихъ матеріаломъ при составленіи сравнит. словаря Екатерины II и вѣроятно находящихся въ нѣкоторой связи и съ матеріалами Гюльденштедта. Таковы:

1) Лезгинскій глоссарій, п. з.: „Dialectes de la langue des Lesghi, selon les differents Districts (Russe-Antzough, Djâr, Chounsagh, Dido), обнимающій 8 стр. въ четвертку (Каталогъ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96, № 17);

2) Собраніе 286 словъ и числит. съ „переводомъ на Лезгинской (и Осетинской) діалектъ, писма не имѣющей" ($10^1/_3$ стр. въ поллиста, транскрипція русскими буквами, безъ ударенія. Каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 80);

3) Такое же собраніе ($11^1/_2$ стр. въ поллиста, тамъ-же, № 81);

4) „Слова Черкесъ Кабардинскихъ" (284 слова и числит. на 6 стр. въ поллиста, транскрипція русск. буквами, тамъ-же, № 61);

5) „Comparaison des Dialectes du Kabarda et de l'Abassa avec la langue Hongroise" (русско-венгерско-алтекесекъ-кушъ-хасинъ-кабардинскій глоссарій на $7^1/_2$ стр. въ поллиста, тамъ-же, № 62).

6) Рукописное собраніе 286 словъ и числительныхъ: „переводъ на Андійской и Ингушевской діалектъ писма неимѣющей" (10 съ небольш. стр. въ поллиста, русская транскрипція. Каталогъ Лерха, стр. 96. № 2).

7) Такое-же собраніе (12 стр. въ поллиста. Каталогъ Лерха, стр. 96, № 2).

8) „Comparaison des langues des Kasikumuchs, des Andis et du district Akuscha dans le Caucase" (сравнит. глоссарій названныхъ язз. ($6^1/_2$ стр. въ поллиста, тамъ-же, № 71); глоссарій этотъ тождественъ съ упомянутымъ выше одинаково озаглавленнымъ и находящимся въ коллекціи Аделунга (Имп. публ. библ.).

9) Собраніе 286 словъ и числительныхъ, съ „переводомъ на курской (курдскій) діалектъ писма не имеющій“, и на „чеченской діалѣктъ писма не имеющій“ (транскр. русская, съ обозначеніемъ ударенія, 11 стр. въ поллиста, тамъ-же, № 74).

10) Такое-же собраніе 286 словъ и числит. съ переводомъ на „Куртской“ и „Чеченской“ діалекты (11 стр. въ поллиста, тамъ-же, № 75).

11) Сравнительный глоссарій, озаглавленный: „Comparaisons de la langue des Doughors et Ossetins avec celle des Mitschdegises et ses dialectes“ (ингушскимъ и тушетскимъ; 8 стр. въ поллиста, тамъ-же, № 89).

12) Собраніе 286 словъ и числит. на черкесскомъ яз. (русск. буквами), озаглавленное: „Переводъ на Черкесской діалектъ писма не имеющій“ (14 стр. въ поллиста, тамъ-же, № 115);

13) Такое-же собраніе (10 стр. въ поллиста, тамъ-же, № 114).

Въ словарѣ Екатерины II кавказскіе языки объединены въ двѣ разныя группы; одна, меньшая, заключаетъ въ себѣ языки: „Аварскій, Кубачинскій [1]) и Лезгинскіе діалекты, родовъ: Анцугъ, Джаръ, Хунзагъ и Дидо“ (№№ рубрикъ: 48—53), другая, болѣе крупная, одна только и получившая въ предисловіи къ словарю названіе „Кавказскихъ языковъ“, обнимаетъ три вышеупомянутыхъ (стр. 478) грузинскихъ діалекта: карталинскій, имеретинскій и суанетскій, языкъ кабардинскихъ черкесовъ, два абхазскихъ или “абассинскихъ“ діалекта (*алтекезекъ* и *кушьгазибъ*), языки и діалекты: „чеченгскій, ингушевскій, кази-кумыцкій, андійскій и акушинскій“ (№№ рубрикъ: 108—119). Первая группа помѣщена между венгерскимъ и „чюхонскимъ“ языками, а вторая между армянскимъ (помѣщеннымъ вслѣдъ за тюркскими языками) и самоѣдскимъ. Такъ какъ размѣщеніе языковъ въ словарѣ Екатерины II болѣе или менѣе основано на ихъ взаимномъ родствѣ между собою, то такое распредѣленіе кавказскихъ языковъ характеризуетъ до нѣкоторой степени и взгляды составителей словаря на родство названныхъ языковъ между собою и съ другими языками. Недаромъ одинъ изъ вышеупомянутыхъ рукописныхъ кавказскихъ глоссаріевъ собранія Палласа (№ 5) представляетъ сравненіе кабардинскаго и абхазскаго съ венгерскимъ. О родствѣ кавк. языковъ съ самоѣдскимъ вполнѣ опредѣленно (разумѣется ошибочно) говорится въ предисловіи: „въ нихъ (кавк. язз.), равно какъ въ сродныхъ съ ними Лезгинскихъ нарѣчіяхъ, можно видѣть нѣкоторые слѣды сходства

[1]) Въ отдѣлѣ числительныхъ (въ концѣ II т. Словаря) кубачинскій и аварскій представлены каждый въ двухъ діалектическихъ формахъ.

съ Самоѣдскимъ языкомъ, которое встрѣчается также и у малыхъ народовъ, въ горахъ между Сибирью и Китайскимъ государствомъ живущихъ".

Въ одно время съ Гюльденштедтомъ путешествовалъ сотоварищъ, а иногда и спутникъ Палласа, I. Г. Георги († 1802). Плодомъ его наблюденій въ области этнографіи, часто близко соприкасающейся съ языкознаніемъ, была его извѣстная книга „Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion... und übrigen Merkwürdigkeiten. 4 ч. in 4°. Спб. 1776—80 [1]). Во второй части этого труда [2]) находимъ также нѣсколько словъ о кавказскихъ языкахъ, не лишенныхъ интереса въ историческомъ отношеніи: „думать надобно, что всѣ кавказскіе яз. произошли отъ Татарскаго (!), изъ коего много занято словъ во всѣ тамошніе языки: однакожъ въ иныхъ попадается не мало словъ и Финскихъ, въ другихъ Славянскихъ и Италіанскихъ (?), а въ нѣкоторыхъ, и совсѣмъ неизвѣстныхъ. Языки ихъ можно вообще раздѣлить на чистой Татарской, Черкаской, Лесгинской, Кистинской или Чеченгской, Грузинской и Осетской". О послѣднемъ авторъ, впрочемъ, съ бо́льшей основательностью замѣчаетъ: „кажется, что онъ произошелъ отъ Персидскаго" (слѣдовало бы сказать: „родственъ персидскому"). Какъ видно изъ предыдущаго (стр. 481), Георги повторяетъ здѣсь классификацію Гюльденштедта, данную послѣднимъ въ „Wöchentl. Nachrichten" Бюшинга. Для характеристики взглядовъ Георги прибавимъ еще, что онъ находилъ на Кавказѣ и „чеховъ или Богемцевъ", которые „у Базіанъ (?) говорятъ испорченнымъ и перемѣшаннымъ Богемскимъ языкомъ (?!)".

Лексическій матеріалъ по кавказскимъ языкамъ, хотя и не богатый, даетъ также описаніе Кавказа доктора Якоба Рейнегса [3]),

---

[1]) Одновременно вышелъ русскій переводъ, 3 ч. 4° 1776—1777, а черезъ 23 года и второе изданіе его п. з.: Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ, ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, упражненій, забавъ, вѣроисповѣданій и т. д. Иждивеніемъ книгопродавца Ивана Глазунова, съ позволенія С.-Петербургской цензуры. Спб. 1799. 4 части in 4°.

[2]) Цитируемъ по 2-му изданію 1799, ч. II, О народахъ татарскаго племени, стр. 66 и 67.

[3]) Dr. Jacob Reineggs, «Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Aus dessen nachgelassenen Papieren gesammelt und herausgegeben von Friedrich Enoch Schröder. Th. I. Gotha und S.-Petersburg bei Gerstenberg und Dittmar. 1796. 8°. XII + 294 и 3 гравюры. Th. II. Hildesheim und S.-Petersburg bei Gerstenb. u. Dittm. 1797. 8°. XVI + 432 (съ карт.). Біографическія свѣдѣнія о Рейнегсѣ см. во II ч. его описанія, стр. 211—295, Аделунгъ, «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergl. Sprachenkunde» (Спб. 1815, стр. 199).

гдѣ находимъ небольшія собранія числительныхъ и словъ изъ нѣсколькихъ названныхъ языковъ: „Einige Wörter der Kisti Sprache und der Zschetschens“ (по 10-ти числительныхъ и 12 словъ, ч. I стр. 38), главныя числительныя (1—10, 11—20, 30—90, 100, 1000), 20 словъ и 6 мѣстоименій черкесскаго языка („der Tscherkassischen Sprache“, ч. I, стр. 247—48) и 18 словъ тайнаго или придворнаго языка „Sikowschir“ (тамъ-же, стр. 248).

Нѣкоторыя свѣдѣнія о кавказскихъ языкахъ сообщаетъ также переводная съ нѣм. книга „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.“ (М. 1798), изданная Ник. Черепановымъ (см. выше, стр. 250—52). Такъ, на стр. 21, здѣсь говорится о разницѣ между языкомъ „черкасовъ“ и „лесговъ“: „Лесги говорятъ особливымъ языкомъ и отчасти смѣшаннымъ съ турецко-татарскимъ и кумыкскимъ. Черкасы говорятъ своимъ собственнымъ языкомъ“. Безсодержательность и ошибочность этихъ свѣдѣній, конечно, должна быть поставлена на счетъ автора—нѣмца, а не переводчика—Черепанова, но во всякомъ случаѣ она свидѣтельствуетъ о томъ, что работы Гюльденштедта и Палласа какъ-бы не существовали для нашей ученой литературы, хотя со времени ихъ прошло уже около четверти вѣка.

Изъ другихъ языковъ Азіи вниманіе нашихъ собирателей лингвистическихъ матеріаловъ въ XVIII в. привлекали также и нѣкоторые изолированные или такъ называемые „гиперборейскіе“ языки, преимущественно дальняго ея востока.

Образцы *юкагирскаго* языка собирали упоминавшіеся уже выше участники экспедиціи капитана Биллингса въ Чукотскую землю и сосѣднія области (1785—1794): штабъ-лѣкарь Робекъ, секретарь Биллингса Мартинъ Зауеръ и натуралистъ Меркъ. Изданы были эти матеріалы только первыми двумя, уже въ XIX в. [1]);

[1]) Путешествіе капитана Биллингса, въ приложеніи къ которому были напечатаны и словари Робека, издано было Сарычевымъ въ 1811 г. (Спб. Въ Морской Типографіи, 4⁰. IV + 191 стр. + 6 гравюръ и картъ); записки Зауера вышли на англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ, въ 1802 г. п. з. «An account of a geographical and astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia... performed by Command of Her Imp. Maj. Catherina the Second, by Commodore Joseph Billings, in the years 1875 etc. to 1794. The whole narrated from the original papers by Martin Sauer, secretary to the Expedition (4⁰)». Тогда-же вышли французскій (J. Castéra. Paris. 1802. 2 m. 4⁰) и нѣмецкій (Берлинъ. 1802. 8⁰) переводы. Юкагирскій глоссарій (параллельно съ якутскимъ и тунгузскимъ) приложенъ въ концѣ оригинальнаго англійскаго изданія (Appendix, № 1, стр. 1—8) и является плодомъ занятій самого Зауера, какъ это видно изъ его примѣчанія въ концѣ всей книги (см. выше, стр. 416, прим. 1). Въ нѣмецкомъ переводѣ данный глоссарій находится на стр. 387 и слѣд.

записи-же Мерка остались въ рукописи и достались впослѣдствіи Ѳ. Аделунгу [1]). Въ современномъ составѣ коллекціи Аделунга ихъ, однако, не сохранилось. Юкагирскія слова (изъ Устьянска) находятся также въ одномъ сборникѣ лексическихъ матеріаловъ изъ коллекціи Аделунга, уже цитированномъ выше (стр. 415), а именно въ латино-тунгузско-бурятско-юкагирскомъ глоссаріи, относящемся, вѣроятно, къ послѣдней четверти XVIII в. Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II юкагирскій языкъ тоже представленъ (№ 147) и помѣщенъ между тунгузскими нарѣчіями и аринскими.

Изъ рукописныхъ матеріаловъ, служившихъ источниками для названнаго словаря или предназначавшихся къ тому, сохранились до нашихъ дней два собранія юкагирскихъ словъ, находящіяся въ лингвистической коллекціи Шёгрена, въ отдѣлѣ бумагъ Палласа (ср. рукописный каталогъ коллекціи, сост. Лерхомъ, стр. 96 и сл.), во II отд. библіотеки Имп. акад. наукъ. Первое, англо-юкагирское, озаглавлено: „Vocabulary of Dialect of the Kovima Ukagers" (13 стр. въ поллиста) и снабжено надписью: Captain 2° rank Joseph Billings (см. каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 59). Очевидно составителемъ его является кто-нибудь изъ вышеномянутыхъ спутниковъ и сотрудниковъ Биллингса, если не онъ самъ, что довольно сомнительно. Второе собраніе 30 числительныхъ озаглавлено: „Переводъ на юкагирской языкъ, переводчиковъ здѣсь не случилось а нижеписанныя слова наидены въ прежнихъ дѣлахъ" и обнимаетъ собой всего одну стр. въ поллиста (каталогъ Лерха, тамъ-же, № 60).

Кромѣ того, въ Имп. публ. библіотекѣ находится чукотско-коряцко-юкагирскій переводъ около 50 фразъ, сдѣланный толмачемъ этихъ языковъ въ 1781 г., по иниціативѣ тогдашняго оберъ-коммендапта Охотской гавани капитанъ-лейтенанта Зубова и упоминаемый Л. Радловымъ въ его статьѣ „Ueber die Sprache der Tschuktschen und ihr Verhältniss zum Korjakischen (Mémoires de l'Academie, 7-я серія, III, № 10, 1861, стр. 55)", въ приложеніи къ которой и напечатана чукотско-коряцкая часть этого перевода (безъ юкагирскаго яз.).

Лексическіе матеріалы по обоимъ *чукотскимъ* языкамъ собирали тѣ-же участники экспедиціи Биллингса: докторъ Робекъ, давшій глоссаріи осѣдлыхъ и кочующихъ чукчей [2]), и натура-

[1]) Запись Мерка была озаглавлена: «Wörter der Jukagiren aus Werchnei-kowimsk (Верхнеколымскъ), см. Аделунгъ, «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde». Спб. 1815. Стр. 198.

[2]) См. второе отдѣленіе «Краткаго словаря двенадцати нарѣчій разныхъ

листъ Меркъ (глоссаріи оленныхъ, т. е. кочующихъ чукчей, и айванскихъ, т. е. осѣдлыхъ). Записи послѣдняго сохранились до нашего времени въ составѣ лингвистической коллекціи Аделунга, въ видѣ нѣмецко-чукотско-упалашкинско-алеутско-камчадальскаго глоссарія (16 листовъ продолговатаго формата въ поллиста писчей бумаги; инородческія слова переданы латинскими буквами). Въ словарѣ Екатерины II чукотскіе языки не отличаются другъ отъ друга, и для нихъ имѣется только одна рубрика, въ которой обыкновенно приводятся лишь формы, свойственныя языку кочующихъ чукчей.

Изъ матеріаловъ, служившихъ при составленіи названнаго словаря, въ собраніи бумагъ Палласа, хранящихся въ составѣ Шёгреновской коллекціи во II отд. библіотеки Имп. акад. наукъ, до насъ дошли слѣдующія рукописныя записи образцовъ чукотскаго языка: 1) Собраніе 296 словъ и числительныхъ, озаглавленное: „Переводъ россійскихъ словъ на ламуцкой, чукоцкой, корятской и камчатской діалекты“ (22 стр. въ поллиста, транскрипція русск. буквами; см. рукописный каталогъ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96 и сл. № 78). См. о немъ въ статьѣ Л. Радлова „Ueber die Sprache der Tschuktschen und ihr Verhältniss zum Korjackischen“ (Mémoires de l'Academie“, 7 серія, III, № 10. 1861, стр. 1 и сл.). Въ сокращеніи (до 238 словъ) это собраніе было напечатано у Лессепса въ „Journal Historique de Voyage“ (Парижъ, 1790 г., 8^{0}, т. II. 356—76);

2) цитированное выше (стр. 486) собраніе около 50 фразъ, переведенныхъ въ 1781 г. на чукотскій, коряцкій и юкагирскій языки, по приказанію Охотскаго оберъ-комменданта капитанъ-лейтенанта Зубова;

3) собраніе 278 фразъ и словъ (около 50), переведенныхъ на чук. языкъ и озаглавленное: „Словарь россійской съ чукотскимъ языкомъ. Здѣсь переводчиковъ нонѣ не случилось, а найдены въ прежнихъ дѣлахъ нѣкоторые слова съ переводомъ поданнымъ отъ бывшаго въ чукотскихъ жилищахъ переводчика онаго языка Дауркина“ (8$^{1}/_{2}$ стр. въ поллиста, Каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 119). Оригиналъ этого собранія, посланный въ Петербургъ академикомъ Лаксманомъ, находится въ Имп. публ. библіотекѣ и описанъ Л. Радловымъ въ упомянутой уже выше статьѣ („Mem. de l'Acad.“ 7 сер. III. № 10, 1861, стр. 54—55).

народовъ, обитающихъ въ сѣверовосточной части Сибири и на Алеутскихъ островахъ», составленнаго Робекомъ и приложеннаго къ цитированному выше «Путешествію капитана Биллингса» (Спб., 1811).

Первымъ послѣ Страленберга (см. выше, стр. 202) собирателемъ матеріаловъ по *коряцкому* языку, родственному съ языкомъ кочующихъ чукчей, былъ профессоръ академіи Ст. П. Крашенинниковъ (1713—1755), еще студентомъ путешествовавшій по Сибири, вмѣстѣ съ академикомъ Г. Ф. Миллеромъ въ 1733—43 гг. Въ III части его описанія Камчатки [1]), кромѣ перечня коряцкихъ именъ (стр. 165), находимъ цѣлую главу (XXI) „О коряцкомъ народѣ", содержащую общія замѣчанія о названномъ языкѣ и собраніе словъ изъ четырехъ его діалектовъ (стр. 169—178). Впервые здѣсь (стр. 163) указывается сходство коряцкаго (сидячихъ и оленныхъ коряковъ, такъ назыв. олюторовъ) съ чукотскимъ, что́, однако, упущено изъ виду въ сравнит. словарѣ Екатерины II, утверждающемъ (предисловіе), что „чукотское нарѣчіе" отъ коряцкаго „очень отлично".

Крашенинниковъ, впрочемъ, еще не дѣлаетъ различія между двумя разными чукотскими языками, изъ которыхъ только одинъ (кочующихъ чукчей) схожъ съ коряцкимъ. Коряцкій глоссарій („Wörterbuch der üblichen Sprache der Koriäken, von Tumana bis Aklan"), содержащій около 400 словъ, находится также въ составленномъ Г. Ф. Миллеромъ приложеніи къ описанію путешествія по Камчаткѣ адъюнкта академіи Г. В. Штеллера (Стеллера), бывшаго одно время спутникомъ Крашенинникова [2]). Нѣкоторые матеріалы по коряцкому доставлялъ Бакмейстеру и нашъ академикъ-натуралистъ, Эрикъ Лаксманъ, поселившійся въ Сибири въ началѣ 80-хъ гг. XVIII в. [3]). Наконецъ, лексическіе матеріалы по тому-же языку собиралъ (въ 1785—94 гг.) и докторъ Робекъ,

---

[1]) «Описаніе земли Камчатки сочиненное Степаномъ Крашенинниковымъ, Академіи Наукъ Профессоромъ». Т. II. Спб. При Имп. Акад. наукъ 1755. 4°. Часть III.

[2]) «Georg Wilhelm Stellers gewesenen Adjuncti und Mitglieds der Kayserlichen Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg Beschreibung von dem Lande Kamtschatka dessen Einwohnern, deren Sitten, Namen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten herausgegeben von I. B. S(cherer). Mit vielen Kupfern. Frankfurt und Leipzig bei Johann Georg Fleischer 1774». 8°. Нум. 24 + 4 ненум. + нум. 384 + 71 стр. приложенія: «Geographie und Verffassung von Kamtschatka aus verschiedenen schriftlichen und mündlichen Nachrichten gesammlet zu Jakuzk, 1737». Коряцкій глоссарій находится на стр. 59—71. Общую характеристику коряцкаго Штеллеръ даетъ на стр. 12 своего описанія Камчатки.

[3]) См. Adelung, «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde». Спб. 1815, стр. 28. Въ біографіи Лаксмана, составленной В. Лагусомъ (Спб. 1890, изд. академіи наукъ), объ этихъ занятіяхъ его свѣдѣній нѣтъ.

участникъ экспедиціи Биллингса [1]). Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II коряцкій языкъ представленъ тремя рубриками: 1) по коряцки, 2) по коряцки на Тигилѣ, 3) по коряцки на р. Колымѣ.

Изъ рукописныхъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ Палласомъ былъ составленъ только что названный словарь, до насъ дошли слѣдующія записи, хранящіяся въ отдѣлѣ бумагъ Палласа въ Шёгреновской коллекціи (II отд. библ. Имп. акад. наукъ): 1) собраніе образцовъ камчадальскаго, курильскаго и коряцкаго языковъ изъ бумагъ Штеллера, озаглавленное: „Specimina linguarum in terris Kamtschaticis usitatarum“ (27 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 68). Коряцкому здѣсь отведено 4 графы для разныхъ его діалектовъ. По словамъ самого собирателя, часть его матеріаловъ почерпнута изъ записей Крашенинникова, часть-же (въ томъ числѣ два коряцкихъ діалекта) собрана имъ самимъ. Штеллеръ собиралъ эти слова въ Якутскѣ отъ камчадальскихъ, курильскихъ и коряцкихъ заложниковъ (см. объ этой записи цитир. выше статью Л. Радлова, въ „Mém. de l'Acad.“ 7. III. № 10. 1861, стр. 6).

2) Цитир. выше (стр. 487) собраніе 296 словъ на камчад., коряцкомъ, чукотскомъ и ламутскомъ языкахъ.

3) Цитир. выше (стр. 486) собраніе около 50 фразъ, сдѣланное въ 1781 по инициативѣ Охотскаго оберъ-коммендапта Зубова.

Нѣкоторыя свѣдѣнія (въ общемъ неточныя) о коряцкомъ языкѣ давала также цитиров. выше (стр. 250—52) книга, переведенная съ нѣм. И. Е. Черепановымъ „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.“. (1798). На стр. 45—46 здѣсь утверждается, что коряки... „не принадлежатъ къ Татарамъ... и дѣлятся на Чукчей (въ языкѣ коихъ „основаніе должно быть Корякское“) и собственно Коряковъ и Камчадаловъ. Курильцы суть различной отъ нихъ народъ и имѣютъ особливой языкъ“.

Языкъ обитателей острова Кадьяка, родственный языку осѣдлыхъ чукчей, привлекалъ вниманіе уже знакомыхъ намъ участниковъ экспедиціи Биллингса. Лексическіе матеріалы собирали: Меркъ [2]),

---

[1]) См. второе отдѣленіе его «Краткаго словаря двѣнадцати нарѣчій разныхъ народовъ и т. д.», въ «Путешествіи капитана Биллингса» (Спб. 1811).

[2]) См. его многоязычный глоссарій изъ лингвистической коллекціи Аделунга (Нѣмецко - кадьякско - тигильско-камчатскій), озаглавленный: «Bey der Billingschen Expedition von Dr. Merk gesammelt» (25 стр. in 4°. Транскрипція—латинская).

Робекъ [1]) и Зауеръ [2]). Въ словарѣ Екатерины II онъ отсутствуетъ.

Довольно много лексическаго матеріала доставили наши собиратели XVIII в. по *камчадальскому* языку и его нарѣчіямъ. Такъ мы имѣемъ свѣдѣнія, что еще въ 1739 г. Г. Ф. Миллеръ, путешествовавшій въ это время по Сибири, отправилъ изъ Енисейска въ сенатъ „вокабуляріумъ камчатскихъ языковъ“ [3]), а въ 1742 году изъ Тобольска—„вокабуляріумъ“ трехъ камчатскихъ языковъ [4]).

Сопровождавшій его Крашенинниковъ посвящаетъ всю третью часть своего „Описанія земли Камчатки“ (т. II. Спб. При Имп. Акад. Наукъ, 1755, 4⁰) описанію камчатскихъ народовъ (ч. III. „О камчатскихъ народахъ“. Стр. 1—319). Глава I (стр. 1—7) трактуетъ здѣсь „О камчатскихъ народахъ вообще“, а глава II (стр. 8—14) „О произхожденіи званія камчадалъ и камчадальскаго народа по однимъ токмо догадкамъ“. Въ послѣдней главѣ Крашенинниковъ находитъ сходство камчадальскаго съ монгольскимъ и китайскимъ (что́, разумѣется, невѣрно), а въ главѣ XX (стр. 137—145) сообщаетъ данныя „О разныхъ нарѣчіяхъ Камчатскаго народа“ [5]). Лексическій матеріалъ и тексты находимъ также въ цитированномъ уже выше (стр. 488 прим. 2) описаніи Камчатки спутника Крашенинникова, Г. В. Штеллера. Кромѣ камчадальскихъ или „ительменскихъ“ пѣсенъ (стр. 334, 336—38), мы находимъ здѣсь образчики именъ (стр. 353), бранныхъ словъ (стр. 357—58), названія разныхъ дѣленій времени, мѣсяцевъ, птицъ и т. д. (глава XXIV).

Общую характеристику камчадальскаго языка (очень наивную на современный взглядъ) Штеллеръ даетъ на 12 стр. своего опи-

---

[1]) См. четвертый отдѣлъ его «Краткаго словаря двѣнадцати нарѣчій и т. д.», приложеннаго къ «Путешествію капитана Биллингса» (Спб. 1811), и рукописный нѣмецко-кадьякскій глоссарій, сохранившійся въ коллекціи Аделунга: «Wörterbuch von der Insel Kadjak. Gesammelt von dem Dr. Robeck, welcher Capt. Billings als Arzt begleitete» (8 стр. въ поллиста).

[2]) См. его «Vocabulary of the languages of Kamtshatka, the aleutan islands, and of Kadiak» въ Appendix № 2 къ цитированному уже выше его описанію путешествія Биллингса: «An account of a geographical and astronomical Expedition etc.» (стр. 9—14).

[3]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. академіи наукъ», т. VIII, стр. 206.

[4]) Тамъ-же, стр. 209.

[5]) Работы Крашенинникова относятся къ концу 40-хъ гг. XVIII в. 23-го іюня 1749 г. онъ писалъ въ академію наукъ о ихъ ходѣ и сообщалъ даже оглавленіе готовой III части, въ которомъ 19-я глава носила заглавіе «О разныхъ нарѣчіяхъ камчатскаго народа съ пріобщеніемъ краткаго вокабулярія». См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. акад. наукъ», т. IX. 746—48.

санія Камчатки. Ему же принадлежитъ сохранившееся среди бумагъ Палласа (II отд. библ. Имп. акад. наукъ, коллекція Шёгрена) рукописное собраніе лексич. матеріала, цитированное уже выше: „Specimen linguarum in terris Kamtschaticis usitatarum", гдѣ камчадальскимъ діалектамъ отведено цѣлыхъ четыре графы (изъ общаго числа 9). Большая часть этихъ матеріаловъ по камчадальскому собрана была самимъ Штеллеромъ, небольшая же часть почерпнута изъ записей Крашенинникова. Кромѣ того, въ томъ же собраніи бумагъ Палласа имѣется также цитированное уже выше (стр. 487) рукописное собраніе 296 словъ и числительныхъ на ламутскомъ, чукотскомъ, коряцкомъ и *камчадальскомъ* языкахъ (Каталогъ Лерха, стр. 96 и сл. № 78). Несмотря на работы Крашенинникова и Штеллера, всетаки въ самомъ концѣ XVIII в. мы встрѣчаемъ еще печатныя утвержденія (хотя бы и въ переводной съ нѣм. книгѣ), что камчадалы (какъ и чукчи, что́, впрочемъ, вѣрно) суть лишь одно изъ коряцкихъ племенъ (см. выше, стр. 491).

Спутники Биллингса Робекъ, Меркъ и М. Зауеръ также занимались собираніемъ лексическаго матеріала по камчадальскому языку. Первый посвятилъ діалектамъ Большерѣцкихъ, Нижнекамчатскихъ и Тигильскихъ камчадаловъ третье отдѣленіе своего „Краткаго словаря двѣнадцати нарѣчій разныхъ народовъ, обитающихъ въ сѣверовост. части Сибири" [1]), второй составилъ нѣсколько рукописныхъ глоссаріевъ, доставшихся впослѣдствіи Ѳ. П. Аделунгу [2]), а третій обнародовалъ свои записи въ цитированномъ уже выше (стр. 416, примѣч. 1-е) описаніи экспедиціи Биллингса [3]).

---

¹) См. «Путешествіе капитана Биллингса чрезъ Чукотскую землю и т. д.». Спб 1811.

²) Въ коллекціи Аделунга сохранились два такихъ глоссарія: 1) цитированный уже выше (стр. 487) нѣмецко-инородческій (шесть языковъ: чукотскій, айванскихъ чукчей, жителей острова Пагуналашка, [т. е. Уналашка], Андреяновскихъ острововъ, Большерѣченскихъ камчадаловъ и діалектъ мѣстности между острогами Кикчикъ и Бѣлоголово): 16 листовъ въ продолговатые поллиста; 8) Нѣмецко-кадьякско-тигильско-камчатскій. Bey der Billingschen Expedition von Dr. Merk gesammelt (25 стр. in 4⁰). Въ обоихъ инородческія слова изображены латинской транскрипціей.

³) Глоссаріи эти, озаглавленные: «Vocabulary of the language of Kamtshatka, the aleutan islands, and of Kadiak», приложены въ концѣ книги Зауера (Appendix, № 2 стр. 9—14. Въ нѣмецкомъ переводѣ стр. 397 и слѣд.) и собраны имъ самимъ, какъ говоритъ онъ самъ въ примѣчаніи послѣ приложеній (см. выше, стр. 416, прим. 1). Относительно точности записей онъ самъ дѣлаетъ оговорку: «There are many words in the Language of Kamtshatka that I was not able to pronounce and could not of course attempt to convey any idea of their sound, which is the cause of so many blanks».

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II камчадальскія слова выбраны, по словамъ Палласа (см. предисловіе къ I части) „отчасти изъ рукописей, отчасти изъ Крашенинникова описанія Камчатки“. Словарь различаетъ три нарѣчія (на р. Тигилѣ, среднихъ или Большерѣцкихъ камчадаловъ и южныхъ, на рѣкѣ Камчаткѣ и южной оконечности полуострова). „При всемъ томъ“ Палласъ находилъ еще „между Камчадальскими нарѣчіями нѣкоторыя неопредѣленности“, которыя, однако, предоставлялъ „дальнѣйшему изслѣдованію“.

Гораздо меньше интересовались у насъ *алеутскимъ* и *айносскимъ* языками. Образцы перваго собирали знакомые уже намъ участники экспедиціи Биллингса: докторъ Робекъ (на островахъ Андреяновскихъ и Лисьихъ), Меркъ (тоже на Андреяновскихъ островахъ и на Уналашкѣ) и Мартинъ Зауеръ [1]). Второму изъ названныхъ языковъ посвящена XX-я глава „Описанія земли Камчатки“ Крашенинникова, трактующая „О курильскомъ народѣ“ и, кромѣ общихъ замѣчаній, содержащая образчики наиболѣе употребительныхъ айносскихъ именъ (стр. 184) и собраніе словъ (стр. 185—88). Характеристику его даетъ и Штеллеръ (стр. 12 его Опис. Камчатки). Въ сравнит. словарѣ Екатерины II (I-е изд.) представленъ только одинъ айносскій языкъ подъ названіемъ „курильскаго“ (на основаніи матеріаловъ Крашенинникова въ его описаніи Камчатки); алеутскій же, предназначавшійся для втораго отдѣленія, отсутствуетъ („по причинѣ его сродства съ Сѣверо-Американскими“).

Кромѣ указанныхъ печатныхъ матеріаловъ по изслѣдованію айносскаго языка, до насъ дошло изъ XVIII в. нѣсколько рукописныхъ айносскихъ глоссаріевъ. Таково цитированное уже выше (стр. 489) собраніе словъ изъ разныхъ языковъ полуострова Камчатки: „Specimen linguarum in terris Kamtschaticis usitatarum“, принадлежащее Штеллеру и поступившее въ отдѣлъ бумагъ Палласа (въ Шёгреновской коллекціи) изъ научнаго наслѣдства названнаго ученаго изслѣдователя Камчатки. Айносскому (съ мыса Лопатка) отведена здѣсь только одна графа (изъ общаго числа 9). Затѣмъ среди тѣхъ же бумагъ Палласа находится небольшой „ку-

[1]) Матеріалы Робека образуютъ четвертый отдѣлъ его «Краткаго словаря двѣнадцати нарѣчій разныхъ народовъ, обитающихъ въ сѣверо-вост. части Сибири и т. д.», приложеннаго къ «Путешествію капитана Биллингса» (Спб; 1811, стр. 93—129) и цитированнаго уже выше; записи Зауера изданы имъ въ приложеніи (Appendix № 2, стр. 9—14) къ цитир. также выше англійскому описанію экспедиціи Биллингса (см. подробное заглавіе на стр. 416, прим. 1); рукописный глоссарій Мерка сохранился до нашихъ дней въ составѣ коллекціи Аделунга (см. выше, стр. 491, прим. 2).

рильскій“ глоссарій, содержащій (на 7 стр. въ четвертку) 177 разныхъ словъ и 12 числительныхъ и помѣченный 1776 г. (см. рукописный каталогъ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96 и сл. № 76). О томъ, что „курильскій“, т. е. айносскій, языкъ не имѣетъ ничего общаго съ коряцкимъ, камчадальскимъ и чукотскимъ, у насъ хорошо уже знали въ концѣ XVIII в., какъ свидѣтельствуетъ переводная съ нѣм. книга „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.“ (М. 1798), изданная Н. Черепановымъ (см. выше, стр. 489).

Едва ли результатомъ самостоятельныхъ наблюденій является имѣющійся въ коллекціи Аделунга русско-гренландскій (т. е. эскимосскій) глоссарій второй половины XVIII в., носящій заглавіе: „Echantillon de la langue Groenlandoise“ (5 стр. въ поллиста; гренландскія слова изображены русскими буквами). По всей вѣроятности онъ принадлежитъ къ матеріаламъ для сравнительнаго словаря Екатерины II, часто собиравшимся совершенно формально, безъ всякихъ научныхъ цѣлей и пріемовъ, и нерѣдко изъ иностранныхъ печатныхъ источниковъ.

Одинъ изъ изолированныхъ языковъ внутренней Сибири—енисейскихъ остяковъ и родственные ему діалекты коттовъ („котовскій“, какъ его называли въ XVIII в.), аринцевъ и ассановъ, впослѣдствіе вымершіе безъ остатка, обратили на себя еще вниманіе участниковъ Миллеровской экспедиціи въ Сибирь. Самъ Г. Ф. Миллеръ въ 1735 г. посылалъ въ сенатъ изъ Иркутска „вокабуляріумъ“ татарскаго, *аринскаго*, *котовскаго*, камашинскаго и брацкаго (бурятскаго) языковъ Красноярскаго уѣзда [1]). Сопутствовавшій ему въ теченіе нѣкотораго времени І. Э. Фишеръ записалъ по дюжинѣ числительныхъ и нѣкоторыхъ словъ въ языкахъ енисейскихъ остяковъ, аринцевъ, коттовъ и ассановъ [2]). Матеріалы по этимъ языкамъ должны быть и въ его „Vocabularium continens trecenta vocabula triginta quatuor gentium maxima ex parte Sibericarum“, упоминавшемся уже выше (стр. 220).

Среди бумагъ Палласа, хранящихся во II-мъ отдѣленіи библіотеки Имп. академіи наукъ въ составѣ лингвистической коллекціи Шёгрена, находится цѣнный анонимный „Vocabularium der Arinzischen Sprache in 5 Mundarten (Lumpokolskisch am Ket,

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. акад. наукъ», т. VIII, стр. 202.

[2]) См. введеніе къ его «Sibirische Geschichte» (Спб. 1768), стр. 139 и 170. На стр. 139 и 168 находимъ соединеніе въ одну группу енис. остяковъ, аринцевъ, коттовъ и ассановъ съ койбалами, принадлежащими къ самоѣдской группѣ, а на стр. 170 языки этихъ же народовъ сближаются еще съ венгерскимъ.

Inbatskisch [1]) am Jenissei, Assanisch am Ta, Kotowzisch am Kan, Arinzisch zu Krasnojarsk)", обнимающій 22 стр. въ поллиста и служившій очевидно, какъ и другія академическія бумаги Палласа, матеріаломъ для сравнительнаго словаря Екатерины II (въ рукописномъ каталогѣ коллекціи Шёгрена, сост. Лерхомъ, онъ значится подъ № 7, см. стр. 96 каталога). Названный глоссарій позволяетъ исправить систематическую опечатку или ошибку словаря Екатерины II, гдѣ, вмѣсто пумпокольскаго, находимъ *пумпокольскій*, приводившій въ смущеніе еще Аделунга („Catherinens der Gross. Verdienste" etc. стр. 84). Находится ли этотъ глоссарій въ связи съ работами Миллера, упомянутыми выше, нельзя опредѣлить, такъ какъ вокабулярій Миллера еще не разысканъ. Въ словарѣ Екатерины II аринскіе діалекты представлены въ томъ же числѣ и съ тѣми же названіями (кромѣ „пумпокольскаго"), какъ и въ описанномъ рукописномъ сборникѣ словъ: „по Арински (№ 148), по Котовски (№ 149; въ отдѣлѣ числительныхъ въ концѣ II тома: „по Котовчески"), по Ассански (№ 150), по Инбацки (№ 151), по Пумпокольски (№ 152)". Названные діалекты помѣщены здѣсь, вѣроятно, не безсознательно, среди другихъ изолированныхъ языковъ сѣверной Азіи, между юкагирскимъ и коряцкимъ. Такъ какъ впослѣдствіи аринцы частью ассимилировались съ другими инородцами Сибири, частью совсѣмъ вымерли, то означенные матеріалы по ихъ языку являются единственными его остатками (если не считать изслѣдованія Кастрена: „Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre" въ его „Nordische Reisen und Forschungen", т. XII. 1858), въ добавокъ записанными еще въ XVIII в., что́ дѣлаетъ ихъ еще болѣе цѣнными. Цитированная выше (стр. 250) книга Черепанова „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта" (М. 1798) правильно отличаетъ енисейскихъ остяковъ отъ прочихъ (Нарымскихъ и др.): „суть совсѣмъ различной народъ и говорятъ своимъ собственнымъ языкомъ" (стр. 45).

Дравидическими языками, кромѣ Байера, имѣвшаго о нихъ нѣкоторое понятіе (см. выше, стр. 220), интересовался у насъ во второй четверти XVIII в. еще только докторъ Мессершмидтъ (см. выше, стр. 200—201). Въ его рукописныхъ замѣткахъ, сохраняющихся въ Азіатскомъ музеѣ Имп. академіи наукъ (отд. III, № 68) и носящихъ заглавіе: „Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes" (изъ начала 30-хъ гг. XVIII в.), находимъ образчики дравидійскихъ азбукъ и парадигмы тамильскаго склоненія:

---

[1]) Кастренъ въ своемъ «Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre» считаетъ инбацкій говоромъ енисейско-остяцкаго языка.

„Tamulorum declinatio“. Кромѣ этихъ двухъ ученыхъ, едва ли кто у насъ въ то время, и вообще въ XVIII в., занимался этими языками, хотя тамильскія рукописи были въ нашей академической библіотекѣ еще до 1776 г., когда Бакмейстеръ издалъ на французскомъ языкѣ свой „Опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей“ академіи наукъ (русск. переводъ В. Костыгова, Спб. 1779 г. стр. 87). Нѣкоторое знакомство съ тамильскимъ и „малабарскимъ“, (вѣроятно „малайалимъ“) языками имѣлъ въ концѣ XVIII в. Г. С. Лебедевъ, пріобрѣтшій эти знанія въ самой Индіи [1]).

Въ словарь Екатерины II изъ дравидическихъ языковъ вошли: канарезе („по канарски“, № 176), малайалимъ („по малабарски“, № 177), тамиль („по тамульски“, № 178) и какой то „варугжскій“ (?! № 179), подъ которымъ очевидно скрывается телугу, какъ это свидѣтельствуютъ „варугжскія“ числительныя, помѣщенныя въ отдѣлѣ „чиселъ“, въ концѣ II-го тома (№ 187). Въ большинствѣ случаевъ рубрики, отведенныя для этихъ языковъ, пустуютъ. Необходимо замѣтить, что дравидическія имена числительныя, которыя легче всего поддаются провѣркѣ, сообщены здѣсь безъ особо грубыхъ ошибокъ, конечно, на основаніи иностранныхъ (не названныхъ) источниковъ.

Какъ смутны были еще свѣдѣнія о дравидическихъ языкахъ, обращавшіяся у насъ въ самомъ концѣ XVIII в., мы видѣли уже отчасти выше (стр. 251). Къ этому можно прибавить еще нѣкоторыя утвержденія, находимыя нами въ цитированной на означенномъ мѣстѣ, переводной (съ нѣм.) книгѣ Черепанова „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.“ (Москва, 1798). Главнымъ дравидическимъ языкомъ (происшедшимъ якобы отъ санскрита!) здѣсь выставляется „Малабарской или Тамулиской, ... сей сходствуетъ съ Малайскимъ языкомъ (очевидно—малайалимъ), которой есть нарѣчіе Тамулискаго“. Въ свою очередь „Малабарскій“ (т. е. тамиль) распадается на діалекты: „Канарской и Теленгиской или Телинга (телугу)“, а новоиндійскій арійскій „Маратской языкъ“ оказывается также смѣсью „изъ Индостанскаго и Малабарскаго“ (см. цит. соч. стр. 24 и сл.).

По американскимъ языкамъ наши изслѣдователи Сибири XVIII в. собрали очень небольшое количество лексическаго матеріала.

Какъ и слѣдовало ожидать, вниманіе собирателей было обра-

---

[1]) По свидѣтельству адмирала Крузенштерна, встрѣтившаго Лебедева въ Калькуттѣ во время своего перваго путешествія въ Индію. См. Аделунга «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergl. Sprachenk.», стр. 205, примѣчаніе.

щено лишь на языки областей, смежныхъ съ нашими сибирскими владѣніями. Въ коллекціи Аделунга сохранился только одинъ небольшой глоссарій (3 стр. въ поллиста) неизвѣстнаго автора, содержащій въ себѣ „языкъ области Нутка, или въ проливѣ Короля Георгія“ и помѣченный 1778 годомъ. Онъ принадлежитъ вѣроятно къ матеріаламъ, собраннымъ для Бакмейстера (американскія слова изображены русской транскрипціей).

Вообще американскіе языки лишь случайно или по какимъ нибудь внѣшнимъ побужденіямъ могли становиться предметомъ „научнаго“ интереса для русскихъ людей XVIII в. Довольно яркой иллюстраціей такого интереса служитъ дошедшая до насъ въ коллекціи Аделунга оффиціальная бумага нашего дипломатическаго агента въ Мадридѣ Зиновьева, адресованная канцлеру графу Безбородко и помѣченная 1-мъ января 1796 г. Зиновьевъ извѣщаетъ въ ней своего начальника объ исполненіи его приказа, полученнаго въ Мадридѣ въ то время, когда Зиновьева тамъ не было: перевести приложенный списокъ русскихъ словъ на *всѣ* (!) американскіе, африканскіе и остиндскіе (sic!) языки. Не удивительно, если приказъ этотъ, ставившій подобную задачу совершенно къ ней неподготовленному персоналу нашей мадридской миссіи, не былъ выполненъ въ точности, а лишь отчасти, чтобы какъ нибудь „отписаться“. Изъ бумаги мы узнаемъ, что при участіи одного испанскаго полковника, родомъ изъ Перу, и г. Буцова (вѣроятно одного изъ чиновниковъ миссіи), а также съ помощью мексиканскаго словаря, взятаго изъ королевской библіотеки, былъ сдѣланъ переводъ присланныхъ словъ на мексиканскій и перуанскій языки, къ которымъ прибавленъ былъ еще и басскій, хотя о немъ въ приказѣ гр. Безбородко и не упоминалось. Послѣдній языкъ, вполнѣ доступный въ Испаніи, очевидно послужилъ у нашихъ чиновниковъ замѣной для прочихъ недоступныхъ имъ „американскихъ, африканскихъ и остиндскихъ языковъ“, на которые перевода не дѣлалось. При бумагѣ имѣется тетрадь за № 2, озаглавленная „Traduction en langue mexicaine“, и содержащая въ себѣ русско-мексиканскій глоссарій изъ 237 словъ (на 12 стр. въ поллиста писчей бумаги). Въ коллекціи Аделунга сохранилась (уже отдѣльно) и другая тетрадь съ перуанскимъ переводомъ данныхъ вокабулъ, однако, почему-то не обозначенная никакимъ №: „Traduction en langué de Perou expliquée par des caractères Russes“ (11 стр. въ поллиста). Басскій переводъ не дошелъ до насъ. Можетъ быть, онъ и имѣлся въ коллекціи Аделунга, но затерялся, подобно нѣкоторымъ другимъ образчикамъ языковъ, поступившимъ въ нее изъ разныхъ источниковъ и упоминаемымъ Аделунгомъ

въ его извѣстной книгѣ „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde (Спб. 1815)“, но въ настоящее время въ коллекціи не находящимся. Предназначались эти матеріалы вѣроятно для дальнѣйшихъ изданій сравнительнаго словаря императрицы Екатерины II, которая, повидимому, не очень была довольна вторымъ его изданіемъ, подъ редакціей Янковича де Миріево [1]).

То же назначеніе вѣроятно имѣлъ находящійся въ коллекціи Аделунга русско-прокезскій глоссарій конца XVIII в. (6 стр. въ поллиста писчей бумаги), неизвѣстно кѣмъ составленный, очевидно по европейскимъ источникамъ (прокезскія слова изображены въ латинской транскрипціи).

Печатная наша литература XVIII в. не представляетъ ни одного труда, посвященнаго американскимъ языкамъ. Мы найдемъ въ ней лишь нѣсколько замѣчаній, брошенныхъ большею частію вскользь, мимоходомъ. Такъ нѣсколько общихъ разсужденій и замѣчаній о названныхъ языкахъ найдемъ въ статьѣ, напечатанной (безъ подписи автора) въ „Историческомъ мѣсяцесловѣ“ на 1771 г., издававшемся при академіи наукъ: „Догадка о происхожденіи американцевъ“. Авторъ довольно остороженъ и замѣчаетъ между прочимъ: „нельзя думать, будто Латинскій и Гренландскій языки родственны, только потому, что *игнахъ* и *ignis* похожи другъ на друга“.

Упоминаются и до нѣкоторой степени характеризуются американскіе языки еще въ одной переводной статьѣ „О языкѣ“, напечатанной въ „Опытѣ трудовъ Вольнаго Росс. Собранія при Имп. Московскомъ Университетѣ (ч. VI, 1783 г.)“. Здѣсь приводится даже и образчикъ числительнаго одного изъ южно-американскихъ языковъ (см. выше, стр. 316).

Въ словарѣ Екатерины II американскіе языки (въ числѣ 24) нашли мѣсто только во второй его обработкѣ, вышедшей подъ редакціей Янковича де Миріево (1790—91). Разумѣется, самостоятельнаго научнаго значенія эта часть словаря не имѣла, и матеріалы для нея почерпались, конечно, изъ вторыхъ рукъ, т. е. главнымъ образомъ изъ разныхъ европейскихъ источниковъ (книгъ и частныхъ лицъ), такъ что ближайшаго отношенія къ исторіи русской науки она не имѣетъ. Перечень этихъ языковъ см. у Аделунга: „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleich. Sprachenkunde“ (Спб. 1815, стр. 99).

[1]) Ср. Аделунгъ, „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde“. Спб. 1815, стр. 102, о полученіи подобныхъ матеріаловъ долго спустя и послѣ выхода въ свѣтъ второго изданія словаря Екатерины II.

Нѣкоторыя общія замѣчанія о данныхъ языкахъ встрѣчаются также въ разсмотрѣнной уже выше (стр. 250—511) книгѣ, переведенной съ нѣмецкаго И. Черепановымъ: „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта“ и т. д. (Москва, 1798). Характеристики языковъ, однако, здѣсь не дѣлается.

Подобны разсмотрѣннымъ выше глоссаріямъ америк. языковъ и глоссаріи нѣкоторыхъ африканскихъ языковъ изъ второй половины XVIII в., сохранившіеся въ коллекціи Аделунга и очевидно предназначавшіеся для сравнит. словаря Екатерины II. Таковы:

1) русско-коптскій глоссарій, озаглавленный „Коптическій“ (6 стр. въ небольшіе поллиста писчей бумаги; коптскія слова изображены латинскими буквами, съ обозначеніемъ ударенія);

2) русско-кафрско-готентотскій глоссарій, озаглавленный: „Comparaison de quelques mots de la langue des Caffres et des Hottentots“ (2 стр. въ поллиста, для транскрипціи примѣнены русскія буквы съ нѣкоторыми діакритическими значками, удареніе иногда обозначено);

3) русско-ялофско-фульскій глоссарій съ заголовкомъ: „Ялофы въ Африкѣ въ Нигритіи живутъ отъ устья Сенегалы до Зеленаго мыса. Фули, близь рѣки Сенегалы“ (5 стр. въ поллиста. Транскрипція подобна употребленной въ предыдущемъ глоссаріи);

4) русско-шильхинскій глоссарій: „Quelques mots de la langue Schillha ou Tarmazeght (sic!) qui est l'ancienne langue de Lybie, usitée de nos jours dans l'interieur du Royaume de Maroc (2 стр. въ малые поллиста; транскрипція—русскими буквами, безъ обозначенія ударенія)“;

5) мандингскій глоссарій съ заголовкомъ: „Мандинги, народъ африканскій въ Нигритіи, на рѣкѣ Гамби, на югъ отъ области Бамбукъ“ (4 стр. въ небольшіе поллиста, транскрипція—русскими буквами, иногда съ обозначеніемъ ударенія);

6) образчики древняго канарійскаго языка и языка гваншей на о. Тенерифѣ: „Fragments de l'ancienne langue des Iles Canaries et de celle des Gouanches de Teneriffe“ (3 стр. въ малые поллиста; первое значеніе—французское; канарскія слова стоятъ на второмъ мѣстѣ и изображены русскими буквами; удареніе не обозначено).

Перечисленные здѣсь африканскіе глоссаріи представляютъ только часть тѣхъ матеріаловъ, которые служили для обработки второго изданія сравнит. словаря Екатерины II (подъ редакціей Янковича де Миріево); гдѣ находится другая часть ихъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, среди бумагъ Палласа, хранящихся въ коллекціи Шёгрена, во II отд. библіотеки Имп. академіи наукъ,

ихъ нѣтъ. Разумѣется, самостоятельнаго научнаго значенія эти матеріалы, представляющіе собой эксцерпты изъ разныхъ европейскихъ печатныхъ изданій, не имѣли и въ исторіи нашего языкознанія также могутъ быть упомянуты лишь для отрицательной характеристики своего времени.

Изъ восточныхъ языковъ индоевропейской семьи вниманіе нашихъ лингвистовъ, начиная со второй четверти XVIII в., привлекали, конечно, представители арійской (индо-иранской) группы и армянскій языкъ.

Важнѣйшій представитель первой изъ названныхъ группъ, санкритъ, изучался у насъ почти однимъ академикомъ Т. З. Байеромъ, напечатавшимъ въ началѣ 30-хъ гг. XVIII в. въ академическихъ „Комментаріяхъ" двѣ статьи, свидѣтельствовавшія о его знакомствѣ съ санскритомъ и другими индійскими языками (см. выше, стр. 219).

Кромѣ него, также въ началѣ 30-хъ гг., нѣкоторое знакомство, если не съ санскритомъ, то съ его азбукой, обнаружилъ докторъ Д. Г. Мессершмидтъ (см. выше, стр. 200 — 201), какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ его рукописныя черновыя замѣтки, хранящіяся въ Азіатскомъ музеѣ академіи наукъ: „Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes (отд. III, № 68)". Мы находимъ здѣсь образчики азбуки деванагари, Clavis alphabeti indici, матеріалы для тибетско-индійскаго глоссарія (съ помѣтой: „scribebam A. 1733"), Lectiones orientales seu linguarum aliquot orientalium Indicarum sc. tanguticarum et Mongolicarum elementa и т. подобные наброски и замѣтки.

Печатная литература о санскритѣ, начинающаяся съ вышеупомянутыхъ статей (на латинск. языкѣ) академика Байера (см. выше, стр. 219), явившихся въ 1732 и 1735 гг., крайне бѣдна. Послѣ нихъ, черезъ 20 слишкомъ лѣтъ, является первое сочиненіе на русскомъ языкѣ, переводное, впрочемъ, въ которомъ сообщались разныя общія свѣдѣнія о санскритѣ, индійской литературѣ, религіи и философіи: „Краткое и общее объясненіе и разсужденіе о правахъ, обыкновеніяхъ, языкѣ, вѣрѣ и философіи Индѣйцовъ. Переведено съ франц. Спб. 1759". Каковы были эти свѣдѣнія, мы видѣли уже выше (стр. 248—49).

Немногимъ лучше свѣдѣнія о санскритѣ, имѣвшіяся у составителей „Сравнительнаго словаря" императрицы Екатерины II (1787). Санскритскія („самшкрутанскія") слова, приводимыя въ немъ, часто представлены совсѣмъ невѣрно и съ большими пробѣлами. Достаточно указать, что составителямъ были неизвѣстны санскритскія слова, означающія: *дочь*, *братъ*, *жена*, *человѣкъ*, *ко-*

32*

лѣно, *мясо*, *сердце*, *имя*, *слово*, *день*, *ночь*, *гора*, *огонь* [1]), не говоря уже о другихъ, не столь обыкновенныхъ, на мѣстѣ которыхъ находимъ пробѣлы. Другія слова приведены въ искаженномъ видѣ или не на своемъ мѣстѣ. Такъ, вмѣсто обычнаго deva=богъ, приводится *діота* (очевидно санскр. dyota=блескъ, слизь), вмѣсто pitar=отецъ—*Питаче* (?) и *Питага*, вм. matar=мать—*мятя* (?!), вм. putra=сынъ, дитя—*путре*, вмѣсто обычнаго svasar=сестра—*баганъ* (?), вм. çiras=голова—*сирагя* (!), *сирассу*, вм. обычнаго jihva=языкъ—*симга́* (=simhá=левъ?!), подъ словомъ *солнце*, вм. arka стоитъ *аркага́*, вм. indu=мѣсяцъ—*индугу*, подъ словомъ *весна* находимъ „по самшкрутански"—*баминь* (санскр. bhamin=блестящій, гнѣвный, bhamini=прекрасная или гнѣвная женщина), *земля* переведено посредствомъ *пума* (санскр. bhuman=земля) и т. д. Болѣе или менѣе вѣрныхъ глоссъ найдемъ сравнительно немного. Таковы: носъ=*назикамъ* (вм. nasika ж. р., почему то взятъ винит. падежъ), глазъ (напечатано ошибочно *гласъ*)=*нетрамъ* (санскр. netra ср. р. веденіе, руководство, глазъ, болѣе употребительное было бы—aksi), ухо=*карнамъ* (санскр. karna м. р., опять взятъ почему то винит. падежъ), но тутъ же переведено и посредствомъ *шотрамъ* (очевидно вм. çrotra ср. р.=ухо), рука—*гастамъ* (санскр. hasta м. р., опять винит. п., вм. именительнаго), нога=*падамъ* (санскр. pada ср. р.), вода—*дзаламь* (очевидно, санскр. ala ср. р.), гдѣ конечное *ь* можетъ быть и опечаткой (слѣдовало бы: *джаламъ*). Въ огромномъ-же большинствѣ случаевъ находимъ пробѣлы, которые часто вполнѣ извинительны (напр. по такимъ рубрикамъ, какъ *вкусъ*, *осязаніе*, *щеки*, *шаръ*, *шумъ*, *ширина*, *высота*, *глубина* и т. д.). Санскритскія имена числительныя, помѣщенныя въ отдѣлѣ „чиселъ", въ концѣ II-го тома, также приведены неточно, а иногда и совсѣмъ невѣрно. Что недостатки эти нельзя всецѣло поставить на счетъ времени, когда словарь составлялся, видно изъ рецензій и замѣчаній на него Фра-Бартоломео и Альтера (см. выше, стр. 228, прим. 8), а также Хагера (см. выше, стр. 230), вѣрно отмѣчавшихъ его ошибки и неточности.

Какъ скудны были у насъ свѣдѣнія о санскритѣ въ самомъ концѣ XVIII в., свидѣтельствуетъ переводная съ нѣмецкаго книга „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта, по ихъ происхожденію

---

[1]) **Санскр. duhitar, bhratar, jani, manu, manusha, janu, mamsa hrd, naman, vacas, dina или div, diva, nakti, nakti, giri, agni.**

и распространенію языка" (Москва 1798), изданная Н. Е. Черепановымъ, преподавателемъ гимназіи при Московскомъ университетѣ, а впослѣдствіи профессоромъ послѣдняго. О санскритѣ сказано здѣсь еще меньше, чѣмъ въ цитированной выше переведенной съ франц. книгѣ 1759 г. о правахъ, языкѣ, религіи и философіи индійцевъ; при этомъ въ родство съ санскритомъ приводится и дравидическій тамильскій языкъ (см. выше стр. 251 и 495).

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ, у насъ въ XVIII в. являлись переводы памятниковъ индійской словесности, сдѣланные не съ санскрита, а съ европейскихъ языковъ, на которые они были уже разъ переведены. Таковы, напр. переводы: Бхагавадгиты, сдѣланный неизвѣстнымъ переводчикомъ съ англійскаго [1]), и сценъ изъ Шакунталы (съ нѣмецкаго), принадлежащій Карамзину (напечатанъ въ „Московскомъ Журналѣ" за 1792 г., см. выше, стр. 319—320). Людей, знавшихъ санскритъ, хотя на столько, на сколько его знали тогда въ Германіи (не говоря уже объ англійскихъ санскритистахъ, въ родѣ В. Джонса), у насъ въ XVIII в. послѣ Байера и Мессершмидта не было. Единственный нашъ тогдашній санскритистъ-самоучка, Герасимъ Степановичъ Лебедевъ, пріѣхавшій въ Индію въ 1785 г. (въ Мадрасъ, откуда переселился въ Калькутту въ 1787 г.), только еще приступалъ къ своимъ занятіямъ санскритомъ и другими индійскими языками (главнымъ образомъ бенгали). Со своими работами (о нихъ см. ниже) Лебедевъ выступилъ, однако, гораздо позже, а именно въ началѣ XIX в., около котораго онъ вернулся изъ Индіи (сначала въ Англію и только потомъ въ Россію). Не подлежитъ сомнѣнію, что Лебедевъ гораздо лучше зналъ новоиндійскіе языки (особенно—бенгали), чѣмъ санскритъ, причемъ знанія его, конечно, носили чисто-практическій характеръ.

Очень немного было сдѣлано у насъ по новоиндійскимъ языкамъ. О занятіяхъ цыганскимъ языкомъ свидѣтельствуетъ неболь-

---

[1]) Багуатъ-Гета или Бесѣды Кришны съ Аржуномъ, съ примѣчаніями, переведенныя съ подлинника писаннаго на древнемъ Браминскомъ языкѣ, называемомъ Санскритта, на англійской, а съ сего на россійскій языкъ. Москва, въ Унив. типографіи у Н. Новикова. 1788. 8°. 213 стр. Индійскія имена здѣсь переданы для того времени сравнительно сносно. Изъ нѣкоторыхъ неточностей и странностей на нашъ теперешній взглядъ отмѣтимъ, напр., употребленіе термина *санскритъ* въ ж. р.: *санскритта* (санскр. saṃskṛta), изученіе *санскритты* и т. д. Гастинапура является здѣсь въ видѣ *Гастенапуръ*; родъ Бхарата въ видѣ *Барутъ*, а самъ родоначальникъ его *Бурута*; Дуръйодхана—то какъ «Дуриодунъ», то какъ «Дурйодганъ» и т. д. Колебанія эти большею частью основаны на невѣрномъ чтеніи англ. транскрипціи инд. именъ.

шая (5 стр. in 4°) рукописная статейка Барданеса въ коллекціи Аделунга, озаглавленная „О цыганахъ“ и снабженная небольшимъ собраніемъ цыганскихъ словъ. На рукописи помѣта (рукой Бакмейстера): „Dieser Aufsatz ist von Bardanes, d. 5 Januar 1775“.

Первыя печатныя данныя по цыганскому языку находимъ въ описаніи путешествія студента Василья Зуева, посланнаго академіей наукъ на югъ Россіи [1]). Здѣсь помѣщено собраніе около 200 цыганскихъ словъ и 18 фразъ, собранныхъ Зуевымъ въ Бѣлгородѣ (см. цитир. сочиненіе, стр. 179—182). По словамъ собирателя, мѣстный цыганскій языкъ „уже во многомъ испорченъ, и имѣетъ многія слова отъ Русскихъ взятыя“, такъ что онъ записывалъ только тѣ слова, которыя ему „прямо цыганскими казались“. Какъ первая и довольно давняя запись нарѣчія нашихъ южнорусскихъ цыганъ, глоссарій Зуева имѣетъ и до сихъ поръ извѣстную научную цѣну.

Рукописное собраніе (русско-цыганское) числительныхъ и фразъ, записанное также въ Бѣлгородѣ (6 стр. въ поллиста писчей бумаги) въ концѣ XVIII в. (быть можетъ тѣмъ же Зуевымъ), находится въ лингвистической коллекціи Аделунга въ Имп. публичн. библіотекѣ.

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II цыганскому отведено самое почетное мѣсто, впереди всѣхъ индо-иранскихъ языковъ (№ 166); за нимъ уже слѣдуютъ мультанскій и индостанскій (въ Бенгалѣ и Деканѣ) языки, староперсидскій (зендъ?), „пеелвскій“ (т. е. пехльви) и наконецъ „самшкрутанскій“, т. е. санскритъ. Такое предпочтеніе цыганскому было отмѣчено современной научной критикой (см. выше, стр. 230) и, дѣйствительно, ничѣмъ не объяснимо. Рукописный перечень 286 словъ даннаго словаря съ цыганскими значеніями, озаглавленный: „Переводъ Россійскихъ словъ на Цыганскій“ (русскими буквами, съ обозначеніемъ ударенія, 5 неполныхъ страницъ въ поллиста) и служившій матеріаломъ для составленія названнаго словаря, сохранился до нашихъ дней среди бумагъ Палласа, составляющихъ часть коллекціи лингвистическихъ рукописей Шёгрена (см. рукописный каталогъ этой коллекціи, составленный Лерхомъ, стр. 96 и сл. № 136).

Мультанскимъ діалектомъ новоиндійскаго языка панджаби [2]) въ 30-хъ гг. XVIII в. занимался нѣсколько Мессершмидтъ, о чемъ

[1]) Путешественныя записки Василья Зуева отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 г. Въ С.-Петербургѣ. При Императорской академіи наукъ. 1787. 4°.

[2]) Нарѣчіе мультани является промежуточнымъ діалектомъ между новоиндійскими языками панджаби и синдхи.

свидѣтельствуютъ его рукописныя черновыя замѣтки „Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes" (Азіатскій музей, отд. III, № 68). Нѣсколько фразъ и числительныя этого же діалекта записалъ во время своего путешествія по южной Россіи академикъ Палласъ въ Астрахани, у проживавшихъ тамъ индусовъ, родомъ изъ провинціи Мультанъ. Рукопись Палласа сохранилась до нашихъ дней въ коллекціи Аделунга. Она озаглавлена: „Речи для перевода. По Индейски" и занимаетъ всего 4 стр. въ четвертку писчей бумаги. Какъ образчикъ транскрипціи (русскими буквами), приведемъ первыя числительныя: 1—икъ, 2—ду, 3—трей, 4—чаа́ръ, 5—панча, 6—чи, 7—саттó, 8—ачи, 9—нáу, 10—да, 11—ярá, 12—барá, 13—терá, 14—чóда, 15—пандэра, 16—сола и т. д. На рукописи—помѣта (Бакмейстера, изъ собранія котораго она перешла къ Аделунгу): Reçu par M. le Prof. Pallas avec la lettre du 10 novembre 1773.

Приведенныя здѣсь формы мультанскихъ числительныхъ отличаются, однако, отъ тѣхъ формъ, которыя мы находимъ въ отдѣлѣ „чиселъ" въ концѣ II тома сравнит. словаря Екатерины II (№ рубрики 174). Очевидно при составленіи словаря пользовались еще какимъ-нибудь другимъ источникомъ для языка „мультани".

Кромѣ того, въ коллекціи Аделунга, имѣется еще собраніе фразъ на одномъ изъ новоиндійскихъ языковъ (повидимому индустани), переданныхъ „по россійски, по индейски (арабской азбукой) и по индейски россійскими литерами". Оно заключаетъ въ себѣ 25 фразъ (на 3 стр. въ поллиста) и относится также ко второй половинѣ XVIII в.

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II изъ новоиндійскихъ языковъ представлены были, конечно, весьма неполными и случайными, часто ошибочными примѣрами: мультани („по Індейски въ Мултанѣ"), бенгали („по Індостански въ Бенгалѣ"), индостанскій въ Деканѣ" (деканскій діалектъ языка маратхи?), сингалезскій („по сингальски"), цыганскій и какой-то „балабандскій" или „валабандскій" (такъ въ отдѣлѣ „чиселъ" въ концѣ II-го тома).

Въ отдѣлѣ „чиселъ", приложенномъ къ концу II-го тома, количество новоиндійскихъ языковъ увеличено еще однимъ, а именно непальскимъ, который не имѣетъ соотвѣтствующей рубрики на всемъ остальномъ протяженіи книги. Помѣщены всѣ новоиндійскіе языки (въ середину коихъ попали какъ-то „старо-персидскій" и пехльви, превратившійся въ „пеелвскій") въ довольно странномъ сосѣдствѣ, а именно между тибетскимъ („тангутскимъ") и корейскимъ, за которымъ непосредственно слѣдуютъ и дравидическіе языки (канарскій, „малабарскій", тамульскій и др.).

Рубрики, отведенныя нѣкоторымъ изъ перечисленныхъ индійскихъ языковъ, большею частію пустуютъ, особенно во второй части, только цыганскія, мультанскія, бенгальскія и „деканскія" глоссы обыкновенно находятся на лицо. Формы названныхъ языковъ мало внушаютъ къ себѣ довѣрія, если судить по числительнымъ, приведеннымъ большею частію неточно или невѣрно, благодаря чему является, напр., затруднительнымъ опредѣлить, что за новоиндійскій языкъ разумѣли составители словаря подъ „балабандскимъ" или „валабандскимъ". Особенно странно сходство „сингальскихъ" числительныхъ (совсѣмъ не имѣющихъ арійскаго вида, какъ это должно бы быть) съ корейскими, благодаря каковому сходству, повидимому, оба эти языка и помѣщены рядомъ. Матеріалы для этого отдѣла (кромѣ мультанскаго, собраннаго самимъ Палласомъ въ Астрахани, см. выше) получены были, вѣроятно, изъ Англіи, какъ это и указано въ предисловіи относительно бенгальскаго и „деканскаго" языковъ (послѣдній отъ губернатора „Голвелла"). Если не оригинальное сообщеніе названнаго губернатора, то современный переводъ его сохранился въ коллекціи Шёгрена (II отд. библіотеки Имп. акад. н.), въ отдѣлѣ бумагъ Палласа, служившихъ матеріалами для сравнительнаго словаря Екатерины II (см. рукоп. каталогъ коллекціи, сост. Лерхомъ, стр. 96 и сл. № 54). Оно озаглавлено „Индостанскій" и, кромѣ 297 словъ и числительныхъ (въ англо-индійской и русской транскрипціяхъ), содержитъ (на 13 съ небольшимъ стр. въ поллиста) еще „гентусскую", т. е. индусскую, пѣснь „пренебреженной нимфы" и „муринскую пѣснь въ Индостанѣ". За глоссаріемъ слѣдуетъ „Примѣчаніе отъ губернатора Голвела", въ которомъ, среди разныхъ замѣчаній о данномъ языкѣ, еще выясняется понятіе „муринскаго или магометанскаго діалекта" (очевидно *урду* или *индустани*), который опредѣляется, какъ „сбродъ или порча персидскаго, аравійскаго (арабскаго), турецкаго и Гентусскаго нарѣчій". Кромѣ этого источника словаря Екатерины II, въ томъ-же собраніи бумагъ Палласа (каталогъ Лерха, тамъ-же, № 55) имѣется еще одно собраніе 287 словъ и числительныхъ на русскомъ, англійскомъ, „индостанскомъ" и персидскомъ языкахъ (14 стр. въ поллиста).

Въ половинѣ послѣдней четверти XVIII в. началъ свои занятія новоиндійскими языками помянутый уже выше (стр. 501) Г. С. Лебедевъ. Прибывъ въ августѣ 1787 г. въ Калькутту, онъ въ 1789 г., по его собственнымъ словамъ [1]), началъ изучать индійскіе языки и

[1]) См. его предисловіе къ изданной имъ въ 1801 г. въ Лондонѣ «A Grammar of the pure and mixed East Indian Dialects with Dialogues etc.». Руко-

литературу и скоро успѣлъ на столько, что могъ перевести на бенгали двѣ англійскія театральныя пьесы „The Disguise“ и „Love is the best Doctor“ [1]). Переводъ свой онъ прочелъ нѣсколькимъ ученымъ пандитамъ, которые его одобрили. Учитель Лебедева, Шри Голокнатъ Дашъ, посовѣтовалъ ему исполнить переведенныя имъ пьесы въ театрѣ, обѣщаясь добыть туземныхъ актеровъ обоего пола. Тогда Лебедевъ выстроилъ театръ въ центрѣ Калькутты, и 27 ноября 1795 г. первая изъ названныхъ выше пьесъ была впервые представлена на бенгали индусами-актерами подъ руководствомъ нашего антрепренера-индіаниста. 21-го марта 1796 г. представленіе это было повторено. Успѣхъ пьесы доставилъ Лебедову разрѣшеніе ставить на своемъ театрѣ англійскія и индійскія пьесы, а также поощреніе, со стороны генералъ-губернатора Индіи и разныхъ лицъ изъ обществъ, въ занятіяхъ санскритомъ, бенгали, разными „смѣшанными индійскими діалектами“, индійской хронологіей, астрономіей и т. д.

Открывъ во время этихъ занятій „многія ошибки и неточности“, Лебедевъ рѣшился обнародовать плоды своихъ изслѣдованій и потому покинулъ Индію и вернулся въ Европу (Англію).

Въ цитированной выше (стр. 250 и сл.) книгѣ „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.“ (Москва, 1798 г.), переведенной съ нѣм. И. Е. Черепановымъ, даются также нѣкоторыя краткія свѣдѣнія о новоиндійскихъ языкахъ, происшедшихъ отъ санскрита. Кромѣ дравидическихъ языковъ—„малабарскаго“ и тамильскаго, относимыхъ сюда совершенно невѣрно, въ названной книгѣ въ числѣ потомковъ санскрита приводятся языки: „Индостанской или (!) Гузуратской... съ діалектами: Патанской, Дакниссской и Верхне-Могольской (индустани?)“. „Маратской“ языкъ опредѣляется здѣсь, какъ „смѣсь изъ Индостанскаго и Малабарскаго“ (!), а „языкъ Моровъ или Могольской“ (индустани) также, какъ смѣсь „изъ Персидскаго и Индостанскаго“ (цитир. сочиненіе, стр. 24).

Изъ иранскихъ языковъ, конечно, прежде всего должны были у насъ интересоваться персидскимъ. О занятіяхъ имъ Кера мы уже говорили выше (стр. 366—68). Знакомъ съ нимъ былъ и

писная краткая автобіографическая записка Лебедева (на франц. яз.), не отличающаяся существенно отъ этого предисловія, имѣется въ коллекціи Аделунга въ Имп. публ. библіотекѣ. См. о немъ также «Истор. Вѣстникъ» 1880, ноябрь, стр. 515—524.

[1]) Переводъ первой изъ названныхъ пьесъ на бенгали долженъ храниться въ рукописи, въ Императ. публичной библіотекѣ.

Мессершмидтъ, въ рукописныхъ замѣткахъ котораго, относящихся къ 30 гг. XVIII в. („Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes“, Азіатскій музей, отд. III, № 68), находимъ словарикъ названій животныхъ на нѣсколькихъ восточныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на персидскомъ: „Nomina animalium Arabico-Persico-Tattarica latina“; персидскій представленъ и въ его „Lectiones orientales seu linguarum aliquot orientalium Indicarum sc. Tanguticarum et Mongolicarum elementa, arabic. turco-tattaric. et Persic. denique Georgian. Armen. et Syriac.“.

Знали по персидски также Колушкинъ, нашъ переводчикъ и резидентъ при Персидскомъ дворѣ въ концѣ 30 и нач. 40-хъ гг. XVIII в. [1]), и его замѣститель Василій Ѳедор. Братищевъ, бывшій въ Персіи съ 1736 по 1745 г., въ качествѣ студента, переводчика, а впослѣдствіи также и резидента, авторъ „Историческаго извѣстія о происшедшихъ печальныхъ приключеніяхъ между Шахомъ Надиромъ, извѣстнымъ подъ именемъ Шаха-Тухмас-Кулы-Хана и старшимъ его сыномъ Реза-Кулы-Мирзою въ 1741 и 1742 г.“ Спб. 1763) [2]). Братищевъ не оставилъ по себѣ лингвистическихъ работъ, но заслуживаетъ упоминанія здѣсь, какъ совѣтникъ кн. Щербатова, пользовавшагося его знаніями восточныхъ языковъ въ своихъ экскурсахъ въ область этимологіи (см. выше, стр. 267—70).

Попытки ввести персидскій языкъ въ число предметовъ преподаванія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ при преемникахъ Петра Великаго встрѣчались лишь изрѣдка и систематическаго характера не имѣли. О присутствіи ученаго ахуна, знавшаго и по персидски, въ числѣ преподавателей Самарской школы восточныхъ языковъ, учрежденной Татищевымъ, говорилось уже выше (стр. 406), но о преподаваніи имъ персидскаго языка не имѣется никакихъ свѣдѣній. Чисто бумажный характеръ имѣло и предписаніе Екатерины II (указъ 27 сент. 1782 г.) о введеніи въ преподаваніе арабскаго языка въ народныхъ училищахъ областей, „обращенныхъ къ сторонѣ татарской, персидской и бухарской, для полученія „лучшихъ переводчиковъ во всѣхъ сихъ языкахъ, (т. е. и въ персидскомъ), нежели до сего времени мы имѣемъ“ [3]).

---

[1]) См. Веселовскій, „Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи въ 1876 г.“, стр. 147. Н. Поповъ „Татищевъ и его время“. Москва. 1861. Стр. 374, 379.

[2]) См. о немъ митроп. Евгенія «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», изд. «Москвитянина». Москва, 1845 г. т. I. стр. 60. Нилъ Поповъ, «Татищевъ и его время». Москва. 1861. стр. 374, 379.

[3]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, № 15523.

У насъ не могло быть для этого ни преподавателей, ни достаточнаго числа желающихъ обучаться. Впрочемъ, можно думать, что персидскій преподавался въ Астраханскомъ народномъ училищѣ, преобразованномъ въ 1778 г. изъ школы для солдатскихъ дѣтей и разночинцевъ [1]). Преподавался персидскій, въ ряду другихъ восточныхъ языковъ и при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вѣроятно, болѣе или менѣе непрерывно со времени Кера. Имѣется извѣстіе, что въ 1798 г. на обученіе студентовъ китайскому, маньчжурскому, *персидскому*, турецкому и татарскому было ассигновано 3000 р. ежегодно [2]).

Несмотря на отсутствіе систематическаго преподаванія персидскаго языка, извѣстное знакомство съ нимъ такъ или иначе всетаки продолжало встрѣчаться и въ теченіе второй половины XVIII в. Такъ въ журналѣ Василія Тузова „Поденьщина" (1769 г.) находимъ рядъ удачныхъ сравненій персидскихъ словъ съ соотвѣтствующими русскими, латинскими и нѣмецкими — одинъ изъ самыхъ первыхъ у насъ опытовъ подобнаго сближенія (см. выше, стр. 277). Кн. Щербатовъ часто прибѣгалъ къ персидскому языку въ фантастическихъ и произвольныхъ этимологіяхъ своей „Исторіи россійской отъ древнѣйшихъ времянъ (Спб. 1770--1791)", не зная, впрочемъ, самъ по-персидски и получая матеріалъ для своихъ сближеній отъ В. Ѳ. Братищева (см. выше, стр. 267—268). И. Н. Болтинъ также находилъ сходство между нѣкоторыми славянскими и персидскими словами (см. выше, стр. 273).

Въ концѣ третьей и въ теченіе послѣдней четверти XVIII в., въ связи съ предпріятіемъ Бакмейстера (см. выше, стр. 222—23) и нашими академическими путешествіями, начинаютъ у насъ являться и опыты собиранія лингвистическаго матеріала по персидскому языку и его діалектамъ. Такъ академикъ Самуилъ Готлибъ Гмелинъ въ теченіе своего путешествія по Россіи (1768—1772) собралъ русско-турецко-персидско-гилянскій глоссарій, содержащій 196 словъ [3]). О гилянскомъ діалектѣ онъ замѣчаетъ: „въ Гилянскомъ выговорѣ примѣтилъ я нѣкоторую отмѣнность отъ Персидскаго. Она вся почти состоитъ въ одинхъ только областныхъ нарѣчіяхъ". Около этого же времени собиралъ лексическій матеріалъ по персидскому академикъ Гюльденштедтъ.

---

[1]) См. выше, стр. 411, прим. 1.

[2]) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, № 18599.

[3]) См. его «Reise durch Russland» 4 т. Спб 1771—86. Въ русскомъ переводѣ: «Путешествіе по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ природы» (Спб., при Имп. акад. наукъ, 4°, 3 ч. 1771—1785), часть III, половина 2-я (Спб. 1785), стр. 520—27.

Въ коллекціи Аделунга сохранилось рукописное собраніе числительныхъ и нѣсколькихъ фразъ на персидскомъ языкѣ (оригинальнымъ письмомъ, русской и латинской транскрипціей) съ русскимъ переводомъ (8 съ небольшимъ стр. въ поллиста), озаглавленное „Persice“ и полученное Бакмейстеромъ 18 сент. 1775 г. „par Mr. le Prof. Güldenstaedt“, какъ гласитъ надпись на рукописи, сдѣланная очевидно Бакмейстеромъ. Персидскій глоссарій (параллельно съ курдскимъ и казахско-татарскимъ) имѣется также во второй части путешествія Гюльденштедта по Россіи, изданнаго уже послѣ его смерти Палласомъ (Güldenstädt. Reisen durch Russland und im Caucasichen Gebürge. Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P. S. Pallas. 4°. Th. II. S. Petersburg. 1791. 545—552).

Рядъ таджикскихъ или бухарско-персидскихъ словъ (вмѣстѣ съ тюркскими) записалъ во время своего пребыванія въ бухарскомъ плѣну нашъ унтеръ-офицеръ Ефремовъ, издавшій въ 1786 г. описаніе своего десятилѣтняго пребыванія въ Средней Азіи, Персіи и Индіи и возвращенія въ Россію (подробное заглавіе см. выше, стр. 435—6), къ которому былъ приложенъ глоссарій изъ 600 слишкомъ „бухарскихъ“ словъ.

Таджикскія слова нерѣдко фигурируютъ подъ именемъ „бухарскихъ“ и въ сравнит. словарѣ Екатерины II, гдѣ имъ отведено мѣсто среди тюркскихъ языковъ (между кангатскимъ и телеутскимъ съ одной стороны и хивинскимъ, киргизскимъ и трухменскимъ съ другой). Такимъ образомъ составители словаря повидимому считали „бухарскій“ языкъ тюркскимъ (приводя въ то же время, напримѣръ, почти однѣ только иранскія формы числительныхъ).

Среди бумагъ Палласа, служившихъ источниками для сравнит. словаря Екатерины II и составляющихъ часть лингвистической коллекціи Шёгрена (II отд. библ. Имп. акад. наукъ), сохранилось нѣсколько рукописныхъ „бухарскихъ“ глоссаріевъ. Таковы:

1) собраніе 286 словъ и числит., озаглавленное: „Переводъ бухарскихъ словъ“ (7½ стр. въ поллиста. См. рукописный каталогъ колл. Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96, № 22);

2) русско-хивинско-*бухарско*-мещеряцкій глоссарій, содержащій всего 277 словъ на 12 стр. въ поллиста (послѣдняя страница вырѣзана). Для каждаго языка (кромѣ русскаго) отведено по двѣ графы: одна—для написаній арабскими буквами („по хивински“, „по бухарски“, „по киргизски“, „по мещерядки“), а другая для русской транскрипціи („Бухарскія слова изображены росс. буквами“ и т. д.). См. каталогъ Лерха, стр. 96, № 23;

3) собраніе 286 словъ и числит. на русскомъ, хивинскомъ и *бухарскомъ* языкахъ (араб. и русск. письмомъ, 9 съ неболыш. стр. въ поллиста; см. катал. Лерха, тамъ же, № 24);

4) такое же собраніе 286 словъ и числит. на тѣхъ же языкахъ (12 стр. въ поллиста, см. катал. Лерха, тамъ же. № 25);

5) цитированный уже выше (стр. 467) русско-арабско-персидско-мещерядко-киргизско-хивинско-*бухарскій* глоссарій коллежскаго ассесора Мендіера-Бещерина (см. кат. Лерха, тамъ же, № 26).

Несомнѣнно къ XVIII в. относится рукописный русско-персидскій словарь (малый 8°, безъ года и автора), содержащій также русско-персидскіе разговоры и принадлежащій Азіатскому музею академіи наукъ (отд. III, № 19).

Вѣроятно въ Россіи же возникъ другой уже многоязычный словарь Азіатскаго музея (отд. III, № 36) на языкахъ калмыцкомъ, армянскомъ, персидскомъ и татарскомъ (есть также части: грузинская и на одномъ изъ новоиндійскихъ языковъ, но лишь мѣстами), содержащій также и разговоры на нѣкоторыхъ изъ названныхъ языковъ. Составитель его, впрочемъ, вѣроятно былъ не русскій родомъ. Встрѣчающіяся мѣстами случайныя надписи по-русски (безъ отношенія къ содержанію словаря) указываютъ лишь на случайныхъ и позднѣйшихъ русскихъ владѣльцевъ этой рукописи.

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II персидскій (№ 76) поставленъ во главѣ другихъ живыхъ иранскихъ языковъ (курдскаго, „авганскаго", „осетскаго" и „дугорскаго", № 77—80), помѣщенныхъ между группой угро-финскихъ (послѣ остяцкаго) и семьей семитическихъ языковъ (передъ еврейскимъ). Кромѣ этихъ живыхъ языковъ, въ словарѣ нашелъ себѣ мѣсто и зендъ (крайне сомнительнаго свойства), названный ошибочно „старо-персидскимъ" (№ 170), и пехльви („пеелвскій" № 171, столь же сомнительнаго качества), помѣщенные почему-то не съ другими иранскими языками, а въ ряду индійскихъ (между „индостанскимъ" и „самскрутанскимъ").

Въ собраніи бумагъ Палласа, служившихъ матеріаломъ для названнаго словаря (коллекція Шёгрена во II отд. библіотеки Имп. акад. наукъ), сохранилось нѣсколько рукописныхъ глоссаріевъ одного персидскаго или вмѣстѣ съ разными другими языками. Таковы:

1) многоязычный русско-арабско-*персидско*-мещерядко-киргизско-хивинско-бухарскій глоссарій Мендіера Бещерина, упоминавшійся уже выше (стр. 467);

2) также упоминавшееся выше (стр. 504) собраніе 287 словъ

и числительныхъ на русскомъ, англ., индостанскомъ и *персидскомъ* языкахъ (каталогъ Лерха, стр. 96 и сл., № 55);

3) собраніе 286 словъ и числительныхъ на русскомъ и персидскомъ язз. (оригинальнымъ письмомъ и русскими буквами), обнимающее 16 стр. въ поллиста (каталогъ Лерха, тамъ же, № 93);

4) такое же собраніе, озаглавленное: „Переводъ словъ персидскихъ“ (8 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, тамъ же, № 94).

5) такое же собраніе, озаглавленное: „Differents Dialectes Persans et Tatares“ и имѣющее шесть графъ: „Russe, Kasagh, Arabe, Awghan, Ghourte ou Curde, Persan“ (10 стр. въ поллиста; транскрипція русскими буквами; каталогъ Лерха, тамъ же, № 95).

По другимъ живымъ иранскимъ языкамъ сдѣлано было гораздо меньше. Первымъ у насъ собирателемъ лексическаго матеріала по афганскому и курдскому языкамъ былъ также академикъ Гюльденштедтъ (см. его „Reisen durch Russland“, ч. II. Спб. 1791 г., стр. 535—44 и 545—52). Оба названныхъ языка вошли и въ сравнительный словарь Екатерины II, гдѣ они помѣщены вслѣдъ за персидскимъ, діалектами котораго считались.

Среди бумагъ Палласа, служившихъ матеріалами для названнаго словаря и составляющихъ часть коллекціи Шёгрена (II отд. библ. Имп. акад. н.), находится два рукописныхъ курдскихъ глоссарія и одинъ афганскій, параллельно съ другими, даже и не иранскими, языками:

1) цитированный уже выше (стр. 483) русско-курдско-чеченскій глоссарій, содержащій 286 словъ и числит. (каталогъ колл. Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96 и сл., № 74);

2) подобный предыдущему и также цитированный выше русско-курдско-чеченскій глоссарій (каталогъ Лерха, тамъ же, № 75);

3) также цитированный немного выше глоссарій: „Differents Dialectes Persans et Tatares“, содержащій между прочимъ афганскія и курдскія слова („Awghan, Ghourte ou Curde“, см. каталогъ Лерха, тамъ же, № 95).

Гюльденштедтъ является и первымъ по времени собирателемъ образцовъ осетинскаго языка. Такъ въ коллекціи Аделунга находимъ рукописное собраніе числительныхъ и фразъ на русскомъ и осетинскомъ языкахъ (въ русской и латинской транскрипціи; 11 стр. въ поллиста), озаглавленное „Osetice“ и полученное Бакмейстеромъ отъ Гюльденштедта 18 сент. 1775 г., какъ это видно изъ надписи на рукописи. Вѣроятно такого же происхожденія другой рукописный списокъ 70 осетинскихъ словъ, озаглавленный по-англійски „The Dugor or Ossi language“ (1 стр. въ поллиста) и дошедшій до насъ также въ составѣ коллекціи Аделунга. На-

конецъ, въ „Reisen durch Russland“ Гюльденштедта (ч. II. Спб. 1791, стр. 535—544) находимъ параллельный глоссарій „афганскаго, дугорскаго [1]) и осетинскаго языковъ“.

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II осетинскій представленъ въ двухъ діалектахъ: собственно осетинскомъ (по „осетски“, № 79) и дугорскомъ (по „дугорски“, № 80), помѣщенныхъ вслѣдъ за персидскимъ, курдскимъ и афганскимъ языками. Весьма вѣроятно, что это двойственное дѣленіе осетинскаго языка восходитъ къ только что упомянутому такому же его дѣленію, которое мы видѣли у Гюльденштедта. Надо думать, что Палласъ и его помощники черпали матеріалъ для осетинской части словаря именно изъ записей Гюльденштедта. Среди бумагъ Палласа, хранящихся въ составѣ лингвистич. коллекціи Шёгрена, во II отд. библіотеки Имп. акад. наукъ, и представляющихъ собой черновые матеріалы словаря Екатерины II, сохранились до сихъ поръ четыре осетинскихъ глоссарія. Нѣкоторые изъ нихъ уже упоминались выше. Таковы два русско-лезгинско-осетинскихъ глоссарія (каталогъ колл. Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96 и слѣд., № 80—81, см. выше, стр. 482, № 2—3) и одинъ дугорско-осетинско-„мичдегизскій“ (ингушско-тушетскій, каталогъ Лерха, тамъ же, № 89, см. выше, стр. 483, № 11). Кромѣ этихъ трехъ глоссаріевъ, уже извѣстныхъ намъ, въ названной коллекціи находится еще одно собраніе осетинскихъ словъ (русскими буквами, безъ удареній), озаглавленное: „Произношеніе словъ Асетинскихъ“ и содержащее 285 словъ на 9 стр. въ поллиста (каталогъ Лерха, тамъ же, № 88).

Нѣсколько осетинскихъ словъ имѣется также въ книгѣ доктора Я. Рейнеггса († 1793 г. въ Спб.): „Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus“ (Спб. 1796—7. 2 т. 8°), изданной Фр. Э. Шредеромъ (ч. I, стр. 215—16). Здѣсь приводятся главныя осетинскія числительныя (1—10, 11—20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100, 1000) и 20 разныхъ другихъ словъ.

Въ самомъ концѣ XVIII вѣка въ Москвѣ является первая у насъ печатная книга на осетинскомъ языкѣ, напечатанная церковнославянскимъ шрифтомъ съ особыми діакритическими значками для изображенія нѣкоторыхъ особыхъ звуковъ, свойственныхъ звуковой системѣ даннаго языка: „Начáлное оу҆чéніе человѣкѡмъ. хотѧ́щымъ оу҆чи́тисѧ кни҃гъ бж҃éственнагѡ писа́ніѧ“. 16°, 56 листовъ. На послѣдней страницѣ: „Печатанъ въ Московской Сѵнодальной Типографіи 1798 года мц҃а маіа̀“. Здѣсь находимъ

[1]) Въ дѣйствительности дугорскій представляетъ собой только нарѣчіе осетинскаго языка.

церковнославянскую и русскую гражданскую азбуки, склады и сокращенный катехизисъ, нѣкоторыя молитвы, краткое христіанское правоученіе, снова молитвы, 50-й псаломъ и символъ вѣры на церковнославянскомъ и осетинскомъ языкахъ texte en regard. Для передачи осетинскаго текста (на южномъ нарѣчіи) употребленъ обыкновенный церковнославянскій шрифтъ съ опущеніемъ нѣкоторыхъ знаковъ и слѣдующими дополненіями: знакъ остраго ударенія ʹ обозначаетъ собой удареніе, знакъ тупого ударенія (gravis) надъ г (г̀) означаетъ звонкій заднеязычный взрывной (лат. g), знакъ краткости надъ т (т̆)—глухую аспирату th (въ объясненіи знаковъ приравненную греч. ϑ), затѣмъ сочетанія к̓χ к̓г д̓з д̓ц д̓ч д̓ж изображаютъ особый видъ взрывныхъ согласныхъ, свойственныхъ кавказскимъ языкамъ, или какъ говоритъ подлинное толкованіе: „сіи двухлитерные знаки съ каморою означаютъ собственное произношеніе Осѣтинскаго языка“. Составителемъ этой весьма интересной въ разныхъ отношеніяхъ книги былъ архимандритъ Гай [1]). Она сохраняетъ до сихъ поръ научное значеніе, какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ образчиковъ осетинскаго языка.

О томъ, какъ смутны были у насъ (да и въ Европѣ) даже въ самомъ концѣ XVIII в. представленія объ иранскихъ языкахъ вообще, а въ частности о персидскомъ, древнеперсидскомъ и пехльви, даетъ понятіе переведенная съ нѣмецкаго Н. Е. Черепановымъ книга „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта, по ихъ происхожденію и распространенію языка“ (М. 1798), о которой уже говорилось выше (см. стр. 250—251).

Для изученія армянскаго языка было сдѣлано не больше, чѣмъ для только что разсмотрѣнныхъ иранскихъ. Однимъ изъ самыхъ первыхъ собирателей матеріаловъ по армянскому языку былъ у насъ академикъ Г. Ф. Миллеръ, посылавшій въ 1734 г. въ сенатъ изъ Тобольска древнія татарскія и армянскія „гробныя надписи стариннаго татарскаго города Болгары“ съ переводомъ на русскій языкъ [2]). О занятіяхъ Мессершмидта армянскимъ языкомъ свидѣтельствуютъ его „Lectiones orientales seu linguarum aliquot orientalium Indicarum sc. Tanguticarum et Mongolicarum elementa“ въ собраніи его рукописныхъ замѣтокъ „Messerschmid-

---

[1]) См. Всев. Миллеръ, «Осет. этюды», ч. II (Москва, 1882), стр. 1. Отрывки изъ катехизиса Гая напечатаны у Ю. Ф. Клапрота въ его «Kaukasische Sprachen. Anhang zu Reise in den Kaukasus und nach Georgien». Halle-Berlin. 1814. Abth. III. Ossetische Sprache, стр. 189—196.

[2]) Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи Имп. акад. наукъ», т. VII. 196.

tiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes", принадлежащемъ библіотекѣ Азіатскаго музея академіи наукъ (отд. III, № 68).

Можно думать, что армянскій языкъ преподавался въ Астраханской школѣ для солдатскихъ дѣтей и разночинцевъ, учрежденной въ 1764 г., въ программу которой, кромѣ общихъ предметовъ, фортификаціи и навигаціи, входили и четыре азіатскихъ языка (опредѣленно не поименованныхъ). Послѣ преобразованія этой школы въ 1778 г. въ народное училище, преподаваніе восточныхъ языковъ было расширено прибавленіемъ еще двухъ языковъ, и армянскій языкъ несомнѣнно входилъ тогда въ кругъ преподаваемыхъ предметовъ [1]).

Въ послѣднюю четверть XVIII в. интересъ къ армянскому языку нѣсколько оживляется, благодаря извѣстнымъ уже намъ условіямъ: дѣятельности Бакмейстера и академическимъ путешествіямъ (именно Гюльденштедта). Въ коллекціи Аделунга находимъ два документа, свидѣтельствующихъ объ этомъ оживленіи:

1) рукописное собраніе числительныхъ и фразъ на русскомъ (въ верхней строкѣ) и армянскомъ языкахъ (ниже, армянскимъ письмомъ, русской и латинской транскрипціей, 8 стр. въ полулиста), озаглавленное „Armenice vulgo". На рукописи помѣта (Бакмейстера): Reçû par M. le Prof. Güldenstaedt le 18 sept. 1775;

2) армянская азбука и краткія грамматическія правила, писанныя во второй половинѣ XVIII в. на латинскомъ языкѣ патеромъ Агриппиномъ (жившимъ въ Моздокѣ и Астрахани), какъ свидѣтельствуетъ его собственноручная подпись: pater Agrippinus, capuzinus: „Alphabetum Armenum (12 стр. въ полулиста)". Очевидно эта рукопись принадлежала тоже Бакмейстеру [2]) и возникла также въ 70-хъ гг. XVIII вѣка.

Въ концѣ 80-хъ гг. XVIII столѣтія появляются у насъ и первыя печатныя книги, которыя могли служить пособіемъ для изученія армянскаго языка русскими, или обратно русскаго — армянами. Это были:

1) „Книга, содержащая въ себѣ ключь познанія букваря, словаря и нѣкоторыхъ правилъ изъ правоученія. Сочиненная и переведенная съ Россійскаго на армянской и съ Армянскаго на россійской языки дѣвицею Клеопатрою Сарафовою. Въ пользу малолѣтняго юношества, и всѣхъ желающихъ сему обучаться. Печатано въ теченіе 9-го лѣта Патріаршества на Святомъ Престолѣ Эчміацинѣ Католикоса Армянскаго Святѣйшаго Луки. И при Ар-

---

[1]) См. выше, стр. 411, прим. 1.

[2]) См. Adelung, «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde». Спб. 1815, стр. 30.

хіепископѣ во всероссійской Имперіи Іосифа Армянскаго Архипастыря (sic!). 1788 года Августа 1 дня. Въ Санктпетербургѣ, печатано съ дозволенія Управы Благочинія, Григорія Халдарова". 4°. Непум. 6+285 стр.

Книга эта имѣетъ и армянское заглавіе: Girkʿ or kočʿi ba nali gitʿutean etc. и посвящена „Его Императорскому Высочеству благовѣрному Великому Князю Константину Павловичу, Милостивому Государю". Послѣ посвященія (стр. 1—3) слѣдуютъ: букварь и склады (стр. 5—20), довольно объемистый армяно-русскій (стр. 21—124) и русско-армянскій (стр. 125—243) словарь, армяно-русскіе разговоры (стр. 245—256) и гражданское начальное ученіе (стр. 257—285). Книжка Сарафовой являлась первымъ у насъ печатнымъ пособіемъ для изученія армянскаго языка, во всякомъ случаѣ гораздо болѣе удобнымъ и практическимъ, чѣмъ одновременно съ нею вышедшій армяно-русскій словарь или вокабулы Гр. Халдарова, разсматриваемыя ниже.

2) Григорій Халдаровъ (Халдарянъ), армянско-русскій словарь или вокабулы. Спб. 1788 г. Подлинное его заглавіе гласитъ: „Girkʿ or kočʿi šaviɣ lezva gitʿutean" и т. д., т. е. „Книга, называемая „стезя языкознанія", составленная съ правописаніемъ подробнымъ". Спб. 1788. 2 дек. 8°. XII+156. Эта рѣдкая книга (въ петербургскихъ библіотекахъ ея нѣтъ) заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія [1]). Ее указываетъ Сопиковъ (№ 10390), какъ словарь армянскаго и русскаго языка; подробное (армянское) заглавіе приводится въ „Bibliographie Arménienne" Зарбаналяна (Венеція, 1883, стр. 132). Въ переводѣ на русскій оно гласитъ: „Книга, называемая „стезя языкознанія", составленная съ подробнымъ правописаніемъ господиномъ Григоріемъ, вышедшимъ изъ благороднаго рода Ново-Джульфинскаго Халдарянъ, сыномъ благороднаго Ходжамала, во Христѣ почившимъ. Спб. 1787" (въ дѣйствительности 1788) [2]). Книга издана въ Петербургѣ въ типографіи самого составителя Гр. Халдарова, или Халдаряна, уже послѣ

---

[1]) Самой книги мнѣ не удалось видѣть. Два ея экземпляра имѣются въ библіотекѣ Лазаревскаго института (см. Каталогъ книгъ и рукописей библіотекъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. Москва. 1888, стр. 37, № 481), и сообщаемыми свѣдѣніями о ней я обязанъ любезности моихъ уважаемыхъ коллегъ, отчасти Н. Я. Марра, отчасти Л. З. Мсеріанца, изъ коихъ послѣдній по моей просьбѣ осмотрѣлъ лично книгу и сообщилъ ея подробное описаніе, приводимое мною лишь съ небольшими измѣненіями.

[2]) Цитату изъ Зарбаналяна съ переводомъ на русскій мнѣ сообщилъ любезно Н. Я. Марръ.

его смерти, на иждивеніи его вдовы Екатерины Захаровны Халдаровой и „повелѣніемъ" епархіальнаго архіепископа армянъ, живущихъ въ Россійской имперіи [1]), князя Іосифа Аргутинскаго-Долгорукова. Начинается она съ предисловія (стр. IV—XII), за которымъ слѣдуютъ избранныя вокабулы армянскаго языка съ переводомъ на русскій (стр. 1—139), причемъ русскія слова приведены въ транскрипціи армянскими буквами (въ „восточномъ" произношеніи). Сами вокабулы расположены въ алфавитномъ порядкѣ, такъ что́ въ дѣйствительности книга представляетъ собою словарь. При этомъ вслѣдъ за армянскимъ словомъ слѣдуютъ его армянскіе синонимы, что́, впрочемъ, не мѣшаетъ приведенію ихъ и въ своемъ мѣстѣ по алфавитному порядку. Словарь имѣетъ элементарный характеръ и содержитъ только отдѣльныя слова; выраженія и обороты не приводятся. За вокабулами помѣщена въ подлинникѣ и въ переводѣ texte en regard „Молитва Нѣрсеса (sic!), Патріарха Арменскаго, сочиненная для вѣрующихъ въ Господа нашего Іисуса Христа лѣта Господня 1170". Заключается книга послѣсловіемъ (стр. 154—156).

Разсмотрѣнная книга служила вѣроятно въ позднѣйшее время пособіемъ при преподаваніи армянскаго языка въ Лазаревскомъ институтѣ. На это указываетъ, по словамъ Л. З. Мсеріанца [2]), имѣющійся на книгѣ штемпель, выставлявшійся обыкновенно на книгахъ ученической библіотеки Лазаревскаго института. Для русскихъ она не была особенно доступна, въ виду употребленія армянской азбуки для изображенія русскихъ словъ, и такимъ образомъ въ смыслѣ практичности уступала выше разсмотрѣнному руководству дѣвицы Сарафовой.

Какъ памятники научнаго интереса къ армянскому языку и его письменности въ XVIII в., должны быть упомянуты еще двѣ рукописи Азіатскаго музея академіи наукъ: 1) калмыцко-*армянско*-персидско-татарскій словарь XVIII в., цитировавшійся уже нами выше и представляющій скорѣе подготовительные матеріалы для такого параллельнаго словаря восточныхъ языковъ (Азіатскій музей, отд. III, № 36).

2) *Армяно*-Турецко-Татарская и Монголо-Калмыцкая азбука въ сборникѣ XVIII—XIX в., писанномъ частью акад. Joh. Christ. Hamnel'емъ, частью его отцомъ (Азіат. музей, отд. III, № 34).

Въ сравнительномъ словарѣ Екатерины II, первая часть кото-

[1]) Эчміадзинскій католикосатъ находился въ то время подъ властью Персіи.

[2]) Въ его частномъ письмѣ ко мнѣ.

раго вышла годомъ или двумя раньше разсмотрѣнныхъ выше книгъ Сарафовой и Халдарова, армянскій былъ также представленъ. Помѣщенъ онъ здѣсь вслѣдъ за группой тюркскихъ языковъ, сейчасъ послѣ якутскаго (№ 106) и непосредственно передъ грузинскими діалектами (карталинскимъ, имеретинскимъ и сванетскимъ), открывающими группу кавказскихъ языковъ. Отсюда можно заключать, что составители словаря склонны были относить армянскій языкъ къ числу кавказскихъ языковъ, очевидно, на основаніи географическаго сосѣдства. Въ предисловіи къ словарю Палласъ сообщаетъ, что обработалъ этотъ языкъ въ числѣ прочихъ самъ, „сличая по многимъ словарямъ" (какимъ?), причемъ нашелъ „во многихъ словахъ отличія, паипаче если разбирать употребляемыя въ книгахъ слова и сравнивать съ народными, кои сверхъ того по разнымъ мѣстамъ съ другими языками перемѣшавшись часто весьма отличны". Необходимо прибавить, что армянскій отдѣлъ въ словарѣ Екатерины II сравнительно полнѣе, чѣмъ многіе другіе, и почти не представляетъ пробѣловъ (за исключеніемъ очень немногихъ случаевъ). Неточности и ошибки, конечно, даютъ себя чувствовать и здѣсь, но ихъ меньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ, напр. въ санскритской.

Среди упоминавшихся уже не разъ бумагъ Палласа (въ коллекціи Шёгрена, во II отд. библ. акад. наукъ) сохранилось довольно много рукописныхъ армянскихъ глоссаріевъ, служившихъ очевидно матеріалами при составленіи армянскаго отдѣла словаря Екатерины II (см. рукописный каталогъ колл. Шёгрена, сост. Лерхомъ, стр. 96, № 8—11).

Таковы: 1) собраніе 286 словъ и числит. на русскомъ и армянскомъ яз. (оригинальнымъ письмомъ и русскими буквами, 10 съ небольшимъ стр. въ полдиста);

2) такое же собраніе (на 12 неполныхъ стр. въ поллиста);

3) подобное же собраніе, озаглавленное: „Переводъ Армянскихъ книжныхъ словъ" (также 286 словъ и числит. на 8 стр. въ поллиста);

4) собраніе 363 словъ на русскомъ и армянскомъ яз. (оригинальнымъ письмомъ и русскими буквами, на 20 стр. въ полдиста);

5) собраніе 286 словъ и числит. на русскомъ и арм. яз., озаглавленное: „Переводъ Армянскихъ словъ народнаго языка" (оригин. письмомъ и русскими буквами, 9 стр. въ полдиста);

6) такое же собраніе 286 словъ и числит., озаглавленное: „Армянскій словарь" (оригинальн. письмомъ и русск. буквами, 10 съ неболыш. стр. въ полдиста).

Какіе взгляды на родство армянскаго языка съ другими языками, обращались у насъ (и въ Европѣ) въ самомъ концѣ XVIII в., свидѣтельствуетъ книга, переведенная И. Е. Черепановымъ съ нѣм.: „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д." (Москва. 1798. См. о ней выше, стр. 250—52). По словамъ ея, армянскій языкъ... „одинъ и тотъ же съ древнимъ фригійскимъ, которымъ говорили въ древнѣйшія времена во всей Малой Азіи", и одного происхожденія „съ Вискайскимъ, Гальскимъ. съ Финскимъ и Кимврскимъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ и съ древнимъ Египетскимъ. Новой весьма отходитъ отъ древняго Армянскаго", т.-е. грабара (см. цит. соч., стр. 20).

Разсмотрѣнными выше печатными и рукописными работами по изученію восточныхъ языковъ исчерпывается все важнѣйшее, сдѣланное у насъ въ этой области въ XVIII вѣкѣ при преемникахъ Петра Великаго, и наиболѣе характерное для исторіи науки за этотъ періодъ. Пробѣлы, весьма естественные при первомъ опытѣ связнаго представленія столь разбросаннаго, малоизвѣстнаго и никѣмъ еще во всей его совокупности не упорядоченнаго матеріала, конечно, неизбѣжны, но ихъ, думается мнѣ, должно быть немного[1]). Кромѣ перечисленныхъ выше попытокъ собиранія лингвистическихъ (главнымъ образомъ лексическихъ) матеріаловъ, а иногда и ихъ обработки, попытокъ нерѣдко самостоятельныхъ и сохраняющихъ свою научную цѣнность и донынѣ, въ качествѣ первыхъ, а подчасъ и единственныхъ старыхъ записей, особенно по языкамъ, успѣвшимъ съ тѣхъ поръ исчезнуть, для полноты характеристики слѣдуетъ указать еще на рядъ восточныхъ языковъ, представленныхъ въ словарѣ Екатерины II, на основаніи матеріаловъ, уже готовыхъ и собранныхъ не русскими, а европейскими учеными и путешественниками, притомъ не для помянутаго словаря. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть и о тѣхъ восточныхъ языкахъ, которые были представлены въ названномъ словарѣ на основаніи неизвѣстныхъ намъ источниковъ.

Вполнѣ естественно, конечно, было у насъ отсутствіе людей, знакомыхъ съ малайско-полинезійскими языками, которые и представлены въ словарѣ на основаніи матеріаловъ, почерпнутыхъ у разныхъ европейскихъ путешественниковъ, притомъ съ большими пробѣлами. Изъ малайскихъ языковъ этой семьи въ словарь

---

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ пробѣловъ ясны мнѣ уже и теперь. Такъ, вслѣдствіе того, что мнѣ пришлось ознакомиться съ коллекціей Шёгрена уже послѣ отпечатанія 28-го листа настоящаго изданія, я не могъ воспользоваться ея данными при изложеніи исторіи изученія тюркскихъ, монгольскихъ и нѣкоторыхъ финскихъ языковъ.

(1-е изд.) вошли: собственно малайскій, яванскій, филиппинскіе языки—„пампангскій“ (пампанга), „тагаланскій“ (тагальскій) и „магиндаонскій“ (минданао), ново-гвинейскій (вѣроятно альфуровъ съ Новой Гвинеи), къ которымъ нужно прибавить еще рядъ языковъ, нашедшихъ себѣ мѣсто лишь въ отдѣлѣ „чиселъ“, въ концѣ II-го тома: „ахинскій“ (слѣдовало бы: *ачинскій)*, „баттанскій“ (баттакскій), „лампунскій“ (лампунгъ), „ніаскій“, „реянскій“, (собственно: *реджангъ*—все малайскіе діалекты острова Суматры), „малагашскій“ (мальгашскій) „монгерейскій“, (*мангарей* — на о. Флоресъ), савуанскій (о. Саву), макассарскій, съ острова Церама, съ Маріанскихъ острововъ, и „Формозонскій“ (съ острова Формозы); изъ меланезійскихъ языковъ въ словарѣ представлены языки острововъ: „Танна“ (Тана) и Малликоло, а изъ полинезійскихъ: ново-зеландскій (маори), о. „Вайгоо“ (?), о-вовъ Дружества (Тонга), о-вовъ Общества (Таити?)[1], о-вовъ „Кокосовыхъ“, „Маркезанскихъ“ (Маркизскихъ) и „Сандвича“ (Сандвичевыхъ или Гаваи).

Кромѣ того, въ словарѣ, вмѣстѣ съ малайско-полинезійскими языками, помѣщенъ и не принадлежащій къ нимъ „ново-голландскій“, т.-е., очевидно, одинъ изъ австралійскихъ языковъ (рубрики его большею частію пустуютъ), къ которому въ отдѣлѣ „чиселъ“ (т. II) присоединяется еще „папуанскій“ (языкъ папуасовъ, принадлежащій къ самостоятельному языковому семейству). Всѣ эти языки помѣщены всегда вмѣстѣ въ концѣ всего ряда языковъ (№ 183—200), причемъ малайскій поставленъ во главѣ (№ 183). Рубрики, отведенныя имъ, впрочемъ, очень часто не заполнены.

Что составители словаря считали всѣ эти языки родственными между собою, видно изъ одной рукописи, находящейся среди бумагъ Палласа, составляющихъ часть извѣстной уже намъ коллекціи Шёгрена (во II отд. библ. Имп. ак. н.). Рукопись эта (каталогъ Лерха, стр. 96, № 15, 10 стр. въ поллиста) озаглавлена: „Сличеніе чиселъ, показующее родство и разность языка, обще употребимаго на островахъ Восточнаго моря, имущій корень свой въ употребляемомъ на матерой землѣ Асіи въ области Малайской“, и представляетъ параллельную таблицу числительныхъ выше перечисленныхъ и нѣкоторыхъ другихъ языковъ, которыя размѣщены въ 39 графахъ (на нѣкоторые языки приходятся 2—3 графы для помѣщенія варіантовъ, наблюдаемыхъ въ разныхъ источникахъ, откуда формы почерпались). Внизу этихъ графъ сокра-

[1]) Въ отдѣлѣ «чиселъ», во II т., впрочемъ, языкъ о. Таити фигурируетъ самостоятельно, на ряду съ языкомъ о-вовъ «Общества».

щенно обозначены авторы сочиненій (большею частью разные путешественники), изъ которыхъ взяты сличаемыя формы. Въ заголовкахъ графъ стоятъ названія языковъ: „Малай, Малай въ Суматрѣ, Малай, Мадагаскаръ (4 графы), Ахинъ (Ачинъ) на Суматрѣ, Лампунъ на Суматрѣ, Батта на Суматрѣ, Рienъ на Суматрѣ, Княжескіе о-ва, Іава (т. е. Ява), Тагалъ Неукони или Манилла, Папангосъ (пампанга) или Филиппинскій, Минданасъ, Саву островъ, Гератъ островъ (очевидно неразобранное Ceram=Церамъ), островъ Моисѣя, Новая Гвинея 1616 г., Папуа въ Нов. Гвинеѣ, Земля св. Духа, Новая Каледонія (2 графы), Маликоло, Танна (2 графы), Новая Зеландія (3 графы), островъ Рога, Кокосовъ о-въ, о-ва Дружества, Амстердамъ о-въ, Сандвичь о-въ, Отагити (Отаити, 2 графы), Маркизасъ (Маркизскіе, 2 графы), Восточный островъ (2 графы)". Матеріалъ для этой таблицы черпался изъ путешествій и прочихъ работъ Кука, Паркинсона, Форстера, Герреры, Андерсона, Марсдена, Дрэри, Герберта и др., имена которыхъ находимъ внизу тѣхъ графъ, гдѣ помѣщены числительныя.

Кромѣ того, среди бумагъ Палласа (коллекція Шегрена) имѣются еще слѣдующіе глоссаріи нѣкоторыхъ изъ выше перечисленныхъ малайско-полинезійскихъ языковъ: 1) глоссарій острововъ Дружества (18 стр. въ поллиста, каталогъ Лерха, стр. 96, № 13), 2) глоссарій о-ва Таити (8 стр. въ поллиста, см. тамъ же, № 14), 3) „Языкъ Атуи острова изъ числа острововъ Сандвичь" (3 стр. въ поллиста, см. тамъ же, № 16), 4) собраніе 10 числительныхъ на „мадагаскарскомъ" языкѣ (2 стр. въ поллиста, 4 графы для варіантовъ, наблюдаемыхъ у разныхъ авторовъ: Parkinson, Drury, Herbert, Banks. См. каталогъ Лерха, стр. 96 и слѣд. № 84) и 5) собраніе малайскихъ словъ, почерпнутыхъ изъ разныхъ путешествій (см. тамъ же, № 97).

Нѣсколько словъ малайскимъ языкамъ посвящаетъ также упоминавшаяся уже не разъ книга „Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта и т. д.", переведенная съ нѣм. Н. Е. Черепановымъ (М. 1798). По ея словамъ, къ малайскимъ языкамъ относятся филиппинскіе: „Тагалискій, Пампангиской и Биссайіскій. На Явѣ тамошній придворный языкъ состоитъ изъ трехъ четвертей Санскритскаго или Браминскаго, притомъ находятся многія и Малабарскія и Деканскія слова" (стр. 30). Такимъ образомъ здѣсь впервые у насъ идетъ рѣчь о языкахъ *висайя*[1]) и *кави*.

Изъ другихъ еще не упомянутыхъ восточныхъ языковъ въ

---

[1]) Другіе филиппинскіе языки—тагальскій и пампанга—были представлены уже въ болѣе раннемъ словарѣ Екатерины II.

словарѣ Екатерины II нашли себѣ мѣсто: корейскій (№ 175), помѣщенный страннымъ образомъ между группой индійскихъ языковъ (послѣ „сингальскаго") и дравидическими языками; изъ односложныхъ индокитайскихъ языковъ — „бомайскій" (№ 180, очевидно, бирманскій), сіамскій (№ 181) и тонкинскій (№ 182, т. е. аннамитскій), къ которымъ въ отдѣлѣ „числъ" прибавленъ еще „пегуанскій". Откуда были почерпнуты формы этихъ послѣднихъ языковъ, предисловіе къ словарю ничего не говоритъ. Равнымъ образомъ, ни въ коллекціи Аделунга, ни въ бумагахъ Палласа изъ коллекціи Шёгрена, не дошли насъ и тѣ рукописные матеріалы составителей словаря, по которымъ можно было бы судить объ источникахъ, служившихъ имъ при обработкѣ перечисленныхъ языковъ для научнаго предпріятія русской императрицы.

XIV. Состояніе языкознанія въ теченіе первой четверти XIX в.

Научная дѣятельность въ области языкознанія въ XVIII в., какъ и во многихъ другихъ областяхъ русской духовной культуры этого времени, характеризуется отрывочностью и разрозненностью начинаній, отсутствіемъ прочной преемственности въ научной работѣ, дающими себя знать и въ наши времена, въ началѣ XX вѣка. Зависѣло это, конечно, отъ общихъ культурно-историческихъ условій. Необозримое поле, открывавшееся для научнаго изслѣдованія, требовало многочисленныхъ энергическихъ работниковъ и общихъ благопріятныхъ для ихъ дѣятельности условій. Между тѣмъ уровень общей умственной культуры въ нашемъ обществѣ былъ еще слишкомъ низокъ, а число отдѣльныхъ носителей этой культуры слишкомъ незначительно, въ сравненіи съ остальной неподвижной и сонной массой общества и количествомъ предстоявшаго труда. Не удивительно, если людямъ, по дарованіямъ и образованію стоявшимъ выше современнаго имъ общества, приходилось работать заразъ въ нѣсколькихъ областяхъ научнаго знанія (какъ это дѣлалъ Ломоносовъ), или рядомъ со своими прямыми занятіями, браться мимоходомъ и за чужую спеціальность, какъ это, напримѣръ, мы видѣли у натуралистовъ Петровской эпохи, докторовъ Мессершмидта и Шобера, или у нашихъ академическихъ путешественниковъ, тоже натуралистовъ, занимавшихся между прочимъ, и собираніемъ лингвистическихъ матеріаловъ (Крашенинниковъ, Штеллеръ, Фишеръ, Гмелинъ младшій, Гюльденштедтъ, Лепехинъ, Фалькъ, Лаксманъ и др.), а то такъ и составленіемъ сравнительныхъ словарей (Палласъ).

Конечно, подобная многосторонность, неразлучная съ поверхностностью, свойственна была отчасти и современной европейской наукѣ, въ силу ея молодости, но у насъ она становилась неизбѣжной и общей, своего рода категорическимъ императивомъ. Такимъ образомъ очень многія работы и предпріятія въ области языкознанія, разсмотрѣнныя выше, должны были неизбѣжно носить извѣстный отпечатокъ дилеттантизма, что и было отчасти отмѣчено западной научной критикой, напр. по отношенію къ знаменитому сравнительному словарю Екатерины II.

Въ сущности дилеттантами въ области языкознанія были не только перечисленные выше натуралисты-собиратели лингвистическаго матеріала, но и другіе наши дѣятели въ названной области, съ именами которыхъ мы познакомились. Не только Тредьяковскій и Сумароковъ, не говоря уже о Татищевѣ, Щербатовѣ и Болтинѣ, но и Ломоносовъ, А. А. Барсовъ, В. П. Свѣтовъ, протоіерей П. А. Алексѣевъ, архіепископы: нижегородскій Дамаскинъ-Рудневъ и казанскій Веніаминъ и др. болѣе мелкіе дѣятели въ области языкознанія въ XVIII в. были, строго говоря, простыми любителями, посвящавшими языкознанію лишь небольшую часть своего времени. Не говоримъ уже о тѣхъ многочисленныхъ собирателяхъ лингвистическихъ матеріаловъ, которые вдругъ объявились по всему лицу земли русской, когда потребовались образцы разныхъ языковъ, сначала для Бакмейстера, а затѣмъ для словаря императрицы Екатерины II. Въ этомъ случаѣ собираніе лингвистическаго матеріала являлось уже не невиннымъ любительствомъ частнаго свойства, а новой чиновничьей или служебной обязанностью, къ которой, за немногими исключеніями, конечно, и относились, какъ къ таковой, т.-е. чисто формально.

Присяжныхъ языковѣдовъ и филологовъ у насъ не было, да и негдѣ было имъ образоваться, за отсутствіемъ надлежащей постановки образованія, какъ въ средней, такъ и въ высшей школѣ. Единственные образчики этой послѣдней — академическій, полуноминальный университетъ и молодой московскій, не представляли для этого благопріятныхъ условій, ни по своимъ учебнымъ планамъ, ни по тѣмъ научнымъ силамъ, которыми они располагали. Незнаніе обоихъ классическихъ языковъ, преподаваніе которыхъ только начинало вводиться, главнымъ образомъ въ духовной школѣ — свѣтская средняя школа едва еще возникала — и плохое знаніе новыхъ европейскихъ, обученіе которымъ преслѣдовало прежде всего цѣли чисто внѣшняго или вполнѣ утилитарнаго характера, также отнюдь не могли способствовать развитію у насъ языкознанія, нуждающагося для этого въ нѣкоторой

общей подготовкѣ и извѣстномъ спеціальномъ практическомъ знакомствѣ съ языками, распространенномъ въ болѣе широкихъ слояхъ общества.

Не удивительно поэтому, если особый интересъ къ языкознанію и особую иниціативу въ этой области науки обнаруживали у насъ въ XVIII в. или иностранные ученые въ русской службѣ, главнымъ образомъ нѣмцы, получившіе европейское среднее и высшее образованіе, или тѣ русскіе люди, которые тоже побывали заграницей и болѣе или менѣе пріобщились на мѣстѣ къ европейской научной жизни (Тредьяковскій, Татищевъ, Ломоносовъ, Лепехинъ, Дамаскинъ-Рудневъ и др.). Не удивительно также, что дѣятельность такихъ болѣе просвѣщенныхъ и болѣе энергичныхъ людей въ области языкознанія проходила, не встрѣчая надлежащаго отзыва и продолженія въ окружавшей ихъ общественной средѣ. Вспыхивавшія тутъ или тамъ искры безкорыстнаго научнаго интереса и сознательной иниціативы падали въ сонную трясину равнодушнаго и невѣжественнаго общества и гасли, не встрѣчая матеріала для горѣнія.

Яркой иллюстраціей къ только что сказанному является научное предпріятіе Екатерины II, ея знаменитый „Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій". Державная воля повелительницы Сѣвера вызвала небывалое до тѣхъ поръ въ нашей жизни проявленіе „научнаго интереса" къ собиранію образчиковъ языковъ, которыми раньше почти никто не интересовался. Перья разныхъ комендантовъ, посольскихъ чиновниковъ, секретарей, коллежскихъ ассесоровъ, канцеляріи совѣтниковъ, переводчиковъ, городскихъ толмачей, захолустныхъ протоіереевъ и др. россійскихъ обывателей, никогда, быть можетъ, до того и не помышлявшихъ о собираніи научныхъ матеріаловъ, внезапно, какъ по мановенію волшебнаго жезла, пришли въ движеніе; вороха бумаги были исписаны требуемыми образцами и отправлены въ Петербургъ, гдѣ извѣстная часть собраннаго матеріала вошла въ печатные „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій", другая, разбитая по разнымъ библіотекамъ, остается и понынѣ почти безъ всякаго научнаго употребленія, а третья, повидимому, и совсѣмъ утрачена. Затѣмъ снова все пришло въ прежнее спокойствіе. Императрица, послѣ девятимѣсячнаго увлеченія своей идеей, остыла къ ней, и многочисленные корреспонденты-собиратели ея словаря, отбывъ неожиданную лингвистическую повинность, никогда больше и не подумали sua sponte заняться собираніемъ лингвистическаго матеріала. Рѣдкіе случаи болѣе или менѣе самостоятельной иниціативы, въ родѣ дѣятельности Андрея Богданова, составителя учебни-

ковъ японскаго языка, кое-какихъ членовъ нашихъ китайскихъ миссій (Разсохина, Бакшеева, Игумнова, Каменскаго), составителя киргизскаго словаря генерала Скалона, автора вотяцкой грамматики свящ. Могилина и др., не могутъ служить опроверженіемъ сказаннаго выше, а судьба ихъ трудовъ только подтверждаетъ это.

Тѣмъ не менѣе въ теченіе XVIII в. кое-что было достигнуто. Грамматика Ломоносова положила начало научной обработкѣ русскаго языка и вызвала рядъ продолжателей и подражателей (А. Барсовъ, И. Соколовъ, В. Свѣтовъ и др.). „Лексиконъ треязычный" Поликарпова, „Россійской Целларіусъ" Гельтергофа, „Церковный словарь" Алексѣева, „Краткій славянскій словарь" игумена Евгенія и разныя рукописныя собранія русскихъ словъ (Богданова, Тауберта, Кондратовича, Ботвинкина, Левшина и др.) подготовили „Словарь Академіи Россійской", первый капитальный трудъ въ области лексикографіи русскаго языка. Первыя изданія древнихъ русскихъ текстовъ („Древняя Россійская Вивліоѳика" Новикова, приложенія къ исторіи Щербатова, изданія гр. А. И. Мусина-Пушкина: „Русской Правды" 1792 г., „Духовной" Владиміра Мономаха, 1793 г., „Слова о полку Игоревѣ" 1800), при всѣхъ своихъ недостаткахъ, неизбѣжно наталкивали на сравненіе современнаго языка съ древнимъ и вызвали въ концѣ вѣка потребность въ древнерусскомъ словарѣ, оставшуюся, впрочемъ, неудовлетворенной, и первыя попытки толкованія непонятныхъ древнихъ словъ Крестинина (см. выше, стр. 303—4), Щербатова (въ его историческихъ трудахъ) и др. Рядъ общихъ филологическихъ разсужденій, имѣвшихъ въ виду главнымъ образомъ также русскій языкъ и принадлежавшихъ Ломоносову, Сумарокову, Свѣтову, Протопопову, А. Б., и др., свидѣтельствовалъ о наличности извѣстнаго движенія филологической мысли и въ свою очередь питалъ его. Объ этомъ движеніи говорятъ и нѣкоторыя статьи нашихъ журналовъ того времени. Возникла цѣлая, частью оригинальная, частью переводная педагогическая печатная литература (грамматики, словари, разговоры и т. д.) по обоимъ классическимъ языкамъ, главнымъ ново-европейскимъ и нѣкоторымъ восточнымъ, дававшая возможность пріобрѣсти практическое знаніе ихъ. Положено было начало преподаванію и изученію нѣкоторыхъ инородческихъ языковъ, вызвавшему рядъ пособій по нимъ, преимущественно рукописныхъ. Наконецъ лексикографическія предпріятія въ широкомъ масштабѣ Бакмейстера и Екатерины II, въ связи съ нашими правительственными экспедиціями для изученія Россіи, частью положили первое основаніе изученію нѣкоторыхъ языковъ Россіи, частью принесли массу совершенно новаго для того вре-

мени научнаго матеріала, правда, далеко не всегда надежнаго, но цѣннаго по времени, когда онъ былъ записанъ, а иногда и единственнаго по своему научному значенію, въ виду полнаго съ тѣхъ поръ исчезновенія иныхъ языковъ.

Таково было научное наслѣдіе, завѣщанное въ области языкознанія XVIII вѣкомъ XIX-му и собранное преимущественно во второй половинѣ XVIII вѣка, въ царствованіе Екатерины II, въ эпоху усиленнаго насажденія „наукъ и художествъ", принесшаго извѣстные плоды и въ разсматриваемой научной области. Культурно-историческія условія XVIII в., охарактеризованныя выше, конечно не могли быстро измѣниться не только въ самомъ началѣ XIX в., но и въ теченіе первой его четверти, почти совпадающей съ царствованіемъ Александра I. Поэтому состояніе языкознанія у насъ въ самомъ началѣ XIX в. не представляетъ какихъ нибудь новыхъ чертъ, сравнительно съ послѣдними годами XVIII в. Только въ началѣ второго десятилѣтія и къ концу его мы замѣчаемъ рядъ новыхъ явленій. Эти явленія были вызваны частью движеніемъ науки на западѣ, обнаружившимся тамъ еще въ теченіе послѣднихъ полутора десятилѣтій XVIII в., но дошедшимъ до насъ, какъ всегда, съ значительнымъ запозданіемъ, частью возникли на русской почвѣ, какъ естественные плоды русской науки, свидѣтельствовавшіе о ея самостоятельномъ развитіи.

а) Состояніе общаго языкознанія въ Россіи въ теченіе первой четверти XIX в.

Однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей по вопросамъ общаго и славянскаго языкознанія за разсматриваемый періодъ времени былъ у насъ знаменитый А. С. Шишковъ, сначала дѣятельный членъ, а затѣмъ и предсѣдатель Россійской Академіи, типичный представитель того дилеттантизма въ языкознаніи, который, зародившись у насъ въ XVIII в., благодаря общимъ условіямъ нашей культуры, продолжаетъ держаться чуть не до нашихъ дней. Уже въ первой книжкѣ „Сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою Академіею" (1805 г., стр. 245—61) находимъ его разсужденіе „О звукоподражаніи". Въ самомъ началѣ его Шишковъ излагаетъ свои любимыя идеи о происхожденіи языка путемъ ономатопеи, къ которымъ онъ неразъ болѣе подробно возвращался впослѣдствіи. Идеи эти, конечно, не были его собственностью. Мы находимъ ихъ у де-Бросса въ его „Traité de la formation mécanique des langues et des principes physiques de l'Etymologie" (Парижъ, 2 т. 1765), у Гердера въ его „Abhandlung über

den Ursprung der Sprache" (Берлинъ, 1772), Куръ де Жебелена („Monde Primitif etc." 9 т. Парижъ, 1773—1784) и др. „общихъ грамматиковъ" XVIII вѣка. Шишковъ только упрощаетъ эти идеи, какъ это свойственно вообще любителямъ, и видитъ въ звукоподражаніи единственный древнѣйшій источникъ языка. Въ началѣ своей статьи (стр. 245—47) онъ говоритъ: „Первоначальному составленію языковъ учительницею была сама природа. Люди, слыша естественные звуки, соглашали голосъ свой съ оными, и давали имъ тѣ самыя имена, какими, казалось, они сами себя называютъ". Какъ примѣры такого древняго звукоподражанія, Шишковъ приводитъ названіе *кукушки* и глаголы, означающіе звуки, издаваемые разными животными и птицами: гусь *гогочетъ*, утка *квакаетъ* (?), кошка *мяучитъ*, собака *ворчитъ*, голубь *уркуетъ* (?) или *воркуетъ* и т. д. По словамъ Шишкова, „такимъже образомъ и другія многія названія составлены: громъ, трескъ, стучитъ, шипѣтъ, хрипѣтъ... Таковое природнымъ звукомъ подражаніе въ словахъ показываетъ древность языка; ибо открываетъ въ нихъ слѣды коренныхъ и первоначальныхъ понятій человѣческихъ... Великіе стихотворцы тѣмъ-же самымъ идутъ путемъ" (слѣдуютъ примѣры звукоподражаній у Виргилія, Расина, Тасса, Попе, Сумарокова, Ломоносова, Державина, въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ и т. д.).

Разныя общія разсужденія о языкѣ находимъ въ книгѣ профессора только что основаннаго харьковскаго университета Ив. Рижскаго [1]): „Введеніе въ кругъ словесности" [2]), вышедшей въ въ 1806 г. и посвященной императору Александру I, въ качествѣ „слабаго первенца, получившаго бытіе во святилищѣ наукъ, богоподобными Его Имп. Величества щедротами основанномъ на югѣ Россіи". Первая, меньшая часть книги, интересной какъ образчикъ молодой университетской науки своего времени и обнаруживающей несомнѣнное вліяніе писаній Шишкова, трактуетъ „объ изящныхъ наукахъ" (стр. 1—12); вторая-же, занимающая стр. 13—108, излагаетъ ученіе „о человѣческомъ словѣ" и даетъ очеркъ общей грамматики, первый у насъ не переводный опытъ этого рода. Мы находимъ здѣсь слѣдующіе §§: § 10. „О качест-

[1]) См. о немъ Багалѣй, «Опытъ Исторіи Харьковскаго университета» въ „Учен. Запискахъ Харьк. унив." 1896, кн. 4. 62—63.

[2]) „Введеніе въ кругъ словесности, сочиненное въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, и служившее руководствомъ бывшихъ въ ономъ 1805 года публичныхъ чтеній, предшествовавшихъ наукѣ краснорѣчія. Въ Харьковѣ, въ Университетской Типографіи. 1806 года". 8°, 8 ненум. + 108 + IV стр. (оглавленіе).

вахъ слова, занимающихъ философа, § 11. О качествахъ слова, занимающихъ витію. § 12. Качества слова, занимающія витію, суть исторія, правила онаго, и преимущественныя качества нѣкоторыхъ языковъ. § 13. О произхожденіи слова. § 14. Объ успѣхахъ слова. § 15. О измѣненіи языковъ отъ взаимнаго народовъ сообщенія. § 16. О произхожденіи отъ одного языка разныхъ наречій. § 17. О различіи, какое находится въ первоначальныхъ понятіяхъ разныхъ народовъ объ одной и той-же вещи, и о частныхъ правилахъ языковъ. § 18. Объ общихъ правилахъ человѣческаго слова. § 19. Начальныя понятія о составѣ человѣческаго слова и о главнѣйшихъ измѣненіяхъ нѣкоторыхъ частей рѣчи. § 20. О не измѣняемыхъ частяхъ рѣчи. § 21. О преимущественныхъ качествахъ вообще, и особенно о богатствѣ нѣкоторыхъ языковъ. § 22. О томъ, что называется силою языка. § 23. О пріятности слова, произходящей отъ качества и смѣшенія въ рѣчи буквъ. § 24. О томъ, что называется ладомъ, и въ особенности плясовымъ и мусикійскимъ. § 25. О ладѣ, свойственномъ человѣческому слову, и о произхожденіи стихосложенія. § 26. О зависящей отъ качества и смѣшенія слоговъ и реченій естественной, и о произхожденіи искусственной пріятности слова".

Языкъ разсматривается здѣсь, конечно, главнымъ образомъ, какъ орудіе словесности, т. е. какъ средство выраженія, но нѣкоторые §§ затрогиваютъ и вопросы общаго языкознанія, да и другіе, имѣющіе болѣе слабое отношеніе къ последнему, всетаки даютъ случай судить объ общихъ взглядахъ автора въ данной научной области. Общій характеръ книги—безсодержательно-риторическій. Вмѣсто выясненія или анализа извѣстныхъ понятій, находимъ рядъ риторическихъ словоизвитій, прикрывающихъ скудость мысли и положительнаго знанія. Говоря, напр., объ интересѣ языка для философа (§ 10), Рижскій восклицаетъ: „можетъ-ли онъ (философъ) безъ восторга представить себѣ съ одной стороны хитрое устроеніе орудія слова, съ другой отличное предназначеніе, безконечныя и безцѣнныя онаго пользы? Коль разнородны члены, составляющіе сіе орудіе! Коль различнымъ въ разсужденіи образованія и степени напряженія [1]), но въ то же время коль единообразнымъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, при всей непостижимой скорости, съ какою мы говоримъ, оно дѣлаетъ дви-

---

[1]) Подъ разницами въ „образованіи" авторъ разумѣетъ различія между „свистящими" (*с, з*), „шипящими" (*ш*), „тупыми" (какъ *т*), „яркими и разительными" звуками (какъ *р*). Неожиданно удачно различеніе звуковъ по степени „напряженія" на *мягкія* и *твердыя*, напр. *б* и *п*, *д* и *т*, *с* и *з* (ср. теперешніе термины: lenes и fortes=*слабые* и *сильные*).

женіе исходящаго изъ насъ воздуха, рождая чрезъ то разнообразные звуки, сіи не раздѣлимыя части нашего слова! Кто изъяснитъ намъ оную таинственную связь между словомъ и мыслью, посредствомъ которой оно, будучи само нѣчто вещественное, дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ такими-же измѣненія нашей души, толь сокрытыя отъ чувствъ, толь удаленныя отъ всего вещественнаго и толь мало нами постижимыя, что для изображенія ихъ по сіе время мы не имѣемъ еще собственныхъ словъ?" (стр. 13—15). Указавъ на принадлежность языка человѣку, какъ отличительное его свойство сравнительно съ животными, и на соціальное значеніе языка, какъ средства сношенія съ подобными себѣ, авторъ такъ заключаетъ свое разсмотрѣніе языка со стороны его философскаго интереса: „Между тѣмъ коль восхитительныхъ мы были-бы лишены наслажденій жизни, или лучше сказать, коль не изъяснимому подлежали-бы часто томленію, не имѣя средства переливать въ сердце другого свои пріятныя и огорчительныя чувствія, и открывать по произволенію свои намѣренія и желанія!" Въ подобномъ родѣ написана вся книга, такъ что крупицы мысли приходится въ ней вылавливать въ морѣ риторической воды.

Въ § 12 авторъ доказываетъ, что посвятившій себя словесности „долженъ сквозь множество произвольныхъ постановленій народа видѣть ихъ основанія, содержащіяся въ самомъ естествѣ человѣческаго слова; дабы на сихъ общихъ и природныхъ онаго качествахъ утверждаться въ своихъ сужденіяхъ и случайныхъ его свойствахъ" (стр. 20). Знаніе языка достигается „долговременнымъ и благоразумнымъ чтеніемъ употреблявшихъ его лучшихъ писателей и здравыми при томъ разсужденіями" (стр. 20—21). Но тотъ, кто хочетъ быть „всегда справедливымъ судіею", долженъ предварительно узнать „самые источники какъ отличныхъ свойствъ, такъ и самыхъ правилъ человѣческаго слова, цвѣтущаго состоянія или упадка онаго. Ограничиваяся въ семъ подвигѣ общими только умозаключеніями, выведенными изъ сличенія важнѣйшихъ измѣненій, претерпѣнныхъ однимъ языкомъ, съ таковыми же произшествіями, относящимися до другаго, третіяго и т. д., мы узнаемъ естественный ходъ нашего слова, содержащій въ себѣ общія причины частныхъ перемѣнъ, какимъ подлежалъ каждый въ особенности языкъ (стр. 22)". Исходя изъ этого соображенія, авторъ изображаетъ далѣе „естественный ходъ нашего слова".

По его словамъ „благодѣтельное намѣреніе, съ какимъ Творецъ одарилъ насъ способностію слова, доказываетъ (?), что произхожденіе онаго современно началу общежитія"; успѣхи же языка

„суть произведенія безчисленныхъ усилій человѣческаго ума и многихъ вѣковъ" (стр. 23). Такимъ образомъ авторъ довольно искусно обходитъ скользкую (особенно въ тѣ времена) дилемму о божественномъ или человѣческомъ происхожденіи языка. Излагая далѣе свои взгляды на вопросъ о происхожденіи развитіи языка, авторъ утверждаетъ, что „ходъ нашего слова во всѣхъ своихъ періодахъ совершенно соразмѣренъ ходу нашихъ мыслей", такъ какъ „всякое изображеніе имѣетъ своимъ началомъ или источникомъ воображаемую вещь". Поэтому „рождающійся языкъ первоначально состоитъ изъ названій вещей самыхъ извѣстныхъ и наиболѣе поражающихъ чувства, таковыхъ же ихъ свойствъ, дѣйствій и проч.", ибо „понятія о вещахъ дѣйствующихъ" возникаютъ въ „порядкѣ человѣческаго познанія", подъ руководствомъ самой природы, „прежде понятій общихъ или отвлеченныхъ". Эти „первенцы" языка „по большей части составляютъ коренныя реченія, или такъ называемые, корни словъ". Напротивъ, „имена существъ умственныхъ или отвлеченныхъ" являются лишь тогда, когда „умъ народа сдѣлается способнымъ и навычнымъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ, сличеніямъ и сужденіямъ, требующимъ нарочитаго вниманія" (стр. 23 — 24). Авторъ еще держится теоріи общественнаго договора: „отъ произволенія и *согласія* цѣлаго общества зависѣло назвать всякую вещь такимъ, или другимъ именемъ" (стр. 24), но думаетъ также, что при этомъ играло роль и „разсужденіе", а не „одинъ слѣпой случай". Творцы языковъ „старались составить каждое... слово изъ такихъ звуковъ, которые бы, сколь возможно, явственнѣе изображали природу и качества вещей", такъ какъ имъ было „извѣстно разительное сходство человѣческихъ звуковъ и звукоизмѣненій съ естественными качествами вещей". При этомъ случаѣ авторъ даетъ дѣленіе звуковъ со стороны ихъ выразительности: гласные *а, е, ы, о, у* въ этомъ отношеніи могутъ быть названы „полными" и „служатъ къ изображенію всего, что важно", гласные же *я, ѣ, и, йо, ю*, суть гласные „смягченные" и „дѣлаютъ рѣчь нѣжною". Согласные звуки также выразительны: *р* изображаетъ „яркій и громкій шумъ. наприм. громъ, трескъ, буря"; *т* и *к* передаютъ „тупый и слитный шумъ, наприм. топоръ, стукъ", *с* и *з* „выражаютъ свистъ" (*взвились. свирѣль, звенѣть*); *х, ш* и *ж* — „нѣкоторое какъ бы шептаніе" (*шумитъ, жужжитъ, хохотъ*), а *щ, ч* и *ц*—нѣкоторый родъ щелканія (?)", напр. „*щипать, досчечка* (?!) *цвѣточикъ* (?!), *цѣловать* (стр. 24—25)". Какъ и Шишковъ, авторъ ведетъ языкъ изъ звукоподражаній и парируетъ возраженіе о трудности выводить отсюда и названія отвлеченныхъ понятій ссылкой на мнѣніе „нѣко-

торыхъ философовъ", учащихъ, что „нарочитая оныхъ словъ часть ведетъ свое начало отъ именъ такихъ чувственныхъ вещей, съ коими ихъ подлинники имѣютъ сходство, которое не опустили примѣтить изобрѣтатели оныхъ реченій". Въ доказательство авторъ ссылается на то, что во всѣхъ языкахъ встрѣчается употребленіе именъ конкретныхъ понятій для обозначенія „существъ, постигаемыхъ умомъ", въ родѣ „грызеніе совѣсти". Нужно только помнить, что въ языкѣ тѣмъ менѣе остается слѣдовъ такого происхожденія словъ, чѣмъ болѣе онъ „претерпѣлъ измѣненій, и слѣдственно чѣмъ болѣе удалился отъ своего первообразнаго состоянія". Въ подтвержденіе того, что „въ нынѣшнихъ языкахъ" есть много словъ, почитаемыхъ первообразными, благодаря забвенію ихъ этимологической связи съ ихъ корнями, авторъ ссылается на прилагательныя *высокій*, *глубокій*, *низокъ*, почитаемыя первообразными, но, можетъ быть, происходящія „отъ одного корня, то есть, око" (знаменитая этимологія Шишкова!).

Развитіе синтактическаго строя рѣчи, или „взаимнаго сопряженія словъ", авторъ тоже ставитъ въ зависимость отъ „хода человѣческаго познанія, пріобрѣтаемаго въ природномъ состояніи". Умъ человѣка, только что начинающаго мыслить, постигаетъ лишь такія связи между понятіями, „которыя самому малому вниманію могутъ быть вразумительны; по сей причинѣ его познаніе состоитъ изъ весьма не многаго числа мыслей: а языкъ его заключаетъ также въ себѣ не большое количество выраженій". Поэтому рѣчь такого человѣка чужда „тѣхъ остроумныхъ оборотовъ... какіе свойственны слову просвѣщенныхъ людей". Неопровержимымъ доказательствомъ этой мысли служатъ „языки народовъ, открытыхъ новѣйшими мореходцами" (стр. 28—30).

Успѣхи слова (§ 14) авторъ ставитъ въ связь съ „постепеннымъ устроеніемъ внутренняго состоянія общества" (стр. 30): „отличные умы, распространяя между своими современниками новыя понятія... тѣмъ самымъ вводятъ весьма много новаго въ ихъ языкъ. Но истинные успѣхи слова начинаются" только съ тѣхъ поръ, „когда здравомыслящій разумъ благовоспитанной части народа будетъ обращенъ на оное (т. е. слово) столько же, сколько и на изображаемыя имъ вещи; когда о точной силѣ, о чистотѣ, о сочиненіи, и проч. реченій, будутъ судить, руководствуяся здравымъ смысломъ и Философскимъ познаніемъ языка. Изобрѣтать и распространять знаменованіе слова, говоритъ сочинитель разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, есть дѣло искусныхъ, знающихъ корни своего языка и умѣющихъ производить отъ нихъ сродныя имъ отрасли"... Короче сказать, „успѣхи

слова всегда бываютъ въ одинаковой степени съ успѣхами народнаго просвѣщенія“ (стр. 30—35).

При такомъ ходѣ развитія языка, состояніе его „зависитъ токмо отъ внутренныхъ, и, такъ сказать, домашнихъ обстоятельствъ народа, у коего онъ родился... Но есть еще важныя измѣненія человѣческаго слова, которыя оно претерпѣваетъ отъ внѣшнихъ или постороннихъ причинъ“ (стр. 36), а именно отъ „взаимнаго народовъ общенія“ (§ 15) посредствомъ путешествій, торговли, поселеній и завоеваній, влекущихъ за собою заимствованіе новыхъ выраженій, вмѣстѣ съ новыми понятіями. На этотъ процессъ авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, смотритъ довольно отрицательно и допускаетъ, что онъ служитъ лишь тогда „къ нѣкоторому совершенству“ языка, когда заимствованіе зависитъ „отъ произвольнаго рѣшенія, основаннаго на здравомъ разсужденіи..., напр. когда просвѣщеннѣйшая часть народа вводитъ въ свое слово иноязычныя реченія единственно по причинѣ недостатка въ немъ сознательныхъ и равносильныхъ, и когда прочіе здравомыслящіе соотечественники, бывъ убѣждены тою же причиною, будутъ употреблять оныя вездѣ, гдѣ пристойно, такъ что онѣ сдѣлаются внятными не менѣе самыхъ отечественныхъ“ (стр. 36—38). Въ употребленіи заимствованнаго слова „прочими здравомыслящими соотечественниками“ авторъ видитъ „вѣрное доказательство, что вводимое изъ чужаго языка слово одобряется. Но когда тотъ, кто вводитъ его, или никого, или весьма мало имѣетъ послѣдователей, заслуживающихъ довѣрія: то долженъ быть увѣренъ, что онъ или не совершенно вникнулъ въ сущность выражаемаго понятія, а еще менѣе въ знаменованіе употребленнаго имъ къ тому иностраннаго реченія, или вводитъ его безъ надобности. Къ сожалѣнію у многихъ просвѣщенныхъ народовъ въ сихъ случаяхъ часто дѣйствуетъ пристрастіе къ чужестранному слову; пристрастіе, которое тѣмъ скорѣе подрываетъ и приводитъ въ забвеніе изящество природнаго языка, что оно всегда и вездѣ подобно разлившейся рѣкѣ, низпровергаетъ все“ (стр. 37—38, прим.).

Но и заимствованіямъ, ставшимъ уже „внятными не менѣе самыхъ отечественныхъ“ и введеннымъ „просвѣщеннѣйшей частью народа“, авторъ предпочитаетъ „такія природныя, которыя знающими основательно и философски свой языкъ, сообразно правиламъ и свойству онаго, будутъ или вновь изобрѣтены, или возобновлены изъ числа вышедшихъ уже изъ употребленія“, каковы напр. „*книгопечатня* вмѣсто *типографія*: *справщикъ* вмѣсто *корректоръ; лицедѣй* вм. *актеръ*; *обзорище* вм. *каланча*, и проч.“ Авторъ совѣтуетъ, „въ случаѣ недостатковъ своего языка, прежде

всего прибѣгать къ его источнику, то есть, къ тому коренному, отъ котораго онъ происходитъ", а именно къ славянскому языку, реченія котораго „могутъ сообщить нашей рѣчи несравненно болѣе изящества, нежели иностранныя". При этомъ приводится рядъ славянскихъ выраженій, въ родѣ *неискусобрачный*, *первенецъ*, въ дѣлѣ твоемъ *обветшай*, не познанъ будетъ *во благихъ* другъ и не скрыется во *злыхъ* врагъ, да веселятся *небесная*, да радуются *земная*, мольбу услышитъ *Сотворивый* его и т. д., выразительностью и величіемъ которыхъ авторъ восхищается, забывая или не подозрѣвая, что они представляютъ собой такіе же буквальные переводы иностранныхъ (греческихъ или латинскихъ) выраженій, какъ и ненавистные ему галлицизмы. Такимъ образомъ авторъ становится совершенно на точку зрѣнія Шишкова, которой не смягчаетъ и заключающая данный § оговорка, требующая отъ вводящихъ неологизмы, чтобы эти послѣдніе „ни въ чемъ не были противны ни свойству, ни правиламъ той рѣчи, въ которую" они вводятся. Для этого „творцы новыхъ въ своемъ языкѣ сего рода выраженій обязаны знать его не менѣе, сколько и тотъ чужестранный, изъ коего они заимствуютъ, или коего примѣру послѣдуютъ въ составленіи новыхъ реченій", иначе получатся „погрѣшности", называемыя „именемъ того чужаго языка, коему свойственное реченіе или словосочиненіе малознающіе вводятъ въ свой собственной, не примѣчая того, что оно нарушаетъ его чистоту", какъ напр. галлицизмы и эллинизмы (стр. 38—42).

Разсматривая въ слѣдующемъ § 16 причины возникновенія разныхъ нарѣчій и производныхъ языковъ, авторъ видитъ ихъ въ невѣжествѣ, при которомъ народы „ни мало не вникаютъ въ основанія и качества своего языка, безъ затрудненія рѣшаются на всякую въ немъ перемѣну и безъ размышленія употребляютъ право, въ которомъ каждый народъ тайно бываетъ увѣренъ, т. е. не токмо перемѣнять, но и вовсе оставлять ведущіяся отъ предковъ въ разсужденіи сего произвольныя постановленія". Въ результатѣ съ языкомъ такого народа происходятъ „весьма странныя и не лѣпыя" измѣненія, „отъ которыхъ онъ дѣлается, наконецъ, какъ говорятъ, самъ на себя не похожимъ". Опять обвиняется въ этомъ процессъ заимствованія: „народъ для удобнѣйшаго по его мнѣнію объясненія съ иностранцами... принимаетъ изъ ихъ языковъ въ свой нужныя и не нужныя реченія, которыя... приводятъ въ забвеніе тожде значащія природныя (напр. *авангардія* и *аррiегардія* вм. передовой, сторожевой полкъ)": Заимствованнымъ реченіямъ „не рѣдко даютъ окончанія, и даже сочиняютъ ихъ между собою по правиламъ своей природной рѣчи,

а иногда поступаютъ также и со своими (?)“. Въ примѣръ приводится „страсть Римлянъ къ языку Греческому“, дошедшая до того, что „лучшіе (?) стихотворцы своимъ природнымъ словамъ часто (?) давали сочиненія, свойственныя помянутому языку, и тѣмъ содѣйствовали между прочими причинами упадку собственнаго“. Къ этимъ причинамъ авторъ прибавляетъ еще часто наблюдаемое неправильное произношеніе заимствуемыхъ иностранныхъ словъ и то соображеніе, „что произношеніе составляетъ такое важное въ нѣкоторыхъ случаяхъ качество, отъ коего не рѣдко зависитъ знаменованіе словъ“ (стр. 43—45).

Въ силу указанныхъ общихъ причинъ, „языкъ, болѣе и болѣе удаляяся отъ первообразнаго своего вида, не чувствительно переходитъ въ иное нарѣчіе (dialectum)“, и происходящія такимъ образомъ нарѣчія „бываютъ послѣ мало похожи не только на свой первообразный языкъ, но и одно наречіе на другое“, особенно при рѣдкости взаимного сообщенія другъ съ другомъ. Иногда такимъ „превращеніемъ языка въ иное наречіе оканчиваются бывающія съ нимъ измѣненія; иногда же онѣ простираются до того, что наконецъ дѣлаютъ изъ него совсемъ другой новый языкъ (?)“. И то и другое „зависитъ отъ количества и степени производящихъ сіе причинъ“. Эти общія положенія иллюстрируются частными случаями. Когда извѣстный народъ, или его значительная отрасль, „поселяется между другимъ народомъ“, или когда одинъ народъ покоряетъ другой, между ихъ языками возникаетъ борьба, „которая по большой части кончится въ пользу народа сильнѣйшаго“, и побѣжденный принуждается принять въ свой языкъ „множество не токмо реченій, но Грамматическихъ словоизмѣненій и словосочиненій (?), и смѣшать ихъ съ частію своихъ собственныхъ“. Для китайскаго языка, оставшагося не тронутымъ и послѣ покоренія Китая маньчжурами, авторъ, впрочемъ, дѣлаетъ исключеніе.

Получившійся такимъ образомъ „новый родъ слова иногда остается въ такомъ состояніи, что весьма не много еще не доставало, чтобъ изъ него произошелъ новый языкъ. Сіе бываетъ тогда, когда связь оныхъ народовъ будетъ прервана вдругъ какимъ нибудь важнымъ произшествіемъ. Но по большой части смѣшеніе двухъ языковъ замѣняетъ языкъ или и одного, или и обоихъ говорившихъ ими народовъ. Оно называется въ семъ случаѣ языкомъ производнымъ; а тѣ, отъ которыхъ оно получило свое бытіе, первообразными или коренными“ (стр. 45—47). По словамъ автора, „почти всѣ (?) нынѣшніе западной Европы языки имѣли такое произхожденіе“. Еще болѣе „явственный“ примѣръ

авторъ видитъ въ языкахъ „важнѣйшихъ Кавказскихъ народовъ“, увѣряя, что „послѣдняго столѣтія просвѣщенные путешественники“ считаютъ весьма вѣроятнымъ татарское происхожденіе главныхъ языковъ Кавказа, каковы: „Татарскій, Черкесскій, Лезгинскій, Кистскій, Грузинскій и Осетинскій... судя по преимущественному въ нихъ количеству Татарскихъ словъ;... при всемъ томъ большая часть изъ нихъ имѣетъ весьма много Финскихъ, Славянскихъ, Италіанскихъ и другихъ неизвѣстнаго происхожденія“. Утверждая это, Рижскій дѣлаетъ шагъ назадъ не только, въ сравненіи со словаремъ Екатерины II, правильно раздѣлявшимъ перечисленные языки, но и съ Гюльденштедтомъ, который еще въ 1773 г. довольно правильно судилъ о взаимномъ родствѣ названныхъ языковъ и ставилъ осетинскій въ связь съ персидскимъ языкомъ [1]). Опредѣляя далѣе понятія мертвыхъ языковъ, Рижскій говоритъ, что они „наиболѣе сохраняются въ древнихъ твореніяхъ“, почитаемыхъ „въ нѣкоторомъ смыслѣ священными. Такъ у Индійцевъ въ ихъ Санскритскихъ писаніяхъ (!) и Ведамѣ“.

Въ исторіи языка онъ различаетъ, какъ и „во всемъ, что родится“, три періода: въ первомъ языкъ „зрѣетъ и возрастаетъ до опредѣленной степени“, во второмъ—„состарѣвается и ослабѣваетъ“, а въ третьемъ „погибаетъ или умираетъ“. Такая „почти общая и въ нѣкоторомъ разумѣ естественная участь“ языка ясно говоритъ, „коль много къ снисканію основательнаго познанія всякаго языка должно содѣйствовать знаніе древностей и Исторія говорившаго имъ народа“, и обратно, „сколько должны служить къ открытію важныхъ Историческихъ истинъ, изслѣдованія касающіяся языковъ“. Здѣсь авторъ предлагаетъ искать источники словъ, выраженій и пословій, „коихъ произхожденіе сопряжено съ какимъ нибудь произшествіемъ; но, что важнѣе всего, показать время, причины и степень бывшихъ съ онымъ измѣненій“ (стр. 47—49).

Въ § 17 Рижскій касается того явленія въ языкѣ, которое В. ф. Гумбольдтъ и Штейнталь называютъ „внутренней формой языка“. У нашего автора внутренняя форма слова получаетъ названіе „первоначальнаго понятія вещи“, и онъ разсматриваетъ разницы, наблюдаемыя въ этомъ отношеніи въ разныхъ языкахъ приводя примѣры различія въ „понятіяхъ разныхъ народовъ объ

---

[1]) См. первую классификацію кавказскихъ языковъ Гюльденштедта въ «Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten geographischen, statistischen, und historischen Büchern und Sachen» Бюшинга (Берлинъ) 1773 г. 23-es Stück, стр. 173—76.

одной и той же вещи“. Случаются такіе синонимы, какъ р. *оправдать* съ лат. absolvere, франц. absoudre и disculper, р. островъ и лат. peninsula, франц. presque'île. При этомъ обнаруживается, что авторъ не умѣетъ этимологически разложить слово *островъ*, которое для него „почти совсемъ не имѣетъ точности“. Ему больше нравится „изобразительное“ слав. „отокъ“, т. е. „земля, которую кругомъ обтекаетъ вода“; въ русскомъ же *островъ* этой изобразительности онъ не замѣчаетъ (стр. 50—55).

Послѣдующіе §§ 18, 19, 20 посвящены изложенію общихъ основаній философской грамматики. По словамъ автора, „есть нѣкоторые общіе всѣмъ языкамъ законы, имѣющіе основаніе не на изволеніи народовъ, но на существенныхъ и не измѣняемыхъ человѣческаго слова качествахъ, кои дѣлая оное всегда и вездѣ съ сей стороны единообразнымъ, служатъ къ тому, что люди разныхъ вѣковъ и странъ могутъ разумѣть одни другихъ“ (?).

Возникновеніе этихъ „повсемѣстныхъ, и, естьли позволено такъ сказать, повсевременныхъ человѣческаго слова правилъ, которымъ всѣ извѣстные въ свѣтѣ языки послѣдуютъ во всемъ, кромѣ свойственныхъ каждому изъ нихъ особенностей“, объясняется тѣмъ, что „слова суть знаки нашихъ мыслей“, а „свойства означаемой мысли должны находиться въ ея изображеніи“. Слѣдовательно, „все, что существенно и всегда принадлежитъ нашимъ мыслямъ, должно быть существенно и непремѣнно въ нашихъ словахъ“. Эти „всегдашнія качества мысли“ представляютъ собой „такія положенія вещей, въ которыхъ онѣ вездѣ бывали и бываютъ; такія взаимныя ихъ отношенія, кои онѣ вездѣ имѣли и имѣютъ“. Въ примѣръ авторъ неудачно приводитъ разницу въ величинѣ между предметами, отражающуюся въ существованіи „умалительныхъ и увеличительныхъ именъ“—неудачно, потому что сейчасъ же ему приходится дѣлать оговорку о существованіи языковъ, совсѣмъ не имѣющихъ или весьма мало имѣющихъ подобныхъ именъ. Между тѣмъ такое „всегдашнее качество мысли“ должно бы отражаться и въ соотвѣтственныхъ „повсемѣстныхъ правилахъ“ языка.

Постоянныя положенія вещей, о которыхъ выше говорилось, „человѣкъ... могъ замѣтить... токмо въ предметахъ, подлежащихъ испытанію его чувствъ. Но вскорѣ потомъ началъ въ своемъ воображеніи представлять себѣ съ такими же качествами, какія находилъ въ чувственныхъ вещахъ, и существа, постигаемыя однимъ умомъ: тѣмъ болѣе, что по недостатку словъ... часто принужденъ былъ употреблять имена чувственныхъ вещей для названія умственныхъ существъ. Такимъ образомъ переходя отъ словъ къ мыслямъ,

а отъ сихъ къ вещамъ, и по разсмотрѣніи послѣднихъ обратнымъ путемъ доходя до словъ, открылъ существенныя и повсемѣстныя ихъ принадлежности. Наконецъ, приведши все свое познаніе о сихъ общихъ качествахъ слова въ непрерывную связь, составилъ изъ того особливую Философскую науку, которая называется всеобщею или Философскою Грамматикою (стр. 57—62)".

Въ слѣдующемъ § 19 даются опредѣленія частей рѣчи, въ родѣ слѣдующихъ: „имена... служатъ къ наименованію всякаго рода существъ... имѣющихъ какъ дѣйствительное бытіе, такъ и существующихъ въ одномъ только нашемъ умѣ", или „когда... имя отвлеченнаго существа бываетъ употреблено какъ наименованіе свойства чувственной вещи, и соединено съ именемъ сей послѣдней; тогда называется словомъ прилагательнымъ"; „члены, не означая никакой вещи, но будучи приложены къ имени, показываютъ, въ какомъ измѣненіи должно его разумѣть"; мѣстоименія „сами собою и не посредственно не означаютъ никакого понятія или вещи, но будучи употреблены вмѣсто или имени, или слова прилагательнаго, получаютъ тогда ихъ знаменованіе". Въ томъ же родѣ—опредѣленія глагола, его залоговъ, временъ прошедшаго, настоящаго, будущаго, наклоненія, причастія, дѣепричастія и т. д. (стр. 63—69).

Въ 20 § находимъ подобныя же опредѣленія неизмѣняемыхъ частей рѣчи: нарѣчія, предлога и союза: нарѣчія изображаютъ такія „пополненія понятій", которыя „имѣютъ отношеніе къ обстоятельствамъ разнаго рода, напр., къ мѣсту, времени, порядку, степени своего значенія"; предлогъ означаетъ такое „обстоятельство", которое ставится передъ „понятіемъ", зависящимъ отъ другого понятія, и „какъ бы вспомоществуя обыкновеннымъ его измѣненіямъ, служитъ узломъ связующимъ помянутыя два понятія"; союзы употребляются „для означенія... связи нашихъ мыслей", если „рѣчь наша содержитъ въ себѣ нѣсколько разсужденій", имѣющихъ „взаимное между собою соотношеніе", междометія „выражаютъ то, что происходитъ въ нашемъ сердцѣ, означая дѣйствія чувствуемыхъ нами страстей, и справедливо называются отъ нѣкоторыхъ языкомъ сердца". Зависимость построеній автора отъ французскихъ философскихъ грамматикъ XVIII в. сказывается въ приводимомъ имъ дѣленіи всѣхъ частей рѣчи на слова „сердцеглаголивыя" („les mots affectifs") = междометія и „мыслеглаголивыя" (énonciatifs) = всѣ прочія части рѣчи (стр. 69—73).

Въ § 21 ставятся въ связь съ характеромъ и исторіей народа „преимущественныя качества" и „богатство" нѣкоторыхъ языковъ: зависящія отъ характера „суть нѣчто какъ-бы врожден-

ное", другія-же „суть нѣчто пріобрѣтенное и зависящее отъ перемѣнъ, бывшихъ съ умомъ и участію народа".

„Сила" языка также ставится въ зависимость отъ особой „силы и твердости духа", присущихъ говорящему даннымъ языкомъ народу (§ 22, стр. 81—87).

Пріятность или непріятность языка въ смыслѣ акустическаго впечатлѣнія приводится въ § 23 въ связь съ „разнообразнымъ у разныхъ народовъ употребленіемъ членовъ, составляющихъ естественное орудіе слова". Это разнообразіе употребленія членовъ въ свою очередь объясняется тѣмъ, что „мѣстныя и частныя обстоятельства народовъ, напр., воздухъ, пища, питіе, образъ жизни, воспитанія, упражненія и пр., имѣя чувствительное вліяніе въ составъ нашего тѣла, дѣйствуютъ и на тѣ его части, которыя даны человѣку для произношенія гласа" (стр. 88). При этомъ читатель узнаетъ, между прочимъ, что „Кавказскіе народы, по свидѣтельству новѣйшихъ просвѣщенныхъ путешественниковъ, всѣ вообще говорятъ горломъ", такъ что „большую часть изъ нихъ не возможно изобразить употребляемыми у насъ буквами" (стр. 88, прим.), а одинъ изъ кавказскихъ народовъ, „называющій себя Ламуромъ, имѣетъ произношеніе, подобное тому, какъ-бы сталъ говорить человѣкъ, у котораго во рту мелкіе камешки" (стр. 90 прим.).

Послѣдніе §§ (24—26) имѣютъ уже мало отношенія къ языкознанію и могутъ быть пройдены молчаніемъ.

Мы остановились нѣсколько подробнѣе на разсмотрѣнномъ сочиненіи, такъ какъ научная безсодержательность и наивность его довольно живо характеризуютъ направленіе тогдашняго нашего университетскаго преподаванія въ разсматриваемой области. Очевидно время, потраченное на чтеніе и слушаніе такого курса общаго языкознанія, или „философской грамматики", можно было считать въ научномъ отношеніи совершенно потеряннымъ.

Подробное разсмотрѣніе одного изъ вопросовъ, затронутыхъ Рижскимъ въ его книгѣ (§ 15), а именно о переводѣ иностранныхъ словъ, даетъ Шишковъ въ своемъ „Разговорѣ между двумя пріятелями о переводѣ словъ съ одного языка на другой", напечатанномъ въ III-ей части „Сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою Академіею" (1808 г. стр. 219—247). Основная мысль высказывается уже въ началѣ статьи: „переводить нельзя, а можно изъ тѣхъ же словъ, изъ какихъ иностранное слово составлено, составить свое, когда свойство языка сіе позволяетъ" (стр. 219).

По свидѣтельству А. Н. Чудинова [1]), въ томъ же 1808 г., въ Петербургѣ, А. С. Лубкинымъ, впослѣдствіи (съ 1815 г.) профессоромъ философіи въ Казанскомъ университетѣ († 1829), былъ предпринятъ переводъ всеобщей грамматики Фатера. Къ сожалѣнію, г. Чудиновъ не указываетъ источника, изъ котораго онъ почерпнулъ приводимое имъ извѣстіе, а также и точнаго заглавія нѣмецкаго оригинальнаго сочиненія. Поэтому остается неяснымъ, какую изъ двухъ книжекъ Фатера [2]) переводилъ Лубкинъ. Переводъ этотъ, очевидно, остался ненапечатаннымъ, такъ какъ поиски за нимъ въ нашихъ библіотекахъ и современныхъ библіографическихъ пособіяхъ остались тщетными. Извѣстіе, сообщаемое г. Чудиновымъ, впрочемъ, не внушаетъ особаго довѣрія, въ виду утвержденія его (тамъ же), что другой переводъ книги Фатера былъ сдѣланъ въ Москвѣ еще въ 1798 г., т. е. за три года до появленія въ свѣтъ самаго ранняго изъ трудовъ Фатера, посвященныхъ всеобщей грамматикѣ. Сомнительно, чтобы московскій переводчикъ, также не названный г. Чудиновымъ, дѣлалъ свой переводъ съ оригинальной рукописи автора. Въ тѣ времена это не было въ обычаѣ, да и теперь случается у насъ крайне рѣдко. Нѣтъ-ли тутъ какой-нибудь ошибки?

Нѣсколько незначительныхъ замѣчаній о языкѣ компилятивнаго характера находимъ въ книгѣ Петра Модрю: „Нѣчто о языкѣ и предварительныя примѣчанія къ Россійской Грамматикѣ. Спб. Въ типографіи И. Байкова. 1810 года“ (8°, 8 ненум. + 123 + 2 ненум.). Относительно происхожденія языка здѣсь говорится только, что мнѣнія объ этомъ вопросѣ различны, но, согласно утвержденію нѣкоторыхъ, „человѣкъ отъ природы получилъ только способность говорить“ и лишь „побуждаемый своими нуждами“, послѣ долгихъ усилій и опытовъ, составилъ, наконецъ, языкъ. Такимъ образомъ авторъ, очевидно, является сторонникомъ теоріи о чисто человѣческомъ происхожденіи языка. Авторъ различаетъ три рода

[1]) «О преподаваніи отечественнаго языка. Очеркъ исторіи языкознанія въ связи съ исторіей обученія родному языку, съ приложеніемъ библіографическаго указателя. Выпускъ I. Отд. отт. изъ «Филологич. Записокъ». Воронежъ. 1872, стр. 232—33.

[2]) 1) Versuch einer allgemeinen Sprachlehre. Mit einer Einleitung über den Begriff und Ursprung der Sprache und einem Anhang über die Anwendung der allgemeinen Sprachlehre auf die Grammatik einzelner Sprachen und auf Pasigraphie von Johann Severin Vater Prof. der Theologie und der morgenländ. Sprachen. Halle in der Rengerschen Buchhandlung. 1801». Мал. 8°. XVI + 295 + 1 ненум. стр.

2) «Lehrbuch der allgemeinen Grammatik besonders für hohe Schulklassen mit Vergleichung älterer und neuerer Sprachen». Halle, 1805.

языка: „языкъ въ дѣйствіи“ или языкъ тѣлодвиженій (langage d'action), „языкъ словесный“ (l. des sons articulés, discours verbal) и „языкъ письменный“ (langage écrit, l'écriture). Первый состоитъ изъ „измѣненій лица, игры глазъ, различныхъ положеній и движеній тѣла и его частей... есть дѣло природы, а не... изобрѣтенія человѣческаго, и, слѣдовательно“, всѣмъ равно понятенъ. Природа такъ устроила, что всѣ наши чувства выражаются въ разныхъ положеніяхъ тѣла, „а особливо въ чертахъ лица“—зеркала души. Этому языку не надо учиться, но его „можно распространить и усовершенствовать“, прибавляя къ природнымъ знакамъ похожіе на нихъ искусственные, подчиняя его нѣкоторымъ правиламъ и т. д. „Тогда онъ будетъ вмѣстѣ и *природный* и *искусственный*“. Языкъ жестовъ „скорѣе, разительнѣе и живѣе, нежели языкъ словесный, котораго ходъ мѣшкотенъ и слабъ“, но за то онъ „безпокоенъ“, заставляя человѣка дѣлать слишкомъ много движеній, и „недостаточенъ, потому что имъ нельзя всего изъяснить“. Первый шагъ человѣка къ языку словесному „былъ вѣроятно тогда, когда онъ... почувствовалъ, напр., вдругъ... радость, или печаль, или страхъ, или боль, произнесъ соотвѣтственный тогдашнему своему положенію звукъ... Не невѣроятно и то, что первый звукъ вырвался у человѣка тогда, когда онъ имѣлъ нужду сообщить что нибудь другому, говорилъ ему тѣлодвиженіями, а тотъ или не смотрѣлъ на него, или былъ въ дальнемъ разстояніи. Естественно, чтобъ обратить на себя вниманіе другаго человѣка, или заставить его приближится, надлежало закричать: и этотъ-то крикъ, такъ сказать, машинальной, есть основа или зародышь языка словеснаго. Отсюда человѣкъ сдѣлалъ еще шагъ. Ему стоило только примѣтить первой звукъ свой, чтобъ произнести другіе подобные. Впрочемъ, вѣроятно звуки эти были... простые, необразованные, т. е. вырвавшіеся изъ груди (!) и прямо выходившіе изо рта, не ударяясь о части его“ (?)... Эти звуки, выражавшіе сильныя движенія души и „сродные самымъ животнымъ... грамматики называютъ *междометіями*“. Въ началѣ существованія языка, когда „словъ было очень мало, и люди не умѣли еще выражать всего приличными измѣненіями и напѣвами голоса, междометій было гораздо больше“. Вѣроятно, они возникли вмѣстѣ съ „языкомъ въ дѣйствіи“. Отсюда уже человѣкъ сдѣлалъ „третій шагъ къ языку словесному“, а именно, „побуждаемый нуждами и примѣтивъ силу и дѣйствіе произносимыхъ имъ звуковъ, ...онъ началъ дѣлать разные опыты надъ словеснымъ своимъ органомъ, ...двигать языкомъ... губами, раздроблять (?), перебирать звуки, ...образовать ихъ и составлять слова. Слова эти были конечно

грубы и... сложены... изъ начальныхъ простыхъ звуковъ... или междометій", тоже выражавшихъ чувства и страсти (стр. 1—9). Дальнѣйшимъ шагомъ впередъ было звукоподражаніе, примѣняя которое человѣкъ дѣйствовалъ почти какъ живописецъ, подражающій природѣ. Труднѣе было „дать названіе предметамъ, дѣйствующимъ не на слухъ, а на прочія чувства, особливо предметамъ духовнымъ". Здѣсь человѣкъ прибѣгъ къ средству *аналогіи* (сходства), пользуясь также гибкостью и разнообразіемъ звуковъ, издаваемыхъ его органами; связь двухъ предметовъ онъ, напр., представлялъ „посредствомъ слитія двухъ звуковъ въ одно" и т. д. Новыя встрѣчи, чувства, нужды и понятія рождали новыя слова, и чѣмъ ихъ дѣлалось больше, тѣмъ легче становилось „составлять другія". Такимъ образомъ и создался современный развитой и совершенный звуковой языкъ, рядомъ съ которымъ продолжаетъ существовать и „языкъ въ дѣйствіи", придающій ему оживленіе, важность, опредѣленность, красоту и разительность (стр. 9—12). По опредѣленію Модрю, звуковой языкъ „есть изображеніе нашихъ мыслей посредствомъ образованныхъ звуковъ (sons articulés)", подъ которыми „разумѣются всѣ измѣненія, напѣвы, тоны голоса, выходящіе изъ груди и образуемые" ртомъ и его частями.

Послѣ опредѣленія словеснаго языка и очерка его развитія, который, при всей его бѣглости и наивности, всетаки стоитъ выше представленій Шишкова о томъ же процессѣ, Модрю даетъ такой же очеркъ исторіи письменнаго языка, опредѣляемаго, какъ „изображеніе словеснаго на бумагѣ или на другой поверхности, посредствомъ извѣстныхъ знаковъ, называемыхъ вообще *буквами*". Письмо возникло у человѣка уже по удовлетвореніи первыхъ потребностей, когда онъ сталъ „помышлять о удобностяхъ, выгодностяхъ и пріятностяхъ жизни", и у него родились прихоти и безконечныя желанія (!). Идетъ рѣчь сначала о разныхъ внѣшнихъ средствахъ, примѣнявшихся для того, чтобы отмѣтить что нибудь замѣчательное: насыпаніи бугровъ, складываніи кучъ изъ камней, постановкѣ столбовъ, вырѣзываніи знаковъ на деревьяхъ и даваніи особыхъ названій рѣкамъ, горамъ и пр. урочищамъ, въ чемъ авторъ тоже видитъ „нѣкоторый родъ письма" или „первой шагъ къ нему" (!). Далѣе дается самое общее понятіе о гіероглифахъ и буквахъ, о числѣ послѣднихъ, времени изобрѣтенія („старѣе самаго Моисея"), выражается сомнѣніе, чтобы изобрѣтателемъ письма былъ Кадмъ, и высказывается предположеніе, „что оно родилось во Египтѣ; оттуда перешло въ Ханаанъ", а отсюда уже Финикіяне „присвоили его себѣ и предали грекамъ". Нако-

поведь сообщаются самыя общія свѣдѣнія о способахъ писать (справа налѣво, попеременно справа налѣво, и слѣва на право, затѣмъ только слѣва направо, какъ теперь), письменныхъ матеріалахъ, орудіяхъ (листы, кора деревъ, камень, свинецъ, восковыя дощечки, „штиль", пергаментъ, бумага). Очеркъ Модрю, хотя и не самостоятельный, написанъ довольно яснымъ и простымъ языкомъ и выгодно отличается отъ высокопарной книги Рижскаго, разсмотрѣнной выше. Какъ приложеніе къ школьному учебнику русской грамматики (очень плохому, впрочемъ), онъ для своего времени сравнительно сносенъ.

Довольно неожиданное и оригинальное по личности автора явленіе представляетъ собой книга діакона Орлова: „Краткое историческое начертаніе языковъ" [1]), вышедшая въ 1810 г. Какъ и слѣдовало ожидать, авторъ исходитъ изъ Библіи вообще и сказанія о Вавилонскомъ смѣшеніи языковъ въ частности. Такимъ образомъ, отправная точка его та же, что и русскихъ книжниковъ XVI—XVII вв., писавшихъ о языкѣ, но всемогущій духъ времени беретъ свое и заставляетъ автора становиться иной разъ и въ скрытое противорѣчіе съ библейскими основами его лингвистическаго міровоззрѣнія, выраженнаго въ предисловіи-посвященіи. Здѣсь говорится: „Богъ образовалъ изъ хаоса прекрасный міръ сей; злой духъ породилъ царство тьмы и беззаконія,—отселѣ возникло множество языковъ. Первый человѣкъ, въ состояніи невинности, для бесѣдованія съ Богомъ, довольствовался небольшимъ количествомъ словъ живаго единаго языка. Но послѣ когда онъ такъ сказать вышелъ изъ самаго себя, и произвелъ въ себѣ какъ бы новое твореніе, съ того времени языкъ невинности сталъ для него непонятенъ и недостаточенъ: гордость, буйство и нечестіе породили тысячи другихъ словъ; слѣдствіемъ было Вавилонское смѣшеніе; истина сокрылась подъ симъ бременемъ — и Мудрые вѣка сего должны были признаться, что нѣтъ въ мірѣ истины, все одинъ призракъ".

При такомъ взглядѣ на возникновеніе языковъ, какъ порожде-

---

[1]) «Краткое историческое начертаніе языковъ, съ Описаніемъ ихъ начала, распространенія, перемѣнъ и смѣшенія, и съ Присовокупленіемъ нѣкоторыхъ всеобщихъ замѣчаній о письменномъ искусствѣ всѣхъ временъ. Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императ. Моск. Университета. Москва, Въ Губ. Типографіи, у А. Рѣшетникова, 1810». Мал. 8⁰ ненум. + + III + 131 стр. Книга снабжена эпиграфомъ: «impiger extremos currit Mercator ad Indos. N. N.» и посвящена митрополиту Платону. Посвященіе-предисловіе подписано: «Церкви Успенія Пресв. Богородицы, что въ Печатникахъ, Діаконъ Іоаннъ Стефановъ Орловъ».

ній „злого духа, нечестія, гордости и буйства“, казалось, не слѣдовало бы и интересоваться этими „исчадіями діавола“, но, очевидно, духъ тьмы силенъ, и—діаконъ Орловъ говоритъ въ своей книгѣ: о началѣ языковъ (гл. I); о главныхъ языкахъ (гл. II); объ азіатскихъ, африканскихъ, европейскихъ и американскихъ языкахъ вообще (гл. III); о еврейскомъ языкѣ въ особенности и о прочихъ азіатскихъ и африканскихъ языкахъ, о халдейскомъ, самарянскомъ, ханаанскомъ или финикійскомъ язз., о сирскомъ, египетскомъ или коптскомъ язз., о китайскомъ, арабскомъ, абиссинскомъ язз., о языкѣ въ королевствѣ Марокко, о Мадагаскарскомъ языкѣ (гл. IV); объ армянскомъ, персидскомъ, турецкомъ и татарскомъ язз. (гл. V); о греческомъ языкѣ въ особенности и о прочихъ европейскихъ язз., о латинскомъ яз., о древнихъ римскихъ цифрахъ, о нѣмецк. яз., о римскомъ провинціальномъ языкѣ, о древнемъ франко-нѣм. языкѣ, о письмѣ древнихъ нѣмцевъ, о россійскомъ языкѣ, о письмѣ россійскомъ, о венгерскомъ яз. (гл. VI); объ американскихъ языкахъ въ особенности, о каннибальскомъ, бразильскомъ и хилисскомъ (чилійскомъ?) языкахъ (гл. VII). Книга оканчивается VIII главою: критическое обозрѣніе всѣхъ языковъ. Заключеніе.

Какъ видно изъ этого оглавленія, порядка и системы въ книгѣ Орлова немного, и въ этомъ отношеніи, а также отсутствіемъ настоящей научной цѣли, она напоминаетъ древнерусскіе азбуковники. Какъ и эти послѣдніе, она является просто плодомъ личной приватной любознательности автора-любителя. Но вѣяніе времени сказывается, и свѣдѣнія Орлова уже гораздо богаче и разнообразнѣе, чѣмъ его предшественниковъ, и кое-что у него является впервые въ нашей литературѣ.

Въ главѣ I о началѣ языковъ авторъ сразу же становится на точку зрѣнія, рѣзко противорѣчащую взглядамъ, выраженнымъ въ предисловіи: „Языки возрастаютъ также, какъ и самый человѣкъ... Каждый языкъ возникаетъ и размножается постепенно. Представьте, напр., какое нибудь небольшое общество, недавно получившее свое начало: языкъ его такъ кратокъ, что простирается только на немногіе предметы; они довольствуются малымъ числомъ словъ, но большею частью односложныхъ (?), составленныхъ сообразно ограниченнымъ ихъ понятіямъ и простымъ жизненнымъ потребностямъ; самый даже словесный органъ ихъ не можетъ такъ скоро изгибаться, чтобы выговаривать многія слова; довольно, есть-ли они называютъ *отца, мать, сына* или *дочь*; есть-ли они могутъ именовать предметы, болѣе ихъ поражающіе; прочее же они замѣняютъ знаками, или выражаютъ тѣми же (?) словами.

Такъ возникали языки"... Какъ видно, о зломъ духѣ, нечестіи, гордости и буйствѣ, какъ причинахъ образованія языковъ, здѣсь уже нѣтъ рѣчи: все объясняется естественнымъ путемъ, хотя и довольно наивно: „И хотя-бъ сіе небольшое общество—говоритъ далѣе авторъ—въ продолженіе времени довольно размножилось; впрочемъ языкъ его все остается въ тѣхъ же ограниченныхъ предѣлахъ, потому что народы размножаются гораздо скорѣе, нежели слова языка ихъ. Можно сказать, что имъ пожалуй и не нужно выдумывать новыя слова; находясь въ одномъ мѣстѣ и ведя единообразную жизнь, они всегда видятъ одни и тѣ же предметы... Но когда народъ сей начнетъ размножаться, и когда невозможность помѣститься и довольствоваться произведеніями въ своей отчизнѣ, принудитъ нѣкоторыхъ преселиться въ другія страны; то уже въ скоромъ времени языкъ ихъ расширяется и увеличивается. Здѣсь они видятъ множество" новыхъ предметовъ, даютъ имъ названія и для этого придумываютъ новыя слова. „И такъ каждый народъ... составляетъ свой особенный языкъ; но не смотря на сіе, тѣ слова, кои заимствовали они отъ своихъ предковъ и которыя мы здѣсь называемъ словами *дѣтскими* [1]), такъ глубоко вкореняются въ языкѣ ихъ, что... навсегда сохраняютъ свои первоначальные характеры", хотя и отличаются другъ отъ друга „произношеніемъ и перемѣною измѣняемыхъ литеръ". Оттого „во многихъ между собою различныхъ языкахъ, такъ называемыя мною *дѣтскія* слова довольно примѣчательны по ихъ сходству". Слѣдуетъ таблица такихъ сходныхъ словъ, въ которой есть и сопоставленія съ персидскимъ языкомъ, нѣкоторыя уже знакомыя намъ изъ XVIII в., другія еще не встрѣчавшіяся и, повидимому, принадлежащія самому Орлову. Нѣсколько странно отсутствіе греческихъ словъ для *дочь* и *братъ*, которыя Орловъ затруднился почему то привести въ своей таблицѣ.

По Славински	по Гречески	по Латыни	по Нѣмецки	по Персидски.
Матерь, мать	Митиръ	Матеръ	Мутеръ	Мадеръ
—	Патиръ	Патеръ	Фатеръ	Падеръ
братъ	—	Фратеръ	Брудеръ	Брадеръ
Дочерь или дочь	—	—	Тохтеръ	Дохмеръ (такъ!)
Парень	Песъ	Пуеръ	Бубе (!)	—
или	или			
Мальчикъ	пети	—	—	—

[1]) Мысль не дурная и встрѣчающаяся и въ современной научной литературѣ, хотя и не совсѣмъ въ томъ значеніи и примѣненія, какъ у нашего автора.

По Славянски	по Гречески	по Латыни	по Нѣмецки	по Персидски.
Имя	онома	номенъ	намо	намъ
кой или которой	—	кви	—	квигъ (?)
ты	—	ту	ду	—
единъ	енъ	унусъ	еннъ	—

По словамъ автора, „сіе грамматикальное изслѣдованіе хотя само по себѣ маловажно; но дастъ намъ предварительное понятіе о составленіи языковъ. И естьлибъ знали мы всѣ языки азіятскіе и европейскіе, *то моглибъ найти между ими сходства*, которыя бы напомнили намъ о *первомъ нашемъ началѣ и открыли бы намъ колыбель нашу* (стр. 1—6)“.

Во второй главѣ (о главныхъ языкахъ) авторъ признаетъ только пять таковыхъ, которые „съ самаго смѣшенія Вавилонскаго и по сіе время сохранили корень свой и существенные свои характеры;... отъ нихъ произошли всѣ другіе языки“. Далѣе сообщается рядъ полу-фантастическихъ свѣдѣній объ этихъ языкахъ (еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и нѣмецкомъ), очевидно почерпнутый изъ лингвистической и полигисторической литературы XVI—XVII вв. Мы узнаемъ, что Еврейскій языкъ употреблялся „между поколѣніемъ *Евровымъ*“. Отъ него (!) произошли „Халдейской, Арабской или Мадіанитской, Самарянской, Эѳіонской и, наконецъ, Сирской, всѣ во многомъ между собою сходные“. Греческій языкъ, „спустя нѣсколько по Вавилонскомъ смѣшеніи, распространился въ Греціи отъ потомковъ Фалека, сына Еверова; почему и называются они *Феласками* или *Пеласгами*, а языкъ ихъ *Пеласгическимъ*“. Отъ греческаго произошли „Аттической, Фригійской и другіе многіе, по различію народовъ, населяющихъ Грецію“.

Латинскій языкъ „большею частію обязанъ языку Греческому“; отъ него произошли италіанскій, французскій, „гишпанскій“ и португальскій; изъ италіанскаго и латинскаго „составились Сицилійской и Сардинской“. Славянскій языкъ... „возникъ гораздо прежде нежели сталъ быть извѣстенъ подъ симъ именемъ“; по словамъ историковъ, сынъ Афетовъ Ѳирасъ (не его ли „восточные писатели называютъ Саклабомъ“), по столпотвореніи Вавилонскомъ поселился въ *Иллиріи* и ввелъ въ ней языкъ Славянской“, который уже отсюда распространился по Европѣ.

Изъ этого авторъ, предвозвѣщая лингвистическія открытія г. Иловайскаго, заключаетъ, что сарматы, гунны, венеты и скиты заимствовали отъ славянъ свои языки. „Отъ Славянскаго произошли потомъ многіе различные языки, какъ-то: Болгарской, Серб-

ской, Молдаванской (!), Богемской, Польской и Венгерской (!), которые въ продолженіи времени весьма перемѣнились". Въ примѣчаніи авторъ замѣчаетъ, что болгары и венгры относятся къ финнамъ, но „послѣ приняли языкъ Славянской". Нѣмецкій языкъ „происходитъ отъ Аскана, внука Афетова, который по столпотвореніи Вавилонскомъ переселился въ Европу. Отъ него (!) произошли языки: нидерландскій, ирландскій (!), шведскій, англійскій и шотландскій (!). „Впрочемъ, оговаривается авторъ, послѣдніе два (!) языка имѣютъ начало свое отъ нижнихъ или такъ называвшихся Англо-Саксонцовъ, обитавшихъ прежде въ Кимвріи, или Голштейнѣ и Шлезвигѣ (стр. 6—11)".

Главнѣйшимъ изъ азіатскихъ языковъ авторъ признаетъ китайскій, „потому что онъ старѣе всѣхъ и не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ другими извѣстными языками". Состоитъ онъ „изъ многихъ знаковъ или фигуръ, изъ коихъ каждая означаетъ особое слово". Простолюдинъ знаетъ четыре или пять тысячъ такихъ знаковъ (слишкомъ много!), ученый—20,000, а самые ученые до 80,000 (!). „Судя по сему Китайской языкъ очень походитъ на Коптской или древній Египетской, въ которыхъ простолюдинъ никогда не можетъ достигнуть совершеннаго познанія". Малайскій языкъ—языкъ купеческій, „составился самъ изъ лучшихъ (!) сосѣдственныхъ языковъ (!), и особенно изъ Тамулисскаго, съ коимъ онъ имѣетъ ближайшее сходство [1])" (стр. 13—14).

Нѣмецкій языкъ (стр. 19) авторъ дѣлитъ, „по различному его произношенію и выговорамъ", на настоящій нѣмецкій, нижнесаксонскій и датскій (!). Кромѣ европейскихъ главныхъ языковъ, каковы: „Славянской, или (!) нынѣшній Россійскій, Нѣмецкій, Венгерскій, Шведскій, Голландскій, Англійскій, Италіянскій, Французскій, Гишпанскій и Португальскій", есть еще „многіе языки, употребляемые только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и составленные большею частію изъ пограничныхъ языковъ (!): Албанской, Богемской, Молдавской, Польской, Сардинской, Сицилійской, Финляндской, Лапландской, Фламанской, Исландской, древній Британской, употребляемый и нынѣ простымъ народомъ въ княжествѣ Валлійскомъ (очевидно кимрскій или уэльзскій) и языкъ Бискайской, коимъ говорятъ по сю и ту сторону" Пиринеевъ (очевидно баскій). Какъ видно отсюда, представленія автора о взаимномъ родствѣ языковъ являются очень устарѣлыми. Уже въ XVIII в. у

[1]) Здѣсь находимъ повтореніе указаннаго уже выше недоразумѣнія и смѣшенія малайскаго съ дравидическимъ языкомъ *малаялимъ*. (См. выше, стр. 251, прим. 3).

насъ были въ ходу болѣе правильные взгляды на ихъ взаимныя отношенія, чѣмъ у нашего ученаго діакона, черпавшаго свои свѣдѣнія большею частію изъ литературы XVI—XVII в. и не ушедшаго въ этомъ отношеніи особенно далеко, сравнительно съ азбуковниками.

Всѣ эти языки у него, „по твердому или плавному ихъ произношенію, раздѣляются на *муской* или твердой (нѣмецкій, гишпанскій и англійскій), и на *женской* или нѣжной (французскій, италіанскій), кои такъ сказать болѣе приличны женщинамъ нежели мущинамъ. Причину такого ихъ раздѣленія не должно искать ни на брегахъ Евфрата, гдѣ было Вавилонское смѣшеніе, ни въ революціяхъ цѣлыхъ имперій и народовъ“, но въ разномъ строеніи органовъ. Нѣмецкій языкъ, „который въ выговорѣ весьма труденъ и твердъ, безъ сомнѣнія, первоначально произошелъ отъ народа крѣпкаго сложенія, а Италіанской..., какъ и самый языкъ Латинской, отъ коего онъ произшелъ, можетъ быть отъ народа слабаго сложенія, кои въ выговорѣ и въ произношеніи словъ не хотѣли или не могли напрягать своихъ органовъ“ (стр. 19—21).

Въ такомъ родѣ характеристики и прочихъ языковъ, изъ которыхъ приводимъ только наиболѣе курьезныя или замѣчательныя. Въ отдѣлѣ о семитическихъ языкахъ приводятся образцы перевода „Отче нашъ“ на еврейскій, халдейскій и сирійскій (русскими буквами)—впервые въ нашей литературѣ (стр. 34—35). Довольно подробно говорится отдѣльно о китайскомъ письмѣ и языкѣ, (стр. 46—67), причемъ на особой таблицѣ приводятся образчики китайскихъ іероглифовъ (вмѣстѣ съ древними „арабскими“ и латинскими цифрами); подробно описывается іезуитскій способъ означать китайскіе акценты (впервые печатно въ нашей литературѣ) и т. д. Говорится и вообще о письмѣ и его четырехъ видахъ: справа на лѣво, слѣва на право, „бустре(о)федонъ“, сверху внизъ и снизу вверхъ (у древнихъ мексиканцевъ), (стр. 63—64). Впервые такъ подробно говорится объ абиссинскомъ языкѣ (стр. 70—75).

Почему то довольно подробно трактуется о „Мадагаскарскомъ“ языкѣ, который „по выговору и словосоставленію много походитъ на Восточные языки, и особенно на Арабской и Греческой (!)“: приводится при этомъ много „мадагаскарскихъ“ словъ (чего не дѣлается для многихъ болѣе извѣстныхъ языковъ).

На стр. 81 находимъ такое замѣчаніе объ армянскомъ языкѣ: „...совершенно отличенъ отъ прочихъ Восточныхъ языковъ, онъ также не имѣетъ ни малѣйшаго сходства ни съ Еврейскимъ, ни

съ Халдейскимъ, ни съ Сирскимъ языкомъ", хотя народы, говорившіе этими языками, всѣ жили долго весьма близко другъ отъ друга. Въ примѣчаніи сообщается, что нѣкоторые считаютъ армянскій „остаткомъ древняго языка Фригійскаго, который былъ нарѣчіе языка Греческаго (!)".

Происхожденіе персидскаго языка рисуется такъ (стр. 81—82): сначала въ Персіи господствовалъ ассирійскій языкъ, но когда греки завоевали Персію, языкъ ея „смѣшался нѣсколько съ Греческимъ (!). потомъ также съ Латинскимъ (!) и наконецъ съ Арабскимъ". При Тамерланѣ „вкрались" нѣкоторыя татарскія слова и, наконецъ, въ концѣ XVI в.—турецкія.

Въ статьѣ о латинскомъ языкѣ приводится (стр. 90—91) образчикъ древней латыни изъ надписи въ Капитоліи (впервые въ нашей литературѣ): „C. Bilios M. F. advorsom Cartucieniensois en Siceliad rem. Cerens. ecest. A nos Cocnatos. Popli. Romani artisumod obsedeone D eXEMET. LecioNeis Cartaciniensois. Omneis mAXIMOSQUE. Magistratos Lucaes bove bous. relictis noVEM. CASTREIS EX FOCIONT" и т. д. (стр. 90—91). По словамъ автора, „изъ сей надписи легко можно видѣть, что всѣ (!) слова древняго Латинскаго языка имѣли свои окончанія и перемѣны по свойству языка Греческаго". Въ статьѣ о древнемъ „Франко-Нѣмецкомъ" языкѣ (стр. 99 и сл.) приводятся образчики названнаго и древне-нѣмецкаго языковъ (также впервые у насъ): „франко-нѣм.": Vatter unser, Thu pist im Himile, wihi Nahmu Dinan; queme Rihe Din: werde Wille Din, so in Himile, so sa in Erdu и т. д. „старо-нѣмецк.": 1) Kilaubum in Gott, Fader, Almathicum Kiscaf Himiles enti Erdu; 2) Enti in Jesum Christ, son Sinan ain acun, unseran Truhtin; 3) Der inphangen ist fon Wihemu Keste, Kiporan fona Maria и т. д. Приводится символъ вѣры и на „россійскомъ" языкѣ (въ сущности на церковно-славянскомъ).

О „россійскомъ" языкѣ даются такія свѣдѣнія (стр. 105 и слѣд.): „до соединенія всѣхъ Славянскихъ народовъ въ одно гражданское общество", россійскій языкъ „былъ не что иное, какъ языкъ полудикихъ и необразованныхъ людей... не имѣлъ даже ни Азбуки, ни правилъ грамматическихъ (!), и состоялъ большею частію изъ словъ грубыхъ и неправильныхъ". Послѣ крещенія, когда начали переводить съ греческаго священныя книги, „при возникающемъ свѣтѣ просвѣщенія, и Россійскій языкъ принялъ новый видъ и образованность. Во многихъ мѣстахъ заведены были училища, гдѣ преимущественно обучали языку Греческому" (?), даже Великіе Князья „съ ревностію занимались Греческою словесностью, отъ чего Россійскій языкъ скоро достигъ

своего истиннаго совершенства". Переводившіе Библію съ греческаго на славянскій старались подражать красотамъ греч. подлинника и сохранить ихъ въ переводѣ. Такимъ образомъ, славянскій языкъ, какъ и римскій, „всею красотою и пріятностью обязанъ языку Греческому". Въ такомъ видѣ „пребылъ онъ до начала XVIII в.". Третій періодъ исторіи русскаго языка авторъ считаетъ съ конца XVII в. Когда русскіе ближе познакомились съ европейцами, „тогда и въ Россійскомъ языкѣ произошла великая перемѣна, такъ что онъ лишился всей прежней красоты и превосходства, которыя заимствовалъ отъ языка Греческаго". Началось это, разумѣется, тогда, когда „Руские начали преимущественно заниматься Французскою словесностію", почему „Россійскій языкъ пріобрѣлъ такое множество нововыдуманныхъ и по свойству Французскаго языка составленныхъ словъ, что" воскресшій древній русскій человѣкъ не узналъ бы своего языка. Въ примѣчаніи авторъ рекомендуетъ читателю „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка" А. С. Шишкова (стр. 105--110). Славянскихъ азбукъ авторъ знаетъ двѣ: одну кириллицу, другую, изобрѣтенную св. Іеронимомъ (стр. 10).

Впервые въ нашей литературѣ приводится здѣсь довольно много образчиковъ южно-американскихъ языковъ, какъ напр. слова и глаголы бразильскіе (стр. 117); на стр. 117—119 идетъ рѣчь о „хилисскомъ" языкѣ, причемъ оказывается, что „природные Хилиссы говорятъ мужественно и твердо"; въ качествѣ примѣровъ ихъ языка помѣщенъ рядъ словъ и глаголовъ и даже цѣлая страница русско-чилійскихъ разговоровъ.

Въ заключительной главѣ авторъ находитъ причину великаго различія всѣхъ языковъ не столько въ климатѣ, сколько во времени и народномъ просвѣщеніи. Вліяніе климата, дѣйствующаго на строеніе человѣческаго тѣла и органовъ рѣчи, „отъ коихъ различнаго образованія происходитъ плавность, или твердость и грубость нарѣчій", онъ не отвергаетъ (трудно было бы ожидать въ тѣ времена противнаго), но все же больше ссылается на время, уставу коего „повинуются всѣ вещи; всѣ мы и всѣ дѣла наши, имѣемъ одинаковый законъ измѣненія, положенный природою и временемъ: Tempora mutantur и т. д.". Въ „заключеніи" авторъ говоритъ, что перечислялъ только главнѣйшіе языки, оставляя производные и тѣ, „кои мало извѣстны и употребительны только нѣкоторыми народами", тѣмъ болѣе, что „числа всѣхъ языковъ опредѣлить не можно. Да и нельзя ихъ исчислить". Въ „заключеніи" говорится о неудачныхъ попыткахъ создать всеобщій понятный языкъ, „которой бы могли понимать всѣ жители Европы

и Азіи". Такъ какъ авторъ черпалъ свои свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ старыхъ книгъ XVII в., то онъ сообщаетъ только о трудѣ Іоанна Бехера, „извѣстнаго XVII вѣка Философа", издавшаго на лат. языкѣ „Характеръ ко всеобщему познанію языковъ". объ изобрѣтеніи Г. Кирхеромъ (разумѣется извѣстный іезуитъ-полигисторъ XVII в. Аѳанасій Кирхеръ), „по препорученію Римскаго императора Фердинанда III", особаго рода оптическаго языка, названнаго имъ „Всеобщей Полиграфіей". Заканчивается книга сообщеніемъ, что полиграфія эта всѣмъ очень понравилась: императоръ Фердинандъ III и эрцъ-герцогъ Леопольдъ Вильгельмъ „часто ею занимались съ удовольствіемъ", а папа Александръ VII даже опредѣлилъ ея изобрѣтателю „знатное годовое жалованье" (стр. 130—131).

Въ своей курьезной книгѣ, опоздавшей появленіемъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на 100, нашъ ученый діаконъ, конечно, былъ только компиляторомъ; европейская литература, изъ которой онъ черпалъ свои свѣдѣнія, принадлежитъ главнымъ образомъ XVI и XVII вв. Изъ русскихъ авторовъ онъ ссылается на „Собраніе сочиненій и переводовъ Протопопова (Вас. Мих. † 1810?), а именно, на его статью „О изобрѣтеніи буквъ"; въ классификаціи европейскихъ языковъ (стр. 18—21) онъ слѣдовалъ Аѳанасію Кирхеру [1]), а въ отдѣлѣ объ американскихъ языкахъ Іосифу Анжиру (?) и Ѳомѣ Гаге [2]); кромѣ того, цитируются: „Франциск Никъ де Мирандула [3]), Геснеръ [4]), Волятерранъ [5]),

---

[1]) Ученый іезуитъ, извѣстный полигисторъ XVII в. (р. 1602 † 1680), авторъ многочисленныхъ трактатовъ по физикѣ, математикѣ, естеств. наукамъ и филологіи: «Prodromus copticus» (1636), «Oedipus Aegyptiacus» (1652), «China monumentis qua sacris qua profanis illustrata» (1667), «Lingua Aegyptiaca restituta» (1643), «Polygraphia nova et universalis ex combinatoria arte detecta» (1663) и др.

[2]) Thomas Gage, ирландецъ родомъ, доминиканскій монахъ, путешествовавшій въ 1626 г. по Америкѣ, авторъ «Survey of the West-India, containing a Journal of three thousand and three hundred miles within the main land of America» (Лондонъ, 1648, 1655, 1677 и т. д., франц. переводъ 1676, нѣмецкій 1693), гдѣ была помѣщена грамматика индійскаго языка poconchi или pocoman.

[3]) Іоаннъ Францискъ Пико де Мирандула, довольно извѣстный богословъ и философъ, † 1533.

[4]) Вѣроятно, Конрадъ Геснеръ (р. 1516 † 1565), гебраистъ, эллинистъ, латинистъ, медикъ, физикъ и ботаникъ, авторъ многочисленныхъ трактатовъ по перечисленнымъ спеціальностямъ, въ томъ числѣ «Mithridates. De differentiis linguarum, tum veterum tum qua hodie apud diversas nationes in toto orbe terrarum in usu sunt, observationes. Tiguri. 1555. 8⁰. 2 изд. 1610.

[5]) Вѣроятно Рафаэль Volaterranus, ученый итальянецъ-полигисторъ XV—XVI в. († 1521 г. на 71 г. жизни). Авторъ «Commentarii urbani» (38 книгъ

Вальтонъ [1]), Воссій [2]), Евергардъ Гвернеръ (?), Гороній Беканъ (см. выше, стр. 206, прим.)" и древніе писатели: Луканъ, Клеархъ, Птолемей, Діодоръ Сицилійскій, Евсевій, Тезей и т. д.

Такимъ образомъ, если по методу и духу компиляція діакона Орлова родственна анонимнымъ азбуковникамъ XVII в., то всетаки факты онъ принужденъ былъ черпать уже изъ европейской литературы, хотя бы и отставшей на 2—3 вѣка, на которую онъ считаетъ необходимымъ и ссылаться.

Въ томъ же 1810-мъ г. явился первый русскій переводъ или точнѣе передѣлка извѣстной „Grammaire générale et raisonnée contenant les fondements de l'art de parler expliqués d'une manière claire et naturelle" Port-Royal'a, вышедшей еще въ 1660 г. и много разъ переиздававшейся впослѣдствіи. Передѣлка эта [3]), въ общемъ довольно близкая къ подлиннику, была сдѣлана учителемъ россійской словесности въ Петербургской гимназіи Н. Язвицкимъ, не обозначившимъ, однако, въ заглавіи того, что книга, изданная имъ, не есть оригинальное сочиненіе. Объ этомъ авторъ, впрочемъ, говоритъ, въ предисловіи: „Во всемъ держался я всеобщей Грамматики, Французскаго писателя Портъ-Рояля(!); только гдѣ нужно, сдѣлалъ перемѣны; многое выбросилъ, многое прибавилъ... Осмѣлился также въ нѣкоторыхъ главахъ дѣлать замѣчанія относительно нашего, Французскаго и прочихъ языковъ". Такъ какъ книга эта по своему происхожденію не принадлежитъ къ русской научной литературѣ, то мы ограничимся здѣсь только перечнемъ ея содержанія, могущимъ дать представленіе о томъ, что находилъ въ ней русскій читатель. Книга начинается „предварительнымъ извѣстіемъ" (стр. 3—5), за которымъ слѣдуетъ „введеніе во всеобщую или философическую грамматику (стр. 7—9)", гдѣ

въ III ч.), содержащихъ древнюю географію, жизнеописанія разныхъ знаменитыхъ людей и основы разныхъ наукъ и искусствъ (изд. 1511, 1530, 1552 г. и т. д.). Другіе ученые съ этимъ прозвищемъ также принадлежатъ XV—XVI вв.

[1]) Brianus Walton, англійскій ученый богословъ-епископъ († 1661), авторъ «Introductio ad lectionem linguarum Orientalium» (Лондонъ 1655), издатель «Biblia polyglotta», въ которой напечатана его «Dissertatio de Linguarum natura, origine, divisione, numero, mutationibus et usu (Лонд. 1658), изд. опять въ его-же «Apparatus Biblicus» (Tiguri 1673) и т. д.

[2]) Вѣроятно знаменитый полигисторъ Гергардъ Іоганнъ Vossius (р. 1577 въ Гейдельбергѣ, † 1649), авторъ многочисленныхъ трактатовъ, въ томъ числѣ «Aristarchus sive de arte grammatica» (Амстердамъ 1635, 1653, 1662 и т. д.), «Etimologicon linguae latinae» (Амст. 1662) и др.

[3]) Всеобщая, философическая грамматика, изданная Николаемъ Язвицкимъ. Печатано съ дозволенія Спб. Цензурнаго Комитета. Въ Спб. при Имп. Акад. Наукъ. 1810. 8°. 138 стр. (Имп. публ. библ.).

опредѣляются ея цѣль и содержаніе. Сама „всеобщая, на здравомъ разсудкѣ основанная грамматика“ начинается только съ 11 стр. Ея содержаніе: Часть первая. О начертаніяхъ и буквахъ, употребляемыхъ въ письмѣ. Глава I. О литерахъ, такъ какъ звукахъ, и во первыхъ о Гласныхъ. Гл. 2. О согласныхъ. Гл. 3. О слогахъ. Гл. 4. О словахъ, такъ какъ звукахъ и о ихъ удареніяхъ. Гл. 5. О буквахъ, разсматриваемыхъ такъ какъ начертаніяхъ. Гл. 6. О новыхъ способахъ, посредствомъ коихъ легко можно выучиться читать на разныхъ языкахъ. Часть II. О значеніи словъ. Гл. 1. О томъ, что незнаніе того, что происходитъ въ душѣ нашей не обходимо къ уразумѣнію грамматическихъ основаній. Гл. 2. О именахъ, и во первыхъ существительныхъ и прилагательныхъ. Гл. 3. О именахъ собственныхъ, нарицательныхъ или общихъ. Гл. 4. О числѣ единственомъ и множественномъ. Гл. 5. О родахъ. Гл. 6. О надежахъ, кои необходимы для различія нашей рѣчи. Гл. 7. О членахъ. Гл. 8. О мѣстоименіяхъ. Гл. 9. О мѣстоименіи возносительномъ. Послѣдствіе той же главы. Посредствомъ его начала можно изъяснить различныя трудности грамматики. Гл. 10. О предлогахъ. Гл. 11. О нарѣчіяхъ. Гл. 12. О глаголахъ и о томъ, что собственно и существенно имъ принадлежитъ. Гл. 13. О различіи лицъ и числъ въ глаголахъ. Гл. 14. О различныхъ временахъ глагола. Гл. 15. О различныхъ наклоненіяхъ или образцахъ глаголовъ. Гл. 16. О неопредѣленномъ. Гл. 17. О глаголахъ, кои можно назвать прилагательными, о ихъ различныхъ видахъ дѣйствительныхъ, страдательныхъ и среднихъ. Гл. 18. О Глаголахъ безличныхъ. Гл. 19. О Причастіяхъ. Гл. 20. О Герундіяхъ и Супинахъ. Гл. 21. О вспомогательныхъ глаголахъ. Гл. 22. О союзахъ и междометіяхъ. Гл. 23. О синтаксисѣ или словосочиненіи. По изложенію книжка Язвицкаго суха и тяжеловѣсна, такъ что едва-ли могла найти себѣ много читателей.

Недостатки передѣлки Язвицкаго не укрылись отъ современной критики. Въ журналѣ „Санктпетербургскій Вѣстникъ“, издаваемомъ „обществомъ любителей Словесности, наукъ и художествъ“ за 1812 г. (ч. I. № 1, янв., стр. 93—101) явилась на нее рецензія, подписанная буквою Г. Рецензентъ признавалъ похвальное намѣреніе переводчика обогатить русскую научную литературу одной изъ лучшихъ философскихъ грамматикъ, но остался недоволенъ его исполненіемъ. По его словамъ, слѣдовало бы переводить книгу „съ строжайшей точностью“, какъ, напримѣръ, Фатеръ перевелъ на нѣмецкій языкъ извѣстный трудъ Сильвестра де Саси: „Principes de Grammaire générale, mis à la portée des enfants“. Между тѣмъ переводчикъ вздумалъ сокращать оригиналъ

и самыя сокращенія дѣлалъ случайно и непослѣдовательно, безъ опредѣленной системы и мотивовъ. Поэтому онъ „опускалъ безъ разбору многія необходимыя мѣста и вставлялъ свои примѣчанія и правила, часто ложныя и рѣдко относящіяся къ Философской грамматикѣ“. Слогъ перевода „весьма теменъ, неправиленъ и тяжелъ“. Во многихъ мѣстахъ переводчикъ не понималъ подлинника и исказилъ его смыслъ въ своемъ переводѣ (приводятся примѣры, дѣйствительно подтверждающіе этотъ упрекъ). Наконецъ, переводчикъ не зналъ даже, кѣмъ и гдѣ сочинена книга, и называетъ ее сочиненіемъ „французскаго писателя Портъ-Рояля“. „Жаль, что онъ въ началѣ не помѣстилъ біографіи сего знаменитаго Француза“, ядовито замѣчаетъ суровый критикъ, заключающій свою рецензію такимъ выводомъ: „Философская грамматика сія совершенно испорчена этимъ переводомъ. Желательно, чтобы кто нибудь другой взялся перевести ее снова“. Впрочемъ не всѣ замѣчанія самого критика основательны. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ укоряетъ переводчика, что этотъ послѣдній слишкомъ коротко говоритъ о дѣленіи русскихъ „буквъ“ и не имѣетъ никакого понятія „о богатствѣ русской азбуки“.

О происхожденіи языка Язвицкій говорилъ особо въ своей книжкѣ, посвященной Императору Александру I: „Разсужденіе о словесности вообще, изданное Николаемъ Язвицкимъ. Печатано съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета. Въ Санктпетербургѣ, при Имп. Акад. Наукъ 1810“ (8°, 2 непум. + 47 стр.). Въ началѣ ея находимъ вводную главу: „О происхожденіи слова или языка вообще и средствахъ, споспѣшествующихъ къ усовершенію Словесности“. Взгляды Язвицкаго, не представляя ничего самостоятельнаго, новаго или глубокаго, тѣмъ не менѣе интересны въ историческомъ отношеніи, выгодно отличаясь большею свободою и независимостью мысли, сравнительно съ позднѣйшими аналогичными разсужденіями Глаголева и Гульянова. Въ противоположность болѣе позднимъ авторамъ, писавшимъ въ разгаръ реакціи и мракобѣсія конца царствованія Александра I, Язвицкій приписываетъ языку вполнѣ естественное, чисто человѣческое происхожденіе и становится на опредѣленную эволюціонную точку зрѣнія: „въ обществахъ, такъ какъ и въ природѣ все расло постепенно. Нравственное слѣдуетъ естественному... При младенчествѣ тѣла младенчествуетъ и умъ. Наши душевныя силы и понятія, кажется, подлежатъ тѣмъ же законамъ, каковымъ подлежатъ всѣ тѣла органическія... Отъ единицы, до безконечныхъ Архимедовыхъ вычисленій, отъ смиреннаго и низкаго шалаша дикаго, до смѣлаго и величественнаго

купола церкви Св. Петра въ Римѣ, отъ первой по водамъ плавающей коры, до трехъ-палубнаго корабля... отъ сельской свирѣли пастуховъ, до симфоніи Моцарда (такъ!), словомъ, отъ первыхъ началъ, до самыхъ сложенныхъ и чудесныхъ твореній— сколько находится постепенностей.

Разговоръ, или наша рѣчь имѣла таковыя же постепенности— и не искуству, но *случаю* (курсивъ нашъ) одолжена своимъ происхожденіемъ. Безъ сомнѣнія весьма трудно описать... невѣжество и грубость, предшествующую той мрачной эпохѣ, послѣ которой наши предки вздумали умягчить дикой свой крикъ, дать названія вещамъ, перелить понятіе говорящаго—внимающему, и симъ ввести между подобными себѣ новой родъ соотношенія. ...Сколько сіи первые опыты должны быть трудны и незаманчивы! Въ продолженіе коликихъ вѣковъ родъ человѣческій немотствовалъ и лепеталъ, какъ младенецъ! Сколько потребно было времени для собранія главныхъ правилъ *всеобщей грамматики*, или умозрѣнія всѣхъ языковъ! Сколько нужно было размышленій, дабы достигнуть языка здраваго, правильнаго, сильнаго и разительнаго, не взирая на всѣ его недостатки? Начало языка кажется чудомъ ума человѣческаго и совсѣмъ нерѣшимою задачей. Ибо не можно не имѣя Грамматики составить языкъ (?!); или, не имѣя языка выдумать грамматику? Сіи сомнѣнія будутъ всегда сомнѣнія. Двѣ только вещи дѣлаютъ ихъ нѣсколько понятными — *нужда* и *время*".

Первоначальная рѣчь, по словамъ Язвицкаго, была груба и неразвита. Правда, одни говорили немного лучше, другіе хуже. но „безъ умозрѣній, безъ правилъ (!), что такое была рѣчь ихъ? Безъискуственное изліяніе восхищеннаго сердца... увлекаемаго пламеннымъ воображеніемъ... вмѣстѣ боязливаго и безстрашнаго. Грубость и невѣжество служили тогда началомъ и основаніемъ къ познаніямъ. Перваго человѣка все поражало и удивляло ;..симъ то различнымъ движеніямъ души одолжены мы быстрыми и разительными оборотами..., кои называемъ теперь *тропами*, *фигурами*; и всѣ они не что иное суть, какъ первоначальный языкъ грубыхъ и необразованныхъ народовъ. Въ младенческія лѣта свои рѣчь была вовсемъ недостаточна, и сей самой недостатокъ, сія бѣдность въ словахъ произвели богатство и изобиліе въ языкѣ... какъ первая одежда", служившая сперва для прикрытія наготы, сдѣлалась потомъ предметомъ роскоши. „Итакъ не *искуство*, но *нужда* и страсти изобрѣли языкъ фигуральной и метафорической; онъ не вынужденной, но естественной. Онъ составлялъ самой простой первой образъ выраженія дикихъ и не просвѣщенныхъ

народовъ;—*разумъ* и *сердце* въ собственныхъ заблужденіяхъ сооружили... храмъ Поэзіи". Изобрѣтеніе письма „весьма много содѣйствовало къ усовершенію всѣхъ искуствъ, а особливо языка. Ибо слова, прежде сего исчезающія въ воздухѣ, и неоставляющія по себѣ ни чего, кромѣ пустаго и кратковременнаго напоминанія, сдѣлались симъ средствомъ видимыми и долговременными; подверглись во всѣхъ частяхъ своихъ испытанію, критикѣ и изслѣдованію всѣхъ людей"... Дальнѣйшіе успѣхи рѣчи достигнуты были путемъ „*соревнованія, размышленія* и *исправленія*", при чемъ образцовыя сочиненія хранились и служили предметомъ изученія, разбора, подражанія и т. п. (стр. 3—11). Разсужденія эти заключаются такими словами: „Изъ всего выше сказаннаго видно, что *произхожденіе рѣчи*, или языка вообще (т.-е. *Поэзіи и красноръчія*) заключено въ самой природѣ человѣка, и современно его существованію. Но кто первый началъ говорить? Коимъ именно народамъ одолжена Европа корнемъ своихъ познаній? Все сіе погружено во мракѣ временъ протекшихъ. И тщетно на сіе потратили бы мы трудъ свой" (стр. 15).

Увлеченіе всеобщей грамматикой, не наблюдавшееся у насъ до начала XIX вѣка, хотя въ Европѣ руководства по ней появлялись одно за другимъ особенно во второй половинѣ XVIII в., объясняется тѣмъ, что, по уставу учебныхъ заведеній 1804 г., преподаваніе всеобщей грамматики было введено въ нашей средней школѣ, какъ обязательный предметъ, замѣнившій грамматику русскаго языка. За отсутствіемъ оригинальныхъ учебниковъ, приходилось довольствоваться переводными. Этимъ, конечно, и объясняется появленіе перевода всеобщей грамматики Фатера, упомянутаго выше, а также и разсмотрѣннаго уже переводнаго труда Н. Язвицкаго, открывающихъ собой рядъ аналогичныхъ руководствъ.

Названное увлеченіе всеобщей грамматикой отразилось и въ провинціальной глуши. Такъ въ Харьковѣ, въ одинъ годъ съ переводомъ Язвицкаго (1810), является книга Ивана Орнатовскаго: „Новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ". (Въ Харьковѣ. Въ Унив. типографіи 1810. 8°. 311 стр.). Книга эта распадается на двѣ части: общую, помѣщенную въ началѣ книги, въ качествѣ введенія (отдѣленіе I), и спеціальную (отдѣленіе II), посвященную главнымъ образомъ самой грамматикѣ русскаго языка. Здѣсь мы разсмотримъ только первую, а о второй будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ ниже.

Общая часть грамматики Орнатовскаго начинается главою I (стр. 3—4) „о достоинствѣ языка человѣческаго". Изъ нея мы узнаемъ,

что „природа влила во всѣхъ животныхъ непреодолимое побужденіе хранить бытіе свое, снабдивъ ихъ для этого разными средствами". У человѣка „побужденія живѣе и благороднѣе;—нужды обширнѣе и важнѣе: слѣдовательно и средства должны быть сильнѣе, дѣятельнѣе, удобопримѣняемѣе". Эти средства—„разумъ и вѣчная склонность къ подобнымъ себѣ, заставляющая людей соединяться въ общество". Одинъ человѣкъ „былъ бы всегда слабъ и бѣденъ, какъ младенецъ, или грубъ и жестокъ какъ звѣрь... Для утвержденія взаимнаго союза между людьми... Богъ украсилъ человѣка даромъ слова, т.-е. способностью посредствомъ различныхъ измѣненій голоса изъяснять другимъ мысли свои и чувствованія". Безъ языка невозможна была бы культура, разумъ безъ слова былъ бы также полезенъ, „какъ часы безъ указателя, или безъ колокола". Безъ языка „цвѣтущія государства не долѣе бы существовали, какъ толпа, предпріявшая Вавилонское столпотвореніе".

Въ слѣдующей II главѣ (стр. 5—7) идетъ рѣчь „о происхожденіи и успѣхахъ слова". Автору не чужда идея постепеннаго развитія языка: „ничто не бываетъ вдругъ совершеннымъ; то о чемъ мы теперь совсѣмъ не мыслимъ, стоило непостижимыхъ трудностей нашимъ прародителямъ. Языкъ пятилѣтняго младенца въ нынѣшнія времена есть можетъ быть произведеніе 1000 умовъ, трудившихся цѣлыя столѣтія". Сначала языкъ состоялъ „въ непосредственномъ выраженіи чувства, т. е. въ такихъ знакахъ своего лица, въ такомъ напряженіи членовъ, въ такихъ движеніяхъ, въ такихъ восклицаніяхъ, кои соотвѣтствовали внутреннему его состоянію. Сей есть единственный языкъ, которой природа сдѣлала для всѣхъ понятнымъ (стр. 5)". Но „такія изъясненія не могли простираться на другіе предметы, кромѣ самихъ себя и вообще предметовъ, глазамъ предлежащихъ"... Когда же понадобилось называть „предметъ отдаленный", пришлось „прибѣгнуть... къ самой природѣ его и подражать оной звукомъ слова", т. е. явилось звукоподражаніе. Какъ примѣры таковаго приводятся: *быкъ,* греч. βοῦς, лат. bos, фр. beuf; *волкъ,* нѣм. Wolf, гр. λύκος, лат. lupus, фр. loup; *громъ*, гр. βροντή, лат. tonitru, нѣм. Donner, фр. tonnerre; *трепетъ*, гр. τρόμος, лат. tremor, нѣм. zittern, фр. tremblement; *кукушка*, гр. κόκκυξ, лат. cuculus, нѣм. Kukuck, фр. coucou; *свистъ*, лат. sibilus, гр. σο(υ)ριγμός, нѣм. zischen, франц. siffler и пр. Въ подкрѣпленіе этихъ взглядовъ приводится цитата изъ англійскаго риторика, Блэра[1]), которой пользуется въ соот-

[1]) Авторъ «Lectures on rhetoric and belles lettres. By Hugh Blair, DD. one of the Ministers of the high church and professor of rhetoric and belles

вѣтственномъ мѣстѣ и Модрю (см. выше, стр. 539), не называя своего источника: изобрѣтатели языка поступали, какъ живописецъ, который изображаетъ траву и листья зеленой краской: для выраженія дикаго и грубаго предмета брали и звуки дикіе и грубые, „а для изображенія чего нибудь нѣжнаго и тихаго, звуки тихіе и нѣжные“, напр. вѣтеръ, духъ, свѣтъ, огонь, грубый, суровый, варварскій, и т. д. (стр. 6).

Что касается именъ отвлеченныхъ понятій, то они „уже заимствованы отъ словъ предметовъ чувственныхъ, напр. грубый, жестокій, тихій, нѣжный, пламенный, сердечный и т. д.“. При этомъ авторъ ссылается на Аделунга, полагающаго, что „въ большей части извѣстныхъ языковъ есть нѣкоторыя общія звукоизмѣненія“, служащія „къ изображенію различныхъ понятій одинаковаго свойства“: „*Ст* выражаетъ нѣчто крѣпкое и твердое: ἴζημι (такъ! очевидно, вм. ἵστημι) стою, лат. sto, нѣм. steh, лат. stips (стволъ, должно бы быть stipes), нѣм. Stamm. Стопъ (?), старъ. *Стр*—крѣпость и сильное дѣйствіе или движеніе, напр. ζρώννυμι, ζρατεύομαι (такъ! вм. στρώννυμι, στρατεύομαι), строй, стрѣла, лат. strepitus, нѣм. streng“ [1]). „По мѣрѣ того, какъ отношенія людей сдѣлались обширнѣе, нужды ихъ увеличились, познаніе вещей распространилось; возрасло и многообразіе выраженій и все пространное поле языка перераждалось въ своемъ корнѣ“. Отъ этого „истребилось всякое подобіе языка съ изображаемыми предметами (стр. 7)“.

Въ III главѣ, „о языкѣ вообще“, авторъ излагаетъ свои взгляды на происхожденіе и взаимное родство языковъ: „основаніе языка... у всѣхъ народовъ свѣта есть одно и то-же“, а первобытное жилище человѣческаго рода находится въ средней Азіи“, гдѣ „должно полагать и начало первороднаго языка“. Но тщетно стараются среди множества языковъ, открывъ сей языкъ, дать ему наименованіе“. Видъ его долженъ былъ безпрестанно измѣняться, пока, по мѣрѣ раздѣленія людей на племена и народы, не явилось множество языковъ, „совсѣмъ одинъ отъ другого отдаленныхъ“. По словамъ автора, древнѣйшій языкъ—еврейскій, хотя

---

lettres in the university of Edinburgh». 3 т. 8°. 1788. Базель. Языку посвящены здѣсь главы I-го тома: VI. Rise and Progress of Language (стр. 110—132); VII. Rise and Progress of Language, and of Writing (133—55); VIII. Structure of Language (156—80); IX. Structure of Language. Englisch Tongue (181—208).

[1]) Въ дѣйствительности между нѣкоторыми изъ указываемыхъ Аделунгомъ словъ имѣется первичное болѣе или менѣе близкое родство, чѣмъ и объясняется близость значеній.

нельзя доказать, чтобы онъ былъ общимъ отцомъ всѣхъ языковъ, а тѣмъ менѣе можно приписывать это прочимъ. Тѣмъ не менѣе „во всѣхъ языкахъ... примѣтно большее или меньшее сходство“. За этими общими замѣчаніями даются опредѣленія понятій: языки древніе (antiquae) и новые (recentiores), коренные (originales) и производные (derivativae), восточные и западные, мертвые и новые. Къ кореннымъ языкамъ Орнатовскій относитъ египетскій, еврейскій, греческій, латинскій, славянскій, нѣмецкій, скандинавскій, „цельтскій“, арабскій, монгольскій и китайскій, а къ производнымъ—происходящіе отъ другихъ языковъ и „смѣшанные“ языки: россійскій, происшедшій отъ славянскаго, англійскій—отъ британскаго и саксонскаго, французскій—отъ „цельтскаго“, франкскаго и латинскаго, испанскій—отъ латинскаго, „готскаго“, вандальскаго и арабскаго, финикійскій—отъ еврейскаго и египетскаго (!), халдейскій и арабскій—отъ еврейскаго (!), эѳіопскій—отъ арабскаго, турецкій—отъ монгольскаго и арабскаго (!) (стр. 8—11). Интересно, что о санскритѣ Орнатовскій и діаконъ Орловъ, повидимому, даже и не слыхивали; по крайней мѣрѣ, такъ можно думать по отсутствію какого бы то ни было упоминанія о немъ.

Въ IV главѣ идетъ рѣчь „о письмѣ“, которое называется „изобрѣтеніемъ, дарованіемъ великимъ, драгоцѣннымъ для рода человѣческаго“. Здѣсь дается общее понятіе объ идеографическомъ письмѣ, изобрѣтенномъ въ Мексикѣ, за которымъ „отъ изображенія предметовъ чувственныхъ въ позднѣйшія уже времена перешли къ изображенію понятій умственныхъ“ и изобрѣли гіероглифы (стр. 11—12). Эти послѣдніе опредѣляются, какъ „знаки, взятые съ видимыхъ предметовъ для изображенія невидимыхъ или умственныхъ, имѣющихъ съ оными какое-либо отношеніе и сходство“; глазъ является символомъ всевидѣнія, кругъ—символомъ вѣчности, голубь—любви и т. д. Далѣе (стр. 14) говорится о недостаткахъ этого письма (допускаетъ разныя субъективныя толкованія), о разныхъ произвольныхъ знакахъ: снуркахъ перуанцевъ, письмѣ китайцевъ, японцевъ, тонкинцевъ и корейцевъ, состоящемъ „въ извѣстныхъ чертахъ“, означающихъ отдѣльныя понятія. О трудности такого письма говоритъ цифра 70000 и болѣе китайскихъ знаковъ. Въ заключеніе упоминается о фонетическомъ письмѣ, неизвѣстно кѣмъ изобрѣтенномъ, вѣроятнѣе всего египтянами; о перенесеніи его Моисеемъ въ Ханаанъ, откуда его взяли финикійцы; о греческомъ алфавитѣ Кадма и о нововведеніяхъ въ немъ Паламида и Симонида (стр. 15—16).

Заканчивается первое отдѣленіе книги Орнатовскаго V-ю гла-

вою „о книгопечатаніи“ (стр. 17—18), имѣющей уже мало отношенія къ языкознанію.

Нѣсколько обще-грамматическихъ разсужденій находится и во второмъ отдѣленіи разсматриваемой грамматики. Такъ на стр. 36 находимъ общій отдѣлъ „О Грамматикѣ“. Первый параграфъ этого отдѣла, представляющій собой вступленіе въ него (стр. 37—8), доказываетъ „необходимость науки о языкѣ, или, какъ говорятъ вообще, Грамматики“. Языкъ опредѣляется, какъ „способность выражать понятія членораздѣльными звуками (articulatus sonus)“. Существованіе языковъ предполагаетъ „согласіе народа, сіи, а не другіе членораздѣльные звуки употреблять по взаимному сообщенію понятій“ (теорія contrat social). Грамматика дѣлится на всеобщую, или философическую, и частную. Первая „разсматриваетъ составъ слова человѣческаго въ отношеніи его къ понятіямъ, изображаемымъ членораздѣльными звуками“ (стр. 37); вторая „руководствуетъ“ принятые какимъ-нибудь народомъ членораздѣльные звуки „употреблять вразумительнымъ и тому народу свойственнымъ образомъ“. Поэтому „правила частной грамматики всякаго народа зависятъ отъ общаго употребленія“ во „всеобщемъ, письменномъ, просвѣщеннѣйшими въ обществѣ людьми употребляемомъ языкѣ, а нарѣчія могутъ только служить объясненіемъ или дополненіемъ симъ правиламъ, а не закономъ ихъ“. Съ этой точки зрѣнія русская грамматика есть „наставленіе къ правильному употребленію языка Россійскаго“ (стр. 38). Во второмъ параграфѣ этого отдѣла (стр. 39—41) говорится „о предметѣ языка и раздѣленіи грамматики“. „Предметъ“ языка составляютъ представленія и понятія, выраженныя словами и реченіями. „Разсужденіе“ (judicium) выражается въ предложеніи, съ его составными частями: подлежащимъ, сказуемымъ и т. д. Грамматику Орнатовскій дѣлитъ, согласно общему обычаю, на четыре части: I. Слово-составленіе, или слово-произведеніе (Etymologia); II. Слово-сочиненіе (Syntaxis); III. Слово-произношеніе, или слого-удареніе (Prosodia) и IV. Правописаніе (Orthographia).

Интересны для того времени фонетическія представленія автора. Довольно правильно опредѣляется разница между гласными и согласными съ физіологической точки зрѣнія: „Нѣкоторые звуки произносятся только однимъ отверстіемъ рта и напряженіемъ горла безъ всякаго прикосновенія языка къ прочимъ частямъ онаго, и называются простыми или само-гласными звуками; а въ письмѣ само-гласными буквами“ (стр. 44). Такихъ гласныхъ Орнатовскій насчитываетъ шесть: а, э, е, ы, о, у. „Самое большое отверстіе производитъ *а*, самое меньшее—*у*“. Нѣсколько странное представленіе имѣетъ

авторъ о „умягченныхъ гласныхъ“, т. е. слогахъ изъ согласнаго j+гласный: „когда при отверстіи рта языкъ касается нѣсколько къ зубамъ (?), тогда произходятъ самогласные звуки умягченные (Lenes litterae) я (йа), ѣ (йе), іо (йо), и (йы), ю (йу)“. (Тамъ же). Какъ и нѣкоторые позднѣйшіе фонетики, Орнатовскій признаетъ существованіе дифтонговъ въ русскомъ языкѣ; „когда два само-гласные звука однимъ отверстіемъ рта произносятся, или лучше, когда ротъ отъ одного отверстія вдругъ, не пресѣкая голоса, переходитъ къ другому: тогда звуки называются двугласными (diphthongi), напр. ай, ей, ой, ій, уй, ау. Какъ въ словахъ: *май*, *пей*, *постойте*, *бушуйте*, *заутра* *) (стр. 44—45).

Общій характеръ имѣютъ и нѣкоторые параграфы слѣдующихъ отдѣловъ. Такъ, напр. параграфъ V (стр. 47 и слѣд.) трактуетъ „Объ отношеніи словъ къ понятіямъ и о раздѣленіи оныхъ на части“. Частей рѣчи признается девять: „имя, прилагательное, числительное, мѣстоименіе, глаголъ, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междуметіе“. Даются опредѣленія этихъ категорій, въ обычномъ родѣ: имя означаетъ всякій предметъ, существующій въ природѣ, и составляетъ подлежащее сужденія; прилагательное означаетъ свойство или качество и т. д. Подобныя же опредѣленія находимъ въ параграфѣ VI (стр. 55) „о измѣненіяхъ частей рѣчи“, которыя дѣлятся на „измѣняемыя“ (flexibiles) и „неизмѣняемыя“ (inflexibiles): въ „Главѣ Первой“ (стр. 56), „о имени вообще“, дается опредѣленіе именъ общихъ, собственныхъ, собирательныхъ, увеличительныхъ и уменьшительныхъ; параграфъ II этой главы трактуетъ „о измѣненіяхъ имени“ вообще, а III, IV и V объ этихъ измѣненіяхъ въ отдѣльности, т. е. родахъ (стр. 59 и сл.), числахъ (стр. 63 и сл.) и падежахъ. Мужескій родъ приписывается „такимъ вещамъ, которыя имѣютъ нѣкоторое свойство крѣпости, дѣятельности, сообщительности и вообще дѣйствія“, а женскій — такимъ, которыя „служатъ къ вмѣщенію чего-нибудь, или къ произведенію и вообще по природѣ своей, болѣе страдательны, нежели дѣятельны, болѣе тихи, красивы, пріятны, нежели крѣпки“ и т. д.

Остальные отдѣлы разсматриваемой книги преставляютъ собой обычную школьную грамматику русскаго языка, связанную чисто механически съ общими разсужденіями, образчики которыхъ мы видѣли выше. Разумѣется, въ „философскихъ“ взглядахъ Орнатовскаго на языкъ не было ничего новаго и самостоятельнаго;

*) Авторъ, очевидно, произносилъ *завтра* по южно-русски, т. е. съ неслоговымъ *у*, вмѣсто губно-губного спиранта *w*, соотвѣтствующаго великорусскому *в*.

они представляютъ собой ходячія мѣста, почерпнутыя изъ той или другой европейской книжки по „всеобщей грамматикѣ“, которыя уже давно сдѣлались общимъ достояніемъ европейской науки, но у насъ еще могли считаться въ нѣкоторомъ родѣ „послѣднимъ словомъ“ общаго языкознанія.

Самая же попытка основать изложеніе русской грамматики на данныхъ всеобщей грамматики во всякомъ случаѣ была у насъ новостью, чѣмъ бы она ни вызывалась.

Во всякомъ случаѣ книга Орнатовскаго лучше могла служить распространенію у насъ знакомства со всеобщей грамматикой, чѣмъ вышедшій въ слѣдующемъ 1811 г. трудъ его земляка, проф. Харьковскаго университета И. Ѳ. Тимковскаго [1]: „Опытный способъ къ философическому познанію Россійскаго языка, сочиненный Иліею Тимковскимъ. Изданный Императорскимъ Харьковскимъ университетомъ. Въ Харьковѣ. Въ Универс. Типографіи. 1811“. 8°. 310 стр. Книга эта въ общемъ имѣетъ странный характеръ, представляя собой родъ неудобочитаемаго конспекта или подробной программы предлагаемаго авторомъ „опытнаго способа къ философическому познанію“ русскаго языка. Она начинается „разсудительными изслѣдованіями“ о составѣ, свойствѣ и силѣ россійскаго слова, которыя „открываютъ постепенную связь предметовъ“, содержащую въ себѣ: I. Грамматическій разборъ частей рѣчи и смысла выраженій. II. Окончанія производныхъ словъ, съ ихъ знаменованіемъ. III. Сложеніе словъ, съ изъясненіемъ означенія сложныхъ. IV. Произведеніе словъ и употребленіе ихъ. V. Связь и опредѣленіе понятій, для составленія мысли. VI. Опредѣленіе и связь мыслей. VII. Порядокъ словъ и звуки въ выраженіяхъ. VIII. Древности языка Славено-Россійскаго и отношенія его къ другимъ языкамъ. IX. Начальное руководство къ ясному понятію чужихъ и сообщенію своихъ мыслей. Затѣмъ авторъ даетъ указанія наставнику, какъ онъ долженъ преподавать по этому руководству. Грамматическій разборъ, о которомъ идетъ рѣчь въ первой главѣ, авторъ предлагаетъ начинать съ „показанія начала словъ, выраженіе составляющихъ, и какія они суть части рѣчи. При семъ:

---

[1]) См. о немъ спеціальную монографію Шугурова: «И. Ѳ. Тимковскій, педагогъ прошлаго времени» въ «Кіевской Старинѣ» 1891 г. и отдѣльно (Кіевъ. 1891. 8°. 73 стр.), а также проф. Багалѣй, «Опытъ исторіи Харьк. университета» въ «Ученыхъ запискахъ Харьк. унив.», 1896 г., кн. 2. Лѣтопись, стр. 26—38. О его грамматикѣ см. отзывъ проф. Халанскаго, тамъ-же 1896, кн. 4. Лѣтопись, стр. 72.

1. Сокращенныя или усѣченныя слова приводятся въ полное состояніе свое;

2. Увеличительныя или умалительныя слова—въ простое состояніе;

3. Имена, мѣстоименія и причастія поставляются въ именит. падежѣ, ед. числа;

4. Имена прилагательныя, мѣстоименія таковыя-же и причастія, по приведеніи въ именит. падежъ, ед. числа, поставляются въ муж. родѣ" и т. д.

Авторъ замѣчаетъ, что „къ сему разысканію (?) о началѣ словъ и частяхъ рѣчи не примѣшиваются никакія подробнѣйшія указанія; но просто и единственно оное предлагается".

Такъ-же изложены отдѣлы: Б (грамматическій смыслъ выраженія), В (разборъ грамматическаго смысла), Г (грамматическія свойства частей рѣчи), причемъ каждый заключается ссылкой на примѣры, приложенные въ концѣ книги.

Вторая глава разсматриваетъ „окончанія производныхъ словъ", по нѣсколькимъ рубрикамъ. Для примѣра приводимъ рубрику А: „окончанія глаголовъ, съ дѣепричастіями и причастіями на *ти, ть, у, ю, аю, ею, ію, ою, ую, яю, ѣю, ыю, юю,—а, я, чи, въ, дъ, ши,—щій, шій, мый, ный, тый*. При семъ произведеніи замѣчаются въ глаголахъ перемѣны нѣкоторыхъ согласныхъ буквъ одной на другую: *г* и *ж*, *д* и *с* (?), *ж* и *з*, *к* и *ч*, *с* и *ш*. См. примѣры". Такъ-же перечисляются другія виды окончаній: именъ существительныхъ, прилагательныхъ и т. д.

Въ третьей главѣ указывается, что „сложныя слова происходятъ: 1) соединеніемъ предлоговъ со словами простыми; 2) совокупленіемъ именъ, мѣстоименій и нарѣчій съ именами и глаголами", и перечисляются „предлоги, къ первообразнымъ и производнымъ именамъ и глаголамъ для сложенія прибавляемые:

1) Отдѣльные: *изъ, о, объ, отъ, у, во, до, за, на, надъ, по, подъ, предъ* и т. д.

2) Совокупные или слитные (?): *возъ, вы, низъ, пре* или *пере, разъ*.

Въ четвертой главѣ, посвященной „разбору сложной рѣчи относительно произведенія и употребленія словъ", въ рубрикѣ А „предлагается произведеніе словъ отъ корня ихъ, въ рѣчахъ взятыхъ для примѣра, и показаніе другихъ отъ того-же корня производныхъ и сложныхъ словъ, съ изъясненіемъ значенія оныхъ и сравненіемъ ихъ съ другими словами подобнаго или противнаго знаменованія", а въ рубрикѣ Б—„главнѣйшихъ, въ той самой рѣчи находящихся, словъ употребленіе въ другихъ выраженіяхъ".

Въ томъ-же родѣ V и VI главы. Въ послѣдней, занимающейся „опредѣленіемъ и связью мыслей", указывается, что „опредѣленіе мыслей въ ихъ точности, силѣ, полнотѣ и круглости" должно слѣдовать за „опредѣленіемъ словъ" и достигается прежде всего „филологическимъ опредѣленіемъ видовъ", при которомъ между прочимъ надо обращать вниманіе на „степень и напряженіе", такъ какъ „слова опредѣляемыя и опредѣляющія, бывая въ нѣкоторомъ числѣ, изображаютъ совокупное или разное, постепенное или противное между собою бытіе, состояніе или дѣйствіе:

I. Иныя суть сверстныя, равностепенныя. II. Иныя—подчиненныя главнымъ, или вводныя, главную опредѣляющія".

Въ началѣ VIII главы о „древностяхъ языка славено-россійскаго" находимъ такое общее замѣчаніе: „языкъ есть одно изъ племенныхъ отличій всякаго народа. Въ свойствѣ и перемѣнахъ того и другого дѣйствующія причины такъ совокупны, что исторія народа содержитъ въ себѣ и исторію языка его. Дѣйствія въ нихъ иныя суть внѣшнія, къ періодамъ относящіяся, другія внутреннія, которыя въ образованіи состоятъ".

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, книга Тимковскаго имѣла мало связи со всеобщей или философской грамматикой и представляла скорѣе родъ своеобразнаго конспекта къ практическому курсу грамматики русскаго языка. Въ конспектѣ этомъ только намѣчались извѣстныя опредѣленныя грамматическія схемы, на которыя обращалъ вниманіе, вѣроятно, самъ авторъ при разборѣ образцовъ языка на своихъ чтеніяхъ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ связи съ этимъ основнымъ характеромъ всей книги находится и та ея черта, что только $^1/_6$ ея объема посвящена выше характеризованному общему конспекту грамматики, а всю остальную часть ея образуютъ примѣры (изъ Св. Писанія, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Державина, Тредьяковскаго, Хемницера, Петрова, Княжнина, Кострова, Карамзина, Капниста, Дмитріева, фонъ-Визина, Богдановича, кн. Щербатова), на которые постоянно въ конспектѣ дѣлаются ссылки. Такимъ образомъ по отношенію къ общему языкознанію книга Тимковскаго не представляетъ интереса, не смотря на эпитетъ „философическій", помѣщенный въ заглавіи ея. Зато она довольно замѣчательна въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, о которыхъ мы скажемъ ниже.

О томъ, какой неожиданный пріемъ могли встрѣчать у насъ извѣстныя, вполнѣ въ то время обычныя на западѣ обще-лингвистическія понятія, довольно ярко свидѣтельствуетъ вышедшая въ 1811 г. въ Москвѣ брошюра: „Простое умозаключеніе о всеобщемъ языкѣ, изобрѣтенномъ отъ Г. Ріема; Манцскаго Адвоката.

Сочинено Коллежскимъ Совѣтникомъ Михайломъ Росляковымъ. Москва. Въ вольной типографіи Пономарева" (8°. 16 стр.). Несомнѣнно, что названная брошюрка принадлежитъ скорѣе къ области курьезовъ, чѣмъ къ научной литературѣ, хотя-бы и тѣхъ отдаленныхъ временъ, но содержаніе ея все-таки поучительно въ культурно-историческомъ отношеніи, живописуя до извѣстной степени ту почву, на которой у насъ должны были прививаться обще-лингвистическія понятія, проникавшія съ запада.

Дѣло въ томъ, что въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1810 г. (№ 83, 15-го октября) было напечатано въ переводѣ письмо адвоката Ріема объ изобрѣтенномъ имъ всеобщемъ языкѣ, якобы очень простомъ по своей идеѣ, очень удобномъ, легко изучаемомъ и т. д. Изобрѣтатель, увлеченный своей идеей, восхвалялъ ее и обѣщалъ человѣчеству рядъ всевозможныхъ удобствъ и выгодъ отъ употребленія выдуманнаго имъ всеобщаго языка. Названное письмо повергло колл. совѣтника Рослякова, никогда, очевидно, не слыхавшаго о цѣломъ рядѣ утопическихъ попытокъ къ созданію всеобщаго языка, въ величайшее смущеніе. По его собственному заявленію (въ предисловіи, стр. 4), онъ не учился „ничему иному, кромѣ азбуки, букваря и псалтири", но тѣмъ не менѣе почитывалъ въ свободное время „кое какія книжки, сходныя со своимъ слабымъ понятіемъ". Нисколько не удивительно послѣ этого, что прочитанное имъ въ газетахъ „чудное извѣстіе" показалось ему столь „ново и непостижимо, что онъ, „по своему худому разумѣнію не могъ никакъ вѣрить, чтобы былъ такой удивительный языкъ кѣмъ и когда нибудь изобрѣтенъ". Свои недоумѣнія и критическія замѣчанія, вызванныя извѣстіемъ, онъ рѣшился предать печати. „Теряясь много въ догадкахъ", онъ взялъ „ближайшую по своему понятію: о языкѣ Христіанской религіи", который онъ и противопоставляетъ всеобщему языку майнцскаго адвоката. Авторъ не увѣренъ, какъ его примутъ „люди высокаго ума, ученые и опытные въ познаніяхъ всякаго рода", но заявляетъ, что писалъ свое „умозаключеніе" „въ простотѣ сердца; изъ любви къ вѣрѣ и догматамъ ея, и не для любомудрыхъ вѣка сего, которымъ, конечно, покажется оно вредомъ и сонною грезою". Приступая къ уничтоженію бѣднаго г. Ріема, Росляковъ заявляетъ: „Есть ли бы г. Ріемъ увѣрялъ нынѣ о возможности существованія всеобщаго языка словеснаго, то не многаго-бы стоило труда отразить его. *Бѣ вся земля устнѣ единѣ и гласъ единъ всѣмъ; и смѣси Господь устна всея земли, да не услышитъ кійждо гласа ближняго своего* (Быт. I. 15, ст. 7—9). Тогда можно-бы ему сказать, что такой важный переворотъ силенъ сдѣлать одинъ

только Богъ. Но онъ говоритъ о всеобщемъ языкѣ такомъ, который весь состоитъ изъ знаковъ, помощью коихъ произноситъ онъ и пишетъ многія тысячи словъ; видитъ его, слышитъ черезъ него (?), вкушаетъ (?), обоняетъ (?) [1]), громко разговариваетъ съ жителями отдаленнѣйшихъ странъ, и въ самое короткое время сообщаетъ имъ извѣстія... Г. Ріемъ обнаруживаетъ, что человѣкъ, одаренный способностями, можетъ сему языку научиться въ одинъ часъ. Но, къ сожалѣнію, мы не можемъ постигнуть тайны его".

За этимъ приступомъ авторъ разбираетъ письмо Ріема по пунктамъ, перепечатывая его параллельно своему разбору и противопоставляя каждому положенію своего противника свои замѣчанія. Словамъ Ріема: „есть такой языкъ, который, имѣя самыя простыя начала, разнообразенъ до безконечности въ своихъ измѣненіяхъ", противополагается такое возраженіе: „сей языкъ можно уподобительно примѣнить къ языку вѣры, который, имѣя самыя простыя начала, начертанныя на скрижаляхъ... Моисея, разнообразенъ до безконечности" и т. д. По словамъ Ріема, языкъ его „имѣетъ только одинъ видимый знакъ, посредствомъ коего можно читать, и 4 знака для слуха", на что его московскій критикъ замѣчаетъ: „И сей языкъ имѣетъ только одинъ видимый священный знакъ Евангеліе, посредствомъ коего можно читать всѣ наклонности души и чувствованія сердца къ доброму или худому, и 4 знака для слуха...—четырехъ Евангелистовъ" и т. д.

Ріемъ утверждалъ, что посредствомъ его знаковъ можно произносить и писать 24,000 французскихъ словъ и 80,000 нѣмецкихъ. На это его противникъ возражалъ рядомъ ариѳметическихъ выкладокъ съ приведенными цифрами: сложивъ ихъ, онъ получилъ число 104,000, затѣмъ отбросивъ нули и продѣлавъ разныя другія манипуляціи съ даннымъ числомъ во вкусѣ тогдашней мистической цифири, онъ снова читалъ получившіяся числа, какъ тѣ же „самые знаки языка, т. е. 1 Евангеліе и 4 имени евангелистовъ". Въ особое волненіе повергаетъ Рослякова замѣчаніе Ріема, что его всеобщій языкъ „имѣетъ великое преимущество предъ телеграфомъ". Съ жаромъ Росляковъ доказываетъ, что языкъ вѣры христіанской, противополагаемый имъ всеобщему языку Ріема, „безъ сомнѣнія имѣетъ величайшее преимущество предъ телеграфомъ [2]). Ибо телеграфъ есть только выдумка человѣка, основанная не столько на пользѣ общей, сколько на тщеславіи, своекорыстіи и

[1]) Волненіе заставляетъ Рослякова немного преувеличивать: о «вкушеніи» и «обоняніи» помощью всеобщаго языка (!) Ріемъ ничего не говорилъ въ своемъ письмѣ.

[2]) Конечно, оптическимъ, какой тогда только и существовалъ.

самонадѣяніи. А языкъ вѣры утвержденъ на трехъ-же... основаніяхъ: вѣрѣ въ Бога, надеждѣ на Его всемогущество и любви къ Нему" и т. д.

Слѣдуя такимъ образомъ шагъ за шагомъ за своимъ противникомъ, Росляковъ побѣдоносно разбиваетъ всѣ утвержденія майнцскаго изобрѣтателя всеобщаго языка и заключаетъ свою брошюру моленіемъ: „сотвори убо скоро, да престанутъ татіе и разбойницы, прелазящіе инудѣ во дворъ смиренныхъ овецъ твоихъ, да вси вѣру имутъ тебѣ, идутъ по тебѣ и вѣдятъ гласъ твой; по чуждемъ-же не идутъ, но да бѣжатъ отъ него, яко отъ чуждаго гласа". Такимъ образомъ бѣдный майнцскій адвокатъ-изобрѣтатель всеобщаго языка попалъ у насъ, самъ того не подозрѣвая, въ тати и разбойники...

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ курьезной брошюрой Рослякова, какъ-бы въ видѣ иллюстраціи разительныхъ контрастовъ, которыми богата исторія нашей культуры, приходится говорить о замѣчательнѣйшемъ явленіи у насъ въ области общаго языкознанія за разсматриваемый періодъ—книгѣ Л. Г. Якоба [1]): „Начертаніе всеобщей грамматики, для Гимназій Россійской Имперіи сочиненное Лудвигомъ Гейнрихомъ Якобомъ, Коллежскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ. Издано отъ Главнаго Правленія Училищъ". Книжка носитъ и другое (главное) заглавіе: „Курсъ философіи для гимназій Россійской Имперіи, сочиненный Лудвигомъ Гейнрихомъ Якобомъ, Колл. Совѣтникомъ и Кавалеромъ. Изданъ отъ главнаго правленія училищъ. Часть вторая, содержащая Начертаніе Всеобщей Грамматики. С.-Петербургъ. Печатано при Имп. Ак. Н. 1812 г.". (8°. VII + 104 стр.).

Написанная человѣкомъ, получившимъ широкое европейское

---

[1]) Якобъ р. 26 ф. 1759 г. въ Веттинѣ, † 22 іюля 1827 близъ Галле; изучалъ филологію въ Галльскомъ университетѣ, въ 1781 г. сталъ учителемъ гимназіи въ Галле, въ 1785 получилъ доктора («De allegoria Homerica») и началъ читать въ университетѣ лекціи по философіи. въ 1789 г. сталъ экстраординарнымъ, а въ 1791—ординарнымъ профессоромъ. Восторженный послѣдователь Канта, буквально повторявшій и популяризировавшій его ученія, онъ напечаталъ длинный рядъ философскихъ статей и трактатовъ и три года издавалъ журналъ «Annalen der Philosophie», рѣзко полемизировавшій съ Фихте и Шеллингомъ. Въ 1800 г. Якобъ оставилъ философію и съ такимъ-же жаромъ и увлеченіемъ перешелъ къ государственнымъ наукамъ (1801: «Theorie und Praxis in der Staatswirtschaft»; 1805: «Grundsätze der Nationalökonomie», въ которыхъ тѣсно примыкалъ къ Адаму Смиту). Въ 1806 г., послѣ Наполеоновскаго нашествія въ Германію, былъ приглашенъ на каѳедру государственныхъ наукъ въ только что открывшійся Харьковскій университетъ; издалъ здѣсь переводъ Say «Traité d'économie politique» (1807) и «Основанія поли-

философское и научное образованіе, и недурно переведенная на русскій языкъ (проф. И. И. Бутырскимъ), всеобщая грамматика Якоба несомнѣнно превосходитъ всѣ современныя ей аналогичныя руководства, изданныя въ Россіи, богатствомъ и серьезностью содержанія, проникнутаго настоящимъ философскимъ духомъ, изложеннаго ясно и систематично, и въ то же время безъ лишняго многословія и надоѣдливаго педантизма. Разумѣется, въ качествѣ гимназическаго учебника, вдобавокъ въ рукахъ тогдашняго плохого и невѣжественнаго учителя, книжка Якоба была совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ, не могла принести и, конечно, не принесла никакихъ благихъ результатовъ, будучи слишкомъ серьезной и глубокомысленной для еще не окрѣпшаго дѣтскаго ума. Въ университетѣ, въ рукахъ начинающаго филолога-студента, она была-бы болѣе пригодна, но едва-ли пользовалась большимъ распространеніемъ, и потому слѣдовъ ея вліянія въ исторіи нашей науки незамѣтно.

Какъ мы видѣли уже выше, названное руководство представляетъ собой лишь одинъ изъ отдѣловъ цѣлаго курса философіи, который, согласно уставу 1804 г., долженъ былъ проходиться въ нашихъ гимназіяхъ. Наиболѣе интересною частью книги является введеніе, распадающееся на нѣсколько отдѣльныхъ главъ. Въ первой выясняется понятіе языка, къ опредѣленію котораго авторъ приходитъ черезъ опредѣленіе понятія знака вообще и его роли въ умственной жизни человѣка.

§ 1. „Каждой чувственный предметъ, служащій средствомъ къ возбужденію другаго опредѣленнаго понятія въ душѣ нашей, и при томъ правильнымъ образомъ, называется *знакомъ*“.

§ 2. „Знаки бываютъ или естественные, или искуственные, смотря по тому, какъ природа, или искуство сопрягаетъ между

цейскаго законодательства» (1809), подалъ высшему правительству записку о бумажныхъ деньгахъ (напечатанную въ 1817 г.) и былъ вызванъ въ 1809 г. членомъ финансовой коммиссіи въ С.-Петербургъ; изготовилъ здѣсь проектъ уголовнаго уложенія для Россіи (1810, напеч. 1818) и извѣстную работу «О трудѣ крѣпостныхъ и свободныхъ крестьянъ въ Россіи» (1815). Послѣ паденія своего покровителя Сперанскаго и Якобъ потерялъ точку опоры, положеніе его сдѣлалось шаткимъ и сомнительнымъ, такъ что приглашеніе его обратно въ Галле (1816) явилось какъ нельзя болѣе кстати. Здѣсь онъ продолжалъ свою научно-литературную дѣятельность, выпустивъ рядъ статей по государственнымъ наукамъ, въ томъ числѣ «Amtliche Belehrung über den Geist und das Wesen der Burschenschaft» (1824). Знавшіе Якоба единодушно восхваляли его кроткій и въ то же время принципіально твердый характеръ. См. о немъ также Е. А. Бобровъ, „Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки“. Вып. IV. Казань. 1901. Стр. 126—160.

собою два предмета столь тѣсно, что понятіе объ одномъ предметѣ возбуждаетъ понятіе о другомъ. Естественные знаки называются также *необходимыми*, а искуственные *произвольными*".

§ 3. „Искуственные знаки означаютъ *вещи*, или только *понятія*. Примѣчательнѣйшіе знаки послѣдняго рода бываютъ частію предметы видѣнія, частію предметы слуха. Понятія видѣнія, къ сему роду относящіяся, суть: 1) искуственныя, подходящія впрочемъ къ естественнымъ, знаки внутреннихъ душевныхъ ощущеній, какъ-то: тѣлодвиженія, взоры. 2) Срисовка предметовъ, изображенія въ собственномъ смыслѣ. 3) Символы... 4) Черты, т. е. письменные знаки, неимѣющіе никакого сходства съ означаемымъ предметомъ. Понятія слуха, къ сему роду относящіяся, суть звуки, производимые людьми для сего намѣренія". Звуки эти Якобъ дѣлитъ на *членообразные* и *нечленообразные*. Первые опредѣляются имъ, какъ „особенные, одинъ отъ другого различные, удобослышимые звуки, изъ которыхъ составить можно нѣкоторое цѣлое".

§ 4. „Членообразные звуки, смотря потому, какъ они употребляются для произвольнаго означенія понятій, называются *словами*. На Нѣмецкомъ языкѣ дѣлаютъ различіе между Wörter (vocabula) и Worte (verba); ибо словомъ Worte означаютъ удобослышимыя выраженія, поколику онѣ въ рѣчи составляютъ полной смыслъ; а подъ словомъ Wörter разумѣютъ слова, не имѣющія никакой связи",

§ 5. „*Говорить* значитъ произносить слова, какъ членообразные звуки. Совокупность словъ, для сего употребляемыхъ, называется языкомъ".

§ 6. „Цѣль языка есть *утвержденіе*, а особливо *сообщеніе* мыслей. Говорить (sprechen), изражая чрезъ то свои мысли, называется въ особенности вести рѣчь (reden) [1]. Рѣчь есть рядъ словъ, выражающихъ соединяемыя мысли".

§ 7. „Поелику и прочіе искуственные знаки (§ 3) можно употреблять, какъ средства, служащія къ сообщенію нашихъ понятій, для того понятіе языка разпространили, и назвали *языкомъ* каждую систему такихъ знаковъ, которые можно по произволу употреблять для сообщенія мыслей. Впрочемъ, *словесный языкъ* заслуживаетъ преимущество предъ всѣми; ибо знаки для разумнаго употребленія тѣмъ совершеннѣе: 1) чѣмъ изъ меньшаго числа началъ (Elementen) состоятъ, и чѣмъ легче изъ сихъ

[1]) **Этотъ пріемъ приведенія въ скобкахъ нѣмецкихъ словъ повторяется постоянно и свидѣтельствуетъ частью о невыработанности еще нашей научно-философской терминологіи, частью о неувѣренности переводчика въ правильности своего перевода.**

началъ можно составить большую разнообразность другихъ знаковъ; 2) чѣмъ легче представляются памяти и воображенію; 3) чѣмъ болѣе надлежатъ произвольному употребленію людей; 4) чѣмъ болѣе служатъ средствомъ не только для собственнаго размышленія, но и для сообщенія нашихъ мыслей; 5) чѣмъ болѣе обстоятельствъ, въ которыхъ могутъ быть употребляемы и производимы по произволу; 6) чѣмъ менѣе они означаютъ нѣчто самостоятельное, и только почитаются знаками другихъ понятій".

§ 8. Слова, представляемыя „буквами или на *письмѣ*,... такимъ образомъ получаютъ *постоянство* и бываютъ способны къ сообщенію мыслей въ отдаленнѣйшія времена и пространства", что́ „довершаетъ всѣ тѣ выгоды, какія только могутъ имѣть знаки".

§ 9. Поелику выборъ словъ зависитъ отъ произвола; то... всѣ не могутъ употреблять одни и тѣ-же слова для означенія одинаковыхъ мыслей... Тѣ, кои хотятъ употреблять языкъ для взаимнаго сообщенія своихъ мыслей, должны согласиться въ употребленіи одинаковыхъ словъ. По сему люди, живущіе въ общественной связи и всегда во многоразличномъ обращеніи между собою находящіеся, употребляютъ также и одинаковыя слова для означенія одинаковыхъ мыслей, т. е. имѣютъ *одинъ* языкъ. Но чѣмъ независимѣе другъ отъ друга народы возникли, и чѣмъ отдаленнѣе образовались, тѣмъ различнѣе и языкъ ихъ. Слѣдовательно, есть весьма *много* языковъ, которые, судя по различному происхожденію и разсѣянію народовъ, имѣютъ то болѣе, то менѣе между собою сходства".

Въ слѣдующей главѣ выясняется „возможность словеснаго языка вообще". Авторъ говоритъ въ § 10, что „органическое строеніе тѣла человѣческаго между прочимъ доставляетъ человѣку способность произвольно располагать нѣкоторыми органами, отъ чего выходитъ то, что мы называемъ *голосомъ* (Stimme). Голосъ есть особенный звукъ, рождающійся отъ того, что воздухъ, въ извѣстныя обстоятельства, посредствомъ напряженія мускуловъ, изторгается чрезъ дыхательное горлышко"...

§ 11. „Помощію сего голоса человѣкъ можетъ производить многоразличные звуки"...

§ 13. „Какъ родъ, такъ и число буквъ ограничивается свойствомъ язычныхъ органовъ"...

§ 14. „Язычные органы суть: 1) Гортань, мускулами коея производятся всѣ звуки голоса [1]), 2) языкъ, 3) нёбо, 4) челюсть, 5) зубы, 6) губы, 7) носъ"...

---

[1]) Для того времени замѣчательно вѣрное опредѣленіе, свидѣтельствующее о знакомствѣ автора съ современной ему антропофоникой (ниже онъ цити-

§ 15. „Нѣкоторыя изъ... буквъ составляютъ самостоятельные, совершенные, простые и опредѣленные звуки. Таковые звуки обыкновенно называются *гласными* (vocales). Мы производимъ ихъ посредствомъ большаго, или меньшаго отверстія рта и губъ, ни мало не касаясь поднимающимся или опускающимся языкомъ до какой-нибудь части устнаго отверстія“ [1]).

§ 16. „Такъ называемыя *согласныя* (consonantes)... могутъ быть производимы и отличаемы посредствомъ губъ, языка, зубовъ, носа, нёба, челюсти, или также посредствомъ большей части сихъ орудій вмѣстѣ“.

Въ главѣ III идетъ рѣчь „О значеніи словъ“: § 21. „Слова опредѣлены для означенія мыслей. Вѣроятно, очень долго люди не могли перейти отъ нечленообразныхъ звуковъ къ членообразнымъ, и первые опыты сего перехода конечно были слишкомъ грубы и несовершенны. Высота и глубина звука, вѣроятно, много способствовали къ измѣненію выраженій, и начинающій языкъ, думать должно, состоитъ изъ звуковъ не много различныхъ отъ крика, выражающаго чувствованія, пока, наконецъ, сіи звуки мало по малу получаютъ лучшую членообразность“.

§ 22... „Для означенія тихихъ понятій употребляемы были и звуки тихіе, для означенія грубыхъ и сильныхъ мыслей—грубые и сильные“ (ходячая мысль, повторяющаяся чуть-ли не во всѣхъ всеобщихъ грамматикахъ XVIII и начала XIX вв.).

IV глава введенія доказываетъ „необходимость языка“, какъ знака мысли. Сначала выясняется сущность мышленія: § 28. „Мышленіе состоитъ въ раздѣльномъ представленіи признаковъ вещи, или частныхъ представленій (дѣлается ссылка на часть того-же курса философіи, содержащую „Логику“, § 3, 10); разумъ ни о чемъ-бы не могъ мыслить, ежели-бы чувства не доставляли ему матеріи. Ибо дѣйствованіе разума состоитъ только въ томъ, что онъ объемлетъ многоразличное чувствами доставленное, или понятію даетъ форму. Но чувства всегда представляютъ нѣчто недѣлимое; а не всеобщее, или признакъ понятія *въ отвлеченности* (in abstracto). Если-же таковой признакъ долженъ быть представленъ чувственно: то надобно приложить его къ другому чувственному предмету, и такимъ образомъ равномѣрно сдѣлать недѣлимымъ“.

руетъ извѣстную книгу Кемпелена «Mechanismus der menschl. Sprache». Вѣна. 1791, хотя почему-то во французскомъ переводѣ).

[1]) Якобъ не приводитъ здѣсь обычнаго ошибочнаго опредѣленія гласныхъ, какъ звуковъ, образующихъ слогъ, и пытается дать физіологическое ихъ опредѣленіе, которое оказывается почти вѣрнымъ.

§ 29. „Таковой чувственный предметъ, служащій только средствомъ къ представленію только частныхъ понятій, или признаковъ въ отвлеченности (in abstracto) равнымъ образомъ называется знакомъ. Слѣдовательно знаки необходимо нужны къ мышленію, поелику безъ оныхъ не можно никакой мысли въ отвлеченности составить, а тѣмъ паче удержать“.

Въ V главѣ идетъ рѣчь о „Познаніи языка, грамматикѣ и всеобщей грамматикѣ“. Въ § 32 этой главы указывается общее значеніе изученія языка: „Образованіе народовъ узнается только по ихъ языку. Поучающійся въ различныхъ языкахъ и ихъ измѣненіяхъ научается вмѣстѣ познавать духъ и перемѣны образованности націй, говорящихъ тѣмъ языкомъ“. Далѣе выясняются понятія содержанія и формы языка:

§ 33. „Во всякомъ языкѣ надобно обращать вниманіе на два предмета: 1) на самыя слова, составляющія матерію или содержаніе языковъ; 2) на образъ и способъ, какъ сіи слова составляются, измѣняются, или на форму“.

Предметомъ грамматики извѣстнаго языка является „начертаніе его формы“, т. е. „начертаніе правилъ, по которымъ... слова составляются, перемѣняются, и соединяются въ предложенія и періоды“ (§ 34). Здѣсь-же, впервые въ нашей литературѣ, употребляется терминъ „сравнительная грамматика“, и выясняется содержаніе и значеніе этой отрасли знанія: „Сравнивая различные языки, находимъ, какъ въ звукахъ ихъ словъ, такъ и въ правилахъ, по которымъ слова составляются, измѣняются и соединяются, нѣкоторыя сходства и несходства; откуда можно вывести многія слѣдствія для исторіи народовъ и ихъ образованія. Грамматика, опредѣляющая, посредствомъ сравненія, сходство и несходство многихъ языковъ, называется „*Сравнительною Грамматикою*“ (§ 35).

Точно такъ-же выясняется и понятіе всеобщей грамматики: „Но мы усматриваемъ также и нѣкоторые законы, между правилами языка заключающіеся, безъ коихъ нигдѣ и никакой языкъ состоять не можетъ; усматриваемъ еще и другіе, коимъ всякой долженъ быть подверженъ, есть-ли хотятъ его усовершенствовать. Сіи законы выводятся изъ понятія формы языка вообще, и слѣдственно необходимы для всякаго языка безъ различія (a priori). Наука, излагающая формы каждаго языка вообще, называется *Всеобщею Грамматикою*, или *Всеобщимъ Языкоученіемъ* (§ 36). Для того Всеобщая Грамматика показываетъ: 1) существенное и необходимое во всѣхъ языкахъ, слѣдственно опредѣляетъ всѣ тѣ предметы, о коихъ должно разсуждать въ каждой частной Грам-

матикѣ; 2) содержитъ начала, по которымъ должно судить, и даже содѣйствовать къ усовершенствованію каждаго языка (§ 37)".

„Разсужденіе" о всеобщей грамматикѣ, по мнѣнію автора, должно представлять „слѣдующія главныя отдѣленія: I. О единственныхъ частяхъ рѣчи. А) О различной природѣ частей рѣчи. В) О примѣненіяхъ единственныхъ словъ. С) О составленіи и произведеніи словъ. D) О соединеніи словъ. II. О словосочиненіи. А) О соединеніи единственныхъ словъ, для опредѣленія понятій. В) О соединеніи словъ въ предложенія и предложеній въ періоды. С) О словосочиненіи и просодіи вообще" (§ 47).

Въ слѣдующемъ § 48 авторъ указываетъ, что „честь изобрѣтенія Всеобщей Грамматики принадлежитъ новѣйшимъ временамъ", и перечисляетъ „знаменитѣйшихъ писателей по сей части". Списокъ этихъ писателей для того времени очень интересенъ, но, конечно, былъ совсѣмъ не на мѣстѣ въ гимназическомъ учебникѣ, такъ какъ содержитъ заглавія серьезныхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на англійскомъ, совершенно недоступныхъ во всѣхъ отношеніяхъ для русскаго школьника [1]).

За разсмотрѣннымъ введеніемъ, представляющимъ настоящій сжатый очеркъ общаго языкознанія, во многомъ уже близкій къ современнымъ трактатамъ этого рода, слѣдуетъ сама всеобщая грамматика, распадающаяся на двѣ части: I. „О частяхъ рѣчи въ особенности или руководство къ грамматическимъ началамъ" и II. „Синтаксисъ или грамматическій способъ ученія". Въ первой, бóльшей по объему части находимъ такое распредѣленіе содержанія: „*Отдѣленіе I.* О свойствѣ различныхъ частей рѣчи. I. О словахъ, подлежащее означающихъ (Subjectswörter). А) О су-

[1]) Такъ здѣсь перечисляются: «Hermes, or a Philosophical inquiry concerning language and universal grammar, by J. Harris». London 1751; «On (въ подлинникѣ Of!) the origine and progress of language, by James Burnett, Lord of Monboddo. London, IV v. 1775—92; De Brosses, «Traité de la formation mécanique des langues». Paris 1765, 2 т.; «Grammaire générale par Beauzée». P. 1767; «Le Mécanisme de la parole suivi de la description d'une machine parlante», par de Kempelen; «Principes de Grammaire, ou des causes de la parole, par du Marsais», nouv. édition; «Versuch einer an der menschlichen Sprache abgebildeten Vernunftlehre, entworfen von J. Meider». Leipzig. 1781; «Elémens de grammaire générale par R. A. Sicard». Paris. 1801; «A. F. Sylvester de Sasy's Grundsätze der allgemeinen Sprachlehre, übersetzt von J. S. Vater». Halle; «J. S. Vater's Versuch einer allgemeinen Sprachlehre mit einer Einleitung über den Begriff und Ursprung der Sprache u. s. w.» Halle. 1801; его-же «Lehrbuch der allgemeinen Grammatik besonders für hohe Schulklassen mit Vergleichung älterer und neuerer Sprachen». Halle 1805; его-же «Übersicht des neuesten, was für Philosophie der Sprache in Deutschland gethan worden ist». Gotha, 1799.

цествительныхъ именахъ въ особенности. B) О мѣстоимeніяхъ (Pronominibus); II. О словахъ, выражающихъ сказуемое (Prädicatswörter); III. О словахъ, выражающихъ сужденіе (глаголахъ). (Von den Urtheilswörtern); IV. О словахъ, означающихъ отношеніе (Von den Verhältniswörtern). A) О словахъ, означающихъ отношеніе между одними понятіями (о предлогахъ). B) О словахъ, выражающихъ отношеніе между предложеніями. V. О словахъ, выражающихъ чувствованіе (междуметіяхъ). *Отдѣленіе II.* О перемѣнахъ словъ порознь. I. О перемѣнахъ словъ, означающихъ подлежащее. II. Объ измѣненіи словъ, означающихъ сказуемое (Prädicatswörter). III. Объ измѣненіи глаголовъ. A) Форма лицъ, чиселъ и родовъ. B) Форма временъ (tempora). C) О различныхъ родахъ положеній или наклоненіяхъ (modi). D) О такъ называемыхъ залогахъ. IV. О словахъ неизмѣняющихся. *Отдѣленіе III.* Объ изобрѣтеніи и произведеніи словъ. *Отдѣленіе IV.* О составленіи словъ.

Вторая часть, посвященная синтаксису, дѣлится на три отдѣленія: I. О соединеніи словъ для опредѣленія отдѣльныхъ понятій въ предложеніяхъ. II. О составленіи изъ словъ предложеній. III. О соединеніи предложеній въ періоды.

Всеобщая грамматика Якоба, вмѣстѣ съ другими частями его курса философіи, еще въ рукописи была одобрена къ печатанію академикомъ Фусомъ, членомъ тогдашняго главнаго правленія училищъ. Въ своемъ отзывѣ, доставленномъ въ правленіе Харьковскаго университета попечителемъ его, графомъ С. Потоцкимъ (17 апр. 1809 г.), Фусъ находилъ существенными достоинствами курса Якоба „основательность, порядокъ, ясность, краткость и сообразность съ планомъ ученія и со временемъ, опредѣленнымъ для каждой философской науки“, а также „систематическую связь всѣхъ частей,... сочиненныхъ однимъ и тѣмъ-же ученымъ и по одинаковому плану“. Грамматику-же его онъ считалъ „основательною и порядочно расположенною, ясною и соотвѣтствующею нуждамъ нашихъ гимназій и плану ученія, начертанному для сихъ заведеній“. Примѣчанія къ ней для учителей, вызванныя краткостью учебника, Фусъ находилъ тѣмъ болѣе полезными, что они простираются на всѣ языки, преподаваемые въ гимназіяхъ, въ томъ числѣ и на русскій, котораго „существенныя и отличительныя свойства авторъ, повидимому, съ великимъ прилежаніемъ старался узнать во время своего двухлѣтняго пребыванія въ Россіи“. На основаніи этого отзыва, главное правленіе училищъ рѣшило перевести и издать курсъ Якоба [1]). Но ему не долго су-

---

[1]) См. «Опытъ исторіи Харьковскаго университета» проф. Багалѣя въ

ждено было служить въ качествѣ школьнаго учебника. Введенный въ гимназіи около 1814 г., когда отпечатаны были послѣднія его части, онъ былъ изгнанъ изъ употребленія всего черезъ пять лѣтъ, въ 1819 г., съ наступленіемъ общей реакціи во всей нашей внутренней политикѣ вообще и въ дѣлѣ просвѣщенія въ частности [1]). Мало того, онъ даже подвергся преслѣдованію; книжки его отбирались и уничтожались.

Вновь избранный ученый комитетъ, въ составъ котораго вошелъ и Фусъ, когда-то одобрившій курсъ Якоба, представилъ главному правленію училищъ, что онъ призналъ всеобщую грамматику Якоба „не инымъ чѣмъ, какъ обезображеннымъ умозрѣніемъ давно извѣстныхъ грамматикъ и вообще сочиненіемъ праздноумственнымъ и безплоднымъ, и не находитъ пользы не только въ этой книгѣ, но и ни въ какой другой, подъ симъ названіемъ доселѣ извѣстной, потому что ни одна изъ нихъ не представляетъ коренныхъ началъ слововѣдѣнія, способствующаго къ открытію законовъ вещественнаго и умственнаго образованія языковъ“.

Исходя изъ этихъ соображеній, комитетъ полагалъ нужнымъ отнынѣ прекратить преподаваніе всеобщей грамматики во всѣхъ гимназіяхъ, а занятые ею до того часы употребить на другія занятія, особенно по части словесности. Главное правленіе училищъ опредѣлило: утвердить во всей силѣ и привести въ исполненіе мнѣніе ученаго комитета [2]). Такъ закончилось недолговременное преподаваніе всеобщей грамматики въ нашей средней школѣ.

Своеобразнымъ плодомъ русской университетской науки того времени является „опытъ“ адъюнкта Харьковскаго университета Разумника Гонорскаго (1790—1818) „О подражательной гармоніи слова. Харьковъ. Въ Университ. Типографіи 1815“. (Мал. 8°. 59 стр.),—„Почтеннымъ членамъ общества наукъ при Имп. Харьковскомъ университетѣ усерднѣйшее приношеніе“. Разсужденіе это возводитъ въ перлъ созданія идеи Шишкова и Рижскаго о звукоподражаніи (см. выше стр. 525 и 528) и даетъ ясное пред-

---

«Ученыхъ Запискахъ» названнаго университета за 1897 г., кн. I. Лѣтопись Харьк. унив., стр. 13—14.

[1]) См. Е. А. Бобровъ, «Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки». Вып. IV. Казань. 1901. стр. 246.

[2]) См. Сухомлиновъ, „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“. Т. I. Спб. 1889. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, стр. 137—38 и примѣчаніе 178 на стр. 504.

ставленіе о томъ, чему Гонорскій могъ поучать въ своихъ университетскихъ чтеніяхъ.

Какъ объясняетъ авторъ въ приступѣ своего разсужденія, онъ „попытался изъяснить причину удовольствія, ощущаемаго нами при чтеніи прекрасныхъ стиховъ", и думаетъ, что читатели найдутъ въ его трудѣ „нѣсколько новыхъ замѣчаній и догадокъ". Авторъ не выдаетъ ихъ, впрочемъ, за непреложную истину и даже желалъ-бы, „чтобы ихъ оспоривали". При этомъ онъ, однако, утверждаетъ, что его положенія „основаны на свойствѣ составныхъ частей человѣческаго слова", и это „дѣлаетъ ихъ общими" (стр. 5).

Свое изслѣдованіе онъ начинаетъ съ разсмотрѣнія „элементовъ слова":

1) Гласныя; ихъ объемъ и свойства и 2) Согласныя; ихъ качества и значеніе.

Къ элементамъ слова принадлежитъ и „слогъ (syllaba)", который бываетъ:„ 1) Физическій (?), а) усѣченный; 2) Составный (?), а) слитный" (стр. 7).

Элементы эти подвергаются „смѣшенію": a) съ цѣлью „изображенія массы предметовъ по ихъ

1. Тонкости.	1. Полнотѣ.
2. Жидкости.	2. Густотѣ.
3. Мягкости.	3. Твердости.

4. При переходѣ изъ одного состоянія въ другое.

b) „для изображенія движенія предметовъ:

1. Скораго.	2. Медленнаго.
a) по свойству легкости	b) по свойству тяжелости

(стр. 7 8).

Рѣчь Гонорскій опредѣляетъ, какъ „рядъ звуковъ"; „гласныя собственно *снуютъ* (?) рѣчь; согласныя *облекаютъ* (?) ихъ собою", а вмѣстѣ тѣ и другія „составляютъ ткань слова" (стр. 9). За этими общими замѣчаніями излагается своеобразная теорія гласныхъ звуковъ, начинающаяся съ такого мало вразумительнаго „уравненія":

$$\left.\begin{matrix} \text{а} = \text{э} \\ \text{о} = \text{у} \end{matrix}\right\} = \text{ы (?!)}$$

По словамъ Гонорскаго, эти гласныя „въ объемѣ [1]) своемъ

[1]) Объемъ гласной, по словамъ автора, „измѣряется массою воздуха, выдыхаемаго въ отверстіе рта, образуемое при произношеніи каждой гласной и

равны; но противоположны по образованію; и потому онѣ могутъ поддерживать взаимное дѣйствіе и замѣнять другъ друга". Постепенный ихъ рядъ: а, о, у, э (ы), ѣ, е, и, й. Слѣдуетъ затѣмъ описаніе отдѣльныхъ гласныхъ звуковъ, весьма далекое отъ того, что разумѣется подъ этимъ въ настоящее время. Такъ мы узнаемъ, что *а* открытѣе и свѣтлѣе всѣхъ прочихъ гласныхъ; оно „округляется въ *о*, коего звукъ полонъ; углубленное (?) *о* есть *у*—глухое, но не столь тупое (?), какъ *ы*, которое, впрочемъ, больше его по объему; *э*—не что иное, какъ обращенное *а* (?), и потому касательно объема имѣетъ всѣ его свойства,—но противуположно по звуку (?); объятность гласной *э* уменьшается въ *ѣ*, еще меньше становится въ *е*, утончается въ *и*, и почти исчезаетъ въ *й* (стр. 10)".

Дальше (стр. 11) узнаемъ, что гласныя *е* и *і* по объему своему „суть самыя малыя", и это „дѣлаетъ ихъ удобными для изображенія тонкихъ предметовъ и особенно стремительнаго движенія по прямой линеи:

и ласточки надъ нимъ кружилися, вилися. Дмитріевъ".

Казалось бы, въ приведенномъ примѣрѣ съ ласточками нѣтъ „стремительнаго движенія по *прямой* линіи", но не будемъ придирчивы и послѣдуемъ дальше. На стр. 12 развивается мысль, что для изображенія движущихся большихъ предметовъ „потребны другія гласныя большаго объема", напр. гласный *ы*. Что же касается гласнаго *а*, то онъ по причинѣ большого объема не можетъ изображать стремительнаго движенія, но только:

1. Тихое и спокойное движеніе, напр. Златая плавала луна. Держ.

2. Движеніе большихъ предметовъ: La nature à grands pas marche vers sa décadence. Delille.

Въ то же время, однако, *а* можетъ выражать и 3. остановленіе движенія, 4. пребываніе на одномъ мѣстѣ. 5. разрѣженіе: Apparent rari nantes in gurgite vasto. Vergil. и т. д. (стр. 14—15). „Главный же характеръ" гласнаго *а*—„круглость, почему radio превосходно выражаетъ свой предметъ" (стр. 15).

Гласный *у*, напротивъ, имѣетъ характеромъ „глухость и углубленіе" (стр. 17).

Очень своеобразна физіологія звука Гонорскаго и основанная

продолженіемъ сего звука. Этотъ разнообразимый воздухъ принимается за физическую массу, служащую основаніемъ матеріи слова". Разумѣется, измѣреній этой массы авторъ не производилъ, и ссылка на нее является просто для пущей важности изложенія.

на ней классификація согласныхъ (стр. 18), которые происходятъ отъ:

„А. Простаго прикосновенія: 1. Мягкихъ частей (*б, п, м*), 2. Мягкихъ и твердыхъ (*д, т, н*), 3. влажныхъ или слизкихъ (*л, р*), 4. влажныхъ и мягкихъ (лат. g, k).

B. Сложнаго прикосновенія... которое предшествуемо или сопровождаемо бываетъ 1. Тонкимъ свистомъ въ *в, ф*. 2. Усиленнымъ въ *з, с, ц*. 3. Сгущеннымъ (!) въ *ч, щ*. 4. Шипѣніемъ въ *ж, ш*. 5. Придыханіемъ въ *г, х*“.

На стр. 19 приводится такая таблица „качества массы (!) согласныхъ“:

Мягкія: в, ф,	среднія	ц
Твердыя: д, т.	*б п м с з*	
Звонкія: g, к.	среднія	
Текучія: л, р	h ch ж ш н ч щ	

Приведенныя своеобразныя фонетическія основанія теоріи Гонорскаго получаютъ далѣе не менѣе блестящее развитіе и примѣненіе. Такъ на стр. 27 описывается, „чѣмъ оттѣнена *жалобность*“. Мы узнаемъ, что жалобность „есть выраженіе печали голосомъ; но печаль имѣетъ аналогію съ *мракомъ*, коего характеристика, какъ мы видѣли [1]), есть *m*; голосъ уподобляется *жидкости*, которую преимущественно отличаетъ *l*, наконецъ *жалобный* тонъ, *стенящій* и глухо отдающійся, отличается черезъ *n*:

Qualis populea maerens philomela sub umbra
Amissos queritur foetus, quos durus arator
Observans nido implumes detraxit etc. Verg.

Столь же своеобразно и ученіе Гонорскаго о слогѣ (31—33). На почвѣ ученія о звукахъ и о слогѣ дальше разсматривается „смѣшеніе элементовъ для изображенія качества предметовъ, или словесная живопись“ (стр. 34—51), за которымъ слѣдуетъ „смѣшеніе элементовъ для изображенія движенія массъ, или словесный тактъ (52—59)“. И здѣсь приводятся примѣры звукоподражаній, якобы изображающихъ „тонкость, узкость, жидкость, переливаніе, скользкость, гибкость, переплетаніе, обвиваніе, помаваніе, утонченіе, затверденіе и расплавленіе, поднятіе, наклоненіе, толстоту, густоту, тѣнь, скорость, медленность“ и т. д. Въ каче-

---

[1]) Что согласный *m* изображаетъ мракъ, слѣдуетъ будто бы изъ описанія тартара у Виргилія:
Tenarias etiam fauces alta ostia ditis || Et caligantem nigra formidine lucum.

ствѣ образчика приведемъ изображеніе „затвердѣнія“ и „расплавленія“, которое якобы передается стихомъ Виргилія:

затвердѣніе — расплавленіе
Limus ut hic durescit (et) haec ut cera liquescit

Вотъ какъ анализируетъ эту „картину“ нашъ авторъ: „li—жидкость, mus—сгущеніе, ut hic—плотность, durescit—совершенное затвердѣніе, haec ut ce—плотность, ra—жидкость, но не въ такой степени, какъ *li*, которое съ quescit довершаетъ черту“.

Въ такомъ родѣ написано все разсужденіе харьковскаго доцента, очевидно, поучавшаго въ этомъ направленіи и своихъ университетскихъ слушателей.

Въ своихъ взглядахъ Гонорскій, конечно, не былъ самостоятеленъ. Подобныя „теоріи“ звукоподражанія встрѣчались еще въ XVIII в. Образчикомъ ихъ можетъ служить разсужденіе французскаго философа и ученаго Морелле, современника энциклопедистовъ и Вольтера, переведенное у насъ Шишковымъ и изданное имъ въ 1819 г. (См. ниже). Разсужденіе Гонорскаго принадлежало къ этому же типу.

Въ томъ же 1815 году явился обстоятельный трудъ Ѳ. П. Аделунга: „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. Von Friedrich Adelung Russ. Kaiserl. Staatsrath, etc. St. Petersburg. Gedruckt bei Friedrich Drechsler. 1815“ (4°. XIV+210+1 ненум. стр.). Эта книга была посвящена императору Александру I и содержитъ въ себѣ очеркъ исторіи обще-сравнительнаго языкознанія у насъ въ XVIII и началѣ XIX в., при чемъ первенствующее мѣсто отведено сравнительному словарю императрицы Екатерины II. Въ первой главѣ идетъ рѣчь о работахъ по языкознанію до появленія названнаго словаря, принадлежащихъ: Витсену, Штраленбергу, Мессершмидту, Шоберу, Бодану, Фишеру, Миллеру, Дюмареску, Бакмейстеру, Гмелину младшему, Фальку, Лепехину, Георги, Іеригу, Гюльденштедту, Палласу. Вторая глава посвящена исторіи возникновенія и подробному описанію сравнительнаго словаря; третья содержитъ обзоръ критическихъ сужденій современниковъ о словарѣ, а въ четвертой идетъ рѣчь о его вліяніи на изученіе всеобщаго языкознанія и обзоръ лингвистическихъ работъ Бергмана ст., Давыдова, Коха, Кошелева, докт. Мерка, докт. Рейнегса, Резанова, Владыкина, Бергмана мл., Головнина, Ефремова, Италинскаго, Каменскаго, Клапрота, Кожевина, Крузенштерна, Лангсдорфа, Лебедева, Леванды, Потоцкаго, Робека, Зауера, Шишкова, Шмидта и Стевена. Трудъ Аделунга содержитъ много драгоцѣнныхъ данныхъ для

исторіи языкознанія у насъ и сохраняетъ свою цѣну до сихъ поръ.

Кромѣ нѣмецкаго оригинальнаго изданія, три года спустя, въ 1818 году было напечатано и краткое извлеченіе изъ него, составленное П. И. Кеппеномъ и П. А. Гарижскимъ, членами С.-Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности [1]). Въ него вошла только характеристика дѣятельности самой императрицы; все же не относящееся къ ней, какъ, напр., обозрѣніе работъ предшествующихъ и послѣдующихъ ученыхъ, опущено.

Не столь курьезенъ, но зато порядочно безсодержателенъ другой образчикъ нашей университетской науки того времени, а именно: „Слово о пользѣ языка вообще, и особливо въ отношеніи къ просвѣщенію и благу народовъ, произнесенное въ торжественномъ собраніи Императ. Московскаго Университета іюня 1 дня 1816 г. профессоромъ П. Э. и Общества Любителей Россійской Словесности Дѣйствительнымъ Членомъ Алексѣемъ Болдыревымъ. Москва. Въ Унив. Типогр.“ 4°. 1816. 15 стр. Написано оно въ риторическомъ приподнятомъ стилѣ, въ видѣ ряда догматическихъ афоризмовъ; анализа и выясненія предлагаемыхъ положеній не дѣлается; самыя мысли не представляютъ ничего новаго и оригинальнаго и являются обычными ходячими мѣстами, обращавшимися въ тогдашней всеобще-грамматической литературѣ. Слово начинается риторическими восхваленіями царствованія Александра I, во время котораго „повсемѣстно распространяется лучезарный свѣтъ наукъ... и языкъ Россійской быстро восходитъ на высокую степень совершенства и обогащается; ибо извѣстно, что языкъ идетъ ровнымъ шагомъ съ народнымъ просвѣщеніемъ. Богатства его умножаются, какъ скоро кругъ понятій нашихъ становится обширнѣе“... По словамъ оратора, языкъ „приноситъ величайшую пользу и наукамъ: служитъ къ повсемѣстному ихъ распространенію и чрезъ то способствуетъ благу народному (стр. 5)“. Разумъ и языкъ „поставили человѣка превыше всѣхъ земныхъ тварей (стр. 7)“; языкъ „служитъ намъ для изъясненія внутреннихъ нашихъ чувствованій, онъ, такъ сказать, переливаетъ ихъ въ душу другаго и дѣлаетъ ихъ понятными (стр. 8)... Нѣтъ ничего въ физическомъ и нравственномъ мірѣ, чего бы мы не могли выразить посредствомъ слова, какъ скоро это понимаемъ... все изображается словами съ совершенной точностью и ясностью“...

[1]) См. «Труды» названнаго общества, подъ заглавіемъ «Соревнователь Просвѣщенія и благотворенія» 1818 г., кн. I, стр. 271—304.

Замѣнить слово тѣлодвиженіями и другими знаками нельзя: „языкъ дѣйствія непремѣнно долженъ быть ограниченъ въ извѣстныхъ предѣлахъ,—между тѣмъ какъ языкъ словесный не знаетъ никакихъ предѣловъ“... Языкъ дѣйствія „болѣе способенъ изображать предметы, подверженные чувствамъ, ихъ дѣйствія и нѣкоторыя движенія души,—но не столько способенъ выражать понятія отвлеченныя (стр. 8). Кромѣ того выраженія его могутъ быть темны, сбивчивы, сомнительны; но выраженія языка словеснаго имѣютъ совершенную ясность—точность, опредѣленность“.

Ораторъ возражаетъ противъ того, кто указалъ бы „на Парижское училище глухонѣмыхъ, въ которомъ языкъ дѣйствія доведенъ до извѣстной степени совершенства“, и сталъ бы утверждать, что „онъ можетъ достигнуть еще большаго совершенства и, наконецъ, сравниться съ языкомъ словеснымъ“. Авторъ находитъ, „что это возможно,—хотя впрочемъ и трудно согласиться“. По его мнѣнію, это возможно было бы только, „при теперешнемъ нашемъ образованіи и просвѣщеніи, при настоящемъ богатствѣ и усовершенствованіи языка словеснаго, который долженъ бы служить матеріаломъ (?) и образчикомъ для языка дѣйствія“. Особенное преимущество словеснаго языка Болдыревъ видитъ въ томъ, что онъ можетъ быть выраженъ письмомъ, а „языкъ дѣйствія“ не поддается этому (?) (стр. 9). Языкъ помогъ достичь „той степени образованности, благосостоянія и величія, на которой видимъ мы теперь земные народы“, давъ имъ возможность образовать общество. Когда возникла религія, право, науки, искусства—„языкъ, принявъ ихъ подъ охраненіе свое, переносилъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, и собирая на пути своемъ все, что могло послужить къ ихъ усовершенствованію; передавалъ сіи богатыя сокровища во всей цѣлости“ (стр. 10). Безъ языка человѣкъ не могъ бы „никогда возвыситься до настоящаго совершенства и въ своихъ познаніяхъ, и въ своемъ благосостояніи“.

„Но кругъ благодѣтельныхъ дѣйствій языка былъ бы гораздо тѣснѣе и ограниченнѣе“, если бы „вдохновенный Геній“, явившійся между смертными, не представилъ его „въ новомъ видѣ—*въ видѣ письменъ* (стр. 11)“. Слѣдуютъ риторическія похвалы изобрѣтателю письма и его изобрѣтенію, и указаніе на пользу послѣдняго: „языкъ словесный или изустное преданіе не могло бы сохранить потомству всѣхъ глубокихъ наблюденій ума человѣческаго надъ Природой и человѣкомъ, всѣхъ полезныхъ изобрѣтеній и учрежденій... съ такою точностію, полнотою и вѣрностью, какъ языкъ письменный (стр. 12)“.

Въ томъ же году явилось упоминаемое въ „Росписи“ Смирдина

(№ 5724) „Философическое ученіе языка, съ новою Россійскою Грамматикою теоретико-практическою, и Россійское чтеніе, содержащее въ себѣ отборныя прозы и стихи для чтенія и переводовъ; также начальныя основанія Географіи и Исторіи; издалъ Волынскій. 3 ч. Спб. Въ Типографіяхъ Дрехслера, Іоаннесова и Крайя. 1816. 8°“.

Въ Имп. публичной библіотекѣ, однако, имѣется только одна изъ частей этого изданія, заключающая въ себѣ „Россійское чтеніе“ (родъ букваря и начальной христоматіи); „Философическаго ученія языка“ мнѣ видѣть не пришлось. По всей вѣроятности оно представляетъ изъ себя вполнѣ ремесленное издѣліе книжнаго рынка, вызванное дѣйствовавшими тогда учебными планами. Въ лучшемъ случаѣ это было что нибудь въ родѣ разсмотрѣнной выше (стр. 537—40) книжки Модрю.

Вопросу о происхожденіи письма посвящена посмертная статья В. С. Подшивалова (1765—1813): „Чтеніе и Письмо или Азбука“, напечатанная въ „Трудахъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности“ за 1816 г. ч. V, стр. 85—112.

Она носитъ въ общемъ тотъ же характеръ, какъ и охарактеризованные выше (стр. 246—47 и 299) аналогичные очерки XVIII в. Авторъ говоритъ о іероглифахъ у китайцевъ, мексиканцевъ, скиѳовъ, индійцевъ, финикіянъ, „этрурцевъ“, о „квитахъ“ (такъ! вм. quippos) перуанцевъ; о силлабическомъ письмѣ у абиссинцевъ, еѳіоплянъ и разныхъ народовъ Индіи (со ссылками на Блера), о греческой азбукѣ, славянской и русской, отъ нея происходящей. Говоря о славянской азбукѣ, авторъ замѣчаетъ, что ѕ употребляется „наипаче для цифры 6“, а ж обозначаетъ, вѣроятно, нѣчто среднее между *у* и *ю*, „самое же значеніе его утратилось“. Такимъ образомъ настоящее звуковое значеніе этихъ знаковъ оставалось ему неизвѣстнымъ. Авторъ высказывается противъ буквъ *ъ*, *о*, *ѣ* и *э* и выражаетъ надежду, что онѣ со временемъ выйдутъ изъ употребленія. Далѣе идетъ рѣчь о криптографіи, полиграфіи, стеганографіи или „сокровенномъ письмѣ“, шифрахъ, тахиграфіи, каллиграфіи и общемъ графическомъ языкѣ Вилкинса, „Долгарма“ (!) [1]) и Лейбница.

Вѣроятно, въ родѣ рѣчи Болдырева, если не еще безсодержательнѣе, было разсужденіе на родственную тему члена Россійской академіи Т. С. Мальгина „О неоцѣненномъ дарѣ слова человѣче-

---

[1]) Дѣло идетъ, очевидно, о Дальгарнѣ (Dalgarn), англичанинѣ родомъ, авторѣ трактата «Ars signorum vulgo character universalis et lingua philosophica» 1661.

скаго и о послѣдственной отъ онаго пользѣ постепеннаго усовершенія словесности для народнаго просвѣщенія и славы государей-любителей онаго", читанное въ двухъ засѣданіяхъ академіи (35-мъ, 13 окт. и 36-мъ, 20 окт. 1817 г.). Разсужденіе это было выслушано академіей, которая и положила хранить его, чтобы со временемъ сдѣлать надлежащее употребленіе. Оно такъ и осталось ненапечатаннымъ и погребеннымъ въ архивѣ Россійской академіи [1]).

Къ области курьезовъ, не лишенныхъ отчасти даже патологическаго привкуса, но во всякомъ случаѣ характеризующихъ и положеніе языкознанія у насъ, и общій уровень умственной культуры вообще, принадлежитъ „Оставшееся послѣ покойнаго NN разсужденіе объ опасности и вредѣ, о пользѣ и выгодахъ отъ Французскаго языка. Сравненіе его съ Россійскимъ. Москва. Въ Универс. Типографіи 1817 г." 8°. 59 стр. Изданіе 2-е. Тамъ же 1825 [2]). По духу, проникающему эту небольшую книжку, она находится въ тѣсномъ родствѣ отчасти съ вышеразсмотрѣнной брошюркой Михаила Рослякова, отчасти съ патріотическими вылазками противъ всего французскаго А. С. Шишкова, Ростопчина, С. Глинки и др. Сочиненіе имѣетъ эпиграфы: „Nec tecum possum vivere, nec sine te. Убо вы ли едини есте человѣцы, или съ вами скончается премудрость? И у мене сердце есть, яко же и у васъ. Іов. 12. 2.—Вѣмъ, елика и вы вѣсте, и не (не) разумнѣе есмь васъ. Іов. 13. 2.

О тонѣ книжки и характерѣ общихъ разсужденій о языкѣ, преподносимыхъ въ ней читателямъ, можетъ дать представленіе такая характеристика французскаго языка, нѣсколько напоминающая уже знакомую намъ аналогичную характеристику въ одной изъ журнальныхъ статей XVIII в. (см. выше, стр. 300): „Въ новѣйшія времена не изъ Цельтическаго, который есть явно происхожденія Еврейскаго (!), но изъ стараго Франкскаго съ половиною Латинскаго вдругъ появился модный щеголь французскій языкъ. За 400 или за 500 лѣтъ былъ онъ еще деревенскимъ мужичкомъ, оляповатъ, и нынѣ есть ли читать, то смѣшонъ и такъ часто теменъ, что для уразумѣнія его прибѣгать должно къ Сивилламъ... За 200 лѣтъ или больше онъ пооправился, попріодѣлся, изъ крестьянина сдѣлался уже городовымъ купцомъ, а въ сіи сто

[1]) См. Сухомлиновъ, «Исторія Россійской академіи», вып. V, стр. 49 и 314 (= Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. акад. наукъ, т. XXII).

[2]) Второе изданіе вызвало рецензію въ «Библіографическихъ Листахъ» Кеппена, № 20, стлб. 282—83, авторъ которой относилъ разбираемую книгу къ произведеніямъ, не приносящимъ литературѣ «ни пользы, ни чести».

лѣтъ уже и въ первую гильдію записался. Но сего не довольно; онъ спозналь большой свѣтъ, и у большаго свѣта сталъ въ знати. Сперва много, много дѣлалъ онъ хорошаго, когда существовала Сорбона и подобныя ей изрядныя училища и хорошіе еще нравы.

Наконецъ въ послѣднія 50 лѣтъ, а въ особенности лѣтъ за 25 сдѣлался онъ по употребленію и по модѣ всеобщимъ почти во всей Европѣ, и въ другихъ частяхъ Свѣта по соразмѣрности. Въ это время онъ уже крайне избаловался, сдѣлался вертлянъ (такъ!), лукавъ, высокомѣренъ, вмѣстѣ почтителенъ и вмѣстѣ ѣдокъ и гордъ, политикантъ крайній, пролазливъ, любострастенъ, и Циникъ, обманчивъ, презираюць другими, все охуждающій у другихъ, несносный самолюбецъ одного себя выхваляющій, и начиная съ Вольтера по сію пору возсталъ на все; старое портитъ и губитъ, а новаго хорошаго не видно: сталъ горами качать, и честолюбіе его столь шибко захрентѣло (?), что полетѣлъ на небеса къ огненному солнцеву дому, подобно Фаетону. Онъ сдѣлался безбоженъ, и сталъ распространять безбожіе; онъ сталъ первымъ дѣйствующимъ орудіемъ повсюднаго головокруженія и необычайно злыхъ замысловъ, отъ вѣка неслыханныхъ. Однимъ словомъ, по Якобинцамъ онъ сдѣлался совсѣмъ діаволическимъ адскимъ языкомъ, за злобою котораго ни одинъ какой другой языкъ не могъ успѣвать. Онъ очаровалъ сперва повсюду знатность, потомъ и прочихъ въ умѣ перепортилъ; такъ что самый тотъ, кто его знаетъ и имъ пользовался, не знаетъ, что съ нимъ дѣлать, и думаетъ, не пора-ль его въ отставку. Онъ столь много въ свѣтѣ зла надѣлалъ"! (стр. 6—7).

Вторая часть разсужденія (стр. 14 и слѣд.) даетъ обильный матеріалъ для сужденія о лингвистическомъ методѣ и познаніяхъ автора, не обнаруживающаго въ этомъ отношеніи никакого успѣха, сравнительно съ аналогичными фантастическими экскурсами въ область языкознанія, принадлежащими разнымъ любителямъ XVIII в. Отсюда мы узнаемъ, что древній „Галлскій" языкъ, „который есть тотъ-же, что и Цельтическій", перенесенъ во Францію „изъ внутренности Азіи... съ переселеніемъ Галловъ, долго существовалъ въ Арморикѣ, „особливо въ приморскихъ городахъ", но „теперь уже замолкъ... Все показываетъ глубокую древность Цельтическаго языка, и происхожденіе его частію или совсѣмъ отъ Еврейскаго (!)". Приведенное только что положеніе авторъ доказываетъ примѣрами, почерпнутыми изъ статьи „La langue primitive conservée", напечатанной въ „Journal Encyclopedique" (мартъ 1787). Оказывается, что евр. ve-hi-or = „да будетъ свѣтъ", звучитъ по „цельтски"

vou-or, евр. havel havelim amar coheleth, havel havelim = *суета суетствъ, рече Екклезіастъ, суета суетствъ,* отражается почти буквально въ „цельтскомъ" avel avelo, emme har Cou-a-led, avel avelo acol avel = vent des vents, a dit l'Ecclesiaste, vent des vents et tout vent. „Но Французскій съ симъ общаго не имѣетъ; онъ есть смѣсь изъ замолкшаго Франкскаго и Латинскаго, частію и Греческихъ словъ не мало. И Россійскій множество Латинскихъ словъ имѣетъ, какъ оныя вычисляются въ l'Histoire de Russie de l'Evêque: video вижу, oculus око, vico вью, sedeo сижу, palam полями (!), явно, nasus носъ, verto верчу, tendo тяну, ros роса, sol солнце и пр. (см. выше, стр. 286, прим.). Но и многія-жъ коренныя слова въ немъ суть явно Еврейскаго происхожденія. Почему онъ самому Цельтическому языку можетъ назваться набитымъ братомъ, и внучекъ Французскій отдать долженъ по должности честь, преимущество и старшинство не только своему древнему Цельтическому, но вкупѣ и Россійскому, и признать предъ нимъ свою молодость".

Доказательствомъ служитъ рядъ сопоставленій русскихъ и еврейскихъ словъ въ родѣ: евр. *дерéх* || р. дорога, евр. *майм* воды || р. мою, евр. *лайлà* || ночь, когда собаки *лаютъ* (Болтинъ сближалъ слова другихъ семитическихъ языковъ, родственныя этому слову, съ именемъ „славянскаго" бога любви Леля, см. выше, стр. 272), евр. *кабац* = собралъ || р. собраніе, кабакъ, евр. *кашар* = связалъ || р. кошель, евр. *абид* = крѣпкій, сильный || р. обида отъ сильнаго, евр. *айелéт* || стслав. елень, евр. *аби* utinam || абы, по Черниговски (!) о! когда-бы, евр. *агáб* = любилъ || р. похабствовать, о непозволительной любви, евр. *суб* = старѣться || шуба, т. е. одежда стариковъ и т. д. По мнѣнію автора (стр. 18), такихъ словъ было больше, „но по прехожденію и смѣшенію съ Татарами и прочими народами, многія слова перемѣнены на другія". Бóльшая древность русскаго языка, сравнительно съ французскимъ, явствуетъ также изъ того обстоятельства, что „еще до Р. Х. самъ Овидій зналъ Сарматскій, т. е. Славяно-Русскій языкъ". Превосходство русскаго языка надъ французскимъ замѣтно и въ переводахъ, гдѣ „французскій часто прибѣгаетъ къ циркумлîокуціямъ; но Россійскому какое ни дай слово, все вдругъ въ точность однимъ махомъ выбираетъ". Даже пасхальная служба является у нашего автора неожиданнымъ доказательствомъ превосходства русскаго языка: „иллюминація со свѣщами, въ рукахъ держимыми, возвышаетъ торжество, и Россійскій языкъ симъ надъ Французскимъ безпрекословно преимуществуетъ" (стр. 44).

Не удивительно, если въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ выводу, что „теперь во вселенной Россійскій языкъ почестьея можетъ занимающимъ мѣсто Еврейскаго, какъ сей былъ при Моисеѣ и другихъ богомудрыхъ Пророкахъ и Царяхъ. Онъ по пространству и силѣ Государства, и по истинной вѣрѣ, не смотря на мнѣнія инославныхъ, первый хранитъ истинное богопознаніе" (стр. 45). Конечно, разсмотрѣнное разсужденіе скорѣе относится къ области патологическихъ явленій научной литературы, наблюдающихся и при болѣе высокомъ состояніи умственной культуры въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ, но нельзя не видѣть, что въ данномъ случаѣ патологическая уродливость сказалась съ особой рѣзкостью, благодаря мѣстнымъ условіямъ. Не лишено симптоматическаго значенія и то обстоятельство, что черезъ восемь лѣтъ потребовалось второе изданіе подобнаго элабората, такъ какъ это указываетъ на извѣстную распространенность аналогичнаго образа мыслей и состоянія знаній въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ.

Къ 1817 году относится также „Опытъ разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ, основанный на изслѣдованіи оныхъ" Шишкова [1]). Статья эта представляетъ собой введеніе къ другимъ двумъ статьямъ: „Сравненіе Краинскаго [2]) нарѣчія съ Россійскимъ" и „Разсмотрѣніе корня въ произведенныхъ отъ него вѣтвяхъ", въ которыхъ доказывается излюбленная идея Шишкова о тожествѣ славянскаго и русскаго языковъ. Какъ смутны были общелингвистическія представленія Шишкова, и какъ скуденъ былъ запасъ его научныхъ знаній, могутъ дать понятіе слѣдующія выдержки изъ его статьи.

Въ самомъ началѣ ея Шишковъ опредѣляетъ понятіе о языкѣ вообще. По его словамъ, языкъ есть „образъ объясненія каждому народу собственный, отличный отъ другого народа, и потому препятствующій имъ понимать другъ друга" (стр. 2). Языки эти называются „именемъ того народа, который говоритъ имъ". Но это дѣлается лишь „нынѣ, когда народы, по раздѣленіи своемъ, стали различаться разными именами...; до тѣхъ-же поръ, покуда народъ пребывалъ единъ, нераздѣльно, въ единой странѣ свѣта, до тѣхъ поръ не имѣлъ онъ и надобности отличать себя какимъ-либо названіемъ; слѣдовательно и языкъ его долженствовалъ быть безъимянный. Тщетно мы назовемъ его Еврейскимъ, или Халдей-

---

[1]) «Извѣстія Россійской Академіи. Книжка пятая. Въ Санктпетербургѣ, въ Морской Типографіи 1817 года» (стр. 1—22).

[2]) Т. е. словинскаго.

скимъ, или инымъ какимъ; ибо мы не докажемъ, чтобъ сей языкъ, полагаемый нами первымъ, былъ точно тотъ, какимъ говорило до раздѣленія своего первое потомство первой четы. Сего по естественному порядку вещей даже и быть не можетъ, поелику языкъ съ теченіемъ времени измѣняется и пріумножается. Имя, данное какому-либо языку, отрицаетъ уже первобытность онаго, потому что языки назывались и нынѣ всегда называются именами говорящихъ ими народовъ, а народы не прежде могли получить имена, какъ по раздѣленіи и разселеніи своемъ по лицу земли" (стр. 2—3). Когда-же раздѣленіе совершилось, и „часть первобытнаго, нераздѣльнаго дотолѣ народа, отошла въ иную страну, то между отшествіемъ ея и окорененіемъ тамъ, доколѣ она подъ особымъ именемъ составила особый народъ, надлежало пройти немалому времени, которое необходимо" должно было повлечь за собой нѣкоторое измѣненіе языка отдѣлившагося народа, такъ что онъ уже „не могъ быть точно первобытнымъ языкомъ, но нарѣчіемъ онаго; ибо мы видимъ, что ни одинъ языкъ не сохраняется во всей своей цѣлости, но всегда измѣняется въ нарѣчіе (?), меньше или больше отдаленное" (стр. 3). Отсюда слѣдуетъ выводъ, что „ни одинъ языкъ, носящій на себѣ имя, не есть первобытный", а только „близкое къ нему нарѣчіе онаго". Точно также и „всѣ языки всѣхъ бывшихъ и нынѣ существующихъ народовъ суть нарѣчія одинъ другаго (!), и слѣдственно, по непрерывности сцѣпленія ихъ, суть многоразличныя нарѣчія первобытнаго языка, сколь ни отдаленныя отъ онаго, но долженствующія непремѣнно сохранить въ себѣ коренныя его начала". Истина этого положенія доказывается „разсмотрѣніемъ корней словъ" (стр. 4).

Какъ и слѣдовало ожидать, Шишковъ является приверженцемъ теоріи моногенизма: „изъ самой природы и свидѣтельства преданій видимъ мы, что Богъ не имѣлъ надобности для населенія земли... созидать въ десяти или болѣе странахъ десять или болѣе мужей и женъ", и создалъ только „одного мужа и одну жену" (стр. 5). Вопросъ о происхожденіи языка рѣшается очень просто: „первоначальная чета, одаренная разумомъ, воображеніемъ, памятію, и орудіями голоса, удобными раздроблять оный на множество звуковъ, должна была вмѣстѣ съ началомъ бытія своего почувствовать и способность свою и надобность объясняться другъ съ другомъ. Съ сею способностью тотчасъ, по мѣрѣ пораженія чувствъ ихъ отъ внѣшнихъ вещей, стали въ умѣ ихъ рождаться и названія онымъ, которыя, по взаимному желанію разумѣть другъ друга, старались они отличить голосомъ и утвердить памятію. Вотъ начало первобытнаго языка" (стр. 5—6).

Развитіе этого первобытнаго языка изображается такъ: „первоначальные звуки, составлявшіе имена, которыми“ первые мужъ и жена отличали „видимые ими предметы, долженствовали быть единогласные, сродные младенчеству языка, простымъ отверстіемъ устъ произносимые, таковые какъ *а*, *е*, *и*, *о*, *у*“ (стр. 6). Уже за ними явились „малосложные губные, гортанные и язычные, таковые какъ *ба*, *ма*, *на*, *та* и проч.; потомъ изъ повторенія сихъ звуковъ стали дѣлаться настоящія имена: *баба*, *мама*, *няня*, *тятя* и т. д. Можетъ быть между словами *мама* и *высоко-превосходительство* прошло столько-же времени, сколько между челнокомъ и кораблемъ. Самыя первыя названія... должны были состоять изъ краткихъ звуковъ, какіе по какому-либо родившемуся при первомъ воззрѣніи на предметъ въ человѣкѣ побужденію произносило его чувство. Часто природа была его учительницею“ и заставляла подражать разнымъ своимъ звукамъ (стр. 6—7). Такъ человѣкъ, „услыша, что птица повторяетъ голосъ *ку*, назвалъ ее сперва *куку*, а потомъ... *кукушка*; или примѣчая въ ударахъ, сопровождающихъ молнію, звуки *грр*, и въ преломленіи дерева звукъ *трр*, сталъ выражать ихъ гортанью своею, и для объясненія сихъ дѣйствій природы можетъ быть съ начала говорилъ: *чу! грр*, или *чу! трр*, а потомъ изъ сего *чу* сдѣлалъ *чуять*, *чую*, *чухать*, *чутье*, *чувствовать*, и проч. (!); а изъ сихъ гортанныхъ звуковъ *грр*, *трр*, произвелъ слова *громъ*, *гремѣть*, *громко*, *гремушка*, *трескъ*, *трещать*, *трещотка* и пр. Такимъ или подобнымъ тому образомъ составлялись первыя названія вещей и начинался первобытный языкъ“ (стр. 7—8).

Ростъ языка совершался постепенно, подобно росту дерева: „языкъ подобенъ древу: въ немъ также отъ корня идетъ слово, и отъ вѣтви родится вѣтвь. Языкъ новосозданныхъ мужа и жены, въ первой день бытія ихъ, конечно не могъ быть иной, какъ состоящій изъ немногаго числа краткихъ, малоразличныхъ звуковъ, подъ которыми они, чрезъ взаимное сообщеніе мыслей своихъ помощію знаковъ, начали разумѣть и различать первопредставившіеся очамъ ихъ предметы. На другой день языкъ ихъ долженъ былъ прибавиться, по мѣрѣ, какъ новыя, еще незамѣченныя ими вещи, обращали на себя ихъ вниманіе. На третій день тоже, и такъ далѣе. Чрезъ нѣкоторое время отъ сей четы, единственной и первой, пошли дѣти, внучата, правнучата, праправнучата, и словомъ потомство... Напослѣдокъ сдѣлался многочисленный народъ, и доколѣ народъ сей пребывалъ неразлучно въ одномъ краю свѣта, до тѣхъ поръ имѣлъ одинъ общій языкъ, и сей-то языкъ, праотецъ всѣхъ языковъ, есть первобытный (стр. 8—9)“. Съ умно-

женіемъ первобытнаго народа происходило его дробленіе на отдѣльные народы и разселеніе по лицу всей земли. Различіе существующихъ языковъ, изъ которыхъ „одни на другіе совсѣмъ не похожи“, хотя и имѣютъ общее происхожденіе, Шишковъ объясняетъ только фонетическими измѣненіями: „человѣческій голосъ удобно измѣняется на множество звуковъ, и потому одно и то-же слово, переходя изъ устъ въ уста, мало-по-малу портится произношеніемъ, сокращеніемъ или прибавленіемъ составляющихъ оное буквъ, такъ что становится не похожимъ на самаго себя (стр. 11)“. Какъ иллюстрацію къ сказанному, Шишковъ приводитъ сравненіе слова *отецъ* въ разныхъ языкахъ, дающее яркій образчикъ его всесравнительнаго метода: „одинъ народъ говоритъ *ата*, другой *ату*, третій *ате*, четвертый *атъ* (сіи звуки яко легчайшіе для произношенія, должны быть самые древніе, относящіеся къ первобытному языку); пятый къ концу сихъ первоначальныхъ словъ прибавилъ букву *ц*: *атацъ*, *атецъ*, *отецъ*; шестый вмѣсто *ц* произноситъ *р*: *атеръ*; седьмый къ началу сего послѣдняго присовокупилъ букву *ф*: *фатеръ*; осьмый вмѣсто *ф* выговариваетъ *п*: *патиръ*, *патеръ*; девятый изъ *патеръ*, чрезъ перестановку буквъ *ер* въ *ре*, сдѣлалъ *патре* или *падре*; десятый *падре* сократилъ въ *пере* и произноситъ оное *перъ*. Сличимъ теперь *перъ* съ *ата*: есть-ли между ими какое сходство? Кто-жъ безъ изслѣдованія вообразитъ себѣ, чтобъ сіи два слова были не иное что, какъ измѣненіе одно другаго? (стр. 12—13)“. Дальше слѣдуетъ самая таблица, въ которой сближено слово *отецъ* въ языкахъ: краинскомъ, разныхъ „сибирскихъ“, албанскомъ, кельтскомъ, зырянскомъ, готскомъ, разныхъ славянскихъ, ирландскомъ, германскомъ (въ сущности нѣмецкомъ), „цимбрскомъ“, англійскомъ, датскомъ, шведскомъ, голландскомъ, персидскомъ, греческомъ, латинскомъ, итальянскомъ и французскомъ. Литовское „*тевасъ*“, латышское „*тесъ*“ и „корнвальское“ *таазъ* Шишковъ не ввелъ въ таблицу, но тоже считаетъ испорченными изъ слова „*отецъ*“. Такимъ-же точно образомъ представлено первичное родство остальныхъ названій родства, „происшедшихъ отъ первоначальныхъ звуковъ *ат*, *ад*, *аб*, *ап*, *ам*, *ан*,... чрезъ повтореніе задней буквы на переди (*тат*, *дад*, *баб*, *пап*, *мам*, *нан*“ (стр. 15), каковы: *батя*, *батюшка*, *мать*, *братъ*, *тятя*, *тетка*, *тетушка* (изъ *ат* или *тат*), *дядя*, *дядюшка*, *дядя*, *дѣдушка* (изъ *ад* или *дад*), *папа*, *папинька* (изъ *ап* или *пап*), *мама*, *маминька*, *мамка*, *мамушка* (изъ *ам* или *мам*), *няня*, *нянька*, *нянюшка* (изъ *ан* или *нан*) и т. д.

Приведенныя слова сближаются затѣмъ съ соотвѣтственными

формами чуть не всѣхъ языковъ земнаго шара (индоевропейскихъ, семитическихъ, угро-финскихъ, тюркскихъ, кавказскихъ, меланезійскихъ, полинезійскихъ и т. д.), почерпнутыми изъ сравнительнаго словаря императрицы Екатерины II. Въ связи съ этими сближеніями даются также и этимологіи именъ библейскихъ прародителей Адама и Евы. Первое приводится въ связь съ „звуками *ад* и *ам*", означающими будто-бы во всѣхъ языкахъ *отца*, *праотца*, а второе съ первобытными словами *абъ*, *абба*, *авва*, *бабъ*, *баба* и т. д., означающими *отца* или *мать*. Такъ какъ по сравнительному словарю Екатерины II имена матери на разныхъ языкахъ звучатъ: *мати*, *матерь*, *мутеръ*, *матре*, *мама*, *ама*, *амма*, *нана*, *наана*, *ана*, *яна*, *ина*, *энья*, *эне*, *эвя*, то очевидно, что „звуки *аба*, *эба*, *ава*, *эва*, *эвва*, содержатъ въ себѣ значеніе *праматери*" (стр. 20).

Приведенныя фантастическія этимологіи, не представляющія никакого шага впередъ сравнительно съ такими-же сближеніями Тредьяковскаго, Сумарокова, Татищева, Щербатова и др. этимологизаторовъ XVIII в., служатъ Шишкову „неоспоримымъ доказательствомъ" того, что замѣченное имъ „единство и согласіе въ коренныхъ звукахъ" названій родства являются „отголосками первобытнаго языка" (стр. 21). Оказывается, что „Еврей, Грекъ, Славенинъ, Французъ, Нѣмецъ, Лапланецъ, Турка, Японецъ, Камчадалъ, словомъ всѣ безъ изъятія народы, при всей разности языковъ ихъ, говорятъ въ нѣкоторомъ смыслѣ первобытнымъ языкомъ", имѣя въ своемъ языкѣ „весьма примѣтные слѣды" этого первобытнаго языка, „состоящіе не въ словахъ, измѣняющихъ видъ свой, но въ корняхъ, сохраняющихъ въ себѣ единство звука и главнаго или первоначальнаго понятія".

Установивъ это первичное родство всѣхъ языковъ между собою, Шишковъ переходитъ къ изображенію того процесса, помощью котораго „языкъ, измѣняясь, становится нарѣчіемъ (?), больше или меньше отдаленнымъ отъ прежняго своего состоянія", иллюстрируя его „сравненіемъ Краинскаго нарѣчія съ Россійскимъ, взятымъ собственно за Славенскій языкъ" и переходя такимъ образомъ уже въ область славянскаго языкознанія. Понятія *языкъ* и *нарѣчіе* при этомъ имъ не опредѣляются ближайшимъ образомъ и постоянно смѣшиваются другъ съ другомъ, какъ напр. въ выше приведенномъ заглавіи: „сравненіе Краинскаго *нарѣчія* съ Россійскимъ (очевидно *нарѣчіемъ*-же), взятымъ", однако, почему-то „за Славенскій языкъ" (стр. 21—22). Ниже (стр. 54) уже говорится о „единствѣ Краинскаго *нарѣчія* съ Русскимъ *языкомъ* (уже не нарѣчіемъ)" и т. д. Желая во что-бы то ни стало доказать лю-

бимое свое положеніе о тожествѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ, Шишковъ прибѣгаетъ къ указанной жонглировкѣ словами *языкъ* и *нарѣчіе*, тщится показать тожественность и различіе этихъ понятій въ одно и то-же время, не имѣя, при этомъ опредѣленнаго взгляда на ихъ содержаніе. Вездѣ при этомъ чувствуется скрытое стремленіе считать русскій языкъ *языкомъ*, а не *нарѣчіемъ*, хотя это и идетъ въ разрѣзъ съ устанавливаемымъ въ то же время положеніемъ, что настоящимъ *языкомъ* можно назвать лишь „первобытный языкъ", а всѣ остальные „языки" суть только уклонившіяся отъ него „нарѣчія" (стр. 58). Рядомъ съ этимъ говорится, однако, о трехъ народахъ, изъ которыхъ одинъ говоритъ настоящимъ языкомъ, а два другіе произведенными изъ него нарѣчіями", причемъ „всѣ трое, не взирая на единство языка ихъ, другъ друга не разумѣютъ" (стр. 55). Примѣромъ такихъ трехъ народовъ приводятся русскіе (очевидно они то и говорятъ „настоящимъ языкомъ"!), поляки и босняки, называющіе одну и туже птицу тремя словами: *утка*, *kaczka* и *пловка*.

Не удивительно, если изъ такой безнадежной путаницы понятій не могло получиться ничего, кромѣ безплоднаго топтанія на одномъ мѣстѣ въ напрасныхъ потугахъ доказать тожество русскаго и старославянскаго языковъ.

Какъ далеки были мы еще въ 1818 году отъ научнаго движенія, развивавшагося въ то время на западѣ и принесшаго уже такіе плоды, какъ „Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache" Бопна (Франкфуртъ на Майнѣ 1816), свидѣтельствуетъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ выше дилеттантскихъ упражненій Шишкова, маленькое сообщеніе объ имѣвшей скоро выйти книгѣ Шарля Пужана (Pougens, 1755—1833), члена Парижской академіи надписей и изящныхъ наукъ и корреспондента нашей академіи наукъ: „Specimen du trésor des origines et du Dictionnaire grammatical raisonné de la langue Française", напечатанное въ „Трудахъ Высочайше утвержденнаго Общества Любителей Русской Словесности", (1818 г., ч. IV. „Смѣсь. Ученыя извѣстія", стр. 380—85).

Референтъ, очевидно и не слыхавшій о трудахъ Джонса, Фр. фонъ Шлегеля и Бопна (см. выше, стр. 1—2 и слѣд.), находилъ, что авторъ названной книги „счастливо избѣжалъ заблужденія системъ, кои подобно баснословнымъ преданіямъ затрудняютъ изслѣдованіе истины. Существованіе языка первобытнаго, происходящаго отъ первоначальныхъ и общихъ всѣмъ людямъ звуковъ,

ему казалось Филологическимъ романомъ... Не естественнѣе ли думать, что" разныя причины, вызывавшія смѣшеніе народовъ, „подвергли и нарѣчія ихъ подобному же смѣшенію? Если же народы смѣшаны, то удивительно ли, что на Востокѣ употребляются слова, принадлежащія языкамъ Сѣвернымъ, и что Европа обогатилась рѣченіями обитателей Аравіи и Индіи. Г. Пужанъ въ изслѣдованіяхъ своихъ не показываетъ особеннаго пристрастія ни къ Оріентализму, ни къ языкамъ Сѣвернымъ. Очищенная Метафизика, свободная отъ всякихъ предположеній, глубокія свѣдѣнія въ Исторіи, и, наконецъ, основательное знаніе многихъ языковъ суть нити, коимъ должны мы слѣдовать, вступая въ лабиринтъ Этимологіи. Присовокупимъ также, что звукоподражаніе должно быть вождемъ каждаго Этимолога-Философа, особенно въ словахъ, посвященныхъ изображенію различныхъ предметовъ въ натурѣ и выраженію дѣйствій физическихъ".

За этими общими замѣчаніями, рисующими научныя убѣжденія референта, слѣдуетъ изложеніе вкратцѣ содержанія труда Пужана. Для состоянія языкознанія у насъ въ то время во всякомъ случаѣ характеристично, что о работахъ Джонса, Фр. ф. Шлегеля, Боппа и др. почти никто и не зналъ, тогда какъ книжка ничѣмъ не замѣчательнаго Пужана, еще до выхода своего въ свѣтъ [1]), удостоилась довольно длинной рецензіи, авторъ которой и не подозрѣвалъ существованія теоріи о взаимномъ родствѣ индоевропейскихъ языковъ, твердо уже установленной въ то время въ европейской наукѣ, и, напротивъ, объяснялъ сходныя черты „восточныхъ" и „сѣверныхъ" языковъ взаимнымъ ихъ смѣшеніемъ.

Подобный же безплодный и отсталой характеръ имѣла явившаяся въ слѣдующемъ 1819 г. статья члена франц. академіи аббата „Мореллета", переведенная съ франц. А. С. Шишковымъ и снабженная введеніемъ и примѣчаніями переводчика: „Опытъ изслѣдованія словопроизводства" [2]). Въ своемъ предисловіи Шишковъ говоритъ о значеніи науки словопроизводства", которая „долгое время была не познаваема, и даже, по причинѣ устрашавшей трудности своей, небрегома и презираема; но напослѣдокъ ученые и трудолюбивые люди начали мало по мало обращать на нее свое вниманіе, и нынѣ предводимые свѣтильникомъ разума, входятъ смѣлѣе въ сіе, казавшееся столь неприступнымъ, обширное

[1]) По словамъ референта, она должна была выйти черезъ шесть недѣль.

[2]) См. «Извѣстія Россійской Академіи» кн. 7-я, 1819 г. стр. 7—50. Предисловіе переводчика (А. Шишкова)—тамъ же, стр. 1—7.

хранилище таинствъ". Далѣе утверждается, что „въ нашемъ Славянскомъ языкѣ, яко древнѣйшемъ, можемъ мы находить гораздо болѣе надежнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ къ тому слѣдовъ, нежели они въ своихъ языкахъ (стр. 2). Ниже приводятся цитаты изъ сочиненій Лагарпа и Чезаротти („Saggio sulla filosofia delle lingue e del gusto" = I томъ его „Opere complete" Pisa, 1805), въ которыхъ опредѣляются задачи французской и флорентинской академій: составленіе словопроизводныхъ словарей, разработка исторіи языка, изслѣдованіе происхожденія словъ и т. д. Въ этомъ примѣрѣ европейскихъ академій Шишковъ ищетъ поддержки аналогичнымъ стремленіямъ Россійской академіи, которая, по его словамъ, тоже „заботится объ изданіи Словарей Славянскихъ нарѣчій, о сводѣ и сравненіи оныхъ; ...входитъ въ изслѣдованіе корней и пр.". Чтобы распространить у насъ правильныя представленія о словопроизводствѣ, очевидно и была переведена статья аббата Морелле, современника и сподвижника Вольтера и Дидро (р. 1727 † 1819). Какъ разъ въ это время вышло собраніе его прежнихъ статей „Mélanges de littérature et de philosophie au XVIII siècle" (1818). По своему направленію статья Морелле вполнѣ принадлежитъ XVIII вѣку и должна была вызывать сочувствіе Шишкова тѣмъ, что авторъ ея, какъ и нашъ дилеттантъ-языковѣдъ, отводилъ самую широкую роль звукоподражанію, какъ одному изъ основныхъ пріемовъ при изобрѣтеніи языка. Причина предпочтенія, оказаннаго при образованіи первоначальныхъ словъ однимъ звукамъ передъ другими, по словамъ Морелле, есть „нѣкоторое сходство, нѣкоторая соотвѣтственность между произношеніемъ или произношеніями избираемыми, и предметомъ означаемымъ, поелику для напамятованія о предметѣ отсутственномъ... не было иного средства, какъ нѣкое голосомъ предмету сему подражаніе" (стр. 14—15). Къ такимъ звукоподражаніямъ Морелле относитъ лат. corvus, crocitare, ulula, cuculus, tonitru, fragor, flatus, spiritus, pipitus, vagitus, франц. croassement и т. д. Шишковъ съ своей стороны снабжаетъ это мѣсто примѣчаніемъ, въ которомъ обѣщаетъ при разборѣ славянскихъ корней показать несравненно въ величайшемъ изобиліи „сіе звукоподражаніе, отъ коего родилось превеликое количество словъ".

Далѣе Морелле развиваетъ цѣлую теорію звукоподражанія въ обычномъ вкусѣ XVIII в., послужившую, быть можетъ, образцомъ, которому стремился подражать Гонорскій въ своемъ выше разсмотрѣнномъ разсужденіи „О подражательной гармоніи слова" (см. выше, стр. 572—76). Сходство ученій того и другого во всякомъ случаѣ настолько значительно, что если здѣсь не было непосред-

ственнаго заимствованія (Гонорскимъ отъ Морелле), то, очевидно, оба черпали свои положенія и даже примѣры изъ одного общаго источника. По словамъ Морелле, „сверхъ сего подражанія шуму, органъ голоса человѣческаго... способенъ движеніемъ различныхъ частей своихъ означать образъ, положеніе, движеніе, и проч., различныхъ существъ. Органъ голоса могъ также самого себя означить (?), и всѣ части, изъ коихъ онъ составленъ, приведеніемъ ихъ въ дѣйствіе. Такимъ образомъ, составляя гортанныя согласныя, т. е. произнося ихъ горломъ (!), ознаменовалъ онъ сію глубочайшую часть гласоиздательнаго орудія, и произнося зубныя согласныя, или губныя, или язычныя, означилъ, безъ всякаго двусмыслія, тѣ части того-жъ органа, коими производятся сіи различныя произношенія (стр. 16)“. Какъ у Гонорскаго, такъ и у Морелле, различные звуки обладаютъ способностью выражать различныя отвлеченныя понятія: неподвижность изображается „зубными буквами, поелику зубы суть самыя непоколебимѣйшія части гласоиздательнаго орудія“. Отсюда— такія слова, какъ stare, stella, stirps, stagnum и т. д., „въ коихъ господствуетъ буква t, самая твердѣйшая изъ зубныхъ буквъ“.

„Впалость или яма (la cavité)“ изображается „гортанными буквами k, l, g, изъ самой глубокости органа исходящими, guttur, cavea“ и т. д. „Жидкость, влага, легкость движенія—буквами n, l, самыми жидкими (!), самыми скоропроизносимыми изъ всѣхъ буквъ, navis, flatus, etc. Грубость, жесткость, шумъ раздробляющійся, трескучій—буквою r, имѣющею произношеніе изъ всѣхъ грубѣйшее, frendere, frangere etc. Дѣйствіе повторенное, движеніе быстрое, удвоеніемъ той-же самой буквы, и повторяемымъ удареніемъ языка въ небо, и проч. trepidare, tremere“ и т. д. (стр. 16—17)

Дальнѣйшее развитіе и обогащеніе языка совершалось уже при помощи переносныхъ, иносказательныхъ или метафорическихъ оборотовъ. Этотъ источникъ языка кажется автору „гораздо изобильнѣйшимъ, нежели подражаніе“. По его словамъ, онъ „довелъ насъ до того, что мы можемъ изображать движенія, внутреннія чувствованія самыя тончайшія, понятія самыя отвлеченнѣйшія, и *давать цвѣтъ и тѣло словамъ*“, (курсивъ подлинника, стр. 30). „Сіе то самое сходство, позволяющее намъ слово, служившее къ означенію одной вещи, употреблять для означенія другой, и переносить оное отъ одного употребленія къ другому, дало существованіе иносказанію или *метафорѣ*... Иносказаніе обогатило языки, заступая мѣсто тѣхъ новыхъ словъ, въ коихъ могла-бы настоять надобность, и которыя не могли-бы быть въ

достаточномъ числѣ для всѣхъ существующихъ предметовъ, для всѣхъ понятій, и всѣхъ новыхъ чувствованій; иносказаніе освободило отъ сего словосозданія высшаго силъ человѣческихъ, науча употреблять старыя слова въ новомъ смыслѣ" (стр. 30—31).

Заключеніе статьи принадлежитъ опять самому Шишкову. По его мнѣнію, изъ переведеннаго имъ труда „довольно явствуетъ, какъ давно и на какомъ общемъ мнѣніи любомудрѣйшихъ изъ писателей основана мысль, что истинное значеніе языка, состоящее въ знаніи силы и достоинства словъ, не по наслышкѣ или навыку, но по разуму и разсудку познаваемыхъ и оцѣняемыхъ, почерпается изъ разсмотрѣнія ихъ корней. Хотя умозрительная наука сія не приведена еще въ такое изслѣдованіе и опредѣленіе, чтобъ свѣтильникъ ея горѣлъ для всѣхъ ясно, однако-жъ сіи Локки, сіи Михаелисы, Бaконы, Цицероны, Блеры, Беккаріи, приводимые въ примѣръ Мореллетами, Лагарпами, Чезароттіями и пр., должны возбудить въ насъ любопытство обратить вниманіе свое на сей, по мнѣнію ихъ, толико важный предметъ". Шишковъ выражалъ увѣренность, „что при малѣйшемъ на то обращеніи ума и трудолюбія, языкъ нашъ древній, богатый, великое число нарѣчій породившій, озаритъ насъ толь великимъ свѣтомъ, что мы въ семъ для другихъ мрачномъ лабиринтѣ, будемъ ходить какъ-бы при солнечномъ сіяніи. Съ симъ-то намѣреніемъ Россійская Академія начала издавать свои *Извѣстія*. Да найдутъ они читателей и посѣютъ въ юные умы сѣмена будущаго сей общеполезной науки прозябенія!" (стр. 48—50).

Призывъ этотъ, продиктованный безкорыстной и искренней любовью, если не къ научному языкознанію, то къ замѣнявшему его дилеттантскому „корнесловію", остался, однако, безъ особыхъ послѣдствій. Общество мало интересовалось любимыми занятіями Шишкова, и самые образчики его преданной, но безтолковой любви къ языку и корнесловію не могли доказать пользы и необходимости тѣхъ изысканій, ревностнымъ апостоломъ которыхъ онъ являлся. Для этого ему не доставало ни научныхъ знаній, ни метода, ни природнаго такта, ни общаго и философскаго образованія.

Въ слѣдующемъ 1820 г. явилась въ свѣтъ работа Ѳ. И. Аделунга, представлявшая голый каталогъ или перечень „всѣхъ" извѣстныхъ языковъ земного шара и ихъ нарѣчій безъ какой-бы то ни было характеристики: „Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte. Von Friedrih Adelung, Staatsrath etc. St. Petersburg. Gedruckt bey Nic. Gretsch. 1820. 8°. XIV + 2 ненум. + 185 ном. + 1 ненум. Работа эта, долженствовавшая служить пред-

варительнымъ абрисомъ задуманнаго Аделунгомъ большого библіографическаго труда „Bibliotheca glottica“, въ значительной своей долѣ основана на знаменитомъ трудѣ дяди автора, Іоганна Христофора Аделунга (р. 1732 † 1806): „Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde“, доконченномъ уже І. С. Фатеромъ и Аделунгомъ-племянникомъ (4 т. 1806—1817). Число языковъ, приведенныхъ въ перечнѣ Ѳ. Аделунга, въ 1½ раза больше числа ихъ въ „Митридатѣ“ его дяди и заключаетъ въ себѣ 987 названій азіатскихъ языковъ, 587—европейскихъ, 276—африканскихъ и 1214—американскихъ, всего-же 3064 названія разныхъ языковъ и нарѣчій, тогда какъ въ „Митридатѣ“ ихъ было не болѣе 2000. Такое увеличеніе числа языковъ, на которое съ гордостью указывалъ авторъ труда, было, однако, достигнуто иногда на счетъ научной точности и достовѣрности. Нерѣдко одинъ и тотъ-же языкъ приводится нѣсколько разъ подъ разными названіями; самыя названія часто не провѣрены, и подлинность ихъ весьма сомнительна. Такимъ образомъ книга Аделунга младшаго давала только списокъ разныхъ названій языковъ, но не самихъ языковъ, и не имѣла почти никакого научнаго значенія. Система, въ которой перечислялись языки у Аделунга, была, съ нѣкоторыми незначительными отличіями, заимствована имъ изъ „Митридата“ его дяди. Сначала перечисляются азіатскіе языки: 1. односложные (китайскій, тибетскій, бирманскій, пегуанскій, аннамскій, сіамскій), 2. многосложные (южные: малайскіе, индійскіе, иранскіе; западные: семитическіе, армянскій, грузинскій, кавказскіе языки,—въ томъ числѣ и осетинскій, помѣщенный между татарскимъ и кистинскимъ; средне-азіатскіе: турко-татарскіе, монгольскіе, маньчжурскій, корейскій; сѣверные: финскіе, среди которыхъ попалъ и языкъ тептярей, самоѣдскіе, разные изолированные языки: енисейскихъ остяковъ, юкагировъ, коряковъ, чукчей, камчадальскій, курильскій, алеутскій, айносскій, японскій, о-вовъ Лью Кью и Формозы). Затѣмъ слѣдуютъ европейскіе языки (кантабрскій или басскій, кельтскіе, кельто-германскіе или кимврскіе, германскіе, ѳракійско-пелазгическо-греческій и латинскій, романскіе, славянскіе, „германо-славянскіе“ [!], или латышскіе, „римско-славянскій“, или валашскій, „чудскіе“ языки и нѣкоторые „смѣшанные“ языки на юго-востокѣ Европы, къ которымъ авторъ относитъ венгерскій [!] и албанскій). Въ этомъ-же родѣ далѣе перечисляются африканскіе и американскіе (южные, средніе и сѣверные) языки. За перечисленіемъ языковъ слѣдуетъ алфавитный списокъ всѣхъ перечисляемыхъ языковъ, имѣвшій цѣлью облегчить отыскиваніе того или другого изъ нихъ (стр. 119—185). Рядомъ съ географическимъ

принципомъ, въ перечнѣ языковъ принимается въ разсчетъ и принципъ ихъ взаимнаго родства между собою, но лишь тамъ, гдѣ ему не мѣшаетъ первый. Вслѣдствіе этого система, въ которой перечислены здѣсь языки, отличается непослѣдовательностью. Такъ осетинскій языкъ помѣщенъ не среди иранскихъ языковъ, а вмѣстѣ съ кавказскими, діалекты кавказскихъ татаръ— также съ кавказскими языками, но не съ тюркскими, курильскій отдѣленъ отъ айносскаго, венгерскій отъ финскихъ, формозанскій отъ малайскихъ языковъ и т. д. Одни и тѣ-же языки фигурируютъ нерѣдко подъ разными названіями. Такъ словацкій приведенъ подъ собственнымъ именемъ среди „чешскихъ“ или „богемскихъ“ діалектовъ (стр. 64) и подъ названіемъ „словенскаго въ Венгріи („Slowener in Ungern“, стр. 63). Одинъ изъ тибето-бирманскихъ языковъ, *каренъ*, фигурируетъ подъ именемъ „каріанъ“, какъ народная форма бирманскаго языка (стр. 4), и рядомъ, какъ одинъ изъ бирманскихъ діалектовъ подъ именами *каріенгъ*, *карайнъ*, *кадоанъ* (тамъ-же); нѣсколько ниже эти имена повторяются, но уже не въ качествѣ синонимовъ, а какъ названія отдѣльныхъ діалектовъ „пегуанскаго“ языка: „2. Карайнъ, языкъ горныхъ жителей. Извѣстенъ въ четырехъ діалектахъ. 3. Кадоанъ“ (тамъ-же); а еще ниже находимъ ихъ, какъ имена діалектовъ одного изъ „индійскихъ“ языковъ, а именно „араканскаго“: „каріенгъ, карайнъ“ (стр. 22). Одинъ изъ малайскихъ языковъ о. Суматры, *лампунгъ*, помѣщенъ и на островѣ Явѣ (стр. 7—8) и т. д.

Интересенъ планъ задуманной Аделунгомъ „Bibliotheca glottica“, который онъ приводитъ въ предисловіи къ разсматриваемой книгѣ (стр. X и сл.). Введеніе къ „Bibliotheca glottica“ должно было содержать литературу по слѣдующимъ вопросамъ:

I. Исторія изученія лингвистики.

II. Прежнія попытки къ составленію Bibliotheca glottica.

III. О языкѣ вообще.

1. Способность рѣчи у человѣка.
   - a. Съ физіологической стороны.
   - b. Со стороны психологической.
     - Прибавленіе. О языкѣ животныхъ.
2. Происхожденіе языка.
   - a. Божественное, помощью непосредственнаго сообщенія.
   - b. Человѣческое.
     - α. Произвольное.
     - β. Случайное.
3. О первобытномъ языкѣ (Ursprache).

4. Споръ о древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ языковъ.
5. Языкъ жестовъ.
6. О различіи языковъ и его физическихъ, историческихъ и нравственныхъ причинахъ.
7. Исторія опытовъ всеобщаго языка.

IV. Всеобщая грамматика.

V. О письмѣ.

1. Происхожденіе письма.
   a. Картинное письмо.
   b. Гіероглифы.
      α. Египетскіе.
      β. Мексиканскіе.
      γ. Различные.
   c. Буквенное письмо.
   d. Клинообразное письмо.
2. Изложеніе всѣхъ извѣстныхъ алфавитовъ.
3. Исторія попытокъ всеобщаго письма.
4. Искусство скорописи.
   a. Стенографія.
   b. Тахиграфія.
   c. Пазиграфія.
   d. Аббревіатуры.
      α. Тироновскіе знаки (Notae Tironianae).
      β. Монограммы.
5. Тайное письмо.
   a. Криптографія. Стеганографія.
   b. Шифрованное письмо.
      α. Искусство дешифрированія.
      β. Исторія цифръ.
      γ. О природѣ цифръ.
   c. Телеграфія.

VI. Родство языковъ.

VII. Сочиненія по сравнительному языкознанію.

1. Полиглотты.
   a. Словари.
   b. Грамматики.
   c. Библіи.
   d. Собранія молитвы Господней (на разныхъ языкахъ).
   e. Отдѣльныя статьи (на разныхъ языкахъ).
      α. Бакмейстеровскій образчикъ языковъ.
      β. Притча о блудномъ сынѣ.

γ. Слова большого сравнительнаго словаря.
2. Сравненіе нѣсколькихъ заразъ и отдѣльныхъ языковъ между собою.
3. Карты языковъ.

VIII. Вымершіе языки.
1. Древніе.
2. Новые.
a. Литература.
b. Остатки языковъ.

За этимъ введеніемъ, планъ котораго не лишенъ интереса и для нашего времени, должна была слѣдовать библіографія всѣхъ языковъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ они перечислены въ „Обзорѣ“, или въ измѣненномъ, сообразно указаніямъ компетентной критики. Для каждаго языка предполагалось указать: 1) всѣ работы о немъ вообще, 2) словари, 3) грамматики, 4) сочиненія о его письменной системѣ и 5) книги съ образчиками языка или особыми замѣчаніями о немъ.

Въ видѣ образчика такой библіографической обработки одного отдѣльнаго языка, Ѳ. Аделунгъ обѣщалъ выпустить вслѣдъ за своимъ „Обзоромъ языковъ“—„Литературу санскрита“. Это обѣщаніе было выполнено лишь черезъ 10 лѣтъ [1]), но задуманная „Bibliotheca Glottica“ такъ и не вышла изъ области предположеній. Рукописные матеріалы для нея хранятся въ картонахъ не разъ уже упоминавшейся выше лингвистической коллекціи Ѳ. Аделунга, въ Имп. публ. библіотекѣ.

Книга Аделунга вызвала обстоятельную рецензію П. И. Кеппена, представленную имъ въ видѣ „Донесенія“ С.-Петербургскому Вольному Обществу любителей Россійской Словесности 12 апр. 1820 и напечатанную въ трудахъ названнаго общества [2]). Кеппенъ охарактеризовалъ разбираемую книгу, какъ „полнѣйшее, а по сему и удовлетворительнѣйшее произведеніе въ семъ родѣ“ (стр. 191). Недостатки труда Аделунга не укрылись, однако, отъ вниманія его рецензента, обнаружившаго при выполненіи своей задачи эрудицію и самостоятельный взглядъ на вопросы, задѣваемые въ разбираемомъ научномъ трудѣ. Кеппенъ указываетъ на неудовлетворительность географической системы, въ которой расположены перечисляемые у Аделунга языки. Самымъ

---

[1]) «Versuch einer Literatur der Sanskrit Sprache. St. Petersburg. 1830». Второе изданіе носитъ заглавіе: „Bibliotheca sanscrita. Literatur der Sanskrit Sprache. St. Petersburg. 1837“.

[2]) См. Часть X, стр. 189—225.

естественнымъ порядкомъ онъ считаетъ основанный „на одномъ только произхожденіи народовъ и языковъ“ (стр. 193), но оправдываетъ отступленіе отъ него трудностью разобраться въ „тысячѣ разнородныхъ предположеній, болѣе или менѣе правдоподобныхъ и основательныхъ“, и невозможностью „воскресить поколѣнія, на вѣки уже съ лица земли исчезнувшія,—народы, о существованіи которыхъ не дошли до насъ ни малѣйшія свѣдѣнія и коихъ имена даже исчезли во тьмѣ протекшихъ столѣтій“ (тамъ же). Тѣмъ не менѣе онъ указываетъ ошибки Аделунга и исправляетъ ихъ. Такъ на стр. 207 Кеппенъ правильно относитъ діалектъ острова Руно къ шведскимъ, тогда какъ Аделунгъ считалъ его латышскимъ; на стр. 209—210 указана слабость и ошибочность представленій Аделунга о русскихъ нарѣчіяхъ, которыхъ онъ, вслѣдъ за словаремъ Екатерины II, считаетъ только два: *суздальское* и *украинское* (*кривичское*). Кеппенъ вѣрно замѣчаетъ, что названіе *кривичскій* правильнѣе отнести къ бѣлорусскому нарѣчію, и выражаетъ особое сожалѣніе, „что такъ мало обработанъ сей предметъ, который для насъ столько важенъ“ (стр. 210). При этомъ онъ указываетъ причины главныхъ измѣненій „коренного Славянскаго языка“, соотвѣтствующихъ „обстоятельствамъ мѣста и времени“. Онъ видитъ ихъ въ заимствованіи разныхъ иноязычныхъ словъ: норманскихъ или скандинавскихъ, какъ, напр., *глазъ* (око), татарскихъ и монгольскихъ, какъ *лошадь*, *болванъ*, *кафтанъ* (особенно въ восточныхъ губерніяхъ Великороссіи), „мидійскихъ“, какъ *собака* = мидійск. *spaka*, финскихъ (въ Рязанской губерніи), употребляемыхъ „Мещоряками“, нѣмецкихъ (малорусск. *лихтарь* = Leuchter, *мандровать* = wandern), латинскихъ (при посредствѣ духовенства, обучавшагося въ „коллегіумахъ и семинаріяхъ, гдѣ большая часть наукъ преподавалась на языкѣ латинскомъ“), греческихъ (при переводѣ Св. Писанія) и т. д. (стр. 210—213). Кромѣ заимствованныхъ словъ, „въ языкѣ нашемъ много и такихъ словъ Славянскихъ, которыя имѣютъ общіе корни со словами Греческими и Латинскими и т. д.“. Это сходство Кеппенъ приписываетъ первоначальному общему происхожденію европейскихъ языковъ и въ примѣръ таковаго приводитъ слово *млеко* или *молоко*, „съ коимъ сличить должно Греч. μολγος доить (?!), латинск. emulgo, нѣмецк. melken (доить), Molken (сыворотка) и проч.“ (стр. 213). Тутъ же, въ подстрочномъ примѣчаніи Кеппенъ, однако, сближаетъ съ приведенными формами и схожія между собою греч. γάλα, γάλακτος и лат. lac, находя, что ихъ „коренныя буквы“ *л* и *к* встрѣчаются не только въ *млеко, молоко*, но и въ словахъ *влеку*, *извлекаю*, которыя „од-

ного происхожденія съ греч. λέγω, лат. lego (colligo, deligo), франц. élection и пр.

Въ заключеніе высказывается рядъ научныхъ пожеланій ученаго рецензента: 1) „чтобы со временемъ какое либо ученое заведеніе познакомило Публику со всѣми нарѣчіями отечественнаго нашего языка, съ приложеніемъ и списковъ словъ оныхъ“; 2) чтобы были собраны „извѣстія о всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ употребляемыхъ въ нашемъ отечествѣ, которыя удобно изложить можно бы въ видѣ атласа языковъ“; при этомъ указывалось, что для такого атласа „Ѳ. П. Аделунгъ нѣсколько лѣтъ уже собираетъ матеріалы“, въ чемъ „обѣщался было ему содѣйствовать и покойный Лербергъ“. Кеппенъ выражалъ при этомъ особое желаніе, „чтобы обстоятельства благопріятствовали скорѣйшему изданію ихъ творенія, коего напечатаніе однако едва ли можетъ быть предметомъ частнаго иждивенія“ (стр. 214—215). Для составленія карты кавказскихъ языковъ „весьма была бы полезна карта жителей Кавказскихъ горъ, проектированная Г. Ст. Сов. Х. Х. Стевеномъ“, который показывалъ ее Кеппену въ бытность послѣдняго въ Симферополѣ. Мнѣнія иностранцевъ, называющихъ русскихъ и нѣмцевъ учителями прочихъ народовъ въ области языкознанія, хвалебные отзывы иностранныхъ журналовъ о трудѣ Аделунга о заслугахъ императрицы Екатерины II въ сравнительномъ языкознаніи и „твердое упованіе иноземцевъ на покровительство оказываемое Россіею всѣмъ родамъ наукъ“ давали автору рецензіи „надежду, что Правительство не оставитъ безъ вниманія и изслѣдованій относящихся до языковъ“, такъ какъ „у насъ (?) положено начало совершеннѣйшему образованію сей части человѣческихъ познаній“ (стр. 215—216). Кеппенъ поэтому предсказывалъ „появленіе новаго изданія Сравнительныхъ словарей“, состоящихъ въ тѣсной связи съ „Библіотекою языковъ“, задуманной Аделунгомъ, и обращалъ вниманіе своихъ сочленовъ на множество новыхъ свѣдѣній и матеріаловъ, собранныхъ со времен Екатерины II для такого новаго изданія и „ожидающихъ только покровительства къ обнародованію оныхъ“ (стр. 216). Въ концѣ рецензіи онъ приводитъ знакомый уже намъ планъ „Bibliotheca glottica“ Аделунга, а въ приложеніи къ ней (стр. 222—25)—„Опытъ Этнографическихъ и Географическихъ Синонимовъ“, отысканный имъ въ бумагахъ Лерберга и составленный послѣднимъ на основаніи „извѣстій г. Клапрота о Кавказскихъ народахъ“ (стр. 209). „Опытъ“ этотъ представляетъ просто сравнительную табличку названій разныхъ народовъ Кавказа и Закавказья и двухъ географическихъ именъ (Кабарда Большая и Малая) на русскомъ, черкесскомъ,

лезгинскомъ, курдскомъ, грузинскомъ „и другихъ“ (осетинскомъ, чеченскомъ, армянскомъ, „балкарскомъ“, „карачайскомъ“ и др.) языкахъ.

Къ слѣдующему 1821-му году относится высокопарная, темная по изложенію и безплодная по содержанію „Рѣчь о образованіи и существѣ языковъ, Читанная въ Академіи Россійской Надворнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ И. А. Гульяновымъ [1]), 18 іюня 1821 года, по случаю принятія его въ Дѣйствительные Члены оной Академіи. Въ Санктпетербургѣ, Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1821 (8°. 27 стр.).“ Рѣчь эта вышла и по-французски, подъ заглавіемъ „Discours sur l'étude fondamentale des langues“. Авторъ, одинъ изъ многочисленныхъ нашихъ лингвистовъ-дилеттантовъ (чиновникъ министерства иностр. дѣлъ, служившій при разныхъ нашихъ миссіяхъ за границей), въ благодарность за избраніе, поставилъ себѣ въ обязанность представить „краткій отчетъ“, излагающій „совокупность его понятій о образованіи и существѣ языковъ, — предоставляя себѣ въ другое время говорить въ особенности о природѣ и образованіи языка Славенороссійскаго“ (стр. 4).

Въ основу своихъ взглядовъ на языкъ Гульяновъ кладетъ „ученіе о *умственномъ человѣкѣ*, долженствующее способствовать усовершенствованію прочихъ наукъ“, но очень мало соотвѣтствующее ихъ ожиданіямъ.

Авторъ не доволенъ своими предшественниками: „большая часть писателей, умствовавшихъ о образованіи языковъ, почитая сіе явленіе человѣческимъ изобрѣтеніемъ, думали сказать истину, поставивъ первоначальное существо языковъ на ряду съ грубыми нуждами первобытнаго человѣка (?). Но если вѣрить тому, что первоначальный языкъ состоялъ изъ выраженій, служившихъ знаками вещественнымъ предметамъ, а потому *никакого смысла* не заключавшихъ (?!); то должно въ то-же время утверждать, что первобытныя племена не имѣли разсудка, коего начала суть *разумѣнія отвлеченныя* (стр. 4)“. Думающіе такимъ образомъ обнаруживаютъ „весьма темныя понятія о врожденныхъ способностяхъ человѣка“.

---

[1]) Экономидъ, «О сродствѣ греческаго и русскаго языковъ» (т. I, стр. CLIX примѣч.), такъ характеризуетъ его: «родомъ Грекъ (вѣрнѣе, молдаванинъ), извѣстный своею ученостью, открытіями объ Іероглифахъ и другими сочиненіями на Франц. и Росс. языкахъ, какъ-то: «Рѣчью объ образованіи и разума языка», или «Discours sur l'étude fondamentale des langues», и «Essai sur Horapollon». Гульяновъ р. въ 1789 г. † 1841 г. См. о немъ также «Отчеты II отд. Имп. акад. наукъ» 1852 г., стр. 45—48.

Авторъ заявляетъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи о непосредственно божественномъ происхожденіи языка, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ его разсужденій.

„Когда же вдохновенная способность Слова,... сей даръ Небесъ вмѣнился предъ лицемъ мудрствователей въ дѣло ума человѣческаго; то конечно уже надлежало имъ ознаменовать первоначальный языкъ какъ скопище случайныхъ и несвязныхъ реченій, рожденныхъ во мракѣ чувствъ и въ нелѣпости понятій“ (стр. 4—5). При такомъ взглядѣ ученыхъ на происхожденіе языка, „Словоученіе не могло уже равняться съ науками, имѣющими положительные свои законы. Тогда искуство, присвоивъ себѣ ученіе языковъ, возвело ихъ на крутизну замысловатыхъ своихъ правилъ; и съ того времени употребленіе сдѣлалось единственнымъ ихъ (правилъ или языковъ?) закономъ (стр. 5).“ Утратившая въ то время покровительство властей всеобщая грамматика находитъ у него строгое осужденіе, распространяющееся и на сравнительную грамматику. По его словамъ, „нѣкоторые словоучители нашего вѣка, обольщены будучи сходствомъ Грамматическихъ правилъ различныхъ языковъ, представляютъ намъ оныя въ одномъ составѣ. Смотря на умствователей, примѣнившихъ искуство къ философіи (L'art de penser!), словоучители сіи приложили Философію къ преподаваемому ими искуству, и называютъ оное *всеобщимъ словоученіемъ* (Grammaire Générale). Но не постигнувъ предмета сей науки, они начертали не иное что, какъ *сравнительную Грамматику* (?), и тѣмъ вящше утвердили мнѣніе о языкѣ первобытномъ“, столь непріятное автору рѣчи. Далѣе слѣдуетъ нѣсколько вылазокъ противъ „умозрительной философіи“, вовлекшей „словоучителей нашего вѣка“ въ вышеуказанныя заблужденія. Авторъ старается выставить противорѣчія въ „несвязныхъ положеніяхъ умозрительной науки“: признаніе ею языка необходимымъ орудіемъ мысли не вяжется (?) „съ толико скуднымъ предположеніемъ о существѣ первоначальнаго языка“ (стр. 6). Положеніе „умозрительной философіи“, что усовершенствованіе человѣческихъ знаній „сопряжено съ строгимъ наблюденіемъ первообразныхъ и коренныхъ нашихъ понятій“, правильность которыхъ, въ свою очередь, „зависитъ отъ точности въ употребленіи приличныхъ имъ выраженій“, также, по мнѣнію автора, находится въ противорѣчіи съ обычнымъ представленіемъ о несовершенствѣ только что возникшаго первообразнаго языка. Ибо, „какой же правильности ожидать можно отъ существа понятій, изъ источника заблужденій проистекшихъ? Какой точности можно требовать отъ выраженій, имѣющихъ произвольное начало?“

Точно такъ-же философія не можетъ ручаться за ясность „своихъ изложеній“, почитая „первоначальные знаки нашихъ понятій произвольными, называя принятый смыслъ выраженій условнымъ“ и т. д. (стр. 6—7).

Изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ, что авторъ намѣревался представить вскорѣ вниманію своихъ сочленовъ „Опытъ о умственномъ человѣкѣ“, заключавшій въ себѣ: „Разборъ способностей человѣка и приличныхъ имъ постиганій. Изслѣдованіе образованія и разума языковъ, и начертаніе правилъ всеобщаго словоученія“.

Такъ какъ „новый порядокъ мыслей“, заключающійся въ этомъ „Опытѣ“, долженъ былъ, по мнѣнію автора, вызвать „совопрошенія“, то онъ и соединилъ эти „совопрошенія“ въ „особенномъ и предварительномъ разсужденіи о образованіи и существѣ языковъ“, въ которомъ должны были получить отпоръ „доводы, благопріятствующіе общепризнаннымъ правиламъ и умозрѣніямъ“ (стр. 7). Авторъ разсчитывалъ такимъ образомъ „склонить къ себѣ вниманіе безпристрастныхъ словоучителей, ревнующихъ споспѣшествовать насажденію науки, до нынѣ ложными толками омраченной“ (стр. 7—8).

Къ „новому порядку мыслей“ авторъ пришелъ, занимаясь составленіемъ „Руководства къ словописанію“ французскаго языка „въ пользу Россійскаго юношества“, т. е., проще говоря, французской школьной грамматики. Въ этомъ учебникѣ онъ старался изложить „коренныя правила словописанія, вникая въ причины измѣненія словъ, каковое почитается искаженіемъ языка“. Занятія эти заставили его обратиться „отъ частныхъ наблюденій къ общимъ“. Авторъ „любопытствовалъ знать, что̀ побудило къ различному употребленію нѣкоторыхъ буквъ, каковы, напримѣръ, С, G, Т,—желалъ постигнуть различныя сочетанія нѣкоторыхъ письменъ, отмѣны въ выговорѣ реченій, однимъ словомъ: всѣ тѣ явленія въ языкѣ, которыя приписываютъ произволу царствующаго употребленія“ (стр. 8—9). Опыты свои авторъ началъ „наблюденіемъ выговора одинакихъ письменъ, употребляемыхъ въ словописаніи различныхъ языковъ Европейскихъ. Сличивъ ихъ... съ письменами имъ равными другихъ языковъ“, онъ нашелъ между ними „существенныя соотношенія, коихъ сокровенная причина открыла поприще“ его любопытству.

Тогда авторъ сталъ „сводить реченія общія разнымъ языкамъ, и сравнивалъ ихъ отмѣны“, не довольствуясь свидѣтельствомъ однихъ словарей, но прибѣгая и къ „дышущимъ примѣрамъ“. При этомъ онъ замѣтилъ, что устный языкъ, „имѣющій существованіе

преходящее... удаляется непримѣтно отъ *книжнаго языка*, который столько же горделивъ, сколько языкъ устный самонравенъ“; въ результатѣ книжный языкъ, каковы бы ни были уклоненія разговорнаго языка, принужденъ соображаться съ ними и узаконяетъ ихъ употребленіе, чтобъ не остаться позади общества (стр. 9).

Кромѣ того, авторъ вслушивался „въ выговоръ дѣтей, кои не примѣнясь еще къ онымъ словеснымъ іначаламъ (т. е. звукамъ), произносятъ вмѣсто оныхъ другія, имъ соприкосновенныя и болѣе сродныя мягкости дѣтскихъ орудій слова“ (стр. 9—10). Затѣмъ всякій „выговоръ“, въ которомъ давало себя знать „несовершенство словесныхъ орудій“ (недостатки произношенія?), также служилъ ему „поводомъ къ сравненію словесныхъ началъ“ и умножалъ его наблюденія надъ языкомъ. Собранный такимъ образомъ матеріалъ приведенъ былъ въ порядокъ: авторъ „соединилъ словесныя начала согласно орудіямъ, ихъ образующимъ, и расположилъ изысканія свои по сему природному ихъ устройству“. Въ результатѣ получилось предчувствіе, „что языкъ есть произведеніе природы, а не искуства“, перешедшее въ увѣренность, благодаря дальнѣйшимъ трудамъ автора, въ которыхъ онъ прежде всего долженъ былъ „извѣдать точное образованіе началъ Словесныхъ—т. е., изслѣдовать всѣ движенія орудій слова“, иначе заняться физіологической фонетикой. Каковы были эти занятія автора, мы не знаемъ, но онъ увѣряетъ, что „познавъ природу Словесныхъ началъ (т. е. звуковъ) и *мѣсто образованія* (курсивъ нашъ) каждаго изъ оныхъ, онъ опредѣлилъ ихъ соприкосновенность, существенное ихъ сродство, взаимныя ихъ отношенія, и наконецъ явныя и тайныя (?) ихъ связи“ (стр. 10). Намѣренія, руководившія авторомъ, должны быть признаны благими, но довѣріе къ правильности и научности пріемовъ, посредствомъ которыхъ они были осуществлены, подрывается дальнѣйшими его сообщеніями. По его словамъ, во время этихъ занятій онъ „неоднократно примѣчалъ сходство въ письменахъ различныхъ языковъ. Желая удостовѣриться въ основательности сего замѣчанія, онъ расположилъ буквы по сродству началъ, ими изображаемыхъ — и симъ способомъ открылъ сродство ихъ начертаній (!)“ (стр. 10—11).

Изслѣдованія эти привели Гульянова къ основанію *„вещественнаго сложенія языка“*,—открытіе, которое онъ, однако, называетъ безплоднымъ и требующимъ новыхъ наблюденій надъ *„языкомъ отвлеченнымъ“*. Ему предстояло „изслѣдовать знаменованіе словъ и постигнуть *сложеніе человѣческаго смысла*“.

Помощь словарей, „сихъ зерцалъ употребленія", въ этихъ занятіяхъ автора оказалась безполезной: „угнѣтая его разумъ грудами своихъ сокровищъ", они вели его „по слѣдамъ азбуки, разрывающей всѣ связи соплеменныхъ понятій". Убѣжденный „въ законности вещественнаго образованія языковъ", авторъ очутился въ недоумѣніи, „видя произвольность знаковъ нашихъ мыслей", которую онъ отрицалъ, какъ мы видѣли выше. Толкованіе отвлеченныхъ выраженій въ словаряхъ и самый ихъ распорядокъ „въ опредѣленіи сложности знаменованій каждаго реченія, гдѣ вещественное всегда предшествуетъ отвлеченному и частное общему— порядокъ, уничтожающій первобытный разумъ языковъ и ихъ устройство"—все влекло нашего философа-лингвиста къ „ложному заключенію", что „все словесное сооруженіе" составлено „изъ смутныхъ веществъ (?), вѣками просвѣщенія усовершенныхъ" (стр. 11—12).

Наставленія словарей заставляли автора „признать отвлеченный міръ призракомъ видимаго міра; и разумъ, изъ нѣдръ вещества возникшій", всюду являлъ ему „иносказанія и личины". Утомленный такими „призраками", нашъ авторъ „рѣшился отложить (?) все достояніе наукъ и художествъ,... сдвинулъ (!) сіи памятники человѣческаго величія и старался узнать, на какихъ основаніяхъ они воздвигнуты". Для этого онъ разрѣшалъ „реченія отъ поверхностныхъ и условныхъ ихъ знаменованій—совлекалъ съ нихъ все искуственное—все привычное—все то, что покрываетъ наготу первоначальнаго состоянія языковъ" и такимъ образомъ „открывалъ постепенно слѣды умственной природы" (природы чего?). Тогда „выраженія, приведенныя къ общему имъ началу", обнаружили „черты первообразнаго своего обличія", въ которыхъ, наконецъ, авторъ усмотрѣлъ „согласіе между *разумомъ* и *словомъ*". Сдѣлавъ такое открытіе, онъ „обратился къ изслѣдованію первоначальнаго значенія словъ, стараясь въ то-же время постигнуть связь отвлеченныхъ разумѣній (?) въ образованіи языковъ" (стр. 12—13).

Изложивъ такимъ образомъ ходъ своихъ занятій языкомъ, судить о плодотворности которыхъ представляется невозможнымъ, Гульяновъ сообщаетъ главныя положенія своего научнаго міровоззрѣнія. По его словамъ, „человѣкъ получилъ при созданіи *даръ слова*, то-есть: *врожденную способность* выражать свои ощущенія и мысли *опредѣленными звуками*". Каждая-же способность „предполагаетъ здравость устроенныхъ для нея чувствъ и орудій, посредствомъ коихъ обнаруживается она въ явленіяхъ, имѣющихъ *положительные законы*". Наши „праотцы, преданные чувствен-

ному созерцанію внѣшнихъ предметовъ и внемля внутреннимъ своимъ ощущеніямъ, сообщали какъ ощущенія сіи, такъ и свои мысли другъ другу въ простотѣ разума и безусловно. Они выражали каждое чувство, каждое понятіе сложеніемъ звуковъ, каковые рождались отъ самосовершавшихся движеній орудій слова". Постепенныя измѣненія этихъ первыхъ выраженій „происходили какъ отъ измѣненія, такъ и отъ соединенія словесныхъ началъ, подлежащаго закону сродственной ихъ связи" (стр. 13—14).

Для доказательства истины этихъ положеній и опредѣленія „человѣческаго содѣйствія въ первоначальномъ образованіи языка", нужно сначала „опредѣлить природу словесныхъ началъ и показать потомъ ихъ родство и соплеменность".

Оказывается при этомъ, что „*сродство* словесныхъ началъ обнаружитъ законы образовательнаго ихъ сочетанія, то-есть: природныя основанія реченій. *Соплеменность* (?) же началъ слова откроетъ... пути ихъ измѣненія и симъ оправдаетъ естественное превращеніе слова, образующее многочисленность видовъ языка первобытнаго".

По словамъ автора, „сіи законы, взятые въ возвратномъ ихъ порядкѣ и разрѣшенно (?), послужатъ основаніями *словоразъятія*, т. е.: науки вещественнаго разлаганія реченій" (стр. 14). Авторъ утверждаетъ также, что и „словописаніе, составленное изъ отдѣльныхъ знаковъ, словесныя начала представляющихъ, подлежитъ необходимо всѣмъ законамъ образованія реченій. Слѣдственно: *разлагать слова* значитъ — разлучать составныя ихъ начала въ порядкѣ образовательнаго ихъ сопряженія".

„Наука образованія словъ изложитъ намъ законы всѣхъ словесныхъ явленій, при помощи коихъ познаемъ мы существо первообразныхъ корней, и всѣ пути измѣненій языка первобытнаго. Руководствуясь тогда способомъ разлаганія словъ, мы постигнемъ словесныя измѣненія, покрывающія сродство всѣхъ извѣстныхъ языковъ и нарѣчій—и соображаясь съ степенями отмѣнъ первоначальныхъ корней, опредѣлимъ старшинство языковъ по старшинству корней (?), имъ принадлежащихъ".

„Таковы будутъ плоды познанія правилъ вещественнаго словоученія. Безъ сей же науки, всѣ умствованія о языкахъ, всѣ правила и руководства къ изученію оныхъ останутся безполезными" (стр. 15).

Предшествующая исторія языкознанія, до трудовъ автора, не выработала ничего цѣннаго, и наука шла по ложному пути: „если бы первые словоучители предпочли изслѣдованіе естественныхъ основаній собственнымъ своимъ умозрѣніямъ и руковод-

ствамъ (очень хорошо!); то, конечно, не затруднили бы они ученіе языковъ тонкостями вымышленныхъ ими правилъ, и не обременили бы оное выраженіями, въ знаменованіи коихъ разумъ ничего существеннаго не постигаетъ.

„Устранясь отъ ихъ поученій и шествуя по слѣдамъ природы, мы снискали истины простыя по существу своему — но богатыя слѣдствіями—разрѣшающія таинство словеснаго сооруженія" (стр. 15—16).

Все это, можетъ быть, и очень хорошо, но мы такъ и не узнаёмъ, въ чемъ состояли открытія Гульянова и его „простыя истины", разрѣшавшія всѣ тайны строенія языковъ, и потому не можемъ не относиться къ нимъ съ недовѣріемъ.

Изобразивъ основныя положенія „вещественнаго" анализа языка, Гульяновъ переходитъ къ разсмотрѣнію „человѣческаго *смысла*, т. е. *разума*, *въ слово облеченнаго*". По его мнѣнію, „словари не наблюдаютъ различія въ опредѣленіи *разума* и *смысла*", между тѣмъ какъ „способность *разума* сокровенна, -- а смыслъ предполагаетъ *словесное представленіе* нашихъ мыслей и ощущеній". Онъ справедливо вооружается противъ господствовавшаго въ тѣ времена безпочвеннаго и оторваннаго отъ реальныхъ фактовъ „умствованія" въ вопросахъ общаго языкознанія. „Но тщетны будутъ всѣ изысканія, если умствованіе не уступитъ, наконецъ, правъ своихъ *разбору*. По сіе же время вмѣсто разбора всюду находимъ мы умственныя заключенія и доводы. Но *разбирать* не значитъ выводить умомъ, а разлагать, разнимать части цѣлаго" и т. д. (стр. 17). Только „познавъ, посредствомъ *мыслеразъятія* сродственную связь всеобщихъ разумѣній, мы возможемъ опредѣлить связь реченій имъ присвоенныхъ, и слѣдовательно, умственную основу языковъ. Тогда удобно намъ будетъ представить начертаніе соплеменныхъ понятій видимаго, умственнаго и нравственнаго міра, въ лицѣ словесномъ сліянныхъ и *строеніе смысла* (?) образующихъ". Это „словесное начертаніе" должно дать готовыя основанія „для составленія *Сродственнаго словаря*, коего призракъ являютъ намъ Словари сослововъ" (стр. 19). Такой словарь избавитъ слова „отъ произволу азбучнаго безпорядка, разлучающаго и смѣшивающаго въ груды всѣ понятія, представитъ ихъ по порядку въ *семейной ихъ связи*. Подчиняя всегда частные предметы коренному и общему имъ разумѣнію, Словарь сей опредѣлитъ намъ въ точности знаменованіе каждаго реченія, назначитъ приличное каждому мѣсто въ порядкѣ вещественныхъ, умственныхъ и нравственныхъ предметовъ, сведетъ отрицательныя понятія съ положительными, покажетъ кругъ за-

конныхъ связей и отношеній каждаго понятія, и отличитъ однажды навсегда то, что введено употребленіемъ, отъ того, что положено природой... Разумъ языковъ, будучи основаніемъ сродственнаго Словаря, послужитъ... къ исправленію многихъ словесныхъ толкованій, и... возстановитъ въ реченіяхъ естественный порядокъ знаменованій, въ разумѣ проначертанный" (стр. 20—21).

Составить такой словарь можно только на основаніи „началъ всеобщаго словоученія", къ которымъ авторъ и переходитъ. Первоначальными способностями человѣка онъ считаетъ *разумъ*, „извлекающій изъ созерцанія предметовъ отношенія имъ общія, которыя мы назовемъ *разумѣніями*", и *смыслъ*, „присваивающій частнымъ предметамъ знаменованіе общихъ разумѣній, словесными отмѣнами прикрытыхъ". Этими двумя способностями „управляетъ еще высшая способность, способность *помышленія*, которая... соображаетъ" понятія и представленія, „согласно съ видами ума и съ обстоятельствами наблюдаемыхъ предметовъ"; она же, „сооружая частныя понятія на основаніи общихъ разумѣній, творитъ *сужденія*, словомъ выражаемыя (стр. 21)". Авторъ сожалѣетъ, что „существующія Грамматики не открыли еще намъ въ наставленіяхъ своихъ *образованія мысли.* Онѣ обращаются къ одной памяти и предписывая ей искуственные свои законы, не оставляютъ никакихъ почти слѣдовъ ни въ разумѣ, ни въ смыслѣ. Для отвращенія сего неудобства нужно опредѣлить яснымъ образомъ всѣ словесныя подобія нашихъ *мысленныхъ видовъ*, т. е. знаменованіе каждой рѣчи". Но для этого „должно будетъ упразднить и предать забвенію всѣ Грамматическія выраженія древней школы, выраженія произвольныя, и которыя, незаключая въ себѣ никакого существеннаго отношенія къ мысленнымъ видамъ, затмѣваютъ всю простоту началъ словесной науки".

По словамъ автора, совлекши „съ лица Грамматикъ древніе сіи личины", словоучители усмотрятъ, „что Грамматическія опредѣленія научаютъ подлинно *искуству* правильно говорить; но что симъ самымъ искуствомъ заграждаютъ умственные виды помышленія (?), ознаменованныя въ частяхъ рѣчи". Для уразумѣнія же этихъ видовъ необходимо „опредѣлить силу всѣхъ окончаній частей рѣчи, и всѣхъ частицъ при началѣ и при концѣ словъ употребляемыхъ" (стр. 22). Тогда эти „образовательныя орудія частей рѣчи, воспріявъ законную силу свою въ словесномъ составѣ, обличатъ сами собою всѣ сочетанія словъ, терпимыя употребленіемъ, но противныя смыслу". Съ другой стороны пріобрѣтется „способъ образовать отмѣны выраженій, приличныя мыслен-

нымъ видамъ, въ языкѣ не существующимъ—и употребленіе, нынѣ столь могущее, столь грозное, примирится тогда съ разумомъ словесной науки“ (стр. 23).

Авторъ отрицаетъ пользу синтаксиса: „словоучители, разсматривая внѣшнія соотношенія частей рѣчи, составили изъ начертанія оныхъ особенное искуство, преподаваемое ими подъ именемъ *словосочиненія*. Но... полезно ли созидать исключительное ученіе изъ правилъ, изображающихъ непосредственную связь орудій, Грамматическому толкованію подлежащихъ? притомъ же: сообразно ли съ законами природы, творить два особенные предмета наблюденій изъ *разбора* и *сложенія* одной и той же вещи?“ Вмѣсто синтаксиса, онъ предлагаетъ заняться „изслѣдованіемъ *первоначальнаго образованія частей рѣчи*“. Такое изслѣдованіе, „объемля коренное существо и сложеніе мысленныхъ видовъ, обнаружитъ ихъ связь и первородство, въ которыхъ заключается все таинство способности помышленія—и слѣдовательно, всѣ умственныя основанія словесной науки (стр. 23—24)“.

Въ заключеніе авторъ рисуетъ благія послѣдствія отъ изученія языковъ по его методу: вникнувъ въ спеціальныя особенности каждаго языка, „мы познаемъ средства, коими каждый языкъ пользуется исключительно для представленія иныхъ умственныхъ постиганій и опредѣлимъ ихъ правильность и достоинство.

„Познаніе основныхъ понятій положитъ... конецъ словопрѣнію (такъ!), и стязующіеся перестанутъ теряться во тмѣ произвольныхъ своихъ опредѣленій, когда узнаютъ, что корень слова, будучи выраженіемъ понятія отвлеченнаго, заключаетъ въ предѣлахъ общаго своего знаменованія всю мѣру частныхъ своихъ отношеній (стр. 24—25)“.

„Отвлеченныя понятія, составляющія по существу своему законы видимой природы, пріобрѣтя недостающую имъ точность, послужатъ незыблемыми основаніями, на коихъ должны утверждаться всѣ человѣческія познанія, всѣ правила нашихъ умозрѣній.

„Тогда опредѣлится *языкъ ученія*, общій всѣмъ наукамъ“ и „составленный изъ ясныхъ выраженій, коихъ согласованіе... будетъ благопріятствовать образу мыслей наблюдателя... въ строгомъ отношеніи къ существу созерцаемыхъ имъ предметовъ.

„Наконецъ, разумъ языковъ, указавъ предѣлы разуму человѣческому, и проложивъ слѣды его изыскиваніямъ, понудитъ изложить и устроить правила наукъ по начертанію природы“.

Тогда и „наблюдатели отвлеченнаго міра, вникнувъ въ природу нашихъ способностей, признаютъ наконецъ праздность *Логики*—

сего ученія возникшаго древле отъ избытка ума и покоряющаго выкладкамъ своимъ здравый разсудокъ (стр. 25—26)". Авторъ не только противъ логики, которая безсильна „вперить разсудокъ въ того, кто не получилъ сей способности при рожденіи", но и противъ философіи, „туманной науки, сѣдящей между творцемъ и созданіемъ, и проповѣдающей законы свои о бытіи существъ, о явленіяхъ умственнаго и нравственнаго міра". По мнѣнію Гульянова, это „наука мрачная, которая, попирая врожденное сознаніе человѣка, изсушаетъ его разсудокъ, заглушаетъ всѣ чувства, и разрушая цѣпь вселенной, представляетъ помраченнымъ очамъ случайность міра сего и ничтожность грядущаго".

Такимъ образомъ реакціонное теченіе, обнаружившееся у насъ особенно сильно въ концѣ второго десятилѣтія XIX в., отразилось и въ области общаго языкознанія.

Рѣчь Гульянова, только что разсмотрѣнная выше, является образчикомъ этого отраженія. Претенціозная и причудливо-высокопарная, она ничего не внесла въ нашу науку, и всѣ ея похвальбы и обѣщанія такъ и остались словами. Описываемаго въ ней переворота въ языкознаніи труды ея автора не произвели, да и не могли произвести [1]).

Рѣчь Гульянова была разослана въ разныя европейскія ученыя общества, „изъ которыхъ многія отозвались объ ней съ похвалою", какъ свидѣтельствуетъ протоколъ Россійской академіи отъ 12 авг. 1822 г. („Извѣстія Росс. Акад." 1823 г., кн. XI, стр. 4 и слѣд.). Шишковъ видѣлъ „писанное изъ Вѣны однимъ ученымъ мужемъ (къ сожалѣнію не названнымъ) весьма одобрительное о ней письмо". Кромѣ того, къ Шишкову было препровождено графомъ Каподистрія письмо къ послѣднему нѣкоего Б. Меріана [2]) изъ Парижа, въ которомъ сообщалось, что Гульяновъ намѣренъ скоро выпустить продолженіе своего перваго труда (такъ и оставшееся въ портфелѣ автора). При этомъ присовокуплялось, что значеніе научныхъ трудовъ Гульянова увеличивается день ото

[1]) Позднѣйшая научная дѣятельность Гульянова была посвящена полемикѣ съ Шампольономъ младшимъ, въ которой Гульяновъ доказывалъ ошибочность пріемовъ французскаго ученаго при чтеніи египетскихъ іероглифовъ (!).

[2]) Это былъ, очевидно, баронъ Андрей-Адольфъ Меріанъ (р. въ Базелѣ въ 1772 г. † въ Парижѣ въ 1828 г.), въ молодыхъ лѣтахъ переселившійся въ Петербургъ и потомъ поступившій на русскую службу по мин. иностр. дѣлъ, въ которой ему приходилось исполнять разныя дипломатическія порученія, и именно во Франціи. Меріанъ былъ друженъ съ Ю. Клапротомъ, который посвятилъ ему свою «Asia Polyglotta». Б. Меріанъ, подобно своему

дня, что они уже обратили на себя вниманіе Англіи, Германіи и Франціи, и такимъ образомъ идеи его одержали полную побѣду, несмотря на скромность ихъ автора. Баронъ Меріанъ находилъ поэтому, что нѣкоторое поощреніе Гульянову было бы въ высшей степени желательно. Въ виду этого письма Россійская академія возмѣстила Гульянову его расходы по изданію рѣчи и назначила ему 500 р. асс. „въ награду за первые опыты его трудовъ" (тамъ же, стр. 5—6).

Въ томъ-же 1821 году явилась въ свѣтъ первая часть русскаго перевода извѣстной книги де Бросса: „Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ, и физическихъ началахъ этимологіи. Сочиненіе Бросса. Переведено съ французскаго Императорской Россійской Академіи Членомъ Александромъ Никольскимъ, и оною Академіею издано. Часть I. Въ Санктпетербургѣ. Въ типографіи Импер. Россійской Академіи. 1821" (8°, IX+407 стр,)". Вторая часть (8°, 446 стр.) была выпущена въ слѣдующемъ, 1822 году. Это извѣстное въ западной научной литературѣ сочиненіе вышло въ оригиналѣ еще въ 1765 г. и дождалось такимъ образомъ перевода на русскій языкъ лишь черезъ 56 лѣтъ послѣ своего появленія въ свѣтъ. Для своего времени книга де Бросса была замѣтнымъ явленіемъ, давая очень обстоятельный очеркъ общаго языкознанія, затрогивавшій наиболѣе интересные вопросы этой науки. Первыя двѣ главы его содержали ученіе объ этимологіи, ея основахъ, научномъ значеніи и пользѣ, слѣдующія двѣ (III—IV) — очеркъ фонетики или антропофоники, въ пятой главѣ описывалась физіологическая всеобщая азбука, изобрѣтенная де Броссомъ для изображенія всевозможныхъ звуковъ всѣхъ языковъ (попытка интересная для своего времени и въ извѣстныхъ отношеніяхъ аналогичная новѣйшимъ опытамъ въ этомъ направленіи Брюкке, Таузинга и др.), глава VI трактовала о первобытномъ языкѣ и ономатопеѣ, VII-я—о символическомъ и фонетическомъ письмѣ, VIII-я—о цифрахъ, IX-я—объ образованіи и

сослуживцу Гульянову, былъ тоже дилеттантомъ-языковѣдомъ и оставилъ нѣсколько лингвистическихъ работъ: «Tripartitum seu de analogia linguarum libellus» (вмѣстѣ съ Клапротомъ, Вѣна 1820—23, folio), «Synglosse ou Principes de l'étude comparative des langues» (Карлсруэ. 1826, 8°). Излюбленной идеей Меріана было, что корни всѣхъ языковъ односложны и одинаковы, и что подобныя формы встрѣчаются въ языкахъ народовъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга въ физіологическомъ отношеніи. Такимъ образомъ ничего нѣтъ удивительнаго, если дипломатъ-лингвистъ Меріанъ выражалъ сочувствіе Гульянову, своему сотоварищу по службѣ и такому же дилеттанту-языковѣду, какъ и онъ самъ.

развитіи языковъ и дробленіи ихъ на діалекты, X-я—о словопроизведеніи и значеніи словъ, XI-я—о словообразованіи и грамматическихъ измѣненіяхъ (флексіи), XII-я—о именахъ существъ нравственныхъ, XIII-я—о именахъ собственныхъ, XIV-я—о корняхъ, XV-я—о началахъ и правилахъ этимологическаго „искусства“, XVI-я—объ „Археологѣ“, или всеобщемъ историко-сравнительномъ словарѣ всѣхъ языковъ, расположенномъ по корнямъ [1]). Ко времени своего перевода на русскій языкъ книга де Бросса, однако, устарѣла по крайней мѣрѣ на $^3/_4$ своего содержанія, и трудъ ея переводчика, изданіе котораго Россійская Академія ставила себѣ въ заслугу, являлся совершенно напрасной тратой времени. Упоминаніе о немъ можетъ только служить для вящшей характеристики тогдашняго положенія у насъ общаго языкознанія вообще и безплодной дѣятельности Россійской Академіи въ частности.

Появленіе книги де Бросса въ русскомъ переводѣ могло только содѣйствовать утвержденію у насъ цѣлаго ряда устарѣвшихъ и наивныхъ взглядовъ и теорій, отъ которыхъ общее языкознаніе уже давно отдѣлалось. Такимъ образомъ книга приносила больше вреда, чѣмъ пользы. Тѣмъ не менѣе современная печать привѣтствовала ея появленіе. Такъ въ рецензіи, напечатанной въ „Сынѣ Отечества“ за 1822 г. (ч. 82, стр. 132), говорилось: „Хорошій переводъ творенія, признаннаго классическимъ въ своемъ родѣ, есть пріятный и драгоцѣнный подарокъ любителямъ изысканій филологическихъ. Совѣтуемъ всѣмъ, занимающимся этимологическими трудами, познакомиться съ сею превосходною книгою“.

Къ 1822 году относится продолженіе упомянутой уже выше статьи А. С. Шишкова: „Опытъ разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ, основанный на изслѣдованіи оныхъ“ („Извѣстія Россійской Академіи“, кн. X. 1822, стр. 72—230). Какого-нибудь шага впередъ, въ смыслѣ метода и знакомства съ данными современной науки, сравнительно съ первой болѣе ранней частью статьи, здѣсь не замѣчается. Шишковъ по прежнему отправляется отъ положенія о единомъ всеобщемъ первобытномъ языкѣ, серьезно занимается вопросомъ о томъ, на какомъ языкѣ говорилъ Ной и его семейство, о вавилонскомъ столпотвореніи и смѣшеніи языковъ, и доказываетъ происхожденіе всѣхъ языковъ отъ одного первобытнаго ссылками на „Сравнительный словарь“ Екатерины II, выражая при этомъ надежду, что Россійская Ака-

[1]) См. сжатую оцѣнку труда де Бросса у Бенфея, «Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland», Мюнхенъ, 1869, стр. 286—290.

демія „со временемъ не оставитъ издать оный съ новыми прибавленіями и примѣчаніями“ (стр. 78, прим.). Главное содержаніе статьи заключается, однако, въ опредѣленіи разницъ нарѣчія отъ языка и въ доказательствѣ глубочайшей древности славянскаго языка, который скрываетъ „начало свое въ самыхъ отдаленнѣйшихъ временахъ, и слѣдовательно безсомнѣнія есть отецъ безчисленнаго множества нарѣчій и языковъ“ (стр. 174). Достигается это при помощи фантастическихъ этимологій, въ которыхъ выдающуюся роль играетъ звукоподражаніе, и къ которымъ мы еще вернемся въ своемъ мѣстѣ.

Въ томъ же 1822 г., 4 февраля, читалось въ собраніи Московскаго общества любителей Россійской Словесности разсужденіе А. Глаголева († 1844): „О постепенномъ развитіи первообразныхъ языковъ“ [1]). Авторъ его, также любитель языкознанія, какъ Гульяновъ, Шишковъ и мн. другіе, подобно Шишкову, держится мнѣнія о единомъ всеобщемъ первобытномъ языкѣ, начало котораго скрыла отъ насъ глубокая древность. Изобрѣтеніе языка, по его мнѣнію, не можетъ быть дѣломъ человѣка: „смѣлая мысль нѣкоторыхъ ученыхъ, что человѣкъ самъ изобрѣлъ для себя слово, есть не что иное, какъ одна игра воображенія, оставляющая насъ въ недоумѣніи... Какимъ же образомъ человѣкъ, лишенный дара слова, могъ сообщать другимъ свои мысли? Если мы иначе не можемъ теперь мыслить, какъ разговаривая тайно съ самими собою, то неужели мыслящая способность первобытныхъ людей дѣйствовала по другимъ, особеннымъ законамъ? Говорятъ, что человѣкъ... сначала употреблялъ знаки естественные, т. е. тѣлодвиженія, измѣненія голоса;—а въ послѣдствіи... произвольные или условные: но какимъ образомъ люди нѣмые могли согласиться или условиться въ принятіи тѣхъ знаковъ, которые не имѣли никакого отношенія къ понятіямъ или предметамъ?“ Автору кажется, что „всѣ сіи предположенія Философовъ похожи на систему извѣстныхъ атомовъ, изъ которыхъ, по мнѣнію Епикура, составился сей огромный и прекрасный міръ. Повидимому, они хотятъ доказать намъ, что человѣкъ есть созданіе случая. Иначе, можно ли вообразить, чтобы сіе превосходное твореніе, выходя изъ рукъ своего Творца, вмѣстѣ съ прочими безцѣнными дарами не получило и слова?“ (стр. 15—16).

„Если же происхожденіе слова современно человѣку; то любопытно знать первоначальный его составъ, обширность и раз-

[1]) См. «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ». Труды Моск. Общества любителей Росс. Словесности, ч. III (отъ начала изданія ч. 23). 1823, стр. 15—28.

витіе. Исторія... не оставила намъ никакихъ слѣдовъ его постепеннаго хода: но въ сихъ изслѣдованіяхъ могутъ насъ руководствовать наблюденіе собственной мыслящей нашей способности и вмѣстѣ наблюденіе всѣхъ извѣстныхъ языковъ, а преимуществен... нашего отечественнаго, который удержалъ доселѣ многія качества языковъ древнихъ" (стр. 16—17). Чтобы „съ большею точностью опредѣлить корни словъ и ихъ отрасли", авторъ изображаетъ тотъ порядокъ, „въ которомъ извѣстныя Грамматическія части рѣчи рождались одна съ другою или одна послѣ другой". Первобытный человѣкъ, по его словамъ, „подобенъ младенцу, плачетъ, радуется и удивляется какъ младенецъ". Отсюда слѣдуетъ выводъ, что, „*междометія*, употребляемыя и нынѣ при выраженіи сильныхъ страстей, извѣстная часть рѣчи у грамматиковъ, безъ сомнѣнія были господствующею частію въ языкахъ первобытныхъ. Самая односложность и однозвучіе сихъ частицъ... доказываютъ ихъ первообразіе... Человѣкъ прежде старался удовлетворить нуждамъ... и обращалъ свое вниманіе только на предметы, его окружающіе... и имѣвшіе къ нему ближайшее отношеніе. Слѣдовательно... *имена вещей* должны относиться къ словамъ первообразнымъ. Такъ называемыя *имена подражательныя*", принадлежавшія, по мнѣнію филологовъ, къ „языку природы" и бывшія „основаніемъ всѣхъ другихъ частей рѣчи", вѣроятно образованы „по аналогіи съ существовавшимъ уже языкомъ" (стр. 16--19).

Человѣкъ прежде замѣчалъ самые предметы, и уже потомъ ихъ качества. Слѣдовательно, имена прилагательныя явились послѣ существительныхъ, причемъ прилагательныя, выражающія чувственныя качества (красный, черный), раньше другихъ. Родъ у прилагательныхъ и степени сравненія явились позже. Первоначально превосходная степень могла выражаться „повтореніемъ или наклоненіемъ одного и того же слова: *святая—святыхъ, небо—небесе*" (?) (стр. 19—20). „Употребленіе глаголовъ предполагаетъ способность соединять два понятія" (отличіе человѣка отъ всѣхъ животныхъ). При этомъ verbum substantivum *быть* вѣроятно возникъ раньше другихъ глаголовъ. Сначала должны были говорить: *лице красно есть*, а послѣ — „сокращенно": *лице краснѣетъ*. Дѣйствительные и средніе глаголы первообразны, „ибо первоначально человѣкъ не могъ замѣтить другихъ измѣненій въ предметахъ, кромѣ ихъ дѣйствія и положенія". Изъ наклоненій должно было существовать одно изъявительное, а изъ временъ—два, или не болѣе трехъ: настоящее, прошедшее, будущее. Мѣстоименія личныя, по мнѣнію автора,

должны быть современны глаголамъ. Односложность предлоговъ также доказываетъ, что и они входили въ составъ первообразнаго языка (стр. 20—21). *Нарѣчія* и *союзы* вѣроятно явились позднѣе всѣхъ другихъ частей рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ всѣ они „производныя или сложныя изъ другихъ словъ“. Союзы также—„слова сложенныя или усѣченныя отъ другихъ частей рѣчи“. Въ доказательство авторъ ссылается на нарѣчіе *поздно*, происходящее отъ прилагательнаго *поздній*, которое въ свою очередь возникло изъ прилагат. *послѣдній* (!). Нарѣчія *когда*, *тогда*, *всегда*, по мнѣнію Глаголева, получились изъ выраженій *коего года*, *того года*, *весь годъ* (!); *нынѣ* заимствовано изъ (!) греч. νῦν, а *еще*, можетъ быть, изъ лат. etiam (!!); *или*, *ли*—отъ *либо*=*любо*, *любить* (!) (стр. 23—24). Имена общія и отвлеченныя „предполагають уже въ высшей степени развитіе мыслящей способности“, давшее возможность абстракціи. Къ отвлеченнымъ именамъ авторъ относитъ и числительныя (стр. 25). Въ заключеніе формулируется разница между древними языками и новѣйшими: „первые, составлены будучи изъ именъ вещей и изъ словъ, выражающихъ чувственные предметы и особыя понятія, болѣе выразительны, живописны и украшенны; послѣдніе, перешедши отъ недостатка къ изобилію, отъ частныхъ понятій къ общимъ и отвлеченнымъ, болѣе точны и опредѣленны. Въ первыхъ расположеніе слова естественное, въ послѣднихъ грамматическое; первые способны болѣе къ поэзіи и витійству, послѣдніе—къ сочиненіямъ учебнымъ и историческимъ“ (стр. 27—28).

Какъ видно изъ приведенныхъ выдержекъ, статья А. Глаголева не представляетъ никакого шага впередъ, сравнительно съ другими аналогичными очерками общаго характера, разсмотрѣнными выше. Авторъ придерживается устарѣлыхъ уже въ то время точекъ зрѣнія (теоріи божественнаго происхожденія языка, теоріи общественнаго договора и т. д.), и если уклоняется отъ нѣкоторыхъ общераспространенныхъ въ то время взглядовъ (предпочитая, напр., интеръекціональную теорію происхожденія языка ономатопеической), то лишь случайно и безъ особой мотивировки. Такимъ образомъ, статья его имѣетъ вполнѣ дилеттантскій характеръ.

Такимъ же дилеттантскимъ произведеніемъ являются „Нѣкоторыя выписки изъ сочиненій графа Менстера, съ примѣчаніями на оныя“, переведенныя А. С. Шишковымъ и напечатанныя въ „Извѣстіяхъ Россійской Академіи“ (кн. XI, 1823 г., стр. 46—76). „Выписки“ эти сдѣланы изъ извѣстной книги графа Жозефа де-Местра „Les soirées de Saint-Pétersbourg“ (Парижъ, 1821, 2 т.)

и содержать доказательство положенія, что всѣ языки происходять отъ одного первобытнаго. По словамъ дипломата-автора, „нѣтъ произвольныхъ названій, всякое слово имѣетъ свою причину“ (стр. 46). Доказывается это рядомъ примѣровъ, въ томъ числѣ сходствомъ словъ *bren*=отруби и *sava*=сова, употребительныхъ „при подошвѣ Альпійскихъ горъ“, съ англ. bran, и русск. *сова* [1]). Изъ этого сходства де-Местръ заключаетъ, что данныя слова „существовали прежде въ двухъ языкахъ, сообщившихъ оныя двумъ нарѣчіямъ“, и готовъ согласиться, что всѣ четыре народа (англичане, славяне и жители „по ту и по сю сторону Альпъ“) получили ихъ „отъ народа преждебывшаго“ (стр. 48). Отсюда дѣлается выводъ, что „Тевтонское и Славенское“ семейства „не произвольно изобрѣли сіи два слова; но получили ихъ отъ кого-либо иначе“, т. е. отъ народовъ, „бывшихъ прежде ихъ“, которые въ свою очередь тоже получили ихъ отъ преждебывшихъ“ народовъ, „и такъ далѣе до первоначалія вещей“ (стр. 49). Разсужденія де-Местра сопровождаются примѣчаніями переводчика (А. Шишкова), назойливо настаивающаго въ нихъ на своихъ излюбленныхъ идеяхъ: необходимости „изслѣдованія“ корней для доказательства „происхожденія всѣхъ языковъ отъ одного первобытнаго“ (стр. 48, прим. 4, и стр. 49, прим. 5), объ особенной важности „Славенскаго“ языка, который могъ бы „руководствовать“ ученыхъ „къ самовѣрнѣйшимъ выводамъ и заключеніямъ“ и т. д. (стр. 49, прим. 5). Дальше де-Местръ утверждаетъ, что „младенчествующіе народы одарены чрезвычайнымъ талантомъ производить слова, и что философы напротивъ совершенно къ сему неспособны“ (стр. 51). При этомъ каждый языкъ имѣетъ свои особенные способы производить слова. Такъ латинскій любитъ „болѣе раздробленіе, позволяетъ себѣ слова свои,

---

[1]) Первое изъ этихъ словъ встрѣчается въ ретороманскомъ (brenn) и пьемонтскомъ (bren) и родственно прованс. и др. франц. bren=отруби, новофранц. bran = соръ, отбросы, испанск. bran'a = опавшіе листья или кора. Сходство его съ англійскимъ bran объясняется, вѣроятно, общимъ его заимствованіемъ изъ кельтскаго (ср. бретонское brenn, новоирл. bran = отруби). Что касается второго слова, то въ ретороманскомъ есть дѣйствительно слово sava, но оно означаетъ *порогъ, косякъ* и, очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ *сова*. Во фріульскомъ есть одна только подходящая форма Save= *жаба*, заимствованная изъ славянскаго *жаба* и также, очевидно, вполнѣ чуждая русскому *сова*. Какой именно языкъ имѣлъ въ виду де-Местръ, неизвѣстно, и потому нельзя категорически установить, не ошибался ли онъ въ данномъ случаѣ. См. Körting «Lateinisch-Romaniches Wörterbuch» Paderborn 1901 г. № 1560, Carigiet, «Rätoromanisches Wörterbuch» (Bon.-Chur, 1882), Pirona, «Vocabolario friulano» (1871).

такъ сказать разламывать, и изъ разломковъ ихъ" составляетъ „новыя удивительной красоты названія, коихъ стихіи не могутъ быть усмотрѣны, какъ токмо искуснымъ окомъ" (стр. 54—55). Такъ лат. cadaver=трупъ получилось будто бы изъ трехъ словъ *caro data vermibus*=*тѣло, данное червямъ* (стр. 55—56), caecutire=caecus ut ire=идти ощупью, подобно слѣпому, negotier=ne ego o tier=я упражненъ, не теряю времени, откуда negotium (стр. 57), oratio=os+ratio, т. е. разумъ говорящій (стр. 58). Французы въ этомъ отношеніи—послѣдователи римлянъ и образовали „съ удивительнымъ остроуміемъ" свой глаголъ sortir изъ мѣстоименія личнаго se, нарѣчія мѣста hors и глагольнаго окончанія tir: se-hors-tir=sortir, т. е. поставить себя внѣ мѣста, гдѣ находился (стр. 58—60).

Необходимо указать, что даже Шишкову подобныя этимологіи показались произвольными, и онъ замѣчаетъ въ своихъ примѣчаніяхъ, что negotium скорѣе состоитъ изъ отрицат. частицы ne или nego+otio, cadaver должно имѣть связь съ cadere, oratio происходитъ отъ oro, orare (сравниваетъ съ русскимъ *орю*, *орать*), и т. д.

Замѣчанія де-Местра о множествѣ иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ встрѣчаютъ сочувствіе переводчика, который находитъ, что „упрекъ, сдѣланный намъ отъ г. Менстера, весьма справедливъ" (стр. 67, прим.). Положеніе де-Местра, что „время просвѣщенія и любомудрія... было временемъ безплодія" въ языкѣ, находитъ себѣ сочувствіе Шишкова, который, впрочемъ, оговаривается, что такое вредное вліяніе имѣетъ лишь „перенимательное просвѣщеніе" (стр. 67—71, прим.). По словамъ переводчика, разсужденія де-Местра, „при нѣкоторыхъ малыхъ разностяхъ", представляютъ „и великое... сходство" съ сужденіями самаго переводчика, помѣщенными въ „Извѣстіяхъ Россійской Академіи" (стр. 75). Такимъ образомъ мотивомъ къ переводу и изданію въ свѣтъ любительскихъ экскурсій де-Местра въ область языкознанія было сходство во взглядахъ и методѣ обоихъ дилеттантовъ-языковѣдовъ, нашего и французскаго. Въ научномъ отношеніи домыслы де-Местра были лишены всякаго значенія и никакого пріобрѣтенія для нашей научной литературы составить не могли.

Отрицательнымъ образчикомъ университетской науки середины 20-хъ гг. является „Всеобщая и философическая грамматика языковъ" (на самомъ дѣлѣ учебникъ французскаго языка на русскомъ и франц. языкахъ texte en regard съ „философическимъ" введеніемъ) Николая Паки де Совиньи, сначала адъюнкта и послѣ экстраординарнаго профессора французскаго и латинскаго язы-

ковъ въ Харьковскомъ университетѣ, характеризуемаго въ воспоминаніяхъ современниковъ, какъ надутая и крайне ограниченная бездарность [1]).

Книга его состоитъ изъ трехъ частей, носящихъ по нѣскольку заглавій, краткихъ и пространныхъ, каждое на русскомъ и французскомъ языкахъ. Общій характеръ имѣетъ только первая часть, носящая слѣдующее главное заглавіе: „Философическая грамматика языковъ или ключъ ко всѣмъ языкамъ и литературѣ; сочиненіе классическое и учебное, расположенное въ видѣ таблицъ или сокращеннаго и умозрительнаго метода, чрезъ которой учащіеся въ Университетахъ, Лицеяхъ, Пансіонахъ, могутъ узнать легко и методически основныя правила, приложенныя ко всѣмъ языкамъ вообще и въ особенности къ французскому. Изданная Николаемъ Паки де Совиньи, Коллежскимъ Совѣтникомъ, Профессоромъ при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Часть Первая. Грамматическія и логическія качества рѣчи. Харьковъ, 1823 г. 8°. 158 стр. (стр. 144—158: Таблица вопросовъ, предлагаемыхъ на экзаменахъ)". Имѣется и французское столь же пространное заглавіе: „Grammaire générale, philosophique et litteraire des Langues ou la clef des langues et des lettres etc.". Книга посвящена вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и снабжена эпиграфомъ:

«Sans la langue en un mot l'auteur le plus divin,
Est toujours quoique'il fasse un méchant écrivain».
Boileau, art poët. I chant.

Содержаніе этого рутинно-бездарнаго, надутаго и болтливаго учебника обнаруживаетъ невѣжество и ограниченность автора. Послѣ многословныхъ и банальныхъ разсужденій о пользѣ изученія языковъ, авторъ даетъ рядъ ходячихъ опредѣленій разныхъ грамматическихъ и риторическихъ понятій, подчасъ довольно курьезныхъ. Тамъ, на стр. 45, находимъ такое объясненіе „троповъ": „*тропы* суть фигуры словъ, ежели перемѣните слова, то фигура уже не существуетъ болѣе; между тѣмъ, какъ фигуры мыслей находятся всегда (??), какія бы ни были слова, которыя употребляете для выраженія мыслей; но чтобы ихъ употреблять кстати, свѣтильникъ здраваго разсудка долженъ руководствовать сочинителя". На стр. 71-й такъ опредѣляется понятіе глагола:

[1]) См. о немъ проф. Багалѣя «Опытъ Исторіи Харьковскаго университета» въ «Ученыхъ Запискахъ» названнаго университета 1895, кн. 2. Лѣтопись Харьк. унив., стр. 1—2; 1896 г. кн. 2. Лѣтопись, стр. 22, кн. 3, тамъ же, стр. 49; 1902 г., кн. 1; тамъ же, стр. 45—47.

„глаголъ есть слово по превосходству, выражающее дѣйствіе въ подлежащемъ, или просто состояніе, въ которомъ оно находится“.

Общіе лингвистическіе взгляды автора стоятъ на много ниже тогдашняго уровня науки и отдаютъ началомъ XVIII вѣка. „Касательно образованія языковъ“ П. де С. „почитаетъ вѣроятнѣйшимъ“ нижеслѣдующее мнѣніе, хотя и затрудняется высказать его категорически: „...*всѣ языки*... съ самаго начала міра заимствовали одни отъ другихъ множество словъ или выраженій, которымъ народы дали новыя формы, новыя окончанія, различныя отъ прежнихъ, бывшихъ ихъ началомъ; новыя слова, примѣненныя къ новымъ ихъ открытіямъ и такимъ образомъ произошло сочиненіе совершенно новое, которое составило смѣсь частей столь разнородныхъ и столь различныхъ между собою, что древніе народы, воставши теперь изъ гробовъ своихъ, съ трудомъ могли бъ узнать въ сихъ новыхъ нарѣчіяхъ, разпространенныхъ по всему земному шару, то, что имъ собственно принадлежитъ.

Но ежели кто хочетъ пріобрѣсти основательное знаніе происхожденія словъ, то древніе языки Греческій, Латинскій, Цельтическій, Тевтоническій, Славянскій служатъ необходимымъ ключемъ всѣмъ литтераторамъ и ученымъ Филологамъ тѣхъ народовъ, нарѣчія которыхъ наиболѣе, по видимому, сближаются съ какимъ нибудь изъ сихъ древнихъ языковъ, т. е. корнемъ, откуда они ведутъ свое начало (стр. 133)“.

Невѣжество автора сказывается особенно въ его представленіяхъ о существующихъ языкахъ. Къ славянскимъ языкамъ онъ относитъ только „россійскій, польскій, богемскій, иллирійскій и другіе“, которые „нынѣ столько же полезны, сколько пріятны и сладкозвучны“ (стр. 125). „Древними полезнѣйшими языками“ онъ считаетъ еврейскій, санскритскій, китайскій, арабскій, персидскій, греческій и латинскій (стр. 129). О санскритѣ онъ имѣлъ также лишь очень смутное представленіе (см. ниже, въ слѣдующемъ отдѣлѣ б) этой главы). Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ древними или первоначальными языками лишь языки еврейскій, греческій, латинскій, славянскій, тевтоническій (!), татарскій или скиоскій (!), тосканскій (?!) и цельтическій (стр. 131). Отъ этихъ языковъ произошли разные вторичные и позднѣйшіе языки: „Еврейскій далъ начало Арабскому, Халдейскому и Сирійскому (!). Латинскій и Тосканскій (!) произвели Французскій, Итальянскій, Испанскій и Португальскій... отъ Тевтоническаго (!) родились новой Нѣмецкій, Англинскій, Фламандскій или (!) Голландскій и Шведскій... Скиоскій или Татарскій былъ корнемъ языковъ: Турецкаго, Абиссинскаго (!), Еѳіопскаго (!) и Сармаканскаго (?!)“.

Приведенные образчики достаточно ярко говорятъ о достоинствѣ этого *профессорскаго* труда, возникшаго у насъ уже послѣ появленія въ свѣтъ на западѣ первыхъ работъ Боппа, Я. Гримма и В. ф. Гумбольдта или одновременно съ нѣкоторыми изъ нихъ. Книжка Паки де Совиньи была послѣдней въ ряду нашихъ „философскихъ“ грамматикъ, послѣднимъ чахлымъ и худосочнымъ отпрыскомъ всеобще-грамматическаго направленія, разцвѣтшаго на западѣ главнымъ образомъ во второй половинѣ XVIII вѣка, но дошедшаго до насъ, какъ всегда, съ значительнымъ опозданіемъ. У насъ это направленіе не могло найти для себя благопріятной почвы. Философская мысль еще дремала и, съ поворотомъ въ сторону реакціи во второй половинѣ царствованія Александра I, почти совсѣмъ замерла. Слѣды такого неблагопріятнаго поворота можно найти и въ занимающей насъ области. Въ то время, какъ Модрю, Язвицкій и даже діаконъ Орловъ, писавшіе до 1810 г., болѣе или менѣе категорически признаютъ языкъ созданіемъ, или постепеннымъ пріобрѣтеніемъ человѣка, позднѣйшіе авторы разныхъ обще-грамматическихъ разсужденій (Гульяновъ, Глаголевъ) придерживаются теоріи о непосредственно божественномъ происхожденіи языка и т. д. Не удивительно, если наша обще-грамматическая литература первой четверти XIX в., какъ можно было убѣдиться выше, представляетъ лишь блѣдныя компиляціи и отголоски, а то такъ и простые переводы произведеній соотвѣтствующей западно-европейской литературы, притомъ устарѣлыхъ (Де Броссъ, Морелле) или дилеттантскихъ и ничѣмъ не выдающихся (Пужанъ, де Местръ). Рядомъ находимъ и такіе курьезы, какъ разсужденія Рослякова, XX, отчасти діакона Орлова и Гонорскаго. Единственное болѣе замѣтное явленіе въ этой области— „Всеобщая грамматика“ Якоба, принадлежала нѣмецкому ученому, лишь временно состоявшему на русской службѣ, да и та была у насъ признана „сочиненіемъ праздноумственнымъ и безплоднымъ“ и изъята изъ употребленія въ качествѣ учебника.

б) Индійская филологія и сравнительное языкознаніе въ первой четверти XIX в.

Въ началѣ XIX в. къ намъ начинаютъ проникать болѣе подробныя, хотя все еще довольно смутныя свѣдѣнія о санскритѣ, другихъ индійскихъ языкахъ и индійской литературѣ. Къ самому началу XIX в. относится изданная въ Лондонѣ грамматика индустани [1]), авторомъ которой былъ нашъ индіанистъ-самоучка, Г. С. Лебедевъ (см. выше, стр. 504—505).

[1]) «A grammar of the pure and mixed dialects, spoken in all the eastern

Книга эта интересна, какъ первый печатный трудъ русскаго автора, основанный на самостоятельномъ изученіи одного изъ новоиндійскихъ языковъ. Начало предисловія (стр. I) содержитъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для характеристики самого автора, принадлежащаго къ числу довольно неожиданныхъ и отнюдь не дюжинныхъ личностей, выдвинутыхъ русскимъ обществомъ конца XVIII в. По его словамъ, его привлекло въ Индію естественное стремленіе человѣческаго духа узнать міръ также хорошо, какъ и свою родину. При этомъ онъ нашелъ, что „природа не ограничиваетъ своихъ наставленій какой нибудь отдѣльной страной или классомъ людей, но развертываетъ свои сокровища съ самой высокой цѣлью, а именно для общаго блага всего человѣческаго рода; она открываетъ широкій видъ за горизонтомъ этого міра и расширяетъ область нашего познанія". Въ разысканіяхъ этого рода научились самые замѣчательные люди всѣхъ странъ и временъ уважать истину природы и „приближаться къ ея священному мѣстопребыванію съ благоговѣйнымъ чувствомъ". Движимый желаніемъ принести посильную пользу, нашъ авторъ предпринялъ и свои занятія индійскими языками и литературой, первымъ плодомъ которыхъ и была разсматриваемая книга.

Старанія автора по прибытіи въ Индію найти такого переводчика, „который могъ бы научно объяснить санскритскій (Shamscrit) алфавитъ, употребляемый для бенгальскаго языка и иначе называемый *пракритъ* (!) или *бхаша* (Bhadsha!)", сначала были тщетны. На помощь со стороны „испорченныхъ грамматикъ индійскихъ діалек-

---

countries, Methodically arranged at Calcutta, according to the Brahmenian System, of the Shamscrit language. Comprehending literal explanation of the compound words, and circumlocutory phrases, necessary for the attainment of the idiom of that language etc. Calculated for the Use of Europeans. With remarks on the error in former grammars and dialogues of the Mixed dialects called Moorish or Moors, written by different Europeans; together with a recitation of the assertions of Sir William Jones, respecting the Shamscrit Alphabet; and several specimens of Oriental Poetry, published in the Asiatic Researches (съ индійскимъ четверостишіемъ—эпиграфомъ: «Shoono anondit, Raja Kohila tahare; beia-Koran odie Kabbeo shongito nirnoy и т. д. Bedde Shoondor, Vol. I. Shrie Chondro Riy.). By Herasim Lebedeff. London: Printed by J. S. Kirven, Ratcliff-highway; for, and sold by the author, № 3, Warwick-place, Bedford-row; and by Mr. Deberett, bookseller, Piccadilly. 1801». 4°, 2 ненум. листа (заглавіе и посвященіе to the honorable the east India company) + XXIII (автобіограф. введеніе и предисловіе) + 2 л. ненум. (оглавленіе, errata) + 86 стр. (сама грамматика: «A grammar of the mixed indian dialects: erroneously called Moorish, or Moors»; стр. 2—63 и разговоры—стр. 65—86). Объ этой грамматикѣ и ея авторѣ см. также Аделунга «Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde etc.» т. I. Берлинъ 1806, стр. 184—86.

товъ, писанныхъ европейцами и озаглавленныхъ безъ различія грамматиками *индостанскаго* языка", онъ также не могъ разсчитывать (стр. III). Въ концѣ концовъ учитель, однако, нашелся (см. выше, стр. 505), и Лебедевъ, сдѣлавъ подъ его руководствомъ значительные успѣхи, перевелъ „словарь индійскихъ смѣшанныхъ діалектовъ и бенгальскаго языка [1]) и составилъ нѣсколько разговоровъ объ обыденныхъ и научныхъ предметахъ; тѣ и другіе на бенгали и на „смѣшанныхъ діалектахъ". Чтобы лучше опредѣлить разницу между ними, онъ „отмѣтилъ тѣ діалекты, которые давали отличить свой корень и отпрыски, и нашелъ при этомъ, что смѣшанные индійскіе діалекты несомнѣнно обязаны своимъ происхожденіемъ болѣе двумъ первоначальнымъ вѣтвямъ—бенгальскому языку и шамскриту, иначе Дебъ или Дебъ Нагоръ (*деванагари*!), чѣмъ языку какихъ либо другихъ областей" (стр. V—VI).

Ниже (стр. IX—X) Лебедевъ указываетъ, что индійская литература стала уже предметомъ трудолюбивыхъ и остроумныхъ изслѣдованій и привлекла вниманіе многихъ ученыхъ. Но ни одинъ изъ нихъ не далъ „правильной системы шамскритской азбуки, или (!) грамматики смѣшанныхъ діалектовъ, изъ которыхъ мы могли бы получить сколько нибудь сносное знаніе восточныхъ языковъ". По его словамъ, это объясняется недостаточнымъ знаніемъ англійскаго языка индійскими пандитами, которые поэтому не могутъ объяснить какъ слѣдуетъ особенности санскритскаго языка. Соглашаясь съ В. Джонсомъ, находившимъ („Asiatic Researches", т. I, стр. 13), что англійская азбука и ороографія несовершенны до смѣшного и совсѣмъ не пригодны для передачи индійскихъ, персидскихъ или арабскихъ словъ, Лебедевъ замѣчаетъ, что ему, какъ русскому, было особенно легко „усвоить звуковое значеніе и силу шамскритскихъ знаковъ и т. п., благодаря ихъ сходству со звуками (!) азбуки его родной страны—Россіи", и выражаетъ увѣренность, что нѣтъ другой азбуки, которая обнаруживала бы больше сходства съ индійской, чѣмъ русская.

Далѣе Лебедевъ указываетъ на недостатки трудовъ его предшественниковъ и современниковъ въ данной области и полемизируетъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Признавая ихъ старанія, заслуживающія высшей похвалы, и считая верхомъ самонадѣянности „присвоить себѣ единственное право судить о предметѣ, столь

[1]) Рукопись этого словаря, вмѣстѣ съ другими рукописями Лебедева (въ томъ числѣ, очевидно, и разсматриваемой его грамматики) принадлежала въ 80-хъ гг. истекшаго столѣтія кн. П. П. Вяземскому (см. «Историч. Вѣстникъ» 1880 г. ноябрь, стр. 515—516, прим.).

темномъ и мало извѣстномъ, притомъ въ языкѣ, столь далекомъ отъ его родного языка", Лебедевъ считаетъ своимъ долгомъ передъ потомствомъ указать и провѣрить ошибочныя утвержденія своихъ предшественниковъ, „которыя до сихъ поръ доставляли изслѣдователямъ индійской литературы болѣе затрудненій, чѣмъ точныхъ свѣдѣній". Поэтому онъ старался прослѣдить до самаго источника „безчисленныя ошибки", открытыя имъ въ индійскихъ грамматикахъ, обнародованныхъ раньше его руководства, и указаніемъ на нихъ предостеречь отъ нихъ, насколько это было возможно (стр. XI—XII).

Ниже приводятся примѣры такихъ ошибокъ у Фергюсона въ его „Hindostan grammar" и у Гедли (Hadley), автора „Grammatical Remarks on the Indostan language" и „Familiar Phrases and Practical dialogues". Кромѣ того, Лебедевъ полемизируетъ и съ В. Джонсомъ, упрекая его въ невѣжествѣ и незнаніи туземной „системы индійской азбуки", вслѣдствіе чего „описаніе индійской азбуки" у Джонса сильно отличается отъ настоящей брахманской системы. Въ подтвержденіе своего приговора Лебедевъ приводитъ примѣры якобы ошибочной транскрипціи санскритскаго текста у Джонса, которые въ огромномъ большинствѣ случаевъ объясняется разницей между новымъ, туземнымъ произношеніемъ санскрита, принятымъ Лебедевымъ, и условно-архаичнымъ, проведеннымъ у Джонса въ его транскрипціи и почти тожественнымъ съ нынѣ общепринятымъ (стр. XVIII и сл.).

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ этой книги, Лебедевъ вернулся въ Россію (1802 г.) и былъ опредѣленъ переводчикомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. На средства, полученныя изъ казны [1]), онъ открылъ типографію, въ которой впервые, не только у насъ, но и вообще въ Европѣ, былъ имъ отлитъ санскритскій шрифтъ (типа бенгали), нашедшій себѣ примѣненіе въ выпущенной имъ въ 1805 г. книгѣ: „Безпристрастное созерцаніе системъ восточной Индіи брамгеновъ, Священныхъ обрядовъ ихъ и народныхъ обычаевъ, Всеавгустѣйшему Монарху Посвященное. по Высочайшей волѣ Его Императорскаго Величества напечатано въ Санктпетербургѣ. Въ типографіи Герасима Лѣбедева. 1805 года" (4°; 8 ненум. + X + 2 ненум. + 173 + 1 ненум. стр.).

---

[1]) Лебедевъ пользовался покровительствомъ высокихъ особъ, какъ это видно изъ его посвященія къ цитируемой книгѣ, сообщающаго, что Павелъ I. «съ восхитительнымъ для вѣрноподданнаго Монаршимъ благоволеніемъ, ободривъ его предпріятія къ списканію общеполезныхъ свѣдѣній, Всемилостивѣйше соизволилъ руководствовать его достойнымъ Величества своего предначертаніемъ до самой Восточной Индіи» (посвященіе къ «Безпристрастному созерцанію и т. д.» стр. 2).

По своему содержанію книга эта, дающая обзоръ религіозныхъ и космографическихъ ученій индусовъ, индійскаго календаря и нѣкоторыхъ этнографическихъ данныхъ (культъ, народные обычаи и т. д.), не имѣетъ ближайшаго отношенія къ языкознанію [1]), но тѣмъ не менѣе свидѣтельствуетъ о степени знакомства Лебедева съ санскритомъ. Передача санскритскихъ словъ въ русской транскрипціи носитъ у него всегда отпечатокъ туземнаго (бенгальскаго) традиціоннаго произношенія.

Санскритъ называется вездѣ *шомскритъ*, *шомскритскій* языкъ, пандиты—*пондиты* (стр. IV); названія ведъ приводятся въ такомъ видѣ: *Шомо бедъ* или *Шомъ бедъ* (Самаведа), *Чъочъуръ бедъ* (Яджурведа), *Ритъ*, или „народно" *Рикъ бедъ*, *Оторбо бедъ*, „народно" *Утторъ* или *Отторъ бедъ* (Атхарва-веда), пураны—*пуранеръ*, сборники законовъ (*шастра*)—въ ед. ч. *шаштра*, а въ множ. *шаштрореръ* и т. д. Кромѣ того въ текстѣ находимъ цѣлый рядъ санскритскихъ словъ (около 150), напечатанныхъ подвижными, нарочно для этого отлитыми знаками бенгальскаго деванагари, какъ было уже сказано,—первый случай этого рода не только у насъ въ Россіи, но и въ Европѣ вообще [2]).

---

[1]) Въ семи главахъ первой части: «о источникахъ брамгенскихъ просвѣщеній, основанныхъ на откровеніи въ вѣкъ первый лунный» и т. д. трактуется «о сотвореніи міра сего; о святѣй единосущнѣй и нераздѣльнѣй Троицѣ; объ Ангелахъ Индійцами разнопознаваемыхъ; о свѣтилахъ небесныхъ, первоначальнаго луннаго вѣка; о сотвореніи всей земной твари; о начальномъ счисленіи времени у Индійцовъ и о четырехъ Индійскихъ вѣкахъ». Вторая часть—«о источникахъ индійскихъ познаній почерпаемыхъ изъ природы въ первоначальный вѣкъ солнечный» и т. д. содержитъ пять главъ: «о раздѣленіи царствъ природы; о раздѣленіи свѣта сего на планеты и градусы; о свѣтилахъ небесныхъ первоначальнаго солнечнаго вѣка; о мѣсяцахъ и знакахъ къ онымъ принадлежащихъ и о шести разныхъ временахъ годичныхъ; о ключѣ и чертежахъ табелей Индійскаго календаря». Третья часть «о священныхъ брамгенскихъ обрядахъ и народныхъ обычаяхъ» содержитъ семь главъ: «о священныхъ брамгенскихъ обрядахъ; о храмахъ и украшеніяхъ къ онымъ принадлежащихъ; о главныхъ праздникахъ индійскихъ; о разности чиновъ и званій индійскаго народа (о кастахъ); о правахъ и обычаяхъ индійцовъ; о изобиліяхъ Восточной Индіи; о торговлѣ индійской.

[2]) Первымъ европейцемъ, вырѣзавшимъ и отлившимъ индійскій шрифтъ, считается обыкновенно Ч. Вилькинсъ (1749—1836), санскритская грамматика котораго была издана въ Лондонѣ только въ 1808 г., вслѣдствіе пожара, разрушившаго его типографію. Въ Индіи Вилькинсъ отливалъ бенгальскій шрифтъ еще въ 70-хъ гг. XVIII в. для изданной имъ въ 1778 г. бенгальской грамматики Halhed'a. Здѣсь кстати исправить ошибку Мурко, утверждающаго въ своей статьѣ: «Prvi usporedjivači sanskrita sa slovenskim jezicima» («Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti». Кн. 132. Разрядъ историко-филологическихъ и юридич. наукъ. XLVIII. Загребъ 1897. Стр. 107), что первая сан-

Въ „предувѣдомленіи" къ своей книгѣ Лебедевъ говоритъ о важности изученія Индіи не только въ виду ея природныхъ богатствъ, но и потому, что она „есть та первенствующая часть свѣта, изъ которой по свидѣтельству разныхъ бытописателей, родъ человѣческій по лицу его земнаго круга разсѣлялся; и которыя національный *Шомскритскій* языкъ, не довольно со многими Азіатскими, но и съ Европейскими языками имѣетъ весьма оцитительное въ правилахъ сближеніе". Неожиданное доказательство этого взгляда на Индію, какъ прародину человѣчества, высказаннаго за три года до Фр. ф. Шлегеля („Ueber die Sprache und Weisheit der Indier" 1808 г. Кн. III, гл. III, стр. 173 и сл.), Лебедевъ находитъ, „кромѣ другихъ премногихъ историковъ", у Ломоносова, Палласа и Агафонова [1]). Первый въ „краткой о Россахъ исторіи" объявляетъ, что „прародители Славенскіе *Сарматы*, Амазоны, Варяги, Россы, или Россоланы, и другіе разные народы, происхожденіе свое имѣютъ изъ Азіи, и составляютъ одинъ разсѣянный народъ". Въ подтвержденіе этого мнѣнія Ломоносова, Лебедевъ указываетъ, что „на Индійскомъ (?) языкѣ тѣ же самыя именованіи выговариваются *Шоръ-мата*, (Россійскіе жители), *Амар-чъоны* (мое стяжаніе), *Бара-гей*, или *Баръ-гей* (Восточный народъ), *Россъ-нами* (сыны свѣта)". Что до Палласа, то онъ въ своемъ „путешественномъ изданіи показываетъ великое сходство *Манжурскихъ* или *Китайскихъ* божествъ, съ изображеніями божествъ Индійскихъ", объясняющееся, конечно, индійскимъ происхожденіемъ буддизма, но толкуемое Лебедевымъ въ пользу своего мнѣнія. Агафоновъ-же, „въ переведенной имъ на Россійскій языкъ Манжурскаго и Китайскаго *Шунь-джи Хана* книгѣ о законахъ, представляетъ множество словъ *Шомскритскаго* языка" („Предувѣдомленіе", стр. I).

скритская типографія въ славянскихъ земляхъ была основана польскимъ ученымъ Валент. Маевскимъ, авторомъ труда «O słowianach i ich pobratymcach» (Варшава, 1816). Какъ видно изъ вышеизложеннаго, Лебедевъ опередилъ Вилькинса на три года, а Маевскаго на цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ. Во Франціи сначала санскритскіе тексты печатались съ гравированныхъ мѣдныхъ досокъ. Такъ изданъ былъ первымъ профессоромъ санскрита въ Collége de France, Шези, эпизодъ изъ Магабхараты «Yadjnadatta-Badha» (Парижъ. 1814). Только послѣ этого изданія французское правительство заказало для королевской типографіи индійскій шрифтъ деванагари. См. рецензію А. В. фонъ-Шлегеля на означенное изданіе Шези и его же вступительную лекцію въ открытый имъ курсъ санскрита въ Collége de France („Heidelbergische Jahrbücher der Litteratur» 1815 г. № 56. Стр. 881—93=A. W. von Schlegel, «Sämmtliche Werke». Лейпцигъ 1847, т. XII. Стр. 427—38).

[1]) А. С. Агафоновъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ синологовъ, воспитанникъ тобольской семинаріи, въ 1769 студентъ пекинской миссіи, 1780—переводчикъ въ Кяхтѣ, † 1794 г.